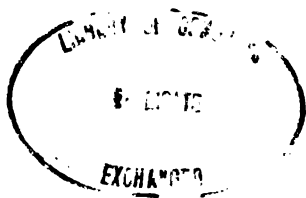

СОВРЕМЕНИКЪ

СОВРЕМЕНИКЪ

8474

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ СЪ 1847 ГОДА П. ПАНФЕЛОВЪ И П. ПЕРАСОВЫМЪ

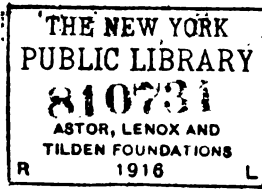
— *май*
ТОМЪ XLV
—

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФІИ ВДУРАА ПРАЦА

=
1854

24

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,
с тем, чтобы напечатание представлено было в Ценсурный Комитетъ узаконенное число
экземпляровъ. Санктпетербургъ, апрѣля 23 дня 1854 года.

Ценсоръ *В. Бенетовъ.*

Опять народные витія....

... Опять, шума, поднялись вы!

Что́ это? вызовъ ли надменный,
На битву ль бѣшенный призывъ,
Иль голось зависти презрѣнный,
Безсилья злобнаго порывъ?

Да! хитрой зависти эхидна
Васъ пожираетъ. Вамъ завидна
Величья нашего зоря,
Вамъ солнца Божьяго не видно
За солнцемъ Русскаго Царя!

Но честь Россіи невредима
И вамъ, смѣясь, внимаеть свѣтъ...
Такъ въ дни воинственные Рима,
Во дни торжественныхъ побѣдъ,
Когда триумфомъ шель Фабрицій
И раздавался по столицѣ
Восторга благодарный кликъ —
Одинъ — за свѣтлой колесницей
Бѣжалъ наемный клеветникъ!

М. ЛЕРМОНТОВЪ. (*)

(*) Стихотвореніе это, найденное въ бумагахъ покойнаго поэта, доставлено было намъ, вмѣстѣ съ другими, Л. И. Арнольди.

Еще весны душистой нѣга
Къ намъ не успѣла низойти,
Еще овраги полны снѣга,
Еще зарей гремитъ телѣга
На замороженномъ пути.

Едва лишь въ полдень солнце грѣеть,
Краснѣетъ липа въ высотѣ,
Сквозя, березникъ чуть желтѣетъ,
И соловей еще не смѣетъ
Запѣть въ смородинномъ кустѣ.

Но возрожденя вѣсть живая
Ужь есть въ пролетныхъ журавляхъ,
И ихъ глазами провожая,
Стоитъ красавица степная
Съ румянцемъ сизымъ на щекахъ.

А. ФЕТЪ.

БѢДНАЯ ДѢВУШКА.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Представьте себѣ озеро длинное и узкое, расположенное на мѣстности неправильно взволнованной небольшими возвышеніями. Всѣ они изгибаются, округляются по разнымъ направле-ніямъ: нѣтъ ничего рѣзко оконченнаго. Одинъ берегъ едва-едва возвышается надъ горизонтомъ воды; другой — стоитъ почти въ уровень съ нимъ, примыкая къ обширному и топкому болоту, поросшему вѣчно малорослымъ и тощимъ кустарникомъ. Далеко окрестности озера не представляютъ ничего, на чемъ бы можно было остановить утомленный однообразіемъ взоръ: ни темной синею лѣсовъ, ни рѣзкихъ тѣней, ни яркой зелени озимей и луговъ, раскинутыхъ мягкими, гладкими коврами. За синевато-зеленымъ болотомъ холмики и лощинки, покрытые пыльно-зеле-ною полузасохшею травою, рѣдко торчащую изъ сѣровато-жел-таго грунта, сѣрые мелкіе булыжники, въ страшномъ количе-ствѣ разсыпанные по всей мѣстности, перекрещенной по раз-нымъ направленіямъ совершенно бесполезными изгородами. Кое-гдѣ между дымящимися селеніями разбѣяны полумертвые

кусты, которые издали кажутся скорѣе коричневыми, нежели зелеными, такъ рѣдко висятъ на тощихъ, искривленныхъ сучьяхъ зеленовато-желтые листики.

Ни рѣзкихъ переходовъ, ни полноты, ни оконченности рѣшительно не представляетъ весьма ограниченное неживописными возвышеніями видимое пространство. А между тѣмъ вода, считающаяся главнымъ украшеніемъ всякой мѣстности, встрѣчается безпрестанно. Но эти озера лежатъ въ такихъ жалкихъ, пустыхъ и некрасивыхъ берегахъ, что, глядя на нихъ, становится на душѣ какъ-то тяжело и досадно. Какъ будто эти водныя массы стянули въ себя всю влагу, всѣ жизненные соки страны и потому лишили ее растительности. Изрѣдка какими-то черными пятнами являются взору на горизонтѣ маленькія рощи, по странному случаю уцѣлѣвшія отъ истребленныхъ лѣсовъ. Даже небо, стоящее надъ этою жалкою мѣстностью, имѣетъ цвѣтъ не то синій, не то голубой, а какой-то неопредѣленный, пожалуй, похожій на жидкое снятое молоко, или на глаза, которые, по спиходительности, называютъ голубовато-сѣрыми. Безцвѣтность, нерѣшительность, бѣдность природы должны необходимо имѣть вліяніе на вышнее и внутреннее развитіе жизненныхъ силъ въ человѣкѣ, живущемъ посреди этой мѣстности. Это вліяніе простирается даже на животныхъ. Временаго пришельца изъ стороны другой жалкая природа томить, гнететъ и подавляетъ въ немъ энергію воли.

Такъ жители этого края мелки, тощи, не сильны, не красивы и не предприимчивы; они работаютъ, ходятъ, говорятъ какъ будто нехотя и какъ будто ихъ заставляютъ насильно. Лица у нихъ какія-то безцвѣтныя, вялыя, печальныя; одежда безобразная, неудобная и связывающая свободу движеній.

Берегъ, противоположный болоту, едва замѣтно подымается отъ озера къ пустымъ полямъ. Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ воды идетъ грязная и выстѣ каменная дорога.

За дорогой, въ разныхъ разстояніяхъ по берегу, разбросаны группами безобразныя старыя строенія. Это не крестьянскія избы и не порядочные домики, а такъ что-то среднее между тѣмъ и другимъ.

Первенствующее по величинѣ строеніе каждой группы имѣетъ видъ длиннаго и низкаго сарая, сложеннаго изъ мелкихъ бревенъ. Вътхій остовъ крыши, съ перегнутымъ отъ старости хреб-

томъ, прикрытъ въ безпорядкѣ полусгнившими дранцами, изъ которыхъ торчатъ по двумъ краямъ красныя закептылыя трубы. Углы домовъ неровно осыли; кое-гдѣ бревна ввалились или выпятились изъ стѣны. Синевато-слядистыя маленькія окна несмѣло глядятъ въ толстыхъ и широкихъ косякахъ.

Гдѣ фасады этихъ отдѣльныхъ строеній — опредѣлить трудно. Одно смотритъ на озеро, другое — въ поле, третье — какъ-то въ бокъ. У одного болѣе половины воображаемаго фасада закрыто досчатою пристройкою, въ которой заключается дѣствинца, ведущая въ домъ, и по бокамъ ея два чулана. По обѣимъ сторонамъ пристройки, на томъ же самомъ фасадѣ, пріютившись къ угламъ дома, прорублено по одному окошку изъ нарядныхъ комнатъ на озеро.

Въ другомъ домѣ весь фасадъ на озеро представляетъ кривой рядъ неправильныхъ оконъ съ различными рамными переплетами; крыльцо какъ-то неловко прилѣплено съ боку. Однимъ словомъ, каждое изъ этихъ строеній имѣетъ свою особенность.

Около главныхъ домовъ стоятъ въ разнообразныхъ положеніяхъ хлѣвы и амбарушки; въ иной группѣ находится еще избенка съ трубой и окнами. Но ни одна группа отдѣльныхъ строеній, находящихся въ довольно большемъ другъ отъ друга разстояніи, ложащемъ до двухъ-сотъ сажень, не окружена заборомъ или хотя частоколомъ, что могло бы придать строеніямъ хоть сколько нибудь пріютливый видъ. Они кажутся какими-то неблагообразными наростами на безъ того уже некрасивой мѣстности. Ни садики, ни отдѣльныя деревья не прикрываютъ собою ихъ печальную наготу!

Эти домики, разбросанные по берегу озера, составляютъ селеніе мелкихъ и бѣдныхъ однодворцевъ, жители котораго почти исключительно состоятъ изъ нихъ.

Все, что имѣютъ они, состоитъ изъ нѣсколькихъ десятинъ неплодородной земли и изъ одного, двухъ, трехъ и очень уже рѣдко если изъ десяти крестьянскихъ семействъ. Есть и такіе, у которыхъ всего одна дѣвка или одинъ человѣкъ.

То, что собираютъ они съ полей хлѣба, едва достаточно для того, чтобы прокормиться. Иные же, безъ помощи окрестныхъ и зжиточнѣйшихъ помѣщиковъ, не могли бы и прожить. Воспитаніе ихъ такъ же бѣдно, какъ и средства къ нему. Едва умѣютъ они читать и писать; большая часть женщинъ знаетъ только

подписывать свое имя. Въ лѣтнюю пору, когда полевая работа въ самомъ разгарѣ, они сами помогаютъ въ нихъ своимъ крестьянамъ. Замѣчательно то, что если у нихъ есть хоть двое мужиковъ, то одинъ все-таки непременно и прикащикъ и староста. Крестьяне помѣщиковъ, у которыхъ не болѣе двухъ или трехъ душъ, живутъ въ однихъ домахъ съ господами, въ половинѣ, отдѣленной темными сѣнями. Въ каждомъ домѣ помѣщается отдѣльное семейство. Каждое изъ этихъ семействъ, очень часто находящихся въ родствѣ, состоитъ подъ покровительствомъ того или другого изъ богатыхъ сосѣдей.

Со стороны глядя на жалкую жизнь, которую ведутъ эти бѣдные люди — на жизнь, исполненную всевозможныхъ лишений и нуждъ, невольно ощутишь въ душѣ неприятно стѣсняющее чувство. Лѣтомъ: въ маленькихъ, низенькихъ комнатахъ, на привѣкѣ солнечною, въ страшной духотѣ и тѣсотѣ или въ полѣ за трудными работами. Отдохнуть, прилечь гдѣ нибудь подъ тѣнью, подышать свѣжимъ воздухомъ рѣшительно негдѣ: поневолѣ сидишь дома!

А зимой?

Предъ окнами бѣлѣтся покрытое снѣгомъ озеро. Даль не представляетъ необозримой снѣжной поляны, въ которой все-таки есть что-то говорящее — нѣтъ!... Взволнованныя поля неровно покрыты снѣгомъ; лощины страшно занесены имъ, между тѣмъ какъ глинистыя вершины холмиковъ обнажены. Вездѣ торчатъ засохшія кривыя прутья жалкихъ кустовъ и какъ-то не соответствуютъ величественному, хотя и печальному, однообразію зимней картины.

А въ селеніи? Со всѣхъ сторонъ дома занесены снѣгомъ до половины замерзшихъ оконъ. Проходить въ сѣни было бы невозможно, если бы не прорывали въ сугробахъ узкихъ проходовъ къ крыльцу.

Выѣхать не на чемъ и некуда. Днемъ въ комнатахъ жиденькихъ и дряхлыхъ домиковъ дымно и угарно отъ печей, дурно сдѣланныхъ; ночью сыро и холодно. Книгъ нѣтъ, да и читать нѣтъ ни охоты, ни умѣнья. Спать, лежать, охоты отъ застарѣлой болѣзни, пить жидкій и дрянной чай, гадать страшно засаленными картами предъ мрачно мерцающимъ, нагорѣвшимъ салынымъ огаркомъ, копать отъ котораго такъ и лѣзетъ въ носъ, — вотъ всѣ занятія, всѣ развлеченія! Грустная, грустная

жизнь въ этихъ домикахъ, въ которыхъ рождаются, растутъ и умираютъ цѣлыя поколѣнія однодворцевъ. Еще молодые мужчины гдѣ нибудь находятся на службѣ и отстаютъ отъ своей родины. А женщины.... дѣвушки?!...

Ночь. Темное ясное небо, усыпанное звѣздами, опирается на черную широкую полосу поднимающихся изъ за горизонта тучъ. Оттого даль, и безъ того ограниченная, становится еще тѣснѣе, еще мрачнѣе. Луна, лѣниво выходящая изъ за тучъ, едва разрѣзаетъ около себя густую синеву неба. Едва виднѣются черныя массы домовъ. Длиныя тѣни падаютъ отъ нихъ на посеребренную землю. Луиный свѣтъ отражается кое-гдѣ въ лужицахъ, образовавшихся на дорогахъ, и разстилается длинною рябьющей полосой на темной водѣ озера. Тихо журча, бѣгутъ ручьи въ дождевыхъ промывахъ по скату берега и, глухо шумя, впадаютъ въ озеро. Воздухъ свѣжъ и сыръ и пахнетъ весною. Холодный вѣтеръ дуетъ съ озера, скрипитъ въ худо притворенныхъ калиткахъ и дверяхъ и стучитъ распатавшимися щеколдами.

Всѣ спать въ домахъ. Улица пуста. Только усталыя и голодные лошади, цѣлый день бесполезно таскавшіяся за травой по голымъ и бесплоднымъ полямъ, неподвижно и понуривъ головы, стоятъ у воротъ въ тщетномъ ожиданіи того, что пустятъ хоть отдохнуть подъ крышею. Но въ одномъ изъ домиковъ, который былъ всѣхъ поновѣе, побольше и покрасивѣе, и который дальѣе всѣхъ отстоялъ отъ другихъ, должно быть не всѣ еще спали. Въ одномъ изъ оконъ фаса, выходящаго на озеро (а на этомъ фасѣ не было пристроекъ), видѣлся свѣтъ, который бѣлыми четырехугольниками падалъ на улицу. Кто бодрствуетъ въ такомъ позднюю пору? Кто не пользуется сномъ, единственно возможнымъ наслажденіемъ этого грустнаго селенія?

Посмотримъ въ комнату: у стола, приставленнаго къ окну, предъ нагорѣвшею свѣчкою сидитъ женщина, закрывъ лицо руками. Темныя волосы ея, приподнятые на вискахъ тонкими и маленькими пальцами, пышно обкладываютъ розовыя уши и, выпускаясь густыми волнами на граціозно выгнутую шею, заворачиваются къ верху, едва придерживаемые низко опустившимся гребнемъ. Она въ бѣлой кофточкѣ. Грудь и одно изъ чудно закругленныхъ плечъ, полуоткрыты. Руки, поддерживая голову, обнажены до локтей: они такъ бѣлы, такъ гладки, такъ

правильно изогнуты, что не устаете смотреть на них цѣлую весеннюю ночь!

Но вотъ она опускаетъ ихъ и складываетъ подбородка, открывая свѣжее лицо семнадцатилѣтней дѣвушки.....

И что за лицо выдѣляется въ этомъ грустномъ полуиракѣ комнаты!

Изъ подъ открытаго, бѣлаго и гладкаго, какъ мраморъ, лба грустно смотрятъ темные глаза. Широкіе вырѣзы ихъ по направлению къ вискамъ немного поднимаются кверху. Рѣсицы длинны такъ, что голубоватая тѣнь падаетъ отъ нихъ на свѣжія, слегка розовыя, округленныя щеки. Узенькія брови, мало закругляясь, идутъ отъ начала маленькаго, тонкаго и прямаго носика, прозрачныя розовыя ноздри котораго слегка приподняты. Небольшой ротъ, съ алыми, влажными губами, немного приподнятыми у концовъ кверху, иногда открывается какъ будто отъ внутренняго волненія и показываетъ два ряда бѣлыхъ, маленькихъ и ровныхъ зубовъ.

Полный подбородокъ, правильно изгибаясь кверху, сливается съ круглою гибкою шеєю, поддерживающею небольшую овальную головку. Эта дѣвушка въ полномъ разцвѣтѣ жизни. Нельзя безъ замиранія сердца слѣдить за всѣми ея граціозными, округленными движеніями, смотрѣть на младенческое выраженіе лица и на эту грудь, такъ свободно поднимающуюся подъ грубымъ полотною кофточкѣ. Но поглядимъ въ комнату: стѣны не оштукатурены и не оклеены обоями; пакля торчитъ между стесанными, пожелтѣвшими бревнами; у окна столъ, за которымъ сидитъ дѣвушка; полдюжины простенькихъ, выкрашенныхъ красною краскою стульевъ разиѣщены у стѣнъ. У одной изъ нихъ огромная безобразная печь съ лежанкой. Въ углу кровать съ плоской периной, двумя подушками и одѣломъ изъ четвероугольныхъ ситцевыхъ лоскутковъ; подлѣ кровати большой сундукъ съ висячимъ замкомъ, прикрытый коврикомъ. Надъ нимъ, завѣшенные простыней, висятъ два или три платья.

Какимъ же наконецъ образомъ сюда, въ эту сторону, въ это жалкое селеніе, въ эту бѣдную комнату попало существо, которое, очевидно, никакъ не могло такъ богато развиться здѣсь! Не для злой ли насмѣшки, не для рѣзкаго ли контраста заброшена она сюда судьбою? Въ самомъ дѣлѣ эта дѣвушка еще менавиля: обитательница унылой и бѣдной комнаты; горькій

случай привелъ ее сюда изъ другого, дурнаго положенія. На столѣ предъ ней лежитъ бумага, она пишетъ :

«Если бы ты могла знать, если бы ты могла только понять: такую ужасную, горькую жизнь я веду здѣсь, мой милый другъ, Надевка! Я одна, рѣшительно одна здѣсь между людьми совершенно мнѣ чуждыми по всему: и по образованію, и по понятіямъ, и по чувствамъ. Ты помнишь, что послѣднее время, вслѣдъ кончины твоей доброй матери, которую я привыкла считать в свою, я вѣдь и готовилась на жизнь незавидную, въ глуши, въ удивленіи. Я знала, что маменька очень бѣдна и потому готова была на лишенія, готова была трудиться. Но никогда и въ голову мнѣ не приходило; какого жалкаго сорта та жизнь здѣсь!...

«Нѣтъ не нужды, не лишенія, къ которымъ я не привыкла, отвращаютъ меня отъ такой жизни, но эти грубые слова, грубые понятія и чувства.... Правда; они не должны быть странны въ людяхъ, не получившихъ никакого образованія; смѣшно было бы и возмущаться, видя ихъ въ мужикахъ; но видѣть подобныя понятія и чувства постоянно вокругъ себя.... во всѣхъ.... во всѣхъ безъ исключенія: вотъ что ужасно; вотъ что невыносимо!...»

Дѣвушка вздрогнула, закрыла лицо руками и нѣсколько минутъ сидѣла неподвижно.

«Ты не повѣришь, какъ мнѣ сдѣлалось страшно и больно, когда я написала эти строки. Понимаешь ли ты, какъ ужасны, какъ безотрадны эти слова: *во всѣхъ безъ исключенія*? Поняла ли ты?... Мнѣ самой страшно. Но чтожь мнѣ дѣлать, когда это такъ, когда я это вижу и понимаю? Только, ради Бога, разорви это письмо, чтобы никогда и никому оно не попало.... Я готова сама уничтожить его; но.... Но съ кѣмъ же мнѣ наскопецъ поговорить, съ кѣмъ раздѣлить то, что несказанно тѣснитъ меня. И къ тому же мы были съ тобой всегда такъ откровенны и, прощаясь, обѣщали писать другъ къ другу обо всемъ.

«Когда я пріѣхала сюда—ты не повѣришь, съ какими обиднымъ любопытствомъ пришли сейчасъ всѣ здѣшніе сосѣди осматривать меня съ головы до ногъ. У меня кровь въ лицо такъ и бросалась. И нельзя сказать, чтобы добродетельно смотрѣли на меня изъ подлобья всѣ эти лица. Когда они ух-

«дали, я слышала у окошка, какъ они говорили: бѣлоручка!... толку немного будетъ изъ нея!...

«Они думаютъ, что я не могу работать. Всѣ здѣшніе жители состоятъ подъ патронажемъ кого нибудь изъ богатыхъ сосѣдей. Маменька — тоже, къ несчастію. На третій или четвертый день пріѣзда она повезла меня къ своимъ покровителямъ, приказавъ надѣть самое лучшее платье. Приняли меня довольно ласково; но шутовское обращеніе ихъ съ маменькой и ея поведеніе въ отношеніи къ нимъ просто выводили меня изъ себя. — Маменька цаловала хозяйку въ плечо, безпрестанно называла ее благодѣтельницей, просила полюбить меня; рассказывала въ какихъ отношеніяхъ была я къ Марьѣ Сергѣевнѣ и (какъ будто это большая рѣдкость) сообщила ей, что я умѣю говорить по французски!

«— Вотъ какъ! равнодушно сказала Проскудина.

«Не помню уже, какъ это случилось, что горничная принесла старое платье барыни, и барыня подарила его мнѣ. Я сконфузилась, покраснѣла и такъ мнѣ стало обидно, что я чуть не швырнула подарокъ. Разумѣется, это было бы грубо, потому что въ нашемъ положеніи я должна принимать все съ благодарностью; но маменька въ добавокъ поцаловала у ней руку и такъ нетихо шептала мнѣ, чтобы я сдѣлала то же и благодарила....

«Я встала и осталась неподвижна.

«— Очень рада, сказала хозяйка, отпуская насъ: — очень рада познакомиться съ вами, *mes chères*. Вы отпустите ее ко мнѣ, Анисья Ивановна, когда я за ней пришлю.

«Всю дорогу маменька серьезно меня упрекала и говорила: что я неучтивая и что нѣтъ во мнѣ чувства благодарности!

«Въ воскресенье, въ простой телегѣ на маленькой хромой лошади маменька повезла меня къ обѣднѣ. Тамъ представляла она меня всѣмъ окрестнымъ сосѣдямъ. Ты не повѣришь, какая это для меня была мука! Всѣ они говорили съ маменькой и со мной такимъ тономъ превосходства и покровительства, что я готова была выбѣжать. Я умоляла маменьку, чтобы она ни съ кѣмъ меня не знакомила и никому не представляла; но она съ досадой отвѣчала, что надо пріучаться завидовать расположеніе добрыхъ людей.

«Около насъ временно живутъ какіе-то молодые люди. Они пробьдомъ иногда заѣзжаютъ къ маменькѣ. Намедни пріѣхали сони и, кажется, немного удивились, увидѣвъ меня. Когда же узнали кто я такая, тотчасъ они заговорили со мной. Но въ разговорахъ ихъ было столько оскорбительной фамильярности и насмѣшливой учтивости, что я въ страшной досадѣ едва отвѣчала имъ и отвѣчала, кажется, довольно рѣзко. Съ маменькой сони шутили, заставляли ее гадать въ карты. Я замѣтила очень хорошо, что они надѣваются надъ нею, и мнѣ сдѣлалось такъ обидно, такъ горько, что я ушла въ другую комнату и сѣла у окна.

«— У васъ дочка-то прехорошенькая! Анисья Ивановна, говорили они насмѣшливымъ голосомъ: — только что это она все губки дуесть?

«Маменька отвѣчала, что я еще не привыкла, что я еще всѣхъ слычусь.... Что я обживусь!...

«Да и какъ не дичиться мнѣ всѣхъ и каждого, милая Надя, скажи, скажи пожалуйста? А обжиться! нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! «никогда, не дай Богъ!... Когда, напившись чаю, они уѣжали, я видѣла, какъ они дали маменькѣ денегъ и какъ она съ благодарностью приняла ихъ. Когда я это увидѣла, ты не можешь представить, какое злое, горькое чувство вспыхнуло у меня въ груди!... Еслибъ у меня въ первую минуту дыханіе не захватило отъ злости, еслибы у меня было пободѣ смѣлости и еслибы я не боялась съ ними вмѣстѣ оскорбить маменьку, — я не знаю, что бы я сдѣлала.... Я бы вырвала эти деньги, бросила бы ихъ подальше.... въ лицо....

«А между тѣмъ ни она, ни они не виноваты. Маменька привыкла и почти вынуждена поступать такъ; а они, видя нашу жизнь, не могутъ принимать и самыя мелкія одолженія бесплатно.

«Они вѣдь не могутъ же считать себя нашими гостями.

«Нѣтъ, ты видишь: не труды, не лишения мучаютъ меня и заставляютъ такъ говорить, а ужасное положеніе, въ которомъ мы должны сносить отъ всѣхъ такое унижительное обращеніе, да еще — и съ благодарностью!... Не знаю, что ждетъ меня въ будущемъ; но я убѣждена, что лучше дни и ночи буду сидѣть за какою нибудь работой, для своего существованія, нежели когда нибудь сама соглашусь на такое горькое униженіе....

«и видѣть, что этого униженія нисколько не понимаютъ, что чего спокойно, совершенно спокойно принимаютъ!...

«И какъ, ты думаешь, я провожу время? Большею частью дома, за работою, иногда хожу гулять — да и гулять негдѣ. «Вообрази не только, что вѣтъ садика, но и деревья, гдѣ бы посидѣть въ тѣни. А живутъ здѣсь помѣщики, я думаю, уже лѣтъ «полтораста!

«Предъ окнами только длинное противное озеро, съ пусты- «ми голыми берегами.

«Поминишь, когда я утѣжала ты меня утѣшала, описывая «красоты деревенской жизни, прогулки въ темныхъ рощахъ, «отрадное уединеніе... и это также разлетѣлось въ прахъ, какъ «и все, что я предполагала.

«И еще, еслибы меня оставил одну; а то безпрестанно кто «нибудъ приходитъ и говоритъ такія вещи, что мнѣ стыдно и «скучно.... Я большею частию молчу. Ни они моихъ, ни я ихъ «разговоровъ вонять не можемъ. Маменька говоритъ, что одни «изъ жителей нашего поселенія считаютъ меня гордою, другіе «— глупою, пускай!...

«Когда я бываю одна, то читаю книги, которыя вы мнѣ на- «давали. Но читаю ихъ съ страшною скупостью: не иѣсколку «страничекъ въ день. Это одно мнѣ оставшееся удовольствіе. «Теперь-то только я знаю цѣну вашего подарка, милыя мои!

«Не такъ я себя представляла бѣдность; мнѣ казалось, что «она должна быть почтеннѣе и гордѣе богатства, потому что «живетъ трудомъ. И на трудъ я готовилась и теперь готова. «Трудиться для маменьки, быть любимой и оцѣненной ею, какъ «Марьей Сергѣевной — вотъ чего я желала и чего ожидала безъ «страха и отвращенія. Но униженій такихъ я не ждала и къ «нимъ не готовилась, — да и никогда, никогда не пригото- «люсь.... Въ этомъ отношеніи тебѣ нечего будетъ стыдиться за «меня....

«Узнавъ изъ этого печальнаго письма, какую жизнь ведетъ «твоя Сочечка, неужели ты охладѣешь и будешь стыдиться «быть съ ней дружна по прежнему? Нѣтъ, я не думаю....»

«Вдругъ наша героиня положила перо и стала прислуши- «ваться.

«На улицѣ раздавался хриплый, дрожащій женскій голосъ. Ону «что-то пѣлъ, но что именно — разобрать было очень трудно,

Голосъ поравнялся съ окошкками и вѣтрице — проговорилъ скороговоркой, нежели прогѣлъ :

«Сладость помогать убогимъ,
Я впервые тогда вкусилъ».

Софья Николаевна (такъ звали нашу героиню) встала и пошла къ окну.

— Это опять Марья Петровна !

Послышался стукъ въ стекло :

— Сонечка, а Сонечка! ты не спишь? проговорилъ нетвердый голосъ.

— Нѣтъ, не сплю еще, Марья Петровна.

— Чтожь ты дѣлаешь?

— Да такъ сижу : сейчасъ лягу.

— Такъ сидить , такъ сидить ! говорилъ голосъ какъ будто про себя : — и ничего не дѣлаешь, Сонюшка ?

— Я писала письмо, отвѣчала съ нетерпѣнiемъ Софья Николаевна : — она опять, видно, была въ гостяхъ, несчастная! прибавила она въ полголоса.

— Марья Петровна ! продолжала она , отворивъ окно : — что это вы такъ поздно ходите по такой гризи ? вы бы шли домой.

— Развѣ такъ поздно?... Да , правда : я уже часа два ищу дома, да такая темнота, что никакъ найти не могу.... Вотъ къ тебѣ на свѣтъ набрела.... Темно, Сонюшка ? несвязно проговорила Марья Петровна.

— Пойдите, я васъ провожу, сказала Софья Николаевна.

Она подобрала косу, повязала голову маленькимъ платочкомъ , надѣла простенькiй бурнусъ и толстые башмаки , погасила свѣчу и вышла на улицу.

— Пойдемте, сказала она, полходя къ Марьѣ Петровнѣ.

Марья Петровна вздрогнула.

— Кто это ? вскричала она, испугавшись : — а это ты , Сонюшка!... Зачѣмъ ты вышла ?

— Я провожу васъ, Марья Петровна.

— Проводишь?... ну вотъ спасибо тебѣ , что бережешь старуху.

Онѣ пошли. Марья Петровна безпрестанно шаталась то въ ту, то въ другую сторону.

— Осторожице: тутъ лужа, говорила Софья Николаевна, заботливо придерживая несчастную старуху: — да что это, какъ вы дрожите? вы озябли... Да вы совсѣмъ мокрая! продолжала она съ невольнымъ отвращеніемъ.

— Видишь, я совсѣмъ слѣпа стала; въ лужу, что ли, какъ-то набрела и увала.... Нѣтъ, мнѣ тепло.... ничего.

У Софьи Николаевны мучительно сжалось сердце.

Нѣсколько минутъ слышалось только шлепанье ногъ, ступающихъ въ грязь.

— Не подумай, дитя мое, чтонибудь...., проговорила Марья Петровна.

И опять молчаніе.

Холодный вѣтеръ, продувавшій мѣрную старуху, мало по малу освѣжилъ ее.

Такъ прошли онѣ довольно большое пространство и остановились у маленькаго, совершенно темнаго домика.

— Ухъ, какъ я устала! сказала Марья Петровна и сѣла на крыльцо.

— Присядь на минутку, Сонюшка!

Софья Николаевна сѣла и перевела духъ.

— Да, я очень ослабѣла, Сонюшка! я тебѣ должна быть противна! заговорила вдругъ съ горькимъ плачемъ старуха.

— Нѣтъ, нѣтъ! перебила ее Софья Николаевна дасковымъ голосомъ.

— Какъ нѣтъ! Вѣдь я знаю, продолжала старуха.

Она на минуту замолчала.

— А вѣдь я была такъ же молода, какъ ты, хорошо воспитана, не дурна собою; но вотъ до какого положенія довели меня старость, бѣдность, одиночество и беспомощность!... Я всегда жила въ страшной нуждѣ; всѣ меня отталкивали, какъ и теперь.... И имъ была не компанія. Слова не съ кѣмъ было перекинуть!... Не лучше ли было умереть!... И вотъ теперь ты видишь, какъ сибьются надо мною. Да и можетъ ли ждать чегонибудь, кромѣ этого, брюзгливая и сѣдая старуха!... Мальчишки толкаютъ меня въ лужи, бросаютъ грязью въ лицо!... Тяжко мнѣ, тяжко, Сонюшка! говорила старуха съ глухимъ стenanіемъ: — одна ты какимъ-то ангеломъ мнѣ вдругъ явилась. Въ одной тебѣ проснулось сожалѣніе къ грязной старухѣ, которую всѣ презираютъ. Одна ты можешь понять, какъ я страдаю и отчего я

пала такой.... Вотъ второй разъ, какъ ты не погнушалась про-
сить меня.... Вотъ заметишь тебѣ!... Вотъ, продолжала Ма-
ря Петровна: — и всего у меня едва женшина да ея мужъ.
Сестерь ея на волю отпустила.... Думала, что сколько нибудь
будутъ беречь меня... Онѣ же все, что у меня было, съѣли, ко-
гда были маленькія; я за нихъ платила въ магазинѣ, чтобы ку-
сокъ хлѣба имъ доставить... теперь имъ хотъ отплатить бы мнѣ
и прокормить.... Много ли мнѣ нужно? А ты видишь, позабо-
тиса ли кто нибудь обо мнѣ. Посмотрятъ ли по крайней мѣрѣ
дома ли ихъ старая барышня? Нѣтъ!... Иногда всю ночь про-
иду гаѣ нибудь у изгороды, на мокрой землѣ....

Старуха не могла говорить болѣе. Рыданія захватили духъ
и становились все громче и громче.

Одно изъ оконъ дома открылось и грубый, заспанный го-
лосъ проворчалъ:

— У-у, по сію пору не улеглась.... Хотъ бы спать дала, по-
луночица!...

И окошко захлопнулось.

— Видишь, Сонюшка.... видишь ли какія заботы! начала
Марья Петровна: — но ты озябла, мой другъ. Иди домой съ
Богомъ... Я не смѣю поцаловать твою невинную головку... дай
мнѣ твою милую ручку!

И старуха начала искать руку Софьи Николаевны.

— Что вы, что вы, Марья Петровна! говорила, увертываясь,
дѣвушка.

Но Марья Петровна удалось какъ-то схватить ея руку. Она
срѣзко прижала ее къ губамъ и горячія слезы обильно зака-
пали на нее.

— Спасибо тебѣ, мой ангелъ, спасибо тебѣ! говорила ста-
руха: — вѣдь у тебя, Сонюшка, никто здѣсь не понимаетъ и не
считываетъ.... берегись!

Софья Николаевна сильно вздрогнула.

— Ничего, ничего.... я такъ.... я тебя понимаю, мое сер-
дце. Иди съ Богомъ.... спи спокойно.

И старуха продолжала цаловать ея руку. Потомъ она вста-
ла и скрылась въ дверяхъ дѣвочки.

Софья Николаевна подождала нѣсколько минутъ, пока все
утихло. Потомъ она быстро пошла домой. Рѣзкій вѣтеръ про-
дувалъ ее. Внутренній холодъ сообщалъ дрожь всѣмъ членамъ.

Глаза горѣли , сердце сильно билось , зубы стучали у бѣдной дѣвушки , которая почти бѣжала по грязной и темной улицѣ . У дома она остановилась на минуту , не вошла въ него , а сошла къ озеру и , усталая , измученная , сѣла на камень .

«Боже мой ! — думала она . — Боже мой ! Что со мной будетъ . Чтѣ дѣлать мнѣ ? Нѣтъ , я не могу такъ оставаться — бѣжать куда нибудь.... Вотъ одна , одна женщина , Марья Петровна.... она правду сказала : одна она въ состояннн понять меня . и въ какомъ ужасномъ она видѣ , въ какомъ страшномъ положеннн !... А она начинала такъ же , какъ и я , по крайней мѣрѣ очень похоже.... а чѣмъ кончается ?... Нѣтъ , нѣтъ , я не могу здѣсь оставаться !

Она закрыла лицо руками и горячія слезы , пробившись изъ глазъ , катились между ея пальцами . Долго сидѣла она съ нѣмою мольбою , глядя на небо .

А небо между тѣмъ все заволокло тучами и стало страшно темно . Начиналъ накрапывать дождь . Волны озера глухо шумѣли , ударяясь о песчаный берегъ . Текущіе подъ гору ручьи вторили имъ своимъ журчаніемъ .

Софья Николаевна пошла въ домъ .

Она дрожала и потому на силу могла зажечь свѣчу . Потомъ съ какою-то судорожною силою схватила перо и написала слѣдующія строки :

«Теперь первый часъ ночи . Я сейчасъ была участницей въ «страшной сценѣ . Я провожала домой старуху , которая при- «страстилась къ вину . Ты ужасаешься , читая эти слова ? Пишу «не для того , чтобы хвастать своею добродѣтелью , нѣтъ ! ты «меня знаешь , а для того , чтобы ты могла знать , среди какихъ «людей живу . Эта старуха вѣдь одна изъ нашихъ сосѣдокъ ! Я «тебѣ опишу наше первое съ нею знакомство .

«На второй или третій день моего прїѣзда , сидя у окошка , «я услышала смутный шумъ и смѣхъ на улицѣ . Я взглянула и «чтожъ увидала ? Посреди улицы шла эта старуха . Синее , «темное ея платье было все въ грязи ; сѣдые растрепанные во- «лосы выбивались изъ подъ чепчика и лѣнились на страшно «желтомъ и морщинистомъ лицѣ . Около нея бѣжала цѣлая ва- «стага смѣющихся мальчишекъ . Они дергали ее за платье , бро- «сали въ нее грязью и толкали въ лужи . Я содрогнулась отъ

ужаса. Маленьки не было дома. Я спросила нашу женщину : кто она. Дурочка что ли ? спросила я.

«— Какая дурочка ! здѣшняя.... да еще и ученая.... все въ мамзеляхъ жила.

«— Да чтожь у ней никого родныхъ нѣтъ , что ее такъ оставляютъ ?

«— Никого нѣтъ , отвѣчала Марфа.

«— Да люди-то чтожь не уведутъ ее домой , а позволяютъ ее этимъ мальчишкамъ мучить !... Проводи ее домой , Марфушка , ласково просила я.

«— Что ты , матушка ! Всѣ на меня смѣяться стануть , отвѣчала она.

«— Ну такъ я провожу ее , сказала я рѣшительно и , не слушая увѣщаній , вышла на улицу.

«И прогнала мальчишекъ , обѣщая пожаловаться на нихъ ; но они , кажется , не очень испугались. Голосъ Марфы скорѣе подействовалъ. Я проводила старуху домой къ великому соблазну сосѣдей , которые порѣшили , что я хочу сдружиться съ нею. Но знаешь ли ты , что эта несчастная старуха получила очень хорошее воспитаніе , такъ же случайно , какъ и я , что она жизнь свою начинала также.... Миѣ страшно становится , не предвѣщаетъ ли чего это ужасное сходство ? Между всѣми изъ живущихъ здѣсь , она ближе миѣ по воспитанію ; съ ней одной я могу поговорить. Пожалѣй , пожалѣй о твоей бѣдной Софечкѣ. Но я не могу оставаться здѣсь.... нѣтъ , нѣтъ !

«Разорви это письмо.»

Софья Николаевна запечатала письмо. Потомъ , завѣсивъ окно платкомъ , раздѣлась , погасила свѣчу и легла въ постель. По привычкѣ къ порядочности , она сама смотрѣла за своею постелью , и потому наволочки и простыни хотя были и не очень нѣжны , но чисты и бѣлы какъ снѣгъ.

Но не прошло минуты , какъ она , тихо вскрикнувъ , соскочила съ постели.

— Чтò это удало миѣ на лицо ? проговорила она съ испугомъ , зажгла свѣчу и стала искать.

— Это былъ тараканъ.

Загасивъ свѣчу , она снова легла. Нѣсколько минутъ дыханіе ея было неровно и отрывисто , какъ будто плакала и дро-

жала бѣдная дѣвушка; потомъ оно стало тихое и шѣрное. Она заснула.

А между тѣмъ мелкій дождь шумѣлъ, падая на дырявую крышу; увеличившійся вѣтеръ сильнѣе скрипѣлъ и стучалъ разшатавшимися, дряхлыми членами печального дома. Пѣтухи, надрываясь перекликались другъ съ другомъ; мухи жужжали и тараканы, вылѣзая изъ за печки, отправлялись безнаказанно разгуливать по стѣнамъ и по потолку.

Спи, бѣдная дѣвушка, спи спокойно и сладко! Вдвойнѣ полезень тебѣ спасительный сонъ!

ГЛАВА II.

Марья Петровна была единственною дочерью бѣдной четырихъ однодворцевъ, владѣльцевъ трехъ или четырехъ душъ. Родилась она слишкомъ за треть столѣтія до описываемаго нами времени. Нужды, лишения — весьма существенныя неприятности сопровождали первые годы ея дѣтства. Когда ей минуло десять лѣтъ, одна благодѣтельная помѣщица-сосѣдка взяла ее къ себѣ въ домъ, съ намѣреніемъ воспитывать наравнѣ съ своими дочерьми. Госпожа Пыркова (такъ звали благодѣтельницу) очень желала имѣть сына-наслѣдника и потому одинъ разъ «въ пылу этихъ желаній» дала обѣтъ: взять къ себѣ на воспитаніе бѣдную дѣвочку, если у ней родится сынъ, а не дочь. Къ счастью или къ несчастію Марья Петровны сынъ родился и вслѣдствіе этого «жалкая Маша» взята была въ богатый домъ и сѣла на однихъ учебныхъ скамейкахъ съ дочерьми своей благодѣтельницы. Семь или восемь лѣтъ прожила она у Пырковыхъ. Половину этого времени провела она въ классной комнатѣ, а большую часть другой половины — въ огромной дѣвичьей, гдѣ болѣе десяти горничныхъ, съ утра до ночи, въ частую перебирали безчисленными коклюшками, занимаясь плетеніемъ кружевъ. Какъ ни тупа, по мнѣнію своихъ благодѣтелей, была покорная и послушная Маша, однако, чѣмъ болѣе выросла, тѣмъ болѣе понимала, что присутствіе ея въ семейномъ кругу, вмѣстѣ съ дочерьми хозяйки, доставляло этимъ послѣднимъ весьма посредственное удовольствіе. Отъ природы или отъ воспитанія робкая, она никакъ не могла прижиться въ чужомъ се-

идеть, которое никогда не оказывало ей особенныхъ знаковъ признанія, а благодарствовало съ высоты своего относительнаго величія. По вечерамъ она молча, не вмешиваясь въ общіе разговоры, садилась гдѣ нибудь въ сторонкѣ, въ уголкѣ, съ какою нибудь работою въ рукахъ, — садилась, внутренно моля Бога о томъ, чтобы поскорѣе всталъ ожидаемый часъ сна. Большею же частью, свободное время проводила она въ дѣтской, и когда ея одолѣвала се — отправлялась въ дѣвичью и слушала по неволѣ (а можетъ быть и по волѣ) очень часто весьма назидательные и занимательные разговоры. Въ дѣвичьей ей все было легче, нежели въ гостиной. Въ первой никто не обращалъ на нее вниманія, никто не остерегался, выговаривая слово, потому что Маша не была настоящею барышней; въ послѣдней же, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ каждый день аккуратно, если заговаривалъ съ воспитанницей, то толковали о томъ, что благодарность есть первая добродѣтель, и что надо научиться цѣнить оказываемыя благодѣянія. Эти частыя повторенія казались Машѣ нѣсколько лишними, и когда она слышала ихъ, ей какъ-то было очень негово. Странное дѣло!...

Особенно не любила она бывать въ гостиной тогда, когда къ Пырковымъ пріѣзжало какое нибудь новое лицо. Тогда благодарительница ея, кажется, считала обязанностью, съ видомъ состраданія, кивая на Машу головой, говорить:

— Это дочь бѣдной одиозорки, я взяла ее къ себѣ по обѣщанію... воспитываемъ на ряду съ дочерьми. Не знаемъ, что выйдетъ: будетъ ли еще благодарность какая!...

Маша вставала, плакалась и страшно краснѣла. Улучивъ удобную минуту, она скрывалась изъ гостиной и, оставшись одна, вздыхала свободнѣе. Здоровалась съ госпожею Пырковой, Маша целовала ее въ плечо, для отличія отъ дочерей, целующихъ руку матери. Барышнямъ Пырковымъ она должна была говорить: вы, между тѣмъ какъ онѣ говорили ей: ты. Онѣ забывали своего достоинства и слѣдовали вѣрно наставленію матери: не очень фамильярничать съ Машей въ силу того, что она вовсе не робка. Занимались ли споры между ними, воспитанница каждый разъ, въ показаніе за свою снѣлость, глотала горькую пилулю, изначившею о томъ: что она такое въ сравненіи съ дочерьми Пыркова?...

Марья Петровна вышла очень недурна собою. Когда барышни подросли, Пыркова дала Машѣ очень благой совѣтъ: искать мѣста гувернанки, подѣя предлогомъ того, что на получаемое жалованье она можетъ одѣвать себя и даже помогать родителямъ.

— Вѣдь для чего ибудь ты же училась, заключала Пыркова: — вотъ моимъ дочерямъ ученіе нужно для того, чтобы въ свѣтѣ видѣли, что онѣ образованныя дѣвицы.... а тебѣ не въ свѣтѣ жить?... Ученіе тебѣ для того, чтобы хлѣбъ себѣ зарабатывать....

Вслѣдствіе этого приказанія или совѣта Марья Петровна, съ осьмнадцати-лѣтняго возраста, начала кочевую жизнь гувернанки, переходя изъ дома въ домъ, переѣзжая изъ Олонецкой губерніи въ Астраханскую, изъ Астраханской въ Минскую и т. д. Пожитковъ она не перевозила, за немѣніемъ ихъ; а всюду, не отвязно слѣдовала за нею тяжкая и горькая зависимость. Въ то время на учителей и на гувернанокъ смотрѣли какъ на особенный классъ людей, стоящій между простолюдинами и среднимъ состояніемъ: смотрѣли на нихъ какъ на *нѣчто* нивашнее, созданное только для того, чтобы за извѣстную плату (а тогда денегъ давали немного) имѣть счастье, живя въ благородномъ домѣ, передавать съ осторожностью и подобострастіемъ свои знанія будущимъ помѣщикамъ и помѣщицамъ. Тѣ, которые брали въ свой домъ гувернанку, считали, что они обязываютъ, благодарятъ, и что, получая какіе ибудь триста рублей, она должна состоять въ полномъ ихъ распоряженіи и не имѣть собственной воли. По ихъ мнѣнію, эта воля была имъ какъ будто запродаана.... Живя въ чужомъ домѣ, гувернанка должна повиноваться и учить — учить толковыхъ и безтолковыхъ дѣтей. Другихъ желаній, движеній, другихъ требованій отъ жизни она не можетъ и не должна имѣть!... Коли взялась учить — такъ учи!... а не засматривайся по сторонамъ!

Много горя перенесла Марья Петровна при своихъ частыхъ и рѣзкихъ перемѣщеніяхъ. Въ одномъ домѣ отказывали ей отъ мѣста, потому что она очень слабо обращалась съ своими учениками и никакъ не умѣла задушить имъ должнаго страха. Въ другомъ, потому что она была слишкомъ выскательна и, по мнѣнію родителей, не могла понять какъ надлежитъ вести себя съ благородными дѣтьми. Бывало, какой ибудь избалованный ка-

признаній мальчишка нажалуется матери: что Марья Петровна чуть ухо ему не оторвала (а Марья Петровна, быть можетъ, только едва дотронулась до уха), и разгнѣванная, чувствительная маленька требуетъ къ себѣ гувернанку и говоритъ:

— Да вы разсудите сами: что вы такое?... Такъ смѣть съ своимъ сыномъ обращаться!... Вы видно въ благородныхъ домахъ не жилали.... И что вы фыркаете? Не думаете ли что въ насъ нуждаются.... Вы должны такимъ мѣстомъ дорожить.... Такнхъ какъ вы.... вездѣ, какъ....

Если же случилось, что мужчины, посѣщавшіе тотъ домъ, въ которомъ жила Марья Петровна, обращали на нее вниманіе, какъ на молодую и хорошенькую дѣвушку и потому заговаривали и любезничали съ нею, то тогда ей отказывали отъ мѣста въ силу того, «что могла ли она быть хорошей гувернанкой, когда въ ней нѣтъ ничего степеннаго, въ головѣ вѣтеръ и совершенно не относящіяся къ дѣлу мысли?»

Жоны спроваживали Марью Петровну изъ ревности къ мужьямъ, которые на нее заглядывались, и изъ боязни того, чтобы она не отвлекла вниманія интересующихъ хозяйку дома посѣтителей.

И рѣдко, рѣдко Марья Петровна оставляла мѣсто спокойно и ширно. Всегда какаянибудь тяжелая, смертельно уязвляющая самолюбіе, сцена предшествовала ея отбытію изъ дома. Когда она была молода и потому горда и впечатлительна, она много плакала и страдала, чувствуя незаслуженныя оскорбленія. Но мало по малу чувствительность и гордость притуплялись; безпрерывно уязвляемое самолюбіе умерло, а съ нимъ угасло и всякое чувство собственнаго достоинства. Марья Петровна стала принимать униженія, какъ вещи очень обыкновенныя, точно такъ, какъ будто безъ нихъ никакъ нельзя было обойтись въ ея положеніи.... Такъ протекло двадцать лѣтъ ея жизни! Между тѣмъ количество гувернанокъ на Руси умножилось. Познанія Марья Петровны оказывались недостаточными, потому что дѣвушки позднѣйшаго воспитанія нѣсли несравненно болѣе свѣдѣній.... Какъ вездѣ и всегда молодые вытѣсняли съ поля старѣйшихъ. Мѣсто гувернанки найти было гораздо труднѣе и Марья Петровна стала занимать должность экономокъ и нянекъ. Еще десять лѣтъ жизни прошло: частью въ неотлучномъ сидѣніи въ дѣтской посреди шума и плача, болѣзненно раздражающаго

норвы, частью въ безпрестанномъ бѣганьи по кладовышъ, подваламъ и погребамъ. И Марья Петровна стукнуло пятьдесятъ лѣтъ!

Прожитые годы оставили ли какія нибудь воспоминанія ея старости? Было ли въ ея жизни хоть нѣсколько дней, въ которые бы она не была машинаю, движущейся постороннею волею?... Она исполняла обязанности гувернантки, экономки, няньки; но выполняла ли она назначеніе женщины, помѣла ли ея обязанности и пользовалась ли ея правами?

Марья Петровна была не глупа; жизнь, которую вела она, не могла удовлетворять ее. Но измѣнить свое положеніе она не имѣла средствъ. Если же была возможность, то возможность, пугающая дѣвушку и чтобы воспользоваться ею, своевременной рѣшимости она не нашла. Она все думала, что когда въ ничтожнаго жалованья накопится какая нибудь сумма денегъ, то тогда она начнетъ жить сама по себѣ жизнью независимую. Но сумма не накапливалась, а время проходило. Она поступала такъ, какъ и большинство людей, не научаемыхъ постороннимъ опытомъ и полезною наглядкою! День ото дня медлила она исполненіемъ своего желанія, ждала, собиралась, откладывала и наконецъ дошла до того, что время прошло.

Ей минуло тридцать лѣтъ. Тогда въ одну страшную ночь, которая навсегда осталась въ памяти, она сдѣлала безпристрастный обзоръ своей жизни и увидѣла, что молодость промѣла она тщетно, напрасно. Нѣтъ, лучше — она не жила, потому что не чувствовала жизни, а влеклась окружающихъ движеніемъ.... Сколькимъ кровавымъ слезъ поздняго раскаянія, безотраднато отчаянія пролито было ею въ эту ночь на подушку. Какъ не истекли, не высклаки ея глаза, какъ уцѣляли тонкіе вальцы, которые она судорожно ломала? Она созналась, что жизнь для нея кончена, молодость прошла. Марья Петровна постарѣла, высохла, не могла уже нравиться и, ожидая дѣвушкина, потеряла право на любовь.

Такъ разсуждала бѣдная Марья Петровна въ эту достопримѣчательную для нея ночь. Съ слѣдующаго дня холодное отчаяніе вытѣснило изъ груди всякое другое ощущеніе жизни.

Одно маленькое происшествіе, случившееся въ молодости, Марья Петровна вспоминала всегда съ ѣдкою горечью въ сердцѣ....

Когда ей было не болѣе двадцати лѣтъ, она жила въ одномъ домѣ, гдѣ съ нею обходился гораздо снисходительнѣе, чѣмъ во многихъ другихъ домахъ. Къ хозяйкѣ Марьѣ Петровнѣ пріѣхалъ, на короткое время, изъ Петербурга, весьма замѣчательный молодой человѣкъ. Онъ былъ очень хорошъ собою, ловецъ, смѣль, любовникъ, прекрасно говорилъ и пѣлъ — однимъ словомъ, обладалъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ легко было плѣнить молодую, деревенскую дѣвушку того времени. И въ добываніи онъ обратилъ вниманіе на Марью Петровну и приволокнулся за нею, развѣдывая, изъ шалости. До сихъ поръ бѣдная дѣвушка видѣла, что шаловые люди смотрѣли на нее только, какъ на себя въ домѣ. Теперь, вмѣстѣ съ горячимъ чувствомъ дѣтской благодарности, въ ней въ страшной силѣ загорѣлась любовь. Въ три дня франтъ успѣлъ совершенно плѣнить бѣдную дѣвушку. Три ночи Марья Петровна проработала безъ сна. Въ то время дѣвушки считали почти обязанностью мечтать, вздыхать и плакать, глядя на луну, развѣдушно обтекающую темное небо. Марья Петровна почти проводила, быстро ходя по темнымъ аллеямъ сада и сжимаемая волнующуюся грудь; другую же половину — горько плача въ своей постели. Петербургскій франтъ очень ясно понималъ то чувство, которое съ намѣреніемъ возбудилъ въ дѣвушкѣ.

Одинъ разъ, въ поздній часъ ночи, онъ потерялъ Марью Петровну тогда, когда она въ слезахъ возвращалась изъ сада въ свою комнату.

Онъ шепталъ набитыя слова любви. Невинная, неопытная и страстно влюбленная дѣвушка не оказывала энергическаго сопротивленія. Она плакала, смѣялась и не могла удержаться, чтобы не отзвѣчать ласканъ. Но настѣвъ, противоположной дивану, на которомъ они сидѣли, висѣла картина, изображающая: молодую женщину съ лохматыхъ, съ растрепанными волосами, держащую на рукахъ прошегалого ребенка (*). Эта женщина, страшно блѣдная, шла въ темномъ лѣсу босыми ногами, прижавъ къ своей груди дитя. Когда Марья Петровна случайно взглянула на эту картину, она вдругъ вспомнила всѣ ужасы, слышанные и читанные ею о слѣдствіяхъ наденія и о коварствѣ соблазнительей; вспомнила и со страхомъ убѣжала въ свою комнату и, бросившись на постель, всю ночь судорожно металась на ней и плакала. На

(*) Слово изъ знаменитаго стихотворенія Пушкина.

другой день Франтъ пересталъ говорить съ ней и вечеромъ, бросивъ на нее взглядъ укора и сожалѣнія, уѣхалъ въ Петербургъ.

«Можетъ быть, онъ въ самомъ дѣдѣ любилъ меня,» думала впоследствии Марья Петровна.

Былъ у ней также одинъ разъ женихъ — бѣдный, пѣхотный офицеръ. Онъ влюбился въ нее безъ памяти и сдѣлалъ предложеніе, которое было принято. Но жениться не успѣлъ, потому что отправлялся въ походъ 1812 года. Прощаясь съ нею, онъ клялся въ вѣчной и невѣдомой любви; на послѣднія деньги купилъ золотой медальонъ; спряталъ въ него ея волосы, повѣсилъ на шею и отправился за славой, которую собирался повергнуть къ ногамъ своей возлюбленной. Но онъ былъ убитъ подъ Бородинымъ и вслѣдствіе этого Марья Петровна навсегда осталась дѣвушкою. Тридцать лѣтъ кочевой и подчиненной жизни наконецъ утомили Марью Петровну. Глаза у ней ослабли, ноги не двигались такъ проворно, какъ этого требовали. Ей безпрестанно говорили: что держать ее изъ жалости и что она совершенно бесполезна. Поэтому старушка рѣшилась перемѣнить образъ жизни и отправиться на покой.

Въ томъ самомъ селеніи, гдѣ родилась наша героиня, у Марьи Петровны былъ полу-развалившійся, оставшійся послѣ родителей, домъ съ принадлежащими къ нему двумя или тремя десятинами бесплодной земли. Одна половина этого дома, а именно, господская, уже лѣтъ двадцать стояла пустая; въ другой — жили двое мужиковъ и одна женщина, доставшіеся въ наследство Марьѣ Петровнѣ. Одинъ изъ этихъ мужиковъ былъ лѣтъ шестидесяти и къ тому же слѣпъ. Жена его немного моложе, но хромая, вѣчно хворающая и злая. Другой мужикъ былъ здоровый, молодой парень, но зато гуляка.

Въ этотъ-то печальный домъ, подъ покровительство такихъ людей пріѣхала отдыхать Марья Петровна, послѣ безпокойной жизни, имѣя у себя въ запасъ накопленные ею тысячу рублей.

Близкіе сосѣди, бѣдные помѣщики и помѣщицы селенія, по врожденному имъ чувству уваженія къ людямъ, которые ихъ богаче, встрѣтили и нашу старушку радушно, предвѣдая, что въ тридцать лѣтъ жизни она вѣроятно скончила капиталъ. Но когда они увидѣли какъ ограниченны ея средства, тогда охладѣли къ ней. Въ нихъ даже таялось какое-то негодованіе къ Марьѣ Петровнѣ, какъ будто зато, что она тридцать лѣтъ жи-

на провела внѣ всякихъ сношеній съ ними и хотя въ запершемъ положеніи, но все-таки окруженная тѣмъ, что внѣ не было доступно.

— Вишь, старая.... тридцать лѣтъ плясала по чужимъ домамъ, а сюда же небось приплелась умереть!... И хоть бы закошила что нибудь! говорили они.

Марья Петровна тоже сторонила отъ своихъ близкихъ сосѣдей. Она все-таки была выше ихъ общества. И къ тому же она видѣла, что они не очень доброжелательно на нее поглядываютъ.

Между тѣмъ капиталъ Марьи Петровны замѣтно уменьшался. Она привыкла пить чай, кофе.... И чай, кофе и сахаръ скоро истребили все, что было нажито трудами. Земля не приносила никакого дохода. Къ тому же крестьяне Марьи Петровны, надѣясь на барыню, еще меньше прежняго стали заниматься полевыми работами. Тяжко было старухѣ отказывать себѣ въ томъ, къ чему привыкла. Она принуждена была ѣсть тоже самое, что ѣли ея крестьяне и не имѣть другихъ требованій. Горекъ показался ей обрѣтенный покой!... Но, что было дѣлать? мѣста сыскать было невозможно.... Кланяться же богатымъ сосѣдамъ для того, чтобы выпросить чайку, какъ это дѣлывали подобныя ей бѣдняки, она не могла, да признаться, и устала унижаться.

Не презирайте ее, любезныя читательницы!...

ГЛАВА III.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ сельца Цаплина находится большое и богатое село Покровское.

Лѣтъ за двѣнадцать до описанной нами въ предыдущей главѣ сцены, неожиданно пріѣхала въ село молодая и богатая ея владѣтельница. Она была вдова и жила безвыѣздно въ Петербургѣ. Пріѣздъ ея произвелъ большую тревогу между сосѣдями. Толкамъ между ними не было конца. Какія причины могли понудить Марью Сергѣевну Власову, постоянную петербургскую обитательницу, наконецъ удостоить посѣщеніемъ ихъ сторону?

Долго ли она тутъ останется или проведетъ только лѣто? Эти вопросы не давали ни кому покоя. Отвѣта на нихъ, на-

нецъ, рѣшились искать у самой прѣзжей. Почти всѣ захотѣли знакомиться съ нею: нѣкоторые надѣялись обрѣсти ея покровительство.

Она принимала всѣхъ довольно ласково. Но никогда никого не утѣшала неотступно остаться у ней подолѣе, никого не звала къ себѣ, не посылала ни закѣмъ экипажей, а главное сама никуда не выѣзжала.

Къ ней перестали почти ѣздить, и любезнѣе приняло характеръ недоброежелательный.

— Да чѣмъ же она лучше насъ? говорили обиженные сосѣди: — Слава Богу, мы такіе же столбовые дворяне. Носъ-то задирать нечего. Хоть и не въ Петербургѣ живемъ, а пріинчія не хуже ее знаемъ.

Замѣтили, что Власова была всегда, что-то очень печальна, что она очень мало для хозяйки разговаривала, не впопадъ отвѣчала на вопросы и слушала безъ вниманія рассказы.

Иногда по полу-часу прѣхавшіе послѣ обѣдни гости дожидались ее въ гостиной. Думали, что она занята туалетомъ и потому мужчины охотно извиняли ее, хотя дамы сильно обижались. Но вдругъ она входила съ балкона послѣ прогулки въ салу — усталая, грустная и молчаливая. Она конфузилась; ей было неловко между любезными гостями и не умѣла она каждому изъ нихъ оказать должнаго вниманія.

— Вотъ ужъ рѣшительно нѣтъ у ней умѣнья жить въ свѣтѣ! порѣшали сосѣди: — точно цѣлый вѣкъ гдѣ нибудь въ глуши жила.

Пошли разныя догадки и предположенія на счетъ замѣчательной въ ней всѣми грусти. Разныя исторіи рассказывали другъ другу по секрету любознательныя помѣщички и помѣщички. Но Марья Сергѣевна, не замѣчая суетенъ и не обращая вниманія на заботливыхъ сосѣдей, не перемѣняла нисколько своего обращенія съ ними....

И вотъ въ одно воскресенье, собравшись для слушанія обѣдни, крайне удивились они, когда увидѣли, что Марья Сергѣевна вошла въ приходскую церковь съ своимъ маленькимъ сыномъ и гувернанткой. Стала она въ сторонѣ, подала отъ другихъ и усердно все время молилась. Иногда только съ большимъ вниманіемъ поглядывала она на маленькую четырехлѣтнюю дѣвочку, которая стояла въ толпѣ цѣлнскихъ помѣ-

щипъ. Это была наша Софья Николаевна, которую уже и тогда нельзя было не замѣтить съ перваго раза. На маленькомъ вѣжнѣмъ личикѣ ея съ тонкими и правильными чертами, — красиво блестятъ темныя, грустные глазки. Большіе темныя волосы, дурно причесанныя и обложенныя кругомъ головки, далеко вылазались изъ за маленькихъ ушей и отгнѣяли голубовато-бѣлую кожу. Стоя на колѣняхъ, она такъ граціозно складывала на груди свои голыя ручки, что невозможно было порядочному человѣку смотрѣть на нее безъ сильнаго удовольствія. Даже простое ситцевое платье сидѣло на ней какъ-то особенно ловко.

Послѣ обѣда Марья Сергѣевна, слегка поклонившись всѣмъ, подошла къ ребенку и, наклонясь чтобъ поцаловать его, спросила :

— Чье это прекрасное дитя ?

— Это моя дочка, матушка Марья Сергѣевна, сказала, выступивъ, Анисья Ивановна Томилова.

— Ваша дочка! пріятливо сказала Марья Сергѣевна: — вы не изъ Цаплина ли? Очень рада познакомиться.... Сдѣлайте мнѣ одолженіе, пріѣзжайте ко мнѣ сегодня обѣдать и ее непременно привозите съ собой... Да вотъ.... не можете ли вы ѣхать теперь со мною? мы какъ нибудь усядемся.

Анисья Ивановна отвѣчала: — «что у ней есть кой-какія дѣлишки и что она не можетъ ѣхать сейчасъ.»

— Такъ отпустите, пожалуйста, со мной вашу Сонечку, сказала Власова: — А я за вами сейчасъ пришлю экипажъ.

— Очень рада, матушка, отвѣчала обрадованная такимъ неожиданнымъ вниманіемъ Томилова: — боюсь только, чтобы она насъ не обезпекнула.

Пріѣхавъ домой, Марья Сергѣевна привела Сонечку къ себѣ въ спальню и приказала подать гребень. Она расплела и распустала прекрасныя волосы дѣвочки: долго и тщательно чесала ихъ сама; а между тѣмъ горькія слезы текли по щекамъ ея. Глядя на нее, Сонечка тоже заплакала.

— Отчего ты плачешь, Сонечка? спрашивала ее Марья Сергѣевна: — развѣ тебѣ жалко меня?

— Очень жалко, отвѣчало дитя, зарывавъ и пряча свое личико въ кофѣнахъ Власовой.

— Видишь ли ты, Сонечка, говорила Марья Сергѣевна, сильно растроганная, между тѣмъ какъ дѣвочка цаловала ея руку: — у меня была дочка такая же маленькая, такая же хорошенькая, ласковая, какъ и ты... и ее тоже звали Сонечкой; но Богъ взялъ ее у меня — вотъ отчего я и плачу.

— Не правда ли, какъ она напоминаетъ нашу? продолжала она, обратившись къ горничной?

— Какъ можно сударыня! отвѣчала та.

— У тебя глазъ, видно, нѣтъ! сказала съ неудовольствіемъ Марья Сергѣевна.

Она оставила у себя Сонечку погостить нѣсколько дней и, по прошествіи ихъ, сдѣлала Анисью Ивановну слѣдующее предложеніе:

Она беретъ Сонечку къ себѣ вмѣсто дочери; принимаетъ на себя обязанность воспитать и пристроить впоследствии — съ условіемъ, чтобъ Томилова никогда не имѣла никакихъ другихъ правъ на дочь, кромѣ правъ любви.

Нечего и говорить, что Анисья Ивановна согласилась.

Черезъ нѣсколько времени послѣ этого Марья Сергѣевна уѣхала въ Петербургъ и уже не выѣзжала отъ туда до самой смерти.

Общее мнѣніе положило: что Анисья Ивановна какъ ни проста кажется, а въ сущности прехитрая лисица.

Тысячи безотраднхъ пророчествъ посыпались на головку Сонечки. А между тѣмъ, подъ благотворнымъ вліяніемъ нѣжныхъ заботъ и теплой любви, она росла и хорошѣла. Инстинктивнымъ чувствомъ, которое такъ богато у женщины, Марья Сергѣевна поняла, что эта дѣвочка не создана для той жизни, на которую обрекло ее рожденіе.

Болѣзненная, слабая, блѣдная въ деревнѣ у своей матери, — здѣсь она стала видимо окрѣпать, развѣртываться и свѣжѣть.

Марья Сергѣевна любила ее нисколько не меньше своего сына: тѣ же заботы, то же безпокойство, то же вниманіе. Наклонности, игры, свойственные его полу, болѣе удаляли сына отъ матери; между тѣмъ какъ всѣ забавы маленькой Сонечки происходили на глазахъ.

Странно было видѣть какимъ пронизательнымъ, понимающимъ взоромъ смотрѣлъ иногда ребенокъ на печальную Марью Сергѣевну. Не плакавшая никогда при сынѣ, Марья Сергѣевна

плакала при Сонечкѣ, какъ будто не стыдѣя и не боясь молчаливо повѣрять ей свое горе.

А у ней, должно быть, много было горя!...

Ее посѣщала какой-то господинъ, послѣ ухода котораго она всегда плакала. Сонечка, ласковая ко всѣмъ, дичилась его. Какъ-то разъ, увидѣвъ ее въ залѣ, онъ хотѣлъ поцаловать ее. Она оттолкнула его своими ручонками и отвернулась.

— Подите прочь! сказала она, съ досадою: — я васъ не люблю.

— За что это, Сонечка?

— Оттого, что вы злые: послѣ васъ маменька всегда плачетъ.

— Кто тебѣ сказалъ, что маменька плачетъ отъ меня? Я вовсе не виновата....

— Я сама знаю, сказала она, пристально и строго смотря на него своими темными глазами: — лучше бы вы никогда не ходили.

— Тебя, вѣрно, ктонибудь научилъ, отвѣчалъ господинъ съ неудовольствіемъ.

— Не правда: я сама знаю, отвѣчала она, вспыхнувъ, и убѣжала.

— Отчего ты думаешь, Сонечка, что я плачу отъ господина N? спрашивала послѣ Марья Сергѣевна.

— Я знаю маменька: онъ такой злой, отвѣчала дѣвочка, покраснѣвъ и цалуя ей руки.

— Напрасно, дитя мое.... Выкинь это изъ головы. Онъ ни въ чемъ не виноватъ, сказала Марья Сергѣевна, крѣпко прижимая ее къ груди.

Но Сонечка не могла никакъ любить этого господина.

Людамъ Власовой очень не нравилось ухаживать, какъ за своей барышней, за дочерью одной изъ тѣхъ помѣщицъ, которыхъ, нѣсколько разъ, угощали они кофеемъ на господской кухнѣ. Но дѣвочка была такого ласкового, кроткаго характера. Если иногда, обиженная чѣмънибудь, или подъ вліяніемъ дѣтскаго каприза, она плакала, стоило только случайно показаться Марѣ Сергѣевнѣ и личико ея озарялось свѣтлою улыбкою въ то время, какъ капли слезъ еще видны были на щекахъ. Такъ чувство деликатности стало рано проглядывать въ ней.

Когда ей минуло десять лѣтъ, ее помѣстили въ отличный пансіонъ. Мать и дочь сильно скучали въ разлукѣ другъ съ другомъ. Марья Сергѣевна очень часто посѣщала пансіонъ. Не было такой бездѣлицы, такой мелочи, на которую не обратила бы вниманія ее заботливая любовь, которую бы она забыла.

Подруги Сонечки по справедливости называли ее счастливицей. Изъ первыхъ по красотѣ и ловкости, она скоро заняла высокое мѣсто и по способностямъ. Рѣзвая, живая, острая, она была любима не только подругами, но и начальницами пансіона. Снисходительность и такъ называемое баловство не испортили ее, а, напротивъ, развили въ ней тѣ чувства любви, вѣжности, деликатности, такъ сказать граціозности внутреннихъ движеній, которыя могутъ только развиваться любовью, вѣжнымъ и кроткимъ обращеніемъ и необходимою деликатностью, необходимымъ уваженіемъ личности даже и въ ребенкѣ.

Вторую мать свою она любила безъ ума. День свиданія съ нею былъ для нея истиннымъ праздникомъ.

Съ каждымъ годомъ что нибудь новое прибавлялось къ красотѣ ея. Когда ей минуло пятнадцать лѣтъ, движенія ея стали какъ-то круглѣе, медленнѣе. Полудѣтское выраженіе лица уступало выраженію уже преимущественно женскому.

. Сонечка страстно любила одну хорошенькую дѣвицу — свою подругу — слабое и вѣжное существо. Эта любовь, какъ извѣстно, на языкѣ пансіонерокъ называется *обожаніемъ*. Сонечка причесывала, одѣвала свою подругу, постоянно чѣмъ нибудь старалась угодить ей. Она помогала ей въ занятіяхъ, дарила все, что получала отъ матери, просиживала у ея постели (когда та была больна) по цѣлымъ ночамъ, не смыкая глазъ. Всѣ огорченія подруги такъ же горячо ею чувствовались, какъ и свои. Правда, и сама она пользовалась обожаніемъ очень многихъ.

Она тщательно занималась и собою. Одинъ разъ одна изъ классныхъ дамъ замѣтила ей, что она очень долго сидитъ за своимъ туалетомъ, и что это означаетъ кокетство.

— Если это называется кокетствомъ, отвѣчала, вспыхнувъ, дѣвушка: — то я, право, не знаю, за что его считаютъ порокомъ. Я занимаюсь туалетомъ потому, что желаю нравиться.

— Вы сознаетесь въ этомъ! насмѣшливо спросила дама.

— Да, разумѣется, отвѣчала Сонечка : — я желаю быть любима и потому желаю нравиться всѣмъ : и вамъ , и другимъ дамамъ , и дѣвицамъ , и маменькѣ....

— И учителямъ тоже, замѣтила дама.

— Да, и учителямъ ! съ горячностью отвѣчала Сонечка , покраснѣвъ . — Да вотъ вы дѣлаете мнѣ замѣчаніе , что я кокетничая , а учитель сегодня у насъ вовсе и не будетъ .

Романы строго запрещены были въ пансіонѣ . Это не мѣшало однакожъ дѣвицамъ въ тихомолку читать ихъ . Чтеніе истинно трогательныхъ сценъ сильно и болѣзненно дѣйствовало на нашу героиню . Много ночей проводила она безъ сна въ страшномъ волненіи . Въ эти ночи воображеніе ея усиленно работало . Иногда видѣлась она съ сыномъ Марьи Сергѣевны . Онъ никогда не любилъ ее очень ; но съ тѣхъ поръ , какъ подросъ самъ и Соня стала почти совершенной дѣвушкой , обращеніе его перемѣнилось . Оно сдѣлалось внимательнѣе , учтивѣе , но вмѣстѣ и фамильярнѣе . Онъ тоже воспитывался въ одномъ изъ петербургскихъ заведеній ; но учился нехорошо и дурнымъ поведеніемъ сильно огорчалъ добрую мать . Въ немъ можно было предвидѣть будущаго нестерпимаго фата .

Но время шло и приближалось къ катастрофѣ , сдѣлавшей рѣзкую перемѣну въ судьбѣ Софіи Николаевны .

Марья Сергѣевна , испытавшая на своемъ вѣку много горя , была слабаго здоровья . И , вотъ , въ одно утро , ее нашли въ креслахъ совсѣмъ уже охладѣвшею . Она умерла скоростижно , безъ свидѣтелей и не оставивъ послѣ себя никакого завѣщанія .

Пораженная смертью благодѣтельницы , недѣли двѣ Софья Николаевна была опасно больна .

Имѣвше Власовой , по несовершеннолѣтію сына , взяли въ опеку . Само собою разумѣется , что нашей героинѣ ничего не могло достаться . Денги за нея въ пансіонѣ были заплачены впередъ , а до выпуска оставалось только нѣсколько мѣсяцевъ .

По выздоровленіи , начальница призвала Софью Николаевну къ себѣ .

— Сонечка , сказала она ласково : — я очень понимаю ваше печальное положеніе и принимаю въ васъ большое участіе . Мы всѣ знали , что Марья Сергѣевна хотѣла надѣлать васъ такимъ же точно приданнымъ , какъ если бы вы были ея родною дочерью .

Но она скончалась, не успѣвъ сдѣлать завѣщанія. Я слышала, что ваша матушка очень бѣдна.... вамъ будетъ очень тяжело.

— Я на все готова, отвѣчала Софья Николаевна: — я буду трудиться.

— Это не такъ легко, прервала ее начальница: — особенно для васъ, которой никогда и ни въ чемъ не отказывали. Привыкать къ нуждѣ очень-очень трудно. Если вы хотите я могу найти вамъ хорошее, выгодное мѣсто.

— Нѣтъ: я хочу къ маменькѣ, отвѣчала наша героиня.

— Въ такомъ случаѣ, я напишу ей, чтобы она пріѣзжала за вами къ выпуску.

Приговорясь къ выпуску, а стало быть къ общему разставанью другъ съ другомъ, дѣвицы просиживали до поздней ночи, собираясь вокругъ чьей нибудь постели.

Каждая изъ нихъ рассказывала свои планы, свои предположенія въ предстоящей жизни, и всѣ рисуемая картины были покрыты такимъ свѣтлымъ, смѣющимся колоритомъ!

Софья Николаевна сживала у своей болѣзненной подруги Наденьки.

— Я на все готова, Наденька, говорила она: — я знаю, что у моей матери рѣшительно нѣтъ никакого состоянія. Я должна буду много трудиться для нашего общаго существованія.

Дѣвицы, вспоминая о скукѣ, которую должна будетъ терпѣть ихъ милая Сонечка, предложили собрать для нея всѣ книги, какія у нихъ были, чтобы она взяла ихъ съ собою въ деревню.

Анисья Ивановна пріѣхала за нѣсколько дней до выпуска и пришла въ пансіонъ.

Въ день выпуска, послѣ многократныхъ и слезныхъ прощаній, дѣвицы стали наконецъ разъѣзжаться. Однѣ уѣзжали въ великолѣпныхъ экипажахъ, другія — въ наемныхъ: а наша Софья Николаевна, сопутствуемая матерью, одѣтою въ ситцевое платье, съ простымъ късеевымъ чепчикомъ на головѣ, вышла пѣшкомъ изъ пансіонскихъ дверей, провожаемая привѣтствіями и прощальными улыбками своихъ счастливыхъ подругъ. Чтобъ показать, что она нисколько не конфузится своего положенія, Софья Николаевна обхватила руку матери и весело улыбалась то ей, то уѣзжающимъ въ богатыхъ экипажахъ.

Когда мать и дочь пришли въ маленькую, бѣдную комнатку, куда привела ихъ страшная лѣстница, Софья Николаевна спросила у матери: «когда онѣ поѣдутъ въ деревню?»

— Да вотъ завтра утромъ съ Богомъ и поѣдемъ, отвѣчала мать: — а теперь вотъ, поѣвши, матушка, сходимъ-ка въ домъ Марьи Сергѣевны.

— Зачѣмъ идти туда? вздрогнувъ, спросила дочь.

— Позидаться съ дѣвушками. Да не будетъ ли письма какого къ управляющему: хоть бы хлѣбца приказали отпустить сколько нибудь! Когда жива была покойница — не забывали! говорила, со злохомя, старуха.

И, несмотря на просьбы дочери, она потащила ее въ тотъ домъ, одинъ видъ котораго долженъ былъ пробуждать въ бѣдной дѣвушкѣ тысячи горькихъ воспоминаній. Горничныя встрѣтили ихъ съ дерзкою и обидною фамильярностью.

— Чтò, Софья Николаевна, пѣшкомъ изволите похаживать! Прошло видно то время, какъ въ экипажахъ съ ливрейными лакеями разъѣзжали? говорила одна.

— Чай дочка совсѣмъ и не признала васъ? спрашивала другая, насмѣшливо осматривая съ ногъ до головы Анисью Ивановну.

Анисья Ивановна раздаловалась со всѣми домашними.

— Не угодно ли кофейку, матушка? милости просимъ.... Здѣсь не Богъ знаетъ какая рѣдкость.... не то, чтò у васъ тамъ!

Много усилій нужно было Софьѣ Николаевнѣ, чтобы удержать слезы. Роли страшно и оскорбительно перемѣнились. Эти женщины, которыя такъ недавно на перерывѣ старались услуживать ей, чтобы угодить барынѣ, теперь разыгрывали предъ ней госпожъ, между тѣмъ какъ она съ матерью представляли тѣхъ гостей, которымъ изъ милости даютъ по чашкѣ кофейю. Софья Николаевна сидѣла молча. Она отказалась отъ кофейю.

— Не слѣдуетъ, Софья Николаевна, вамъ нашимъ угощеніемъ брезгать, сказала, обидѣвшись, одна изъ горничныхъ: — что снѣсивиться-то! вѣдь мы знаемъ, чтò знаемъ?... И прежде нечего было выставляться-то.... Правду пословица говоритъ: «не плюй въ колодезь, придется водицы испить!»

— Кажется я не снѣсвилась и никогда никого изъ васъ не обижала, сказала, вспыхнувъ, Софья Николаевна.

— Еще бы и обижать! мы вѣдь за вами какъ за настоящей барышней ходили, отвѣчали онѣ.

— Полно вамъ! прервала ихъ старуха ключница: — не слушай ихъ, Софьюшка... не хочешь ли вотъ на комнатки взглянуть? И она увела Софью Николаевну.

Когда онѣ пришли въ пустую спальню Марья Сергѣевны, Софья Николаевна поблѣднѣла.

— Вотъ здѣсь барыня скончалась.... царство ей небесное! сказала ключница, вѣдыхая и показывая на кресло.

— Милая Аннушка! сказала Софья Николаевна: — пожалуйста оставь меня здѣсь на минутку. Миѣ Богу хочется помолиться за маменьку.

Ключница ушла.

Долго плакала дѣвушка въ свѣдѣннѣ своей благодѣтельницы. Когда она вошла въ ту комнату, гдѣ оставила мать, Анисья Ивановна говорила съ сожалѣніемъ:

— Такъ-таки ничего и не оставила она моей Совюшкѣ?

— Ничего, отвѣчала дѣвка: — видно барыня спохватилась.... И то сколько денегъ было истрчено.... И не родная же она, въ самомъ дѣлѣ, дочь ея была!... Вотъ опекунъ приказалъ отдать вамъ, сказала она, обращаясь къ Софѣ Николаевнѣ: — барынины платья. Да вы сами знаете: много ли у ней было? Что осталось, мы собрали.

И доставъ изъ шкафа небольшой узелъ, она бросила его на полъ.

— Я возьму только одно платье на память, сказала Софья Николаевна.

— Что ты! съ ума спятила что ли? съ досадою вскричала Анисья Ивановна, съ жадностью схвативъ узелъ: — тамъ у насъ вѣдь не то, что здѣсь было: не изъ чего шить!

— Авось, Богъ приведетъ, въ деревнѣ увидимъ ваше житье, говорил горничная, провожая Софью Николаевну.

На другой день рано по утру простая тряская телега, съ роженнымъ верхомъ, на парѣ маленькихъ и тощихъ лошадей, выѣхала изъ городской заставы. Въ ней сидѣла наша бѣдная героиня съ своею матерью. Такъ какъ онѣ ѣхали на своихъ и почти шагомъ, то провели въ дорогѣ около двухъ недѣль.

Не привыкшая къ такого рода ѣздѣ, Софья Николаевна лежала въ кибиткѣ полубольная. Слабая, горячая голова ея безъ

преставно колотылась объ необитые углы кабинки. Пѣшиное лицо сгорѣло отъ солнца. Съ большимъ трудомъ и страданіемъ должна была она всакій разъ вылезать изъ телеги, такъ всю разбило ее.

Много молчаливыхъ слезъ, скрываемыхъ отъ матери, пролито было въ этой кабинкѣ. Наконецъ онѣ пріѣхали въ Цаплицо. Удовольствіе быть дома далеко не вознаградило за дорожныя непріятности!

Жители Цаплицы пришли осматривать съ любопытствомъ эту дѣвущку, которая, по ихъ мнѣнію, такъ близка была къ счастью и вдругъ потеряла его.

ГЛАВА IV.

На другой день послѣ описанной нами въ первой главѣ ночи Софья Николаевна сидѣла у окна, въ комнаткѣ своего бѣднаго домишка, и что-то работала.

Анисья Ивановна убирала въ простой шкафъ, со стеклянными дверцами, чайный приборъ, тщательно перетирая каждую вещь.

Въ комнаткѣ было душно: окна выходили на солнце. На улицѣ было тихо и пусто; казалось, какъ будто все вымерло въ Цаплицѣ. Въ комнатѣ тишина замѣнялась смутнымъ и особенно несноснымъ въ жаркое время жужжаніемъ несмѣтнаго количества мухъ, которыя черными пятнами покрывали стѣны, потолокъ, столы и шкафъ, кучами летали надъ Софьей Николаевной, лѣзли ей въ глаза, въ носъ, въ уши. Вдохнуть было невозможно безъ того, чтобы какая нибудь не покусилась попасть въ ротъ.

— Чтобы ты, Сонюшка, съѣздила къ Аннѣ Федоровнѣ Проскудиной.... сегодня, сказала Анисья Ивановна, убирая въ комнатѣ: — она вѣдь звала тебя.

— Чтожъ я къ ней поѣду, маменька, вѣдь она сказала, что когда захочетъ, такъ пришлетъ за мной.

— Чего ждать, пока пришлетъ?... надо самимъ уваженіе показать. Намъ они вѣдь благодѣтели: и мѣчки, и овсеца, иной разъ и кофейку даютъ. Вотъ Петръ Петровичъ не видалъ тебя еще.... ты, можетъ быть, ему приглянешься, старику, и велѣтъ что нибудь отсуствовать съ тобой.

— Въдь просить же я не стану, маменька.... Да и стыдно ъхать: точно зачѣмъ нибудь нарочно прѣехала....

— Дура, ты дура! сказала Анися Ивановна, остановившись и сердито качая головой: — ты думаешь все, что у Марьи Сергѣевны живешь.... чего же тутъ стыднаго, хоть и попросить? въдь знаютъ они, что безъ нихъ не откуда взять.

Вдругъ кто-то сильно постучалъ у дверей.

— Можно войти? спросилъ грубый голосъ.

— Милости просимъ, отвѣчала Анися Ивановна.

Въ комнату вошелъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти. На немъ былъ мухояровой сюртукъ, такіе же панталоны и коротенькій жилетъ изъ синей, шолковой матеріи, съ розовыми цвѣточками. Изъ подъ завязаннаго веревкой галстука торчалъ грязный воротъ рубашки. Красное лицо было грязновато и плохо выбрито. Надъ маленькими, сѣрыми глазами висѣли густыя брови и толстыя вѣки. Губы, находившіяся въ весьма близкомъ отъ носа разстояніи, безпрестанно то сжимались, то разжимались, образуя около рта безобразныя морщины и распространяя винный букетъ.

— Съ праздникомъ! сказалъ онъ, входя и распаркиваясь: — позволь, матушка, дочкѣ-то отрекомендоваться!

Онъ быстро подошелъ къ Софѣй Николаевнѣ и, цалуя у ней руку, громко и отрывисто сказалъ:

— Титулярный совѣтникъ Прорвинъ!

Софья Николаевна испугалась и вздрогнула.

— Сосѣдъ вашъ, сударыня, продолжалъ онъ, саясь противъ нея: — въ отставку теперь, на покой. Не таковъ прежде былъ: довольно на вѣку своемъ послужилъ и по военной, и по статской.... Двѣнадцатаго года компанію совершилъ.... въ Изюмскомъ гусарскомъ полку вахмистромъ былъ.... Изъ духовнаго званія.... Послѣ компаніи по ученой части и пошелъ.... Учителемъ разныхъ наукъ во многихъ губерніяхъ имперіи былъ.... Да женился.... дѣти пошли — вотъ на покой и вышелъ.... Недалечко отъ васъ живу. — А что, продолжалъ онъ, вставая передъ Софѣй Николаевной и упирая руки въ бока: — Анися Ивановна, матушка: не нашимъ чета барышнямъ будеть!

И онъ кивалъ головою по направленію къ дѣвушкѣ.

— Хоть перебѣснешь онѣ тамъ всё со злости, а я вѣшь, вѣшь!... И ужь сидить-то не такъ, и воспитаніе-то не то!

— Да что толку въ томъ, что по французскому знаетъ, перебила Анисья Ивановна: — здѣсь его намъ не нужно. Покойница Марья Сергѣевна съумѣла пустакамъ научить, да не умѣла наградить....

— Маменька! съ упрекомъ сказала Софья Николаевна.

— Да что, право, какъ вспомнишь, такъ зло и беретъ, продолжала, разгорчаясь, Анисья Ивановна: — и любила, говорить, и баловала, въ пансіонъ отдала; а не то, чтобы оставить хоть маленько, чтобы вспомнать было чѣмъ.... Въ стороны небось разбросала, прости Господи!...

— Не грѣшно ли вамъ говорить такъ, маменька! сказала съ досадою и покраснѣвъ Софья Николаевна: — вѣдь вы знаете, что Марья Сергѣевна скончалась вдругъ. Не готовилась же она такъ рано къ смерти: она молода еще была. Если бы вы видѣли, какъ она меня любила!...

И слезы показались на глазахъ дѣвочки.

— Оно извѣстно, прервалъ титулярный совѣтникъ: — если завѣщаніе впередъ не сдѣлано, все безъ изъятія къ законнымъ наследникамъ переходить. Вотъ у насъ....

— Любила! ворчала Анисья Ивановна: — много въ этомъ проку, нечего сказать. Коли здѣсь бы ты оставалась, то къ нашему хоть житью привыкши была: и въ полѣ въ страду пособить, и за домомъ присмотрѣть, и къ благодѣтелямъ нашимъ сѣздить, когда матери нельзя.... попросить чего.... А къ чему теперь годна: заучили тебя попусту.... Слабенькая, хворая такая стала!... Да и забыть-то не можетъ какъ жила: сучаетъ все, Богъ ее знаетъ, отчего!

— Не привыкла еще, Анисья Ивановна, не привыкла. Вотъ погодите: какъ осмотрится и съ сосѣдями познакомится. Имъ-то полюбится, вѣрно.... Наши и не такія, да ласки отъ нихъ влять.... Вотъ генеральша скоро будетъ сюда.... Софья Николаевна скуку позабудетъ. Терпѣніе все преодолеваетъ, въ томъ великіе мужи преуспѣваютъ! возразилъ онъ скороговоркой и громко.

Въ комнату вошла еще дѣвочка, весьма некрасивая. Это была дочь одного изъ цаплинскихъ однодворцевъ.

— Здравствуй, Танюшка! сказала Анисья Ивановна, идя к ней.

— Съ праздникомъ, Анисья Ивановна, Софья Николаевна и вась Федоръ Ивановичъ тоже! сказала она.

— Вѣдь она у насъ невѣста, Федоръ Ивановичъ, сказала Анисья Ивановна.

— Знаю, знаю, значительно отвѣчала тотъ: — а женихъ-то здѣсь, что ли, Танюшка? Свадьба когда?

— Свадьба въ то воскресенье, а женихъ будетъ въ субботу. Страшно, да скучно что-то, Анисья Ивановна.

— Чего страшнаго! засмѣявшись, говорилъ Федоръ Ивановичъ: — не укуситъ, не бойсь! Сама рада будешь....

— Да скудно всѣхъ знакомыхъ нашихъ и благодѣтелей оставить: такъ онѣ всѣ меня любятъ. На свадьбу быть хотѣли Шимаевы.

Анисья Ивановна между тѣмъ вышла изъ комнаты и скоро воротилась съ мѣднымъ подсвѣчникомъ, въ которомъ торчалъ маленькій салный огарокъ.

— Что это у тебя, Сонюшка, сколько свѣчи-то сгорѣло? сказала она, съ неудовольствіемъ: — зачѣмъ ты сидишь по ночамъ-то? Вѣрно опять глупыя книжки свои читала? Свѣчи-то вѣдь покупныя!

— Я письмо писала, маменька, отвѣчала Софья Николаевна.

— Къ кому это?

— Къ Наденькѣ Б.

— На это день, слава Богу, есть.... Да и что писать-то къ ней? Деньги изводить только. Всякій разъ гривенникъ, да гривенникъ.... вонъ сколько ты ужъ ей писемъ отписала.

— Я эти деньги заработаю, вспыхнувъ, отвѣчала Софья Николаевна.

— Лучше на что другое деньги терять, продолжала, не слушая ее, Анисья Ивановна: — ей, Наденькѣ-то твоей небось не почемъ онѣ. Пусть-ка сдѣлаетъ, какъ Танюшкинъ женихъ, коли хочетъ, чтобы къ ней писали.

— А что твой женихъ сдѣлалъ? спросилъ Федоръ Ивановичъ.

— Да онъ меня все въ письмахъ бранилъ, что я ему рѣдко пишу. Я и написала ему, что маменька денегъ не даетъ на пись-

на и говорить, что нечего на глупости тратить. Такъ онъ теперь въ каждомъ письмѣ ко мнѣ гривенникъ въ письмо и вкладываетъ, чтобы я на него ему письмо послала, а у маменьки и не прошу.... Вотъ и сегодня письмо получила.

Она достала изъ кармана письмо и гривенникъ.

— Покажи, покажи-ка, говорилъ Федоръ Ивановичъ, протягивая руку: — умень, умень, нечего сказать, твой женихъ!

— Вотъ бы и Наденькѣ твоей догадаться. Ты бы написала ей, сказала Анисья Ивановна, рассматривая гривенникъ.

Софья Николаевна едва не плакала. Она ничего не отвѣчала, потому что почитала это бесполезнымъ.

Потолковавъ еще кое о чемъ, гости ушли.

— Что ты печалишься все у меня? ласково сказала Анисья Ивановна, подходя къ дочери: — побѣжай-ка лучше къ теткѣ. Она просила меня прислать тебя погостить у ней. Авось повеселѣй тамъ будетъ.

Послѣ жалкаго обѣда, Софья Николаевна поѣхала въ телѣгѣ, на рыжей и дрянной клячкѣ.

Тетка жила верстахъ въ десяти отъ Цаплина. Деревня, въ которой стоялъ ея домикъ, очень похожій на домикъ Анисьи Ивановны и на всѣ подобные домики, была довольно большая; но въ ней было всего семь душъ, принадлежавшихъ теткѣ. Она все-таки считалась между цаплинскими жителями не изъ самыхъ бѣдныхъ.

— Очень рада, Сонюшка, спасибо, говорила тетка, встрѣчая ее: — что утромъ не прѣехала? У меня гости были, да и какіе! господинъ Бобровъ.... да Палкинъ еще....

— Я ихъ видѣла у маменьки, сказала Софья Николаевна.

— Ну, правда, что хороши? продолжала тетка: — славные люди, молодчики и богатые какіе! Ужъ такъ они меня любятъ: всегда заѣзжаютъ.... спасибѣ имъ. Нашумятъ, накричатъ, все верхъ дномъ поставятъ и меня, старуху, измаютъ... Этакой этотъ Бобровъ! Вотъ наемни у меня Танюшка гостила; такъ они такъ отъ нея не отходятъ.... затормошили бѣдную.... Куда она ни пойдетъ, они за нею, да всѣ гурьбою.... Шумъ, смѣхъ такой у нихъ пойдетъ: «Прикажите — говорятъ — Настасья Ивановна, Татьянѣ Григорьевнѣ не бѣгать отъ насъ; пусть между нами посидитъ.» Вечеромъ на посидки дѣвокъ велѣли собрать... Просто

помора съ ними!... «Холодно — говорятъ—Настасья Ивановна, погрѣться надо...» И дарятъ меня всегда, старуху. Посмотри, вотъ какія картинки подарили.

Софья Николаевна взглянула на стѣны. На нихъ припилено было нѣсколько модныхъ картинокъ, между другими картинками въ толстыхъ, старыхъ, желтыхъ рамкахъ, зачерненныхъ мухами и изображающихъ неизбѣжнаго Малекъ-Аделя, исторію Женевьевы и еще что-то подобное. На одной стѣнѣ припилена была сѣрая петербургская афишка, объявляющая о представленіи въ звѣринцѣ, съ изображеніями рѣдкихъ хищныхъ звѣрей.

Черезъ нѣсколько дней послѣ визита теткѣ, Софья Николаевна рѣшилась объяснитьсь съ матерью.

— Маменька! сказала она несмѣло, но ласково: — вы видите, что я не могу принести вамъ никакой пользы. Только лишніе расходы отъ меня въ домѣ... Я знаю, что вы не жалѣете объ этомъ, прибавила она: — но все-таки надо покоряться необходимости. Чѣмъ выпрашивать отъ другихъ, не лучше ли доставать самимъ? Я слышала, что Проскудинымъ нужна гувернанка. Я могу занять это мѣсто, потому что знаю языки и музыку. Жалованье я буду отдавать вамъ, оставляя себѣ только необходимое на платье. Тогда, чѣмъ просить у чужихъ, вы будете жить своимъ. А я буду рада, что не даромъ пропало воспитаніе, которое мнѣ дала Марья Сергѣевна, и что оно будетъ вамъ приносить пользу.

Когда Софья Николаевна объяснила старухѣ возможные условія, эта послѣдняя, обвиняя ее и плача, согласилась... Какъ ни груба, по видимому, была старуха, но смѣтливости въ ней было на столько, чтобы понять то, что дочери трудно сжиться съ цаплинскою жизнью и съ цаплинскими жителями.

Черезъ нѣсколько дней, предварительно условившись и перетолковавъ съ Проскудиными, Софья Николаевна перѣехала къ нимъ въ домъ.

ГЛАВА V.

Семейство Проскудиныхъ было очень многочисленное. Двѣ дочери были уже замужемъ, два сына — на службѣ. Въ то время, какъ Софья Николаевна опредѣлилась къ нимъ, на лицо въ деревнѣ, кромѣ стариковъ, находились: дочь, дѣвушка лѣтъ семнадцати, другая дочь лѣтъ десяти, для которой взята была гувернанка, и одинъ изъ сыновей, пріѣхавшій на лѣто въ отпускъ, — довольно красивый молодой человѣкъ.

Старикъ Проскудинъ и его жена были люди стараго времени. Привыкшіе къ высокомуру съ самаго рожденія, они въ продолженіе всей жизни своей не встрѣчались съ такими обстоятельствами, которыя заставили бы ихъ, хоть на время, уклониться съ гладкаго и спокойнаго пути и сдѣлать что нибудь хоть сколько нибудь не согласное съ понятіями, перешедшими къ нимъ по преданію. На столько обтерпѣлся въ обществѣ, чтобы явно не считать унижительнымъ званіе учителя и гувернанки, они однако не думали, что учителя и гувернанки могутъ стоять на одной ступени, напримѣръ, хоть съ дѣтьми ихъ. Проскудина была женщина въ сущности незлая; но эти понятія съ дѣтства срослись съ ней. Только проявленіе ихъ было мягче, нежели у мужа: женщины, неизлуженныя неудачами и непріятностями, имѣютъ всегда болѣе деликатности, нежели мужчины. Принимая въ домъ Софью Николаевну, Проскудина не пугалась невыгоднаго для дочери сравненія. По ея мнѣнію: гдѣ была дочь ея (дѣвушка, впрочемъ, довольно миловидная) — что могла значить тамъ бѣдная гувернанка, дочь цаплинской однодворки?

Старшая дочь обласкала Софью Николаевну, сказала, что очень рада имѣть компаньонку; но, раздѣляя понятія матери, повсюду въ обращеніи своемъ проявляла въ некоторый тонъ покровительства.

Въ первый день за обѣдомъ старикъ Проскудинъ лукаво поглядывалъ на новую гувернанку.

— Какую гувернанку наняла Анна Федоровна! сказалъ онъ, подсмѣиваясь: — просто хоть изъ стола вонъ бѣги.... Видно ужъ, счастье намъ такое: одна другой лучше, правр.... Вотъ Софья Николаевна словно пюничекъ сдѣлалась, прибавилъ онъ, любу-

ясь смущеніемъ сконфуженной дѣвухи: — Ай да Анисья Ивановна!... кто бы могъ думать.... скажи пожалуй!...

Послѣ обѣда Софью Николаевну усадили за фортепьяно. Она играла недурно. Выборъ піесъ дѣлалъ честь ея вкусу.

— Право, хоть куда! говорилъ въ полномъ удовольствіи старикъ, потирая руками. И онъ отправился отдыхать.

Комната, которую отвели нашей героинѣ, находилась наверху и выходила окнами на дворъ. Небольшое количество мебели она разставила такъ, какъ ей казалось удобнѣе, спрятавъ все свое богатство — книги въ одинъ изъ ящиковъ комода.

Съ удовольствіемъ входила она въ эту маленькую комнату, гдѣ могла расположиться на свободѣ послѣ цѣлаго дня принужденія—дня, проведеннаго на глазахъ у людей, ей совершенно чуждыхъ.

Маленькая ея воспитанница, Машенька, была дѣвочка бойкая и острая, но сильно избалованная. Она не терпѣла ничьихъ замѣчаній: брату и сестрѣ дѣлала она на ихъ вопросы такіе отвѣты, что конфузила перваго и заставляла плакать отъ досады послѣднюю. При постороннихъ она держала себя такъ, какъ будто бы была уже взрослая дѣвуха!

Софья Николаевна обходилась съ нею со всею возможною деликатностью, стараясь нисколько не оскорблять ея ранняго самолюбія. Такимъ обращеніемъ она думала привязать къ себѣ дѣвочку; но Маша хотя и сознавала различіе въ поведеніи съ нею Софьи Николаевны и другихъ гувернанокъ, но все-таки смотрѣла на нее съ какою-то недовѣрчивостью: она понимала яснѣе старшей сестры, какъ невыгодно можетъ быть для нихъ обѣихъ, въ глазахъ другихъ, сравненіе съ Софьей Николаевной. Софья Николаевна проводила съ нею цѣлые дни: то вдвоемъ въ классахъ, то въ кругу всего семейства.

Если она, нивогда задумавшись или заговорясь съ кѣмъ нибудь, упускала изъ виду свою рѣзвую воспитанницу, то вѣрно должна была выслушать замѣчаніе Проскудиной, которое тонкимъ образомъ давало ей почувствовать прямую обязанность.

— Душенька, отыщите Машеньку! куда это она отъ васъ убѣжала?

И это замѣчаніе говорилось несмотря на то, были ли тутъ постороннія лица или только свои.

Скомфуженная дѣвушка всякій разъ давала себѣ обѣщаніе быть внимательнѣе и впередъ не подвергать себя такому выговору.

Но самые мучительные часы проводила Софья Николаевна во время посѣщеній Анисьи Ивановны. Хотя обращеніе семейства Проскудиныхъ съ матерью при ней было довольно смѣсное: по смыслу этой невольной проглядывающей насмѣшливости, этой, по видимому, добродушной шутливости былъ понятенъ Софьѣ Николаевнѣ. И къ тому же, какъ могла она равнодушно видѣть угодливое, подобострастное повеленіе матери?

Вѣда каждое воскресенье, какъ обходятся съ другими царицкиными однодворцами, какъ дѣлаютъ изъ нихъ шутовъ и шутихъ, какъ легко потѣшаются ими всѣ присутствующіе, и потому, какъ охотно также подаются первые на все это, она понимала, что только ея присутствіе въ домѣ предохраняетъ Анисью Ивановну отъ подобнаго же обращенія. Когда Петръ Петровичъ приказывалъ отпустить старухъ чего нибудь: муки, овса или крупы; Софьѣ Николаевнѣ бывало столько же неприятно, сколько весело Анисьѣ Ивановнѣ. Она приходила къ Аннѣ Федоровнѣ и, покраснѣвъ, просила вычестъ изъ жалованья то, чего стоили эти вещи.

— Что это вы, мать моя! отвѣчала искренно удивленная Проскудина: станемъ ли мы брать деньги за то, что даемъ бѣднымъ людямъ! Маменька ваша не одна.... Мы и для другихъ привыкли дѣлать то же.... Подите, ма сѣге, какія вы смѣшныя!... это намъ ничего не стоитъ.

Кто изъ насъ не видалъ жизни гувернанокъ въ чужихъ домахъ?

Если она знакома съ музыкой, по вечерамъ усаждать ее за фортепьяно, на которомъ она должна разигрывать для увеселенія домашнихъ: и польки, и польки-мазурки, и вальсы, и кадрили. То же самое дѣлывала и Софья Николаевна.

Иногда же просили ее сыграть что нибудь посерьезнѣе, или что нибудь пропѣть. Она не смѣла отказываться, и чѣмъ сильнѣе досада кипѣла въ груди, тѣмъ она лучше пѣла.

А просившіе по большей части и забывали о томъ, что просили, и во время вѣнія прегромко разговаривали.

Только молодой Проскудинъ садился подлѣ Софьи Николаевны и бросалъ иногда на нее глупые, но по его мнѣнію пла-

женные взоры. Онъ какимъ-то долгомъ почиталъ сантиментально ухаживать за каждой, встрѣчающейся ему, хорошенькой женщиной. Онъ самъ не сознавалъ ясно — для чего это? Можетъ быть красота незамѣтно вызывала его на поклоненіе. Но у него была смертная охота обратить на себя вниманіе и глупое самолюбіе увѣряло его, что онъ можетъ не только что усидѣть въ этомъ, но и возбудить глубокое любовное страданіе въ сердцѣ женщины. Онъ вѣрилъ въ дѣйствительность своихъ пламенныхъ взглядовъ, своихъ восторженныхъ и сладкихъ разговоровъ и манеръ. И потому онъ пускалъ въ ходъ всѣ свои жалкія средства, чтобы совершить побѣду надъ Софьей Николаевной — побѣду, впрочемъ, для него совершенно бесполезную. Но пріятнымъ казалось ему возбудить безнадѣжную къ себѣ любовь. Правда что тактика эта несовѣтъ благородна и рѣдко, очень рѣдко удается. Софья Николаевна не могла не видѣть этихъ направленныхъ на нее взоровъ, но дѣлала видъ, что не замѣчаетъ ихъ. Они и въ самомъ дѣлѣ очень были неинтересны. А между тѣмъ внимательный глазъ Анны Федоровны съ безпокойствомъ слѣдилъ за пламенными взглядами сына.

Бобровъ и Палкинъ (молодые люди, о которыхъ мы уже имѣли случай упомянуть) были знакомы съ Проскудиными и ѣзжали къ нимъ часто. Въ атмосферѣ хорошенькой женщины есть что-то чарующее, какая-то сила, притягивающая къ ней все ближе и ближе, даже и тогда, когда нѣтъ никакихъ стараній со стороны женщины. Бобровъ и Палкинъ, подобно молодому Проскудину, ощущали вліяніе этой силы и по вечерамъ неволью придвигались къ фортепьяно, за которыхъ обыкновенно сидѣла Софья Николаевна.

Хотя Бобровъ сильно ухаживалъ за дочерью хозяйки и ухаживалъ не безъ цѣли, но и на него дѣйствовало очарованіе. Палкинъ же съ Проскудинымъ наперерывъ любезничалъ съ Софьей Николаевной.

Немудрено, что досада и зависть закрадывались въ сердце молодой хозяйки. Хотя отношенія ея съ Бобровымъ, во всей вѣроятности, могли увѣнчаться законнымъ бракомъ (а не могла же она выйти за мужъ за обоихъ?); но очень понятно, что пріятно подъ знаменами своими водить нѣсколькихъ поклонниковъ и обидно, когда кто нибудь дезертируетъ къ неприятелю.

Когда молодые люди оставались одни и потому были не так стѣснены, Софья Николаевна бывала такъ любезна, такъ мила и непринужденно свободна, что невольно гасила у всѣхъ всякое злое чувство и покоряла всѣхъ своему вліянію. Барышни Проскудины, безъ задней мысли, незамѣтно слѣдовали тогда ея примѣру и потому сами были милѣе. Разговору она давала такое интересное, живое направленіе, что на душѣ у всѣхъ становилось свѣтло и всѣмъ было какъ-то тепло и весело. Въ каждомъ словѣ ея виденъ былъ умъ и неспорченное нѣжное женское чувство.

При старикахъ Проскудиныхъ ей не приходилось много говорить; но и изъ немногаго они смутно сознавали превосходство Софьи Николаевны предъ ихъ дочерью.

Такъ прошло нѣсколько недѣль. Взоры молодого Проскудина становились все пламеннѣе и пламеннѣе.

И вотъ наступилъ давно ожидаемый всѣми домашними и сосѣдями день именинъ хозяина.

Гостей собралось довольно. Всѣмъ, вѣроятно, болѣе или мѣнѣе, извѣстно, какъ проводятся именинные дни въ деревнѣ. То же самое, съ маленькими варьяціями, происходило въ день именинъ Петра Петровича. Точно также обѣдали, гуляли, танцевали. Когда стемнѣло, садъ былъ иллюминированъ. Въ аллеяхъ его, впрочемъ, довольно въ большомъ другъ отъ друга разстояніи, развѣшены были фонарики изъ разноцвѣтной бумаги, которые приготовляли цѣлый мѣсяць.

Стоящая въ отдаленіи рѣшотчатая бесѣдка тоже очень эффектно была ими освѣщена.

Гости разбрелись по аллеямъ. Красиво мелькали вдаль пестрыя фигуры женщины, время отъ времени освѣщаемыя то краснымъ, то синимъ, то желтымъ цвѣтомъ. Софья Николаевна, оставъ отъ другихъ, задумчиво шла въ темной аллеѣ, когда молодой Проскудинъ, догнавъ ее, пошелъ съ нею рядомъ.

— Вы одни? спросилъ онъ.

— Какъ видите, отвѣчала она.

Нѣсколько минутъ они шли молча. Софья Николаевна не хотѣлось говорить; Проскудинъ не зналъ съ чего начать. Онъ имѣлъ претензію на краснорѣчіе и на высокой слогъ.

— Какой день и какая чудная ночь! наконецъ сказалъ онъ : — вотъ я уже нѣсколько лѣтъ замѣчаю , что какъ будто нарочно для нашего семейнаго праздника удаются такіе дни.

Софья Николаевна улыбнулась.

— Посмотрите, продолжалъ онъ , играя зрачками глазъ : — посмотрите на это темное золотое небо, усыпанное серебряными блестками; посмотрите на эту волшебницу луну, на эту чудную картину шира, которая, впрочемъ, (онъ улыбнулся) какъ бумажный гербъ, бѣлится на обгладутомъ трауромъ небѣ!

Онъ остановился отъ прилива богатыхъ сравненій.

— И какъ располагаетъ такая ночь, такое небо къ любви, къ восторгамъ, къ нѣжнымъ ошущеніямъ... не правда ли?

— Меня, отвѣчала Софья Николаевна насмѣшливо : — она сегодня очень располагаетъ ко сну.

— Прекрасно, я съ вами согласенъ : какъ долженъ быть отраденъ сонъ на прохладной травѣ, подъ открытымъ небомъ, при освѣщеніи луны! Какъ богаты должны быть видѣнія! А если у изголовья сидитъ любимое существо...

— Нѣтъ, прервала его Софья Николаевна : — меня тянетъ въ мою комнату, а не подъ открытое небо, въ теплую постель, а не на сырую землю.

— Вы говорите это противъ себя, говорите только для того, чтобы противорѣчить мнѣ.

— Съ чего вы взяли, что мнѣ хочется вамъ противорѣчить?

— Я увѣренъ, что въ глубинѣ души вы согласны со мною : иначе быть не можетъ... Я увѣренъ, что видъ этой луны, этихъ звѣздъ дѣйствуетъ на васъ такъ же сильно, какъ и на меня... Посмотрите какъ бьется мое сердце... и убѣдитесь, что и ваше тоже.

И онъ дотронулся до ея талии съ намѣреніемъ убѣдиться, сильно ли бьется ея сердце. Софья Николаевна быстро повернулась и отеночила въ сторону.

— Вы съ ума сошли! сказала она съ такою гордою интонаціею въ голосѣ, что Проскудинъ отодвинулся, сконфузилась и замолчалъ.

— Чтось я сдѣлалъ... вы что вы сердитесь? сказалъ онъ, робко глядя на Софью Николаевну : — въ моемъ движеніи я послушался голоса сердца...

— Кто дасть вамъ право такъ фамильярно обращаться со мною. Не думаете ли вы, что съ бѣдной дѣвушкой, гувернанткой въ домѣ вашихъ родителей, вы можете себя позволить больше, чѣмъ съ другими дѣвицами. Вы ошибаетесь....

И она наговорила ему нѣсколько несровѣмъ пріятныхъ истинъ. Впрочемъ, Софья Николаевна говорила очень спокойно. Она понимала всю незначительность и ограниченность личности Проскудина и потому не могла быть въ душѣ сильно оскорблена его проступкомъ. И къ тому же онъ вдругъ присмирѣлъ.

— Ваше додождіе тутъ ничего не значить, сказалъ онъ несмѣло: — подтверйте, что, если бы не нѣкоторыя препятствія, на перекуръ которыхъ идти я не могу, я бы принесъ вамъ въ жертву все и....

Онъ не надеялся что продолжать и змѣлся.

— А я, сказала съ злою насмѣшкою Софья Николаевна: — я, если бы вы мнѣ нравились, если бы я любила васъ, тогда бы я приняла ваши жертвы. Я надеюсь, что ничего подобнаго не повторится: иначе я должна буду оставить вашъ домъ. Машенька! закричала она, увидявъ между деревьями свою воспитанницу: — продолжите: пойдемте вмѣстѣ!

Окончательно разбитый, Иванъ Петровичъ отсталъ и скрылся въ другихъ аллеяхъ.

Софья Николаевна бросилась на скамью въ одной изъ самыхъ большихъ аллей, а Машенька куда-то убѣжала. Вдругъ Софья Николаевна почувствовала, что кто-то слегка дотрогивается до ея плеча. Она вздрогнула и быстро обернулась.

— Ради Бога, сказалъ тотъ же голосъ: — не шевелитесь! Прочтите сейчасъ же!

На колѣни къ ней упала записка — маленькая, красиво сложенная. Она повернулась, чтобы бросить ее подавшему, но уже никого не было. Она сжала записку въ рукѣ и пошла въ другую аллею. Любопытство у женщинъ часто сильнѣе всѣхъ другихъ соображеній. «Прочту — думала она — чья эта еще глупость? и о чемъ такъ таинственно извѣщаютъ меня». Полойдя къ фонарю, висѣвшему у дерева, она осмотрѣлась кругомъ и развернула записку.

«За нами маманька и всѣ присматриваютъ — гласила записка — я не могъ ни одной минуты остаться съ вами наединѣ. Будьте вѣрны своему доброму сердцу: черезъ полчаса

«приходите за оранжерею: я буду ждать васъ. Много, много «осталось между нами недоказаннаго....»

— Слава Богу: это не ко мнѣ, думала Софья Николаевна: — Бобровъ ошибся: онъ принялъ меня за Варвару Петровну. Но что за таинственность? развѣ не всѣмъ извѣстно, къ чему клонятся ихъ взаимныя отношенія.

Дѣло же было вотъ въ чемъ: исканія Боброва приближались къ развязкѣ очень просто, очень обыкновенно, безъ всякихъ волненій, романическихъ страданій и препятствій. Родители той и другой стороны желали ихъ соединенія. Сами они были не прочь. Хлопотать рѣшительно было не о чемъ; нужно только было ждать приличнаго срока. И вотъ почему ему захотѣлось незанимательную исторію своихъ предбрачныхъ дней украсить этимъ призракомъ романической сцены: таинственнымъ свиданіемъ за каменной стѣной оранжереи, въ купѣ тѣсно растущихъ деревь, при свѣтѣ луны... и онъ силлся увѣрить себя, что за ними присматриваютъ и не даютъ имъ никакого случая остаться вдвоемъ!

— Что мнѣ дѣлать? думала Софья Николаевна, свертывая записку: — отдать ей неловко, я не въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ. Самое лучшее, я думаю, возвратить ему и объяснить, что онъ ошибся.

Но полчаса прошло, и она, нигдѣ не найдя Боброва, рѣшилась идти къ оранжереѣ, въ условленное мѣсто. Едва она раздвинула деревья и взшла на маленькую, плотно окруженную ими, площадку, какъ кто-то схватилъ ее за руку.

— Вы ошибаетесь во второй разъ, сказала она: — и принимаете меня не за ту, которую ждали. Записку вы отдали мнѣ. Я искала васъ, чтобы возвратить ее, но до сихъ поръ не могла найти.... Отдать Варварѣ Петровнѣ казалось мнѣ неловкимъ: она не посвящаетъ меня въ свои тайны.

Она подала ему записку.

— Софья Николаевна, это вы! сказалъ Бобровъ иѣжнымъ голосомъ, когда первый порывъ увлеченія прошелъ. И не выпуская руки ея, онъ продолжалъ: — Правда не васъ ждалъ я; но все равно.... я очень радъ, что судьба привела васъ сюда. Да правда, правда! продолжалъ онъ довольно трагически, опустивъ ея руку: — я предвижу, чѣмъ должно у насъ кончиться съ Варварой Петровной. Вѣроятно чрезъ нѣсколько дней она

будетъ моею невѣстой.... Но повѣрите ли: при мысли объ этомъ сердце мое ни останавливается, ни бьется сильнѣе! Я не чувствую ни волненія, ни томленія, ни страданія отъ нетерпѣнія. Нѣтъ!... Моя привязанность къ ней такъ тиха, такъ спокойна, такъ прозаически разъигрывается.... А между тѣмъ если бы вы были на ея мѣстѣ.... если бы вы были въ ея положеніи.... мнѣ кажется, при одной мысли объ этомъ, что вы были бы моею, кровь задушила бъ меня.... я бы....

И онъ хотѣлъ схватить ея руку.

Софья Николаевна отвернулась съ негодованіемъ и пошла отъ него прочь.

— Какъ это благородно! сказала она: — значить вы обманываете Варвару Петровну, вы ее не любите, а ухаживаете за ней по какому нибудь расчету.... Я скажу ей это.

Бобровъ перепугался.

— Нѣтъ, ради Бога не говорите ничего, Софья Николаевна, просилъ онъ, спохватившись: — я говорилъ вамъ то, что чувствовалъ въ эту минуту. Я не виноватъ и не воленъ въ своихъ ощущеніяхъ. Пожалуй, если хотите — я шутилъ. Вы не имѣете права рассказывать другимъ: это будетъ нехорошо.

— Вамъ ли говорить объ этомъ! А обманывать или лгать хорошо?

— Я не обманываю. Вѣдь я и не расписываю ей мою любовь. Мѣру ея она сама опредѣляетъ по своему.

— Ну я это и скажу ей.

— Къ чему, Софья Николаевна, послужить все это? Вы только надѣлаете непріятностей и безпокойствъ въ домѣ.

— Лучше ужъ теперь ей испытать эти непріятности, нежели терпѣть впоследствии.

— Вы все стоите на своемъ! Да по мнѣ пожалуй, говорите, сказалъ онъ съ наглою самоувѣренностью: — вамъ никто не повѣритъ.... вы себѣ только повредите.... Я прошу васъ оставьте ваше намѣреніе! Пусть эта невольная откровенность останется между вами.

— Подите! отвѣчала съ досадою Софья Николаева: — дѣлайте, что хотите.... Мнѣ ни до кого изъ васъ дѣла нѣтъ.

Софья Николаевна сама не могла внутренно не согласиться, что если она станетъ рассказывать эту сцену, то никто ей не захочетъ повѣрить. Бобровъ можетъ обернуть дѣло такъ, что

все падеть на нее и доброе намѣреніе повлечетъ за собою одни непріятности и подозрѣнія. Она рѣшилась молчать. Прийдя въ свою комнату и раздѣвшись, Софья Николаевна долго думала. Ей уже давно было тяжело и непріятно у Проскудиныхъ по многимъ причинамъ. Она понимала, что, занимая должность гувернантки, нельзя быть совершенно независимой; но нигдѣ не могла быть она такъ стѣснена какъ здѣсь. Въ другомъ домѣ, исполняя свое дѣло, она вполне могла бы считать себя нисколько не обязанною. Здѣсь же: Проскудины, зная Анисью Ивановну и ея жалкую жизнь, думаютъ — и думаютъ въ слухъ, что они большую милость дѣлаютъ ея дочери, держа ее у себя въ домѣ. Какъ будто они одни могли спасти ее отъ жалкаго положенія! Сосѣдство и знакомство матери съ Проскудинами пѣвально связывали Софью Николаевну. Эти ничтожные подарки муки, овса, крупъ глубоко оскорбляли ее. Она видѣла, что Проскудины ставили ихъ въ счетъ одолженій и милостей, дѣлаемыхъ бѣдной дѣвушкѣ. Удаляйтесь въ такую сторону, гдѣ бы не знали о ея происхожденіи, — вотъ чего давно желала она. Последнія сцены еще болѣе укрѣпили въ ней это желаніе. Она легла въ постель съ твердымъ намѣреніемъ искать, и какъ можно скорѣе, другого мѣста.

А между тѣмъ на утро ожидала ее еще сцена. Машенька видѣла, какъ она читала записку. Слѣдя за ней, она подслушала весь разговоръ съ Бобровымъ и передала его съ прибавленіями матери. Анна Федоровна позвала къ себѣ Софью Николаевну и, принявъ величественный видъ, строго спросила ее: «правда ли то, что рассказывала ей Машенька?»

Софья Николаевна, не ожидавшая этого вопроса, покраснѣла и сконфузилась.

— Правда, отвѣчала она, однако смѣло глядя въ глаза Проскудиной: — только въ этомъ есть немного прибавленнаго.

— Но вѣдь этотъ.... Бобровъ объяснялся же вамъ въ любви? съ презрительною гримасою спросила Анна Федоровна.

— Въ любви онъ мнѣ не объяснялся, отвѣчала, вспыхнувъ, Софья Николаевна.

И она рассказала Проскудиной все, какъ было.

— Зачѣмъ вы мнѣ этого не сказали тотчасъ же? говорила Проскудина: — я услыхала все отъ моей малѣнькой дочери!

— Я думала, споневзаясь отвѣчала Софья Николаевна : — я думала, что вы.... и Варвара Петровна не повѣрите мнѣ.... и подумаете, что я все это вообразила....

— Идите въ классъ, сухо сказала Анна Федоровна : — вы мало занимаетесь съ Машенькой музыкою.

— Вотъ, думала вслухъ Анна Федоровна : — дѣлай имъ добро, благодѣтельствуй ; а онѣ интриги заводятъ въ домѣ, сбиваютъ другихъ съ толку своимъ кокетствомъ !

Къ счастью Софья Николаевна не слышала этихъ назидательныхъ разсужденій. Но Анну Федоровну они побудили къ рѣшительному дѣйствию. Она давно подмѣтила пламенные взоры сына и теперь должна была видѣть, что Софья Николаевна отбиваетъ и отбила поклонниковъ ея дочери. Анна Федоровна рѣшилась съ нею разстаться, позвала къ себѣ на другой день Софью Николаевну и ласково сказала ей :

— Я надѣюсь, что вы вѣрите, моя сестра, что я вамъ желаю добра и потому не разсердитесь за то, что я буду говорить вамъ. Вы слишкомъ молоды и слишкомъ интересны, чтобы быть гувернанкой въ такомъ большемъ и разнородномъ семействѣ, какъ мое.

— Я сама хотѣла говорить вамъ, Анна Федоровна, что должна оставить домъ вашъ, сказала, прерывая ее, Софья Николаевна, досадуя, что не начала первая.

— Выслушайте меня прежде, милая, продолжала Прескудина : — могутъ встрѣтаться такіе случаи, обстоятельства, при которыхъ вы можете быть причиною раздора и несприятности въ семействѣ, сами того не желая. У меня есть большіе сыновья; вы такъ созданы, что можете имъ понравиться.... тогда что изъ этого выйдетъ ? страшныя несприятности. Вѣдь жевитесь.... Вы сами, милая, понимаете всю несообразность этого.... вы сами знаете свое положеніе.

— Да, я все это очень хорошо понимаю, насмѣшливо отвѣчала Софья Николаевна.

Анна Федоровна никакъ не хотѣла упоминать о дочеряхъ.

Она продолжала :

— Къ тому же у нихъ бываетъ пропасть молодыхъ людей. Известно, что молодежь льгаетъ къ молодежи. Вамъ надо серьезно заниматься съ Машенькой, а пойдете ли вамъ это въ голову ? вы сами едва перестали учиться. Васъ окружаютъ, завертываютъ

вамъ голову. Я слѣлаю вамъ вотъ какое предложеніе и думаю, что вы будете согласны на него: одна моя знакомая, даже дальняя родственница, писала ко мнѣ, чтобъ я спискала ей гувернанку. Черезъ моихъ родныхъ въ Петербургъ я исполнила ея просьбу. На дняхъ мимо насъ поѣдетъ экипажъ, который моя знакомая посылаетъ въ Петербургъ. Я остановлю его и если вы хотите ѣхать къ нимъ, поѣзжайте. Я вамъ дамъ письмо. Она женщина молодая; дочка у ней еще очень маленькая.... Она болѣе искала дѣвушки для компаніи себѣ.... Я увѣрена, что она очень довольна будетъ моимъ выборомъ. Живутъ они въ Т. губерніи.

Софья Николаевна разсудила; что выбирать мѣсто было бы не изъ чего. Ей правилое то, что хозяйка предлагаемаго ей семейства была молодая женщина, и что дочь у ней еще маленькая.

Получивъ согласіе матери и простившись съ нею съ искренними слезами, наша героиня, черезъ нѣсколько дней, оставила домъ Проскудиныхъ и отправилась въ путь въ Т.... губернію, куда перенесемся и мы.

ГЛАВА VI.

— Вы не повѣрите, какъ я рада вашему пріѣзду, милая Софья Николаевна, говорила Катерина Михайловна Волнова, прочитавъ письмо Проскудиной и ласково пожимая руку нашей героини: — я очень благодарна Аннѣ Федоровнѣ, что она распорядилась такъ. Буду надѣяться, что вы полюбите меня: ваша же шаружность такъ пріятельна, что, мнѣ кажется, я уже полюбила васъ.

Софья Николаевна искренней благодарностью отвѣчала своей молодой хозяйкѣ.

Катерина Михайловна Волнова была женщина лѣтъ двадцати-пяти и имѣла довольно замѣчательную фizioномію. Она была небольшого роста и скорѣе худа, нежели полна. Цвѣтъ ея нѣжной, совершенно гладкой, даже лоснящейся кожи былъ желтовато блѣдный. Голова небольшая съ густыми синевато-черными и пышно лежащими волосами. Очеркъ лица овальный: черты тонкія, острыя и маленькія. Лобъ небольшой; носъ съ

едва замѣтнымъ загибомъ; губы тонкія, безпрестанно шевелящіяся, безпрестанно открывающіяся и показывающія ряды бѣлыхъ, рѣдкихъ и острыхъ зубовъ. Но глаза составляли самую характеристическую черту лица ея. Маленькіе, блестящіе, зеленовато-сѣрые, совѣтъ почти скрывающіеся подъ черными рѣсницами, они глубоко сидѣли въ небольшихъ орбитахъ. Они безпрестанно бѣгали, выпуская изъ себя то черные, то зеленые лучи, которые, казалось, какъ будто вонзались въ предметъ, но ни на чемъ долго не останавливались. Безпрестанною рѣзкою переменною направленія этихъ лучей они сбивали васъ съ толку и конфузли. Иногда же они вдругъ останавливались и темнѣли; но въ этой произвольной неподвижности было столько какъ будто усиленно сдерживаемой страсти, столько неодолимой силы и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренности въ ней! Казалось, на этихъ глазахъ никогда не могли показаться слезы горя или состраданія, и только слезы страсти, досады и гнѣва были имъ знакомы. Подъ дѣйствіемъ этихъ пронизательныхъ, ѣдкихъ, глубокихъ и смѣлыхъ взоровъ сердце какъ-то усиленно билось, нервы приходили въ раздраженіе и потомъ упали какъ будто послѣ электрическаго удара. Голова на тонкой, но круглой шеѣ, грудь немного плоская, плечи круглыя, но небольшія, руки длинныя и гибкія, но не худыя.

Всѣ движенія ея походили какъ-то на движенія кошки. Иногда они были быстры, рѣзки, неожиданны, иногда такъ же, какъ у кошки, лѣнны, граціозны и округленны. Чаруя взглядами и обвивая своими длинными руками, она, казалось, была способна, какъ змѣя, задавить въ своихъ крѣпкихъ объятіяхъ и съ жаркимъ поцалуемъ втянуть въ себя послѣдній вздохъ того, кто подается ея волшебному обаянію. Прикосновеніе ея жгло сухимъ, ѣдкимъ огнемъ.

Въ нѣсколько минутъ эти ласкающіеся, кошачьи взгляды и движенія уже сдѣлали вліяніе на Софію Николаевну.

— По обстоятельствамъ мы должны жить въ деревнѣ, продолжала хозяйка: — вы не повѣрите какъ мнѣ было здѣсь скучно одной. Теперь, по крайней мѣрѣ, я не одна: вы будете со мной. Дочка моя еще совершенная крошка (она теперь гуляетъ, а то бы я вамъ сейчасъ показала ее). Съ нею хлопотъ будетъ нешного.... Но вы совѣтъ измучились, топ enfant; дорога, я думаю, страшно утомла васъ?

— Нѣтъ, ничего, отвѣчала Софья Николаевна: — лицо только горитъ отъ вѣтра.

— Мишель, Мишель! закричала хозяйка рѣзкимъ голосомъ.

— Мишель! вскрикнула она съ досадою.

Губы ея задрожали и вся она зашевелилась и задергалась отъ ветеривнїа.

Послышались быстрые шаги. Въ комнату вошелъ хозяинъ дома, держа въ одной рукѣ трубку, а въ другой — газету. По видимому ему было лѣтъ тридцать-пять. Онъ былъ довольно большого роста, но страшно худъ. Замѣтно было, что съ молодости онъ былъ красивый мужчина. Теперь же лицо его осунулось и обтянулось по костямъ, почему все черты его сдѣлались рѣзкими. Безпокойные глаза сидѣли въ темныхъ ямахъ. Волоса спереди почти все выпали. Грудь ввалилась, спина была немного согнута, а голова какъ-то склонялась къ груди. Во всей фигурѣ его выражались страданіе и болѣзненность. Съ перваго взгляда онъ возбуждалъ участіе, или, лучше сказать, состраданіе.

— Вотъ мой мужъ, сказала Волнова и губы ея приняли насмѣшливое выраженіе.

Мужъ раскланялся и сказалъ Софьѣ Николаевнѣ приличное привѣтствіе.

— Что поставлена ли кровать въ комнату Софьи Николаевны? спросила жена.

— Нѣтъ, кажется.... Я велѣлъ внести туда диванъ.

— Обо всемъ рѣшительно надо самой позаботиться!... Какже ты не распорядилась, чтобы было все готово?

— Мы не ждали такъ скоро, отвѣчалъ мужъ съ замѣтною несмѣлостью: — и потомъ.... ты сама приказала доканчивать диванъ для той комнаты, гдѣ останавливается Павелъ Ивановичъ.

— Никогда я не думала приказывать, прервала она его, вспыхнувъ: — просто твоя лѣнь: вотъ причина, не ищи лучше другой.

— Къ чему кровать? виѣшалась Софья Николаевна: — мнѣ очень хорошо будетъ на диванѣ. Ради Бога не беспокойтесь: право не нужно.

— Распорядитесь же, по крайней мѣрѣ, какъ слѣдуетъ, сказала Катерина Михайловна мужу, который, конфузясь, перебиралъ въ рукахъ газету.

Онъ вышелъ.

— Мишель! Мишель! прикажи скорѣе давать чай! сказала она, по призыву, воротившемуся мужу.

Онъ отправился исполнять ея приказаніе.

Въ еѳедней комнатѣ послышался глухой, подавляемый кашель, какъ будто кто-то задыхался отъ него.

— Мишель! Мишель!

Кашель не умолкалъ.

— Мишель! Иди сюда! кричала Волнова какими-то корыщными человѣка голосомъ.

Онъ вошелъ. Лицо его раскраснѣлось: онъ вытираетъ платкомъ выступившіи на лбу потъ.

— Ты совсѣмъ не умѣешь кашлять.... Слышать непріятно, право....

— Что же мнѣ дѣлать, душенька?

— Такъ уйди въ свои комнаты, чтобы не слышно было.

Лицо его подернулось: онъ взялся за ручку двери.

— Мишель! остановила его жена: — ты послалъ за новымъ лекарствомъ въ городъ?

— Сейчасъ пошлю.... лошадей не было: всѣ были въ полѣ.

— Какже ты до сихъ поръ не позаботился! Вѣдь не умерать же мнѣ безъ лекарства. Хоть бы объ этомъ!... прибавила она, съ злымъ упрямомъ.

— Сейчасъ, сейчасъ поѣдетъ. Катенька.... не безпокойся, сказала, заторопившись и растерявшись, Волновъ и вышелъ изъ комнаты.

— Вотъ посудите, Софья Николаевна, какая тоска! Обо всемъ подумай сама: онъ какой-то вялый, больной!...

И она сдѣлала презрительную гримасу. Софья Николаевна, не ожидая такой скорой довѣренности, покраснѣла. Ей показались страннымъ, что не сожалѣніе, а презрѣніе вырвалось изъ лицъ молодой хозяйки.

Привели маленькую Лизу — дочку Волновыхъ. Мать подзвала ее къ себѣ.

— Погляди на новую тетю, сказала мать: — будешь ли ты любить ее?

Дѣвочка смотрѣла изъ подлобья на новое лицо.

— Правдѣ ли я тебѣ, душечка? спрашивала, цалуя ее, Софья Николаевна.

Дѣвочка молчала и подозрительно смотрѣла.

— Тетя будетъ учить тебя, ... посмотри, какая она сердитая, страшная! сказала мать.

— Нѣтъ, она хорошая, проговорила дѣвочка, обвиняя своими тоненькими рученками Софью Николаевну, которая подымала ее, чтобъ посадить на диванъ.

Дочь очень походила на котенка. Она была достойна своего происхожденія. Софью Николаевну повели по всему дому и показали назначенную для нея комнату. Напились чаю; усѣлись на диванѣ, какъ можно спокойнѣе; Волнова стала распрашивать гувернанку о томъ, гдѣ училась она, гдѣ жила, о дорогѣ, которую совершила; знакомила ее съ предстоящею у нихъ жизнью. Софья Николаевна была сильно утомлена. Она отвѣчала вяло и не впадать; дѣлала страшныя усилія, чтобъ показать, что слушаетъ; но глаза ея безпрестанно закрывались; наконецъ голова склонилась къ подушкѣ дивана и она заснула. Катерина Михайловна замѣтила это тотчасъ. Она придвинула свѣчу, повернулась лицомъ къ спящей дѣвушкѣ и, подобравъ ноги на диванъ, стала съ вниманіемъ осматривать ее. Положеніе всей фигуры Волновой напоминало положеніе кошки, собирающейся кинуться на крадущуюся мышь: слѣдящей за всѣми ея движеніями и приготовляющей къ прыжку свои эластическіе члены. Глаза ея быстро и жадно бѣгали по всей фигурѣ уснувшей и, подъ вліяніемъ ихъ, дѣвушка съ видимымъ безпокойствомъ поворачивала голову. Она казалась жертвою, ревниво стерегимою провицательнымъ глазомъ врага. Комната, обклеенная темно малиновыми обоями, съ окнами, закрытыми шелковыми занавѣсками, меблированная съ большимъ вкусомъ и даже великолѣпно въ сравненіи съ другими комнатами, была ярко освѣщена двумя красивыми солнечными лампами. По обѣимъ сторонамъ трюмо, стоящаго противъ дивана, горѣло по нѣскольку свѣчей. Катерина Михайловна стала глядѣть въ зеркало. Она принимала различныя позы, однѣ другихъ оригинальнѣе и граціознѣе: подымала свои гибкія руки, закладывала ихъ за шею, шевеля свою пышную куафюру, приподнимала немного платье и открывала маленькія и сухія ножки. Она приподнималась, наклоняясь то въ ту, то въ другую сторону, и гибкое тѣло ея гнулось какъ тростникъ, принимая самыя живописныя и страстные изгибы. Но быстрый

глазъ ея не покидалъ Софью Николаевну. Она глядѣла сначала на лицо, потомъ на ея шею, на руки. И по мѣрѣ того, какъ сравнивала спящую съ собою, злая улыбка сходилла съ губъ и замѣнялась не то презрительною, не то снисходительною, благосклонною улыбкою — такою, какалъ появляется на устахъ взрослыхъ, когда они смотрять на дѣтей и слушають ихъ невнимательные рассказы.

Вдругъ дверь скрипнула и въ комнату вошелъ Волновъ.

— Тихе, тихе! сказала жена его, указывая на Софью Николаевну.

Онъ молча и осторожно сѣлъ на другой конецъ дивана, равнодушно глядя на уснувшую.

— Готово ли тамъ все у ней? спросила Волнова.

— Все готово.

— Душенька! сказала ласково Катерина Михайловна, слегка дотрогиваясь до руки дѣвушки.

Она вздохнула и проснулась.

— Ахъ! извините, сказала она, сильно покрасивъ и протирая глаза своими маленькими пальцами: — должно быть я очень устала, если такъ невѣжливо....

— Чтѣ вы! идите къ себѣ, вамъ пора отдохнуть: я виновата, что мучила васъ такъ долго.

Она позвонила.

— Проводите барышню въ ея комнату! сказала она вошедшей горничной и, прощаясь; поцаловала свѣжую щеку Софьи Николаевны.

— Какъ она тебѣ кажется? спросила Волнова мужа, дѣлая головою движеніе по направленію къ ушедшей.

— Она очень мила, отвѣчалъ онъ разсѣянно.

— Мила!... она очень хороша. У тебя видно глазъ нѣтъ!

— Ты знаешь, мой другъ, что съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ тебя, у меня нѣтъ глазъ для другихъ женщинъ.

— Очень глупо.... И, кажется, совершенно бесполезно; прибавила она съ злою улыбкой. — Проводи меня и посвѣти! продолжала она, собирая со стола свою работу.

Онъ взялъ свѣчу и послѣдовалъ за нею. У дверей спальни она остановилась.

— Прощай! сказала она, протягивая руку къ свѣчѣ.

Онъ стоялъ неподвижно.

— Чего ты ждешь? что ты на меня такъ смотришь? сказала она

— Я ничего нежду и никакъ не смотрю на тебя, отрывисто отвѣчалъ онъ и, сунувъ ей подсвѣнникъ, судорожно повернулся и скорыми шагами пошелъ прочь.

Презрѣніе и вмѣстѣ гнѣвъ блеснули въ зеленыхъ глазахъ ея. Она пожала плечами и затворила дверь.

Между тѣмъ Софья Николаевна, прійдя въ свою комнату, съ помощью дѣвушки быстро раздѣлась.

— Слава Богу, барышня, что вы пріѣхали. Все веселѣе будетъ.... А то: такая, право, скука! Баранъ все боленъ.... Барыня.... ужъ кто ее знаетъ, что съ ней, право!...

Услужливая горничная, кажется, желала тотчасъ же ознакомить нашу героиню со всѣмъ домомъ и его тайнами; но послѣдняя только что легла въ постель и закрыла глаза, какъ уже спала крѣпкимъ сномъ.

Рано проснулась Софья Николаевна. Солнце, пробиваясь окрозь зеленыхъ занавѣсокъ, освѣщало небольшую комнату. Подъ окнами весело и разнообразно чманкали маленькія птицы. Курицы кудахтали. Изрѣдка слышался на дворѣ говоръ людей, начинающихъ свои утреннія хлопоты. Нѣсколько времени она не могла сообразить хорошенько — гдѣ находится. Потомъ, осмотрѣвшись, вспомнила и улыбнулась.

Прикрывъ мангилею свою открытую грудь, она дышла на балконъ. Холодный утренній воздухъ нахнулъ ей въ лицо и отраднo освѣжилъ ее. Она осмотрѣлась кругомъ: балконъ выходилъ въ садъ. Около дома растянулась довольно большая полукруглая и зеленая площадка, на которой разбросано было нѣсколько маленькихъ куртицъ, пестрящихся двѣтами. Отъ площадки начинался пологій скатъ, едва видный съ балкона за густою зеленью большихъ и темныхъ деревьевъ. — Едва только между стволами деревьевъ виднѣлся сырой мохъ, покрывавшій землю, никогда не испытывшую прямого дѣйствія солнечныхъ лучей. Три длинныя аллеи: одна прямо противъ середины дома, другія двѣ — вправо и влѣво — спускались по скату и выводили къ низенькому забору, за которымъ виднѣлась дорога. Даль закрывалась деревьями и потому видимое пространство было очень ограничено; но Софья Николаевна все тутъ показалось какъ-то и уютно и удобно. Влѣво за заборомъ виднѣлся частый дворъ, обстроен-

ный кругомъ колющими, сарами и другими хозяйственными инструментами. — У сарая два кучера мыли прѣѣхавшую на камуфъ коляску. Изъ амбара ключникъ принималъ овесъ съ подводъ, стоящихъ около него. Незанятые мужики сидѣли подъ тѣнью вербы и весело разговаривали. Куры и индѣйки окружали телеги и клевали просыпавшіяся зерна. Пѣтухъ настойчиво свывалъ гѣкъ куръ, которыя разбрелись по разнымъ мѣстамъ. Собаки въ разныхъ местахъ лежали, растянувшись на теплой землѣ, и тяжело дышали, щадимыя солнцемъ. Все вышло, въ глазахъ Софьи Николаевны, такой мирный, тихій и задушевный видъ. Казалось, что и люди, жившіе среди такой обстановки, тоже необходимо должны были находиться въ мирныхъ, дружескихъ отношеніяхъ: спокойны и довольны другъ другомъ!

Она принесла стулъ, сѣла и задумалась. Въ первый разъ послѣ смерти Марьи Сергѣевны грудь ея свободно дышала. Какое-то пріятное чувство независимости, раздѣлки съ тягостнымъ прошедшимъ наполняло ея сердце. Покинувъ людей не симпатичныхъ, она думала, что теперь хоть и одна въ мірѣ, но за то свободна въ своихъ дѣйствіяхъ и сама можетъ опредѣлять свое будущее. Страданія, источникомъ которыхъ были: всеневное стѣсненіе, униженіе и оскорбленная гордость — удалены. Въ этомъ домѣ приняли ее такъ ласково, какъ она рѣшительно не могла ожидать. Здѣсь показываютъ видъ, что она прѣѣдомъ своимъ приноситъ удовольствіе. Мысль о матери нѣсколько опрочила ея мысли. Но, подумавъ о томъ, что здѣсь она можетъ быть ей также полезна, не принося жертвъ, оскорбляющихъ ея собственную личность, — она успокоилась. Къ тому же она должна была сознаться, что разлука, быть можетъ, еще менѣе тяжела и замѣтна для матери, нежели для нея самой.

Одѣвшись Софья Николаевна сошла внизъ. Неслѣ чая (при которомъ молчаливо присутствовала мрачный Волковъ, читая газету и жуя трубку) хозяйка повела ее въ садъ.

— Вотъ здѣсь мы будемъ работать, здѣсь чай пить, а здѣсь обѣдать, говорила хозяйка.

Долго ходили онѣ. Вдругъ послышался стукъ подѣѣхавшаго къ дому экипажа.

— Кто-то прѣѣхалъ! сказала, встрепенувшись, хозяйка.

Черезъ нѣсколько минутъ встрѣтили ихъ въ аллеѣ высокій, широчайшій довольно красивый молодой человекъ. Но въ лицѣ

его не было пріятности, въ фигурѣ стройности, въ манерахъ непринужденности. И Софья Николаевнѣ блѣдный, худой, согнутый Михаилъ Ивановичъ казался несравненно лучше вновь появившагося лица.

— Это нашъ сосѣдъ; Павелъ Ивановичъ Прядинъ, сказала Катерина Михайловна.

— Рекомендую вамъ мою новую подругу, продолжала она, отвѣчая на поклонъ молодого человека: — Не правда ли, вы не такую ожидали? Не пріятный ли это сюрпризъ?

— Ужъ и очень пріятный, отвѣчалъ онъ: — вы мнѣ не то говорили совсѣмъ.

— То-то же!... Павелъ Ивановичъ такъ добръ, что не скупается бывать у насъ. Теперь я надѣюсь, что онъ будетъ посѣщать насъ еще чаще, говорила она, съ едва уловимой насмѣшкой взглядывая на Прядина.

Онъ поклонился.

— Теперь, по крайней мѣрѣ, насъ будетъ трое, продолжала она.

— А четвертаго-то забыли? сказалъ онъ, какъ-то нахально усмѣхаясь.

— Четвертый: мой мужъ? Онъ больной....

И она сжала свои тонкія губы.

— Няня! Лизочка! подите сюда, закричала она, увидавъ ихъ изъ аллеѣ: — покажите Софью Николаевнѣ оранжереею.... а я что-то устала, ша сѣге, и покажѣсть посижу здѣсь съ Павломъ Ивановичемъ.... если онъ хочетъ только, прибавила она, лукаво улыбаясь.

— Ты поѣдешь сегодня на охоту? спрашивала за обѣдомъ Катерина Михайловна своего мужа.

— Я не располагаю сегодня.

— А мы вотъ поѣдемъ рыбу удить.

— Если вы поѣдете, то въ такомъ случаѣ и я тоже.

— Отчего же именно: если мы ѣдемъ? Странно! то не ѣдешь, то ѣдешь, сказала она и переглянулась съ Павломъ Ивановичемъ.

Волновъ наклонился къ тарелкѣ и съ силой перерѣзалъ кость дичи, которую ѣлъ.

Послѣ обѣда три разнообразныя экипажа выѣхали со двора. Въ коляскѣ сидѣли: Волнова, ея дочь, Софья Николаевна и Пряд-

лнѣ. Волновъ ѣхалъ въ особенной тележкѣ съ своими ружьями. Сзади слѣдовала телега, въ которой сидѣла горничная и уложены были самоваръ и другія чайныя принадлежности.

Верстахъ въ семи отъ дому, на луговой сторонѣ рѣки, отыскали мѣсто удобное и красивое. Подъ тѣнью густыхъ кустовъ ланы устланы съ удочками, между тѣмъ какъ Михаилъ Ивановичъ отправился съ ружьемъ внизъ по теченію и скрылся изъ виду.

Пряidinъ прислуживалъ дамамъ. Лацей и горничная вдали хлопотали, разводя маленькой костеръ и приготовляя все для чая.

Рыба плохо клеивалась; Катерина Михайловна съ метвертніемъ бросила удочку и встала.

— Пойду повшу, нѣтъ ли гдѣ мѣста получше, сказала она.

— И мнѣ позвольте съ вами, просилъ Пряidinъ.

— А Софья Николаевна?

— Я останусь съ Лизочкой, у меня рыба клюетъ.

— Вотъ счастливая, право!

Съ полчаса уже прошло послѣ того, какъ Волновъ съ Пряidinымъ оставили выбранное мѣсто, какъ вдругъ изъ за кустовъ вышелъ Михаилъ Ивановичъ.

— Гдѣ Катерина Михайловна? спросилъ онъ метвердымъ голосомъ.

— Она пошла выбрать мѣсто получше, отвѣчала Софья Николаевна.

— А Павелъ Ивановичъ?

— Онъ пошелъ тоже въ ту сторону. Софья Николаевна инстинктивно отвѣчала такъ уклончиво.

Какая-то тѣнь пробѣжала въ глазахъ Волнова: лицо его помернулось. Онъ опустилъ ружье и оперся на него:

— Софья Николаевна! Софья Николаевна! посыпалась голова.

И Катерина Михайловна полезла изъ за кустовъ, опираясь на руку Пряидина.

Волновъ повернулъ голову, но оставался неподвиженъ. Какъ залось, глаза его совершенно остановились, смотря на приближающуюся пару; но въ этой ихъ неподвижности было что-то близкое къ сумасшествію.

— А ты ужь здѣсь! сказала Волновъ, остановившись предъ нимъ и не освобождая руки своей: — что, много ли убилъ?

Онъ отрицательно покачалъ головой.

— Какъ я устала сегодня... Сама не знаю почему. Еслибы Павелъ Ивановичъ не былъ такъ добръ и не предложилъ бы мнѣ руки своей, — я не знаю, какъ бы я дошла.... Сомнѣясь, я думаю, замучила его.... Вотъ еслибы на его мѣстѣ былъ Михаилъ Ивановичъ, то онъ бы никакъ не выдержалъ: онъ давно бы бросилъ меня....

И она смѣло и лукаво улыбалась, стоя предъ Волновымъ и въ самую дѣлѣ сильно опираясь на руку Прядина.

Прядинъ какъ-то конфузился подъ неподвижно устремленными на него и его даму глазами Волнова.

Страшная ненависть выражалась въ этихъ глазахъ. Лицо Михайла Ивановича, и безъ того всегда блѣдное, побѣлѣло и на немъ обозначились прежде незамѣтные морщины. Сулорова повела губы. Худые пальцы хрустѣли, сжимая стволъ ружья.

— Ты сама виновата, сказалъ онъ отрывистымъ и язвительнымъ голосомъ. — Охота тебѣ была ходить такъ далеко: по подошвѣ устанешь и заставишь устать другихъ.

Сказавъ это, Волновъ съ несвойственною ему энергіею вскинулъ ружье.

— Мнѣ что-то дурно, въ глазахъ потемнѣло! преговорила Катерина Михайловна, опускаясь на траву: — подайте мнѣ воды!... воды!

Ружье выпало изъ рукъ Волнова. Онъ кинулся за водою, и чрезъ минуту стоялъ на колѣняхъ предъ женой и примачивалъ ей голову.

— Не тутъ, не тутъ! говорила она съ досадою, отталкивая его: — ничего ты не умѣешь сдѣлать!... Какой недомкой!

Руки его дрожали. Онъ терпѣливо выслушивалъ всѣ ея капризы и помогалъ хлопотавшимъ около нея: горничной и Софьѣ Николаевнѣ.

Тѣ самые глаза, въ которыхъ за минуту до этого кивѣла бѣшенство и ненависть, теперь выражали нѣжность, безпокойство, заботливую любовь и страхъ.

Наша горничная ничего не знала въ этой сценѣ. Она слышала разговоры, не слѣдивъ за движеніями лицъ, и по нимъ заключила только то, что Волнову не понравилась прогулка жены съ Прядинымъ завоземъ.

— Какой онъ резвивый! подумала она.

Катерина Михайловна все чувствовала себя неаждоровою. Оставаться пить чай на берегу, какъ предположали, было невозможно. Все сѣли въ экипажи и воротились домой. На этотъ разъ въ коляскѣ на мѣстѣ Павла Ивановича сидѣлъ Михаилъ Ивановичъ. Но и тутъ ему не посчастливилось: онъ никакъ не могъ своими услугами угодить супругѣ.

Большая удалилась въ свою комнату. Мужъ, поднявъ на ноги весь домъ, самъ послѣдовалъ за нею. Прядинъ остался съ Софьей Николаевной.

— Какъ это неприятно, сказала Софья Николаевна: — что Катерина Михайловна заболѣла. Она должно быть слабаго здоровья.

— Да, бѣдная женщина! у ней часто случаются эти припадки, отвѣчалъ Прядинъ.

Лицо его было спокойно. Едва замѣтная улыбка пробѣжала по его губамъ.

— Жена моя приказала извиниться предъ вами, сказалъ вошедшій въ комнату Волновъ: — она не можетъ сегодня выйти. Вы знаете, что послѣ припадковъ своихъ, она бываетъ всегда такъ слаба.

И растерянный мужъ пожималъ руку тому, на кого за нѣсколько минутъ смотрѣлъ какъ на врага.

— Помилуйте! что за извиненія, отвѣчалъ Прядинъ: — я надѣюсь, что завтра застану Катерину Михайловну аждоровою.

Когда Павелъ Ивановичъ уѣхалъ, Софья Николаевна хотѣла идти въ спальню своей молодой хозяйки, думая — не можетъ ли она чѣмъ нибудь быть ей полезна.

— И полно, барышня! говорила ей старая няня: — къ чему тебѣ идти туда? Ито весь домъ съ ногъ сбили брѣвъ пути.... Съ ней вѣдь не первый разъ: почитай всякую недѣлю бываетъ.... Вотъ я и барину все говорю, чтобы не надрывался по цусту.... такъ вѣтъ, куда! Просто жалость смотрѣть на него.... По цѣлымъ ночамъ на пролетѣ сидитъ, такъ все на нее и смотреть.... И ни слова не скажетъ, когда блажить она!... А ужъ какая блажная, Богъ съ ней! Руки такъ и дрожатъ у него, когда лекарства подаетъ.... Иной разъ велитъ ему не ходить въ комнату, такъ онъ въ другой у дверей стоитъ да докучаетъ разспросами.... То вдругъ заходитъ по комнатѣ, руки себѣ ломаетъ, въ шелку заглядываетъ.... и въ подушку уткнется, каш-

ляя, чтобы не беспокоить ее. Да вотъ: видить, какой сталъ онъ! Высосала она всю кровь у него, прѣсти Господи! Вѣдь я вынянчила его.... Тощехонько мнѣ на него смотрѣть! Кѣ на другой день непочемъ: какъ встрепанная вскочить; а онъ-то на что похожъ: точно не вѣсть сколько времени хворалъ.. Не ходи, барышня! ну ее!... позоветъ, коли понадобится. Пойдемъ-ка лучше съ Лизанькой наверхъ къ намъ.

На другой день, въ самомъ дѣлѣ, Катерина Михайловна выздоровѣла и повеселѣла. Мужъ старался, сколько могъ, угождать ей. Это стараніе, по видимому, мало цѣнили.

Прошло нѣсколько времени Софья Николаевна привыкала къ новому мѣсту. Правда она съ непріятнымъ чувствомъ замѣчала не весьма дружескія и мирныя отношенія двухъ супруговъ и присутствовала при тяжелыхъ домашнихъ сценахъ. Но время все-таки шло не совсѣмъ скучно. Съ маленькой Лизой серьезно занималась она немного. Больше присутствовала при ея играхъ и иногда сама участвовала въ нихъ. Желаніе заинтересовать ребенка заставляло ее иногда участвовать въ этихъ играхъ и забывать свой уже не дѣтскій возрастъ. Но и въ позанѣйшіе годы женщины еще любятъ играть и изъ всего дѣлаютъ для себя игрушку. Молодая мать не играетъ ли съ своимъ первымъ ребенкомъ, какъ съ куклой?

Въ обществѣ Катерины Михайловны, когда она была въ духѣ, время можно было проводить очень пріятно. Она была умна, любезна и имѣла тактъ угадывать, что кому нравится и не нравится. Ея разговоры всегда были занимательны; замѣчанія — хотя злы, но остры, оригинальны и проникнуты неподдѣльнымъ юморомъ. Къ тому же кошачье, вкрадчивое умѣнье вѣзаться за всякій предметъ невольно интересовало всѣхъ и привлекало къ ней, хотя изъ подтишка царапала она — и больно царапала. Павелъ Ивановичъ продолжалъ ѣздить къ Волновымъ. Трудно было, пристально всматриваясь, опредѣлить какіе дни тяжелѣе были для Волнова: тѣ ли, въ которые бывалъ Прилинь, или тѣ, въ которые онъ не бывалъ? Въ присутствіи послѣдняго, казалось, что всѣ фибры болѣзненнаго организма Волнова были страшно натянуты, что всѣ мысли и чувства напряжены, заняты чѣмъ-то однимъ. Курилъ ли онъ трубку, ходилъ ли по комнатѣ, бралъ ли газеты — все, казалось,

дѣлалъ онъ машинально, безъ всякаго сознанія того, что дѣлаетъ.

По нѣскольکو часовъ одинъ и тотъ же листъ и на томъ же оборотѣ торчалъ въ рукахъ его.

Глаза безпокойно бѣгали съ жемы на Прядина. Иногда кака-то несмѣлая, робкая злоба проглядывала въ нихъ; но бѣльшею частью они имѣли выраженіе боязни, страха, не говоря уже о выраженіи внутренняго и физическаго страданія. Когда онъ оставался вдвоемъ съ Павломъ Ивановичемъ, его обращеніе съ нимъ было холодно учтивое; между тѣмъ какъ при жемѣ онъ, по какой-то странной боязни, старался показывать ему вниманіе.

Сценъ, объявленій боялся, видно, этотъ жалкій человекъ.

Но когда Прядина не было въ его домѣ, когда Волновъ наконецъ освобождался отъ постоянно томящей его мысли, когда, вздохнувъ какъ бы послѣ тяжелаго труда, онъ начиналъ заниматься чѣмъ нибудь, напримѣръ, хоть читать газеты, только читать уже не такъ невнимательно какъ наканунѣ, — рѣзкій, настоятельный, неприятно потрясающій все существо его, голосъ жены вызывалъ его опять на домашнюю сцену.

— Мишель!...

Онъ вздрагивалъ и старался обмануть себя, что зовутъ не его, и усиленно углублялся въ свое занятіе.

— Мишель! Мишель! кричалъ нетерпѣливо голосъ.

Лицо его подергивалось, онъ комкалъ въ рукахъ газету, ломалъ чубукъ и скорыми шагами спѣшилъ на мучительный призывъ.

Онъ зналъ, очень хорошо зналъ, что идетъ затѣмъ, чтобы выслушивать вѣчныя, неустающіе упреки, неудовольствія, жалобы.

Уходилъ ли онъ послѣ обѣда въ свой отдаленный кабинетъ, закрывалъ ли свою голову халатомъ, собираясь отдохнуть и думая, что если и будутъ звать, можетъ быть, онъ не услышитъ этого голоса: нѣтъ! онъ проникалъ сквозь запертыя двери нѣсколькихъ комнатъ, сквозь вату халата, чрезъ шухъ подушки, будилъ его и съ болью разрывалъ всю уже и безъ того набобѣвшую внутренность.

— Мишель! Мишель!

Эти звуки были непрерывны и мучительны. Какъ будто хотѣла она въ этотъ для него свободный день заставить его испытать всё муки, какія только была способна выдумать, чтобы принудить его желать прѣзда Прядова! Этотъ голосъ мучилъ, терзалъ его на части; но онъ безрассудно повиновался ему. Трудно объяснить подобныя противорѣчя. Но не изъ безчисленнаго ли числа непослѣдовательностей и противорѣчій состоитъ вся внутренняя жизнь человека? Иногда онъ отправлялся на охоту и до вечера блуждалъ по болотамъ далеко отъ дома. Иногда же, скрѣпя сердце, рѣшался уѣзжать на нѣсколько дней въ другія свои деревни въ надеждѣ сколько нибудь отдохнуть и обновить упавшяя съ каждымъ днемъ физическія силы. Надо сознаться, что въ его отсутствіи все въ домѣ принимало болѣе веселый видъ. Хозяйка обрѣталась въ самомъ пріятномъ расположеніи духа и пользовалась въ эти дни полнымъ здоровьемъ. Не было въ домѣ мрачнаго, печальнаго, больнаго лица, отъ котораго невольна падала тѣнь кругомъ; не было предмета, возбуждающаго постоянно досаду, навояющаго уныніе и производящаго дурное расположеніе духа въ Катеринѣ Михайловнѣ; не было того, на главу котораго изливались всё горькія и недобрыя чувства, накоплявшіяся въ ней въ его присутствіи. А она выбрала его исключительнымъ складнымъ мѣстомъ ихъ. Надо замѣтить, что безъ него она была довольна, обходительна, особенно съ Софьей Николаевной.

— Сонечка! (она уже называла такъ нашу героиню), говорила она, когда мужъ уходилъ на охоту: — вы бы пошли гулять съ Лизочкой; вамъ здѣсь скучно.

Софья Николаевна уходила съ книгой далеко въ садъ или въ рощу, сопровождаемая пящей и Лизочкой, и часто встрѣчала на дорогѣ Павла Ивановича.

И долго бывало, съ книгою въ рукахъ, гдѣ нибудь подъ деревомъ, сидитъ Софья Николаевна или играетъ на травѣ съ рѣвкою и локвою Лизой. Дѣвочка, вѣрная своей натурѣ, всегла насторожѣ: внимательными, острыми глазками подкарауливаетъ ту минуту, когда задумается или заснетъ ее подруга, и вдругъ, немного присѣвъ какъ бы для того, чтобъ придать себѣ болѣе быстроты и силы, кидается на нее, опрокидываетъ на траву, обвиваетъ своими длинными ручонками и целуетъ ее. Съ

трудомъ освобождается изъ отвѣтъ тѣсныхъ объятій наставница, а въ свою очередь достается дѣвочкѣ. Злобный смѣхъ этихъ милыхъ дѣтей раздается въ рошѣ, вторичный пѣніемъ не пугающихся серптицъ. Какъ красивы, граціозны, неожиданны, быстры и вѣстѣ округлены ихъ движенія; онѣ совершенно свободны, не стѣнены прѣдѣломъ, не боятся посторонняго, нескромнаго взора!

Сѣдая няня снѣтъ пятъ деревомъ съ желѣбжнныи чудакомъ. Руки ея проворно шевелятся, а дѣла на спянку петли и зашнуровывал нитку. Но переставая вязать, шурѣлка она равнодушно поглядываетъ на играющихъ и, по видимому сердито, но въ сущности благожелательно, покачиваетъ головой.

— Хороша гувернанца, нечего сказать! такое же дитя малое!

— Няня, няня, малая няня! начинаютъ приставать онѣ обѣ: — играй и ты тоже съ нами!

И онѣ начинаютъ термѣшить добрую старуху.

— Отстаньте, отвѣжитесь, бѣсенята!... Право, бѣсенята! кричитъ няня, махая худыми порцинистыми руками: — виданное ли дѣло такъ таскать старую няньку!... Вотъ привязались!

Но онѣ целуютъ ее и всеобщій миръ заключенъ за усталостью, но не на долго.

«Играйте и веселитесь, дѣти; смѣйтесь, пляшите, пока жизнь еще не тревожитъ вашего сна!»

А между тѣмъ Катерина Михайловна думала:

«Не пора ли мнѣ заставитьъ моими хорошенекими ширмочками?»

И она или посылала кого-нибудь за Софьей Николаевной, или шла съ своимъ кавалеромъ отъѣзживать ее.

— Чтò это какъ вы долго пропадаете, Сонечка? Мы соскучились безъ васъ, говорила она.

Вскорѣ послѣ этого прѣѣзжалъ Михаилъ Ивановичъ.

Катерина Михайловна боялась такъ же смѣяться, когда внезапно оскорбленное самолюбіе, бѣшенство, ненависть, долго сдерживаемыя, лишали Михаила Ивановича почти разсудка, и онъ въ состояніи былъ рѣшиться на все. Такія сцены нѣсколько разъ повторались въ продолженіе маѣ супружеской жизни. Образокъ медобной сцены мы видѣли уже на охотѣ. И во набѣжаніе ихъ, она хотѣла, чтобы при нихъ было третье лицо.

Вотъ въ какомъ смыслѣ называла она Софью Николаевну своими ширмами. Придти и другіе молодые люди могли вѣдти теперь чаще и свободнѣе: хорошенькая и молодая дѣвушка была у ней въ домѣ.

Софья Николаевна по вечерамъ игрывала на фортепьяно. Здѣсь не для чего было забавлять польками, и она играла вещи болѣе серьезныя. Катерина Михайловна сживала въ гостиной, что нибудь работаю; а Михаилъ Ивановичъ уходилъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ былъ биллиардъ. И Софья Николаевна замѣтила разъ въ неплотно притворенную дверь, что онъ сидѣлъ тамъ неподвижно, склонивъ голову на руки и погруживъ пальцы въ свои рѣдкіе волосы. Ей стало жалко его и слезы выступили на глазахъ ея. Когда онъ страшно кашлялъ, въ ней какъ-то болѣзненно отдавались мучительные звуки и она смотрѣла на него съ сожалѣніемъ и страхомъ; между тѣмъ какъ на лицѣ хозяйки проявлялись нетерпѣніе и досада.

Разъ какъ-то наша героиня, проснувшись рано, вышла въ садъ. Утро было теплое и ясное. Ей почему-то было безъотчетно весело и она бѣжала по аллеѣ, что-то напѣвая. Вдругъ она быстро остановилась, замолчала. На скамьѣ, въ аллеѣ, сидѣлъ Михаилъ Ивановичъ.

— Чтожъ вы остановились, Софья Николаевна? сказалъ онъ, киваясь: — продолжайте, пойте, если вамъ хочется, если вамъ весело....

— Я думала, что я одна здѣсь.

— Я не буду вамъ мѣшать и слѣдить за вами. Какое вамъ до меня дѣло?

— Нѣтъ, ужъ довольно.... Я устала. А вы, вѣрно, гуляли?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, вставая: — позвольте мнѣ идти съ вами.

— Счастливая молодость, счастливое время! сказалъ онъ, немного помолчавъ: — когда люди могутъ еще такъ безъотчетно веселиться! Какъ давно было, какъ страшно давно, когда и мое сердце тоже, и безъ особенной причины, весело билось в самъ я бѣгалъ и пѣлъ! И какъ незамѣтно прошло то время!

Онъ понурилъ голову.

— Но, впрочемъ, что за польза скучать и поминать невозвратное. Веселитесь! пользуйтесь молодостью. Надо цѣнить ее, дорожить во время каждой минутой, каждымъ мгновеніемъ.

Она такъ быстро проходить.... Смотрите, Софья Николаевна, умѣйте цѣнить ее блага! Пользуйтесь всѣмъ: не откладывайте ничего до завтра....

— Нѣтъ, Михаилъ Ивановичъ, пользоваться молодостью, какъ слѣдуетъ, не возможно въ моемъ положеніи. Если бы я имѣла состояніе, если бы я свободно могла располагать своею волею, тогда такъ: въ утратѣ ее можно бы было винить меня. Но въ моемъ положеніи, когда я подчинена необходимымъ мелочамъ, когда я должна жить не такъ, какъ хочу, а такъ, какъ хотятъ другіе, этого нельзя.... Сами посудите, что тутъ дѣлать? несли знаете, научите, прибавила она съ ласкающей улыбкой.

— Нѣтъ, не мнѣ учить васъ.... Много пережило мною въ жизни, но изъ всего испытаннаго мало вынесено ясныхъ мыслей и полезныхъ для другихъ истинъ. Заключеніи вывести я не посмѣлъ, боясь прійти къ страшнымъ результатамъ. Осталась у меня отъ опыта: утомленіе и болѣзненное расслабленіе....

Онъ вздрогнулъ.

— Я тоже поздно вато спохватился, что молодость проходить. Тогда я съ жадностью кинулся на наслажденія всякаго рода. Но ошибся въ расчетѣ: и не только, что не вознаградилъ себя за потраченное прошлое, но испортилъ и будущее... Нѣтъ, не мнѣ учить, какъ останавливать бѣгущее время. Въ вашей стѣжей головѣ, въ вашихъ...

Онъ страшно закашлялся и кашель его не переставалъ нѣсколько минутъ. Софья Николаевна смотрѣла на него съ безпокойствомъ и съ состраданіемъ. Онъ опустился на скамью и, когда кашель кончился, съ минуту сидѣлъ, закрывъ лицо руками.

— Что съ вами, что съ вами? говорила съ безпокойствомъ Софья Николаевна: — что съ вами, скажите?

— Нѣтъ, ничего, Софья Николаевна, отвѣчалъ онъ, пожимая ей руку: — немножко мнѣ нехорошо было.

— Что же вы не лечитесь?

— Къ чему лечиться! отвѣчалъ онъ спокойно, но грустно улыбаясь: — отъ этого уже никогда не излечиваются... излечивать одна смерть.

— Ахъ, какъ можно! вскричала со страхомъ и съ сожалѣніемъ Софья Николаевна.

— Пить лешарствъ, которыя бы обновляли жизнь, повторилъ онъ и потомъ прибавилъ: — Вы добрая дѣвушка.

Ихъ позвали пить чай.

— Мишель! Мишель!... раздавался пронзительный голосъ съ балкона.

— Иду сейчасъ! отвѣчалъ онъ, заторопившись.

По воскресеньямъ къ Волновымъ собирались ближайшіе сосѣди. Они обѣдали у нихъ, пили чай, иногда ужинали и разѣжались, довольные угощеніемъ и, по видимому, любезностью хозяйки. Впрочемъ, это не мѣшало имъ разсуждать о Катеринѣ Михайловнѣ по всей губерніи, какъ о весьма держкой дамѣ. Софья Николаевна произвела между ними впечатлѣніе. Матери и дочери смотрѣли на нее съ завистью и досадою и обращеніемъ своимъ очень невольно дѣлали чувствовать, что хорошо понимаютъ: что она гувернантка и больше ничего, и что, при подобномъ званіи, малая помoga красивая наружность. Молодые же люди глядѣли на нее съ лукавыми улыбками, а старики сладко и приторно.

Одинъ изъ сосѣдей, по фамиліи Темниковъ, произвелъ на Софью Николаевну непріятное впечатлѣніе. И въ самомъ дѣлѣ фizioномія его была не изъ такихъ, которыя могутъ возбуждать въ другихъ симпатію. Это былъ человекъ лѣтъ сорока-пяти, а можетъ быть и болѣе. Волосы его были сѣрые отъ обильной примѣси сѣдыхъ къ чернымъ. Морщинистое лицо съ маленькими и острыми чертами было желто какъ померанецъ. Изъ подъ густыхъ, нависшихъ бровей смотрѣли маленькіе, темные, злые глаза. Онъ былъ средняго роста и довольно, по видимому, жидкаго сложенія; одѣвался чисто, но съ какою-то непріятною аккуратностью во всемъ; голосъ его былъ неровень и нестроень. Онъ былъ родственникъ Волновой.

Въ первый разъ Софья Николаевна увидѣла его за обѣдомъ. Сидѣлъ онъ напротивъ нея и все время пристально смотрѣлъ на нее. Подъ вліяніемъ его ястребиныхъ глазъ она испытывала что-то непріятное и неловкое.

Но послѣ обѣда, когда она куда-то засмотрѣлась, онъ подсѣлъ къ ней, завелъ съ нею разговоръ и наставлялъ ей премножество тонкихъ и ловкихъ комплиментовъ.

На другой день въ комнатѣ у Волыной сидѣли Павелъ Ивановичъ и Софья Николаевна; они разговаривали о сосѣдяхъ. Последняя стала спрашивать о Темниковѣ.

— О, это престрашный человекъ! сказала Катерина Михайловна: — хотя онъ мнѣ и родственникъ.... Сербьзно, про него рассказываютъ ужасныя вещи.

— Чтѣ же такое? расскажите пожалуйста, спросила Софья Николаевна.

— Я многое позабыла, но нѣкоторые изъ рассказовъ вѣзались у меня въ памяти.... Онъ уже здѣсь давно; но прежде его никто не видѣлъ, кромѣ помѣщика, съ которымъ онъ живетъ въ одной деревнѣ. Недавно только сталъ онъ выѣзжать и разговаривать. Это ужъ при мнѣ случилось. Прежде, говорятъ, Темниковъ служилъ гдѣ-то далеко, но гдѣ именно, этого никто не знаетъ и онъ самъ ничего не рассказываетъ. Говорятъ только всѣ, что онъ страшно злой и упрямъ.... Если кто станетъ спрашивать его о службѣ, онъ дѣлается еще желтѣе, оскалитъ свои зубы, похожие на клыки, какъ бы собираясь укусить, и какъ вѣбудь да отдѣлается отъ вопроса. Вотъ чтѣ, рассказываютъ, случилось съ нимъ во время службы. Разъ, онъ очень сильно поссорился съ однимъ изъ своихъ товарищей и собирался драться съ нимъ на дуэли; но ихъ уговорили и помирили. Прежде они были довольно дружны; эта дружба, по видимому, и возстановилась. Прошло уже довольно времени послѣ ссоры. Только разъ кто-то изъ нихъ предложилъ, шутя, для упражненія, подраться на рапирахъ, на концахъ которыхъ, разумѣется, посажены были шишечки. Они стали драться, разговаривая и смѣясь. Сперва товарищъ взялъ верхъ надъ Темниковымъ и попятилъ его, но потомъ Темниковъ заставилъ его отступать, придвинулъ къ самой стѣнѣ и въ самомъ дѣлѣ пригвоздилъ его къ ней. Рапира проколола грудь товарища насквозь. По видимому, Темниковъ былъ сильно пораженъ; но, говорятъ, выраженіе лица его было холодное и кровожадное. Полагали, что онъ снлъ шишечку съ конца рапиры умышленно. Но онъ оправдался нечаяпностью. И въ самомъ дѣлѣ трудно было предположить такой ужасный поступокъ. Однако, онъ былъ, говорятъ, на покаяніи въ монастырѣ.

— Ахъ, какой ужасъ! а онъ еще говорилъ со мной, вскрикнула Софья Николаевна.

— Впрочемъ, Сонечка, можетъ быть, все это только злая выдумка. Но вотъ что рассказывалъ моему мужу одинъ господинъ, который, говорятъ, былъ очевидцемъ этого:

Разъ гдѣ-то въ отдаленныхъ губерніяхъ, въ трактирѣ для проѣзжающихъ Темниковъ разсердился за что-то на трактирщика и разбилъ его. Господинъ, который рассказывалъ это Михаилу Иванычу, сидѣлъ въ другой комнатѣ и слышалъ и видѣлъ всю исторію. Черезъ полчаса послѣ ссоры, увидѣвъ вошедшаго хозяина, Темниковъ подозвалъ его и объявилъ желаніе помирииться съ нимъ на прощанье. Хозяинъ подошелъ, ожидая существенной награды. «Поцалуемся!» сказалъ Темниковъ. Хозяинъ протянулъ губы. Этотъ господинъ, что рассказывалъ, услышалъ сперва какое-то мычаніе, а потомъ страшный крикъ. Чтѣмъ такое дѣлалъ Темниковъ? Онъ, показывая видъ, что цалуетъ, прокусилъ насквозь нижнюю губу трактирщику.

— Неужели это правда? закричали слушавшіе.

— Его въ домъ страшно пускать послѣ этого, замѣтила Софья Николаевна.

— Посмотрите, какъ Сонечка струсила, а еще съ нимъ любезничаетъ!

— Ну, а если все это на него выдумываютъ? сказала Софья Николаевна. — Если все это неправда?

— Самоваръ готовъ, барышня! сказала вошедшая горничная.

Софья Николаевна вышла. Разговоръ перемѣнился.

Темниковъ пріѣзжалъ каждое воскресенье. Онъ не спускалъ глазъ съ нашей героини и не упускалъ случая говорить съ нею. При видѣ его она сперва ощущала страхъ и даже отвращеніе, но потомъ, думая, что дурные слухи о немъ, можетъ быть, ложны, она старалась обходиться съ нимъ внимательно и даже ласково. Издали онъ смотрѣлъ на нее, какъ волкъ на добычу; но когда она говорила съ нимъ, обыкновенно, суровое и сухое выраженіе лица его смягчалось, злые глаза смотрѣли добрѣе и принимала даже сладкое выраженіе.

Онъ сталъ замѣтно болѣе заниматься собою, дѣлался вообще любезнѣе и разговорчивѣе.

— Дикій звѣрь становится ручнымъ, говорила, подсмѣиваясь, Волнова: — Сонечка отлично дрессируетъ его.

Но вотъ въ одинъ пріятный день Темниковъ сообщилъ Катеринѣ Михайловнѣ, что намѣренъ сдѣлать предложеніе ея губернискѣ, и просилъ ея содѣйствія. Много смѣялась Волнова, передавая его желаніе испуганной Софьѣ Николаевнѣ

— Онъ описалъ мнѣ подробно все свое состояніе, которое намѣревается повергнуть къ ногамъ вашимъ и, кажется, увѣренъ, что я, какъ родственница и, какъ онъ говоритъ, умная женщина, буду на сторонѣ благоразумія, то есть на сторонѣ его. Вы какъ знаете, такъ и отвѣчайте ему. Онъ просилъ предупредить, что намѣренъ говорить съ вами самъ.

— Ахъ нѣтъ! лучше я уйду въ свою комнату и скажусь больною.

— Что за вздоръ, та сѣге, къ чему прятаться? скажите ему прямо, согласны ли вы....

— Боже сохрани....

— Или, чтобъ онъ не надѣялся по пустому.

Послѣ обѣда Темниковъ вышелъ на балконъ, куда удалась дрожащая Софья Николаевна. Желая поскорѣе покончить дѣло, онъ подѣлъ къ ней.

— Софья Николаевна, сказалъ онъ ей тихо и вкрадчиво: — Катерина Михайловна говорила вамъ о моемъ предложеніи?

— Да, говорила.

— Я жду вашего отвѣта. Скажите мнѣ: да или нѣтъ?

— Борисъ Петровичъ, сказала, ободряясь, дѣвушка: — я очень благодарна вамъ за ваше предложеніе; но должна откровенно признаться, что не могу принять его.... я не имѣю намѣренія выходить замужъ.

Она встала и хотѣла выйти.

— Позвольте, сказалъ онъ рѣзкимъ голосомъ: — погодите немного. Я бы попросилъ васъ обдумать. Вы очень мнѣ нравитесь, скажу болѣе: я люблю васъ такъ, какъ никогда и никого не любилъ. И потому, предлагая вамъ руку, обещаю всегда заботиться о вашемъ счастьи... Вы, можетъ быть, предупреждены обо мнѣ разными нечѣпными слухами....

Онъ со злобою стиснулъ зубы.

— Нѣтъ, вовсе нѣтъ! повѣрьте, что отвѣтъ мой не зависитъ отъ этого вовсе.

— Много они надѣлали мнѣ зла въ жизни.... Подумайте, Софья Николаевна : вы бѣдная дѣвушка ; обречены жить по чужимъ домамъ, зависть отъ какого нибудь ничтожнаго жалованья ; должны всегда быть подчинены чужой волѣ, между тѣмъ какъ , если бы вы согласились на мое предложеніе, вы сдѣлались бы независимою хозяйкою дома.

— Эти соображенія не перемѣнятъ моего рѣшенія. Для того, чтобы быть хозяйкой, я не продамъ себя. Жить своими трудами по крайней мѣрѣ столько же честно , какъ и жить готовыми средствами Кончимъ , пожалуйста, нашъ разговоръ. Я сказала, что очень , очень благодарна вамъ за незаслуженную любовь ; очень цѣню ваше предложеніе, но не могу принять его.

Въ глубинѣ души Софья Николаевна очень жаль было Темникова и она старалась какъ можно деликатнѣе выразить свой отказъ.

— Это ваше послѣднее рѣшеніе? спросилъ онъ.

— Да.

Въ глазахъ его блеснула такая злоба и на губахъ пробѣжала такая горькая улыбка , что Софья Николаевна сдѣлалось страшно. Въ эту минуту она повѣрила распускаемымъ про него ужасамъ.

Прошло еще нѣсколько дней. Въ домѣ все шло обыкновеннымъ порядкомъ. Хозяинъ постоянно кашлялъ ; хозяйка была то мила и любезна, то страшно капризничала , дѣлалась больна и мучила мужа. Когда случалась съ нею припадки , на Волнова не возможно было смотрѣть безъ досады и сожалѣнія. Дни стояли чудные. Софья Николаевна одна , или съ Лизой и нянею , по цѣлымъ утрамъ гуляла далеко отъ дому. Голосъ Катерины Михайловны дѣйствовалъ на нее болѣзненно. Она иногда должна была сознаваться , что пріятнѣе быть подалше отъ нея.

Со времени вышеописаннаго разговора съ Михайломъ Ивановичемъ незаметнымъ образомъ возродилась между ними симпатія. Послѣдній въ время какой нибудь домашней сцены онъ взглядывалъ на Софью Николаевну, какъ бы ища въ ней опоры, и, казалось, былъ увѣренъ, что она понимаетъ его страдающій взглядъ и сочувствуетъ ему.

Никогда ни слова между ними не было произнесено о семейныхъ отношеніяхъ, но глаза говорили краснорѣчиво.

ГЛАВА VII.

Въ одно утро Софья Николаевна, съ няней и съ Лизой, по обыкновенію отирашлась гулять. Онѣ намѣревались дойти до небольшого озера, которое находилось верстахъ въ трехъ отъ деревни. Чтобы няня не ворчала зато, что идти такъ далеко, ей не сказали объ этомъ заранѣе, а во время пути обманывали, говоря: что сейчасъ дойдутъ до того мѣста, гдѣ будутъ отдыхать.

Наконецъ увидѣли озеро и, выбравъ мѣстечко, расположились на травѣ. Часа полтора прошло въ обыкновенныхъ занятіяхъ. Лиза, уставъ отъ длинной дороги и отъ обычной возни, уснула, положивъ головку на колѣни къ нянѣ. Няня тоже дремала и, порою, спускала петлю чулка, который не выпускала изъ рукъ. Софья Николаевна сказала ей, что пойдеть дальѣ посперѣть на озеро и поенать грибовъ.

Берега озера были низменные, мягкіе, поросшіе влажной, свѣжей и густой травой. Его можно было видѣть только съ возвышенія, потому что оно скрывалось за густою зеленою молодыхъ березъ, растущихъ на довольно большомъ протяженіи. Около же самаго берега раскидывались и свѣшивались надъ водою ракитовыя и ивовыя кусты. Софья Николаевна довольно долго пробиралась около озера дѣсомъ и наконецъ вышла на небольшую полукруглую площадку, прямо къ водѣ. Состороны дѣса большія темныя деревья окружали площадку, по видимому, непроницаемою стѣною, примыкающею съ обихъ концовъ окружности почти къ самой водѣ. Эта площадка была нѣчто въ родѣ мыса, у котораго съ одной стороны, была вода, а съ другой — полукруглая и непроницаемая стѣна зелени.

Заклученная въ тѣсно ограниченномъ пространствѣ, она могла видѣть дѣвственной дикости, совершеннаго и полнаго уединенія и вмѣстѣ какой-то уютности. Непривычная тишина, торжественное спокойствіе этого мѣста невольно привлекали, особенно послѣ прогулки въ жаркій день, отдохнуть на мягкой травѣ, въ прохладной тѣни, и подышать свѣжимъ воздухомъ, вѣющимъ съ озера. Грустно, но вмѣстѣ отраднo и пріятно становилось на сердцѣ.

Закраины водной полосы поросли болотными растеніями. Вправо и влѣво густые кусты свѣшивались надъ водой, которая въ этихъ мѣстахъ дѣлалась совсѣмъ темною. Зеленые круглые листья въ разныхъ направленіяхъ лежали на этомъ темномъ фонѣ воды. Въ открытыхъ мѣстахъ небо съ его волнистыми облаками отражалось въ водѣ. Противоположный берегъ тоже весь былъ окруженъ лѣсомъ и кустарникомъ. Ни малѣйшаго пути не было глазу, пытавшемуся видѣть что нибудь далѣе за эту обстановкою. Казалось, что это уединенное озеро могло простоять мѣлымъ столѣтія не замѣченнымъ, такъ неожиданно представлялось оно взорамъ человѣка, выходящаго изъ лѣсу, и представлялось только уже тогда, когда нога почти касалась воды. Софья Николаевна почувствовала благотворное вліяніе этого дикаго, дѣвственнаго мѣста и легла на траву, въ тѣни деревъ, свободно расправляя свои усталые члены и вдыхая свѣжій ароматическій воздухъ. Ей было нестерпимо жарко и потому она лежала въ изнеможеніи, растегнувъ свой воротничокъ. Глядя полузакрывающимися глазами на прозрачную и такъ близко отъ нея плескающуюся воду, ей вдругъ прішло неодолимое желаніе погрузиться въ прохладную глубину. Она приподнялась и подошла къ берегу, чтобы посмотреть каково дно. Вблизи берега дно закрывалось густыми широколиственными растеніями, и кое гдѣ только видѣлся между ними желтый песокъ. Значить, у береговъ не очень глубоко. Къ тому же геронія нама умѣла немного плавать.

Развязавъ шнурокъ, стягивавшій талию, она спустила легкое платьице, сбросила съ шеи тюлевый воротничокъ и, сѣвъ на берегу, стала разуваться. Въ одну минуту на травѣ заблѣбли ея маленькія ножки; но прежде, нежели она рѣшилась совершенно раздѣться, ей хотѣлось узнать: до какой степени холодна вода?

Когда она коснулась ногою воды, рѣзкое ощущеніе холода заставило ее слегка вскрикнуть, и она тотчасъ же выскочила на берегъ.

Съ минуту стояла она неподвижно и вдругъ, весело вскрикнувъ, съ страшною быстротою кинулась въ воду и скрылась въ ней.

Черезъ секунду она плыла уже посреди бѣдѣющейся цѣвы, въ радужномъ туманѣ блестящей пыли брызговъ, подымающихся вокругъ нея.

Изрѣдка выкачивавшіяся ноги съ силою ударяли объ воду: невидимыя подѣ водою руки волновали ее впереди. Растянушіяся по водѣ волосы какъ будто оттягивали назадъ голову, которая быстро поворачивалась то въ ту, то въ другую сторону. Лице выражало полное удовольствіе, энергію, силу и смѣлость...

Смѣлость являлась потому, что Софья Николаевна ощущала ногами дно и видѣла, что не глубоко.

Софья Николаевна давно не дышала такъ легко и свободно; давно, очень давно не чувствовала себя такъ хорошо. Вода тихо журчитъ около ушей, солнце отрадно грѣетъ, но не жжетъ мокраго тѣла; изрѣдка тихій вѣтеръ робко коснется его — коснется и замираетъ.... Вдали бѣгутъ одинъ за другимъ мелкія облака, и быстрыя птицы весело летаютъ надъ озеромъ.

Она отдохнула, встаетъ ногами на мягкое дно и идетъ къ берегу, съ котораго свѣшивается густая зелень кустовъ. Туда не проникаетъ солнце: тамъ вода черна, и воздухъ свѣжъ и сыръ.

Въ полу-свѣтѣ яснѣе обособляются члены, рѣче становятся тѣни. Дѣвушка рветъ болотные цвѣты и складываетъ ихъ въ огромный букетъ. Она вся занята этимъ дѣломъ.... Все забыто, и прошедшее, и настоящее и будущее. Оса укусила ее, вотъ теперь ей чувствительная неприятность!

Она выходитъ на берегъ, садится на траву и, раскидавъ на колѣнахъ нарванныя цвѣты, идетъ въ нихъ густую, цѣпь, что-то весело напѣвая. Окончивъ свою работу, она долго любуется ею; потомъ расчесываетъ густую косу и, наматывъ ее на средину цвѣточной цѣпи, окружаетъ голову, слетая гирлянду на лбу... Такимъ образомъ образуется вѣнокъ, поддерживающій косу.

Она опять идетъ въ воду, опять плаваетъ, рѣзвится, отдыхаетъ на ней. Наконецъ она выходитъ на берегъ и одѣвается.

А между тѣмъ нескромный и жадный глазъ уже давно слѣдитъ за нею, скрытый между деревьями, окружающими площадку. Когда Софья Николаевна собиралась обуться, вдругъ она услышала трескъ сухихъ прутьевъ, ломающихся подъ чьи-то шагами. Она вскрикнула и обернулась: предъ ней стоялъ Темниковъ.

На губахъ его играла принужденная улыбка; въ глазахъ было выраженіе сладкое и слезливое. Его какъ будто всего подергивало.

Софья Николаевна поджала свои обнаженные ноги, схватила близъ лежащее платье и ва-скоро завернулась имъ. Вѣнокъ изъ цвѣтовъ, такъ оригинально надѣтый, былъ забытъ на головѣ ея. Съ блестящихъ мокрыхъ и въ безпорядкѣ заложенныхъ волосъ текла вода и свѣтлыми каплями катилась по лицу. При такой дѣжой обстановкѣ, въ этомъ оригинальномъ костюмѣ, съ полу-испуганнымъ, съ полу-вскорбленнымъ выраженіемъ лица она была очень привлекательна.

— Ради Бога уйдите, Борисъ Петровичъ! сказала она: — развѣ вы не видите, что я одѣваюсь? Какъ вамъ не стыдно!

Но онъ стоялъ передъ ней и насмѣшливо улыбался.

— Я прошу васъ удалиться: развѣ вы не слышите? говорила она дрожащимъ голосомъ: — что это значитъ? что вамъ нужно?

Онъ сѣлъ на близъ лежащій камень и все продолжалъ смотрѣть на нее.

— Уйдите же, вамъ говорятъ.... Я вамъ приказываю! продолжала она, внога ея, невольно высунувшись, нетерпѣливо ударила объ траву.

Она замѣтила это, поспѣшно убрала ее и слезы досады брызнули изъ глазъ ея.

— Вы, кажется, надо мной смѣетесь.... я буду кричать, я здѣсь не одна. Идите же!...

И повелительнымъ жестомъ она указывала ему на лѣсъ.

— Кричите сколько угодно, сказалъ онъ хладнокровно, чинномъ притворнаго смиренія: — никто васъ не услышитъ. Я не уйду: случай очень хорошъ, минута выбрана самая удобная.... Я не буду такъ глупъ, чтобы упустить ее.

И онъ улыбнулся.

— Я давно хотѣлъ уже поговорить съ вами; но у Волновыхъ вы нарочно бѣгаете отъ меня. Вы приняли себя это за правдо. Теперь по неволѣ вы должны будете выслушать меня, потому что въ этомъ прекрасномъ костюмѣ, съ босыми ножками, вы не убѣжите. И чтожь вамъ меня конфузится: я человекъ неситесный.

Онъ усмѣхнулся.

— Такъ вотъ у васъ какой расчетъ! отвѣчала она: — и вы думаете, что такимъ образомъ что нибудь слѣдуетъ въ свою пользу!... Подите!... Я была до сихъ поръ просто равнодушна къ вамъ, а теперь.... я васъ презираю....

— Я не принимаю этихъ словъ : онѣ говорятся на вѣтеръ.

— И вы смѣете говорить, что меня любите !

— Да, я люблю васъ, и люблю до такой степени, что въ состояніи сдѣлать еще и не то. Я въ состояніи дойти до послѣдней крайности, поймите это, Софья Николаевна, говорилъ онъ съ мрачнымъ одушевленіемъ : — выслушайте меня прежде. Безъ этого, хотя мнѣ и не расчетъ навлекать на себя гнѣвъ вашъ, я не уйду. Я пришелъ возобновить вамъ мое предложеніе и объяснить.

— Я вѣдь говорила вамъ, что рѣшеніе мое неизмѣнно.

— Отчего, скажите пожалуйста, оно такое неблагоприятное для меня и въ добавокъ неизмѣнное ?

— Я вижу, что я напрасно была съ вами деликатна въ отвѣтъ ; вы не въ состояніи понять этого. Ну, просто оттого, что я не люблю васъ, и что вы мнѣ даже неприятны.

— И это одна причина ?

— Одна причина.

— Чтожь, вы ищете романической любви въ замужествѣ ? Я думалъ, что нынѣ дѣвушки стали благоразумнѣе. Вы никогда не найдете ея, этой любви. Бѣдной дѣвушкѣ и гувернанкѣ трудно выйти замужъ по любви.

— Такъ я не выйду вовсе замужъ. Вамъ что за дѣло ?

— И неужели лучше зависть отъ ежедневныхъ капризовъ какой нибудь Катерины Михайловны, нежели сдѣлаться независимой хозяйкой, быть окруженной любовью, уваженіемъ, доверіемъ. При этомъ я вамъ долженъ признаться, что я богатъ, богатъ такъ, какъ никто не предполагаетъ. Съ богатствомъ не такую роль будете вы играть.

— И теперь я еще болѣе презираю васъ. Вы смѣете думать, что прельстите меня своимъ богатствомъ.

— Причина вашего отказа ужъ не другая ли ? сказалъ онъ, злобно усмѣхаясь : — романическая задумчивость нѣтъ вѣрно болѣе пріятельности.... Вы утѣшаете великодушнаго, бѣднаго, страдающаго Михаила Ивановича. Я замѣтилъ какъ иѣжно вы съ нимъ переглядываетесь. Вотъ ужъ добродѣтель, которой нельзя не подивиться ! Но несмотря на это, несмотря на мои поощренія, по требу на нихъ объясненій, я стою на моемъ предложеніи.

— Потому что вы и не имѣете никакихъ подозрѣній. Да если бы что и было, какъ бы смѣли вы требовать отъ меня объясненій!... Но перестанемъ же наконецъ; я еще прошу васъ: уйдите, дайте мнѣ одѣться.

Онъ сидѣлъ, потупивъ глаза и ломая руки.

— Вы не хотите понять меня, зашипѣлъ онъ: — я пришелъ сюда не съ тѣмъ, чтобы играть роль человека, пользующагося правами силы. Я пришелъ просить униженно, умолять васъ согласиться на мое счастье. Сжальтесь надо мной, продолжалъ онъ умоляющимъ голосомъ: — я никогда и никого не просилъ, а теперь я готовъ цаловать прахъ ногъ вашихъ.

И онъ, наклоняясь, дотронулся до руки Софьи Николаевны.

Она вскочила, все закрываясь платьемъ.

— Оставьте меня, сказала она: — уйдите! я вамъ отвѣчала уже на ваши слова. Если вы не уйдете, я убѣгу такъ, какъ есть.

— Не пытайтесь лучше, сказалъ онъ, вставая съ мрачною рѣшительностью: — вы не можете.... Вы израните и издарапаете ваши прекрасныя ножки въ лѣсу, прибавилъ онъ, усмѣхаясь.

И когда она сдѣлала движеніе, чтобы идти въ лѣсъ, онъ загородилъ ей дорогу.

— Я рѣшительно не выпущу васъ, сказалъ онъ, съ злобою, стиснувъ зубы и сжимая кулаки.

Онъ былъ страшенъ въ эту минуту.

— А! теперь я въ состояніи вѣрить тѣмъ ужасамъ, которые про васъ рассказываютъ, сказала тоже со злобою Софья Николаевна: — не мудрено, что вы пусаетесь!

Темновокъ, какъ подстрѣленный дикій звѣрь, метнулся впередъ къ нашей героинѣ такъ, что она въ испугѣ отступила къ водѣ.

— И ты тоже, и ты тоже! зашипѣлъ и засвистѣлъ онъ: — и ты напоминаешь и бросаешь въ лицо мнѣ эти клеветы, и ты повторяешь слова ненависти! Но клянусь, я заставляю.... ты замѣнишь ихъ другими словами....

Лицо его искавилось неизъяснимою злобою. Онъ согнулся и схватилъ Софью Николаевну за локти, стараясь притянуть ее къ себѣ.

Она громко вскрикнула и съ силою уперлась руками въ грудь его.

Вдругъ какою-то невидимою силою оторвало его отъ нея. Онъ сдѣлалъ нѣсколько скачковъ, чуть не падая, и едва удержался на ногахъ, довольно уже далеко отъ Софьи Николаевны.

— Прочь негодай! вскричалъ сильный и звучный голосъ.

Софья Николаевна, освободившись отъ Темникова, быстро сѣла и взглянула на своего неожиданнаго избавителя. Онъ стоялъ къ ней полуоборотомъ, такъ что она могла видѣть профиль его лица.

Это былъ молодой человѣкъ высокаго роста, крѣпко сложенный. Красивое охотничье-платье обрисовывало стройный его станъ. Крупныя черты загорѣлаго лица были правильны и смѣлы. Выраженіе его было гордое, даже суровое, но благородное, мужественное и именно такое, которое въ особенности нравится женщинамъ. Во всей фигурѣ его дышали сила, рѣшимость и энергія.

Въ одной рукѣ онъ держалъ ружье, другая была протянута повелительнымъ, энергическимъ жестомъ по направленію къ лѣсу.

— Кто вы такой? вскричалъ Темниковъ и бросился было къ молодому человѣку, но по какому-то невольному чувству робости остановился. — Кто вы такой? продолжалъ онъ сдавленнымъ голосомъ: — какъ вы смѣете мѣшаться въ чужія дѣла и такъ поступать со мной? Гдѣ ваши права?

— Я человѣкъ, исполняющій свои обязанности. Права мои: мой разумъ, воля и долгъ! отвѣчалъ молодой человѣкъ, съ высокомеріемъ и нѣкоторою торжественностью: — видите прочь! я сказалъ вамъ.

— Вы вѣрно странствующій рыцарь нашего времени, возразилъ Темниковъ съ злою насмѣшкою: — защитникъ угнетенной невинности! ошиблись вѣкомъ вы, кажется. Кто вамъ сказалъ, что здѣсь есть угнетенная? А можетъ быть, гордая красавица и ожидала сюда своего рыцаря: оттого и сопровождала меня съ такою насмѣшливостью и такъ неблагоприятно.

— Молчите! сказалъ молодой человѣкъ и погрозилъ ему прикладомъ ружья.

— Вы мнѣ отвѣтите за это, съ злобою прошипѣлъ Темниковъ.

— Хорошо, хорошо; а теперь совѣтую вамъ удалиться... Кажется, споръ будетъ неровенъ.

Онъ сдѣлалъ увѣренное движеніе рукой и продолжалъ:

— Я знаю, кто вы. Я узналъ васъ по благородству воступка.

Темниковъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Повщите въ вашей памяти... не знаете ли вы Красилова? Можетъ быть, въ этомъ случаѣ память не измѣнитъ вамъ.

Темниковъ поблѣднѣлъ.

— Я васъ не понимаю, сказалъ онъ.

— Я знавалъ его, продолжалъ молодой человѣкъ: — знаю отчего погибъ онъ и припоминаю одного негодяя, который съ шайкою подобныхъ ему воровъ ограбилъ его.

Темниковъ пожелтѣлъ.

— Вы раздѣляетесь со мной, сказалъ онъ, скрежеща зубами. — Теперь я по неволѣ уступаю грубой силѣ, но тѣмъ или другимъ образомъ мы сочтемся. Прощайте, Софья Николаевна! продолжалъ онъ съ насмѣшливымъ почтеніемъ: — не буду мѣшать вамъ и оставаю васъ съ вашимъ рыцаремъ. Надѣюсь: мы увидимся.

И онъ скрылся въ кустахъ.

— Сударыня! сказалъ молодой человѣкъ, все стоя къ ней подлѣуборѣтомъ:—вы, кажется, не кончили своего туалета... Я не мѣшаю вамъ: кончайте его. Потомъ я провожу васъ, куда прикажете. А то я знаю, къ чему способенъ этотъ негодяй. Вѣдь это, если я не ошибаюсь, Темниковъ?

— Да, Темниковъ, несмѣло отвѣчала Софья Николаевна.

Онъ отошелъ къ кустамъ и стоялъ, опершись на ружье.

Софья Николаевна быстро одѣлась.

— Я готова, сказала она.

И когда молодой человѣкъ подошелъ къ ней и поклонился, она сказала съ чувствомъ: — я не знаю, какъ благодарить васъ....

— На моемъ мѣстѣ всякой сдѣлалъ бы то же... Куда же прикажете проводить васъ? сказалъ онъ, съ видимымъ удовольствіемъ, глядя на Софью Николаевну и улыбаясь.

— Если вы будете такъ добры, такъ идите за мною, сказала она, покраснѣвъ: — я здѣсь не одна: не далеко отсюда находятся гуляющія со мной.... няня съ ребенкомъ.

Софья Николаевна взглянула на молодого человѣка, и его сѣзюномія ей очень понравились. Они пошли между кустами къ тому мѣсту, гдѣ остановилась няня. Дорогой Софья Николаевна почла нужнымъ разсказать своему избавителю все, какъ было.

— Я, сказалъ онъ: — какъ видите, охотился. Эга сторона совсѣмъ мнѣ новая, и я заблудился.... Услышавъ въ той сторонѣ, гдѣ были вы, голоса, я пошелъ по нимъ въ надеждѣ разпросить когонибудь о дорогѣ. Еще не выходя на площадь, я увидалъ, что происходитъ что-то не совсѣмъ обыкновенное, и хотѣлъ было удалиться, когда услышалъ послѣднія его слова.

Софья Николаевна краснѣла при мысли, что молодой человѣкъ видѣлъ ее въ такомъ положеніи и въ такомъ костюмѣ. Они вышли на дорогу, вдали подъ деревомъ видѣлись няня и Лизочка.

— Вотъ гдѣ сидятъ мои, сказала Софья Николаевна, указывая на нихъ рукою.

— Я очень благодаренъ вамъ за то, что вы вывели меня на дорогу.... Теперь, когда я уже безполезенъ, позвольте мнѣ проститься съ вами.

— Позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ узнать, кому я обязана, сказала Софья Николаевна.

— Къ чему вамъ знать это? отвѣчалъ онъ, нахмурившись: — вы мнѣ рѣшительно ничѣмъ не обязаны. Услуга за услугу: вы вывели меня на дорогу.... Я заѣзжій въ этой сторонѣ; завтра я уѣзжаю, уѣзжаю очень далеко, и вы не услышите обо мнѣ. Къ чему вамъ мое имя?

Софья Николаевна хотѣла протянуть ему руку, но удержалась по очень естественному чувству боязни.

Онъ поклонился ей еще разъ и пошелъ въ противоположную сторону, закинувъ за плечо свое ружье.

Софья Николаевна сдѣлалась вдругъ страшно грустно, какъ будто она разсказалась съ кѣмънибудь давно знакомымъ. Мысль о томъ, что онъ ѣдетъ и ѣдетъ далеко, что она никогда не увидитъ его болѣе, почему-то болѣзненно давила ее. Слезы выступили на глазахъ, и на воспоминаніе объ оскорбленіи, нанесенномъ ей Темниковымъ, было причиною ихъ: вѣтъ! она забыла объ обидѣ, забыла и о Темниковѣ. И онъ, и вся эта исторія представлялась ей съ туманѣ. Только онъ одинъ, этотъ странный, мужественный «незнакомецъ» стоялъ на первомъ планѣ,

былъ для нея предметомъ живымъ и яснымъ. А онъ простился съ ней такъ равнодушно, такъ холодно! И плакать, горько плакать хотѣлось непонимающей своего сердца дѣвушкамъ.

Подойдя къ своимъ, она рассказала нянѣ все какъ было.

— Ужь давно я знала, съ сердцемъ сказала няня : — что за птица этотъ Темниковъ.... Экой, подумаешь, разбойникъ!... Вольно пускать господамъ-то его къ себѣ.... Ахъ, онъ еретикъ проклятый! Зачѣмъ это ты уходила отъ насъ?... Да гдѣ же этотъ баринъ-то, что защитилъ тебя?...

— Онъ ушелъ въ ту сторону.

— Да ты бы его позвала къ господамъ.

— Я не смѣла, няня.

— Чего не смѣть! хоть бы спасибо ему сказали... Ахъ онъ, окаанный!

— Онъ желтый и скверный... лимонъ, сказала Лиза, цалуя Софью Николаевну.

Онѣ пошли домой.

— Няня, а няня! тоскливо говорила наша героиня : — вѣдь онъ уѣдетъ, далеко уѣдетъ....

— Кто? Темниковъ-то? Слава Богу!

— Нѣтъ, няня, не онъ.

— Кто же, мать моя?

— Да этотъ молодой человекъ-то.

— Да кто онъ такой? ты спросила?

— Онъ заѣзжій, не здѣшній.... фамилія не спросила.

Почему-то Софья Николаевна не хотѣлось никому говорить о томъ, что онъ не хотѣлъ ей сказать своего имени.

Прійдя домой она рассказала все Волновымъ.

— Кто же онъ такой? спрашивала съ любопытствомъ Волнова.

— Я не спросила его фамилія.... Миѣ было совѣстно.

— Ахъ, какія вы, Сонечка!... Михаилъ Ивановичъ! нельзя ли узнать, кто пріѣзжій у насъ въ сосѣдствѣ.

Михаилъ Ивановичъ обѣщалъ.

— А этого мерзавца я не велю на дворъ пускать, сказалъ онъ.

— Да я думаю, что онъ не посмѣетъ и показаться, замѣтила Волнова.

— Сколько могъ я узнать, говорилъ на другой день Михаилъ Ивановичъ : — герой Софьи Николаевны нѣкто Красиловъ. Онъ

нѣсколько дней назадъ пріѣхалъ въ свою деревню ; никто изъ сосѣдей не видалъ его, и онъ уже уѣхалъ и — Богъ знаетъ куда.

Сердце нашей героини болѣзненно сжалось. У ней еще была надежда, что онъ явится къ нимъ въ домъ. Сколько она ни убѣждала себя, что ей совершенно не нужно и бесполезно думать объ этомъ молодомъ человѣкѣ, котораго, по всей вѣроятности, она никогда болѣе не увидитъ, а все-таки безпрестанно о немъ думала. Его прекрасное лицо представлялось ей въ полусонныхъ видѣніяхъ, въ этомъ мучительномъ и тяжеломъ состояніи, когда находишься между сномъ и дѣйствительностью. Она разговаривала съ нимъ во снѣ, видѣла его въ тысячѣ разнообразныхъ положеній и, вроснувшись поутру, съ грустью и тоскою въ груди, сидя у раствореннаго окна своей комнаты, все думала о немъ.

ГЛАВА VIII.

Еще грустнѣе проходили для Софьи Николаевны дни въ этомъ и безъ того уже грустномъ домѣ. Михаилъ Ивановичъ кашлялъ и худѣлъ. Катерина Михайловна замѣтно скучала, часто бывала больна, капризничала и пилила мужа. Наконецъ вслѣдствіе одной ссепы, она захворала своею всегдашнею болѣзнію — нервами.

— Ахъ, няня! говорила Софья Николаевна, искренно плача: — какая жалость! Вѣдь она, кажется, съ ума сошла... Что съ ней будетъ? Этакая молодая еще!... А Лизочка? а Михаилъ Ивановичъ?

— Просто сдурилась баба, сердито ворчала старуха, которой тоже досталось отъ больной: — чего плачешь ты, глупая!... Посмотри, такъ пройдетъ.... Я побольше твоего на свѣтѣ жила.... Подурить, поблажить, да и пройдетъ.... Живуча она.... видишь руки-то какъ цапаютъ! Я вѣдь знаю теперь съ чего у ней стало.... О-о-о-о-о!

И старуха, глядя на Софью Николаевну, съ сожалѣніемъ встала головой.

Цѣлую ночь въ домѣ не спали. Припадки больной перемежались утомленіемъ и сномъ и потому снова начинались. Всю ночь мужъ не отходилъ отъ ея постели. На слѣдующій день

онъ тоже не могъ имѣть ни минуты покоя. Если, сидя на престолахъ, онъ немного забывался, если онъ только еще собирался уснуть, болѣзненный и раздраженный гелось жены тревожилъ его :

— Мишель! подай мнѣ воды!... Мишель! дай мнѣ лекарство!... Мишель! поправь подушку!... Мишель! позови Марью!.. Да что ты все спишь, Мишель?

Эти возгласы каждую минуту раздавались въ спальнѣ.

Софья Николаевна хотѣла смѣнить его, но онъ не рѣшался уйти.

— Эка какая! говорила радосадованная няня: — совсѣмъ вѣдь убьетъ его... такъ таки и убьетъ!... И какъ будто дѣло дѣлаетъ сама!... а что вѣдь — гриппица; вѣдь за то Богъ и наказываетъ, прости Господи!

— Что ты, няня, какъ можно такъ говорить! сказала съ упрекомъ Софья Николаевна.

— И ты еще заступаешься за нее, глупая! А ей не жаль срамить тебя, честную дѣвушку!

— Какъ срамить!

— А вотъ какъ.

И няня рассказала ей, какъ Катерина Михайловна въ одномъ неожиданномъ и опасномъ обстоятельствѣ такъ хитро вывернулась, что Михаилъ Ивановичъ началъ подозревать между Софьею Николаевной и Прядинымъ очень близкія отношенія.

Софья Николаевна ушла въ свою комнату, легла на постель и тихо заплакала. Ей горько было думать, что человекъ, котораго она уважала, теперь о ней такого низкаго мнѣнія, и что нѣтъ никакой возможности высказать ему правду.

«Онъ безъ того несчастный — думала она — чтожь съ нимъ будетъ, если онъ узнаетъ правду? То-то онъ былъ такъ веселъ въ то утро, бѣдный! веселъ, убѣдившись въ моемъ позорѣ!... Нѣтъ! ужь пусть лучше я остаюсь въ глазахъ его низкою и презрѣнною тварью, чѣмъ прибавить ему страданій.... Что моя репутація — репутація бѣдной дѣвушки! кому дорога она?... Богъ съ вами!... Но какой ужасный и вѣрный расчетъ!»

И въ первыя минуты поступокъ Катерины Михайловны и Правда казался ей низкимъ, неблагороднымъ; но потомъ природная нѣжность, мягкость сердца взяла верхъ.

«Но чтожь, по настоящему, имъ оставалось дѣлать? Въ такомъ дѣлѣ могло случиться страшное несчастье. Одно средство было отстранить его, и она рѣшилась пожертвовать мною. Они, вѣроятно, думали, что я не услышу, не узнаю; на скромность Михаила Иваныча они надѣялись.... Можетъ быть, она потому и заболѣла, что ее мучить совѣсть.... И какъ она ужасно страдала! Богъ проститъ ей, такъ какъ и я ей прощаю.» Такъ она думала, тоскуя и обливаясь слезами. Въ ту минуту ее можно было сравнить съ бабочкой, небывавшей въ грубыхъ рукахъ людей: неосторожно дотрогиваясь до дѣвственныхъ, радужныхъ крыльевъ, мѣстами зачатками ихъ, стерли бархатную пыль и лишили первоначальной чистоты и красоты.

Она, однако, ясно видѣла, что не можетъ оставаться въ томъ домѣ, хозяинъ котораго такого обиднаго мнѣнія о ней, а хозяйка находится въ такомъ недобромъ отношеніи. Она сознавала, что надо разстаться съ ними. «Видно ужъ моя судьба вести кочевую жизнь» думала она.

Вечеромъ Софья Николаевна сидѣла у постели больной. Она весело рассказывала ей разныя мелочи, читала книгу, смѣялась.

Когда мужа не было въ комнатѣ, Катерина Михайловна тоже весело разговаривала, шутила; силы ея свѣжѣли. Но когда вошелъ онъ — она ослабѣвала, принимала болѣзненный видъ, говорила мало и ослабленнымъ голосомъ.

«Какая она притворщица!» думала Софья Николаевна съ негодованіемъ.

Наконецъ Волнова выздоровѣла. Но она увѣрила мужа, что для совершеннаго излеченія ей необходимо ѣхать въ Москву.

Софья Николаевна видѣла, что, отойдя отъ Волновыхъ, ей въ этой сторонѣ негдѣ будетъ пріютиться, и потому обрадовалась повѣдѣ въ Москву, думая тамъ отыскать себѣ мѣсто и тогда уже объясниться съ Катериной Михайловной. Она никакъ не могла рѣшиться говорить съ нею объ этомъ нежелательномъ дѣлѣ.

ГЛАВА IX.

Наконецъ поѣхали въ Москву. Здѣсь положеніе Софьи Николаевны немного перемѣнилось. Волнова очень часто выѣзжала и по большой части одна. Тогда наша героиня оставалась дома съ Лизой и съ няней и довольно грустно проводила долгіе часы. Иногда же у Волновыхъ собиралось довольно много постороннихъ лицъ. Общество было исключительно мужское и состояло преимущественно изъ молодыхъ людей, которые видимо склонялись подъ знамена интересной хозяйки.

Софья Николаевна удивлялась умѣнью и искусству Екатерины Михайловны, съ которыми она незамѣтно покоряла гостей своему вліянію, такъ что каждый наперерывъ старался угождать ей.

Правда и Софья Николаевна не могла не обратить на себя вниманія; но обстановка была такъ искусно рассчитана, что гувернантка всегда оставалась на второмъ планѣ и какъ будто была красивой декорацией въ сценахъ, гдѣ Волнова была главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Михаилъ Ивановичъ либо хворалъ, либо хлопоталъ по своимъ дѣламъ. Обстоятельства Волновыхъ были не въ блестящемъ положеніи. Имѣніе ихъ не только было заложено, но оно подвергалось продажѣ съ аукціоннаго торга. Это очень беспокоило мужа; но жена, какъ будто ничего не зная, не отказывала себѣ ни въ чемъ. Деньги сильно тратились на ея наряды и на ея капризы.

А между тѣмъ Софья Николаевна не получала жалованья. Искать мѣста, живя у нихъ въ домѣ, было почти невозможно. А для того, чтобы отойти отъ нихъ, надо было имѣть деньги. Она же, видя, что Волновъ въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, совѣстилась напоминать объ этомъ.

Съ нѣкотораго времени обращеніе Волновой съ Софьей Николаевной сдѣлалось гораздо принужденнѣе. Она избѣгала случая оставаться съ ней вдвоемъ, вступать въ какіе нибудь близкіе разговоры. Насчетъ занятій съ дочерью мать стала взыскательнѣе и находила, что уже пора имъ сдѣлаться болѣе серьезными. Съ своей стороны, Софья Николаевна не могла быть откровенна съ своею хозяйкою, какъ прежде. Принужде-

не и холодность между ними становились замѣтнѣе съ каждымъ днемъ. Такого рода отношенія, основанныя уже не на довѣрїи и не на привязанности, а только на необходимой вѣжливости и терпимости, были не по душѣ нашей героинѣ. Носить постоянно наску, остерегаться въ движеніяхъ, въ разговорахъ и даже въ взглядахъ было тяжело ей. При такихъ условіяхъ обязанность самая легкая становится несносною для существа, одареннаго натурою любящею, откровенною и довѣрчивою. Она ждала только случая и удобныхъ обстоятельствъ, чтобъ разстаться съ Катериной Михайловной, которую ей даже видѣть становилось тяжело. Въ сценахъ съ мужемъ, красивое лицо Волновой искажалось. Оно принимало выраженіе злое, непріятное и почти отвращающее. Даже черты какъ-то странно измѣнились. Если минутныя вспышки гнѣва, справедливое чувство оскорбленія и гордости, такъ какъ и проявленіе страсти, любви и вѣжности, могутъ придавать особенную прелесть фигурѣ и лицу женщины, и безъ того уже красивымъ; то правда и то, что чувство мелочной злобы, зависти, постоянно поддерживаемой ненависти, капризовъ, направленныхъ на другихъ, съ злою цѣлью мучить, искажаетъ какую угодно прекрасную наружность. Злые чувства накладываютъ на нее печать своего безобразія и неестественности. Какъ будто природа хочетъ показать этимъ, какъ эти чувства не натуральны и не врожденны существамъ, созданнымъ для любви, вѣжности, состраданія и утѣшенія. Какъ будто не хочетъ она, чтобы красота и злоба уживались вмѣстѣ и, подъ стать къ послѣдней, измѣняетъ и первую.

Такъ какъ финансовыя обстоятельства Волнова становились все хуже, то онъ уѣхалъ въ деревню. Жена должна была отправиться туда же черезъ нѣсколько дней послѣ него.

Но въ отсутствіи его, она, кажется, и забыла объ отъѣздѣ.

Она продолжала выѣзжать, веселиться и тратить оставенныя деньги на наряды и пустыя прихоти. Часто съ досадою она получала письма отъ мужа, но и не думала отвѣчать ему. Такъ прошелъ мѣсяць. И вотъ въ одно утро взмылившаяся тройка лошадей остановилась у оконъ дома, въ которомъ жила Волнова. Съ силою рвануль кто-то звонокъ, и въ отворенную дверь вбѣжалъ, задыхающійся Волновъ: на немъ лица не было.

— Что барыня? спросилъ онъ у человѣка, въ страшномъ безпокойствѣ.

— У себя-съ: дома, отвѣчалъ тотъ, изумившись.

— Здорова она и.... Лиза? съ боязнью проговорилъ онъ.

— Всѣ, слава Богу.

Онъ вздохнулъ свободнѣе. Скинувъ шубу, съ нетерпѣніемъ бросился онъ къ жемѣ. Софья Николаевна въ это время сидѣла у дочери.

Онъ быстро отворилъ двери и остановился передъ женой.

— Катенька! вскричалъ онъ съ упрекомъ: — что ты со мной дѣлаешь?

— Что съ тобой, что такое? что случилось? сказала она, вставая, съ притворнымъ удивленіемъ.

— Какъ что! неужели ты не знаешь? Мало того, что ты не ѣхала цѣлый мѣсяцъ, ни одного письма, ни одной строчки!... Богъ одинъ знаетъ, какіе мучительные дни и ночи проводилъ я! Не знаю, какъ и не умеръ.... Я ужъ думалъ, Богъ знаетъ, что случилось съ вами.... что вы и не живы.... а между тѣмъ, ты преспокойно сидишь здѣсь.... Я ждалъ, ждалъ цѣлый мѣсяцъ, каждый часъ, каждую минуту, наконецъ бросилъ все и приехалъ, какъ сумасшедшій.

— Да, вольно же тебѣ дѣлать и предполагать глупости. Что за переписка въ такое короткое время!

— Да отчего же ты не ѣхала?

— Да съ чѣмъ я поѣду, когда денегъ нѣтъ.

— Я вѣдь оставилъ тебѣ деньги.

— Ты думаешь, что твоя тысяча рублей Богъ знаетъ что.... что съ ними сдѣлаешь?

— Гдѣ же мнѣ взять болѣе: ты знаешь....

— Чтожъ: ты хочешь сказать, что я мотаю? Я вышла за тебя замужъ не для того, чтобы нищенствовать.

— Выходи за меня, ты знала мое состояніе.

— Если бы я все знала! сказала она съ неизъяснимомъ злобою.

— Боже мой! вскричалъ онъ, съ страшною тоской схвативъ себя за голову: — за всѣ эти неизъяснимыя мученія, страданія, безпокойства, хоть бы одинъ ласковый взглядъ, одно ласковое слово, движеніе...

Слезы показались у него на глазахъ, и онъ выбѣжалъ изъ комнаты.

Она съ презрительною улыбкою пожала плечами.

Софья Николаевна бросила на нее взглядъ, полный негодованія, и тоже вышла изъ комнаты.

Волновъ лежалъ въ гостиной на диванѣ, уткнувъ лицо въ подушку.

Недѣли чрезъ полторы, однако, Волновы были уже въ своей деревнѣ.

Здѣсь хозяйка дома постоянно была не въ духѣ. Замѣчая, что Софья Николаевна принимаетъ сторону мужа и видимо сожалѣетъ о немъ, она сдѣлалась къ ней особенно взыскательна. Иногда безъ всякаго повода дѣлала ей замѣчанія, выговоры, подсмѣивалась надъ нею, острела на ея счетъ — однимъ словомъ, не упускала ничего, что бы могло дѣлать неприятели. Софья Николаевна, выводимая иногда изъ терпѣнія, съ своей стороны искусно отражала нападенія и заставляла невольно замолчать Волнову.

Она ждала только своего жалованья, по полученіи котораго, немедленно хотѣла ѣхать въ Петербургъ и тамъ искать мѣста чрезъ начальницу того пансіона, въ которомъ воспитывалась.

Павелъ Ивановичъ опять началъ свои посѣщенія.

Однажды, когда между мужемъ и женой происходила одна изъ тѣхъ сценъ, которыя такъ часто повторялись, сцена, начавшаяся по поводу разстроенныхъ дѣлъ, Катерина Михайловна, высказавъ ему уже очень много горькаго, говорила:

— Вотъ ты былъ въ Москвѣ сколько времени... Второй разъ прискакалъ туда, Богъ знаетъ, для чего; а что ты сдѣлалъ путнаго? Подумалъ ли ты о томъ, что будетъ, когда ты умрешь? Какъ оставишь ты дѣла свои?

Онъ поблѣднѣлъ. У Софьи Николаевны вся кровь возмолновалась отъ негодованія.

— Не говори мнѣ объ этомъ, пожалуйста, сказалъ онъ кратко.

— Что за шалодушіе! не говорить о смерти! Напротивъ, надо думать и говорить о ней, когда оставляешь послѣ себя жену и ребенка. Вѣдь очень же можетъ случиться.... ты посмотри на себя....

— Перестань, прошу тебя. Я знаю это давно, говорить объ этомъ бесполезно.

— Чтожь тебѣ страшно и позаботиться.

— Я не боюсь смерти! Но мнѣ страшно то, что ты говоришь о ней съ такимъ равнодушіемъ, съ такимъ ужаснымъ спокойствіемъ.

— Чтожь, мнѣ убиваться и плакать заранѣе что ли?

— Нѣтъ, это просто невыносимо! вскричалъ онъ, въ отчаяніи схвативъ себя за голову: — ты ужасная женщина! въ тебѣ нѣтъ ни искры чувства, ни искры человѣчества и даже сожалѣнія.

Онъ хлопнулъ дверью и вышелъ.

Щоки Софьи Николаевны зардѣлись гнѣвомъ. Глаза заблѣстали и пристально впялись въ злые, наемѣшшавые глаза Волновой, какъ будто вызывая ихъ на бой.

Волнова вышла.

Михаилъ Ивановичъ сидѣлъ въ пустой залѣ на стулѣ, склонивъ на руку тяжелую голову. Спина его была согнута; востаявья, угловатыя плечи судорожно подымались и опускались отъ сильнаго и сухого кашля, который овладѣлъ имъ. Голова и всѣ члены дрожали. Казалось, что глухіе звуки кашля сивались съ судорожными рыданіями души, убитой и истерзанной долгими мученіями. Онъ не замѣтилъ, какъ Софья Николаевна подошла къ нему. Крупныя слезы катились по щекамъ ея. Ей стало страшно: она боялась, чтобы онъ не умеръ отъ сильнаго напряженія.

— Михаилъ Ивановичъ! тихо сказала она, не будучи въ состояніи выдержать этого печальнаго зрѣлища:—Михаилъ Ивановичъ! успокойтесь, ради Бога!

Онъ взглянулъ на нее.

При видѣ его страдальческаго лица, слезы еще обильнѣе полились изъ глазъ Софьи Николаевны и она сжала его руку.

— Такъ вамъ жаль меня? сказалъ онъ, съ горькою улыбкою: — вамъ жаль меня!... Вы переходите на мою сторону... она еще несовѣтъ успѣла заплести васъ въ свои сѣти. Сердце ваше тоже возмутилось при этихъ безчеловѣчныхъ словахъ....

— Я и всегда была за васъ, съ чувствомъ сказала Софья Николаевна.

— Да, да: я зналъ, я видѣлъ это. Но я глупо боялся.... Я думалъ, что и вы съ ней въ заговорѣ; но вѣрнѣе, вы жертва.... Да я увѣренъ, и теперь все-равно, если бы вы мнѣ и рассказали всю истину. Послѣ сегодняшнихъ словъ, все прошлое уже можно считать благомъ.... Да и смерть близка, очень близка: я съ нетерпѣніемъ жду ея.... Дайте мнѣ вашу руку, продолжалъ онъ, замѣтивъ, какъ сильно слова его дѣйствуютъ на нее: — простите.... я увѣренъ, что виновать предъ вами....

• Онъ приложилъ руку ея къ своему лбу.

— Вы не повѣрите, какое благотворное вліяніе имѣетъ на меня рука ваша. Мнѣ кажется, что отъ нея разливается по мнѣ чувство состраданія, то самое чувство, котораго я такъ долго и напрасно искалъ.... и искалъ его. .. только уже одного его.... И вотъ въ этихъ исканьяхъ застаетъ меня смерть. Видитъ Богъ: я не боюсь ея. Она даетъ мнѣ наконецъ спокойствіе, котораго я такъ давно уже не знаю... съ тѣхъ поръ, какъ она стала на пути моемъ! Но вотъ что страшитъ меня: я увѣренъ, что въ послѣднюю минуту не упадетъ на меня ни одного взгляда участія, ни одной слезы сожалѣнія.... Никто съ состраданіемъ и тоскою не выкроетъ моихъ глазъ.... развѣ моя бѣдная няня своими костлявыми вальцами!

Онъ замолкъ и склонилъ голову къ груди стоящей предъ нимъ Софьи Николаевны.

— Позвольте, позвольте мнѣ остаться такъ, говорилъ онъ: — положите и другую руку вашу мнѣ на голову. Не считайте меня живымъ существомъ и предполагайте, что дѣлаете дѣло милосердія. Очень уже давно не зналъ я ласки, не говорю уже любви, но хотѣ участія... Нѣтъ, нѣтъ!... А я жаждалъ ее всю жизнь, жаждалъ отъ нея, отъ нея!... и вотъ чего дождался!...

Въ дверяхъ показалась Катерина Михайловна, злобно усмѣхаясь.

— Прекрасно, очень хорошо! Какая трогательная, чувствительная сцена!

Выведенный изъ себя Волковъ вскочилъ со стула; но бѣшенство подняло тревогу въ груди его, закатило горло и онъ, опять страшно закашлявшись, упалъ на стулъ.

Тогда наша героиня смѣло оборотилась лицомъ къ Волновой и, смотря на нее глазами, сверкающими негодованіемъ и презрѣніемъ, сказала твердымъ и язвительнымъ голосомъ :

— Хотя бы вы постыдились, глядя на него, говорить такіа вещи! Вѣдь я очень знаю, очень увѣрена, что вамъ и въ голову не приходило думать того, что вы говорите. Для чего же говорите вы это? Не для того ли, чтобы терзать его напрасно? Я удивляюсь страшной настойчивости, съ которой вы грызете свою жертву. Послѣ всякой подобной сцены, сердце ваше не только не умягчается чувствомъ раскаянія, вы еще съ большимъ и новымъ ожесточеніемъ начинаете новую. Посмотрите: что вы сдѣлали съ нимъ, продолжала она, указывая на опрокинувшагося чрезъ стулъ и безчувственнаго Волнова: — вы умили, вы убили его. Это ваша работа, вы можете похвалиться, что усердно занимались ею каждый день!...

Лицо Софьи Николаевны въ то время, когда она говорила это, было величаво и строго, тогда какъ лицо Волновой покорено злобой.

— Какая проповѣдница краснорѣчивая! сказала Волнова, насильно смѣясь. — По мнѣ пусть онъ хоть безъ ума влюбляется въ васъ, пусть хоть цѣлые дни проводитъ у ногъ или у груди вашей— мнѣ рѣшительно все равно. Я также бы стала объ этомъ думать, какъ китайскій императоръ думаетъ обо мнѣ. Но вотъ что.... не позволю я, чтобы вы мѣшались въ наши семейныя распри, въ мои дѣла....

— А какже вы могли.... прервала Софья Николаевна; но остановилась, вспомнивъ, что Волновъ можетъ услышать.

Она хотѣла сказать: какже вы могли такъ низко замѣшать меня въ свои дѣла?

Катерина Михайловна поняла и это еще болѣе раздражило ее.

— И меня хозяйку дома, въ которомъ живете, вы осмѣливаетесь оскорбить.... Право, это не слыхавно!...

— Я давно бы оставила вашъ домъ, еслибы не совѣстилась просить у васъ жалованье. Дайте мнѣ хоть часть его на дорогу, и я тотчасъ же уѣду.

— Хорошо, вы получите все сполна.

— Прикажите, по крайней мѣрѣ, помочь вашему мужу; вы видите, что онъ въ обморокѣ.

Софья Николаевна ушла въ свою комнату и съ лихорадочною воспѣшностью стала прибирать и укладывать свои вещи, думая, въ первыя минуты, что въ тотъ же день должна оставить этотъ страшный домъ.

Надо замѣтить, что во все время описанной сцены, въ щель неплотно притворенной двери — дѣвки и лакеи съ любопытствомъ смотрѣли и слушали, волнуемые тоже разными чувствами. Няня пришла въ комнату Софьи Николаевны и, обнимая ее, со слезами говорила.

— Ахъ ты, моя красавица ненаглядная! оставляешь ты насъ однихъ, бѣдныхъ!... Спасиботѣбѣ, дитя мое, что хоть ты заступилась за моего бѣднаго барина.... умереть онъ, право умереть! И разругала же ты ее хорошо! долго будетъ помнить она.

— Няня, какъ мнѣ ѣхать? денегъ я не получала еще отъ нихъ.

— Подожди, мать моя.... куда же безъ нихъ пойдешь ты!

Цѣлый день Софья Николаевна не сходила сверху и просидѣла въ слезахъ у своего окна, ожидая денегъ.

Вечеромъ Волнова прислала за ней. По необходимости надо было сойти внизъ и встрѣтиться съ нею.

Катерина Михайловна лежала въ постели, въ самомъ дѣлѣ нездоровая. Волновъ не выходилъ изъ своей комнаты.

— Софья Николаевна, надо вамъ немного подождать денегъ. Нечего дѣлать. Не будемъ же ссориться до отъѣзда и забудемъ ту сцену.

— Вы можете быть увѣрены въ этомъ, Катерина Михайловна.

— И вы, и я чрезчуръ погорячились. Но не будемъ разбирать: — кто правъ, кто виноватъ? Теперь уже не воротнишь высказаннаго. Будемъ говорить, какъ будто ничего не было.

Тяжелъ былъ этотъ вечеръ страшнаго принужденія для Софьи Николаевны.

На другой день Волнова уѣхала на нѣсколько дней въ гости къ дальнимъ знакомымъ.

Михаилъ Ивановичъ послалъ въ ближній городъ, взять билетъ въ Дивьянскъ, который на обратномъ пути изъ Москвы долженъ былъ отвезти гувернанку въ Петербургъ.

Черезъ нѣсколько дней, уѣзжая изъ дома, Софья Николаевна съ участіемъ пожимала руку Михаила Ивановича, когда онъ прощался съ нею.

— Мы не увидимся! было его послѣднее слово.

Со слезами раздаловала она Лизу и няню и пошла въ комнату хозяйки.

— Прощайте, Катерина Михайловна! сказала она несмѣло и невольно смутившись.

— Прощайте, отвѣчала та, вставая и обнимая ее: — позвольте еще разъ назвать васъ Сонечкой.... Грустно мнѣ, что мы расстаемся съ вами такъ.

— Разстанемся безъ злобы другъ на друга, сказала дѣвушка, искренно забывъ всѣ непріятности.

— Будьте увѣрены, что не злость, а сожалѣніе о случившемся останется со мною.... Я все забываю, все прошаю....

Софья Николаевна тоже хотѣла сказать: «И я прощаю», но остановилась. Ей казалось, что эти слова будутъ упрекомъ.

— Будемъ помнить только пріятное, сказала она.

— И такъ: Sans гапсиде?

— Sans гапсиде.

— Сонечка! сказала Волпова съ чувствомъ (искренно или притворно было это чувство?... трудно было узнать): — Сонечка, объ одномъ прошу. Въ вашихъ воспоминаніяхъ не прокляните меня, а скорѣе пожалуйте обо мнѣ, какъ жадете о немъ... Я сама иногда себя презираю; но если бы вы знали все, если бы, вы знали....

— Что это такое: если бы я знала?... думала уѣзжая не сдержимъ спокойная дѣвушка.

Черезъ нѣсколько часовъ Софья Николаевна сидѣла въ гостиницѣ, находящейся на большой дорогѣ, въ ожиданіи пріѣзда diligенса.

Она сидѣла ослѣдела большую холодную комнату съ ужасными карнизами. По теплымъ стѣнамъ висѣли большіе

портреты и страшно глядѣли въ темнотѣ глаза фигуръ на задумчиво прислонившуюся къ спинкѣ дивана дѣвушку. Запахъ отъ густыхъ гераній, стоявшихъ на окнѣ, смѣшивался съ запахомъ деревяннаго масла, горящаго въ лампадѣ предъ огромною кіотою, распространялся въ комнатѣ.

Грустно казалось неизвѣстное будущее воображенію бѣдной, безпомощной и одинокой дѣвушки.

Недавнее прошелшнее все представлялось ей и она вспомнила бѣднаго Михаила Ивановича.

— Онъ сомнѣвается въ моихъ отношеніяхъ съ Прядильнымъ и это мучить его. Онъ желаетъ, чтобы я была виновна. Оставлю ли я его въ этомъ сомнѣніи? Нѣтъ: этого не должно быть. Спокойствію его я должна пожертвовать своею репутаціею. По крайней мѣрѣ я выкуплю этой жертвой много часовъ страданій.

И она, потребовавъ чернилъ и бумагу, написала слѣдующую записку къ Волнову.

«Михаилъ Ивановичъ, уѣзжая я считаю долгомъ, хотя и тяжелымъ, вывести васъ изъ сомнѣнія насчетъ моихъ настоящихъ отношеній съ П.... Я была увлечена....»

Она вздрогнула и продолжала:

«Я была увлечена молодостью, воображеніемъ, обстоятельствомъ. Я была одна, неопытна.... Грустно мнѣ думать, что оставляю въ васъ о себѣ такое жалкое мнѣніе.... По крайней мѣрѣ вы будете знать, что я не обманщица и не притворщица.... я можетъ быть.... современемъ.... простите меня!»

Она запечатала письмо, отдала его кучеру, который привезъ ее, наказавъ, чтобы записка была отдана въ собственныя руки Волнова.

Вдругъ дверь скрипнула и въ комнату вошелъ кто-то едва слышными шагами. Софья Николаевна обернулась; но въ полусвѣтѣ не могла хорошенько видѣть лицо. Она думала, что это кто нибудь изъ проѣзжающихъ.

— Здравствуйте, сказалъ тихій, но непріятный голосъ: — здравствуйте, Софья Николаевна!

Она приводилась, посмотрѣла внимательнѣе и вскрикнула, узнавъ Топильцова.

— Не пугайтесь, сударыня, видъ вы здѣсь не оліѣ. Никакой обиды вы не можете бояться.

— Что вамъ угодно? спросила она сухо.

— Я пріѣхалъ нарочно, чтобы проститься и попросить у васъ прошенія, сказалъ онъ смиреннымъ голосомъ.

— Я уже давно все забыла.

— Я не упускалъ васъ изъ виду, грѣшный человѣкъ! Вы меня не видѣли послѣ той непріятной сцены, а я имѣлъ счастье много разъ слѣдить за вами въ вашихъ прогулкахъ и выѣздахъ. Значить, я не забылъ васъ.

— Очень вамъ благодарна; чтожь изъ этого?

— А вотъ видите ли что. Я человѣкъ преупрямый и неотсталъ отъ своего желанія. Несмотря на все, рѣшительно на все, явился я съ тѣмъ, чтобы возобновить вамъ мое предложеніе.

— Какой вы странный человѣкъ. Зачѣмъ вы заставляете меня столько разъ повторять вамъ одно и то же.

— Такъ вы никакъ не хотите измѣнить своего рѣшенія? сказалъ онъ съ видимою злобою: — оно остается то же.

— Разумѣется то же.

— Я думалъ, что на этотъ разъ вы будете сговорчивѣе, снисходительнѣе....

— Почему такъ?

— Послѣ всего того, что случилось съ вами въ домѣ Волновыхъ....

— Я васъ рѣшительно не могу понять.

— То есть: вы не хотите понимать. Если позволите, я буду говорить яснѣе.

— Говорите, пожалуйста, скорѣе. Миѣ тяжело это неумѣстное объясненіе.

— Вамъ тяжело оно! извольте я буду откровеннѣе. Я думалъ, что теперь у васъ найдется другой отвѣтъ на честное предложеніе порядочнаго человѣка.

— А! вотъ чтѣ! сказала Софья Николаевна. — чтожь далѣе?

— Я думалъ, что теперь вы не будете такъ строги....

— Вы кончили? прервала его наша героиня: — пожалуйста, довольно. Я не унижусь до того, чтобы оправдываться предъ

вамъ и снова, слышите ли, отвергаю ваше предложеніе.... Прощайте!

— Повѣрьте мнѣ, что вы будете раскаяваться въ этомъ рѣшеніи.

— Не думаю.

— Я вамъ говорю, что будете раскаяваться.

— Что это? кажется, угрозы! я не боюсь ихъ.

— Нѣтъ, не угрозы; а я очень хорошо знаю это. Вы оставляете домъ Волновыхъ при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, перессорившись съ хозяйкой.... Повѣрьте....

— Пожалуйста уйдите отсюда! вскрикнула съ досадою дѣвушка, указывая ему на дверь.

— Въ вашемъ званіи репутація очень важна. То ли еще ожидаетъ васъ.

Въ это время у оконъ загремѣлъ подъѣхавшій дилижансъ.

— Слава Богу, сказала Софья Николаевна, вставая.

— Прощайте, до свиданія! сказалъ Темниковъ.

Софья Николаевна отвернулась.

— Надѣюсь, что увидимся, продолжалъ онъ.

— Не надѣйтесь, сказала сердито дѣвушка.

Въ комнату вошелъ пассажиръ дилижанса, и Темниковъ скрылся.

Софья Николаевна показала кондуктору свой билетъ и отдала уложить вещи.

— Съ кѣмъ я буду сидѣть? спросила она.

— Съ дамой, отвѣчалъ онъ.

Между тѣмъ въ темномъ корридорѣ гостиницы, женщина лѣтъ пятидесяти, одѣтая въ дорожное платье, о чемъ-то шепталась съ Темниковымъ.

Наконецъ дилижансъ двинулся. Софья Николаевна познакомилась съ своей сосѣдкой, которая встрѣтила ее очень ласково и увѣряла, что очень рада такой неожиданной компаніи. Путешествіе продолжалось около трехъ сутокъ. Въ это время двѣ сосѣдки сблизились и познакомились короче. Пожилая дама съ участіемъ разспросила Софью Николаевну, къ кому она ѣдетъ и съ какимъ намѣреніемъ? Дѣвушка рассказала свое положеніе и свои надежды.

— Пожалуйста, душенька, согласитесь на мою просьбу, говорила ласково пожилая дама, цалуя вашу геровню: — первое время, мокайтесь вы еще не същита мѣста, остановитесь у меня. Я буду жить одна и очень рада такому пріятному обществу.

И она рассказала тоже въ общихъ чертахъ свое положеніе и краткую исторію своей добродѣтельной жизни.

Софья Николаевна съ благодарностью приняла предложеніе добродѣтельной дамы.

На третій день онѣ уже были въ Петербургѣ.

ИПНОЛИТЬ ПАНАЕВЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ О. П. ТЮТЧЕВА

(СЛУЖАЩІЯ ДОПОЛНЕНІЕМЪ КЪ НАПЕЧАТАННЫМЪ ВЪ 3 № «СОВРЕМЕННИКА».)

ХСНІ.

САКОМТАЛА.

(Изъ Гёте.)

Что юный годъ дастъ цвѣтанъ
Ихъ дѣвственный румянецъ,
Что зрѣлый годъ дастъ плодамъ
Ихъ царственный багрянецъ,
Что вѣнчать взоръ и веселить,
Какъ перль, въ моряхъ цвѣтущій,
Что грѣсть душу и житье,
Какъ нектаръ всемогущій,
Весь цвѣтъ сокровищницъ мечты,
Весь полный цвѣтъ творчества,
И, словомъ : небо красоты,
Въ лучахъ воображенья, —
Все, все поэзія елика
Въ тебѣ одной, *Саконтала*.

XCIV.

ИЗЪ ФАУСТА.

. . . . Фаустъ. . . .

Зачѣмъ губить въ уныніи пустомъ
Сего часа благое достоянье?...
Смотри, какъ хижины кругомъ
Осыпало вечернее сіянье....
День пережить, и къ небесамъ инымъ
Свѣтило дня несесть животворенье....
О, гдѣ крыло, чтобъ взвиться вслѣдъ за нимъ,
Прильнуть къ его лучамъ, слѣдить его теченье?
У ногъ моихъ лежитъ прекрасный міръ
И, вѣчно-вечерѣющій, смѣется....
Всѣ выси въ заревѣ, во всѣхъ долинахъ міръ,
Сребристый ключъ въ златыя рѣки льется.
Надъ цѣпью дикихъ горъ, лѣсистыхъ странъ
Полетъ богоподобный вѣсть,
И ужъ вдали открылся и свѣтлѣетъ
Съ заливами своими океанъ....
Но свѣтлый богъ главу въ пучины клонить
И вдругъ крыла таинственная мочь
Вновь ожила и вслѣдъ за уходящимъ гонить,
И вновь душа въ потокахъ свѣта тонетъ.
Передо мною день, за мною ночь,
У ногъ равнина водъ и небо надъ главою.
Прекрасный сонъ!... и суетный!... прости!...
Къ крыламъ души, парящимъ надъ землею,
Нескоро намъ тѣлесныя найти!...
Но сей порывъ, сіе и вверхъ и вдали стремленье —
Оно природное внушенье,
У всѣхъ людей оно въ груди....
И оживаетъ въ нихъ порою,
Когда, весной, надъ нашей головою,
Изъ облаковъ пѣснь жавронка звенитъ,
Когда надъ крутизной лѣсистой
Орелъ, ширяся, паритъ, . . .
Поверхъ озеръ иль степи чистой.
Журавль на родину спѣшитъ....

ХСV.

ПРИВѢТСТВІЕ ДУХА.

(Изъ Гёте.)

На старой башнѣ, у рѣки,
Духъ рыцаря стоитъ
И лишь завидитъ челноки
Привѣтомъ ихъ дарить :

«Кипѣла кровь и въ сей груди,
«Кулакъ былъ изъ свинца,
«И богатырскій мозгъ въ кости,
«И кубокъ до конца !

«Пробушевалъ полъ-жизни я,
«Другую проволокъ;
«А ты плыви, плыви, ладья,
«Куда несетъ потокъ !»

ХСVI.

ИЗЪ ШЕКСПИРА.

Любовники, безумцы и восты
Изъ одного воображенья слиты....
Тотъ зреть бѣсовъ, какихъ и въ адѣ нѣтъ :
(Безумецъ то есть) сей, равно безумный,
Любовникъ страстный, видитъ, очарованъ,
Елены красоту въ цыганкѣ смуглой.
Поэта око, въ свѣтломъ наступленьи,
Круговращаясь, блещетъ и скользитъ
На землю съ неба, на небо съ земли,
И лишь создастъ воображенныя виды
Существъ невѣдомыхъ, поэта жезлы
Ихъ претворяетъ въ лица и даетъ
Тѣнямъ воздушнымъ мѣстность и мезганы !

ХСІІ.

ПѢСНЯ.

(Изъ Шекспира.)

Заревѣлъ голодный левъ,
И на мѣсяцъ волкъ завылъ :
День съ трудомъ преодолѣвъ,
Бѣдный пахарь опочилъ.

Угли гаснутъ на кострѣ,
Дико Филивъ прокричалъ
И бѣльному на одрѣ
Скорый саванъ провѣшалъ.

Всѣ кладбища, сей порой,
Изъ зялющихъ гробовъ,
Въ сумракъ мѣсяца сырой
Высылаютъ жертвецовъ !...

ХСІІІ.

ИЗЪ ГЕЙНЕ.

Другъ, откройся предо мною :
Ты не призрѣшь ли какой,
Какъ выводить ихъ перомъ
Маятъ поэта огневой !...

Нѣтъ, не вѣрю : этихъ щечекъ,
Этихъ глазокъ милый свѣтъ,
Этотъ ангельскій роточекъ
Не создасть никакъ поэтъ.

Василиски и вампиры,
Ковъ прыгать и змѣй зубасты —
Вотъ мечты, его кумиры;
Иль творить поэтъ гериды.

Но тебя, твой станъ эфирный,
Сихъ ланить волшебный цвѣтъ,
Этотъ взоръ лукаво-смирный
Не создасть никакъ поэтъ.

ХСГХ.

Cache-cache.

Вотъ арфа ея въ обыкновенъ углу,
Гвоздики и розы стоятъ у окна,
Полуденный лучъ задремалъ на полу :
Условное время ! Но гдѣ же она ?

О, кто мнѣ поможетъ шалунью съяснять,
Гдѣ, гдѣ пріютилась сильфида моя ?
Волшебную близость, какъ бы благодать,
Разлитую въ воздухъ чувствую я.

Гвоздики недаромъ лукаво глядятъ,
Недаромъ, о розы, на вашихъ листахъ
Жарче румянецъ, свѣжѣй ароматъ :
Я понялъ, кто сарылся, зарылся въ цвѣтахъ !

Не арфы ль твоей мнѣ послышался звонъ ?
Въ струнахъ ли мечтаешь укрыться златыхъ ?
Металлъ содрогнулся, тобой оживленъ,
И сладостный трепеть еще не затихъ.

Какъ пляшутъ пылочки въ полдневномъ лучѣхъ !
Какъ искра живыя въ родимомъ огнѣ !
Видалъ я сей пламень въ знакомыхъ очагахъ,
Его упоенье не вѣстало я мнѣ.

Влетѣлъ мотылекъ, и съ цвѣтка на другой,
Притворно-безопасный, онъ началъ порхать.
О, полно кружиться, мой гость дорогой !
Могу ли, воздушный, тебя не узнать ?

С.

МОГИЛА НАПОЛЕОНА.

Душой весны природа ожила,
И блещетъ все въ торжественномъ покоѣ :
Лазурь небесъ и море голубое,
И дивная гробница, и скала !
Древа кругомъ покрылись новымъ цвѣтомъ,
И тѣни ихъ средь общей тишины
Чуть зыблются дыханіемъ волны
На мраморѣ, весною разогрѣтомъ...

Давно ль умолкъ Перунъ его побѣдъ,
И гулъ отъ нихъ стоитъ доселѣ въ мѣрѣ....
И умъ людей великой тѣнью полетъ,
А тѣнь его, одна, на брегѣ дикомъ,
Чужда всему, внимаетъ шуму волеѣ
И тѣшится морскихъ пернатыхъ крикомъ,

СІ.

ВЪ АЛЬБОМѢ ДРУЗЬЯМЪ.

(Изъ Байрона.)

Какъ медлятъ путника вниманье
На хладныхъ камняхъ гробовыхъ,
Тамъ привлечетъ друзей моухъ
Руки знакомой начертанье !...

Черезъ много, много лѣтъ оно
Напомнитъ имъ о прежнемъ другѣ :
«Его ужъ вѣту въ вашемъ кругѣ;
Но сердце здѣсь погребено !...»

СИ.

СЪ ЧУЖОЙ СТОРОНЫ.

(Изъ Гейне.)

На сѣверѣ мрачномъ, на дикой скалѣ
Кедръ одинокій подъ снѣгомъ бѣлѣтъ,
И сладко заснулъ онъ въ нивстой мглѣ,
И сонъ его вьюга лелѣтъ.

Про юную пальму все снится ему,
Что въ дальнихъ предѣлахъ Востока,
Подъ пламеннымъ небомъ, на знойномъ холму,
Стоить и цвѣтеть одинока....

СИИ.

СЛЕЗЫ.

O lacrimarum fons....

Gray.

Люблю, друзья, ласкать очами
Иль пурпуръ искрометныхъ винь,
Иль плодовъ между листьями
Благоухающій рубинъ.

Люблю смотрѣть, когда созданье
Какъ бы погружено въ веснѣ,
И миръ заснулъ въ благоуханьѣ
И улыбается во снѣ!...

Люблю когда лицо прекрасной
Весенній воздухъ пламенить,
То кудрей шолкъ взвѣваетъ сладострастной,
То въ ямочки впивается ланить!

Но что всѣ прелести паотскія царяцы,
И гроздй сокъ и запахъ розъ,
Передъ тобой, святой источникъ слезъ,
Роса божественной денницы!...

Небесный лучъ играетъ въ нихъ
И, преломясь о капли огневья,
Рисуетъ радуги живыя
На тучахъ жизни громовыхъ.

И только смертнаго зениць
Ты, ангель слезъ, дотронешься крылами —
Туманъ разсѣется слезами,
И небо серафимскихъ лицъ
Вдругъ разовьется предъ очами.

сг

ВЕСЕННЕЕ УСПОКОЕНИЕ.

О, не кладите меня
Въ землю сырую :
Скройте, заройте меня
Въ траву густую.
Пусть дыханье вѣтерка
Шевелитъ травую —
Свирѣль поетъ издавка,
Свѣтло и тихо обла
Плывутъ надо мною.

сг

КЪ НИСѢ.

Ниса, Ниса, Богъ съ тобою!
Ты презрѣла дружный гласъ,
Ты поклонниковъ толпою
Оградилася отъ насъ.

Равнодушно и безпечно,
Легковѣрное дитя,
Нашу дань любви сердечной
Ты отвергнула шути.

Нашу вѣрность промѣла
На невѣрный блескъ, пустой, —
Нашихъ чувствъ тебѣ, знать, мало :
Ниса, Ниса, Богъ съ тобой !

С VI.

ПѢСНЬ СКАНДИНАВСКИХЪ ВОИНОВЪ.

Хладенъ, свѣтелъ,
День проснулся —
Ранній петель
Встрепенулся —
Дружина, воспрянь !
Вставайте, о други !
Бодрѣй, бодрѣй
На пиръ мечей,
На брань !...

Прель нами нашъ вождь !
Мѣйтесь, о други, —
И вслѣдъ за могучимъ
Ударимъ грозой !....

Вихремъ помчимся
Сквозь тучи и громъ
Къ солнцу побѣды
Вслѣдъ за орломъ !....

Гдѣ битва мрачнѣе, востели чаще,
Гдѣ срослися щиты, гдѣ свелася мечи,
Туда онъ ударить — верунъ вседробаній —
И слѣдъ огневѣданный и кровью горящій
Проросетъ дружинѣ въ жедѣной ночи.

За нимъ, за нимъ — въ рады враговъ
Смѣлѣй, друзья, за нимъ !...
Какъ груды скалъ, какъ море льдовъ —
Прорвемъ ихъ и стѣснимъ !

Хладенъ, свѣтелъ,
День проснулся —
Ранній вѣтель
Встрепенулся —
Дружина, воспрань !

Не кубокъ кипящій душистаго меда
Румяное утро героямъ вручить ;
Не сладостныхъ женъ любовь и бесѣда
Вамъ душу согрѣеть и жизнь оживить ;
Но ваять, обновленныхъ прохладою сна, —
Кровавая битвы подыметъ волна !...
Дружина воспрань !...
Смерть или побѣда !...
На бравь !...

С VII.

ПРОБЛЕСКЪ.

Слыхалъ ли въ сумракѣ глубокомъ
Воздушной арей легкой звонъ,
Когда полночь ненадежомъ
Дремавшихъ струнъ встревожить сонъ ?...

То потрясающіе звуки,
То замрающіе вдругъ....
Какъ бы послѣдній ропотъ муш
Въ нихъ отозвавшись потухъ !

Дыханье каждое зефира
Взрываетъ скорбь въ ея струнахъ....
Ты скажешь : ангельская лира
Груститъ, въ пылѣ, на небесахъ !

О, какъ тогда съ зѣвнаго круга
Душой къ безсмертному летимъ !
Минувшее, какъ призрѣнь друга,
Прижать къ груди своей хотимъ.

Какъ вѣрнѣ върою живую,
Какъ сердцу радостно, свѣтло!
Какъ бы вѣтрною струєю
По жиламъ небо протекло.

Но, ахъ, не намъ его судили;
Мы въ небѣ скоро устаемъ, —
И не дано ничтожной пыли
Дышать божественнымъ огнемъ.

Едва уснѣемъ минутнымъ
Прервемъ на часъ волшебный сонъ,
И взоромъ трепетнымъ и смутнымъ,
Привставъ, окинемъ небосклонъ, —

И отягченною главою,
Однимъ лучемъ ослѣплены,
Вновь упадемъ не къ покою,
Но въ утомительные сны.

СУИ.

УСПОКОЕНІЕ.

Гроза прошла — еще курясь, лежалъ
Высокій дубъ перунами сраженной,
И сизый дымъ съ вѣтвей его бѣжалъ
По зелени грозою освѣженной:

А ужъ давно звучнѣе и полнѣй
Пернатыхъ пѣснь по рошѣ раздалася,
И радуга концемъ дуги своей
Въ зеленія вершины уперлася!...

СІХ.

(ИЗЪ ВИЛЬГЕЛЬМА МЕЙСТЕРА).

Кто съ хлѣбомъ слезъ своихъ не ѣлъ,
Кто въ жизни, цѣлыми ночами,
Стена, на ложѣ не сидѣлъ, —
Тотъ не знакомъ съ небесными властями!
.
Нѣтъ на землѣ проступка безъ отмщенья!

Кто хочетъ міру чуждымъ быть,
Тотъ скоро будетъ чуждъ, —
Ахъ, людямъ есть кого любить —
Что имъ до нашихъ нуждъ!

Такъ! что вамъ до меня!
Что вамъ бѣда моя!
Она лишь про меня —
Съ ней не разстанусь я!

Какъ крадется къ милой любовникъ, тайкомъ :
«Откликнись, другъ милой, одналь?»
Такъ бродитъ и ночью и днемъ,
Кругомъ меня тоска,
Кругомъ меня печаль!...
Ахъ, развѣ лишь въ гробу
Отъ нихъ укрыться мнѣ —
Въ гробу, въ землѣ сырой —
Тамъ бросать и онѣ!...

СХ.

НА НЕВЪ.

И опять звезда ныряетъ
Въ легкой зыби невскихъ волнъ,
И опять любовь вѣрнѣетъ
Ея таинственный свой чолнъ.

И межъ зыбью и звѣздою
Онъ скользитъ, какъ бы во снѣ,
И два призрака съ собою
Вдаль уносить по волнѣ.

Дѣти ль это праздной лѣни
Тратить здѣсь досугъ ночной,
Иль блаженные дѣвѣ тѣни
Покидаютъ мiръ земной?

Ты, разлитая какъ море,
Пышно-струйная волна,
Приюти въ твоемъ просторѣ
Тайну скромнаго чолна!

Июль 1850.

СХІ.

День вечерѣетъ, ночь близка,
Длиннѣй съ горы ложится тѣнь,
На небѣ гаснутъ облака....
Ужъ поздно. Вечерѣетъ день.

Но мнѣ не страшень мракъ ночной,
Не жаль скудѣющаго дня, —
Лишь ты, волшебный призракъ мой,
Лишь ты не покидай меня!...

Крыломъ своимъ меня одѣнь,
Волненья сердца утиши,

Т. XLV. Отд. I.

91/2

И благодатна будетъ тѣнь
Для очарованной души.

Кто ты? откуда? какъ рѣшить?
Небесный ты или земной?
Воздушный житель, можетъ быть, —
Но съ страстной женскою душой.

1 ноября 1851.

ХОЛОДНЫЙ ДОМЪ.

РОМАНЪ

ЧАРЛЬЗА ДИВЕНСА.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ГЛАВА XVII.

РАЗСКАЗЪ ВЪСЕРИ.

Ричардъ очень часто навѣщалъ насъ, пока мы оставались въ Лондонѣ, зато условленная переписка между нами совершенно прекратилась. Съ своимъ умомъ, своимъ одушевленіемъ, добрымъ характеромъ, веселостью и свѣжестью чувствъ, онъ былъ для насъ всегда очарователемъ. Узнавая его лучше съ каждымъ днемъ, я болѣе и болѣе привязывалась къ нему и вмѣстѣ съ тѣмъ очень сожалѣла, что воспитаніе не сообщило ему привычекъ примѣнять къ дѣлу или сосредоточивать на чемъ нибудь свои способности. Система, по которой онъ воспитывался точно такъ же, какъ воспитывались и сотни другихъ мальчиковъ, отличающихся другъ отъ друга и характеромъ и способностями, доставляла ему возможность исполнять свои обязанности съ честью, часто съ отличіемъ, но всегда такъ быстро и ослѣпительно, что это еще болѣе укрѣпляло въ немъ увѣренность въ собственныхъ своихъ способностяхъ, которыя требовали правильнаго направленія. Способности Ричарда были, без-

спорно, обширныя; какъ огонь и вода, онѣ были прекрасными слугами, но весьма дурными господами. Еслибъ управленіе ими зависѣло отъ Ричарда, то онѣ были бы его друзьями; но когда Ричардъ находился въ зависимости отъ нихъ, онѣ дѣлались его врагами.

Я высказываю эти мнѣнія не потому, что они и въ самомъ дѣлѣ справедливы, но потому, что они казались мнѣ справедливыми, и потому, что я хочу быть откровенна во всѣхъ своихъ мнѣніяхъ и поступкахъ. Ко всему этому, по моимъ наблюденіямъ, я убѣждалась, до какой степени опекунъ мой справедливъ былъ въ своихъ предположеніяхъ. Онъ говорилъ истину, что неопредѣлительность и медленность дѣйствій Верховнаго Суда сообщили природѣ Ричарда какую-то безпечность игрока, — Ричардъ чувствовалъ, что онъ принадлежалъ къ какой-то обширной игорной системѣ.

Однажды вечеромъ, когда опекуна моего не было дома, къ намъ пріѣхали мистеръ и мистриссъ Баджеръ. Въ разговорѣ съ ними я, безъ сомнѣнія, спросила о Ричардѣ.

— Мистеръ Ричардъ Карстонъ, сказала мистриссъ Баджеръ: — слава Богу, здоровъ и, увѣрю васъ, составляетъ большое пріобрѣтеніе для нашего общества. Капитанъ Своссеръ часто бывало отзывался обо мнѣ, что появленіе мое въ мичманской каютъ-компаніи лучше всякаго попутнаго вѣтра, который несетъ къ роднымъ берегамъ. Къ этимъ словамъ онъ обыкновенно прибавлялъ свое замѣчаніе, что я служила пріобрѣтеніемъ для каждаго общества. Я увѣрена, что съ своей стороны могу оказать ту же самую честь и мистеру Карстону. Но я.... вы не сочтете меня слишкомъ опромѣтчивой, если упоминаю объ этомъ?

Я отвѣчала отрицательно, тѣмъ болѣе, что вкрадчивый тонъ мистриссъ Баджеръ, по видимому, требовалъ такого отвѣта.

— И миссъ Кларъ тоже не сочтеть? сказала мистриссъ Баджеръ нѣжнымъ голодомъ.

Ада тоже отвѣчала нѣтъ и казалась очень безпокойною.

— Такъ вотъ что, мои милыя, сказала мистриссъ Баджеръ.... вѣдь вы извините меня, если я называю васъ милыми?

Мы попросили мистриссъ Баджеръ не беспокоиться объ этомъ.

— Потому что вы и въ самомъ дѣлѣ такія милыя, продолжала мистриссъ Баджеръ: — вы такія очаровательныя. Такъ вотъ что, мои милыя, хотя я еще и молода.... по крайней мѣрѣ такъ говорить мистеръ Баджеръ, вѣроятно изъ вѣжливости....

— О, нѣтъ, воскликнулъ мистеръ Баджеръ такимъ голосомъ, какъ будто онъ дѣлалъ возраженіе въ публичномъ митингѣ. — Совсѣмъ нѣтъ!

— Очень хорошо, сказала мистриссъ Баджеръ, — улыбаясь : — положимъ, что я все еще молода.

(— Безъ сомнѣнiя! произнесъ мистеръ Баджеръ).

— Итакъ, мои милыя, хотя я еще и молода, но, несмотря на то, уже имѣла множество случаевъ наблюдать за молодыми людьми. Такихъ людей много перебивало на палубѣ дорогого старичка Криплера, увѣрю васъ. Будучи спутницей капитана Своссера въ Средиземномъ морѣ, я не упускала ни одного случая узнать и обласкать молодыхъ мичмановъ, находившихся подъ командою капитана Своссера. Вы, вѣроятно, никогда не слышали объ этихъ молодыхъ джентльменахъ и, вѣроятно, не поймете тѣхъ выраженiй, которыми бы я вздумала описать ихъ; для меня это дѣло другое: я, можно сказать, сроднилась съ моремъ; я была нѣкогда настоящимъ матросомъ. То же самое скажу и о профессорѣ Динго.

(— Человѣкъ европейской извѣстности! проворчалъ мистеръ Баджеръ).

— Когда я лишилась моего дорогого перваго и сдѣлалась женою дорогого втораго, продолжала мистриссъ Баджеръ, отзычавъ о первыхъ своихъ супругахъ, какъ о частяхъ какой нибудь шарады: — я продолжала пользоваться случаями наблюдать за юношами. Число слушателей лекцiй профессора Динго было весьма обширно, и, какъ жена замѣчательно-ученаго чедовѣка, сама идущая въ наукѣ то высокое наслажденiе, которое наука можетъ сообщить, я цѣлоставляла себѣ въ особанную часть открывать домъ молодымъ студентамъ, какъ складочное мѣсто, какъ коммерческiй банкъ, въ которомъ вмѣсто капиталовъ хранились полезныя сдѣланиа. Каждый вторникъ вечеромъ у насъ готовъ были лимонады и бисквиты для тѣхъ, кто хотѣлъ освѣдниться. Но что касается до науки, то запасъ ея былъ необъятный.

(— Да, миссъ Коммерсонъ; это были въ своемъ родѣ замѣчательныя собранiя, сказалъ мистеръ Баджеръ съ почтительностию. — На этихъ собранiяхъ, подѣ надосредственнымъ присмотромъ такого ученаго чедовѣка, происходило величайшее развитiе умовъ).

— И теперь, продолжала мистриссъ Баджеръ: — сдѣлавшись женою моего дорогого, третьяго, мистера Баджера, я все еще слѣдую привычкамъ, образовавшимся при жизни капитана Своссера и прииѣненнымъ къ новымъ и неожиданнымъ цѣлямъ въ теченiе жизни профессора Динго. Поэтому я рѣшаюсь дѣлать заключенiе о мистерѣ Карстонѣ не опроумѣчиво, не какъ новичекъ въ этомъ дѣлѣ, и съ увѣренностию могу сказать, мои милыя, что онъ выбралъ профессию, не подумавъ о ней осознательно.

Ада взглянула теперь съ такимъ безпокойствомъ, что я поспѣшила спросить мистриссъ Баджеръ : на чемъ она основывала свое предположеніе ?

— Милая моя миссъ Коммерсонъ, отвѣчала она : — ни на чемъ больше, какъ на характеръ мистера Карстона и его поведенія. У него такой вѣтренный характеръ, что, вѣроятно, онъ никогда не считалъ за нужное выразить свои чувствованія ; а я знаю, что эта профессія ему не понутру. Онъ не имѣетъ того положительнаго интереса, который служитъ основой его призванію. Если у него есть какое нибудь опредѣленное мнѣніе касательно этого призванія, такъ только одно, что медицина есть самая скучная наука. А это, позвольте вамъ сказать, многого не общаетъ. Молодые люди, какъ напримѣръ мистеръ Алланъ Вудкортъ, занимаясь этой наукой изъ сильнаго интереса, обрекая себя величайшему прилежанію за самую маленькую плату и терпѣнію въ теченіе многихъ лѣтъ, словомъ сказать, преодолюваъ всѣ трудности, получаютъ современемъ надлежащее вознагражденіе. Но я совершенно увѣрена, что съ мистеромъ Карстономъ этого никогда не будетъ.

— Раздѣляетъ ли и мистеръ Баджеръ это мнѣніе? робко спросила Ада.

— Да, сказалъ мистеръ Баджеръ : — сказать правду, миссъ Клэръ, до сихъ поръ я еще не обращалъ на этотъ предметъ должнаго вниманія. Но когда мистриссъ Баджеръ изложила его въ такомъ свѣтѣ, я, весьма естественно, придаю ему весьма важное значеніе, особливо, когда я знаю, что мистриссъ Баджеръ въ придачу ко всѣмъ ея врожденнымъ дарованіямъ имѣетъ то неосцѣненное преимущество, что дарованія ея сформировались такими замѣчательными, смѣю сказать, знаменитыми людьми, какъ капитанъ Своссеръ королевскаго флота и профессоръ Динго. Заключение, къ которому я прихожу, есть.... есть.... короче сказать, я совершенно одного мнѣнія съ мистриссъ Баджеръ.

— У капитана Своссера было непреложное правило, сказала мистриссъ Баджеръ : — что если, говоря его фигуральнымъ морскимъ языкомъ, если дано тебѣ кипятить смолу, то кипятя ея до нельзя, если заставить тереть палубу, то три ея такъ, какъ будто сзади тебѣ стоять десять линьковъ. Мнѣ кажется, что это правило такъ же примѣнимо къ медицинской, какъ и къ морской профессіи.

— Рѣшительно ко всѣмъ профессіямъ, замѣтилъ мистеръ Баджеръ : — это превосходно было сказано капитаномъ Своссеромъ. Прекрасно сказано !

— Когда мы, послѣ свадьбы, жили съ профессоромъ Динго на сѣверѣ Девоншѣйра, продолжала мистриссъ Баджеръ : — тамъшніе жи-

тали выражали профессору свое неудовольствие за то, что онъ портилъ ихъ дома и публичныя зданія, откалывая отъ нихъ кусочки своимъ маленькимъ геологическимъ молоткомъ. На это профессоръ обыкновенно отвѣчалъ имъ, что ему извѣстно только одно зданіе — храмъ науки. Мнѣ кажется, что въ этихъ словахъ заключается одинъ и тотъ же принципъ.

— Рѣшительно одинъ и тотъ же! сказалъ мистеръ Баджеръ. — Отлично выражено! Во время своей послѣдней болѣзни, профессоръ сдѣлалъ тоже самое замѣчаніе. Когда разсудокъ начиналъ уже измѣнять ему, онъ непремѣнно хотѣлъ, чтобы достали изъ подъ подушки его миниатюрный молотокъ, и чтобы съ помощію его онъ могъ сколотить угловатости физиономіи его окружающихъ. Это ясно обнаруживаетъ господствующую страсть.

Хотя мы могли бы обойтись безъ подробностей разговора мистера и мистриссъ Баджеръ, однакожь, я и Ада чувствовали, что, безъ помощи этихъ подробностей, мнѣніе нашихъ гостей лишено было бы въ глазахъ ихъ существеннаго интереса, и что, во всякомъ случаѣ, въ словахъ ихъ заключалось много истины. Мы, однакожь, условились ничего не говорить мистеру Джорджису, пока не переговоримъ съ Ричардомъ; а такъ какъ ему слѣдовало явиться къ намъ на другой день вечеромъ, то мы рѣшились имѣть съ нимъ весьма серьезный разговоръ.

Такимъ образомъ, послѣ небольшого промежутка, проведеннаго Ричардомъ съ Адой, я вошла въ комнату и застала мою милочку (впрочемъ, этого мнѣ нужно было ждать заранѣе) готовою считать слова Ричарда совершенно справедливыми.

— Ну, Ричардъ, какъ идутъ ваши дѣла? спросила я.

Я всегда садилась подлѣ него. Я привязалась къ нему какъ къ родному брату.

— Ничего, довольно хорошо! сказалъ Ричардъ.

— Чтó же можетъ сказать онъ лучше этого, Эсэиръ? воскликнула моя милочка торжественно.

Я попробовала бросить на нее серьезный взглядъ, но, безъ сомнѣнія, не могла.

— Довольно хорошо? повторила я.

— Да, сказалъ Ричардъ: — довольно хорошо, хотя немного медленно и скучно. Однимъ словомъ, мои дѣла идутъ такъ, какъ и все другое!

— О, милый Ричардъ! возразила я съ нѣкоторымъ упрекомъ.

— А чтó же такое? сказалъ Ричардъ.

— Ваши занятія идутъ, какъ и все другое!

— Что же ты находишь дурного въ этомъ, миссис Дорлингъ, сказала Ада, бросая на меня черезъ плечо Ричарда взглядъ, полный увѣренности. — Если его занятія идутъ такъ, какъ и все другое, то я полагаю, что они идутъ превосходно.

— О, да, я самъ полагаю, что прекрасно, возразилъ Ричардъ, безопасно поправляя свои волосы. — Въдъ все это, мнѣ кажется, одно только испытаніе, пока наша тяжба... ахъ! я основанъ было забыть, что мнѣ запрещено упоминать объ ней. Да, да, все идетъ прекрасно. Поговоримъ-те лучше о чемъ нибудь другомъ.

Ада охотно соглашалась на это и была вполне убѣждена, что цѣль нашего разговора была достигнута весьма удовлетворительно. Съ своей стороны я считала безвольнымъ остановиться на этомъ и потому снова начала.

— Нѣтъ, Ричардъ, скажи я: — нѣтъ, милая Ада, по моему не такъ. Подумайте вы сами, какъ важно для насъ обоихъ, какъ справедливо въ отношеніи къ вашему кузену, поговорить объ этомъ серьезно, безъ всякаго отлагательства. Я думаю, намъ теперь же слѣдуетъ посоветоваться объ этомъ; спуста нашего будетъ, пожалуй, слишкомъ поздно.

— Конечно, конечно, намъ надо поговорить объ этомъ! сказала Ада. — Но все же, я думаю, что Ричардъ совершенно правъ.

Какая была польза изъ моего желанія казаться умницей, когда Ада была такъ мила, такъ плѣнительна и смотрѣла на Ричарда съ такою любовію!

— Вчера были у насъ мистеръ и мистриссъ Баджеръ, сказала я: — и они, кажется, думаютъ, что вы не ниѣте большаго расположенія къ медицинѣ.

— Неужели они такъ думаютъ? сказалъ Ричардъ. — Это обстоятельство совершенно измѣняетъ дѣло. Мнѣ и въ голову не приходило, что они такъ думаютъ, и мнѣ бы не хотѣлось обманывать ихъ ожиданія или поставить ихъ въ непріятное положеніе. Въ самомъ дѣлѣ, я не слишкомъ забочусь объ этомъ, да и что за бѣда! Дѣла мои идутъ такъ хорошо, какъ и все другое!

— Слышишь, Ада, что онъ говоритъ! сказала я.

— Дѣло въ томъ, продолжалъ Ричардъ полузадумчиво, полусмута: — что эта профессія мнѣ совсѣмъ не по душѣ, поэтому я и не привязываюсь къ ней; да къ тому же мнѣ крайне надоѣли первыи и второй супруги мистриссъ Бэйгамъ Баджеръ.

— Я увѣрена, что это весьма натурально! съ восторгомъ воскликнула Ада. — Въдъ мы то же самое говорили съ тобою, Эстеръ, вчера вечеромъ.

— И потому, продолжалъ Ричардъ: — все такъ монотонно, сегодня какъ вчера, и завтра какъ сегодня.

— Но мнѣ кажется, сказала я: — это есть главное затрудненіе во всякаго рода занятіяхъ, даже въ самой жизни, исключая только изъ нея какія нибудь весьма необыкновенныя обстоятельства.

— Вы такъ думаете? возразилъ Ричардъ, все еще задумчиво. — Весьма быть можетъ! Ха, ха! Значитъ, прибавилъ онъ, внезапно принимая свой веселый, беззаботный видъ: — вы тоже нѣкоторымъ образомъ убѣждены въ справедливости моихъ словъ. Мнѣ нравится это занятіе, какъ и всякое другое. Однимъ словомъ, все идетъ превосходно! Поговоримъ-те же о чемъ нибудь другомъ.

При этомъ даже Ада, съ своимъ личикомъ, на которомъ отражалось ея любящая душа, и если это личико казалось мнѣ невиннымъ и довѣрчивымъ, когда я впервые увидѣла его во время памятнаго для меня ноябрьскаго тумана, то тѣмъ болѣе оно должно показаться мнѣ точно такимъ же теперь, когда я вполне узнала ея невинное и довѣрчивое сердце, — даже Ада, говорю я, показала при этомъ своей милой головкой и приняла серьезный видъ. Я находила это прекраснымъ случаемъ намекнуть Ричарду, что если онъ и оказывался иногда немного безнечнымъ къ самому себѣ, то нельзя допустить мысли, что онъ будетъ точно также безнеченъ въ отношеніи къ Адѣ, и что приписывать высокое значеніе той карьерѣ, которая будетъ имѣть вліяніе какъ на его жизнь, такъ и на жизнь Ады, должно составлять часть его нѣжныхъ попеченій о его подругѣ. Это замѣчаніе сдѣлало его серьезнымъ.

— Это совершенно справедливо, моя милая, матушка Гоббардъ! сказалъ онъ. — Я самъ думалъ объ этомъ нѣсколько разъ и очень часто сердился на себя, что во мнѣ недостаетъ постоянства. И право, не знаю почему это, мнѣ кажется, что всѣми моими поступками долженъ управлять кто нибудь другой. Вы не можете представить себѣ какъ я люблю Аду (милая кузина, я обожаю тебя!), а между тѣмъ не знаю, какимъ образомъ усвоить постоянство для другихъ вещей. Мое занятіе такое трудное и такъ много отнимаетъ времени!

Последнія слова Ричардъ произнесъ съ видимою досадою.

— Это, можетъ быть, потому, наметнула я: — что вамъ не нравится избранная вами карьера!

— Бѣднѣшка! сказала Ада. — Я увѣрена въ томъ, я не удивляюсь!

Нѣтъ! совершенно было невозможно съ моей стороны казаться удивленной. Я еще разъ дѣлала эту попытку; но могла ли я успѣть въ этомъ, а если бы и успѣла, то могло ли это имѣть благоприятное

дѣйствіе, когда Ада скрестила свои руки на плечѣ Ричарда, и когда Ричардъ смотрѣлъ въ ея вѣжныя, голубыя глазки, устремленныя на него.

— Дѣло въ томъ, моя ненаглядная Ада, сказалъ Ричардъ, пропуская сквозь пальцы ея золотистыя локоны: — я, быть можетъ, немного поторонился, или, быть можетъ, я не понялъ моихъ наклонностей. Мнѣ кажется, онѣ имѣютъ совсѣмъ другое направленіе, но я не могъ сказать, какое именно, не попробовавъ. Вопросъ теперь въ томъ: стѣитъ ли теперь передѣлать все то, что было сдѣлано? Это очень похоже на поговорку: дѣлать много шуму изъ ничего.

— Ахъ, Ричардъ! сказала я: — возможно ли говорить подобнымъ образомъ?

— Я не думаю, чтобы совсѣмъ изъ ничего, возразилъ онъ. — Я хочу сказать этимъ, что эта карьера мнѣ не нравится.

Въ отвѣтъ на это, Ада и я старались увѣрить его, что не только стѣитъ передѣлать то, что было сдѣлано, но и должно передѣлать это немедленно. Послѣ того я спросила Ричарда: подумалъ ли онъ о другой карьерѣ, болѣе сообразной съ его наклонностями?

— Вотъ это дѣло, моя милая мистрисъ Шиптонъ, сказалъ Ричардъ: — вы какъ разъ отгадали мои мысли. Да, я думалъ. Я думалъ, что быть адвокатомъ лучше всего соответствуетъ мнѣ.

— Быть адвокатомъ! повторила Ада, съ такимъ изумленіемъ, какъ будто одно названіе страшило ее.

— Еслибъ я поступилъ въ контору Кэнджа, сказалъ Ричардъ: — и еслибъ я находился подъ руководствомъ этого джентльмена, я бы сталъ слѣдить за гм!... за нашей запрещенной тѣжбой, имѣлъ бы возможность изучать ее, приводить въ порядокъ и находить удовольствіе въ увѣренности, что она не останется въ небрежности, но ведется правильно. Я бы имѣлъ возможность наблюдать за интересами Ады и за своими собственными интересами — вѣдь это одно и то же!

Я, разумѣется, ни подъ какимъ видомъ не была увѣрена въ справедливости его словъ и видѣла, какъ его стремленіе за невысказанными, неопредѣленными призраками, возникшими изъ бесконечно длившихся надеждъ и ожиданій, набросило тѣнь на личико Ады. Но во всякомъ случаѣ, я считала за лучшее ободрять его въ какомъ бы то ни было предпріятіи и при этомъ только посоветовала ему убѣдиться въ томъ, что намѣреніе его вступить на новое поприще есть рѣшительное и окончательное.

— Милая моя Минерва, сказалъ Ричардъ: — я такъ же рѣшительнѣе, какъ и вы. Я сдѣлалъ ошибку, но мы все подтверждены

ошибкамъ , впередъ этого со мной не будетъ , и я сдѣлаюсь такимъ адвокатомъ , какого , быть можетъ , никогда не видали . Такъ правду ли я говорилъ , сказалъ Ричардъ , впадая вновь въ сомнѣніе : — что не стоило дѣлать столько шуму изъ ничего !

Это замѣчаніе принудило насъ съ болѣею важностію повторить все сказанное и сдѣлать то же самое заключеніе . Мы такъ убѣдительно совѣтовали Ричарду откровенно и нисколько не медля признаться во всемъ мистеру Джорндису ; къ тому же въ его характерѣ такъ мало было скрытности , что онъ немедленно отыскалъ своего кузена (взявъ насъ съ собою) и сдѣлалъ ему полное признаніе .

— Рикъ , сказалъ мой опекунъ , выслушавъ его внимательно : — мы еще можемъ отступить съ честью — и отступимъ . Но надобно стараться — ради насъ , Рикъ , и ради нашей кузины — не дѣлать въ другой разъ подобныхъ ошибокъ . Поэтому , прежде , чѣмъ сдѣлать прыжокъ на другую карьеру , мы подумаемъ о ней серьезнѣе и не торопясь .

Энергія Ричарда была такого нетерпѣливаго и пылкаго рода , что онъ въ ту же минуту готовъ былъ отправиться къ мистеру Кэнджу и поступить къ нему въ контору . Покоряясь , однакожъ , со всею готовностію предосторожностямъ , необходимость которыхъ такъ ясно была выказана нами , онъ ограничился тѣмъ , что сѣлъ между нами въ самомъ пріятномъ расположеніи духа и сталъ говорить , какъ будто его неизмѣнная цѣль въ жизни отъ самаго дѣтства была та самая , которая такъ сильно занимала его въ эту минуту . Мой опекунъ былъ очень ласковъ и любезенъ съ нимъ , но нѣсколько серьезенъ , впрочемъ , до такой степени серьезенъ , что это заставило Аду , когда мы отирались спать , спросить его :

— Кузенъ Джонъ , я надѣюсь вы не думаете хуже о Ричардѣ ?

— Нѣтъ , душа моя , сказалъ онъ .

— Миѣ кажется весьма естественнымъ , что Ричардъ долженъ былъ ошибиться въ такомъ трудномъ дѣлѣ . Я не вижу въ этомъ ничего необыкновеннаго .

— Да и нѣтъ ничего , сказалъ мой опекунъ . — Ты не печалься , моя милая .

— Я не печалюсь , кузенъ Джонъ , сказала Ада , съ безпечною улыбкой положивъ руку на плечо кузена . — Но миѣ было бы прискорбно , еслибъ вы стали хуже думать о Ричардѣ .

— Милая моя , сказалъ мистеръ Джорндисъ : — я сталъ бы думать о немъ хуже только тогда , когда замѣтилъ бы , что чрезъ него ты несчастлива . Но и тогда бы я былъ расположенъ бранить скорѣе самого себя , нежели бѣднаго Рика , потому что я доставилъ мнѣ случай сблизиться другъ съ другомъ . Но оставимъ объ этомъ ,

все это, по моему, задоръ! Ричарду дано время подумать, и ему открыта новая дорога. Чтобы я стала дурно думать о немъ? Нѣтъ, моя влюбленная кузина! Я увѣренъ, и отъ тебя этого не можетъ статься!

— О, цѣтъ, мой добрый кузенъ, сказала Ада: — я увѣждена, что не могла бы... увѣждена, что не сумѣла бы думать о Ричардѣ дурно, даже и тогда, еслибъ весь міръ былъ дурного мнѣнія о немъ. Тогда бы я стала еще лучше думать о немъ, нежели во всякое другое время.

Ада говорила это такъ спокойно и такъ откровенно, что, сложивъ руки на плечо мистера Джорджиса и глядя ему въ лицо, она представляла собою олицетворенную истину.

— Помнится, сказала мой онекунъ, задумчиво глядя на все: — помнится мнѣ, гдѣ-то было написано, что добродѣтели матерей часто переходятъ къ ихъ дѣтямъ, точно такъ же, какъ и пороки ихъ отцовъ.... Спокойной ночи, мой цвѣточикъ! Спокойной ночи, милая хозяйюшка! Пріятныхъ сновъ вамъ желаю! Счастливыхъ сновъ!

Въ первый разъ я увидѣла, что онъ провожалъ Аду взорами, въ кроткомъ выраженіи которыхъ замѣтна была легкая тѣнь. Я очень хорошо помнила тотъ взглядъ, которымъ онъ наблюдалъ за Адой и Ричардомъ, когда Ада пѣла въ комнатѣ, освѣщенной потухавшимъ пламенемъ камина; я не забыла и тотъ взоръ, которымъ онъ провожалъ ихъ, когда они шли по комнатѣ, озаренной арками лучами солнца, и скрылись въ тѣни; но теперешній взглядъ — о, какъ онъ перемѣнился! Даже безмолвное довѣріе ко мнѣ, сопровождавшее этотъ взглядъ, не имѣло уже той надежды и словесности, которыя такъ вѣрно и такъ ясно обличались въ немъ въ первые разы.

Въ этотъ вечеръ Ада выхваляла мнѣ Ричарда болѣе, чѣмъ когда нибудь. Она легла спать съ браслетомъ на рукѣ, который Ричардъ ей подарилъ. Мнѣ казалось, что она видѣла его во снѣ, когда я поцаловала ее спящую, и сколько спокойствія, сколько счастья отражалось на ея лицѣ!

Сама я въ тотъ вечеръ такъ мало имѣла расположенія ко сну, что для развлеченія сѣла за работу. Собственно объ этомъ не стоило бы и говорить; но бессонница какъ-то странно овладѣла мною, и я находилась въ крайне-непріятномъ расположеніи духа. Почему это было со мной? не знаю. По крайней мѣрѣ мнѣ кажется, что я не знаю. А если и знаю, то не считаю за нужное разъяснять это обстоятельство.

Во всякомъ случаѣ, я рѣшилась сѣсть за руководъ и такимъ образомъ не позволять себѣ ни минуты оставаться въ дурномъ рас-

положеніи духа. Я не разъ говорила самой себѣ : « Эсмеръ ! Ну, вѣдь ли тебѣ быть въ дурномъ расположеніи духа ! » И дѣйствительно должно было напомнить себѣ объ этомъ : зеркало показывало мнѣ, что я чуть не плакала. « Какая ты неблагодарная, Эсмеръ, сказала я. — Вмѣсто того, чтобъ радоваться всему и радовать все, что окружаетъ тебя, ты кажешься такой сердитой ! »

Еслибъ я могла принудить себя заснуть, и бы тотчасъ легла въ постель ; но не имѣла возможности сдѣлать это, и вынула изъ рабочаго ящика вышиванье, предназначенное къ украшенію Холоднаго Дома, и сѣла за него съ величайшей рѣшимостью. При этой работѣ необходимо было считать во канвѣ всѣ крестики, и я увѣрена была, что это утомитъ меня, и тогда сонъ сомкнетъ мои глаза.

Работа моя быстро подвигалась впередъ, и подвигалась бы долго, но, къ сожалѣнію, я оставила въ нашей временной Ворчалюй потокъ шолку. Мнѣ слѣдовало, по необходимости, оставить свое занятіе, но сонъ все еще далекъ былъ отъ меня, и потому я взяла свѣчку и спустилась внизъ. При входѣ въ Ворчалюю, я, къ величайшему моему удивленію, застала тамъ моего опекуна, сидѣвшаго передъ каминомъ. Онъ углубленъ былъ въ размышленія, подлѣ него лежала книга, въ которую, казалось, онъ не заглянулъ ни разу; его серебристые волосы въ беспорядкѣ лежали на головѣ, какъ будто въ глубокомъ раздумьи онъ безпрестанно сбивалъ ихъ рукой; его лицо казалось сильно ослабевшимъ. Испуганная своимъ внезапнымъ приходомъ, я съ минуту стояла неподвижно, и, быть можетъ, не сказавъ ни слова, ушла бы назадъ; но онъ, еще разъ сбивая рукой свои волосы, увидѣлъ меня и съ изумленіемъ заглянулъ на меня.

— Эсмеръ ! сказалъ онъ.

Я сказала ему зачѣмъ я пришла.

— Сидѣть за работою такъ поздно, моя милая ?

— Я нарочно сѣла за нее, сказала я. — Я не могла заснуть и хотѣла утомить себя. Но, дорогой опекунъ мой, вы тоже не спите и кажетесь такими грустными. Надѣюсь, у васъ нѣтъ безпокойства которое бы отнимало у васъ сонъ ?

— Да, моя милая ковриюшка, нѣтъ такого безпокойства, которое бы ты легко могла понять.

Онъ сказалъ это такимъ грустнымъ и такимъ новымъ для меня тономъ, что я мысленно повторила слова его, какъ будто этимъ хотѣла постичь ихъ значеніе.

— Останься на минуту здѣсь, Эсмеръ, сказалъ онъ. — Я думалъ о тебѣ.

— Надѣюсь, однако, что не я причиней вашего безпокойства ?

Онъ тихо махнулъ рукой и принялъ на себя свой обычный видъ. Перемяна эта была такъ замѣтна и, по видимому, совершилась посредствомъ такой сильной воли, что я еще разъ повторила про себя :

— Нѣтъ такого безпокойства, которое бы я легко могла понять!

— Милая хозяйюшка, сказалъ мой опекунъ : — оставался здѣсь одинъ, я думалъ о томъ, что ты должна узнать о своей исторіи все, что я знаю. Впрочемъ, это очень немного. Такъ немного, что почти ничего!

— Дорогой опекунъ мой, сказала я : — помните, когда вы заговорили со мной объ этомъ....

— Но съ тѣхъ поръ, прервалъ онъ серьезно, догадывался, что хотѣла я сказать : — съ тѣхъ поръ, я всегда былъ такого мнѣнія, Эсмеръ, что вопросы съ твоей стороны и отвѣты по этому предмету съ моей вещи совершенно разныя. Быть можетъ, это мой долгъ сообщить тебѣ все, что я знаю.

— Если вы такъ думаете, то я не смѣю сказать слова противъ этого.

— Да, я такъ думаю, сказалъ онъ очень нѣжно, очень ласково и очень опредѣлительно. — Да, моя милая, теперь я такъ думаю. Если твое положеніе въ глазахъ какого бы то ни было мужчины или женщины, заслуживающихъ вниманія, можетъ показаться существенно невыгоднымъ, то по крайней мѣрѣ ты одна изъ цѣлаго міра не должна увеличивать его въ собственныхъ своихъ глазахъ, имѣя о немъ неопредѣленное понятіе.

Я съѣла и, съ нѣкоторымъ усиліемъ успокоить себя, сказала :

— Одно изъ самыхъ раннихъ моихъ воспоминаній заключается въ слѣдующихъ словахъ : «Твоя мать, Эсмеръ, позоръ для тебя, а ты позоръ для нея. Настанетъ время и наступитъ скоро, когда ты лучше это поймешь и оцѣнишь такъ, какъ можетъ оцѣнить только женщина.»

Я закрыла лицо мое обѣими руками и еще разъ повторила эти слова. Подъ вліяніемъ непонятнаго для меня стыда, я открыла лицо и сказала, что ему одному я обязана тѣмъ счастьемъ, которымъ наслаждалась съ дѣтскаго возраста до настоящей минуты. Опекунъ мой приподнялъ руку, какъ будто за тѣмъ, чтобы я остановилась. Я очень хорошо знала, что онъ вообще не любилъ благодарностей, и потому замолчала.

— Прошло девять лѣтъ, моя милая, сказалъ онъ послѣ минутнаго размышленія : — прошло девять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я получилъ письмо отъ одной леди, жившей въ уединеніи, — письмо,

написанное съ такимъ гнѣвомъ и силой, что оно не имѣло никакого сходства со всѣми письмами, которыя мнѣ когда либо случалось читать. Оно было написано ко мнѣ, быть можетъ, потому, что со стороны леди было безуміе довѣряться мнѣ, быть можетъ потому, что съ моей стороны было безуміе оправдать это довѣріе. Въ письмѣ говорилось о ребенкѣ, сиротѣ-дѣвчкѣ, двѣнадцати лѣтъ отъ роду и говорилось въ тѣхъ жестокихъ словахъ, которыя сохранились въ твоей памяти. Въ немъ говорилось, что пишущая ко мнѣ не только скрыла отъ ребенка ея происхожденіе, но даже изгладила всякіе слѣды къ открытію его, такъ что съ ея смертію ребенокъ останется совершенно безъ друзей, безъ имени. Леди спрашивала меня; согласенъ ли я, въ случаѣ ея смерти, окончить то, что она начала.

Я слушала молча и внимательно смотрѣла на него.

— Твои раннія воспоминанія, моя милая, объясняютъ тебѣ то мрачное расположеніе духа, подѣ влияніемъ котораго леди выражалась такъ жестоко и приняла такія мѣры къ твоему воспитанію; они объясняютъ тебѣ то ложное понятіе о приличіи, которое омрачало ея умъ и утверждало ее въ мысли, что ребенокъ долженъ изгладить преступленіе, въ которомъ былъ совершенно невиненъ. Я принялъ живое участіе въ малюткѣ и отвѣчалъ на письмо.

Я взяла его руку и поцаловала.

— Письмо налагало на меня запрещеніе видѣться съ пишущей, которая уже давно отстранила себя отъ всѣхъ сношеній съ міромъ, но, несмотря на то, она соглашалась принять отъ меня довѣренное лицо, если я назначу его. Я довѣрялъ мистеру Кэнджу. Леди, собственно по своему желанію, но не по убѣжденію его, призналась ему, что она носить не настоящую свою фамилію, что, если должны существовать родственныя узы въ отношеніи къ бѣдному ребенку, то она называла себя его теткой, что больше этого, несмотря ни на какія убѣжденія, она ни чего не согласится открыть. Я сказалъ тебѣ все, моя милая.

Я нѣсколько времени держала его руку въ моей рукѣ.

— Я видалъ мою питомицу чаще, нежели она меня, прибавилъ онъ, принимая на себя веселый видъ: — и всегда зналъ, что она любима, полезна для другихъ и счастлива сама въ себѣ. Она отплатила мнѣ въ двадцать тысячъ разъ и продолжаетъ оплачивать въ двадцать разъ болѣе того на каждомъ часу въ теченіе каждаго дня.

— И еще чаще, сказала я: — продолжаетъ благословлять своего опекуна, который замѣнилъ ей отца.

При словѣ отецъ, я замѣтила прежнее безпокойство на его лицѣ. Однако, онъ тотчасъ превозмогъ себя, но все же я видѣла это безпокойство и была увѣрена, что причиной его были мои слова. Изумленная, я опять повторила про себя:

— Нѣтъ такого безпокойства, которое бы я легко могла понять.

Да, дѣйствительно я не могла понять. Не могла понять этого въ теченіе многихъ и многихъ дней.

— Такъ успокойся же, моя милая, сказала онъ, поцаловавъ меня въ лобъ: — и иди отдохнуть. Теперь поздно и работать и думать. Ты, маленькая хохлушка, и безъ того хлопочешь за всѣхъ насъ съ утра и до вечера.

Въ эту ночь я не только не работала, но и не думала. Я открыла мое сердце передъ Богомъ и въ теплой молитвѣ принесла всю благодарность за Его милости и попеченія о мнѣ, и спокойно заснула.

На другой день у насъ былъ гость. Мистеръ Алланъ Вудкортъ пріѣхалъ къ намъ проститься. Въ качествѣ врача, онъ отправлялся на какомъ-то кораблѣ въ Китай и Индію. Ему предстояла долгая, долгая разлука.

Я думаю, я знаю почти навѣрное, что онъ не богатъ. Все, что имѣла его мать, было издержано на его воспитаніе. Занятія молодого врача, не имѣющаго еще никакого вѣса въ Лондонѣ, не доставляютъ существенныхъ выгодъ. Хотя мистеръ Вудкортъ готовъ былъ, во всякое время дня и ночи, къ услугамъ безчисленнаго множества бѣдныхъ людей, и хотя онъ оказывалъ чудеса своего искусства и своего великодушія, но денегъ чрезъ это не прибрѣталъ. Онъ былъ семью годами старше меня. Мнѣ не слѣдовало бы говорить объ этомъ, потому что оно ни къ чему не ведетъ.

Онъ говорилъ намъ, что онъ занимался практикой три, или четыре года, и если бы надѣялся, что останется довольнымъ своей практикой еще года на три, на четыре, то не предпринялъ бы такого дальняго воляжа. Счастіе не хотѣло улыбнуться ему въ отечествѣ, и потому онъ рѣшился отправиться въ другую часть свѣта. Въ послѣднее время онъ бывалъ у насъ довольно часто, и мы всѣ сожалѣли о его отъѣздѣ, — тѣмъ болѣе, что онъ былъ искусный врачъ, и нѣкоторые изъ самбѣчательныхъ людей его сословія всегда отзывались объ немъ съ отличной стороны.

Пріѣхавъ къ намъ проститься, онъ въ первый разъ привезъ съ собой свою матушку. Это была хорошенькая старушка, съ черными глазами, подлыми еще жилами и огня; но она казалась не много надменной. Она была родомъ изъ Валлиса. Въ числѣ весьма отдален-

ныхъ предковъ она имѣла знаменитаго человѣка, по имени Морганъ ап-Керригъ, изъ какаго-то мѣстечка, названіе котораго звучало что-то въ родѣ Джимлетъ. Слава этого предка гремѣла нѣкогда повсюду, и всѣ родственники его были въ родственныхъ связяхъ съ королями Британіи. По видимому, онъ провелъ всю свою жизнь въ битвахъ съ горными шотландцами; и какой-то бардъ, по имени что-то въ родѣ Крумлиноволлишваръ, воспѣлъ его доблести въ пѣсни подъ названіемъ, сколько было ему угодно для меня, Мьюлинвиллинводъ.

Мистриссъ Вудкортъ, сообщивъ намъ прежде всего о славіи своего знаменитаго предка, сказала, что сынъ ея, Алланъ, куда бы не былъ заброшенъ судьбой никогда не забудетъ своего происхожденія и ни подъ какимъ видомъ не вступитъ въ бракъ, не соотвѣтствующій его положенію въ обществѣ. Она говорила ему, что въ Индіи онъ встрѣтитъ много хорошихъ людей, которыхъ съ богатствомъ своимъ отправляютъ туда для брачныхъ спекуляцій; но никакія прелести, никакое богатство, безъ знаменитаго происхожденія, не могутъ обольстить потомка такой дестеславной линіи. Она такъ много говорила о знаменитомъ происхожденіи, что мнѣ незольно пришла въ голову мысль — впрочемъ, какая глупая мысль!... будто бы она вела свой разговоръ къ тому, чтобы унять о моемъ происхожденіи!

Мистеръ Вудкортъ, по видимому, былъ крайне недоволенъ ея многословіемъ, но считалъ за лучшее не показывать ей виду и старался деликатнымъ образомъ свести разговоръ на привѣтливость свою къ моему опекуну за его гостепримство и за самые счастливые часы, проведенные въ нашемъ кругу. Воспоминаніе объ этихъ часахъ — самыхъ счастливыхъ, по его словамъ, онъ обѣщался носить въ душѣ своей повсюду, какъ величайшее сокровище. И такимъ образомъ, въ минуту прощанья мы пожали ему руку другъ послѣ друга; онъ поцаловалъ руку Ады, потомъ мою, — и потомъ отправился въ дальній, очень дальній вояжъ!

Во весь этотъ день я была необыкновенно дѣятельна: писала въ Холодный домъ нѣкоторыя приказанія, писала записки для моего опекуна, сметала пыль съ его книгъ и почти безъ умолку гремѣла ключами. Даже и въ сумерки я не хотѣла оставаться безъ дѣла; я пѣла у окна за своимъ рукодѣльемъ, какъ вдругъ отворилась дверь, и совершенно неожиданно вошла Каади.

— Ахъ, милая Каади! сказала я: — какіе прелестные цвѣты!

Въ рукахъ у нея былъ премиленькій букетъ.

— Да, Эозиръ, прелестные цвѣты, сказала Каади: — прелестнѣе ихъ я никогда не видѣла.

— Вѣрно отъ принца — да? сказала я шепотомъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Каади, кивая головой и давая мнѣ понюхать ихъ. — Нѣтъ, не отъ принца.

— Какъ же это, Каади! сказала я. — Значить, у тебя два обожателя?

— Какъ? что? Развѣ эти цвѣты говорятъ, что у меня два обожателя? сказала Каади.

— Развѣ они говорятъ, что у меня два обожателя! повторила я, ущипнувъ ее за щочку.

Въ отвѣтъ на это Каади только разсмѣялась и, объявивъ мнѣ, что она зашла всего на полчаса, потому что принцъ будетъ ждать ее на ближайшемъ углу, сѣла къ окну, подлѣ меня и Ады, и безпрестанно то обращала вниманіе мое на букетъ, то прикладывала его къ своимъ волосамъ и любовалась имъ. Наконецъ, съ приближеніемъ срока, она увела меня въ мою спальню и прикрѣпила букетъ на моей груди.

— Развѣ это для меня? спросила я съ удивленіемъ.

— Для васъ, сказала Каади и въ добавокъ поцаловала меня. — Ихъ забылъ взять съ собой одинъ джентльменъ.

— Забылъ взять?

— Да, одинъ джентльменъ въ домѣ миссъ Фляйтъ, сказала Каади. — Джентльменъ, который былъ очень, очень добръ къ этой старушкѣ. Съ часъ тому назадъ, онъ торопился на корабль и забылъ эти цвѣты. Нѣтъ, Эсепрь! не бросай ихъ! Такіе прелестныя цвѣты пускай тутъ побудутъ! сказала Каади, бережно поправляя ихъ: — пускай они побудутъ тутъ, на твоей груди, потому что я не думаю, чтобъ джентльменъ забылъ ихъ безъ умысла!

— Вотъ теперь ужъ они не скажутъ Эсепри, что у тебя два обожателя! сказала Ада, смѣясь позади меня и обнимая меня. — Я ручаюсь, милая Эсепрь, что они не скажутъ!

ГЛАВА XVIII.

ЛЕДИ ДАДЛОКЪ.

Не такъ легко было для Ричарда, какъ казалось съ самаго начала, поступить на испытаніе въ контору мистера Кенджа. Главной помѣхой въ этомъ дѣлѣ былъ самъ Ричардъ. Какъ только онъ узналъ, что имѣетъ полную свободу оставить мистера Баджера, онъ началъ сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно ли нужно было оставить его. Ричардъ говорилъ, что онъ не имѣлъ повода къ тому;

тъ медицинская профессія — хорошая профессія; онъ не могъ утвердительно сказать, что она ему не нравится; можетъ статья, она нравилась ему какъ и всякая другая; нѣтъ, надобно еще попробовать! При этомъ онъ запирался на нѣсколько недѣль съ своими книгами и костюми и, казалось, приобреталъ съ величайшею быстротою значительный запасъ свѣдѣній. По прошествіи мѣсяца, это прилежаніе начинало охлаждаться; а охладившись совершенно, начинало снова возгараться. Колебаніе Ричарда между юриспруденціею и медициною продолжалось такъ долго, что наступила середина лѣта прежде, чѣмъ онъ окончательно отсталъ отъ мистера Баджера и поступалъ на испытаніе въ контору Кэнджа и Карбола. Во всемъ этомъ Ричардъ винилъ себя одного и, чтобъ загладить свой проступокъ, онъ рѣшился на «этотъ разъ» заняться дѣломъ серьезно и основательно. Онъ былъ такъ веселъ, такъ одушевленъ, такъ нѣжно и страстно любилъ Аду, что сердиться на него было весьма трудно.

— Что касается до мистера Джорндиса, который, мимоходомъ сказать, въ теченіе этого промежутка находилъ, что вѣтеръ часто задувалъ съ востока, — что касается до мистера Джорндиса, говорилъ мнѣ Ричардъ: — такъ это, Эсмеръ, прекраснѣйшій въ мірѣ человекъ. Даже для того только, чтобы доставить ему удовольствіе, я долженъ прилежно заняться своимъ дѣломъ и извлечь изъ занятій существенную выгоду!

Мысль Ричарда прилежно заняться своимъ дѣломъ, высказанная съ его беззаботно смѣющимся лицомъ, съ его мечтой, которая могла бы, кажется, поймать все на свѣтѣ и ничего не удержатъ, эта мысль была забавно невѣроятна. Какъ бы то ни было, отъ времени до времени, онъ говаривалъ намъ, что онъ такъ прилежно занимается, и занятія его приняла такіе огромные размѣры, что онъ удивляется, какъ еще до сихъ поръ не посядѣла его голова.

Все это время въ денежныхъ отношеніяхъ, онъ былъ тѣмъ же самымъ Ричардомъ, какимъ я описывала его прежде: онъ оставался все тѣмъ же великодушнымъ, расточительнымъ, безумно безпечнымъ и совершенно убѣжденнымъ, что онъ былъ расчетливъ и благоразуменъ. Однажды, около того времени, какъ онъ поступилъ въ контору Кэнджа, я полу-шутя, полу-серьезно сказала Адѣ, въ его присутствіи, что ему необходимо имѣть богатства Креза: до такой степени онъ безпеченъ къ своимъ деньгамъ.

— Слышишь, моя милая, неоцѣненная кузина! отвѣчалъ на это Ричардъ: — слышишь, что говоритъ наша старушка! Знаешь ли, почему она говоритъ это? Потому, что нѣсколько дней тому назадъ

Я заплатилъ какихъ нибудь восемь фунтовъ стерлинговъ за бѣлый атласный жилетъ и за пуговицы! Я не вижу въ этомъ ничего дурного. Оставайся я въ домѣ Баджера, и тогда по необходимости бы долженъ былъ израсходовать сразу двѣнадцать фунтовъ за какия нибудь сердце раздрающія лекціи. Изъ этого слѣдуетъ, что, купивъ жилетъ и пуговицы, я остался въ барышахъ на четыре фунта!

Мой опекунъ нѣсколько разъ совѣщался съ Ричардомъ о томъ, какими образомъ устроить его въ Лондонѣ на время его испытанія въ юриспруденціи. Намъ давно уже слѣдовало воротиться въ Холодный Домъ, отдаленность котораго не позволяла Ричарду являться къ намъ болѣе раза въ недѣлю. Мой опекунъ говорилъ мнѣ, что еслибъ Ричардъ поступилъ совсѣмъ въ контору мистера Кэнша, то навѣялъ былъ нѣсколько комматъ, гдѣ мы, не прѣздя въ Лондонъ, могли бы останавливаться на нѣсколько дней; «но, моя хозяйка, прибавилъ онъ, потирая себѣ голову значительно: — онъ еще не поступалъ туда, и Богъ знаетъ поступитъ ли!» Совѣщанія эти кончались тѣмъ, что для Ричарда наняли по мѣсячно маленькую, чистенькую, меблированную квартиру въ спокойномъ старомъ домѣ, близъ Квинъ-Сквера. Ричардъ немедленно приступилъ къ растратѣ своихъ денегъ на покупку разныхъ украшеній и бездѣлушекъ для своей квартиры. Несмотря, что Ада и я отговаривали его отъ задуманныхъ покупокъ, совершенно лишнѣхъ и слишкомъ цѣнныхъ, онъ соглашался съ нами, что это будетъ стоить денегъ, и доказывалъ, что покупки эти необходимы, но, что купить ихъ подешевле значитъ остаться неизмѣнно въ барышѣ.

Пока устраивались эти дѣла, повѣзка наша къ мистеру Бойтону откладывалась отъ одного дня до другого. Наконецъ Ричардъ вступилъ во владѣніе своей квартирой, и нашему отъѣзду ничто болѣе не мѣшало. Ричардъ въ это время года охотно бы поѣхалъ съ нами, но его удерживали въ Лондонѣ и новизна его положенія и энергическія старанія разъяснить всѣ мистеріи роковой тяжбы. Поэтому мы поѣхали одни, и моя милочка была въ восторгѣ, выхваляя Ричарда за его непримѣрную дѣятельность и трудолюбіе.

Мы совершили пріятную повѣзку въ Линкольншайръ въ Англижансъ и въ очаровательномъ обществѣ мистера Скимпполя. Человѣкъ, завладѣвшій домомъ мистера Скимпполя въ день рожденія его дочери съ голубыми глазками, очистилъ весь домъ отъ мебели, — но мистеръ Скимпполь, по видимому, былъ весьма доволенъ этимъ происшествіемъ.

— Столы и стулья, говорилъ онъ: — весьма глупыя вещи: они не сообщаютъ вамъ новыхъ идей, не имѣютъ способности

нагнать наружный свой видъ, надѣдаютъ своимъ однеобрѣзіемъ, и намъ становится скучно отъ нихъ. Какъ пріятно до этому не имѣть въ домѣ ностоминно елія и тѣ же столы и стулья! Брать мебель на прокатъ гораздо лучше: перелатещь, какъ бабочка, изъ одной лавки въ другую, отъ розоваго дерева къ красному, отъ краснаго къ орѣховому, отъ одного фасада къ другому, смотри къ нему нищешь болѣе расположенія!

— Странно, право, продолжалъ мистеръ Скимполь: — я ни гроша не заплатилъ за свои стулья и столы, а между тѣмъ хозяинъ дома уноситъ ихъ отъ меня съ невозмутимымъ спокойствіемъ. Это прозабавно, прескѣпно! Въ мебельный мастеръ же обязался заплатить за меня квартирныя деньги. Къ нему же козлякъ мой заплата съ нимъ спору? Это все равно, мнѣ кажется, еслибъ росла у меня бородавка на носу, которая, по понятіямъ о красотѣ моего домовадѣльца, быда бы непріятна для него, и онъ, ни съ того ни съ другого, бросился бы дарапать носъ мебельному мастеру, на которомъ нѣтъ вовсе бородавки! Какъ хотите, а это ясно доказываетъ недостатокъ здраваго смысла!

— Тутъ очень ясно, сказалъ мой опекунъ, въ веселомъ расположеніи духа; — что кто обязался заплатить за тѣ столы и стулья, тотъ и долженъ заплатить за нихъ.

— Разумѣется! возразилъ мистеръ Скимполь. — Это обстоятельство рѣшаетъ все дѣло. Я сказалъ моему хозяину: «любезный мой, если ты уносишь такъ не деликатно всю мою мебель, то вѣрно не знаешь, что за нее заплатить мой превосходный другъ, Джорджъ. Неужели ты не хочешь принять во вниманіе права его собственности?» А онъ и подумать не хотѣлъ о нихъ.

— И отказался отъ всякихъ предложеній? сказалъ мой опекунъ

— Совсѣмъ отказался, возразилъ мистеръ Скимполь. — Я дѣлалъ ему весьма дѣльные предложенія. Я привелъ его къ себѣ въ кабинетъ и сказалъ: «надѣюсь, любезный мой, ты человѣкъ дѣловой?» — Да, отвѣчалъ онъ. — «И прекрасно — скажаль я — будемъ же говорить, какъ дѣловые люди. Вотъ тутъ черниланца, перья, бумага и облатки. Что ты хочешь отъ меня? Я жилъ въ твоемъ домѣ весьма значительное время, и жилъ къ общему нашему спокойствію и удовольствію, пока не возникло между нами это непріятное недоразумѣніе. Будемъ же по прежнему въ одно и тоже время и друзьями и дѣловыми людьми. Скажи, чего ты хочешь отъ меня?» Въ отвѣтъ на это онъ употребилъ фигуральное выраженіе — одно изъ тѣхъ, которыя такъ употребительны у восточныхъ народовъ, что будто бы онъ ни разу еще не видѣлъ, какой цвѣтъ имѣютъ мои

деньги. «Это потому, любезный мой другъ, — сказалъ я — что у меня никогда не бываетъ денегъ. Я о нихъ не имѣю никакого понятія.» — Очень хорошо, — сказалъ онъ — что же вы мнѣ предложите, если я отсрочу вашъ долгъ на нѣкоторое время? — «Любезный мой, — отвѣчалъ я — да я точно также не имѣю никакого понятія о времени. Ты сказалъ мнѣ, что ты человѣкъ дѣловой, въ такомъ случаѣ все, что ты предложишь мнѣ дѣловое, вотъ съ помощію пера, чернилъ, бумаги и, пожалуй, облатокъ — я готовъ исполнить безъ всякихъ разговоровъ. Пожалуйста, брось-правило (довольно глупое) получать долгъ не съ должника своего, но совсѣмъ съ другого человѣка; будь, пожалуйста, дѣловымъ человѣкомъ!» Однако, онъ не послушался меня, и дѣло тѣмъ кончилось.

Если это можно назвать нѣкоторыми несообразностями въ ребячествѣ мистера Скимполя, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно не лишено было своихъ особенныхъ выгодъ. Во время дороги, онъ имѣлъ весьма хорошій аппетитъ къ тѣмъ кушаньямъ и лакомствамъ, какія встрѣчались намъ по дорогѣ (въ томъ числѣ къ корзиночкѣ отборныхъ персиковъ), но никогда не помышлялъ платить за нихъ. Точно также, когда извозчикъ, обходя всѣхъ пассажировъ, просилъ себѣ на водку, мистеръ Скимполь ласково спросилъ его: какую плату для себя считаетъ онъ самой щедрой? и на отвѣтъ его: не больше полу-кроны, сказалъ, что это весьма немного, и предоставилъ мистеру Джорданису заплатить ему.

Погода была очаровательная. Поля, засѣянные хлѣбомъ, роскошно волновались, жаворонки плавали въ воздухѣ и весело пѣли, живые изгороды были покрыты дикими цвѣтами, а деревья густой зеленью; легкій вѣтерокъ разносилъ по воздуху сладкое благоуханіе съ полей, покрытыхъ бобами и горохомъ! Уже было далеко за полдень, когда двлижансъ нашъ остановился въ небольшомъ городкѣ, очень скучномъ городкѣ, съ церковнымъ шпицомъ, съ рынкомъ, съ площадью, съ улицей, совершенно открытой для солнечныхъ лучей, и съ прудомъ, въ которомъ старая лошадь осѣждала свои ноги. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ узкія полосы тѣни доставляли небольшую прохладу, стояли нѣсколько человѣкъ, или лежали въ полудремотѣ. Послѣ шелеста древесныхъ листьевъ и волненія полей, окаймлявшихъ дорогу, этотъ городокъ казался такимъ тихимъ, знойнымъ и бездѣйственнымъ, какой въ состояніи произвести одна только Англія.

У самой гостинницы мы увидѣли мистера Бойторна. Онъ сидѣлъ верхомъ на лошади и поджидалъ насъ съ открытой коляской, въ которой предстояло намъ отправиться въ его домъ, за нѣсколько

миль отъ города. Увидавъ насъ , онъ очень обрадовался и быстро соскочилъ съ лошади.

— Клянусь честью! сказалъ онъ , послѣ радушныхъ привѣтствій : — это самый безславный дилижансъ! Онъ можетъ служить отличнымъ примѣромъ отвратительныхъ публичныхъ возницъ , которыя когда либо отягощали землю! Представьте себѣ , онъ опоздалъ сегодня двадцать-пять минутъ! Извозчика слѣдовало бы погнѣсить за это!

— Неужели онъ опоздалъ? сказалъ мистеръ Скимполь, къ которому относились слова мистера Бойторна. — Вы вѣдь знаете мою слабость: я никакого понятія не имѣю о времени.

— Да , да , двадцать-пять.... нѣтъ , позвольте , двадцать-шесть минутъ! отвѣчалъ Бойторнъ , справляясь съ часами. — Опоздать съ двумя барышнями въ дилижансъ; да этотъ бездѣльникъ съ умысломъ опоздалъ двадцать-шесть минутъ! Рѣшительно съ умысломъ! Это нельзя приписать случаю! Да и отецъ его и дядя были самыми отвѣренными плутами , которыхъ когда либо видали на козлахъ!

Говоря это съ чувствомъ глубокаго негодованія , онъ сажалъ насъ вѣжно въ коляску и былъ весь улыбка и удовольствіе.

— Миѣ очень жаль , сказалъ онъ , стоя съ непокрытой головой подлѣ коляски: — миѣ очень жаль , что я долженъ сдѣлать мили двѣ прыжку. Дѣло въ томъ , что прямая дорога къ миѣ пролегаетъ черезъ паркъ сэра Дэдлока , а я далъ клятву , пока живу на бѣломъ свѣтѣ и пока будутъ продолжаться нынѣшнія наши отношенія другъ къ другу , ни моя нога , ни лошадиная не вступятъ во владѣнія этого надменнаго человѣка!

И при этомъ , подмѣтивъ выразительный взглядъ моего опекуна , онъ разразился своимъ страшно громкимъ смѣхомъ , который , казалось , пробудилъ даже сонный городокъ.

— А что , Лоренсъ , Дэдлоки здѣсь? сказалъ мой опекунъ , когда мы тронулись съ мѣста , и мистеръ Бойторнъ поскакалъ подлѣ кареты по зеленому лугу.

— Да , сэръ Гордецъ здѣсь , отвѣчалъ мистеръ Бойторнъ. — Ха , ха , ха! Сэръ Дэдлокъ здѣсь , и я съ удовольствіемъ могу сказать , что подагра прижала ему хвостъ. Миледи , при этомъ имени онъ всегда перемѣнялъ тонъ и манеры , какъ будто она была совсѣмъ не прикосновенна къ его ссорѣ съ милордомъ : — миледи ожидаютъ сюда ежедневно. Я нисколько не удивляюсь , что она откладываетъ свое прибытіе сюда по возможности на дальнѣйшее время. Что могло принудить эту превосходную женщину выйти замужъ за такого чучела; право , по моему , это одна изъ тѣхъ тайнъ , которыя оста-

ютса и останутся неразрѣшаемыми для человѣческаго разума. Ха, ха, ха, ха!

— Я полагаю, однако, сказать мой опекунъ, смѣясь: — иногда мы можемъ погулять въ паркѣ? Запрещеніе твое, вѣроятно, не распространяется на насъ?

— Я никакикъ не смѣю налагать запрещеній на моихъ гостей, сказалъ онъ, кланяясь Адъ и Миѣ, съ той мягкой вѣжливостью, которая такъ шла къ нему: — кромѣ только одного, и именно, на счетъ ихъ отъѣзда. Миѣ очень жаль, что лишаюсь удовольствія быть вашимъ провозатымъ по Чесни-Воудъ; это, я вамъ скажу, прекраснѣйшее мѣсто! Но, Джорджисъ, если ты вздумаешь зайти къ владѣтелю помѣстья, во время своего пребыванія въ моемъ домѣ, то, клянусь свѣтомъ лѣтняго дня, ты встрѣтишь тамъ весьма холодный приемъ. Онъ держитъ себя какъ недѣльные часы, то есть такіе часы, которые вставлены въ великолѣпный футляръ, но никогда не ходятъ и никогда не ходили. Ха, ха, ха! Для друзей же его друга и содѣла, Бойторна, у него всегда бываетъ лишній запасъ невыносимаго высокомерія, въ этомъ я могу ручаться.

— Не безпокойся, я представлю ему случай подтвердить справедливость твоихъ словъ, сказалъ мой опекунъ. — Смѣю сказать, что ни онъ, ни я не имѣемъ расположенія познакомиться другъ съ другомъ. Погулять въ паркѣ, полюбоваться пріятнымъ мѣстоположеніемъ, осмотрѣть господскій домъ, я думаю, позволено каждому, а для меня этого совершенно довольно.

— И прекрасно! сказалъ мистеръ Бойторнъ. — Я очень радъ такому скромному желанію! На меня смотрятъ здѣсь какъ на Алкса, вызывающаго на бой громъ и молнію! Ха, ха, ха! Когда, въ воскресенье, я прихожу въ нашу маленькую церковь, значительная часть нашего незначительнаго общества такъ и ожидаетъ, что и повалюсь опаленный и обезображенный подъ молніями петлованій Дэдлока. Ха, ха, ха, ха! Я не сомнѣваюсь, что онъ одинаковаго мнѣнія съ нашимъ обществомъ, потому что такого надменнаго чловѣка я никогда еще не видывалъ!

При вѣздѣ на вершинѣ холма нашему другу представился случай показать намъ самый Чесни-Воудъ и отвлечь свое вниманіе отъ его владѣтеля.

Это было живописное старинное зданіе, внутри роскошнаго парка. Между деревьями и не въ дальнемъ разстояніи отъ господскаго дома возвышался шпигъ небольшой церкви, о которой говорилъ мистеръ Бойторнъ. Какими восхитительными казались и торжественное безмолвіе парка, надъ которымъ свѣтъ и тѣни перелетали, какъ будто крылья, разнесшія по лѣтнему воздуху, полному упо-

ительного аромата, небесную благодать, и бархатная зелень косо-
ровъ, и искристая вода, и садъ, гдѣ въ симметрическихъ клум-
бахъ красовались ярвіе цвѣты. Домъ, съ его величавымъ фронто-
номъ, башней, павильонами, широкой террасой и балюстрадой, око-
ло которой вились пышныя розы, казался чѣмъ-то сверхъесте-
ственнымъ, среди глубокаго безмолвія, окружавшаго его со всѣхъ
сторонъ. И домъ, и садъ, и терраса, и зеленые косогоры, и пруды,
и вѣковые дубы, и желтый папоротникъ, и мохъ, и паркъ, съ его
длинными аллеями, въ концѣ которыхъ виднѣлся пурпуръ герцога-
та, — все, все носило на себѣ отпечатокъ неизгладимаго спокой-
ствія!

Когда мы вѣхали въ небольшое селеніе и поравнялись съ ма-
ленькой гостиницей, подъ вывѣской «Гербъ Дэдлоковъ», мистеръ
Бойторнъ раскинулся съ молодымъ, смѣлымъ на скамейкѣ, подъ
дверей, джентльменомъ, подлѣ котораго лежалъ рыболовный
сварлядъ.

— Это звукъ управительницы дома Дэдлоковъ, молодой мистеръ
Ровсвелъ, сказалъ мистеръ Бойторнъ: — онъ страстно влюбленъ
въ одну маленькую дѣвушку. Леди Дэдлокъ полюбила эту дѣвушку
и намѣрена взять ее къ себѣ въ услуженіе — честь, которую молодой
мой другъ не умѣетъ вовсе оцѣнивать. Какъ бы то ни было, но онъ
не можетъ теперь жениться на ней, хотя бы розанчикъ и былъ со-
гласенъ на это; потому-то онъ и ищетъ теперь развлеченій и ча-
ственно прѣзжаетъ сюда денка на два, на три, чтобъ.... чтобъ
удить рыбу. Ха, ха, ха, ха!

— А вы не знаете, мистеръ Бойторнъ, они уже обручены? спро-
сила Ада.

— Я знаю только одно, моя милая миссъ Кларъ, возразилъ онъ:
— что они совершенно понимаютъ чувства другъ друга; впрочемъ,
вы сами скоро увидите ихъ, и увидите въ какомъ отношеніи они
находятся другъ къ другу; такимъ вещамъ надо учиться мнѣ у васъ,
а не вамъ у меня.

Ада покраснѣлась; а мистеръ Байторнъ далъ шпоры своему ста-
рому коню, соскочилъ съ него у дверей своего дома и стоялъ, гото-
вый встрѣтить насъ, съ распрестертыми объятіями и непокрытой го-
ловой.

Онъ жилъ въ хорошеющемъ домикѣ, вшереду котораго разсти-
лался зеленый лужокъ, съ боку прежнему цвѣтнику и позади
прекрасный фруктовый садъ и обширный огородъ. Все это обнесено
было плотной стѣной, красноватый цвѣтъ которой напоминалъ со-
бою цвѣтъ арфаго влада. Впрочемъ, все въ этомъ мѣстѣ носило
отпечатокъ арфаости и облія. Старая липовая аллея представляла

зеленую стѣну; густыя вишни и яблони были обременены плодами; вѣтви крыжовника гнулись подъ тяжестью ягодъ и верхушками своими лежали на землѣ; земляника и клубника росли въ изобиліи, и персики сотнями спѣли на солнцѣ. Подъ растянутыми стѣнками и стеклянными рамами блистали и дрожали подъ лучами солнца зеленый горохъ, бобы и огурцы въ такомъ изобиліи, что каждый футъ земли казался прозябаемымъ сокровищемъ. Между тѣмъ пріятный запахъ душистыхъ травъ и другихъ лекарственныхъ растений, не говоря уже о сосѣднихъ лугахъ, гдѣ сушилось свѣжее сѣно, обращали весь воздухъ въ огромный букетъ. Въ предѣлахъ старинной красной стѣны царствовали такая тишина и такое спокойствіе, что даже гирлянды перьевъ, развѣшанныя для пуганья птицъ, едва колебались въ воздухѣ.

Домъ, хотя и не въ такомъ порядкѣ, въ какомъ находился садъ, былъ настоящій старинный домъ, съ простымъ очагомъ на кухнѣ, высланной кирпичемъ, и съ большими балками подъ потолками. Съ одной стороны его находился страшный пунктъ спорной земли, гдѣ мистеръ Бойторнъ держалъ день и ночь часового въ синей блузѣ, котораго обязанность состояла въ томъ, чтобъ, въ случаѣ нападенія, немедленно ударить набатъ въ огромный колоколъ, повѣшенный для этой цѣли, спустить съ цѣпи огромнаго бульдога и съ помощію его разить непріятеля. Неловольный этими предостереженіями, мистеръ Бойторнъ выставилъ тамъ своего собственнаго сочиненія столбы съ черными досками, на которыхъ крупными буквами написаны были слѣдующія угрозы: «Берегись бульдога. Онъ страшно золъ. Лоренсъ Бойторнъ.» «Ружье заряжено картечью. Лоренсъ Бойторнъ.» «Канканы и ловушки стоятъ здѣсь во всякое время дня и ночи. Лоренсъ Бойторнъ.» «Предостереженіе: всякій, кто осмѣлится войти на эту собственность безъ дозволенія владѣльца, будетъ жестоко наказанъ частнымъ образомъ и, кромѣ того, подвергнется всей строгости законовъ. Лоренсъ Бойторнъ.»

Показывая намъ эти надписи изъ окна гостиной, мистеръ Бойторнъ заливался громкимъ смѣхомъ, между тѣмъ какъ его канарейка спокойно распѣвала у него на головѣ.

— Но вѣдь вся эта продѣлка требуетъ страшныхъ хлопотъ, сказалъ мистеръ Скимполь, съ обыкновенной своею безпечностію: — а вы, какъ кажется, принимаете ее за шутку!

— За шутку! возразилъ мистеръ Бойторнъ, съ невыразимымъ жаромъ. — За шутку! нѣтъ, извините, сэръ! Я готовъ купить льва вмѣсто собаки, еслибъ только могъ слѣлать его ручнымъ, и спустилъ бы его съ цѣпи на перваго безумца, который бы осмѣлился посягнуть на нарушеніе предѣловъ моей собственности. Пусть сэръ

Мистеръ Дэдлокъ согласится рѣшить этотъ споръ дуэлью, и я готовъ встрѣтиться съ нимъ съ оружіемъ какихъ угодно временъ и какихъ угодно народовъ. Вотъ до какой степени я принимаю это за шутку! Ни больше, ни меньше!

Мы пріѣхали къ мистеру Бойторну въ субботу. Въ воскресенье утромъ мы всѣ отправились пѣшкомъ въ маленькую церковь, въ паркѣ. При входѣ въ паркѣ, почти тотчасъ за чертой спорнаго участка земли, мы вступили на веселую тропинку, которая, извиваясь между деревьями и по роскошнымъ лугамъ, оканчивалась у самой церкви.

Собраніе въ церкви было весьма небольшое: оно состояло почти изъ однихъ крестьянъ, за исключеніемъ только барской прислуги. Въ числѣ послѣдней находились статные лакеи и настоящій образецъ стариннаго кучера, до такой степени надменнаго, что онъ казался мнѣ официальнымъ представителемъ всей пышности и тщеславія, которыя возилъ на своемъ вѣку въ каретахъ. Очень миленькія молодыя женщины сидѣли на своихъ мѣстахъ, и между ними прекрасное лицо и статная почтенная фигура домоправительницы обращали на себя вниманіе больше всѣхъ другихъ. Хорошенькая дѣвочка, о которой говорилъ мистеръ Бойторнъ, сидѣла рядомъ съ ней. Она была такъ мила, такъ хороша, что мнѣ кажется, я бы узнала ее, по ея красотѣ, даже и тогда, еслибъ не видѣла ея стыдливаго румянца, выступавшаго на ея пухленькія щечки подъ вліяніемъ глазъ молодого рыбака, который сидѣлъ не подалеку отъ нея. Одно лицо и довольно непріятное, хотя и красное, по видимому, злобно слѣдило за каждымъ движеніемъ хорошенькой дѣвочки, слѣдило за всѣми и за всѣми. Это было лицо француженки.

Пока колоколъ еще гудѣлъ въ ожиданіи Дэдлоковъ, я осматривала церковь, которая имѣла довольно мрачный, старинный, торжественный видъ. Окна, густо отѣненные деревьями, пропускали весьма слабый свѣтъ, отъ котораго лица, окружавшія меня, казались необыкновенно блѣдными, монументу и мѣдныя доски надъ могилами потемнѣвшими болѣе обыкновеннаго, между тѣмъ какъ паперть освѣщалась ослѣпительно ярко. Но вскорѣ движеніе въ народѣ, почтительное благоговѣніе на лицахъ крестьянъ, свирѣпая надменность на лицѣ мистера Бойторна отвлекли мое вниманіе отъ дальнѣйшихъ наблюденій: я догадалась, что Дэдлоки пріѣхали, и что служба скоро начнется.

Забуду ли я когданибудь какъ затрепетало мое сердце подъ вліяніемъ брошеннаго на меня взгляда! Забуду ли я когданибудь выраженіе тѣхъ прекрасныхъ, томныхъ глазъ, которыя какъ будто приковали къ себѣ мои глаза! Былъ одинъ только моментъ, въ те-

ченіе котораго я успѣла приподнять свои взоры и снова опустить ихъ на молитвенникъ, но и въ такой краткій промежутокъ времени я совершенно зановила черты этого прекраснаго лица.

И странно, послѣ этой встрѣчи нашихъ взглядовъ, въ душѣ моей пробудилось какое-то новое чувство, непонятное для меня, но имѣеть съ тѣмъ имѣвшее тѣсную связь съ воспоминаваніями о раннихъ дняхъ моей жизни, — дняхъ, проведенныхъ въ домѣ моей крестной матери, съ воспоминаваніями даже о тѣхъ дняхъ, когда я бывало, одѣвъ свою куклу, становилась на цыпочки, чтобъ посмотрѣться въ зеркало и поправить свой нарядъ. Я никогда до сихъ поръ не видѣла лица этой леди, никогда! а между тѣмъ я была убѣждена, что она мнѣ знакома давно-давно!

Не трудно было догадаться, что церемонный подагрикъ, сѣдой джентльменъ, былъ не кто другой, какъ сэръ Лейстеръ Даллокъ, и что леди была леди Даллокъ. Но почему лицо ея служило для меня, подъ вліяніемъ какого-то непонятнаго чувства, въ нѣкоторомъ родѣ разбитымъ зеркаломъ, въ которомъ отражались отрывки моихъ воспоминаваній, почему лицо мое загоралось яркимъ румянцемъ, и я трепетала всѣмъ тѣломъ, когда взоры наши случайно встрѣчались? этого я не могла въ ту пору объяснить себѣ.

Я считала это за ничего не значущую слабость свою и старалась превозмочь ее, внимательно слушала чтеніе церковнаго служителя. И какъ странно! мнѣ казалось, что въ звукахъ его голоса я слышу голосъ моей покойной крестной матери. Это обстоятельство заставило меня подумать, не имѣеть ли лицо леди Даллокъ сходства съ лицомъ миссъ Барбары? Быть можетъ оно и имѣло небольшое сходство, но выраженія этихъ лицъ были такъ различны, и суровая рѣзкость въ чертахъ лица моей матери была такъ рѣзка, какъ буря въ ущельяхъ скалъ, и такъ не согласовалась съ чертами лица, стоявшаго передо мною, что это, ни подъ какимъ видомъ, не могло быть тѣмъ сходствомъ, которое поразило меня. Я не видѣла ни въ одномъ лицѣ такого величія и гордости, какія зашѣчала въ лицѣ леди Даллокъ. А между тѣмъ я.... я, маленькая Эсмеръ Соммерсонъ, дитя, живущее отдѣльною жизнью, не знавшее радостей въ день моего рожденія, по видимому, являлась передъ моими собственными глазами, вызванная изъ давнопрошедшаго какою-то сверхъестественною силою въ этой фешенебельной леди, которую я никогда не видѣла, которую никогда не думала увидѣть!

Все это до такой степени волновало меня, что я не чувствовала ни малѣйшаго отъшенія отъ наблюденій француженки, которая, какъ я уже сказала, слѣдила за воѣмъ и за всѣмъ, съ самаго прихода въ деревню. Наконецъ постепенно я превозмогла это странное

исполненіе. Послѣ долгаго промежутка, а еще разъ взглянула на леди Дэдлокъ и именно въ ту минуту, когда приготовлялась пѣть передъ началомъ проповѣди. Миледи не замѣтила моего взгляда; біеніе сердца моего прекратилось, но возобновлялось еще раза два, когда миледи бросала сквозь лорнетку взоръ на Аду, или на меня.

По окончаніи службы, сэръ Лейстеръ величаво и любезно подавъ руку леди Дэдлокъ (хотя онъ и принужденъ былъ идти съ помощію толстой вилки) и проводилъ ее въ каретъ, въ которой они пріѣхали. — Церковь опустѣла.

— Сэръ Лейстеръ, сказалъ мистеръ Скимполь, съ безпредѣльному восторгу мистера Бойторна: — сэръ Лейстеръ возвратъ на всю конгрегацию высококѣрными окномъ.

— Таковъ былъ и отецъ его, и дѣдъ его и врадѣя! сказалъ мистеръ Бойторнъ.

— А знаете ли, продолжалъ мистеръ Скимполь, совершенно неожиданно для мистера Бойторна: — знаете ли, мнѣ очень пріятно видѣть человѣка подобнаго рода.

— Неужели? сказалъ мистеръ Бойторнъ.

— Мнѣ сдается, что онъ хочетъ покровительствовать мнѣ, продолжалъ мистеръ Скимполь. — И прекрасно! Я не стану противиться его желанію!

— А я такъ стану! сказалъ мистеръ Бойторнъ, съ сильнымъ негодованіемъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? возразилъ Скимполь, съ своимъ обычнымъ легкомысліемъ. — Но вѣдъ это значитъ беспокоить себя попустому. А зачѣмъ же вы гонитесь за этимъ? Я такъ совсѣмъ иначе думаю объ этомъ; я, какъ ребенокъ, готовъ принимать вещи такъ, какъ они кажутся, и черезъ это набѣгаю всякихъ хлопотъ! Вотъ напримеръ: я пріѣзжаю сюда и встрѣчаю могучаго вельможу, требующаго безусловной покорности. Прекрасно! Я отвѣчаю такъ: «Могучій лордъ, примите всю мою покорность! Легче отдать ее, чѣмъ удержать за собой. Примите ее, лордъ, примите. Если вы можете оказать мнѣ чтонибудь пріятное, я буду счастливъ; если вы хотите дать мнѣ чтонибудь пріятное, я тоже буду счастливъ и возьму.» Могущественный лордъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: «Это очень умный малый. Онъ не волнуется моею жолчи и не портитъ моего нимцеваренія. Онъ не налагаетъ на меня необходимости казаться ежомъ.» А что же можетъ быть лучше этого для насъ обонхъ? Вотъ мой взглядъ на подобныя вещи, то есть мой дѣтскій взглядъ!

— Но положимъ, что завтра вы переѣхали въ другое мѣсто, сказалъ мистеръ Бойторнъ: — и встрѣтили бы тамъ человѣка, ко-

горый не хочет и не думает покориться этому человеку, что тогда вы скажете?

— Что я скажу тогда? отвѣчалъ мистеръ Скимполь, съ величайшей простотой и откровенностью: — я скажу то же самое, что говорю теперь! Я бы сказалъ: «Мой достопочтеннѣйшій Бойторнъ», положимъ, что вы представляете собою нашего воображаемаго друга; «мой достопочтеннѣйшій Бойторнъ, вы не хотите покориться этому могущественному лорду? Очень хорошо? Я тоже не хочу ему покориться. Моя обязанность въ образованномъ обществѣ состоитъ въ томъ, чтобы угождать; я думаю, что это обязанность каждого человека. Словомъ сказать, на этой обязанности основывается связь общества и его гармонія! Слѣдовательно, если вы не покоряетесь, то и я не покоряюсь. Итакъ, любезнѣйшій Бойторнъ, пойдемте обѣдать!»

— Но если на это любезнѣйшій Бойторнъ скажетъ вамъ, возразитъ нашъ другъ, вспыхнувъ отъ гнѣва: — если онъ скажетъ....

— Понимаю, понимаю! сказалъ мистеръ Скимполь. — Весьма вѣроятно, онъ скажетъ....

— что я не хочу съ вами обѣдать! вскричалъ мистеръ Бойторнъ, раздражая гнѣвъ свой сильнымъ ударомъ тростью о землю. — И если къ этому прибавитъ онъ: «Мистеръ Гарольдъ Скимполь! скажите: существуетъ ли въ порядочномъ обществѣ приличіе?»

— На это Гарольдъ Скимполь отвѣтилъ бы вамъ извѣстно что, сказалъ онъ самымъ веселымъ тономъ и съ самой наивной улыбкой. — Клянусь жизнью, я не имѣю о приличіи ни малѣйшаго понятія? Я не знаю, что вы разумѣете подъ этимъ названіемъ, гдѣ это находится и кто этимъ владѣетъ. Если вы сами владѣете этимъ приличіемъ и находите его приятнымъ, я въ восторгѣ отъ этого и отъ души васъ поздравляю. Увѣряю васъ я рѣшительно ничего не знаю объ этомъ; вѣдь вы знаете, я настоящій дитя; я не имѣю претензій на ваше приличіе и не нуждаюсь въ немъ.

Это былъ одинъ изъ числа многихъ между ними маленькихъ разговоровъ. Я всегда ожидала, что они кончатся и, весьма вѣроятно, кончились бы при другихъ обстоятельствахъ самымъ жестокимъ взрывомъ гнѣва со стороны мистера Бойторна. Впрочемъ онъ имѣлъ такое высокое понятіе о своей гостепріимной и отвѣтственной обязанности въ качествѣ хозяина дома и мой опекунъ смѣлся такъ чистосердечно надъ мистеромъ Скимполемъ, надъ этимъ ребенкомъ, который, по его словамъ, цѣлый день забавляется мыльными пузырями, что споръ ихъ никогда не принималъ серьезнаго характера. Съ своей стороны мистеръ Скимполь, вовсе не подозревая, въ какое положеніе ставилъ онъ себя при подобныхъ разгово-

ратъ, принимался забрасывать ландшафты въ паркѣ, разыгрывалъ на сортепьяно отрывки изъ какой нибудь пьесы, пѣлъ отрывки романсовъ, или ложился на спину подъ тѣнь дерева и любовался небомъ и вообще былъ какъ нельзя болѣе доволенъ.

— Предпріятія и усилія, говоривалъ онъ намъ (лежа на спинѣ), составляютъ для меня истинное наслажденіе. Я думаю, что я истинный космополитъ. Я питаю къ нимъ глубочайшее сочувствіе. Я лежу подъ тѣнью этого дерева и съ восторгомъ представляю себѣ тѣхъ предпріимчивыхъ людей, которые пробираются къ сѣверному полюсу или проникаютъ въ самое сердце тропическихъ странъ. Корытолюбцы спрашиваютъ: «Къ чему человекъ бросается къ сѣверному полюсу? какая польза изъ этого?» Какая польза, я не знаю: я могу сказать только одно, что они отправляются туда съ тою цѣлю, хотя они сами вовсе не подозреваютъ ея, чтобы доставить пищу моимъ мыслямъ, когда я ложусь подъ тѣнь какого нибудь дерева.

При этихъ случаяхъ мнѣ всегда приходило въ голову: думалъ ли онъ когда нибудь о мистриссъ Скинполь и своихъ дѣтахъ и съ какой точки зрѣнія представлялись, они его космополитическому уму. Сколько я могла понимать они не представлялись ему вовсе.

Прошла недѣля послѣ нашего приѣзда къ мистеру Бойториу и наступила суббота. Каждый день этой недѣли былъ такой ясный, что гулять въ паркѣ и любоваться какъ лучи солнца пробивались между прозрачными листьями и играли на свѣтлыхъ пятнахъ между тѣнями, падающими отъ деревьевъ, слышать пѣніе птицъ и тихое ушьяющее жужжанье насѣкомыхъ, служило для насъ наслажденіемъ. У насъ было одно любимое мѣсто, покрытое густымъ мохомъ и прошлогодними листьями, гдѣ лежало нѣсколько срубленныхъ деревьевъ, съ которыхъ кора была очищена. Расположившись на этихъ деревьяхъ, мы, сквозь зеленую арку, поддерживаемую тысячами натуральныхъ бѣлыхъ древесныхъ колоннъ, смотрѣли на отдаленный ярко освѣщенный ландшафтъ, столь роскошный черезъ контрастъ свой съ тѣнью, въ которой мы сидѣли, и становившійся еще роскошнѣе чрезъ длинную перспективу, по которой мы смотрѣли на него, до такой степени роскошный, что онъ представлялся намъ какой-то волшебной панорамой. Въ эту субботу мистеръ Джордисъ, Ада и я сидѣли здѣсь и любовались этой картиной, какъ вдругъ послышались отдаленные раскаты грома, и вскорѣ крупныя капли дождя зашелестяли по листьямъ деревьевъ.

Правда, погода въ теченіе всей недѣли была чрезвычайно знойная; но гроза разразилась такъ внезапно, по крайней мѣрѣ надъ нами въ этомъ укромномъ уголку, что мы не успѣли еще дойти до

окраины парка, какъ громъ и молнія сдѣлались непрерывными и дождь такъ сильно пробивался сквозь листья, какъ будто каждая капля была свищовая. Оставаться подъ деревьями въ такую грозу было опасно, а потому мы выбѣжали изъ парка и около мшистаго вала старались добраться до ближайшаго домика лѣсничаго. Мы часто любовались мрачной красотой этого домика, стоящаго въ глубокой зелени деревьевъ, любовались площадью, вѣсившей вокругъ него, и глубокой ямой, служившей конурой для собаки лѣсничаго, куда она однажды на нашихъ глазахъ нырнула какъ будто въ воду.

Въ домикѣ лѣсничаго было такъ темно, особенно теперь, когда небо все покрылось черными тучами, что мы только и могли увидѣть въ немъ человѣка, который при нашемъ входѣ подошелъ къ дверямъ и подавъ два стула: для меня и Ады. Рѣшотчатые ставни были все открыты, и мы сидѣли почти въ самыхъ дверяхъ и наблюдали за грозой. Картина была величественна: вѣтеръ рвалъ, гнулъ деревья и гналъ передъ собою дождь, какъ облако дыму; громъ гремѣлъ и молнія сверкала непрерывно. О! съ какими благоговѣніемъ мы думали объ ужасныхъ силахъ, оруждающихъ насъ, до какой степени мы сознавали благотворное дѣйствіе ихъ на природу! Казалось, что каждый ударъ этой грозы сорбцалъ свѣжія силы каждому маленькому цветочку и листику; вся природа какъ будто обновлялась.

— Не опасно ли сидѣть на такомъ открытомъ мѣстѣ?

— О, нѣтъ, милая моя Эсмеръ, отвѣчала Ада спокойно.

Ада отвѣчала мнѣ, но не на мой вопросъ.

Сердце забилось во мнѣ снова. Я никогда не слышала этого голоса, какъ никогда не видѣла этого лица, но онъ производилъ на меня странное впечатлѣніе. Снова, въ одинъ моментъ, мнѣ представлялось, одна за другой, безчисленное множество картинъ моей минувшей жизни.

За нѣсколько минутъ до нашего пріюта леди Дэллокъ избрала этотъ домикъ убѣжищемъ отъ страшной грозы. Она стояла позади моего стула. Обернувшись, я увидѣла, что ея рука была почти у самаго моего плеча.

— Я испугала васъ? сказала она.

Нѣтъ. Я не испугалась. Да и чего мнѣ было бояться?

— Мнѣ кажется, сказала леди Дэллокъ, обращаясь къ моему опекуну: — я нѣкогда удовольствіе говорить съ мастеромъ Джардинсомъ?

— Ваше вниманіе, леди Дэллокъ, дѣлаетъ мнѣ больше чести, чѣмъ я ожидаю.

— Я узнала васъ въ церкви въ прошлое воскресенье. Миѣ очень жалъ, что какіе-то поземельные споры, которыхъ мой мужъ вовсе не желалъ, послужатъ несприятнымъ затрудненіемъ оказать вамъ вниманіе въ нашемъ домѣ.

— Я знаю эти обстоятельства, сказалъ мой опекунъ, улыбаясь : — и считаю себя совершенно обязаннымъ.

Она протянула къ нему руку съ какимъ-то равнодушіемъ, по явленію, весьма обычнымъ для нея ; говорила съ нимъ съ тонкимъ же точно равнодушіемъ , хотя и весьма пріятнымъ голосомъ. Она была сколько прекрасна , столько же и граціозна , умѣла въ совершенствѣ владѣть своими чувствами, и вообще казалось , что она одарена была способностію привлечь къ себѣ всякаго, еслибъ только захотѣла. Лѣтничій привесъ стулъ для нея, и она сѣла въ дверяхъ между нами.

— Скажите пожалуйста, пристроенъ ли молодой джентльменъ, о которомъ вы писали къ сэру Лейстеру, и котораго желаніе, къ сожалѣнію своему, онъ не имѣлъ возможности исполнить? сказала она, обернувшись черезъ плечо къ моему опекуну.

— Полагаю, что пристроенъ, сказалъ онъ.

Казалось она уважала мистера Джорндиса и хотѣла пріобрѣсть его расположеніе. Въ ея гордой манерѣ было что-то очень пріятельское, оно даже становилось фамиллярнымъ въ то время, какъ она разговаривала съ мистеромъ Джорндисомъ черезъ плечо.

— Я полагаю это ваша воспитанница, миссъ Кларъ ?

Опекунъ мой по всѣмъ правиламъ отрекомендовалъ ей Аду.

— Вы потеряете часть вашего безкорыстнаго характера, сказала леди Дэдлокъ мистеру Джорндису, опять черезъ плечо : — если только станете защищать отъ обидъ и оскорбленій такихъ хорошенькихъ питомицъ. Но отрекомендуйте меня также (и леди Дэдлокъ повернулась прямо ко мнѣ) и этой молодой леди.

— Миссъ Коммерсонъ также моя воспитанница, сказалъ мистеръ Джорндисъ. — Я ея опекунъ , но въ ея опеку я не отвѣчаю за нее ни предъ какимъ лордомъ канцлеромъ.

— Развѣ миссъ Коммерсонъ лишилась своихъ родителей ? сказала она.

— Да.

— Она очень счастлива въ своемъ опекунѣ.

Леди Дэдлокъ взглянула на меня , въ тоже время и я взглянула на нее и отвѣтила ей утвердительно. Но вдругъ она неспѣшно и даже съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ отвернулась отъ меня и снова начала говорить съ опекуномъ моимъ черезъ плечо.

— Прошли, кажется, вѣка съ тѣхъ поръ, какъ мы встрѣчались съ вами, мистеръ Джорндисъ.

— Да, много прошло времени. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ казалось, пока я не увидѣлъ васъ въ прошедшее воскресенье, сказалъ онъ.

— Что! неужели и вы сдѣлались льстецомъ, или, быть можетъ, считаете необходимымъ казаться льстецомъ передо мной! сказала леди Дэдлокъ, съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. — Вы правы, впрочемъ; я приобрѣла на это право.

— Вы приобрѣли, леди Дэдлокъ, такъ много, сказалъ мой онекунъ: — что должны поплатиться за это. Впрочемъ, поплатиться не мнѣ.

— Такъ много! сказала она съ легкимъ смѣхомъ.

— Да!

При сознаніи своего превосходства, своей силы очаровывать другихъ, она, казалось, считала насъ не болѣе, какъ за дѣтей. Сказавъ это, она еще разъ слегка засмѣялась, взглянула на дождь, успокоилась и такъ свободно и спокойно углубилась въ свои мысли, какъ будто она была одна.

— Я думаю, вы знали мою сестру, когда мы были за границей, лучше, чѣмъ меня? сказала она, снова взглянувъ на моего онекуна.

— Да, мы встрѣчались чаще, отвѣчалъ онъ.

— Мы пошли съ ней по разнымъ дорогамъ, сказала леди Дэдлокъ: — впрочемъ, мы имѣли очень мало общаго другъ съ другомъ. Хотя и жаль, что такъ случилось, но помочь этому нельзя.

Леди Дэдлокъ еще разъ посмотрѣла на дождь. Гроза начала утихать. Дождь замѣтно уменьшился, молнія перестала сверкать, раскаты грома слышались за отдаленными горами, наконецъ выглянуло солнышко и заблестало на мокрыхъ листьяхъ и въ капляхъ падавашаго еще дожда. Наблюдая молча за постепеннымъ прекращеніемъ грозы, мы увидѣли, что къ намъ быстро подѣзжалъ маленькій фаэтонъ.

— Наконецъ посланный мой возвращается, сказала миледи, обращаясь къ лѣсничему: — и вмѣстѣ съ фаэтономъ.

Между тѣмъ фаэтонъ подѣхалъ, и мы увидѣли въ немъ двухъ женщинъ. Они вышли съ бурнусами и платками, сначала французенка, которую я видѣла въ церкви, а потомъ хорошенькая дѣвочка. Французенка съ надменною самонадѣянною, — хорошенькая дѣвочка съ смущеніемъ и нерѣшительностію.

— Это что значить? сказала леди Дэдлокъ. — Зачѣмъ васъ двѣ?

— И ваша горничная, миледи, сказала французенка.— Вы позволите послать за служанкой.

— Я думала, что вы требовали меня, миледи, сказала хорошенькая дѣвочка.

— Да, моя милая, я требовала именно тебя, спокойно отвѣчала миледи. — Надѣнь на меня эту шаль.

Она слегка нагнулась, и хорошенькая дѣвочка слегка набросила шаль на ея плечи. Французенка стояла незамѣченною; она смотрѣла на это, крѣпко сжавъ свои блѣдныя губы.

— Миѣ очень жаль, сказала леди Дэдлокъ, обращаясь къ мистеру Джордису : — миѣ очень жаль, что мы не можемъ возобновить нашего прежняго знакомства. Надѣюсь, вы позволите прислать этотъ экипажъ для вашихъ воспитанницъ. Онъ будетъ сюда черезъ минуту.

Но онекутъ мой рѣшительно отказался отъ этого предложенія. Леди Дэдлокъ весьма ласково простилась съ Адой, миѣ не сказала ни слова и, опираясь на руку мистера Джордиса, сѣла въ фаэтонъ; это былъ маленькій, низенькій, садовый экипажъ съ верхошъ.

— Садись и ты, дитя мое, сказала миледи хорошенькой дѣвочкѣ : — ты миѣ будешь нужна. Пошелъ !

Фаэтонъ покатылся, и французенка съ привезенными бурнусами и шальями стояла неподвижно на томъ мѣстѣ, гдѣ вышла изъ фаэтона.

Я думаю, что для гордости ничего нѣтъ несноснѣе, какъ самая гордость. Французенка въ эту минуту испытывала жестокое наказаніе за свое высокомеріе. Она оставалась совершенно неподвижно, пока фаэтонъ не повернулъ въ ближайшую аллею, и потомъ, безъ малѣйшихъ признаковъ душевнаго волненія, сбросила башмаки, оставила ихъ на землѣ и пошла весьма свободно по самой мокрой травѣ.

— Да эта женщина должно быть сьумасшедшая? сказалъ мой онекутъ.

— О, нѣтъ, сэръ ! отвѣчалъ лѣсничій, который, вмѣстѣ съ женой своей, смотрѣлъ за удалявшейся французенкой. — Гортензія не изъ того разряда. У нея такая голова, какой лучше требовать нельзя. Одно только худо : она очень горда и сердита, то есть черезчуръ горда и сердита. И ужъ если оставятъ ее безъ вниманія и задумаютъ оказать предпочтеніе другимъ, такъ и Боже упаси !

— Но зачѣмъ же она пошла безъ башмаковъ по мокрой травѣ ?

— Быть можетъ, сэръ, зачѣмъ, чтобъ поостынуть ! сказалъ лѣсничій.

Спустя вѣскольکو минутъ мы проходили уже мимо господскаго дома. Прекрасный и безмолвный, какимъ онъ показался съ перваго раза, такимъ казался и теперь. Капли дожда сверкали вокругъ его какъ брильянты, легкій вѣтерокъ чуть-чуть шелестилъ листья деревьевъ, птицы громко пѣли, каждый листокъ, каждая травка и цвѣточекъ получили отъ дожда свѣжій, привлекательный видъ, и маленькій фэтонъ стоялъ у подъѣзда и казался серебряной волшебной колесницей. Въ этой отраднѣ картинѣ все гармонировало одно другому, только одна мамзель Гортензiа ровнымъ шагомъ и спокойно приближалась къ дому, безъ башмаковъ, по мокрой травѣ.

ГЛАВА XIX.

изгнанiе.

Въ предѣлахъ переулка Чансри настали вакаци. Добрые корабли «Юстицiа» и «Юриспруденцiа», выстроенные изъ дуба, обшитые мѣдью, скрѣпленные желѣзными болтами, украшенные бронзовыми статуиками, и ни подъ какимъ видомъ не скороходы, втанулись въ гавань и наслаждаются отдыхомъ. Летучiй Голландецъ, съ своей командой изъ призраковъ-клиентовъ, умоляющихъ всякаго встрѣчнаго рассмотретьъ ихъ документы, отнесло на это время Богъ вѣсть куда. Суды всѣ заперты, публичныя конторы предаются сладкой дремотѣ. Даже сама Вестминстерская Палата представляетъ собою тѣнистый безлюдный уголокъ, гдѣ могли бы, кажется, пѣть соловьи и гулять челобитчики болѣе нѣжнаго класса въ сравненiи съ тѣми челобитчиками, которые обыкновенно встрѣчаются тамъ.

Темпль, переулокъ Чансри, Линкольнинскiй Сулъ и даже самыя Линкольнинскiя Поля какъ будто обратились въ гавани, куда корабли входятъ только во время отливовъ, гдѣ обмельѣвшее судопроизводство конторы на якоряхъ, лѣнивые писцы на стульяхъ, согнувшихъ на бокъ и имѣющихъ прийти въ вертикальное положенiе съ наступленiемъ прилива, стоятъ обнаженные отъ кила до верхней окраины бортовъ и сушатся во время длинныхъ вакацiй. Наружныя комнаты судейскихъ приказовъ заперты, и всѣ письма и посылки собираются въ одну груду, въ комнатѣ привратника. Между щелями мостовой вокругъ Линкольнинскаго Суда выросъ бы цѣлый сѣвокосъ травы, еслибъ разсыльные не сидѣли тутъ въ прохладной тѣни и, отъ нечего дѣлать, прикрывъ голову передни-

кошъ, не гоняли бы мухъ, не рвали бы этой травы и не жевали бы ее съ задумчивымъ видомъ.

Во всемъ городѣ одинъ только судья, но и онъ является въ судъ по два раза въ недѣлю. Если бы провинціалы ассизныхъ городовъ, подлежащихъ его вѣдомству, могли только взглянуть на него теперь! Нѣтъ напудренного парика, нѣтъ стражи въ красныхъ курткахъ, съ длинными копьями, нѣтъ бѣлыхъ налочекъ. Сидитъ одинъ только чисто выбритый джентльменъ въ бѣлыхъ панталонахъ и въ бѣлой шляпѣ, судейское лицо его приняло бронзовый цвѣтъ, солнечные лучи слупили съ судейскаго носа его кусочки бѣлой кожицы; отираваясь въ судъ, онъ заходитъ въ лавки съ устрицами и пьетъ ивбирное пиво со льдомъ.

Адвокаты Англіи разсѣялись по всему лицу земному. Какимъ образомъ можетъ Англія обойтись безъ адвокатовъ въ теченіе четырехъ длинныхъ лѣтнихъ мѣсяцовъ, безъ своего убѣжища въ несчастіи и единственнаго законнаго триумфа въ счастіи? это до насъ не касается; вѣроятно, Британія въ теченіе этого времени не очень нуждается въ своемъ вѣрномъ оплотѣ. Одинъ ученый джентльменъ, страдавшій страшнымъ негодованіемъ отъ неслыханныхъ, ожесточенныхъ нападений на чувства своего кліента со стороны противной партіи, теперь значительно поправился въ Швейцаріи. Другой ученый джентльменъ, на отвѣтственности котораго лежитъ самая тяжелая обязанность, и который поражаетъ своихъ противниковъ самыми грозными сарказмами, проводитъ самую безпечную и веселую жизнь въ приморскихъ мѣстахъ Франціи. Еще одинъ ученый мужъ, который заливался слезами, при малѣйшемъ къ тому поводѣ, въ теченіе шести недѣль не пролилъ еще ни одной слезинки. Еще одинъ ученый джентльменъ, который охлаждалъ натуральный жаръ своего ивбирнаго темперамента въ потокахъ и фонтанахъ юриспруденціи, пока наконецъ не сдѣлался великимъ въ судейскомъ крюкотворствѣ, непостижимомъ для умовъ непосвященныхъ въ эту тайну и для бѣльшей части посвященныхъ, бродитъ, съ характеристическимъ наслажденіемъ, но безводію и пыли въ окрестностяхъ Стамбула. Другіе разбросанные обломки отъ этого великаго палладіума находятся на каналахъ Венеціи, у вторыхъ пороговъ рѣки Нила, въ купальныхъ Германіи, и разсыпаны по всему протяженію песчаныхъ береговъ Англіи. Едва-едва можно встрѣтиться съ однимъ изъ нихъ въ опустѣлыхъ предѣлахъ персулака Чансри. И если этотъ одинокій членъ общества британскихъ адвокатовъ встрѣтитъ здѣсь случайно докучливаго просителя, который не въ силахъ разстаться съ мѣстами, служившими, быть можетъ, въ теченіе лучшихъ

лѣтъ его жизни, свидѣтелями его душевныхъ истязаній, они испугаются другъ друга и спрячутся по разнымъ угламъ.

Такихъ жаркихъ, длинныхъ ваканцій не запомнятъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Всѣ молодые писцы, сообразно съ различными степенями своего положенія въ конторахъ, влюблены до безумія и томятся по обожаемымъ предметамъ въ Маргэтѣ, Рамсгэтѣ или Гравсендѣ. Всѣ пожилые писцы находятъ, что ихъ семейства слишкомъ велики. Всѣ бездомныя собаки, которыя привыкли бродить по подворьямъ Линкольннскаго Суда, томятся жаждою на лѣстницахъ и другихъ безводныхъ мѣстахъ и отъ времени до времени издають жалобные стоны. Всѣ собаки слѣвыхъ приводятъ своихъ хозяевъ къ помпамъ и заставляютъ ихъ съотыкаться на ушаты съ водой. Магазины, надъ окнами котораго спущены маркизы, тротуаръ котораго политъ водою и въ окнахъ котораго стоятъ вазы съ серебряными и золотыми рыбками, считается одемомъ. Темплъ-Баръ такъ раскаленъ, что для ирлегающихъ къ нему улицъ, Страндъ и Флитъ, служить какъ бы трубой въ самоварѣ и заставляетъ ихъ кипѣть въ теченіе всей ночи.

Въ подворьяхъ Линкольннскаго суда есть еще конторы, въ которыхъ можно прохладиться, если только стоитъ покупать прохладу цѣной такой невыносимой скуки; впрочемъ, въ маленькихъ переулкахъ, тотчасъ за этими уединенными мѣстами, жарко какъ въ раскаленномъ котлѣ. Во дворѣ мистера Крука такъ знойно, что жители выворотили свои дома навзнанку и сидятъ на тротуарахъ, включая въ число жителей и мистера Крука: рядомъ съ своей кошкой (которой никогда не жарко) онъ на улицѣ продолжаетъ свои ученые занятія. Гостинница Солнца прекратила гармоническіе митинги, и маленькій Свилъзъ ангажированъ въ Пасторальные Сады, лежаціе на Темзѣ близко ея устья, гдѣ онъ поетъ комическія пѣсенки самаго невиннаго содержанія, съ тою цѣлю (какъ говорится въ афишѣ), чтобъ не оскорбить чувства самыхъ разборчивыхъ людей.

Надъ всѣмъ приказнымъ околоткомъ виситъ, подобно облаку ржавчины или гигантской паутины, бездѣйствіе и сонливость длинныхъ ваканцій. Мистеръ Снагзби испытываетъ на себѣ это вліяніе, не только въ душѣ своей, какъ симпатичный и созерцательный человѣкъ, но также и въ своемъ занятіи, какъ поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей. Въ эти длинныя ваканціи онъ ищетъ болѣе свободнаго времени предаваться созерцаніямъ на архивномъ дворѣ и въ любимой своей загородной гостинницѣ, нежели во всякое другое время года. Онъ часто говоритъ своимъ двумъ приказчикамъ: какая славная вещь воображать въ такіе знойные дни, что

живешь на какомъ нибудь островѣ, гдѣ со всѣхъ сторонъ море катитъ свои волны и вѣтерокъ приноситъ отрадную прохладу.

Въ одинъ изъ такихъ знойныхъ дней, мистеръ и мистриссъ Снагзби имѣютъ въ виду принять къ себѣ гостей, и по этому поводу Густеръ хлопочетъ около маленькой гостиной. Ожидаемые гости скорѣе избранные, нежели многочисленные: они состоятъ только изъ мистера и мистриссъ Чадбандъ. Мистеръ Чадбандъ неоднократно въ описаніяхъ своей особы, какъ изустныхъ такъ и письменныхъ, сравниваетъ себя съ кораблемъ, а потому люди, незнакомые съ нимъ лично, иногда ошибочно считали его за джентльмена, посвятившаго себя мореплаванію; между тѣмъ на самомъ дѣлѣ онъ, употребляя его собственное выраженіе, «человѣкъ духовный». Вообще же мистеръ Чадбандъ не имѣетъ особеннаго наименованія, враги его утверждаютъ будто бы онъ, при всемъ своемъ желаніи выказать себя краснорѣчивымъ ораторомъ, не сказалъ еще ничего замѣчательнаго при самыхъ важныхъ случаяхъ, и что нерѣдко погрѣшалъ противъ своей совѣсти; но несмотря на то, онъ имѣетъ своихъ послѣдователей, и къ числу ихъ принадлежитъ мистриссъ Снагзби. Ей до такой степени нравились правила мистера Чадбандъ, что она во что бы ни стало рѣшилась усвоить ихъ и для этого считала необходимымъ свести съ нимъ болѣе короткое знакомство.

Итакъ, Густеръ, убѣжденная въ томъ, что хотя на время будетъ прислуживать Чадбанду, одаренному способностію проговорить безъ отдыха часа четыре сряду, дѣятельно занимается приготовленіемъ маленькой гостиной къ чаю. Пылъ съ мебели обметена, портреты мистера и мистриссъ Снагзби обтерты мокрымъ полотенцемъ; на столѣ выставленъ лучшій чайный сервизъ, и около него расположена чайная провизія, какъ-то: мягкій хлѣбъ, сдобные сахары, свѣжее сливочное масло, тоненькіе ломтики ветчины, копченнаго языка и колбасы и нѣжный рядъ анчоусовъ въ петрушкѣ, не говоря уже о свѣжихъ яицахъ, которыя имѣютъ быть принесены прямо изъ кастрюли въ салфетѣ выстѣ съ поджаренными въ маслѣ тостами. Мистеръ Чадбандъ, надобно замѣтить, корабль, уничтожающій провизію — враги говорятъ, что это даже обжорливый корабль — и замѣчательно искусно умѣетъ управлять такими абортажными орудіями, какъ напримѣръ вилка и ножикъ.

Мистеръ Снагзби, въ лучшемъ скрутокѣ своемъ, смотритъ на всѣ эти приготовленія и, прокашлянувъ въ кулакъ свой почтительный кашель, спрашиваетъ мистриссъ Снагзби:

— Въ которомъ часу, душа моя, ты ожидаешь мистера и мистриссъ Чадбандъ?

— Въ шесть, отвѣчаетъ мистриссъ Снагзби.

Мистеръ Снагзби кротно и какъ будто мимоходомъ замѣчаетъ, что шесть часовъ давно уже пробило.

— Такъ не думаешь ли ты начать безъ нихъ? говоритъ мистриссъ Снагзби съ гнѣвнымъ упрекомъ.

По видимому, мистеръ Снагзби не прочь отъ этого; но, прокашлянувъ кротно и почтительно, онъ говоритъ:

— О, нѣтъ, душа моя, какъ это можно! Я только хотѣлъ спросить: въ которомъ часу общались они быть?

— Что значить часъ въ сравненіи съ вѣчностью? замѣчаетъ мистриссъ Снагзби.

— Совершенно справедливо, отвѣчаетъ мистеръ Снагзби. Но я хочу только сказать, что если кто готовится для кого нибудь закуски къ чаю, тотъ долженъ назначить время. И если часъ для чаю назначенъ, то слѣдовало бы явиться аккуратно въ этотъ часъ и приступитъ къ чаю.

— Приступить! восклицаетъ мистриссъ Снагзби, съ замѣтнымъ неудовольствіемъ. — Приступить! Какъ будто мистеръ Чадбандъ какой нибудь кулачный боецъ!

— Совсѣмъ нѣтъ, душа моя; я этого не говорю, отвѣчаетъ мистеръ Снагзби.

Въ это время, Густеръ, смотрѣвшая въ спальнѣ изъ окна, съ шумомъ и трескомъ сбѣгаетъ съ маленькой лѣстницы и восклицаетъ, что мистеръ и мистриссъ Чадбандъ показались на дворѣ. Вслѣдъ за тѣмъ раздался звонокъ въ парадную дверь. Густеръ получаетъ приказаніе отъ мистриссъ Снагзби принять гостей въ коридорѣ и доложить о нихъ съ надлежащимъ приличіемъ, — въ противномъ же случаѣ мистриссъ Снагзби немедленно отправить ее въ благотворительное заведеніе. Сильно встревоженная этой угрозой, Густеръ, при докладѣ, совершенно сбивается съ толку и страшно искажаетъ фамилію гостей:

— Мистеръ и мистриссъ Чизмипгъ.... мистеръ.... мистеръ.... какъ бишь его зовутъ? говоритъ она и съ отягченною совѣстью удаляется.

Мистеръ Чадбандъ огромный желтаго цвѣта человѣкъ, съ жирной улыбкой, и вообще, судя по наружности, имѣющій въ своей системѣ большое количество масла. Мистриссъ Чадбандъ угрюмая, грознозирающая, молчаливая женщина. Мистеръ Чадбандъ двигается тихо и неповоротливо, совершенно какъ медвѣдь, выученный ходить на заднихъ лапахъ. Онъ очень затрудняется на счетъ своихъ рукъ, какъ будто онѣ мѣшаютъ ему, или какъ будто хотѣлъ онъ стать на четвереньки; голова его безпрестанно потѣетъ, и когда

онъ начинаетъ говорить, то прежде всего подниметь свою огромную руку въ знакъ того, что намѣренъ наставлять своихъ слушателей.

— Друзья мои! говорить мистеръ Чадбандъ. — Миръ дому сему! Миръ и согласіе хозяину сего дома и его хозяйкѣ и молодымъ служанкамъ и молодымъ прикащикамъ! Зачѣмъ я желаю мира друзьямъ моимъ? Что такое миръ? Война ли это? Нѣтъ не война. Вражда ли это? Нѣтъ не вражда. Что же это такое? Это нѣжное, сладостное, прекрасное, умильное, свѣтлое, отрадное чувство! По этому-то, друзья мои, я и желаю вамъ мира.

Вслѣдствіе этого мистриссъ Снагзби кажется глубоко тронутую; мистеръ Снагзби считаетъ приличнымъ произвестъ аминь! и очень кстати произносить.

— Теперь, друзья мои, продолжаетъ мистеръ Чадбандъ: — избравъ эту тему....

Въ эту минуту является Густеръ. Мистриссъ Снагзби, не сводя глазъ съ Чадбанда, въ полголоса, но совершенно внятно говорить: поди вонъ!

Густеръ не уходитъ, но что-то ворчитъ себѣ подъ носъ.

— Поди вонъ! повторяетъ мистриссъ Снагзби еще внятнѣе.

— Теперь, друзья мои, говоритъ мистеръ Чадбандъ: — одушевленные чувствомъ любви къ ближнему, мы спросимъ....

Густеръ собирается съ духомъ и плачевнымъ голосомъ прерываетъ:

— Тысяча семьсотъ восемьдесятъ второй нумеръ....

Мистеръ Чадбандъ останавливается съ рѣшимостію человѣка, привыкшаго страдать отъ преслѣдователей, и, задумчиво сложивъ свои губы для выраженія жирной улыбки, говорить:

— Позвольте намъ выслушать дѣвственницу! Говори, дѣвственница, что тебѣ нужно?

— Тысяча семьсотъ восемьдесятъ второй нумеръ желаетъ знать, сэръ, за что вы дали ему шиллингъ? говоритъ Густеръ, едва переводя духъ.

— За что? возражаетъ мистриссъ Чадбандъ. — Разумѣется за бѣду!

Густеръ отвѣчаетъ, что «тысяча семьсотъ восемьдесятъ второй нумеръ требуетъ за бѣду шиллингъ и восемь пенсовъ, въ противномъ случаѣ грозить полиціей».

Мистриссъ Снагзби и мистриссъ Чадбандъ готовы разразиться негодованіемъ, но мистеръ Чадбандъ поднятіемъ своей руки усмиряетъ бурю.

— Друзья мои, говоритъ онъ : — я помню, что вчера не исполнилъ свой долгъ и потому, по всей справедливости, долженъ сегодня заплатить. Миѣ не слѣдуетъ роптать на это. Рахиль, заплати восемь пенсовъ !

Пока мистриссъ Снагзби, переводя духъ, бросаетъ суровый взглядъ на мистера Снагзби, какъ будто говорить : — вотъ какъ нужно поступать ! и пока мистеръ Чадбандъ сіяетъ смиреніемъ и масломъ, — мистриссъ Чадбандъ отсчитываетъ восемь пенсовъ. Мистеръ Чадбандъ имѣетъ привычку, — хотя немного страшную привычку, оставаться въ долгу и потомъ расчитываться при свидѣтеляхъ, — вѣроятно, это дѣлалъ онъ въ назиданіе своимъ слушателямъ.

— Друзья мои, говоритъ мистеръ Чадбандъ : — восемь пенсовъ еще немного, могло быть шиллингъ и четыре пенса, могло быть даже полкроны. О, будемъ же радоваться ! будемъ веселиться !

Вмѣстѣ съ этимъ замѣчаніемъ, заимствованнымъ, безъ сомнѣнія, изъ какой нибудь пѣсенки, мистеръ Чадбандъ тихо подходитъ къ столу, и прежде, чѣмъ взялся за стулъ, поднялъ свою увѣщательную руку.

— Друзья мои, говоритъ онъ : — что мы видимъ распростертымъ передъ нами ? Мы видимъ закуску. Нуждаемся ли мы въ закускѣ, друзья мои ? Да, мы нуждаемся. А почему мы нуждаемся въ ней, друзья мои ? Потому, что мы смертны, потому что мы грѣховны, потому что мы созданы изъ земли, потому что мы не изъ воздуха. Можемъ ли мы летать, друзья мои ? мы не можемъ летать. Почему мы не можемъ летать, друзья мои ?

Мистеръ Снагзби, ободренный успѣхомъ своего прежняго замѣчанія, рѣшается вторично замѣтить и на этотъ разъ веселымъ и утвердительнымъ тономъ говорить :

— Потому что не имѣемъ крыльевъ.

Мистриссъ Снагзби хмуритъ лицо и бросаетъ на мистера Снагзби суровый взглядъ.

— Я спрашиваю васъ, друзья мои, продолжаетъ мистеръ Чадбандъ, совершенно отвергая и уничтожая замѣчаніе мистера Снагзби : — почему мы не можемъ летать ? Не потому ли, что намъ назначено ходить ? Да, именно потому. Могли ли бы мы, друзья мои, ходить безъ силъ ? Конечно не могли бы. Чтобы мы стали, друзья мои, дѣлать, не имѣя силъ ? Наши ноги отказались бы влечить насъ, колѣни бы подгибались, ступни бы вывернулись, и мы какъ snow повалились бы на землю. И такъ друзья мои, откуда же мы должны почерпать силы, необходимыя для нашихъ членовъ ? Откуда ? При этомъ мистеръ Чадбандъ окинулъ взглядомъ накрытый чайный

столь: — откуда, какъ не изъ хлѣба въ различныхъ его формахъ, изъ масла, сбиваемаго изъ сливокъ, доставляемыхъ намъ коровами, изъ яицъ, снесенныхъ птицами, изъ ветчины, изъ колбасы, изъ языка и тому подобнаго? Такъ раздѣлите же трапезу, которая на-крыта передъ нами!

Преслѣдователи мистера Чадбанда утверждали, что онъ обладаетъ даромъ дѣлать наборъ словъ, по представленному нами образцу; но это утверженіе можно принять за доказательство ихъ настойчивости, съ которой они преслѣдуютъ его. Всякому извѣстно, что ораторскій слогъ мистера Чадбанда приобрѣлъ уже обширную извѣстность, и всѣ имъ восхищаются.

Какъ бы то ни было, мистеръ Чадбандъ, заключивъ свою спичъ, садится за столъ и начинаетъ дѣйствовать за нимъ съ неподражаемымъ усердіемъ. Превращеніе пищи всякаго рода въ масло, составляетъ, по видимому, процессъ до того не раздѣльный съ устройствомъ этого примѣрнаго корабля, что, начиная пить и ѣсть, онъ становится похожъ на огромную маслобойню или на обширный заводъ, устроенный въ обширныхъ размѣрахъ для производства этого продукта.

Въ этотъ періодъ угощенія, Густеръ, несовсѣмъ еще оправившаяся отъ перваго промаха, не упустила изъ виду ни одного позволительнаго и непозволительнаго средства, чтобы навлечь на себя негодованіе. Изъ числа всѣхъ ея неловкихъ подвиговъ, мы, для сокращенія, упомянемъ только о двухъ: военный маршъ, который она тарелками проиграла на головѣ мистера Чадбанда, и слобные пирожки, которые она просыпала на мистера Чадбанда. Въ этотъ періодъ угощенія, Густеръ шепчетъ мистеру Снагэби, что его требуютъ въ лавку.

— Меня требуютъ, не придавая этому слишкомъ важнаго значенія, меня требуютъ въ лавку! говоритъ мистеръ Снагэби, вставая. — Надѣюсь, что почтенная компанія извинитъ меня, если я отлучусь на полминуты.

Мистеръ Снагэби спускается въ лавку и видитъ, что его прикащики внимательно осматриваютъ полицейскаго констэбля, который держитъ за руку оборваннаго мальчишку.

— Ахъ, Боже мой! говоритъ мистеръ Снагэби: — что это значить!

— Вотъ этотъ мальчишка, говоритъ констэбль: — несмотря на, многократныя повторенія, не хочетъ идти....

— Я всегда хожу, сэръ, возглашаетъ мальчикъ, утирая рукавомъ свои жалкія слезы. Съ тѣхъ поръ какъ родился, я постоянно толми-

и знаю, что хожу. Куда же мнѣ еще идти, сэръ, и какъ еще идти мнѣ?

— Не хочеть идти да и только, спокойно говоритъ констебль и слегка подергиваетъ шеей, чтобъ доставить ей болѣе покойное положеніе въ туго затянутомъ галстухѣ: — я говорилъ ему не разъ, предостерегалъ его и теперь долженъ взять его подъ стражу. Это самый упрямый мальчишка: не хочеть идти да и только.

— О, Боже мой! Куда же я еще пойду! восклицаетъ мальчикъ, странно взъерошивая волосы и топнувъ босой ногой по досчатому полу.

— Если ты не пойдешь, такъ я раздѣляюсь съ тобой по своему! говоритъ констебль, заключая слова свои выразительнымъ толчкомъ. — Я получилъ приказаніе, чтобы ты шелъ. Кажется, я говорилъ тебѣ объ этомъ пять-сотъ разъ.

— Но куда же? спрашиваетъ мальчикъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, констебль; говоритъ мистеръ Снагзби задумчиво и съ кашлемъ въ кулакъ, выразившимъ величайшее недоумѣніе: — согласитесь, кажется, что нужно сказать ему куда идти.

— Въ мои приказанія этого не входитъ; отвѣчаетъ констебль. — Мои приказанія заключаются въ томъ, что этотъ мальчикъ долженъ идти да и только!

Мистеръ Снагзби не дѣлаетъ на это никакого возраженія; онъ не говоритъ на это ни слова; но совершаетъ самый отчаянный кашель, не подающій ни той ни другой сторонѣ повода сдѣлать какое нибудь заключеніе. Между тѣмъ, мистеръ и мистриссъ Чалбандъ и мистриссъ Снагзби, услышавъ споръ вблизи и не постигая причины его, явились на лѣстницѣ. Густеръ постоянно оставалась въ концѣ корридора, и такимъ образомъ весь домъ собрался въ одно мѣсто.

— Простой вопросъ состоитъ въ томъ, говоритъ констебль: — знаете ли вы этого мальчишку? Онъ говоритъ, что вы знаете.

— Не знаетъ, не знаетъ! съ возвышенія восклицаетъ мистриссъ Снагзби.

— Душа моя! говоритъ мистеръ Снагзби, бросая взглядъ на лѣстницу. — Душа моя, позволь мнѣ самому отвѣчать. Пожалуйста, имѣй на минуту терпѣніе. Я кое-что знаю объ этомъ мальчикѣ, и въ томъ, что я знаю о немъ, ничего нѣтъ дурного. Быть можетъ напротивъ, констебль: въ этомъ заключается много хорошаго!

И при этомъ поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей сообщаетъ констеблю пріятныя и непріятныя свѣдѣнія о Джо, умалчивая, впрочемъ, о полкониѣ.

— Хорошо! говорить констэбль: — теперь я вижу, что въ словахъ его есть нѣсколько правды. Когда я бралъ его подъ стражу на улицѣ Голборнъ, онъ сказалъ мнѣ, что знаетъ васъ. При этомъ изъ толпы вышелъ молодой человекъ и сказалъ, что онъ знакомъ съ вами, что вы почтенный человекъ, и что если я найду къ вамъ и вздумаю навести справки объ этомъ мальчикѣ, такъ и онъ тоже явится къ вамъ. А между тѣмъ молодой человекъ, какъ видно, не имѣетъ расположенія сдержать свое слово.... А! да вотъ и онъ къ вашимъ услугамъ!

Входитъ мистеръ Гуппи, слегка киваетъ головой мистеру Снагзби и съ вѣжливостью, свойственною адвокатскимъ писцамъ, обращается къ дамамъ, стоящимъ на лѣстницѣ, и прикасается пальцами къ полямъ шляпы.

— Идучи изъ конторы домой, я замѣтилъ на улицѣ шумъ, говорить мистеръ Гуппи, обращаясь къ поставщику канцелярскихъ принадлежностей: — въ шумѣ этомъ упомянули ваше имя, сэръ, и я счелъ за обязанность виѣшаться.

— Это очень хорошо съ вашей стороны, сэръ, говорить мистеръ Снагзби: — и я вамъ очень обязанъ.

При этомъ мистеръ Снагзби еще разъ повторяетъ все, что ему извѣстно по этому предмету, и еще разъ забываетъ сказать о полкронѣ.

— Теперь я знаю гдѣ ты живешь, говорить констэбль, обращаясь къ Джо. — Ты живешь въ улицѣ Одинокого Тома. Не правда ли, что это славное мѣстечко?

— Я не смѣю жить въ другомъ мѣстѣ, сэръ; говорить Джо. — Въ другое мѣсто меня не пустятъ. Кто пуститъ жить въ хоршемъ мѣстѣ такого бѣдняка, какъ я!

— Поди-ко ты очень бѣденъ? говорить констэбль.

— Да, отвѣчаетъ Джо: — я очень, очень бѣденъ.

— Теперь посудите же вы сами! Я собственными моими руками нашелъ у него вотъ эти двѣ полкроны, говорить констэбль, показывая всей компаніи двѣ монеты.

— Они остались у меня отъ соверена, мистеръ Снагзби, говорить Джо: — отъ соверена, который подарила мнѣ леди, модъ вуалью; пришла однажды вечеромъ ко мнѣ на перекрестокъ и попросила показать ей, гдѣ вотъ этотъ домъ, гдѣ домъ, въ которомъ умеръ человекъ, которому давали вы работу, и гдѣ кладбище, на которомъ его похоронили. Ты ли, говорить, тотъ мальчикъ, о которомъ писали, говорить, въ газетахъ. Я говорю — да, тотъ самый. Можешь ли ты, говорить, показать мнѣ всѣ эти мѣста, говорить. Я говорю: да, я могу. Такъ покажи же, говорить; ну я и пе-

казалъ, и она дала миѣ на это соверенъ. Изъ этого соверена миѣ немного досталось, говоритъ Джо, обливаясь грязными слезами: — пять шиллинговъ нужно было отдать за квартиру, пять шиллинговъ укралъ мальчишка, другой мальчишка стянулъ еще шиллингъ, да хозяинъ два, такъ что у меня всего на все осталось только двѣ полкроны.

— И ты думаешь, что кто нибудь повѣритъ этой сказкѣ? говоритъ констэбль, бросая на Джо взглядъ, полный невыразимаго отвращенія.

— Не знаю, сэръ, повѣритъ ли кто, отвѣчаетъ Джо. — Я ничего, не думаю; только это не сказка, а быль.

— Каковъ негодай? а! замѣчаетъ констэбль, обращаясь къ слушателямъ. — Послушайте, мистеръ Снагзби, если я не запру его сегодня на замокъ, ручаетесь ли вы, что онъ пойдетъ куда слѣдуетъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! восклицаетъ съ лѣстницы мистриссъ Снагзби.

— Душа моя! говоритъ мистеръ Снагзби убѣждающимъ тономъ. — Я не сомнѣваюсь, господинъ констэбль, что онъ пойдетъ. Ты знаешь Джо, что тебѣ, во всякомъ случаѣ, должно идти, говорить мистеръ Снагзби.

— Я сдѣлалъ все для васъ удобное, сэръ; отвѣчаетъ несчастный Джо.

— Ну такъ и дѣлай! замѣчаетъ констэбль. — Ты вѣдь знаешь, что должно тебѣ дѣлать. Дѣлай же! Да помни, что въ другой разъ такъ легко не отдѣлаешься. Возьми свои деньги, и чѣмъ скорѣе уберешься отсюда миль на пять, тѣмъ лучше будетъ для тебя и для другихъ.

Сказавъ этотъ совѣтъ на прощанье и указавъ на заходящее солнце какъ будто за тѣмъ, чтобы Джо зналъ по крайней мѣрѣ въ какую сторону должно идти ему, констэбль желаетъ честной компаніи добраго вечера, выходитъ на улицу, идетъ по отъвѣнной сторонѣ ея, неся въ рукахъ кованную свою шляпу для лучшаго освѣженія головы, и эхо подворья Кука вторить его одиночнмъ и медленнымъ шагамъ.

Неправдоподобная исторія Джо пробудила въ бѣльшей или мѣньшей степени любопытство во всемъ обществѣ. Мистеръ Гуппи, который отъ природы одаренъ пронизательнымъ умомъ, особливо въ дѣлахъ, требующихъ доказательства, и которому длинныя ваканціи становятся невыносимыми, принимаетъ участіе въ этомъ обстоятельствѣ и обнаруживаетъ свое участіе приступомъ къ настоящему допросу, который до такой степени становится интереснымъ для дамъ, что мистриссъ Снагзби очень ласково приглашаетъ мистера Гуппи на верхъ выпить чашку чаю и заранѣе проситъ извиненія за

безпорядокъ на чайномъ столѣ, произведенный до его прикола. Мистеръ Гуппи, изъявивъ согласіе на это предложеніе, приказываетъ несчастному Джо идти за нимъ; ставитъ его у дверей, снова беретъ его въ свои слѣдственные руки, жметъ его какъ масляники жмутъ куски масла, чтобы придать имъ требуемыя формы. Допросъ идетъ надлежащимъ образомъ и сохраняетъ все условія судопроизводства какъ въ отношеніи продолжительности, такъ и въ отношеніи окончанія. Несмотря на то мистеръ Гуппи сознаетъ свой талантъ, мистеръ Снагзби чувствуетъ, что подобное обстоятельство не только удовлетворяетъ ея любознательнымъ наклонностямъ, но нѣкоторымъ образомъ возвышаетъ званіе ея мужа въ глазахъ молодого, но опытнаго юриста. Въ теченіе этого тонкаго допроса, корабль Чадбандъ, предназначенный исключительно для перевоза масла, садится на мель и ждетъ, когда приливъ приподниметъ его и дастъ ему возможность пуститься въ дальнѣйшее плаваніе.

— Конечно! говоритъ мистеръ Гуппи: — или этотъ мальчикъ рѣшительно хочетъ поставить на своемъ, или это такой необыкновенный случай, какой не встрѣчался мнѣ во всю мою бытность въ конторѣ Кэнджа и Карбол.

Мистрисъ Чадбандъ шепчетъ что-то на ухо мистриссъ Снагзби.

— Можеть ли это быть! восклицаетъ мистриссъ Снагзби.

— Да, да, и еслибъ вы знали какъ давно! отвѣчаетъ мистриссъ Чадбандъ!

— Представьте! эта леди знаетъ контору Кэнджа и Карбол давнымъ давно! съ торжествующимъ видомъ мистриссъ Снагзби объясняетъ мистеру Гуппи. — Эта леди, мистриссъ Чадбандъ, суруга вотъ этого джентльмена, мистера Чадбандъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! говоритъ мистеръ Гуппи.

— Да, я знала эту контору еще до моего послѣдняго замужества.

— Не имѣли ли вы какого нибудь дѣла въ нашей конторѣ? спрашиваетъ мистеръ Гуппи.

— Нѣтъ.

— Рѣшительно никакого дѣла?

Мистриссъ Чадбандъ мотаетъ головой.

— Быть можетъ, вы были знакомы съ кѣмъ нибудь изъ нашихъ клиентовъ? говоритъ мистеръ Гуппи, которому въ высшей степени нравилось вести разговоръ по правиламъ судопроизводства.

— Немножко не угадали, отвѣчаетъ мистриссъ Чадбандъ съ принужденной улыбкой.

— Немножко не угадалъ, повторяетъ мистеръ Гуппи. — Очень хорошо. Позвольте васъ спросить, сударыня, была ли эта леди изъ вашихъ знакомыхъ, имѣвшихъ дѣло въ конторѣ Кэнджа и Карбой (въ настоящее время мы не станемъ говорить какого рода дѣло), или джентльменъ? Не торопитесь вашимъ отвѣтомъ, сударыня. Мы сейчасъ рѣшимъ дѣло. Скажите только, мужчина это или женщина?

— Ни мужчина и ни женщина! отвѣчаетъ мистриссъ Чадбандъ, съ прежней улыбкой.

— А! теперь понимаю! ни мужчина и ни женщина — значитъ дитя! говоритъ мистеръ Гуппи, бросаю на восхищенную мистриссъ Снагзби самый проникательный и выразительный взглядъ, какимъ обладаютъ одни только британскіе адвокаты. — Теперь, сударыня, быть можетъ вамъ угодно сказать намъ, какое это было дитя?

— Наконецъ-то вы отгадали? говоритъ мистриссъ Чадбандъ, повторивъ принужденную кислую свою улыбку. — Судя по вашей наружности, сэръ, надо полагать, что это случилось до поступленія вашего въ контору. Миѣ порученъ былъ присмотрѣть за ребенкомъ, по имени Эсэвръ Сомерсонъ, которую впоследствии Кэнджъ и Карбой пристроили куда-то на мѣсто.

— Миссъ Сомерсонъ! восклицаетъ мистеръ Гуппи, въ сильномъ волненіи.

— Я называла ее просто Эсэвръ Сомерсонъ; говоритъ мистриссъ Чадбандъ, съ суровымъ видомъ. — Въ ту пору, никто не думалъ прибавлять къ ея имени миссъ. Ее звали просто Эсэвръ. Бывало скажешь: Эсэвръ, сдѣлай это! Эсэвръ, сдѣлай то! и Эсэвръ дѣлала безпрекословно.

— Милостивая государыня, возражаетъ мистеръ Гуппи, дѣламъ нѣсколько шаговъ по маленькой гостиной: — покорнѣйшій слуга, который въ настоящую минуту говоритъ съ вами, встрѣтилъ эту молодую леди въ Лондонѣ, когда она впервые пріѣхала сюда съ тѣмъ, чтобы пожаловать въ контору, о которой за минуту передъ этимъ говорили. Позвольте миѣ, сударыня, имѣть удовольствіе пожать вамъ руку.

Мистеръ Чадбандъ, воспользовавшись, наконецъ, благопріятнымъ случаемъ, дѣлаетъ обычный сигналъ, поднимается съ мѣста съ дымящейся головой, отирая ее носовымъ платкомъ. Мистриссъ Снагзби шепчетъ: те!

— Друзья мои! говоритъ мистеръ Чадбандъ: — мы насладились съ умѣренностію (хотя это выраженіе никакимъ образомъ нельзя примѣнить къ его особѣ) дарами природы, предоставленными въ наше распоряженіе. Да процвѣтаетъ сей домъ на пло-

дотворной почвѣ нашей планеты, да будетъ изобиліе въ хлѣбахъ и винѣхъ подѣ крышею его; да возрастаетъ онѣ, множится и усцѣваетъ во всемѣ отнынѣ и до вѣка! Но, друзья мои, вкусили ли мы кромѣ этой пищи еще чего нибудь? Да, мы вкусили. Чего же мы вкусили? Мы вкусили пищу духовной. Кто же снабдилъ этою пищею? Другъ мой, пода сюда!

Последнія слова относятся къ несчастному Джо. Онѣ дѣлаютъ нѣсколько шаговъ впередъ, отступаетъ шагъ назадъ, выпрямляется и становится лицомъ къ лицу съ краснорѣчивымъ Чадбандомъ, очевидно, сомнѣваясь въ его намѣреніяхъ.

— Юный мой другъ, говоритъ Чадбандъ: — ты для насъ неоцѣненный перлъ, ты для насъ блестящій брилліантъ, ты для насъ дивное сокровище! Но почему? скажи намъ, юный другъ.

— Я не знаю, говоритъ Джо. — Я ничего не знаю.

— Юный мой другъ, говоритъ Чадбандъ: — ты ничего не знаешь, повтому-то ты и служишь для насъ неоцѣненнымъ сокровищемъ. Скажи, кто ты и что такое? Звѣрь ли ты, рыскающій по степямъ? Нѣтъ, ты не звѣрь. Птица ли ты, летающая по воздуху? Нѣтъ, ты не птица. Рыба ли ты, плавающая въ моряхъ, рѣкахъ и источникахъ? Нѣтъ, ты не рыба. Ты, мой юный другъ, — человекъ. О! великое дѣло быть человекомъ! А почему великое дѣло, мой юный другъ? Потому, что ты способенъ получать совѣты мудрости, потому что ты способенъ извлекать пользу изъ словъ, которыми въ настоящую минуту я обращаюсь къ тебѣ, потому что ты не камень, не дерево, не столбъ фонарный, не тумба, не пробка! О, сколько радости, сколько неисчерпаемаго наслажденія скрывается для человека въ рѣкѣ мудрости!купаешься ли ты въ настоящую минуту въ этой рѣкѣ? Нѣтъ, ты не купаешься. Почему ты не купаешься? Потому, что ты блуждаешь въ мракѣ, потому что обрѣтаешься въ тьмѣ, потому что ты скованъ цѣпями грѣховности. Почему ты скованъ? Объ этомъ спрашиваю тебя я, проникнутый чувствомъ любви къ ближнему.

При этихъ словахъ, принимавшихъ грозную форму, Джо, который постепенно терялъ всякое сознание о томъ, что творится съ нимъ, проводитъ грязной рукой по грязному лицу и страшно зѣваетъ.

— Друзья мои; говоритъ мистеръ Чадбандъ, окидывая взоромъ все собраніе и складывая подбородокъ свой въ улыбку: — я по дѣламъ своимъ долженъ испытывать смиреніе; я созданъ для того, чтобъ переносить тяжкія испытанія, я долженъ самъ себя наказывать, я долженъ исправлять себя. Я слишкомъ возмечталъ о себѣ; недавно я съ гордостію помыслилъ о своей трехъ-часовой

назидательной бесѣдѣ, былъ тогда же наказанъ за это и наказуясь теперь. О, друзья мои! возрадуютесь, возвеселитесь!

Со стороны мистриссъ Снагэби обнаруживается чувство умиленія.

— Друзья мои, говоритъ Чадбандъ, окончательно окидывая взорами все собраніе: — я не стану больше бесѣдовать съ этимъ юношей. Приходи, мой юный другъ, ко мнѣ завтра, спроси у этой леди, гдѣ меня найти для назидательной бесѣды; какъ ласточка среди безводныхъ степей, приходи ко мнѣ утолить свою жажду послѣ завтра, приходи на третій, на четвертый день и поучайся слову мудрости.

Джо, котораго главное желаніе, по видимому, состоитъ въ томъ, чтобы уйти, но отнюдь не приходитъ, безтолково киваетъ головой. Мистеръ Гуппи бросаетъ ему мѣдную монету. Мистриссъ Снагэби приказываетъ Густеръ проводить его до дверей. Но пока Джо спускается съ лѣстницы, мистеръ Снагэби нагружаетъ его остатками съ чайнаго стола, и Джо уноситъ ихъ, крѣпко прижавъ объими руками къ груди своей.

Мистеръ Чадбандъ, о которомъ говорятъ враги, что это еще не диво, если онъ сколько угодно часовъ сряду будетъ городить вамъ всякій вздоръ, но диво въ томъ, что онъ оканчиваетъ иногда свои безтолковыя спичи, при самомъ ихъ началѣ, — удаляется также. Джо идетъ къ Блякфрайрскому мосту, гдѣ онъ находитъ согрѣтый камень и садится закусывать.

И сидитъ онъ тамъ, ждетъ и грызетъ и смотритъ на большой крестъ, на вершинѣ собора св. Павла, блистающій надъ красновато-фіолетовымъ облакомъ городского дыму. По лицу несчастнаго мальчика можно догадаться, что онъ не постигаетъ этой священной эмблемы. Онъ видитъ только, что она горитъ въ лучахъ солнца, висится надъ шумнымъ городомъ, и что для него она недосягаема. Солнце садится, рѣка катитъ свои волны, народъ стремится мимо его двумя потоками, стремится къ своей опредѣленной цѣли, стремится впередъ, впередъ! Вотъ и его вытѣсняютъ изъ тепленькаго уголка и ему то же говорятъ впередъ, впередъ!

ГЛАВА XX.

новый постоялецъ.

Длиныя вакаціи такъ медленно приближаются къ концу, какъ медленно тихая рѣка катится къ морю по дикимъ равнинамъ.

Мистеръ Гуппи ждетъ этого конца съ нетерпѣніемъ и проводитъ время въ неисходной скукѣ. Онъ наточилъ уже перочинный ножикъ свой и сломалъ кончикъ у него, втыкая этотъ инструментъ въ конторку по всѣмъ направленіямъ не потому, что онъ пыталъ какое нибудь зло къ конторкѣ, но потому что ему надо было дѣлать что нибудь, съ тѣмъ однако, чтобы занятіе не волновало его, чтобы оно не налагало слишкомъ тяжелой контрибуціи на его физическія и интеллектуальныя силы. Онъ находитъ, что съ его расположеніемъ духа ничто не можетъ такъ согласоваться, какъ вертѣться и балансировать на ножкѣ своей табуретки, колотъ ножикомъ конторку и зѣвать.

Кэнджъ и Карбой уѣхали за городъ; отданный въ ученье писецъ отправился въ провинцію къ отцу; два товарища мистера Гуппи, два писца на жалованьѣ, гуляютъ въ отпуску. Мистеръ Гуппи и мистеръ Ричардъ Карстонъ раздѣляютъ честь находиться въ конторѣ. Мистеръ Карстонъ на время расположился въ комнатѣ мистера Кэнджа, а это обстоятельство до такой степени возбуждаетъ гнѣвъ мистера Гуппи, что онъ, ужиная съ своей матерью морскаго рака съ салатомъ, съ ѣдкимъ сарказмомъ, описываетъ ей новичковъ, поступающихъ въ контору Кэнджа и Карбоа.

Мистеръ Гуппи подозрѣваетъ этихъ новичковъ въ злобныхъ замыслахъ противъ его особы. Онъ убѣжденъ, что каждый изъ нихъ намѣренъ столкнуть его съ мѣста. Спросите его, какъ это можетъ случиться, когда и для чего? онъ прищуритъ одинъ глазъ, покачаетъ головой и ни слова не скажетъ. Въ силу таковой предусмотрительности, онъ принимаетъ величайшій трудъ прибѣгать къ самымъ тонкимъ хитростямъ, для отвращенія коварныхъ замысловъ противъ него, существующихъ только въ его воображеніи, — словомъ, онъ безъ противника разыгрываетъ самую замысловатую партію въ шахматы.

Поэтому, мистеръ Гуппи испытываетъ безпредѣльное удовольствіе, когда кто нибудь изъ новичковъ начнетъ рыться въ бумагахъ по дѣлу Джорндисъ и Джорндисъ: онъ очень хорошо знаетъ, что изъ нихъ, кромѣ досады и страшной путаницы, ничего не почерпнешь. Его удовольствіе обыкновенно сообщается третьему писцу, точно такъ же, какъ и онъ, утомленному продолжительностію вакацій въ конторѣ Кэнджа и Карбоа, и именно, молодому Смолвиду.

Былъ ли молодой Смолвидъ (котораго въ шутку называютъ просто Смоль и Чикъ-Видъ, тожь, что означаетъ цыпленка въ куриныхъ перьяхъ), былъ ли онъ когда нибудь ребенкомъ, въ этомъ сомнѣвается Личкольмисскій кварталъ. Ему теперь немного больше пятнадцати, а уже онъ, какъ говорится, старая нога въ юриспруден-

денци. Насмѣшники утверждаютъ, что онъ страстно влюбленъ въ одну леди, содержательницу табачной ларочки, по соседству съ перуломъ Чансри, и что ради этой леди имѣннѣ другой, къ которой шталъ вѣжнубо страть въ теченіе многихъ лѣтъ. Онъ уроженецъ Лондона и потому имѣетъ маленкій ростъ и блѣдное, худощавое, продолговатое лицо; впрочемъ, его можно завидѣть весьма далеко, по его высокой шляпѣ. Слѣдатель мистеромъ Гуппи составляетъ цѣль его честолюбивыхъ замысловъ. Онъ одѣвается по вкусу того джентльмена, подражаетъ ему въ разговорѣ и поведеніи, — словомъ, копируетъ съ него все до тонкости. Онъ пользуется особеннымъ довѣріемъ мистера Гуппи, отъ времени до времени предлагаетъ ему совѣты, почерпаемые изъ глубочайшей опытности, и разрѣшаетъ трудные вопросы изъ домашней его жизни.

Мистеръ Гуппи цѣлое утро подремалъ у открытаго окна; впрочемъ, онъ тогда только предался этому наслажденію, когда перепробовавъ всѣ табуретки, онъ убѣдился, что ни одна изъ нихъ не въ состояніи разогнать его тоску, и когда нѣсколько разъ прикладывалъ голову къ желѣзнымъ сундукамъ, чтобы прохладить ее. Мистеръ Смолвидъ два раза бѣгалъ за шипучими напитками, два раза наливалъ ихъ въ два конторскіе стакана и два раза размѣшивалъ ихъ конторской линейкой. Мистеръ Гуппи, въ назиданіе мистера Смолвида, излагаетъ парадоксъ, что чѣмъ больше пьешь, тѣмъ больше пить хочется, и, свѣдѣемый тоской, склоняетъ голову на подоконникъ.

Любуясь тѣнью Стараго Сквера и разсматривая несносные кирпичи и известь, мистеръ Гуппи видитъ наконецъ, что изъ подъ сводовъ выходятъ огромные бакенбарды и берутъ направленіе къ открытому окну конторы Кенджа и Карбола. Черезъ нѣсколько секундъ раздается по двору свистокъ и вслѣдъ за нимъ сдержанное восклицаніе :

— Гей! Гуппи!

— Вотъ неожиданно, такъ неожиданно! говоритъ мистеръ Гуппи, пробужденный.

— Смоль! Посмотри: вѣсь Джоблингъ!

Смоль высовываетъ голову въ окно и киваетъ Джоблину.

— Откуда это принесло тебя? спрашиваетъ мистеръ Гуппи.

— Съ Торговыхъ садовъ изъ подъ Дефтфорда. Я больше не въ силахъ выносить это. Я войду въ солдаты. Послушай, одолжи мнѣ, пожалуйста, полкроны. Благодарю, я умираю съ голоду.

Дѣйствительно, Джоблингъ нахотелъ голодомъ и вообще имѣетъ наружность цѣбука, который лезетъ въ Торговую Салахъ и обращается въ смѣхъ.

— Пожалуйста, брось мнѣ полкроны, если есть у тебя лишняя. И смерть хочу вообладать,

— Подожди немножко, мы будемъ вмѣстѣ обладать; говоритъ мистеръ Гуппи, бросая монету, которую мистеръ Джоблингъ весьма ловко подхватываетъ веселу.

— А долго ли ты удержишь меня? спрашиваетъ Джоблингъ.

— Не больше полчаса. Я выжидаю заѣзда, когда удастся непріятель, отвѣчаетъ мистеръ Гуппи, кивая головой на сосѣднюю комнату.

— Какой непріятель?

— Новичокъ. Поступаетъ къ намъ въ контору. Такъ ты подождешь?

— Не можешь ли выслать мнѣ что-нибудь почитать? говоритъ мистеръ Джоблингъ.

Смолвидъ предлагаетъ адвокатскій списокъ. Но мистеръ Джоблингъ съ особенной живостью отвѣчаетъ, что этого списка онъ терпѣть не можетъ.

— Я вышлю газету, говоритъ мистеръ Гуппи. — Смоль вынесетъ тебѣ. Однако, лучше будетъ, если тебя никто не увидитъ здѣсь. Садись на нашу лѣстницу и читай. Тамъ очень спокойно.

Въ знакъ совершеннаго согласія, Джоблингъ киваетъ головой. Предупредительный Смолвидъ выноситъ газету и бросаетъ съ лѣстницы пронацательный взглядъ на гостя, вѣроятно, для предостереженія, чтобы гость не доскучаяся ожиданіемъ и не ушелъ бы прѣждевременно. Наконецъ непріятель отступаетъ, и Смолвидъ провожаетъ Джоблинга наверхъ.

— Здравствуй, Джоблингъ, какъ ты поживаешь? говоритъ мистеръ Гуппи, сжимая Джоблингу руку.

— Такъ себѣ. А какъ ты?

Получивъ отвѣтъ отъ мистера Гуппи, что ему не чѣмъ похвастаться, мистеръ Джоблингъ предлагаетъ дальнѣйшій вопросъ:

— А что она?

Мистеръ Гуппи считаетъ этотъ вопросъ за неподозволительную дерзость и вслѣдствіе того замѣчаетъ:

— Джоблингъ, есть струны въ человѣческомъ серацѣ....

Джоблингъ проситъ прощенія.

— Спрашивай меня о чемъ тебѣ угодно, только не объ этомъ! говоритъ мистеръ Гуппи, съ мрачнымъ выраженіемъ своего неудовольствія. — Есть струны, Джоблингъ....

Мистеръ Джоблингъ вторично проситъ прощенія.

Въ теченіе этого краткаго разговора, дѣятельный Смолвидъ, который также принадлежалъ къ обѣденной партіи, написалъ на лоскутъ бумаги, чоткшимъ почеркомъ: *Сейчасъ будемъ дома!* Это объявленіе для всѣхъ, до кого будетъ касаться, онъ выставляетъ на крыльцѣ надъ письменнымъ ящичкомъ и потомъ, надѣвъ свою высокую шляпу, подъ тѣмъ же угломъ наклоненія, подъ которымъ надѣта шляпа мистера Гуппи, докладываетъ своему патрону, что теперь имъ можно отправиться.

И они отправляются въ ближайшую гостинницу, извѣстную для ея посѣтителей подъ именемъ «Слапъ-Гангъ», гдѣ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, служанка, большая трещотка, лѣтъ подъ сорокъ, произвела довольно сильное впечатлѣніе на воспримчивое сердце молодого Смолвида, который, мимоходомъ сказать, не знаетъ постоянства въ любви и никакого вниманія не обращаетъ на лѣта. Мистеръ Смолвидъ съ какимъ-то страннымъ упорствомъ хочетъ доказать, что онъ, несмотря на свои ювошескіе годы, обладалъ уже столѣтіями совинной премудрости. Если онъ когда нибудь лежалъ въ колыбели, то лежалъ отнюдь не въ пеленкахъ, но во фракѣ. Смолвидъ имѣетъ старый, очень старый видъ; онъ пьетъ и куритъ, какъ самая старая обезьяна; его шея не гнется; его ни въ чемъ не подловишь; онъ знаетъ все, что вамъ угодно. Короче сказать, воспитанный юриспруденціей, онъ сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ ископаемаго чертѣнка; но чтобъ объяснить его земное существованіе распустили, гдѣ слѣдуетъ, слухи такого рода, что отецъ его былъ Джонъ До, а его мать единственный потомокъ въ женскомъ колѣнѣ изъ фамиліи Ро, и что первыя пеленки его сшиты были изъ синихъ адвокатскихъ мѣшковъ.

Итакъ, мистеръ Смолвидъ, въ главѣ своихъ товарищей, входитъ въ гостинницу, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на обольстительную выставку въ окнѣ, состоящую изъ выѣмленной искусственнымъ образомъ цвѣтной капусты, изъ красивенькихъ корзинъ съ зеленымъ горохомъ, изъ свѣжихъ, только что съ грядки, огурцовъ, изъ кусковъ сочной говядины, сію минуту готовыхъ на вертѣлѣ. Его всѣ знаютъ здѣсь и оказываютъ ему достоюлжное вниманіе. Здѣсь есть у него любимая перегородка; онъ требуетъ себѣ газеты и весьма цеделикатно напздаетъ на почтеннаго лысаго старца, который продержалъ ихъ долже десяти минутъ. Избави Богъ подать ему неполновѣсный хлѣбъ, или не зажаренный какъ слѣдуетъ кусокъ говядины. Касательно бульона — онъ настоящій алмазъ.

Сознавая его могущество и покоряясь его безпредѣльной опытности, мистеръ Гуппи совѣтуется съ нимъ о выборѣ блюдъ на

предстоящій банкетъ. Бросивъ на него умильный взглядъ , когда служанка кончила рѣестръ готовыхъ блюдъ , онъ спрашиваетъ :

— Какъ ты думаешь , Чикъ , чего намъ взять ?

Чикъ , изъ глубокаго убѣжденія въ свое искусство , предпочитаетъ лучше всего : телятину и ветчину съ французскими бобами .

— Да не забудь , Полли , соусу , прибавляетъ Чикъ , заключая слова свои убійственнымъ взглядомъ .

Мистеръ Гуппи и мистеръ Джоблингъ отдають такое же приказаніе и прибавляютъ къ нему три стакана грогу . Служанка живо возвращается , неся на рукахъ , по видимому , модель вавилонской башни , но на самомъ-то дѣлѣ , грудю тарелокъ и плоскихъ жестяныхъ покрывшекъ . Мистеръ Смолвидъ , одобряя все , что передъ нимъ поставлено , сообщаетъ своему древнему взгляду ласковое выраженіе и , вмѣстѣ съ тѣмъ , подмигиваетъ служанкѣ . Послѣ этого , среди постояннаго прибытія и отбытія гостей , среди бѣготни служанокъ и стукотни фаянсовыхъ тарелокъ , среди подъема и спуска машины , доставляющей изъ кухни различныя яства , среди громкихъ приказаній внизъ на кухню о присылкѣ новыхъ блюдъ , среди звона монетъ , отсчитываемыхъ за уничтоженныя блюда , среди румяности и пара , окружающихъ жареное мясо въ разрѣзанномъ и неразрѣзанномъ видѣ , среди значительно разгоряченной атмосферы , въ которой запачканныя ножи и скатерти , по видимому , самопроизвольно превращаются въ безконечное накопленіе жиру и пивныхъ пятенъ , среди всего этого — присяжный триумвиратъ приступаетъ къ удовлетворенію вопіющаго аппетита .

Мистеръ Джоблингъ застегнуть на пуговицы плетиве , чѣмъ требуетъ того обыкновенное украшеніе своей особы . Поля его шляпы представляютъ глиняную поверхность , какъ будто они служили мѣстамъ любимымъ мѣстомъ для прогулки . Этотъ же самый феноменъ проявляется на нѣкоторыхъ частяхъ его сюртука , особливо по швамъ . Вообще онъ имѣетъ полинялую , изношенную наружность джентльмена въ затруднительныхъ обстоятельствахъ ; даже его бѣлокурые бакенбарды не ластятся къ его щекамъ , но повисли , вклекочены и довольно безобразны .

Его аппетитъ до такой степени силенъ , что невольнымъ образомъ заставляетъ думать , что владѣтель его за нѣсколько минутъ передъ этимъ вырвался изъ объятій голодной смерти . Онъ такъ проворно дѣйствуетъ надъ блюдомъ телятины съ французскими бобами и начисто опоражниваетъ его , когда его товарищи едва-едва добрались до половины , что мистеръ Гуппи предлагаетъ ему сдѣлать репетицію .

— Спасибо, Гуппи, говоритъ мистеръ Джоблингъ: — впрочемъ... почему же... я не знаю, почему бы мнѣ и въ самомъ дѣлѣ не сдѣлать повторенія.

Подаю другое блюдо, и мистеръ Джоблингъ нападаетъ на него съ прежнимъ аппетитомъ.

Мистеръ Гуппи мало наблюдаетъ за нимъ до тѣхъ поръ, пока мистеръ Джоблингъ, достигнувъ половины втораго блюда и сдѣлавъ нѣсколько глотковъ изъ стакана, протягиваетъ ноги подъ столомъ и потираетъ ладони.

— Тони, говоритъ мистеръ Гуппи, замѣчая этотъ неподдѣльный восторгъ: — ты снова можешь назвать себя человекомъ!

— Не совсѣмъ еще, говоритъ мистеръ Джоблингъ. — Пожалуй, если хочешь, новорожденнымъ человекомъ!

— Не хочешь ли еще какойнибудь зелени? Салату? горошку? капуста?

— Спасибо, Гуппи, говоритъ мистеръ Джоблингъ. — И въ самомъ дѣлѣ, равнѣ попробовать капусту?

Приказаніе отдано, съ сарматическимъ присовокупленіемъ со стороны мистера Смольида: «Только пожалуйста, Полли, безъ бунашекъ!» И капуста подана.

— Знаешь ли, Гуппи, я начинаю подростать! говоритъ мистеръ Джоблингъ, трясъ съ самодовольнымъ видомъ вилкой и ножомъ.

— Я радъ это слышать.

— Въ самомъ дѣлѣ; мнѣ какъ будто сейчасъ только пошелъ второй десятокъ, говоритъ мистеръ Джоблингъ.

Послѣ этого онъ не говоритъ ни слова до окончанія своей усиленной работы, которое, впрочемъ, аккуратно совпадаетъ съ окончаніемъ работы мистера Гуппи и Смольида. Такимъ образомъ, одержавъ рѣшительную побѣду надъ бобами и телятиной, онъ беретъ верхъ надъ этими двумя джентльменами.

— Ну, Смоль, говоритъ мистеръ Гуппи: — а что ты посоветуешь насчетъ пирожного?

— Мозговые пудинги, отвѣчаетъ мистеръ Смольидъ, нисколько не задумываясь.

— Славно, чудесно! восклицаетъ мистеръ Джоблингъ, съ лукавымъ взглядомъ. — Вотъ кстати, такъ кстати! Спасибо тебѣ Гуппи! И въ самомъ дѣлѣ, почему бы не попробовать мозгового пудинга?

Пудинги поданы, и мистеръ Джоблингъ съ совершеннымъ удовольствіемъ прибавляетъ, что онъ быстро приближается къ третьему десятку. За пудингами, по приказанію мистера Смольида, являются «три порціи честерскаго сыру», а затѣмъ «три рюмки ли-

перъ». При этомъ нынѣшнѣмъ заключеніи всего банкета, мистеръ Джоблингъ протаскиваетъ ноги на диванъ, обтиснутый ковромъ, и говоритъ :

— Я совершенно вырешь теперь, Гуппи. Я достигъ совершенно зрѣлыхъ лѣтъ.

— И прекрасно. А что думаешь теперь насчетъ того.... говоритъ мистеръ Гуппи : — надѣюсь, ты не стѣсняешься присутствіемъ Смолвида ?

— Ни на волосъ. Я съ удовольствіемъ готовъ выпить за его здоровье.

— Ваше здоровье, сэръ ! отвѣчаетъ мистеръ Смолвидъ.

— Я спрашиваю тебя, что ты думаешь насчетъ *яго*?... повторяетъ мистеръ Гуппи : — насчетъ подтупленія въ солдаты ?

— До обѣда, Гуппи, я думалъ ояно, отвѣчаетъ мистеръ Джоблингъ : — а послѣ обѣда другое. Но даже и послѣ обѣда я все-таки предлагаю себѣ одинъ и тотъ же вопросъ : «что я стану дѣлать? чѣмъ я стану жить?»

— Еслибъ кто нибудь осмѣлился сказать мнѣ даже въ ту пору, когда мы ѣздили съ тобой баклуши бить въ Линкольншайръ и осматривать барскіе хоромы въ Кастль-Воудъ.....

Мистеръ Смолвидъ поправляетъ его.

— Вы хотите сказать въ Чесни-Воудъ....

— Да, да; въ Чесни-Воудъ. Благодарю васъ, благородный другъ, за это поправленіе. Еслибъ кто нибудь осмѣлился сказать мнѣ, что я въ настоящее время затвердѣю такимъ образомъ, я бы рѣшительно пустилъ въ него... и при этомъ мистеръ Джоблингъ, въ подтвержденіе словъ своихъ, беретъ въ руки стаканъ съ холоднымъ грогомъ : — я бы пустилъ ему въ голову воть этимъ !

— Какъ хочешь Тонни, а мнѣ кажется, что ты и тогда находишься въ весьма незавидномъ положеніи, говоритъ мистеръ Гуппи довольно серьезно. — Ты только объ этомъ и толковалъ мнѣ тогда.

— Не спорю Гуппи, не спорю. Дѣйствительно мое положеніе было незавидное. Въ этомъ отношеніи я держусь золотого правила: все идетъ своимъ чередомъ и все творится къ лучшему. На этомъ правилѣ я основывалъ всѣ мои надежды. Перемелется — мука будетъ, говоритъ мистеръ Джоблингъ съ какою-то неопредѣлительностію въ выраженіи лица и въ значеніи словъ своихъ. — Но я обманулся въ ожиданіяхъ. Они никогда не выполнялись. Мнѣ надѣлалъ этотъ шумъ кредиторовъ, эти безпрестанныя жалобы изъ за самой ничтожной суммы денегъ, и я поневолѣ долженъ былъ оставить мѣсто. Поступилъ я куда нибудь въ другое мѣсто, опять началась бы таже самая исторія, и чего добраго, пожалуй еще посадить въ

мѣшокъ. Скажи же на милость, что́ станеть дѣлать человекѣ въ подобныхъ обстоятельствахъ? И удались отсюда, живи дешево, проводи время въ Торговыхъ Садахъ; но какаѣ польза изъ того, если въ карманѣ у тебя нѣтъ пени? Это все равно, что жить до-рого.

— Последнее, по моему, еще лучше, замѣчаетъ мистеръ Смолвидъ.

— Разумѣется. Это въ модномъ вкусѣ; а мода и бакенбарды были моею исключительною слабостію, чортъ возьми, самую величайшею! Итакъ, продолжаетъ мистеръ Джоблингъ, прибѣгнувъ для большаго одушевленія къ стакану грога: — итакъ, скажите, что́ долженъ дѣлать человекѣ въ подобныхъ обстоятельствахъ? Больше ничего, какъ идти въ солдаты!

Мистеръ Гуппи вступаетъ въ болѣе серьезный разговоръ и хочетъ доказать, что́, по его мнѣнію, долженъ дѣлать человекѣ въ трудныхъ обстоятельствахъ. Его манера и слова прямо обнаруживаютъ въ немъ человекѣ, который не падалъ еще въ жизни, хотя и сдѣлался жертвою вѣжной страсти по милости своего влюбиваго сердца.

— Джоблингъ, говоритъ мистеръ Гуппи: — я и общій нашъ другъ, Смолвидъ....

(Мистеръ Смолвидъ скромно произноситъ: «Ваше здоровье, джентльмены!» и пьетъ.)

— Мы не разъ говорили объ этомъ предметѣ, съ тѣхъ поръ....

— Съ тѣхъ поръ, какъ я попалъ въ мѣшокъ! прерываетъ мистеръ Джоблингъ, съ горькой улыбкой. — Ты вѣдь это хочешь сказать, не правда ли?

— Нѣ-ѣ-ѣтъ! Съ тѣхъ поръ, какъ вы оставили контору, весьма деликатно замѣчаетъ мистеръ Смолвидъ.

— Съ тѣхъ поръ, какъ ты оставилъ контору, говоритъ мистеръ Гуппи: — и я не разъ сообщалъ нашему общему другу, Смолвиду, планъ, который мнѣ бы очень хотѣлось привести въ исполненіе. Ты знаешь комиссіонера Снагзби?

— Я знаю, что гдѣ-то существуетъ такой комиссіонеръ, возражаетъ мистеръ Джоблингъ. — Онъ не былъ изъ нашихъ, и потому я не знакомъ съ нимъ.

— Ну такъ я тебѣ скажу, Джоблингъ, что онъ изъ нашихъ: — и что я знакомъ съ нимъ, замѣчаетъ мистеръ Гуппи положительнымъ тономъ. — Такъ дѣло вотъ въ чемъ! Недавно я съ нимъ познакомился короче, по однимъ случайнымъ обстоятельствамъ, и получалъ доступъ въ кругъ его домашней жизни. Я не считаю за нужное объяснять тебѣ эти обстоятельства. Они могутъ, а можетъ

быть и нѣтъ, имѣть нѣкоторую связь къ предметамъ, который можетъ быть набросилъ, а можетъ быть еще и не набросилъ, тѣнь на мое существованіе.

Такъ какъ мистеръ Гуппи имѣлъ довольно странное обыкновеніе — съ притворнымъ и обдуманнымъ уныніемъ завлекать истинныхъ друзей своихъ этимъ таинственнымъ предметомъ, и какъ только они сами коснутся его, гнѣвно нападать на нихъ и напоминать о струнахъ человѣческаго сердца, поэтому мистеръ Джоблингъ и мистеръ Смолвидъ, соблюдая безмолвіе, избѣгаютъ ловушки.

— Все это можетъ случиться, повторяетъ мистеръ Гуппи: — или не можетъ. Это не касается до настоящаго дѣла. Довольно сказать, что какъ мистеръ такъ и мистриссъ Свагзби охотно готовы сдѣлать мнѣ одолженіе, и что Свагзби, въ дѣловую пору, даетъ на сторону много переписки. Въ его рукахъ вся переписка Толкинхорва, и кромѣ того принимаетъ множество другихъ заказовъ. Я увѣренъ, что общій нашъ другъ Смолвидъ подтвердилъ бы слова мои, еслибъ былъ знакомъ съ этимъ обстоятельствомъ.

Мистеръ Смолвидъ киваетъ головой и, по видимому, готовъ подтвердить это клятвой.

— Итакъ, джентльмены юристы, говоритъ мистеръ Гуппи: — то есть я хочу сказать, итакъ, Джоблингъ, ты можешь сказать, что это слишкомъ скудный источникъ къ существованію. Согласенъ. Но согласись и ты, что это лучше, чѣмъ ничего. Тебѣ нужно время, чтобъ забыть прошедшія огорченія, и ты будешь имѣть его вдоволь. Тебѣ придется проводить его гораздо хуже во всякомъ другомъ положеніи, нежели въ перепискѣ для Свагзби.

Мистеръ Джоблингъ хотѣлъ было прервать слова мистера Гуппи, но проныцательный Смолвидъ предупредилъ его сухимъ кашлемъ и словами: «Гм! настоящій Шекспиръ!»

— Этотъ предметъ раздѣляется, Джоблингъ, на двѣ части говорить мистеръ Гуппи. — Я сообщилъ тебѣ первую часть; теперь приступимъ ко второй. Ты знаешь Крука, Канцлера, который живетъ сейчасъ черезъ улицу? Ну, какже, Джоблингъ, продолжаетъ мистеръ Гуппи, употребляя допросный и вмѣстѣ съ тѣмъ ободряющій тонъ: — я думаю, ты знаешь Крука, Канцлера, который живетъ недалеко отсюда?

— Да, я знаю его на видъ, отвѣчаетъ мистеръ Джоблингъ.

— Ты знаешь его на видъ. Прекрасно. А знаешь ли ты старушку Фляйтъ?

— Какъ не знать, всѣ ее знаютъ, говоритъ мистеръ Джоблингъ.

— Ее всё знают. Прекрасно. Надобно тебѣ сказать, что въ последнее время на мнѣ лежала обязанность выдавать Флайтъ еженедѣльно небольшую сумму денегъ, удерживая изъ вся нѣсколько шиллинговъ за квартиру. Удерживая деньги, вслѣдствіе давнихъ мнѣ наставленій, я ушачивалъ самому Круку въ присутствіи Флайтъ. Это обстоятельство сблизило меня съ Крукомъ и дало мнѣ возможность узнать его домъ и его привычки. Я знаю, что у него есть комната, которую онъ отдаетъ въ наемъ. Ты можешь нанять ее за самую пустую плату, жить въ ней подъ какими угодно именемъ, и такъ спокойно; какъ будто ты находишься отсюда за сотня миль. Онъ не будетъ спрашивать тебя, кто ты такой; по одному слову моему онъ приметъ тебя на квартиру, и если хочешь, такъ будешь принимать сію минуту. Да вотъ что еще скажу тебѣ, Джоблингъ, говоритъ мистеръ Гуппи, внезапно понизивъ свой голосъ и снова принявъ пріятельскій тонъ: — этотъ Крукъ чрезвычайно странный старикашка: вѣчно роется въ грудѣ какихъ-то бумагъ и добывается того, чтобъ научиться читать и писать, ни на волосъ, какъ кажется, не подвигаясь впередъ въ этомъ занятіи. Чрезвычайно странный старикашка! Не знаю право, не вѣшало бы.... знаешь того.... не много присмотрѣть за нимъ.

— Не думаешь ли ты?... говоритъ мистеръ Джоблингъ.

— Я думаю, прерываетъ мистеръ Гуппи, съ приличной скромностію подернувъ плечами: — то есть я хочу сказать, что я не могу разгадать этого человѣка. Обращаюсь къ общему нашему другу, Смолвиду, замѣчалъ ли я ему или нѣтъ, что я не могу разгадать этого человѣка?

Мистеръ Смолвидъ подтверждаетъ справедливость этого замѣчанія.

— Я видѣлъ на своемъ вѣку многое, Тони, и какое нибудь да могу сдѣлать заключеніе о человѣкѣ, говоритъ Гуппи, съ самоуверенностію. — Но это такой старый хрычъ, до такой степени скрытенъ, до такой степени хитеръ и такъ мало говоритъ, что я рѣшительно не могу постичь его. А согласись, что онъ долженъ быть очень интересный старикъ, если принять въ расчетъ, что онъ одинокій и, какъ носятя слухи, владѣетъ несмѣтнымъ богатствомъ. Кто онъ такой: контрабандистъ ли, ростовщикъ ли, не принимаетъ ли онъ краденыхъ вещей, объ этомъ я часто думалъ, и объ этомъ ты можешь разузнать, какъ нельзя легче, живя съ нимъ въ одномъ домѣ. Право не знаю, почему бы тебѣ не принять этого предложенія, когда все благопріятствуетъ къ тому.

Мистеръ Джоблингъ, мистеръ Гуппи и мистеръ Смолвидъ владутъ локти на столъ, упираютъ подбородки въ руки и устремляютъ

изоры въ потолокъ. Спусти нѣсколько времени, всѣ они пьютъ, плавно откидываются назадъ, засовываютъ руки въ карманы и смотрятъ другъ на друга.

— Есаясь я имѣлъ энергію, которая нѣкогда была во мнѣ, Томи, говоритъ мистеръ Гуппи съ тяжелымъ вздохомъ. — Но есть струны человѣческаго сердца....

Выразивъ остатокъ этой печальной сентенціи длиннымъ гостюмъ грогу, мистеръ Гуппи еще разъ совѣтуетъ Томи Джоблингу согласиться на это предложеніе и говорить ему, что въ теченіе ваканцій и пока дѣла его не округлятся онъ можетъ брать изъ кошелька его и тратить на что ему угодно три, четыре и даже пять фунтовъ стерлинговъ.

— Я не хочу, прибавляетъ мистеръ Гуппи, съ особеннымъ удареніемъ: — я не хочу, чтобы кто нибудь сказалъ, что Вильямъ Гуппи повернулъ спину къ своему нуждающемуся другу.

Послѣдняя часть предложенія такъ прямо идетъ въ дѣлу, что мистеръ Джоблингъ говоритъ съ душевнымъ волненіемъ:

— Гуппи, другъ мой, дай руку!

Мистеръ Гуппи протягиваетъ руку и говоритъ:

— Джоблингъ, другъ мой, вотъ она!

Мистеръ Джоблингъ возражаетъ:

— Гуппи, мы были друзьями, Богъ знаетъ, съ какихъ поръ!

Мистеръ Гуппи отвѣчаетъ:

— Да, Джоблингъ, мы съ тобой давнишніе друзья.

И они крѣпкожимаютъ руки другъ другу. Разстроганный Джоблингъ прибавляетъ:

— Спасибо, Гуппи, спасибо; не знаю, право, почему бы мнѣ, въ честь нашего стараго знакомства, не выпить еще стаканчикъ.

— Послѣдній жилецъ Крука умеръ тамъ, замѣчаетъ мистеръ Гуппи какъ-то случайно.

— Въ самомъ дѣлѣ! говоритъ мистеръ Джоблингъ.

— Тамъ было слѣдствіе. Скоропостижная смерть. Но тебѣ вѣдь это все равно?

— Конечно, все равно, говоритъ мистеръ Джоблингъ: — впрочемъ, было бы лучше, есаясь онъ умеръ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Чертовски странно, однако, что ему понадобилось умереть въ *моей* квартирѣ.

Эта вольность со стороны покойнаго нисколько не нравится мистеру Джоблингу, онъ нѣсколько разъ обращается къ ней съ слѣдующими замѣчаніями:

— Миѣ кажется , и безъ того есть много мѣстъ , гдѣ бы онъ могъ умереть!... Вѣроятно и ему бы не повалилось , еслибъ я вздумалъ умереть на его мѣстѣ!

Какъ бы то ни было , условіе между друзьями заключено надлежащимъ образомъ . Мистеръ Гуппи предлагаетъ командировать раторопливаго Смолвида для узнанія : дома ли мистеръ Крукъ , и если дома , то покончить дѣло безъ дальнѣйшаго отлагательства . Мистеръ Джоблингъ одобряетъ это предложеніе . Смолвидъ прячется подъ свою высокую шляпу , выноситъ ее изъ гостинницы по образцу мистера Гуппи и вскорѣ возвращается съ извѣстіемъ , что мистеръ Крукъ дома , что онъ , какъ видно было въ двери , сидитъ въ заднемъ концѣ лавки и спитъ какъ мертвый .

— Ну , такъ я расплачусь , говорить мистеръ Гуппи : — и мы пойдемъ къ нему . Смоль , сколько съ насъ слѣдуетъ ?

Мистеръ Смолвидъ однимъ поднятіемъ бровей требуетъ къ себѣ служанку и отвѣчаетъ :

— Четыре порціи телятины и ветчины — три шиллинга , четыре порціи картофелю — три шиллинга и четыре пенса , одна порція цвѣтной капусты — три и шесть , три пуддинга съ мозгами — четыре и шесть , три порціи честерскаго сыру — пять и три , шесть хлѣбовъ — пять , четыре кружки портеру — шесть и три , четыре рюмки рому — восемь и три , да три пенса Полли , будетъ восемь и шесть . Восемь шиллинговъ и шесть пенсовъ составляютъ полъ-соверена , возьми Полли и принеси сдачи восемнадцать пенсовъ .

Не истощивъ силъ своихъ такимъ громаднымъ вычисленіемъ , Смолвидъ отпускаетъ друзей съ холоднымъ поклономъ и остается въ гостинницѣ полюбезничать съ Полли , если представится къ тому удобный случай , и почитать газетныя новости . Газетныя листы такъ велики сравнительно съ нимъ , конечно , когда онъ безъ шляпы , что когда онъ беретъ въ руки газету «Times» и перебѣгаетъ глазами столбцы , то кажется , какъ будто онъ лежитъ въ постели и спрятался подъ одеяло .

Между тѣмъ мистеръ Гуппи и мистеръ Джоблингъ отправляются въ магазинъ всякаго хлама и застаютъ тамъ Крука все еще спящимъ какъ мертвый , то есть совершенно безчувственнымъ къ окружающимъ его звукамъ и даже къ легкимъ толчкамъ . На столѣ подлѣ него , между обычнымъ хламомъ , стоитъ опорожненная бутылка джину и стаканъ . Тяжелая атмосфера лавки до того пропитана запахомъ этого наитка , что даже зеленые глаза кошки , сидящей на полкѣ , открывалась и закрывалась и бросая искры на посѣтителей , кажутся пьяными .

— Эй! вставайте! восклицает мистеръ Гуппи. — Мистеръ Крукъ! вставайте, сэръ!

Но, кажется, легче было бы разбудить связку стараго платья, пропитаннаго виннымъ запахомъ.

— Случалось ли тебѣ видѣть такое безчувственное состояніе между опьяненіемъ и сномъ? говоритъ мистеръ Гуппи.

— Если это случается съ нимъ часто, замѣчаетъ Джоблингъ, нѣсколько встревоженный: — то, мнѣ кажется, что въ скоромъ времени онъ заснетъ вѣчнымъ сномъ.

— Это скорѣе похоже на обморокъ, чѣмъ на сонъ, говоритъ мистеръ Гуппи, снова толкая полумертваго Крука. — Эй, вставайте, милордъ! Право, его можно пятьдесятъ разъ обокрасть! Откройте глаза!

Послѣ усиленныхъ толчковъ Крукъ открываетъ глаза, но онъ не видитъ посѣтителя, не видитъ ничего. Хотя онъ и расправляетъ свои ноги, складываетъ руки на грудь и нѣсколько разъ сряду открываетъ и закрываетъ свои обсохшія губы, но, по видимому, по прежнему остается безчувственнымъ ко всему, что окружаетъ его.

— Во всякомъ случаѣ, онъ живъ, говоритъ мистеръ Гуппи. — Какъ ваше здоровье, милордъ-канцлеръ? Я привелъ къ вамъ моего пріятеля, сэръ. У насъ есть маленькое дѣльцо!

Старикъ продолжаетъ сидѣть и облизывать свои сухія губы безъ всякаго сознанія. Спустя нѣсколько времени, онъ силится привстать. Гуппи и Джоблингъ помогаютъ ему. Крукъ прислоняется къ стѣнѣ и смотритъ на нихъ, выпуча глаза.

— Какъ ваше здоровье, мистеръ Крукъ? говоритъ мистеръ Гуппи съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. — Какъ ваше здоровье, сэръ? Надѣюсь, что вы въ добромъ здоровьѣ?

Старикъ, нацѣливъ бесполезный ударъ въ мистера Гуппи, а можетъ быть и самъ не зная въ кого или во что, поворачивается отъ размаху и упирается лицомъ въ стѣну. Въ этомъ положеніи онъ остается нѣсколько минутъ и потомъ, шатаясь изъ стороны въ сторону, бредетъ къ выходу изъ лавки. Свѣжій воздухъ, движеніе по двору, время или соединеніе всѣхъ этихъ силъ приводятъ его въ чувство. Онъ возвращается въ лавку довольно твердымъ шагомъ, поправляетъ на головѣ мѣховую шапку и осматриваетъ съ головы до ногъ своихъ посѣтителей.

— Къ вашимъ услугамъ, джентльмены; я вздремнулъ. Хи, хи! меня иногда трудненько разбудить!

— Правда, правда, сэръ! замѣчаетъ мистеръ Гуппи.

— Почему правда? Развѣ вы будили меня? говоритъ подозрительно Крукъ.

— Такъ, немнѣшко, отвѣчаетъ мистеръ Гуппи.

Глаза старика останавливаются на пустой бутылкѣ; онъ беретъ ее въ руки, осматриваетъ и медленно поворачиваетъ вверхъ дномъ.

— Вотъ тебѣ разѣ! говоритъ онъ криплымъ голосомъ. — Кто-то опорожнилъ ее безъ меня!

— Увѣряю васъ, говоритъ мистеръ Гуппи: — мы нашли ее пустую. Не угодно ли я прикажу наполнить ее?

— Да, разумѣется угодно! восклицаетъ Крукъ съ величайшимъ восторгомъ. — Разумѣется угодно! Нечего и толковать объ этомъ! Далеко не нужно ходить.... тутъ рядомъ со мной.... въ гостиницѣ Солнца.... Скажите.... лорду-канцлеру, молъ, за четырнадцать пенсовъ. Ужъ тамъ знаютъ меня всѣ!

Онъ такъ быстро и съ такимъ повелительнымъ взглядомъ передаетъ пустую бутылку мистеру Гуппи, что этотъ джентльменъ, кивнувъ головой своему пріятелю, принимаетъ на себя порученіе, спѣшитъ изъ лавки и поспѣшно возвращается съ полной бутылкой. Старикъ хватаетъ ее въ руки, какъ любимую внучку, и нѣжно гладитъ ее.

— Однако, послушайте! шепчетъ онъ, прищуря глаза и хлѣбнувъ изъ бутылки: — это не канцлерскій въ четырнадцать пенсовъ. Это въ восемнадцать пенсовъ!

— Я полагаю, что это вамъ лучше нравится, говоритъ мистеръ Гуппи.

— Вы настоящий noblemanъ, сэръ, отвѣчаетъ Крукъ, и горячее дыханіе его обдастъ посѣтителей какъ иламя. — Вы настоящий владѣтельный баронъ.

Подъязыкъ такой благодпріятной минутой, мистеръ Гуппи представляетъ своего друга подъ вымышленнымъ именемъ мистера Вивля и объясняетъ цѣль дѣль посѣщенія. Крукъ, съ бутылкой подъ мышкой (надобно замѣтить, что онъ никогда не переходитъ изъ стдига предѣла опьяненія или трезвости), употребляетъ нѣсколько времени, чтобъ осмотрѣть съ ногъ до головы предлагаемаго постояльца и, по видимому, остается доволенъ дѣль.

— Угодно вамъ посмотрѣть квартиру, молодой человекъ? говоритъ онъ. — Я вамъ наперель скажу, это славная комната. Недавно ее выбѣжалъ. Недавно вымылъ ее мыломъ съ поташемъ. Хи, хи! Теперь можно пустить ее на двойную цѣну, тѣмъ болѣе, что къ вашимъ услугамъ всегда будетъ поташъ такой прекрасный собесѣдникъ, какъ я, и пугать мышей у васъ такая удивительная кошка, какъ моя миледи.

Расклевывая такимъ образомъ комнату, старики ведутъ ихъ наверхъ и, дѣйствительно, они находятъ комнату чище прежняго и кромѣ того замѣчаютъ въ ней нѣсколько старыхъ студентъ, выкопанныхъ Крукомъ изъ его шестошальныхъ запасовъ. Условія заключены безъ всякаго затрудненія, да и нельзя иначе, потому что лордъ-казначей не смѣетъ отбѣснать особу мистеру Гуппи, которому болѣе или менѣе извѣстны дѣла, производимыя Кенджемъ и Карбоемъ, извѣстна также Джорджесъ и Джорджисъ и другія, подлежащія рѣшенію Верховнаго Суда. Рѣшено было, что мистеръ Вивль на другой же день займетъ оную квартиру. Послѣ этой сдѣлки мистеръ Вивль и мистеръ Гуппи отправляются на Подворье Кука, въ усадьбу Курсеторъ, гдѣ первый лично представляется мистеру Снагаби, а главный всегo приобретаетъ въ свою пользу содѣйствіе мистрисъ Снагаби. Оттуда они спѣшатъ съ донесеніемъ о своемъ успѣхѣ къ знаменитому Смолвуду, который, въ своей высокой шляпѣ, ожидаетъ ихъ въ конторѣ, и наконецъ расстаются. При прощаньи мистеръ Гуппи объявляетъ, что къ довершенію такого праздника, онъ намѣренъ отправиться въ театръ; на есть струны въ челоуѣческомъ сердцѣ, которыя заставляютъ его смотреть на это удовольствіе, какъ на вдобную насмѣшку.

На другой день, въ глубокія сумерки, мистеръ Вивль скромно являясь въ домъ Крука, разувѣтса, не стѣсняясь своимъ багажемъ, помѣщается въ новой квартирѣ, и два глаза въ ставняхъ смотрятъ на него во время его сна съ полнымъ удивленіемъ. На слѣдующій день мистеръ Вивль, ловкій, но безтолковый молодой человекъ, занимается иголку и шитку у миссъ Флайтъ и молотокъ у юзаина и начиняетъ шить оконныя занавѣски, вколачивая гвозди для подоконъ, развѣшивая на ржавые крючки двѣ чайныя чашки, молочникъ, различную глиняную, полу-разбитую утварь, — словомъ сказать, распоряжается какъ добрый матросъ послѣ мораблекрушенія.

Но что всего болѣе цѣнитъ мистеръ Вивль (поклонная своихъ бѣнокурныхъ бакенбардовъ, въ которыхъ онъ вѣтаетъ такую привязанность, такую одинъ только бакенбарды могутъ пробудить въ душѣ челоуѣка) — это отборная коллекція гравюръ, въ истинно національномъ вкусѣ, изображающихъ богинь Албіона, или Блистательную Галлерію Британскихъ красавицъ, иначе сказать, изображающихъ дамъ изъ высшаго британскаго круга, въ полномъ блескѣ и величіи, какихъ только могло произвести искусство въ товариществѣ съ капиталомъ. Этими великолѣпными портретами, непочтительно хранившимися въ простой картонкѣ во время затворничества Джеблинга въ цвѣточныхъ садахъ, онъ украшаетъ свою ком-

нату. И такъ-какъ Галлерей Британскихъ красавицъ представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ разнообразіе пышныхъ нарядовъ, играетъ на различныхъ музыкальныхъ инструментахъ, ласкаетъ различныхъ собачекъ, любитъ очаровательными ландшафтами и окружается цвѣтами и гирляндами, то эффектъ выходитъ восхитительный.

Фешенебельный свѣтъ такая же слабость мистера Вивля, какъ и Тони Джоблинга. Занять на вечеръ изъ гостинницы Солнца вчерашній номеръ газеты и прочитатъ о блестящихъ и замѣчательныхъ метеорахъ, перерѣзающихъ яркими полосами фешенебельное небо по различнымъ направленіямъ, составляетъ для мистера Джоблинга верхъ наслажденія. Знать какой членъ какого блестящаго круга совершилъ блестящій подвигъ вчера, или замышляетъ совершить не менѣе блестящій подвигъ завтра, производить въ душѣ его трепетное ощущеніе радости. Имѣть свѣдѣнія, что намѣрена дѣлать Блестательная Галлерей Британскихъ красавицъ, какіе блестятельные браки имѣютъ совершиться, какая блестятельная молва ходитъ по городу, значить знакомиться съ славнѣйшими судьбами человечества. Мистеръ Вивль отрывается отъ газеты и устремляетъ взоръ на блестятельные портреты, и ему кажется, что онъ знаетъ оригиналы этихъ портретовъ, и что въ свою очередь они знаютъ его.

Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ онъ спокойный жилецъ, полный множества разнообразныхъ замысловъ, услужливый, способный и стирать и стирать не только для себя, но и для кого угодно, и обнаруживаетъ наклонности къ общежитію, когда вечернія тѣни ложатся на дворъ. Въ это время, если его не посѣтитъ мистеръ Гуппи или подобіе мистера Гуппи въ огромной черной шляпѣ, онъ выходитъ изъ своей мрачной комнаты, гдѣ онъ наследовалъ отъ его предшественника деревянную конторку, окропленную чернилами, бесѣдуетъ съ Крукомъ, или «весьма непринужденно», какъ говорятъ на дворѣ, вступаетъ въ разговоръ со всѣми, кто имѣетъ къ тому расположеніе. Вслѣдствіе этого, мистриссъ Пайперъ, комоновожатая всего квартала, сообщаетъ мистриссъ Перкинсъ два слѣдующія замѣчанія: первое, что если бы ея Джонни имѣлъ бакенбарды, то она желала бы, чтобъ они были точь-въ-точь такіа, какъ у этого молодого человѣка, и второе: «запомните слова мои, мистриссъ Перкинсъ, и пожалуйста не удивляйтесь, если я скажу, что этотъ молодой человѣкъ явился здѣсь собственно за тѣмъ, чтобы овладѣть деньгами стараго Крука!»

ГЛАВА XXI.

СЕМЕЙСТВО СМОЛВИДОВЪ.

Въ грязной, тѣсной, душной части города (хотя одно изъ ея возвышеній и слыветь подъ именемъ Пріятной Горки), чертенокъ Смолвидъ, названный именемъ Бартоломея и извѣстный у домашняго очага подъ именемъ Варта, проводитъ ту весьма ограниченную часть своего времени, на которую контора и ея дѣла не имѣютъ права. Онъ живетъ въ маленькой, узенькой улицѣ; постоянно одинокой, мрачной, унылой и тѣсно обнесенной съ обѣихъ сторонъ, какъ могла, кирпичными домами, но гдѣ еще до сихъ поръ растетъ старообразное дерево, которое распространяетъ вокругъ себя такой свѣжій и натуральный запахъ, какой вполнѣ согласуется съ молодостью Смолвида.

Въ семействѣ Смолвидъ въ теченіе многихъ поколѣній былъ одинъ только ребенокъ. Бывали въ немъ старикашки и старушонки, но дѣтей никогда, до тѣхъ поръ, пока бабушка Смолвида, живущая еще и нынѣ, не ослабла разумкомъ и впала (въ первый разъ въ жизни) въ ребячество. Съ такими младенческими прелестями, какъ напримѣръ: совершенный недостатокъ наблюденія, памяти, понятій и соображеній и съ вѣчнымъ расположеніемъ спать у каминна и почти въ самомъ каминѣ, бабушка мистера Смолвида, безъ всякаго сомнѣнія, служила отрадой и утѣшеніемъ всего семейства.

Дѣдушка мистера Смолвида также не лишень былъ этого премущества. Онъ совершенно потерялъ вліяніе какъ надъ верхними, такъ и нижними членами всей своей организаціи; но зато его разумокъ неизмѣнно сохранилъ свое состояніе. Онъ удерживаетъ теперь, точно такъ же, какъ и удерживалъ прежде первыя четыре правила ариметики и небольшой запасъ важнѣйшихъ отечественныхъ событій. Что касается до идеализма, восторга, восхищенія, удивленія и другихъ подобныхъ френологическихъ принадлежностей, они не сдѣлались въ немъ хуже того, чѣмъ были прежде. Все, что дѣдушка мистера Смолвида собралъ умомъ своимъ, было куколка и куколкой это оставалось навсегда. Во всю свою жизнь онъ не произвелъ ни одной бабочки.

Отецъ этого милого дѣдушки былъ что-го въ родѣ толстокожаго, двуногаго, собирающаго деньги наука; который растягивалъ

паутины для неосторожных мухъ и удалялся въ гнѣздо, пока онъ не упадутъ въ его паутины. Божество, которому поклонялся этотъ человѣкъ слыветъ и теперь подъ названіемъ «сложные проценты». Онъ жилъ для нихъ, женился на нихъ и умеръ отъ нихъ. Потерпѣвъ довольно значительную потерю въ какомъ-то маленькомъ частномъ предпріятіи, въ которомъ, по его расчету, всѣ предполагаемые убытки должны были сдѣлаться принадлежностію противной стороны, онъ сокрушилъ что-то.... что-то необходимое для его существованія — но, разумѣется, не сердце — и тѣмъ положилъ конецъ своему земному поприщу. Такъ какъ онъ не пользовался особенно хорошей репутаціей и такъ какъ онъ получилъ образованіе въ человѣколюбивой школѣ и зналъ наизусть всѣ отвѣты на вопросы о древнихъ народахъ аморитовъ и хиттитовъ, то его часто представляли на видъ, какъ образецъ человѣка, которому образованіе не послужило впрокъ.

Его душа отразилась въ его сынѣ, которому онъ постоянно твердилъ о необходимости выйти въ люди на равныхъ порахъ своего существованія и на тринадцатилѣтнемъ возрастѣ опредѣлилъ его въ контору очень тонкаго, во всѣхъ отношеніяхъ, денежнаго маклера. Подъ руководствомъ этого маклера молодой человѣкъ образовалъ свой умъ, который, мимоходомъ сказать, былъ тошаго и даже болѣзненнаго свойства; но, развивая фамиліальныя дарованія, онъ постепенно достигъ совершенства въ учетѣ векселей. Вступивъ, по примѣру своего родителя, на дѣятельное поприще жизни въ раннюю пору и женившись въ позднюю, онъ также произвелъ на свѣтъ сына и точно съ такими же тощими и болѣзненными свойствами ума. Этотъ сынъ, въ свою очередь, вступилъ въ свѣтъ рано, женился поздно и сдѣлался отцомъ близнецовъ Бартоломея и Юдиои Смолвидъ. Въ продолженіе всего времени, поглощеннаго медленнымъ развитіемъ этого фамиліальнаго древа, этой родословной Смолвидовъ, всегда рано вступающихъ въ свѣтъ и поздно въ бракъ, оно укрѣплалось въ своемъ практическомъ характерѣ, избѣгая всякихъ игръ, запрещая чтеніе сказокъ, повѣстей, романовъ, басней и вообще изгоняя всякаго рода удовольствія. Изъ этого то и проистекаетъ фактъ, что въ семействѣ Смолвидовъ не было ни одного ребенка, и что взрослые человѣчки и женщины, которые появлялись въ немъ, по наблюденіямъ нѣкоторыхъ, носили на себѣ отпечатокъ весьма близкаго сходства съ старыми обезьянами.

Въ настоящую минуту, въ мрачной маленькой комнатѣ, нѣсколькими футами ниже уровня улицы, въ угрюмой, грязной, неприятной комнатѣ, единственнымъ украшеніемъ которой служили грубыя байковые скатерти и еще грубѣе желѣзные подносы, представляющіе

въ своихъ рисункахъ довольно близкое аллегорическое изображеніе души дѣдушки Смолвида, въ этой комнатѣ въ двухъ преслахъ, обитыхъ черной волосяной матеріей и поставленныхъ по обѣимъ сторонамъ камина, престарѣлые, дряхлые мистеръ и мистриссъ Смолвидъ проводятъ счастливые часы. На очагѣ стоятъ два тагана для горшковъ и кострюль, наблюдать за которыми бабушка Смолвидъ считаетъ пріятнѣйшимъ занятіемъ. Между таганами и каминой трубой устроено что-то въ родѣ мѣдной висѣлицы, замѣнившей, впрочемъ, обыкновенный вертелъ, за которымъ она также наблюдаетъ во время его дѣйствія. Подъ кресломъ почтеннаго мастера Смолвида, охраняемымъ его тоненькими, какъ спички, ногами, находится сундукъ, въ которомъ, если вѣрить слухамъ, заключается баснословное богатство. Подлѣ него находится липшая подушка, которую постоянно полкадываютъ ему для того, чтобы бросать чтонибудь въ почтенную спутницу своихъ преклонныхъ лѣтъ, лишь только она промолвитъ слово насчетъ денегъ, одинъ намекъ на который дѣлаетъ дѣдушку какъ-то особенно чувствительнымъ.

— А гдѣ же Бартъ? спрашиваетъ дѣдушка Смолвидъ у Юдионъ, сестры Бартоломея.

— Онъ еще не приходилъ, отвѣчаетъ Юдионъ.

— Да вѣдь пора ужъ, кажется, и чай пить?

— Нѣтъ, не пора.

— А сколько же по твоему остается до этой поры?

— Десять минутъ.

— Э! сколько?

— Десять минутъ! повторяетъ Юдионъ, повисивъ голову.

— Гм! произноситъ дѣдушка Смолвидъ. — Десять минутъ.

Бабушка Смолвидъ, которая чавкала все время, поглядывая на таганы, услышавъ слово *десять*, воображаетъ, что рѣчь идетъ о деньгахъ, и вслѣдствіе того вскрикиваетъ какъ страшный, обди-панный старый попугай:

— Десять десяти-фунтовыхъ ассигнацій!

Дѣдушка Смолвидъ, нисколько не медля, бросаетъ въ нее подушкой.

— Вотъ тебѣ, старая! молчи! говоритъ дѣдушка.

Подушка оказываетъ двойное дѣйствіе. Она не только что даетъ толчекъ головѣ мистриссъ Смолвидъ о спинку креселъ и приводитъ чепчикъ ея въ самый безобразный видъ; но производитъ реакцію и на самого мистера Смолвида, котораго отбрасываетъ назадъ какъ разбитую куклу. Въ эти минуты превосходный джентльменъ бываетъ похожъ на мѣшокъ стараго платья, съ чернымъ ко-лакомъ на его верхушкѣ; всѣ признаки его жизни теряются въ

всѣмъ до тѣхъ поръ, пока его внучка не одѣлаетъ надъ нимъ двумя операціями: именно, пока не выколотитъ его какъ большую бутылку и пока не выколотитъ и не обомнетъ его какъ большую подушку. Послѣ этихъ средствъ онъ опять становится нѣсколько похожимъ на человѣка, и снова сидитъ въ креслѣ претивъ снѣтницы своихъ полубавинихъ дней, и смотрятъ они другъ на друга какъ два часовые, давно забытые на ихъ мѣстахъ Чернымъ Сержантомъ — Смертью. Въ комнатѣ присутствуетъ Юдионъ, достойная собесѣдница этого общества. Такъ несомнѣнно, что она сестра мистера Смолвита младшаго, что если бы обоихъ ихъ поставить рядомъ, то изъ средняго между ихъ наружными качествами едва ли бы можно было слѣлать какое нибудь заключеніе о молодости. Она такъ счастливо представляетъ въ себѣ фамильное сходство съ породой обезьянь, что если бы одѣтъ ее въ мишурное платье и шапочку, то она смѣло могла бы обойти весь материкъ и плясать на крышкѣ шарманки, не обративъ на себя вниманія, какъ на что нибудь особенное. Впрочемъ, при настоящихъ обстоятельствахъ, она одѣта въ простое старое платье кофейнаго цвѣта.

Юдионъ никогда не имѣла куклы, никогда не слышала сказокъ, никогда не играла ни въ какую игру. Раза два въ жизни, на десятилѣтнемъ своемъ возрастѣ, она попадала въ общество дѣтей, но Юдионъ не понравилась дѣтямъ, а дѣти не понравились ей. Казалось, что она принадлежала къ какой-то особенной породѣ животныхъ, и потому обѣ стороны инстинктивно отталкивались одна отъ другой. Весьма сомнительно, умѣетъ ли Юдионъ смѣяться. Она такъ рѣдко видѣла смѣхъ, что довѣрность остается на сторонѣ противнаго мнѣнія. О чемъ нибудь въ родѣ невиннаго смѣха, она, безъ сомнѣнія, не имѣетъ ни малѣйшаго понятія. Если бы она и вздумала посмѣяться, то не знала бы что ей дѣлать съ своими губами. Стараясь доставить лицу своему улыбающееся выраженіе, она непременно бы стала подражать, какъ она подражаетъ во всѣхъ другихъ выраженіяхъ, своему престарѣлому дѣдушкѣ. Вотъ портретъ Юдионъ.

Точно также и братецъ ея не сумѣлъ бы спустить волчка ни за, что въ мірѣ. Онъ столько же знаетъ о Джакѣ-Гигантѣ и Морякѣ Синбадѣ, сколько онъ знаетъ о жителяхъ звѣздъ. Онъ скорѣе готовъ обратиться въ лягушку и криккетъ, чѣмъ станетъ играть въ лягушечьи прыжки и въ криккетъ. Впрочемъ, онъ лучше сестрицы своей въ томъ отношеніи, что стѣпенный кругъ его дѣятельности оканчивается такимъ яркимъ свѣтомъ и привалъ такіе обширные размѣры, какіе допускала комюра мистера Гудни. Отсюда происте-

иметь восторгъ и подражаніе мистера Смолвида этому блестящему озорвателю.

Съ шумомъ и бряцаньемъ чашками, ложками и блюдечками Юдишь ставитъ на столъ желѣзный подносъ съ чайнымъ приборомъ; приводитъ въ порядокъ чайную посуду, кладетъ въ желѣзный лотокъ нѣсколько кусочковъ черстваго хлѣба и на оловянное блюдечко очень маленькій кусочекъ масла. Дѣдушка Смолвидъ внимательно смотритъ на эти приготовленія и спрашиваетъ Юдишь, гдѣ дѣвка?

— То есть гдѣ Чарли? говоритъ Юдишь.

— Э? произноситъ дѣдушка.

— Гдѣ Чарли? вы спрашиваете.

Это имя долетаетъ до слуха бабушки Смолвидъ, и она, чаркая по обыкновенію и глядя на тагацъ, восклицаетъ:

— Вода убѣжала! вода.... Чарли убѣжала.... убѣжала вода Чарли.... вода Чарли.... вода убѣжала Чарли! и продолжаетъ кричать съ возрастающей энергіей.

Дѣдушка посматриваетъ на подушку, но онъ еще недостаточно собрался съ силами послѣ бывшаго напряженія.

— Ха! говоритъ онъ, когда бабушка замолкла: — такъ вотъ какъ ее зовутъ, а я до сихъ поръ не зналъ. Она ѣстъ очень много. Ей лучше давать деньгами на пищу.

Юдишь, употребивъ при этомъ случаѣ выразительный взглядъ своего брата, отрицательно киваетъ головой и складываетъ ротъ свой, чтобъ сказать: *нѣтъ*, но не говорить.

— Ты говоришь нѣтъ? возражаетъ старикъ. — Почему же нѣтъ?

— Ей надо шесть пенсовъ на день, а мы можемъ накормить ее дешевле, говоритъ Юдишь.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Юдишь отвѣчаетъ глубоко значущимъ миваньемъ головы, намазываетъ хлѣбъ масломъ со всѣми правилами бережливости и разрѣзаетъ его на маленькіе кусочки.

— Эй, Чарли! поди сюда, куда ты дѣвалась?

Робко повинувшись требованіямъ, вливается въ комнату и присѣдаетъ небольшого роста дѣвочка, въ грубомъ передникѣ и огромной шляпѣ, съ руками, покрытыми мыломъ и водой, и съ щеткой въ одной изъ нихъ.

— Чтѣ ты работаешь теиерь? говоритъ Юдишь, бросая на нее старческій взглядъ, какъ старая сердитая вѣдьма.

— Я мою заднюю комнату наверху, миссъ; отвѣчаетъ Чарли.

— Такъ мой же у меня проворнѣе. Я терпѣть не могу вашей копоти. Пошла кончай скорѣй! восклицаетъ Юдишь, топнувъ ногой. — Знаю я васъ. Вы всѣ на одинъ покрой.... и вполнину не стоите хлопотъ, которыя дѣлаютъ для васъ.

На эту строгую хозяйку, въ то время, какъ она принимается снова намазывать хлѣбъ и разрѣзать его на тоненькіе ломтики, надастъ тѣнь отъ сѣ брата, который смотритъ съ улицы въ окно, и она, съ ножомъ и кускомъ хлѣба, бѣжитъ отпереть ему уличную дверь.

— А, Бартъ! говоритъ дѣдушка Смолвидъ. — Пришелъ и ты?

— Да, пришелъ; отвѣчаетъ Бартъ.

— Вѣрно долго засидѣлся у пріятеля, Бартъ?

Смоль киваетъ головой.

— Вѣрно обѣдалъ на его счетъ, Бартъ?

Смоль еще разъ киваетъ головой.

— Вотъ это дѣло. Живи на его счетъ сколько можно, Бартъ, и его глупый примѣръ пусть тебѣ служитъ урокомъ. Въ этомъ заключается вся польза отъ такого пріятеля. Это единственная польза, которую ты можешь извлечь изъ его дружбы, говоритъ почтенный мудрецъ.

Его внукъ, принявъ такой совѣтъ къ свѣдѣнію не съ тѣмъ почтеніемъ, съ какимъ бы слѣдовало, старается, однако же, выразить это почтеніе, прищуривъ, по обыкновенію, свои глаза и еще разъ кивнувъ головой, садится за столъ. Четыре старческія лица наклоняются надъ своими чашками съ чаемъ и молча пьютъ его, какъ четыре призрака. Мистриссъ Смолвидъ безпрестанно отрывается отъ своей чашки и чавкая поглядываетъ на таганы. Мистеръ Смолвидъ безпрестанно проситъ, чтобъ его взболтали, какъ огромную склянку съ гадкой микстурой.

— Да, да, говоритъ почтенный джентльменъ, обращаясь опять къ своему уроку мудрости: — точно такой же совѣтъ далъ бы тебѣ и твой отецъ. Ты, Бартъ, никогда не видѣлъ своего отца — тѣмъ хуже. Это былъ мой истинный сынъ.

Хотѣлъ ли онъ выставить эти похвалы въ назиданіе Барту? или сказалъ это просто изъ удовольствія, простилавшаго изъ воспоминанія о сынѣ — не извѣстно.

— Это былъ мой истинный сынъ, повторяетъ старецъ, положивъ кусокъ хлѣба съ масломъ на колѣни: — онъ былъ славный счетчикъ и умеръ вотъ уже пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

Мистриссъ Смолвидъ, слѣдуя своему обычному инстинкту, прерываетъ его.

— Пятнадцать сотенъ фунтовъ стерлинговъ. Пятнадцать сотенъ фунтовъ въ черномъ ящикѣ, пятнадцать сотенъ заперты.... пятнадцать сотенъ отложены и спрятаны!

Достойный супругъ ея, отложивъ въ сторону кусокъ хлѣба съ масломъ, немедленно бросаетъ подушку въ нее, прижимаетъ ее къ груди и, обезсиливъ, опрокидывается къ спинкѣ своего кресла. Его ярость, послѣ столь сильнаго утѣщенія въ пользу мистриссъ Смолвндъ, весьма выразительна и не лишена нѣкотораго интереса; во первыхъ, потому что при этомъ подвигѣ, черная шапочка его нависаетъ на одинъ его глазъ и придаетъ ему демонски свирѣпый видъ, во вторыхъ, потому что онъ произноситъ при этомъ страшныя ругательства противъ мистриссъ Смолвндъ, и въ третьихъ, потому что контрастъ между этими сильными выраженіями и его безсиленною фигурой, сообщаетъ идею о самомъ несчастномъ старомъ злодѣѣ, который готовъ сдѣлать много зла, если бы могъ. Все это, впрочемъ, такъ обыкновенно въ семействѣ Смолвндъ, что не производитъ никакого впечатлѣнія. Старика взбалтываютъ, взбиваютъ въ немъ червя; подушка снова кладется на ее обыкновенное мѣсто; у старушки поправляютъ чепчикъ, а иногда и не поправляютъ, выпрямляютъ ее въ креслѣ, и она, какъ кегля, готова снова опрокинуться при первомъ нападеніи своего супруга.

Проходитъ нѣсколько времени, прежде чѣмъ старикъ достаточно остываетъ, чтобъ продолжать свой разговоръ; но даже и тогда онъ примѣшиваетъ къ своему разговору назидательныя слова, относящіяся прямо къ его дражайшей половинѣ, которая ни съ кѣмъ больше не бесѣдуетъ, какъ только съ таганями.

— Еслибъ твой отецъ Бартъ, говоритъ старикъ: — прожилъ дольше, то у него была бы славная деньжонка.... ахъ, ты адская фурия!... но только что онъ началъ сооружать зданіе, для котораго основаніе приготовлялось въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ.... ахъ, ты старая вѣдьма, проклятая сорока, чортовъ попугай, чего ты смотришь на меня?... какъ заболѣлъ онъ и умеръ отъ извурительной лихорадки; онъ всегда былъ бережливый, заботливый и весьма дѣльный человекъ.... я готовъ швырнуть въ тебя кошкой, мѣсто подушки и швырну если ты ставешь корчить такую отвратительную рожу!... И мать твоя была женщина умная, хотя и сухая какъ щевка; она потухла, какъ кусочекъ трута, сейчасъ послѣ твоего и Юдиной рожденія.... Ахъ, ты старая сорока, свиная голова!

Юдиной, вовсе не интересуясь тѣмъ, что уже слышала часто, начинаетъ собирать въ полоскательную чашку, какъ въ какойнибудь

бассейнъ, различіе побочные потоки чаю; со дна чайникъ и блю-дечекъ и со дна чайника, для ужина маленькой подоньщицы. Точно также собираетъ она въ желѣзный лотокъ такое множество черствыхъ корокъ и крошекъ хлѣба, какое можетъ оставаться отъ самой строгой домашней экономіи.

— Твой отецъ, Бартъ, и я были товарищами, говоритъ старый джентльмонъ: — и когда я умру, все, что здѣсь находится, останется тебѣ съ Юдиною. Это ужъ ваше особенное счастье, что оба вы заидитесь дѣломъ въ ранніе годы своей жизни: Юдино дѣвочнымъ мистертвомъ, а ты наученіемъ законовъ. Вамъ не встрѣтятся необходимости тратить свое владѣство. Вы проживете своими трудами и будете увеличивать капиталъ. Когда я умру, Юдино опять займется цвѣтами, а ты еще прилежниѣ займешься законами.

Суди по наружности Юдины, можно подумать, что она имѣетъ склонность заниматься скорѣе терніемъ, нежели цвѣтами; но она въ свое время дѣйствительно была посвящена въ тайны приготовленія искусственныхъ цвѣтовъ. Опытный наблюдатель можетъ быть обнаружилъ бы во взорахъ брата и сестрицы въ то время, когда ихъ достопочтенный дѣдушка намекалъ о своей кончинѣ, нѣкотораго рода ветеринаріе узнать, когда именно наступитъ минута его кончины и, кромѣ того, нѣкотораго рода безчеловѣчное мѣщеніе, что ему пора уже скончаться.

— Если всѣ отишли, говоритъ Юдино, окончивая свои распоряженія: — я позову сюда дѣвчонку: пусть она здѣсь напьется чаю. Она никогда не кончитъ, если дамъ ей пить на кухнѣ.

Вслѣдствіе этого Чарльзъ входитъ въ комнату и подъ сильнымъ огнемъ батареи глазъ, садится за полоскательную чашку и за обгрызки хлѣба съ масломъ. При усиленномъ наблюденіи за маленькой служанкой, Юдино Смолвудъ, по видимому, достигаетъ геологическаго возраста, начало котораго смѣло можно отнести къ временамъ незапамятнымъ. Ея систематическая манера нападать на бѣдную Чарльзъ, бранить ее за дѣло, или безъ всякаго къ тому повода, удивительна: она обнаруживаетъ такое полное усовершенствованіе въ искусствѣ угнетать слабого, какое рѣдко приобрѣтаютъ самые взрослые опытные враггики.

— У меня, смотри, нечего таращить глаза-то свои цѣлое послѣобѣда; восклицаетъ Юдино, мотая головой и тоня ногой въ то время, какъ она замѣчаетъ, что взоръ подоньщицы преждевременно останавливается на полоскательной чашкѣ: — Ышь проворнѣй и отиравайся за работу.

— Слушаю, миссъ; отвѣчаетъ Чарльзъ.

— Не говори мнѣ «слушаю», возражаетъ миссъ Смолвидъ: — знаю я ваши *слушаю*. Дѣлай, что велать, безъ всякихъ возраженій: тогда я, можетъ быть, повѣрю тебѣ.

Въ знакъ покорности Чарли дѣлаетъ огромный глотокъ чаю и такъ быстро уничтожаетъ остатки хлѣба, что миссъ Смолвидъ съѣхнула ей не надѣвчачь, что въ «вашемъ братѣ, дѣвчонкакъ — замѣчаетъ она — весьма отвратительно.» Быть можетъ Чарли: пришло бы выслушать еще нѣсколько замѣчаній по поводу того, что отвратительно въ «ихъ братѣ, дѣвчонкакъ», еслибъ въ уличную дверь не раздался стукъ.

— Посмотри, кто тамъ; да смотри не чавкать, когда отворишь дверь! восклицаетъ Юдью.

Миссъ Смолвидъ, лишь только предметъ ея наблюдений выбѣжалъ за дверь, пользуется этимъ случаемъ, убираетъ остатки хлѣба и масла и опускаетъ двѣ три грязныя чашки въ полоскательную чашку съ ополосками, какъ будто давая этимъ знать, что потребленіе хлѣба и чаю должно считать конченнымъ.

— Ну! Кто тамъ, и что ему нужно? говорить сварливая Юдью.

Оказывается, что это нѣкто «мистеръ Джорджъ». Безъ всякихъ докладовъ и церемоній мистеръ Джорджъ входитъ въ комнату.

— Гюю! говоритъ мистеръ Джорджъ: — у васъ здѣсь тепло. Постоянно огонекъ... Э? И прекрасно! Быть можетъ, вы поступаете умно, приучивъ себя къ теплу?

Последнее замѣчаніе мистеръ Джорджъ произноситъ про себя и въ то же время киваетъ головой дѣдушкѣ Смолвиду.

— А! это вы! восклицаетъ старый джентльменъ. — Какъживаете? Здоровы ли?

— Такъ себѣ ни хорошо, ни худо, отвѣчаетъ мистеръ Джорджъ и беретъ стулъ. — Вашу внучку я уже имѣлъ удовольствіе видѣть; мое почтеніе, миссъ.

— А вотъ это мой внукъ, говоритъ дѣдушка Смолвидъ: — вы еще не видѣли его. Онъ служить въ конторѣ адвокатовъ и потому рѣдко бываетъ дома.

— Мое почтеніе, сэръ! Онъ очень похожъ на сестру. Удивительное сходство. Чертовски похожъ на сестру, говоритъ мистеръ Джорджъ, дѣлая сильное, хотя и не совсѣмъ пріятное для близнецовъ, удареніе на последнее прилагательное.

— Ну, какъ ваши дѣла идутъ, мистеръ Джорджъ? спрашиваетъ дѣдушка Смолвидъ, слегка потирая себѣ ноги.

— Ничего, идутъ себѣ по прежнему. Катятся какъ снѣжный комъ.

Это смуглый загорѣлый мужчина лѣтъ пятидесяти, хорошо сложенный и пріятной наружности, съ кудрявыми черными волосами, съ свѣтлыми глазами и съ широкой грудью. Его мускулистыя и сильные руки, такія же загорѣлыя, какъ и его лицо, привыкли, очевидно, къ довольно грубой жизни. Всего любопытнѣе въ немъ то, что онъ всегда садится на кончикъ стула какъ будто, отъ продолжительной привычки, онъ оставлялъ позади себя мѣсто для какой-то одежды или снаряда, которыхъ онъ уже давно пересталъ носить. Его походка мѣрная и тяжелая и очень шла бы къ сильному брянчанью и звону шпоръ. Теперь онъ гладко выбритъ, но сложенье его рта показываетъ, что верхняя губа его была въ теченіе многихъ лѣтъ знакома съ огромными усами; это подтверждается и тѣмъ еще, что ладонь его широкой и загорѣлой руки отъ времени до времени приглаживаетъ верхнюю губу. Вообще, всякій можетъ догадаться, что мистеръ Джорджъ былъ нѣкогда кавалеристомъ.

Между мистеромъ Джоржемъ и семействомъ Смолвидовъ поразительный контрастъ. Кавалеристу никогда еще не случалось стоять на постое, до такой степени для него несообразномъ. Это все равно, что палашъ и тоненькій ножъ для вскрытія устриць. Развитый станъ мистера Джорджа и захирѣвшія формы Смолвидовъ, его свободная размашистая манера, для которой, по видимому, не было въ комнатѣ простора, и ихъ сжатое, сплюснутое положеніе, его звучный голосъ и ихъ рѣзкіе пискливые тоны составляютъ самую сильную и самую странную противоположность. Въ то время, какъ онъ сидитъ посреди мрачной комнаты, согнувшись нѣсколько впередъ и опершись руками на колѣни, казалось, что онъ поглотилъ бы и все семейство Смолвидовъ и домъ съ четырьмя комнатами и съ маленькой кухней на придачу.

— А что, въ третью ногу вѣрно затѣмъ, чтобъ втереть въ нихъ жизнь? спрашиваетъ онъ дѣдушку Смолвида, окидывая взоромъ комнату.

— Нѣтъ, мистеръ Джорджъ: — это отчасти я дѣлаю по привычкѣ, а отчасти потому, что треніе помогаетъ циркуляціи крови, отвѣчаетъ дѣдушка.

— Цир-ку-ля-ціи кро-ви! повторяетъ мистеръ Джорджъ, сложивъ руки на грудь и, по видимому, сдѣлавшись вдвое больше. — Я думаю крови-то у васъ не слишкомъ много.

— Правда, я старъ, мистеръ Джорджъ, говоритъ дѣдушка Смолвидъ. — Впрочемъ я не жалуясь на старость. Я старше ея, говоритъ онъ, кивая на жену: — а посмотрите на что она похожа! Ахъ, ты трещетка! прибавляетъ онъ, съ внезапнымъ вдохновеніемъ своего недавняго враждебнаго расположенія духа.

— Несчастное созданіе ! говорить мистеръ Джорджъ , поворачивая свою голову въ ту сторону , гдѣ сидитъ бабушка Смолвидъ . — Не браните старушку . Посмотрите какая она жалкая : чепецъ на сторону , кресло въ безпорядкѣ . Ободритесь , сударыня . Вотъ такъ лучше . Вспомните о вашей матеря , мистеръ Смолвидъ , говорить мистеръ Джорджъ , возвращаясь на мѣсто отъ бабушки , которую поправлялъ : — если не хотите оказывать почтеніе своей женѣ .

— Я полагаю , что вы были весьма почтительнымъ сыномъ , мистеръ Джорджъ ? замѣчаетъ старикъ съ лукавой улыбкой .

— Какъ бы то ни было , продолжаетъ мистеръ Джорджъ : — чѣмъ меньше говорить объ этомъ , тѣмъ лучше Вы знаете условіе ! Изъ двухъ-мѣсячныхъ процентовъ вы должны удѣлить мнѣ трубку табаку ! (Не бойтесь ! Тутъ все вѣрно . Вотъ вамъ новый вексель , и вотъ проценты за два мѣсяца) .

Мистеръ Джорджъ садится и , скрестивъ руки , поглощаетъ взоромъ и семейство Смолвидовъ и всю комнату , между тѣмъ какъ дѣдушка Смолвидъ , съ помощію Юдионъ , обращается къ двумъ кожанымъ шкатулкамъ , вынутымъ изъ запертаго бюро ; въ одну изъ нихъ онъ прячетъ только что полученный документъ , а изъ другой достаетъ другой , точно такой же документъ и отдаетъ его мистеру Джорджу , который складываетъ его для закурки трубки . Старикъ , не выпуская еще документовъ изъ ихъ кожаной темницы , разсматриваетъ сквозь очки каждую строчку въ нихъ и каждую букву , раза три пересчитываетъ деньги , заставляетъ Юдионъ по крайней мѣрѣ дважды повторять каждое слово , которе она произноситъ , прочитывая вексель . Онъ дрожитъ какъ осиноый листъ ; и дѣло черезъ это тянется довольно долго . Наконецъ , когда кончилась по-вѣрка , онъ отрываетъ отъ стараго векселя свои хищные пальцы и взоры и отвѣчаетъ на послѣднее замѣчаніе мистера Джорджа .

— Вы говорите , я боюсь приказать подать вамъ трубку ? Извините , сэръ ; мы не такъ жадны , какъ вы думаете . Юдионъ , подай проворнѣе трубку и стаканъ холоднаго грогу мистеру Джорджу .

Милые близнецы , не взглянувшіе въ это время ни разу въ сторону , исключая только тѣхъ минутъ , когда вниманіе ихъ было поглощено черными кожаными шкатулками , удаляются вмѣстѣ въ другую комнату , весьма недовольные посѣтителемъ ; они оставляютъ его своему дѣдушкѣ , какъ молодые медвѣжата оставляютъ путешественника въ распоряженіе стараго медвѣди .

— И вы , я думаю , сидите тутъ цѣлый день ? говорить мистеръ Джорджъ , скрестивъ руки .

— Да , что дѣлать , сидимъ , сидимъ , отвѣчаетъ старикъ , кивая головой .

— И вы ни чѣмъ не занимаетесь?

— Я люблюсь огнемъ, смотрю, какъ варится что шбудь или жарится....

— Разумѣется, когда есть чему вариться или жариться, говоритъ мистеръ Джорджъ, особенно выразительно.

— Разумѣется, только тогда и смотрю.

— Вы никогда не читаете?

Старикъ мотаетъ головой съ торжествомъ, выражающимъ и радость и презрѣніе.

— Нѣтъ, не читаю. Въ нашемъ семействѣ не было чтенія. Чтеніе денегъ не даетъ. Это, по нашему, вздоръ, лѣнь, глупость. Нѣтъ, нѣтъ! мы никогда не читаемъ.

— Въ нашемъ и въ положеніи вашей жены нѣтъ никакой разницы, и нѣтъ ничего завиднаго, говоритъ посетитель голосомъ слишкомъ тихимъ для притупленнаго слуха старика, и въ то же время взоръ его перебѣгаетъ отъ старика къ старухѣ и обратно къ старику.

— Послушайте! говоритъ онъ, повысивъ голосъ.

— Я слушаю васъ.

— Я думаю, вы продадите меня, если я проорочу хотя день.

— Любезный другъ мой! восклицаетъ дядюшка Смолвудъ, протирая обѣ руки для объятій: — никогда! никогда, мой другъ! Но что касается до моего пріятели въ Сити, черезъ котораго я даю вамъ деньги въ долгъ.... за него я не ручаюсь.

— Вотъ какъ! за него вы не ручаетесь? говоритъ мистеръ Джорджъ, заключая свой вопросъ въ полголоса: — ахъ, ты подлый старый бездѣльникъ!

— Любезный мой, на него нельзя положиться. Я не вѣрю ему. На счетъ обязательствъ, ужь нечего сказать, онъ строгъ.

— Чортъ его возьми! говоритъ мистеръ Джорджъ.

Въ эту минуту въ комнату является Чарли съ подносомъ, на которомъ лежитъ трубка, небольшой сверточекъ табаку, ромъ и вода.

— Какъ ты попала сюда? говоритъ мистеръ Джорджъ. — Ты не имѣешь фамильнаго сходства.

— Я прихожу сюда работать, сэръ, отвѣчаетъ Чарли.

Кавалерствъ (если и въ самомъ дѣлѣ онъ кавалеристъ, или былъ кавалеристомъ) снимаетъ съ нея шляпку и слегка, то есть слегка для его тяжелой руки, гладитъ ее по головѣ.

— Ты придаешь всему дому пріятную улыбку. Онъ столько же нуждается въ юности, сколько и въ чистомъ воздухѣ.

Сказавъ это, онъ откусываетъ Черли, закуриваетъ трубку и пьетъ за здоровье пріятеля мистера Смолвида, за единственную весну воображенія, удѣляющую въ душѣ почтеннаго старца.

— Такъ вы думаете, что онъ не помилуетъ меня?

— Я думаю.... я не ручаюсь за него. Я даже увѣренъ, что онъ не помилуетъ. Я уже испыталъ это разъ двадцать на дѣлѣ, говорить дѣдушка Смолвидъ несовсѣмъ осторожно.

Дѣйствительно, дѣдушка Смолвидъ говоритъ это несовсѣмъ осторожно, потому что его дражайшая половина, которая дремала передъ огонькомъ, вдругъ просынается и начинаетъ бормотать

— Двадцать тысячъ фунтовъ стерлинговъ, двадцать двадцати-фунтовыхъ ассигнацій въ шкатулкѣ, двадцать гиней, двадцать милліоновъ по двадцати процентовъ, двадцать....

Но при этомъ летучая подушка прерываетъ дальнѣйшія почисленія.

Для мистера Джорджа эта замѣчательная операція кажется новинкою, онъ отнимаетъ подушку и поправляетъ старуху.

— Ахъ, ты адская фурія; ахъ, ты скорпионъ! Ахъ, ты жаба! Старая вѣдьма, которую давно надо сжечь! задыхаясь произноситъ старикъ, распростертый въ своемъ креслѣ.

— Другъ мой, потрясите меня.

Мистеръ Джорджъ, посмотрѣвъ сначала на одного, потомъ на другого такими глазами, какъ будто онъ вдругъ сдѣлался безумнымъ, беретъ своего почтеннаго знакома за грудь, выпрямляетъ его въ креслѣ такъ легко, какъ будто выпрямлялъ большую куклу и, по видимому, впадаетъ въ раздумье на счетъ того, вытрясти ли изъ него навсегда способность и силу пшвырять подушку, или нѣтъ? Удерживаясь однако отъ покушенія на жизнь, онъ ограничивается тѣмъ, что потрясаетъ его такъ сильно, что голова старика вертится какъ у арлекина, выпрямляетъ его въ креслѣ и такъ крѣпко нахлобучиваетъ на него ермолку, что старикъ минуты двѣ мигаетъ глазами.

— О, Боже мой! восклицаетъ мистеръ Смолвидъ, задыхаясь. — Теперь мнѣ хорошо, очень хорошо. Благодарю васъ, добрый другъ мой; мнѣ очень хорошо. О, Боже мой! я не могу духъ перевести!

И мистеръ Смолвидъ говоритъ это не безъ очевиднаго страха къ своему доброму другу, который продолжаетъ стоять передъ нимъ какъ чудовище, котораго размѣры сдѣлались еще огромнѣе.

Ужасающее привидѣніе удаляется наконецъ къ своему стулу, садится и окружаетъ себя облакомъ табачнаго дыму. Оно утѣшаетъ себя философскимъ размышленіемъ:

— Имя твоего пріятеля въ Сити начинается съ буквы Д; и ты правъ, что онъ не пощадитъ меня въ случаѣ просрочки.

— Вы, кажется, говорите что-то мистеръ Джорджъ? спрашиваетъ старикъ.

Кавалеристъ отрицательно качаетъ головой; онъ наклоняется впередъ, упирается въ правое колено локтемъ правой руки, въ которой держитъ трубку, воинственно подбоченивается лѣвой рукой и продолжаетъ курить. Между тѣмъ онъ весьма серьезно и внимательно посматриваетъ на мистера Смолвида и отъ времени до времени разгоняетъ рукой дымъ, чтобы яснѣе его видѣть.

— Я думаю, говоритъ онъ, измѣняя свое положеніе на столько, чтобъ прикоснуться губами къ стакану съ грогомъ: — я думаю, что я единственный человѣкъ изъ всѣхъ живыхъ, а можетъ быть и изъ мертвыхъ, который получаетъ отъ васъ трубку табаку?

— Конечно! возражаетъ старикъ: — это правда, мистеръ Джорджъ, я рѣдко принимаю гостей, и еще рѣже угощаю ихъ. Я не имѣю средствъ для этого. Но такъ какъ вы поставили въ условіе трубку табаку....

— Я поставилъ ее потому, что она ничего не стоитъ вамъ. Мнѣ только хотѣлось вытянуть ее отъ васъ, имѣть отъ васъ что нибудь за свои деньги.

— Ха! Вы очень, очень благоразумны, сэръ! восклицаетъ дѣдушка Смолвидъ, потирая себѣ ноги.

— Конечно, я всегда былъ благоразуменъ. Пфу. Ужъ одно, что я сдумалъ пробраться сюда, есть вѣрный признакъ моего благоразумія. Пфу. Что я благоразуменъ, это доказываетъ мое положеніе. Пфу. Меня всегда считали за человѣка благоразумнаго, говоритъ мистеръ Джорджъ, начиная курить спокойнѣе.—Благоразуміе открыло мнѣ блестящую дорогу въ жизни....

— Полноте, сэръ, не унывайте. Вы еще подниметесь.

Мистеръ Джорджъ смѣется и пьетъ.

— Нѣтъ ли у васъ родственниковъ, спрашиваетъ дѣдушка Смолвидъ, и глаза его засверкали: — нѣтъ ли у васъ родственниковъ, которые согласились бы очистить это маленькое обязательство, или которые отрекомендовали бы надежныхъ поручителей и тогда я могъ бы убѣдить моего пріятеля въ Сити дать вамъ еще въ долгъ? Двухъ надежныхъ поручителей для него будетъ весьма достаточно. Такъ нѣтъ ли у васъ такихъ родственниковъ, мистеръ Джорджъ?

Мистеръ Джорджъ продолжаетъ спокойно курить и отвѣчаетъ:

— Еслибъ у меня и были такіе родственники, я бы не рѣшился беспокоить ихъ. На своемъ вѣку я и то уже много беспокоилъ сво

ихъ. Быть можетъ, для другого бродяги, который всю свою лучшую пору жизни провелъ самымъ вѣзлмошнымъ образомъ, можетъ быть, для него явиться къ порядочнымъ людямъ, которымъ никогда не дѣлалъ чести своимъ поведеніемъ, значить все равно, что выказать свое разкаяніе; но я не принадлежу къ разряду такихъ бродягъ. По моему мнѣнію, ужь если рѣшился шататься по бѣлому свѣту, такъ и шатайся.

— Но врожденное чувство любви, мистеръ Джорджъ; намекаетъ дѣдушка Смолвидъ.

— Къ кому? Ужь не къ двумъ ли поручителямъ? говоритъ мистеръ Джорджъ, качая головою и продолжая спокойно курить. — Нѣтъ, я не такого рода бродяга.

Дѣдушка Смолвидъ, съ того времени, какъ мистеръ Джорджъ выпрямилъ его, постепенно съезживался и скользя въ своемъ креслѣ, обращается наконецъ въ связку стараго платья съ голосомъ внутри ея, призывающимъ Юднѣю. Эта гурія является, потрясаетъ дѣдушку надлежащимъ образомъ и получаетъ отъ него приказаніе остаться при его особѣ. По видимому, онъ боится безпокоить своего посѣтителя насчетъ повторенія его пріятельскихъ услугъ.

— Ха! замѣчаетъ онъ, выправленный по прежнему. — Еслибъ вы, мистеръ Джорджъ, могли выслѣдить капитана, тогда бы ваши дѣла поправились. Еслибъ тогда, когда вы въ первый разъ пришли сюда, вслѣдствіе нашихъ объявленій въ газетахъ... я говорю *нашихъ*, но этимъ я намекаю на объявленіе моего пріятеля въ Сити и еще другихъ двухъ пріятелей, которые одинаковымъ образомъ пускаютъ въ ходъ свои капиталы и даютъ мнѣ возможность извлекать изъ этого маленькія выгоды... еслибъ въ то время, мистеръ Джорджъ, вы помогли намъ, то дѣлишки ваши округлились бы замѣтно.

— Я бы очень хотѣлъ, чтобъ дѣлишки мои округлились, какъ вы говорите; отвѣчаетъ мистеръ Джорджъ, начиная курить уже не такъ спокойно, какъ прежде, потому что приходъ Юднѣи нарушилъ это спокойствіе какимъ-то очарованіемъ вовсе не плѣнительнымъ, очарованіемъ, припуждавшимъ его не сводить глазъ съ нея, въ то время, какъ она стоитъ у кресла своего дѣдушки: — впрочемъ, вообще говоря, я очень радъ, что дѣлишки мои не округлились.

— Это почему, мистеръ Джорджъ? Во имя... во имя старой вѣдьмы скажите, почему? говоритъ дѣдушка Смолвидъ съ очевиднымъ раздраженіемъ.

(Ему показалось, что въ эту минуту старая вѣдьма, сквозь сонъ, бросила на него сверкающій взглядъ.)

— По двумъ причинамъ, товарищъ.

— А какія же эти двѣ причины, мистеръ Джорджъ? Во имя.... во имя....

— Нашего пріятеля въ Сити, подсказываетъ мистеръ Джорджъ, спокойно прихлебывая изъ стакана.

— Пожалуй хоть и его, если хотите. Какія же эти причины?

— Во первыхъ, отвѣчаетъ мистеръ Джорджъ, продолжая смотрѣть на Юдишь, какъ будто для него было все-равно обратиться ли съ словами къ ней, или къ дѣдушкѣ, такое разительное сходство замѣчаетъ онъ между ними: — во первыхъ потому, что вы, джентльмены, нѣмало меня въ западню... Вы объявляли, что мистеръ Гаудонъ... или, вѣрнѣе, капитанъ Гаудонъ, если вы держитесь пословицы: «сдѣланъ капитаномъ, такъ и будь капитанъ»... такъ вы объявили, что мистеръ Гаудонъ услышитъ нѣчто въ свою пользу.

— Ну, такъ что же? возражаетъ старикъ и рѣзко и колко.

— А то, говоритъ мистеръ Джорджъ, продолжая курить: — что ему мало было бы пользы, еслибъ засадили его въ тюрьму, по милости всѣхъ лондонскихъ ростовщиковъ.

— А почему вы знаете это? Можетъ статься, нѣкоторые изъ его родственниковъ уплатили бы за него долги, или поручились бы за него. Да къ тому же и онъ порядочно подлѣлъ насъ. Онъ долженъ намъ всѣмъ вообще огромныя суммы. Я бы лучше согласился задушить его, чѣмъ потерять свои деньги. Когда я сижу здѣсь и думаю о немъ, говоритъ старикъ сквозь зубы и сжавъ свои безсильныя пальцы въ кулаки: — мнѣ такъ и хочется его задушить.

И въ везапномъ порывѣ бѣшенства, онъ бросаетъ подушку въ безответную мистриссъ Смолвидъ; но, къ счастью, подушка пролетаетъ мимо и падаетъ у стула.

— Мнѣ не нужно говорить, замѣчаетъ кавалеристъ, вынувъ на минуту чубукъ изо рта и снова обращая свой взоръ отъ полета подушки къ трубкѣ, начинавшей гаснуть: — мнѣ не нужно говорить, что онъ велъ свои дѣла неакуратно и шелъ по прямой дорогѣ къ разоренію. Я много дней былъ рядомъ съ нимъ, когда онъ мчался во весь духъ къ своей гибели. Я находился при немъ, когда онъ былъ боленъ и здоровъ, бѣденъ и богатъ. Я удержалъ его вотъ этой рукой, когда онъ, проскакавъ всю свою жизнь и разрушивъ перель собой все, что встрѣчалось ему на пути, приложилъ пистолеть къ головѣ.

— Жаль, что не спустилъ онъ курокъ! говоритъ доброжелательный старикъ: — жаль, что онъ не раздробилъ себѣ черепа на столько кусочковъ, сколько онъ долженъ фунтовъ стерлинговъ!

— Да, это въ самомъ дѣлѣ было бы большое раздробленіе; хладнокровно возражаетъ кавалеристъ: — во всякомъ случаѣ въ

свое время онъ былъ молодъ, съ большими надеждами, и очень по-дуралъ собой; и я радъ, что мнѣ не удалось найти его, когда всѣ эти качества уже исчезли въ немъ, радъ, что мнѣ не удалось убѣдить его воспользоваться предлагаемыми выгодами. Вотъ это первая причина.

— Я полагаю, что и вторая причина въ томъ же родѣ? говорить старикъ, оскаливъ зубы.

— О нѣтъ! совсемъ другая. Еслибъ я вызвался сыскать его, мнѣ бы пришлось отправиться за нѣтъ на другой свѣтъ. Онъ былъ тамъ.

— Почему же вы знаете, что онъ былъ тамъ?

— Потому, что его не было здѣсь.

— А почему вы знаете, что его не было здѣсь?

— Пожалуйста не теряйте свое хладнокровіе; берегите его, какъ бережете свои деньги; говорить мистеръ Джорджъ, спокойно выкачивая пепелъ изъ трубки. — Онъ уже давно утонулъ. Я увѣренъ въ этомъ. Онъ упалъ съ корабля: умышленно, или нечаянно, этого я не знаю. Быть можетъ это лучше извѣстно вашему пріятелю въ Сити. Знаете ли вы эту пѣсенку, мистеръ Смолвидъ? прибавляетъ мистеръ Джорджъ, начиная насвистывать и выбивать тактъ по столу пустой трубкой.

— Пѣсенку? отвѣчаетъ старикъ. — Нѣтъ, не знаю. У насъ здѣсь не поютъ пѣсни.

— Это погребальный маршъ. Подъ эту пѣсенку хоронятъ солдатъ; вотъ вамъ и конецъ этому дѣлу. Теперь, если ваша прекрасная внучка... извините мнѣсь... удостоитъ спрятать эту трубку мѣсяца на два, то на слѣдующій разъ не придется покупать новой. Прощайте, мистеръ Смолвидъ!

— Прощайте, мой неоцѣненный другъ!

И старикъ протягиваетъ обѣ руки.

— Такъ вы думаете, что вашъ пріятель не пощадитъ меня, если я просрочу? говорить кавалеристъ, взглянувъ внизъ на старика, какъ великанъ.

— Да, я думаю, мой неоцѣненный другъ; отвѣчаетъ старикъ, изглянувъ вверхъ, какъ пигмей.

Мистеръ Джорджъ смѣется. Бросивъ еще взглядъ на мистера Смолвида и поклонившись на прощанье Юдиои, выходитъ изъ комнаты, побрякивая воображаемымъ палашемъ и другими металлическими доспѣхами.

— Бездѣльничъ! говорить старый джентльменъ, дѣлая отъвратительную гримасу на дверь въ то время, какъ она затворяется: — я тебя скручу, любезный. Подожди, ты узнаешь меня!

Послѣ этого любезнаго замѣчанія, его духъ стремится въ тѣ очаровательныя области размышленія, которыя воспитаніе и образъ жизни открыли ему; и снова онъ и мистриссъ Смолвильдъ проводятъ свои счастливыя часы, какъ два безсмысленныхъ часовыхъ, забытые на своихъ постахъ Чернымъ Сержантомъ — Смертью.

Между тѣмъ какъ эта милая парочка остается на своихъ мѣстахъ, мистеръ Джорджъ медленно идетъ по улицамъ, принявъ величавую осанку и весьма серьезный видъ. Уже восемь часовъ, и день быстро клонится къ концу. Онъ останавливается у Ватерлооскаго моста, читаетъ афишу и рѣшается идти въ театръ Астли. Приходитъ туда и восхищается лошадьми и подвѣсами наѣздниковъ; критическимъ взоромъ осматриваетъ оружіе; недоволенъ сраженіями, въ которыхъ очевидно обнаруживается незнаніе фехтовальнаго искусства, но глубоко тронуть содержаніемъ пьесы. Въ послѣдней сценѣ, когда индѣйскій владѣтель садится въ колесницу и благословляетъ союзъ молодыхъ влюбленныхъ, распростиран надъ ними Британскій флагъ, въ глазахъ мистера Джорджа плаваютъ слезы умиленія.

По окончаніи театра, мистеръ Джорджъ переходитъ черезъ мостъ и направляетъ свой путь къ той замѣчательной части города, около Геймаркета и Лэйстерскаго сквера, которая служитъ центромъ притяженія посредственныхъ иностранныхъ отелей и иностранцевъ, кулачныхъ бойцовъ и рапирныхъ бойцовъ, вѣхтинцевъ, стараго фарфора, игорныхъ домовъ, выставокъ и огромнаго собранія оборванныхъ и невидимыхъ днемъ созданій. Проникнувъ въ самое сердце этой части города, онъ подходитъ, черезъ дворъ и по длинному выѣзженному корридолу, къ огромному кирпичному зданію, составленному изъ голыхъ стѣнъ, пола, потолка и потолочныхъ оконъ. На лицезомъ фасадѣ, если можно только допустить, что это зданіе имѣетъ лицезой фасадъ, крупными буквами написано: *Джорджа Галлерей для стрѣльбы въ цѣль* и проч.

Мистеръ Джорджъ входитъ въ галлерей для стрѣльбы въ цѣль и проч., въ которой горитъ газъ (теперь уже весьма слабо), стоятъ два выѣзженные щита для стрѣльбы изъ ружей, принадлежности для стрѣльбы изъ лука, рапиры и все необходимое для британскаго боксерства. Въ этотъ вечеръ, однакоже, никто не занимался въ галлерей Джорджа ни однимъ изъ означенныхъ упражненій; въ ней такъ мало посѣтителей, что вся она находится въ распоряженіи маленькаго уродливаго человѣчка, съ огромной головою, который спитъ на полу.

Маленькій человѣчекъ одѣтъ какъ оружейный мастеръ, въ фартукъ и фуражкѣ изъ зеленой байки; его руки запачканы порошкомъ,

и на лицѣ видны слѣды пальцевъ, усердно заряжавшихъ ружья. Въ то время какъ онъ лежитъ передъ бѣлымъ щитомъ, озаренный газомъ и дымомъ, черная пятна на лицѣ въ свою очередь ярко блестятъ. Не подальше отъ него стоитъ крѣпкій, грубый сосновой столъ съ тисками и другими слесарными инструментами, которыми онъ работалъ. Онъ очень невысокъ ростомъ, съ скомканнымъ лицомъ, и, судя по синей и покрытой шрамами щекѣ его, можно догадаться, что онъ во время исполненія своей обязанности, нѣсколько разъ испытывалъ на себѣ дѣйствіе пороха.

— Филъ! говоритъ кавалеристъ спокойнымъ голосомъ.

— Что прикажете! отвѣчаетъ Филъ, съ трудомъ поднимаясь на ноги.

— Было ли сдѣлано здѣсь что нибудь?

— Было, да не совсѣмъ-то бойко, говоритъ Филъ. — Пять дюжинъ выстрѣловъ изъ ружей и дюжина изъ пистолетовъ. А ужъ какъ попадали въ цѣль-то, если бы вы знали!

И Филъ, при этомъ воспоминаніи, протяжно просвисталъ.

— Запирай двери, Филъ!

Въ то время, какъ Филъ отправляется исполнить приказаніе, оказывается, что онъ хромаетъ, хотя и не лишень способности ходить довольно быстро. На испещренной сторонѣ его лица пѣтъ брови, а на другой сторонѣ видна густая черная бровь. Это разнообразіе придастъ ему весьма замѣчательный и злобный видъ. Съ его руками приключались, по видимому, всевозможныя несчастія: всѣ пальцы на нихъ изрублены, покрыты шрамами, исковерканы. Онъ кажется очень силенъ, потому что поднимаетъ тяжелья скамейки, какъ будто не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, что значитъ тяжесть. Онъ имѣетъ странную привычку ходить по галлерей къ какимъ бы то ни было предметамъ, и съ какою бы то ни было цѣлью, не по прямому направленію, но около стѣнъ и притомъ непрерывно упираясь плечомъ въ стѣну; отъ этого всѣ стѣны на извѣстной высотѣ были засалены.

Этотъ стражъ Галлерей Джорджа, стражъ во время отсутствія самого Джорджа, заключаетъ свои обязанности тѣмъ, что, заперевъ дверь, гаситъ всѣ газовые рожки, кромѣ одного, и вытаскиваетъ изъ досчатаго чулана два матраца и всѣ принадлежности для двухъ постелей. Матрацы кладутся въ двухъ противоположныхъ концахъ галлерей; кавалеристъ стелетъ себѣ постель, Филъ себѣ.

— Филъ! говоритъ хозяинъ, подходя къ нему безъ сюртука и шляпы и имѣя въ этомъ костюмѣ самый воинственный видъ. — Правда ли, что тебя нашли подъ воротами?

— Въ канавѣ! отвѣчаетъ Филъ. — Полицейскій стражъ опять
идетъ на меня!

— Значить, тебѣ не даромъ обходилось твоё бродяжничество?

— Ужъ истинно, что не даромъ, говоритъ Филъ.

— Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, хозяинъ!

Филъ даже и до постели не можетъ дойти прямо: онъ считаетъ
необходимымъ потереться влечомъ оверъ духъ стѣнъ галлерей, и
потомъ спуститься на матрацъ. Изаворочеть, пройдясь раза два
вдоль всей галлерей, бросаетъ взглядъ на лулу, которая уже ярко
свѣтитъ въ потолочныя окна, и кратчайшимъ путемъ отправляется
къ матрацу и въ свою очередь ложится спать.

ГЛАВА XXII.

МИСТЕРЪ ВОККЕТЪ.

Аллегорія въ Линкольнширѣ смотритъ довольно свѣжо, несмотря
что вечеръ очень зноенъ. — Оба окна въ комнатѣ мистера Толкинхорна
открыты, и самая комната кажется обширною, освѣжаемою
вѣтромъ и мрачною. Такихъ прекрасныхъ характеристикъ нельзя
пожелать для какой бы то ни было комнаты, когда наступаетъ но-
ябрь съ туманами и слякотью, или январь съ морозами и свѣгами,
но они имѣютъ свои особенныя достоинства во время длинныхъ и
знойныхъ лѣтнихъ ваканцій. Они доставляютъ возможность аллего-
римъ казаться еще свѣжѣе, несмотря что у нея и безъ того уже щеки
румяны какъ спѣлыя персики, колѣни какъ букеты цвѣтовъ,
а акры на ногахъ и мускулы на рукахъ представляютъ ярко розо-
вые выпуклости.

Много пыли влѣтаетъ въ окна мистера Толкинхорна, а еще бо-
лѣе гнѣздится ее въ мебели и бумагахъ. Она лежитъ повсюду гус-
тымъ слоемъ. Когда заблудившійся сельскій вѣтерокъ, залетѣвъ въ
комнату мистера Толкинхорна, испугается и начнетъ вырываться
изъ нея на улицу, онъ бросаетъ тогда столько пыли въ глаза алле-
горимъ, сколько адвокатство, или самъ мистеръ Толкинхорнъ, одинъ
изъ его благонадежнѣйшихъ представителей, бросаетъ пыли, при
удобномъ случаѣ, въ глаза клиентовъ.

Мистеръ Толкинхорнъ сидитъ у открытаго окна, въ своемъ мрач-
номъ магазинѣ пыли, въ которую превратится со временемъ и онъ
самъ, и всѣ его бумажки, и клиенты, и всѣ земные предметы, одуше-
вленные и неодушевленные, — сидитъ мистеръ Толкинхорнъ у отъ-

представителю окна и съ наслаждениемъ проводить время за бутылкой стараго портвейна. Хотя мистеръ Толдикхорнъ, человекъ въ высшей степени шероховатый, скрытный, холодный и молчаливый, но онъ не хуже другихъ умѣетъ наслаждаться хорошимъ портвейномъ. У него есть драгоценный запасъ стараго портвейна въ одномъ изъ восточныхъ погребовъ въ зданіи, который принадлежитъ къ числу немногихъ его тайнъ. Когда онъ обѣдаетъ одинъ въ своихъ комнатахъ, какъ обѣдалъ онъ сегодня, и когда къ обѣду его принесутъ изъ ближайшаго ресторана любимый кусокъ рыбы, кусокъ бифштексу или цыпленка, онъ спускается со стѣжкой въ нижнюю обдасти адутсваго дома, и, сопровождаемый отладеаннымъ гуломъ гремѣщихъ дверей, медленно возвращается назадъ, и окруженный подземной атмосферой, приноситъ бутылку, изъ которой онъ выдвываетъ лучезарный пятидесяти-лѣтній нектаръ, который краснѣетъ въ стаканѣ, сознавая свою знаменитость, и наполняетъ всю комнату ароматомъ южнаго винограда.

Мистеръ Толдикхорнъ, окруженный сумерками, сидитъ у открытаго окна и наслаждается старымъ портвейномъ. Портвейнъ какъ будто нашептываетъ о своемъ пятидесяти-лѣтнемъ безмолвіи и заточеніи, и асоставляетъ мистера Толдикхорна казаться еще скрытнѣе и молчаливѣе. Болѣе непроницаемый, чѣмъ когда нибудь, онъ сидитъ, и есть и становится пріятнымъ только для себя. Онъ углубляется въ воспоминаніе тайнъ, извѣстныхъ ему одному и живущихъ связь съ темными парками въ провинціяхъ и огромными, пустыми, запертыми домами въ столахъ. Быть можетъ, въ минуты созерцаній, онъ удѣляетъ мысли для себя, своей семейной исторіи, своимъ деньгамъ и своему духовному завѣщанію, что, между прочимъ, составляетъ непроницаемую тайну для всякаго. Онъ вспоминаетъ о своемъ другѣ, человекѣ одного съ нимъ призванія, достоянствѣ, который жилъ точно такую же жизнью до семидесяти пяти-лѣтняго возраста, и потомъ вдругъ, замѣтивъ (какъ полагаютъ другіе), что эта жизнь страшно однообразна, подарилъ въ одинъ прекрасный лѣтній вечеръ золотые часы своему парикмахеру, спокойно возвратился домой въ Темплъ и повѣсился.

Но, мистеръ Толдикхорнъ не можетъ, по принятому имъ обыкновению, предаваться безконечному долго своимъ размышленіямъ, потому что сегодня вечеромъ онъ не одинъ въ своей комнатѣ. За тѣмъ же столомъ, на стулѣ почтительно и довольно неловко, отодвинувшись отъ стола, сидитъ пѣтшивый, крохотный, доснающійся человекъ, который почтительно кашляетъ себѣ въ кулакъ, когда адвокатъ предлагаетъ ему надѣть себѣ еще стаканчикъ.

— Теперь Снагзби, говоритъ мистеръ Толкинхорнъ: — поговори-
мите еще объ этой странной исторіи.

— Если вамъ угодно, сэръ.

— Вы говорили, что вчера вечеромъ, когда были такъ добры и
вошли сюда....

— Я долженъ просить у васъ извиненія, сэръ, если это была
смѣлость съ моей стороны: но я вспомнилъ, что вы принимали нѣ-
которое участіе въ этой особѣ, и подумалъ, что, быть можетъ, вы....
то есть.... вы пожелаете....

Мистеръ Толкинхорнъ не такой человѣкъ, чтобы помочь мисте-
ру Снагзби сдѣлать какое нибудь заключеніе, или допустить какую
нибудь возможность касательно своей особы.

Мистеръ Снагзби дѣлаетъ въ кулакъ боязливый кашель и вмѣс-
то заключенія рѣшается сказать:

— Я долженъ, сэръ, просить прощенія у васъ за эту вольность: я
увѣренъ въ этомъ.

— Все нѣтъ, говоритъ мистеръ Толкинхорнъ. — Вы говорили
мнѣ, Снагзби, что вы надѣли шляпу и пошли сюда, не сказавъ же-
нѣ, что вы намѣрены дѣлать. Это съ вашей стороны было сдѣлано
весьма благоразумно, потому что дѣло это не такъ важно, чтобы
нужно было говорить о немъ.

— Вы знаете, сэръ, возражаетъ мистеръ Снагзби: — моя хо-
зяюшка, не придавая этому слишкомъ важнаго значенія, очень
любезнательна. Она очень любезнательна. Бѣдняжка! она подвер-
жена спазмамъ, и потому для нея необходимо находиться въ по-
стоянномъ возбужденіи. Вслѣдствіе этого, она интересуется каж-
дымъ предметомъ, касается ли онъ ея или нѣтъ, это все равно; въ
особенности она интересуется тѣми предметами, которые ея не ка-
саются. Вообще говоря, у моей хозяйки очень дѣятельное настро-
еніе духа.

Мистеръ Снагзби пьетъ и съ нѣкоторымъ восхищеніемъ каш-
ляетъ въ кулакъ:

— Какое у васъ прекрасное вино, говоритъ онъ.

— Поэтому-то вы и вздумали побывать у меня вчера? говоритъ
мистеръ Толкинхорнъ, не обращая вниманія на замѣчаніе Снагз-
би. — Поэтому-то вы вздумали прійти ко мнѣ и сегодня?

— Точно такъ, сэръ, и сегодня. Моя хозяйка, не придавая
этому слишкомъ важнаго значенія, въ настоящее время находится
въ поэтическомъ настроеніи, по крайней мѣрѣ такъ она думаетъ, и
занимается теперь Вечерними Упражненіями (такъ по крайней мѣрѣ
это называется у нихъ) подъ руководствомъ почтеннѣйшей особы,

во имени Чадбандъ. Нѣтъ спора, что онъ владѣеть огромнымъ запасомъ краснорѣчія, но мнѣ оно какъ-то не нравится. Впрочемъ, это не касается настоящаго дѣла. Моя хозяйка отправилась туда, а я воспользовался этимъ обстоятельствомъ и отправился сюда.

Мистеръ Толкинхорнъ соглашается, что это сдѣлано весьма благородно.

— Налейте свой стаканъ, Снагзби, говоритъ онъ.

— Благодарю васъ, сэръ, отвѣчаетъ поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей, производи въ кулакъ почтительный кашель. — А винцо, я вамъ доложу, сэръ : ужасно прекрасное !

— Да, теперь такое вино въ диковину, говоритъ мистеръ Толкинхорнъ. Ему пятьдесятъ лѣтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, сэръ? Впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Ему можно сказать столько лѣтъ, сколько вамъ угодно.

Отдавъ эту дань хвалы портвейну, мистеръ Снагзби въ знакъ того, что онъ еще не пивалъ такого драгоцѣннаго винца, смиренно, почтительно и съ нѣкоторымъ извиненіемъ кашляетъ въ кулакъ.

— Не можете ли вы повторить мнѣ еще разъ то, что разсказывалъ вамъ мальчикъ? спрашиваетъ мистеръ Толкинхорнъ, опуская руки въ карманы своихъ ржавыхъ панталонъ и откидываясь на спинку своего стула.

— Извольте, сэръ, съ удовольствіемъ.

И поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей съ точностію, хотя съ излишнею подробностію, повторяетъ признаніе Джо, сдѣланное имъ въ присутствіи гостей, въ домѣ Снагзби. Достигая конца своего повѣствованія, Снагзби вдругъ останавливается и произноситъ :

— Ахъ, Боже мой ! я вовсе и не зналъ, что здѣсь находится еще джентльменъ !

Мистеръ Снагзби съ изумленіемъ видитъ, что между нимъ и адвокатомъ, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ стола, стоитъ человекъ съ шляпой и палкой въ рукѣ, и съ весьма внимательнымъ лицомъ. Его не было тамъ, когда вошелъ Снагзби, и не входилъ онъ туда послѣ его прихода ни въ дверь, ни въ одно изъ двухъ оконъ. Въ комнатѣ есть шкафъ, но его петли не скрипѣли, и не было слышно на полу человѣческихъ шаговъ. А между тѣмъ передъ ними стоялъ третій человекъ, съ лицомъ, выражающимъ вниманіе, съ шляпой и палкой въ рукѣ ; онъ стоялъ передъ ними, закинувъ руки назадъ, какъ безмолвный и спокойный слушатель. Это человекъ крѣпкаго телосложенія, производителъный, съ необыкновеннымъ спокойствіемъ въ лицѣ и въ манерахъ, одѣтый въ черное платье и среднихъ лѣтъ.

Кромѣ того, что онъ такъ пристально всматривается въ мистера Снагэби, какъ будто хочетъ снять портретъ съ него, въ немъ, съ перваго взгляда, нѣтъ ничего замѣчательнаго; одно только поразительно въ немъ — это его призрачное поведеніе.

— Не обращайтесь вниманія на этого джентльмена, говоритъ мистеръ Толкинхорнъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ. — Это ни больше ни меньше какъ мистеръ Боккетъ.

— О! въ самомъ дѣлѣ, сэръ? отвѣчаетъ поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей, выражая своимъ особеннымъ кашлемъ, что онъ находится въ совершенномъ невѣдѣніи касательно того, кто и что такое Боккетъ.

— Я нарочно пригласилъ его выслушать эту исторію, говоритъ адвокатъ: — потому что, по нѣкоторымъ причинамъ, у меня есть намѣреніе разузнать объ этомъ поболѣе, а этотъ человѣкъ весьма опытенъ въ подобныхъ дѣлахъ. Что вы скажете на этотъ счетъ, мистеръ Боккетъ?

— Это очень просто, сэръ. Съ тѣхъ поръ, какъ наши люди выгнали этого мальчишку, то объ немъ нѣтъ ни духу, ни слуху; но если мистеру Снагэби не будетъ въ трудъ сходить со мной въ улицу Одиноката Тома и указать мнѣ на него, то часа черезъ два мы представимъ его сюда. Конечно, я могу сдѣлать это и безъ мистера Снагэби, но съ нимъ вмѣстѣ дѣло будетъ вѣрнѣе.

— Мистеръ Боккетъ полицейскій офицеръ, говоритъ адвокатъ, обращаясь къ Снагэби для поясненія.

— Въ самомъ дѣлѣ, сэръ? говоритъ мистеръ Снагэби съ явными признаками, что волосы его намѣрены стать дыбомъ.

— И если вы не имѣете основательнаго прелестствія проводить мистера Боккета къ означенному мѣсту, продолжаетъ адвокатъ: — я буду очень обязанъ вамъ.

Въ минуту нерѣшительности со стороны мистера Снагэби, Боккетъ погружается въ самую глубь его души.

— Вы, пожалуйста, не бойтесь за мальчика, говоритъ онъ. Вамъ нечего бояться за него. Мы ничего дурнаго ему не сдѣлаемъ. Мы только приведемъ его сюда и предложимъ ему нѣсколько вопросовъ. Это для него же послужитъ въ пользу. Какъ честный человѣкъ, обещаю вамъ, что мальчикъ будетъ отправленъ отсюда въ совершенной безопасности. Пожалуйста, не бойтесь за него: все будетъ сдѣлано прекрасно.

— Очень хорошо, мистеръ Толкинхорнъ! восклицаетъ мистеръ Снагэби, увѣренный въ слова мистера Боккета: — ужь если такъ...

— Ну да, конечно такъ, мистеръ Снагэби, возражаетъ Боккетъ, отводя его въ сторону, похлопывая его фамильярно по плечу и пр-

вѣдь вы не только дружелюбныиъ, вы и умныиъ, дѣлѣте то, что вамъ : — вѣдь вы человекъ свѣтскій, человекъ дѣловой, человекъ съ здравымъ разсудкомъ, следовательно понимаете въ чемъ дѣло.

— Премного обязанъ вамъ за ваше хорошее мнѣніе о мнѣ, отвѣчаетъ поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей, уцѣпляя при этомъ скромный и почтительный кашель въ кулакъ : — но...

— Но, вѣдь вы понимаете въ чемъ дѣло, говоритъ Боккетъ. — Нѣтъ никакой надобности говорить такому человеку какъ вы, занятому такими дѣлами какъ ваши, которые требуютъ особаго доверія къ своей особѣ, особой дальновидности, — словомъ, особаго ума и характера (вѣдь у меня дялюшка занимался нѣкогда вашими ремесломъ), нѣтъ никакой необходимости говорить такому человеку, что чѣмъ скромнѣе и спокойнѣе повести дѣла подобнаго рода, тѣмъ лучше и благоразумнѣе.

— Конечно, конечно, отвѣчаетъ поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей.

— Я не хочу скрывать отъ васъ одного обстоятельства, говоритъ Боккетъ, принимая тонъ чистосердечія : — что, сколько я понимаю, въ этой исторіи скрывается нѣкоторое сомнѣніе насчетъ небольшого наслѣдства, которое принадлежало покойному, и что эта женщина вѣроятно имѣла какіе нибудь виды на это наслѣдство, понимаюте меня ?

— О! совершенно понимаю, говоритъ мистеръ Снагзби; но, по видимому, онъ понимаетъ весьма несовершенно.

— Значитъ дѣло теперь въ томъ, продолжаетъ мистеръ Боккетъ, снова похлопывая по плечу Снагзби одобрительнымъ и дружескимъ образомъ : — дѣло въ томъ, что каждый человекъ долженъ пользоваться правосудіемъ. Не такъ ли ?

— Совершенно такъ, отвѣчаетъ мистеръ Снагзби, кивая головой.

— Такъ вотъ поэтому и въ то же время чтобы обязать васъ... какъ быцъ вы называете ихъ, кліентами или покупателями ? Я не помню, какъ называлъ ихъ мой дядя.

— Я обыкновенно называю ихъ моими покупателями, отвѣчаетъ мистеръ Снагзби.

— Вы правы! возражаетъ мистеръ Боккетъ, дружески пожимая ему руку : — такъ вотъ поэтому-то, и потому еще, чтобы обязать васъ этого прекраснаго покупателя, вы, съ полною увѣренностію въ мое чистосердечіе, пойдете со мной въ улицу Одинокаго Тома и послѣ того будете являть все это мѣ тайнѣ отъ другихъ. Если я понимаю васъ, такъ вы совершенно согласны съ этимъ.

— Вы правы, сэръ. Вы понимаете меня, говорите мистеръ Снагзби.

— Такъ вотъ ваша шляпа, отвѣчаетъ его новый другъ, подавая шляпу такъ безцеремонно, какъ будто онъ самъ дѣлалъ ее: — и если вы готовы, то я съ своей стороны также готовъ.

Они оставляютъ мистера Толкинхорна, который продолжаетъ пить старый портвейнъ безъ всякаго измѣненія на поверхности неизмѣримой глубины его души.

— Не случилось ли вамъ встрѣчаться съ человѣкомъ весьма хорошаго сорта? его зовутъ Грилли, говоритъ Боккетъ въ дружескомъ разговорѣ съ мистеромъ Снагзби въ то время, какъ они спускаются съ лѣстницы.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ мистеръ Снагзби, послѣ нѣкотораго размышленія: — не знаю никого подъ этимъ именемъ. А что же?

— Такъ, ничего, говоритъ Боккетъ: — я хотѣлъ только сказать, что онъ, позволивъ нѣкоторую свободу своему черезчуръ буйному праву и надѣлавъ множество грубостей нѣкоторымъ почтеннѣйшимъ людямъ, скрывается теперь отъ предписанія, по которому я долженъ арестовать его; жаль, право, что такой благоразумный человѣкъ рѣшился поступить подобнымъ образомъ.

По дорогѣ мистеръ Снагзби сообщаетъ въ видѣ новости, что хотя они и идутъ чрезвычайно быстро, но его спутникъ, по видимому, имѣетъ какую-то странную манеру осматривать прохожихъ и зѣвать по сторонамъ; что каждый разъ, когда имъ приходится повернуть направо или налево, онъ продолжаетъ идти впередъ, какъ будто твердо рѣшился на это и потомъ вдругъ повернетъ въ ту или другую сторону. Когда имъ случилось встрѣчаться съ полицейскимъ констеблемъ на стражѣ, мистеръ Снагзби замѣчаетъ, что какъ констебль, такъ и его вожатый, подхода другъ къ другу, впадаютъ въ глубокое самосозерцаніе, по видимому, совсѣмъ просматриваютъ другъ друга и смотрятъ въ пространство. Случалось, что мистеръ Боккетъ, подойдя сзади къ какому нибудь малорослому молодому человѣку въ лоснящейся шляпѣ и съ волосами, опускавшими изъ подъ шляпы однимъ густымъ локономъ, дотрогивается до него своей палочкой, и при этомъ молодой человѣкъ оборачивается назадъ и въ одинъ моментъ исчезаетъ. По большей части мистеръ Боккетъ смотритъ на вещи вообще съ такимъ маленькимъ извѣщеніемъ въ лицѣ, какъ мало было извѣщенія въ траурномъ воротѣ на его мизинцѣ, или въ булавкѣ, украшенной весьма маленькимъ камнемъ брилліантовъ и весьма большимъ числомъ страсъ — булавкѣ, которою зашпижена его манжета.

Когда они пришли наконецъ въ улицу Одинокато Тома, мистеръ Боккетъ останавливается на минуту на углу, беретъ зажженный фонарь отъ сторожеваго констебля, который также провожаетъ его съ другимъ фонаремъ, прикрѣпленнымъ къ поясу. Между этими двумя вожатыми, мистеръ Снагзби идетъ посрединѣ отвратительной улицы, не имѣющей водосточныхъ канавъ, безъ всякой вентиляціи, покрытой толстымъ слоемъ грязи и вонючей воды (хотя всѣ другія улицы сухи и чисты), издающей такой смрадь и представляющей такіа грязныя сцены на каждомъ шагу, что даже тотъ, кто провелъ въ Лондонѣ всю свою жизнь, едва ли бы рѣшился повѣрить своимъ ощущеніямъ. Изъ этой улицы и ея развалинъ таятся другіе улицы и дворы, до такой степени отвратительныя, что мистеръ Снагзби упадаетъ тѣломъ и духомъ и чувствуетъ, какъ будто онъ съ каждой минутой погружается глубже и глубже въ адскую пропасть.

— Посторонитесь немножко сюда, мистеръ Снагзби; говоритъ Боккетъ, увидѣвъ, что къ нимъ приближается что-то въ родѣ оборваннаго паланкина, окруженнаго шумною толпою. — Это, извольте видѣть, прогуливается по улицѣ лихорадка.

Въ то время какъ невидимый страдалецъ равняется съ тремя нашими знакомцами, толпа народа, бросивъ этотъ привлекательный предметъ, окружаетъ ихъ, какъ страшные призраки, и потомъ вдругъ разбѣгается по улицѣ и скрывается въ развалинахъ и за стѣнами, откуда вылетаютъ бранные крики и пронзительный свистъ и продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока они не уходятъ отъ этого мѣста.

— Неужели это все лихорадочныя дома, Дэрби? хладнокровно спрашиваетъ мистеръ Боккетъ, обращая свой фонарь на рядъ вонючихъ развалинъ.

— Всѣ, отвѣчаетъ Дэрби: — вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ, какъ въ нихъ заболѣваютъ доживанши и выносятъ изъ нихъ мертвыхъ и умирающихъ, какъ изъ стада паршивыхъ овецъ.

Продолжая идти далѣе, Боккетъ замѣчаетъ мистеру Снагзби, что онъ кажется унылымъ и не совсемъ здоровымъ. Мистеръ Снагзби отвѣчаетъ, что онъ не можетъ дышать этимъ ужаснымъ воздухомъ.

Наконецъ Боккетъ дѣлаетъ въ разныхъ домахъ освѣдомленія; гдѣ живетъ мальчикъ по имени Джо. Но такъ какъ въ улицѣ Одинокато Тома весьма немногіе изъ жителей извѣстны по имени, то мистеръ Снагзби осаждаютъ со всѣхъ сторонъ вопросы, не знаетъ ли этотъ мальчикъ какого прозвища, какъ-то: Моркови, Висъланды,

Молодого Долота, Брусбарда, Тощаго или Кирпича. Мистеръ Снагзби снова и снова принимается описывать прищипы Джо. Въ мифѣлахъ касательно оригинала его описаній являются неблагопріятныя столкновенія. Одни полагаютъ, что это долженъ быть Моркодь; другіе думаютъ, что Кирпичъ. Приводятъ Молодое Долото; но оказывается, что онъ не имѣетъ даже и близкаго сходства съ Джо. Каждый разъ, когда мистеръ Снагзби и его провожатые оставались, вокругъ нихъ стекается толпа и изъ грязной глубины ея подаются мистеру Боккету подслуживаемыя софиты. Каждый разъ, когда они трогаются съ мѣста, толпа разбѣгается, но пражитнему прячется въ переулкахъ, развалинахъ и за стѣнами и по пражитнему осматриваетъ ихъ бранью и свистомъ.

Наконецъ отыскивается лачужка, куда какой-то Тугоумый приходитъ почевать; полагаютъ, что этотъ Тугоумый и есть тотъ самый Джо, котораго ищутъ. Къ такому заключенію окончательно приводятъ переговоры между мистеромъ Снагзби и хозяйкою дома, пѣдное лицо которой завязано грязной тряпкой и выглядываетъ изъ подъ груды лохмотьевъ на полу собачьей конуры, которая служитъ ей спальней. Тугоумый ушелъ къ доктору принести отъ него скляночку лекарства для какой-то больной женщины и скоро вернется назадъ.

— Дайте-ка взглянуть, кто здѣсь ночуетъ сегодня? говоритъ мистеръ Боккетъ, отворяя дверь и освѣщая комнату фонаремъ. — Двое пьяныхъ мужчинъ, кажется? И двѣ женщины? Мужчины-то спать черезчуръ что-то крѣпко; и вмѣстѣ съ этимъ онъ, чтобъ осмотрѣть ихъ подробнѣе, отвелъ руки ихъ отъ лица. — А что, мои милыя, это ваши мужья?

— Точно такъ, сэръ, отвѣчаетъ одна женщина. — Они наши мужья.

— Кирпичники, вѣрно?

— Точно такъ, сэръ.

— Чѣмъ же они промышляютъ здѣсь? Вѣдь вы не вѣдншіе?

— Нѣтъ, сэръ, не вѣдншіе. Мы изъ Гертсординфра.

— А шъ какого мѣстечка?

— Изъ Сентъ-Албанса.

— Пришли вѣщкомъ сюда?

— Мы пришли вчера. Въ нашемъ краю совсѣмъ нѣтъ работы; да не знаемъ, достанемъ ли и здѣсь чтонибудь; я думаю, что нѣтъ.

— Разумѣется, если они всегда станутъ работать такъ, какъ вы сейчасъ, говоритъ мистеръ Боккетъ, взглянувъ на мужчинъ, божа чужестранцевъ лежалыхъ на полу.

— Правда ли, сэръ, отвѣчаетъ женщина съ глубокимъ вздохомъ. — Давнымъ и я знаю это хорошо.

Сидитъ; хотя и была сутана тремя выше двери, однако же, она такъ низка, что голова самаго высокаго изъ присутствующихъ коснулась бы потолка, еслибы онъ выпрямился во весь ростъ. Она груба и отвратительна, даже салыный огарокъ горитъ въ зло-вредномъ воздухѣ блѣднымъ, тусклымъ, болѣзненнымъ огнемъ. Въ ней находится изъ сильнейш. для сидѣнья и одна волосная вмѣсто стола. Мужчины заснули тамъ, гдѣ повалились на шпалы; а женщины спали на сѣнѣхъ. На рукахъ женщины, которая говорила, лежатъ ребеночекъ.

— Сколько изъ твоему малюткѣ? говоритъ Боккетъ ласковымъ тономъ и обращая на него свѣтъ фонаря. — Какой крошка! Какъ будто вчера родился!

— Ему еще нѣтъ и трехъ недѣль, говоритъ женщина.

— Это гдѣ дитя?

— Мос.

Другая женщина, сидѣвшая, когда они вошли, склонилась надъ ребенкомъ, нагбается еще разъ и целуетъ его, соннаго.

— Ты, кажется, любишь его? вѣрно ты сама была матерью? спрашиваетъ мистеръ Боккетъ.

— Я была матерью точно такого же малютки; но онъ не жилъ у меня.

— Ахъ, Дженни, Дженни! говоритъ другая женщина: — вѣдь это къ лучшему. Гораздо лучше вспоминать о жертвѣ, чѣмъ хлопотать о живомъ. Гораздо лучше!

— Однако, я не думаю, что ты такая жестокая женщина, говоритъ мистеръ Боккетъ суровымъ тономъ: — чтобъ пожелать смерти своему ребенку?

— Вы правду говорите, сэръ, я не жестокая. Я готова, если нужно, удалить отъ него смерть своею жизнью; я также нѣжно умѣю любить свое дѣтище, какъ и всякая мать.

— Такъ зачѣмъ же ты говоришь такія вещи? говоритъ мистеръ Боккетъ, снова смягчившись: — зачѣмъ ты говоришь такія вещи?

— А за тѣмъ, что мнѣ всегда приходятъ такія мысли въ голову, когда я смотрю на ребенка, отвѣчаетъ женщина съ глазами, полными слезъ. — А засни онъ и въ самомъ дѣлѣ навсегда и, право, я бы сошла тогда съ ума. Я знаю это очень хорошо. Я была у Дженни, когда умеръ ея маленький, вѣдь я была, Дженни? и я знаю, какъ она, бѣдняжка, сокрушалась. А оглянитесь-ка назадъ. Вспомните на нѣтъ,

продолжает женщина, указывая на спящих мужчин. — Погляните на мальчика, которого вы ждете, который пошел за докторством для меня. Вспомните о дѣтяхъ, съ которыми вамъ часто приходится имѣть дѣло, и которые вырастаютъ на вашихъ глазахъ.

— Къ чему это говорить, замѣчаетъ мистеръ Боккетъ : — ты воспитай его честно, и онъ будетъ утѣшеніемъ для тебя, и будетъ беречь тебя въ твоихъ преклонныхъ лѣтахъ.

— Я ужь постарюсь, отвѣчаетъ она, утирая глаза: — на сегодня вечеромъ я очень устала, не здоровится что-то, такъ я и задумалась, а Богъ знаетъ чего не передумала о томъ, что ожидаетъ его завтра. Можетъ статься отецъ не полюбитъ его, будетъ бить его; ребенокъ будетъ видѣть мой побѣдъ, станетъ бѣгать изъ родительскаго дома и, быть можетъ, совсѣмъ отстанетъ отъ него. Мнѣ никто не поможетъ. Вѣдь я работаю для него одна, употребляю для него всѣ силы свои; и что, если за всѣ мои хлопоты, за всѣ попеченія о немъ, онъ окажется послѣ негоднымъ? Право, невольно подумаешь, что лучше, еслибъ онъ умеръ, какъ умеръ ребенокъ Джени!

— Полно, перестань! говорить Джени. — Ты устала, Лиза, да и больна. Дай-ка я возьму его.

Привставъ ребенка, она приводитъ въ безпорядокъ одежду матери, но тотчасъ же поправляетъ ее и прикрываетъ грудь, у которой лежалъ ребенокъ.

— Вѣдь это мое покойное дитя, говоритъ Джени, нянча ребенка: — это оно заставляетъ меня любить такъ сильно этого малютку, и онъ же, мой ангелочекъ, заставляетъ и Лизу любить своего ребенка такъ сильно, что она даже желаетъ, чтобы Богъ прибралъ его теперь же. Она думаетъ такъ, а я думаю иначе. Чего бы не дала я, чтобъ только имѣть при себѣ моего свѣтика. Впрочемъ, мы думаемъ одно и то же, только высказать-то не умѣемъ того, что у насъ кроется вотъ здѣсь... въ бѣдныхъ нашихъ сердцахъ!

Въ то время, какъ мистеръ Снагзби сморкаетъ носъ и производитъ симпатичный кашель въ кулакъ, за дверями послышались чьи-то шаги. Мистеръ Боккетъ бросаетъ свѣтъ фонаря въ другую комнату и говоритъ мистеру Снагзби:

— Ну, что вы скажете теперь на счетъ Тугоумаго. Не онъ ли это?

— Это Джо, говоритъ мистеръ Снагзби.

Джо стоитъ изумленный подъ лучомъ яркаго свѣта, какъ обрванная фигура волшебнаго фонаря. Онъ дрожитъ при мысли, что сдѣлалъ преступленіе, не удалившись изъ города, какъ ему предъ-задо. Мистеръ Снагзби успокоиваетъ его.

— Не бойся, Джо, говоритъ онъ: — ты пойдеши съ нами и тебѣ за это заплачутъ.

Джо приходитъ въ себя. Мистеръ Боккетъ отводитъ его въ сторону и дѣлаетъ нѣсколько частныхъ вопросовъ. Джо отвѣчаетъ на нихъ весьма удовлетворительно, хотя все еще съ трудомъ переводитъ духъ, подъ вліаніемъ испуга.

— Я кончилъ съ этимъ молодцомъ, говоритъ мистеръ Боккетъ, возвращаясь: — все исправно. Теперь мистеръ Снагзби, мы къ вамъ услужить.

Во первыхъ, Джо исполняетъ порученіе, передавъ женщинѣ принесенное лекарство, и заключаетъ лаконическимъ наставленіемъ: «принять все за-разъ». Во вторыхъ, мистеръ Снагзби кладетъ на столъ полъ-кроны, какъ универсальное средство противъ безчисленныхъ и разнообразныхъ человѣческихъ страданій. Въ третьихъ, мистеръ Боккетъ беретъ Джо за руку, немного повыше локтя, и открываетъ шестіе: безъ этой предосторожности нельзя было бы поручиться за точное доставленіе въ Линкольнскій кварталъ не только Тугоумаго Джо, но и всякаго другого. Кончивъ всѣ эти распоряженія, они прощаются съ женщинами и еще разъ выходятъ на грязную улицу Одинокого Тома.

Они постепенно выходятъ изъ этой шумной ямы тѣмъ же смирнымъ путемъ, которымъ вошли въ нее. Толпа провожаетъ ихъ съ бранью и свистомъ до того мѣста, гдѣ возвращается фонарь въ руки Дэрби. Здѣсь толпа, какъ собраніе демоновъ, съ визгомъ повертывается назадъ и исчезаетъ. Сквозь болѣе чистыя и свѣжія улицы, которыя кажутся мистеру Снагзби еще свѣжѣе и чище, они приходятъ наконецъ къ воротамъ дома, гдѣ живетъ мистеръ Толкинхорнъ.

Въ то время какъ они поднимаются по лѣстницѣ (комнаты мистера Толкинхорна расположены въ первомъ этажѣ), мистеръ Боккетъ говоритъ, что у него въ карманѣ есть ключъ отъ дверей, и что нѣтъ надобности звонить въ колокольчикъ. Мистеръ Боккетъ, столь опытный въ дѣлахъ подобнаго рода, отпираетъ дверь не слишкомъ скоро и при этомъ производитъ нѣкоторый шумъ. Быть можетъ, онъ дѣлаетъ это за тѣмъ, чтобъ приготовить хозяина къ своему посѣщенію.

Какъ бы то ни было, они входятъ наконецъ въ приемную, гдѣ горитъ лампа; такая же лампа горитъ и въ кабинетѣ мистера Толкинхорна, гдѣ онъ сегодня пилъ старый портувейнъ. Самого его нѣтъ въ кабинетѣ; но на столѣ стоятъ двѣ свѣчки въ старинныхъ подсвѣчникахъ, и комната освѣщена довольно ярко.

Мистеръ Боккетъ, все еще продолжая держать Джо за руку и, взглянув мистера Свагаби, обладала безчисленнымъ множествомъ глазъ, и бѣгаетъ нѣсколько шаговъ впередъ; какъ вдругъ Джо вскрикиваетъ и отбѣсывается.

— Въ чемъ дѣло? говоритъ Боккетъ шепотомъ.

— Это она! кричитъ Джо.

— Кто она?

— Леди!

Въ срединѣ комнаты стоитъ женская фигура, пластично закрывая вуалью и ярко освѣщенная. Она неподвижна и безмолвна. Лицезрѣе она обращена къ нимъ, но, несмотря на то, она какъ будто не замѣчаетъ ихъ прихода и стоитъ какъ статуя.

— Скажи же мнѣ, говоритъ Боккетъ вслухъ: — почему ты знаешь, что это та самая леди.

— Я узнаю ее по вуали, отвѣчаетъ Джо, вышуча глаза: — по шляпкѣ и по платью.

— Смотри, увѣренъ ли ты въ томъ, что говоришь? спрашиваетъ Боккетъ, внимательно наблюдая за нимъ. — Посмотри хорошенько!

— Я и то смотрю хорошо! говоритъ Джо, еще больше вышучивъ глаза: — тотъ же самый вуаль, та же шляпка, и то же платье.

— А что ты скажешь на счетъ колець? спрашиваетъ Боккетъ.

— Блестятъ вотъ тутъ, да и только; говоритъ Джо, потирая пальцы лѣвой руки суставами пальцевъ правой: — но не спуская глазъ съ женской фигуры.

Женская фигура снимаетъ перчатку и показываетъ правую руку.

— Ну, что ты теперь скажешь? спрашиваетъ Боккетъ.

Джо мотаетъ головою.

— Нѣтъ, это не тѣ кольца, и рука совсѣмъ не та.

— Что ты говоришь? возражаетъ Боккетъ: — очевидно весьма довольный.

— Та рука была гораздо бѣлѣе, нѣжнѣе и меньше, отвѣчаетъ Джо.

— Пожалуй ты этакъ скажешь еще какойнибудь вздоръ, говоритъ мистеръ Боккетъ. — А помнишь ли ты голосъ той леди?

— Кажется, что помню; отвѣчаетъ Джо.

Женская фигура говоритъ: «Похожъ ли тотъ голосъ на мой? Я буду говорить сколько угодно, если ты не узнаешь его. Тотъ ли это голосъ, имѣетъ ли онъ хоть маленькое сходство?»

Джо со страхомъ смотритъ на мистера Боккета.

— Не похлопывай на волюсь! говоритъ онъ.

— Тамъ, почему же ты оказалъ ласку, что это та самая леди? прохаживаетъ мистеръ Боккетъ, указывая на женскую фигуру.

— Потому, говоритъ испуганный Джо, не отрываясь отъ своей увѣренности. — Потому что на ней тотъ же вуаль, та же шляпка и та же платье. Одно ея, а другое не ея. Рука не ея, пальцы не ея и голосъ не ея. А платье ея, и вуаль, и шляпка точь-въ-точь какій былъ на леди, и ростомъ походжа.... дада мнѣ sovereign, и была такова:

— Я вижу, говоритъ мистеръ Боккетъ: — отъ тебя не добьешься толку. Но все же, выгъ тебѣ пять шиллинговъ. Смотри, умѣй распорядиться ими, а то какъ разъ попадешься.

И Боккетъ воровски отсчитываетъ деньги изъ одной руки въ другую, потомъ кладетъ ихъ небольшою кучкой въ руку мальчика и выводитъ его изъ комнаты, оставивъ мистера Спарзби... всаму обязанноемного при такихъ таинственныхъ обстоятельствахъ, одного съ женскою фигурой, закрытой вуалю. Впрочемъ, по приходѣ мистера Толкинхорна, вуаль приподнимается и взорамъ открывается французевна, довольно подурная собой, хотя выраженіе ея лица не совсѣмъ пріятное.

— Благодарю васъ, mademoiselle Гортензія, говоритъ мистеръ Толкинхорнъ съ своимъ обычнымъ равнодушіемъ: — я большаго не хочу беспокоить васъ насчетъ этого маленькаго парца.

— Я надѣюсь, сэръ, вы будете такъ добры и не забудете, что я до сихъ поръ безъ мѣста, говоритъ м-ле Гортензія.

— Конечно; конечно.

— Я надѣюсь, сэръ, вы не оставите меня нашей блестящей рекомендаціей?

— Ни подъ какимъ видомъ, м-ле Гортензія.

— Одно слово мистера Толкинхорна такъ могущественно!

— Я съ своей стороны сделаю для васъ все, что можно.

— Принимайте увѣреніе, милостивый государь, въ моей преданности и благодарности.

— Спокойной ночи!

М-ле Гортензія выходитъ съ врожденною непринужденностію. Мистеръ Боккетъ, который, при непрелюдныхъ случаяхъ, умѣетъ выполнять какую угодно роль, провожаетъ ее съ ласкостію и любезностію церемоніймистера.

— Ну, что Боккетъ? спрашиваетъ мистеръ Толкинхорнъ по его возвращеніи.

— Ничего; кажется, я сдѣлалъ свое дѣло удовлетворительно. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это была другая въ ея одеждѣ. Мальчикъ былъ опредѣтеленъ касательно каждаго предмета. Мистеръ

Снагзби, я общалъ вамъ, какъ честный человѣкъ, что онъ будетъ отпущенъ отсюда безъ обиды. Скажите, сдержалъ ли я слово?

— Вы сдержали свое слово, сэръ, отвѣчаетъ воставщикъ канцелярскихъ принадлежностей : — и если я больше не могу быть полезенъ, мистеръ Толкинхорнъ, то, я думаю, такъ какъ моя хозяйка станетъ беспокоиться....

— Благодарю васъ, Снагзби; вы болѣе мнѣ не нужны, говоритъ мистеръ Толкинхорнъ. — Я премного обязанъ вамъ за хлопоты, которыя вы приняли сегодня на себя.

— Помните, сэръ, я всегда готовъ служить вамъ. Желаю вамъ спокойной ночи.

— Послушайте, мистеръ Снагзби, говоритъ мистеръ Боккетъ, провожая его до дверей и нѣсколько разъ принимаясь пожимать ему руку : — что мнѣ нравится въ васъ, такъ это то, что вы человѣкъ, изъ котораго не скоро выпытаешь тайну : вотъ вы какой человѣкъ. Сдѣлавъ правое дѣло, вы откладываете его въ сторону, уходите и кончено. Вотъ вы какой человѣкъ.

— Да, я стараюсь поступать такимъ образомъ, сэръ, говоритъ мистеръ Снагзби.

— О вѣтъ ! вы не отдаете себѣ надлежащей справедливости. Не потому, чтобы вы старались поступать такимъ образомъ, говоритъ мистеръ Боккетъ, пожимая ему руку и наутривъ его самыми вѣжливыми желаніями : — но потому, что вы ужъ такой человѣкъ. Вотъ это-то я и уважаю въ человѣкѣ вашей профессіи.

Мистеръ Снагзби дѣлаетъ приличный отвѣтъ и отправляется домой, до такой степени смущенный событіями вечера, что начинаетъ сомнѣваться, происходило ли это все на яву или во снѣ; сомнѣвается въ дѣйствительности улицъ, по которымъ проходить, сомнѣвается въ дѣйствительности мѣсяца, который свѣтитъ надъ нимъ. Однако сомнѣвія его скорѣ разсѣваются нежизненною дѣйствительностію особы мистриссъ Снагзби, которой голова, убранная панталетками и чепцомъ, представляетъ собою ичеланный улей, которая отправила Густеръ въ полицію съ официальнымъ донесеніемъ о пропажѣ своего супруга, и которая, въ теченіе двухъ послѣднихъ часовъ прошла всѣ степени обмороковъ, во всѣхъ ихъ видоизмѣненіяхъ и съ соблюденіемъ всякаго приличія. Но за все это, какъ выражается сама чувствительная хозяйка, она получаетъ самую слабую благодарность !

ГЛАВА XXIII.

РАЗСКАЗЪ ЭСМЕРИ.

Мы возвратились домой отъ мистера Бойторна послѣ шести недѣль, проведенныхъ пріятнѣйшимъ образомъ. Мы часто бывали въ паркѣ, въ лѣсахъ и рѣдко проходили домикъ, въ которомъ скрывались отъ грозы, чтобъ не зайти въ него и не поговорить съ лѣсничимъ. Леди Дэллокъ мы встрѣчали только въ церкви по воскресеньямъ. Въ Чесни-Воулдъ было много гостей, и хотя миледи была окружена многими хорошевыми личиками, но ея лицо всегда производило на меня такое же впечатлѣніе, какъ и въ первый разъ. Я до сихъ поръ не могу дать отчета, было ли это впечатлѣніе тягостное или пріятное; влекло ли оно меня къ ней или отталкивало. Мнѣ кажется, что я восхищалась ею съ нѣкоторою боязнію; я знаю, что въ ея присутствіи мысли мои уносились назадъ къ старому времени моей жизни.

Богѣ чѣмъ въ одно изъ этихъ воскресныхъ дней, мнѣ приходило въ голову, что, чѣмъ была эта леди для меня, тѣмъ была и я для нея, то есть, что и я точно также производила на нее впечатлѣніе, хотя совершенно въ другомъ родѣ. Но когда я украдкой бросала взглядъ на нее и видѣла ее такою спокойною, отдаленною и даже недоступною, я считала это за особенную слабость моего ума. И въ самомъ дѣлѣ, все мое нравственное бытіе, сравнительно съ нею, было слабо; я чувствовала это и, сколько могла, упрекала себя въ томъ.

Я намѣрена рассказать одно обстоятельство, которое случилось передъ нашимъ отъѣздомъ отъ мистера Бойторна.

Я прогуливалась съ Адой въ саду, когда мнѣ доложили, что кто-то хочетъ видѣться со мной. По приходѣ въ столовую, гдѣ ждала меня неизвѣстная особа, я увидѣла французенку, ту самую, которая сбросила башмаки и пошла по мокрой травѣ, въ то время, когда гремѣлъ страшный громъ и сверкала молнія.

— *Mademoiselle*, начала она, смотря на меня пристально и говоря безъ особенной смѣлости и униженія: — я осмѣлилась прийти сюда, но вы знаете какъ извинить мою смѣлость, потому что вы такъ добры, *mademoiselle*.

— Если вы хотите говорить со мной, такъ тутъ не требуется никакихъ извиненій, сказала я.

— Въ этомъ заключается мое желаніе. Приношу вамъ тысячу благодарностей за такое снисхожденіе. Я имѣю теперь позволеніе говорить съ вами. Не правда ли? сказала она безъ всякаго принужденія.

— Совершенно правда.

— М-Не, вы такъ добры! Слѣдите милость, выслушайте меня. Я оставила миледи. Мы не сошлись съ ней. Миледи ужасно надменна. Простите! Вы имѣете право сердиться на меня, М-Не.

Она предугадывала то, что я хотѣла сказать, хотя я только подумала сказать.

— Я не затѣмъ пришла сюда, чтобы жаловаться на миледи. Но во всякомъ случаѣ, я могу сказать, что она ужасно надменна; это известно всему свѣту. Больше я не скажу ни слова.

— Пожалуйста, продолжайте, сказала я.

— Сію минуту. М-Не, я очень благодарна за вашу вѣжливость. Я имѣю невыразимое желаніе служить молодой леди, которая добра, образованна и прекрасна. Вы, М-Не, добры, образованны и прекрасны какъ ангелъ. Ахъ, еслибъ я могла имѣть честь быть вашей горничной!

— Мнѣ очень жаль.... начала я.

— Не отказывайте мнѣ такъ скоро, М-Не, сказала она, противъ желанія нахмуривъ свои прекрасныя черныя брови. — Позвольте мнѣ надѣяться хотя одну минуту. М-Не, я знаю, что служба при васъ будетъ удивительна той, которую я оставила. Но ничего! я сама хочу того. Я знаю, что здѣсь, кромѣ жалованья, я больше ничего не получу. И прекрасно. Я довольна и тѣмъ.

— Увѣряю васъ, сказала я, приведенная въ крайнее замѣшательство при одной мысли имѣть при себѣ такую служацку: — увѣряю васъ, я не держу для себя горничной....

— Ахъ, М-Не, но почему же? Почему, когда вы можете имѣть такую преданную, какъ я? Я бы была счастлива, если бы могла служить вамъ; я была бы преданна вамъ, ревнистка и вѣрна! М-Не, я желаю служить вамъ отъ чистаго сердца. Не говорите мнѣ въ настоящую минуту о дѣвгахъ. Возьмите меня такъ.... просто.... безъ жалованья!

Она такъ усердно упрашивала меня, что я, почти испуганная, отступила назадъ. Не замѣчая этого въ пылу своемъ, она продолжала настоятельно упрашивать меня; она говорила быстро и съ покорностію, хотя въ голосѣ ея слышались и пріятность, и благородство.

— М-Не, я родомъ изъ южныхъ провинцій Франціи, гдѣ мы всѣ пылки, и гдѣ любовь и ненависть всегда бывають очень гду-

боки. Миледи была слишкомъ горда для меня; а я была слишкомъ горда для ней. Это было, прошло конечно! Возьмите меня къ себѣ въ служанки, и я буду служить вамъ прекрасно. Я сдѣлаю для васъ больше, чѣмъ вы можете представить себѣ. Позвольте! Да, Миле; я сдѣлаю. Если вы примете мои услуги, вы не станете сожалѣть о томъ. Увѣрю васъ, не станете, и я вамъ отслужу превосходно. О, вы не знаете еще, какъ отслужу я вамъ.

Въ ея лицѣ замѣтна была какая-то грозная энергія въ то время, какъ она смотрѣла на меня, когда я объясняла о невозможности принять ее къ себѣ въ услуженіе (не считая, впрочемъ, за нужное говорить, какъ мало желала я имѣть ее при себѣ); въ эту минуту она казалась мнѣ женщиной съ улицы Парижа, во времена терроризма. Она слушала, не прерывая словъ моихъ, и потомъ сказала своимъ очень звучнымъ языкомъ и нѣжнымъ голосомъ:

— Значитъ, Миле, я получила вашъ отвѣтъ! Очень жаль, очень жаль! Но, что дѣлать! Я пойду въ другое мѣсто и найду то, чего не могла найти здѣсь. Будьте такъ добры, позвольте мнѣ поцаловать вашу ручку.

Она посмотрѣла на меня еще пристальнѣе, когда взяла мою руку и, казалось, несмотря на моментальное прикосновеніе къ рукѣ, она успѣла разглядѣть на ней всѣ жилы.

— Я боюсь, Миле, что я испугала васъ во время грозы? сказала она, дѣлая прощальный реверансъ.

Я откровенно призналась, что она изумила насъ всѣхъ.

Этихъ кошачьихъ нашихъ переговоры, и я была рада, что они возобновлялись. Я полагала, что она удалилась изъ деревни, потому что больше я не видала ее. Послѣ того не случалось ничего такого, что бы могло нарушить тихое дѣтнее удовольствіе. Шесть недѣль прошли, и мы, какъ я уже сказала, возвратились домой.

Въ это время, и спустя еще много недѣль послѣ того, Ричардъ постоянно посѣщалъ насъ. Кромѣ каждой субботы, воскресенья и утра понедѣльника, онъ иногда неожиданно пріѣзжалъ верхомъ, проводилъ вечеръ съ нами, и на другое утро рано уѣзжалъ. Онъ по прежнему былъ веселъ и безпеченъ, и говорилъ намъ, что занимался прилежно; но мнѣ что-то не вѣрилось. Мнѣ казалось, что его прилежаніе было ложно направлено; я не предвидѣла, чтобы оно повело его къ чемунибудь дѣльному: оно, по моему мнѣнію, служило основой къ развитію обманчивыхъ надеждъ, простирающихся изъ тѣнны — этого пагубнаго источника скорби и несчастій. Онъ говорилъ намъ, что онъ уже проникъ въ самую глубь этой тайны, и что духовное завѣщаніе, по которому Ада и онъ должны получить,

ужь я и не знаю, какое безчисленное множество фунтовъ стерлинговъ! было бы давнымъ давно рѣшено, есмьбъ только Верховный Судъ имѣлъ хоть сколько нибудь здраваго смысла и правосудія. О, какъ тяжело это если бы звучало въ моихъ ушахъ! и что счастливаго рѣшенія этого дѣла должно ожидать въ непродолжительномъ времени. Онъ доказывалъ это самому себѣ всѣми скучными доводами, вычитанными изъ дѣла, и каждый изъ этихъ доводовъ погружалъ его глубже и глубже въ эту путаницу. Онъ даже началъ посѣщать Верховный Судъ. Онъ говорилъ намъ, какъ онъ встрѣчалъ тамъ миссъ Фляйтъ ежедневно; какъ онъ разговаривалъ съ ней, и оказывалъ ей маленькія снисхожденія, и наконецъ, какъ онъ подсмѣивался надъ ней, хотя и сожалѣлъ ее отъ чистаго сердца. Но онъ никогда не думалъ о томъ, никогда не думалъ, мой бѣдный, милый, пылкій Ричардъ, столь счастливый въ ту пору и съ такими свѣтлыми надеждами передъ собой! онъ никогда не думалъ о томъ роковомъ звенѣ между его цвѣтущей юностью и ея преклонными лѣтами, между его надеждами и ея запертыми въ клѣткахъ птицами, ея бѣднымъ чердакомъ и полоумнымъ состояніемъ.

Ада любила его слишкомъ сильно, чтобы не вѣрить ему въ томъ, что онъ говорилъ или дѣлалъ, между тѣмъ какъ опекунъ мой, хотя и часто жаловался на восточный вѣтеръ и чаще обыкновеннаго читалъ въ своей Ворчалной, сохранялъ относительно этого предмета глубокое молчаніе. Поэтому, собравшись однажды въ Лондонъ повидаться съ Кадди Джеллиби, по ея настоятельной просьбѣ, я просила Ричарда встрѣтить меня въ конторѣ дилижансовъ, съ тѣмъ, чтобы поговорить съ нимъ откровенно. Я застала его тамъ, и мы вошли съ нимъ рука объ руку.

— Ну, Ричардъ, сказала я, какъ только могла говорить съ нимъ серьезно: — начинаете ли вы чувствовать себя основательнѣе?

— О, да, моя милая! отвѣчалъ Ричардъ: — теперь все идетъ своей дорогой.

— Но твердо ли вы идете по своей дорогѣ? спросила я.

— Что вы подразумѣваете подъ этимъ? въ свою очередь спросилъ Ричардъ съ веселымъ смѣхомъ.

— Твердо ли вы идете по дорогѣ къ адвокатству? сказала я.

— О, безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Ричардъ: — у меня все идетъ превосходно.

— Вы говорили это и прежде, милый мой Ричардъ.

— И вы не довольствуетесь этимъ отвѣтомъ? Хорошо. Положимъ, что нѣтъ. Твердо ли я иду по своей дорогѣ? Вы хотите сказать, опредѣлился ли я вполне въ контору Кэнджа?

— Да.

— Ну, не знаю, какъ вамъ сказать объ этомъ, сказала Ричардъ, дѣлая сильно удареніе на слово *вполнѣ*, какъ будто оно выражало величайшее затрудненіе. — Потому не знаю, что ни какинъ образомъ нельзя опредѣлиться, пока это дѣло находится въ такомъ неопредѣленномъ видѣ. Подъ словомъ дѣло я подразумѣваю запрещенный предметъ.

— А вы полагаете, что оно когда нибудь можетъ быть и опредѣленнымъ; сказала я.

— Въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, отвѣчалъ Ричардъ.

Мы прошли нѣсколько шаговъ молча. Вдругъ Ричардъ обратился ко мнѣ съ своимъ обычнымъ чистосердечіемъ и съ полнымъ чувствомъ.

— Милая Эсвиръ, я понимаю васъ, и я желаю... видѣть небо, какъ я желаю! быть болѣе постояннымъ человѣкомъ. Я не говорю, быть постояннымъ къ Алѣ, потому что я страстно люблю ее, и съ каждымъ днемъ люблю болѣе и болѣе, но постояннымъ къ самому себѣ. Я не могу вполнѣ выразить своего желанія. Еслибъ я былъ болѣе постояннымъ человѣкомъ, я бы ужился съ Баджеромъ или Кэнджемъ и Карбоемъ; я бы сталъ заниматься своимъ дѣломъ прилежно и систематически, и не имѣлъ бы долгу.

— А развы вы имѣете долгъ, Ричардъ?

— Да, небольшой, отвѣчалъ Ричардъ. — Къ тому же, надобно признаться, я слишкомъ пристрастился къ бильяру и къ подобнымъ тому развлеченіямъ. Я признался вамъ во всемъ. Скажите, Эсвиръ, не станете ли вы презирать меня за это?

— Вы знаете, что я не стану, отвѣчала я.

— Вы снисходительнѣе ко мнѣ, чѣмъ я самъ къ себѣ, отвѣчалъ онъ. — Милая Эсвиръ, я чувствую себя несчастнымъ, что до сихъ поръ не пристроился; но, скажите, какинъ образомъ могу я пристроиться? Еслибъ вы жили въ недостроенномъ домѣ, могли ли бы вы расположиться въ немъ спокойно? еслибъ вамъ суждено было бросать всякое предпріятіе неоконченнымъ, вамъ бы тяжело было взяться за что нибудь — вотъ таково и мое несчастное положеніе. Я съ самаго рожденія былъ обреченъ какой-то борьбѣ со всѣми ея случайностями и переменами, и эта борьба начала разстраивать меня прежде, чѣмъ я вполнѣ понималъ различіе между переменами закона и переменами платья. Съ тѣхъ поръ она лишила меня всякой возможности пристроиться въ жизни, такъ что я сознаю иногда, что я недостойнъ любить свою милую, преданную мнѣ, кузину Аду.

Мы находились въ уединенномъ мѣстѣ, и Ричардъ, закрывъ лицо руками, плакалъ, произнося эти слова.

— О, Ричардъ, сказала я : — зачѣмъ такъ печалиться ! У васъ благородное сердце, а любовь Ады будетъ съ каждымъ днемъ дѣлать васъ достойнѣе.

— Я знаю, моя милая, отвѣчалъ онъ, пожимая мнѣ руку : — я знаю все это. Не думайте, что въ настоящую минуту я чрезчуръ слабъ и откровененъ ; все, что я высказалъ вамъ, долго лежало у меня на сердцѣ, я не разъ собирался высказать вамъ это, но или не имѣлъ случая, или не доставало во мнѣ духа. Я знаю какую преремѣну должна производить во мнѣ одна мысль объ Адѣ, но до сихъ поръ она не произвела ее. Я еще до сихъ поръ не могъ сдѣлаться человѣкомъ основательнымъ. Я люблю Аду страстно, а между тѣмъ дѣлаю ей вредъ, дѣлая вредъ себѣ каждый день и каждый часъ. Впрочемъ, это не можетъ долго продолжаться. Мы услышимъ наконецъ, что дѣло наше кончилось въ нашу пользу и тогда вы и Ада увидите, что изъ меня еще можетъ быть !

Мнѣ грустно было слышать его рыданія и видѣть, какъ слезы струились между пальцами ; но еще грустнѣе были для меня его самоувѣренность и олушевленіе, съ которыми онъ говорилъ эти слова.

— Я разсматривалъ всѣ бумаги, Эсэиръ, я углублялся въ нихъ во цѣлыя мѣсяцаиъ, продолжалъ онъ, снова принимая веселое расположеніе духа : — и повѣрьте, что въ скоромъ времени мы выйдемъ побѣдителями. Медленность дѣлопроизводства, поглотившая Богъ знаетъ какое множество лѣтъ, служитъ нѣкоторымъ ручательствомъ, что дѣло наше кончится скоро ; оно уже готовится къ докладу. Все кончится прекрасно, и тогда вы увидите, къ чему я способенъ !

Вспомнивъ, какъ онъ за нѣсколько минутъ передъ этимъ подвдигъ Канджа и Карбоа подъ одну категорію съ Баджеромъ, я спросила его, когда онъ намѣренъ записаться въ Лицкольндинскій Судъ ?

— Когда ! Я думаю, что никогда, Эсэиръ, отвѣчалъ онъ съ усмѣшкой. — Мнѣ кажется, съ меня довольно и этого. Поработавъ по дѣлу Джорндисъ и Джорндисъ, какъ невольникъ, я вполнѣ утолилъ свою жажду къ познанію законовъ и увѣренъ теперь совершенно, что эта жажда не возобновится. Кромѣ того, я вижу, что она сильнѣе и сильнѣе удерживаетъ меня отъ постоянного стремленія на сцену дѣйствія. На чемъ же долженъ я сосредоточивать все свое вниманіе ? сказалъ Ричардъ съ полнымъ убѣжденіемъ.

— Не знаю, сказала я.

— Не смотрите так серьезно, отвѣчалъ Ричардъ: — лучше этого я ничего не могу сдѣлать. И не вижу необходимости посвящать себя какой нибудь процессіи. Кончится наша тѣжба, и я обезпечу на всю жизнь. Нѣтъ, нѣтъ. Я смотрю на это, какъ на занятіе, которое въ сущности болѣе или менѣе неосновательно, и потому соответствуетъ моему временному положенію; да, оно какъ нельзя болѣе соответствуетъ. Скажите, моя милая Эсмеръ, на чемъ же я долженъ сосредоточивать все свое вниманіе?

Я посмотрѣла на него и покачала головою.

— На чемъ, сказалъ Ричардъ тономъ полнаго убѣжденія: — на чемъ болѣе, какъ не на военной службѣ?

— На военной службѣ? повторила я.

— Непремѣнно. Миѣ остается только поступить въ нее... и тогда вы увидите!

Измѣстѣ съ этимъ онъ показалъ миѣ памятную книжку, въ которой сдѣланы были слѣдующія подробныя исчисленія: положимъ, что въ теченіе шести мѣсяцовъ, не бывъ въ военной службѣ, онъ задолжалъ двѣсти фунтовъ стерлинговъ; но что, будучи въ военной службѣ, въ теченіе такого же времени онъ не сдѣлалъ бы и гроша долгу, на что онъ уже далъ себѣ слово — эта мѣра должна сохранить четыреста фунтовъ въ годъ или двѣ тысячи фунтовъ въ пять лѣтъ, что составило бы весьма значительную сумму. Потомъ онъ такъ краснорѣчиво и такъ чистосердечно говорилъ, какую бы онъ сдѣлалъ жертву, удаливъ себя на время отъ Ады; говорилъ о ревностномъ желаніи, которое питалъ въ душѣ своей, чтобы отплатить ей за ея любовь, обезпечить ея счастье, исправить въ себѣ всѣ недостатки, приобрести для характера своего рѣшимость, онъ говорилъ это такъ чистосердечно, что миѣ становилось и больно, и грустно слушать его. Я воображала, чѣмъ все это кончится, чѣмъ могло оно кончиться, когда всѣ его прекрасныя качества такъ скоро и такъ вѣрно покрывались какой-то гибельной ржавчиной, разрушавшей все, на чемъ она оставалась!

Я говорила съ полною откровенностью, какою могла располагать, и съ полною надеждою, какую несомнѣнъ предвидѣла, и умоляла его, изъ любви къ Адѣ, не полагаться слишкомъ на рѣшеніе Верховнаго Суда. Ричардъ во всемъ соглашался со мной; онъ говорилъ о Верховномъ Судѣ, и о всемъ вообще; съ своимъ всегдашнимъ легкомысліемъ и рисовалъ свѣтлыя картины своей счастливой будущности, которая, увы! должна наступить для него съ окончаніемъ тѣжбы. Мы говорили много; но, заговоривъ о какомъ нибудь предметѣ, всегда переходили на несчастную тѣжбу.

Наконецъ мы положили къ скверу Сого, гдѣ Каади Джалиби назначила мнѣ свиданіе, какъ самое спокойное мѣсто въ окрестностяхъ улицы Ньюманъ. Каади была въ серединѣ сада и поспѣшила выйти оттуда, какъ только я показалась. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, Ричардъ оставилъ насъ.

— Принцъ на урокѣ, вонъ въ этомъ домѣ, сказала Каади: — и онъ досталъ для насъ ключи отъ сквера. Поэтому, если вы согласны погулять со мной, мы запремся здѣсь, и я спокойно выскажу вамъ все, для чего я хотѣла видѣть ваше доброе личико.

— Я совершенно согласна, моя милая, сказала я. — Ничего не можетъ быть лучше этой прогулки.

Вслѣдствіе этого Каади, нѣжно поцаловавъ мое доброе личико, какъ она выражалась, заперла двери, взяла меня подъ руку и мы спокойно приступили къ прогулкѣ.

— Дѣло вотъ въ чемъ, Эсэиръ, сказала Каади, вполне понимая и наслаждаясь моимъ искреннимъ расположеніемъ: — послѣднего, какъ вы сказали мнѣ, что очень дурно вступать въ бракъ безъ согласія матери, или даже держать ее въ совершенномъ невѣденіи касательно нашего обрученія (хотя я увѣрена, что она вовсе обо мнѣ не заботится), я считала долгомъ передать ваши мнѣнія Принцу. Во первыхъ потому, что я хочу извѣстать полезное изъ всѣхъ вашихъ совѣтовъ, а во вторыхъ потому, что у меня нѣтъ никакихъ секретовъ отъ Принца.

— Я думаю, Каади, онъ одобрилъ мой совѣтъ?

— О, моя милая! увѣрю васъ, онъ готовъ одобрить все, сказанное вами. Вы не можете себѣ представить, какъ онъ уважаетъ васъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Въ другой дѣвушкѣ, Эсэиръ, это уваженіе возбудило бы ревность; сказала Каади, смѣясь и качая головой: — но оно меня только радуетъ, потому что вы первая и лучшая моя подруга, и никто не сдумаетъ любить и уважать васъ такъ, чтобы мнѣ было пріятно.

— Клянусь, Каади, сказала я: — вы всѣ стоворились поддерживать во мнѣ хорошее распоряженіе духа. Итакъ, моя милая?

— Да, да; я сейчасъ расскажу вамъ все; отвѣчала Каади, скрестивъ свои руки на моей рукѣ. Мы долго говорили объ этомъ предметѣ съ Принцемъ, и я сказала ему: Принцъ, такъ какъ миссъ Соммерсонъ....

— Я надѣюсь, Каади, ты не назвала меня миссъ Соммерсонъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричала Каади, какъ нельзя болѣе довольная и съ лицомъ, сіяющимъ удовольствіемъ. — Я назвала тебя просто,

Эсэри. Вотъ я и сказала Принцу : «Такъ какъ Эсэри рѣшительно этого мнѣнія, она сама выразила его, и всегда намекаетъ на него, когда присылаетъ мнѣ тѣ миленькія письма, которыя ты, Принцъ, слушаешь съ такимъ удовольствіемъ, то я приготовилась открыть всю истину моей мамѣ, когда найдешь ты удобнымъ. Я думаю, Принцъ, сказала я, что, по мнѣнію Эсэри, мое положеніе будетъ болѣе выгодное, если ты такъ же, какъ и я, признаешься всею своему папѣ.»

— Да, моя милая, сказала я : — Эсэри, дѣйствительно такого мнѣнія.

— Значитъ, я поступила умно! воскликнула Каади. — Это очень беспокоило Принца не потому, чтобы онъ сомнѣвался въ справедливости словъ моихъ, но потому что онъ боялся за вѣжныя чувства своего родителя; онъ боялся, что признаніемъ своимъ убьетъ его; онъ боялся, что мистеръ Торвидронъ сочтетъ такой поступокъ непочтительнымъ. А вѣдь ты знаешь, Эсэри, какія у него изысканныя манеры, прибавила Каади : — и его чувства чрезвычайно вѣжны!

— Въ самомъ дѣлѣ, моя милая?

— О, чрезвычайно вѣжныя! Принцъ говоритъ то же самое. Такъ вотъ это-то и заставило мое милое дитя.... это названіе я пишу не къ тебѣ, Эсэри, сказала Каади въ видѣ извиненія, и лицо ея покрылось яркимъ румянцемъ : — я обыкновенно называю Принца милымъ дядятею.

Я засмѣялась; Каади тоже засмѣялась, раскраснѣлась еще болѣе и продолжала :

— Это заставило его, Эсэри...

— Кого же заставило, моя милая?

— О, какая ты скучная! сказала Каади, смѣясь : — кого больше, какъ не мое милое дитя! Это причинило ему безпокойство на цѣлыя недѣли и заставило его откладывать свое признаніе со дня на день. Наконецъ онъ сказалъ мнѣ : — Каади, если миссъ Коммерсонъ, которая пользуется такимъ расположеніемъ моего отца, согласится присутствовать при моемъ объясненіи, мнѣ кажется, я бы тогда рѣшился. Поэтому я и обѣщала ему просить тебя пріѣхать сюда. Крімъ того, я рѣшилась, сказала Каади, смотря на меня съ надеждою, хотя и бояливо : — въ случаѣ если ты согласишься, попросить тебя послѣ того сходять со мной къ моей мамѣ. Вотъ чтó хотѣла я выразить, когда въ письмѣ моемъ говорила, что намѣрена просить отъ тебя величайшей милости и помощи. И если, Эсэри, ты думаешь, что можно согласиться на это, мы оба были бы крайне обязаны тебѣ.

— Посмотримъ, Наади, сказала я, принимая задумчивый видъ. — Мнѣ кажется, что, въ случаѣ необходимости, я могла бы сдѣлать и болѣе этого. Во всякомъ случаѣ ты можешь располагать мною какъ и когда тебѣ угодно.

Каади была въ восторгѣ отъ моего отѣта. Она такъ была восприимчива ко всему, что только заключало въ себѣ ласку и ободраіе, какъ всякое другое нѣжное сердце, которое когда либо было въ этомъ мірѣ. Пройдя еще раза два по саду, Каади нашла совершенно новыя перчатки, оправала себя какъ можно лучше, чтобы не уронить себя въ глазахъ представителя прекрасной осанки и изящныхъ манеръ, и послѣ того мы отправились прямо въ улицу Ньюманъ.

Само собою разумѣется, Принцъ занятъ былъ уроками. Мы застали его съ ученицей, отъ которой нельзя было ожидать большихъ успѣховъ: это была упрямая, безтолковая, маленькая дѣвочка, съ сердитымъ лицомъ, грубымъ голосомъ, и съ неодушевленной недовольной мамою; успѣхи этой дѣвочки еще менѣе подавали надежды чрезъ замѣшательство, въ которое мы, приходомъ своимъ, поставили ея наставника. Урокъ наконецъ кончился, и когда маленькая дѣвочка переобула башмаки и закутала свое бѣлое кисейное платье въ большую шаль, ее увели домой. Послѣ небольшого приготовления мы отправились отыскивать мистера Торвидронъ. Мы застали его въ перчаткахъ и съ шляпою въ рукѣ. Какъ образецъ прекрасной осанки и изящныхъ манеръ, онъ сидѣлъ на софѣ въ своей отдѣльной комнатѣ, единственно спокойномъ уголкѣ во всемъ домѣ. По видимому, онъ отъдался совершенно на досугъ, отрываясь отъ времени до времени отъ легкой закуски. Туалетный ящикъ, щетки и другіе подобныя предметы, изящно отбланные, лежали около него въ пріятномъ безпорядкѣ.

— Батюшка, къ вамъ пожаловали миссъ Коммерсонъ и миссъ Джеллиби.

— Очаровательно! восхитительно! сказалъ мистеръ Торвидронъ, величаво приподнявъ правое плечо и кланяясь. — Позвольте мнѣ! (подавая намъ стулья). Прошу покорно садиться! (цалуя кончики пальцевъ лѣвой руки). Я въ восторгѣ! (прищуривая глаза своимъ и обращая ихъ къверху). Мое маленькое убожище вы превратили въ рай.

И онъ снова опустился на софу какъ единственный джентльменъ въ Европѣ

— Вы опять находите насъ, миссъ Коммерсонъ, за тѣмъ же занятіемъ: мы полируемъ, полируемъ и полируемъ! Опять прекрасный полъ поощряетъ и награждаетъ насъ, доставляя намъ честь и

удовольствие своимъ очаровательнымъ присутствіемъ. Это слишкомъ много въ выдѣлѣнныя времена; мы очень, очень переродились со времени Его Королевскаго Высочества Принца-Регента, моего благодѣтеля, если позволено мнѣ будетъ такъ выразиться, прекрасная осанка и изящныя манеры только что не впадаютъ въ грязь ногами механиковъ. Рѣдко, рѣдко достается иррегулярной осанкѣ и изящнымъ манерамъ насладиться улыбкой красоты.

Я не сказала ни слова и считала это за лучшей отвѣтъ. Мистеръ Торвидропъ взялъ щепотку табаку.

— Любезный сынъ мой, сказалъ онъ: — у тебя сегодня четыре урока. Я бы совѣтовалъ тебѣ скушать на скорую руку сандвичу.

— Благодарю васъ, батюшка, отвѣчалъ Принцъ: — не беспокойтесь, я буду аккуратенъ. Батюшка, смѣю ли я просить васъ приготовить къ тому, что я намѣренъ сказать вамъ!

— Праведное небо! воскликнулъ образецъ мацеръ, блѣдный и испуганный въ то время, какъ Принцъ и Кадди, рука въ руку, склонились верелъ нимъ на дощан. — Что это значитъ? Не съ ума ли вы сошли? О, ради Бога, говорите, что это значитъ?

— Батюшка, отвѣчалъ Принцъ съ величайшей скромностью: — я люблю эту молодую леди и даю слово жениться на ней!

— Дать слово жениться! вскричалъ мистеръ Торвидропъ, склоняясь на софу и закрывая лицо объими руками. — О, небо! до чего я дожилъ! Въ мое сердце пущена стрѣла моимъ роднымъ сыномъ!

— Мы уже давно дали слово другъ другу, дрожащимъ голосомъ сказалъ Принцъ: — и миссъ Коммерсонъ, узнавъ объ этомъ, посоветовала намъ признаться вамъ, батюшка, и была такъ добра, что согласилась присутствовать при нашемъ признаніи. Миссъ Джеллиби молодая леди, которая питаетъ къ вамъ, батюшка, глубокое уваженіе.

Изъ груди мистера Торвидропъ вырвался стонъ.

— Не огорчайтесь, батюшка! умоляю васъ, не огорчайтесь! произнесъ его сынъ. — Миссъ Джеллиби молодая леди; она питаетъ къ вамъ глубокое уваженіе. Соглашаясь вступить въ бракъ, мы поставляемъ себѣ въ священную обязанность заботиться о вашемъ спокойствіи.

Мистеръ Торвидропъ заплакалъ.

— Ради Бога, не огорчайтесь, батюшка! воскликнулъ сынъ.

— Сынъ, сынъ! оказалъ мистеръ Торвидропъ: — слава Богу, что твою покойную мать забавлялъ отъ такого удара. Поражай меня и не щади. Поражайте меня, сэръ; поражайте въ самое сердце!

— Не говорите такъ, батюшка, умоляя Принца со слезами : — ваши слова убиваютъ меня. Увѣрю васъ, мы поставляемъ себя въ священную обязанность заботиться о вашемъ спокойствіи. Каролина и я не забудемъ нашего долга ; мой долгъ въ отношеніи къ вамъ будетъ и ея долгомъ , мы дали и въ этомъ слово другъ другу ; такъ что, съ вашего одобренія и согласія, мы пошлѣмъ всю свою жизнь только тому, чтобъ доставлять вамъ спокойствіе и удовольствіе.

— Поражайте, сэръ, говорилъ мистеръ Торвидропъ:—поражайте въ самое сердце!

Я замѣтила, впрочемъ, что онъ внимательно слушалъ Принца.

— Неодвѣнный батюшка, говорилъ Принцъ : — мы очень хорошо знаемъ, что вы привыкли къ маленькому комфорту, на который вы имѣете полное право: мы поставимъ себя долгомъ и будемъ считать счастьемъ прежде всего доставлять вамъ это удовольствіе. Если нашъ союзъ покажется пріятнымъ вамъ, то благословите его вашимъ олобреніемъ и согласіемъ : вѣогда мы женимся , то первую мыслью нашею будетъ ваше спокойствіе. Въ нашей жизни вы постоянно будете главой и хозяйномъ; мы чувствуемъ, какъ естественно было бы съ нашей стороны, еслибъ мы не старались предупреждать ваши желанія, еслибъ не употребили бы всѣ возможности съ нашей стороны средства, чтобъ доставить вамъ спокойствіе.

Мистеръ Торвидропъ тяжело боролся съ своими чувствами, и снова выпрямился на софѣ. Его щеки раздувались надъ его тугозатянутымъ галстухомъ: въ эту минуту онъ представлялъ собою совершенный образецъ отеческой прекрасной осанки и издѣльных манеръ.

— Сынъ мой! сказалъ мистеръ Торвидропъ. — Дѣти мои! я не могу противостоятъ вашимъ мольбамъ. Будьте счастливы!

Его благосклонность, въ то время, какъ онъ поднималъ свою будущую невѣстку и протягивалъ руку своему сыну (который цаловалъ ее съ сыновнимъ почтеніемъ и благодарностію), была для меня самымъ невиданнымъ до того зрѣлищемъ.

— Дѣти мои, сказалъ мистеръ Торвидропъ, съ родительскимъ чувствомъ обнимая лѣвой рукой Кади и граціозно положивъ правую руку на бедро. — Сынъ мой и дочь моя, ваше счастье будетъ отнынѣ моимъ попеченіемъ. Я буду слѣдить за вами. Вы будете всегда жить со мной (подразумѣвая, вѣроятно, подъ этимъ, что я всегда буду жить съ вами), этотъ домъ отнынѣ будетъ вашимъ домомъ — словомъ сказать, вы имѣете теперь полное право считать и считать его своимъ домомъ. Живите счастливо и долго и раздѣляйте свою судьбу съ моею!

Могущество его прекрасной осанки и изящных манеръ было таково, что они дѣйствительно были прешагнута благодарностью, какъ будто вмѣсто того, что онъ, навязываясь жить вмѣстѣ съ ними на всѣ остальные дни своей жизни, принесла въ нихъ пользу огромную жертву.

— Что касается до меня, мой дѣти, сказалъ мистеръ Торви-дроупъ : — то я замѣтно начинаю вянуть и желѣть и не вижу возможности сказать, долго ли будутъ еще оставаться слабые слѣды прекрасной осанки и изящныхъ манеръ въ этотъ предѣльный и трагичѣйшій вѣкъ. Во всякомъ случаѣ, сколько будутъ позволѣть обстоятельства, я стану исполнять свой долгъ въ отношеніи къ обществу, и, по обыкновенію, буду показываться въ городѣ. Мои желанія и нужды весьма ограничены и удобоисполнимы. Дайте мнѣ вотъ эту маленькую комнатку, нѣсколько необходимыхъ вещей для туалета, скромный завтракъ поутру и умѣренный обѣдъ — и мнѣ больше ничего не нужно. Исполненіе этихъ нуждъ я предоставляю вашей любви ко мнѣ и уваженію, — все остальное я беру на себя.

Влюбленные вновь были тронуты его необыкновеннымъ великодушіемъ.

— Сынъ мой, сказалъ мистеръ Торвидроупъ : — относительно тѣхъ недостатковъ въ тебѣ — недостатковъ прекрасной осанки и изящныхъ манеръ, которыя рождаются съ человѣкомъ, которыя можно усовершенствовать изученіемъ, но никогда нельзя произвести по прихоти, въ этомъ ты по прежнему можешь положиться на меня. Я былъ вѣренъ моему дѣлу со времени Его Королевскаго Высочества Принца-Регента, и не сойду съ своего поста теперь. Нѣтъ, мой сынъ, не сойду. Если ты съ гордостію смотришь на положеніе своего отца, то будь увѣренъ, что его положеніе останется навсегда незапятнаннымъ. Что же касается до тебя Принцъ, у котораго совсѣмъ другой характеръ (да мы и не можемъ и не должны быть одинаковы во всемъ), ты долженъ работать, трудиться, приобретать деньги и по возможности распространять кругъ своихъ занятій.

— Въ этомъ вы можете положиться на меня, неопѣненный батюшка: я говорю вамъ это отъ чистаго сердца, отвѣчалъ Принцъ.

— Я не сомнѣваюсь въ этомъ, сказалъ мистеръ Торвидроупъ. — Твои качества, мой сынъ, не блестящи, но она впрочемъ и полезны. Дѣти мои, словами моей покойной жены, на жизненный путь которой я имѣлъ счастье пролить нѣкоторый лучъ свѣта, я долженъ сказать вамъ обоимъ : заботьтесь о нашемъ заведеніи, заботьтесь о моихъ скромныхъ нуждахъ — и да благословитъ васъ Богъ !

Послѣ этого старикъ Торвидроупъ сдѣлался такъ любезенъ, вѣроятно, въ ознаменованіе счастливаго событія, что я сказала Кадди,

если она захвѣрена идти домой сегодня, то не слѣдовало медлить. Поэтому мы отправились послѣ вѣжнаго прощанія между Каади и ея женихомъ. Во всю дорогу Каади была такъ счастлива и такъ чистосердечно выхваляла мистера Торвидропъ-старика, что я ни подъ какимъ видомъ не рѣшилась бы произнести и слова въ его порицаніе.

Въ онахъ дома, гдѣ проживало семейство Джеллиби были приклеены билеты, извѣщающіе, что домъ отдается въ наемъ. Она казалась мрачнѣе, грязнѣе и пустыннѣе, чѣмъ когда набудь. Два два тому назадъ, имя несчастнаго мистера Джеллиби появилось въ спискѣ ехъ банкротовъ, и онъ сидѣлъ, запершись, въ столовой съ двумя джентльменами, посреди кучи синихъ мѣшковъ, счетовъхъ книгъ и бумагъ, и дѣлалъ отчаянныя усилія разъяснить свои дѣла. Они, казалось ниѣ, были недоступны для его понятія, потому что когда Каади, по ошибкѣ, завела меня въ столовую, я увидѣла, что мистеръ Джеллиби, въ очкахъ, сидѣлъ въ углу между обѣдешнымъ столомъ и двумя джентльменами и казался безчувственнымъ ко всему, что вокругъ его дѣлалось.

Поднимаясь наверхъ въ комнату мистриссъ Джеллиби, мы не встрѣчали дѣтей: всѣ они выжидали на кухнѣ; не встрѣтили тамъ ни одной служанки. Мы застали мистриссъ Джеллиби среди громадной корреспонденціи: она распечатывала, читала и сортировала письма; на полу лежала гора рваныхъ конвертовъ. Она была такъ углублена въ свои занятія, что сначала не узнала меня, хотя и смотрѣла на меня своимъ страшнымъ, свѣтлымъ, устремленнымъ вдаль взглядомъ.

— Ахъ, миссъ Сомерсоувъ! сказала она наконецъ. — Извините меня! Я никакъ не думала видѣть зась у себя. Надѣюсь, что вы здоровы, и что мистеръ Джорджисъ и миссъ Кларъ также здоровы.

Въ свою очередь и я выразила свою надежду на здоровье мистера Джеллиби:

— Не совсѣмъ здоровъ, моя милая, сказала мистриссъ Джеллиби спокойнѣйшимъ образомъ. — Онъ былъ несчастливъ въ своихъ дѣлахъ и теперь въ дурномъ расположеніи духа. Къ счастью моему, что при своихъ занятіяхъ, и не имѣю времени думать объ этомъ. Въ настоящее время у насъ собралось, миссъ Сомерсоувъ, пятьдесятъ семействъ, круглымъ числомъ по пяти человекъ въ каждомъ, и всѣ они или отправились уже, или отправляются, на лѣвый берегъ рѣки Нигра.

Я подумала объ одномъ семействѣ, такъ хорошо знакомомъ намъ; которое не отправилось еще и не отправлялось на лѣвый

берегъ рѣки Нигра и удивлялась почему это обстоятельство ее не безпокоило.

— Я вижу, вы привели съ собой Каади; замѣтила мистриссъ Джеллиби, взглянувъ на свою дочь: — видѣть ее здѣсь сдѣлалось совершенной рѣдкостью. Она совсѣмъ почти бросила свое прежнее занятіе, и черезъ это заставляеть меня нанимать мальчика.

— Я увѣрена, ма... начала было Каади.

— Я тебѣ говорю, Каади, перебила ее мать мягкимъ тономъ: — я тебѣ говорю, Каади, что я нанимаю мальчика, который въ эту минуту обѣдаетъ. Какая же польза изъ твоихъ возраженій?

— Я и не дѣлаю вамъ возраженій, отвѣчала Каади. — Я только думала сказать, что вы вѣрно не захотѣли бы, чтобъ я всю свою жизнь сидѣла за письменнымъ столомъ.

— Однако, я думаю, моя милая, что касательно трудолюбія, ты должна брать примѣръ съ своей родной матери, сказала мистриссъ Джеллиби, продолжая распечатывать письма и бросая бѣглый взглядъ на каждое изъ нихъ, сортировала ихъ и говорила. — Вотъ еще новости. Сидѣть всю жизнь за письменнымъ столомъ! Еслибъ ты имѣла хоть сколько нибудь сочувствія къ судьбамъ человѣческаго рода, ты бы не рѣшилась сдѣлать мнѣ подобный отвѣтъ; твои идеи были всегда выше той, которую ты высказывала. Но ты не имѣешь сочувствія. Я часто говорила тебѣ, Каади, что ты вовсе не имѣешь сочувствія.

— Дѣйствительно, ма, къ Африкѣ я вовсе не имѣю его.

— Конечно не имѣешь. Не имѣй я такихъ многотрудныхъ занятій, миссъ Сомерсонъ, это совершенно бы убило меня, сказала мистриссъ Джеллиби, вѣжно останавливая на мнѣ взоръ свой и раздумывая, куда ей положить только что распечатанное письмо. — Но я такъ много должна думать и сосредоточивать свои мысли на дѣлахъ, касающихся до племени Боррібула-Ха и вообще до Африки, что въ этомъ заключается мое лекарство.

Когда Каади бросила на меня умоляющій взглядъ и когда миссъ Джеллиби устремила взоръ свой въ Африку прамехонько склонивъ мою шляпку и голову, я считала эту минуту за удобнѣйшую, чтобы приблизиться къ цѣли моего посѣщенія и овладѣть вниманіемъ мистриссъ Джеллиби.

— Быть можетъ, начала я: — вы удивитесь, если я скажу вамъ что привело меня сюда прервать ваши занятія.

— Я всегда очень рада видѣть васъ, миссъ Сомерсонъ, въ моемъ домѣ, сказала мистриссъ Джеллиби, продолжая свое занятіе съ спокойной улыбкой. — Хотя я и желала бы... и при этомъ она покачала

головой, — хотя я и желала бы, чтобъ миссъ Сомерсонъ приняла болѣе участія въ Борриобульскихъ дѣлахъ.

— Я пришла сюда съ Каади, сказала я: — потому что Каади считаетъ долгомъ ничего не скрывать отъ своей матери и полагаетъ, что я помогу ей (хотя, съ своей стороны, я совершенно не знаю, какъ и чѣмъ могу я помочь) при открытїи вамъ одной изъ ея тайнъ.

— Каади, сказала мистриссъ Джеллиби, отрываясь на минуту отъ своего занятія и потомъ покачавъ головой, съ прежнимъ спокойствїемъ принялась за него: — ты, вѣрно, хочешь сообщить мнѣ какой нибудь взоръ?

Каади развязала свою шляпку, сняла ее, и, взявъ за концы лентъ, залилась слезами и сказала: — мама я дала слово выйти замужъ!

— О какая ты смѣшная! замѣтила мистриссъ Джеллиби, разсѣянно разсматривая распечатанную депешу: — какая ты глупая, Каади!

— Я дала слово выйти замужъ, ма; говорила, рыдала, Каади: — за молодого мистера Торвидропъ, учителя въ танцевальной школѣ и старшій мистеръ Торвидропъ, настоящій джентльменъ, согласился на нашъ бракъ; я прошу теперь и умоляю васъ, дайте вы свое согласіе, безъ котораго, ма, я никогда не буду счастлива; никогда, никогда!

И Каади продолжала рыдать, забывая все, что переносила она. Въ эту минуту она помнила только свою привязанность къ матери.

— Видите, миссъ Сомерсонъ, замѣтила мистриссъ Джеллиби довольно сурово: — видите, какое счастье имѣть столько занятій и сосредоточивать на нихъ всѣ свои мысли. Вотъ Каади дала слово выйти замужъ за сына танцмейстера, связалась съ людьми, которые не имѣютъ ни малѣйшаго сочувствія къ судьбамъ человѣческаго рода! Между тѣмъ какъ мистеръ Гушеръ, одинъ изъ первѣйшихъ филантроповъ нашего времени, говорилъ мнѣ по секрету, что онъ интересуется моей дочерью!

— Ма, я всегда ненавидѣла и презирала мистера Гушера! сказала Каади, не прекращая рыданій.

— Каади, Каади! возразила мистриссъ Джеллиби, распечатывая новое письмо съ неподражаемымъ спокойствїемъ. — Я нисколько не сомнѣваюсь въ этомъ. Да и могла ли ты поступить иначе, будучи совершенно лишена тѣхъ симпатій, которыя въ немъ преобладаютъ! Еслибъ мои общественныя занятія не были для меня любимымъ дѣтищемъ, еслибъ я не занималась планами въ громадныхъ размѣрахъ, эти мелочи могли бы сильно огорчать меня, миссъ Сомерсонъ. Но могу ли я позволить, чтобъ глупый поступокъ со сто-

ровы Каади (отъ которой я лучшаго никогда и не ждала) поставилъ бы преграду между мною и Африкой? Нѣтъ, нѣтъ, повторала мистриссъ Джеллиби тихимъ, но звучнымъ, голосомъ и съ пріятной улыбкой распечатывала письма и сортировала ихъ: — нѣтъ, нѣтъ, миссъ Сомерсонъ!

Я до такой степени не была подготовлена къ столь холодному приему, хотя и могла рассчитывать на него, что не находила словъ отвѣтить ей. Каади, точно также какъ и я, совершенно растерялась. Мистриссъ Джеллиби продолжала распечатывать письма и безпреставно повторала весьма пріятнымъ голосомъ и съ самой пріятной улыбкой: — нѣтъ, миссъ Сомерсонъ, со мной этого не можетъ случиться.

— Надѣюсь, ма; сказала наконецъ Каади, рыдая: — вы не сердитесь на меня?

— О, Каади, какая ты въ самомъ дѣлѣ несносная, отвѣчала мистриссъ Джеллиби: — ну идетъ ли дѣлать подобныя вопросы послѣ того, какъ я тебѣ сказала о моемъ исключительномъ занятіи.

— И я надѣюсь, ма, вы дадите свое согласіе и пожелаете намъ счастья? сказала Каади.

— Ты безсмысленный ребенокъ, ужъ потому, что сдѣлалъ подобный поступокъ, сказала мистриссъ Джеллиби: — ты никуда годный ребенокъ, если не хотѣлъ посвятить себя общественной пользѣ. Но шагъ сдѣлавъ, я наняла уже мальчика для переписки, больше мнѣ ничего не остается сказать. Пожалуйте, Каади, озадала мистриссъ Джеллиби, потому что Каади наклонилась къ ней и начала ее целовать: — не мѣшай мнѣ заниматься моимъ дѣломъ, дай мнѣ разобрать эту кучу бумагъ до прихода вечерней почты.

Въ это время я считала за лучшее уйти, но была удержана еще на минуту словами Каади.

— Вы не рассердитесь, ма, если я представлю вамъ его?

— О, Боже мой, Каади, вскричала мистриссъ Джеллиби, снова погруженная въ африканскія размышленія: — ты опять свое начала? Кого ты хочешь представить?

— Его, мама.

— Каади, Каади! сказала мистриссъ Джеллиби, совершенно утомленная такими мелочами: — ужъ если ты хочешь, такъ пожалуйста не приводи его въ дни, назначенные для нашихъ комитетскихъ собраний. Ты должна устроить этотъ визитъ, когда я буду совершенно свободна. Моя милая миссъ Сомерсонъ, вѣроятно, очень добра, если рѣшилась прійти сюда и помочь этой глупешкой дѣвчонкѣ. Прощайте! Когда я скажу вамъ, что передо мной лежитъ пятьдесятъ восемь новыхъ писемъ отъ различныхъ фабрикантовъ, кото-

рью нетерпѣливо желаютъ узнать всѣ подробности касательно африканскихъ туземцовъ и воздѣлыванія кофе; то, кажется, мнѣ не нужно представлять вамъ извѣстнѣй въ томъ, что я очень занята.

Спускаясь съ лѣстницы, я несколько не удивлялась, что Кадаи была въ грустномъ расположеніи духа; не удивлялась тому, что она рыдала, склонивъ свою голову ко мнѣ на плечо; не удивлялась словамъ ея, что ей легче было бы выслушать жестокою брань, нежели видѣть такое равнодушіе; не удивлялась и признанію ея, что гардеробъ ея былъ такъ скудезь, что она не знала какъ ей выйдти и замужъ. Мало по малу я старалась утѣшить ее, доказывая ей сколько хорошаго могла она одѣвать для своего несчастнаго отца и для бѣднаго Пипи, когда будетъ имѣть свой уголокъ. Наконецъ мы спустились въ сырую темную кухню, гдѣ Пипи и его маленькіе братцы и сестрицы ползали на каменномъ полу, в гдѣ мы такъ разыгрались съ ними, что если бы я не прибѣгнула къ сказкамъ, то платье мое было бы взорвано на клочки. Отъ времени до времени долетали до насъ сверху громкіе крики и слышался сильный стукъ мебели. Я боялась, что причиной этихъ голосовъ и этого стука, можетъ мистеръ Джеляби, когда онъ, при каждой новой попыткѣ уразумѣть свои дѣла, вырывался изъ за стола и подходилъ къ окну съ тѣмъ, чтобы броситься въ него на мостовую.

Возвращаясь ночью послѣ такого шуму и хлопотъ, испытанныхъ мною въ теченіе дня, я все время думала о предстоящемъ замужествѣ бѣдненькой Кадаи, и почти была увѣрена, что она будетъ счастлива, несмотря что въ мои размышленія часто виѣшивалась мистеръ Торвадронъ старшій. И если мнѣ приходила иногда въ голову мысль о томъ, дѣйствительно ли они понимали, что значатъ прекрасная осанка и изящныя манеры? я была увѣрена, что отъ этого не было бы имъ ни хуже, ни лучше. Я желала одного, чтобъ они были счастливы, и съ этой мыслью я смотрѣла на звѣзды и вспоминала о путешественникахъ въ отдаленныхъ странахъ, я представляла себѣ звѣзды, которыми въ одно время со мной любовались они и въ то же время полагала, что, можетъ быть, и я, совершая свой ограниченный земной путь, буду полезна кому нибудь изъ нихъ.

Въ Холодномъ Домѣ такъ всѣ были рады моему возвращенію (впрочемъ это и прежде такъ бывало), что я готова была плакать отъ радости, если бы только я была увѣрена, что мои слезы произведутъ на другихъ пріятное впечатлѣніе. Всѣ въ домѣ, отъ мала до велика, съ такимъ радушіемъ, съ такими свѣтлыми лицами встрѣтили меня, съ такимъ искреннимъ удовольствіемъ говорили со мной, считали за такое счастье угостить мнѣ въ чемъ нибудь, что,

мигъ вожется , въ міръ не было такого счастливаго совпаденія , ка-кимъ была я въ эти минуты.

Весь вечеръ проведешь былъ въ пріятной болтовнѣ ; я съ такими подробностями рассказывала Адѣ и моему онекуну о моей поѣздкѣ и о Калли, что по приходѣ въ свою комнату увидѣла, что лицо мое горѣло, и я немогла понять откуда взялось во мнѣ столько смелости говорить такъ долго.

Спусти нѣсколько секундъ кто-то тихо постучался въ мою дверь.

— Войдите ! сказала я.

И компѣ вошла маленькая дѣвочка , чистою одѣтая въ траурное платье.

— Извините, миссъ, сказала она нѣжнымъ голосомъ и присѣдая : — я Чарли !

— Неужели ! сказала я, наклонившись къ ней съ удивленіемъ и поцаловавъ ее. — Какъ я рада видѣть тебя, Чарли !

— Извините миссъ, продолжала Чарли тѣмъ же голосомъ : — я ваша горничная.

— Въ самомъ дѣлѣ, Чарли ?

— Точно такъ, миссъ. Честь имѣю представиться вамъ, по приказанію мистера Джорндиса, который посылаетъ вамъ свою любовь.

Я сѣла, обняла Чарли и стала смотрѣть ей въ лицо.

— О , миссъ , какъ могу я выразить вамъ свою благодарность ! сказала Чарли , скрестивъ руки на грудь , между тѣмъ какъ по ея щекамъ , на которыхъ рисовались ямочки , текли потокомъ слезы. — Томъ теперь въ школѣ и учится хорошо ; маленькая Эмма осталась у мистриссъ Бляндеръ , и какъ ее берегутъ , если бы вы знали ! Только мистеръ Джорндисъ , не знаю за чѣмъ , говоритъ , что намъ всѣмъ должно разлучиться.... то есть мнѣ съ Томомъ и Эмми.... вѣдь мы такія маленькія ! О , миссъ , о чемъ вы плачете ?

— Я не могу, Чарли, удержаться отъ слезъ.

— Я тоже не могу удержаться отъ слезъ , говоритъ Чарли. — Мистеръ Джорндисъ такъ любитъ васъ : онъ говоритъ и надѣется, что вы иногда поучите меня чему нибудь , что Томъ , Эмма и я будемъ видѣться разъ въ мѣсяцъ. О , миссъ , какъ я счастлива и благодарна вамъ ! Я постараюсь за это быть доброй и послушной дѣвочкой.

— Чарли ! ты только не забудь , кто осчастливилъ тебя !

— Нѣтъ, миссъ ; никогда, никогда не забуду. И Томъ и Эмма не забудутъ. Вы, миссъ , вы осчастливили насъ.

— Нѣтъ, Чарли, я ничего не знаю объ этомъ. — Это все сдѣлалъ для васъ мистеръ Джордисъ.

— Я знаю, миссъ; но онъ сдѣлалъ это изъ любви къ вамъ. Я и Томъ, и Эмма никогда не забудемъ этого.

Чарли отерла глаза и приступила къ исполненію своихъ обязанностей: она начала бѣгать по комнатѣ и приводить въ порядокъ все, что попадало ей подъ руки. Вдругъ она тихонько подиралась ко мнѣ и сказала :

— Не плачьте, миссъ; пожалуйста не плачьте.

И я опять ей сказала, что не могу удержаться отъ слезъ.

— Я тоже не могу удержаться отъ слезъ.

Я плакала отъ радости, и плакала не одна, но вмѣстѣ съ Чарли.

СВѢДѢНІЯ

О СОВРЕМЕННОМЪ СОСТОЯНІИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ТУРЦІИ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

ГЛАВА VI.

УПРАВЛЕНІЕ ТУРЦІИ: ХАРАКТЕРЪ ВЛАСТИ СУЛТАНА.

Описать современный государственный организмъ Турціи въ томъ видѣ, въ какомъ онъ находится въ настоящую минуту, невозможно: прежнія установленія разрушены, новыя еще не установились или существуютъ только по имени. Министерства безъ вѣдомства, вѣдомства безъ управленій, командиры новыхъ корпусовъ войскъ, живущіе преспокойно на берегахъ Босфора въ ожиданіи солдатъ, учебныя заведенія безъ учениковъ; новыя раздѣленія провинцій, существующія только на бумагѣ, а другія существующія на дѣлѣ, но непризнаваемыя на бумагѣ, новыя подати, которыхъ никто не платитъ, отмѣненные старыя, которыя продолжаютъ существовать, новыя должности, значенія которыхъ никто не знаетъ, не исключая и тѣхъ, кто облеченъ ими, и старыя, потерявшія правительственное значеніе, но сохраняющія значеніе въ дѣйствительности: вотъ что представляетъ турецкое управленіе въ современномъ своемъ состояніи, благодаря ревности французскихъ и англійскихъ преобразователей, воспользовавшихся слабостью и невѣжо-

ствомъ турокъ. Цѣлое столѣтіе англичане и французы заботятся томъ, чтобы создать изъ Турціи неодолимый оплотъ величію Россіи, еще въ концѣ прошедшаго столѣтія мысль эта проповѣдывалась печатно (*); а Турція падаетъ все глубже и глубже, и каждое нововведеніе, не вытекающее изъ духа народа, навязанное ему не сильно, разслабляетъ его все болѣе и болѣе. Нѣкоторые изъ такъ называемыхъ старыхъ турокъ видятъ это сами и думаютъ, не безъ основанія, что всѣ войны съ Россіею (обуздывавшія только изъ своеволіе и защищавшія христіанство) не принесли имъ столько существеннаго зла, сколько западные преобразователи. Но мы будемъ еще имѣть случай въ послѣдней главѣ разсказать смѣшную печальную исторію этихъ преобразованій, въ которыхъ англичане и французы строятъ войска, флотъ, министерства туркамъ точно такимъ же образомъ, какъ лиса строитъ курятникъ лъву въ басѣ Крылова; а теперь покажемъ въ бѣгломъ очеркѣ по крайней мѣрѣ главныя формы турецкаго государственнаго управленія.

Корень этого управленія тотъ же, каковъ былъ корень всѣхъ правительствъ Западной Азіи. Въ Восточной Азіи мы видѣли двѣ первыя формы патріархальнаго быта — *семейную* въ Китаѣ и *родовую* въ Индіи: въ Западной повсюду господствуетъ третья форма патріархальнаго быта — *племенная*; двѣ первыя формы дошли къ намъ неизмѣненными изъ глубины доисторическихъ временъ въ двѣ огромныхъ монархіяхъ Восточной Азіи: Западная же Азія во всемъ множествѣ своихъ государствъ, смѣнившихъ другъ друга и завалившихъ развалины развалинами, всегда осуществляла одну и ту же форму — *племенную*, исчерпывая по немногу ея обильное содержаніе. Ассирія, Вавилонія, Персія, монархія Кира, монархія Сассанидовъ, Селюкидовъ и наконецъ монархія Каджаровъ, Финикія, арабскій калифатъ и наконецъ Оттоманская Имперія представляютъ разныя ступени *племеннаго* быта и всѣ имѣютъ много общаго между собою

(*) Etat actuel de l'Empire Ottoman. Par Elias Abesci. Trad. de l'anglais 1792. Tom I, p. 98.

Le pas le plus important reste encore à faire: c'est de surmonter l'avers des Turcs pour les manières et les usages des Européens. Si l'on parvient à triompher, par quelque moyen que ce soit, le grand obstacle à leur civilisation, pourra prévenir la chute prochaine, et peut-être la dissolution totale de leur empire, car la seule ressource qui leur reste contre l'ambition, la politique profonde et la supériorité militaire des Russes, est d'engager à leur service autant d'officiers chrétiens expérimentés qu'ils pourront s'en procurer. Le grand seigneur déjà senti la nécessité d'adopter cette mesure.

Это писано въ 1783, и съ тѣхъ поръ англичане и французы, находясь въ мирѣ съ Россіею, приготавливали Турцію къ борьбѣ съ нею! Христіанская держава, поддерживающая исламизмъ — изъ зависти!

Читая исторію Кировой Монархіи, описаніе государственнаго управленія и придворныхъ чиновъ во времена Гистаспа, невольно припоминаешь теперешніе обычаи и государственное управленіе персовъ. Это вѣчная борьба добра и зла, свѣта и тьмы, Турана и Ирана, средне-азиатскихъ ордъ и осѣдлаго населенія. Ту же борьбу внесли турки и въ Малую Азію, а оттуда и въ Грецію; но тамъ получила она особый оттѣнокъ.

Въ древней и въ нынѣшней Персіи мы видимъ постоянное владычество одного племени надъ другими, и въ самомъ владычествующемъ племени *владычество одного поколѣнія надъ другими* (*ахеменидовъ надъ пассаргадами*, а пассаргадовъ надъ остальными племенами *парсовъ*, изъ которыхъ каждое имѣло свои особыя преимущества), что придаетъ всѣмъ государствамъ, возникшимъ на почвѣ Ирана, съ династіи Ахеменидовъ до династіи Каджаровъ, особенный характеръ государствъ, сложившихся изъ поколѣній и родовъ, изъ которыхъ каждое сохраняетъ свой характеръ и свои преимущества. Въ турецкомъ племени наоборотъ, патріархальныя преимущества сохранились только *за однимъ поколѣніемъ*, за тѣмъ же самымъ, подъ предводительствомъ котораго это племя за 600 лѣтъ тому назадъ прикочевало въ Анатолію изъ прикаспійскихъ степей и изъ туркоманской орды, подобной тѣмъ, которыя мы и теперь можемъ видѣть на сѣверной границѣ Персіи, превратилось въ Оттоманскую Имперію. За исключеніемъ одного этого поколѣнія, давшаго всѣхъ султановъ Турціи, и послѣднимъ представителемъ котораго въ настоящее время является Абдуль-Меджидъ, въ турецкомъ племени нѣтъ другихъ подраздѣленій. Это самое характеристическое отличіе турецкой монархіи отъ всѣхъ монархій, появившихся послѣдовательно въ Иранѣ. Мы сравниваемъ азіатскія государства только съ азіатскими же потому, что, по нашему мнѣнію, сравнивать ихъ съ европейскими, какъ дѣлаютъ иные, совершенно невозможно: между ними нѣтъ ничего общаго.

Власть первыхъ предводителей племени турокъ имѣла тотъ же характеръ, который вообще имѣетъ власть племеннначальника кочующей средне-азиатской орды, усиливающаяся во время войны, ослабѣвающая во время мира. Но, войдя въ Анатолію, турки находились въ постоянной войнѣ и потому понятно, что эта власть скоро должна была утратить всякій патріархальный оттѣнокъ и пріобрѣсти, если можно такъ выразится, характеръ диктаторскій. Этотъ характеръ *предводителя* кочующаго племени въ его вѣчной борьбѣ съ встрѣчающимися ему на пути осѣдлыми народами, которыхъ оно превращаетъ въ рабовъ и дашнаковъ, былъ зерномъ того понатія о

власти султана, которое мало по малу составилось въ исторіи Турціи.

Ерсогруль, подъ начальствомъ котораго турки въ 1231 году проникли въ Анатолію, былъ еще главою кочеваго, пастушескаго племени, пасущаго стада съ оружіемъ въ рукахъ ; но сынъ его Османъ уже промѣнялъ пастушескую жизнь на жизнь завоевателя и стада животныхъ на стада людей (райя значитъ стадо). Онъ освободился изъ подъ власти селджукида, Аладина, къ которому турецкая орда была въ томъ же самомъ отношеніи, въ какомъ и теперь многія туркоманскія орды находятся къ персидскимъ шахамъ ; она кочевала на его землѣ, сохраняя полную независимость. Съ согласія Аладина, Османъ принялъ титулъ *султана* въ 1299 году ; но его подданные еще не вовсе покинули свои стада. Султанъ значитъ собственно принцъ крови и означаетъ вынѣ лицо, принадлежащее къ властвующему поколѣнію. Этотъ титулъ дается братьямъ, сестрамъ и дѣтямъ падишаха, съ тою только разницею, что при мужескихъ именахъ титулъ этотъ предшествуетъ собственному имени, а при женскихъ наоборотъ ; такъ напримѣръ : *султанъ Базетъ*, *султанъ Махмудъ* и *Эсма султанъ*, *валиде султанъ* (султанша мать) и т. п. До этого времени предводители турецкаго племени вѣроятно назывались, какъ и всѣ предводители монголо-турецкихъ, средне-азиатскихъ племенъ, просто *ханами* : титулъ хановъ сохраняется султанами и по нынѣ.

Съ этимъ воишественнымъ и кочевымъ значеніемъ верховной власти предводителя турецкаго племени совпало, какъ нельзя болѣе, усвоенное ими впоследствии значеніе главы правовѣрныхъ мусульманъ.

Селимъ I, завладѣвши Египтомъ и взявши въ плѣнъ послѣдняго изъ аббасидовъ, Могамеда XII, имѣвшаго титулъ *халифа*, принудилъ его отказаться отъ своего званія въ пользу турецкихъ султановъ и взялъ отъ него регалии халифата : знамя, мечъ и плащъ Могамеда ; а въ слѣдующемъ 1518 году Шерифъ Мекки, Могамедъ-Абуль-Берекіать вручилъ султану ключи отъ мекской мечети, и съ тѣхъ поръ султаны присоединили къ своимъ титуламъ титулъ *халифа и служителя двухъ священныхъ городовъ* (Мекки и Медины).

Иные писатели отвергаютъ всякое религиозное значеніе въ титулѣ халифа и, не находя никакой духовной іерархіи въ мусульманствѣ, видятъ въ халифѣ только народоначальника ; но такъ какъ халифатъ не былъ какимъ нибудь національнымъ установленіемъ, а вообще установленіемъ мусульманскимъ и означаетъ собственно *наипотника пророка*, а потому и повелителя правовѣрныхъ, то

трудно отрицать въ немъ всякое религіозное значеніе. Въ магометавствѣ, правда, нѣтъ духовной іерархіи въ европейскомъ смыслѣ этого слова, и званіе халифа не есть потому духовное званіе, но тѣмъ не менѣе оно сохраняетъ религіозное значеніе. Впрочемъ, званіе халифа, права и обязанности котораго довольно точно опредѣлены мусульманскими законами, не только не вытѣснило и не замѣнило собою значенія племенноначальника, предводителя орды, *хана*, потомка Османа, но и осталось до сихъ поръ въ институтѣ верховной власти Турціи понятіемъ второстепеннымъ. Султанъ турецкій прежде всего начальникъ и предводитель завоевательнаго племени, распространяющаго вмѣстѣ съ кораномъ и свое могущество, а потому уже халифъ.

Должно замѣтить, что первые арабскіе халифы были, какъ извѣстно, избираемы послѣдователями Могамеда изъ *ашабовъ*, спутниковъ пророка, и потому имѣли право толковать его ученіе и, такъ сказать, развивать далѣе коранъ. Но со времени Моави, когда титулъ халифовъ сдѣлался наследственнымъ въ фамиліи оммйадонъ и аббасидовъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ утратилъ большую часть своего религіознаго значенія, и послѣдующіе халифы, являясь предводителями правовѣрныхъ въ той вѣчной борьбѣ, на которую высылалъ ихъ коранъ, теряютъ уже значеніе *ашабовъ*, непосредственныхъ учениковъ Могамета и потому толкователей корана: это право переходитъ съ тѣхъ поръ въ руки улемовъ.

Какъ *ханъ* азіатскаго племени и притомъ такого азіатскаго племени, которое находится въ самой высшей, самой послѣдней ступени патріархальнаго разложенія, въ которомъ *стерты уже послѣдніе признаки родоваго быта*, — гдѣ родъ, уставляющій все въ Индіи, и семейство, преобладающее въ Китаѣ, не имѣютъ уже никакого общественнаго значенія, — турецкій султанъ является властителемъ надъ *однообразною* массою народа, въ которомъ нѣтъ уже никакихъ ни родовыхъ, ни семейныхъ воспоминаній, съ такою силою живущихъ еще въ Персіи внутри племенной оболочки. Одно поколѣніе Османа сохранилось въ этомъ разложеніи племени: другихъ поколѣній въ Турціи нѣтъ, да и самыя близкія родовыя связи почти не существуютъ. Племя только въ Турціи достигаетъ высшей своей ступени; семейство, родъ, поколѣніе уже исчезаютъ въ немъ и всѣ власти переходятъ въ руки одного, передъ которымъ *все равны*. Турція въ этомъ отношеніи является послѣднимъ словомъ азіатскаго патріархальнаго быта Азіи: далѣе этотъ бытъ не идетъ. Вотъ историческая причина того общезавѣстнаго явленія, что въ Турціи между сыномъ конюха и сыномъ визиря нѣтъ никакого различія.

Большая часть визирей Турціи была изъ самаго низкаго званія. Вотъ также и историческая причина и того явленія, чуждаго остальной Азіи, что въ Турціи сынъ казненнаго преступника не стыдится преступленій своего отца и преспокойно изображаетъ на его могильномъ камнѣ плаху, висѣлицу или колъ, смотря по тому, какая казнь пресѣкла его дни. Это отсутствіе всякой родовитости и даже всякой семейственности въ общественномъ бытѣ Турціи даетъ главную черту, *красную нить* ея исторической и политической характеристики и дѣлаетъ ее послѣднею ступенью азійскаго патриархальнаго быта. Мусульманство, конечно, не поддерживаетъ семейныхъ началъ, но и не разрушаетъ ихъ тамъ, гдѣ они существуютъ, напримѣръ въ Босніи и Болгаріи. Многоженство, конечно, чистотѣ семейнаго быта, но въ Китаѣ многоженство оставляетъ семейныя начала во всей ихъ полнотѣ. Отсутствіе же поколѣнія, рода и семейства въ Турціи есть особенность азійскаго народа, достигшаго послѣдней степени развитія племеннаго начала — послѣдней ступени патриархальнаго быта.

Вся исторія многочисленныхъ государствъ Ирана представляетъ вѣчную однообразную борьбу рода и племени или, лучше сказать, патриархальныхъ воспоминаній съ могучею силою времени, постоянно заливающаго новыми волнами кочующихъ племенъ эти преданія старины: за горами Курдистана въ Анатоліи, Сиріи, Месопотаміи, въ пустыняхъ Аравіи форма племенная устанавливается. Вотъ историческая причина того явленія, что всѣ эти земли сдѣлались наслѣдствомъ того племени, которое достигло крайней ступени въ развитіи племенной формы. Завоеваніе турокъ въ Западной Азіи подводится такимъ образомъ подъ законы историческіе; но переходъ ихъ на почву Европы, на почву гражданственной, общественной жизни, на почву христіанства былъ уже историческимъ насиліемъ, отвѣтомъ Азіи на попытку македонскаго героя внести гражданственность въ патриархальныя нѣдра Востока.

Такимъ образомъ значеніе власти султана, какъ власти племенноначальника, хана, какъ власти предводителя кочующей орды (слово орда не заключаетъ въ себѣ ничего унижительнаго по турецкимъ понятіямъ, они сами зовутъ себя ордою), осталось и нынѣ остоюю верховной власти въ Турціи. Поколѣніе Ерсогула или лучше поколѣніе Османа дошло, не прерываясь, до настоящаго времени и буйные янычары, смѣняя ослабѣвшихъ падишаховъ, не дерзали никогда нарушить одного только правила, что падишахомъ Турціи ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть никто другой, какъ потомокъ Османа.

Когда янычары, раздраженные гордостью и жестокостью Байракта, взбунтовались и требовали низложенія Махмуда II и вторичнаго воцаренія низложеннаго прежде Мустафы IV, то солѣтники объявили султану, что одна только смерть его брата, Мустафы, можетъ прекратить возмущеніе: Мустафа былъ удушенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ по его повелѣнію былъ удушенъ Селимъ III. Извѣстіе о смерти Мустафы въ одно мгновеніе обезоружило янычаръ: Махмудъ II былъ единственнымъ представителемъ поколѣнія Османа! Это исключительное положеніе, въ которомъ онъ могъ не бояться уже смерти и низложенія, и дало ему ту силу въ преобразованіяхъ, которой не имѣли его предшественники. Турецкіе юристы, впрочемъ, говорятъ, что, въ случаѣ прекращенія османовой династіи, право на престолъ Турціи переходить къ потомкамъ крымскихъ хановъ, какъ происходящихъ изъ одного поколѣнія. (Всѣ главы средне-азиатскихъ ордъ ведутъ свое поколѣніе отъ Чингисхана.) Избирательное начало, бывшее въ халифатѣ, не имѣетъ никакого значенія въ Турціи.

Такимъ образомъ въ султанствѣ, или, лучше сказать, въ ханствѣ отъ халифата не осталось ничего, кромѣ нѣсколькихъ титуловъ, права обладать знаменемъ и мечемъ пророка и ключами Мекки, нѣсколькихъ обрядовъ, такъ, напримѣръ, чтеніе публичной молитвы въ оба праздника Байрама, и наконецъ той идеи, что ханъ турокъ наследовалъ отъ халифовъ обязанность лично предводительствовать правовѣрными мусульманами, распространяющими свою вѣру и присоединилъ эту обязанность къ обязанности хана кочующаго племени добывать своей ордѣ лучшія кочевья и питать ее насчетъ людскихъ стадъ — райевъ. Янычары и улемы нѣсколько разъ высказывали эту мысль, смѣняя визирей и падишаховъ за извѣженность, за лѣность и даже просто за потери, понесенныя ими въ войнахъ съ еретиками (персами) и невѣрными. Вотъ какое значеніе имѣетъ въ глазахъ турокъ ихъ падишахъ, и мы увидимъ далѣе, что этотъ взглядъ всегда служилъ дѣйствительнымъ критеріумомъ оцѣнки падишаха. Если онъ выполняетъ эту свою обязанность, то турецкіе историки охотно извиняютъ ему не только несправедливости и личныя жестокости, но и явное нарушеніе законовъ магометанства, и такіе султаны, какъ Баязеть I или Мурадъ IV всегда будутъ любимѣйшими государями Турціи.

Сущность власти хана орды и даже это названіе и понынѣ составляютъ основу во власти и титулѣ турецкихъ падишаховъ, и въ оффиціальныхъ бумагахъ слово *ханъ* предшествуетъ слову *падишахъ*, такъ, напримѣръ, Его Величество суданъ (князь) Мах-

мудь-Ханъ, императоръ оттомановъ (дѣтей Османа, такъ Османъ называлъ своихъ воиновъ, свою орду) или Абдуль-Меджидъ-Ханъ и т. д.

Титуль падишаха взятъ съ персидскаго языка: *падъ* значитъ покровитель, и *шахъ* — царь; титуль императора зашелъ изъ Европы. Кромѣ того, восточное краснорѣчіе украсило титуль султана множествомъ роскошныхъ эпитетовъ, какъ-то: «султанъ славныхъ султановъ, императоръ могущественныхъ императоровъ, раздаватель коронъ царямъ, сидящимъ на тронахъ, тѣнь Аллаха на землѣ, покровитель и господинъ святого Иерусалима, убѣжище справедливости и король королей, средоточіе побѣды, источникъ блаженства, императоръ двухъ земель и двухъ морей» и т. п.

На пятый или на шестой день своего взоцаренія новый султанъ въ сопровожденіи двора и улемовъ отправляется въ мечеть Ейюба, сподвижника и знаменосца Магомета, и тамъ опоясывается саблею пророка.

Указы султана называются *хати-шерифами*, или просто *хати* (письмо по преимуществу).

Таковъ характеръ власти падишаха — хана турецкой орды, по національнымъ понятіямъ.

ГЛАВА VII.

ТУРЕЦКІЕ ЗАКОНЫ. — УЛЕМЫ. — ТУРЕЦКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО. — ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ШЕЙХЪ-УЛЬ-ИСЛАМА.

Въ турецкомъ, какъ и во всякомъ другомъ азіатскомъ законодательствѣ, царствуетъ полное смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ элементовъ частной и общественной жизни: религіи, морали, гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, религіозныхъ обрядовъ и политическихъ установленій. Всѣ эти элементы сливаются въ безразличную массу совѣтовъ, приказаній, восторженныхъ восклицаній, философскихъ умозаключеній, историческихъ примѣровъ, перемѣшивающихся между собою въ самомъ безсознательномъ беспорядкѣ въ коранѣ, преданіяхъ и толкованіяхъ на коранъ и преданія. Въ коранѣ, какъ и въ священныхъ книгахъ Китая и Индіи, религія, философія и право еще не раздѣлены и существуютъ въ безсознательномъ единствѣ, и поклонникъ корана получаетъ въ немъ не только религію, но и законъ для своей частной и общественной жизни и даже болѣе законъ, нежели религію, такъ какъ въ *книгахъ*

китайскихъ болѣе морали, а въ индѣйскихъ *сѣдахъ* болѣе поэзіи и философіи.

Но коранъ, отличающійся краткостью выраженій и множествомъ запутанностей и противорѣчій, конечно, не могъ вмѣстить въ себя разрѣшеній на всѣ случаи жизни, хотя и имѣеть притязанія на такую всеобъемлемость. Вотъ почему еще при жизни Магомета спутники его, Абу-Бекръ, Омаръ, Османъ, Али и другіе въ его отсутствіе давали уже *фетвы*, разрѣшенія, на тѣ случаи, о которыхъ не было упомянуто въ коранѣ. Послѣ смерти пророка, сподвижники его, стараясь разрѣшать различные жизненные случаи, припоминали слова и дѣйствія Магомета, и изъ этихъ воспоминаній образовалась *сунна*, изложенная въ шести книгахъ. Однако, уже первые халифы часто встрѣчали случаи, на которые не находили разрѣшенія ни въ коранѣ, ни въ суннѣ и прибѣгали тогда къ совѣтамъ *ашабовъ* — сподвижниковъ пророка; а если и ашабы не могли также припомнить или отыскать ничего относящагося къ данному случаю ни въ коранѣ, ни въ жизни Магомета, тогда халифы постановляли уже собственное свое рѣшеніе. Изъ этихъ рѣшеній составилъ особый источникъ мусульманскаго законодательства. За современниками и спутниками пророка и первыми халифами слѣдовали ихъ непосредственные ученики (*табины*), а за ними уже знаменитые ученые, прославившіеся въ цѣломъ мусульманствѣ своимъ глубокомысліемъ, позваніями и жизнью, таковы были Ебу-Ганнифе, Малики, Шафійи и Ганбелъ, и проч. Турецкіе законники насчитываютъ болѣе двухъ-сотъ правовѣдовъ, которые своими рѣшеніями и толкованіями дополнили и пояснили коранъ и сунну. Изъ всего этого множества толкованій и рѣшеній составились впоследствии два свода. Первый сводъ былъ составленъ *грекамъ*, принявшимъ магометанство, Молла Хозревою въ 1470 году, который занималъ тринадцать лѣтъ должность шейхъ-уль-ислама при Магометѣ II. Второй сводъ сдѣланъ ученымъ шейхомъ Ибрагимомъ Галеби, умершимъ въ Константинополѣ въ 1549 году. Въ этомъ послѣднемъ сводѣ соединены всѣ постановленія исламизма, и онъ во многомъ по формѣ напоминаетъ кодексъ римскаго права, хотя законы религіи, мораль, обряды, законы охоты находятъ въ немъ себѣ мѣсто.

Здѣсь мы замѣтимъ кстати, что турки, завладѣвъ Византійской Имперіей, если и не были въ свою очередь поглощены ея цивилизаціею, какъ, напримѣръ: монголы и потомъ манжурѣ въ Китаѣ; тѣмъ не менѣе приняла въ себя множество элементовъ изъ ея разлагающагося тѣла. Это проникновеніе стеной имперіи отжившими эле-

ментами Рима совершалось весьма естественно. Султаны, сдѣлавшіеся изъ повелителей степной орды обладателями огромныхъ, богатыхъ и образованныхъ земель, захотѣли окружить себя пышностью и блескомъ, и дворъ византійскихъ императоровъ, отличавшійся самою запутанною іерархіею безконечнымъ чиновъ, послужилъ образцемъ для образованія двора падишаха. Византійскіе софисты, ученые и юристы, принявшіе магометанство, имѣли рѣшительное вліяніе на характеръ турецкой учености и юриспруденціи. То же самое мы видимъ и въ арабскомъ халифатѣ; но арабы наслѣдовали древнюю, классическую греческую и римскую ученость, а турки только одражѣвшее византійское разглагольствованіе, страсть къ пустымъ софизмамъ и юридическому крючкотворству и, принявъ въ себя все мертвое, отжившее, не приняли единственнаго живого элемента Византіи — религіи, которую, посреди страшныхъ угнѣтеній, сохранило очищенное такимъ образомъ и обновленное греческое племя. Нужно было четыреста лѣтъ мусульманскаго тиранства, чтобы искупить всю дряхлость Византіи и произвести то химическое отдѣленіе, въ которомъ все отжившее, языческое, принадлежащее старости Рима, соединившись съ недостатками средне-азіатской орды, оставило грекамъ одинъ чистый элементъ православнаго христіанства, которое одно только спасло ихъ національность и соединяетъ ихъ нынѣ на одинъ общій подвигъ.

Читая исторію турецкой имперіи, видя отвратительныя явленія аvarхiи, продажности, шаткости установленій, ложныхъ мудрствованій умовъ, много походящихъ на римскихъ законниковъ, невольно припоминаешь сцены одражѣнія Рима и Византіи; но мы не имѣемъ здѣсь времени разбирать, что въ турецкомъ управленіи, въ турецкомъ характерѣ, въ турецкой учености и юриспруденціи принадлежитъ собственно средне-азіатской ордѣ, что халифату и что Византіи; намъ пора обратиться къ своему предмету.

Понятно, что при такомъ разнообразіи, запутанности, а слѣдовательно и безпрестанномъ противорѣчіи источниковъ турецкаго законодательства, при такомъ допущеніи толкованій и распространеній корана и сунны, при такомъ принятіи прежнихъ рѣшеній въ основу рѣшеній послѣдующихъ и, наконецъ, при такомъ множествѣ юридическихъ и религіозныхъ авторитетовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свою относительную важность, и которые часто всѣ противорѣчатъ другъ другу, скоро должно было образоваться особое сословіе истолкователей мусульманскаго закона, шаткій смыслъ котораго сдѣлался доступнымъ для немногихъ. Такими толкователями являлись сначала люди, извѣстныя своею ученостію въ мусуль-

манскомъ мірѣ, ученіе — улемы. Обширность этой учености была, конечно, относительна. Въ арабскомъ халифатѣ, гдѣ образованіе распространилось такъ скоро, улемы никогда не имѣли слишкомъ большаго политическаго значенія, хотя многіе изъ нихъ пользовались по своей учености огромною извѣстностью; но въ Турціи, гдѣ самое искусство читать и писать считалось уже ученостью, сословіе улемовъ пріобрѣло сильное вліяніе не только на народъ, но и на самихъ султановъ.

Институтъ *улемовъ* возникъ и развился самъ собою вмѣстѣ съ магометанизмомъ, основываясь на народномъ уваженіи и независимо отъ халифатства и султанства. Это не іерархія установленная магометомъ, но тѣмъ не менѣе существенная, неотдѣлимая сторона мусульманства. Халифатъ остался за султанами только номинально, какъ за предводителями правовѣрныхъ; въ дѣйствительности же всѣ его права и всѣ его обязанности сосредоточились въ рукахъ улемовъ. Первые халифы, желая придать своимъ повелѣніямъ религіозную силу, сами подтверждали ихъ *обыкновенно* ссылками на коранъ; но когда первобытный, религіозно-воинственный характеръ началъ утрачиваться, когда обширность завоеванныхъ областей заставила халифовъ пренебрегать скромными обязанностями судьи и вшама, тогда и для подтвержденія своихъ собственныхъ повелѣній они сами стали обращаться къ людямъ, которыхъ обязанность состояла въ томъ, чтобы рыться въ священныя книги, изучать ихъ смыслъ и открывать его тому, кто спроситъ, не мѣшаясь ни въ политику, ни въ частныя дѣла. Это-то, по видимому, безправное, беззащитное и смиренное положеніе первоначальныхъ улемовъ составило корень ихъ силы въ народномъ уваженіи и сдѣлало ихъ *фетвы*, совѣты, ссылки необходимыми не только для рѣшенія частныхъ дѣлъ, но и для сообщенія законной силы султанскому повелѣнію.

Сословіе улемовъ, принесшее столько зла христіанству, было уже сильно и многочисленно у турокъ и до завоеванія Константинополя; но со времени Магомета II это сословіе, существовавшее только на основаніи обычая, строится въ такую обширную и запутанную іерархію, что всѣ звенья ея мало извѣстны и въ самой Турціи. По завоеваніи Константинополя мы видимъ въ рукахъ *слабѣйшихъ* улемовъ, *во первыхъ*, треть всѣхъ завоеванныхъ земель, *во вторыхъ*, всю судебную часть, *въ третьихъ*, исключительное право толковать и объявлять законъ, *въ четвертыхъ*, всѣ мечети и всю обрядовую сторону магометанства, *въ пятыхъ*, всю ученость, *въ шестыхъ*, все народное образованіе. Словомъ вся духовная, моральная сила имперіи и мусульманства, для которой все остальное служить

только оболочкою, сосредоточилась въ этомъ громадномъ сословіи, построившемся въ самую сложную и сильную армію, покрывшую собою всю обширную область имперіи и выходящуюся одному избранному султаномъ изъ ихъ же среды шейхъ-уль-исламу. Это мусульманскій халифатъ внутри Турецкой Имперіи — халифатъ, существующій рядомъ съ туркоманскою ордою, посреди обширныхъ областей, населенныхъ покоренными народами — христіанами, непризнаваемыми за людей и входящими въ государственный составъ только какъ стада въ составъ орды.

Сначала сословіе улемовъ было для турецкихъ султановъ сильною поддержкою во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ; но потомъ, когда эпоха завоеваній миновалась и началась эпоха застоя и потомъ разложенія, то фетвы улемовъ не всегда стали соответствовать съ желаніемъ султановъ, и въ этихъ фетвахъ часто, подъ самою смиренною формою, стало выражаться намѣренное противодѣйствіе волѣ султана и глубокое сознаніе своей собственной силы. Необходимость фетвъ шейхъ-уль-ислама для превращенія султанскихъ хатти-шерифовъ въ законъ нигдѣ не выражена формально, и сами улемы безпрестанно твердятъ, что султанъ можетъ во всѣхъ случаяхъ поступать, какъ ему покажется лучшимъ; «они же могутъ только совѣтовать», но тѣмъ болѣе необходимы эти совѣты, потому что мусульмане, какъ и всѣ азіатцы, не раздѣляя религіи отъ гражданскаго закона, въ хатти-шерифахъ султана видятъ только временное расиораженіе; а въ учености улемовъ настоящей неподвижный законъ, построенный на коранѣ.

Со времени Мурада IV, который первый рѣшился казнить главу улемовъ и, избѣгая запрещеннаго законами пролитія крови, велѣлъ истолочь его въ ступѣ, шейхъ-уль-исламы принимаютъ оборонительное положеніе, и такъ какъ воинственный жаръ султановъ началъ ослабѣвать съ этого времени, то улемы не только начали отказывать въ своихъ фетвахъ султанскимъ хатти-шерифамъ, но даже начали дѣлать прямое нападеніе на права султана.

Чтобы дать ближайшее понятіе о кичливыхъ притязаніяхъ улемовъ и о смиренныхъ формахъ, въ которыхъ выражаются эти вовсе несмиренныя притязанія, мы приведемъ здѣсь представленіе шейхъ-уль-ислама, подавшее имъ въ началѣ прошедшаго столѣтія отъ лица всѣхъ улемовъ султану Ахмету III. Этотъ документъ не только показываетъ настоящее значеніе улемовъ; но отчасти и причины прежняго азіатскаго величія и теперешняго упадка Оттоманской Имперіи, а кромѣ того и объяснитъ, какую дружескую услугу оказали Турціи Англія и Франція, поставивъ султана во враждеб-

посъ отношеніи съ улемами. Русское оружіе, смиреніе мусульманство, смиреніе султановъ и улемовъ *имѣеть*, и турецкіе законники, срезавъ зубами, подписывали трактаты съ Россіей; вида какъ эти трактаты болѣе и болѣе обуздывали ихъ злобу на христіанъ, имѣвшихъ несчастье подпасть подъ мусульманское иго. Но, дѣйствуя благороднымъ оружіемъ, Россія не вмѣшивалась во внутреннее управленіе Турціи. Друзья же сдѣлали то, чего не сдѣлали враги. Французы и въ особенности англичане, привыкшіе извлекать выгоды изъ внутреннихъ несчастій государствъ, внесли раздоръ и въ государственный организмъ Турціи, раздоръ глубокій, непримиримый, слѣдствіемъ котораго будетъ, вѣроятно, окончательное паденіе Оттоманскаго государства не только въ Европѣ, но и въ Азіи, если только оно не успѣетъ свергнуть ненавистнаго для него чужеземнаго ига своихъ друзей и защитниковъ самодержавія Турціи. Объясняя этотъ важный документъ тамъ, гдѣ окажется нужнымъ, мы передадимъ такимъ образомъ нашимъ читателямъ довольно вѣрное понятіе о внутреннемъ составѣ Турецкой Имперіи.

«Во имя милосердаго и всемогущаго Аллаха, пранесши ему хвалы, чистыя какъ перлы, и поздравленія славному пророку, представляется *вратамъ блаженства* его покорнѣйшимъ рабомъ, что я давно уже искалъ случая бесѣдовать съ мудрецами закона, которые молятся за благоденствіе государства. за славу султановъ и за всѣхъ тѣхъ, которые оказали важныя услуги государству, не получивъ за это должнаго вознагражденія.

«Высокій султанъ, безъ сомнѣнія, ищетъ возможности всѣми средствами подкопать основанія злобы и выражаетъ намѣреніе возстановить справедливость во всѣхъ ея правахъ. А такъ какъ онъ не находитъ дурнымъ, чтобы ему дѣлали покорнѣйшее представленіе объ этихъ важныхъ предметахъ размышленія, то я и спѣшу представить эту записку, чтобы онъ зналъ причины безпорядка и какъ съ помощію Всевышняго можно искоренить зло:

«Надишахъ знаетъ, что порядокъ, процвѣтаніе государства и крѣпость исламизма сохраняемы были точнымъ исполненіемъ законовъ пророка, которые предписываютъ заботиться о подданныхъ, уважать людей, знающихъ законъ (т. е. улемовъ), вознаграждать истинно правотѣрныхъ, презирающихъ опасности въ битвахъ, дѣлать добро добрымъ и угнетать злымъ, сохранять уставы султановъ, вавшихъ предшественниковъ, подражать имъ въ ихъ добродѣтеляхъ, съ тѣмъ чтобы имперія, хорошо управляемая, процвѣтала какъ въ прежнія времена. *Впрочемъ, пусть могущественный надишахъ имѣеть успѣхъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и поступаетъ, такъ, какъ ему заблагоразсудится.*

«Высочайшій и великодушнѣйшій падишахъ, убѣдивше въры, защитникъ слабого, ужасъ преступника, гнѣвъ Аллаха на этой землѣ, долженъ знать, что славнѣйшіе падишахи до царствованія султана Солимана лично присутствовали въ диванѣ, управляли съ отеческою заботливостію, справлялись о всѣхъ дѣлахъ не только мусульманъ, но даже и райевъ, и распространяли свою заботливость на малѣйшія подробности финансовъ. Вашъ славный предокъ, султанъ Солиманъ, когда бывалъ въ главѣ своей арміи, получалъ полный отчетъ о всѣхъ разсужденіяхъ бывшихъ въ совѣтъ....

«Въ эти блаженные времена Мегмедъ-Паша сохранилъ званіе визири въ продолженіи пятнадцати лѣтъ, но тогда любимцамъ султана не позволялось толковать о первомъ министрѣ. Улемы были также ограждены отъ ихъ наущничества; и Джеладъ-бей за нарушение этого правила былъ сосланъ въ ссылку. Высочайшій и великодушнѣйшій государь! такъ поступали знаменитые султаны ваши предки; впрочемъ, пусть могущественный падишахъ имѣетъ успѣхъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и ноступаетъ такъ, какъ ему заблагоразсудится.

«Слуги великаго визири, беглеръ-беевъ (правителей областей, *есенджисовъ* (лицъ засѣдающихъ въ диванѣ) принадлежали всѣ къ сословію рабовъ. Люди свободнаго состоянія не допускались сюда по двумъ причинамъ: во первыхъ, потому что, такъ какъ всѣ слуги визири и ихъ дѣти свободны отъ налоговъ, то какъ для казны, такъ и для *заимовъ и тимариотовъ* (*) было отяготительно выбирать ихъ изъ числа людей, платящихъ подати. Вторая причина еще важнѣе первой; люди, привыкшіе носить оружіе, скоро дѣлаются неспособными къ войнѣ въ этихъ унижительныхъ должностяхъ. Высочайшій и великодушнѣйшій падишахъ! такъ поступали ваши предки и т. д.

«Должности беглеръ-беевъ и беевъ (**) доставались на долго искуснѣйшихъ въ военномъ дѣлѣ и въ наукѣ управленія. Эти должности не покупались ими и сохранялись въ продолженіи долгаго

(*) Занятыми и тимариотами назывались въ Турціи *сокии*, получившіе въ феодальное владѣніе извѣстные участки — *займаты* и *тимары*. Они должны были доставлять кавалерію, смотря по числу аспровъ дохода, и составляли лучшую кавалерію Турціи, замѣненную нынѣ такъ неудачно французскими повозочниками. Теперь кавалерія составляетъ, какъ мы увидимъ ниже, худшую часть турецкаго войска; а прежніе *сокии* были въ большей славѣ и не разъ своими стремительными ватискомъ свѣшивали ряды европейскихъ войскъ.

(**) Начальники провинцій и прелводители войскъ, эти званія никогда не раздѣлялись въ Турціи, оставшейся въ военномъ устройствѣ до послѣднихъ временъ.

времени. Тогда какъ только раздавался крикъ войны, то избраннѣйшее населеніе областей бралось за оружіе и если невѣрные осмѣливались нападать на гравицы, то головы ихъ являлись у подножія трона въ одно время съ извѣстіемъ о ихъ нападеніи.... *Высочайшій и могущественнѣйшій падатахъ!*...

«Въ эти счастливыя времена сераскиры (главнокомандующіе) посвящали добычу, отнятую у непріятеля, на основаніе мечетей, госпиталей и другихъ богоугодныхъ заведеній. (Всѣ эти заведенія и ихъ имуществва принадлежатъ Улемату.)

«Займы и тимариоты составляли лучшую часть войска. Помѣстья отдавались только дѣтямъ сипаевъ⁽¹⁾, и желающіе получить ихъ должны были представить въ доказательство истинности своего происхожденія свидѣтельство двухъ займовъ и двухъ тимариотовъ. Въ случаѣ ложнаго свидѣтельства преступники теряли свои собственныя помѣстья. Тимариотъ, ничѣмъ не отличившійся на войнѣ, не доставшій ни плѣнниковъ, ни *головъ*⁽²⁾, не получалъ вознагражденія: въ противномъ же случаѣ его помѣстье увеличивалось 10 процентами на 100, и его *тимаръ* превращался въ *займетъ*⁽³⁾, если онъ доставлялъ десять плѣнниковъ или десять непріятельскихъ головъ. *Высочайшій и великодущнѣйшій* и т. д.

«Визири и военные люди поставляли всю свою роскошь въ выборѣ лошадей и оружія, но не употребляли, какъ въ наши дни, серебра и золота на пустыя украшенія.

«Займы и тимариоты жили въ своихъ *санджанахъ*⁽⁴⁾. Всякое другое мѣсто жительства было имъ запрещено, потому что во всякое время они должны были быть готовы отражать непріятеля. Если *тимаръ* или *займетъ* оставался безъ наследниковъ, то беглеръ-бей отдавалъ его достоиннѣйшему и по его донесенію Порты (вели-

(1) Сипаи — кавалерія, доставляемая тимариотами и займами.

(2) Извѣстенъ обычай турокъ отрѣзывать головы у непріятельскихъ труповъ; во числу этихъ головъ считались збробсть мусульманина. Не знаемъ есго ли теперь шарамады головъ у двора султана; но еще *Махмудъ II*, этотъ первый *сверженній* государь въ Турціи, по выраженію французова, часто любовался таковы трофеями, составляющими истинное наслажденіе для азіатской черань.

(3) Тимаръ былъ больше займета, по количеству дохода; а потому выставлялъ и большее число всадниковъ.

(4) Займы и тимариоты раздѣлялись на *санджаны* или *знамена*, вокругъ которыхъ они и собирались на войну. Это дѣленіе, какъ мы уже говорили, сохраняется и до настоящаго времени у всѣхъ кочующихъ ордъ средней Азіи, и читатель, знакомый съ внутреннимъ устройствомъ этихъ ордъ, прекрасно наложивъ въ сочиненіяхъ г. Тихоноваго и о. Іанниова, найдетъ, что Оттоманская Имперія сохранила до настоящаго времени всѣ главныя черты этого устройства.

кѣи възирь и диванъ) утверждала его выборъ. Она никогда не располагала помѣстьями въ свою собственную пользу; а потому не видно было тѣхъ безпорядкомъ, плодовъ штриги, которые замѣчаются въ настоящее время. Если беглеръ-бей дѣлался виновнымъ въ пристрастіи, то обиженные могли свободно прибѣгать къ Портѣ и низложеніе виновнаго было тотчасъ же произносимо. *Высочайшій и могущественнѣйшій падишахъ* и т. д.

«Янычары, джебедгизы и вообще все войско пополнялось посредствомъ подати дѣтьми, которую обязаны были доставлять области, населенныя невѣрными, и этотъ обычай, освященный многими султанскими хатти-шерифами, соблюдался съ величайшей точностью. По осмотрѣ этихъ дѣтей при возвышенной Портѣ, они размѣщались по различнымъ сераямъ, нарочно выстроеннымъ на этотъ случай. Ихъ воспитывали въ началахъ исламизма. Это воспитаніе требовало четырехъ или пяти лѣтъ и когда оно оканчивалось, тѣ ихъ размѣщали по *оджакамъ* (полкамъ), слѣдуя ихъ личнымъ наклонностямъ. (*)

«Каждое семилѣтіе мѣста умершихъ янычаръ замѣщались. Янычарамъ, состоящимъ на службѣ, запрещалось жениться и всѣ они должны были жить въ своихъ *одахъ* (то же, что запорожскій кошъ). Если кто нибудь изъ нихъ былъ обвиняемъ въ трусости, его выгоняли и онъ не могъ уже объявлять своихъ претензій на званіе янычара. Названіе *отураковъ* (ветерановъ) давалось только тѣмъ, которые въ самомъ дѣлѣ уже неспособны были нести службу: такіе ветераны могли уже жениться и получали по три аспра въ день, обязываясь молиться за благоденствіе султановъ и государства. Дѣти ихъ допускались въ *аджемъ-огланы* (**), только бы они доказали законность своего происхожденія, подтвержденнаго свидѣтельствомъ товарищей по оружію ихъ отцовъ; позже эти кандидаты

(*) Мы впоследствии, излагая составъ турецкаго войска, покажемъ все возможное значеніе этого правила: теперь же обратимъ вниманіе только на то обстоятельство, что, по показанію большинства писателей о Турціи, такая шѣра прилагалась только для набора янычаръ и служъ султанскаго серая; но здѣсь мы видимъ, что такъ вообще пополнялась вся турецкая армія, т. е. слѣдовательно *все турецкое населеніе*. Это пополненіе должно было быть чрезвычайно велико, потому что туркомянская орда, замѣшная съ Ерсегруломъ въ Азиатію, не могла быть многочисленна. Вотъ почему средне-азиатское племя такъ изрѣдилось въ Турціи, что въ лицахъ турокъ не осталось ни одной монгольской черты, которые такъ рѣзки въ ордахъ туркомяновъ и киргизовъ, и турокъ, замѣшанныхъ къ намъ съ монголами. Что многочисленная дворцовая прислуга, изъ которой потемъ выходили възирь и пашы, вся набиралась изъ дѣтей христіанъ, объ этомъ мы находимъ свидѣтельство у многихъ писателей; между прочимъ у Abesol.

(**) Школы для янычаръ.

воступали въ янычары. Всякія десять лѣтъ начальники янычаръ должны были получать новые патенты. Если *бузукъ-баши* оказывался недостойнымъ своего званія, то *аги* ⁽¹⁾ созывали диванъ ⁽²⁾, гдѣ виновный, въ присутствіи всѣхъ начальниковъ оджака, лишался своего званія. *Высочайшій и великодушнѣйшій* и т. д.

«На улемахъ и ученыхъ покоится справедливость, и потому первые султаны почитали людей, занимающихся знаніями и изучающихъ законъ. Но съ этихъ отдаленныхъ временъ много злоупотребленій вкралось въ сословіе улемовъ. Самые ученые изъ нихъ, если они соединяли благочестіе и добродѣтели съ знаніями, были возводимы въ достоинство муфти и въ должности *кази-аскероувъ* ⁽³⁾, *истамбуль-кадисси* ⁽⁴⁾ и мулла ⁽⁵⁾: а низложеніе *шейхъ-уль-ислама* совершалось чрезвычайно рѣдко ⁽⁶⁾. Строгость его жизни и святость его характера заставляли султановъ слушать съ покорностью, когда сей истолкователь закона считалъ своимъ правомъ дѣлать замѣчанія. Кази-аскеры сохраняли по десяти и даже по пятнадцати лѣтъ свои должности, и когда ихъ дѣлали *мазулами*, то они вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлались пансіонерами, съ 150 аспрами пожизненнаго пенсіона. Такъ же поступали и съ главнѣйшими кадіями, и тѣ изъ нихъ, которые оставляли свою должность, удалялись въ медресы (школы при главныхъ мечетяхъ), гдѣ посвящали остатокъ дней своихъ наукамъ. Роскоши не было между улемами: все время ихъ посвящено было возстановленію справедливости и *отураки* (пансіонеры, оставившіе службу) составляли юридическіе трактаты, изъ которыхъ многіе удостоились быть сохраненными въ *хазинѣ*: все свое имущество они посвящали богоугоднымъ заведеніямъ. *Высочайшій и великодушнѣйшій падишахъ* и т. д.

«Когда кто нибудь посвящалъ себя званію улема, то учился въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ подъ надзоромъ ученаго, испытывающаго его призваніе; потомъ онъ переходилъ нѣсколько испытаній прежде, нежели удостоивался званія *мулазима* ⁽⁷⁾; но, получивши это званіе, тотчасъ же были вносимы въ списки султанскаго *рузнаме* (отдѣленіе казначейства, завѣдывавшаго всѣми должностями съ

⁽¹⁾ Капитаны янычаръ.

⁽²⁾ Совѣтъ.

⁽³⁾ Великіе судьи; ихъ два: одинъ для Румеліи, другой для Анатоліи.

⁽⁴⁾ Кадіювъ Стамбула.

⁽⁵⁾ Мулла имѣетъ уже болѣе духовное, нежели судейское значеніе.

⁽⁶⁾ Впрочемъ, все-таки нѣсколько разъ, и нѣкоторыя газеты напрасно полагаютъ, что низложеніе вышшняго шейхъ-уль-ислама было перимъ въ этомъ родѣ.

⁽⁷⁾ *Мулазимъ* Первая степень туранскаго чиновничества — улемата.

жалованьемъ). При такомъ образѣ дѣйствій въ улематъ поступали только лица, достойныя этого по знаніямъ и безукоризненности поведенія. Но съ 1003 года (т. е. съ 1502) (1), когда шихъ-уль-исламъ Алла-Ефенди и кази-аскеры были низложены безъ всякой причины, этотъ прекрасный порядокъ вещей историчѣски измѣненъ. Первые сановники (т. е. улемы), утраченные гибелью своихъ предшественниковъ, весьма часто должны были унижаться и мстить великимъ визирямъ и не были уже такъ сильны, чтобы безъ изворотовъ говорить правду султанамъ. Но Синанъ-эфенди никогда не былъ изъ числа этихъ рабскихъ душъ и хотя его строгость не разъ вводила его въ опалу, но онъ никогда не торговался съ своими обязанностями: должность главы закона не допускаетъ никакой лести.

«Такимъ образомъ великіе муфти въ настоящее время не то, чѣмъ они были прежде и кази-аскеры, благодаря низостямъ, которыхъ они не стыдятся дѣлать, могутъ безнаказанно пролавать *кадилуки* (должности кадіевъ), не испытывая правъ кандидатовъ. Въ числѣ мулазимовъ видятъ теперь простыхъ кіатибовъ (2), воеводъ (3), су-башинъ (4) и другихъ лицъ изъ самого простого класса, которые за деньги, не имѣя никакихъ знаній, достигаютъ важнаго званія *мудерриевъ* (5) и безъ всякихъ правъ должности кадіевъ; а потомъ, торгуя справедливостію, позорятъ цѣлое сословіе своимъ личнымъ поведеніемъ.

«Прежде этихъ злоупотребленій, знаніе и мудрость улемовъ давали силу закона ихъ мѣбніямъ. Когда мудеррій появлялся на улицѣ, то всѣ, перебивая дорогу другъ у друга, старались изъявить ему свое уваженіе. Простота ихъ одежды, ихъ скромность вызывали эти знаки почтенія; все ихъ дѣло сосредоточивалось въ медресахъ.

«Если бы возвратились къ этимъ правиламъ, установили различіе между ученымъ и невѣждою, если бы не взирали болѣе на происхожденіе при повышеніяхъ, что не сообразно ни съ достоинствомъ, ни съ назначеніемъ этого сословія, тогда успѣли бы возвратиться къ строгости первобытныхъ нравовъ и къ прежнему блеску имперіи... *Высочайшій и всликодушнѣйшій падишахъ и т. д.*

«Уже прежде 982 года деревни и земли были превращены въ помѣстья и розданы военнымъ людямъ. Съ тѣхъ поръ, когда по-

(1) То есть съ царствованія Магомета III, съ котораго начинается быстрый упадокъ Турціи.

(2) Писцовъ.

(3) Сельскій старшина.

(4) Унтеръ-офицеръ.

(5) Первая ступень улемата, дающая право на высшія должности.

нѣтъ эти перешли въ другія руки, мужество оказывается только въ возмущеніяхъ, а границы остаются незащищенными. Узъ-Демиръ-Оглу-Османъ паша, славный своими подвигами противъ персовъ, первый началъ раздавать тимары въ три тысячи аспровъ другимъ людямъ, отличающимся опытанною храбростію. Это нарушеніе правила, называемаго цѣмію, превратилось потомъ въ злоупотребленіе; и нарушеніе древняго обычая, по которому тимары раздавались только дѣтямъ воиновъ, начинается съ этого времени. Люди изъ самаго низкаго класса и даже рабы стали получать помѣстья съ тѣхъ поръ, какъ сама Порта располагаетъ ими, нарушая тѣмъ духъ прежнихъ кануновъ и сохраняя значительнѣйшія изъ этихъ помѣстьевъ для среднѣклассныхъ должностей. Не обращая вниманія на прежнія постановленія, визири превращаютъ нынѣ военныя помѣстья въ *паспаклики*, въ *арпадики*, въ *сазы* и удерживаютъ ихъ для самихъ себя или раздають ихъ подъ видомъ *отуракликовъ* (*) лицамъ, которые имѣютъ еще полную способность находиться въ дѣйствительной службѣ. Этотъ безпорядокъ, на который мы въ особенности указываемъ, долженъ обратить на себя вниманіе, какъ главная причина упадка имперіи, потому что войско, которое составляло силу государства, подрывается въ своемъ корнѣ и что государство принуждено будетъ прибѣгать для своей защиты къ отверженному классу, который даетъ ему солдатъ, столько же ничтожныхъ во время войны, сколько опасныхъ во время мира. *Высочайшій и великодушнѣйшій падишахъ и т. д.*

«Вотъ причины зла и средства искоренить его: впрочемъ, пусть могущественнѣйшій падишахъ съ помощію Всемогущаго успѣетъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и воступаетъ, какъ ему заблагорассудится.»

Мы съ намѣреніемъ приведемъ почти весь этотъ документъ, потому что для внимательнаго читателя въ этомъ документѣ дѣше, нежели въ цѣлыхъ томахъ европейскихъ сочиненій о Турціи, разкрывается внутренній составъ турецкаго государства, причины его быстрого распространенія и столь же быстрого упадка. Государство, которое все держится на завоеваніи, въ которомъ все имѣетъ видъ арміи, гировой сеймась же вѣзется заоружіе и ривутся на непріятеля, въ которомъ есть только райи и конны, и нѣтъ населенія въ европейскомъ смыслѣ этого слова (**), можетъ держаться только до тѣхъ

(*) Земель отлазавенныхъ въ пенсіонъ.

(**) Поэтому поводу мы просимъ нашихъ читателей припомнить то, что говорено въ первой главѣ о населеніи Турціи. Одинадцатая милліонная землемѣръ, иеридиаскиныхъ за гражднхъ и воиновъ, а только за стадо, и 800,000 властауищей турецкой орды не могутъ составить населенія крѣпкаго и самостоятельнаго государства.

поръ, пока въ этой арміи, или, лучше сказать, въ этой ордѣ сохраняется строгая дисциплина, пока удачныя войны и завоеванія не прерываются, пока, словомъ, первый напоръ вторженія еще продолжается. Но какъ только этотъ напоръ отраженъ или остановился самъ собою, какъ только такое государство должно обратиться внутрь самого себя, должно жить своими собственными средствами, то тотчасъ же начинается періодъ упадка, который чѣмъ далѣе, тѣмъ идетъ быстрѣе. Для такихъ государствъ-ордъ нѣтъ періода покоя и внутренняго благоденствія. Чингисханова монархія существовала, пока расширялась.

Другая тоже весьма важная причина современнаго упадка Турецкой имперіи, который начавшись съ Салимана Великаго, неудержимо продолжается до настоящаго времени, состоитъ въ *прекращеніи ужаснаго налога дѣтьми*, который одинъ только могъ наполнять кадры огромной, непропорціональной съ силами государства турецкой арміи.

По совершенному отсутствію всякихъ статистическихъ данныхъ о населеніи турецкой имперіи въ различные періоды ея существованія, мы не можемъ сказать утвердительно, въ какой степени уменьшилось число собственно турецкой расы въ Анатолиі и Греціи; но, судя по общему закону азіатскаго населенія и по тѣмъ затрудненіямъ, которыя встрѣчаетъ нынѣшнее правительство въ платежѣ податей и въ наборѣ войска, мы нисколько не сомнѣваемся, что прогрессія этого уменьшенія должна быть велика.

Турецкая орда, забравшаяся въ Анатолію въ началѣ XIII столѣтія, не могла быть значительною: она вѣроятно походила на тѣ орды, которыя и теперь скитаются на сѣверныхъ границахъ Персіи. Кроме того, самый обликъ турецкихъ лицъ доказываетъ намъ, что татарской крови въ нихъ осталось очень мало. Чѣмъ же до сихъ поръ питала свои силы эта выродившаяся орда, какъ не обращеніемъ въ мусульманство цѣлыхъ десятковъ тысячъ дѣтей христіанъ? Такіе подновленія и наборы продолжались безпрерывно со времени Османа до времени Махмуда II. Мы будемъ имѣть случай поговорить объ этихъ ужасахъ, говоря о составѣ и наборѣ турецкаго войска; а теперь скажемъ только, что пусть читатель судитъ самъ, каковы должны быть христіанскія и гуманныя чувства тѣхъ христіанскихъ политиковъ и писателей, которые думаютъ возвратитъ Турцію къ *прежнему* ея величію, когда она, въ подомъ смысла этого слова, питалась кровію христіанъ. Скажемъ еще, что *право отнимать дѣтей у христіанъ и обращать ихъ въ защитниковъ мусульманства* есть, по нашему мнѣнію, условіе, sine qua non, того

могущества и той силы Турецкой имперіи, о которой такъ заботятся англичане и французы. Христіанскіе же войны въ рядахъ защитниковъ исламизма невозможны ни по понятіямъ русскихъ, ни по понятіямъ болгаръ, сербовъ и грековъ — невозможны для православныхъ, если и возможны для французовъ и англичанъ.

Третій важный выводъ, который появляется самъ собою изъ приведеннаго нами документа, тотъ, что сословіе улемовъ, какъ ни кричатъ противъ него французскіе ренегаты и англійскіе политики, составляетъ тѣмъ не менѣе единственное, духовное и нравственное могущество Турціи и исламизма, и что это могущество не можетъ быть замѣнено духомъ западныхъ преобразованій безъ того, чтобы Турецкая имперія не сдѣлалась трупомъ безъ души. Мы, какъ христіане, не можемъ смотрѣть съ любовію на это могущественное сословіе и кромѣ того не видимъ въ немъ никакихъ задатковъ дальнѣйшаго развитія; но тѣмъ не менѣе должны сознаться, что улематъ составлялъ до сихъ поръ единственную силу Турціи, и что русскіе, обуздывая оружіемъ фанатическія требованія его членовъ, гораздо менѣе причинили существеннаго зла Турціи, нежели западные преобразователи, поселяя вражду и недовѣріе между султаномъ и улемами и стараясь поставить смѣшное обезьянничество европейскаго образованія на мѣсто фанатическаго религіознаго убѣжденія, составившаго столько времени могущество Турціи.

Теперь взглянемъ на внутренній составъ этого могущественнаго сословія и мы увидимъ возможныя послѣдствія борьбы между правительствомъ, находящимся въ рукахъ Франціи и Англій, и улемами.

Такъ какъ въ священныхъ книгахъ магометанъ религіозный и юридическій элементъ находятся въ смѣшеніи и такъ какъ у нихъ нѣтъ особенной духовной іерархіи, то понятно, что истолкователи закона сдѣлались у нихъ *въ то же время* и духовными лицами и судьями. Этотъ двойственный характеръ принадлежалъ сначала халифамъ, а потомъ, когда халифы сдѣлались обладателями обширнаго государства, такъ же нераздѣльно перешелъ на улемовъ. Мы сказали уже, что когда по завоеваніи Константинополя, турки наследовали отъ византійцевъ страсть къ системѣ, всегда замѣняющую собою внутреннюю, дѣйствительную силу, — которая можетъ свободно высказывать свое содержаніе въ тысячахъ разнообразнѣйшихъ тотчасъ же творимыхъ формъ, — то и сословіе улемовъ, провинутое болѣе, нежели какое нибудь другое, духомъ византійской системы, построилось въ обширный и развѣтвленный институтъ, соединенный одною основою, изученіемъ корана, и раздѣляющійся

только по способу приложения этикъ знаний. Такии образы, улемъ раздѣлился въ три главных вѣтви: *истолкователей закона, судей и имамовъ*, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, какъ служителей мечети, посвятившихъ себя обрядовой сторожкѣ магометанской религiи. Два первые вида улемовъ, имѣющіе гораздо болѣе юридическій и ученый характеръ, нежели характеръ духовныхъ лицъ, скоро овладѣли всѣми прерогативами званія улемовъ и оставили на долю имамовъ, служителей мечети, весьма немногое; такъ что собственно духовное сословіе въ Турціи находится весьма не въ блестящемъ состояніи, пользуется весьма небольшими доходами и состоитъ изъ лицъ, лишенныхъ почти всякаго образованія. Наука, богатство, власть, политическое вліяніе, народное уваженіе, все осталось на долю *ученымъ улемамъ*, или *улемамъ*, въ собственномъ смыслѣ этого слова; потому что имамы только номинально считаются въ этомъ сословіи, и турецкое духовенство находится въ самомъ униженномъ состояніи, часто принуждено жить ремеслами и пользуется весьма сомнительнымъ уваженіемъ со стороны народа.

Ученый улемъ или улемъ въ собственномъ смыслѣ, какъ мы сказали уже, раздѣляется на два класса: 1) служителей правосудія, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ *кадіевъ*. Къ этому классу принадлежатъ: кази-аскеры, муллы, кадіи, нанбы, кіатибы; 2) истолкователей закона — *муфтиевъ*. Верховнымъ начальникомъ обоихъ этихъ классовъ, равно какъ и имамовъ, является *шейхъ-уль-асламъ* или *великій муфти*.

Всякій правовѣрный мусульманинъ можетъ поступать въ сословіе улемовъ и можетъ надѣяться достигъ даже до званія *кази-аскера* и самаго *шейхъ-уль-аслама*, если только пройдетъ длинный курсъ ученія и экзаменовъ. По выходѣ изъ *мектеби*, низшаго народнаго училища, находящагося почти при всѣхъ мечетяхъ и гдѣ учить только чтенію корана на разные голоса (*), человекъ, желающій достигнуть званія улема, поступаетъ въ училище второго разряда — *медресь*. Медресы находятся только въ городахъ; а въ большихъ городахъ, какъ напримѣръ, Адрианополь, Багдадъ, Каиръ ихъ по вѣсколку; въ Константинополѣ, по показаніямъ нѣкоторыхъ, до трехъ-есть медресовъ. Въ медрессы или семинаріи поступаютъ мальчики отъ двѣнадцати до пятнадцати лѣтъ, и такъ какъ медресы находятся только при богатыхъ мечетяхъ, то ученики и живутъ тамъ въ особенныхъ зданіяхъ (тетимне) и носятъ названіе *софты*,

(*). Каждое выраженіе въ коранѣ читается особеннымъ голосомъ и съ особеннымъ, пріятнымъ произношеніемъ; а потому коранъ учить читать очень долго.

студентовъ, людей сжислеломытъ каждою знаніемъ. Софты воспитываются на счетъ мечетей и получаютъ содержаніе, хотя весьма бѣдное. Каждый день имъ выдается порція хлѣба и пилава въ томъ количествѣ, въ которомъ она назначается обыкновенно для бѣдняковъ; объ остальномъ софты должны заботиться сами и пробавляются кое-какъ, занимаясь перепискою рукописей или помогая *сам-ламѣ* чистить и выметать мечети. Послѣ десяти или двѣнадцати лѣтъ такой жизни, пройдя полный и довольно малѣйшій курсъ наукъ, *софта* можетъ надѣяться получить званіе *мулазима*, первую ступень улемата, въ которой его утверждаетъ самъ *шехъ-улем-исламъ*.

Курсъ наукъ въ медресахъ невольно переноситъ насъ въ самыя темныя времена схоластицизма, — напоминаетъ ту безплодную діалектику, въ которой высказывалась старческая, бессильная болтливость послѣднихъ временъ Рима и Византіи. Вотъ этотъ курсъ: *грамматика, синтаксисъ, логика, метафизика, языкознаніе, знаніе троповъ, знаніе стили, риторика, геометрія, астрономія*, или, лучше сказать, *астрологія*. Цѣлое собраніе наукъ пустыхъ и бесполезныхъ, всего, что выкинуто вонъ, какъ ни къ чему негодное, европейскимъ образованіемъ, и — ничего живого, ничего имѣющаго какое нибудь дѣйствительное содержаніе! Трудно понять, на что стиль, тропы, метафизика и риторика человѣку, не имѣющему ни малѣйшаго понятія о дѣйствительномъ мірѣ, географіи, статистикѣ, естественныхъ и историческихъ наукахъ. Изуродованный, средне-вѣковой Аримотель, съ своею неумолкающею, надоедливою болтовнею, съ своими безчисленными хитро придуманными формочками, изъ которыхъ съ ведачайшимъ тщаніемъ выжата малѣйшая доля содержанія и малѣйшая капля здраваго смысла, властвуетъ безраздѣльно въ медресахъ; и двѣнадцать лѣтъ учить такую дребедень! Заслуженное наказаніе за раззореніе Византіи, отдавшей туркамъ все дражное и отжившее!

Всякій *софта* обладаетъ безчисленными цитатами, которыми онъ можетъ засыпать васъ, доказывая вамъ необходимость намаза или омовенія въ извѣстный часъ, и въ то же время не знаетъ навѣрное, стоитъ ли Берлинъ въ Азіи или въ Америкѣ. И замѣтьте, что въ числѣ этихъ безчисленныхъ наукъ нѣтъ ни источникавъ турецкаго законодательства, ни исторіи его и даже ни слова о юриспруденціи. Это потому, что *софта* *можетъ еще не принадлежать* къ званію улемовъ; а улемы, точно такъ же, какъ жреческія касты Египта и Индіи, заботятся, чтобы знаніе, составляющее ихъ силу, оставалось исключительно въ ихъ рукахъ.

Окончившій курсъ медреса, получаетъ по экзамену званіе мулазима, въ которомъ его, какъ мы сказали, утверждаетъ шейхъ-уль-исламъ. Мулазимъ можетъ уже получить мѣсто намба и даже кади гдѣ нибудь въ провинціи; но если онъ не хочетъ на этомъ остановиться и честолюбіе подмываетъ его идти дальше, то онъ долженъ посвятить еще семь лѣтъ изученію догмы юриспруденціи и истолкованію законовъ. Тогда только, послѣ двадцати-пяти и даже тридцати лѣтъ приготовленія, выдержавши торжественный экзаменъ, онъ можетъ получить званіе *мудеррія*, вторую степень улемата, дипломы на которую утверждаются также шейхъ-уль-исламомъ. Мудеррій имѣетъ уже право на званіе областного муфти (истолкователя закона); но такъ какъ это званіе дается пожизненно и муфти теряетъ всякую надежду на дальнѣйшее возвышеніе; то тотъ изъ мудерріевъ, которому еще не надоѣлъ тридцати-лѣтній курсъ ученія и котораго жажда знанія и почестей влечетъ далѣе, не принимаетъ званія муфти, но остается въ спискахъ мудерріевъ. Онъ долженъ пройти еще десять ступеней и выдержать десять экзаменовъ, пока, наконецъ, получить званіе *моллы макреджи*. Это званіе даетъ ему уже право на всѣ высшія сановничества улемата: тогда только онъ можетъ сдѣлаться муллою Стамбула, кази-аскеромъ Румелии или Анатолии и даже самымъ шейхъ-уль-исламомъ, если уголно судьбѣ и султану.

Такимъ образомъ, человекъ, достигающій высшихъ званій улемата, насквозь пропитывается духомъ *чисто-турецкой* науки и мусульманской юриспруденціи. Это почти то же, что маляринъ первой степени въ Китаѣ, и понятно, что христіанамъ нечего ждать добраго отъ такихъ судей и законодателей. Султану, какъ бы не былъ хороши его намѣренія, или, лучше сказать, какъ бы ни хотѣлъ онъ повиноваться внушеніямъ французскихъ и англійскихъ совѣтниковъ, остается только или лишить улемовъ права толковать законы и судить въ гражданскихъ уголовныхъ дѣлахъ или покориться фатализму. Никакая европейская мѣра не можетъ проникнуть черезъ эту гучу турецкой учености, не измѣнившись совершенно и не потерявши совершенно европейскаго характера.

Но возможно ли уничтожить улематъ въ Турціи? возможно ли замѣнить его нѣсколькими десятками выходцевъ изъ школъ, устроенныхъ въ послѣднее время на образецъ европейскихъ и въ которыхъ нѣтъ ни учителей, ни книгъ, ни учениковъ? Надъ этими школами смѣются сами турки, и послѣдній софта съ презрѣніемъ глядитъ на ученика такой школы, который и въ самомъ дѣлѣ отличается познѣйшимъ невѣжествомъ

и въ турецкомъ и въ европейскомъ смыслѣ этого слова. Для турка нужно изученіе корана, сунны, безчисленныхъ толкованій на коранъ и сунну, рѣшеній и мнѣній прежнихъ калифовъ и муфтійевъ; а не изученіе французской и англійской грамматики. Итакъ какъ турецкая наука составляетъ коренную основу всей духовной жизни мусульманъ, безъ которой Турція останется трупомъ безъ души; то для преобразованія турокъ на европейскій ладъ остается только одно средство: пусть англійскіе и французскіе выходцы примутся сами учить турокъ корану или лучше составятъ изъ самихъ себя сословіе улемовъ. Если былы визири и паши изъ французскихъ ренегатовъ, то почему же не быть какому нибудь французу и шейхъ-уль-исламомъ? Тогда только дѣло пойдетъ на ладъ. Англичане и французы въ званіи софтъ, мулазимовъ, мудерріевъ, муллъ, кази-аскеровъ и муфтійевъ одни могутъ только завершить полную картину того забавнаго маскарада, который представляетъ въ настоящее время Турція. Если наша мысль покажется кому нибудь забавною, то смѣемъ увѣрить его, что мы, вислолько не шутя, полагаемъ, что безъ этой предлагаемой нами реформы, европейское образованіе турокъ ни на шагъ не подвинется далѣе. Коранъ не вышелъ изъ ряда индійскихъ ведъ, китайскихъ книгъ и арабской зенда-весты: въ немъ политическіе, гражданскіе и религіозные элементы находятса въ нераздѣлимомъ смѣшеніи, и пока турки будутъ поклонниками корана, до тѣхъ поръ имъ невозможно выйти изъ очарованнаго круга азіатской цивилизаціи: западные преобразователи всегда будутъ встрѣчать въ коранѣ неодолимую преграду для всякаго существеннаго, не маскараднаго преобразованія.

Преобразованіе Турціи на европейскій ладъ будетъ современемъ помѣщено въ новой исторіи Западной Европы въ тотъ же разрядъ негѣпныхъ идей, въ который въ среднихъ вѣкахъ помѣщается исцеленіе философскаго камня и жизненнаго элексира. Впрочемъ, мы не такого мнѣнія объ образованіи западныхъ политиковъ, чтобы думать, что они дѣйствительно вѣрятъ въ возможность такого преобразованія. Нѣтъ, сначала эту штуку задумали французскіе антрепенёры, которые со временъ Бонивалла, отправляясь изъ Франціи на всѣ четыре стороны, сами еще не знаютъ, чѣмъ ихъ сдѣлаетъ судьба: танцмейстеромъ ли, кандитеромъ ли или визиремъ Блистательной Порты; а только въ настоящее время неутолима зависть къ Россіи могла заставить англійскихъ лордовъ и французскихъ правителей выдать за серьёзное дѣло этотъ смѣшной и негѣпный фарсъ.

Теперь взглянемъ съ другой стороны на сословіе улемовъ: на

ихъ значеніе, не для Турціи и мусульманъ, но для христіанъ, имѣющихъ несчастье жить подъ мусульманскими законами.

Мы замѣтили уже, что всѣ турецкія судебныя мѣста какъ гражданскія, такъ и уголовныя, начиная отъ высшихъ инстанцій, гдѣ предсѣдательствуютъ кази-аскеры Румелии и Анатолии, до самыхъ послѣднихъ окружныхъ судовъ (каза), наполняются *исключительно* или самими улемами или лицами подчиненными улемамъ, которые, не достигнувъ еще званія *мулазима*, оставляютъ медресы. Да и не можетъ быть иначе, потому что такъ-какъ все судопроизводство основано на коранѣ и священныя книги мусульманъ, то въ суды и могутъ быть допущены только лица, имѣющія право толковать коранъ и прилагать его рѣшеніе къ частнымъ случаямъ.

Вотъ краткій очеркъ всей системы судебныхъ мѣстъ: пусть читатель судитъ самъ, можетъ ли христіанинъ найти безпристрастный судъ въ такихъ мѣстахъ, каковы бы ни были хати-шерифы султана.

Кромѣ раздѣленія на Румелию и Анатолию, Турція въ судебномъ отношеніи раздѣляется еще на двадцать-четыре *мевлевьета*, изъ которыхъ каждый составляетъ вторую инстанцію суда. Каждый *мевлевьетъ*, въ главѣ котораго стоятъ *мулла*, заключаетъ въ своемъ вѣдомствѣ нѣсколько *казъ*, составляющихъ первую инстанцію суда. Всякая каза имѣетъ: 1) *судью* (муллу или кади), который одинъ рѣшаетъ дѣло, сколько бы не было при немъ совѣтниковъ, 2) *муфти*, обязанность котораго состоитъ въ томъ, что онъ даетъ по просьбѣ тяжущихся или по требованіямъ судьи свою фетву, въ которой объясняетъ законъ, приложимый въ данномъ случаѣ, но самъ его не прилагаетъ. Онъ даетъ только эту фетву, и то въ самыхъ короткихъ выраженіяхъ. Тяжущійся приноситъ муфти краткую записочку въ видѣ вопроса; и муфти, взявши съ него двадцать пар, пишетъ еще кратчайшій отвѣтъ, состоящій въ одномъ или двухъ словахъ: *да, нѣтъ, можетъ, не можетъ* и т. п., съ прибавкою обычной фразы: *Аллахъ знаетъ, что лучше*, и съ подписью: *блудный омиръ такой-то*. Съ этою запискою или фетвою тяжущійся уже является въ судъ, гдѣ судья произноситъ приговоръ. Нерѣдко случается, что обѣ тяжущіяся стороны, излагая свое дѣло передъ судьей, представляютъ ему обѣ благоприятныя для нихъ и, следовательно, противорѣчащія между собою фетвы; тогда судья рѣшаетъ дѣло по собственному своему разумѣнію.

Второстепенныя должности въ *казахъ*, не имѣющія прямого вліянія на рѣшеніе дѣла, до простаго кіатиба, писца, всѣ занимаются

лицами также принадлежащими къ улемату, если и не имѣющими званія улемовъ.

Въ округахъ и деревняхъ судьей является *наибъ*, который съ своимъ писцомъ, *кѣтибомъ*, рѣшаетъ всѣ дѣла своего округа. Муллы *кадіи* и *наибы* исправляютъ также должность публичныхъ нотаріевъ и *манлеровъ*. Эти суды, или, лучше сказать, эти судьи рѣшаютъ точно также и уголовныя дѣла и приговариваютъ къ ссылкѣ на галеры, къ тюрьмѣ, къ палочнымъ ударамъ. Смертная казнь мусульманяна можетъ быть назначена только султаномъ.

Въ этихъ же самыхъ судахъ производятся всѣ гражданскія процессы между райями и мусульманами, и эти же самыя судьи производятъ *всѣ уголовныя приговоры надъ христіанами!* Что касается до гражданскихъ процессовъ между невѣрными, то туркамъ вѣтъ до этихъ процессовъ никакого дѣла: «у христіанъ есть свои патріархи, у евреевъ свои раввины, — могутъ себѣ судиться какъ имъ угодно».

Смѣшанные суды изъ христіанъ и мусульманъ существуютъ только для иностранцевъ, и надо отдать справедливость и англичанамъ и французамъ, что они очень позаботились объ устройствѣ своихъ собственныхъ дѣлъ въ Турціи. Такіе *смѣшанные суды*, состоящіе изъ равнаго числа членовъ христіанскихъ и мусульманскихъ и которыми, кромѣ того, вертять какъ угодно драгоманъ посольствъ, установлены были съ 1847 года въ Адрианополѣ, Салоникѣ, Смирнѣ и другихъ значительныхъ городахъ Турціи, а съ 1850 года и въ Египтѣ. Въ эти суды Порты назначаетъ половину членовъ, не заботясь уже, чтобы они были улемы, и допускаетъ даже райевъ. Другая половина назначается посольствами, а драгоманъ посольствъ завѣдываютъ судопроизводствомъ.

Кромѣ этихъ судовъ, имѣющихъ въ своемъ вѣдомствѣ дѣла торговли, есть еще, *тоже для иностранцевъ, но не для райевъ*, смѣшанные полицейскіе суды для преступленій и полицейскихъ проступковъ иностранцевъ въ Турціи. Изъ этихъ судовъ европейцы *совершенно изгнали улемовъ*. Въ нихъ присутствуютъ половина членовъ, подданныхъ Турціи и половина иностранцевъ. Судопроизводство въ этихъ мѣстахъ совершается на европейскій ладъ. *Здѣсь* принимается присяга отъ лицъ *всѣхъ вѣръ*; *здѣсь* свидѣтельства христіанъ, турокъ и евреевъ имѣютъ одинаковую силу; *здѣсь* не допускаются ни нравственное, ни физическое насиліе подсудимымъ, *здѣсь* не употребляются палочные удары; мало того: *здѣсь* приговоры не приводятся въ исполненіе безъ утвержденія консуловъ; словомъ, *здѣсь* очень хорошо, *только*

не для райевъ: а бѣдный райа долженъ съ покорностію ожидать рѣшенія своей участи отъ фанатическаго муллы, который видитъ въ глурѣ не болѣе, какъ животное, на которое не слѣдуетъ расточать «сокровищъ справедливости».

Въ послѣдствіи мы увидимъ, что англичане и французы, устроивши свои дѣла въ Турціи, какъ нельзя лучше, — какъ ни позволить имъ, конечно, устроить ни въ одномъ европейскомъ государствѣ, — устроивши такъ, что не только полицейскіе проступки, но даже уголовныя преступленія англичанъ и французовъ на турецкой землѣ остаются безнаказанными, — посматриваютъ весьма равнодушно изъ за своихъ привилегій на несчастную толпу райевъ и начинаютъ, виѣстѣ съ турками, убѣждаться, что это и въ самомъ дѣлѣ не болѣе какъ стада животныхъ, данныя Магометомъ въ пользу правовѣрныхъ мусульманъ и не вѣрящихъ ни во что выходцевъ Парижа и Лондона. Какая огромная бездна между положеніемъ, которое занимаетъ въ Турціи, и даже въ Аѣинахъ, португальскій жидъ и тѣмъ, которое занимаетъ въ ней православный патріархъ! Перваго защищаютъ безчисленныя привилегіи, поддерживаемыя всѣми пушками англійскихъ кораблей и всею наглостію англійскихъ политиковъ; свидѣтельство второго не имѣетъ никакой законной силы противъ свидѣтельства самаго послѣдняго изъ мусульманъ. Нѣтъ, надобно сознаться, что англійская политика выросла виѣ всякаго вліянія христіанства: можетъ ли христіанская нація защищать такой страшный, противоестественный порядокъ вещей?!

Мы будемъ имѣть случай раскрыть вполнѣ взглядъ англичанъ на грековъ, болгаръ и сербовъ и взглядъ французовъ на народы, *исповѣдывающіе православную вѣру* (*); а теперь окончимъ изложеніе государственнаго организма Турціи.

Шейхъ-уль-исламъ есть полновластный глава всей корпораціи улемовъ и имамовъ. Онъ избирается и утверждается султаномъ, впрочемъ, не иначе какъ изъ лицъ, имѣющихъ высшую ученую степень. Но можетъ ли султанъ смѣнить великаго муфти? По турецкому убѣжденію, конечно, нѣтъ; но въ исторіи мы видимъ не мало примѣровъ низверженія и даже казни перваго государственнаго сановника Турціи не только самимъ султаномъ, но даже и возмутившимся янычарами.

Въ царствованіе Мустафы II въ 1703 году янычары, раздраженные постоянными потерями Турціи, взбунтовались, и не довольствуясь головой великаго визира, которую султанъ

(*) См. рѣчь парижскаго и стразбургскаго архіепископовъ, отправляющихъ французскія войска въ Турцію *«на защиту истинной вѣры»*.

велѣлъ имъ выбросить за окно, хотѣли низложенія тогдашняго шейхъ-уль-ислама Фейзулахъ-эфенди, заботившагося только объ обогащеніи своихъ многочисленныхъ родственниковъ. Бунтовщики поймали нѣсколькихъ константинопольскихъ улемовъ, затаскали ихъ въ свои оды и задали имъ слѣдующій вопросъ: «если мусульмане возстаютъ противъ имама, совершающаго жестокости и употребляющаго свою власть только для обогащенія своего семейства и себя самаго, то заслуживаютъ ли они названіе бунтовщиковъ?» *Нѣтъ*, отвѣчали запуганные улемы. Вооружившись этой фетвой, янычары отправились къ новому султану, Ахмету III (которому они заставили Мустафу уступить престолъ), и требовали выдачи Фейзуллаха. «Что угодно вамъ, то угодно и мнѣ, отвѣчаетъ султанъ», и янычары, заковавши Фейзуллаха въ цѣпи, съ нозоромъ водили его по улицамъ и потомъ отрѣзали ему голову.

Примѣры низверженій шейхъ-уль-исламовъ султанами довольно не рѣдки, но примѣры смѣны самихъ султановъ шейхъ-уль-исламами, дѣйствовавшими за одно съ янычарами, — еще чаще.

Великій муфти не имѣетъ прямого вліянія на политику и внутреннее управленіе; истребованіе его фетвъ не обязательно для султановъ, но султанское повелѣніе, содержащее въ себѣ какую нибудь общую внутреннюю или внѣшнюю мѣру — заключеніе мира, объявленіе войны, важную перемѣну въ государствѣ, какое нибудь значительное предпріятіе, — если выйдетъ безъ фетвы, то будетъ встрѣчено, какъ противное корану. Вотъ почему самые могущественные, самые неограниченные султаны Турціи, если не надѣялись на добровольное согласіе великаго муфти, то тѣмъ не менѣе старались волучить его фетву насиліемъ или обманомъ. Такъ Селимъ I, (въ 1512 г.) отравившій своего роднаго отца и отмѣтившій въ исторіи свой необузданный характеръ, за который его выбрали янычары, самыми кровавыми чертами, залумавши общее истребленіе или обращеніе христіанъ, обратился къ великому муфти Джемали съ такимъ двусмысленнымъ вопросомъ: «какая заслуга болѣе — покорить ли цѣлый міръ или обращать народы въ исламизмъ?» Муфти, который по счастію былъ человѣкъ не злой, не подозрѣвая намѣреній жестокаго султана, отвѣчалъ, что для Аллаха ничего не можетъ быть пріятнѣе обращенія невѣрныхъ. Получивши эту фетву, Селимъ тотчасъ же повелѣлъ обратитъ всѣ церкви въ Константиноплѣ въ предавать смерти всѣхъ христіанъ, отказывающихся принять исламизмъ. Великій визирь, человѣкъ также не злой, увидѣвъ муфти, что надѣлала его фетва; но взять ее назадъ уже было немы-

зя. Оба эти сановника могли только посоветовать патриарку и всему константинопольскому духовенству, вмѣстѣ съ ними, молить Селима о пощаде. Селимъ умилаславился и отпалъ только половину церквей, прибавивъ, что «коранъ не говоритъ, чтобы такіа прекрасныя зданія должны такъ долго быть окверженны и доломаны». Такимъ образомъ, права, дарованныя христіанамъ Магомедомъ II, были уже нарушены Селимомъ I.

Что касается до формы фетвъ, то иногда она бываетъ очень проста и, заключааясь въ лаконическомъ отвѣтѣ на предложенный вопросъ, оканчивается, какъ и фетвы провінціальныхъ муфтіевъ по гражданскимъ дѣламъ, смиренною подписью: «Аллахъ знаетъ, что лучше. Бѣдный амиръ Н. Н.» Иногда фетвы включаютъ въ себя какое нибудь изрѣченіе изъ корана или довольно пышную, и часто двусмысленную, фразу, особенно если великій муфти не дворокъ въ благопріятномъ окончаніи дѣла. Такъ на вопросъ Махмуда II: «можно ли замѣнить безпрестанно бунтовавшихъ лычарь новымъ войскомъ, приученнымъ къ европейской дисциплинѣ, шейхъ-уль-исламъ, призванный на тайное совѣщаніе объ этомъ предметѣ, удовольствовался тѣмъ, что раскрылъ коранъ и прочелъ изъ него слѣдующій стихъ: «Война — игра, которую выигрываетъ тотъ, кто хитрѣе. Поражайте врага его собственнымъ оружіемъ», а потомъ уже въ отдѣльной фетвѣ объявилъ, что «мусульмане должны приобрести военныя знанія для пораженія новѣрныхъ». Эта фетва дала султану возможность найти учителей для воспитаніи новелама между христіанами Западной Европы.

Замѣчательна также по формѣ своей фетва шейхъ-уль-ислама, выданная имъ на общій походъ противъ Али-Паши Явнионскаго. Она начиналась слѣдующими словами корана: «Наши сердца земнущи для твоего голоса. Горохъ затыкаетъ ваши уши. Голосъ возстаетъ между нами и тобою: слѣдуй твоимъ правиламъ, мы последуемъ за ними.» Итакъ — какъ въ коранѣ можно найти все, что угодно; то потомъ изъ сплетенія его изрѣченій слѣдовалъ цѣлый приговоръ возмущенному сатрапу, оканчивающійся слѣдующимъ возваніемъ: «Вотъ бѣдственное время для злаго; мы подымемъ на него неустойчивъй вихрь въ роковой день; люди будутъ падать, какъ камыи, вырванные съ корнемъ, потому что Омудейцы убили верблюда Салхи (арабскій пророкъ, предшествовавшій Магомеду). Мы прокляли ихъ на землѣ, и въ день восресенія весь міръ отвернется отъ нихъ съ ужасомъ.» И вслѣдствіе того, что Омудейцы убили верблюда Салхи, ливонскій тиранъ былъ объявленъ *ферманли*, отлученнымъ отъ мусульманства и лишеннымъ покровительства законовъ.

Въ этомъ отношеніи также замѣчательны фетвы, которыми шейхъ-уль-исламы разрѣшали султанамъ убійство своихъ братьевъ или своихъ низверженныхъ предшественниковъ: «Если у васъ два халифа, говоритъ законъ, убейте одного.»

Но какъ ни странно, какъ ни дико для европейца и христіанина азіатскій характеръ корпораціи улемовъ, однако нельзя не видѣть, что въ духовной жизни и во внутреннемъ управленіи Турціи улемы занимаютъ еще болѣе существенное мѣсто, нежели то, которое занимали янычары въ войскѣ. Янычары расширили предѣлы Турціи въ трехъ частяхъ свѣта и даже въ періодъ упадка нѣсколько разъ спасали ее отъ непоправимаго паденія, заставляя слабыхъ султановъ, разслабленныхъ гаремною жизнью, противъ воли братьяся за оружіе; а новыя войска съ европейскою дисциплиною, но выраженію самыхъ турокъ, до сихъ поръ показывали только свое умѣнье бѣгать отъ непріятеля. Улемы также не разъ своею настойчивостію заставляли султановъ продолжать войну, когда они уже готовы были согласиться на самый позорный миръ только, чтобы ихъ оставили въ покоѣ. Такъ когда послѣ перемирія, подписаннаго Румянцевымъ (въ 1771), начались переговоры, то великій визирь Мухзинзаде, стоявшій лагеремъ у Шумлы, «такъ обрадовался, по выраженію турецкаго историка, что немедленно повѣсилъ свою саблю на гвоздь забвенія». И хотя во время этого перемирія на конгрессѣ въ Бухарестѣ русскіе дипломаты предложили миръ на такихъ условіяхъ для Турціи, между которыми была почти совершенная уступка Крыма и покровительство Россіи православнымъ подданнымъ султана; но Мустафа III готовъ былъ уже согласиться на этотъ миръ, если бы корпорація улемовъ рѣшительно не отказала ему въ своей фетвѣ. Русскіе не уступили, и война, еще болѣе несчастная для турокъ, началась снова. Въ это время Мустафа умеръ, наследникъ его Абдуль-Гамидъ, только на сорокъ-восьмомъ году вышедшій изъ ескисера (гдѣ живутъ оттоманскіе принцы) и умѣвшій только стрѣлять изъ лука да вырисовывать изрѣченія корана, готовъ былъ отдать половину своей имперіи, чтобы его только оставили въ покоѣ. Но улемы отказывались принять условія мира, и только уже въ 1774 году, послѣ еще нѣсколькихъ блестящихъ побѣдъ нашихъ войскъ, и когда Румянцевъ, окруживъ лагерь великаго визиря, который все еще стоялъ у Шумлы, готовился разгромить его окончательно, улемы увидѣли неизбежность мира на какихъ бы то ни было условіяхъ. Когда посланный изъ лагеря, явиться султану, а потомъ къ мурети и описать ему все ужасное положеніе войска, то слезы потекли изъ глазъ шейхъ-уль-ислама: мрачный и молчаливый онъ написалъ свою фетву — на *Kahtardassı*

трактатъ. «Абдуль-Гамидъ — говорить австрійскій посланникъ Тугутъ — забывъ всё приличія и честь государя, съ величайшею радостью утвердилъ эту фетву, которая, можетъ быть, дала смертельный ударъ Турціи.»

Мы думаемъ, что достаточно познакомили нашихъ читателей съ характеромъ улемата, чтобы показать въ настоящемъ свѣтѣ значеніе того важнаго современнаго происшествія въ Константинополѣ, послѣдствія котораго еще далеко не всё появились на свѣтѣ. Абдуль-Меджидъ не могъ вытребовать у великаго муфти фетвы на требованія англичалъ и французовъ и принужденъ былъ смѣнить его. Новый, выбранный имъ, муфти былъ принятъ мусульманами весьма не благосклонно. А отнятіе вакуфовъ въ казну такая мѣра, всё послѣдствія которой трудно предвидѣть: любопытно бы знать, куда заведутъ Абдуль-Меджида его англійскіе и французскіе друзья?

Шейхъ-уль-исламъ занимаетъ первое мѣсто въ частномъ совѣтѣ султана (меджлисихасъ) и конечно одинъ только имѣетъ тамъ право голоса, такъ какъ великій визирь есть, по закону, только безмольный исполнитель воли султана. Великій муфти получаетъ одинаковое жалованье съ великимъ визиремъ (100,000 піастровъ, около 6000 руб. сер. въ мѣсяцъ), и великій визирь каждый годъ въ 26 день *рамазана* дѣлаетъ ему торжественный визитъ пѣшкомъ.

Теперь мы должны бы перейти къ другимъ государственнымъ установленіямъ Турціи, но если бы мы, познакомивъ читателя съ корпораціей улемовъ, не сказали бы еще нѣсколькихъ словъ о деревняхъ, то дали бы только одностороннее понятіе о духовной жизни турокъ.

ГЛАВА VIII.

ДЕРВНИШИ ТУРЦІИ.

Сравнивая магометанство съ двумя другими религіями Азіи браманизмомъ и буддизмомъ, мы видимъ, что оно имѣетъ на своей сторонѣ преимущество надъ другими религіозными заблужденіями, потому что, перенося религіозныя убѣжденія въ сферу земной жизни, хотя и признаетъ достоинство *созерцанія*, но, тѣмъ не менше, назначаетъ первое мѣсто дѣятельности человѣка на землѣ. Поклонники Будды и Браны никогда не отличались страстью къ презелитизму, который составляетъ основу исторической дѣятель-

ности мусульманскаго міра. Вторая отличительная черта корана та, что онъ большею частью построенъ на чувствахъ, не углубляясь олицеткомъ въ предметы этихъ чувствъ, — тогда какъ книги буддистовъ и веды древней Индіи воо соданы беззвончнымъ и безплоднымъ углубленіемъ нравственнаго чловѣка въ бездонное море природы. Вся догма корана выражается въ двухъ словахъ : «нѣтъ Бога, кромѣ Бога и Магометъ пророкъ его». Далѣе идутъ правила арабской морали и политики, и самая обрядовая сторона исламизма имѣеть чпсто практическое направленіе : омовенія, запрещеніе вина и свинины, обрѣзаніе, — все это имѣеть или практическій смыслъ или смыслъ преданія, въ которые незачѣмъ углубляться, а надобно исполнять, какъ неизбѣжныя положенія Магомета. Въ буддизмѣ и еще болѣе въ его прототипѣ, брамизмѣ, мы видимъ совершенно противное. Тамъ мораль, политика, обряды — вещи второстепенныя : это только оболочки мысли, мысли смутной, неопредѣленной, туманной, но, тѣмъ не менѣе, затягивающей въ себя умъ азіатца съ силою бездоннаго болота, на которое попадаетъ нога заблудившагося путника. Коранъ влагаетъ мечъ въ руки мусульманина и говоритъ ему : обращай невѣрныхъ, твори намазъ и омовенія, соблюдай мои предписанія и не думай болѣе ни о чемъ : вѣрь, что Аллахъ устроитъ все къ лучшему, и что твоя судьба начертана заранѣе. Вотъ почему выраженіе «Аллахъ знаетъ, что лучше» сдѣлалось левизомъ правовѣрныхъ улемовъ, который они употребляютъ, желая отлѣпиться себя отъ шитовъ и дервишизма. Въ брамизмѣ же нѣтъ никакихъ предписаній въ строгомъ смыслѣ этого слова или по крайней мѣрѣ нѣтъ такихъ предписаній, которыя бы не имѣли въ себѣ таинственнаго смысла, связаннаго съ общимъ понятіемъ индусовъ о системѣ міра. Углубленіе въ это понятіе есть главное дѣло, — соблюденіе правилъ второстепенное : оно имѣеть силу абсолютныхъ приказаній только для непосвященныхъ. Система ученія, принятая браминами, была такова, что ученикъ, начиная съ формъ, обрядовъ, предписаній, переходитъ потомъ къ разрушенію самыхъ этихъ формъ, на мѣсто которыхъ появлялись новыя, уже съ большимъ философскимъ смысломъ — съ ними поступала такъ же, какъ съ прежними, и, переходя такимъ образомъ отъ формъ къ формамъ, разрушая ихъ одиъ за другими, адептъ брамизма добирался наконецъ до той неопредѣленной, туманной премудрости, для которой эти формы, выразившіяся въ общественной жизни въ кастахъ, служили только тысячачи одеждъ, сброшенныхъ одна на другую и скрывающихъ таинственное содержаніе отъ глазъ непосвященнаго. Достигнувъ этой бездны, гдѣ все и ничто вѣчно борются между собою,

блаженный браминъ наслаждался тѣмъ, что, забравшись куда ни-будь на скалу или въ пещеру, ожемянуто глубже и глубже тонуть во мракъ безпредѣльности. Буддизмъ, этотъ прямой выводъ браминизма, началъ съ того, на чемъ остановился браминизмъ, разрушилъ всѣ формы и углубленіе въ ничтожество принялъ за основаніе.

Эта туманная философія, скорѣе нежели религія, не имѣющая въ себѣ ничего живого, обняла и окаменила всю Восточную Азію. но не осталась безъ вліянія и на Западную, и въ особенности на Персію, которая въ самой глубокой древности всегда находилась въ тѣсной духовной связи съ Индіей. Политическая религія Магомета, совершенно противоположная созерцательному направленію Востока, придала на нѣкоторое время жизнь и блескъ Западной Азіи; но когда распространеніе мусульманства остановилось, когда мечтательный духъ азіатца снова сталъ требовать пищи и не могъ принять той здоровой, утоляющей пищи, которую подавала ему христіанская Европа, то, томясь въ бездѣятельности, опъ началъ мало по малу проникаться двумя чуждыми направленіями, наставшими къ нему съ двухъ разныхъ сторонъ — съ Запада и Востока, изъ книгъ греческихъ софистовъ и изъ устъ самоуглубленныхъ поклонниковъ Браммы и Будды. Персія, по естественному порядку вещей, скорѣе и рѣшительнѣе прочихъ мусульманскихъ земель, подчинилась этому вліянію, которымъ, болѣе даже нежели шитской догмой, отличается мусульманство персовъ отъ мусульманства турокъ. Но оно проникло далѣе на западъ въ Малую Азію, Аравію и Египетъ и стало усиливаться по мѣрѣ упадка мусульманской воянственности, не дававшей времени разсуждать поклонникамъ ислама. Здѣсь оно нашло себѣ почву, нѣсколько подготовленную уже арабскимъ образованіемъ, внесшимъ въ мусульманство ученіе мудрецовъ и софистовъ послѣднихъ временъ языческой греціи. Эта созерцательная жизнь, создавшая и въ Индіи цѣлыя толпы аскетиковъ, выразилась на мусульманскомъ западѣ почти въ той же формѣ, — въ формѣ многочисленныхъ сектъ дервишизма.

Слабые слѣды дервишизма проявляются уже при первыхъ на слѣдникахъ Магомета. Халифъ Али, положившій начало персидскому шитству, первый изъ мусульманъ подалъ примѣръ образованію нищенствующей секты; но мало по малу индійскія мудрствования начали проникать въ эту секту и, такъ какъ эти мудрствованія имѣютъ много оттѣнковъ, хотя всѣ стремятся къ индійскому пантеизму, то они и послужили къ образованію множества самыхъ разнообразныхъ и самыхъ уродливыхъ сектъ. Нѣкоторыя изъ этихъ сектъ до такой степени удалились отъ ученія корана, что

даже трудно понять, почему послѣдователи ихъ причисляются къ мусульманамъ. Они стали смотрѣть на коранъ съ браминской точки зрѣнія, какъ на аллегорію и начали впадать въ формы этой аллегоріи самыя отвѣченныя и самыя неопредѣленныя умышленія браминизма.

Они разрушили и осмѣляли немногіе обряды магометовой религіи, видя въ нихъ только ловушки для людей несмыслящихъ; но въ то же самое время, по странному противорѣчію, примѣръ котораго мы видимъ и въ англійскихъ сектахъ, отвергнувъ необходимость намаза, соблюденія чистоты, путешествій въ Мекку, приняли самыя странныя, нечѣпные и дикіе обряды, формы которыхъ они также взяли изъ Индіи. Такъ, напримѣръ: дервиши *мевлевиты*, цѣлыя толпы которыхъ можно видѣть въ Перѣ, и обрашники которыхъ сопровождаютъ армію Омера-Паши, отличаются тѣмъ отъ другихъ дервишей, что нѣсколько часовъ сряду вертятся на одномъ мѣстѣ съ распростертыми руками, съ закрытыми глазами, наклонивши голову на одну сторону, подъ звуки тихой и медленной музыки. Скутарскіе завыватели, напротивъ, взявъ раскаленное желѣзо въ зубы, качаются изъ стороны въ сторону съ такою усиленною быстротою, которая, наконецъ, доходитъ до полнѣйшаго изступленія: потъ льется съ нихъ градомъ, изо рта клубится пѣна, и они, наконецъ, падаютъ на землю. Крестовосцы, въ бытность свою въ Азіи, были поражены особенною сектою дервишей, названіе которыхъ они неудачно перевели названіемъ *assassin*, убійца, заимствуя это названіе отъ слова *гашшишъ*, наѣвшись котораго эта секта предавалась не убійству, а только безумному экстазу: этого экстаза многія секты добиваются и нынѣ опиумомъ, другія — другими средствами. Каждая изъ этихъ сектъ выбираетъ себѣ какое нибудь особенное правило, соблюденіе котораго отличаетъ ее отъ другихъ. Такъ нѣкоторыя секты отличаются сожалѣніемъ къ животнымъ и въ особенности берутъ подъ свое покровительство собакъ, которыхъ турки терпѣть не могутъ. *Сантоны* ходятъ всегда полуобнаженные и никогда не улыбаются. Впрочемъ это какіе-то эшкурейцы, которые постоянно твердятъ, что «сегодня наше, а завтра немыѣстно чье и потому—де должно наслаждаться жизнью», и съ стоическою важностью позволяютъ себѣ всевозможныя нечестотства. *Бекташи*, къ сектѣ которыхъ принадлежала большая часть *шичаръ*, также представляли самое уродливое смѣшеніе аскетизма и пороковъ. Большая часть этихъ сектъ имѣютъ свои главные притоны въ разныхъ мѣстахъ Турецкой Имперіи и въ Индіи, но члены ихъ таскаются повсюду и вездѣ находятъ себѣ у суевѣрнаго народа не только пищу и пріютъ, но и право дѣлать беззаконно такіи вещи,

за которыми извѣдшіи правовѣрные мусульмане съобщались съ господомъ.

Общато во всѣхъ этихъ сектахъ, что соединить и факирствъ Турціи съ факирами Индіи, только то, что самоотверженіе и углубленіе въ свои мистическія бредни и экстазъ, она ставитъ выше самаго строгатаго соблюденія корана и думаютъ, что истинный дервишъ не нуждается уже болѣе въ этомъ соблюденіи, и что дервишъ, достигшій высшей степени экстаза, можетъ пророчествовать и приказывать такъ же, какъ приказывалъ Магометъ. Вотъ почему все эти секты безусловно повинуются своимъ шейхамъ (старшинамъ) и исполняютъ все, что бы онъ имъ не приказалъ, ставя его слова, внутреннимъ самоотверженнымъ экстазомъ, выше словъ Магомета. Ученіе мнѣшихъ изъ этихъ сектъ проникнуто явнымъ безбожіемъ и глубочайшимъ матеріализмомъ, которые они облекаютъ въ формы глубокихъ мудрствованій, выражаемыхъ заманчивыми для азіатца красками восточной поэзіи. Поэзіа лучшихъ персидскихъ поэтовъ, которые все почти принадлежатъ къ сектамъ дервишей, запечатлѣна духомъ индѣйскаго пантеизма, облеченнаго въ формы мусульманскаго энтузіазма. Сиадій, Хафизъ были дервишами; глава дервишей *сефидовъ*, завладѣвъ въ 1501 году трономъ Персіи, положилъ основаніе извѣстной династіи *сефидовъ*.

Но если дервишизмъ и не усилился такъ въ Турціи, какъ въ Персіи, то, тѣмъ не менѣе, находится въ глубокомъ уваженіи у суевѣрныхъ мусульманъ всѣхъ странъ и индусовъ. Улемы и правовѣрные мусульмане, придерживающіеся корана и сунны во всей строгости, не напрасно видятъ въ дервишахъ зародыши будущей и безвозвратной гибели мусульманства, одоляемаго индѣйскимъ пантеизмомъ и матеріализмомъ. Улемы давно уже борются съ дервишами, но послѣдніе имѣютъ слишкомъ сильную опору въ суевѣрномъ народѣ, чтобы султанъ и улемы, если бы они даже и были въ согласіи между собою, могли разрушить однимъ ударомъ многочисленнымъ секты дервишей, которыхъ иные насчитываютъ до тридцати-шести.

Султанъ Мансуръ II, уничтожая янычаръ, принужденъ былъ уничтожить и секту *бекташей*, связанную съ янычарами единственною поселянщицею, потому что глава этой секты *Кадюа-Бекташа*, положилъ основаніе и войску янычаръ. Не поспуется другая секта *Мансуръ* не смѣлъ; а можетъ быть и не хотѣлъ, потому что всерій турокъ, до какой бы степени не была слаба въра его въ ученіе корана, продолжаетъ охранять невольный страхъ и уваженіе къ дервишизму. Такъ даже самъ ужасный Али-паша-Янинскій, открыто выдвигавшійся надъ Магометомъ, не въришилъ ни въ честь, ни въ

свѣсть, ни въ добродѣтели, ни сносившій ни малѣйшей программы своей свирѣпости, — робѣлъ и смущался передъ дервишамъ дервишамъ, который, ворвавшись въ логовище дивискаго тигра, осыпалъ его упреками и проклятіями. Разскажемъ эту сцену, чтобы характеризовать отношеніе турокъ къ дервишамъ.

Злодѣйство и развратъ Али-Паши достигли высшей степени и возсргли въ ужасъ даже жителей Янины, привыкшихъ ко всевозможнымъ ужасамъ; а на нашу нашу *грустныя минуты*, въ которыя онъ впадалъ всегда послѣ страшныхъ нещастій, страдая отъ сознанія, что цѣлыя рѣки крови не могутъ утолить его жанды и самыя неслыханныя, самыя хитро придуманныя тиранства не могутъ насытить его сердца, требовавшаго чего-то невозможно чудовищаго. Въ эти минуты Али оставался одинъ, валялся на коврахъ, ревѣлъ какъ дикій звѣрь, рвалъ на себѣ волосы и плакалъ отъ ненасытной любви: никто не смѣлъ подходить къ нему, не исключая даже и его любимыхъ женъ. Но одинъ дервишъ, жившій гдѣ-то не въ далекой отъ Янины, въ пещерѣ, и уважаемый всѣми окрестными жителями, полу-обнаженный, грязный и босой вошелъ въ городъ и отправился прямо къ дворцу Али-Паши. Стража почтительно раступилась, всѣ двери разкрылись передъ дервишомъ, и тиранъ, увидѣвъ его, вскочилъ и почтительно пошелъ къ нему навстрѣчу. Али, въ дрожавшій ни передъ чѣмъ, задрожалъ и, пораженный слезою и суровостію дервиша, не могъ прошептать ни слова на всѣ страшные упреки, которыми осыпалъ его Цѣфъ-Юсуфъ — такъ звали дервиша,

«Въ этой комнатѣ, говорилъ Юсуфъ, нѣтъ ни одной мебели, нѣтъ ни одного ковра, которые бы не были орошены слезами несчастныхъ. Диванъ, на который ты приглашаешь меня садиться, залитъ кровью: съ ковравъ дымится кровь твоихъ собственныхъ братьевъ, убитыхъ твоею матерью, когда они еще были дѣтьми (*). Эти сабли, висѣвшія у тебя на стѣнахъ, притупились на черепахъ людей; а внизу отсюда могилу твоей добродѣтельной жены! Эмины, которую ты убилъ. (**) Тамъ за озеромъ я вижу скалу, съ которой ты велѣлъ

(*) Мать Али-Паши завѣщала ему и его сестрѣ, Хайнишъ, истребить всѣхъ дѣтей отъ другихъ женъ вѣнъ, что когда ибуль осмѣлѣла еѣ. Али и сестра съ матерью и родственницею матеря и цѣлымъ кланомъ оллъ и асруги цѣлѣмъ вступились. Смертельная междоусобица между дѣтьми оллъ отъ е различнаго матерей — одно изъ самыхъ обыкновенныхъ явленій въ турецкомъ семействѣ. Дѣти, распущенныя въ гаремахъ, продолжаютъ ту же дѣятельность, которую цѣлѣмъ оллъ въ оллъ продолжали революционеры.

(**) Диванная жена Али-Паши, къ которой онъ принадлежалъ въ качествѣ сына, когда она узнала его за Сультовою.

сбросить семнадцать матерей семейства, и эти волны каждый день поглащают безчисленные жертвы твоей безумной злобы. Дочь Вала, твоя преступная сестра, ободряет тебя на преступленія: она сорвала покрывала съ магометанокъ Кардики и своими собственными руками разрывала нѣдра этихъ женщинъ, чтобы вытащить оттуда и умертвить дѣтей. (*) Несчастный, слушай! въ городѣ, за городомъ, въ ущельяхъ горъ—все говоритъ о твоихъ злодѣйствахъ: ты не можешь сдѣлать шагу безъ того, чтобы не наступить на могилу существа, разрушеннаго тобою. Ты живешь окруженный пышностью, блескомъ, развратомъ и забывъ, что придетъ твой часъ!»

Паша дрожалъ всѣмъ тѣломъ и молилъ только Юсуфа, чтобы онъ не поразилъ его своимъ проклятіемъ. Дервишъ посмотрѣлъ на него съ презрѣніемъ, вышелъ изъ его жилища, отряхнулъ прахъ отъ ногъ своихъ и снова поселился въ своей пещерѣ.

До чего доходитъ сѣблость дервишей въ Турціи, это трудно себѣ представить, и Махмутъ II не разъ долженъ былъ выносить самыя горькія упреки. Такъ, когда Махмутъ уничтожилъ янычаръ и секту дервишей бекташей, то одинъ изъ дервишей, извѣстный въ народѣ подъ именемъ шейхъ-сачлу (косматый), и котораго суевѣрный народъ очень уважалъ, остановилъ султана на мосту, схватилъ за узду его лошадь и сказалъ ему съ гнѣвомъ: «Глурь-падшихъ! ты отвѣтишь передъ Аллахомъ за твое злочестіе. Ты разрушаешь учрежденіе твоихъ братьевъ, подкапываешь исламизмъ и привлекаешь месть пророка на себя и на насъ».

Султанъ, желавшій какънибудь замять эту сцену, велѣлъ своимъ приближеннымъ стащить съ дороги «этого безумца». «Безумца! — возразилъ съ негодованіемъ дервишъ — нѣтъ не я, а ты и твои совѣтники потеряли разумъ. Мусульмане придите и внимайте моимъ словамъ: они мнѣ внушены самимъ Аллахомъ, который мнѣ повелѣлъ сказать истину и обѣщалъ за это награду.»

Дервишъ былъ схваченъ, и казненъ; но слова его произвели глубокое впечатлѣніе на султана, и онъ не осмѣлился коснуться другихъ сектъ дервишей; а въ народѣ разнеслась молва, что на могилѣ шейхъ-сачлу цѣлую ночь горѣлъ какой-то необыкновенный свѣтъ.

Въ послѣднее время, несмотря на всѣ преобразованія, дерзости дервишей не унялась и оцены, подобныя тѣмъ, которыя мы расскажемъ сейчасъ, повторяются весьма часто.

(*) Хайница — сестра Али-Паши; онъ обыкновенно отдавалъ ей всѣхъ вытѣхъ въ грабелюхъ женщинъ, и она произвела надъ ними послышанныя тиранства, которыя мы не хотимъ здѣсь приводить, боясь оскорбить чувства нашихъ читателей.

Недавно какой-то бухарскій дервишъ явился на аудіенцію къ Решидъ-Пашѣ и, при полномъ собраніи Порты, осыпалъ его бранью и угрозами, называя собакою, невѣрнымъ, измѣнникомъ и призывая на него молнію неба и кинжалъ всякаго истиннаго мусульманина. На улицѣ собиралась толпа, — и Решидъ-Паша долженъ былъ довольствоваться тѣмъ, что велѣлъ своей прислугѣ потихоньку вывести за двери дервиша, какъ человѣка, потерявшаго рассудокъ.

Вотъ элементы, изъ которыхъ складывается духовная жизнь Турціи, — элементы, въ которыхъ нѣтъ и признака ничего европейскаго, въ которыхъ добро и зло, въ своихъ крайнихъ проявленіяхъ, живутъ въ совершенно азіатскомъ, уродливомъ, чудовищномъ смѣшеніи. Изъ какихъ же матеріаловъ думаютъ французы и англичане создать образованную по европейски мусульманскую націю? Янычары, улемы, дервиши конечно зло въ глазахъ европейца; во вся сила Турціи лежатъ только въ этихъ учрежденіяхъ. Уничтожьте ихъ и что же останется Турціи? Народа въ европейскомъ смыслѣ этого слова, исторіи, религіи, отечества Турція не имѣетъ. Нѣтъ! *Безъ христіанства истинное, свѣтлое, живое образованіе не возможно: это корень всякаго свѣта и всякаго развитія и, гдѣ нѣтъ его, тамъ ничего не можетъ сдѣлать ни воля султана, ни стараніе полдюжины обранцузившихся турокъ, ни корыстныя заботы французскихъ ренегатовъ и англійскихъ политиковъ.* Надобно дожить до той пустоты и до того безвѣрія, до котораго дожили многіе французы, чтобы видѣть возможность сдѣлать изъ Турціи образованную европейскую державу. Турки сами сознаютъ эту невозможность. Одинъ изъ корреспондентовъ «Journal des Débats», котораго ужъ никакъ нельзя подозревать въ безпристрастіи къ Турціи, самъ говоритъ, что *турки кидаются въ нынѣшнюю войну съ Россіею съ тою увѣренностію, что эта война избавитъ ихъ отъ всѣхъ европейскихъ нововведеній и нововодителей, и думаютъ, что каковъ бы ни былъ исходъ нынѣшней войны, все-таки ихъ положеніе не будетъ хуже того, въ которое поставила ихъ дружба западныхъ кабинетовъ.*

Чего же хотятъ англичане и французы? Въ искренность ихъ убѣжденія въ возможности преобразовать Турцію мы не вѣримъ. Такое убѣжденіе могло бы образоваться въ людяхъ, совершенно не знакомыхъ съ Востокомъ, мусульманствомъ и Турціею, чего никакъ нельзя предполагать въ англійскихъ политикахъ, такъ ловко, уже болѣе столѣтія, ведущихъ дѣла свои на Востокъ. Чего же хотятъ англичане и французы, или лучше сказать, одни англичане, потому что французы едва ли знаютъ сами, чего имъ надобно? Этотъ вопросъ мы постараемся рѣшить, излагая въ послѣдней главѣ поло-

женіе англичанъ и англійской торговли въ Турціи; а теперь, дѣйствительно, переисчисленіе государственныхъ установленій Османской Имперіи.

ГЛАВА IX.

ОБЩІЙ ХАРАКТЕРЪ ТУРЕЦКОЙ АДМИНИСТРАЦІИ. — ВЕЛИКІЙ ВЪЗДѢЙСТВІЕ, ЕГО ЗНАЧЕНІЕ, ПРЕЖНЕЕ И НЫНѢШНЕЕ. — ЗАМѢЧАТЕЛЬНѢЙШІЕ ВИЗИРИ ВЪ ИСТОРИИ ТУРЦІИ.

Турецкая администрація, до послѣднихъ ея преобразованій, которыя, впрочемъ, касаются болѣе названій, нежели сущности вещей, сохранила на себѣ завоевательный характеръ. Все управленіе провинціями имѣло свою цѣлью содержаніе турецкаго войска, или лучше, всей турецкой орды, расположившейся лагеремъ въ прекрасныхъ странахъ Греціи и Анатоліи. Турки соединили подъ одну власть земли, состоявшія прежде изъ множества отдѣльныхъ и почти независимыхъ государствъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже были покорены арабами, а другіе находились въ самой слабой зависимости отъ Византіи. Дробность этихъ земель, ихъ постоянная борьба между собою, испорченность ихъ правителей дали возможность юной и сильной ордѣ турокъ покорить ихъ одну за другою, пока наконецъ дошла очередь и до самой Византіи. При этомъ постепенномъ покореніи турецкіе султаны раздѣляли по покореннымъ землямъ своихъ цашей и небольшихъ толпы турокъ, достаточныя для того, чтобы держать въ покорности эти полумертвые члены разложившейся Византійской Имперіи и Арабскаго Халифата. Турки оставили прежнее дѣленіе областей, обративши ихъ въ беглербейства, пашалыки, займеты и тимары и раздѣливши на *санджаки* или знамена. Одно уже раздѣленіе на санджаки или знамена показываетъ намъ нагляднымъ образомъ, что турки, перешивъ кочевую жизнь на осѣдлую, стада животныхъ, которыя играли еще такую важную роль въ ихъ жизни при Османѣ и первыхъ его послѣдникахъ, на стада людей и пастушескій посохъ на оружіе, удержали то же внутреннее военное устройство средне-азиатской орды, которое мы видимъ въ настоящее время у монголовъ, раздѣляющихся также на аямена (аймаки) и на крылья: лѣвое и правое.

Сначала, при трехъ первыхъ султанахъ, это дѣленіе на аямена, или *санджаки*, главы которыхъ назывались *мир-лимаки* или *санджанъ-бейли*, сохраняло полный военный характеръ. Все эти *санджанъ-бей* собирались подъ знамена *авука беглара-бейли*,

выѣзжая право на три лошадиныхъ хвоста. Этакъ беглеръ-бейтъ въ началѣ было только два: одинъ для Румелии, другой для Анатолии и они совокупляли свою силу подъ знамена великаго визиря. Впоследствии, эти два большія беглеръ-бейства были раздѣлены на нѣсколько пашалыковъ или визирствъ, начальники которыхъ получали по три лошадиныхъ хвоста. Это раздѣленіе существовало до 1834 года, когда султанъ Махмудъ раздѣлялъ всю свою имперію, сохраняя, впрочемъ, вполнѣ прежній военный характеръ этого дѣленія на 28 провинцій, называемыхъ айялетами, на 31 санджакъ и 64 *осаодства*. Въ настоящее время Турція раздѣляется на 36 айялетовъ, изъ которыхъ каждый подраздѣляется на *лизы* или *санджаки*. Айялетами управляютъ, какъ и прежними пашалыками, на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ (т. е. на основаніи калумъ-наме Султана II) *каим*, подъ различными наименованіями. Каждый санджакъ управляется *кайм-каимомъ*, который зависитъ отъ правителя провинцій и играетъ ту же роль въ своемъ санджакѣ, какую паша въ своемъ айялетѣ.

Такъ какъ всѣ новыя перемѣны еще не принялись въ Турціи, и, несмотря на эти перемѣны, прежнее военное управленіе все-таки продолжаетъ существовать, то мы въ слѣдующей главѣ, знакомя нашихъ читателей съ устройствомъ войска, познакомимъ ихъ и съ прежнимъ и нынѣшнимъ управленіемъ пашалыковъ и санджаковъ; а теперь скажемъ только, что нынѣшній правитель айялета (вали) гораздо неограниченнѣе беглеръ-бей или беглера прошедшаго столѣтія. Въ его рукахъ совокупляется какъ военное, такъ и гражданское начальство. Мы не знаемъ, какое значеніе имѣетъ теперешній совѣтъ, *меджлиси-кебиръ*, окружающій правителя и состоящій изъ президента и двухъ секретарей, вѣдомственныхъ Шартою, *дефтердара* или секретаря пашакай, *кадога-баши* или старшинъ; но знаемъ, что въ цѣлуемое время *каимъ* и *тимаріоты*, этихъ военнагоначальствъ Турціи, составлявшихъ лучшую часть турецкаго кавалеріи, совѣтъ каимъ имѣлъ весьма сильное вліяніе на ограниченіе его власти. Теперешняя администрація Турціи представляетъ такой хаосъ, что мы рѣшительно не знаемъ, до какой степени эти *каимы* и *тимаріоты* уничтожены, и чѣмъ собственно замѣнены они; но знаемъ только то, что послѣ уничтоженія ихъ турецкая кавалерія слѣлась самою худшею частью турецкаго войска.

Вся администрація совокупляется въ рукахъ великаго визиря, вѣдоміе котораго учреждено вторымъ султаномъ Турціи, аяшшимъ эту власть своему брату, и дошло до самыхъ послѣднихъ арменій безъ всякихъ перемѣнъ. Только въ настоящее время, когда великій визирь

сдѣлался представителемъ политики иностранныхъ державъ, онъ къ своему восточному характеру присоединилъ характеръ, какой первый министръ имѣетъ въ Британіи. Но и теперь, какъ и въ то время, великій визирь представляетъ султана вездѣ и повсюду, управляетъ внутреннею и вѣдущею политикою, назначаетъ командировъ войскъ, правителей провинцій и всѣ чиновныя лица подчинены его неограниченной власти, исключая тѣхъ, которыя зависятъ отъ корпорацій улемовъ. Три лошадиныя хвоста и печать Оттоманской Имперіи, на которой изображенъ шифръ царствующаго падишаха, составляютъ эмблемы власти великаго визиря. Прежній визирь не долженъ былъ ни днемъ, ни ночью покидать этой печати и носить ее на шеѣ, на золотой цѣпи, до тѣхъ поръ, пока султанъ не присылалъ ему повелѣнія удалиться въ ссылку, или роковой вѣтлн. Рѣдкій визирь умиралъ своею смертію, еще рѣже въ отставкѣ: большая часть изъ нихъ погибла насильственной смертію. Власть его была неограничена надъ подчиненными лицами; но часто онъ долженъ былъ деньгами и ласкательствами снискивать себѣ милости какого нибудь евнуха, завладѣвшаго милостью султана. Великіе визири, имѣвшіе достаточно ловкости и смѣлости, чтобы войти въ союзъ съ шейхъ-уль-исламами и начальниками янычаръ, управляли Турціею неограниченно. Но жизнь ихъ всегда находилась въ опасности и одно неосторожное слово, произнесенное съ самымъ лучшимъ намѣреніемъ, могло погубить ихъ.

Селимъ I, покоривши Египетъ и оставивъ, однакожъ, управленіе его мамелюкамъ, возвращался съ триумфомъ домой. Султанъ ѣхалъ возлѣ своего визиря и, достигнувъ границы Илумеи, сказалъ ему:

— Вотъ Египетъ уже за нами, а завтра мы будемъ въ Газѣ!

— Увы! отвѣчалъ визирь, дѣлая намекъ на мамелюковъ, которыхъ Селимъ захватилъ важныя мѣста на берегахъ Нила: — какое-то будутъ плоды столькихъ трудовъ и стараній! половина твоей арміи погибла въ битвахъ или въ раскаленныхъ пескахъ, а Египетомъ управляютъ измѣнники?

Султанъ въ ту же минуту велѣлъ отрубить голову визирю и бросить его тѣло безъ погребенія среди пустыни. Слова визиря впоследствии оправдались, потому что мамелюки при первомъ удобномъ случаѣ взяли за оружіе.

Теперь великіе визири Турціи подають въ отставку и снова вступаютъ въ должности, смотря по вліянію, оказываемому въ данное время тою или другою европейскою державою. Нѣтъ спора, что этотъ порядокъ вещей, болѣе чѣмъ прежній, похожъ на запад-

ный; но выстрала ли отъ этого Турція — это еще другой вопросъ. Великій визирь, занимающій эту должность не по волѣ султана, но по волѣ лондонскаго кабинета и отказывающійся отъ своего мѣста, какъ только политическій вѣтеръ переменяется, не большая находка для Турціи. Этотъ способъ управлять независимыми державами, навязывая ихъ государямъ своихъ собственныхъ прозелитовъ, открытъ и испробованъ Англіею въ Индіи на множествѣ независимыхъ властителей, промѣнявшихъ скоро послѣ такого нововведенія свой дворець на тюрьму или изгнаніе. Политика, безспорно, весьма остроумная: покоривши народъ, надо держать его въ рукахъ, да и покорить его не легко; а завладѣть особою *султана* или *раджы*, окруживъ его своими совѣтниками и своею гвардіею, гораздо легче.

Впрочемъ, если бы кто по опасному и шаткому положенію прежнихъ великихъ визирей Турціи заключилъ, что лица, занимавшіе это мѣсто, не могли сохранить нравственнаго достоинства, тотъ бы очень ошибся и показалъ бы, что онъ незнакомъ съ характеромъ азіатцевъ. Напротивъ, старая Турція можетъ съ гордостью указать нацѣлый рядъ замѣчательныхъ людей, занимавшихъ мѣсто великаго визира и оказавшихъ въ этомъ званіи истинныя заслуги Оттоманской Имперіи. Прекрасныхъ главнокомандующихъ, глубокихъ политиковъ, людей, спокойно жертвовавшихъ жазнью пользамъ султана и имперіи, и даже, наконецъ, людей, не разъ остававшихся беззащитныхъ рабамъ отъ фанатизма удемовъ и смѣрныхъ прихотей дѣтей гарема — мы часто встрѣчаемъ въ ряду великихъ визирей Турціи.

Турецкія лѣтописи насчитываютъ болѣе двухъ-сотъ великихъ визирей. Большая половина ихъ погибла отъ руки палача; но тѣмъ не менѣе Турція можетъ похвалиться въ четырехъ-сотлѣтнее свое существованіе семью или восемью великими визирями, которые бы, при другихъ началахъ, составили славу и благоденствіе всякаго государства. Такіе люди, какъ Ибрагимъ при Салиманѣ Великолѣпномъ, какъ четыре первые Кеprилу и Рагибъ-Магометъ-паша, рѣдко появляются на страницахъ исторіи. Эти люди дѣлали великія и полезныя для Турціи дѣла, оставаясь вѣрными турецкому и вообще азіатскому характеру — характеру, не лишенному силы, хотя не подходящему ни подъ какую систему, и болѣе зависящему отъ случая, отъ природы, вызывающей пышныя и рѣдкія растенія посреди дикой глуши и поражающей безсиліемъ растенія теплицы, нежели отъ постоянной, вѣрно направленной методы общественнаго образованія. Если мы сравнимъ Ибрагима, Кеprилу *Жестокаго* и Кеprилу Политика и в. Рагибъ-пашу съ

переправивши турецкими министрами на европейскій ладъ, то сравненіе, приведенное нами выше, выкажется еще ярче: это растенія сильной природы востока, одаряющей ономъ созданія самыми яркими красками, самыми сильными ядами, но за то и самыми сильными колеблемыми двойствами, — и какъ блѣдны, безцвѣтны и слабосильны передъ ними образчики тѣхъ же самыхъ растеній, перенесенныя въ душную для нихъ европейскую теплицу! Имъ неловко, имъ гнѣвно, этимъ жалкимъ образчикамъ платановъ и пальмъ, съ полувзрослыми и урѣзанными листьями, съ замазанными трюнкками въ морѣ, склонившимся на подставки, — посреди крѣпкихъ дубовъ, широколиственныхъ кленовъ, кудрявыхъ, веселыхъ березъ, величественно-грустныхъ сосенъ, выросшихъ въ своей простой, строгой красотѣ на родной почвѣ и подъ роднымъ небомъ.

Но мы надѣемся, что нѣсколько отрывковъ изъ исторіи турецкихъ визирей лучше ознакомятъ нашихъ читателей съ слабыми и сильными сторонами азіатскаго характера, нежели всѣ сравненія. Мы не хотимъ хвалить стараго порядка вещей въ Турціи: онъ не годится уже болѣе въ Европѣ, онъ не можетъ быть терпимъ въ христіанскомъ мірѣ; но мы только сравнимъ его съ тѣмъ положеніемъ, въ которое ввергнули Турцію новѣйшія преобразованія, и думаемъ, что, еслибы въ настоящее время, явилось въ Турціи лицо, подобное Кеприлу *Жестокому* или Рагибу-пашѣ, то оно одно могло бы спасти въ Турціи, что еще можетъ быть въ ней спасено; а главное, избавило бы ее отъ наслѣдниковъ знаменитаго ренегата *Вонивала*, проложившаго дорогу въ Турцію своимъ одноземцамъ и хвалившагося тѣмъ, что онъ измѣнялъ разомъ пяти государствамъ и двѣнадцать религіямъ.

Мы не пишемъ здѣсь исторіи великихъ визирей Турціи, которая, впрочемъ, болѣе, чѣмъ исторія султановъ, могла бы познакомить насъ съ причинами величія и паденія турецкой державы; но хотимъ только передать нашимъ читателямъ нѣсколько чертъ изъ этой исторіи, желая, сколько возможно, уяснить, что составляетъ слабость и силу азіатскаго и въ особенности турецкаго управленія.

При такомъ султанѣ, какимъ былъ *Солиманъ Великолнннцъ*, царствованіе котораго составляетъ высшую точку величія Турціи, великій визирь не могъ имѣть большаго значенія. Тѣмъ не менѣе *Ибрагимъ-паша*, грекъ по рожденію, обращенный въ магометанство въ дѣтствѣ, нѣволью обращаетъ на себя вниманіе историка. Личность *Ибрагима* привлекаетъ къ себѣ и тѣю чудесною красотою оцѣриванія, которая такъ много значить на Востокѣ, и тѣю необыкновен-

любо, германскія прѣобрѣтенія, которое отличался отъ въ античн-
слонный ступакъ, и наконецъ римскими способностями въ управле-
ніи. Ибрагимъ, впрочемъ, несмотря на свой нагнетанный, все-
таки сохранялъ гнѣздо европѣйскихъ/оттѣшковъ: любовь къ изящ-
нымъ искусствамъ, пониманіе прекраснаго и безграничное, не перо-
дъ чѣмъ не оставалась чистое честолюбіе. Онъ вливалъ сул-
тану, обладающему воспримчивою и влиятельною восточною натурою,
любовь къ великимъ произведеніямъ классическаго міра. Онъ, ко-
нечно, любилъ съ султаномъ на пирамиды египетскихъ го-
ловъ, гордился тѣмъ, что его тѣлечъ христіанъ, приведенныхъ
изъ Венгріи въ Константинополь, были обращены въ рабство и
репроданы на азіатскихъ базарахъ; но онъ также вывезъ изъ ко-
ролевскаго дворца въ Будѣ мѣдныя статуи Аполлона, Геркулеса,
Діаны и, нарушая прямое положеніе корана, запрещающаго изобра-
жать какими бы то ни было образомъ существа, одаренныя жизнью
(животныя и люди), поставилъ эти статуи на томъ самомъ мѣ-
подромѣ, который Константинъ и Θεодосій украшали изображеніи-
ми языческихъ боговъ и богинь. Турки ронтали за нарушеніе корана,
но грозное имя Ибрагима одно, безъ чинскихъ, защищало не-
счастливый ивъ статуи. Одинъ современный турецкій поэтъ сочи-
нилъ по этому случаю сатирическія стихи, въ которыхъ говорилъ,
что первый Ибрагимъ (Авраамъ) разрушалъ идоловъ, а второй
ставилъ ихъ на публичныхъ площадяхъ. Несмотря на то, что имя
падишаха не было произнесено въ этой сатирѣ, несчастный поэтъ
былъ провезенъ въ оудѣ по всѣмъ улицамъ Константинополя, а по-
томъ удушенъ.

Но вторая страсть Ибрагима — безграничное, ни перодъ чѣмъ не
оставалась честолюбіе, не давала спокойно уснуть отарѣ-
неннѣ Солману. Ибрагиму мало было званія великаго визиря и эта
судачка, его стали подозревать въ другихъ планахъ. Солманъ, управ-
ляемый Роксоланею, видамъ которой противился Ибрагимъ, ставшій
на сторону Мустафы, старшаго солманова сына, обожаемаго вой-
скомъ и народомъ, не могъ уснуть покойно, волнуемый подозрѣніями
— привадишши гаремной жизни. Ибрагимъ, скваченный визанно,
былъ удушенъ въ своей постели. Узнавъ, что Ибрагима уже нѣтъ на
свѣтѣ, турки бросились на статуи, привезенныя имъ изъ Буды и раз-
били ихъ въ дребезги. Турецкій визирь не оставляетъ по себѣ наслѣд-
ства, ни партій, которыхъ бы можно было бояться: веревка нѣмно-
го прекращаетъ не только дни великаго визиря, но и все его мѣ-
сто; зависящее только единственно отъ его личнаго характера.
Вотъ почему личность, не существующая на Востока, если и появ-
вится гдѣ нибудь, то появится въ громаднхъ размѣрахъ.

Но смерть Ибрагима не успокоила души Солимана, возмущенной гаремными интригами. Роксолана, замѣстившая мѣсто Ибрагима своимъ зятемъ и своимъ созданиемъ, Рустемемъ-пашею, не переставала вести интриги противъ сыновей султана отъ другихъ жемъ — интриги обыкновенныя въ гаремной жизни. Наконецъ, эти полонїиціи возрасли до такой степени, что Солиманъ, находившійся тогда въ походѣ противъ Персїи, вызвалъ къ себѣ своего старшаго сына отъ другой жены, Мустафу, который правилъ одною изъ провинцій Малой Азіи. Мустафа прибылъ немедленно на зовъ отца, и солдаты встрѣтили его громкими восклицаніями.

— Слышите ли вы эти крики? сказалъ Рустемъ надкнѣзю.

— Да, я не сомнѣваюсь болѣе: это заговоръ! отвѣчалъ Солиманъ.

Мустафа на дорогѣ курдистанскомъ конѣ, окруженный визирями и янычарами, приблизился къ султанской палаткѣ, сошелъ съ коня и вошелъ въ жилище отца. Нѣмые немедленно бросились на него съ петлею.

— Отецъ! отецъ! кричалъ несчастный Мустафа, борясь съ убійцами. Солиманъ, скрывшійся за занавѣсою, слышалъ эти крики, но не шевельнулся, и Мустафа погибъ. Узнавши объ этомъ несчастная мать, находившаяся въ лагерѣ Солимана, произвела себя никуда. Въ лагерѣ началось возмущеніе, солдаты требовали головы Рустема-паши, но Солиманъ удовольствовался тѣмъ, что сослалъ его въ ссылку.

Роксолана или *Хурремъ-султанъ*, какъ называютъ ее въ турецкихъ лѣтописяхъ, не могла еще успокоиться: у Мустафы былъ двѣнадцатилѣтній сынъ, Ибрагимъ, жившій въ Брусѣ, и Солиманъ произнесъ смертный приговоръ своему внуку. Внуку, которому было поручено исполнить этотъ приговоръ, вырвавши Ибрагима хитростью изъ рукъ матери, отвелъ его въ уединенное мѣсто, и показывая роковую петлю, объявилъ, что султанъ хочетъ его смерти.

— Это повелѣніе для меня такъ же священно, какъ повелѣніе самого Аллаха, сказалъ Ибрагимъ и протянулъ свою шею палатку.

Теперь вотъ еще другая черта характера турецкихъ анзирей.

По смерти Османа II, погибшаго въ янычарскомъ возстаніи, правленіе перешло въ руки слабоумнаго Мустафы, которымъ управляли свнухи и женщины. Янычары грабили, Турція погибала и общимъ голосомъ на престолъ былъ призванъ Мурадъ IV, который и въ самомъ дѣлѣ поддержалъ Турцію, но поддерживалъ самыми кровавыми мѣрами, заслужившими ему названіе *Турецкаго Шерона*.

Абаза, эрзерумскій паша, неповадливый аничгаръ, пожелал отомстить нѣкъ за смерть Османа II и поддѣлъ знамя возмущенія. Яничгары, попадавшіеся ему въ руки, подвергались самымъ мучительнымъ, неслыханнымъ казнямъ. Абаза видѣлъ въ яничгарахъ «причину позора и паденія исламшана, не возмощъ, но нѣзакхъ убійць султановъ». Застигнутый въ распяхъ въ Эрзерумѣ Хозревомъ-пашею, Абаза неолъ шести-лѣтнаго сопротивленія сдался и былъ представленъ жестокому Мураду IV. Мурадъ, проливавшій рѣки христіанской и мусульманской крови, противу всякаго чаянія, не только пощадилъ, но даже наградилъ Абазу, назначивъ его правителемъ Босніи и требуя только, чтобы онъ служилъ ему съ такою же ревностію, съ какою служилъ его брату Осману II. Абаза поклялся и исполнилъ свою клятву. Скоро Мустафа поручилъ ему начальство надъ войскомъ въ войнѣ съ Польшею. Возвратившись побѣдителемъ въ Константинополь, Абаза былъ осыпанъ почестами и милостями султана; но въ слѣдующемъ же году Мурадъ IV, говорившій, что «мощіе никогда не старѣются», почти безъ всякой причины велѣлъ казнить Абазу. Когда бостанджи-баша явился къ Абазѣ съ роковымъ приговоромъ, подписаннымъ рукою Мурада, то Абаза почтительно поцаловалъ пергаментъ и, сказавъ: «да исполнился воля моего падишаха», приготовился къ смерти.

Мурадъ IV, одинъ изъ воинственнѣйшихъ и жесточайшихъ султановъ Турціи, самъ всегда предводительствовалъ своими побѣдоносными войсками и самъ возбуждалъ энтузіазмъ въ битвахъ похвалами и угрозами часто въ турецкомъ духѣ.

Осаждая персіанъ въ Багдадѣ, Мурадъ подалъ сигналъ къ битвѣ, самъ подвесивъ фитиль къ пушкѣ, и огромная турецкая артиллерія, которою не напрасно славилась тогда Турція, начала громить стѣны города, защищаемаго двадцатью тысячами персіанъ. Мурадъ IV нетерпѣливый, пылкій, не могъ дожидаться, пока возьмутъ городъ и, осыпанъ упреками своего великаго визиря Таира-пашу, приказалъ идти на общій приступъ.

— Дай Богъ, отвѣчалъ Таиръ:—чтобы тебѣ такъ же легко было взять Багдадъ, какъ легко мнѣ умереть за твое дѣло.

Багдадъ былъ взятъ приступомъ, а Таиръ-паша былъ убитъ въ проломѣ. «Душа его, по выраженію турецкаго историка, улетѣла въ своей земной кляткѣ въ райскую бесѣду изъ розъ: онъ жилъ героемъ и умеръ мученикомъ.» Узнавъ о смерти своего визиря, Мурадъ Жестокій воскликнулъ:

— Ахъ, Таиръ! твоя жизнь была дороже ста такихъ крѣпостей, какъ Багдадъ. Пусть Аллахъ даруетъ тебѣ вѣчный свѣтъ своего милосердія.

На слѣдующій день Мурадъ велѣлъ поѣхать изъ Баязета и, несмотря на то, что жандармы сдались на капитуляцию, «собравъ тридцати тысячъ головъ персовъ, не умевшихъ жить (кавъ въпрямую по этому случаю однихъ турецкій историкъ — очевидецъ), были сняты мечомъ передъ глазами султана.»

— Во время малолѣтства Магомета IV, объявленнаго надшамомъ на четвертомъ году своей жизни, Турція, какъ обыкновенно, управлялась женщинами и евнухами. Грабежъ, продажность и вѣсть, потери сраженій ознаменовали этотъ періодъ. Евнухъ Сулейманъ раздавалъ почести, богатства и назначалъ визирей, но наконецъ партія турецкихъ патриотовъ одолевъ, и на мѣсто великаго визиря назначенъ былъ *Тархунджи-Ахметъ-паша*, правитель смиртливый, смѣливый въ это время въ тюрьмѣ, но заслужившій народное прозвище *неподкупнаго и немолчаливаго*. Магометъ IV, которому было тогда одиннадцать лѣтъ, по требованію Тархунджи, обложилъ его неограниченною властію и Тархунджи, при всемъ дворѣ, поклялся умереть или возстановить порядокъ въ государствѣ. Въ ту же самую ночь онъ приказалъ умертвить въ тюрьмахъ множество лицъ, заключенныхъ туда по его повелѣнію, и выставить ихъ трупы, облеченные въ богатые платья на эль-майдане (древнемъ ташподромѣ). Жители Стамбула благодарили небо, пославшее имъ такого визиря. Тархунджи утробилъ подать на дома, обложилъ налогомъ всѣ стѣбачныя должности, задавилъ контрибуціями деревни, собралъ семь-сотъ тысячъ піастровъ; — но все-таки не могъ залечить ранъ, нанесенныхъ финансамъ Турціи осьми-лѣтними безумствами Ибрагима I. Неумолима строгость Тархунджи, безпощадно казнившаго за грабежи и взятки, казнившаго даже иногда и невинныхъ, если только было отыскать виновниковъ, съ цѣлю навести ужасъ на сердца людей преступныхъ, — навлекла ему много тайныхъ, но сильныхъ враговъ.

Капуданъ — паша, *Дервишъ*, обладавшій огромными награбленными богатствами, требовалъ отъ Тархунджи денегъ на содержаніе золота. «Государство раззорено — отъ началъ Тархунджи — и я не могу тебѣ дать ни одного піастра: ты богатъ, содержи золото на свой счетъ. Исполни свою обязанность, какъ я ее исполнию.» Дервишъ, имѣвшій друзей въ гаремѣ, хотѣлъ задушить молодому султану по доллару на счетъ вѣрности Тархунджи, желавшаго будто бы вознестись на тронъ брата Магомета IV, Солимана. Магометъ потребовалъ къ себѣ великаго визиря.

«Это мой смертный приговоръ — оказалъ Тархунджи, получивша повелѣніе — я долженъ былъ подумать прежде, что противостоятъ всѣмъ и трудиться для общаго блага значить притворяться»

свою собственную гибель. Я помню то, что послѣлъ.» Онъ явился къ султану и въ ту же минуту былъ задушенъ. Въ жилищѣ Тархунджи, когда его имущество по обыкновенію было конфисковано, нашли нѣсколько монетъ; но когда умеръ *Дервиш*-паша, наслѣдовавшій званіе великаго визиря послѣ Тархунджи, то въ казну султанскую поступило 95,000 дукатовъ и 400,000 піастровъ.

Посланникъ Лудовика XIV г. де-Ла-Гей, увѣдомившій великаго визиря, *Дервиша*, о побѣдѣ, одержанной Тюренемъ надъ принцемъ Конде (въ 1655 году), получилъ такой отвѣтъ, характеризующій турецкій взглядъ на европейскія державы: «Какое дѣло моему великому падишаху до того, свиньи ли пожираютъ собакъ или собаки пожираютъ свиней».

За Дервишемъ слѣдуетъ *Магомедъ Кеприлу*, сынъ бѣднаго горца Албаніи. Онъ еще въ дѣтствѣ прибылъ въ Константинополь искать насущнаго хлѣба. Сначала сдѣлался поваренкомъ на султанской кухнѣ, потомъ главнымъ поваромъ, потомъ начальникомъ султанской конюшни, потомъ правителемъ многихъ областей, а наконецъ на 75 году своей жизни, послѣ смерти *Дервиша*, и великимъ визиремъ. Магомедъ Киприлу не умѣлъ ни читать, ни писать, но былъ одаренъ умомъ необыкновеннымъ, желѣзною волею, хладнокровіемъ и непроницательнымъ притворствомъ. Не смотря на свои преклонныя лѣта, онъ сохранилъ всю дѣятельность молодости и былъ храбрымъ полководцемъ въ полѣ и энергическимъ государственнымъ человѣкомъ. Его искусство притворяться было такъ глубоко, что никто не зналъ, истинны или притворны тѣ чувства, которыя онъ выражалъ. Онъ постоянно держался того правила, что гнѣвъ и оскорбленіе не только бесполезны, но даже опасны для лицъ, облеченныхъ визирскою властью, и что должно обманывать своихъ жертвъ, чтобы потомъ губить ихъ съ большею увѣренностью. Таковъ былъ человѣкъ, который поддержалъ турецкую монархію, падающую отъ гаремныхъ интригъ и повсемѣстныхъ возмущеній. Заявши мѣсто визиря, онъ казнилъ 30,000 человѣкъ; но въ то же время одержалъ блестящую побѣду надъ венеціанскимъ флотомъ, блокировавшимъ Дарданелы и, снова завладѣвъ Лемносомъ и Тенедосомъ, выстроилъ при Дарданелахъ крѣпость, еще до сихъ поръ существующую. Онъ разбилъ войско Ракочаго, отгѣснилъ казаковъ; а когда тридцать пашей Малой Азіи подняли знамя бунта противъ власти Кеприлу, то онъ, завлекши ихъ всѣхъ удачною хитростью въ Алепъ, приказалъ удавить. Каждый день правознали въ Константинополь повозки, нагруженныя человѣческими головами и располагали ихъ пирамидами у разныхъ воротъ

сербала. Турки собирались только смотреть на эти ужасныя сраженія и громко слышали вояхато вивера.

Керпизу сдѣлать много полезныхъ измѣненій въ управленіи областями и въ арміи, увеличилъ флотъ, устроилъ финансы; но этотъ страшный сынъ Албаніи не могъ ничею дѣлать безъ крови: все, что противилось сколько набудъ его похваленіемъ, падало въ ту же минуту. Онъ давилъ одинаково и Турокъ и Христіанъ, какъ и въ послѣдствіи землякъ его Али-паша, но только съ другою цѣлью. По приказанію Керпизу былъ повѣшенъ Константинопольскій патриархъ, подозрѣваемый въ попыткѣ возмутить христіанъ, и это приказаніе было отдано тихо и съ улыбкою. Оскорбленный невниманіемъ французскаго посланника г. де-Ла-Гея, онъ придрался къ первому случаю, схватилъ его сына и, подвергнувши его палочнымъ ударамъ, заключилъ въ тюрьму; а когда де-Ла-Гей сталъ жаловаться на этотъ поступокъ, то онъ посадилъ и его самого вмѣстѣ съ сыномъ.

Керпизу умеръ въ 1661 году въсѣмидесяти лѣтъ отъ роду, и когда Магометъ IV посѣтилъ его на смертномъ одрѣ, то онъ завѣщалъ ему: «не позволять управлять собою женщинами, не довѣрять государственной печати людямъ, жаждущимъ богатствъ, исполнять всѣми возможными средствами казну государства и не давать ни на минуту покоя ни себѣ, ни своей арміи». Ахметъ Керпизу, наследовавшій своему отцу, прозванному Керпизу Жестокому, понималъ всю важность послѣдняго совѣта отца и исполнялъ его во все свое управленіе.

Здѣсь мы видимъ необыкновенный примѣръ въ турецкой исторіи: въ первый разъ сынъ наследуетъ великое вѣнство отца и не только семейство, но весь родъ Керпизу приобретаетъ великое государственное значеніе. Въ непродолжительное время этотъ родъ дастъ пятьразъ великихъ виверей Турціи, которые все отличались необыкновенными талантами. Въ этомъ мы не можемъ не видѣть вліяніе чуждой, албанской крови, а виветь съ тѣмъ и какою-то европейскими убѣжденіи въ томъ, что не все рѣшается сѣвными рокомъ, а многое зависитъ отъ талантовъ, знаній и стараній человѣка. Керпизу Жестокой, спасшій Турцію изъ бездны погибели кровавыми средствами, не умѣлъ ни читать, ни писать (Али-паша Янинскій, говорившій такъ краснорѣчиво, тоже разбиралъ съ трудомъ); но, тѣмъ не менѣе, понималъ всю пользу науки и далъ своему сыну блестящее, хотя совершенно турецкое, образованіе. Ахметъ Керпизу рано поступилъ въ корпорацію улемовъ и отличался своими знаніями и ласкою своихъ толкованій на коранъ и суапу. Но отецъ не оставилъ его долго между улемами, а началъ

его политическое образованіе, вѣрнѣе ему сначала управленіе Эрзерума, а потомъ Дамаска. Магометъ IV назначилъ Ахмета правителемъ Стамбула, а потомъ, по смерти отца, великимъ визиремъ (въ 1661 году).

Ахмету, когда онъ сдѣлался великимъ визиремъ, было всего двадцать-шесть лѣтъ. Къ талантамъ и энергіи своего отца онъ присоединялъ образованіе, не видѣлъ въ пролитіи крови единственнаго средства управленія; но, тѣмъ не менѣе, въ первый день своего вступленія въ должность подписалъ нѣсколько смертныхъ приговоровъ, съ тѣмъ, чтобы показать всѣмъ, что гроза, бывшая въ рукахъ его отца, не затихла, а только перешла въ руки сына. Ахметъ Кеprилу, впрочемъ, былъ добраго и веселаго характера; хотя ежеминутно старался казаться строгимъ и серьезнымъ. Онъ говорилъ коротко и отрывисто, но былъ очень дѣятеленъ, имѣлъ у себя подъ рукою трехъ своихъ родственниковъ: *Кара-Мустафу* правителя Стамбула, *Каплана* Капуланъ-пашу (начальника флота), и *Сераскира* (начальника арміи) *Седи-Муамеда*. Съ этими тремя личностями и съ тремя арміями: европейскою, азіатскою и африканскою, Ахметъ-Кеprилу держалъ въ рукахъ своихъ Оттоманскую Имперію въ продолженіи 15 лѣтъ, и Магометъ IV могъ спокойно жить въ Адрианополѣ, занимаясь охотою и предаваясь всей роскоши гаремной жизни, поглощавшей огромныя суммы.

Кеprилу пришла въ голову необходимость не оставлять турецкихъ войсь съ покоѣ, полагая что для турецкой ерды война есть жизнь и благоденствіе, а покоѣ неизбѣжно ведетъ къ упадку. Но ны не извѣстъ здѣсь надобности налагать себѣ счастливыхъ и несчастныхъ войсь, волевыми Ахметомъ Кеprилу; а скажемъ только, что, когда послѣ завоеванія Канди и Крита 88-лѣтній визирь вѣнчалъ въ Константинополь, то мусульмане приняли его съ страшнымъ энтузіазмомъ. Возвращаясь изъ счастливой войны съ Польшею, въ которой только геройство Собесскаго положило границу успѣхамъ турецкаго оружія, и съ которой однако Турція приобрѣла двѣ провинціи, Ахметъ Кеprилу умеръ на дорогѣ, черезъ три дня послѣ подписанія Бучацкаго трактата. Имятъ близкаго деревни присутствовало при смерти Ахмета и недалеко ему корень. Кеprилу положилъ руку на книгу Магомета и сказалъ: «Пророкъ! я узнаю скоро, сказалъ ли ты правду; но правду или лгь, а я умираю съ спокойною совѣстью. Я дѣлалъ всего близкаго все лучшее, что только отъ меня зависѣло, и всегда удмался за. Поручаю себя Аллаху». «Аллахъ! Аллахъ! обладатель шире! сказалъ Имамъ: — будь вѣлохердъ къ Ахмету Кеprилу, одному въ

твоихъ лучшихъ дѣтей.» Народъ прозвалъ Ахмета Кеprилу *дипломатомъ*.

Ахмету наследовалъ въ управленіи его родственникъ по женѣ, *Кара-Мустафа*, человекъ жестокій, но не безталанный. Побѣда Собескаго подъ Вѣною надъ войскомъ Кары-Мустафы отиѣтила другою чертою границу, отъ которой начинается паденіе Турціи. Первая черта намѣчена была Лепантскою побѣдою юнаго героя Донъ-Жуана Австрійскаго: третью и послѣднюю черту назначено было провести Рымникскому герою.

Послѣ смерти обоихъ Кеprилу, вся слабость султана Магомета IV, которую они закрывали собою, вышла наружу.

Мустафа - Кеprилу, каймаканъ Константинополя и братъ Ахмета-Кеprилу, съ помощью улсмовъ и янычаръ, возвелъ на престолъ брата Магомета IV, Солимана II, надѣясь найти въ немъ достойнаго правителя Турціи, но обманулся: трудно было узнать достоинства принца, жившаго всегда въ гаремѣ. Мустафа-Кеprилу, сдѣлавшійся великимъ визиремъ, одинъ управлялъ Имперіею. Онъ былъ глубокій политикъ, но притомъ человекъ добрый и честный. Это былъ единственный правитель Турціи, обратившій вниманіе на несчастное положеніе райевъ. Мустафа-Кеprилу отличался необыкновеннымъ безкорыстіемъ, прекратилъ грабежи, передѣлалъ въ деньги свое собственное серебро и лишнее серебро султана, покровительствовалъ торговлѣ и кое-какъ поправилъ финансы, приведенныя въ страшное состояніе Магометомъ IV. Онъ былъ счастливъ въ своихъ первыхъ войнахъ противъ Австріи и, видя свое войско разбитымъ при Петервардейнѣ, устремился въ битву и погибъ съ саблею въ рукахъ. Народъ придалъ ему названіе *Добродѣтельнаго*.

Гусейнъ, двоюродный братъ Кеprилу *Добродѣтельнаго*, въ продолженіи пяти лѣтъ, управлялъ при султанѣ Мустафѣ II съ большою мудростію и энергіею. Народъ прозвалъ его *Мудрымъ*, но онъ умеръ слишкомъ рано для благоденствія Турціи (въ 1703 году).

Нууманъ Кеprилу, пятый великій визирь изъ этого рода, сажъ Кеprилу *Добродѣтельнаго*, управлялъ Турціею при Ахметѣ III, всего только нѣсколько мѣсяцевъ. Серальская интрига погубила его, онъ былъ назначенъ правителемъ Нерропонта: мѣсто это онъ занималъ прежде поступленія своего на визирство. Народъ прозвалъ его *справедливымъ*.

За послѣднимъ изъ Кеprилу слѣдовалъ *Магометъ паша*, прозванный *Балтаджи* (дровосѣкъ), потому что въ молодости занималъ эту должность при сералѣ. Это былъ тотъ самый великій визирь, который, къ счастью Россіи и образованія, польстился на

бриліанты Императрицы Екатерины I. Когда Карлъ XII, въ бѣшенствѣ, упрекалъ *Бальтаджи* за то, что онъ выпустилъ изъ рукъ своихъ Петра Великаго и его армію; то Бальтаджи съ истинно-турецкимъ спокойствіемъ отвѣчалъ: «Кто же бы управлялъ его государствомъ въ его отсутствіе?» и потомъ, глядя насмѣшливо на Карла, прибавилъ: «не хорошо, если всѣ государи будутъ находиться внѣ своихъ государствъ». Карлъ, сидѣвшій возлѣ визиря, такъ дернулъ шпорою, что разорвалъ широкое платье визиря и выбѣжалъ изъ палатки съ проклятіями. Визирь прехладнокровно всталъ съ своего мѣста и сказалъ окружающимъ: «Вотъ настала и часъ намаза: поблагодаримъ небо!»

Намъ остается упомянуть еще объ одномъ великомъ визирѣ Турціи, которому она много обязана продолженіемъ своего потухающаго блеска.

Рагибъ-Магометъ паша, бывшій великимъ визиремъ съ 1757 года по 1763, былъ человекъ характера глубоко-скрытнаго. Ложь и пролитіе крови входили въ число законныхъ средствъ его управленія; но величіе надшаха и Турціи были его главною цѣлью. Фридрихъ II былъ пораженъ необыкновеннымъ политическимъ умомъ Рагиба-паша и основывалъ на немъ великія надежды въ борьбѣ съ Австріею. Рагибъ отличался любовью къ постройкамъ и многія лучшія зданія въ Константинополѣ ему обязаны своимъ появленіемъ. Онъ началъ рыть каналъ для соединенія Чернаго моря съ заливомъ Никомидійскимъ, но полное невѣжество турецкихъ инженеро-въ заставило его оставить этотъ планъ. Онъ страстно любилъ искусство и науки и турецкіе историки называютъ его *главою визирей и султаномъ поэтовъ Румелии*; въ самомъ дѣлѣ, Рагибъ паша въ ряду великихъ визирей Турціи играетъ ту же роль, какую Салиманъ Великолѣпный въ ряду Турецкихъ султановъ.

Этихъ нѣсколькихъ чертъ изъ жизни Турецкихъ визирей достаточно для того, чтобы показать нашимъ читателямъ, на чемъ основаны были бывшее величіе и слава Турціи и можетъ ли восточный характеръ войти въ колею европейскаго образованія. Турки и вообще азіатскіе народы имѣютъ много основанія быть фаталистами. Въ самомъ дѣлѣ, на Востокѣ все зависитъ отъ сердца человека, и это сердце не подчиняется ни какимъ законамъ: пошлетъ судьба великія личности, и они исполняютъ требованія своей собственной природы; если же нѣтъ ихъ, то никакая европейская система не можетъ ихъ замѣнить. Читая исторію Турціи, становится понятною та ненависть, смѣшанная съ презрѣніемъ, съ которою смотрятъ Турки на французскихъ выходцевъ, промѣнявшихъ за деньги и свое отечество и свою религію. Турки не ждуть

отъ нихъ ничего хорошаго и по нашему мнѣнію совершенно справедливо: люди, подобные Боневалю и его наследникамъ, ничего не могутъ принести, кромѣ зла.

Теперь, слѣдуя общепринятому порядку, намъ слѣдовало бы излагать министерства Турціи, но мы считаемъ это совершенно излишнимъ и думаемъ, что перечисленіе министерствъ Турціи или Китая, перевода азіатскія названія на европейскій языкъ, не могутъ нисколько познакомить ни съ Турціею, ни съ Китаемъ. Къ тому же эти перечисленія въ послѣднее время такъ часто попадаются въ русскихъ газетахъ, что повторять ихъ здѣсь мы считаемъ совершенно излишнимъ. А потому въ слѣдующихъ главахъ мы перейдемъ прямо къ устройству турецкихъ войскъ и къ объясненію положенія французовъ и англичанъ въ Турціи.

МАГАЗИНЪ ЗЕМЛЕВѢДѢНІЯ И ПУТЕШЕСТВІЙ. Географическій Сборникъ, издаваемый Николаемъ Фроловымъ. Томъ II. «Воззрѣнія на Природу» Александра Гумбольдта и «Идеи о Сравнительномъ Землеводѣніи» Карла Риттера. Съ семнадцатью рисунками. Москва. 1853.

Г. Фролову пришла счастливая мысль — соединить во *столѣтніи* томъ своего «Сборника» два великія имени: Александра Гумбольдта и Карла Риттера. Между этими маститыми представителями самой юной, самой современной науки, которымъ вдвоемъ болѣе *ста-пятидесяти-семи* лѣтъ, много общаго. Они оба доказали собою, что вѣчная юность науки исходитъ и на ея вѣрныхъ жрецовъ, — оба они еще живутъ полной жизнью свѣтлой, энергической, всеобъемлющей мысли, — оба еще, продолжая идти впередъ самыхъ юныхъ поколѣній, смѣло прокладываютъ дорогу впередъ. Это не робкая, дрожащая старость, удерживающая осторожными словами пылъ юныхъ адептовъ науки, но самая энергическая молодость: столѣтній опытъ и долговременное мышленіе придали имъ только еще болѣе смѣлости и позволили высказывать такіа надежды, на которыя не покусилась бы самая молодая, самая пылка, самая сангвиническая натура. Оба эти великіе ученые, болѣе полу столѣтія посвящающіе наукѣ свое плодовитое перо, еще далеки отъ мысли успокоенія, еще оканчиваютъ два свои громадные созданія, еще стремятся къ достиженію той великой цѣли, отдаленность которой могла бы отнять бодрость у юноши, только что вступающаго на ученую карьеру. И Риттеръ, и Гумбольдтъ составляютъ чрезвычайно рѣдкое исключеніе не только между учеными, но и между людьми всѣхъ состояній и сословій. Кто изъ сѣдовласыхъ стариковъ можетъ похвалиться, что онъ всю длинную жизнь свою — каждое мгновение и каждое усиліе ея — посвятить одной мысли, озарившей его духъ еще въ ту пору, когда кровь

Т. XLV. Отд. III. 11/2

волновалась горячо, когда взоръ, непривыкшій къ созерцанію природы, съ восторженной любовью и изумленіемъ озираетъ новый для него міръ, — въ ту пору, которую обыкновенно называютъ они порою ошибокъ и заблужденій и которую вспоминаютъ съ удовольствіемъ, какъ сладкій, но обманчивый сонъ? «Космосъ» Гумбольдта и «Всемирная Географія» Риттера не только задуманы, но и предначертаны ими полъ-столѣтія тому назадъ; но авторы ихъ всю долгую и трудолюбивую жизнь свою употребили на то, чтобы выполнить эти громадныя планы, чтобы наполнить всѣ пустыя мѣста этихъ великолѣпныхъ картинъ, вѣрные очерки которыхъ родились еще въ ихъ юношескихъ умахъ. Но выполнили ли они эти планы? окончили ли они эти чудныя картины? есть ли надежда, что они выподняютъ и окончатъ ихъ? Гумбольдту еще далеко до окончанія картины природы; Риттеръ, задуравъ всемирную географію на сѣмьдесятъ-четвертомъ году своей жизни, еще не выдалъ послѣднихъ томовъ Азіи, а впереди у него Европа, Америка и Австралія. Кто знаетъ, можетъ быть, великое созданіе германскаго географа останется оканчивать цѣлымъ поколѣніемъ, какъ тѣ средневѣковыя храмины, которыя задуманы поэтическою фантазією и порывистымъ энтузіазмомъ, а не робкимъ, разчетливымъ разсудкомъ, и которыхъ не могли окончить десятки поколѣній.

Но кромѣ этого внѣшняго, біографическаго сходства между Риттеромъ и Гумбольдтомъ есть еще другое — сходство внутреннее, сходство идеѣ, сходство цѣлей, къ достиженію которыхъ они такъ неутомимо стремятся, которыхъ, можетъ быть, никогда не достигнутъ, но къ которымъ уже проложили широкую и свѣтлую дорогу. Цѣли ихъ еще такъ отдалены, планы ихъ такъ громадны, безконечная глубина ихъ идей такъ полна содержанія, что мы далеко отъ дерзкой мысли выразить въ нѣсколькихъ страницахъ характеръ произведенія двухъ великихъ ученыхъ. Сколько бы мы ни говорили о нихъ, мы не выскажемъ того, что уже извѣстно читателямъ, познакомившимся съ «Космосомъ» Гумбольдта, и что узнаютъ они даже изъ того небольшого собранія маленькихъ статей Риттера, которыя вышли въ Германіи небольшою отдѣльною книгою подъ заглавіемъ: «Введеніе во Всеобщую Сравнительную Географію», переведенной теперь въ «Сборникъ» г. Фролова.

Съ идеями Гумбольдта публика наша уже знакома довольно коротко; тогда какъ имя Риттера еще рѣдко у насъ прозвучало: вотъ почему мы думаемъ обратить большее вниманіе на статьи нѣмецкаго географа, предоставивъ читателямъ самимъ познакомиться съ «Возрѣніемъ на Природу» хорошо уже знакомому имъ автору «Космоса».

Гумбольдтъ и Риттеръ задали себѣ одну задачу, предѣлы которой приводить въ оцененіиіе самую шероховатую мысль. Въ преодоленіе цѣлаго ряда сложнѣй трудовъ, взятыхъ вмѣстѣ, оба умельца стараются начертить одну и ту же картину — картину міра, на сколько она стиралась мыслями, работающей надъ этимъ открытіемъ уже нѣсколько тысячелѣтій, — обзорѣ все, что узвано вытиснено стью человѣка съ той минуты, когда Всемогущій далъ ему въ видѣ лице прекрасную землю. Изъ этого уже понятно, какое важное значеніе имѣютъ оба ученіе въ исторіи развитія человѣческой мысли. Только такой осмотръ всего добытаго уже наукой можетъ бросить яркій свѣтъ на дорогу, лежащую ей впереди, и, озаряя съ высоты, доступной только великимъ умамъ, мельчайшіе и разнообразнѣйшіе пути, которыми человечество всѣхъ странъ и въкогда стремится къ познанію творенія Божія, слить ихъ въ одинъ могучій потокъ. Такой обзоръ, показавъ общее направленіе и внутреннюю связь всей безчисленности отдѣльныхъ стремленій, даетъ имъ новую энергію и ту стройность, ту вѣрность приѣмовъ, которыя служатъ вѣрнѣйшимъ ручательствомъ успѣха всякаго дѣла.

Но, стремясь къ одной и той же цѣли, оба высшіе представителя современной науки стремятся къ ней двумя разными, параллельными путями, нигдѣ не расходясь, нигдѣ не теряя другъ друга изъ виду, но вездѣ подавая другъ другу руку помощи.

Гумбольдтъ отрываетъ связь между всѣми явленіями природы и строитъ ихъ въ одно органическое цѣлое, въ которомъ явленіе жизни минералогическаго вѣскомаго связывается видимою нитью съ явленіями незаметныхъ громаднѣйшихъ переворотовъ земли. Для свѣлой мысли Гумбольдта нѣтъ ни физическихъ, ни нравственныхъ разстояній: она соединяетъ родственныя явленія, хотя бы они были раздѣлены цѣлымъ радіусомъ земнаго шара или всюю безконечною цѣпью различнѣйшихъ царствъ природы; она разлагаетъ ихъ, хотя бы они были сплочены въ одно нераздѣльное существо. Риттеръ же приурочиваетъ къ мѣстности весь этотъ стройный и громадный организмъ явленій природы, прибавляя къ нимъ и немалый стройный міръ историческихъ явленій. Для Гумбольдта всякое явленіе важно само по себѣ, въ его связи съ другими явленіями, безъ отношенія къ мѣстности и исторіи; для Риттера важно только истинное значеніе природнѣхъ и историческихъ явленій. *Причина и следствие*, какъ внутренняя связь творенія — вотъ надпись гумбольдтовскаго знамени; *мѣстность*, какъ причина и *следствіе друзей-явленій* — вотъ девизъ ученыхъ трудовъ Риттера. Понятно, что при такомъ стремленіи обоимъ великимъ дѣятелямъ наукъ, они востаново нуждались другъ въ другѣ, лучше, чѣмъ кто ибудь, по-

стали взаимным идеям и ожиданиям и оценивали важность обоюдных стремлений. Дружба, основанная на единстве идеям и на единстве великих сочувствій, связывает въ продолженіе полувѣка эти два величайшіе ученые характера, которымъ могли бы позавидовать классическая древность. Какой вѣкъ можетъ выставить что нибудь подобное двумъ блестящимъ созвѣдіямъ науки, озаряющимъ съ недоступной высоты прошлое и будущее человѣческой мысли!

Эта ученая дружба, напоминающая поэтическую дружбу Шиллера и Гёте, выказывается во многихъ мѣстахъ и у Гумбольдта, и у Риттера; но тогда, какъ Гумбольдтъ остороженъ, какъ и Гёте, въ выборѣ своихъ выраженій, маститый географъ съ шиллеровскою пылкостью, съ особенною теплотою, характеризующею все его созданія, выражаетъ при всякомъ удобномъ случаѣ свое восторженное удивленіе и благодарность гениальному естествоиспытателю. Творенія и мысль Гумбольдта, какъ мы увидимъ ниже, имѣли сильное вліяніе на Риттера: они дали твердую природную основу тѣмъ идеямъ, которыя родились самостоятельно въ умѣ швейцарскаго географа, но, можетъ быть, никогда бы не высказались наружу, если бы не могли выйти въ свѣтъ, опираясь на идеи Гумбольдта, облеченныя въ безукоризненную броню опыта и наблюденія. Безъ могучей помощи Гумбольдта идеи Риттера остались бы, можетъ быть, на степени отвлеченныхъ философскихъ умствованій, или въ формѣ возвышенныхъ, прекрасныхъ поэтическихъ созданій, отъ которыхъ дышетъ теплотою и задумчивостію, отъ которыхъ живѣе бьется сердце и смѣлѣе царитъ мысль, которымъ вѣрится такъ охотно, но съ такимъ трудомъ. Гумбольдтъ далъ новую энергію вѣрѣ Риттера въ могущество науки и въ истину той волшебной мысли, которая увлекла его своею ослѣпительною красотою на дорогу, еще скрывающуюся въ туманѣ. Риттеръ и теперь болѣе но свѣтлому предчувствію, нежели по полному сознанію, пробирается изъ страны въ страну, изъ вѣка въ вѣкъ, отъ одного явленія къ другому. Что же было, когда онъ стоялъ еще на берегу великаго моря, котораго и малой части не могъ исчерпать въ продолженіе полувѣка своихъ неутомимыхъ трудовъ? Что, какъ не энтузіазмъ, какъ не поэтическое одушевленіе, пролагалае дорогу германскому географу въ этомъ невзчислимомъ множествѣ явленій природы и исторіи? Риттеру нигдѣ во вѣкѣ шестнадцати томовъ своего творенія не можеть высказать вполне той идеи, которая руководитъ его въ выборѣ, группировкѣ и объясненіи фактовъ, хотя на каждой строкѣ читатель чувствуетъ оживляющее дыханіе этой великой мысли: можно ли же ожидать, чтобъ эта идея высказалась совершенно ясно и удовле-

творительно на нѣсколькихъ десяткахъ страницъ, которые мыъ назвали «Введеніемъ» въ свою географію?

Отдѣльныя статьи, составляющія это «Введеніе», написаны Риттеромъ по различному поводу и въ различное время въ продолженіе длиннаго періода его ученой дѣятельности. Цѣль, для которой авторъ собралъ ихъ въ одну книгу, состоитъ въ томъ, что онъ, будучи писаны въ разное время и помѣщены въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ (по большей части въ Запискахъ Берлинской Академіи), сдѣлались почти недоступными, хотя и теперь еще имѣютъ свое значеніе для географіи, которая, по выраженію автора, «сдѣлала съ тѣхъ поръ гораздо болѣе успѣховъ въ расширеніи своихъ предѣловъ, нежели въ исполненіи своего содержанія.» Первое изъ этихъ разсужденій относится къ 1818 году и было приложено, въ видѣ предисловія, къ старому изданію перваго тома «Сравнительнаго Землеузнанія». Въ этомъ разсужденіи авторъ начертываетъ планъ труднаго пути, избраннаго имъ для своей ученой дѣятельности, и высказываетъ тѣ убѣжденія, которыя, несмотря на несовершенство и неустойчивость своей первообразной формы, служили его посвятивъ свою дѣятельную жизнь одному ученому труду. Последнее изъ разсужденій, помѣщенныхъ въ «Введеніи», написано уже въ 1850 году, но совершенно авторомъ половины его великаго труда. Въ этой статьѣ авторъ, такъ же, какъ и въ первой, говоритъ о средствахъ найти твердое, разумное основаніе для географическихъ наукъ и о методахъ ихъ изложенія; но языкъ его уже другой: идеи автора изъ смѣлыхъ, но неопредѣленныхъ върозраній юности, проникнувъ сквозь неизчислимое множество фактовъ, превратились въ твердыя и спокойныя убѣжденія; и онъ тихо, но съ увѣренностью, подвигается къ сознанію ихъ истины, къ той спокойной, хотя еще далекой, пристани, гдѣ надежды и убѣжденія преобразуются въ положительное знаніе.

Изъ сказаннаго уже достаточно видно, что разбираемая нами книга Риттера не только важна сама по себѣ, какъ выраженіе нѣкой знаменитаго географа о предметѣ географіи и о методахъ ее изложенія, но имѣетъ еще другое, относительное значеніе, объясняя и оправдывая ту систему и ту методу, которыя принялъ авторъ для своего огромнаго труда. Это послѣднее значеніе «Введенія» тѣмъ важнѣе для насъ, что Риттеръ, въ своемъ «Сравнительномъ Землеузнаніи», нигдѣ достаточно не указываетъ читателямъ своей основной мысли, изъ которой, однако же, стройно развивается все его сочиненіе, и по которой группируются всѣ собранные имъ факты. Читателю сочиненія Риттера безъ особаго возбужденнаго вниманія не найдешь въ немъ того, чего въ правѣ ожидать отъ авторитета

географа-философа, не найдете именно той мысли, для раскрытия которой оно написано. Переберите все подраздѣленія каждой части географіи Риттера, и ни въ одномъ изъ нихъ не найдете вы ни обидныхъ выводовъ; ни заключеній: одни изъ этихъ подраздѣленій не больше, какъ легкіе очерки того, что должно слѣдовать впередъ, — это точки отдыха, съ которыхъ авторъ осматриваетъ не пройденное имъ пространство, а то, которое ждетъ его впередъ; другія подраздѣленія, самыя обширныя, состоятъ изъ изложенія и критики фактовъ, повѣрки ихъ однихъ другими; въ третьихъ, наконецъ, помѣщены отдѣльныя монографіи (какъ, напримеръ, исторія племени, распространенія растений, различныхъ фабрикацій и т. под.), которыя только одна могутъ представить хотя спеціальныя, но зато цѣльный интересъ; и эти-то, исключительно, пользуются составителя географіи и географическихъ сборниковъ. По окончаніи изложенія фактовъ, относящихся къ какой либо самостоятельной части Азіи, читатель напрасно ждетъ заключительнаго вывода или хотя цѣлой картины пройденнаго: непосредственно открывается новая глава, новое критическое изложеніе фактовъ, а между тѣмъ, кто сколько нибудь знакомъ съ направлениемъ Риттера, тотъ навѣрно убѣжденъ, что писатель, обладающій такимъ глубокимъ философскимъ взглядомъ на природу и исторію, не могъ посвятить всей своей жизни на созданіе сборника фактовъ, подобнаго тѣмъ многотомнымъ сочиненіямъ сухой и бездарной учености, которыя, не имѣя никакого жизненнаго интереса, годятся только для справокъ и выписокъ.

И, въ самомъ дѣлѣ, «Сравнительное Землеустройство» Риттера далеко не сборникъ фактовъ по произвольно принятой системѣ, но глубоко задуманное философское сочиненіе, развивающее одну идею, вокругъ которой самыя разнообразныя мнѣнія и самыя разнородныя факты строятся въ одно художественное созданіе. Но эта идея нигдѣ не высказывается авторомъ ясно, и надобно употребить значительное усиліе вниманія для того, чтобы вызвать ее изъ страницъ его книги, наполненныхъ сухою критикою фактовъ. Только во временахъ, и то какъ бы невольна, вырывается у автора его задушевная мысль въ какой нибудь короткой, полу-высказанной фразѣ или въ одномъ восклицательномъ, или вопросительномъ знакъ, или даже въ одной курсивной печати нѣсколькихъ словъ. Критика фактовъ, исполненіе ихъ однихъ другими идетъ, не прерываясь, отъ первой страницы до послѣдней; и весь механизмъ кабинетной работы ученаго, остающійся обыкновенно въ черновыхъ тетрадяхъ, выставить здѣсь наружу: Риттеръ не хочетъ задавать читателя несомнѣннымъ выводомъ, хитро придуманнымъ въ тиши кабинета; но

заставляет его самого, убиваясь фактами, выводить заключенія, и довольствуется тѣмъ, что указываетъ ему на знаменательнѣйшіе изъ этихъ фактовъ. Риттеръ понималъ все величіе проводимой имъ идеи и зналъ очень хорошо, какимъ труднымъ процессомъ прошиваются истины, какъ бы очевидны онѣ ни были, въ жизнь дѣйствительную. Онъ понималъ, что проводимая имъ мысль о живомъ органическомъ единствѣ міра, несмотря на свою почтенную древность, принадлежитъ болѣе къ области поэзіи, нежели къ области науки; что она именно одна изъ числа тѣхъ истинъ, съ которыми всѣ безмолвно соглашаются, но которыми никто не даетъ мѣста ни въ наукѣ, ни въ жизни, тогда какъ содержаніе этихъ истинъ такъ важно, что, принимая ихъ со всеми послѣдствіями, наука во многомъ должна бы была измѣнить свое направленіе. Вотъ почему Риттеръ рѣшился говорить не иначе, какъ фактами, — одними фактами, не прииѣшивая къ нимъ ни гипотезъ, ни убѣжденій: онъ надѣется на силу самихъ фактовъ и на то, что смыслъ ихъ, столь ясный для него, будетъ также ясенъ и для всѣхъ. Это даетъ книгѣ Риттера высочайшую степень достовѣрности, до какой только можетъ достигнуть ученое сочиненіе, обезпечиваетъ совершенно ея успѣхъ и ручается за ея прочность, но зато, съ другой стороны, сильно замедляетъ самый этотъ успѣхъ; такъ что сочиненіе это, вліяніе котораго на науку должно быть велико, нуждается во множествѣ глосаторовъ неменѣе юридической системы Рима. Вотъ почему разбираемая нами книга Риттера, гдѣ онъ самъ высказываетъ свои убѣжденія и знакомитъ съ своимъ воззрѣніемъ, имѣетъ для насъ особенную важность. Но и въ этой книгѣ основная мысль Риттера, хотя высказывается яснѣе, чѣмъ гдѣ нибудь, далеко еще не достигла полного своего выраженія: авторъ какъ будто не могъ ни хотѣть высказать ее вполне. Мы полагаемъ, что это произошло отъ двухъ причинъ: во первыхъ, оттого, что авторъ началъ свой трудъ еще въ то время, когда основная мысль этого труда жила въ немъ въ формѣ чувства, въ формѣ не вполне сознаннымъ убѣжденія. Если кому нибудь слова наши покажутся странными, то пусть онъ припомнитъ начало всѣхъ великихъ произведеній и открытій ума человѣческаго: не всѣ ли они начинались съ темнаго предчувствія, которое не разумъ, но мало по малу переходило въ твердое убѣжденіе и только впоследствии достигало ясности знанія? Вторая причина неполноты выраженія основной идеи автора заключается въ самой глубинѣ содержанія этой идеи и обширности ея предѣловъ, связывающихъ въ одно органическое цѣлое природу земли, природу человека и исторію развитія человѣческаго духа. Еслибы авторъ захотѣлъ выразить свою мысль отдѣльно и ясно, то это назва-

бъжшо завело бы его въ ширь отвлоченныхъ философическихъ идей, тогда какъ и самыя эти идеи философовъ природы слишкомъ еще шатки и неопредѣленны и, во всякомъ случаѣ, слишкомъ воздушны. — Авторъ самъ ясно сознаетъ эту невозможность выразить вполне свою основную идею, хотя ясно обозначаетъ ея существованіе. Вотъ что говоритъ онъ въ одной изъ своихъ монографій, служившей введеніемъ къ старому изданію перваго тома его «Землеведѣнія»:

«Порядокъ расположенія фактовъ *Сравнительной Географіи* долженъ имѣть въ основаніи одну идею и одну точку опоры, и тогда только онъ можетъ заслужить названіе метода и повести къ открытію естественной системы. Такое идеальное основаніе одно только можетъ связать разнородныя данныя, собранныя опытомъ, и положить на нихъ печать идеальнаго единства, котораго безсознательная природа сама по себѣ не имѣетъ. Безъ такого основанія, гипотезы, теоріи, какое бы названіе ей ни давали — сознаетъ ее самъ писатель или нѣтъ — нельзя создать ничего цѣлаго; и, притомъ, самое намѣреніе избѣжать въ своемъ сочиненіи всякой теоріи есть уже, какъ говоритъ Шлейферъ, само по себѣ теорія. Отсутствіе высказанной теоріи не ведетъ еще къ истинѣ и не избавляетъ отъ пристрастія: одно только знаніе исторіи философіи и исторіи наукъ, осторожность въ приложеніи своихъ мнѣній и твердое желаніе открыть истину могутъ подать; въ этомъ случаѣ, помощь слабости человеческой и, по крайней мѣрѣ, оправдать то выраженіе, которое каждый писатель употребляетъ такъ охотно, *desera e seorsle* *безпристрастіи при обсуоживаніи фактовъ*.

«Идеальное основаніе, на которомъ писатель (Риттеръ) думаетъ востроить, въ этомъ своемъ сочиненіи (*Сравнительномъ Землеведѣніи*), систему *безпристрастно обсуоженныхъ имъ фактовъ*, не заключается для него въ истинѣ, выраженной въ одномъ понятіи, — но въ общемъ содержаніи всѣхъ истинъ, въ которыхъ онъ убѣжденъ; слѣдовательно, *идеальное основаніе этого сочиненія находится въ области вѣры*. Оно покоится на томъ внутреннемъ созерцаніи, которое образовалось въ авторѣ самою жизнью среди природы и людей и дозрѣло до степени сознательной идеи въ бесѣдахъ его съ однимъ изъ великихъ ученыхъ нынѣшняго столѣтія (А. Гумбольдомъ). — Эта идея легла въ основу настоящаго сочиненія и, если намѣреніе будетъ вполне достигнуто, должна, отражаясь во всѣхъ частяхъ изслѣдованія, пробуждаться въ натурахъ родственныхъ автору. Вотъ причина, почему она не можетъ быть высказана впередъ, въ опредѣленныхъ формахъ, но, проникая все твореніе, только въ концѣ его достигнетъ полнаго выраженія... «Основное же пра-

вило—продолжаетъ авторъ далѣе, —исполненіе котораго должно придать цѣлому сочиненію достоинство истины, состоятъ въ томъ, что мы будемъ переходить отъ наблюденій къ наблюденіямъ, а не отъ мнѣній и гипотезъ къ наблюденіямъ.» (*)

Быть можетъ, многимъ покажется это откровенное признаніе автора, принимающагося за полу-вѣковую трудъ, слишкомъ темнымъ; но едва ли можно выразить съ бѣльшею опредѣленностью ту инстинктивную форму глубокаго разума, полнаго сочувствія къ тайнамъ жизни міроваго организма, когда для него такъ ясно родство и соотношеніе самыхъ различныхъ явленій и, въ то же время, исходная точка этихъ явленій, изъ которой всѣ они рассыпаются, какъ радіусы изъ одного центра, едва мерцаетъ въ туманной дали и болѣе угадывается чувствомъ, нежели открывается разсудкомъ.

Сочиненіе Риттера принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ произведеніямъ человѣческаго разума, фактическая сторона которыхъ можетъ быть поволаяема и исправляема до безконечности, но основная мысль которыхъ останется всегда вѣрною и въ каждомъ новомъ открытіи найдетъ для себя новое подтвержденіе и новое полнѣйшее выраженіе.

«Всеобщее Сравнительное Землеуѣдѣніе», котораго уже вышло въ свѣтъ шестнадцать огромныхъ томовъ (отъ 700 до 1,000 страницъ каждый), открываетъ собою новый періодъ географическихъ наукъ. Оно, вмѣстѣ съ другими великими произведеніями современной науки, служитъ выраженіемъ общаго ея направленія и находится въ тѣсной связи, съ одной стороны, съ новѣйшими философскими системами, а съ другой — съ тѣмъ стремленіемъ естественныхъ наукъ къ обобщенію въ одну систему всѣхъ добытыхъ ими результатовъ, котораго представителемъ въ послѣднее время является А. Гумбольдтъ. Въ мірѣ практическомъ сочиненіе Риттера служитъ отголоскомъ того непрерывно усиливающагося движенія, направленаго изъ Европы во всѣ части свѣта, въ главѣ котораго стоятъ три величайшія державы земнаго шара. Результаты этого движенія, обнявшаго весь міръ, сдѣлали возможнымъ появленіе такого сочиненія, каково «Всеобщее Землеуѣдѣніе Риттера».

Придавая такое значеніе этому сочиненію и желая въ то же время опредѣлить его вышнее историческое положеніе, изъ котораго развивается и его внутренній смыслъ, мы необходимо должны напомнить нашимъ читателямъ нѣсколько историческихъ свѣдѣ-

(*) Einleitung zur allgemeinen vergleichenden Geographie, S. 25—27.

T. XLV. Отд. III.

21/2

ній, до того общезвѣстныхъ, что мы считаемъ своею обязанностию упомянуть о нихъ какъ можно короче.

Взглядъ на человѣка, какъ на послѣднее звено въ цѣпи явленій природы, съ которыми онъ связанъ всѣмъ существомъ своимъ, общъ Востоку, или, ближе сказать, философiи трехъ его великихъ историческихъ народовъ и европейской философiи *классическаго* времени. Но, тогда какъ на Востокѣ этотъ горделивъ узелъ, соединяющій человѣка съ природою, только чувствуется высоко-развитымъ инстинктомъ, доходящимъ иногда до ясновидѣнiя, сомнамбулизма; въ новѣйшей Европѣ этотъ узелъ распутывается медленно и трудно, но зато основательно, твердымъ процессомъ опыта и мышленiя, — процессомъ, превращающимъ чувство и ясновидѣнiе азиатскаго человѣчества въ положительное знанiе европейской науки.

Среднiй между этими двумя крайностями, классическому миру, доступно было — по особенностямъ его организацiи, превращающей все въ образъ — одно ясное созерцанiе этого единства человѣка съ природою, такъ сказать, пониманiе одной необходимости, разумности и красоты этой связи.

Стремленiе выразить въ словахъ наслажденiе такимъ созерцанiемъ создавало образы привлекательные, но всегда, болѣе или менѣе, лишеныя действительнаго содержанiя, или съ такимъ содержанiемъ, которое далеко не соответствовало обширности формы и не выдерживало критики сухого разсудка. Красота этихъ образовъ заставляла невольно вѣрить ихъ истинѣ; но на такой вѣрѣ не можеть остановиться человѣкъ, призванный къ практическому осуществленiю своихъ вѣрованiй. Обширные идеи Платона, а еще болѣе Аристотеля, обнимали весь миръ; но предѣлы извѣстнаго тогда мира были слишкомъ узки, а содержанiе его слишкомъ мелко.

Видя въ человѣкѣ окончательную форму природы, въ которой она силится сама сознать свое содержанiе и до образованiя которой достигла подготовленiемъ всѣхъ предъидущихъ формъ своихъ, древнiе философы представляли миръ однимъ живымъ и развивающимся организмомъ. Душею, разумнымъ сознаниемъ этого организма они называли человѣчество; но все это человѣчество заключалось для нихъ въ узкихъ предѣлахъ Грецiи. Они думали также и о наполненiи этого прекраснаго образа: отыскивали средство элементовъ, показывали соотношенiя между различными ступенями созданiя; существа мира неорганическаго, растительнаго, животнаго являются у нихъ одними формами постепеннаго развитiя при-

роды; но элементовъ тогда было извѣстно такъ мало, они были такъ грубы, предѣлы всѣхъ царствъ природы были такъ тѣсны, а в физиологическомъ анализѣ не было и рѣчи, если исключить нѣсколько мыслей, брошенныхъ Аристотелемъ, которому, кажется, суждено было провидѣть всѣ успѣхи человѣческаго разума.

Въ мѣрѣ практическомъ это преждевременное стремленіе къ обобщенію выразилось въ попыткѣ окончательнаго представителя всей греческой жизни соединить въ одно государство и спаять одною цивилизаціею востокъ и западъ; но были ли тогда извѣстны всѣ изобрѣтенія, которыми связуются нынѣ самыя отдаленныя страны земного шара? была ли возможна такая связь до появленія христіанства, при существованіи такихъ исключительныхъ и гордыхъ своею исключительностью народностей? Македонскій герой смѣло, но бесплодно разсѣкъ загадочный узелъ, который назначено человечеству распутывать вѣковыми усиліями, и обломки европейской азіатской монархіи исчезли безъ слѣда; но фантастическая тѣнь Александра и цонынѣ встрѣчаетъ европейца въ самыхъ отдаленныхъ углахъ западной Азіи, въ Индіи, и даже въ самыхъ недоступныхъ ущельяхъ индійскаго Кавказа, какъ завѣтъ геродъ къ потомкамъ. Исторія показала, что эта попытка была только увлеченіемъ гениальной юности европейскаго человечества, предсказаніемъ его будущихъ подвиговъ, и это предсказаніе начинается въ настоящее время, правда, не въ такихъ блестящихъ, легко объемлемыхъ формахъ, но зато совершается безвозвратно, съ непоколебимою прочностью.

Такимъ образомъ, прекрасныя идеалы, созданныя Греціею, не могли перейти въ дѣйствительность, въ которой все живетъ и движется въ микроскопическихъ частностяхъ; но и развивать дальѣе эти идеалы также было невозможно: они достигли крайней степени высоты и обняли весь мѣръ. Должно было отказаться на время отъ высокихъ и общихъ взглядовъ, сдержать полетъ разума и приняться за трудную, тысячелѣтнюю работу: изъ безчисленныхъ частностей возвышаться до общаго и мозаически наполнять обширныя, но пустыя сферы этихъ огромныхъ образовъ, остающихся вѣрными для всѣхъ вѣковъ. Древніе мыслители были забыты надолго, стали даже непонятны съузвившемуся смыслу потомковъ (ихъ приняла и сохранила только фантазія араба); духъ дробности и подразбленія, царствовавшій такъ долго въ общественной жизни Европы, кончивъ тамъ свое дѣло, перешелъ въ науку и раздробилъ ее на множество частей, по видимому, несоединимыхъ.

Всѣ эти отдѣльныя отрасли науки, надолго позабывъ свое близкое родство, стали преслѣдовать, каждая свою особенную цѣль и, то поддерживая другъ друга, то возбуждая взаимною враждою засыпающія силы, шли хотя безсознательно, но неутомимо, къ одной и той же цѣли — сознанію міра, какъ одного живаго организма. Бэконъ сдѣлалъ смотрѣть всей этой многочисленной фалангѣ наукъ, выступившихъ на борьбу съ скрытностію природы, и если, съ одной стороны, онъ былъ огорченъ нестройностью этой фаланги, отсутствіемъ въ ней общаго плана и враждою отдѣльныхъ ея частей, то, съ другой, онъ понялъ всю огромную силу этой массы отдѣльныхъ, такъ сказать, эгоистическихъ стремленій и указалъ ей вдали на побѣду.

Но система Бэкона, въ которую онъ строитъ какъ существовавшія тогда, такъ и проэктированныя имъ науки, имѣетъ одну только внѣшнюю связь, необходимую для того, чтобы онѣ могли поддерживать другъ друга взаимно и предохранять себя отъ односторонности и заблужденія: внутренней связи, связи предмета, которая только и можетъ слить всѣ науки въ одну, бэконовская система не имѣетъ, хотя и знаетъ ея необходимость.

Вліяніе Бэкона на науки было велико; но оно не простиралось до того, чтобы заставить ихъ смотрѣть другъ на друга, какъ на части одного цѣлаго, стремящагося къ одной цѣли и усиливающаго по однимъ законамъ: такому взгляду предназначено было развиваться въ настоящее время. Но, въ продолженіе этого длиннаго періода раздѣленія и борьбы, когда горизонтъ знанія, по видимому, такъ сужился, человѣкомъ не разъ овладѣвало нетерпѣніе, заставлявшее его то горько сомнѣваться въ разумѣ, то забѣгать впередъ и, на основаніи немногихъ данныхъ, создавать фантастическіе образы, иногда полныя величія и силы, но всегда туманныя и слабо очерченныя; таковы картины природы Спинозы, Гегеля, Шеллинга, Окена.... Несмотря на всю свою красоту и силу, онѣ далеко не удовлетворяютъ практическому требованію нынѣшняго человѣка и не переходятъ въ его убѣжденіе, а безмолвно имъ отвергаются. Такіе преждевременно рождающіеся образы, созданныя гениальными фантазіями безъ особаго усилія, изъ одного внутреннего самосозерцанія, только раздражали труженниковъ науки, которые, преслѣдуя, шагъ за шагомъ, болѣе близкія къ нимъ цѣли, не видѣли ихъ связи съ тѣмъ, что имъ казалось дерзкими и пустыми созданіями празднаго воображенія. Вотъ откуда родился тотъ вѣковой споръ идеи и опыта (какъ будто они могутъ существовать другъ безъ друга), отголоски котораго, съ успѣхами опытныхъ наукъ,

слышатся все рѣже и нелѣпость котораго становится все очевиднѣе. Настоящій періодъ науки характеризуется именно тѣмъ, что всѣ онѣ начинаютъ быстро снимать неприступныя грани, отдѣляющія ихъ другъ отъ друга и отъ общаго человѣческаго мышленія; всѣ онѣ выходятъ изъ своихъ таинственныхъ и такъ долго замкнутыхъ храмовъ на оживленную арену общечеловѣческаго развитія и, освѣщая другъ друга, далеко расширяютъ общій горизонтъ сознанія. Всѣхъ ихъ увлекло практическое направленіе звѣка: силась сблизаться популярными, онѣ заговорили однимъ, общедоступнымъ языкомъ, — и стали быстро сближаться. Философы, оставивъ отвлеченности, стараются говорить фактами исторіи и естественныхъ наукъ; исторія и науки юридическія, вникнувъ глубже въ законы развитія и существованія общественныхъ организмовъ, открываютъ въ нихъ глубокой философскій смыслъ, и начавъ съ фактовъ, доходятъ до одной философской системы; естественныя науки, которымъ не удалось пріобрѣсти дѣйствительной популярности однимъ красноречіемъ въ описаніяхъ, пріобрѣтаютъ ее теперь подробнѣйшимъ фізіологическимъ анализомъ, который невольно приводитъ ихъ къ той же общей системѣ, скрывающейся въ организмахъ природы и въ организмѣ исторіи — въ организмѣ міра. Контуры этой величественной системы міра начинаютъ мало по малу разоблачаться изъ покрововъ облекавшей ихъ тайны, и теперь уже мы можемъ указать, по всѣмъ отраслямъ наукъ, на нѣсколько такихъ сочиненій, которыя богатствомъ и новостью своихъ фактовъ, глубиною и отчетливостію своихъ изслѣдованій, остроуміемъ своихъ опытовъ, не могутъ не заслужить уваженіе у самыхъ закоренѣлыхъ приверженцевъ чистаго опыта, несмотря на то, что въ этихъ фактахъ, изслѣдованіяхъ, опытахъ развивается мысль, и даже — отвлеченная мысль. И, какъ будто въ отвѣтъ на слишкомъ смѣлыя фантазіи философовъ природы и философовъ спекулятивной методы, естественныя науки, въ лицѣ своего гениальнаго представителя, отвѣчали сведеніемъ въ одну систему всего добытаго ими достоянія. А. Гумбольдтъ, въ своемъ «Космосѣ», старается представить цѣлостную систему міра, на сколько эта система понынѣ раскрылась глазамъ человѣка. Устарѣлыя поклонники чистаго опыта напрасно силятся видѣть въ «Космосѣ» какую-то нелѣпую провокацію опыта противъ мысли; напротивъ, въ этомъ сочиненіи опытъ, хотя уже не въ первый разъ, но съ большею, чѣмъ когда либо, силою входитъ въ область мышленія и доказываетъ, какъ плодотворно для самаго опыта такое обобщающее направленіе. Въ «Космосѣ» Гумбольдта мы видимъ попытку создать философскую

систему естествознанія, положивъ ей въ основаніе объективное начало: міръ въ его цѣлости, и, притомъ, создать, не удаваясь отъ опыта и наблюденія дальше того, на сколько ставеть здравого разсудочнаго умозаключенія. Любопытно и поучительно сравнить послѣднія творенія отвлеченнаго мышленія и это, пока, окончательное слово наукъ опытныхъ, чтобы видѣть, какъ онѣ далеки еще другъ отъ друга, на сколько образы, созданные чистымъ мышленіемъ, слабы и туманны, а содержаніе, подаваемое опытомъ, блѣдно и грубо, и какъ далеко еще и покрыто туманомъ то обширное море, гдѣ самлето.накашюкъ эти двѣ полныя рѣки, такъ долго и плодотворно соперничавшія въ своемъ быстромъ теченіи.

Смѣтаніе въ отдаленной землѣ.

НОВЫЯ КНИГИ.

АПРѢЛЬ 1854.

Три поры жизни, романъ Евгенія Туръ. Три части. Москва. 1854.

Полезно ли перелистывать старинные плохіе романы? «Безъ всякаго сомнѣнія бесполезно—скажутъ въ отвѣтъ многіе—плохихъ романовъ и новыхъ читать не стоить; а старинные плохіе романы, конечно, еще хуже ихъ.» — «Неопытность говорить вашими устами — возразимъ мы людямъ, хулящимъ старыя плохіе романы, и тѣмъ, которые покушаются перечитывать эти книжки, маленькія, но многочисленныя — да, неопытность и отсталость отъ вѣка. Каждое слово вашего отвѣта ложно. Во первыхъ, предполагая, что новыя плохіе романы не такъ плохи, какъ старыя, вы отвергаете прогрессъ: прогрессъ состоитъ въ томъ, что съ теченіемъ времени хорошее дѣлается еще лучше, плохое еще хуже; слѣдовательно, по закону прогресса нынѣшніе плохіе романы должны быть еще хуже старинныхъ. Si non, non: если нѣтъ, прогресса не существуетъ....» «Позвольте васъ остановить — прерветъ насъ на этомъ мѣстѣ защитникъ мовѣйшихъ плохихъ романовъ — ваши умозаключенія несовременны и несомнѣтельны, потому что выведены изъ общихъ отвлеченныхъ понятій, а не изъ фактовъ, опираются на синтезъ, а не на анализъ.» — «Позвольте возразить вамъ — будетъ нашъ отвѣтъ — что наши заключенія основаны на строжайшемъ анализѣ фактовъ, и общія соображенія о прогрессѣ выставлены нами впередъ

только потому, что проверены надъ фактами. Если бы вы не прервали наши слова, вы сами увидѣли бы это.» — «Позвольте же потребовать доказательствъ.» — «Извольте же слушать; вотъ факты:

Прочитавъ нѣсколько главъ романа, заглавіе котораго выставлено въ началѣ нашей статьи, мы узнали, что у Александры Николаевны Огинской было двѣ дочери, изъ которыхъ старшая, Катя, была честолюбива и любила наряжаться, а младшая, Анюта, была добра, мила, скромна, добропохвальна по нѣжности сердца; узнали потомъ, что старшая начала отъискивать себѣ богатаго и знатнаго жениха и отыскала князя Рамирскаго.... виноваты, Границкаго, и такъ какъ вышла за него, не принимая въ соображеніе его характера, то и была несчастна. Прочитавъ это, мы задумались: гдѣ-то мы читали что-то подобное, но гдѣ именно? Бѣже мой, неужели въ «Семействѣ Холмскихъ» — романѣ, доставившемъ въ 1830 годахъ автору такую громкую извѣстность въ публикѣ (несмотря на насмѣшливые отзывы журналовъ), что на послѣдующихъ сочиненіяхъ своихъ онъ, вмѣсто фамиліи, выставлялъ славную фирму «сочиненія автора Семейства Холмскихъ», какъ Вальтеръ-Скоттъ на своихъ романахъ выставлялъ титулъ «автора Уверли», — неужели въ «Семействѣ Холмскихъ» читали мы подобную исторію? Неужели тамъ у вдовы Холмской точно такъ же старшая дочь, Елизавета, омарена тѣмъ же характеромъ и выходитъ замужъ за князя Рамирскаго точно такъ же, и имѣетъ несомнѣнно счастье точно такъ же, какъ въ «Трехъ порахъ жизни»? Считаю необходимою слѣдить за вѣкомъ, мы поставили себѣ за правило наводить при малѣйшемъ поводѣ библиографическія справки и потому тотчасъ же принялись за «Семейство Холмскихъ», и вы, читатель, не можете себѣ представить, какъ интересно, живъ, полонъ наблюдательности и блестящихъ сльдковъ великаго таланта показался намъ этотъ забытый романъ, въ свое время считавшійся очень сложнымъ, послѣ новаго романа г-жи Туръ. Я очень хорошо помню — говорите вы, читатель — что «Семейство Холмскихъ» романъ очень незавиднаго достоинства; у меня даже остались вѣкоторыя воспоминанія о его содержаніи; докажите же мнѣ, во первыхъ, что, начавъ читать его нося въ «Три поры жизни», всякій найдетъ его превосходнымъ, какъ найдетъ очень гармоничнымъ незатѣйливое члывканье простодушнаго воробья, выслушавшаго итальянскихъ романсовъ швейцарской дѣвочки. Кроме того, должны вы показать мнѣ, какую же положительную пользу принесло вамъ перелестываніе «Семейства Холмскихъ». Съ величайшимъ удовольствіемъ исполнимъ ваше второе требованіе, удовлетворяя ириверженцевъ новыхъ паликъ романовъ, удовлетворимъ первому, и съ величайшею готовностію (хоть, можетъ быть, и не съ вели-

чайшимъ удовольствіемъ, потому что «скучно припоминать скучное», говоритъ одинъ изъ неизданныхъ афоризмовъ Кузьмы Пруткова) спѣшилъ разсказать вамъ содержаніе новаго романа г-жи Туръ.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, можетъ быть въ Россіи, но можетъ быть и въ Бразиліи, можетъ быть и въ Японіи, потому что русскіихъ нравовъ и русской жизни въ романѣ столько же, сколько и бразильскихъ, — итакъ, въ нѣкоторомъ государствѣ жила была молодая вдова Александра Николаевна Огинская (за Огинскою появлялся князь Гранницкій, княгиня Воротынская, Зина, Рлодина, Тата — чисто бразильское, какъ видите, имя, — Лина, Валентинъ, Змѣевъ, Силкова, Леонъ Армаевъ, и т. д.; главные лица Валентинъ, княгиня Зенеда Воротынская и Тата). Вамъ угодно знать, красавица ли была Огинская? Фи! красавица! это слишкомъ тривиально! Нѣтъ, въ послѣдніи тридцать или сорокъ лѣтъ отыскавъ и въ тридцати тысячахъ романовъ описанъ другой, высшій типъ красоты, которая лучше, нежели ничтожная красота красавицъ; и можетъ ли Александра Николаевна не принадлежать къ этому новому типу идеаловъ? «Тѣ, которые не любятъ или не понимаютъ красоты, такъ сказать, *внутренней*, конечно, могли бы назвать ее дурною; но если бы имъ случилось взглянуть въ ея «глубокіе, сѣрые глаза, сколько привлекательнаго нашли бы они въ нихъ! Она была блѣлокура, волосы ея вились отъ природы, а потому она никогда не могла овладѣть ими; выбиваясь изъ подъ «сребря и щетки (?), ложились они причудливыми волнами, образумъ вокругъ всей головы легкую, едва замѣтную паутинную ткань, блѣдно золотистый цвѣтъ которой, при свѣтѣ лампы, окружалъ ее «какимъ-то фантастичнымъ сіяніемъ.» О, зачѣмъ судьба не дала мнѣ счастья видѣть Александру Николаевну при свѣтѣ лампы! Я оцѣнилъ бы эти волосы, которые выбивались изъ подъ щетки! Но, увы! я не видѣлъ этой паутинной ткани; а кромѣ меня никто не очаровался фантастичнымъ сіяніемъ, окружавшимъ ея голову, и если вы думали, что г-жа Туръ съ такою любовью описываетъ внутреннюю красоту волосъ Александры Николаевны потому, что нашлись поклонники этой дивной женщины, вы жестоко ошиблись: люди не плѣнились ею, какъ, вѣроятно, не плѣнятся и «Тремя пораи жизни»; и г-жа Туръ описываетъ волосы молодой вдовы съ внутреннею красотою такъ подробно не потому, чтобы это было нужно для романа, а просто изъ любви къ фантастическому сіянію. Александра Николаевна занимается воспитаніемъ дѣтей; изъ нихъ особенно замѣчательнъ Валентинъ, будущій главный герой романа, у котораго «розовая кровь струилась подъ тонкою кожей и нѣж-

«шымъ румянцемъ, а темно зеленые (!!) глаза, опущенные темными «рѣсницами, блистали веселостью», которая, какъ увидите, угаснетъ отъ страданій любви. Онъ выросъ подъ вліяніемъ доброй, но слабой матери и сотни мамокъ и нянекъ; потому остался жалкимъ на всю жизнь; но г-жа Туръ постоянно рисуетъ его вадю и дрянную фигуру самыми поэтическими красками. Точно также воспитана и младшая сестра его, Анюта. Но старшая сестра, Катя, воспитывается теткою, помѣшанною на знатности и свѣтскости, и потому изъ нея выходитъ бездушная кокетка, которая пріучается заманивать знатныхъ жениховъ «блестящими звуками роая». Очень длинно расписывается «Первая пора жизни», дѣтство Валентина и Анюты; но читатель можетъ судить по приторной аффектаціи выписанныхъ нами фразъ, много ли искренности и теплоты въ описаніи дѣтства: оно холодно и экзальтировано, и мы, подражая молодой вдовѣ съ блѣдно золотистымъ сіяніемъ паутиной ткани вокругъ всей головы, которая (вдова) «становилась неумолима и холодна, сталкиваясь съ ложью и экзальтаціей», неумолимо и холодно пройдемъ молчаніемъ все дѣтство нашихъ героевъ, не останавливаясь ни на доброй карлицѣ Фенѣ, которая «подноситъ дѣтямъ пѣнки и свѣжій, теплый, мягкій хлѣбъ» (когда же подается къ чаю заплесневѣлый и чорствый?), ни на докторѣ-евреѣ въ черномъ парикѣ, съ огромной тростью въ рукахъ (отчего же нѣтъ на ней обычнаго золотого набалдачника?), ни на Иполитѣ Федорычѣ, учитель дѣтей, у котораго огромная голова, страшныя брови, широкія колѣна (?) и широкія плеча; онъ, конечно, пугаетъ дѣтей наружностью, пугаетъ огромною книгою; но наполовинѣ пространства между широкими колѣнами и плечъ его широкое и добрѣйшее сердце, а въ страшной книгѣ — чудные рисунки; и суровый методъ его воспитанія смягчается, потому что онъ обаятельною мягкостью Анны Николаевны, проливавшей на все окружающее доброту, нѣжность и счастье, «мало по малу увлеченъ былъ въ этотъ магическій кругъ, и вскорѣ вошелъ въ него совершенно и составилъ съ нимъ одно нераздѣльное цѣлое». Чтобы сносно описать дѣтство, надобно имѣть любовь къ дѣтямъ, а не къ вычурнымъ фразамъ. Но вотъ дѣти выросли, Огинскіе переѣхали въ Москву, старшая сестра Валентина, Катя, отыскала себѣ жениха, князя Границкаго — и начинается романъ: родственница Границкаго, княгиня Воротынская, дѣлаетъ балъ; Валентинъ долженъ ѣхать, какъ братъ невѣсты — и влюбляется въ княгиню; это очень естественно, взгляните только на портретъ ея:

«Воротынская была женщина лѣтъ двадцати-шести, довольно полная, съ удивительно красивыми очертаніями плечъ и талии. Черные глаза ея были живы; ихъ разрѣзъ, продолговатый какъ

лидалина, придавалъ какую-то томность ея «физиономіи» и т. д. Преобладающая черта въ ея характерѣ доброта, доходящая до слабости; и она рѣшительный сколокъ съ самой матери Валентина, хотя, очевидно, авторъ и не думалъ объ этомъ сходствѣ. Она полюбила младшую сестру Валентина, Анюту, и Валентинъ часто ѣздитъ съ сестрою къ ней. Само собою разумѣется, что и княгиня не остается равнодушна къ прекрасному молодому человѣку, хотя онъ держитъ себя съ нею какъ простякъ. Отношенія ихъ становятыся короче и короче (какая старая тема! и сколько надобно таланта, чтобы сносно писать на нее! А въ «Трехъ порахъ» ничего, кромѣ экзальтаціи и аффектаціи, читатель, вѣроятно, еще не замѣтилъ). Объясненіямъ влюбленныхъ вѣчно мѣшають: то Силкова, то тетка Воротынской; это еще больше разжигаетъ страсть влюбленныхъ и растягиваетъ скучныя сцены. Но вотъ Воротынская увѣждаетъ къ другой больной теткѣ, наполовину только объяснившись съ Валентиномъ, и нѣкто г-жа Силкова начинаетъ ловить въ свои сѣти Валентина. И какъ не стараться завлечь? На 113 страницѣ 1 части точно такъ же, какъ на 6 (см. выше): «Тонкая кожа его, подъ которою текла молодая кровь, нѣжнымъ румянцемъ покрывала его бѣлыя щоки» и т. д. Но не въ силки Силковой, а въ объятія наяды, сирены, вакханки, спутникомъ которой избранъ Змѣевъ (о! страшно! за Валентина страшно мнѣ!) попадаетъ юноша, у котораго щоки были не покрыты, а окрашены кожею! Вообразите, у Силковой маскаралъ, нарочно сдѣланный съ цѣлю изловить Валентина; онъ не хотѣлъ ѣхать (бѣдный юноша! чуетъ бѣду вѣщее сердце!) но маленька послала его на балъ (зачѣмъ безъ няньки? Добрая и опытная Федосеева сохранила бы неопытное дитя!).... вообразите же, ходитъ онъ въ залъ — и

•Вдругъ вниманіе его приковалось къ женщинѣ, подходившей все ближе и ближе. Она представала ему какъ видѣніе, какъ чудный, давно знакомый образъ: объ руку съ мужчиной (уфъ, это вѣрно Змѣевъ!) шла женщина, одѣтая вакханкой, но одѣтая такъ граціозно, такъ пристойно (увидимъ, что не совсѣмъ), что никто не могъ бы найти для ней слова порицанья. (Слѣдуетъ описаніе бѣлаго газового ея платья, см. «Мода, журналъ для свѣтскихъ людей 1853 года № 15»). Тигровая кожа была наброшена на одно плечо ея и спадала съ другого. Золотыя застежки, представлявшія когти тигра, ее придерживали: они впивались въ ея бѣлое матовое плечо, и покрывали его легкимъ розовымъ оттѣнкомъ ...

Нѣтъ, я опасуюсь и за себя и за читателя, если буду продолжать выписку; скажу только, что столь же роскошно и пластично описана «волуеткрытая талья» вакханки, «шолная, но небольшая, антично

созданная груда ея» и т. д., все по принадлежности. «Воскалканіе (вѣроятно меудобное для печати, потому что не приведено авторомъ) сорвалось и съ ланка Валентина», когда она проходила мимо его. Потомъ она «прошлась мимо его въ вихрѣ вальса, и за ней (дѣло очень понятное, при быстротѣ движеній вальсѣвки могли возникнуть съ плеча) какъ облако, дескромно рисуя огань, шло съ легкой платье. Не помня себя, бросился Валентинъ, пробился между танцующихъ», но «смутился, оробѣлъ» и попросилъ только ее вальсировать. Описание трехъ туровъ вальса съ очаровательницею такъ же хорошио, какъ и все предъидущее. Но впереди еще много великолѣпныхъ сценъ, мы должны ѡтшнѣ къ нимъ. Вакханка — Ельцова, свѣтская дама довольно легкаго поведения. Она пригласиваетъ Валентина къ себѣ. Онъ бываетъ у нея каждый день и т. д. Но если онъ влюбленъ въ роскошную Ельцову, то въ него влюбляется Тата, кузина Ельцовой, на изображеніе которой потрачено еще больше красокъ.

Тата играетъ у Ельцовой роль немногимъ лучше горничной дѣвушки; горе и оскорбленія разжили въ ней удивительный умъ, энергическую волю, смуглый цвѣтъ кожи. Можно вообразить, какъ она влюблена въ Валентина и съ какою твердостью (за те и съ какими страданіями!) талтъ она въ своей груди змѣю нераздѣленной любви. Но о ней послѣ, когда Валентинъ обратитъ на нее вниманіе; теперь онъ занятъ одною Ельцовой, съ которою каждый день подъ вечеръ, пока съѣдутся другіе молодые люди, просиживаетъ наединѣ запершись въ ея кабинетъ по нѣскольку часовъ. Это, конечно, для него очень пріятно, но нравственность, нравственность страдаетъ! Что скажутъ объ этомъ дамы! Притомъ эти платоническія бесѣды непостижимы и для насъ, мы помнимъ, что Ельцова — вакханка. Но вотъ она теряетъ терпѣніе; на подмогу беретъ князя Симанскаго, принимается кокетничать съ нимъ, и тогда происходитъ слѣдующее: Валентинъ сидитъ у Ельцовой; является Симанскій, ему велать отказать, и — опишемъ все по порядку... впрочемъ, зачѣмъ описывать? все происходитъ по обыкновенному порядку «Огонь желаній.... жаркое дыханье.... онъ задрожалъ....» и наконецъ Валентинъ поскакалъ въ лѣсъ, и «гордо глядяъ онъ на восходящее солнце, глядяъ прямо» — удивительно крѣпкіе глаза! Если таковъ же былъ весь его организмъ, то Воротыпская и Ельцова основательно находили его очаровательнымъ молодымъ человекомъ. Но вотъ онъ пріѣхалъ домой и легъ спать: «Какъ сладокъ, какъ живителенъ ты, сонъ юности, *сперше* узнавшей всю «сладость жизни!» Да, это совершенно справедливо. Мать замѣчаетъ похождения сына и предостерегаетъ его; но Валентинъ про-

должнаеть ѣздить къ Ельцовой. Конечно, скоро Ельцова чувствуетъ потребность обратить свое вниманіе на Симанскаго, который; но выраженію автора, «колосъ». Сначала Валентинъ не замѣчаетъ ничего; Тата объясняетъ ему кокетство Ельцовой; начинаются сцены ревности, примиренія, восторгомъ и т. д. Но вотъ Воротынская воротилась изъ деревни и требуетъ къ себѣ зашалаившагося мальчишку. Она объясняетъ ему — трогательная сцена: вѣдь она втайнѣ любитъ его и должна скрывать свою любовь — это за женщиною Ельцова и т. д.; Валентинъ держитъ себя какъ цыкорышкѣ уже довольно развѣданный и рассуждаетъ о необходимости страсти; наконецъ, однако, даетъ слово уѣхать отъ пагубы въ деревню: тамъ его ждетъ большая мать. Но скоро онъ возвращается и опять улезааетъ прежнею «сладостью» нуше прежняго. Остаемся здѣсь. Почему не рассказывать и подобныяхъ эпизодичъ жизни? Но какъ рассказывать ихъ, вотъ въ чемъ дѣло. Неужели глупыя дохожденія безхарактернаго и слабого мальчишка надобно описывать, какъ благородный пылъ первой, чистой страсти? раскрывать его восторги съ сочувствіемъ и увлеченіемъ? Кто пишетъ о нихъ такъ, тотъ не видитъ правда братья за подобные сюжеты. Надобно стоять выше ихъ, чтобы описанія ихъ были вѣрны и поучительны. Иначе мы напишемъ нѣчто фальшивое и жалкое во всѣхъ отношеніяхъ, начинаясь художественнаго. Возвращаемся къ роману. Къ жалкому, ничтожному Валентину приѣзжаетъ изъ Петербурга бойкій пріятель, Армадеръ, и, узнавши положеніе дѣла, принимаетъ на себя трудъ спасти бѣднаго мальчишку, обративши къ себѣ милости Ельцовой. Достигнувъ своей цѣли, онъ показываетъ Валентину очень недвусмысленную записочку Ельцовой. Валентинъ, конечно, страдаетъ; его страданія, глупыя какъ всѣ прежніе восторги, описываются съ такимъ же участіемъ. Но мы ошиблись, скававъ, что пріятель спасъ его отъ гибели — вѣтъ, Валентинъ опять впалъ въ прежніе пароксизмы любви; онъ окончательно бросилъ Ельцову хоть бы что подслушавъ, какъ она осмѣиваетъ и передразниваетъ его. Фигура, какой пустой и мелочной человекъ! Ему измѣнили, онъ узналъ, что его всегда обманывали, что о любви къ нему никогда и не думали. Это еще ничего для него; затронули его тщеславіе — и онъ задѣвлялся. И утѣшая подобными чертами портретъ своего героя, авторъ думаетъ, что изображаетъ человека благороднаго съ великою, востыщенною, страстною душою и т. д., но только несчастнаго въ любви и погибающаго отъ дѣяности сердца! Чтобы спасти отъ такихъ жалкихъ промаховъ, автору необходимо сообразить свой сюжетъ съ своею опытносью и силами, не описывать

того, что не испытано ими или не понято — и слава Богу, конечно, что не испытано.

Но вотъ прошелъ годъ. Ничтожный нашъ герой опять влюбляется и опять въ первый предметъ своей страсти, Воротынской. Скучно и жалко было бы описывать ихъ воркованья и страданья. Оба они безсильны, оба они смѣшны, и оба описываются съ прежнимъ глубокимъ участіемъ. Тата живетъ уже у Воротынской и мучится ревностью, глядя на ихъ нѣжничанья. Непонимаемъ, какъ она съ умомъ своимъ и энергическимъ характеромъ можетъ находить плаксиваго Валентина достойнымъ чего нибудь кромѣ жалости, смѣшанной съ пренебреженіемъ. Второй томъ, повѣствующій обо всемъ этомъ, еще аффективнѣе, экзальтивнѣе перваго. Чтобы дать вамъ понятіе о впечатлѣніи, которое производятъ всѣ приторныя сцены любви и страданій (причиною страданій — жалкая и безсильная тетка Воротынской, напоминающая племянницѣ о приличіяхъ и условіяхъ свѣта) Воротынской и Валентина съ неизбѣжнымъ аккомпаниментомъ сердечныхъ мученій Таты, скажемъ, что такое впечатлѣніе могла бы произвести развѣ картина жеманной влюбленности беззубаго старика (такъ старчески валъ и безсиленъ Валентинъ) и жеманно-стыдливой, нервной, плаксивой 45-лѣтней дѣвы въ бальномъ платьѣ, съ набѣленными щеками и плечами; прибавьте, что полная жизни молоденькая красавица съ ревностью и завистью плачетъ о томъ, что не она на мѣстѣ счастливой дѣвы. Но пріѣзжаетъ Армалевъ. Ему надобно съискать себѣ богатую жену, потому что онъ живетъ открыто, потому что онъ честолюбивъ, потому что у него много долговъ — онъ избираетъ предметомъ своихъ исканій Воротынскую и, конечно, безъ всякаго труда отбиваетъ ее у Валентина. Не знаемъ, какъ удалось объяснить себѣ этотъ фактъ автору при его понятіяхъ о его любимцѣ и любимицѣ, идеалахъ любви, воркованья и всевозможныхъ нѣжностей. Съ его понятіями о своихъ герояхъ такая измѣна Воротынской, такая вялая (конечно вмѣстѣ и слезливая) уступка со стороны Валентина просто непостижима. Для насъ все это кажется очень естественнымъ: Воротынская — пустая женщина, Валентинъ тряпка, которую оттолкнуть ногою не стоитъ ни малѣйшаго труда. А съ какими паэосомъ выставляетъ ихъ авторъ великими людьми, у которыхъ одна только слабая сторона — нѣжность сердца! Съ какою странною любовью описываетъ онъ ихъ радости и горести! Да если въ нихъ была хоть капля какого нибудь чувства, кромѣ фальшивѣйшей, натянутѣйшей экзальтаціи, зачѣмъ же они не женились? кто имъ мѣшалъ? Нѣтъ, Валентинъ съ своими горестями рѣшительно похожъ на здороваго парня, который горькими сле-

зани плачеть о томъ , что у него на носу сидитъ муха. «Да ты бы согналъ ее, братецъ!» — «Не смѣю.» — «Да что же ты не смѣешь?» — «Она разсердится, меня съѣстъ!» Валентинъ, видите ли, боялся тетки своей возлюбленной, старухи, не имѣвшей никакихъ правъ надъ племянницею, у которой жила она. Разумѣется, такой человѣкъ имѣеть полное право говорить съ Чайльд-Герольдомъ : «Теперь я одинъ въ цѣломъ свѣтѣ» и т. д. (Часть II, стр. 278). Жалкій и смѣшной человѣкъ! Нѣтъ, не испыталъ или не понималъ серьезнаго гора такой человѣкъ и неспособенъ былъ онъ живо чувствовать и наслажденій. Тряпка, тряпка и тряпка! И хорошо сдѣлала эта тряпка, что поѣхала отъ насъ подальше, за границу. Но нѣтъ, не принесеть ему пользы эта поѣздка. Другое дѣло, если бы пришлось ему остаться безъ своего богатства и самому трудиться, тогда бы, можетъ быть, позабылъ онъ о своихъ Ельцовыхъ и Воротыцкихъ и сталъ бы хоть сколько нибудь похожъ на дѣльнаго человѣка. Но нѣтъ, онъ сѣлъ бы, сложа руки, на улицѣ и плакался бы цѣлый день на судьбу, дожидаясь, пока «жареная утка ему въ ротъ влетитъ».

Наконецъ мы принимаемся и за третью часть. Тутъ являются болѣею частью новыя лица. Возвратившагося изъ за границы Валентина уже и самъ авторъ, кажется, признаеть тряпкою; по крайней мѣрѣ въ продолженіе всей третьей части куда угодно водить его за носъ племянница, дочь старшей сестры, вышедшей въ началѣ романа за князя Границкаго. Эта хитрая дѣвушка вознамѣрилась кругомъ обобратъ богача-дядю для поправленія разстроенныхъ дѣлъ своего семейства. Но Огинскій еще не потерялъ качества быть всеобщимъ возлюбленнымъ, и если бывшей княгинѣ Воротыцкой мужъ не позволитъ уже предаваться пустому препровожденію времени съ милымъ Валентиномъ, хотя, можетъ быть, она была бы и непрочъ отъ этого, несмотря на Валентиновы 40 съ хвостикомъ, а свои 50 съ хвостикомъ лѣтъ; если Тата (сердечно жалѣемъ, что не могли за недостаткомъ мѣста списать чуднаго ея портрета во весь ростъ) послѣ катастрофы съ Воротыцкой, или прежде, не принявши хорошенько, пошла въ монастырь, то у Таты была подруга Лина — можетъ ли 45-ти-лѣтній Валентинъ не влюбиться въ нее? можетъ ли она быть избавлена отъ неприятой, но неизбѣжной, обязанности влюбиться въ поэтическаго Валентина? Правда, Лина имѣеть жениха, который уже 5 лѣтъ состоитъ въ этомъ качествѣ. Правда, ей уже подъ 30 лѣтъ; правда, она очень солидная, скромная, разсудительная дѣвушка, и мы готовы были бы, основываясь на всемъ этомъ, ручаться головою, что она не упадетъ въ такую неосновательную любовь къ ничтожному человѣку, несообразную

ни съ лѣтами возлюбленнаго всѣми Валентина и ея собственными, ни съ ея характеромъ; но приказъ отъ автора данъ: «звольте влюбиться, Mlle Lina,» — «Слушаю-съ», отвѣчаетъ Лина и влюбляется. Конечно, коварная племянница, чтобы не лишиться дядичьихъ наслѣдства, разстроиваетъ любовь, на этотъ разъ рѣшительно уже подхлывшую къ свадьбѣ, и Лина куда-то убѣгаетъ. Огнинскій въ третій разъ убить. Мы боимся, что все еще не на повалъ: поспорите, лѣтъ черезъ десять отдохнетъ опять, и опять обзаведется ресторанами и муками любви.

Вотъ, подумашь, счастливые люди! До 45-ти лѣтъ только и дѣла дѣлаютъ, что влюбляются да влюбляются въ себя! За те какіе же особенно экзальтированные и пустые люди!

Можетъ быть, благосклонный читатель и согласится теперь, что семейные и домашніе романы не могутъ выдержать сравненія съ иными вымышленными. Но слабый и краткій нашъ очеркъ, какъ увидывають, конечно, сами читатели, такъ же далеко не могъ передать и собою доли красотъ романа въ трехъ частяхъ, какъ гравюра не можетъ передать собою доли красотъ рафаэлевской картины. Чтобы дать возможность хотя нѣсколько познакомиться изъ одной рецензій въ блестящими достоинствами романа, мы выдвинемъ одну изъ послѣднихъ, но далеко еще не самыхъ поразительныхъ страницъ. Лина уже почти невѣста Огнинскаго, предостерегаетъ его отъ хитростей племянницы, которая востъ ему соловьиныя пѣсни, чтобы выманить у него деньги. «И вы говорите мнѣ это!» восклицаетъ Огнинскій совершенно неправдоподобно, потому что мнѣль уже миллионъ случаевъ удостоверить въ благородствѣ, безкорыстіи, самоотверженности Лины: «Кто скажетъ мнѣ, что «слова ваши искренны, что вы, говорящая такъ много о деньгахъ, не любите ихъ сами?»

«Я!» сказала Лина такъ глухо, что Огнинскій взглянулъ на нее наконецъ. Онъ былъ пораженъ ея блѣдностью. Мысль, что Лина побѣдилась новому, что онъ угадалъ ее, какъ молнія сверкнула въ умѣ его (какъ это правдоподобно! Что за умница въ самомъ дѣлѣ была этотъ Валентинъ!) и сообщила мрачный видъ всему прошлому любви изъ и удичтожила ея остатки.

«Да, вы!» продолжалъ онъ съ холоднымъ, отчаяннымъ дорщомъ. «Кто мнѣ поручится за вашу искренность, за ваше простодушіе, за вашу привязанность? Деньги, все деньги! вездѣ! всюду! все можно купить! (нѣтъ; ума, на примѣръ, нельзя и таланта тоже). Блаженъ тотъ, кто вѣритъ, что вы ему отдались, да, отдались (NB если Валентинъ не хвастается небывальнымъ, то плохи же ея дѣла!) за груду золота; не это-то и называютъ куплею люди дальновидные! Я прожилъ всю жизнь, когда увидѣлъ васъ, пофривалъ вамъ!»

Лина вся дрожала; она оперлась на стулъ машинально; хотѣла говорить — и не могла; хотѣла идти — ноги ея подкашивались. Она дышалась (воды! воды! спирту! барьшинѣ дурно!), въ глазахъ ея потемнѣло. Но сильная воля ея преодолгла это сражающее потрясеніе; громкій вздохъ, будто вопль растерзанной души (а развѣ вздохъ не въ самомъ дѣлѣ вопль растерзанной души?), вырвался изъ сжатыхъ, стиснутыхъ (фигура напряженія, дѣйствующая на чувство читателя. См. «Риторика Кошанскаго» § 57), поблѣвшихъ губъ ея; она крѣпко прижала руку къ сердцу, приказывая ему молчать и не биться — и, повинаясь силѣ воли, сердце какъ бы замерло въ ея груди (какъ же такая сильная женщина не имѣла достаточно вліянія на слабое Огниское?)

«Богъ съ вами, Огнискій!» провнесла она едва слышно и дошла къ двери медленно, но твердо.

Онъ бросился за ней стремительно и схватилъ ее за руку.

«Куда вы?» закричалъ онъ прорывисто и повелительно: «отвѣчайте! отвѣчайте же мнѣ!»

Но Лина, задышавшись, уклонилась отъ него и, указывая на дверь, сказала глухо, задышавшись:

«Гдѣ вы, тамъ меня не будетъ! Идите или пустите меня!»

Онъ отступилъ отъ нея. Она вышла.

Черезъ два часа Огнискій одумался и раскаялся. Онъ бросился въ комнату Лины. Она была пуста.

Тамъ же какъ «Три поры жизни»? если позволительно предложить вопросъ. Нѣтъ, еще не такъ: въ комнатѣ Лины «на полу валялись бумаги и лоскутья», — однимъ словомъ, хоть что и было. А въ «Трехъ порахъ» нѣтъ ни мысли, ни правдоподобія въ характерахъ, ни вѣроятности въ ходѣ событій; есть только страшная инфантилія, натянутость и окзалтація, представляющая все въ «какомъ-то фантастическомъ сіяніи» и какъ разъ навыворотъ противъ того, что бываетъ на бѣломъ свѣтѣ. Надъ всеѣмъ этимъ владѣтельствуеъ неизмѣримая пустота содержанія. Но вамъ читатель угодно было знать, какую пользу можетъ принести чтеніе плохихъ старинныхъ романовъ? Всякому читателю можетъ принести такую пользу — навести на него гораздо менѣе безотрадной тоски, немая, напримѣръ, чтеніе новаго романа г-жи Евгеніи Туръ; рецензенту оно можетъ принести еще болѣе выгоды — иногда снять съ него часть работы, доставивъ ему готовый уже отзывъ о книгѣ; послѣднее случается, напримѣръ, вотъ какъ: авторъ «Семейства Колмекскихъ», недовольный отзывами журналовъ о его романѣ, написалъ длинное предисловіе, въ которомъ собралъ — ч, конечно, опровергъ — эти отзывы. Всѣ они чрезвычайно хорошо принимаются и къ «Трехъ порамъ жизни»; особенно отзывы «Телестопа» и

еще одной газеты, почему же намъ и не примѣнить ихъ? вотъ они (см. предисловіе къ третьему изданію «Семейства Холмскихъ», Москва, 1841.)

1) «Семейство Холмскихъ» (читай: «Три поры жизни») нисколько не удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ; излишество безполезнаго прозябанія хуже безплодія.

2) Чтеніе «Семейства Холмскихъ» (читай: «Три поры жизни») можно угодить путешествію отъ Тобольска до Бѣлостока.

О поэзии, сочиненіи Аристотеля. *Переводъ, изложилъ и объяснилъ Б. Ордынскій. Москва. 1854.*

Жизнь предшествуетъ наукѣ, литература — теоріи словесности, искусство — эстетикѣ. Но въ то самое время, какъ начинается наука, жизнь еще не совершила всего круга своего развитія. Въ поэзии каждаго народа мы можемъ различить сторону общую — истинную и художественную для всѣхъ временъ, и сторону частную — исключительно принадлежащую только извѣстному времени и народу. Въ наукѣ, которая извлекаетъ свои положенія изъ дѣйствительныхъ явленій, мы открываемъ вслѣдствіе того тѣ же самыя двѣ стороны. Но если въ наукѣ, которая пользуется въ своихъ изслѣдованіяхъ живыми явленіями, между односторонними положеніями, которыя объясняются временемъ, есть и существенно-истинное, то гораздо менѣе найдемъ мы истины въ такой наукѣ, которая полагаетъ своимъ основаніемъ не живущую, развивающуюся дѣйствительность, а какой либо ученый авторитетъ, котораго положенія принимаетъ непреложнымъ законодательнымъ кодексомъ. Такъ точно случилось съ шиткой Аристотеля и съ позднѣйшими подраженіями ей. То, что у Аристотеля объясняется особенностями греческой жизни и греческой поэзии, не было понято надлежащимъ образомъ и въ преувеличенномъ, искаженномъ видѣ возведено въ общіе законы поэзии. Такъ знаменитыхъ трехъ единствъ — мѣста, времени и дѣйствія мы не находимъ у Аристотеля въ томъ видѣ, какъ ихъ предлагаетъ намъ лжеклассическая теорія. О единствѣ мѣста и помину нѣтъ. Касательно времени есть только одно мѣсто: «трагедія по-возможности старается быть законченною въ одинъ круговоротъ солнца, или немного дальше заходить; а эпопея во времени неограниченна, и тѣмъ отличается.» Выраженія: «по-возможности», «или немного дальше» показываютъ ясно, что Аристотель вовсе не думалъ о строгомъ опредѣленіи единства времени. Онъ указывалъ только на различіе эпопей отъ драмы касательно времени. Въ самомъ дѣлѣ, это различіе вѣрно, потому что основано на сущности эпоса и драмы. Эпосъ изображаетъ событіе прошедшаго: здѣсь въ раз-

сказъ событія мы можемъ свободно воображеніемъ своимъ переноситься изъ одного мѣста въ другое, отъ одного времени къ другому. Драма развиваетъ дѣйствіе, какъ моментъ настоящаго, — дѣйствіе, которое происходитъ и должно кончиться передъ нашими глазами : очевидно, что здѣсь объемъ времени ограниченнѣе, нежели въ эпосѣ. Но ничего не можетъ быть вѣрнѣе того, какъ опредѣляетъ Аристотель единство и органическую цѣлость дѣйствія.

Вымыслъ бываетъ единъ не тогда, когда, какъ нѣкоторые полагаютъ, около одного лица вращается. Вѣдь вообще можетъ случиться безчисленное множество такихъ событій, которыя, если взять ихъ нѣсколько, единства не составляютъ : такъ и дѣяній одного человека можно быть много, а единого дѣйствія изъ нихъ не выходитъ.... Вымыслу слѣдуетъ быть подражаніемъ одному дѣйствію и притомъ цѣлому, а частямъ дѣйствія быть такъ совокупленными, чтобы при перестановкѣ, или отнятіи какой-либо части измѣнялось и разстроивалось цѣлое : ибо то, что, прибавимъ ли мы его, или не прибавимъ, не дѣлаетъ прихвѣтной разницы, то не есть и часть цѣлага.

Теоретики, выставившіе знаменемъ своимъ пѣнтху Аристотеля, толковали о томъ, что поэзія есть подражаніе. А между тѣмъ Аристотель, какъ нельзя лучше, объясняетъ намъ, что подражаніемъ въ поэзіи онъ называетъ воспроизведеніе дѣйствительности по отношенію къ идеалу.

Дѣло поэта — налагать не только случающееся, сколько то, что могло бы случиться, т. е. возможное по вѣроятію, или по необходимости. Историкъ и поэтъ не тѣмъ различаются, что говорятъ одинъ мѣрною рѣчью, другой не мѣрною; вѣдь сочиненіе Геродота можно бы было переложить въ метры, и все-таки въ метрахъ, какъ и безъ всякихъ метровъ, было бы это исторія : различаются они тѣмъ, что одинъ налагаетъ случившееся, а другой — что можетъ случиться. Потому поэзія глубже и значительнѣе исторіи. Поэзія налагаетъ болѣе — общее, исторія — частное. Общее есть : такому-то лицу что прилично говорить, либо дѣлать по вѣроятію, либо по необходимости? этого достигаетъ поэзія, избрѣтая имена. Частное есть : что сдѣлалъ Алкивиадъ, или что съ нимъ случилось.

Единство, цѣлость, мѣру — принадлежности всего органическаго и слѣдовательно прекраснаго — Аристотель предлагаетъ, какъ необходимыя условія красоты. Конечно, условія эти не изчерпываютъ всего опредѣленія красоты; но кто же будетъ оспаривать ихъ, какъ принадлежности.

Итакъ, мы видимъ у Аристотеля истинное пониманіе нѣкоторыхъ условій прекраснаго, сущности поэзіи и въ частности драмы. Съ другой стороны находимъ у него много такого, что объясняется

условіями его времени и принадлежит собственно греческой драмѣ. Таковы, напримеръ: простые и сплетенные вымыслы, переложъ и узнаніе въ развитіи дѣйствія, части трагедій — прологъ, эпизодъ и проч.; необходимость трагическаго характера быть честнымъ; раздѣленіе трагедій на четыре вида — сплетенную, страстную, характерную и въ томъ родѣ, какъ *Феркиды*, *Прометей* и трагедія, представляющія сцены въ аду, и т. д. Въ сожалѣнію, г. Ордынскій, въ объясненіяхъ своихъ на пиитику Аристотеля, не различилъ въ ней этихъ двухъ сторонъ, что необходимо для совершеннаго пониманія ея. Всякое стремленіе въ исторіи возводить фактъ къ безусловной истинѣ отклоняетъ отъ истины. Тѣмъ не менѣе трудъ г. Ордынскаго есть приобретеніе для ученой литературы. Только изъ подобныхъ частныхъ трудовъ можетъ возникнуть исторія науки; а за нею и самая наука, чуждая односторонностей.

Въ заключеніе редакція «Современника» съищитъ изъяснить свое удовольствіе, что г. Ордынскій оставилъ въ покоѣ Гомера и снова обратился къ скромной роли переводчика и компилятора статей по части классической древности. Последнимъ трудомъ своимъ онъ вѣроятно покупалъ свой невѣроятно неудачный переводъ «Иліады», которому что нибудь подобное можно сыскать развѣ въ самомъ первомъ періодѣ русской литературы — между трудами Тредьяковскаго. Но за Тредьяковскаго говорить время....

Бѣдность не порокъ. *Комедія* А. Островскаго. *Москва*, 1854.

Первая комедія г. Островскаго, «Свои люди — сочтемся», была принята читателями съ единодушнымъ одобреніемъ. Мы встрѣчали даже такихъ, которые, въ порывѣ увлеченія, ставили эту комедію выше «Недоросля» и «Горе отъ ума», наравнѣ съ «Ревизоромъ». И такое увлеченіе не сердило тѣхъ, которые не раздѣляли его — такъ оно было естественно. Черезъ два года явилась «Бѣдная невѣста», не уронившая извѣстности автора, но и не поддержавшая ее. Третья комедія его «Не въ свои сани не садись» заставила въ некоторыхъ изъ самыхъ жаркихъ почитателей перваго произведенія г. Островскаго опасаться, что онъ уже не въ силахъ создать что нибудь, достойное автора «Своихъ людей». Но большая часть публики не раздѣляла еще этихъ опасеній; многие оставались такъ увлечены «Своими людьми», что все, выходявшее изъ подъ пера ихъ автора, считали равно замѣчательнымъ. Явилась «Бѣдность не порокъ», и большинство публики убѣдилось въ основательности опасеній за талантъ г. Островскаго; и если мы скажемъ, что, по нашему убѣжденію, г. Островскій еще можетъ жить

силы — если только будет иметь желаніе — создать послѣ «Видность не порокъ» что нибудь замѣчательное, то большинство читателей, и даже которые имѣютъ вѣстъ въ дѣлѣ искусства, едва ли не назовутъ насъ людьми, которые все еще не хотятъ отказаться отъ надеждъ и тогда, когда уже невозможно надѣяться. Мы не можемъ найти критика, который бы достаточно выражалъ всю фальшивость и слабость новой комедіи; не можемъ найти потому, что воспоминаете о «Своихъ людяхъ» не позволяетъ намъ приблизиться къ зрителямъ, которыми характеризуются произведенія кичливой бездарности. Потому скажемъ только: новая комедія г. Остроумова слаба до невыносимости. А между тѣмъ находятся люди, которые продолжаютъ называть ее «цѣннымъ и долговѣчнымъ вкладомъ въ сокровищницу русской литературы». Этого мало; находятся люди, которые рываются говорить такъ: мы видѣли «Гамлета», «Отелло», «Ричарда III», «Короля Лира»; эти гениальныя созданія смельчакъ тѣмъ, что въ нихъ правдиво изображается человѣкъ, и могущее отъ нихъ «правда» дѣйствовала на вашу душу, но пришла пора, и вы увидѣли произведеніе еще высшаго достоинства (т. е. «Видность не порокъ»):

И вотъ пришла пора другая,
 Опять въ театрѣ стонъ стоитъ;
 Полусмѣясь, полурыдая
 На сцену вновь толпа глядитъ,
 И съ нею истина иная
 Со сцены снова говорить.
 Но эта правда не похожа
 На правду прежнюю ни чуть:
 Она проста, но дорожа,
 Здоровый дѣйствуетъ на грудь.
 Дай ей самой здоревья, Боже,
 Пошли и впродъ счастливый путь!
 Поэтъ, глашатай правды новой,
 Насъ миромъ новымъ окружилъ,
 И новое сказалъ онъ слово,
 Хоть правдѣ старой послужилъ.
 Вотъ отчего театра ваза
 Отъ верху до нмау однимъ
 Восторгомъ вновь затрепетала:
 Любимъ Торцовъ предъ ней живой
 Стоитъ съ поникшей головой,
 Бурнусъ напяливъ обветшалый,
 Съ растрепанною бородой... и проч., и проч.

(См. «Москвитинскій», 1854, № 5.)

Для нечитавшихъ «Бѣдность не порокъ» прибавимъ, что Любинъ Торцовъ — лицо изъ этой комедіи. Намъ нисколько не удивляетъ, что есть люди, не умѣющіе отличать посредственныхъ или плохихъ пьесъ отъ гениальныхъ и добродушно ставящіе «Бѣдность не порокъ» выше шекспировскихъ произведеній: вѣдь есть же люди, думающіе, что Основьяненко (или Гребенка) выше Гоголя, что «Панъ Халавскій» лучше «Мертвыхъ Душъ» и т. д.; но тѣмъ не менѣе удивительно, что подобные люди рѣшаются печатно высказывать, что «Бѣдность не порокъ» выше «Гамлета» и «Отелло». Примѣровъ такой забавной рѣшительности не бывало въ русской литературѣ съ тѣхъ поръ, какъ С. Глинка говорилъ, что «въ «Дмитріи Самозванцѣ» Сумароковъ, въ отношеніи развитія воаненія душевнаго, превосходитъ того, что Шекспиръ *предъявлялъ въ своемъ «Макбетѣ»* (Очерки жизни А. П. Сумарокова, изданные С. Глинкою, часть 3, стр. 120). Что могло придать этимъ неосторожнымъ поклонникамъ слабой комедіи такую смѣшную смѣлость? Только имя г. Островскаго, какъ автора «Своихъ людей». Блескъ его такъ ослѣплялъ ихъ, что они не могутъ видѣть прискорбнаго различія между первою комедіею г. Островскаго и его послѣдними произведеніями. А различіе до того велико, что автора «Бѣдность не порокъ», не будь выставлено его имени на этой комедіи, невозможно было бы признать авторомъ «Своихъ людей»: онъ кажется только его подражателемъ, усвоившимъ себѣ до нѣкоторой (только до нѣкоторой) степени его манеру, но не имѣющимъ и тѣни его таланта. Только подпись одного имени на обоихъ произведеніяхъ убѣждаетъ насъ, что оба они писаны однимъ и тѣмъ же человѣкомъ.

Но мало того, что успѣхъ «Свои люди — сочтемся» доставилъ автору извѣстность; у него явились подражатели, но какіе?

Въ карриатурныхъ подражаніяхъ «Своимъ людямъ», — мы говоримъ о недавно появившихся пьесахъ: г. Потѣхина «Братъ и сестра» (Москвитянинъ, №№ 3 и 4) и г. Красовскаго «Женихъ изъ Ножевой Линіи» (Отечественныя Записки, № 3) — вѣтъ и тѣни того, что составляетъ достоинство «Своихъ людей»; въ нихъ только развиты до крайности всѣ слабыя стороны «Своихъ людей» въ художественномъ отношеніи и утрированы до совершеннаго искаженія оригинальный языкъ этой комедіи. Какъ же могло отъ «Своихъ людей» произойти такое потомство, какъ «Не въ свои сани не садись», «Женихъ изъ ножевой линіи», «Братъ и сестра», и особенно «Бѣдность не порокъ»? Общій отвѣтъ на это ясенъ для всякаго, знающаго, что такое значить «подражать». «Подражать» значить: не понимая существенныхъ достоинствъ, не понимая смысла произведенія, ослѣпившаго насъ своимъ успѣхомъ, механически воспроизводить его

вышнюю сторону и, не имѣя силъ передать его красоты, со всею славою безвкусеія скопировать въ громадныхъ размѣрахъ его недостатки, принимая ихъ за красоты.

Послѣ «Своихъ людей» авторъ ихъ написалъ «Бѣдную повѣсту». Комедія была очень хороша; ее всѣ похвалили, но въ восторгъ не привела она никого. Почему же такъ? Потому что она дѣйствительно не имѣла ни одного изъ блестящихъ достоинствъ первой комедіи г. Островскаго. Идея въ ней была, если хотите; а если хотите, то можете сказать, что и не было, потому что идея эта была вовсе не новая. Милая, достойная всего лучшаго, дѣвушка должна—потому, что у нея нѣтъ приданого, для того, чтобы спасти себя и мать отъ нищеты—выйти замужъ за человѣка, который не пара ей ни по образованію, ни по чистотѣ сердца, ни даже по лѣтамъ: это человѣкъ пошлый, необтесанный, довольно пожилой, котораго она будетъ стараться, но не уснѣетъ, облагородить, котораго она будетъ усиливаться полюбить, но не будетъ въ состояніи любить; ея жизнь погибнетъ невозвратно (все это сама она чувствуетъ), погибнетъ ея красота и молодость: сотни хорошихъ, если не гениальныхъ произведеній были писаны уже на эту тему, и если она всегда останется прекрасна, то свѣжесть и эффектность можетъ придать ей только колоссальный талантъ. А г. Островскій написалъ прекрасное, но вовсе не колоссальное по исполненію произведеніе. Мало того, что идея не имѣла достоинства новизны: она принадлежала слишкомъ тѣсному кругу частной жизни.

Недовольный сомнительнымъ успѣхомъ этой комедіи, г. Островскій написалъ новую «Не въ свои сани не садись». Въ этой комедіи ясно и рѣзко было сказано: *полуобразованность хуже невежества*, но не прибавлено, что лучше и той и другаго: *истинная образованность*. Вообще эта комедія какъ бы служила переходнымъ звеномъ между «Своими людьми» и «Бѣдностью не порокъ», къ которой мы теперь и обратимся, такъ какъ то, что было несовсѣмъ опредѣленно въ «Не въ свои сани не садись», совершенно выяснилось въ «Бѣдность не порокъ». Эта комедія явилась всего три мѣсяца назадъ; потому большей части нашихъ читателей содержаніе ея, можетъ быть, еще неизвѣстно, и мы должны рассказать его довольно подробно.

Но прежде, нежели начнемъ говорить о содержаніи, скажемъ объ именахъ дѣйствующихъ лицъ. Въ «Не свои сани не садись» представитель (мнимо) русскихъ по преимуществу понятій назывался уже Русаковымъ, представитель вѣрности стариннымъ обычаямъ — Бородиннымъ, представитель модной пустоты и вѣтрогонства — Вихоревымъ. Такое блистательное нововведеніе, займ-

Т. XLV. Отд. IV. 2

ствовавшее, въ комедіи стараго времени, поправилось. п. Острожскому; въ «Бѣдность, не пороку» всѣ фамиліи лицъ «замыслованы» отъ ихъ качествъ: Кордунову (фабрикантъ, свирѣлаго нрава), Гуслицъ (русскій виртуозъ), Разлюдаевъ (т. е. гуляка и весельчакъ). И надобно сказать, что это чрезвычайно прилично новой комедіи г. Острожскаго, столь же неумѣренной въ изданной идеализации, столь же наввно написанной, какъ и самыя плодья комедіи стараго времени. Въ первыхъ романахъ тридцатыхъ годовъ герой, образецъ скромнаго поведенія и всѣхъ добродѣтелей, въ отличіе отъ остальныхъ лицъ (Звонскаго, Гремныхъ, Блестыльскъ и т. д.) не имѣлъ даже фамиліи: онъ назывался просто Владиміръ или Александръ; такъ и у г. Острожскаго: герой именуется просто Митя (отличіе отъ старыхъ романовъ только въ томъ, что тамъ уменьшительными Митя, Ваня, Андрюша; тутъ оставлены юрочинные). Дѣйствіе комедіи опять въ уѣздномъ городѣ.

Егорушко, мальчикъ, племянникъ богатаго купца Горѣя Карпыча Торцова читаетъ сказку о «Бояѣ Королевицѣ», перерывае свое чтеніе, отвѣтами на вопросы Мити, приказника Торцова: чтеніе «Бояи Королевицы» рѣшительно не связано съ пьесою и является только въ качествѣ народнаго элемента для украшенія сцены. Между прочимъ, и это главное, Егорушко рассказываетъ, какъ въсколко дней тому назадъ Горѣй Карпычъ прогналъ изъ дому своего драмотавшагося брата Любима, зато, что Любимъ началъ притомъ съ столонъ «разныя колѣна выкидывать» — Митя, живущему въ домѣ, очень естественно было цѣлую недѣлю, если не больше, не слышать о такомъ шумномъ и скандальномъ происшествіи. Оставшись одинъ, Митя, объясняется въ любви къ Любимѣ Горѣевичѣ, дочери Горѣя Карпыча, и объявляетъ, что онъ теперь не можетъ работать, потому что «все бы думать о ней» — Митя человѣкъ очень бѣдливый, и по этому, намъ кажется, могъ бы уже давно привыкнуть поступать такъ, какъ всѣ бѣдныя люди, обладающіе каждымъ аккуретно работать, чтобы не терпѣть нужды: тоска сама по себѣ, а работа все таки идетъ у нихъ какъ сажаешь. И такъ вотъ, вамъ элементы комедіи во вкусъ трагедій, Корнели и Расина: сначала (рѣшительно неумѣстный по положенію, лицъ) прологъ для объясненія глубинѣ предшествующихъ событій; потомъ лирической монологъ, въ которомъ изливаетъ свою сентиментальную любовь герой. Потомъ монологъ Пелагея Егоровна (лицо безцвѣтное, по видимому, доброе старуха) и прологъ для прологъ, началъ Егорушко, объясняетъ глубинѣ положеніе дѣлъ, рассказывая Митя, который уже пятьсотъ разъ все это знаетъ, что Горѣй Карпычъ совсѣмъ испортился и помутился, отъ знакомства съ богатымъ фабрикантомъ Юршуцо-

вить, съ которою перенялъ манеру стидливыхъ старыхъ простыхъ обществъ и тешиться за нынѣшнимъ свѣтомъ. Чтобы ободрить къ продолженію, обязательной для публики Пелагею Егоровну, которая сама должна чувствовать, что совершенно неумѣсто объясняетъ Митѣ давно извѣстныя ему дѣла, Митя подталкиваетъ ея рассказы распросами и предположеніями. Тотчасъ послѣ ухода Пелагеи Егоровны является третье лицо съ ролью корнелевскихъ наперсниковъ — Гуслинъ, которому Митя открывается въ любви своей къ Любови Гордѣевнѣ, прибавляя:

Что на свѣтѣ пржеестоко?
Пржеестока есть любовь:

Намъ кажется, что человекъ, восхищающійся подобными стихами, еще не въ состояніи находить Кольцова порядочнымъ поэтомъ; но по волѣ г. Островскаго Митя (юродивый или нѣтъ!) восхищается Кольцовымъ и самъ пишетъ пѣсни à la Koltzoff — нельзя не сожалѣть съ отвѣтомъ отъ этого Гордѣя Карпыча: «Какія нѣжности при нашей бѣдности!» Но не удивляйтесь: Дальше будетъ еще лучше. Входитъ Разлюляевъ, сынъ богатаго фабриканта, веселый, удалый малый — и съ чѣмъ бы, вы думали, входитъ онъ? съ гармонією!! сколько извѣстно читателямъ, на «гармоніи» играютъ одни только дворовые люди и бѣднѣйшій классъ мѣщанъ; но Разлюляевъ купилъ ее конечно по приказанію автора, потому не осуждаемъ его за это. Безъ особенной воли своего прихотливаго повѣлителя, Разлюляевъ, конечно, навялъ бы музыкантовъ, какъ всегда дѣлаютъ богатые гуляки изъ купеческаго класса. Какъ онъ входитъ, начинается пѣніе различныхъ пѣсней, ни къ чему не ведущее въ пѣсѣ; между прочимъ Гуслинъ, успѣвшій въ нѣсколько минутъ положить на музыку пѣсню Митя à la Koltzoff, разумѣется, довольно плохую, поетъ ее и «во все это время (по точнымъ словамъ г. Островскаго) Разлюляевъ стоитъ какъ «вкопанный и слушаетъ съ чувствомъ. По окончаніи пѣнія всѣ «молчатъ» — отъ глубокаго чувства, по мнѣнію г. Островскаго, а по нашему мнѣнію оттого, что пѣсня плоха, и хвалить ее совѣстно, хоть на это и рѣшается, наконецъ, Разлюляевъ; потомъ опять поэтическое тріо принимается пѣть — за этимъ застаютъ ихъ Гордѣй Карпычъ и бранитъ (по нашему мнѣнію совершенно справедливо) Митю зато, что онъ не занимается своимъ дѣломъ. Но Разлюляевъ по уходѣ Гордѣя Карпыча соглашается съ Митею, что его жизнь очень горька. Входитъ съ подругами Любовь Гордѣевна, предметъ страсти поэтическаго Митя, и опять начинается ни къ чему не ведущее пустословіе и цѣнье пѣсней. Наконецъ «начинаетъ

ся пять завязки романа», какъ говорить Гоголь. Митя остается наединѣ съ Любовью Гордѣвною и объясняется ей въ любви — какимъ бы вы думали способомъ? Читалъ ей «собственно для нея сочиненные стихи», о томъ, что

По напраслу свое сердце парень губить,
Что неровнюшку дѣвцу парень любить.

Намъ казалось бы еще правдоподобнѣе объясненіе полу-грамотнаго русскаго парня съ безграмотной дѣвушкою, если бы они принялись (по примѣру Шатобріана, см. его «Замогильныя Записки») читать Аріосто, и на какомъ нибудь патетическомъ мѣстѣ ихъ уста сдвинулись бы въ пощалуи. Тогда Митя, рассказывая объ этомъ Гуслину, могъ бы выказать пониманіе не только Кольцова, но и Данте, воскликнувъ:

Quel giorno vi no leggemo avante!

На что Гуслинъ могъ бы ему отвѣчать: «Эхъ, братъ, тогда былъ счастливъ, а теперь еще больше сталъ тосковать! Правду, Митя, говорить Данте

Nessun' maggior' dolore, и т. д.

Разумѣется, Любовь Гордѣвна пишетъ Митѣ отвѣтъ и уходитъ, вручивъ его.

Конечно, скажете вы, пламенный Митя сейчасъ же прочиталъ рѣшеніе своей судьбы? Г. Островскій не считаетъ этого нужнымъ. Къ Митѣ приходитъ Любимъ Торцовъ, братъ хозяина, и на восьми страницахъ повѣствуетъ Митѣ свои приключенія (какъ будто бы Митя, столько времени жившій съ нимъ въ одномъ домѣ, не слышалъ уже ихъ отъ него тысячу разъ, но въ «Бѣдность не порокъ» все рассказывается, ни одно лицо не знаетъ ничего изъ того, что давно должно знать) и Митя, съ рѣшительнымъ отвѣтомъ своей милой въ карманѣ, имѣетъ терпѣніе непостижимое ни для кого, кромѣ героевъ г. Островскаго, слушать битыхъ полчаса его рассказы, не догадываясь даже отвернуться въ сторону, чтобы взглянуть: «да» или «нѣтъ» написала ему Любовь Гордѣвна. Надобно отдать справедливость Любиму Торцову, что рассказываетъ онъ превосходно; но рассказъ его — ненужный для пьесы эпизодъ, какъ три четверти всѣхъ разговоровъ, рассказовъ и пѣсень. Намъ необходимо послушать вмѣстѣ съ Митею, что такое за человекъ Любимъ Торцовъ, который, по мнѣнію нѣкоторыхъ,

«Душъ такъ прямо кажетъ путь» (Москв., 1854, № 5.)

надобно поемотрѣть, что это за путь, по которому предлагается идти вслѣдъ за Любимомъ.

По смерти отца, раздѣлившись съ братомъ , поѣхалъ онъ повеселиться въ Москву и повеселился такъ , что пропилъ всѣ деньги.

«Какъ же вы жили , Любимъ Карвычъ?» спрашиваетъ Митя , дослушавши похождения его до того времени , пока не осталось у него ни копейки денегъ.

«Какъ жилъ ? Не дай Богъ лихому татарину . Жилъ въ просторной квартирѣ между небомъ и землей , ни съ боковъ , ни сверху нѣтъ ничего.... Есть ремесло хорошее , коммерція выгодная — воровать . Да не гожусь я на это дѣло : совѣсть есть ; опять же и страшно : никто этой коммерціи не одобряетъ . Говорятъ , въ другихъ земляхъ за это по талеру платятъ , а у насъ добрые люди по шелямъ сколотятъ . Нѣтъ , братъ , воровать скверно ! Эта штука стара , ее сбросить пора.... Да вѣдь голодъ-то не тетка , надобно что нибудь дѣлать ! Сталъ по городу скоморохомъ ходить , по копейчкѣ собирать , шута изъ себя разыгрывать , прибаутки рассказывать , артикулы разные выкидывать . Бывало дрожишь съ утра ранняго въ городѣ , гдѣ нибудь за угломъ отъ людей хоронишься , да дожидаясь купцовъ . Какъ прїѣдетъ , особенно кто побогаче , выскочишь , сдѣлаешь колѣно — ну и дасть , кто пятачекъ , кто гривну . Что наберешь , тѣмъ и дынешь день-то , тѣмъ и существуешь .»

Если подражать Любиму Торцову совѣтуютъ въ томъ , чтобы не заниматься коммерціею , которой никто не одобряетъ , то нѣтъ сомнѣнія , что онъ полезный , хотя нѣсколько обидный , образецъ для читателей . Ну , а если нѣкоторые читатели подумаютъ , что имъ предлагаютъ идти къ нравственной высотѣ путемъ Любима Торцова , т. е. , пропившись , сдѣлаться скоморохами и выкидывать артикулы по улицамъ ? Воля ваша , они могутъ обидѣться еще сильнѣе . Наконецъ нашъ идеалъ — не трезвый , какъ всегда — засыпаетъ , и Митя можетъ прочитать записку , полчаса лежавшую у него въ карманѣ .

«Читаетъ : *«И я тебя люблю . Любовь Торцова»* . Схватываетъ себя за голову и убѣгаетъ .»

Мы такъ подробно рассказывали первое дѣйствіе , что , вѣроятно , читатели , утомленные даже сокращенною передачею всѣхъ этихъ высклакивающихся съ настоящимъ содержаніемъ пьесы нескладницъ и несообразностей , утомленные всѣми этими наперсниками , прологами , монологами , въ которыхъ нѣтъ ни тѣни драматизма , попросятъ насъ сократить рассказъ о двухъ остальныхъ дѣйствіяхъ . Съ величайшею радостью исполняемъ ихъ желаніе .

Двѣ трети второго дѣйствія заняты святочнымъ вечеромъ , управляемымъ матерью Любови Гордѣевны въ отсутствіе мужа . Всѣ эти сцены съ плясками , играми , пѣснями и такъ

дальше рѣшительно дѣлать и не связывай съ вѣселою ничтою, аромъ воды автора. Наконецъ прибѣгаютъ Гордѣй Карпычъ съ Маршуповымъ, продолжаютъ каршенины, называя такіа увеселенія «мужичествомъ», и объявляютъ, что просятъ дочь за Коршуну. Та умоляетъ отца не губить ее. Отецъ не хочетъ слушать, и простой святаяшій дедеръ обращается къ поманину. Но любимъ Карпычъ не дремлетъ: онъ въ домъ брата оскорбляетъ Маршупова, высчитывая дѣтство ему все его монашествомъ. Разарженный Коршуну требуютъ, чтобы Гордѣй Карпычъ извинился передъ нимъ, что дозволить обидѣть его въ своемъ домѣ. «Попросить прощенья — говоритъ онъ вараженному дедю — потому что другого «женуха здѣсь твоей дочеря дѣтъ» — «Врешь — говоритъ Гордѣй «Карпычъ (замѣтьте, какъ натурально подведена развязка) — съ «деньгами, которыми я за дею дамъ, всякій человекъ будетъ....» Въ эту самую минуту, незаметно заходитъ, въ дверяхъ показывается Митя, который давно уже простоялъ; чтобы ухватить домой отъ горести по разлуцѣ съ Любовью Гордѣвною.... «Вотъ за Митю отдамъ.» Митя впадаетъ ему въ ноги, жена (вспомина о любви между Митею и дочерью) умоляетъ мужа исполнить свое слово; Гордѣй въ нервности; тогда опять впадаетъ идеалъ человека, Любимъ, и въ монодогѣ, достоинствѣ автора шекспировской пьесы «Раздумье артиста» (см. Ералашъ при II номерѣ Современника), проситъ брата сжалиться надъ нимъ, отдать дочь за Митю, который дастъ ему приютъ и кусокъ хлѣба. По обыкновенному порядку вещей внимательство, даже одно появленіе Любима, который такъ жестоко ударилъ гордость Гордѣя, остраняетъ его передъ самимъ и разстроивъ свадьбу, должно было бы безвозвратно испортить дѣло; но у г. Островскаго выходитъ не такъ: выслушавъ мольбу брата, Гордѣй «утрачиваетъ слезу» и говоритъ ему: «Ну, братъ, спасибо, что на умъ наставилъ!» и благословляетъ Митю и Любовь Гордѣвну (какъ это правдоподобно!). Читатели гешеръ видятъ, что почти вся пьеса состоитъ изъ ряда несвязныхъ и ненужныхъ эпизодовъ, монодоговъ и повѣствованій; собственно для развитія дѣйствія нужна развѣ только третья доля всего вставленнаго въ пьесу. Чѣмъ это объяснить? Во первыхъ, небреженіемъ автора къ требованіямъ искусства — онъ, по видимому, считаятъ каждую написанную имъ строчку драгоценностью, которая будетъ приятна читателямъ и въ томъ случаѣ, когда рѣшительно ненужна и неумѣстна; во вторыхъ — и это едва ли не главное. — авторъ дѣйствительно правъ до некоторой степени съ своей точки зрѣнія, вставленъ въ свою пьесу по всевозможнымъ поводамъ пѣсни, дѣланы, шутры: онъ пишетъ аподеозъ стариннаго быта, какими предстан-

даже ему современный бытъ и въ некоторой части купеческаго общества; потому онъ старается выставить на видъ всѣ поэтическія черты его; для этой цѣли онъ вставилъ въ свою небольшую пьесу 16 или 17 пѣсень (не считая того, что Разлюблиевъ нѣсколько разъ поетъ «Ахъ, какъ гусара не любить», и нѣсколько же разъ поется «Одна гора высока»), выставилъ на сценѣ цѣлый святочный вечеръ съ переодѣваньями, загадками, гаданьями и т. д., заставилъ дѣйствующихъ лицъ разъ десять плясать, и т. д., и т. д. Почему же, спроситъ насъ авторъ, недовольны вы такимъ намѣреніемъ? Не объ намѣреніи теперь мы говоримъ, а объ исполненіи. А исполнили вы свое намѣреніе, нисколько не заботясь о цѣлости и стройности вашего произведенія, и написали не «комедію», не художественное цѣлое, а что-то смитое изъ разныхъ кусковъ на живую нитку. «Бѣдность не порокъ» относится къ тому же роду произведеній, какъ «Мельникъ» Аблесимова — она сборникъ народныхъ пѣсень и обычаевъ; разница только та, что у Аблесимова народные мотивы ловко введены въ самое дѣйствіе пьесы, а у васъ приставлены къ пьесѣ очень неловко и большею частью не имѣютъ съ нею никакой связи. Не говоримъ уже о томъ, что «Мельникъ» былъ первымъ высево, въ которой ульяпала публика народные мотивы, а вся пьеса вовсе не новость въ своемъ родѣ, когда мы видѣли на сценѣ весь рядъ свадебныхъ обрядовъ, а пѣсни со сцены слушали уже десятки разъ.

Недовольны будутъ читатели пьесой г. Островскаго еще по другой причинѣ — гораздо важнѣйшей.

Въ ней правды нѣтъ, въ ней жизни нѣтъ,

Въ ней фальшь, не вѣчное искусство,

говоря словами одного изъ восторженныхъ ея поклонниковъ. Коршуновъ мелодраматическій злодѣй — это дурно; но еще хуже то, что всѣ остальные лица (подъ конецъ пьесы даже злочинствующій свачала Гердѣй Карцычъ) облиты тою патокою, съ которою Егорушко пляшетъ на святочномъ вечерѣ, припѣвая:

Ай патока, патока,

Вареная, сладка!

Въ особенномъ изобиліи пролита она на Любима Герцова, который, по собственнымъ словамъ, (истинная скромность!) «пыльница, въ лучшемъ видѣ», и на Митю, подслащенныя до совершеннаго менажескія дѣйствительности.

Мы должны были бы сказать еще очень много по поводу «Бѣдность не порокъ», но наша статья и безъ того слишкомъ длинна. Окажемъ же другому случаю то, что еще остается намъ вы-

сказать о ложной идеализации устарѣлыхъ формъ. Въ двухъ своихъ послѣднихъ произведеніяхъ г. Островскій впадалъ въ приторное прикрашиванье того, что не можетъ и не должно быть прикрашиваемо. Произведенія вышли слабыя и фальшивыя. Но, по нашему мнѣнію, онъ, повредивъ этимъ своей литературной репутаціи, не погубилъ еще своего прекраснаго дарованія: оно еще можетъ литься по прежнему свѣжимъ и сильнымъ, если г. Островскій оставитъ ту тинистую тропу, которая привела его къ «Бѣлости не порокъ». Пусть онъ не слушаетъ восторженныхъ и безотчетныхъ похвалъ, пусть не увлекается стихотворными диэдрамами, въ которыхъ провозглашаютъ его героемъ «Искусства и Правды», но пусть лучше строго подумаетъ о томъ, что такое правда въ созданіяхъ искусства. Въ правдѣ сила таланта; ошибочное направленіе губитъ самый сильный талантъ. Ложныя по основной мысли произведенія бываютъ слабы даже и въ чисто художественномъ отношеніи.

Библиотека Путешествій, изданіе А. Плюшара, Спб. 1854, въ 12 д. л., 8 томовъ.

Библиотека путешествій, по программѣ своей, дѣлится на четыре отдѣла. Въ первомъ помѣщаются путешествія людей извѣстныхъ и пріобрѣтшихъ европейскую славу; во второмъ рассказы о кораблекрушеніяхъ, заимствованные изъ достоверныхъ источниковъ; въ третьемъ эпизоды путешествій, то есть, небольшіе рассказы или отрывки изъ сочиненій, которыя не могли войти въ «Библиотеку» въ полномъ составѣ; наконецъ, въ четвертомъ, послѣднемъ отдѣлѣ, обѣщаны жизнеописанія моряковъ и путешественниковъ, по возможности полныя. Издатель обѣщалъ прилагать къ Библиотекѣ карты, портреты, рисунки и планы, въ случаѣ надобности, для изображенія знаменитой личности или мѣстности, костюмовъ и обычаевъ разныхъ народовъ.

Въ вышедшихъ восьми частяхъ не достало мѣста для біографій. Въ нынѣшнемъ выпускѣ «Библиотеки Путешествій» вовсе нѣтъ жизнеописаній ни моряковъ, ни путешественниковъ. Первый отдѣлъ открывается *путешествіемъ Зибольда въ Японію*. Въ «Современникѣ», назадъ тому года два, была напечатана прекрасно составленная г. Коршемъ статья объ Японіи; но она ни сколько не мѣшаетъ переводу Зибольдовыхъ путевыхъ замѣтокъ. Кто съ удовольствіемъ прочелъ статью г. Корша, тотъ непременно прочтетъ Зибольда, какъ необходимое дополненіе. Зибольдъ — юнѣйшій изъ братьевъ, посѣщавшей для всѣхъ запертую Японію. Теперь онъ полковникъ генеральнаго штаба, но когда онъ путешествовалъ, то былъ

моравельнымъ докторомъ. Званіе въ путешествіяхъ весьма удобное. Докторъ можетъ оказать тысячи особенныхъ услугъ и проникнуть туда, куда не пустятъ ни адмирала, ни самаго знаменитаго, самаго отчаяннаго туриста, особенно въ Японіи, гдѣ до сихъ поръ вѣрятъ въ порошокъ *Doria* (*).

Пользуясь званіемъ доктора и вымечивая богатыхъ Японцевъ и ихъ хорошенеккихъ женъ, Зибольдъ проникъ во внутреннія страны, чего не удавалось еще ни одному Европейцу; тамъ собралъ онъ свидѣнія, вѣрныя, точныя и подробныя, о мѣстностяхъ, ни кѣмъ еще неописанныхъ, и составилъ карту Ниппона (главнаго острова Японской имперіи).

Какъ и когда начался любопытный обычай — распарыванія животовъ — Зибольдъ не рассказываетъ; онъ такъ давно существуетъ, что начало его *теряется*, какъ говорятъ записные ученые, *во прахъ отдаленнѣйшей древности*. Благовоспитанный Японецъ, если вы оскорбили его, приходитъ къ дверямъ вашего дома и въ спокойнѣе разрѣзываетъ себѣ животъ. Вы, если вы мало мальски порядочной человекъ, должны дать ему удовлетвореніе, то есть, повторить на себѣ ту же неприятную церемонію. Отъ этого въ Японіи всѣ чувствы до нельзя; о шумѣ и ссорахъ въ собраніяхъ и обществахъ нѣтъ и помину. Если правительство дастъ Японцу порученіе, котораго онъ исполнить не можетъ, то онъ также распарываетъ себѣ животъ и спасаетъ себя и свое семейство отъ казни. Преданіе гласитъ, что когда, мстя за Головинина, Хвостовъ и Давыдовъ омустишили сѣверные предѣлы Японіи, тысяча восемьсотъ японскихъ чиновниковъ распоролы себѣ животы. Какое страшное жертвоприношеніе! Японецъ, собираясь умирать такою тяжелою смертію, сзываетъ своихъ пріятелей, пируетъ съ ними на прощанья и потомъ отправляется къ *Ками* (богамъ). Съ юности приучаютъ Японца къ исполненію этого обычая, и въ школахъ показываютъ, какъ слѣдуетъ дѣлать надъ собой эту не совсѣмъ удобную операцію. Но мы не можемъ входить въ подробности объ Японіи и Японцахъ; это завело бы насъ слишкомъ далеко. Все въ этомъ уединенномъ народѣ любопытно, все такъ мало похоже на европейское и даже на азіатское, что надобно не менѣе четырехъ большихъ статей г. Корша или не менѣе трехъ томовъ «Библіотека Путешествій», чтобы дать вѣрное понятіе объ Японцѣ. Отсылаемъ любопытныхъ къ путешествію Зибольда, гдѣ они найдутъ, кромѣ замѣтокъ Зибольда,

(*) О порохѣ *Doria* есть въ «Библіотекѣ Путешествій» особая статья, взятая изъ Татсанага, который, кажется, тоже гврилъ въ него, не смотря на всю негнѣность выдумки японскихъ жрецовъ. Эта чрезвычайно любопытная статья напечатана въ книгѣ второго тома.

яного бесполезныхъ выписокъ изъ Кемпфера, Дева, Тителма и др. Не забыты и такіе знаменитые моряки: Головинъ и Крузенштеръ; и у нихъ взято, сколько было нужно.

Всѣмъ за *путешествіемъ Вибольда* напечатано въ «Библиотекѣ» описаніе кругосвѣтнаго плаванія, совершеннаго въ 1840—1842 годахъ на *россійскомъ транспортѣ*, або, г. Блокъ. Въ предисловіи авторъ увѣряетъ, что «правильное повѣствованіе о морскомъ путешествіи неминуемо влечетъ за собою терминологию моряковъ.» Говоря другими словами, авторъ хочетъ, чтобы его читали одни моряки. За что же исключать добрыхъ и усердныхъ русскихъ читателей, которые не знаютъ морской терминологіи! Что чѣйшутъ они въ книгѣ, гдѣ половина словъ голландскихъ, вовсе имъ неизвѣстныхъ? Если бы всѣ специалисты думали, какъ г. Блокъ, то бѣдному читателю пришлось бы быть и морякомъ, и артиллеристомъ, и инженеромъ, и архитекторомъ — словомъ, пришлось бы знать все науки, все искусства, не хуже самыхъ специалистовъ, а вѣдь это невозможно. Г. Блокъ въ подкрѣпленіе своей мысли смѣется надъ десяткомъ выраженій, употребленныхъ будто бы нашими беллетристами. Напримеръ, кто-то написалъ: *разъясняютъ въ лодкахъ подъ палатками*. Боже, какое преступленіе! *Въ лодкахъ подъ палатками!* Это ужасно! Г. Блокъ непривлечетъ автора и требуетъ, чтобы говорили: *разъясняютъ въ маленькихъ лодкахъ палатками*. Вотъ это что! Употребить слово *палатка* никакъ нельзя; гораздо лучше сказать: *тенга*, вѣроятно для того, чтобы русскій читатель, незнающій иностранныхъ языковъ, не понималъ его.

Новое дѣло, если въ путешествіяхъ Крузенштерна, Головина, Литке, Врангеля, читатель встрѣчаетъ выраженія техничeskіе: еще смотритъ на эти выраженія съ особеннымъ почтеніемъ и такъ высоко цѣнитъ ихъ за совершенныя авторами ихъ открытія, что готовъ просить у знакомыхъ моряковъ необходимыхъ ему поясненій. Но къ разсказу, къ легкому разсказу о плаваніи, читатель не такъ снисходителенъ. Онъ хочетъ читать безъ хлопотъ, спокойно, развалясь въ креслѣ, безъ справокъ, безъ лексиконовъ. Для чего пишутъ и печатаютъ книгу? Кажется, для того, чтобы ее читали; если ее не будутъ читать, такъ все равно что бы въ ней ни было, *палатки* или *тенги*. А книги, написанныя непонятнымъ, темнымъ языкомъ, не могутъ читать обыкновенные читатели. Читать у нихъ значитъ *понимать*. Писать для всѣхъ о предметѣ специальномъ весьма трудно; мастеровъ писать популярно у насъ очень мало; но у нихъ-то и надобно учиться. Вотъ, напримеръ, Головинъ, въ своемъ переводѣ *Кораблекрушеній* Дункена, употребляетъ на каждомъ шагу

морскіе терминны; кто обвинить его? Книга его, такъ сказать, моракціи учебникъ; онъ издалъ ее *только для моряковъ*, желая научить ихъ, какъ распорядиться во время гибели корабля, и показать имъ приѣбрь, какъ дѣйствовали и распорядились въ подобныхъ случаяхъ англіискіе капитаны. Головиннаѣ совершенно правы; точно также правъ и г. Строевъ, переводившій рассказы о кораблекруженіяхъ, Фиреса, помѣщенные въ VI и VII томѣ «Библиотэки Путешествій». Онъ всячески старается избѣгать техническихъ терминовъ, и не тѣмъ въ виду учить моряковъ, избѣгать довольно удачно употребленія тѣхъ словъ, которыя на кораблѣ необходимы, но не должны встрѣчаться въ книгѣ, напечатанной для всѣхъ. Эти рассказы чрезвычайно занимательны и имъ не сколько не вредитъ отсутствіе ахтеръ-штевеней, бушпритовъ и вѣтеръ-вѣльсовъ. Читайте, безъ помощи адмирала, эти два тома, если хотите видѣть, до какого величія подымается человекъ или какъ низко падаетъ въ минуту опасности и неизбежной смерти! Тутъ встрѣтите героическое геройство подъ руку съ гнуснѣйшимъ трусовѣмъ, и разныхъ лицъ, нѣтъ которыхъ тѣны навсегда останутся вѣчными друзьями.

Рядъ *рассказовъ* открывается біографіею нашего Беринга, довольно подробно, но неумолимою. Эта статья очевидно принадлежитъ къ четвертому отдѣлу «Библиотэки», къ біографіямъ, но попала въ третій: вѣроятно, потому что Берингъ потерпѣлъ кораблекруженіе и умеръ на безлюдномъ островѣ. Истръ Великій далъ Берингу инструкція, всего изъ трехъ пунктовъ: 1) сдѣлать одинъ или два бота въ Камчаткѣ; 2) на нихъ идти на Нордъ, и 3) искать, гдѣ Азія сошлась съ Америкой. Берингъ идетъ на Нордъ, встрѣчаетъ проливъ, осматриваетъ оба берега и обѣтываетъ эскадру, что *наддежитъ ему противъ указу во исполненіе возвратиться*; доворачиваетъ ботъ, приводитъ въ Россію важное открытіе, но уже не застаётъ Великаго Покровителя своего въ живыхъ — и спѣшитъ въ новую экспедицію. Вся эта статья читается съ особеннымъ удовольствіемъ; новыхъ фактовъ въ ней нѣтъ; зато прежде-извѣстные собраны добросовѣстно и прилежно.

Эпизоды выбраны изъ *Путешествія Бурчелла* по южной Африкѣ. Бурчелль осматривалъ африканскія степи дѣтъ двадцать тому назадъ, но рассказы его до сихъ поръ любопытны: у него нашлось такъ мало подражателей. Не всякому охота переправляться черезъ потоки и спускаться съ горъ, въ телѣгахъ на быкахъ. Если «Библиотэка Путешествій» не остановится на первомъ выпускѣ, то Бурчелль будетъ полезенъ читателямъ: онъ должеитъ непремѣнно занимать мѣсто въ большомъ собраніи путешествій. Онъ для Афри-

ки, что Кемпферъ для Японіи. Не всё поймутъ его простоту и безыскусственность; не всё оцѣнятъ его правдивость, которая доходитъ до однообразія, — правдивость, самое рѣдкое качество самыхъ извѣстѣйшихъ путешественниковъ. Бурчель осматривалъ значительную часть Африки, и нигдѣ никто не нападалъ на него, нигдѣ никто не хотѣлъ изжарить его и съѣсть! Какое чудо! Слѣдовавшіе за нимъ *име* путешественники встрѣчали людоедовъ, сражались съ ними, бывали въ страшныхъ положеніяхъ . . . а *beau mentir qui vient de loin!* Бурчель, какъ и Кампферъ, не подвергался никакимъ особеннымъ опасностямъ. Только быки его, взбираясь на высокую гору, могли полетѣть внизъ съ его телѣгой и раздавить его. Или, забравшись въ безвыходную стѣну, онъ могъ достаться въ пищу льву или гіенѣ. Но это такія опасности, о которыхъ Бурчель не заботится; онъ ежеминутно *на носу*; о нихъ и толковать не стоитъ. Встрѣтиться со львомъ — не бѣда, по понятіямъ Бурчеля; противъ льва есть у него доброе ружье и добрая пуля; а лишиться быка, особеннаго, выѣжаннаго, — въ Африкѣ есть быки, на которыхъ ѣздить такъ же быстро, какъ на лошадяхъ, — лишиться быка, который пускается въ галопъ и летитъ какъ лучший скакунъ, — вотъ это несчастіе кажется Бурчелю бѣдою, неотвратимымъ зломъ. Онъ готовъ идти къ людоедамъ, но безъ быковъ. Пусть съѣдятъ его самаго, онъ не скажетъ ни слова, не моргнетъ глазомъ, только не троньте его быковъ. Оно и смѣшно и страшно, а очень неглупо: быки замѣняли ему пары, у него не было другихъ двигателей, и онъ берегъ ихъ какъ свой глазъ.

Карта Японіи, снятая съ Зибольдовой, карта, приложенная къ путешествію г. Блока, картинки, объясняющія наглядно описаніе Японіи, прекрасны. Г. Плюшаръ знаетъ свое дѣло мастерски: нельзя не похвалить и наружной части этого полезнаго изданія. — Что касается до внутренней стороны его, то г. В. Строевъ, которому принадлежатъ переводныя и составныя статьи и — вѣроятно — редакція всего изданія, заслуживаетъ безспорно искренней признательности всѣхъ любителей занимательнаго и полезнаго чтенія, какъ человекъ, исполнившій свое дѣло трудолюбиво и добросовѣстно, съ умомъ и тактомъ.

Кавказскій календарь на 1854 годъ, издаваемый отъ Канцеляріи Намѣстника Кавказскаго. Тифлисъ.

Этотъ «Календарь» не замѣляетъ своему высокому достоинству: онъ наполненъ прелюбопытными статьями, обработанными чрезвѣ-

чайно старательно. Это полная и всегда новая картина какъ жизни общественной, такъ и разнообразной природы кавказской.

Въ немъ содержится пять отдѣленій, не имѣющихъ, впрочемъ, «заглавій», потому что въ составъ ихъ входятъ разнородные предметы. Но, кажется, эту разнородность можно уничтожить и все богатые матеріалы расположить въ лучшемъ порядкѣ, какъ это дѣлается въ первомъ отдѣленіи. Здѣсь считаемъ излишними подробности о солнечныхъ затмѣніяхъ, которыя не будутъ видимы нигдѣ въ Россіи. Также къ столбцамъ восхожденія и захожденія солнца въ разныхъ мѣстахъ Закавказья надобно бы прибавить объясненіе, какимъ образомъ, по содержащимся въ нихъ числамъ, находится долгота дней. Вмѣсто «уравненія времени» въ Тифлисѣ показано среднее время въ истинный полдень, т. е. въ тотъ моментъ, въ который солнце бываетъ на меридіанѣ мѣста. Эта таблица, вычисленная чрезъ десять дней каждаго мѣсяца, совершенно удовлетворительна, и ею можно пользоваться во всѣхъ городахъ Закавказскаго края. Восхожденіе, захожденіе и фазы луны собраны въ двѣ отдѣльныя таблицы, весьма удобныя для употребленія. Въ «Обозрѣніи солнечной системы» недостаетъ шести новыхъ планетъ. Не знаемъ, почему издатель «Календаря» имя англійскаго астронома *Nind* пишутъ *Хейндъ*, а не *Гиндъ*; какъ принято въ «Мѣсяцесловіи» Петербургскомъ. Къ этому обозрѣнію прибавлены разстоянія отъ земли звѣздъ « Лиры, Полярной, Арктура и 61-ой Лебеда; но разстоянія первыхъ трехъ изъ нихъ еще сомнительны. Перечень метеорологическихъ наблюденій въ Тифлисѣ, Дербентѣ, Ваку, Ленкорани, Родутъ-Кале, Кутансѣ, Александрополь и въ Аравыхъ начинается показаніями географическихъ положеній этихъ мѣстъ и высотъ ихъ надъ уровнемъ океана въ русскихъ футахъ; но расположеніе ихъ произвольное: почему бы не расположить ихъ по широтамъ, начиная съ южныхъ, и не присоединить общей сравнительной таблицы среднихъ температуръ и высотъ барометра? «Хронологическій перечень естественныхъ событій за 1852 годъ» показываетъ, что Закавказье много терпитъ отъ града.

Во второмъ отдѣленіи, въ «Росписи городамъ» и проч. географическія долготы считаются отъ Тифлиса и отъ главныхъ городовъ и выражены во времени, что весьма полезно для повѣрки часовъ, безъ всякихъ вычисленій. Изъ прочихъ статей этого отдѣленія, читатели, безъ сомнѣнія, съ любопытствомъ просматривать «О Закавказскомъ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія» и «О Сберегательной Кассѣ».

Въ третьемъ отдѣленіи «Хронологическое показаніе достопамятныхъ событій» и проч. доведено до 19 ноября 1853 года. Оно пред-

стала въ прекрасное обозрѣніе подвиговъ русскаго войска въ Закавказскомъ краѣ противъ горцевъ, персіанъ и турокъ. Статистическіе матеріалы чрезвычайно богаты, и между ними помѣщены превосходныя описанія Елисаветполя и Оссетіи. Эти описанія не сухи; пережени числа жителей, домовъ, деревень и проч., но тутъ статистика оживлена исторіей, картиной нравовъ и природы. Общія статьи написаны увлекательно. Позволяемъ себѣ сдѣлать небольшія измѣненья въ нѣхъ выписки.

«Близъ нея (Елисаветпольской крѣпости) поимотся прѣль многими русскими изъ бывшихъ начальственныхъ лицъ въ городѣ Геронъ, бывше при обложеніи крѣпости, преданы землѣ бывшаго каменнаго сада, на западной сторонѣ ея, гдѣ была главная батарея и моты. Здѣсь въ первый разъ былъ раненъ знаменитый герой Кавказа, въ 1851 г., въ чинѣ генерала отъ инфантеріи отшедшій въ «вѣчность», тогда капитанъ — Котляревскій. С. К. Намѣстникъ Кавказскій, тогда поручикъ А. Г. Прображенскаго полка, составившій прилж. Цицѣновъ, вынесъ, на своихъ рукахъ, изъ бою французскаго капитана Чя-память храбраго соратника своего, С. К. Воронцовъ приказалъ устроить на этомъ мѣстѣ памятникъ со слѣдующимъ исторически замѣчательною надписью: *Близъ сего мѣста, въ 2 декабря 1803 г., при занятіи садовъ и фантата крѣпости Ганжи, въ дружествѣ и подѣ начальствомъ князя Цицѣнова, раненъ былъ, въ первый разъ, пулею въ ногу 17-го егерскаго полка капитанъ Котляревскій. Другая сторона памятника имѣетъ надпись: Скропленій съ памятииъ герою Асландуза и Машкорани соорудилъ въ 1851 г. бывшій при занятіи крѣпости Ганжи А. Г. поручикъ графа Воронцова, въ спаслдетвіи Главнокомандующій и Намѣстникъ Кавказа.* Крѣпость эта взята штурмомъ на рассвѣтѣ 4 января 1804 г. послѣ полутора-часоваго боя и канонады. Полковникъ Карягинъ занялъ три башни южнаго фаса, а генералъ-маіоръ Лисавиичъ отворилъ «железыя ворота, носившія названіе «Тифлисскихъ». Джанатъ-ханъ и шогунъ его Гуссейнъ-Ага пали жертвою своего упорства и неоднократной измѣны даннымъ обѣщаніямъ быть союзниками Русскихъ. 8,600 женщинъ и дѣтей, взятыхъ ханомъ въ залогъ вѣрности мужей, остававшихся въ крѣпости, 18 орудій и 8,000 гарнизона съ крѣпостью и всѣмъ ханствомъ были трофеями побѣдителей, которыми штурмъ этотъ стоилъ 38 убитыми и 142 ранеными.» (Стр. 345.)

Возьмемъ еще описаніе замѣчательнаго мусульманскаго преданія.

«Елисаветпольскіе мусульмане, по старинной памяти, ссылаются и на нѣтъ, даже въ Персіи, ревностнѣйшими изъ почитателей Аліи.

«Она этого дня, или отъ доступнаго для всѣхъ, по изобилію края, степенности, во дни мусульманскаго поста въ Енисветноль составляетъ множество селдовъ, муллъ и дервишей изъ Кубы, Ленспорани и изъ Персіи. Сами же Ганжинцы нѣкогда весьма уверено посещали Мекку. Но мѣръ оскуднѣнія средствъ отъ упадка торговли, нѣдѣй въздать на покровеніе: ежегодно не болѣе пяти челоуѣкъ. Тамъ же, припрѣлцами: особенно богато время празднества въ память Гуссейна и Гассана, сыновей Авія, разбитыхъ войсками Іезида, сына Моавія. Извѣстно, что Моавія завладѣлъ Калифатомъ по смерти Авія, подлауясь слабому характеру Гассана и молодости Гуссейна. Эта замѣчательная религіозная драма, въ которой предстаетъ убійство Гуссейна и отравленіе Гассана, который отдался отъ наследства престола послѣ Авія и удалился въ уединеніе, къ гробницѣ своего дѣда, размырывается въ Енисветноль, въ мѣсяцъ Маггерамъ, самымъ старательнымъ образомъ, и предшествуется десятью днями молитвы, а между строгими звѣтами постомъ. Въ продолженіе ихъ раздаются милостыни, по улицамъ бродятъ, люди разставляють балаганы, гдѣ предлагается жемчужными ларовою шербею. Особенно небожные, въ теченіе всего дня, не пьютъ, не ѣдятъ и даже не зажигаютъ огня въ домахъ, въ память поембишхъ съ Гуссейномъ въ огняхъ, которыми были ласканы рабы, служившіе какъ бы охотомъ оражденныхъ. Въ предвѣчьи, етотъ, каждый вървый шіа наряжается въ лучшее платье, а глиное старается надѣть что нибудь наследственное. Для дрововыщиванія избирають обширный и удобный дворъ, на которомъ выставляются одинъ или два саркофага, покрытые шелковой матеріею. Вокругъ усаживаются Ахунцы, муллы, селды, дервиши, а за ними народъ. Свой, а болышой частью прѣважій Ахундъ или дервишъ, особенно искусный въ ораторствѣ, рассказываетъ исторію убіенія Гуссейна, почисляетъ 99 ранъ его, выражаетъ вопль сестры Зейнады, на рукахъ которой она умеръ, съ продолжатъ рѣчь свою, воззваніями къ Аллаху, обращеніемъ къ слушающимъ, и, поражая себя мѣрно въ перси, останавливается на болѣе въ патетическяхъ мѣстахъ, гдѣ отъ речигатива перехватитъ къ шіаю, и виѣтѣ съ хоромъ народа выражаетъ стоны сумрачного и отчаяніе, повторяя безпрерывно и въ тактъ: Гаосахъ Гуссейнъ, или Вай Гуссейнъ! У многихъ въ теченіе всего повѣствованія раскрыта грудь и безпрерывно поражается мѣрными ударами по знаку дервиша. На лицахъ у всѣхъ отражается сумнѣніе и скорбь. Нѣкоторые доходятъ до таково поступленія, что обрзаютъ кудрялы и нарѣзываютъ себѣ на лицѣ и груди царапины, изъ коихъ струится кровь. Искусный проповѣдникъ про-

«держиваетъ иногда своихъ слушателей въ такомъ иступленномъ состояніи около трехъ часовъ, и наконецъ, доведя ихъ до высшей степени тоски и отчаянія, сдергиваетъ покрывало съ саркофага, и «глазамъ ихъ представляется иногда два, иногда болѣе молодыхъ людей, окровавленныхъ и въ положеніи труповъ. Вопли и стоны «доходятъ тутъ до неистовства, но покрывало вновь закрываетъ «мнимо умершихъ, и толпа, сотворивъ намазъ, слѣдуя за дервишемъ, расходится. Послѣдній вечеръ праздника представляетъ уже «иную картину, которою какъ будто завѣщается ненависть послѣдователей Авія къ приверженцамъ Омара. Вечеромъ этого дня собираются всѣ въ мечеть. Жильцы одной части города стараются «взять первенство передъ другой; отъ этого, встрѣчаясь толпами, «сопровождаютъ ролигіозное празднество славной дракой, гдѣ уже «необходимо вмѣшательство полицейской команды. Каждая партія «воображаетъ, что ратоборствуетъ противъ несчастныхъ Суини, «сражается съ войскомъ Іезида. Горе Суиниту, который вмѣшался «бы въ эту толпу или даже встрѣтился ей.»

«Топографическія и статистическія замѣтки объ Оссетіи» написаны въ формѣ путешествія по страшнымъ горамъ, ущельямъ и почти непроходимымъ тропинкамъ этой страны, раздѣленной на приходы, состоящіе изъ поселеній въ два, три и шесть *дымовъ*. Каждый приходъ имѣетъ православную церковь, потому что оссетинцы почти всѣ христіане, что можно видѣть изъ статистической таблицы этихъ пятидесяти приходовъ. Священники ревностно стараются о распространеніи христіанской вѣры. Сочинитель, или путешественникъ г. Головинъ рассказываетъ о крещеніи двухъ стариковъ-оссетинъ.

Предлагаемъ одинъ изъ рассказовъ.

«При сборѣ изъ Тени въ обратный путь, неожиданно представилось намъ новое удовольствіе присутствовать при крещеніи 80-лѣтняго, но еще свѣжаго старика. Мѣстный заสѣдатель и старшина въ Тени увѣряли, что этотъ оссетинъ сколько былъ грубъ и невокоренъ начальству, столько же наглъ и нетерпимъ въ аулѣ, — но «за нѣсколько недѣль, когда онъ склонился уже къ принятію св. «крещенія, совершенно измѣнилъ свое поведеніе. И действительно «нельзя было не замѣтить искренности, съ какою онъ внималъ каждому слову при совершеніи Таинства, и не видѣть въ немъ истиннаго раскаянія въ прежнихъ своихъ поступкахъ.

«Въ послѣдствіи объяснилось, что препятствіемъ старику принять крещеніе служило правило христіанской религіи, по которому «каждый долженъ любить ближняго, какъ самого себя, и не только «не обижать, но и обиды, нанесенныя другими, прощать. Привычки

съ раннихъ лѣтъ къ молодецкой разгульной жизни и нажиши себѣ много враговъ, изъ которыхъ нѣкоторымъ не успѣлъ еще достигнуть, старикъ упорно противился наставленіямъ, доколѣ не послушался въ простой разговоръ о безграничной любви Божіей ко всѣмъ, и о милосердіи Бога — Сына къ своимъ распинателямъ. Бодрый старикъ нѣсколько разъ просилъ повторять ему исторію страданій Спасителя нашего и при истинномъ убѣжденіи въ благой вѣрѣ христіанской онъ не разъ высказывалъ, что прощаетъ все всѣмъ и желаетъ быть христіаниномъ, и чрезвычайно удивлялся, что объ этомъ онъ до сего времени не зналъ. *Какъ же и любили старъ, а по моимъ свидѣніямъ младъ,* — живо и часто повторялъ носпѣшно шелшіи къ берегу Терека старикъ.»

Обращаемъ вниманіе читателей на третью, прекрасную и для всѣхъ любопытную, статью: «Очерки изъ жизни митрополита Давида. Митрополитъ Давидъ, архіепископъ Имеретіи, скончавшійся 14 февраля 1853 года, надолго останется въ памяти имеретинцевъ за свою добродѣтельную жизнь и за многочисленныя благодѣянія, оказанныя имъ паствѣ, особенно въ смутное время при переходѣ Имеретіи въ подданство Россіи, на которое онъ первый присягнулъ, и во время послѣдовавшаго за тѣмъ голода и чумы. Вотъ извлеченіе изъ разсказа объ этомъ несчастномъ времени, котораго слѣды совершенно уже изглажены отеческимъ попеченіемъ русскаго правительства.

«Имеретія еще при царѣ Соломонѣ Великомъ искала покровительства Россіи и просила ея помощи. По этому въ 1770 г. приходилъ сюда гр. Тотлебенъ, а въ 1774 г., по Кучикъ-Кайнарджскому трактату, она освобождена на всегда отъ зависимости Турціи. Князь Зубаръ Церетели, отецъ архіепископа Давида, постоянно склонялъ царя Соломона II вступить въ окончательное подданство Россіи. Но слабый и нерѣшительный царь, начавшій о томъ переговоры еще въ 1788 г., колебался въ своемъ намѣреніи: въ 1804 г., съѣхавшись съ к. Цициановымъ на границѣ Имеретіи для принятія присяги на подданство, не хотѣлъ подписать условій и требовалъ себѣ возвращенія провинціи Лечгума, считавшейся уже за чуж. Дальномъ, вступившимъ въ подданство Россіи въ 1803 г. Тогда главнокомандующій приказалъ вступить въ Имеретію двумя баталіонамъ и началъ приводить къ присягѣ жителей пограничныхъ деревень. Это заставило царя подписать условія и принять присягу 25 Апрѣля 1804 г. Впрочемъ и тутъ еще — какъ разсказываютъ — онъ прибѣгалъ къ мелочной хитрости: партія, противящаяся этому дѣлу, посоветовала ему сдѣлать фальшивую печать, т. е. съ ошибками въ титулѣ и имени, и приложить ее къ присягѣ.

«сному листу. Объ этой продѣлкѣ узнали и объявили царю, что подѣ такимъ важнымъ актомъ печати недостаточно, а надобно подписать его собственноручно, что онъ и сдѣлалъ въ присутствіи к. Циціанова. Слѣды такой шаткости обнаружались немедленно. Царь «не исполнилъ условій; бросивши Кутаисъ и перебравшись въ Вар«цхискіе лѣса, вошелъ въ сношеніе съ Турками и съ бѣжавшимъ «царемъ Александромъ. К. Циціановъ, гр. Гудовичъ и генер. Тор«масовъ, кроткими мѣрами, пять лѣтъ склоняли царя на исполненіе «условія, требуя, чтобы онъ послалъ депутатовъ къ Высочайшему «Двору, выдалъ аманатовъ, возвратился въ Кутаисъ и прекратилъ «сношеніе съ врагами Россіи. Намѣренія русскаго правительства «были самыя благодѣтельныя и чистосердечныя, — но на слабого «царя мало дѣйствовали убѣжденія главнокомандующаго; и нако«нецъ онъ дошелъ до того, что безъ всякой причины началъ откры«то дѣйствовать противу нашихъ войскъ. По этому полковникъ Симо«новичъ получилъ предписаніе вступить съ гренадерскимъ полкомъ «въ Имеретію; 20 февраля 1810 г. онъ издалъ въ Кутаисѣ прокламацію «о лишеніи царя Соломона его достоинства и началъ приводить на«кродъ къ присягѣ на подданство Россіи. Тогда царь, укрывшійся «въ крѣпкое ханское ущелье, просилъ Симоновича пріѣхать къ не«му для переговоровъ. *Чтобъ вкушить къ себѣ доверенность, русскій «полковникъ отправился въ непріятельскій лагерь только съ четырь«мя людьми* и тамъ, объявивъ царю откровенно, что Имеретія «уже не можетъ быть возвращена къ прежнему положенію, совѣто«валъ ему предать свою участь великодушію Государя Императора. «Царь согласился, а Симоновичъ при всемъ его войскѣ присягнулъ «въ томъ, что царю не будетъ сдѣлано никакого насилія. Царь съ «500 всадниками отправился въ дорогу, но изъ деревни Дибри хо«стѣлъ было бѣжать въ Оссетію; побѣгъ предупредили и почти про«отивъ желанія его привезли въ Тифлисъ, гдѣ встрѣтили съ честію, «угощали радушно, а вопросъ объ его участи представили на Высо«чайшее разрѣшеніе. Въ ожиданіи повелѣнія, буйная имеретинская «молодежь уговорила царя бѣжать. Мая 10-го того же 1810 г. царь «пуживалъ ранѣе обыкновеннаго и пошелъ въ спальню, гдѣ, поло«живъ въ постель своего слугу, самъ надѣлъ его платье и вышелъ «въ общую залу. Часовые не узнали царя, который съ кувшиномъ «пошелъ за водой; полицейскій десятникъ изъ Имеретіи проводилъ «его за заставу, къ садамъ, гдѣ уже находились нѣкоторые изъ его «князей. На другой день обманъ открылся, но уже поздно: царь «былъ далеко къ Ахалциху. Послѣ того онъ хотѣлъ возмутить Име«ретію, но въ 1811 году былъ разбитъ, удалился въ Трапезонтъ, «гдѣ и умеръ въ 1815 г., въ бѣдности.»

Послѣдняя обще-любопытная статья въ «Календарѣ» есть «Пароходство по рѣкѣ Курѣ». Судоходство по Курѣ давно было предметомъ изслѣдованій теченія этой рѣки. Въ 1722 году Петръ Великій предполагалъ возобновить старинный путь по Курѣ. Онъ учредилъ въ Сальянахъ торговый городъ, куда пять тысячъ татаръ, черемиссы и чувашъ были переселены изъ Казани. Въ маѣ 1804 года генералъ Ртищевъ составилъ соображенія о водяномъ сообщеніи между Астраханью, Баку и ханствами Тальшинскимъ, Ширванскимъ и Шенквинскимъ до провинціи Елисаветпольской посредствомъ Куры, впадающей въ Каспійское море. По его приказанію, капитанъ Веселый промѣрилъ фарватеръ Куры и собралъ всѣ нужныя замѣчанія для судоходства, котораго первый опытъ былъ сдѣланъ 15 іюня 1814 года, подъ командою капитанъ-лейтенанта Коробки. Для распространенія предположеній генерала Ртищева, командированы были генералъ де-Волантъ съ полковникомъ Анухтинымъ, который подтвердилъ, что съ нѣкоторыми улучшеніями береговъ можно открыть судоходство. Въ 1844 году коллежскій ассессоръ Остолоновъ и дворянинъ Циннамзваровъ представили генералу Нейдгарту записку, въ которой изъявляли желаніе учредить пароходство по Курѣ; но какъ нужны были значительныя денежныя пособія, то согласіе на ихъ желаніе требовало многихъ соображеній. С. К. Воронцовъ много заботился объ исполненіи этого предпріятія, и тщательное разсмотрѣніе привело къ заключенію, что надобно испытать его посредствомъ казеннаго парохода «Волги», подъ командою капитанъ-лейтенанта Зеленаго, который увѣрился, что плаваніе для пароходовъ, сидящихъ до $3\frac{1}{2}$ футовъ, возможно только до Менгачеурской переправы. Въ слѣдующихъ годахъ испытаніе повторили, но неудачно, по причинѣ обмелѣнія Куры и по болѣзни Зеленаго и всего экипажа. Неудачи не поколебали С. К. Воронцова, поручившаго это важное для торговли дѣло барону Мейендорфу. Въ 1850 году были построены лодки и плоты для поднятія до тысячи пудовъ груза, выписали желѣзный приводъ подводной пилы для срѣзыванія корчей и другіе необходимые инструменты. Намѣстникъ кавказскій испросилъ сумму въ шестьдесятъ тысячъ рублей для успешнаго дѣйствія особеннаго комитета, и 17 января 1851 года приступили къ очищенію рѣки, при чемъ гальвано-электрической снарядъ служилъ для перваго потрясенія карчей. Въ сентябрѣ 1852 года, желѣзный пароходъ и двѣ баржи, построенные въ Нижнемъ Новгородѣ, выступили по Волгѣ къ Астрахани, и, несмотря на всѣ препятствія, пароходъ этотъ доказалъ прибрежнымъ жителямъ Куры, что побѣда одержана надъ сопротивленіемъ природы, и рѣка эта

сдѣлалась новымъ путемъ для торговли Закавказья съ сѣверомъ Россіи.

Наконецъ, пятое отдѣленіе «Календаря» содержитъ обширный «Кавказскій Адресъ-Календарь», въ которомъ одни тифлисскіе адреса занимаютъ шестнадцать страницъ. Изъ нихъ замѣтимъ, что въ Тифлисъ три аптеки, пять типографій, двѣ литографіи, два книгопродавца, семнадцать модныхъ магазинововъ, два оптическихъ, восемь ювелировъ, пятнадцать винныхъ погребовъ, девять каретниковъ, шесть переплетчиковъ, двадцать-четыре портныхъ европейскаго платья, три портнихи, шесть сабельниковъ и кинжальниковъ, десять часовщиковъ, и проч.

Къ «Календарю» приложены пять гравюръ: 1) группа горцевъ, притаившихся за утесомъ и стрѣляющихъ въ своихъ непріятелей; 2) видъ Ахалциха; 3) видъ Кабенскаго монастыря, 4) видъ Этручскаго монастыря, и 5) видъ бассейна, устроеннаго въ память митрополита Давида. Эти картины размѣщены внутри книги; при концѣ же ея находится планъ Ставрополя, на большомъ листѣ и съ объясненіемъ.

Отчетъ Императорской Публичной Библиотеки за 1853 годъ. *Спб. 1854.*

Публичная Библиотека, со времени присоединенія ея къ Министерству Двора въ 1850 году, съ каждымъ годомъ обращаетъ на себя все болѣе и болѣе вниманія и принадлежитъ теперь къ числу учреждений наиболѣе способствующихъ развитію науки въ нашемъ отечествѣ. Ежегодные отчеты ея свидѣтельствуютъ о постоянно возрастающемъ сочувствіи публики къ нашему книгохранилищу и представляютъ любопытные матеріалы для исторіи отечественнаго просвѣщенія.

Настоящій отчетъ, какъ и прежніе, заключаетъ въ себѣ исчисленіе перемѣнъ въ личномъ составѣ Библиотеки, движеніе хозяйственной ея части, мѣры внутренняго ея устройства, перечень новыхъ приобрѣтеній и библиографическихъ работъ и общій взглядъ на приносимую библиотекою пользу, которую можно измѣрять степенью ея употребленія со стороны публики. Взглянемъ теперь на важнѣйшіе предметы этого любопытнаго отчета.

Въ штатѣ Библиотеки сдѣланы двѣ перемѣны: учреждено *особое дежурство*, состоящее изъ четырехъ чиновниковъ и одного главнаго надъ ними распорядителя съ званіемъ *засѣдывающаго дежурства*, и опредѣленъ особый *регистраторъ* для записыванія въ обтѣ входящіе реестры приращеній Библиотеки, достигшихъ въ

1852 году только въ книгахъ и рукописяхъ, не считая эстамповъ, картъ и проч., до огромной цифры 32, 816 томовъ.

Изъ мѣръ *внутренняго устройства* Библиотеки, кромѣ перемѣщенія разныхъ предметовъ изъ одного помѣщенія въ другое, особенно замѣчательны учрежденія: 1) *справочнаго стола*, на которомъ читатель во всякое время найдетъ разные календари, словари, каталоги, дорожники и т. п. справочныя книги, числомъ до 50 томовъ; 2) *выставка переплетовъ*, какъ древнихъ, находившихся въ Библиотекѣ, такъ и новыхъ, сдѣланныхъ по конкурсу, объявленному Библиотекою между лучшими здѣшними мастерами, и потому представляющихъ образцы успѣховъ переплетнаго мастерства и 3) *выставка заглавныхъ листовъ и фронтисписовъ*, весьма полезная въ отношеніи изученія и выбора образцовъ для живописцевъ, гравировъ, литографовъ, литохромовъ, типографчиковъ и проч.

Важнѣйшую статью отчета составляетъ *приобрѣтенія* Библиотеки. Если прошлый годъ и уступаетъ въ этомъ отношеніи 1852, безпримѣрному въ лѣтописяхъ Библиотеки по числу и важности новыхъ прибрѣтеній, то и въ 1853 году приращенія Библиотеки были весьма значительны. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ слѣдующія:

а) книгами:

По Высочайшимъ повелѣніямъ и распоряженіямъ начальства доставлено 125 томовъ рѣдкихъ и дорогихъ сочиненій, большею частію касающихся Россіи; также прислано нѣсколько роскошныхъ изданій, въ томъ числѣ великолѣпный альбомъ Аія-Софіи въ Константинополь, изданный архитекторомъ Фоссати; извѣстный сборникъ Пертца: Monumenta Germaniae Historica; славный физическій атласъ Берггауза; Le Caucase pittoresque князя Гагарина, и проч.

Замѣчательнѣйшія изъ важныхъ по рѣдкости, или въ иномъ отношеніи, *приношеній частныхъ лицъ* были:

1) Отъ Почетнаго Члена Библиотеки князя М. А. Оболенскаго — V томъ Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ, изданіе, по разнымъ причинамъ оставившееся и не поступавшее въ продажу.

2) Отъ Почетнаго Члена Библиотеки С. Д. Полторацкаго — первый русскій адресъ-календарь 1765 года и полные экземпляры первыхъ Московскихъ Вѣдомостей 1703 и 1704 годовъ, составляющіе нынѣ величайшую библиографическую рѣдкость.

3) Отъ Почетнаго Корреспондента Библиотеки сенатора Малышевича — «Краткое сословіе науки Христіанскія», напечатанное въ Сураслѣ 1759 году, и даже незначущее въ «Опытѣ Россійской Библиографіи» Сопикона.

4) Отъ Г. Н. Геннади — первое латинское изданіе путешествія по Россіи Герберштейна, столь рѣдкое, что оно не было даже въ рукахъ его біографа Аделунга, и португальскій переводъ Вольтеровой исторіи Петра Великаго, напечатанный въ Лиссабонѣ въ 1781 году.

Собственныя покупки Библіотеки, составившія въ 1852 году 5,647 томомъ, въ 1853 возрасли до 7,279. Самыя замѣчательныя изъ нихъ слѣдующія :

По *русскому* отдѣленію :

1) Исторія разныхъ славянскихъ народовъ, вапаче же болгаръ, хорватовъ, изъ тмы забвенія изытая и во свѣтъ исторической произведенная Иоанномъ Райчемъ, Архимандритомъ во Свято-Архангельскомъ монастырѣ Ковилѣ. 4 части. Въ Будинномъ-Градѣ напечатана при типографіи Кралевскаго Университета Унгарскаго. 1823.

2) 256 недостававшихъ Библіотекъ театральныхъ піесъ, купленныхъ изъ коллекціи покойнаго Эттингера, переводчика Театра Коцебу, составившаго себѣ ревностными и многолѣтними трудами богатое собраніе по этой части. Покупка эта не только вообще пополнила нашу отечественную драматическую бібліотеку, теперь, конечно, первую въ Россіи (въ ней, кромѣ сборниковъ, 1,980 отдѣльныхъ сочиненій), но и внесла въ нее много рѣдкихъ піесъ, заглавій которыхъ нѣтъ ни въ «Опытѣ Россійской Библіографіи» Сопикова, ни въ «Росписи» Смирдина.

По отдѣленію *сочиненій на иностранныхъ языкахъ в Россіи*, на которое постоянно обращается особенное вниманіе, просмотръ появляющихся за границею въ большомъ числѣ антикварныхъ каталоговъ, доставляемыхъ въ Библіотеку даже иногда въ рукописяхъ или въ корректурныхъ листахъ, чтобы дать ей возможность обезпечить желаему по купку, поиски извѣстнаго германскаго антикварія Г. В. Шмидта въ Галле, которому поручено слѣдить на мѣстахъ за всякимъ случаемъ къ по купкѣ, безпрестанныя сношенія внутри Россіи, наконецъ радушно содѣйствіе многихъ изъ нашихъ ученыхъ и любителей доставили постепенно такую обильную добычу, которая превзошла всѣ ожиданія и примѣрные расчеты. Въ настоящее время это любопытное отдѣленіе, столь важное для изученія нашего отечества, особенно въ отношеніи къ XVI — XVIII вѣкамъ, составляетъ 10,333 сочиненія въ 13,392 томахъ, кромѣ періодическихъ изданій и мелкихъ сочиненій на случай (*Gelegenheits-Schriften*), число которыхъ простирается до 2000. Между множествомъ драгоценныхъ и рѣдкихъ пріобрѣтеній отдѣленія въ минувшемъ году важнѣйшее есть первое изданіе знаменитаго сочиненія англійскаго путешественника Флетчера: «*Of the Russian com-*

mon wealth, or manner of government by the Emperour of Moscovia. London. 1591.» Это въ высшей степени замѣчательное сочиненіе имѣлось въ Библиотекѣ только во второмъ изданіи (Лондонъ, 1643), но первое, тотчасъ по его появленіи истребленное англійскимъ правительствомъ вслѣдствіе ходатайства англчанъ, имѣвшихъ торговля дѣла съ Россією, составляетъ такую необыкновенную рѣдкость, что въ самой Англійи извѣстны только три его экземпляра, изъ которыхъ одинъ перешелъ теперь въ собственность Публичной Библиотеки. Доставившій эту рѣдкость Франкфуртскій книгопродавецъ и антикваръ Іосифъ Беръ писалъ директору Библиотеки, что *не смѣетъ съговорить* заплаченной за нее огромной суммы и потому предоставляетъ Библиотекѣ самой опредѣлить цѣну, по ея усмотрѣнію. Во время происходившей объ этомъ переписки, Беру Всемилостивѣйше была пожалована золотая медаль для ношенія на шеѣ на авинионской лентѣ, и онъ назначенъ главнымъ заграничнымъ комиссіонеромъ Библиотеки. Беръ, узнавъ объ этомъ, просилъ Библиотеку принять упомянутую библиографическую драгоценность въ безмяздный даръ, какъ выраженіе его признательности.

По отдѣленію *историческому*:

1) Изадія Camden Society, въ 52 томахъ, напечатанныя только для ея членовъ.

2) Полный экземпляръ Готскаго альманаха съ перваго года его изданія (1766); всего 86 томовъ.

3) The Parliamentary history of England, въ 36 томахъ.

4) La terre Sainte, vues et monuments, par Roberts.

5) Geschichte der Kriege der Franzosen und ihrer Allirten vom Anfange der Revolution bis zum Ende der Regierung Napoleon's, въ 82 томахъ.

По отдѣленію *богословскому*:

Congrus Reformatorum, въ 19 томахъ.

По отдѣленію *исторіи литературы и полиграфіи*:

Полный экземпляръ драгоценныхъ и рѣдкихъ лондонскихъ Philosophicæ Transactions, съ самаго ихъ начала въ 1672 году, въ 60 томахъ.

Въ составъ богатой нашей эльзевировской библиотеки прибавилось нѣсколько сотъ томовъ.

По отдѣленію *изящной словесности*:

1) Первое необыкновенно рѣдкое изданіе Ганса-Сакса 1589 года, въ 5 томахъ, и

2) Нѣмецкая автологія на 1782 годъ, съ вымышленнымъ иѣстомъ печатанія *Тобольскъ*, въ которой явились первыя стихотворенія Шиллера.

По отдѣленію *изящныхъ искусствъ*:

1) Königliche Bayrische Pinacothek zu München, въ 2 томахъ in-folio.

2) Königliche Gallerie von Dresden въ 3 томахъ in-folio.

3) Histoire de l'art par les monuments, въ 6 томахъ in-folio, и проч.

По отдѣленію *инкунабулъ*:

Breydenbauch's Reise nach dem heiligen Grabe, Augsburg, 1488, in-folio.

б) *рукописями*:

1) По Высочайшему повелѣнію обращена въ Публичную Библиотечку весьма замѣчательная рукопись, на французскомъ языкѣ, которой значительная часть, но вѣроятно по другому, какъ это доказывается вариантами, списку, вошла въ напечатанную въ Парижѣ Тюфилемъ Галле (Hallez) въ 1852 году книгу подъ заглавіемъ: «*Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la cour de Russie sous les règnes de Pierre le grand et de Cathérine I, redigés et publiés pour la première fois d'après les manuscrits originaux du Sieur de Villebois, chef d'escadre et aide de camp de S. M. le Czar Pierre I*». На заглавномъ листѣ нашей рукописи есть слѣдующая замѣтка: «*Ce manuscrit rare et précieux vient d'un Ministre de France, résidant à la cour de Russie du temps de Pierre I et témoin de tous les faits qu'il avance*». Судя по разнымъ обстоятельствамъ и даже по этой замѣткѣ, помннутыя записки принадлежать не Вильбуа, а дипломатическому агенту какой нибудь иностранной державы, находившемуся тогда при Дворѣ Петра Великаго, и названы именемъ Вильбуа (въ Каталогѣ Парижской Императорской Библиотеки) потому, что въ нихъ помѣщена его биографія; но во всякомъ случаѣ онѣ содержатъ много замѣчательнаго, и рукопись не терять цѣны и послѣ книги Галле по оказывающимся въ ней вариантамъ.

Изъ рукописей, пожертвованныхъ частными лицами, особенно замѣчательны:

1) Два письма на англійскомъ языкѣ извѣстнаго, пронававшего безъ вѣсти, путешественника въ полярныя страны, Джона Франклина, къ капитану, нынѣ контръ-адмиралу Ф. Ф. Матюшкину (отъ самаго получателя).

2) Евангеліе на церковно-славянскомъ языкѣ, расположенное по евангелистамъ и писанное въ листъ полу-уставомъ XVI вѣка, на 150 пергаментныхъ листахъ.

3) Собственно-ручной журналъ на нѣмецкомъ языкѣ извѣстнаго шлезвигскаго историка Гадебуша, съ 7 іюня по 21 ноября 1767 года, во время пребыванія его въ Москвѣ, куда онъ былъ отправленъ де-

путатомъ отъ Дерпта, въ комиссію для составленія новаго уложенія.

4) Письмо кіевского митрополита Енгенія къ барону Розенкампфу на французскомъ языкѣ, отъ 19 марта 1827 года, въ которомъ сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія о Петрѣ Фулонѣ, извѣстномъ еретикѣ V вѣка.

Три послѣднія рукописи поступили въ Библіотеку отъ ея директора.

5) Краткій очеркъ исторіи Грузіи и ея положенія съ 1801 по 1831 годъ, составленный княземъ Чавчавадзе — весьма любопытная современная рукопись, состоящая изъ 52 страницъ въ листъ (отъ князя Д. А. Эристова).

6) Gebete aus einem Nonnen-Kloster, рукопись XIV столѣтія (отъ библіотекаря Минцлофа).

Большую часть рукописей, *приобрѣтенныхъ самою Библіотекою*, составляютъ русскія драматическія произведенія, купленные, вмѣстѣ съ упомянутыми выше печатными театральными пьесами, послѣ Эттингера. Почти всѣ оны, будучи только поставлены на сцену, никогда не являлись въ печати, и потому къ отчету Библіотеки приложены особый реестръ этимъ рукописямъ, составляющій любопытный матеріалъ для исторіи нашего театра.

Но самую важную изъ числа прошлогоднихъ покупокъ составляютъ двѣ полныя рукописи графа Андрея Артамоновича Матвѣева, извѣстнаго своимъ умомъ, ученостью и службою по дипломатической части.

Первая изъ этихъ рукописей заключаетъ въ себѣ копія съ дипломатическихъ депешей, которыя Матвѣевъ посылалъ еженедѣльно изъ Гатчины къ Петру Великому въ Москву. Заглавіе рукописи слѣдующее: «208 году генваря въ 25 день записная книга всякимъ вѣдомостямъ, что въ какихъ извѣстіяхъ съ пріѣзду своего въ Гравенгагу сего жъ генваря въ 22 день ближней околничей и намѣстникъ Ярославской Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ писалъ къ Великому Государю съ Москвы тайно, своею рукою, и то все записано въ сей книгѣ именно, впродѣль для вѣдома, его жъ рукою.» Всѣхъ донесеній съ 31 января 1700 года по 23 октября 1702 находится 143. Этимъ собраніемъ значительно пополняется хранящаяся въ Библіотекѣ рукопись, содержащая, въ копіяхъ, разныя дипломатическія бумаги, полученныя графомъ Матвѣевымъ во время пребыванія его за границую и меморіалы 1709 и 1710 годовъ. Новая *приобрѣтенная* Библіотекою рукопись показываетъ дипломатическія хитрости европейскихъ державъ по запутанному вопросу объ испанскомъ

наслѣдствѣ, занимавшему тогда западную Европу, и по нѣкоторымъ другимъ вопросамъ второстепенной важности. Въ донесеніяхъ Матвѣева заключаются также многія свѣдѣнія о дѣйствіяхъ нашего посланника въ Константинополь, Возницына, для заключенія мира съ Оттоманскою Портою и о великой сѣверной войнѣ, положившей основаніе могуществу и значенію Россіи. Въ послѣднемъ отношеніи рукопись особенно любопытна: рядомъ съ извлеченіями изъ нѣмецкихъ и голландскихъ газетъ, старавшихся всѣми мѣрами представлять событіе войны въ превратномъ видѣ къ нашей невыгодѣ, Матвѣевъ помѣщалъ въ своихъ донесеніяхъ и слухи, ходившіе въ Гагѣ о намѣреніяхъ и распоряженіяхъ Московскаго Двора, и свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій, которыя онъ извлекалъ изъ разговоровъ съ дипломатическими агентами при Голландскихъ Штатахъ. Изъ донесеній же Матвѣева видно, что Голландскіе Штаты не были расположены къ Петру Великому, и что, по настоянію шведскаго посла, они едва не подали помощи нашему врагу, отъ чего были удержаны, вѣроятно, только усиліями амстердамскаго бургомистра Витсена, искренно преданнаго Россіи и ея монарху. Кромѣ того, Матвѣевъ сообщалъ о печатавшихся въ Голландіи, по распоряженію шведскаго посланника, многихъ летучихъ листкахъ и карриатурахъ, изъ которыхъ одна была даже приклеена къ воротамъ дома Матвѣева.

Вторая рукопись заключаетъ въ себѣ дневникъ Матвѣева, веденный въ 1705 году на пути изъ Гаги въ Парижъ, куда онъ былъ отправленъ Петромъ Великимъ для заключенія торговаго договора съ Франціею, описаніе французскаго двора и нѣкоторыя данныя тогдашней статистики Франціи. Это едва ли не первое подробное и точное описаніе иноземнаго государства, составленное русскимъ путешественникомъ по свѣдѣніямъ, собранымъ на самомъ мѣстѣ.

Представляемъ изъ отчета общую цыфру и сводъ приращеній Публичной Библіотеки за 1853 годъ.

Печатныя книги:

По Высочайшимъ повелѣніямъ и распоряженіямъ начальства поступило	173 тома.
По закону } книгъ, брошюръ и выпусковъ	3,179 —
} листовъ	418 —
Отъ частныхъ } книгъ и брошюръ	2,230 —
приношеній } отдѣльныхъ листовъ	44 —
Куплено самою Библіотекою	7,279 —
	<hr/>
	Всего 13,323 —

Карты, остампы, музыкальнiя произведенiя и проч.

Всего изъ всѣхъ источниковъ :

Географическихъ картъ и плановъ .	41
Гравюръ и литографій	324
Музыкальныхъ пьесъ	306
Каллиграфическихъ руководствъ .	6
<i>Рукописи и автографы:</i>	
По Высочайшимъ повелѣнiямъ . . .	2
Отъ частныхъ приношенiй	35
Купленнѣхъ Библиотекою	60
	97.

Всѣ новыя покупки изъ суммъ Библиотеки обошлись, считая и расходы перевозки, денежные переводы, заграничную переписку и проч., въ 11,058 руб. 54¼ коп. — сумма, которую нельзя не признать чрезвычайной выгодною.

Библиографическія работы Библиотеки значительно подвигаются. Алфавитные каталоги по многимъ отдѣленiямъ уже окончены, и приступлено къ составленію каталоговъ систематическихъ. Всего по всѣмъ отдѣленiямъ въ 1853 году внесено въ каталоги 50,905 главій, составляющихъ болѣе 120,000 томовъ. Независимо оттого въ лѣтніе мѣсяцы 1853 года разобраны и разставлены по мѣстамъ книги, лежавшія многіе годы въ совершенномъ безпорядкѣ, въ особой части зданiя, всегда запертой на ключъ, и занимавшія тамъ нѣсколько обширныхъ залъ въ разныхъ этажахъ отъ пола до потолка. Между ними оказалось множество книгъ, частію совсѣмъ неимѣвшихся въ Библиотекѣ, частію дополняющихъ разрозненными томами то, что прежде считалось дефектнымъ, и давшихъ возможность замѣнить многіе худые экземпляры лучшими.

Употребленіе Библиотеки лучше всего показываетъ и неутомимую дѣятельность этого учрежденiя и важную пользу, которую оно приноситъ. Приводимъ эту любопытную статью слово въ слово изъ отчета :

• Число лицъ всѣхъ званiй, пользующихся сокровищами Библиотеки, продолжаетъ съ каждымъ годомъ возрастать. Годичныхъ билетовъ для чтенiя выдано въ 1853 году 2,064 (въ 1852 году 1,928) (*), а читателей въ общей читальной залѣ было 17,897 (въ 1852 году 15,110), которыми истребовано въ чтеніе: на русскомъ языкѣ 23,062 и на иностранныхъ 9,283 тома, всего 32,345 (въ 1852 году 27,587). Если при-

(*) Въ 1849 году, послѣднемъ до присоединенiя Библиотеки къ составу Министерства Императорскаго Двора, всѣхъ билетовъ выдано было только 896, а въ прежніе годы выдавалось еще гораздо менше.

нять въ соображеніе, что почти все постоянное петербургское населеніе находится на службѣ или занимается промышленностію, что тотъ классъ, который во Франціи называется исключительно *hommes de lettres*, у насъ почти не существуетъ, и писатели и ученые наши такъ же болѣею частію несутъ разныя служебныя обязанности, что всѣ наши академіи и ученые общества и даже многія правительственныя учрежденія имѣютъ собственныя свои, не только спеціальныя, но частію и энциклопидическія библіотеки, наконецъ, что въ Публичной Библіотекѣ, по правиламъ ея, не выдаются въ чтеніе ни романы и драматическія піесы, ни текущіе журналы и газеты: то цифру 18,000 лицъ, работавшихъ въ ней въ продолженіе десяти съ половиною мѣсяцовъ (*) нельзя, конечно, не признать весьма значительною, особливо по сравненію съ прежними годами, и вмѣстѣ доказывающею, если, впрочемъ, нужны еще на то доказательства, сколь необходимо, въ центрѣ нашего управленія и нашего просвѣщенія, удовлетворяющее требованіямъ науки общественное книгохранилище.... (Стр. 62—64.)

•Сверхъ упомянутаго числа лицъ, занявавшихся въ общей читальной залѣ, разрѣшено было, на основаніи Положенія 1851-го года, работать непосредственно въ Отдѣленіяхъ 75-ти особамъ, которыхъ занятія требовали, по роду ихъ, большаго удивленія, или болѣе близости къ источникамъ, или наконецъ изученія рукописей, первопечатныхъ книгъ и многоцѣнныхъ изданій, не выдаваемыхъ въ общую залу. Сюда же надобно причислить 73 лица, получившія такое же разрѣшеніе въ 1852-мъ году и которыхъ болѣешая часть продолжала свои занятія еще и въ 1853-мъ. (Стр. 64.)

•Число посѣтителей, осматривавшихъ Библіотеку въ 1853-мъ году (независимо отъ читателей) простиралось до 1371. Петербургская публика болѣе или менѣе успѣла уже ознакомиться съ Библіотекою при многочисленномъ въ ней стеченіи послѣ возобновленія ея въ 1851-мъ году: но теперь ни одинъ пріѣзжій изъ Губерніи, ни одинъ изъ просвѣщенныхъ иностранцевъ, бывающихъ въ Петербургѣ, не расстаются съ нимъ, не взглянувъ на эту величественную сокровищницу знаній человеческихъ. Почти всѣ иностранцы берутъ, на память, нашего «Путеводителя», если не для Русскаго текста, по незнанію языка, имъ болѣею частію недоступнаго, то по крайней мѣрѣ для его картиннокъ, и такимъ образомъ можно сказать, что изъ всѣхъ изданныхъ на Русскомъ языкѣ, этотъ путеводитель едва ли не болѣе всѣхъ извѣстенъ западной Европѣ. (Стр. 65 — 66.)

Изъ приложенной въ концѣ отчета *Вѣдомости о читателяхъ* видно, что Библіотеку посѣщали лица всѣхъ званій, и даже 37 лицъ женскаго пола.

(*) Сверхъ упомянутаго года мѣсяца Библіотека въ 1853 году закрыта была еще на двѣ недѣли въ мартѣ, по случаю произвожденія въ ней аукціона.

Съ каждымъ годомъ развивающаяся дѣятельность и процвѣтаніе Публичной Библіотеки доказываютъ возрастающую въ массѣ читателей наклонность къ занятіямъ строгимъ и полезнымъ, любовь къ специальному изученію, и потому послѣдніе отчеты Публичной Библиотеки представляютъ самыя пріятныя явленія для всѣхъ, кому дорожи успѣхи отечественнаго просвѣщенія.

Робертина. Романъ. Переводъ съ французскаго. Двѣ части. Спб. 1853.

Небольшая повѣсть (въ форматѣ «Современника» она заняла бы не болѣе 80 страницъ), простая и простодушна, можетъ быть слишкомъ простодушна, написанная.

Маркиза де-Саверне, страстно любившая мужа, такъ поражена его смертью, что впадала въ меланхолію и заперлась въ одномъ изъ своихъ замковъ, гдѣ живетъ совершенно затворницею, не принимая рѣшительно никого, даже изъ прислуги своей допуская къ себѣ только дворецкаго и выѣстъ управляющаго — Морена, и горничную свою — Обри. Моренъ, человѣкъ очень хитрый, подчинилъ своей безусловной власти усердную къ маркизѣ, но слабую, ограниченную Обри обѣщаніями жениться на ней, какъ скоро его положеніе будетъ довольно обезпечено. Посредствомъ Обри, единственной собесѣдницы маркизы, Моренъ совершенно управляетъ волею маркизы; и наконецъ, подведенная къ этому намеками Обри, старуха пишетъ завѣщаніе въ пользу одного изъ двухъ своихъ племянниковъ — Карла де-Саверне. Этого только и хотѣлось Морену, потому что съ Карломъ у него денежныя сдѣлки, и Карлъ обѣщаль подѣлиться съ нимъ, если будетъ единственнымъ наследникомъ маркизы. Достичь этого и не трудно было Морену: Карлъ, хитрый и пронырливый, въ угодность маркизѣ, презирающей буржуа, желающей сохранить незапятнаннымъ аристократизмъ имени маркизовъ де-Саверне, женился на дѣвицѣ изъ очень знатной фамиліи; и этимъ однимъ уже много выигралъ въ благосклонности тетки, а другой братъ его, Жоржъ, человѣкъ благородный, не могъ ни угождать Морену, ни пожертвовать своею любовью аристократическимъ чувствамъ и семейной антипатіи маркизы: онъ женился на дочери буржуа, адвоката Дюпон, бывшаго во враждебныхъ отношеніяхъ съ покойнымъ маркизомъ, поэтому ненавидимаго со всѣмъ своимъ родомъ маркизою. Нелюбовь къ Жоржу, расположеніе къ Карлу были поддерживаемы и усиливаемы Мореномъ и служительницею его воли Обри. Маркиза объявила даже, что не хочетъ никогда видѣть Жоржа, не хочетъ слышать имени этого непослушнаго племянника, унизившаго свой родъ неровнымъ бра-

комъ. И Жоржъ, лишенный всякаго пособія отъ тетки, жилъ въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ до самой смерти своей жены; овдовѣвъ, онъ отправился искать счастья въ Америкѣ, оставивъ свою маленькую дочь, Робертину, у своего друга Дюбріэля. Дюбріэль не получаетъ отъ него никакихъ извѣстій, думаетъ, наконецъ, что его другъ погибъ; собственныя дѣла его разстроились, онъ не въ состояніи ничего сдѣлать для обезпеченія участи Робертины, и потому рѣшается просить ей покровительства маркизы. Маркиза ненавидитъ маленькую внуку свою, какъ внуку простолоудина, ненавистнаго ей Дюшюи, однако не можетъ оставить на произволъ судьбы ребенка, послѣщаго имя де-Саверне, и потому велитъ Морену и Обри принять Робертину въ замокъ. Но онъ изъявляетъ имъ свою твердую волю: не видѣть внуки, никогда не слышать о ней ни слова. Морену это пріятно, потому что, увидѣвъ Робертину, маркиза могла бы, очарованная красотой, граціею, умомъ этой дѣвочки, измѣнить свою антипатію въ любовь и отказать внукѣ часть своего состоянія. Онъ дѣйствительно долженъ опасаться сближенія Робертины съ маркизою, потому что сама его соучастница Обри уже невольно полюбила милую дѣвочку, и если не дѣйствуетъ у маркизы въ ея пользу, то единственно потому, что не смѣетъ и не можетъ противиться приказаніямъ Морена. Но однажды Обри сдѣлалась отчаянно больна; полная искренней, горячей привязанности заботливость дѣвочки и холодная безчувственность Морена совершенно открыли глаза доброй, хотя слабой горничной маркизы, и по выздоровленіи она рѣшилась сдѣлать добро бѣдному ребенку, который платилъ такую живую любовью за ея холодныя, робкія ласки. Обри устраиваетъ такъ, что маркиза встрѣчаетъ во время прогулки свою внуку и говорить съ нею нѣсколько словъ, потомъ призываетъ ее къ себѣ въ комнату. Хорошая въ сущности старуха не можетъ устоять противъ граціозности Робертины, противъ ея милаго и умнаго разговора, противъ ея рассказовъ о томъ, какъ она любила дѣдушку, какъ и сама она полюбила дѣдушку. Маркиза на другой день приказываетъ привести внуку обѣдать съ собою, за столомъ съ нѣжностью смотритъ на нее, говорить ей о томъ, что позаботятся о ея будущности. Моренъ, прислуживающій, какъ всегда, за столомъ, видитъ разрушеніе всѣхъ своихъ плановъ: Робертина будетъ наследницею бабушки, Карлъ де-Саверне не будетъ единственнымъ наследникомъ маркизы, и погибнутъ всѣ надежды Морена на вознагражденіе отъ Карла за услуги. Маркиза слаба, маркиза на шагъ отъ смерти; не надобно давать времени развиться ея привязанности къ Робертинѣ, не надобно оставлять маркизѣ времени уничтожить завѣщаніе, сдѣланное въ

пользу Карла, — надобно помочь природѣ. И Моренъ даетъ маркизѣ лу въ чашкѣ бульона.

До сихъ поръ повѣсть идетъ просто, безъ всякихъ мелодраматическихъ сценъ, безъ всякихъ натанутыхъ сдѣленій. Далѣе происшествія уже сплетаются по обыкновенному рецепту всѣхъ романистовъ, которые не умѣютъ довести разсказъ до конца при помощи только простого, естественнаго хода событій, которому слѣдовало сначала.

Маркиза лежитъ мертвая. Моренъ хочетъ отыскать ключи отъ ящиковъ съ ея бумагами. Но.... отворяется дверь, и въ комнату входятъ мирный судья и считавшійся погибшимъ, но, какъ всегда въ плохихъ романахъ, не погибшій, Жоржъ де-Саверре, отецъ Робертины, который уже успѣлъ порядкомъ, также общепримытѣмъ въ дюжинныхъ романахъ, разбогатѣть въ Америкѣ.

Пріѣзжаетъ и Карлъ, увѣдомленный Мореномъ. Мирный судья опечатываетъ бумаги маркизы. Настаетъ наконецъ день, назначенный для пересмотра бумагъ маркизы. Судья отпираетъ ящикъ, въ которомъ, какъ извѣстно, хранилось завѣщаніе маркизы, сдѣланное въ исключительную пользу Карла, но завѣщанія уже нѣтъ: его уже успѣла уничтожить маркиза, изъ любви къ Робертинѣ, и имѣніе должно быть раздѣлено, на основаніи общаго закона, по ровну между двумя братьями. Робертина дѣлается наслѣдницею 100,000 франковъ годового дохода и, въ эпилогѣ, по достиженіи черезъ десять лѣтъ совершеннолѣтія, сочетается счастливымъ бракомъ.

Моренъ лишился награды за свое тайное преступленіе. Онъ исчезаетъ съ нѣсколькими десятками тысячъ украденныхъ прежде у маркизы денегъ.

Между дюжинными романами, которыми такъ богата французская литература, «Робертина» лучше другихъ по крайней мѣрѣ потому, что если въ ней почти нѣтъ особенныхъ литературныхъ достоинствъ, зато нѣтъ ни сантиментальныхъ, ни грязныхъ пошлостей, на которыя такъ щедры бывають французскіе второстепенные романисты. Недурно очерчены характеры маркизы и Обри; сама Робертина иногда бываетъ гораздо старше своихъ лѣтъ.

Переводъ не особенно дуренъ, хотя иногда и грѣшатъ противъ русскаго языка.

Къ ружью! *Стихотворенія* князя В. П. Вяземскаго. Спб. 1854.

Муза князя Вяземскаго была одна изъ первыхъ, откликнувшихъ общему чувству патріотизма, возбужденнаго настоящими собы-

тіями. Такъ и должно было быть: князь Вяземскій — ветеранъ русской поэзіи, онъ помнитъ двѣнадцатый годъ и пѣсни, пѣтыя тогда русскими поэтами... Кто же, какъ не онъ, могъ дать въ настоящемъ случаѣ урокъ новѣйшимъ поэтамъ — урокъ касательно того, какъ имъ настраивать лиру свою на воинственный тонъ? Оттого, можетъ быть, патриотическія стихотворенія князя Вяземскаго остаются до сей поры лучшими, — лучшими за исключеніемъ *Воеводы Пальмерстона*, который уже потому лучше всего написаннаго по этому поводу, что проникъ во всѣ слои общества и всѣмъ равно нравится. Въ брошюрѣ князя Вяземскаго находится десять стихотвореній, изъ которыхъ одно «Современныя Замѣтки» знакомо читателямъ нашего журнала. На оберткѣ брошюры напечатано: «Все изданіе этой книжки предоставлено въ пользу *раненыхъ на войнѣ и осиротѣвшихъ семействъ*». Эта фраза несовсѣмъ правильна, но смыслъ ея понятенъ и отраденъ. Желательно, чтобъ и въ этомъ отношеніи поэты наши послѣдовали примѣру князя Вяземскаго.

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТАРИНА.

Въ настоящее время, когда политическія событія вдохновляютъ многихъ стихотворцевъ и благородное чувство патриотизма ярко отражается въ большей части ихъ произведеній, кажется, будетъ не безъ интереса для читателей узнать, какимъ образомъ лѣтъ за восемьдесятъ тому назадъ выражалось подобное же направленіе. Знакомство съ литературой Екатерининскаго вѣка естественнымъ образомъ становится въ публикѣ съ каждымъ днемъ рѣже. Разумѣется, блестящія имена Державина и другихъ высокихъ талантовъ незабвенны. Но въ наше время не могутъ сохраняться въ памяти потомства имена второстепенныхъ литературныхъ дѣятелей, тѣмъ не менѣе пользовавшихся въ свое время извѣстностью и притомъ заслуженною. Однако даже теперь, когда языкъ ихъ устарѣлъ, формы ихъ произведеній признаны ложными и напыщенными и чтеніе ихъ для массы публики сдѣлалось невозможнымъ, любопытно извлечь изъ нихъ то, что, несмотря на все это, не старѣется, именно тѣ мѣста, гдѣ за шумами риторики блеститъ истинное чувство или опредѣленное воззрѣніе на историческія событія. Какъ первый опытъ такого извлеченія, мы представимъ нашимъ читателямъ вѣскольکو выписокъ изъ стихотвореній одного изъ поэтовъ Екатерининскихъ временъ — Василія Петровича Петрова (род. 1736, ум. 1800).

Прежде всего скажемъ вѣскольکو словъ о самомъ авторѣ.

Имя его ставится съ каждымъ днемъ менѣе и менѣе извѣстнымъ. Даже немногіе, не забывшіе его, помнятъ по большей части только то, что въ хрестоматіяхъ и учебныхъ книгахъ издатели вомѣщали обыкновенно оду Петрова «на побѣду Россійскаго флота надъ Турецкимъ при Чесмѣ». Но если стихи Петрова для нашего времени шероховаты, тѣмъ не менѣе онъ лицо довольно замѣчательное въ исторіи русской литера-

туры. Рожденный въ невысокомъ званіи, онъ образовалъ самъ себя, изучилъ древніе языки, путешествовалъ по Европѣ, ознакомился съ языками французскимъ, нѣмецкимъ и даже англійскимъ, знаніемъ и талантами достигъ извѣстности и, не какъ присяжный пѣта, а какъ рѣдкихъ знаній человѣкъ, сдѣлался приближеннымъ знатнѣйшихъ лицъ въ государствѣ: Румянцева, Орловыхъ и особенно Потемкина. Сама Императрица удостоивала его своей бесѣды, дѣлала замѣчанія на его переводъ Виргиліевой Энеиды и высоко цѣнила его дарованія. Про Петрова думаютъ у насъ многіе, что онъ былъ не болѣе, какъ напыщенный стихотворецъ, занимавшійся «*одопльнѣмъ*» въ похвалу знатнымъ. Конечно, онъ заплатилъ въ этомъ отношеніи дань своему вѣку, но нельзя не сказать, что въ этихъ хвалахъ замѣтна почти всегда не потребность льстить случайному человѣку, а искренняя утѣренность въ заслугахъ и качествахъ ума и души того лица, къ которому относились стихи. Въ нихъ видна даже какая-то задушевность или *интимность* въ тонѣ стихотворнаго разговора съ вельможами, доказывающая что онъ видѣлъ въ нихъ не единственно цокровителей и милостивцевъ, подобно стихотворцамъ, осмѣяннымъ Дмитріевымъ въ «*Чужомъ толкѣ*», но зналъ коротко и цѣнилъ этихъ сановниковъ, какъ людей, достойныхъ управлять важными отраслями государственной администраціи. Лучшимъ доказательствомъ тому могутъ служить стихи его на смерть Потемкина. Въ нихъ слышенъ голосъ истиннаго, горькаго чувства и видны отношенія его къ этому знаменитому человѣку, дѣлающія честь и герою, и поэту. Кромѣ этихъ болѣе или менѣе официальныхъ пѣсь, въ сочиненіяхъ Петрова есть стихотворенія, хотя написанныя по случаю политическихъ событій, но, въ противность принятому тогда обыкновенію, шутиливыя и совершенно лишеныя пѣитическихъ вычуръ.

Послѣ этихъ бѣглыхъ замѣчаній объ авторѣ, изъ которыхъ, можетъ быть, не всѣ были высказаны прежде, мы приступимъ къ самой цѣли нашей — представить читателямъ нѣкоторыя выписки изъ стихотвореній Петрова, могущія быть любопытными для сравненія въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ. Выписки эти не похвалы искусству Петрова *воспѣвать* или *шутить*, но только факты прошедшаго періода нашей литературы и образецъ того, какъ смотрѣли тогда на событія однородныя съ нынѣшними. Извѣстно, что при Екатеринѣ, такъ же какъ и въ настоящее время, прошки и заущенія французскаго кабинета много способствовали къ безразсуднымъ воинскимъ демонстраціямъ Турціи противъ Россіи. И въ то время были въ Константинополѣ свои Лавалеты и Бараге-д'Иллье. Уроки прошедшаго, однако же, потеряны для настоящаго и Порта

еще болѣе бесплпная, чѣмъ прежде, рѣшается бороться съ Россіей, вынѣ могущественнѣйшой, вежелп за восемьдесятъ лѣтъ. Въ то время поэты, воспѣвавшіе славу нашего оружіа, видѣли по болъшей части только одни блестящіе результаты войны, не заботясь о внутреннемъ смыслѣ событій, ее породившихъ. Едва ли не одинъ Петровъ высказывалъ иногда въ стихахъ, что у него былъ взглядъ вѣрный на общность политическихъ происшествій. Вотъ, что говоритъ онъ въ названной уже нами выше одѣ на побѣду при Чесмѣ :

Что тако озаренъ средь темной ночи Нонтъ?
 Не Фебъ ли ускорилъ взлетѣть на горизонтъ!
 Нѣтъ! вижу : мстятъ врагамъ разгнѣванные Россы!
 Ихъ это, ихъ горятъ торжественны огни!
 Севана! встань, взгляни,
 Какъ гибнуть чамоночпы!
 Крѣпи и громомъ ихъ сколь можешь, Галлъ, свабжай,
 Себѣ и своему студъ роду умножай;
 Прапрадѣлы твои въ непросвѣщенны гѣта
 Въ слѣдъ Римлянина шли въ далекій юга край; (*)
 Ты днесь воюешь втай
 На Россовъ за Махмета.

Не заключается ли въ этихъ стихахъ зародышъ тѣхъ чувствъ, которыя высказываются теперь, когда политика Франціи, запутавши дипломатическія дѣла на востокѣ и прикрывши маскою справедливости и опасенія за цивилизацію (?) личныя выгоды Бонапарта, уже не *втай*, а *въ явъ* начинаетъ воевать противъ Россіи и ставить знамя свое рядомъ съ турецкимъ бунчукомъ?

Вотъ выписки изъ посланія Петрова къ графу Румянцеву, писаннаго въ Лондонѣ въ 1774 году по поводу окончанія войны нашей съ турками. Изъ этихъ выписокъ читатели узнаютъ, какъ шутили наши стихотворцы того времени.

Отъ Галловъ ослѣпленъ покойный Мустафа
 Возмнилъ, что троновъ всѣхъ есть мать ево Софа;
 Послушные ему народы скликалъ цѣлы;
 И саранчей пустилъ въ полночны рать предѣлы.
 Она въ своемъ лету проворна и быстра,
 Сама себя грызла, достигнуда Дифстра.
 Часть врѣзалась въ Хотинъ, уронъ вмѣненъ въ побѣду,
 И не одинъ отпѣтъ молебень Магомеду.
 Удачей сей ольстятся сооружаютъ мость,
 Жечь каждый градъ у насъ, деревню и погость.
 Услышавши свою на сей странѣ ватагу,

(*) За Юліемъ Цезаремъ въ Александрію.

Во необычную пришелъ Султаны отвѣгу.
 Итти ко Киеву всѣхъ клятвой обязалъ,
 И тамо зимовать имъ властво указалъ;
 Самъ даже до Москвы мечтой своей просѣлся,
 И преждевременно ужъ Газиемъ нарекася;
 Щастливой вѣстію обрадовалъ Сераль;
 Торжествовалъ гордась среди тюремныхъ кралъ.
 Что побѣдитель онъ, то пишеть въ Алкоранѣ;
 Онъ сѣтовалъ, за чѣмъ войной пошолъ не ранѣ.
 Среди храбрующихъ кичлива старца думъ,
 Ударилъ въ слухъ ево Россійской славы шумъ,
 Что всѣ ево за Днѣстръ до Києва переходцы
 Истреблены въ конецъ, и рать и полководцы;
 И вмѣсто, чтобы имъ струи Днѣпровы пить,
 Сошелъ съ небесъ указъ въ Днѣстрѣ ихъ намъ топить.
 Державный табака куритель тутъ смутился,
 И трубку отложъ въ задумчивость пустился;
 Опомниясъ сказалъ, «не храбрость то, случай;
 «Напали въ темнотѣ, напали невзначай.
 «Россіянамъ де тутъ разливъ рѣки споспѣшеть.
 Смиъ мужъ премногихъ жонъ былъ нѣсколько утѣшеть.
 Онъ разною тцетой въ умѣ себя ласкалъ;
 И рой за роємъ въ бой людей своихъ пускалъ.
 Взявъ трубку; «восьлибо и мы, сказаъ, щастливы;
 «Не всяиой день дожди, и не вездѣ разливы.

Турки потерпѣли жестокия пораженія и въ станѣ ихъ собирается у визира военный совѣтъ.

Разнобунчужныхъ въ мигъ-сошлась толпа Пашей,
 Увѣчныхъ, раненыхъ, безъ носовъ, безъ ушей.
 Какъ недоколоты, съ ножемъ въ гортаняхъ, жертвы,
 Всѣ блѣдны, жалостны, трясущися, полмертвы!
 Абдѣ, кой силу зналъ военнаго вреда,
 Досталось первому вѣщати череда.

Паша Абда говоритъ длинную рѣчь, въ которой особенно замѣчательны слѣдующія слова:

- Чужь Галлы насъ во брань проваваю мана,
- Твердили, что войны порядка не храни
- Разгонимъ Русскихъ мы одними лишь усами,
- То сущій былъ обманъ; пускай-но выдутъ сами.
- Клянусь Пророкомъ, лишь своимъ явили лбы,
- Намъ равно падалибъ бездушны какъ столбы;
- Орудія огней по нашемубъ терли,
- По нашемубъ спастись по Шумламъ бы вырли.

Всѣ начальники смущены и особенно страдаютъ голодомъ. Вдругъ — новый ударъ. Едва успѣлъ одинъ изъ членовъ совѣта высказать свои горести и опасенія :

- Табашныели листы во мѣсто ѣсть капусты,
- Или порохъ повелишь и ядра намъ кусать,
- Или по медвѣжьему всѣмъ лапы здѣсь сосать?
- Когда ты силенъ насъ поподчивать объдомъ,
- То я тебя, Визирь, сравваю съ Магомедомъ ;

вбѣгаетъ казначей и объявляетъ, что чернь разграбляла немногие оставшіеся съѣстные припасы визиря.

- Объими ущами Визирь внявъ вѣсть сію,
- Скорый, сказалъ, скорый перо и хартію.
- Съ приборомъ тутъ Бахчи изъ всей метнулся силы,
- И пролилъ въ торопяхъ на Визиря чернилы.
- Скорый, воскликнула отчаянно Паша,
- Хоть кровію своей, чѣмъ хочешь, да пиши.
- Но видя, что Визирь въ великомъ неустроѣ,
- Чернильницу предъ нимъ дергать ввалился трое ;
- Онъ восемь разъ въ нее перо свое купалъ,
- И восемь разъ въ нее отъ страха не попалъ ;
- Въ послѣдокъ отъ Пашей поддержанной рукою
- Унаровивъ, и свой слогъ началъ сей строкою :
- Великій Государь! братъ солнца и луны!
- Прочти, къ тебѣ твои что пишуть горюны.
- Понеже не было намъ счастья въ ратномъ полѣ ;
- Мы въ разныхъ городахъ засѣли по неволѣ.
- Тутъ снудали враги насъ тысячами толеть ;
- Своя намъ рать бѣда ; чрезъ много, пищи нѣтъ.
- Адрианградцы съ ней къ намъ, правда, поспѣшали ;
- Но Русскіе ее ввестъ въ Шумлу помѣшали,
- И это, Государь, такъ здѣлалось не въ ладъ,
- Что воспослѣдовалъ межъ нами сильный гладъ.
- Всѣ стали жертвовать лишь собственному брюху,
- Дерутся не за васъ, но хлѣба за краюху.
- И каждой стоитъ здѣсь прешмогихъ ранъ ломоть ;
- Что здѣлаешь? духъ бодръ, взнемогаетъ плоть.
- Въ семъ случаѣ ужонъ вертѣлся я и жабой :
- Упрямятся враги потѣшить насъ ослабой.
- Руминцовъ во своихъ намѣреняхъ упругъ,
- Суровъ и какъ кремь въ переговорахъ тугъ.
- Все Крымъ твердитъ да Крымъ, да пристани и море,
- И я на то сдаюсь, бывъ близокъ толь къ уморѣ.
- Теперь о Государь, мнѣ въ дѣлѣ поспѣши ;
- Что началъ я, своей ты властью доверши.

Грамоту посылають къ султану.

Онъ похоти, сластей и вожделѣннй рабъ
 На силу сысканъ былъ въ толпѣ серальныхъ бабъ.
 Посланіе своихъ прочетши содрогнулся,
 Въ объятія жень удалъ, и съ грудностью очнулся.

Затѣмъ онъ собираетъ диванъ и объявляетъ о необходимости заключить миръ послѣ жестокихъ пораженій, нанесенныхъ ему русскими. Грамота подписана и авторъ говоритъ :

Теперь не пушки лить, иной палъ жребій *Тоду*.
 Султану въ честь писать торжественную оду.
 Пусть поздравительный ему готовить листъ,
 И тамъ поправить все, что перепортилъ *Пристъ*.
 Долгъ требуетъ, да *Галль державца утѣшаетъ*,
 Котораю онъ морь и острововъ лишаетъ.

Не придется ли послѣднихъ двухъ стиховъ повторить и современнымъ поэтамъ, разумѣется, выразивъ ихъ сообразнѣе съ эстетическими требованіями вѣка?

Оканчиваемъ здѣсь наши выписки. Если они заинтересуютъ читателей, мы представимъ еще нѣкоторыя малозвѣстные пьесы, имѣющія отношеніе къ настоящимъ событіямъ.

Л.

ШЕРУМАЛЬ, ВОЖАТЫЙ СЛОНА.

МАЛАБАРСКІЙ РАЗСКАЗЪ ТЕОДОРА ПАВИ.

І. ВЭГГРОВЪ (*).

Путешественникъ, подѣзжающій съ моря къ малабарскому берегу, прежде всего видитъ зубчатую цѣпь горъ, вершины которыхъ едва рисуются на горизонтѣ. Чѣмъ ближе подходитъ онъ къ берегу, тѣмъ яснѣе обозначаются второстепенныя горныя цѣпи: онѣ темнѣе, и правильными уступами возвышаются однѣ надъ другими. Наконецъ, изъ за серебрястой полосы прибрежной пѣны, выказывается песчаный берегъ, увѣнчанный кокосовыми пальмами. Эти прекрасныя деревья, признакъ тропическаго климата, сплошными группами покрываютъ морской берегъ, начиная отъ Сальссинны до самаго Цейлона, гдѣ достигаютъ необыкновенной высоты. Въ тѣни этихъ пальмъ и густыхъ банановъ расположены

(* Купеческій корабль.)

многочисленныя рыбацкія деревни; хижины въ нихъ такъ малы и такъ плотно укрыты подъ густыми вѣтвями, что путешественникъ, на разстояніи полумили отъ берега, и не догадывается о ихъ существованіи. Вездѣ, гдѣ только природа создала удобныя гавани, въ глубинѣ заливовъ и при устьяхъ рѣкъ, возникли болѣе или менѣе значительныя въ исторіи города, какъ-то: Бомбей, Гоа, Коноворъ, Каликутъ, Кочинъ, Килонъ и проч. Эта плодородная полоса земли, изобилующая самыми рѣдкими и дорогими тропическими произведеніями, принадлежитъ многимъ мелкимъ владѣтелямъ, которые наслаждаются роскошной и праздною жизнью подъ покровительствомъ почтенной Остъ-Индской Компаніи.

Изъ такихъ князей, раджа Траванкорскій, безъ всякаго сомнѣнія, владѣетъ лучшимъ участкомъ земли. Его владѣнія простираются на сто-сорокъ миль вдоль берега и имѣютъ неменѣе сорока миль въ ширину: вся эта страна состоитъ изъ возвышенныхъ холмовъ и изъ глубокихъ долинъ. Безчисленные ручьи и потоки прорѣзываютъ во всѣхъ направленіяхъ эту тропическую страну и умѣряютъ знойность ея воздуха. На склонахъ горъ, въ болѣе высокихъ частяхъ Траванкорскаго королевства, находятся удивительныя и таинственныя лѣса, производящіе драгоценныя благовонныя вещества и сандалныя деревья. Тамъ, посреди душистыхъ цвѣтовъ, въ тѣни густыхъ листьевъ, порхаютъ по вѣтвямъ изумрудныя колибри и прекрасныя попугайчики. Большія, безобразныя и хищныя обезьяны разгуливаютъ подъ вѣтвями деревьевъ и нерѣдко цѣлыми полками дѣлаютъ опустошительныя набѣги на соседніе поля и сады. Въ самой глубокой и недоступной частѣ лѣсовъ мирно пасутся слоны и буйволы и сторожатъ добычу тигръ, котораго такъ боятся полу-нагіе и трусливыя индусы. Въ долинахъ и равнинахъ Траванкора земледѣліе находится въ болѣе цвѣтущемъ состояніи, нежели въ какой либо другой части Декана; земля эта, лежащая на самой южной оконечности полуострова, ощущаетъ благодѣтельное вліяніе обоихъ муссоновъ; поля ея дважды въ году орошаются обильными дождями и отлично производятъ рисъ, котораго сборъ всегда бываетъ успѣшенъ. Кромѣ этого необходимаго растенія здѣшніе жители собираютъ еще бетель, коносовыя орѣхи и другіе нѣжныя плоды, которыми такъ щедро надѣлила природа благословенный край. Итакъ, жители Траванкора, казалось бы, могли бы вполне наслаждаться всѣмъ возможнымъ на землѣ блаженствомъ. Но угнетенный чрезмѣрными налогами земледѣлецъ живетъ на этой богатой почвѣ въ крайней бѣдности.

Жители Траванкорскаго королевства, равно какъ и воѣ ихъ сосѣди, не пользуются репутаціею особенной честности. О нихъ го-

ворять, что они лжецы, обманщики и вообще несличковъ разборчивы въ средствахъ наживать копейку. Лишь только европейскій корабль пристанетъ къ ихъ берегу, то его тотчасъ же осаждаютъ со всѣхъ сторонъ лодки, изъ которыхъ влѣзаютъ на палубу рыбаки, мелкіе торговцы, *добаш* (переводчики) и окружаютъ капитана и пассажировъ, подымая страшный крикъ. Какъ будто, по маговенію волшебника, цѣлый базаръ вдругъ выростаетъ изъ воды! Одни приносятъ корзинки съ фруктами, другіе предлагаютъ чучела каймановъ, третьи желаютъ продать свѣжую рыбу, которая такъ и плещется въ лодкахъ. Но въ этомъ смѣшеніи и толкотнѣ матросы должны тщательно присматривать за ломami, колотушками, гвоздями и другими вещами, обыкновенно валяющимися на палубѣ: эти черномазые люди, хотя и не знаютъ употребленія кармановъ, однако очень ловко съумѣютъ подобрать все, что имъ попадетъ имъ подъ руки.

Двос изъ такихъ честныхъ береговыхъ промышленниковъ, оба рыбаки и родные братья, поселились въ небольшой деревенькѣ близъ города Алепа, въ сѣверной части Траванкорскаго королевства. Однажды вечеромъ они, по обыкновенію, расположились отдыхать подъ тѣнью пальмъ, вытаскивъ прежде свою лодку на берегъ и развѣсивъ на вѣтвяхъ мокрыя сѣти. Подъ шумъ морскихъ волнъ они вскорѣ заснули. Около полуночи вѣтеръ началъ подувать съ берега и зонтообразныя верхушки пальмъ зашачались и зашумѣли. Старшій изъ братьевъ, по имени Тирувалла, всталъ, потянулся, посмотрѣлъ на небо и на море и началъ собираться на промыселъ; его примѣру послѣдовалъ и младшій братъ, Тирупатти. Совсѣмъ уже собравшись, Тирувалла сказалъ брату:

— Если хочешь, отправимся въ море встрѣчать европейскіе корабли; въ это время обыкновенно френгисы развѣзжаютъ близъ берега.

→ Согласенъ, отвѣчалъ Тирупатти: — да что мы предложимъ въ обмѣнъ чужеземцамъ?

— Заберемъ съ собою кокосовыхъ орѣховъ, разумѣется нѣсколько высохшихъ, не стоитъ же отдавать этимъ ньянцамъ орѣхи со свѣжимъ молокомъ.

— Хорошо! Я возьму также съ собою эту гадаую птицу, которую мы вчера стадали на португальскомъ кораблѣ, шедшемъ изъ Китая.

— Дѣлю! сказалъ Тирувалла: — еще прибавимъ нѣсколько десятковъ незрѣлыхъ банановъ; если предпріятіе наше удесться, то я непременно отправлюсь завтра же въ нагону и навѣщу на шеню бога Пуліара гирляндю изъ голубыхъ цвѣтовъ лотуса.

За тѣмъ два брата, чтобы залобрить морское божество, бросили въ море нѣсколько горстей рису. Дружно столкнули они свою пирогу, благополучно проскользнули черезъ бурунь и начали сильно работать веслами. Потомъ, навѣсивъ парусъ на бамбуковую мачту, они быстро повеселись въ море. Ихъ лодка, ловко разрѣзывая волны, оставляла за собою полосу пѣны, изъ которой сверкали тысячи фосфорическихъ искръ. Младшій братъ преспокойно улегся въ передней части лодки и, качаясь въ ней какъ въ гамакѣ, весь предался созерцанію звѣздъ; старшій братъ работалъ весломъ, служившимъ ему вмѣсто руля. Чтобы не заснуть подъ влияніемъ прохладной и тихой ночи, они по временамъ затягивали унылую и монотонную пѣсню, которой напѣвъ, похожій на воркованіе лѣсныхъ голубей, есть напѣвъ общій всѣмъ младенческимъ народамъ. За часъ до разсвѣта вѣтеръ съ берега затихъ; прозрачный туманъ спустился съ вершинъ горъ и покрылъ, какъ бы пеленою, дремлющія волны. Тогда братья уложили мачту и парусъ въ лодку и бросили сѣти. Прохладный утренній воздухъ заставилъ почти дрожать изнѣженныхъ сыновъ юга, между тѣмъ какъ для насъ, жителей странъ умѣренныхъ, воздухъ этотъ показался бы еще слишкомъ душнымъ. Но вскорѣ солнце появилось изъ за отдаленной горной вершины; розовый свѣтъ заблесталъ на склонахъ горъ и на поверхности моря; утренній туманъ мгновенно исчезъ. Последняя звѣзда погасла на небосклонѣ, и въ это время рыбаки наши увидѣли парусъ, слегка раздуваемый вѣтромъ съ моря.

— Видъ это парусъ! сказалъ Тирупатти, указывая на бѣлую точку, виднѣвшуюся на горизонтѣ.

— Смотри лучше за сѣтями, отвѣчалъ Тирувалла: — чѣмъ глядѣть на мусульманскій корабль. Ослѣпъ ты, что ли? Развѣ не видишь, что это остроконечный парусъ арабскаго бѣгтрова? Гадкіе арабы не дадутъ ни копейки за твою китайскую птицу.

— Для нихъ, прибавилъ Тирупатти: — финиковая постила съ мухами, вмѣсто гвоздичи, вкуснѣе всѣхъ твоихъ овощей.

Они вытаскивали сѣти и бросили рыбу въ лодку. Между тѣмъ бѣгтровъ, котораго огромный парусъ дрожалъ отъ свѣжаго морскаго вѣтра, быстро къ нимъ приближался. Это былъ *Фата-аръ-Росаломъ*, шедшій изъ Маската. Экипажъ его состоялъ изъ двадцати пяти арабскихъ матросовъ. Эти до пояса обнаженные дѣти Измаила, съ головами, укутанными въ самыя яркія шали, которыхъ концы виспалали у нихъ по плечамъ, разсѣянно посматривали на отдаленный берегъ и на небольшую пирогу малабарскихъ рыбаковъ. На корнѣ сидѣлъ *накода* (шкиперъ) и важно покуривалъ изъ длиннаго чубука. Изъ подъ широкаго, желтаго кафтана можно было ви-

дѣть только его длинныя пальцы и строгое лицо, украшенное черною какъ смоля бороною. Странная форма корабля, котораго большая корма возвышалась надъ моремъ подобно горбу верблюда, а длинный носъ похожъ былъ на птичій клювъ, — незамысловатая оснастка, состоявшая, какъ оснастка греческихъ кораблей во время троянской войны, изъ одной только мачты и одного паруса, — все это напоминало въ арабскомъ бѣггровѣ одно изъ тѣхъ судовъ, которыя неизмѣнно, со временъ Александра Македонскаго, плаваютъ по водамъ Индѣйскаго моря.

Пользуясь пассатными вѣтрами, *накода* Юсуфъ каждый годъ отправлялся въ путешествіе изъ Маската въ Траванкоръ и совершалъ этотъ переѣздъ безъ помощи компаса. Не имѣя никакихъ астрономическихъ познаній, онъ руководился преданіями, привычкою и инстинктомъ. Въ это время онъ очень хорошо зналъ, что корабль его находится въ тридцати миляхъ на западъ отъ города Алепа, и не имѣлъ никакой надобности спрашивать объ этомъ малабарскихъ рыбаковъ, которые также вовсе не обращали вниманія на тяжелей арабскій корабль, шедшій прямо на нихъ.

Когда бѣггровъ подѣхалъ къ лодкѣ на разстояніе одного кабельтова (120 сажень), то одинъ изъ матросовъ, знавшій нѣсколько англійскихъ словъ, приложилъ руки ко рту, сдѣлавъ изъ нихъ нѣчто въ родѣ шумора, и закричалъ: *«ho! ho! fisher boat!»* (Эй! рыбацкая лодка!)

— *Мачли, баутъ кубъ мачли!* (рыба, отличная рыба!), отвѣчалъ Тирупатти, полагая, что арабскій матросъ въ самомъ дѣлѣ хочетъ у него купить рыбы.

Въ то же время онъ поднималъ надъ головой корзинку свѣжей рыбы. Вдругъ связка грязныхъ мочалъ, обыкновенно употребляемыхъ для мытья корабельной палубы, попала ему прямо въ лицо. Матросы одобрили эту шутку своего товарища страшнымъ врывомъ хохота. Тирупатти, сконфуженный такимъ подаркомъ, зашатался, упалъ въ море и опрокинулъ лодку. Въ ту же минуту *накода* приказалъ отдать гардель и остановить ходъ корабля; вслѣдъ за тѣмъ онъ поподчивалъ шутниковъ матросовъ нѣсколькими тяжелыми ударами корабельной веревки.

Между тѣмъ индусскіе рыбаки, которые вообще плаваютъ не хуже акулъ, перевернули свою опрокинутую лодку и подобравши весла, парусъ съ мачтой, а также кокосовые орѣхи; но китайская птица пошла ко дну; сѣти отправились туда же, а пойманная рыба не замедлила воспользоваться такимъ прекраснымъ случаемъ и возвратилась въ свою родную стихію. Кое-какъ исправивъ свои снари, рыбаки нашъ вскарабкались по кашату на бѣггровъ. *Накода*

полча посмотрѣлъ на нихъ, и убѣдившись, что они не ранены, усѣлся на прежнее мѣсто.

— *Накода сагебъ!* (господишь накода!), вскричалъ Тирувала, дѣлая выразительные жесты руками и ногами: — мы бѣдные люди, совсѣмъ теперь раззорены. За что твой матросы такъ жестоко насъ обидѣли! Наши сѣти, наша рыба... мы все потеряли!

— У насъ не на что теперь купить ршеу для нашихъ дѣтей! кричалъ въ свою очередь Тирупатти, который, равно какъ и его братъ, даже вовсе не былъ женатъ. — О, великодушный накода! будь милостивъ къ людямъ, которыхъ ты же раззорил!

Говоря это, они страшно коверкались, плакали и стонали; наконецъ, истощивъ весь запасъ краснорѣчія, они улеглись на палубѣ и объявили, что умрутъ въ глазахъ накоды, если онъ откажетъ имъ въ справедливомъ вознагражденіи. Между тѣмъ Юсуфъ приказалъ дать прежній ходъ кораблю и, когда этотъ маневръ былъ исполненъ, онъ потребовалъ себѣ трубку и чашку отличнаго мокскаго кофе. Пустивъ нѣсколько густыхъ струй дыма, онъ пристально взглянулъ на рыбаковъ и сказалъ:

— Ну что? все пересказали? кончили все ваше вранье?

Рыбаки собрались было начать снова свои завыванія, но грозный накода вскричалъ:

— Молчать! вотъ вамъ двадцать рупій: десять за ваши сѣти, которыя не стоятъ и пяти; пять за рыбу, которую вы сегодня поймали и которую могли бы поймать въ теченіе цѣлой недѣли; другая пять даю вамъ за то, что вы перепугались и выкупались въ холодной морской водѣ.

— А моя птица, эта рѣдкая птица, красивѣе фазана и ученѣе мейсурскаго понугая? сказалъ Тирупатти, надѣясь еще что нибудь выторговать у араба. — Бѣдная птица! она такъ хорошо объяснялась на языкѣ френгисовъ и на твоёмъ языкѣ, накода сагебъ; а теперь подохла, несчастная! вмѣстѣ съ нею пропала и моя клѣтка!

— Оставь! тихо сказалъ ему Тирувала: — а то вѣдь онъ, пожалуй, прикажетъ выбросить насъ за бортъ!

Это благоразумное замѣчаніе сдѣлалъ Тирувала брату подвліяніемъ страха, который вдругъ имъ овладѣлъ при взглядѣ на суровое лицо накоды. Схвативъ налету кошелекъ съ деньгами, брошенный имъ Юсуфомъ, они почтительно попятились къ большой мачтѣ, низко кланяясь накодѣ, матросамъ и даже юнгъ и послѣшью прыгнули въ свою широгу. Вскорѣ бѣгровъ, пользуясь попутнымъ свѣжимъ вѣтромъ, приплылъ къ адепскому рейду; за нимъ послѣдовали малабарскіе рыбаки, намѣревавшіеся кушиться въ городѣ новыя сѣти. Море взволновалось: ихъ легкая пирога какъ

ласточка скользила по волнамъ, то исчезая между ними, то быстро взлетая на самый гребень валовъ.

— Ну, братъ! славная пожива! двадцать рупій вѣдь нескоро заработаешь, сказалъ Тирупатти брату, выходя на берегъ.

— Да! отвѣчалъ Тирувалла: — однако этотъ арабъ еще намъ поплатится за скверную шутку своихъ матросовъ.

Тирупатти издалъ невнятный гортанный звукъ, означающій на языкѣ малабарскихъ рыбаковъ «посмотри мѣ».

II. МАЛИКА.

Бѣтгровъ, *Фата-аръ-Роамонъ*, неоднократно конопаченный въ продолженіи шестидесяти лѣтъ, давно уже плавалъ по водамъ Индійскаго океана. Эти суда, прочно построенныя изъ тиковаго дерева, существуютъ почти такъ же долго, какъ киты. Накода Юсуфъ, который уже десять лѣтъ былъ матрономъ этого судна, каждый годъ плавалъ на немъ изъ Маската въ Алепъ и изъ Алепа въ Маскатъ. Онъ обыкновенно привозилъ въ Алепъ произведенія своего отечества: соль, кофе и шерсть и вымѣнивалъ ихъ въ Траванкорѣ на строевой лѣсъ, мачтовые деревья, канаты, скрученные изъ кокосовыхъ волоконъ, — словомъ, на предметы необходимыя для судостроенія, которыхъ почти вовсе нѣтъ въ Аравіи.

Приказавъ хорошо укрѣпить на якорѣ судно, Юсуфъ отправился на берегъ. Было около полудня: нѣсколько индусскихъ купцовъ, обнаженныхъ до пояса, съ круглыми и плоскими, какъ щиты, зонтиками, видѣлись на набережной, впрочемъ, почти пустой, по причинѣ дневнаго жара. Юсуфъ пошелъ по красивой длинной аллеѣ, ведущей съ набережной въ городъ, миновалъ базаръ и остановился на краю предмѣстья, у красиваго садика, окружавшаго небольшую хижину, покрытую кокосовыми листьями. Съ одной стороны хижины красовались стволы и верхушки кокосовыхъ пальмъ; съ другой — гибкія лозы перцоваго куста обвивались вокругъ могучихъ вѣтвей хлѣбнаго дерева. Накода тайкомъ пошелъ вдоль изгороди, отдѣлявшей садикъ отъ улицы; онъ то оглядывался назадъ, то подымался на цыпочки, съ лживымъ желаніемъ посмотреть, что дѣлается внутри садика. Вдругъ глаза его засверкали страстью: онъ увидалъ за заборомъ молоденькую дѣвушку, сидѣвшую у колодца, въ тѣни бамбуковаго куста. Это была Малика, дочь садовника; она спокойно спала, опершись головкой на руку, въ самой граціозной и естественной позѣ, въ которой живописецъ изобразилъ бы сонъ въ видѣ заснувшей женщины.

— Наконецъ-то! сказалъ про себя нагода: — этотъ прекрасный цвѣтокъ развился. Нѣтъ, недаромъ же я три года за нимъ ухаживаю! Скорѣе умру, чѣмъ допущу, чтобы это сокровище досталось кому иному, кромѣ меня!

Въ эту же минуту онъ увидалъ за противоположнымъ заборомъ индуса, сидѣвшаго на спицѣ огромнаго слона и медленно приближавшагося къ садику. Подѣхавъ къ спицѣй красавицѣ, индусъ слегка пристунилъ желѣзнымъ чрюкомъ по шеѣ слона. Тяжеловѣсное животное вытянуло хоботъ, сорвало съ дерева красный букетъ кассій и бросило его прямо въ лицо спящей дѣвушки.

Малика подняла глаза и улыбнулась.

— Это ты, мой добрый Субала! сказала она въ полголоса. — Спасибо за подарокъ. Вотъ тебѣ за трулъ!

И она бросила слону большой золотистый бананъ, который слонъ поймалъ налету и съ очевиднымъ удовольствіемъ положилъ себѣ въ ротъ.

— А для меня-то, сказалъ индусъ: — развѣ нѣтъ у тебя даже дружескаго слова? Слону ты бросаешь сласти, а на бѣднаго магуть (*) не хочешь даже взглянуть.

— Субала! сказала дѣвушка, обращаясь къ умному животному: — скажи Шерумалу, твоему господину, что если онъ хочетъ, чтобы его любили, то пусть не приходитъ безъ всякой надобности мѣшать мнѣ спать. Ты, Субала, умный и хорошо воспитанный слонъ, ты меня понимаешь, такъ передай твоему господину то, что я сказала.

Слонъ три раза почтительно махнулъ хоботомъ и слегка преклонилъ колѣни, какъ будто желалъ выразить, что онъ понимаетъ и постарается исполнить то, что ему приказывали. Бѣдный магуть, совершенно разстроенный холоднымъ приѣмомъ Малики, заставилъ слона встать и поѣхалъ назадъ. Онъ по временамъ оглядывался, напрасно надѣясь, что Малика вознаградитъ его хоть дружескою улыбкою за такой равнодушный приѣмъ. Слонъ, которому очень понравились ласковыя слова красавицы, важно шелъ по узкой аллеѣ, радостно хлопая огромными ушами.

Нагода Юсуфъ съ любопытствомъ и удовольствіемъ посматривалъ изъ за забора на эту необыкновенную сцену. Когда магуть скрылся въ аллею, онъ слегка раздвинулъ вѣтви изгороди. Малика на этотъ разъ уже совсѣмъ проснулась и посмотрѣла на араба своими большими глазами, осѣненными длинными рѣсницами и таями увлекательными, какъ глаза антилопы. Она не вскрикнула

(*) Магуть или коровакъ значить вожатый слона.

и даже не подвинулась съ мѣста, а только поправила на груди косынку, совсѣмъ раскрывшуюся во время сна. Потомъ она медленно начала удалаться къ хижинѣ, посмотрѣвъ на наконду такъ выразительно, что онъ, казалось, долженъ былъ понять всю нескромность своего поступка. Появленіе этого чужеземца произвело на дѣвушку совершенно другое впечатлѣніе, нежели появленіе магута. Съ раскраснѣвшимися, какъ индѣйскій каштанъ, щеками, она, казалось, взглядомъ* говорила арабу: кто ты такой? зачѣмъ меня преслѣдуешь? чего ты отъ меня хочешь? Но арабъ смѣло подошелъ къ Маликѣ, съ легкой улыбкой поклонился, приложивъ руку къ головѣ, и положилъ на закраину колодца золотой браслетъ. По крайней мѣрѣ онъ не безъ надобности нарушилъ сонъ дѣвушки! По его мнѣнію, богатые подарки — это самая вѣрная и короткая дорога къ сердцу бѣдной и необразованной малабарки. Послѣ того наконда еще разъ поклонился и молча отошелъ, думая, что богатый подарокъ, въ которомъ такъ ярко отражались лучи солнца, краснорѣчивѣе всякихъ словъ выразитъ дѣвушкѣ чувство подарившаго.

По удаленіи араба, какъ птичка къ зрѣлой ягодѣ, такъ Малика прильнула лицомъ къ браслету. Никогда еще она не видывала такого богатаго украшенія. Съ восхищеніемъ и любовитствомъ она глядѣла на этотъ подарокъ, но еще не рѣшалась до него дотронуться. Потомъ она осмѣлилась надѣть его на руку и наконецъ поспѣшно спрятала подъ косынку. Тяжелое согбѣніе буйволовъ возвѣстило ей приближеніе отца, который пахалъ въ другомъ концѣ сада. Старый, согбенный лѣтами садовникъ медленно слѣдовалъ за буйволами. Эти спокойныя и тяжелыя животныя, на короткихъ ногахъ, съ поникшими мордами, останавливались у хижины и терпѣливо дожидались, пока хозяинъ пуститъ ихъ освѣжаться въ прудѣ, гдѣ они охотно купаются въ жарь.

Малика поспѣшно начала помогать отцу отпиргать буйволовъ; подъ вліяніемъ сильныхъ ощущеній, она рада была этой грубой и трудной работѣ, которую, впрочемъ, исполнила очень ловко. Рожденная въ простомъ деревенскомъ быту, воспитанная почти подъ открытымъ небомъ, она была дѣвушка сильная и ловкая, и съ самыхъ юныхъ лѣтъ, охотно помогала отцу въ его тяжелыхъ работахъ. Въ этотъ день, она была особенно расположена къ дѣятельности и движенію, подъ вліяніемъ чувства невѣдомой радости, заставлявшей сильно трепетать ея юное и невинное сердце. Ей казалось, что она никогда такъ сильно не любила своего старика отца, а между тѣмъ совершенно другой образъ безпрестанно являлся передъ ея глазами! Она припомнила, что уже не разъ видѣла прежде,

какъ этотъ самый чужестранецъ являлся предъ ихъ хижиной. Неужели для нея онъ такъ часто задумчиво поглядывалъ на этотъ садикъ, какъ будто его занимали и првлекали цвѣты и овощи?

Какъ только снято было съ буйволовъ ярмо, Малика принесла отцу блюдо самаго бѣлаго рису, приправленное соусомъ и краснымъ индѣйскимъ перцемъ. Старый садовникъ съ жадностью началъ глотать это превосходное кушанье и, обративъ свое морщинистое лицо къ свѣжсму личику дочки, сказалъ:

— Малика! ты добрая дѣвушка! Это блюдо рису въ состояніи умирающаго возвратитъ къ жизни. Ты утѣшеніе моей старости. Безъ тебя, безъ твоихъ ласкъ и заботъ, я былъ бы самымъ несчастнымъ и жалкимъ старикомъ!

III. АЛЕПЪ.

На другой день, около полудня, Юсуфъ снова отправился къ хижинѣ стараго рыбака, и въ этотъ разъ онъ опять увидѣлъ Малику. Она такъ же, какъ и вчера, полулежала у колодца, но неизвѣстно, спала ли она, или только мечтала съ закрытыми глазами. Малика не тронулась съ мѣста, когда нагода слегка раздвинулъ вѣтви. Онъ осторожно подошелъ къ ней и положилъ у ногъ ея пару золотыхъ сережекъ. Когда молодая дѣвушка открыла глаза и поспѣшно протянула руку къ новому подарку, желая имъ полюбоваться, то нагода уже скрылся. Онъ медленно шагаль по песку своимъ желтыми сафьянными туфлями, положивъ одну руку за поясъ, а другою опираясь на изогнутый демменскій посохъ. Отъ времени до времени, онъ съ улыбкою самодовольствія поглаживалъ бороду, размышляя о своихъ барышахъ, настоящихъ и будущихъ, и о томъ, какіе еще подарки онъ предложитъ Маликѣ. Замечтавшись, арабъ не замѣтилъ двухъ малабарскихъ рыбаковъ, пристально наблюдавшихъ изъ за куста за всѣми его движеніями.

— Вотъ теперь нужно бы подумать, какъ бы намъ по квитаться съ арабомъ и заставить его расплатиться за вчерашнюю штуку, сказалъ Тирувалла брату.

— Да! отвѣчалъ Тирупатти: — насъ двое на одного. Однако мнѣ что-то страшно затѣвать съ нимъ дѣло. Не лучше ли подождать до завтра? Мы бы могли уговорить полдюжины товарищей, и дѣло пошло бы успѣшнѣе.

— Вотъ еще! чтобы дѣлаться съ ними барышемъ? Какъ бы не такъ. Слушай! сдѣлай какъ я тебѣ скажу, и мы заработаемъ по крайней мѣрѣ тридцать рупій.

— Что же нужно делать? спросил Тирупатти.

— Ничего особенно трудного. Ставем на него нападаться издали; будем кричать и ругаться. Эти люди вѣдь горды и злы, онъ скоро разсердится....

— Да вѣдь разсердившись, онъ, пожалуй, и поколотитъ?

— Этого-то намъ только и нужно, сказалъ Тирувалла.

— Какъ такъ? спросилъ озадаченный младшій братъ, которому совсѣмъ не понравилась перспектива познакомиться съ кулаками нагоды.

— Да вѣдь ты знаешь, что у насъ, по таксъ, за каждый ударъ взыскиваютъ въ пользу обиженнаго по двадцати-пяти рупій. Какъ только нагода разсердится и тебя ударитъ, мы тотчасъ являемся въ судъ и араба заставляемъ заплатить намъ безчестье. Ну, что? согласенъ? прибавилъ онъ брату, который между тѣмъ бессмысленно поглядывалъ въ землю.

— Да неужели я то непременно долженъ подставить затылокъ подъ его кулаки?

— Непременно ты! а вотъ почему: вѣдь ты трусъ и ни за что въ свѣтъ не согласишься бранить и дразнить его прямо въ глаза?

Тирупатти покачалъ головою.

— Ну, что же! тебѣ это не по силамъ. Такъ и быть! я рѣшусь его раззадорить. Ты только держись въ кустахъ поближе къ арабу и подойди къ нему сзади, когда я буду его бранить.

Тирупатти очень неохотно повиновался брату и скрылся въ кустахъ близъ дороги.

Тирувалла тоже нѣсколько струсилъ, когда увидѣлъ черную бороду араба. Впрочемъ онъ подошелъ къ нему и сказалъ:

— Нагода Сагебъ изволить гулять? Неужели нагода не узнаетъ меня, бѣднаго рыбака, который совсѣмъ раззоренъ по малости его матросовъ?

— Я заплатилъ вамъ больше, чѣмъ вы потеряли, отвѣчалъ нагода. — Пошелъ прочь!

— Великодушный нагода! ты заплатилъ намъ только за сѣти; но твой багровый совсѣмъ разбилъ тогда нашу маленькую пирогу: намъ теперь невозможно выѣзжать на промыселъ.

— Ты лжешь! и не получишь отъ меня ничего, кромѣ развѣ дюжины ударовъ этой палкой, ежели тотчасъ же не сойдешь прочь съ дороги.

Тирувалла слѣлалъ знакъ брату и дерзко вскричалъ:

— Я не сойду съ дороги! въ Алепѣ мы найдемъ судъ и расправу! Бей меня, нагода! бей сколько хочешь! Давно ли мусульмане распоряжаются въ Траванкорѣ и могутъ обижать бѣдныхъ людей?

Между тѣмъ Тирупатти схватилъ араба сзади за рукавъ кафтана и кричалъ :

— Давай двадцать рупій! тридцать рупій подавай сейчасъ!

Юсуфъ обернулся и хотѣлъ было наказать наглеца ударомъ палки. Но Тирупатти ловко увернулся, страшно завизжалъ и со всѣхъ ногъ пустился бѣжать. Тирувалла подумалъ, что накола дѣйствительно ударилъ его брата, также поспѣшно скрылся, и на мѣстѣ сраженія остался одинъ только арабъ, не мало озадаченный такимъ страннымъ нападеніемъ и такою поспѣшною ретирадою напавшихъ на него малабарцевъ.

Тирувалла вскорѣ догналъ брата, который, страшно крикаясь и стоная, утѣлся на землю.

— Ну, видишь! сказалъ онъ: — мы славно обдѣлали это дѣло; теперь поскорѣе пойдѣмъ въ городъ.

Тирупатти всталъ при помощи брата и они медленно пошли на базаръ. Тутъ они зазѣвались на богатыя лавки и товары. Тонкія лагорскія и кашемирскія шерстяныя ткани, матеріи съ золотомъ и серебромъ, лахкскія шали, украшенныя золотыми цвѣтами и птичками, китайскія шелковыя ткани, — все богатое и прекрасное, что только можетъ выдумать и произвести восточный вкусъ, — все это было тамъ разложено на показъ проходящимъ, — все это блистало подъ густыми навѣсами кокосовыхъ пальмъ, хлѣбныхъ и манговыхъ деревьевъ, мимозъ, покрытыхъ шелковистыми цвѣтами и другихъ растений, свободно разросшихся посреди кривыхъ улицъ базара. Надъ этой роскошной зеленью возвышались бѣлые куполы пагодъ. Казалось, что это не городъ, а роскошный паркъ, въ которомъ, по прихоти какого нибудь раджи, нагромодили и разложили всѣ сокровища востока!

— Посмотри, сколько прекрасныхъ вещей, сказалъ Тирувалла. — Какъ только судья заставитъ араба заплатить намъ безчестье, то я тебѣ куплю эту муселинову шаль съ серебряною бахрамою, изъ которой ты сдѣлаешь себѣ тюрбанъ.

Тирупатти издалъ какой-то невнятный звукъ.

— Чтѣ? неужели тебѣ такъ больно? спросилъ Тирувалла. — Намъ неперемѣнно нужно сегодня же найти судью, а то еще арабъ задобрить его какимъ нибудь подаркомъ.

— Ежели хочешь, ступай одинъ, печально отвѣчалъ младшій братъ. — Развѣ не видишь, что я едва дышу.

Дѣйствительно онъ очень медленно подвигался впередъ. Достигнувъ небольшого мостика, перекинутаго чрезъ одинъ изъ каналовъ, прорѣзывающихъ во всѣхъ направленіяхъ этотъ страшный городъ, они остановились. Ярко разукрашенныя широгы, легкія какъ

венеціанскія гонимыя, безпрестанно разбѣсжили по вѣтри и глу-
бокимъ водамъ.

— Послушай! вдругъ сказала Тирупатти: — мнѣ насучило хо-
дить по городу; я хочу поработать веслами на одной изъ этихъ ло-
докъ.

— Подожди немного; прежде нужно повидаться съ судьей. Это
дѣло не терпитъ отлагательства.

— Ва! отвѣчалъ Тирупатти: — судья вѣрно нашего брата и слу-
шать не станетъ.

— Не будетъ слушать, такъ ты покажи ему свои раны, а я уже
объясню дѣло, какъ слѣдуетъ.

— Да раны-то мои не велики. Я только стрипино перестугался.
Когда арабъ поднялъ на меня руку, то я вѣскольно отшатнулся....

— Ну! съ нетерпѣніемъ вскричалъ Тирувалла: — что же по-
томъ?

— Потомъ я отскочилъ въ сторону, и арабъ промахнулся.

— Подлый трусъ! настоящія верога! съ бѣшенствомъ закри-
чалъ Тирувалла. — По милости твоей, самое выгодное предпріятіе
намъ не удалось! Убирайся! или я тебя сейчасъ сброшу въ каналъ!

Тирупатти, предвидя бурю, поскорѣ убѣжалъ. Раздосадованный
братъ долго еще кричалъ и мяхалъ руками. Наконецъ онъ успокоил-
ся и пошелъ къ гавани, куда обыкновенно собираются всѣ лѣвни-
цы и негодяи города Алепа.

Собственно говоря, въ Алепѣ нѣтъ гавани: корабли останавлива-
ются на рейдѣ, на разстояніи полумили отъ песчаного берега, къ
которому могутъ приставать только пироги туземцевъ. Недалеко
отъ берега находятся обширныя магазины, служащіе для складки
привозимыхъ и отпускаемыхъ товаровъ. Кругомъ этихъ магази-
новъ, въ тѣни величественныхъ деревьевъ, обыкновенно соби-
раются купцы, моряки и другіе промышленники и дѣловые люди;
сюда также сходится всякаго рода празднопатающіеся и иѣваки, ко-
торыхъ такъ много въ каждомъ торговомъ городѣ. Тамъ индѣйскіе
куливы (поденщики) переносятъ товары, избываясь подъ ихъ тя-
жестью; далѣе раздается однообразный и жалобный напѣвъ носиль-
щиковъ паланкина, мѣрными шагами бѣгущихъ по песчаной рав-
нинѣ. Нищіе, покрытые отвратительными ранами, громкими кри-
ками стараются возбудить къ себѣ жалость иностранцевъ. Въ жар-
кихъ странахъ, гдѣ всѣ ходятъ почти нагіе, хотя нищіе и не носятъ
лохмотьевъ, но ихъ не трудно узнать: иссохшая, покрытая морщи-
нами и ранами кожа этихъ несчастныхъ рѣзко и непріятно бро-
сается въ глаза. Какъ дерево, котораго жизненные соки испорче-
ны, покрывается на поверхности безобразными наростами и трещи-

нами, такъ и эти жалкіе, вѣчно голодные люди, питающіеся самую нездоровую пищу, покрыты отвратительными ранами и носятъ на себѣ признаки страшныхъ болѣзней, медленно ихъ уничтожающихъ. На этихъ, щедро надѣленныхъ дарами природы, берегахъ самымъ недряхлымъ образомъ поражаетъ путешественника видъ подунагихъ женщинъ, которыя, въ теченіе цѣлаго дня, перевозятъ изъ магазиновъ къ берегу на головахъ огромныя корзины съ дерцомъ. Какое множество такихъ корзинокъ нужно перенести, чтобы составить грузъ корабля въ 500 тоннъ! Однѣ изъ этихъ несчастныхъ работницъ еще очень молоды, но уже хромаютъ вслѣдствіе страшной арабской проказы (Elephantiasis); другія, дряхлыя и исхудалыя, съ трудомъ передвигаютъ ноги по сыпучему песку и упадаютъ, подъ тяжестью корзинокъ, которыя дѣлаютъ уже не подъ силу. Черныя даже крошечныя, терпѣливыя какъ муравьи, они движутся подобно автоматамъ, подъ палачиными лезвиями тропическаго солнца, можетъ быть даже зная о томъ, какое состраданіе возбуждаетъ ихъ видъ въ чужеземцѣ! Очевидно, что посреди этого жалкаго народонаселенія, здоровый и ловкій европеецъ кажется существомъ болѣе совершеннымъ; только его узкая и безобразная одежда нѣсколько уменьшаетъ это превосходство. Зато арабы, въ своихъ широкихъ и живописныхъ кафтанахъ, съ развѣвающимися на головахъ разноцвѣтными чадмами, съ ихъ медленной поступью, дѣлаютъ видъ чрезвычайно дѣльный и возбуждающій къ нимъ вельможное почтеніе.

Юсуфъ, возвратившись вечеромъ на набережную, зашелъ тамъ въ несколько землянокъ, шкиперовъ арабскихъ кораблей, стоявшихъ на рейдѣ. Они помѣстились подъ кокосовыми пальмами и образуютъ тамъ весьма живописную группу; усѣвшись на тюкахъ съ шерстью, важно покуривая изъ длинныхъ чубуковъ, они, казалось, были настоящими повелителями толпы окружающихъ ихъ толстыхъ индусовъ.

Мало по малу берегъ опустѣлъ. Накоды отправились въ лодкахъ на свои корабли; ночная тѣнь покрыла взморье и все затихло. Только по временамъ раздавался пронзительный голосъ перекликавшихся матросовъ и говоръ рыбаковъ, варившихъ себѣ ужины въ открытомъ воздухѣ.

Тирувалла отправился ночевать въ свою лодку, въ которой уже давно спалъ подъ парусами его меньшей братъ. Оба брата, еще цѣлкомъ такъ сильно перебранившіеся, уже совсѣмъ забыли о своей ссорѣ. Такъ два воробья, которые не на шутку перессорятся и даже дерутся когтями и когтями, очень скоро мирятся и дружно зазываютъ спать въ одно гнѣздо.

IV. СЛОВЪ СУВАЛА.

Рыбаки наши, все собираясь купить новыя сѣти и возвратити къ прежнему промыслу, шатались по набережной. Такая праздная жизнь не нравилась Тирупатти, младшему брату; но онъ не смѣлъ говорить объ этомъ Тируваллѣ, который и безъ того часто упреждалъ его въ малодушіи и трусости. Они рассказывали въ городъ, что арабскій нагода Юсуфъ-Али чуть не потопилъ ихъ лодки, потому что хотѣлъ убить ихъ обоихъ у городскихъ воротъ. Вслѣдствіе такихъ слуховъ, нагоды всѣ почтительно уступали дорогу, особенно большой страхъ внушалъ онъ бѣднымъ людямъ гавани базара.

Впрочемъ арабъ вовсе не заботился о томъ, что о немъ думали и говорили. Онъ думалъ только о томъ, какъ бы поскорѣе овладѣлъ прекрасною Маликою и, покончивъ нагрузку корабля, возвратити въ Маскатъ.

Каждый день, около полудня, нагода приходилъ къ хижинѣ своего садовника; иногда онъ оставлялъ у ногъ Малики новыя подарки; иногда только показывался изъ за забора и дружески ей кланялся. Такія таинственныя появленія и богатые подарки дѣлали на бѣдную дѣвушку сильное впечатлѣніе и въ высшей степени возбуждали ея любопытство. Наконецъ ей наскучило играть болванку роль идола, которому только кланяются и приносятъ подарки. Она рѣшилась, во что бы то ни стало, ближе познакомиться съ чужестранцемъ и показаться ему во всей своей красотѣ и во всемъ полученныя отъ него подарка. Надѣвъ на себя браслеты, серьги и другія украшенія, полученныя отъ нагоды, она прикрыла все бѣлою съ красными полосами шалью, не желая, чтобы кто нибудь другой, кромѣ великодушнаго иностранца, видѣлъ ее въ этомъ гатомъ нарядѣ.

Болѣе часу наряжалась Малика; наконецъ, съ корзинкою на головѣ, она пошла на базаръ. Въ это утро нагода находился у канала, въ которомъ, для предохраненія отъ солнечныхъ лучей, сложены были бревна и другой лѣсной товаръ, служащій для строенія. Этотъ каналъ, посредствомъ котораго изливались въ всѣ другіе каналы и ручьи Алепа, былъ не глубокъ, но имѣлъ значительную ширину. Для вытаскиванія лежащихъ на его днѣхъ вѣтвей, обыкновенно употребляютъ 5 или 6 слоновъ, принадлежащихъ травянокорскому. И теперь Юсуфъ, расположившійся на берегу канала, смотрѣлъ, какъ слоны вытаски-

и складывали въ кучи купленные имъ брусля. Эта операція производится слѣдующимъ образомъ : каждый магутъ подѣзжаетъ къ каналу съ своимъ слономъ и даетъ ему толстый канатъ съ петлею; слонъ хоботомъ забрасываетъ канатъ на бревно и затягиваетъ петлю; потомъ, медленно подвигаясь назадъ, онъ вытаскиваетъ изъ канала на берегъ такія огромныя бревна, что ихъ не могли бы сдвинуть съ мѣста сорокъ самыхъ сильныхъ работниковъ; окончивъ эту первую работу, слонъ поворачивается, заходитъ съ другой стороны бревна и, подымая и подталкивая его то съ одного конца, то съ другого, наконецъ укладываетъ въ правильныя и высокія груды. Такія работы въ нашихъ военныхъ гаваняхъ обыкновенно исполняютъ преступники, осужденные на галеры, и потому матросы наши называютъ этихъ слоновъ каторжниками траванкорскаго раджи.

Изъ всѣхъ слоновъ, работавшихъ въ тотъ день передъ глазами нагоды Юсуфа, самый большой и сильный былъ слонъ Субала, тотъ самый, который, нѣсколько дней тому назадъ, такъ ловко бросилъ букетъ кассій въ лицо прекрасной Малики. Когда пришла его очередь, онъ величественно вошелъ въ воду, помахивая толстымъ канатомъ.

— Тутъ! тутъ! кричалъ Шерумаль, указывая слону на огромное бревно, все покрытое иломъ, уже давно лежавшее въ водѣ и потому необыкновенно тяжелое. — Зацѣпи это бревно, Субала!

Слонъ надѣлъ канатъ на бревно и затянулъ петлю; потомъ, упершись ногами, онъ началъ тянуть его со всѣхъ силъ. Бревно даже не пошевелилось. Слонъ посмотрѣлъ на своего корняка, какъ будто хотѣлъ сказать: «ты видишь, что его невозможно вытащить!» Но Шерумаль не обратилъ вниманія на это замѣчаніе слона и сильно стукнулъ его желѣзнымъ крючкомъ по затылку. Слонъ опять принялся вытаскивать бревно, которое, казалось, приросло ко дну канала; жилы на его шеѣ натянулись какъ канаты и, казалось, готовы были лопнуть; онъ нагнулся назадъ, желая увеличить силу всею тяжестью своего огромнаго тѣла.

— Работай! смѣло работай, Субала. Вѣдь ты самый сильный и красивый слонъ, какого когда либо производили лѣса траванкорскіе! говорилъ Шерумаль, сильно постукивая желѣзнымъ крючкомъ по его затылку.

Онъ такъ громко кричалъ и сильно метался, сидя на спинѣ слона, что вокругъ нихъ собралась толпа любопытныхъ. Нѣсколько минутъ слонъ стоялъ въ водѣ неподвижно, какъ будто желая собрать всѣ свои силы; Шерумаль въ это время отвѣчалъ выразительными жестами на возгласы и совѣты, отовсюду сыпавшіеся на него изъ толпы.

— Ты бы пустилъ слона дальше въ воду, ему бы тогда было удобнѣе, говорили одни.

— Итъ! лучше выведи его совсѣмъ на берегъ; развѣ не видишь, что ноги его скользятъ въ илѣ? говорили другой.

— Будь у меня такой сильный слонъ, я бы въ одну минуту вытащилъ это бревно, сказалъ разбитымъ голосомъ какой-то индѣецъ, у котораго самаго прокажённая нога была почти такъ же толста, какъ у слона.

Всѣ эти толки надоѣдали магута и сильно задѣвали его самолюбіе. Онъ все колотилъ слона по затылку, такъ что слонъ началъ терять хладнокровіе. Первый признакъ неудовольствія онъ обнаружилъ тѣмъ, что сильно стукнулъ ногою по дну канала. Вода и грязь облили зрителей на разстояніи тридцати шаговъ; тогда болѣе благоразумные ушли подальше.

— Субала! Субала! говорилъ Шерумаль, весь дрожащій отъ гнѣва и стыда. — Неужели ты хочешь посрамить себя и меня передъ цѣлымъ городомъ? Вѣдь ты лучший и умнѣйшій изъ всѣхъ слоновъ въ свѣтѣ! Вспомни, что я тебя воспитывалъ и кормилъ съ того самаго времени, какъ тебя, молодого, поймали охотники Трананкорскаго раджи! Субала! еще разъ попробуй, а я тебя за то завтра поведу къ прекрасной Маликѣ!

Эти послѣднія слова, которыя Шерумаль сказалъ на ухо слону, казались, на него подѣйствовали. Онъ съ такою силою потащилъ за канатъ, что вырвалъ бревно изъ илу; но въ ту же минуту оно снова упало на прежнее мѣсто. Очевидно, что работа эта была выше силъ Субалы. Послѣдняя неудача такъ разгнѣвала слона, что онъ поднялъ вверхъ хоботъ, какъ будто собираясь кого нибудь ударить; изъ груди его послышался глухой ревъ, и всѣ зрители поспѣшно разбѣжались. Слонъ былъ въ гнѣвѣ: изъ домашняго животнаго онъ мгновенно превратился въ дикое и, казалось, намѣренъ былъ всю свою ярость обратить на магута. Шерумаль видѣлъ всю опасность своего положенія; но его честь и его достоинства, какъ магута, были задѣты, и онъ рѣшился скорѣе погибнуть, нежели спастись бѣгствомъ отъ животнаго, вѣреннаго его попеченію. Когда Шерумаль, ожидая смерти, старался еще криками и ударами привести слона въ повиновеніе, вдругъ слонъ успокоился: его движенія сдѣлались не такъ быстры, и онъ даже опустилъ хоботъ, которымъ началъ было, какъ палицею, размахивать въ воздухѣ.

Такое дѣло совершилъ тихій и пріятный голосъ Малики. Эта дѣвушка; замѣтивъ, что дѣлается у кавала, поспѣшила спасти магута.

— Ахъ! бѣдный Шерумаль! сказала она магуту, когда словъ совсѣмъ успокоился: — ты вѣрно очень обидѣлъ Субалу, ежели онъ такъ на тебя рассердился?

— Да я развѣ виноватъ, отвѣчалъ Шерумаль, совсѣмъ растерявшійся отъ жутка и радости: — что этому накодъ пришло въ голову приказать вытаскигъ изъ канала такое бревно, которое тутъ пятьдесятъ лѣтъ лежало потому, что его никогда не могли вынуть?

— Накода въ правѣ приказывать дѣлать все то, за что онъ платитъ деньги, сказала Малика. — Ну ободрись! такъ, кажется, хочешь заглянуть въ глазахъ цѣлаго города. Только этого и не доставало! И то вездѣ говорятъ о твоей неудачѣ.

— Ежели я плачу, то плачу отъ бѣшенства! вскричалъ магутъ и опять направилъ слона къ каналу.

На этотъ разъ Субала вытаскивалъ тяжелое бревно и хотя съ большимъ усиліемъ, но уложилъ его на мѣсто, какъ слѣдовало. Эту трудную работу совершилъ онъ спокойно и послѣдовательно, исполняя всѣ приказанія магута, который руководилъ всѣми его движеніями съ помощью своего желѣзнаго крючка.

Большая толпа опять собралась, когда словъ успокоился: всѣ громкими криками и рукоплесканіями выражали свое удивленіе сильному животному и его коняку. Посреди этой толпы, Малика вѣскольکو минутъ стояла неподвижно, съ корзиною на головѣ, въ граціозной позѣ гранитныхъ статуй, украшающихъ портики пародъ. Вѣтеръ распахнулъ на ней шаль, и Юсуфъ могъ любоваться ею во всемъ блескѣ ея красоты. Онъ глядѣлъ на нее такими страстными глазами, что она неперемѣнно бы покраснѣла, ежели бы на него взглянула. Но Малика скоро опомнилась и, не желая привлечь на себя и на свои наряды вниманія толпы, поспѣшно удалилась. Она скрылась въ толпѣ, какъ звѣзда скрывается въ тучахъ, ежели можно употребить это любимое сравненіе индусскихъ поэтовъ.

Въ теченіе слѣдующихъ дней, на базарѣ только и говорили, что о подвигѣ слона Субалы. Рассказывали, что молодая дочь садовника околдовала слона и магута. Шерумаль также вѣрилъ въ магическую власть Малики.

— Она меня презираетъ, говоритъ про себя несчастный магутъ: — а между тѣмъ я не могу ее не любить! Когда я ее не вижу, то хотѣлъ бы, кажется, пересказать ей тысячу разныхъ вещей, а какъ только съ ней встрѣчусь, не могу проговорить ни слова!... Сколько тяжкихъ трудовъ стоило мнѣ воспитать и выучить моего слона, и вотъ въ критическую минуту я не сумѣлъ съ нимъ ладить; а между тѣмъ она укротила его вѣсколькими словами! Она спасла меня отъ гибели: не будь тутъ ея, Субала растопталъ бы меня въ

прахъ, а я даже не догадался ее поблагодарить! О Малика! береговые кунишаны (колдуны) научили тебя магическимъ заклинаніямъ, которыми ты укрощаешь животныхъ и чаруешь людей!

Размышляя о своемъ горѣ, Шерумаль отправился со слономъ въ кокосовый лѣсъ, куда обыкновенно онъ его водилъ покормить послѣ работы. Другіе магуты повели своихъ слоновъ къ Алешскому каравансараяу, небольшому красивому зданію, бывшему нѣкогда дворцомъ траванкорскаго раджи, а теперь почти совсѣмъ развалившемуся. Въ этомъ каравансараяѣ находятся замѣчательныя скульптурныя украшенія, въ которыхъ фантастическій индійскій стиль удивительно хорошо соединенъ со стилемъ мавританскимъ. Зданіе это лежитъ между городомъ и моремъ на обширной равнинѣ, покрытой густымъ лѣсомъ. Путешественники обыкновенно пріѣзжаютъ сюда смотрѣть на слоновъ и бросаютъ имъ небольшія мѣдныя монеты, составляющія доходъ магутовъ. Въ этотъ день, Шерумаль вовсе не былъ расположенъ водить своего слона на показъ. Онъ привязалъ его за ногу къ толстому стволу пальмы, помѣстивъ передъ нимъ огромную груду кокосовыхъ листьевъ и другихъ свѣжихъ травъ и улегся подъ деревьями. Корнакъ и его слонъ еще нѣсколько сердились другъ на друга: корнакъ упрекалъ слона въ неповиновеніи, а слонъ не могъ забыть о чрезмѣрно трудной работѣ, къ которой его принудили. Съѣвъ такую кучу травы, которой бы не съѣли и десять норманскихъ лошадей, Субала расположился отдохнуть. Онъ покрылъ себѣ спину, шею и голову листьями и вѣтвями, чтобы предохранить себя отъ укушеній насѣкомыхъ и опустилъ хоботъ. Въ этомъ видѣ, похожій на большую лѣсную хищину, задремалъ онъ, стоя на четырехъ, толстыхъ какъ древесные стволы, ногахъ.

V. РЫБАКЪ ТИРУВАЛАА.

На слѣдующее утро, старый садовникъ, отецъ Малики, еще до солнечнаго восхода, отправился собирать кокосовые орѣхи. Кривымъ ножикомъ онъ вырѣзывалъ ступеньки въ стволѣ дерева и такимъ образомъ подымался къ самымъ верхушкамъ пальмъ. Воздухъ былъ чрезвычайно пріятный и свѣжій. Коршуны и вороны высоко взлетали на воздухъ, размахивая крыльями нѣсколько отсырѣвшими и отяжелѣвшими отъ утренней росы; черная кукушка издавала жалобный крикъ, похожій на человѣческій голосъ. Малика, расположившись въ садикѣ подъ деревьями на цыновкѣ, лѣживо покуривала свое гука и мечтала съ закрытыми глазами.

Въ это время магутъ Шерумаль проѣзжалъ на слонѣ, мимо за-бора. Старый садовникъ подозвалъ его къ себѣ и сказалъ :

— Какъ должно быть пріятно утромъ гулять, сидя, какъ какой нибудь раджа, на спинѣ слона.

— И наше ремесло, какъ всякое другое, бываетъ по временамъ скудно и опасно, отвѣчалъ Шерумаль. — Вотъ еще вчера я чуть не отправился на тотъ свѣтъ.

— А что? должно быть Субала покапризничалъ?

— Онъ даже было вѣбѣлся в непремѣнно бы растопталъ меня ногами, еслибы не выручила меня твоя Малика: она нѣсколькими словами укротила разъяренное животное.

— Скажи пожалуй! Какая удивительная дѣвушка! Согласись, Шерумаль, что другой такой не найти въ цѣломъ Трананорѣ!

— Твоя правда! сказалъ магутъ, тяжело вздохнувши: — у нея такой голосъ и такіе глаза, что она можетъ заколдовать кого захочетъ, и людей и животныхъ. Всѣ говорятъ, что она умѣетъ заклинать.

— Неужели? Да кто бы ее этому научилъ. Ужъ вѣрно не я, потому что я никогда не бывалъ колдуномъ.

— Я тоже не бывалъ, наивно сказалъ Шерумаль. — Вчера я такъ былъ взволнованъ, что даже не поблагодарилъ ее за спасеніе жизни... Я постараюсь когда нибудь на дѣлѣ оказать ей мою признательность, а теперь попрошу тебя, чтобы ты отдалъ ей этотъ подарокъ. Это единственная драгоценность, которую мнѣ, умирая, оставила моя бѣдная матушка.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ подалъ старику на концѣ своего желѣзнаго крюка коралловое ожерелье, которое старикъ принялъ, нагнувшись съ вершины дерева.

— Ты славный мальиъ, Шерумаль! дружески сказалъ ему старикъ. — Малика будетъ тебѣ очень благодарна за этотъ подарокъ.

— О, нѣтъ! отвѣчалъ магутъ: — она меня не любитъ. Пусть она только этотъ подарокъ хранить у себя и мнѣ его не возаращаетъ, такъ съ меня и этого довольно. Скажи ей, что я ужъ больше не буду ее беспокоить моими посѣщеніями; но ежели когда нибудь присутствіе магута перестанетъ быть для нея непріятнымъ, то пусть она только надѣнетъ это ожерелье, а я тотчасъ забуду о всѣхъ мученіяхъ, какія она заставила меня вытерпѣть.

Старикъ не размышлялъ хорошо послѣднихъ словъ. Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ за удалявшимся магутомъ, не понимая, почему магутъ общался болѣе къ нимъ не приходить.

Шерумаль поѣхалъ къ каналу и занялся обыкновенною своею работою.

Въ небольшомъ разстояніи отъ канала, знакомые намъ рыбаки завтракали у морскаго берега.

— Скоро ли мы возвратимся къ нашему промыслу? спросилъ брата Тирупатти: — хотѣлось бы обновить наши сѣти.

— Намъ нужно прежде покончить дѣло поважнѣе твоихъ сѣтей, пока этотъ проклятый бѣггровъ стоитъ еще на рейдѣ, отвѣчалъ Тирувалла. Развѣ ты позабылъ, что мы должны рассчитаться съ наководой за тѣ непріятности, которыя онъ намъ надѣлалъ, да въ придачу такъ насолить арабу, чтобы онъ долго насъ помнилъ!

— Посмотри, какъ чайки увиваются надъ моремъ; вѣрно тамъ цѣлое рыбье руно!

— Смотри лучше сюда! вотъ видишь, навода ѣдетъ къ берегу, развалившись на коврѣ, какъ будто какой нибудь набобъ; кажется, онъ надъ нами смѣется!

— Неужели это онъ? Такъ я поскорѣ уйду.

— А я, такъ останусь, сказалъ Тирувалла.

Онъ дѣйствительно остался, и когда навода вышелъ на берегъ и отправился въ городъ, — онъ, визко кланаясь, подошелъ къ гребцамъ, перевезшимъ наводу съ бѣггрова. Рыбакъ тотчасъ узналъ между ними матроса, опрокинувшаго его лодку, и почтительно взялъ его за руку.

— Что тебѣ надобно? сказалъ, улыбаясь, арабъ: — вѣдь это ты, кажется, по моей милости выкупался въ морѣ?

— Ба! да это была шутка! отвѣчалъ Тирувалла: — да притомъ навода щедро насъ тогда вознаградилъ. Я на васъ не гнѣваюсь, и ежели вамъ что-нибудь нужно, такъ я къ вашимъ услугамъ.

— Намъ ничего не нужно. Завтра вечеромъ мы отправляемся домой.

— Неужели такъ скоро? вскричалъ Тирувалла и поднялъ руки къ небу.

— Да! навода торопится. Онъ уже нагрузилъ корабль и на славу отдѣлалъ каюту, которая теперь похожа на палатку шейка. Вѣрно онъ нашелъ въ Алепѣ рѣдкую птичку, ежели приготовилъ для нея такую богатую клетку!

— Это вовсе не касается до насъ, бѣдныхъ рыбаковъ, равнодушно сказалъ Тирувалла. — Желая вамъ счастливаго плаванья.

— *Аллахъ гафисъ!* (да наградитъ тебя Богъ!) сказалъ матросъ и побѣжалъ вслѣдъ за товарищами.

Въ это время Тирупатти, увидѣвъ что матросы ушли, подошелъ къ брату.

— *Послушай!* сказалъ ему Тирувалла: — я готовъ тебѣ простить нашу неудачу, которая произошла единственно по причинѣ твоей

груести, но только съ условіемъ, чтобы ты мнѣ помочь въ моемъ новомъ предпріятіи. Подожди здѣсь, я сейчасъ вернусь и разскажу тебѣ въ чемъ дѣло.

Хитрый рыбакъ пошелъ отъискивать Шерумаль, работавшаго въ это время у канала. Онъ долго выжидалъ случая поговорить съ нимъ наединѣ. Наконецъ, когда магутъ, кончивъ работу, отправился съ своимъ слономъ къ кокосовому лѣсу, Тирувалла подошелъ къ нему и сказалъ:

— Какой у тебя прекрасный слонъ! Я никогда не видывалъ такого большого и красиваго животнаго.

Шерумаль ничега не отвѣчалъ на этотъ комплиментъ, который ему очень часто случалось слышать. Онъ щекоталъ своимъ желѣзнымъ крюкомъ слона по спинѣ, чѣмъ, казалось, слонъ былъ очень доволенъ.

— Сегодня только и говорить на базарѣ, что о Субалѣ и о его магутѣ, прибавилъ рыбакъ. — А знаешь ли, что еще говорить?

— Мнѣ рѣшительно нѣтъ до этого никакого дѣла, отвѣчалъ Шерумаль, который, какъ честный и прилежный работникъ, не любилъ общества пустыхъ болтуновъ.

— Мнѣ тоже до этого нѣтъ дѣла. Если я оставилъ мою лодку и пришелъ поговорить съ тобою, такъ это потому, что базарные толки именно до тебя, Шерумаль, касаются.

— Глушь тотъ, кто заботится о такихъ пустыхъ сплетняхъ, замѣтилъ магутъ.

— Почему знать! А что ты скажешь, если я тебѣ доставлю случай оказать услугу той хорошенькой дѣвушкѣ, которая вчера спасла тебѣ жизнь?

— Ба! сказалъ Шерумаль: — да она обо мнѣ вовсе не заботится....

— Ну, если такъ, то прощай! Я тебѣ навязываться не буду. Однако жаль бѣдной Малики! Ты одинъ могъ ее спасти!

— Ее спасти!... отъ кого? вскричалъ Шерумаль. — Развѣ тебя она прислала ко мнѣ? Ты кто такой? Я тебя вовсе даже не знаю. Какъ же ты хочешь, чтобы я тебѣ повѣрилъ?

— Ты можешь собственными глазами убѣдиться въ томъ, что я тебѣ говорю. Будь только сегодня и завтра вечеромъ у хижины Малики, и ты самъ увидишь, нужна ли ей твоя помощь, или нѣтъ.

Эти слова рыбака сильно обезпокоили магута, хотя онъ и не волялъ, какая опасность грозитъ Маликѣ и несомнѣнъ зѣрилъ предостереженіямъ незнакомаго и подозрительнаго человека. Не имѣя силъ преодолѣть свои опасенія, Шерумаль въ тотъ же день вечеромъ отправился наблюдать за хижиной Малики, но не открылъ

тамъ рѣшительно ничего опаснаго. Онъ подумалъ, что рыбакъ надъ нимъ пошутилъ, однако рѣшился прійти и въ слѣдующій вечеръ.

Между тѣмъ Маликѣ дѣйствительно угрожала тогда большая опасность, а именно — опасность попасть въ сѣти нагоды Юсуфа-Али. Въ тотъ же день арабъ отправился къ садику стараго садовника, но уже не въ полдень, а вечеромъ. Малика очень обрадовалась его приходу, тѣмъ болѣе, что уже давно его не видала. Она побѣжала къ нему на встрѣчу, лишь только его увидѣла. Невинная и простосердечная дѣвушка, она полюбила иностранца, дарившаго ей богатые украшенія. Онъ былъ красивъ собою и хорошо одѣтъ, и потому ей казалось, что онъ достоинъ любви болѣе, нежели какой либо другой знакомый ей мужчина. Какъ сравнить съ нимъ этого бѣднаго магута съ его муселиновымъ тюрбаномъ и бѣлымъ кускомъ бумажной ткани, составлявшимъ почти всю его одежду!... Ни богатство, ни таинственность, ничто не говорило въ пользу Шерумала, который притомъ былъ съ нею всегда очень застѣчивъ. Малика очень хорошо знала чувства Шерумала, но она презирала его рабскую преданность! Юсуфъ — совсѣмъ другое дѣло. Его взглядъ и осанка выражали гордость, отвагу, благоразуміе и привычку повелѣвать. И теперь онъ подошелъ къ Маликѣ и сказалъ твердымъ голосомъ:

— Я уѣзжаю завтра.

Молодая дѣвушка была поражена этими словами. Юсуфъ продолжалъ.

— Я уѣзжаю завтра. Хочешь ли ты за мною слѣдовать? Ты будешь царицею въ моемъ маскатскомъ домѣ, который покажется тебѣ дворцомъ въ сравненіи съ этой жалкой лачужкой.... Десять невольницъ будутъ исполнять твои приказанія, и ты будешь жить въ Аравіи, въ этой прекрасной и счастливой странѣ! На корабль моемъ я уже приготовилъ для тебя великолѣпную каюту!

— А мой отецъ? спросила смущенная дѣвушка, у которой, казалось, не было болѣе силъ бороться съ искушеніемъ.

— Отецъ твой, ежели захочетъ, къ тебѣ пріѣдетъ. Черезъ годъ я здѣсь буду и привезу его къ тебѣ. Мы даже вмѣстѣ за нимъ пріѣдемъ, ежели будешь этого желать. Что же? согласна ли ты завтра вечеромъ со мною отправиться?

— Завтра вечеромъ? печально спросила Малика. — Почему ты не сказалъ мнѣ объ этомъ ранѣе? Такъ скоро ѣхать въ отдаленную и неизвѣстную страну!

— Я долженъ сейчасъ возвратиться на корабль. Мнѣ некогда!... Завтра вечеромъ я приду за тобою. Скажи, Малика, прибавилъ онъ

болѣе мягкимъ голосомъ: — долженъ ли я завтра прійти, или нѣтъ?

— Приходи! тихо сказала Малика.

Восхищенный арабъ удалился, говоря про себя: «она моя!»

VI. ЛОДКА И НИРОГА.

Юсуфъ-Али вовсе не имѣлъ тѣхъ рыцарскихъ понятій о любви, которыми отличались благородные гренадскіе мавры. Его любовь къ Маликѣ похожа была на любовь паши къ хорошенькой невольницѣ, которую онъ торгуетъ на базарѣ. Онъ вовсе не заботился о томъ, что бѣдная дѣвушка, увезенная въ Маскатъ и заключенная въ четырехъ стѣнахъ гарема, вмѣстѣ съ другими пятью или шестью ревнивыми женами, можетъ быть умереть съ тоски по отцовской хижинѣ. Богатыми подарками онъ ловко ослѣпилъ и увлекъ простую и неопытную малабарскую дѣвушку, — и бѣдная Малика попала въ золотую удочку, какъ это вообще нерѣдко случается съ восточными дѣвушками точно такъ же, какъ и съ нашими западными, болѣе образованными и опытными, красавицами. Всю ночь она думала о своемъ отъѣздѣ, и въ воображеніи своемъ она уже видѣла самую счастливую и увлекательную будущность. Когда наступилъ день, ей показалось, что солнце блеститъ ярче, чѣмъ когда либо, и что цвѣты наполняли садикъ какимъ-то особеннымъ благоуханіемъ. Нѣжный взглядъ старика отца нѣсколько ее смутилъ. Можетъ ли она оставить въ этой хижинѣ своего отца одного, когда въ теченіи пятнадцати лѣтъ онъ привыкъ видѣть въ ней свою единственную отраду и счастье! Переживетъ ли онъ такое горе!... Но вѣдь арабъ обѣщалъ привезти ее къ отцу черезъ годъ!... И не искупится ли эта печаль разлуки радостью свиданія? Такъ думала Малика, и тайкомъ готовилась къ отъѣзду.

Юсуфъ почти совсѣмъ готовъ былъ сняться съ якоря. Матросы его наливали свѣжею водою бурдюки изъ козлиныхъ кожъ. Какъ только солнце скрылось, накола отправился на берегъ въ сопровожденіи двухъ только матросовъ; онъ приказалъ везти себя въ большой каналъ, проѣхалъ по немъ весь городъ Аленъ и своротилъ въ одинъ изъ ручейковъ, орошавшихъ предмѣстье. Пріѣхавъ такимъ образомъ на небольшое разстояніе отъ хижины Малики, онъ приказалъ гребцамъ остановиться и ждать и пошелъ по знакомымъ тропинкамъ къ хижинѣ. Малика дождалась его въ самомъ темномъ углу садика, и какъ только онъ пришелъ, судорожно схватила его за руку, предаваясь такимъ образомъ совершенно во

власть иностранца. Юсуф хотѣлъ тотчасъ увлечь ее къ лодкѣ, но Малика еще колебалась: она въ это время услышала дрожащій голосъ своего отца возвращавшагося съ буйволами съ работы и напѣвашаго какую-то унылую малабарскую пѣсню. Малика гажко вздохнула, и изъ глазъ ея полились слезы! Ей живо представилось все счастливое ея дѣтство, она испугалась своего поступка и вся задрожала. Но, желая преодолѣть это невольное чувство, она бросилась въ объятія Юсуфа и поспѣшно начала съ нимъ уходить. Они быстро и легко приближались къ лодкѣ, какъ вдругъ Юсуфъ остановился: онъ услышалъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ молятся вѣтямъ, какъ будто къ нимъ на встрѣчу шагаль сдѣнь. Тогда онъ схватилъ дѣвушку на руки и, сверотивъ съ дороги, подемъ принесть ее къ лодкѣ. Такимъ образомъ побѣгъ этотъ совершился незамѣтно, и они могли теперь, не оставляя за собою никакого слѣда, придти къ самому бѣгрову. По приказанію нагоды, гребцы начали грести тихо, не дѣлая почти никакого шума и даже вовсе не смотря на молодую женщину, сидѣвшую рядомъ съ накой и покрытую темнымъ покрываломъ.

Между тѣмъ Шерумаль, бродившій со своимъ словомъ въ хижинѣ Малики, видѣлъ какъ двѣ тѣни проскользнули мимо забора. Умный Субала, съ большимъ спокойствомъ захопалъ было усами, когда нагода сворачивалъ съ тропинки, и магутъ тотчасъ поспѣшно приблизился къ хижинѣ и началъ громко звать Малику.

— Кто тамъ? что тебѣ нужно отъ Малики? отвѣчалъ старшій садовникъ.

— Что? дочь ваша съ вами? спросилъ магутъ.

— Нѣтъ! садовно оказался старикъ: — она, кажется, еще въ саду собираетъ овощи....

Но вдругъ вспомнивъ, что въ такое позднее время, Малика обыкновенно бывала въ хижинѣ, онъ началъ съ спокойствомъ кричать:

— Малика! Малика!

Отвѣта не было.

— Вы видите, что ея нѣтъ въ саду, сказалъ магутъ. — Боже мой! что съ нею случилось!

Эти слова какъ громомъ поразили старика. Онъ упалъ на землю и началъ рыдать, безпрестанно повторяя имя своей возлюбленной дочери. Шерумаль оставилъ его въ этомъ состояніи и, самъ не зная, что дѣлать, отправился по прямому пути къ большому каналу, къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно работалъ. Тутъ изъ за пальмовыхъ деревьевъ онъ увидѣлъ лодку араба. Шерумаль нагнулся и увидѣлъ, что въ лодкѣ сидятъ женщина, окутанная покрываломъ.

Слонъ опять съ безпомощнымъ захопалъ ушами, и тогда Шерумаль вскрикнулъ :

— Маллика! это ты?

Маллика ничего не отвѣчала, но Шерумаль ясно видѣлъ, какъ она при этихъ словахъ встрепетулась и начала плотнѣе укутываться въ шокрывало. Тогда Шерумаль направилъ слона въ каналъ. Страшные брызги, вылетающіе изъ подъ ногъ тяжелого животного, чуть было не потопили лодку; но матросы начали грести такъ омыно, что лодка неслась, какъ стрѣла, по гладкой поверхности канала. Видя, что ему не догнать лодки въ каналѣ, Шерумаль выѣхалъ на берегъ и поспѣшно отправился къ устью канала. Въ этомъ мѣстѣ, гдѣ вода прѣсная соединяется съ морскою, волны морскія сильно улаживаются о берегъ и чрезвычайно затрудняютъ выходъ изъ канала въ море. Когда лодка Юсуфа приплыла къ этому мѣсту, и Маллика увидѣла страшную морскую волну, несшуюся прямо на нихъ, то она въ испугъ громко вскрикнула. Но опытные матросы подождали, пока волна не разбилась и не улеглась, а потомъ разомъ омыно толкнули лодку впередъ и благополучно проѣхали черезъ бурунь. Въ эту минуту Шерумаль бросился въ волны морскія со своимъ слономъ. Субала, погруженный по самую грудь въ водѣ, схватилъ хоботомъ за край лодки.

— Остановитесь! или я васъ потоплю, вскричалъ магутъ. — Держи лодку, Субала!

Въ эту минуту Юсуфъ хотѣлъ отрубить хоботъ слона своимъ ятаганомъ.

— Спаси Маллику! мой добрый Субала, съ жаромъ вскричалъ Шерумаль: — я потопи этихъ разбойниковъ!

Субала его понялъ. Однимъ ударомъ тяжелой ноги онъ раздалъ лодку, какъ орѣховую скорлупу, и въ то же время гибкимъ хоботомъ обвилъ станъ трепетавшей Маллики и отдалъ ее магуту. Потомъ онъ пошелъ къ берегу, вовсе не беспокоясь о макодѣ и матросахъ, барахтавшихся въ водѣ.

Скоро волна выбросила на берегъ разломанную лодку и матросовъ. Матросы трепетали отъ испуга, а макода весь дрожалъ отъ ярости. Желая поскорѣе возвратиться на бортъ корабля и укрыть тамъ свой стыдъ, онъ посмотрѣлъ кругомъ, не увидитъ ли на берегу какойнибудь лодки. Знакомые намъ братья рыбаки случились тутъ какъ нарочно. Младшій братъ, Тирупатти, страшно испугался, когда увидѣлъ въ этомъ состояніи ужаснаго макоду; но Тирупатти схватилъ ему на ухо:

— Не бойся! теперь намъ онъ ничего не сдѣлаетъ. Новомъ онъ подошелъ къ Юсуфу и сказалъ:

— Накода, кажется, желаетъ переѣхать на корабль? Но вѣдь накода знаетъ, что наша пирога не очень надежна.

— Поѣдемъ! сказала Юсуфъ: — вотъ тебѣ румя!

— О! накода великодушень! воскликнулъ рыбакъ, видѣвшій съ берега неудачу араба. — Какъ жаль, что его лодка разбилаь на бурунѣ! Для насъ, бѣдныхъ рыбаковъ, шпочемъ выкупаться въ морѣ; но для тебя, такого важнаго накоды, это должно быть крайне не-пріятно. Твоя прекрасная одежда вся въ грязи и въ водѣ!

Арабы вскочили въ пирогу, которая, какъ перышко, перескользнула черезъ бурунъ; минутъ черезъ десять они уже были на бѣггровѣ. Рыбаки пожелали накодѣ счастливаго пути и всевозможнаго благополучія и поѣхали назадъ къ берегу.

— Теперь, сказалъ Тирувалла: — мы разчитаемся съ этими собаками иностранцами! Накода хочетъ сегодня же отправиться; а я тебѣ говорю, что онъ скоро отсюда выѣдетъ. Вотъ, смотри! туманъ подымается съ земли. Не дожидаться же ему теперь вѣтру!

Въ самомъ дѣлѣ, прозрачный туманъ началъ разстилаться по берегу и по морю. На палубѣ бѣггрова били въ барабанъ, и тяжелая рея медленно подымалась подъ звукъ мѣрныхъ восклицаній матросовъ. Исполинскій парусъ былъ растянута во всю ширину, но онъ тотчасъ же упалъ, потому что вѣтеръ совершенно затихъ. Такъ прошло нѣсколько часовъ: море все оставалось совершенно спокойно и гладко, какъ озеро. Потомъ бѣггровъ повернулся на якорѣ и обратился кормой къ берегу; приливъ пачался. Арабы должны были отказаться отъ надежды отплыть въ этотъ день; матросы полѣзли на мачту и начали собирать парусъ. Юсуфъ еще нѣсколько времени прохаживался по палубѣ, и рыбаки наши, остановившіеся въ морѣ неподалеку отъ бѣггрова, долго еще видѣли яркій огонь его трубки. Наконецъ накода спустился въ пустую каюту, съ такимъ великолѣніемъ убранныю для Малики, а экипажъ расположился спать на палубѣ.

Тогда Тирувалла провелъ нѣсколько разъ по ладони своимъ длиннымъ ножомъ, желая убѣдиться, достаточно ли онъ остеръ, и приказалъ брату грести къ бѣггрову. Тирупатти сдѣлалъ нѣсколько взмаховъ веслами и вдругъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что братъ его бросился съ ножомъ въ море. Хитрый рыбакъ плылъ къ кораблю, какъ акула, не дѣлая ни малѣйшаго звука. Приплывъ къ бѣггрову, онъ отыскалъ толстый канатъ, посредствомъ котораго корабль держался на якорѣ, и перерѣзалъ его ножомъ. Тяжелый корабль двинулся съ мѣста и поплылъ къ берегу. Рыбакъ поспѣшно возвратился къ своей пирогѣ и съ восторгомъ указалъ брату на бѣггровъ, обреченный теперь на вѣрную гибель.

— Ты видишь теперь, сказалъ онъ: — что мы разлѣясся наконецъ съ арабами за ихъ мерзкую шутку. Поѣдемъ только за кораблемъ; когда онъ разобьется, то намъ непременно удастся хорошо поживиться.

Какъ мы уже сказали, морскія волны, ударяясь объ этотъ низкій и плоскій берегъ, возвышаются на нѣсколько аршинъ и потомъ упадаютъ и разбиваются съ страшнымъ шумомъ. Пока бѣгровъ плылъ по глубокому и спокойному морю, то ни матросы, ни нагода не могли замѣтить опасности этого положенія. Вдругъ кузовъ корабля ударился о дно, и испуганные арабы вскочили на ноги. Они сперва рѣшительно не могли понять отчего произошелъ этотъ страшный ударъ, отъ котораго тяжелая рея, вмѣстѣ съ парусомъ, упала на палубу. Отъ этого паденія, корабль погнулся на бокъ и совсѣмъ сталъ на мель. Волны буруна начали бить въ его бока съ страшною силою. На палубѣ произошло общее смятеніе: раненные упавшимъ парусомъ матросы кричали; съ берега хотя слышали эти крики, но не догадывались въ чемъ дѣло и не подавали никакой помощи разбивающемуся кораблю.

Въ такую критическую минуту только опытность и хладнокровіе капитана могутъ спасти корабль. Къ несчастью, нагода Юсуфъ въ эту минуту былъ въ положеніи болѣе опасномъ, нежели его матросы. Черезъ разбитый бокъ корабля вода устремилась въ его каюту и сильно ударила его объ стѣну. Съ разбитой головой, почти совсѣмъ залитый водою, онъ силится отворить дверь каюты и высочить на палубу. Въ эту минуту кто-то другой отворилъ эту дверь, и нагода увидалъ передъ собою рыбака Тируваллу.

— Это я! сказалъ индусъ, злобно улыбаясь. — Давай сюда деньги! или я тебя сейчасъ же убью!

Юсуфъ окинулъ его пламеннымъ взоромъ, въ которомъ вырмалась злость и презрѣніе.

— Нечего медлить! сказалъ рыбакъ: — ты видишь, что твой корабль разбивается. Давай поскорѣе всѣ твои деньги, и я тебя спасу!

Дѣйствительно, нечего было медлить; кораблю оставалось жить только нѣсколько минутъ. Нагода, какъ левъ, бросился съ ятаганомъ на рыбака: они упали въ воду на дно каюты и, скватившись руками, поражали однихъ другого ударами клинковъ. Индусъ хотѣлъ было спастись бѣгствомъ, но разсвирѣпѣвшій арабъ его не пускалъ и нѣсколько разъ возмилъ ему въ грудь своей кривой ятаганъ. Эта смертельная борьба кончилась только тогда, когда вся нормовая часть бѣгрова отъ удара волнъ разлетѣлась въ щепки. Когда наступилъ отливъ, то обломки корабля остались на землѣ; боль-

шая часть экипажа была спасена; но наковды Юсуфа нигдѣ не нашли. Тирупатти, прѣикавшій вмѣстѣ съ братомъ къ разбившемуся кораблю, долго искалъ Тируваллу между обломками; но когда онъ его нигдѣ не нашель, то поскорѣе благоразумно удался къ берегу. Сдѣлавшись теперь единственнымъ и полнымъ обладателемъ пироги и новыхъ сѣтей, купленныхъ въ Аленѣ на деньги Юсуфа, онъ возвратился въ свою деревеньку и занялся рыболовствомъ, навсегда отказавшись отъ всѣхъ другихъ, менѣе честныхъ и не слишкомъ правившихся ему промысловъ, въ которыхъ онъ противъ воли помогалъ вреде брату.

VII. БАЗАРНЫЕ ТОЛКИ.

Послѣ ухода Шерумала, старшій садовникъ началъ съ отчаяніемъ звать свою дочь по всѣмъ концамъ садика. Какъ скупецъ, потерявшій свои сокровища, онъ бѣгалъ съ факеломъ въ рукахъ между кокосовыми деревьями и заглядывалъ подъ каждый кустъ. Слезы текли на его сѣдую бороду; какія-то несвязныя слова и стонанія вырывались изъ его груди. Онъ былъ похожъ на сумасшедшаго; но при видѣ его странныхъ движеній, никто бы не былъ въ состояніи смѣяться, потому что нѣтъ ничего въ свѣтѣ печальнѣе слезъ, проливаемыхъ старикомъ. Впрочемъ, отчаяніе его не долго продолжалось. Вскорѣ слонъ Субала съ гордостью принесъ Малику къ хижинѣ старика. Шерумаль былъ въ восхищеніи отъ мысли, что ему удалось такъ скоро оказать своей спасительницѣ великую услугу. Онъ одною рукою придерживалъ дѣвушку, а другою оберегалъ лицо ея отъ древесныхъ вѣтвей. Не спрашивая о причинахъ и подробностяхъ такого страннаго событія, честный магуть думалъ только о томъ, чтобы скорѣе успокоить старика. Увидѣвъ издали, что бѣдный отецъ сидитъ на землѣ у колодца съ факеломъ въ рукахъ, съ выраженіемъ тоски и отчаянья въ лицѣ, Шерумаль нагнулся къ молодой дѣвушкѣ и сказалъ:

— Малика! подыми голову и скажи что нибудь; пусть отецъ услышитъ твой голосъ!

Молодая дѣвушка, казалось, очнулась послѣ мучительнаго сна и затрепетала.

— Малика! не бойся... ты спасена! говорилъ магуть. — Я тебя вырвалъ изъ рукъ твоего похитителя...

— А кто тебѣ сказалъ, что этотъ похититель увезъ меня противъ моей воли? сказала Малика тономъ упрека.

Бѣдный Шерумаль вовсе не ожидалъ такого отвѣта. Онъ хорошо вѣдалъ, что съ этого времени Малика будетъ его ненавидѣть за та-

кую его нелѣвкую услугу. Сердце его при этой мысли болѣзненно сжалось. Впрочемъ, все-таки его нѣсколько утѣшала мысль, что онъ исполнилъ свой долгъ и сдѣлалъ доброе дѣло.

— Вотъ твою дочь!... сказалъ онъ старику: — возьми ее и проси, чтобы она меня простила.... я думалъ, что я дѣлаю хорошо....

Старикъ всюю душою предался чувству радости при видѣ дочери и вовсе не понималъ, что ему хотѣлъ сказать магутъ.

— Слѣзай поскорѣе со слона, сынъ мой Шерумаль! говорилъ старикъ. — Ты возвратилъ мнѣ жизнь! и за эту услугу, я тебѣ готовъ отдать все, что имѣю!...

Но магутъ ничего не отвѣчалъ и скрылся.

На другой день въ Алепѣ много было различныхъ толковъ о крушеніи баггрова. Одинъ говорилъ, что некогда сдѣлалъ неудачный маневръ и посадилъ корабль на мель; другіе говорили, что матросы взбунтовались и умертвили вакоду, а потомъ нарочно разби-ли корабль, чтобы скрыть слѣды преступления; наконецъ нѣкоторые утверждали, что Юсуфъ вовсе не погибъ, и что видѣли, какъ онъ быстро понесся на крылатомъ ковѣ по дорогѣ въ Кочинъ, держа въ рукахъ прекрасную дѣвушку, которую онъ похитилъ въ Алепѣ. Такимъ образомъ, изъ этого событія образовалась цѣлая, удивительная и полная чудесъ исторія. Слухи эти доходили и до Малики, но она, разумѣется, не дѣлала на нихъ никакихъ замѣчаній. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, она не выходила изъ своего садика, въ которомъ работала вмѣстѣ съ отцомъ. Старикъ, который вовсе не подозрѣвалъ того, что его дочь добровольно отдавалась въ руки араба, часто говорилъ о угрожавшей ей несчастной и скучной жизни въ гаремѣ Юсуфа, и эти разсужденія, совершенно справедливыя, на нее сильно подѣйствовали. Мало по малу дѣвушка убѣдилась, что, подъ прикрытіемъ вѣжливости и щедрости, въ поступкѣ араба было гораздо болѣе эгоизма, нежели любви. Она не хотѣла вѣрить, что арабъ погибъ, и скорѣе соглашалась, что онъ ускакалъ съ другой красавицей, какъ въ этомъ многіе были убѣждены; она думала, что черезъ годъ арабъ опять пріѣдетъ и тогда откроется вся истина этого событія.

Но годъ прошелъ, и арабъ не возвращался. Подъ вліяніемъ отсутствія и отчасти ревности, она перестала о немъ думать и наконецъ призналась во всемъ своему отцу.

Шерумаль тоже никому не говорилъ о томъ, какимъ образомъ Малика досталась въ руки араба, и какъ онъ ее спасъ. Честный магутъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ несчастныхъ любовниковъ, которые стараются злословіемъ отмстить за равнодушіе или преве-

бреженіе своихъ возлюбленныхъ. Онъ не оправдалъ этой испанской пословицы:

«Nada mas atrevido, que el amor despreciado.»

(Нѣтъ ничего смѣлѣе отверженной любви.)

Хотя Малика не очень благосклонно съ нимъ обращалась, однако онъ не переставалъ о ней думать. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пересталъ съ ней видѣться, онъ востолчно былъ печаленъ, а Субала нерѣдко капризничалъ.

Разъ какъ-то магутъ проѣзжалъ не подалеку отъ садика Малики, замечтался и предоставилъ слову вати куда хочеть. Слово тотчасъ поворотилъ къ хижинѣ Малики, и какъ только ее завидѣлъ, остановился и привѣтствовалъ ее движеніемъ хобота.

— Субала! тихо сказала Малика: — ты меня спасъ отъ большой опасности; но я должна быть за это благодарна не только тебѣ, но и твоему господину....

Шерумаль при этихъ словахъ задрожалъ, взглянулъ на дѣвушку, и увидѣлъ у нея на шеѣ коралловое ожерелье:

— Такъ ты меня простила? сказалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.

— Батюшка! сказала Малика, обращаясь къ старому садовнику. — Поговорите съ Шерумалемъ, а то онъ боится, чтобы я его не заколдовала!

— Ахъ, магутъ! сказалъ старикъ: — въ твои дѣта я не боялся такихъ чаръ! Ежели тебя околдовали глаза моей дочери, то они же могутъ тебя и вымечить. Ты видишь, что Малика тебѣ все простила, и даже ту услугу, которую ты ей оказалъ.

Къ величайшей радости стараго садовника, Малика съ этого времени стала благосклоннѣе принимать честнаго и преданнаго ей Шерумала. Съ тѣхъ поръ магутъ повеселѣлъ, а Субала пересталъ капризничать.

Ежели вамъ когда нибудь случалось бывать въ Аленѣ, то вы не могли не замѣтить тамъ большаго и красиваго слона, особенно хорошо выдѣлывающаго курбеты. Это и есть Субала. Когда приѣзжаютъ въ Каравансарай какіе нибудь важные иностранцы, то всегда Субала появляется вмѣстѣ съ своимъ магутомъ, счастливымъ Шерумалемъ. По знаку магута, умное животное усаживаетъ верхомъ на своемъ хоботѣ двухъ или трехъ рѣзвыхъ мальчишекъ, которые играютъ съ нимъ какъ съ своимъ другомъ. Покачавъ ихъ одного за другимъ въ воздухъ, онъ отдаетъ ихъ на руки матери, которая, конечно, была не кто иная какъ прекрасная Малика.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

Замѣтки Новаго Поэта на поведѣ русской журналистики.

АПРѢЛЬ.

Около полугодѣ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ въ покоѣ русскую журналистику, не бесѣдовалъ съ моими друзьями-читателями, не видалъ въ глаза ни одного изъ моихъ враговъ-литераторовъ, не бралъ въ руки ни одного журнала и не читалъ ни одной литературной статьи, появившейся въ продолженіе этого времени. Блаженное время спокойствія и бездѣйствія, любви тишины и мира, я вспоминаю о тебѣ съ восторгомъ! Я думалъ навсегда разстаться съ русскою журналистикою.... Вдалекѣ отъ нея, въ безвѣстномъ уголку, окруживъ себя немногими друзьями, забывъ всѣхъ сочинителей и забытый всѣми сочинителями, я предался бы, безпечный и счастливый, всѣмъ очарованіямъ независимой весенней и лѣтней жизни.... Я бродилъ бы по лѣсамъ, по полямъ, отдыхая въ избѣ какойнибудь деревни, наблюдая и изучая деревенскія нравы вмѣстѣ съ авторомъ «Рыбаковъ», я охотился бы вмѣстѣ съ самымъ поэтическимъ охотникомъ въ мірѣ, съ авторомъ «Записокъ Охотника», который ввелъ бы меня во всѣ тонкости природы и научилъ бы меня понимать ее.... Утомленный охотой и прогулками я отдыхалъ бы на диванѣ; подруга жизни моей, Камена, увѣнчанная вѣнкомъ изъ камелій, всегда граціозная и очаровательная, разливала бы вечерній чай, а ктонибудь въ это время читалъ бы намъ избранные стихи Тютчева и Фета.... Какая жизнь! Какая мечта.... и какая поэзія!... Я былъ убѣжденъ, что мой искренній пріятель «Иногородный Подписчикъ», любезнѣйшій, шаловливѣйшій и вмѣстѣ серьезнѣйшій изъ людей, начитаннѣйшій и остроумнѣйшій изъ фельетонистовъ, онъ, который такъ ловко умѣетъ обозрѣвать русскіе журналы, не задѣвая авторскихъ самолюбій.... я былъ убѣжденъ, повторяю я, что онъ постоянно будетъ украшать своими «Письмами» «Современникъ», на радость и утѣшеніе многочисленныхъ поклонниковъ его таланта....

Но увы! не сбылись мои предположенія, убѣжденія и мечты.... «Иногородный Подписчикъ», не подписывающійся ни на одинъ журналъ, уѣзжаетъ на два дня въ деревню, отражая съ себя журнальную и книжную пыль и повторяя съ поэтомъ:

Сіяеть солнце, воды бл шуть.
 На всемъ улыбка, жизнь во всемъ,
 Деревья радостно трепещуть,
 Купаясь въ небѣ голубомъ ...

Невозможно оставаться долѣе въ городѣ.... Въ деревню! въ деревню!...

— Прекрасно, но кто же будетъ писать о русской журналистикѣ?

— А *Новый Поэтъ*?

Люди ужасные эгоисты, — это не ново, но справедливо.... •Иногородный Подписчикъ• сбѣжить отъ книжной и уличной пыли и отъ кирпичей, раскаленныхъ лѣтнимъ солнцемъ, и всѣ эти удовольствія предоставляетъ Новому Поэту. •Задыхайся онъ въ этой пыли, замуруй себя въ этихъ каменныхъ, раскаленныхъ стѣнахъ и выслушивай остроты и любезности своихъ журнальныхъ собратій въ то время, когда я буду впитывать пѣнію соловья и вдыхать въ себя цвѣточные ароматы.... • О, жестокосердый •Иногородный Подписчикъ!• въ тебѣ столько же эгоизма, сколько во мнѣ безпредѣльной любви къ моимъ собратамъ и ближнимъ, не включая и тебя... Богъ съ тобой, отправляйся въ деревню, упивайся свѣжимъ воздухомъ и свободною жизнью.... Я отпускаю тебя.... Такъ и быть.... Но да поймутъ же мое самоотверженіе твои многочисленные поклонники и почитатели и ради этой добродѣтели да не взыщутъ съ меня за рѣзкій переходъ отъ твоихъ •Писемъ•, полныхъ разнообразія, блестящихъ мастерскимъ изложеніемъ, къ моимъ безхитростнымъ, мало занимательнымъ, но искреннимъ •Замѣткамъ•....

Сколько событій совершилось въ эти полгода, съ той минуты, какъ я разстался съ вами, мои читатели!... И какъ передъ этими великими мировыми событіями становятся мелки, жалки и ничтожны всѣ наши литературные новости и толки. Собственно литературой занимаются въ настоящую минуту очень немногіе и то самые горячіе, самые неизмѣнные, самые ревностные ея поклонники.... Ея голосъ заглушается громомъ пушекъ и звуками побѣдоноснаго русскаго оружія.... Какія поэмы, повѣсти, романы могутъ сравниться интересомъ съ извѣстіями съ Дуная и Чернаго моря? Область фантазіи блѣднѣетъ передъ этою дѣйствительностію, окружающею насъ теперь, ея сказочные герои уничтожаются передъ настоящими героями, передъ такими героями какъ Щеголевъ, и сердце наше бьется усиленно при чтеніи такихъ страницъ, какъ, напримѣръ, слѣдующія:

• Въ бою при Ольтеницѣ, Генеральнаго Штаба капитанъ Батезатулъ, исполнявшій должность дивизіоннаго квартирмейстера II-й пѣхотной дивизіи, былъ контуженъ ядромъ и еврокинутъ вмѣстѣ съ лошадыю. Несмотря на сильную боль отъ контузіи и ушиба, онъ оставался на

конѣ въ продолженіе всего дѣла передъ 1 батальономъ Якутскаго пѣхотнаго полка, въ то время, когда сей батальонъ, въ концѣ атаки, опереждалъ всѣ прочія войска, причѣмъ подъ капитаномъ ранена другая лошадь.

Подпоручикъ Путята (также при Ольтеницѣ), находясь въ цѣпи, былъ тяжело раненъ въ ногу. Штуцерные хотѣли его поднять и нести на перевязочный пунктъ, но подпоручикъ сказалъ имъ: *ваше мѣсто впереди, меня подберутъ другіе* и остался, пока не былъ отнесенъ нижними чинами слѣдующаго батальона.

Командиръ 2 мушкетерской роты штабсъ-капитанъ Якутскаго пѣхотнаго полка Скородумъ, получивъ рану въ шею, самъ вынулъ пулю и, бросивъ ее, велъ свою роту до тѣхъ поръ, пока не получилъ новую рану въ руку. Перевязавъ рану и не желая разстаться съ своею ротою штабсъ-капитанъ Скородумовъ на другой же день прибылъ къ полку.

3 гренадерской роты Селенгинскаго пѣхотнаго полка фельдфебель Осипъ Щепановскій повѣрялъ во время сраженія, по приказанію командира, расчетъ своей роты; и когда разрывомъ гранаты убило вблизи его нѣсколько солдатъ, онъ засмѣявшись сказалъ: *постойте, бусурманы, дайте расчето-тъ кончить*.

2 гренадерской роты, того же полка, унтеръ-офицеръ Снозинъ (знаменщикъ 2-го батальона) въ то время, какъ граната упала между ассистентами и убила ихъ, самъ получилъ сильную контузію и упалъ со знаменемъ. Тогда другіе подскочили къ нему и хотѣли взять знамя, но Снозинъ, поднявшись, сказалъ: *пока живъ, никому знамени не отдаю*.

8 мушкетерской роты того же полка жолнеръ Магдинъ, когда былъ убитъ знаменщикъ, взявъ, не оставляя ружья, знамя и несъ его до тѣхъ поръ пока не получилъ пяти ранъ и, потерявъ много крови, упалъ. Магдина перенесли на перевязочный пунктъ и медикъ хотѣлъ тотчасъ же перевязывать его, какъ тяжело раненаго; но Магдинъ сказалъ доктору: *нѣтъ, я подожду еще; а вотъ переняжите лучше его блатородіе, которое былъ впереди меня* и указалъ на только что прише, сennaго раненаго офицера.

Въ сраженіи при Четати, при защитѣ деревни Фонтына-Бунулуй-командиръ 1 мушкетерской роты капитанъ фонъ-Вригтъ былъ раненъ двумя пулями въ обѣ ноги. Его подхватили четыре человека той же

роты, но два изъ нихъ были вдругъ убиты ядромъ; остияшіеся же унтеръ-офицеръ Иванъ Анаевъ и рядовой Родіонъ Васильевъ, поппавъ на дорогу, по которой слѣдовала рота, были остановлены высокимъ валомъ съ глубокою канавою, черезъ которую, несмотря на всѣ усилія, не могли перенести своего ротнаго командира. Между тѣмъ капитанъ Фомъ-Вригтъ, видя настигавшую ихъ турецкую пѣхоту, просилъ своихъ подчиненныхъ положить его въ канаву, а самими искать спасенія; но унтеръ-офицеръ Анаевъ и рядовой Васильевъ не покинули своего равнаго капитана до тѣхъ поръ, пока доразила его новая пуля....

Всѣ эти и другіе подвиги нашихъ войскъ были уже напечатаны во всѣхъ газетахъ и перепечатаны въ *Сборникъ Извѣстій*, относящихся до настоящей войны. изд. 1. Путиловымъ, откуда мы ихъ и заимствуемъ. Все, относящееся къ чести и славѣ Россіи, приятно повторятъ миллионъ разъ. Вотъ почему и изданіе г. Путилова, перепечатавающее слово въ слово извѣстія изъ газетъ въ хронологическомъ порядкѣ, имѣетъ значеніе въ настоящую минуту и будетъ имѣть современемъ еще большее значеніе, какъ сборъ всѣхъ свѣдѣній, относящихся до настоящей войны. До сихъ поръ вышло двѣ книжки этого «Сборника». Изданіе довольно роскошно. И при этихъ книжкахъ приложены портреты князя Воронцова и князя Меншикова, видъ Ахалцыха, планъ Синопскаго сраженія и карта плаванія парохода Владимира во время преслѣдованія египетскаго парохода «Перевъ-Бахра».

Патріотическія чувства, одушевляющія всю Россію, отражаются во всѣхъ нашихъ повременныхъ изданіяхъ: въ ежедневныхъ листахъ газетъ и въ ежемѣсячныхъ литературныхъ журналахъ. Множество стиховъ появилось и продолжаетъ появляться по поводу великихъ совершающихся событій. Стихи эти не всѣ одинаковы, изъ нихъ многіе не имѣютъ даже вовсе литературнаго достоинства, потому что написаны людьми едва знающими грамоту, но всѣ они — удачные и не совсѣмъ улачные, проникнуты самыми искренними убѣжденіями въ несокрушимой славѣ Россіи и пламеннымъ, религіознымъ желаніемъ освободить нашихъ единоврѣцевъ изъ подъ ига мусульманъ. Мы прочли недавно въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» стихотвореніе русскаго солдата и другое русскаго крестьянина, которое было прислано къ редактору «Вѣдомостей» при слѣдующемъ письмѣ:

• М. Г. Въ № 36-мъ Московскихъ Вѣдомостей, въ началѣ провинціальной корреспонденціи, говорится о получаемыхъ со всѣхъ сторонъ патріотическихъ стихотвореніяхъ отъ разныхъ сословій, какъ-то: отъ дворянъ, купцовъ, мѣщанъ и отставныхъ солдатъ; только нѣтъ, видно, отъ крестьянъ. А между тѣмъ классъ этотъ сильно сочувствуетъ войнѣ, начинаемой нынѣ за вѣру православную. Въ настоящее время простой народъ смотритъ на Царя нашего какъ на Посланника Божія, предназначеннаго Вышнимъ выгнать турокъ изъ св. града Іеру-

• саина, гдѣ гробъ Христа Спасителя; часто слышишь въ селахъ и
• деревняхъ нашихъ: • Помози Ему Господи! Пресвятая Богородица,
• помози Ему! • Эхъ если бы воля да во семья, ушелъ бы туда!... •
• И это вѣрно, милостивый государь, это такъ же вѣрно, какъ побѣда
• креста въ борьбѣ съ полумѣсяцемъ!

• И я русскій поселянинъ, и часто повторяю и :

Зачѣмъ мною ратнаго поля
Судьба меня нымѣ ведетъ?
Ахъ! еслибы нпзъ мнѣ доля,
Нашелъ бы я волю похотѣть!
Нашелъ бы я цѣль моей жизни,
И путь бы къ безсмертью открылъ:
Но жертвенникъ малой отчизны
Всю кровь бы не каплями нашлъ!

И дорого продавъ бы жизнь молодую,
И кровью бы душу омылъ отъ грѣховъ;
И въ битвѣ кровавой за вѣру сытую
Я палъ бы на трубы безбожнмъ враговъ!

• Впрочемъ, я удалился отъ цѣли настоящаго письма: прочитавъ
• извѣстiе о многихъ патрiотическихъ стихахъ, присылаемыхъ къ вамъ
• отъ многихъ сословiй, и не найдя въ этихъ сословiяхъ одного, хотя
• самаго скромнаго, но за то кореннаго русскаго сословiя, я рѣшился
• пополнить пробѣлъ этотъ, и предложить вамъ стихи, написанные мною,
• для напечатанiя на столбцахъ Московскихъ Вѣдомостей. Можно — напе-
• чатайте, нельзя — оставьте; по крайней мѣрѣ, пробѣлъ пополнень!

• Вотъ мои стихи.

ВОСЛѢДНІЙ СУЛТАНЪ.

Абдуль-Меджидъ, султанъ несчастный,
Зачѣмъ ты поднялъ грозный рокъ?
Но вѣтъ, не ты: совѣтъ пристрастный
Сгубилъ тебя в твои Востокъ!

И сгибнуть съ нимъ Корана рѣчи,
И кровью зарощенный исламъ
Наскнетъ кровью новой сѣчи,
И долгъ отласть былымъ звнамъ!

И всѣ поклонники пророка
Падуть во прахъ передъ крестомъ,
И вознесется крестъ Востока
Высоко, чудно надъ временемъ!

Абдуль-Меджидъ, султанъ несчастный,
Твоихъ сыновъ, твоихъ друзей,
Усилья всѣ теперь напрасны:
Пршшла пора бѣдамъ твоимъ!

Прошли назначенныя вѣки,
И, предвидимые судьбой,

Возстали истителями греки,
 На крестонесный смертный бой!
 И грозою двинулась Россія,
 И чада тьмы не устоятъ:
 Врата разворота злата,
 И Русскій Царь войдетъ въ Царьградъ!
 И тамъ свершитъ судьбы Господни:
 Огнемъ силу сокрушитъ,
 Безвѣрье ринетъ въ трисвода,
 И знамя вѣры возлрузитъ!

Марта 25-го.

«Простите меня, м. г., если въ этомъ письмѣ есть что-нибудь лишнее и неумѣстное; въ 18 лѣтъ, безъ совѣта, безъ опыта и, тяжело сказать, безъ образованія, можно и ошибиться. *Симбирской губернии, Корсучскаго уезда, крестьянинъ Петръ Алексѣевъ Мартыновъ*»

Эти стихи восемнадцатилѣтняго крестьянина даже и въ литературномъ отношеніи нисколько не хуже стиховъ на тотъ же предметъ Шевырева въ 6 и 7 №№ «Москвитянина».

Въ 6 № этого журнала помѣщено, между прочимъ, нѣсколько стихотвореній г. Стаховича: «Зорька», «Станція», «Разлука» и проч., написанныхъ въ народномъ духѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ довольно удачны, но всѣ, къ сожалѣнію, лишены главнаго — поэзіи.

Г. Михайло Дмитріевъ, въ этомъ же 6 №, напечаталъ продолженіе «Мелочей изъ Запаса своей Памяти», въ которыхъ, между прочимъ любопытными фактами, сообщаетъ: 1) что онъ не имѣетъ ни капли гордости въ своемъ характерѣ; что онъ вообще простъ въ обращеніи и общежителенъ, но что обращеніе нынѣшняго поколѣнія, особливо нынѣшнихъ *выходцевъ*, заставляетъ и его *сжаться и приосамиться!* и 2) что онъ предчувствовалъ кончину дяди своего Ивана Ивановича въ 1838 г., хотя тотъ скончался годомъ ранѣе, т. е. въ 1837. «Ошибся въ годѣ, но не многимъ — прибавляетъ онъ — а моему предчувствію, какъ и другимъ прежнимъ, я и самъ дивлюсь, потому что объяснить ихъ не умѣю.»

Къ новому поколѣнію вообще и къ новому поколѣнію писателей въ особенности, г. Михайло Дмитріевъ не чувствуетъ большаго расположенія и отзывается о немъ неблагоклонно, такъ же какъ и г. Николай Сушковъ въ своемъ знаменитомъ «Обозѣ къ Потомству».

Кстати о г. Николаѣ Сушковѣ. Въ апрѣльской книжкѣ «Библиотеки для Чтенія», разбирая «Раутъ» г. Сенковскій говоритъ между прочимъ:

«При благотворительномъ пособіи «Раута», мы видѣли здѣсь три различныя женскіе таланта — несчитая Николая Васильевича. Я знаю, что во всякое время и во всякой литературѣ есть особенный классъ начинающихъ писателей, который читаетъ только творенія свои и своихъ собратьевъ, и между собою и ими дѣлитъ все безсмертіе. Для

нихъ не существуетъ никакого дарованія въ нихъ собственнаго круга. Они еще не умѣютъ уважать ничего достойнаго уваженія и не скоро научатся этому благородному правилу. Но какъ бы ни судили про себя вѣзломъ прекраснаго, которыхъ умъ сочувствуетъ еще только плохому и въ состоянн замѣчать одни лишь недостатки, такіе три женскіе таланта — рѣдкое и славное явленіе; такая плеяда можетъ озарить всякую литературу прекраснѣйшимъ свѣтомъ.

Что касается до Николая Васильевича, то-есть, до «Раута» въ особенноти, то, сколько я понимаю этотъ родъ книгъ, третій «Раутъ» кажется мнѣ блистательнѣйшимъ изъ всѣхъ, данныхъ мнѣ русской литературѣ. Эта третья книга очень занимательна и во многихъ мѣстахъ любопытна. Кромѣ безчисленныхъ мелкихъ статей въ стихахъ и прозѣ, между которыми есть нѣсколько вполнѣ достойныхъ уваженія — и гдѣ между прочимъ замѣчается весьма пріятное дарованіе господина Вистенгофа — литературныя записки самого Николая Васильевича о Храповицкомъ, Ростопчинѣ, Загоскинѣ, Мерзляковѣ, Дмитріевѣ, Батюшковѣ, Капнистѣ, Милоновѣ, Гнѣдичѣ, Давыдовѣ, Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Гоголѣ, и другихъ представителей русскаго ума и искусства, исполнены живѣйшаго интереса для любителей этого рода свѣдѣній и разсужденій. Они составляютъ собою важнѣйшую часть изданія. Мнѣ кажется, что если бы Николай Васильевичъ Сушковъ предпринялъ правильные и подробные мемоары, или воспомнанія объ огромномъ литературномъ періодѣ своего времени, то, съ его остроуміемъ, съ его независимостью и откровенностью, съ его рѣзкимъ и оригинальнымъ сужденіемъ, съ познаніями, вкусомъ и жаромъ, какими онъ обладаетъ и, особенно, съ тѣмъ рѣдкимъ преимуществомъ, которое досталось на его долю — столько въ жизнь свою видѣть, столько читать и слышать, и все такъ живо сохранить въ памяти, онъ затмилъ бы даже — я думаю — свою поэтическую и драматическую славу. Это было бы безспорно одно изъ любопытнѣйшихъ твореній въ литературѣ. Николай Васильевичъ, дѣятель двухъ или трехъ школъ — нѣкогда классикъ — потомъ романтикъ — теперь, почти уже натуралистъ — соединяетъ въ себѣ всѣ условія и всѣ качества для подобной хроники — даже и то отсутствіе б. полезнаго пристразія на безпристрастіе, которое придаетъ столько теплоты и колориту разсказамъ. Не подумаетъ ли онъ серьезно объ этомъ великомъ подвигѣ, столь достойномъ его воинствующаго пера?... .

И далѣе:

Кромѣ услугъ, которыя «Раутъ» оказываетъ ретроспективной поэзіи, это благотворительное изданіе достойно еще великой похвалы за открытіе, на своихъ страницахъ, обширнаго поприща къ отличію молодыхъ талантамъ, уже великимъ на томъ концѣ желѣзной дороги, такъ великолѣпно воспѣтой самимъ издателемъ, но на этомъ концѣ еще неизвѣстнымъ. *Особенно горячее и трогательное покровительство оказываетъ Николай Васильевичъ одному молодому поэту, по прозванію Долгину, котораго на его раутахъ я только и встрѣчаю. Онъ всегда*

«занимаетъ на нихъ столько мѣста своимъ поэтическимъ присутствіемъ», и, вообще, онъ такъ любезенъ, что я прошу свиходительнаго позволенія представить вамъ, сударыни, этого интереснаго юношу. Посмотрите какъ мило обратится онъ къ той наприимѣръ изъ васъ, которая считаетъ себя музыкантшею:

«Стихотворенья молодой
 Читала ль ты,
 Чтобъ тайныя, мои разныя
 Узнать мечты?....
 Ужь ли давно не угалазла
 Ты сердцемъ ихъ?
 Моей души не прочтала —
 Въ глазахъ моихъ?
 Меня, разумница малая,
 Не знаютъ видѣть:
 Кажусь спокойнымъ; но, скучая,
 Я отжилъ весь!
 Веселья чуждой мнѣ личиной
 Отъ всѣхъ таюсь!
 Терзаемъ тайною кручиной —
 Людей боюсь!
 Ничто души печально-хладной
 Не прояснить!
 Ты только музыкой оградиной,
 Ты, мой Давидъ (*)
 Умыло дремлющія чувства
 Живоговоришь,
 И чудной прелестью искусства
 Меня дивнись.
 То нѣжно пламенной игрою
 Твоей пѣвись,
 То рѣзвыхъ пальцевъ быстротою
 Обворожень,
 Томлюсь.... смягчаюсь.... оживаю —
 В вѣтъ себя
 Хвалю твой даръ и завѣщаню
 Любви тебя»

Долинъ.

• Не правда ли, что этотъ молодой Долинъ подаетъ о себѣ прекраснѣйшія надежды? На этотъ счетъ всѣ вы, я думаю, согласны съ мнѣніемъ Николая Васильевича Сушкова — особенно если у васъ есть терпѣніе — если дадите ему время возмужать, развиваться, усовершенствоваться....»

Изъ этого видно, что изъ всего новаго поколѣнія писателей, пользуется расположеніемъ г. Николая Сушкова одинъ молодой Долинъ,

(*) Известный музыкантъ.

неодолимѣ прерасныя надежды. Любопытно, есть ли какой нибудь подобный фаворитъ изъ новаго поколѣнія у г. Михайла Дмитріева?

Апрѣльская книжка «Библіотекн для Чтенія», изъ которой мы сдѣлали эти любопытныя выписки о Николаѣ Васильевичѣ, о г. Долнѣ и о прочихъ, вообще хорошо составлена. Мы можемъ указать въ ней на три замѣчательныя статьи: «Записки купца Жаркова о Киргизахъ», написанныя, къ сожалѣнію, въсколько искусственнымъ простовароднымъ языкомъ, продолженіе прекрасной статьи г. Черепанова о «Долѣ евреевъ въ Сибирн» и нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о Турціи г. Сенковского, въ статьѣ его по поводу книги г. Сергеевскаго: «Обзоръніе Оттоманской Имперіи, Молдавіи и Валахіи»; г. Сенковский заключаетъ свою статью слѣдующими словами:

«Нельзя умолчать, при этихъ бѣглыхъ изслѣдованіяхъ, о знаменитомъ нѣкогда учрежденіи, которое сильно умножило число такъ-называемыхъ Турковъ.

«Османъ началъ свое военное дѣло тѣмъ же устройствомъ, въ какомъ родился самъ: образованіемъ наемной дружины. При первомъ его преемникѣ, Орханѣ, эта дружина, бурная и властолюбивая, уже рѣшительно угрожала новому престолу оттоманскому. Тогда новое войско было избрѣтено братомъ султана Орхана, Ала-аддиномъ, которому отецъ, Османъ, далъ это имя еще въ Коніи, изъ подобострастія къ своему благодѣтелю, прежде чѣмъ измѣнилъ ему. *Еничери* значить «новое войско», и дѣло идетъ о янычарахъ, первой постоянной арміи въ военныхъ лѣтописяхъ послѣ давнопогибшихъ римскихъ легионовъ. Новое войско получило нѣкоторое образование: учили дѣтей воинскимъ упражненіямъ и дисциплинѣ, чтобы имѣть изъ нихъ потомъ искусныхъ и вѣрныхъ воиновъ. Въ покоряемыхъ силою родахъ забирали всѣхъ христіанскихъ мальчиковъ; съ покоренныхъ христіанскихъ областей брали дань мальчиками, и все это воспитывалось въ мусульманской вѣрѣ и въ турецкомъ языкѣ въ училищѣ или корпусѣ «новаго войска». Это учрежденіе, которому воинская Европа долго удивлялась и завидовала, было главнымъ орудіемъ побѣдъ и величія султановъ. Можно вообразить, сколько христіанъ оно передѣлало въ Турковъ перваго разбора! Въ началѣ прошлаго столѣтія считалось болѣе ста тысячъ янычаръ, и когда это войско стало наконецъ страшно и для правительства и для жителей своими выскоковѣремъ, буйствомъ и грабительствомъ, каждый записывался въ янычары, предпочитая мятежничать, жечь и грабить съ ними, скорѣе чѣмъ быть ограбленнымъ или сожженнымъ въ ихъ мятежи. Почти всѣ мусульмане были янычарами — по имени — для чести — для личной безопасности: паши и визирн между-тѣмъ получали жалованье за тѣхъ, которые не имѣли нужды жить въ казармахъ.

«Янычары взяли Константинополь: безъ нихъ никогда мусульмане не утвердились бы въ Европѣ, и никогда династія Османа не достигла бы безпримѣрнаго въ лѣтописяхъ Востока орана существованія:

• пяти съ половиною столѣтій! Давнымъ-давно, еще въ четырнадцатомъ вѣкѣ, была бы она уничтожена своими дружинами. Первую столицу христіанскія же руки исторгли у христіанъ!... Будемъ надеяться, что другія, болѣе благородныя руки христіанскія исторгнутъ ее у нехристей, нѣкогда по-неволѣ оставившихъ знамя Христа.»

Въ 4 № «Отечественныхъ Записокъ» мы замѣтили повѣсть г. Глинки, подъ заглавіемъ: «Заднѣпровскія сцены». Повѣсть эта изъ мѣщанскаго быта, написана гладко, ровно, прилично и не безъ дарованія. Г. Глинка — сынъ извѣстнаго Сергея Николаевича, въ первый разъ является, если мы не ошибаемся, на литературномъ поприщѣ, на которомъ столько времени подвизался его родитель, и мы искренно желаемъ успѣховъ на этомъ скользкомъ поприщѣ молодому автору «Заднѣпровскихъ сценъ». Если бы сцены г. Глинки не были такъ растянуты, они читались бы гораздо легче и еще съ болѣшимъ интересомъ. Мы повнимаемъ, что такого рода литературные опыты еще можно помѣщать въ журналѣ. Это все-таки несравненно лучше, чѣмъ печатать плохіе и невѣрные дагеротипическіе снимки съ извѣстныхъ комедій и выводить передъ изумленными читателями гг. Мордоплюевыхъ и Перетычкихъ, г-жъ Сандаракowychъ и т. п. Появленіе «Жениха изъ Ножевой линіи» въ такомъ журналѣ, какъ «Отечественныя Записки», не мало, признаемся изумило насъ. Хотя такъ называемая *изящная* словесность давно уже не отличается въ этомъ журналѣ особенною изящностію (всѣмъ извѣстно, что «Отечественныя Записки» имѣютъ характеръ совершенно серьезный, болѣе ученый, чѣмъ чисто литературный), но умная и дѣльная редація все-таки до сихъ поръ обнаруживала нѣкоторый тактъ и въ отношеніи выбора беллетристическихъ произведеній, и такія явленія какъ женихи изъ Ножевой линіи, какъ Перетычкины, Сандаракovy и Мордоплюевы, намъ казались рѣшительно невозможными въ «Отечественныхъ Запискахъ». Мы полагаемъ, что для этого существуютъ различные драматическіе сборники, въ которыхъ помѣщается все, безъ исключенія, что производить русская драматическая муза: пьесы à propos, водевили, комедіи съ куплетами, драматическія шутки, фарсы и проч.

Въ 4 же № «Отечественныхъ Записокъ» напечатано три стихотворенія г. Фета: «Степь», «Ива» и «Шароходъ», изъ которыхъ первое переводное. Эти три стихотворенія точно такъ же, какъ его «Шарманщикъ» и другія стихотворенія, появившіяся въ 3 № этого журнала, принадлежатъ къ самымъ слабымъ произведеніямъ поэта, сравнительно съ другими его же стихотвореніями, появившимися въ послѣднее время.

По поводу г. Фета, мы прочли нѣсколько очень дѣльныхъ строкъ въ 7 № «Москвитянина».

«Очевидно — говорить рецензентъ «Москвитянина» — г. Фетъ не считаетъ своихъ стихотвореній, не располагаетъ по какимъ-нибудь

привлечь частей ихъ, но старается лишь о точной передачѣ того яркаго и свѣжаго чувства, которое застаетъ въ минуту поэтическаго настроенія въ душѣ своей, не заботясь объ уясненіи его себѣ или читателю. Подобный приемъ, безъ сомнѣнія, приемъ истинно поэтический, ибо не позволяегь возникшему чувству остынуть и потерять свою свѣжесть; но онъ имѣетъ также и свои неудобства, на которыя указать мы считаемъ своею обязанностью.

Поэтическія душевныя движенія не суть, конечно, достояніе однихъ призванныхъ. Всякому не совсѣмъ грубому и черствому человеку случается испытывать по временамъ и подъ вліяніемъ повидимому незначашей обстановки ту сладкую дрожь, которая есть зародышь поэзіи. Но у обыкновенныхъ людей такое мимолетное поэтическое настроеніе уходить такъ же своенравно, какъ и пришло, не оставляя въ душѣ никакихъ слѣдовъ, кромѣ смутнаго и тоскливаго о немъ воспоминанія. Люди, одаренные особыми поэтическими способностями, имѣютъ возможность не только сохранять живое воспоминаніе о подобныхъ ощущеніяхъ, но и возбуждать ихъ помощью слова въ другихъ. Но возбужденіемъ въ другихъ ощущенийъ, испытанныхъ случайно самимъ поэтомъ, не ограничивается его призваніе. Мы въ правѣ требовать отъ поэта ощущенийъ ясныхъ и глубоко сознанныхъ, ибо ожидаемъ отъ него большаго, нежели можемъ доставить себѣ сами; а мимолетныя поэтическія настроенія, какъ уже сказано выше, суть достояніе каждаго. Отчего такое сильное, благородное и поэтическое впечатлѣніе производитъ напр. извѣстное стихотвореніе Пушкина: *«Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день?»* Оттого, что въ немъ изображено одно изъ законнѣйшихъ и возвышеннѣйшихъ состояній души человѣческой, и изображено съ поразительною правдою и вѣстѣ ясностью. Истинное и самое важное призваніе поэтовъ лирическихъ есть установленіе свѣтлыхъ и поэтическихъ нормъ для всѣхъ ощущенийъ души человѣческой, и кто болѣе сдѣлалъ на этомъ полѣ, тотъ и окажется высшимъ поэтомъ для нелицепріятнаго потомства. Нельзя конечно, чтобы каждое стихотвореніе поэта имѣло тотъ возвышенный характеръ, о которомъ мы сейчасъ говорили, и пусть онъ иногда возбуждаетъ въ насъ тоскливыя и смутныя, хотя сладкія ощущенія, на что такой мастеръ г. Фетъ. Онъ все-таки рязмягчаютъ, хотя иногда и расслабляютъ душу; но пусть въ то же время не упускаетъ онъ изъ виду и своей высшей цѣли, для достиженія которой не достаточно передавать живо первыя мимолетныя поэтическія настроенія, но нужно доводить ихъ до ясности и опредѣленности, давать имъ созрѣть въ душѣ до свѣтлаго и нормальнаго чувства.

Все это совершенно справедливо и мы причисляемъ такого рода стихотворенія, какъ *«Шарманщикъ»*, *«Ива»*, *«Пароходъ»* къ произведеніямъ недоведеннымъ до ясности и опредѣленности, не созрѣвшимъ въ душѣ до свѣтлаго и нормальнаго чувства.

Въ отдѣлѣ Наукъ — настоящемъ отдѣлѣ Отечественныхъ Записокъ помѣщены: Историческій очеркъ Маше: *Первое соперничество Карла V и Франциска I*, переведенный изъ *Revue des deux mondes* (livraison du 15 Janvier 1874) *Une election à l'empire en 1519, première rivalité de François I et de Charles-Quint*, и продолженіе занимательной статьи г. Дружинина о *Вальтеръ-Скоттъ*:

Статья г. Дружинина напомнила намъ о прекрасномъ, но, къ сожаленію, неудавшемся предпріятіи представить произведеніе Вальтеръ-Скотта русской публикѣ въ достойномъ его переводѣ, въ переводѣ съ подлинника. Вышло, какъ извѣстно, только четыре романа подъ редакцію г. Краевского, имя котораго достаточно должно было ручаться за вѣрность и художественность перевода. Одинъ изъ этихъ четырехъ романовъ *Ivanhoe*, мы помнимъ, названъ былъ на русскомъ: *Айвэнго*, а г. Дружининъ въ статьѣ своей, напечатанной въ «Отечественныхъ Запискахъ», издаваемыхъ также подъ редакцію г. Краевского, вездѣ называетъ его просто *Иванго*. Отчего же редакторъ «Отечественныхъ Записокъ» и редакторъ переводовъ Вальтеръ-Скотта — одно и то же лицо, не держится одинаково правописанія въ собственныхъ именахъ, переводимыхъ съ иностраннаго?... Отчего, напримѣръ: въ «Литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду» нынѣ не существующихъ, знаменитый *Vasco* именовался *Байэксъ*, а теперь въ «Отечественныхъ Запискахъ» называется просто *Бакономъ*?... Такое искаженіе собственныхъ именъ иностраннаго происхожденія несовсѣмъ ловко и можетъ сбивать съ толку не знающаго иностранныхъ языковъ русскаго читателя....

Намъ, не знающимъ англійскаго языка, желательно знать окончательно, какъ должно произносить *Айвэнго* или *Иванго*? *Байэксъ* или *Баконь*?....

Рѣшеніе этого вопроса мы предлагаемъ мимоходомъ редактору «Отечественныхъ Записокъ» и переводовъ Вальтеръ-Скотта.

7 № «Москвитянина» только сейчасъ полученъ нами и мы еще не успѣли прочесть въ немъ повѣсти г. Сумарокова «Выборъ сердца», а потому объ этой повѣсти мы будемъ говорить въ слѣдующей книжкѣ.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ НОВОСТИ.

Нѣсколько слѣдовъ по поводу толковъ иностранныхъ журналовъ о паническомъ страхѣ Петербурга. — Концертъ г-жи де-ла-Гранжъ. — Вербы и балаганъ. — Мироскопъ, увлеченный въ иллюзию разъ. — «Русскій Солдатъ», изданіе художника Васильева. — Статуэтки и бюсты г. Степанова.

Французскіе и англійскіе журналы говорятъ, что приближеніе англо-французскаго флота къ Петербургу наводитъ *будто бы* паническій страхъ на его жителей, и проч. и проч. А между тѣмъ никогда Петербургъ не казался такъ многолюднымъ, какъ теперь, никогда онъ не представлялъ болѣе веселаго, оживленнаго и праздничнаго вида, какъ нынѣшней весной. На вербахъ, на Святой у балагановъ, въ концертахъ, въ открывшихся театрахъ, — вездѣ въ залахъ и на улицахъ, на Невскомъ проспектѣ, на Дворцовой набережной стеченіе публики многочисленное. Такому веселому и праздничному виду Петербурга немало способствуетъ совершенно дѣтняя погода, доходившая до 15 и 20 градусовъ тепла въ концѣ апрѣля. Нева вскрылась 15 апрѣля а О соединенномъ же англо-французскомъ флотѣ, разгуливающемъ въ Балтійскомъ морѣ, очень мало думаютъ и говорятъ. Касательно этого предмета петербургскіе жители совершенно спокойны. Имъ очень хорошо извѣстно, что въ Крошштадтѣ готовъ уже отличный пріемъ для этихъ морскихъ гостей, если они задумаютъ пожаловать въ Крошштадтъ. А теперь въ Петербургѣ толкуютъ не о г. Ненирѣ, а о геройскомъ подвигѣ Щеголева, защищавшаго Одесу противъ соединеннаго англо-французскаго флота... И въ Россіи не одинъ Щеголевъ! За неприкосновенность величія и славы Россіи готовъ умереть каждый русскій. Европейскіе министры, ораторы, журналисты совсѣмъ не знаютъ Россіи. Что же мудренаго, что они рассказываютъ о какихъ-то паническихъ страхахъ и о прочемъ тому подобномъ?...

Петербургскіе концерты заключались въ этомъ году блистательно концертномъ, даннымъ г-жею де-ла-Гранжъ.

Послѣ закрытія театровъ, г-жа де-ла-Гранжъ отправилась въ Москву, гдѣ и пробыва большую часть Великаго поста. Нѣсколько концертовъ, данныхъ ею тамъ, привлекла многочисленную публику, которая, какъ и должно было ожидать, вполне оцѣнила высокій талантъ пѣвицы. Успѣхъ ея былъ блистательный. Возвратившись въ Петербургъ, г-жа де-ла-Гранжъ, по желанію здѣшнихъ знатоковъ и любителей музыки, вознамѣрилась дать передъ отъѣздомъ за границу прощальный концертъ и доставить многочисленнымъ почитателямъ своимъ случай въ послѣдній разъ насладиться ея пѣніемъ. Концертъ этотъ, назначенный на шестой недѣль поста, былъ отложенъ по случаю ея недорожья и давъ быть въ залѣ Дворянскаго Собранія уже въ среду

на Святой недѣль (14-го апрѣля). Множество посѣтителей собралось въ послѣдній разъ передъ отъѣздомъ послушать отъѣзжающую артистку. Публика привлечена была въ этотъ концертъ единственно ея именемъ, ибо въ программѣ не было ни одного имени, кромѣ ея. Артисткѣ содѣйствовалъ только необходимый аккомпаниментъ хоромъ итальянской оперы и оркестра подъ управленіемъ г. Бавери. Г-жа де-ла-Гранжъ пропѣла арію изъ Севильскаго Цырульника: «*una voce rose fa*» съ тѣмъ неподражаемымъ искусствомъ, съ тою неописанной прелестью и граціей, которыя ей свойственны. Затѣмъ она исполнила вариацин Роде и оригинальную венгерскую арію Эркела. Но что было новостью, наслажденіемъ еще неиспытаннымъ нами—это исполненіе г-жею де-ла-Гранжъ извѣстной каватини: «*casta diva*» изъ Нормы — оперы, въ которой она не являлась еще на нашей сценѣ. И пѣніе ея въ этой каватинѣ исполнено было чуднаго, таинственнаго обаянія.

Паста и Гриси были истинно велики въ Нормѣ, но обѣ онѣ преимущественно являлись такими съ той минуты, когда въ роль эту входитъ элементъ драматизма и страсти; первая же сцена, кромѣ большого речитатива, заключающаго въ себѣ прорицанія галльской жрицы, выходила у нихъ слабѣе: ибо характеръ музыки не принадлежалъ къ тому роду, который вполне соответствовалъ ихъ таланту. Зонтагъ превосходно пѣла эту каватину, но въ ней не замѣтно было того сосредоточеннаго чувства, необходимаго для этой музыки, какое мы нашли въ пѣніи г-жи де-ла-Гранжъ. Въ этомъ отношеніи она выше своихъ предшественницъ и ближе всѣхъ къ ней можетъ подойти Фрециolini, которая пѣла каватину: «*casta diva*» въ концертахъ. Во второй части ея: «*bello a me ritorno*» г-жа де-ла-Гранжъ имѣла случай выказать искусство свое преодолювать необычайныя трудности въ исполненіи пассажей смѣлыхъ и новыхъ, нисколько, впрочемъ, не измѣняя ни характера музыки, ни самой мелодіи композитора, и придавъ ей еще особую прелесть.

Въ промежуткахъ пѣнія г-жи де-ла-Гранжъ хористы итальянской оперы съ обыкновеннымъ своимъ искусствомъ исполнили: энергическій хоръ галльскихъ воиновъ изъ Нормы и прелестный хоръ изъ оперы Начини «*La fianzola Corsa*» (Корсиканская невѣста), игранной отрывками на здѣшней сценѣ лѣтъ восемь тому назадъ. Оркестръ превосходно разыгралъ увертюры: одну Мендельсона, другую Россини — изъ Севильскаго Цырульника и третью Вебера — изъ Оберона. Въ заключеніе концерта г-жа де-ла-Гранжъ пропѣла съ хоромъ: «Гимнъ православныхъ», слова котораго сочинены Г. М. Станковичемъ.

Публика громкими рукоплесканіями встрѣчала и провожала г-жу де-ла-Гранжъ и послѣ каждой пьесы вызывала ее по нѣскольکو разъ. Пѣвица, здоровье которой нѣсколько разстроилось отъ петербургскаго климата, ей еще непривычнаго, отправляется на лѣто въ Германію и Швейцарію для поправленія его и въ августѣ располагаетъ быть опять въ Петербургѣ. Она ангажирована уже дирекціей на будущій сезонъ.

Въ прощальномъ концертѣ ея мы простились съ нею только : *de se-
dant.*

— О гуляньяхъ подъ вербами и у балагановъ ничего нельзя ска-
зать новаго. Какъ и всегда, подъ вербами самую важную роль играли
лѣтскія игрушки, цвѣты изъ воску, и проч. и между ними продавались
бракованный хрусталь, фарфоръ и фаянсъ, мелкія издѣлія изъ олова,
чугуна и накладнаго серебра, гипсовые статуэтки, конфеты
и пряники. Между балаганами на Адмиралтейской площади въ
нынѣшнемъ году первое мѣсто занималъ балаганъ Франсуа Ра-
но. Онъ былъ устроенъ красивѣе другихъ и обстановка въ немъ
вообще была несравненно приличнѣе сравнительно съ другими. Въ
этомъ балаганѣ представлялась пантомима, подъ названіемъ «Слава
Россіи въ 1854 году», въ четырехъ картинахъ. Въ первой картинѣ
турецкій паша веселится на берегахъ Босфора съ женами и
святой, въ которой находятся французскіе и англійскіе мундиры. Пе-
редъ нимъ является труппа эквилибристовъ и жонглеровъ и начи-
нается представленіе. Вторая картина — биважъ русскихъ на Дунаѣ,
бьютъ тревогу и идутъ на встрѣчу неприятелю. Третья картина — ту-
рецкая крѣпость. Передъ нею паша лѣзаетъ смотрѣть своему войску.
Вдругъ нагрянули русскіе — и начинается битва. Крѣпость взята
русскими — и четвертая картина представляетъ торжество русскихъ.
Турки лежатъ на землѣ, русскіе надъ ними съ поднятымъ оружіемъ.
Надъ ними паритъ двуглавый орелъ, на облакахъ появляется слава....
Обстановка этой картины очень недурна.

У Легата повторяется ежегодно одна и та же пантомима.

Въ циркѣ г. Спозии представляли «Переходъ Русскихъ черезъ Ду-
най». Въ балаганѣ г. Разими показывались между прочимъ живыя кар-
тины, *заимствованныя изъ побѣдъ Русскихъ надъ Турками въ настоящую
войну*. .. За тѣмъ можно еще упомянуть о балаганѣ г. Симонсона, въ
которомъ также были представленія по поводу настоящихъ событій; о
прочихъ говорить нечего.

Карусели въ нынѣшнемъ году были устроены гораздо великолѣп-
нѣе, обширнѣе и удобнѣе.

Между прочими новостями, нельзя не упомянуть о г. Тицнерѣ,
прибывшемъ въ Петербургъ съ микроскопомъ, *увеличивающимъ въ мил-
ліонъ разъ*. Опыты г. Тицнера продолжаютъ не болѣе часа. Увеличен-
ныя въ миллионъ разъ предметы представляются на бѣлой занавѣси и
въ такомъ огромномъ размѣрѣ, что у мельчайшихъ, подобныхъ пылин-
кѣ насекомыхъ можно видѣть даже движеніе соковъ въ желудочныхъ
органахъ!

— Въ числѣ многихъ изданій, вызванныхъ настоящими событіями,
должно обратить особенное вниманіе на книгу «Русскій солдатъ». —
изданіе, составленное класснымъ художникомъ А. Васильевымъ : это
роскошный альбомъ, котораго текстъ и прекрасно исполненные поли-
тижажные рисунки изображаютъ, пополняя другъ друга, жизнь

русского солдата. Въ карандашѣ г. А. Васильева виденъ рѣшительный талантъ.

— На одинъ разъ говоримъ мы о произведеніяхъ даровитаго г. Степанова: *статуэтки* и *бюсты* русскихъ литераторовъ, ученыхъ, живописцевъ, музыкантовъ и актеровъ. Коллекція этихъ произведеній, отличающаяся несомнѣннымъ сходствомъ, постепенно увеличивается; на дняхъ г. Степановъ выпустилъ три новыя статуэтки — гг. Тургенева, Дружинина и Некрасова. Вотъ перечень всѣхъ статуэтокъ и бюстовъ, выпущенныхъ до нынѣ г. Степановымъ:

Статуэтки.

ЛИТЕРАТОРЫ.

Венедиктовъ.	Зотовъ.
Булгаринъ.	Кони.
Братъ.	Краевскій.
Кн. Вяземскій.	Кукольникъ.
Владиславлевъ.	Некрасовъ.
Гончаровъ.	Кн. Одоевскій.
Губеръ.	Панаевъ.
Григоровичъ.	Гр. Соллогубъ.
Гречъ.	Тургеневъ.
Дружининъ.	

АКТЕРЫ.

Каратыгинъ 2.	Леоновъ.
Самойловъ.	Мооръ.
Максимовъ.	Верне.
Сосницкій.	Готи.
Марковецкій.	Мартыновъ (въ роли).
Щепкинъ.	Мартыновъ (во фракѣ).
Петровъ.	Гусева.
Артемовскій.	Смирнова (танцовщица).

ЖИВОПИСЦЫ.

Брюловъ.	Тимъ.
Айвазовскій.	Яненко.

МУЗЫКАНТЫ.

Глинка.	Кажинскій.
Даргомыжскій.	Контскій Аполошарій.
Варламовъ.	Лоди.

ВЮСТЫ.

Буяльскій.	Кукольникъ.
Рикордъ.	Каратыгинъ 1.
Пушенинъ.	Каратыгинъ 2.
Державинъ.	Мартыновъ.
Крыловъ.	Куторга.
Грибоѣдовъ.	Цирогевъ.

Карамзинъ.
Жуковский.
Гоголь.
Державинъ.
Брюловъ.
Суворовъ.
Дельвигъ.
Демонроузъ.
Загоскинъ.
Дмитриевъ.

Конскій Антошъ.
Кн. Безбородко.
Глинка Ф. Н.
Бенедиктовъ.
Глинка М. И.
Даргомыжскій.
Баратынскій.
Рахель.
Цоллоуи.
Батюшковъ.

Цѣна бюстину и алебастровой статуэткѣ 1 руб. 50 коп., съ пересылкою 2 руб.; а бумажной статуэткѣ 1 руб. 70 коп., съ пересылкою 2 руб. 20 коп. Выписывать можно отъ Базунова, Исакова (на Невскомъ проспектѣ), Крашенинникова, издательскія конторы Памтеона и отъ самаго автора стат. совѣт. Николая Александровича Степанова, живущаго на Меховой въ домѣ Есакова.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Письма нѣмецкаго туриста изъ Стамбула. — Два лучшіе ландшафта на вечномъ шарѣ. — Старый и Новый свѣтъ. — Характеръ константинопольскихъ владѣній. — Населеніе константинопольскихъ улицъ. — Турецкія женщины. — Ученые экспедиціи археологовъ на востокѣ. — Книга Бруана: «Исторія греческихъ художниковъ». — Пропамя барлинскаго профессора Фридриха Бенде. — Римскій университетъ и деканъ римскихъ профессоровъ — Сочиненіе г. Эппи. — Новые рассказы Эмилъ Суверстра и по поводу ихъ нѣсколько словъ о французской критикѣ. — Путешествіе американца мистера Вандербильта на яхтѣ-пароходѣ «Сѣверная Звѣзда». — Его описаніе Петергофа. — Почему эта книга не понравилась англичанамъ.

Мы столько разъ начинали наши «Иностранныя Извѣстія», что очень обрадовались, когда на этотъ разъ одинъ нѣмецкій туристъ потрудился вмѣсто насъ сдѣлать это начело.

«Вы — говорить онъ почти такъ своимъ читателямъ — съ такою благодарностью одобрили ад мною въ моихъ всеобщихъ повѣданіяхъ и въ дѣсахъ южной Австраліи, и въ Кордильерахъ Боливіи, и въ пещерахъ Ла-Платы, что, вѣроятно, не откажетесь соизвопить мнѣ и на берега Босфора. Конечно, здѣсь не можетъ быть того богатаго содержанія, изъ котораго черпалъ я въ моихъ «Лондонскихъ Письмахъ», ни той пестрой, движущейся картины береговъ Сены, которая равнообразна моимъ «Парижскімъ Письмамъ»; но и Стамбулъ имѣетъ свои преимущества, особенно въ настоящее время, когда на всей литературѣ дежитъ водственный отънокъ. По своей природѣ туриста, я и здѣсь буду касаться только одной поверхности явленій, не углубляясь въ нихъ и болѣе всего не заходя въ туманныя для меня вопросы религіи;

картины, ландшафты, уличная жизнь, живые сцены — вот что занимает нас по преимуществу. Описывая Босфоръ, намъ тѣмъ легче будетъ удержаться въ нашей колеѣ, что, если въ истинномъ Османлисѣ и не потухла ненависть къ невѣрнымъ, то по крайней мѣрѣ здѣсь — на берегахъ Босфора, это пламя засыпано толстымъ слоемъ пепла восточной лѣни и азіатской страсти къ безусловному покою.

На всѣхъ городахъ юга лежитъ печать восточной лѣни, но на Босфорѣ эта лѣнь отливается въ типическія формы. Мы привыкли видѣть надъ собою вѣчно мѣняющееся небо, мы привыкли слышать вѣчный стукъ машинъ и свистъ паровыхъ фабрикъ; а здѣсь все противорѣчитъ неутолкаемой дѣятельности и вѣчному безпокойству европейскаго чело-вѣка. Безчисленные, однообразныя зданія, разбросанныя на огромномъ треугольникѣ, края котораго составляютъ южный берегъ «Золото-го Рога», западный край Мраморнаго моря и двойная стѣна византійскихъ императоровъ, кажется, спятъ непробуднымъ сномъ: нигдѣ не видно столбовъ пара и дыма, нигдѣ не слышно стука шумной машины, никакого слѣда безпокойной дѣятельности, который бы напоминалъ собою наши европейскіе города. Кто при тепломъ, влажномъ солнечномъ свѣтѣ, выходя изъ Дарданелъ или Босфора, подъѣзжаетъ къ «Золотому Рогу», тотъ невольно забываетъ чудное разнообразіе зрѣлища въ неизчерпаемомъ богатствѣ формъ и красокъ *всего* ландшафта, и сила общаго впечатлѣнія не позволяетъ ему разсматривать частности, на которыхъ, какъ бы не были онѣ уродливы сами по себѣ, лежитъ всегда отпечатокъ красоты общаго ландшафта. Разноцвѣтныя и неправильныя углами изломанныя дома, палаты, замѣчательныя только своею массою, несмотря на совершенное отсутствіе вкуса въ подробностяхъ, поднимающіяся террасою, кажутся живописными въ этомъ чудномъ ландшафтѣ. Старый высокій водопроводъ, перерѣзывающій всю эту массу домовъ, массивныя многобашенныя стѣны города и сѣрая, у подошвы котораго мертвая зелень кипариса рѣзко отражается на сѣромъ фонѣ, главные куполы большихъ мечетей, окруженные бѣлыми какъ снѣгъ, тонкими, заостренными какъ иглы минаретами, лѣтъ мачтъ этой всемірной гавани, сотни маленькихъ судовъ и пароходовъ, оживляющихъ покойное и свѣтлое какъ зеркало море, запутанность, неправильность, постоянное противорѣчіе, множество неожиданностей — производить такое странное, но вмѣстѣ съ тѣмъ такое живописное впечатлѣніе, что мы не задумаемся дать «Золотому Рогу» почетное мѣсто возлѣ залива Рио-Жанейро и причислить оба эти мѣста къ лучшимъ ландшафтамъ земного шара.

«Но какъ различно то впечатлѣніе, которое производитъ на сердце ландшафтъ Рио-Жанейро, когда послѣ долгаго и утомительнаго странствованія, наконецъ, чувствуешь себя въ другомъ полушаріи. Длинный рядъ горъ, съ необыкновенно острыми почти иглообразными шпигами, вырѣзывается первый изъ голубаго тумана, окружающаго твердую землю. Потомъ, вы начинаете различать нѣсколько скалистыхъ острововъ и на переднемъ изъ нихъ маякъ гавани Рио-Жанейро. Возлѣ

этого маяка видите только небольшое число кустарниковъ, но къ югу отъ средней скалы, обозначающей входъ въ гавань вамъ, показывается уже нѣсколько пальмъ на вершукѣ холма, гордо возвышающихся надъ скудною растительностію этихъ скалъ. Какое сильное впечатлѣніе производятъ на душу эти первыя растительныя формы, незнакомыя Европѣ, эти короны изъ громадныхъ листьевъ, такъ не похожія на мелкую, густую листву нашихъ тѣнистыхъ деревьевъ; вы почти не замѣчаете жалкихъ хижинъ негровъ, разбросанныхъ въ кустахъ, несмотря на то, что это первыя жилища, которыя вы встрѣчаете по ту сторону океана. Если вы пройдѣли узкій входъ, защищаемый двумя крѣпостями (S-ta Croze и S-ta Ioa), формы которыхъ, возвышавшаяся на скалахъ, напоминаютъ швейцарскія замки, то вы войдете въ прекрасный заливъ Rio, замкнутый со всѣхъ сторонъ нависающею горною цѣпью. Отсюда самыя разнообразныя горы: одни совершенно обнаженныя, фантастическія, выказываютъ наружу свое плутоныческое происхожденіе, другія скрываются подъ непроницаемымъ покровомъ изъ пальмъ, мимозъ, манговыхъ деревьевъ, перепутанныхъ въ одно цѣлое съ тѣью лианъ и паразитовъ. Пойдемте вдоль южнаго берега — этого громаднаго горнаго котла, наполненнаго водою, надъ которымъ, у самой крѣпости St. Ioa, круто и обрывисто подымается на нѣсколько тысячъ футовъ гигантская гора: у подошвы ея на очень узкой полосѣ земли разбросано нѣсколько *lucernas* (дачъ) и куча негрскихъ лачугъ. Далѣе къ западу показывается длинная долина, тянущаяся у самой подошвы этого колосса вулканическаго происхожденія и на концѣ ея роскошный ботаническій садъ. Длиныя, ровныя аллеи, правильныя плантаціи деревьевъ напоминаютъ еще о первыхъ колонистахъ этого мѣста, голландцахъ, сообщившихъ свою страсть къ садоводству и бравильцамъ. Вѣтви высокыхъ пальмъ, *музакам* и *палмакам*, характеристическія явленія маленькихъ, разсѣянныхъ лѣсокъ *кекроним*, господствующая повсюду темная зелень и тяжелыя, неподвижныя листья вѣчно зеленыхъ деревьевъ обличаютъ уже издали чуждый полязъ.

— Еще далѣе въ глубинѣ ландшафта, но все еще у подошвы колоссальной горы, начинается городъ маленькими предмѣстными Ботафого, Катете, Бернардо, лежащими вдоль берега. А то огромное зданіе, похожее на дворецъ, которое стоитъ на самомъ берегу моря, подъ обсерваторіюю, вѣчающею вершину высокаго, далеко выдавашагося холма, занято лазаретомъ; направо отъ него С. Себастьянъ располагается по волнообразной почвѣ. Далѣе на сѣверъ, за первыми маленькими островкомъ, Вальганго и Кобрасъ, снова подымаются горы отдѣльными и крутыми пиками; а направо — высокая береговая терраса выказываетъ свои разнообразныя формы то округленныя и гранитныя, то обрывистыя, крутыя и изломанныя, — и утомленный взоръ пресыщается ими.

— Браганда и Сентъ-Доминго, два прелестные маленькіе городка, лежатъ на восточной берегу залива, разстилающагося по направленію

въ сѣверу, на маленькой бухтѣ, прямо противъ Сентъ-Себастьяна. Отъ крѣпости S-la Croze, мимо которой мы проѣхали, отдѣляется еще также глубокая бухта, берега которой залиты всею роскошною цвѣтущею тропической растительности. Въ самой серединѣ этой паворамы, исполненной чудесъ, на темно синей, чистой какъ хрустальъ водаѣ, лежитъ, какъ жемчугъ въ раковинѣ, маленький островокъ S-la Lucia съ крѣпостью того же имени. Бѣлыя стѣны крѣпости полузакрыты блестящею, глядливитою зеленью пальмовыхъ верхушекъ.... Не значитъ ли это, впрочемъ, злоупотреблять вашимъ терпѣніемъ? Но кто же могъ прожить безнаказанно подъ пальмами? Кто можетъ приобщить Рио, не поддавшись снова тому опьяненію, которое овладѣваетъ всѣми чувствами человѣка при первомъ взглядѣ на этотъ земной рай? Бѣдиѣ ли здѣсь природа, или это зависитъ отъ меня самого, что она здѣсь меньше меня трогаетъ? Между обѣими этими картинками лежитъ для меня нѣсколько лѣтъ, а воспримчивость человѣка слабѣетъ съ годами. Но зато спокойное созерцаніе глубже, нежели юношеское чувство, проникаетъ предметы.

• Востокъ — такой же необернѣй, такой же безконечно обширный и безконечно богатый міръ, какъ и Западъ; но это міръ прошлаго. На Западѣ мы жадно ищемъ дикой природы, — могущества созданія во всей его полнотѣ. На Востокѣ — мы ищемъ колыбели человечества. И даже настоящее Востока ищетъ въ нашихъ глазахъ цѣну только ради своего прошлаго. На Востокѣ, гдѣ властвуетъ человѣкъ и его дѣла, природа не трогаетъ уже насъ такъ сильно посреди историческихъ развалинъ. Но съ прошедшимъ неволью связывается настоящее, и человѣкъ неволью ищетъ чудесъ Востока, приближаясь къ берегамъ его.

• Но кто не хочетъ разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ, тотъ не покидай палубы парохода; но довольствуйся общими ландшафтомъ и не подымай чуднаго покрова, брошеннаго рукой природы; она прикрываетъ, но не можетъ совершенно закрыть слабости своихъ владетелей.

• Красивѣнкій, искусно вырѣзанный ланкетъ, въ которомъ дождь лодочникъ, почти безъ шума скользя между безчисленными лодками, ловко избѣгая столкновеній съ ними и не останавливаясь ни на минуту, перенесъ насъ въ таможенную, — еще не обличалъ слабости людей въ этой роскошной природѣ. Но едва мы вступили на твердую почву, какъ почувствовали, что все впечатлѣніе ландшафта было не болѣе, какъ туманъ, разсѣявшійся въ одно мгновеніе.

• Приливовъ и отливовъ, этихъ глубокихъ и полныхъ вздоховъ океана, нѣтъ въ Средиземномъ морѣ: оно какъ будто тоже заравнилось зватскою лѣнью, и править канкомъ легко на этой неподвижной поверхности; но всемірный городъ бросаетъ подъ ноги путешественника, пристающаго къ берегу, нѣсколько полу-согнившихъ досокъ. вмѣстѣ съ людьми насъ встрѣтили грязь и разрушеніе и не издавали болѣе ни въ узкихъ, дурно вымощенныхъ улицахъ Гадары и Церы, идущихъ параллельно по берегу моря или круто подымавшихся

въ гору и долѣ похожи на каменные камады для стога гравы; не жели на пути сообщенія для людей, ни даже въ улицахъ самаго Стамбула и его предмѣстій. Даже деревянные, покрашенные только временемъ дома и массивныя зданія въ кварталахъ христіанъ убрацы грязью и грязками, какъ и большая часть жителей. *Верандагоа* и *балконага*, столь свойственныхъ югу, здѣсь не видать; здѣсь нѣтъ и большаго окна, а дома турокъ и армянъ почти безъ исключенія и состоятъ безъ оконъ; по крайней мѣрѣ въ той части дома, которая назначается для женщинъ, окна всегда заколочены наглухо. Окна — глаза зданій, и зданіе съ закрытыми окнами похоже на мертвеца. Несмотря на то, что фронтъ домовъ чрезвычайно разнообразенъ, несмотря на множество угловъ и углубленій, несмотря на то, что одни этажи висятъ надъ другими, отдѣльные дома не имѣютъ рѣшительнаго никакого индивидуальнаго характера, а только національный. Самый новый домъ въ Стамбулѣ трудно отличить отъ самаго стараго: потребности жителей въ продолженіе четырехсотлѣтняго господства ихъ на этихъ берегахъ — не изменились! Эти зданія по прежнему легки и шатки: это какія-то временныя жилища, не имѣющія никакого характера прочности и продолжительности: это палатки орды турокъ, разбитыя на европейскомъ берегу. Настоящій Стамбулъ и по своей внѣшности и по своей внутренней дѣятельности имѣетъ много сходнаго съ лагеремъ, какъ будто скитающаяся орда номадовъ остановилась переночевать на Золотомъ Рогѣ и завтра опять снимется въ путь. Жителю сѣвера говорятъ здѣсь на каждомъ шагѣ тысячи маленькихъ чертъ и какой-то неопредѣленный характеръ цѣлаго, что въ Стамбулѣ нѣтъ именно того, что услаждаетъ оскѣдность: нѣтъ дома, — того, что нѣмцы называютъ *Häuslichkeit*. Я вижу уже отличительную черту *турецкимъ* (*Türkenthum*) и въ томъ, что турки, несмотря на холодную зиму, свойственную Востоку, никогда не зажигаютъ пылающаго костра въ каминѣ, но грѣются у углей. Правда уголь теплится и подъ депюмъ, но тихо и молчаливо, какъ истинный османлисъ, а не горитъ, не трещитъ, не прыгаетъ. Мужчины сидятъ вокругъ углей молчаливые и спокойные — разве имъ говорить? Только женщины болтаютъ вокругъ *шалдура*, низенькаго стола, покрытаго толстымъ ковромъ, и подъ которымъ стоитъ мангалъ. Куда бы ни перенесена была эта круглая, мѣдная жаровня, похожая на *бядзоро* испанцевъ, тамъ будетъ и домашній очагъ, такъ будетъ и домъ!

Далѣе туристъ сравниваетъ это отсутствіе дома у турокъ съ тою привязанностью къ мѣсту своего рожденія, которое онъ находитъ въ Германіи.

«Даже для насъ — говоритъ онъ — жителей сѣвера и однообразныхъ мѣстностей, гдѣ одна мѣстность такъ походитъ на другую, нѣтъ никакой привлекательности лично то мѣсто, гдѣ мы впервые доузли воздухъ, и ничего не можетъ быть для насъ дороже того уголка, съ которымъ связывается наша первая воспоминанія».

нанія о материнской любви и заботах. И почему знать можетъ быть это было бы совсѣмъ иначе, если бы мы не имѣли очей.

Житель востока (слишкомъ обширно: и китаецъ житель востока), не знаетъ слова «семья»: въ сферѣ его чувствъ и идей нѣтъ этого понятія. У него, конечно, есть и домъ, и дворъ, и жена, и дѣти: но спросить его о здоровьѣ людей ему столь близкиихъ значитъ нанести ему оскорбленіе; потому что все это не образуетъ цѣлаго, въ который оно является частью, но составляетъ его собственность: это только отдѣльныя, самостоятельныя вещи, соединяющіяся тѣмъ, что онъ является ихъ обладателемъ. Какое странное противорѣчіе въ томъ, что въ народѣ, гдѣ женщины прикованы къ своему дому, гдѣ публичныя зрѣлища, увеселенія, гулянья совершенно неизвѣстны, гдѣ ничто не пробивается и не влечетъ человѣка наружу, — такъ мало развита внутренняя, домашняя жизнь. Но тѣмъ не менѣе это внутреннее противорѣчіе лежитъ въ основѣ характера турокъ и вы, куда бы ни взглянули, навѣрное съ нимъ встрѣтитесь.

Тотчасъ же воалѣ шумныхъ улицъ вы находите переулки тѣсные, кривые, вомощенные и, бродя съ холма на холмъ, не видите и малѣйшихъ слѣдовъ той толкотни, которую только что сейчасъ оставили: мертвая тишина царствуетъ тамъ: точно въ самомъ дѣлѣ всѣ вымерли. Ни лавокъ, ни ремесленныхъ заведеній, ни кофеенъ, — только замкнутые, глухіе дома, при дверяхъ которыхъ глухо и дико греметь молотокъ, если удивленный гость какъ нибудь забредетъ туда: даже нѣтъ собакъ, этихъ завывающихъ, похожихъ на шакаловъ, но добродушныхъ собакъ, которыхъ такъ много на улицахъ Стамбула. А въ сколько шаговъ оттуда, шумить и толкается толпа съ утра до солнечнаго заката, который и здѣсь, какъ и у всѣхъ вомадовъ, рѣзко и внезапно отдѣляетъ дневныя заботы отъ ночнаго покоя.

Но таковъ уже характеръ Востока, гдѣ нѣтъ переходныхъ ступеней и гдѣ крайности рѣзко граничатъ между собою — характеръ, ставящій неодолимою преграду всякому развитію, всякому ходу впередъ.

Куда ни обращается взоръ въ стамбульскихъ улицахъ, повсюду встрѣчаетъ онъ страшное равнообразіе фizioномій и костюмовъ, какъ будто жители всего Востока сошлись на свиданіе въ семихолмный городъ. Тамъ небольшое, сильное, мускулистое лицо, съ нѣсколько выкатившимися глазами, темно-цвѣтною кожей и широкимъ лбомъ, напоминаетъ истиннаго османлиса, въ жилахъ котораго течетъ еще чистая, несмѣшанная кровь Туркестана: похожіе на мѣшокъ, широкіе шальвары изъ новаго темно-голубаго сукна закрываютъ довольно дурно кривые, выгнутые какъ сабли, ноги, принадлежность восточнаго образа снѣдья — феска, красный колпакъ съ голубою нитью, обернутая грязнымъ зеленымъ платкомъ, прикрываетъ гладко выбритый черепъ. Красные, безобразныя башмаки и что-то въ родѣ галошъ; пестрый, подбитый ватой жилетъ, подвязанный поясомъ и одноцвѣтный; — такъ въ снѣгъ запачканный грязью и подбитый дѣломъ широкій каштанъ до-

вершится этотъ удобный, но мѣшающій быстритъ движеніемъ костюмъ. *Тесникъ* (родъ четокъ?), шарики котораго безпрестанно перебираются въ рукахъ — принадлежность каждаго. А вотъ этотъ *самалъ*, — членъ обширной общины носильщиковъ, которыхъ считаютъ тысячами, по всей вѣроятности, принадлежатъ къ армянской расѣ: цвѣтъ лица его ярокъ, губы его толсты, носъ сильно изогнутъ, черты лица грубы и суровы. Голубое, полу-взорванное сукно наверху вокругъ щекки; узкая куртка не закрываетъ обросшей волосами груди; узкіе, только до коленъ достигающіе панталоны изъ грубой, бѣлой холстины, а ноги вооружены тряпками и сандалями — вотъ его нарядъ. Тотъ же малый съ длинными волосами и растрепанной бородой, смуглый, съ рѣзкими чертами лица, и въ бараньей шапкѣ, навѣрное болгаръ. Далѣе красуется на ковшъ стройный, гибкій всадникъ: уже по одному блеску его огненныхъ глазъ, вы узнаете въ немъ арнаута, сына южной Албаніи; на немъ бѣлый какъ снѣгъ горскій кафтанъ, богато вышитые гамаши, жилетъ и куртка съ отлетными рукавами; этотъ нарядъ сдѣлался и народнымъ нарядомъ многихъ грековъ материка. Представитель грековъ-островитянъ, морякъ, куритъ немного далѣе свою папиросу. Въ его лицѣ сохранились благородныя черты его предковъ, только нарядъ его если и характеренъ, то не такъ живописенъ: красная, двубортная бархатная куртка, обхватывающая тѣло, мѣшкообразные шальвары и красный колпакъ съ голубою кистью; ноги въ высокихъ сапогахъ. Эта овальная, правильная фізіономія, эти черные, длинно-прорѣзанные глаза, смуглый цвѣтъ кожи и полная, густая борода, ярко выкрашенная *хенной* (порошокъ корня *Lawsonia inermis*, дающій красный цвѣтъ), характеризуютъ персіанина: его островерхая мѣховая шапка, астраханка, и весь его широкій нарядъ идетъ какъ нельзя болѣе къ его фізіономіи. Вонъ идетъ черкесъ въ косматой шапкѣ и съ двумя рядами патроновъ на груди. Араба можно тотчасъ же узнать по особенному, ему только свойственному выраженію глазъ, по густымъ сросшимся бровямъ, по огромному тюрбану и по желтому шелковому платку, ниспадающему на плеча.

• Нуженъ только небольшой навыкъ, чтобы съ перваго раза угадывать османлиса, курда, арнаута, цыгана, серба, болгара, грека, ваха, жида, араба, персіанина, черкеса и проч. Всѣ они носятъ особую одежду и имѣютъ особенную фізіономію; даже въ чернокожемъ племени можно различать бербера, абиссинца, эѳіопца и собственно негра съ западныхъ береговъ.

• Но несмотря на это разнообразіе лицъ, одеждъ, походки, манеръ, впечатлѣніе цѣлаго пестро, но бѣдно, — любопытно, но не удовлетворяетъ ожиданію. Одежда не мѣняется и потому богата, но не свѣжа. Различныя части ея носятя, пока не изнаются совершенно и тогда замѣняется по частямъ, такъ что на одномъ и томъ же лицѣ видишь всѣ степени подновленія, что производитъ непріятное, дисгармоническое впечатлѣніе. Богатая, новая шаль никакъ не можетъ заставить меня забыть рззорванного тюрбана, и я вижу затасканный кафтанъ изъ

подъ дорогой шубы : новые шальвары нейдутъ къ курткѣ, разпадающейся въ доскутъя; а многочеловѣчныя шпурки, нашитыя съ большимъ искусствомъ, не гармонируютъ съ простою фескою.»

Нѣтъ моды, нѣтъ женщинъ — нѣтъ образованія.

• Мы европейцы такъ привыкли находить въ женщинѣ средоточіе общественной жизни, что отсутствіе этого элемента поражаетъ насъ гораздо прежде, чѣмъ мы сознаемъ, что дѣйствуетъ на насъ такъ дисгармонически. Съ жаркимъ любопытствомъ всматриваемся въ первыя закутанныя лица и ищешь въ ихъ взорѣ желанія сбросить наложенныя пѣни. Но обычай освящаетъ все и турчанки, быть можетъ, увидѣли бы въ перемѣнѣ ихъ положенія покушеніе на ихъ свободу и ихъ права. Что турчанки нельзя встрѣтить на улицѣ иначе, какъ въ сопровожденіи подруги или невольницы, объ этомъ нечего и говорить: это такъ же неизбѣжно, какъ *лимакъ* — покрывало, закрывающее ихъ лица до самыхъ глазъ.

• Если я не ошибаюсь, то *лимак* состоитъ обыкновенно изъ трехъ длинныхъ, четырехугольныхъ кусковъ кисеи, изъ которыхъ одинъ прикрѣпляется на спину и оттуда опускается напередъ, другой накладывается на лицо и затылокъ, а третьимъ обертывается шея и грудь. Такимъ образомъ, видны только глаза; но желаніе правиться и здѣсь нашу себѣ дорогу и покрывало тѣмъ прозрачнѣе, чѣмъ лучше голова, которую оно закрываетъ. Формы тѣла, конечно, трудно угадать въ складкахъ одноцвѣтной мантии, *фереджъ*, въ которую турчанки и армянки завертываются и зиму и лѣто: только въ открытую дверь дома или въ щелку можно видѣть ихъ безъ этой мантии. *Фереджъ* имѣетъ покрой узкаго халата съ длиннымъ до колѣнъ воротничкомъ; у армянокъ онъ по большей части изъ черной, рѣдко изъ красной, матеріи: только турчанки могутъ носить *фереджъ* зеленого цвѣта. Остальная одежда не лишена вкуса, если и несовсѣмъ похожа на женскую: роль сорочки изъ легкой шелковой матеріи, широкіе бумажные или шелковые шальвары и короткая курточка изъ той же матеріи, обшита часто богатою шалью. Обувь весьма непривлекательная. Наряды женщинъ разнообразны, женщина изъ богатѣйшаго гарема отличается отъ женщины самаго бѣднаго класса только добротой матеріи, изъ которыхъ сдѣлано ея платье и количествомъ своей свиты.... Богатыя являются, впрочемъ, только въ разукрашенныхъ экипажахъ, имѣющихъ форму паланкиновъ. Волосы заплетаются въ маленькія косички, ниспадающія назадъ. Подкрашенные ногти и ладони не производятъ приятнаго впечатлѣнія. Сурмила и румяна въ большомъ употребленіи. У всѣхъ турчанокъ кривыя ноги, и ихъ походка показываетъ низкую степень цивилизаціи, на которой онѣ стоятъ; потому что для опредѣленія этой ступени ничего не можетъ быть характеристичнѣе походки.

Здѣсь авторъ пускается въ длинныя изложенія своихъ наблюденій надъ женскою походкою, сдѣланныхъ имъ въ четырехъ странахъ свѣ-

та и доказываетъ, не шутя, что, чѣмъ короче шагъ женщины, тѣмъ слабѣе ея поступки, тѣмъ ниже степень ея цивилизаціи.

• Всѣ турецкія женщины — говорятъ онъ — стѣбаютъ колѣна и почти безъ исключенія выступаютъ лѣвою ногою короче, нежели правую, точно такъ же, какъ и индіанки....

— Мы занялись письмомъ краснорѣчиваго нѣмецкаго туриста и не замѣтили какъ дошли до половины фельетона, а между тѣмъ въ него, какъ нарочно, проселось множество новостей ученыхъ, литературныхъ, театральныхъ.... Постараемся уместить здѣсь хоть нѣкоторыя изъ нихъ, оставивши остальные за штатомъ до будущаго мѣсяца. Начнемъ съ новостей ученыхъ. Но если ужъ дѣло дошло до науки, такъ начнемъ съ Александра Македонскаго.

Александръ Македонскій, отправляясь въ свой знаменитый походъ на Азію, далъ обѣщаніе своему учителю, Аристотелю, присылать ему всѣ рѣдкія растенія, образчики рѣдкихъ животныхъ, рукописей и все, что знаменитый ученикъ сочтетъ достойнымъ вниманія своего знаменитаго учителя. Наполеонъ, отправляясь въ египетскую экспедицію, велъ за собою цѣлую когорту натуралистовъ, археологовъ и живописцевъ, какъ же англичанамъ и Людовику-Наполеону не слѣдуетъ того же? Правда, надобно бы сначала завестись неподдѣльнымъ Наполеономъ или Александромъ Македонскимъ, а то бѣдной когортѣ ученыхъ, можетъ быть, придется праздновать похмѣлье на чужомъ пиру: да не въ томъ дѣло. Какъ бы то ни было, но въ Лондонѣ формируется цѣлое общество географовъ, геологовъ, натуралистовъ, фотографовъ для слѣдованія за восточной англо-французской экспедиціей. Главною цѣлью ихъ изысканій будетъ Европейская и Азіятская Турція, гдѣ, по словамъ «Атенеума», «золотыя поля ожидаютъ взора геологовъ, парственыя развалины привлекаютъ антиварія, бібліотеки Врусы и Константинополь открываютъ неразработанныя сокровища для историка и каждая верста на берегахъ Чернаго моря или Босфора бережетъ новость для географа.» Странно, какъ будто эти мѣста были прежде недоступны англійскимъ ученымъ! Комиссія будетъ состоять, какъ говорятъ, изъ директора, историографа, морскаго живописца, двухъ геологовъ, двухъ географовъ, антиварія, двухъ ботаниковъ и двухъ или трехъ фотографовъ; а капитанъ Сноггъ требуетъ уже фотографовъ и на Балтійскій флотъ. Не знаемъ, что будетъ далѣе; но жалъ, что англійскій историографъ не поспѣлъ на черноморскій флотъ къ началу компаніи: онъ потерялъ случай поставить на первой страницѣ геройскій, да къ тому же и удачный подвигъ адмирала Дундаса подъ Одессой, въ Страстную субботу. Это было бы прекраснымъ введеніемъ въ компанію турецкихъ союзниковъ.

— Въ Германіи вышла первая часть книги Брунна, «Исторія греческихъ художниковъ» (Brunnus Geschichte der griechischen Künstler): «Allgemeine Zeitung» отзывается съ похвалою объ этой книгѣ. До сихъ поръ о древнихъ художникахъ, мы имѣли только одно, прекрасное, впрочемъ, сочиненіе Эддига (Stieg) «Catalogus artium»; но

такъ какъ это сочиненіе появилось уже дѣтъ двадцать-пять тому назадъ, то оно и нуждалось въ пересмотрѣ и переработкѣ. Г. Брушицъ задумалъ написать исторію художниковъ и ихъ произведеній по источникамъ и съ такою критикою фактовъ, изъ которой бы сама собою вылилась исторія развитія искусства. Онъ занимается сначала хронологическими разысканіями о времени, когда жилъ каждый художникъ, объ его отношеніи къ предшественникамъ, современникамъ и потомкамъ; опредѣляетъ его мѣсторожденіе и мѣсто его дѣятельности, отыскиваетъ его учителей, а потомъ группируетъ въ школы, показывая распространеніе и вліяніе этихъ школъ. Далѣе онъ критикуетъ и приводитъ въ порядокъ всѣ извѣстія о произведеніи художниковъ и, тѣмъ образомъ, опредѣляетъ взглядъ древнихъ на искусство и его развитіе. Десятилѣтнее пребываніе автора въ одномъ изъ художественнѣйшихъ городовъ Европы придаетъ много достоинства его сочиненію.

— Читателямъ нашимъ, безъ сомнѣнія, извѣстно уже изъ газетъ о чудесномъ исчезновеніи знаменитаго берлинскаго профессора Фридриха Бенеке, который исчезъ еще перваго марта, но полиція, несмотря на всѣ свои старанія, и до сихъ поръ ни какъ не можетъ открыть его слѣдовъ. Предположеніе, что Бенеке уѣхалъ въ Америку, или что онъ убитъ бродягами во время вечерней прогулки, ни съ чѣмъ не сообразно. Скорѣе можно было бы предположить, что онъ утонулъ въ рѣкѣ, но ни тѣла, которое было бы похоже на Бенеке, ни шляпы, которая бы всплыла на поверхность, словомъ ни малѣйшаго слѣда не отыскано, несмотря на обѣщанные 200 талеровъ вознагражденія. Правда, бывали такіе самоубійцы, которые, нагружившись камнями, кидались въ воду; но всѣ, знавшіе Бенеке, не допускаютъ и мысли о самоубійствѣ и, выходя изъ своего дому, профессоръ думалъ только о коллегіи и о завтрашней лекціи.

Замѣчательно хорошая погода 1 марта могла вызвать его изъ дому и весенній воздухъ, вѣроятно, произвелъ въ немъ то головокруженіе и полуошпаеніе, которое испытываютъ въ этихъ случаяхъ всѣ предающіеся глубокой умственной дѣятельности и затворнической жизни. Всѣ предположенія, что денежные недостатки, преслѣдованія, безнадежность заставили его рѣшиться на ужасный шагъ, лишены всякаго основанія. Онъ 32 года боролся съ трудностями всякаго рода и побѣждалъ ихъ всѣ силою своего характера и философической резигнаціей; а въ послѣднее время, если его школа и не торжествовала, то тѣмъ не менѣе число его приверженцевъ весьма умножилось. Его положеніе, несмотря на скромное жалованье, состоящее изъ 200 талеровъ, было независимо, а философская школа, гнавшая его прежде, давно разсѣялась.

Онъ велъ жизнь настоящаго германскаго ученаго и, весь погруженный въ науку, едва замѣчалъ, что дѣлалось вокругъ него. Впрочемъ, это не достигало въ немъ до цѣннанама: напротивъ, онъ очень любилъ порядокъ, чистоту и былъ пунктуаленъ. Берлинскіе профессора, правда, его не слишкомъ уважали и даже между ни-

ми вообще въ моду. на вопросы о немъ говорить, что съ нимъ не знакомы; но основатель опытной психологii имѣлъ у себя многихъ почитателей въ Шотландiи, Англии и Америкѣ, — и Раумера, когда онъ посѣщалъ эти страны, съ жаромъ спрашивали о берлинскомъ Бенекѣ, котораго едва знали по имени въ его отечественномъ городѣ. (*) Его нѣсколько разъ призывали въ иностранные университеты, но онъ не хотѣлъ бросить Берлина. Впрочемъ, онъ, кажется, былъ рожденъ подъ несчастною звѣздою: уже въ школѣ онъ отличался отъ другихъ мальчиковъ яркими красными волосами, необыкновеннымъ прилежанiемъ и обширностью знанiй. Будучи въ 1822 году приват-доцентомъ онъ вдругъ былъ лишенъ своего мѣста всецѣльною тогда философскою школою; но черезъ пять лѣтъ, въ 1827 году, снова его получилъ. Онъ все это перенесъ и въ то самое время, когда судьба начинала ему улыбаться, вдругъ исчезъ. Его сильный характеръ, его религiозность, его нравственность, его дѣтская наивность въ дѣлахъ свѣта, повторяемъ еще разъ, не допускаютъ и мысли о самоубиiи-ствѣ.

— Заговоривши объ ученыхъ книгахъ, университетахъ и профессорахъ, мы не можемъ не бросить здѣсь попавшейся намъ подъ руку характеристики лекцiй въ римскомъ университетѣ.

Римскiй университетъ носить названiе *Archiginnasio della sapienza*. Двухъ-этажное зданiе университета окружено дворомъ, замкнутымъ также двухъ-этажною аркадою: на этомъ дворѣ во время отдыха прохаживаются студенты и профессоры, защищенные отъ солнца и дождя. Двери аудиторiй выходятъ во дворъ: въ каждой аудиторiи изображенiе Мадонны, за стекломъ и въ рамкахъ, виситъ надъ кафедрой. Свѣтскiе профессоры носятъ сверхъ своего платья чернiй *таларъ* и *баретъ*: студенты не отличаются никакою особенностью. Для лекцiй назначаются четыре часа передъ обѣдомъ и два послѣ обѣда; курсъ продолжается отъ 5 ноября до 27 iюля. Университетъ раздѣляется не на факультеты, а на классы — теологическiй, юридическiй, медицинскiй, философско-математическiй и филологическiй.

• Мнѣ — говоритъ одинъ туристъ — захотѣлось послушать профессора Ориоли, извѣстнаго и въ германiи по своимъ археологическимъ изысканiямъ: онъ читаетъ древнѣйшую исторiю Рима. Къ удивленiю моему профессоръ началъ свою лекцiю тѣмъ положенiемъ, что человекъ состоитъ изъ души и тѣла, и что на этомъ основаны явленiя сомнамбулизмъ. (Надобно замѣтить, что Ориоли не только археологъ, но медикъ и естествоиспытатель.) Я покорился необходимости и приготовился слушать лекцiю о сомнамбулизмѣ; но не тутъ-то было: профессоръ заговорилъ о Цицеронѣ, Аристотелѣ, Тертулианѣ, и я вышелъ

(*) Шотландскiе моральсты и психологи, отъ которыхъ ведутъ свое начало англiйскiе и американскiе, держатся опытнаго направленiя къ психологiи и отвергаютъ германскiя абстракцiи, какъ произвольныя и ни къ чему не ведущiя. Въ этому повлито ихъ уваженiе къ Бенекѣ.

съ лекцій въ совершенномъ невѣдѣніи, о чемъ шла лекція, и сбиравая только, что ученость профессора огромна.

• Потомъ я отправился на лекціи, означенныя слѣдующимъ объясненіемъ: «Упражненіе въ сочиненіи лучшихъ писателей и въ особенности римскихъ историковъ». Профессоръ прочелъ рѣчь, которую у Ливія Эмилиі Павелъ держитъ къ побѣжденному Персею; перевелъ ее, сопровождая лучшія мѣста восторженными восклицаніями, остановившись въ особенности на измѣчивости счастья, примѣръ котораго представлялъ Персей. Это общее мѣсто повело за собою безконечныя цитаты тѣхъ стиховъ изъ римскихъ и итальянскихъ поэтовъ, въ которыхъ говорится о превратности судьбы — и тѣмъ пополнилась цѣлая часть. Звучнымъ голосомъ, съ большимъ жаромъ и энергической мимикой декламировалъ профессоръ; улыбка восторга не покидала его лица: онъ самъ и многіе изъ его студентовъ, казалось, съ наслажденіемъ внимали прекраснымъ звукамъ родного языка.»

• Отъ лекцій греческаго языка я и не ожидалъ многого, но существенно была ниже даже моихъ ожиданій. Что выдѣлывали профессоръ и студенты съ бѣднымъ Пиндаромъ, глубокомысленнѣйшимъ и труднѣйшимъ изъ греческихъ поэтовъ, то этого и пересказать нельзя. Но объясненіе, почему Пифагору объявила Сократа мудрѣйшимъ изъ людей, показалось мнѣ такъ замѣчательно, что я не могу его не передать. • Естественсмыслители — говорилъ профессоръ — поколебали вѣру въ языческихъ боговъ и богинь. Они открыли, что не Юпитеръ бросаетъ молнію, а что это проявленіе электричества, что не Нептунъ производитъ землетрясенія, но что они происходятъ вслѣдствіе вулканическихъ потрясеній; а такъ какъ дельфійскіе жрецы знали, что Сократъ былъ жаркимъ поклонникомъ языческихъ вѣрованій, то, видя въ немъ опору своей системы, объявили его черезъ уста Пифагора мудрѣйшимъ изъ людей. •

— Во французской литературѣ, что случается съ нею довольно рѣдко, появилось нѣсколько произведеній, стоящихъ вниманія, и (что еще рѣже) лучшее изъ этихъ произвеній принадлежитъ члену Французской Академіи г. Эмпи (Empis), автору многихъ замѣчательныхъ комедій, занимавшихъ сцену дѣтъ пятнадцать тому назадъ.

Новое сочиненіе г. Эмпи носитъ названіе «Шесть женъ Генриха VIII. (Les six femmes de Henri VIII). Катерина Арагонская, Анна Болейнь, Жанна Сеймуръ, Анна Клевская, Катерина Говардъ и Катерина Парръ выходятъ одна за другою въ формѣ шекспировскихъ историческихъ диалоговъ. Въ двухъ томахъ, раздѣленныхъ на пятнадцать картинъ, появляются всѣ замѣчательныя личности этой любовной эпохи и характеръ Генриха VIII, если вѣрять фельетонисту бельгійской газеты, выдается съ поразительною яркостью и истинною.

Не знаемъ, такъ ли хороша книга г. Эмпи, какъ о ней отзываются; мы плохо вѣримъ во французскую критику и въ шекспировскія таланты французскіе; но можемъ сказать, что книга Эмпи Сувестра «Двадцать исторій» (Les Histoires d'autrefets), по всей вѣроятности, хороша.

и прочтется многими съ удовольствіемъ. «Современникъ» познакомилъ русскихъ читателей съ нѣсколькими рассказами Эмиля Сувестра — писателя, замѣчательнаго именно тѣмъ, что въ его талантѣ есть то, чего совершенно нѣтъ въ другихъ современныхъ французскихъ рассказахъ: характеры людей и мѣстностей, тщательная обработка подробностей, простота и вѣроятность сюжета. Французскій критикъ говоритъ объ Эмиль Сувестрѣ, что онъ рассказчикъ по преимуществу, болѣе занимающійся содержаніемъ, нежели формою, болѣе изобрѣтатель нежели стилистъ (*C'est le conteur par excellence; plus occupé du fond que de la forme, plus inventeur que styliste*). Тогда, какъ дѣло-то выходитъ совсѣмъ наоборотъ: вся прелесть рассказовъ Эмиля Сувестра состоитъ именно въ обработкѣ формы, подъ которой мы никакъ не хотимъ видѣть отблуживанія фразъ; содержаніе же въ его рассказахъ всегда просто и немногосложно. Стоитъ только сравнить эти рассказы съ романами Дюма или Сю, чтобы видѣть, кто изъ нихъ *изобрѣтатель* и кто *стилистъ*. Странное понятіе у французовъ о формѣ сочиненій и стилѣ писателей? Порядочнымъ, добросовѣстнымъ писателямъ во Франціи плохо: они всегда будутъ закрыты тучею мистифицированныхъ болтуновъ. Вотъ и другой примѣръ на лицо: вчитайтесь въ маленькій рассказъ, помѣщенный въ этомъ номерѣ «Современника», и вы увидите, сколько добросовѣстнаго труда онъ стоилъ писателю, сколько наученія страны, природы и народностей влетѣло, не безъ таланта, въ эту простую форму, и что же? Эти рассказы, знакомящіе насъ такъ легко и вѣрно съ характеристичной малозвѣстными странъ, прошли почти незамѣтными во французской литературѣ; тогда какъ болтуны *Мери*, всегдашлаго небывалыхъ и невозможныхъ китайцевъ и индѣйцевъ и выколачиваго ихъ на сцену толпами, съ истинно французскою смѣлостью, смѣскала ему у французовъ большую извѣстность.

— Изъ англо-американской литературы мы обратимъ особенное вниманіе на одну книгу, возбуждившую сильнѣйшее негодованіе англійскаго критика.

Дачники, прожившіе прошедшее лѣто въ Петергофѣ, Ораниенбаумѣ, Кронштадтской колоніи вѣроятно не забыли еще прекрасной американской яхты-парохода, «Сѣверная Звѣзда» (*North Star*), на которой владѣлецъ ея, мистеръ Вандербильтъ (*Vanderbilt*), богатѣйшій американскій негониантъ, оставившій дѣла, преркатылся для собственнаго удовольствія на пѣломъ свѣту и завернулъ и въ нашу сторону. Теперь вышло описаніе этой прогулки, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Плаваніе яхты-парохода «Сѣверная Звѣзда»: *рассказъ о помыдкѣ* мистера Вандербильта въ Англію, Россію, Давію, Францію, Испанію, Италію, Мальту, Турцію, Мадеру и пр. Джона Овертона Чоулеса. Бостонъ (*The Cruis of the Steam-Yacht «North Star»: a Narrative of the Excursion of Mr. Vanderbilt's Party to England, Russia, Denmark, France, Spain, Italy, Malta, Turkey, Madeira, et cetera. By the Rev. J. Overton Choules. D. D. Boston. London Trübner et Co.*).

Т. XLV. Стл. V.

Р/с

Мы не понимаемъ, почему англійскій критикъ такъ возмущается противъ благороднаго удовольствія, которое оставилъ себѣ американскій негодіантъ, проведши половину жизни въ трудахъ и захотѣвшій отдохнуть подъ старость. Конечно, такое роскошное удовольствіе доступно не каждому; для него не только нужно собрать огромное количество денегъ, но и сохранить то юное, возвышенное направленіе души, которое такъ легко теряется въ торговыхъ заботахъ. Если англійскій негодіантъ не перестаетъ копить деньги и распространять, какъ Домби, обороты своей фирмы до послѣдней минуты жизни; если, покупая яхточку, онъ старается окружить свою персону аристократическимъ блескомъ, если онъ ломаетъ голову, придумывая себѣ гербы и титулы; то почему же богатому амеріянянину не остановиться во время и не пожелать посмотрѣть на ту землю, на которой два раза нитко не бываетъ. Признаемся, мы не можемъ прилутать ничего благороднѣе такой остановки въ скопленіи денегъ, на которую рѣшаются немногіе; ничего возвышеннѣе такого истинно человѣческаго наважденія.

Еслибы путешествіе Вандербильта было само передъ нашими глазами, то намъ безъ сомнѣнія легко бы было открыть причину нападокъ англійской критики въ главахъ, посвященныхъ путешествію въ Англію, Мальту и Турцію; но такъ какъ критикъ благоразумно умалчиваетъ объ этихъ главахъ, то намъ и остается догадываться о причинѣ его негодованія по немногимъ отрывкамъ, представленнымъ критикомъ.

Вотъ какъ описанъ Петергофъ американскимъ путешественникомъ.

Петергофъ лѣтняя резиденція русскаго двора, и я нисколько не удивляюсь, что всѣ Императоры дѣлали его любимымъ мѣстомъ своего пребыванія. Цѣльня пошламы мы шли по очаровательному лѣсу и густая тѣнь устроена явно заботливостью людей, нисколько много вкуса и хорошо понимающихъ законы растительной силы. Мы проходили мимо благородныхъ дубовъ и не могли не остановиться и не полюбоваться на нихъ, не дожидаясь правильнаго осмотра мѣстности. Мы были на землѣ, священной въ глазахъ русскіхъ, потому что между этими царственными деревьями намъ скоро указали на два или на три, посаженныхъ руками удивительнаго человѣка — Петра Великаго. Выйдя изъ лѣсу, мы вошли въ предмѣстье, выстроенное необыкновенно красиво и съ величайшимъ вкусомъ, и скоро помѣстилось весьма комфортабельно въ отель, нѣзѣтномъ подъ ивненьмъ *ожала* и который только что открылся. Первою нашей заботою было достать себѣ комнату, и это самая важная вещь въ русскіхъ гостиницахъ. Комнаты были необыкновенно чисты — сама опрятность! убранство хорошо, хотя и не богато. Первымъ нашимъ дѣломъ было позаботиться о завтракѣ, который былъ очень удовлетворителенъ. Провізія была превосходна и приготовлена, какъ и вездѣ въ Россіи, на манеръ французской кухни. Отдохнувши, мы принялись осматривать мѣстность. Я любилъ много дворцовъ Англій, Франціи и другихъ странъ Европы, но не видалъ ни одной мѣстности, которая бы мнѣ понравилась такъ, какъ Петергофъ. Положеніе его хорошо, онъ лежитъ въ устьѣ Невы и

изъ него открывается прекрасный видъ на Кронштадтъ, Одетовскій, начъ нахотся, миль на десять. Прежде всего мы осмотрѣли домъ Петра Великаго: онъ не въ далекомъ разстоянн отъ дворца, окруженъ прекрасными деревьями, не ведакъ и находится нѣсколько на датскую ферму. Внутренность его похожа на старые дома, которые я видѣлъ на берегахъ Сѣвера. Въ этомъ тѣсномъ жилищѣ скончался Петръ Великий! Мы видѣли постель, на которой онъ испустилъ послѣдннй вздохъ: постельное бѣлье все сохранено такъ, какъ оно было въ то время, когда онъ занималъ эту комнату. На полушкѣ лежитъ его ночной колпакъ и на одѣялѣ его хазать: ничто не можетъ быть проще этихъ вещей. Комнатка мала, и вы можете подумать, что старые люди, живнше въ ней, только что изъ нея выжили. Въ сосѣдней комнатѣ, тоже не большой, хранятся его туалеты, сапоги и другія принадлежности его туалета....

Мы не думаемъ продолжать описання предметовъ, столь знакомыхъ всѣмъ русскимъ. Нѣсколькихъ строкъ (не смотря на нѣкоторыя ошибки, не зачѣтныя для англичанъ), приведенныхъ адѣсь, достаточно, чтобы понять, почему это описанн не понравилось англичанамъ; а это еще *самая скромная глава*, какъ говорить англнйскнй критикъ. Мы подозреваемъ, что главы объ Англнн и Турцнн должны быть очень любопытныя.

— Театральныя новости.... по неясннмъ, благосклоннѣншнй читатель, какъ вамъ, а намъ эти новости страшно надоели, и мы рѣшнтельно не въ состояннн говорить о нихъ въ этотъ разъ (*).

МОДЫ.

1. ДАМСКНЯ.

Гладкой соломки шляпъ носятъ очень мало; шляпки дѣлаются преимущественно изъ соломки à jour. Эти шляпки легки и прозрачны; шардыности ихъ зависятъ отъ цвѣта подкладки. Кому точки у этихъ шляпокъ очень маленькня, а поля по прежнему ни сколько не закрываютъ лица и не защищаютъ его отъ жгучаго лѣтняго солнца. Уборка ихъ состоитъ изъ бѣлыхъ и черныхъ блондъ, узенькихъ лентъ, цвѣтовъ и изъ рюша съ высѣчкой, который играетъ не послѣднюю роль. Чтобы какъ нибудь защитить открытое темя, накладываютъ на него вѣнки изъ цвѣтовъ, рюша и блондъ... Цвѣты для шляпокъ болѣе употребляются изъ полевыхъ мелкихъ цвѣтовъ: ландышей, маргаритокъ, васильковъ и проч., или болотныхъ лилій желтыхъ и бѣлыхъ съ травами... Бастовыя шляпки дѣлаются съ вы-

(*) Взято изъ L'Indép. Belg. The Athenaeum, The Illustrated London News, L'Illustration, Allgemeine Zeitung.

рѣзками, въ промежуткахъ которыхъ видна матерія, которою подложена шляпка, или ленты. Эти шляпки убираются страусовыми перьями, отчего онѣ получаютъ видъ весьма варидный.

На платьяхъ свѣтлыхъ цвѣтовъ таета и барежъ замѣняются другія матеріи. Волавы вновь сдѣлались необходимымъ украшеніемъ для юбокъ, никакъ уже не менѣ трехъ или четырехъ волановъ на юбкѣ. Кружевные мантильи à la Марсъ — прямые полотнища, пришитыя на кокеткѣ, очень удобны и легки во время сильныхъ жаровъ. Креповые платки необходимость для лѣтняго туалета.

Для молодыхъ дѣвицъ канзу изъ кружевъ и ленты съ шелковымъ платьемъ — самый роскошный нарядъ. Отдѣлка на шлицахъ самая простая: узенькій бархатъ или рюшъ. Мантильи-шарфъ изъ ну-де-суа, обшитыя бархатомъ или воланами съ вышивкой.

2. МУЖСКІЯ.

По нашему мнѣнію, нѣтъ ничего безобразнѣе и неудобнѣе нынѣшнихъ пальто, или, правильнѣе, *бекшей*, почти до пятъ длиною, съ пуговицами назади. Лѣтній покрой ихъ неизмѣняется, но мы не совѣтуемъ слѣдовать рабски модѣ или преувеличивать ее. Преувеличеніе моды есть уже рѣшительный признакъ дурного тона. По этому пальто умѣренной длины, то есть только до колѣнъ, или немного пониже, имѣютъ видъ несравненно приличнѣйшій. Шляпы носятъ съ тульями довольно высокими и прямыми. Поля большія и загнутыя съ боковъ.

Сюртуки односторонные немного выше колѣнъ. Панталоны по прежнему узкіе.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что мужскія моды настоящаго времени лѣтъ черезъ пять будутъ казаться необыкновенно смѣшными, даже и теперь глазъ не можетъ еще къ нимъ привыкнуть.

Мы адресуемъ читателей, по обыкновенію, къ *Шармеру*, потому что ни у кого нѣтъ такого отличнаго выбора лѣтнихъ матерій.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

Сенктпетербургъ, мая 8 дня 1854 года.

Искренн. А. Френкель.

МОЙ РОМАНЪ

ИЛИ

РАЗНООБРАЗИЕ АНГЛІЙСКОЙ ЖИЗНИ

Э. Л. БУЛЬВЕРА

ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ

и послѣдняя

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ ЭДУАРДА ПРАЦА

=

1854

Современникъ 1854 года.

МОЙ РОМАНЪ

или

РАЗНООБРАЗІЕ АНГЛІЙСКОЙ ЖИЗНИ.

Э. Л. БУЛЬВЕРА.

ЧАСТЬ ТРИНАДЦАТАЯ

(и послѣдняя).

ГЛАВА СХУ.

Пронесенія послѣднихъ дней сильно подѣйствовали на Гарлей. Измѣна чловѣка, котораго онъ всегда считалъ искреннимъ другомъ, которому открывалъ самыя задушевныя тайны свои, и который такъ предательски воспользовался его довѣріемъ, требовала мщенія самаго жестокаго, немедленнаго мщенія. Но, повинувшись побужденіямъ своей благородной души, онъ не рѣшался на это, надѣясь, что время и дѣятельность, при наступившихъ выборахъ, укажутъ ему путь, по которому онъ долженъ идти для удовлетворенія чувства, сдѣлашагося въ душѣ его господствующимъ. Шохищаніе Віоланты Гарлей приписывалъ не одному Пешьера, онъ подовѣрвалъ тутъ участіе Рандаля Лесли, а потому, обличивъ измѣну Оддея, хотѣлъ обличить и низкое предательство Рандаля.

Гэлень, инстинктивно угадывая, что Гарлей любилъ ее только по одной своей наклонности къ романтичности, а что, узнавъ Віоланту, онъ привязался къ ней всей душой, весьма основательно полагала, что будущее не сулитъ ей того счастья, о которомъ мечтала она въ дни своей молодости, — счастья, которымъ бы она наслаждалась, еслибъ судьба

ея неразрывно была соединена съ судьбою Леонарда. Въ свою очередь и Леонардъ заранѣ обрекалъ жизнь свою неисходному страданію. Онъ не разъ покушался признаться во всемъ Гарлею, но мысль огорчить своего благодѣтеля отнимала отъ него всякую рѣшимость на этотъ подвигъ. Все, что онъ могъ сдѣлать для облегченія души своей, это — признаться мистеру Дэлю, своему искреннему другу и опытному руководителю. Мистеръ Дэль, изъ сожалѣнія къ Леонарду и какъ ревностный покровитель брачныхъ союзовъ, безъ вѣдома и согласія Леонарда, открылъ Гарлею, въ какомъ положеніи находились молодые люди. Это открытіе было новымъ ударомъ для Гарлея. У него вторично отнимали любимую женщину, и кто же? Человѣкъ, котораго онъ спасъ отъ голодной смерти, будущность котораго обезпечилъ блестящимъ образомъ! Съ этой минуты онъ видѣлъ въ Леонардѣ такого же предателя, какимъ казался ему Одлей Эджертоу.

Театромъ выборовъ былъ Лэнсмеръ. Всѣ, кто долженъ былъ участвовать въ нихъ, собрались туда. По составленному заранѣ Гарлеемъ плану, туда прибыли и мистеръ Дэль, и сквайръ Гэзельденъ, котораго Равдаль до такой степени очаровалъ, что онъ рѣшился совершенно устранить несчастнаго Франка отъ наслѣдства и сдѣлать наслѣдникомъ своимъ хитраго Рандаля.

Выборы начались и были въ сильномъ разгарѣ, когда первенствующіе члены «Святаго Комитета» были позваны на обѣдъ въ Лэнсмеръ-Паркъ. Общество казалось веселымъ и одушевленнымъ, несмотря на отсутствіе Одлея Эджертона, который подъ предлогомъ болѣзни, заперся въ своей комнатѣ и послалъ къ Гарлею записку съ извѣщеніемъ, что онъ слишкомъ дурно себя чувствуетъ, чтобы присоединиться къ общимъ друзьямъ.

Равдаль былъ на верку самодовольствія, несмотря на сомнительный успѣхъ его рѣчи, произнесенной предъ народомъ. Что значила неудачная рѣчь, если самое дѣло выборовъ обезпечено? Сквайръ обѣщался доставить ему на другой же день сумму, необходимую на покупку большого участка земли. Риккабокка не переставалъ еще ободрять его искательства руки Виоланты. Если когда нибудь можно было назвать Рандаля Десли счастливымъ человѣкомъ, то это именно въ тотъ день, когда онъ сидѣлъ за обѣдомъ, чюхаясь съ мистеромъ мэромъ и мистеромъ Олдерменомъ и вглядываясь въ блестящій серебряный подносъ съ напитками, въ которомъ такъ ярко отражались его надежды на богатство и значительность.

Обѣдъ приходилъ уже къ концу, когда лордъ л'Эстренджъ, въ краткой рѣчи, напомнилъ посѣтителямъ о предстоявшемъ окончаніи дѣла; послѣ тоста въ честь будущихъ членовъ Лэнсмера, онъ распустилъ комитетъ, приглашая приступить къ замятіямъ.

Левъ сдѣлалъ знакъ Рандалю, который послѣдовалъ за нимъ въ свою комнату.

— Десли, ваше назначеніе подлежитъ еще нѣкоторому сомнѣнію. Изъ разговора людей, сидѣвшихъ около меня за обѣдомъ, я узналъ,

что Эджертовъ такъ много выигралъ во мнѣнн Сннихъ своею рѣчью и они такъ боятся потерять человѣка, который внушаетъ имъ столько довѣрія, что члены комитета не только хотятъ отстать отъ васъ при вторичной подачѣ голосовъ и присоединиться къ Эджертову, но предполагаютъ открыть частную подписку, чтобы завладѣть и тѣми ста пятидесятью избирательными голосами, на которые, сколько мнѣ извѣстно, расчитываетъ Эвелинъ въ вашу пользу.

— Это будетъ не очень-то похвально со стороны комитета, если онъ водумаетъ дѣйствовать за насъ обоихъ и станетъ усиливать Эджертона, сказалъ Рандавъ, съ досадою. — Но я не думаю все-таки, чтобы имъ удалось привлечь на свою сторону эти сто-пятьдесятъ голосовъ безъ значительной траты денегъ, которыхъ Эджертовъ никогда не заплатитъ и который ни лордъ д'Эстренджъ, ни отецъ его не захотятъ принять на свой счетъ.

— Я сказалъ имъ очень откровенно, отвѣчалъ Леви : — что, какъ агентъ мистера Эджертова, я не допущу никакихъ происковъ для нарушенія правильности выборовъ. Я увѣрилъ первенствующихъ членовъ комитета, что разсмотрю и обдумаю ихъ намѣренія перейти на сторону Эджертова : они рѣшились дѣйствовать по указаніямъ Одмеля, а я знаю заранѣе, что онъ скажетъ на этотъ счетъ. Вы можете положиться на меня, продолжалъ баронъ, съ важностію, которая странно согласовалась съ его обычнымъ цинизмомъ : — вы можете положиться на меня, что успѣете одержать верхъ надъ Оллеемъ, если только это будетъ въ моей власти. Между тѣмъ вамъ необходимо увидаться съ Эвелинъ нынѣшнимъ же вечеромъ.

— Я назначилъ ему свиданіе въ десять часовъ. Судя по его рѣчи противъ Эджертова, я не сомнѣваюсь, что онъ намѣренъ помогать мнѣ, тѣмъ болѣе, что онъ удостовѣрился изъ избирательныхъ списковъ, что ему невозможно ничего сдѣлать ни въ свою собственную пользу, ни въ пользу своего племянника-грубияна. Моя рѣчь, какъ вы нападали на нее мистеръ Ферфильдъ, все-таки должна же расположить «Желтую партію» подавать голоса скорѣе въ мою пользу, чѣмъ въ пользу такого явнаго противника, какъ Эджертовъ.

— Я самъ думаю то же. Ваша рѣчь и отиѣтъ Ферфильда, правда, чрезвычайно повредили вамъ во мнѣнн Сннихъ ; но будьте увѣрены, что я могу еще заставить этихъ полтора-ста негодяевъ — хотя подобныя дѣйствія подкупа и происковъ и могутъ значительно повредить мнѣ въ общественномъ мнѣнн — подать голоса въ вашу пользу. Я скажу имъ, какъ говорилъ уже комитету, что на Эджертова въ этомъ случаѣ плохая надежда, что онъ ничего не заплатитъ, но что вы нуждаетесь въ голосахъ, и что я... однимъ словомъ, если ихъ можно будетъ поддѣть красными словами и общавами, я проведу ихъ....

Въ это время кто-то стукнулъ въ дверь. Вошелъ слуга съ порученіемъ отъ мистера Эджертова къ барону Леви, котораго первый просилъ войти къ нему на нѣсколько минутъ.

— Хорошо, сказалъ Леви, когда слуга вышелъ: — я пойду къ Эджертоу и какъ только окончу переговоры съ нимъ, то отправляюсь въ городъ Я, можетъ быть, ночую тамъ.

Говоря такимъ образомъ, онъ простился съ Рандаемъ и направилъ шаги къ комнатамъ Одлея.

— Леви, спросилъ отрывисто государственный мужъ, при входѣ барона: — вы открыли мою тайну — мой первый бракъ — лорду л'Эстренджу?

— Нѣтъ, Эджертонъ; клянусь вамъ честью, что я храню вашу тайну.

— Вы слышали его рѣчь! Неужели вы не замѣтили страшной проны вѣ его похвалахъ моимъ заслугамъ? или это.... или это.... дѣло моей совѣсти? прибавилъ высокомерный Одлей сквозь зубы.

— Напротивъ, отвѣчалъ Леви: — мнѣ кажется, что лордъ л'Эстренджъ избралъ именно такія черты вашего характера, которыя и всякій другой изъ вашихъ друзей похвѣстилъ бы въ похвальной рѣчи.

— Всякій другой изъ моихъ друзей! Какіе друзья! проговорилъ Эджертонъ съ мрачнымъ видомъ.

Потомъ привставъ, онъ произнесъ голосомъ, который вовсе не отличался обычною твердостью:

— Ваше присутствіе, Леви, здѣсь, въ этомъ домѣ, удивило меня, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить вамъ: я не могъ понять его необходимости. Неужели Гарлей пригласилъ васъ? Гарлей, съ которымъ вы, кажется, не въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ! Вы увѣрили, что ваше знакомство съ Ричардомъ Эвенелемъ доставитъ вамъ возможность уничтожить противодѣйствіе съ его стороны. Не смѣю поздравить васъ съ подобнымъ успѣхомъ.

— Успѣхъ этотъ оправдается послѣдствіями. Сильное противодѣйствіе моимъ интересамъ, можетъ быть, служить лишь личиною къ сокрытію полнаго сочувствія моимъ поступкамъ.

Одлей продолжалъ, какъ будто не слушая Леви:

— Гарлей чрезвычайно перемѣнился въ отношеніи ко мнѣ и къ другимъ; эта перемѣна можетъ быть для много незамѣтна, но я зналъ Гарлея еще ребенкомъ.

— Онъ въ первый разъ въ жизни занимается практическими дѣлами. Это, вѣроятно, составляетъ главную причину перемѣны, которую вы замѣчаете въ немъ.

— Вамъ случалось видать его за-просто? вы часто говорили съ нимъ?

— Нѣтъ... и только о предметахъ, касающихся выборовъ. По временамъ, онъ совѣтуется со мною на счетъ Рандаля Лесли, въ которомъ, какъ въ вашемъ *protégé*, онъ принимаетъ большое участіе.

— Это также очень удивляетъ меня. Впрочемъ, все равно, мнѣ надоѣли всѣ эти хлопоты. Не нынче, такъ завтра, я оставлю свое мѣсто и отдохну на свободѣ. Вы видѣли донесенія избирательныхъ ком-

инсидіи? у меня не достает духу хорошенько рассмотреть ихъ. Въ самомъ ли дѣлѣ выборы такъ надежны, какъ всѣ говорятъ?

— Если Эвель отстранитъ своего племянника, и голоса ихъ перейдутъ на вашу сторону, то вы можете быть увѣрены въ успѣхъ.

— А вы думаете, что племянникъ его будетъ устраненъ? Бѣдный молодой человѣкъ! Въ такіе годы и съ такими дарованіями тяжело переносить неудачу.

Одлей вздохнулъ.

— Я долженъ оставить васъ, если вамъ неудобно будетъ передать мнѣ еще что нибудь, сказалъ баронъ, вставая. — Мнѣ множество дѣлъ, тѣмъ болѣе, что успѣхъ еще подлежитъ нѣкоторому сомнѣнію; для васъ же неудача будетъ сопровождаться....

— Разорѣніемъ, я это знаю. Но дѣло въ томъ, Левъ, что ваши собственные интересы зависятъ много оттого, чтобы я не проигралъ. Вамъ еще пришлось бы познаться около меня. Письма, которыя я получилъ сегодня утромъ, доказываютъ, что мое положеніе достаточно обезпечено совершенною необходимостію поддерживать меня, въ которую поставлена моя партія. Потому, всякая новость о разстройствѣ моихъ денежныхъ дѣлъ не обезпечитъ меня столько, сколько я ожидалъ того прежде. Никогда еще моя карьера не была такъ свободна, какъ теперь, отъ всякихъ потрясеній, никогда еще не представляла она такого гладкаго пути къ вершинѣ честолюбивыхъ замысловъ, никогда, въ дни моей тщеславной щедрости, не былъ я такъ спокоенъ какъ теперь, приготовившись запереться въ маленькой квартиркѣ съ однимъ слугой.

— Мнѣ очень пріятно это слышать, и я тѣмъ болѣе буду стараться объ обезпеченіи вашихъ интересовъ на выборахъ, что оттого зависитъ ваша участь. Да, я долженъ наконецъ открыть вамъ....

— Говорите.

— По случаю неожиданнаго истощенія моихъ денежныхъ средствъ, я принужденъ былъ передать нѣкоторые изъ вашихъ векселей и другихъ обязательствъ другому, а этотъ человѣкъ немного скоръ; если вы не будете ограждены отъ тюрьмы парламентскою привилегіею, то я не могу ручаться....

— Предатель! вскричалъ Эджертоуъ, съ негодованіемъ, не стараясь скрывать презрѣніе, которое онъ постоянно питалъ къ ростовщику: — не смѣй продолжать. Могъ ли я въ самомъ дѣлѣ ожидать чего нибудь лучшаго! Вы предвидѣли мое паденіе и рѣшились окончательно разорить меня. Не старайтесь оправдаться, сэръ, и оставьте меня немедленно!

— Вы убѣдитесь, что у васъ есть друзья хуже меня, сказалъ баронъ, отираясь къ двери: — и если вы понесете неудачу, если ваши надежды будутъ разрушены, то я все-таки еще менѣ другихъ буду заслуживать осужденія съ вашей стороны. Я прощаю вамъ ваше увлеченіе и увѣренъ, что завтра вы выслушаете объясненіе

моихъ дѣйствій, чего теперь вы не въ состоянн сдѣлать. Я между тѣмъ отправляюсь хлопотать по выборамъ.

Когда Одлей остался одинъ, мгновенные порывы страсти, казалось, утихли. Съ быстротою и логическою отчетливостію, которую сообщаютъ человѣку занятія общественными дѣлами, онъ разобралъ свои мысли, изслѣдовалъ причину своихъ опасеній. Самая неугомонная мысль, самое нестерпимое изъ опасеній все-таки были сдѣланы убіжденіемъ, что баронъ выдалъ его г'Эстренджу.

— Я не въ состоянн болѣе выносить этой неизвѣстности, вскричалъ наконецъ Одлей, послѣ нѣкотораго раздумья: — я повѣдаюсь съ Гарлеемъ. При его откровенности, я узнаю по самому звуку его голоса, дѣйствительно ли я лишился всякихъ правъ на дружбу людей. Если эта дружба еще не потеряна для меня, если Гарлей сожметъ мою руку по прежнему съ юношескимъ увлеченіемъ привязанности, то никакая потеря не заставитъ меня провозвести ни малѣйшей жалобы.

Онъ позвонилъ въ колокольчикъ; слуга, бывший въ прихожей, пошелъ.

— Ступай, спроси, дома ли лордъ г'Эстренджъ; мнѣ нужно переговорить съ нимъ.

Слуга воротился менѣе, чѣмъ черезъ двѣ минуты.

— Говорятъ, что милордъ занятъ чѣмъ-то особенно важнымъ: онъ отдалъ строгое приказаніе, чтобы его не тревожили.

— Занятъ! чѣмъ, съ кѣмъ онъ теперь?

— Онъ въ своей комнатѣ, сэръ, съ какимъ-то пасторомъ, который сегодня пріѣхалъ и обѣдалъ здѣсь. Мнѣ сказали, что онъ прежде былъ пасторомъ въ Лэнсмерѣ.

— Въ Лэнсмерѣ.... пасторомъ! Его имя.... Дэль, не такъ ли?

— Точно такъ, сэръ, если не ошибаюсь.

— Оставь меня, сказалъ Одлей измѣнившимся голосомъ. — Дэль, человѣкъ, который подозрѣвалъ Гарлея и нарочно пріѣхалъ, чтобъ отыскать меня въ Лондонѣ, который говорилъ мнѣ о моемъ сынѣ и потомъ показалъ мнѣ его могилу! теперь онъ наединѣ съ Гарлеемъ!

Одлей упалъ на спинку кресла и едва переводилъ дыханіе. Онъ закрывалъ себѣ лицо руками и сидѣлъ въ ожиданн чего-то ужаснаго, какъ дитя, оставленное въ темной комнатѣ.

ГЛАВА СХVІ.

— Лордъ г'Эстренджъ, великодушный другъ!

— Вы, Виоланта, и здѣсь? Неужели вы меня ищете? Зачѣмъ? Праведное небо, что такое случилось? Отчего вы такъ блѣдны и дрожите?

— Вы сердитесь на Гэлень? спросила Виоланта, уклоняясь отъ отвѣта, и щоки ея покрылись въ это время легкимъ румянцемъ.

— Гэлень, блѣдное дитя! Мнѣ не за что на нее сердиться, скорѣе я ей многимъ обязанъ.

— А Леонарда, которого я всегда вспоминаю при мысли о моем дѣтствѣ, вы простили его?

— Преместная посредница, отвѣчала Гарлей съ улыбкою, но вмѣстѣ и холодно: — счастливъ человѣкъ, который обманываетъ другого: всякій готовъ защищать его. Если же обманутой человѣкъ не въ состояннн простить, то никто не извинитъ его, никто не будетъ ему сочувствовать.

— Но Леонардъ не обманывалъ васъ?

— Да, первое время. Это длинная исторія, которой я не желаю бы повторять вамъ. Но дѣло въ томъ, что я не могу простить ему.

— Прощайте, милордъ! Значить Геленъ слишкомъ дорога вашему сердцу.

Виоланта отвернулась. Ея волненіе было такъ безъискусственно, самое негодованіе ея такъ плѣнительно, что любовь, которой въ минуты кипѣнія позднѣйшихъ мрачныхъ страстей Гарлей такъ гордо сопротивлялся, снова покорила себѣ сердце его и только сильнѣе разожгла бурю въ груди его.

— Пойдите, пойдите, только не говорите о Геленъ! вскричалъ онъ. — Ахъ, если бы обида, нанесенная мнѣ Леонардомъ, была лишь такова, какою вы ее считаете, то неужели выдумаете, что я сталъ бы негодовать на него? Нѣтъ, я съ благодарностію пожалъ бы руку, которая расторгла слишкомъ необдуманннй и несродннй бракъ. Я отдалъ бы Геленъ любимому ею человѣку, надѣливъ ее такимъ приданымъ, которое соотвѣтствовало бы моему состоянію. Но обида, нанесенная мнѣ мнѣ, связана съ самымъ рожденіемъ его. Покровительствовать сыну такого человѣка, который... Виоланта, выслушайте меня. Мы скоро разстанемся, и уже навсегда. Другіе, можетъ быть, стануть осуждать мои дѣйствія; по крайней мѣрѣ вы будете знать, отъ какого начала они исходятъ. Изъ всѣхъ людей, которыхъ я когда либо встрѣчалъ, я былъ связанъ дружбою только съ однимъ человѣкомъ, котораго считалъ себѣ болѣе близкимъ, чѣмъ брата. Въ свѣтлую пору моего дѣтства, я увидѣлъ женщину, которая очаровала мое воображеніе, покорила мое сердце. Это была идея красоты, олицетворенная въ живомъ образѣ. Я полюбилъ и думалъ, что любимъ взаимно. Я довѣрилъ тайну моего сердца этому другу; онъ взялся помогать мнѣ искательствуемъ. Подъ этимъ предлогомъ, онъ увидался съ несчастною дѣвучкою, обманулъ, опозорилъ ее, оставивъ меня въ совершенномъ невѣдѣннн, что сердце, которое я считалъ своимъ, было отнято у меня такъ вѣроломно; старался показать мнѣ, что она избѣгала лишь моихъ преслѣдованій въ порывѣ великодушнаго самоотверженія, потому что она была бѣдна и низкаго происхожденія, — что это самоотверженіе было слишкомъ тяжело для молодого сердца, которое сокрушилось въ борьбѣ. Онъ былъ причиною, что молодость моя протекла въ постоянныхъ мученіяхъ раскаянія; онъ подавалъ мнѣ руку въ порывахъ лицемѣрнаго участія, смѣялся надъ моими слезами и жалобами, не проливъ ни одной слезы въ память своей жертвы. И вдругъ, очень недавно, я

увидялъ все это. Въ отцѣ Леонарда Феррарелла вы увидите человѣка, отравившаго въ зародышѣ всѣ радости моей жизни. Вы плачете! О, Виоланта! Если бы еще онъ разрушилъ, уничтожилъ для меня прошедшее, я простилъ бы ему это; но даже и будущее для меня теперь не существуетъ. Прежде, нежели эта измѣна была открыта мною, я начиналъ просыпаться отъ чорствого цѣпенія чувствъ, я сталъ съ твердостью разбирать свои обязанности, которыми до тѣхъ моръ пренебрегалъ; я убѣдился, что любовь не похорошена для меня въ одной безвѣстной могилѣ. Я почувствовалъ, что вы, если бы судьба допустила это, могли бы быть для моихъ зрѣлыхъ лѣтъ тѣмъ, на что юность моя смотрѣла лишь сквозь обманчивый покровъ золотыхъ мечтаній. Правда, что я былъ связанъ обѣщаніемъ съ Геленъ; правда, что этотъ союзъ съ нею уничтожалъ бы во мнѣ всякую надежду; но одно лишь сознаніе, что сердце мое не превратилось совершенно въ пещель, что я могу снова полюбить, что эта усладительная сила и преимущество нашего существа еще принадлежать мнѣ, было для меня невъяснимо утѣшительно. Въ это самое время открытіе измѣны поразило меня; всякая правда и истина исчезли для меня во вселенной. Я не связанъ болѣе съ Геленъ, я свободенъ, какъ бы въ доказательство того, что вы высокое происхожденіе, вы богатство, вы нѣжность и предупредительность не въ состояніи привязать ко мнѣ ни одно человѣческое сердце. Я не связанъ съ Геленъ, но между мною и вашею юною натурою лежитъ цѣлая бездна. Я люблю, ха, ха, — я, которому прошедшее показало, что для него не существуетъ взаимности. Если бы вы были моею невѣстою, Виоланта, я оскорблялъ бы васъ постоянною недовѣрчивостію. При всякомъ нѣжномъ словѣ, сердце мое говорило бы мнѣ: «долго ли это продолжится? когда обнаружится заблужденіе?». Ваша красота, ваши превосходныя душевныя качества только возбуждали бы во мнѣ опасенія ревности; я переносился бы отъ настоящаго къ будущему и повторялъ бы себѣ: «эти волосы уже покроются сѣдиною, когда роскошная молодость достигнетъ въ ней полнаго развитія». Для чего же я негодую на своего врага и готовлю ему мщеніе? Теперь я понимаю это; я убѣдился, что не одинъ призракъ мрачнаго прошедшаго тяготилъ меня. Смотри на васъ, я сознаюсь, что это было слѣдствіемъ новой жестокой потери; эта не умершая Нора — это вы, Виоланта, во всемъ пѣвѣ жизни. Не глядите на меня съ такимъ упрекомъ; вы не въ состояніи измѣнить моихъ намѣреній; вы не можете изгнать подозрѣніе изъ больной души моей. Подите, подите, оставьте мнѣ единственную отраду, которая не знаетъ разочарованія — единственное чувство, которое привязываетъ еще меня къ людямъ, оставьте мнѣ отраду мщенія.

— Мщеніе, о ужасъ! вскричала Виоланта, положивъ ему на плечо руку: — но замысливъ мщеніе, вы подвергнете опасности собственную жизнь.

— Мою жизнь, простодушное дитя! Здѣсь не идетъ дѣло о состязаніи на жизнь или смерть. Если бы я обманилъ передъ глазами свѣта

мон страданія, я доставилъ бы этнмъ врагу своему случай насмѣяться надъ моимъ безразсудствомъ; если бы я вызвалъ его на дуэль и потомъ выстрѣлилъ на воздухъ, свѣтъ сказалъ бы: великодушный Эджертошъ... благородный человекъ!

— Эджертошъ, мистеръ Эджертошъ! Онъ не можетъ быть вашимъ врагомъ! Не правда ли, что вы не противъ него обратили свое мщеніе? вы всю жизнь свою употребляли на то, чтобы ему благодѣтельствовать, вы заслужили полную довѣренность его, вы не даѣе какъ вчера такъ дружески опирались на плечо его и такъ радостно улыбались, глядя ему въ лицо.

— Неужели? лицемѣріе — за лицемѣріе, хитрость — за хитрость: вотъ мое мщеніе!

— Гарлей, Гарлей! Перестаньте, прошу васъ!

— Если я показываю видъ, что содѣйствую его честолюбивымъ помысламъ, то это только для того, чтобы потомъ втоптать его въ грязь. Я избавилъ его отъ когтей ростовщика, но съ тѣмъ, чтобы потомъ посадить его въ тюрьму....

— Стыдитесь, Гарлей!

— Молодого человекъ, котораго онъ воспиталъ такимъ же преда-телемъ, какъ онъ самъ (похвальный выборъ вашего отца — Рандаля Лесли), я избралъ своимъ орудіемъ, чтобъ показать ему, какъ тяжело переносить неблагодарность. Его же сынъ отомститъ за свою мать и предстанетъ предъ отцомъ, какъ побѣдитель въ борьбѣ съ Рандалемъ Лесли, которая лишить благодѣтеля и покровителя его всего, что только можетъ уладить жизнь необузданнаго эгоиста. И если въ душѣ Оддея Эджертона осталось хотя слабое воспоминаніе о томъ, чѣмъ я былъ въ отношеніи къ нему и къ истинѣ, то для него будетъ не послѣднимъ наказаніемъ убѣжденіе, что его же вѣроломство такъ переродило человекъ, которому самое отвращеніе ко лжи и притворству внушило мысль исцѣлить въ обманѣ средствъ къ отищенію.

— Не страшный ли совѣтъ все это! проговорила Виоланта, приходя въ себя: — такимъ образомъ вы лишите не одного врага своего всего, что дѣлаетъ жизнь отрадною. Поступите такъ, какъ вы задумали, и тогда что ожидаетъ меня въ будущемъ?

— Васъ! О, не бойтесь. Я могу доставить Рандалю Лесли случай насмѣяться надъ своимъ покровителемъ, но въ то же самое время я обнаружу его вѣроломство и не позволю ему преграждать вамъ дорогу къ счастью. Что ожидаетъ васъ въ будущемъ? замужство по выбору, родина, надежда, радость, любовь, счастье. Если бы въ тѣхъ свѣтлыхъ мечтаніяхъ, которыя питаютъ сердце молодой дѣвушки, не свѣткомъ, впрочемъ, проникая въ глубину его, вы и поларили меня благосклонною привязанностію, то она скоро исчезнетъ, и вы сдѣлаетесь гордостію и утѣшеніемъ человекъ однихъ съ вами лѣтъ, человекъ, которому время не представляетъ еще призрака старости, и который, любуясь на ваше прелестное лицо, не долженъ будетъ содрогаться и повторять: «слишкомъ хороша, слишкомъ хороша для меня!»

— Боже мой, какія мученія! воскликнула Віоланта, въ сильномъ порывѣ страсти. — Выслушайте и меня въ свою очередь. Если, какъ вы общаете, я избавлюсь отъ мысли, что человекъ, къ которому я боюсь прикоснуться, имѣетъ право требовать руки моей, то выборъ мой сдѣланъ уже безвозвратно. Алтарь, который ожидаетъ меня, не есть алтарь земной любви. Но я умоляю васъ именемъ всѣхъ воспоминаній вашей, можетъ быть горькой, но до сихъ поръ незапятнанной жизни, именемъ того великодушнаго участія, которое вы еще оказываєте мнѣ, предоставьте мнѣ право любоваться на васъ, какъ я любовалась съ самыхъ первыхъ годовъ дѣтства. Дайте мнѣ право уважать, почитать васъ. Когда я буду молиться внутри стѣнъ, которыя отдѣляютъ меня отъ міра, позвольте мнѣ остаться при убѣжденіи, что вы благороднѣйшее существо, которымъ обладаетъ свѣтъ. Выслушайте, выслушайте меня!

— Віоланта! проговорилъ Гарлей, трепеща всѣмъ тѣломъ отъ волненія: — представьте себѣ мое положеніе. Не требуйте отъ меня жертвы, которой я не могу, не долженъ принести вамъ, которая несовмѣстна съ достоинствомъ человека — терпѣливо, униженно преклонять голову передъ оскорбленіемъ, которое мнѣ наносятъ, страдать съ полнымъ сознаніемъ, что вся моя жизнь была отравлена разочарованіемъ въ чувствахъ, которыя я считалъ самыми возвышенными, въ горестяхъ, которыя были столь дороги моему сердцу. Если бы это былъ открытый, явный врагъ, я протянулъ бы ему руку, по вашему требованію; но вѣроломному другу... не просите этого! Я краснѣю при подобной мысли, какъ будто отъ новаго тяжкаго оскорбленія. Позвольте мнѣ завтра, одинъ только день... я не прошу болѣе... позвольте мнѣ обдумать мои намѣренія, возобновить въ памяти всю прошедшую жизнь, и тогда располагайте моими будущимъ по произволу. Простите меня за дерзкія слова, въ которыхъ я выразилъ недовѣріе даже къ вамъ. Я отрекаюсь отъ нихъ; они исчезли, они не существовали при усладительныхъ звукахъ вашего голоса, они разсѣялись при видѣ вашихъ очаровательныхъ глазъ. У вашихъ ногъ, Віоланта, я раскаяваюсь и умоляю о прощеніи. Вашъ отецъ самъ отвергнетъ вашего презрѣннаго претендента. Завтра въ этотъ часъ вы будете совершенно свободны. О, тогда, тогда, неужели вы не отдадите мнѣ эту руку, которая одна лишь въ состояніи привести меня къ счастью? Віоланта, вы напрасно будете спорить со мною, сомнѣваться, разбирать свое положеніе, бояться за опрометчивость... я люблю, люблю васъ. Я снова начинаю вѣрить въ добродѣтель и правду. Я отдаю вамъ всю судьбу свою.

Если въ продолженіе этого разговора Віоланта, по видимому, переходила границы дѣвической скромности, то это должно приписать свойственному ей чистосердечію, привычкѣ къ удивленію, удаленію отъ свѣта, самой чистотѣ души ея и сердечной теплотѣ, которою Италия надѣляетъ своихъ дочерей. Но потомъ возвышенность помысловъ и намѣреній, которая составляла господствующую черту ея ха-

рактера и искала лишь обстоятельствъ для полнаго развитія , превозмогла самые порывы любви.

Оставивъ одну руку въ рукахъ Гарлея , который все еще стоялъ передъ нею на колѣняхъ , она подняла другую вверхъ .

— Ахъ , произнесла она при этомъ едва слышимымъ голосомъ : — ахъ , если бы небо послало мнѣ завидную судьбу принадлежать вамъ , содѣйствовать вашему благополучію , я никакъ не побоилась бы недовѣрчивости съ вашей стороны . Ни время , ни перевороты судьбы , ни привычка . ни самая потеря вашей привязанности не лишили бы меня права вспоминать , что вы нѣкогда вѣрили мнѣ столь благородное сердце . Но... здѣсь голосъ ея приобрѣлъ прежнюю силу и румянецъ потухъ на ея щекахъ . — Но Ты , Вездѣсущій , услышь и прими мой торжественный обѣтъ . Если онъ откажется отречься для меня отъ вѣренія , которое опозоритъ его , этотъ позоръ ляжетъ навсегда между нимъ и мною непреодолимою преградой . И пусть моя жизнь , посвященная служенію Тебѣ , прекратится въ тотъ самый часъ , въ который онъ унижитъ свое достоинство . Гарлей , разрѣшите меня ! Я сказала все : будучи столь же тверда сколько и вы , я предоставляю выборъ вамъ .

— Вы слишкомъ строго меня судите , сказалъ Гарлей , вставая . и съ нѣкоторою досадою . — Наконецъ , я не столь мелочень , чтобы спорить изъ за того , что я считаю справедливымъ , хотя бы дѣло шло о сохраненіи моей послѣдней надежды на счастье .

— Мелочность ! О несчастный , милый Гарлей ! вскричала Виоланта , съ такимъ увлеченіемъ нѣжнаго упрека , что при словахъ ея затрепетали всѣ фибры въ сердцѣ Гарлея . — Мелочность ! Но отъ этой-то мелочности я и стараюсь спасти васъ . Вы не въ состояніи теперь разсуждать хладнокровно , смотрѣть на вещи съ настоящей точки зрѣнія . Вы слишкомъ отклонились отъ пути правоты и истины : вы носите личину дружбы съ тѣмъ , чтобы удобнѣе обмануть , хотите показать вѣроломство и сами дѣлаетесь предателемъ , хотите приобрести довѣренность вашего злѣйшаго врага и потомъ превзойти его лицемеріемъ . Но хуже всего то , что изъ сына женщины , которую вы когда то любили , вы хотите сдѣлать средство для отищенія отцу .

— Довольно ! прервалъ Гарлей въ смущеніи и съ возрастающимъ негодованіемъ , которому онъ старался дать полную свободу , чтобы заглушить упреки совѣсти . — Довольно ! вы оскорбляете человѣка , которому только что признавались въ уваженіи .

— Я уважала образъ благородства и доблести . Я уважала человека , который въ глазахъ моихъ представлялъ олицетвореніе возвышенныхъ идеаловъ поэзіи . Разрушьте этотъ идеалъ — и вы разрушите Гарлея , котораго я почитала . Онъ умеръ для меня навсегда . Я буду оплакивать его , какъ свойственно любящей женщинѣ , сохраняя воспоминаніе о немъ , легля любимую мечту о томъ совершенствѣ , котораго ему не суждено было достигнуть

Рыданія прерывали ея голосъ ; но когда Гарлей, еще болѣе обезоруженный ея убѣжденіями, бросился къ ней, она быстро уклонилась, выбѣжала изъ комнаты и скоро исчезла изъ виду въ концѣ корридора...

ГЛАВА СХVIII.

— Вы видѣли мистера Дэля? спросилъ Эджертоуъ у Гарлей, который вошелъ къ нему въ комнату. — Вы знаете?...

— Все знаю! отвѣчалъ Гарлей, оканчивая начатую фразу.

Одлей глубоко вздохнулъ.

— Пусть будетъ такъ. Но нѣтъ, Гарлей, вы ошибаетесь, вы не можете узнать всего ни отъ кого изъ живущихъ на свѣтѣ, кромѣ меня самого.

— Я бесѣдовалъ съ мертвыми, отвѣчалъ Гарлей и бросилъ на столъ роковой дневникъ Норуы.

Эджертоуъ видѣлъ какъ падали эти ветхіе, истлѣвшіе листки. Комната была очень слабо освѣщена. На разстояніи, въ которомъ онъ стоялъ, онъ не могъ узнать почерка, но онъ невольно содрогнулся и инстинктивно подошелъ къ столу.

— Приготовьтесь хорошенько! сказалъ Гарлей: — я начинаю свое обвиненіе и потому предоставляю вамъ опровергать свидѣтеля, котораго я избралъ. Одлей Эджертоуъ, я доверилъ вамъ все, что только можете человѣкъ доверить другому. Вы знали, какъ я любилъ Нору Эвенель. Миѣ было запрещено видѣться съ нею и продолжать мое искательство. Вы имѣли къ ней доступъ, въ которомъ миѣ было отказано. Я просилъ васъ не дѣлать миѣ никакихъ возраженій, которыя считалъ тогда лишь признакомъ особенной привязанности ко миѣ, просилъ васъ уговорить эту дѣвушку сдѣлаться моею женою. Такъ ли это было? Отвѣчайте.

— Все это правда, сказалъ Одлей, держа руку у сердца.

— Вы увидали ту, которую я такъ пламенно любилъ, — ту, которую я ввѣрилъ вашему благородному настрѣенію. Вы воспользовались этимъ случаемъ для себя и обманули дѣвушку. Не такъ ли?

— Гарлей, я не отвергаю этого. Но переставьте. Я принимаю наказаніе: я отказываюсь отъ правъ на вашу дружбу, я оставляю вашъ домъ, я подвергаю себя презрѣнію съ вашей стороны, я не смѣю просить у васъ прощенія. Но переставьте, позвольте миѣ уйти отсюда, теперь же!...

При этомъ Одлей, по видимому, одаренный могучею натурою, едва дышалъ.

Гарлей посмотрѣлъ на него съ невозмутимой твердостью, потомъ отвернулся и продолжалъ:

— Да... но все ли это? Вы похитили ее для себя, обольстили ее. Чтѣ же потомъ вы сдѣлали изъ ея жизни, оторвавъ ее отъ моей? Вы молчите. Я отвѣчу за васъ: вы завладѣли этою жизнію и разрушили ее.

— Пощадите, пощадите меня!

— Какая участь постигла дѣвушку, которая казалась такою чистую, непорочную, полную жизни, когда я видѣлъ ее въ послѣдній разъ? Что осталось отъ нея? Растерзанное сердце, обезславленное имя, равная смерть, забытая могила.

— О, нѣтъ, не забытая, нѣтъ!

— Въ самомъ дѣлѣ! Едва прошелъ годъ, какъ вы женились на другой. Я помогалъ вамъ устроить эту свадьбу, съ цѣлю, между прочимъ, поправить ваше состояніе. У васъ было уже блестящее общественное положеніе, власть, слава. Перы называли васъ образцомъ для англійскихъ джентльменовъ. Духовные люди считали васъ истиннымъ христіаниномъ. Снимите съ себя маску. Одлей Эджертоузъ, покажите себя свѣту такимъ, каковъ вы на самомъ дѣлѣ.

Эджертоузъ поднялъ голову и крото сложилъ руки; онъ сказалъ съ грустнымъ смиреніемъ:

— Я все перенесу отъ васъ, вы правы; продолжайте.

— Вы похитили у меня сердце Норы Эвенель. Вы оскорбили, бросили ее. И память о ней не помрачала для васъ дневного свѣта, тогда какъ все мысли мои, вся жизнь моя... о, Эджертоузъ... Одлей, Одлей, какъ вы могли обмануть меня такимъ образомъ!... Обмануть не на одну часъ, не на одинъ день, обманывать въ теченіе всей моей молодости, въ пору зрѣлыхъ лѣтъ, такъ рано начавшихся для меня... заставить терзаться раскаяніемъ, которое должно было пасть на васъ. Ея жизнь уничтожена, моя лишена всякой отрады. Неужели мы оба не будемъ имѣть возможности отмстить за себя?

— Отмстить? Ахъ, Гарлей, вы уже отмщены.

— Нѣтъ отмщеніе еще ожидаетъ меня. Не напрасно дошли до меня изъ гробоваго склепа воспоминанія, которыя я только что повторилъ предъ вами. И кого же судьба избрала для того, чтобы разоблачить проступки матери? кого назначила быть ея истителемъ? Вашего сына, вашего собственного сына, несчастнаго, забытаго, лишеннаго честнаго имени!

— Сына!

— Сына, котораго я забавилъ отъ голодной смерти, а можетъ быть и отъ чего нибудь худшаго, и который за это доставилъ мнѣ несомнѣнные доказательства того, что вы зѣроломный другъ Гарлея и Эдгерреда и низкій обольститель — подъ видомъ мнимаго брака, что еще уважительнѣе открытаго проступка — низкій обольститель Норы Эвенель.

— Это ложь, это ложь! вскричалъ Эджертоузъ, къ которому возвратились въ это время вся его твердость, вся энергія. Я запрещаю вамъ говорить мнѣ такимъ образомъ. Я запрещаю вамъ хотя однимъ словомъ оскорбить память моей законной жены!

— А, произнесъ Гарлей, съ удивленіемъ. — это ложь! докажите, что вы говорите правду, и я отрекаюсь отъ своего мнѣнія! Благодареніе Богу!

— Доказать это! Неужели вы думаете, что это так легко. Я нарочно уничтожалъ всякую возможность доказательства по чувству привязанности къ вамъ, изъ опасенія, можетъ быть слишкомъ самолюбиваго — потерять право на ваше уваженіе, которымъ я такъ гордился. Напрасная надежда! Я отказываюсь отъ нея! Но вы начали говорить о сынѣ. Вы опять обманываетесь. Я слышалъ, что у меня былъ сынъ, много лѣтъ тому назадъ. Я искалъ его и нашелъ только могилу. Во всякомъ случаѣ, благодарю васъ, Гарлей, что вы оказали помощь тому, въ комъ видѣли сына Леоноры.

— О сынѣ вашемъ мы поговоримъ послѣ, сказалъ Гарлей, замѣтно смягчаясь: — прежде нежели я сообщу вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни, позвольте мнѣ попросить у васъ необходимыхъ объясненій, позвольте мнѣ надѣяться, что вы въ состояніи взглянуть....

— Вы правы, сказалъ Эджертоуъ, прерывая его съ особенною живостію. — Вы узнаете наконецъ непосредственно отъ меня до какой степени велика была обида, нанесенная вамъ мною. Это необходимо для насъ обоихъ. Выслушайте меня терпѣливо.

Эджертоуъ рассказалъ все, рассказалъ про свою любовь къ Норѣ, про свою борьбу съ мыслію объ измѣнѣ другу, про неожиданное убѣжденіе въ любви Норы къ нему, про совершенное измѣненіе въ слѣдствіе того прежнихъ предположеній, про ихъ тайный бракъ и самую разлуку, про бѣгство Норы, причину котораго Одлей выставляла ея неосновательныя опасенія, что будто бракъ ихъ не былъ законнымъ, и нетерпѣніе, съ которымъ она желала скорѣйшаго объявленія о ихъ супружествѣ.

Гарлей прерывалъ его лишь изрѣдка немногими вопросами; онъ сталъ вполнѣ понимать, въ какой степени Леви участвовалъ въ разстройствѣ благополучія супруговъ; онъ угадывалъ, что истинною причиною предательства ростовщика была преступная страсть, которую внушала ему несчастная дѣвушка.

— Эджертоуъ, сказалъ Гарлей, едва удерживая порывы негодованія противъ презрѣннаго Леви: — если читая эти бумаги, вы убѣдитесь, что Леонора была болѣе, чѣмъ вы думаете, права, подозрѣвая насъ и убѣждая насъ изъ вашего дома, если вы откроете измѣну со стороны человека, которому вы вѣрили свою тайну, то предоставьте самому небу наказывать его за вѣроломство. Все, что вы мнѣ рассказываете, убѣждаетъ меня болѣе и болѣе, что мы никогда не выйдемъ здѣсь изъ мрака сомнѣній и догадокъ, а потому не въ состояніи будемъ съ точностію опредѣлить планъ нашихъ дѣйствій. Но продолжайте.

Одлей казался удивленнымъ и вздрогнулъ; глава его съ безпокойствомъ обратилась къ страницамъ дневника: но послѣ нѣ котораго молчанія, онъ продолжалъ рассказъ свой. Онъ дошелъ до неожиданнаго возвращенія Норы въ родительскій домъ, ея смерти, необходимости, въ которую онъ былъ поставленъ скрыть ея ужасную вѣсть отъ впечатлительнаго Гарлея. Онъ говорилъ о болѣзни Гарлея, которая могла принять очень серьезный характеръ, повторялъ высказанныя имъ сло-

за ревности: «что онъ скорѣе согласился бы оплакивать смерть Норы, чѣмъ утѣшаться мыслию, что она любила другого». Онъ разсказалъ о своемъ путешествіи въ деревню, куда, по словамъ мистера Деля, родители Норы были отъѣхали на воспитаніе, и гдѣ онъ услышалъ, что мать и сынъ въ одно время сошли въ могилу.

Одлей опять помолчалъ съ минуту, возобновляя въ умѣ своемъ все сказанное имъ. Этотъ холодный, суровый человекъ, принадлежавшій свѣту, въ первый разъ разоблачилъ свое сердце, можетъ быть, самъ того не подозревая — недоодрѣвая, что онъ обнаружилъ, какъ глубоко, посреди государственныхъ заботъ и успѣховъ на поприщѣ административномъ, онъ сознавалъ недостатокъ въ себѣ всякой привязанности, сознавалъ, какъ безотраднѣе была внѣшняя сторона его жизни, извѣстная подъ именемъ «карьеры» — какъ самое богатство теряло для него всякую цѣну, потому что некому было его наследовать. Только о своей постоянно усиливающейся болѣзни онъ не сказалъ ни слова; онъ былъ слишкомъ гордъ и слишкомъ мужественъ, чтобы вызывать состраданіе къ своимъ физическимъ недугамъ. Онъ напомнилъ Гарлею, какъ часто, какъ настоятельно, всякій годъ, всякій мѣсяцъ, онъ убѣждалъ своего друга освободиться отъ печальныхъ воспоминаній, посвятить свои блестящія способности на пользу отечества или искать еще болѣе прочаго счастья въ домашней жизни. «Сколько я ни казался самолюбивымъ при подобныхъ убѣжденіяхъ, — сказалъ Эджертоу — но въ самомъ дѣлѣ я употреблялъ ихъ потому болѣе, что, видя васъ возвращеннымъ къ упорочному благополучію, я могъ бы съ увѣренностію передать вамъ мои объясненія въ поступкахъ прошлаго времени и вмѣстѣ получить прощенье въ нихъ. Я постоянно собирался сдѣлать предъ вами мое признаніе и все не смѣлъ; часто слова готовы были сорваться съ устъ, но всегда какая нибудь фраза, жалоба съ вашей стороны удерживали меня отъ этого. Однимъ словомъ, съ вами были такъ тѣсно связаны всѣ идеи, всѣ чувства моей молодости, даже тѣ, которыя я испыталъ, посягнувъ на Нору, что я не могъ принудить себя отказаться отъ вашей дружбы и, заслуживъ уваженіе и почести свѣта, о которомъ я мало заботился, я не смѣлъ доволѣе твердости, чтобы идти навстрѣчу, презрѣнію, котораго долженъ былъ ожидать отъ васъ.»

Во всякъ, что Одлей проносилъ предъ гнѣмъ, замѣтна была борьба двухъ господствующихъ чувствъ: — полная раскаянія горестъ о потерѣ Норы и строгая къ самой себѣ, почти женская вѣжливость къ другу, котораго онъ обманулъ. Такимъ образомъ, по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, Гарлей мало по малу забывалъ о своемъ перышѣ мщенія и несправедливости: бедна, которая раскрылась было между ними, чтобы потѣшь поглотить обонхъ, только тѣснѣе заставляла хотѣть ихъ подойти другъ къ другу, какъ въ дни ихъ дѣтства. Но Гарлей по прежнему молчалъ, закрывъ лицо руками и отвернувшись отъ Одлея, какъ будто подъ вліяніемъ какого-то роковаго сна, пока наконецъ Эджертоу не обратился къ нему съ вопросомъ:

— Что же, Гарлей, я кончилъ. Вы говорили о мщеніи?

— О мщении! история Гаррея напомнила и въ сильномъ волнении.

— Не забудьте мнѣ, продолжала Эджертона: — что если бы вы были въ состояніи отменить мнѣ, я приняла бы отпущеніе это какъ милость съ вашей стороны. Получить обиду въ воздаяніе за то, что сначала по юношеской страсти, потомъ по невольности одвѣять признаніе, я нанесъ вамъ, значило бы для меня примириться съ собою съвѣстью и возвыситься въ собственномъ мнѣніи. Единственная вещь, которую вы можете предпринять, получить такую уважительную для меня форму: отменить въ этомъ случаѣ значить простить.

Гаррей престоная; закрывъ одною рукою лицо, онъ прочиталъ другую, скорѣе, какъ будто испрашивалъ прощенія, чѣмъ дарилъ его. Одней взявъ его руку и съ чувствомъ нажала ее.

— Теперь продайте, Гаррей. Съ равновѣсью я оставляю этотъ домъ. Я не могу теперь принять съ вашей стороны помощи въ настоящихъ выборахъ. Левъ объявить о моемъ отказѣ. Рандавъ Десли, если вамъ это будетъ угодно, можетъ занять мое мѣсто. У него есть способности, которыя подлѣ хорошихъ руневедовъ, могутъ принести пользу отечеству, и я не имѣю никакого права пренебречь чѣмъ бы то ни было для возвышенія карьеры человѣка, которому объявилъ помощь.

— Не думайте слишкомъ много о Рандавѣ Десли, проговорилъ Гаррей: — подумайте лучше о вашемъ сынѣ.

— Моемъ сынѣ! Но увѣрены ли вы, что онъ живъ? Вы узнаете, вы... вы... о, Гаррей, я отида у васъ мать, одайте мнѣ сына, заставьте меня благодарить васъ. Ваша мать готова.

Лордъ Г'Эстренджъ вдругъ ошомился, выпрямился, посмотрѣлъ на Одней съ минуту въ нерѣшимости, не отъ негодованія, не по чувству скорности. Въ это время онъ казался человѣкомъ, который саркастично ожидаетъ упрека, который умоляетъ о прощеніи. Одней, не угадывая, что происходитъ въ душѣ Гаррея, отъсраушился, продолжая.

— Вы думаете, что я прошу слишкомъ многого, и между тѣмъ все, что я могу дать сыну любимой женщины и насѣднику моего имени, есть одно лишь благозвѣстіе развѣрившагося отца. Гаррей, я не хочу сказать ничего болѣе. Я не смѣю присовокупить: «вы тоже любите его мать, любите болѣе глубокой и благородной любовью, чѣмъ была моя». Онъ вдругъ отшатнулся, и въ эту минуту Гаррей ухватилъ къ нему на грудь.

— Прости, прости меня, Одней! Твоя обида ничтожна въ сравненіи съ моею. Ты мнѣ признался въ своей, между тѣмъ у меня не достаточно духу признаться въ моей. Порадуйся, что намъ обиды прискондятся прощать другъ друга, и въ этомъ обидѣ чувствамъ намъ попрежнему дѣлаются равными, по прежнему становимся братьями. Посмотри хорошенько, представь себѣ, что мы теперь такіе же мальчики, какими были некогда, — мальчики, которые только что смѣло поспорили, но которые по окончаніи ссоры тѣмъ дружелюбіемъ расположились одинъ къ другому.

— О, Гарлей, моя истинная оплотнение! Она впопыхи достигавать своей цели, проманешь Джертомъ, и слезы готовы были брызгаться изъ глазъ его, которые равнодушно закрывались какъ на армяне пытки. Пробылъ часъ; Гарлей бросила вѣкъ наъ раздѣлать.

— Еще время не истеряло! вскричала она. Малое нумно слѣзавъ и передавать. Ты спасешь олъ обѣтъ Девъ — ты дождешь получить переѣзъ на шеюбратъ, опостосне гвее къ тебѣ возвратится, предъ тебѣй захитъ безвѣстная будущности, твой дѣрера только что натвароса. Твои самъ обнищеть тебѣ даявря. Теперь позволю тебѣ отидеветься — руду на прощание! Ахъ, Одлей, мы можемъ еще быть оловъ двастр-летя!

ГЛАВА СХУИИ.

Нова Гарлей проводила насъ ночи въ заботахъ о живущихъ, Одлей Джертомъ безбодовалъ съ мертвыми. Онъ ввела въ свѣтъ блуждающаго, лежащаго на столѣ, исподлѣ давно утолкнуго сердца Нормы. Съ пораненныхъ ушибленіемъ увидалъ онъ, какъ онъ вѣногда былъ любимъ. Въ состояніи ли было верво, что содѣйствовало возвышенію государственнаго величія, что поддѣйствовало даяванъ его честолюбія, вознаграждать его за понесенную имъ потерю — или принудительны мечты чужаго воображенія, этого мѣра оправданія ошуденій, это безпределаемое блаженство, замечательное въ поведенческой сферѣ, которая соединяетъ гешальности съ вѣжкою любезною? Все положительное, призыванная къ земному натура, въ сердечной разѣ, какъ будто въ наказаніе самой себѣ, подулала вольное чваніе о сѣтливой, неудовольной гомѣи лѣба, которая вѣногда светлѣла на ново съ уладительною улыбкою сквозь темничныя рѣшотки его чертвѣи жизни; это высканчающаго чувствѣ, это роскоши дѣтвостю, которая согрѣвается равнообразіемъ илой прекраснаго — все, чѣмъ вѣногда онъ владѣлъ, но олъ чего съ досадою и истерпѣиомъ отворачивался, какъ етъ пулицыи представленій разстроившего и самцменюальнаго воображенія — теперь, когда это было для ново потерямъ, влалосо ему какъ оязательная истца, какъ правда, недоумерженная сомнѣнію и недоумсвающая на-мѣрѣи. Въ синахъ заблуждающихъ его была своя страшная злорада дѣйствительности. Когда ученый говорить намъ, что бесѣдница лазурь, покрывающаи небесный сводъ, не лежитъ именно на той поверхности, на которой представляется нашему глазу, что это обманъ зрѣнія, — мы вѣривъ ему; но огниающе этого колоритъ у ардушпаго простроста и тогда кажда олововѣи убѣдять насъ, что вселенная не почеса чванѣи?

Но когда Одлей дошелъ до того мѣста, которое, хотя и не впопыхъ это, представляло истинную причину нобѣга Нормы, когда онъ увидалъ, какъ Девъ, не необладенной для него вричлѣи, нарочно вду-шала жень его сомнѣніа, которые такъ оскорбляли его, утѣрала ея.

что брак ихъ нѣдѣйствителенъ, привола въ доказательство собственныя письма Одея, исполненныя горечи и досады, пользоваясь неопытностію молодой женщины въ практическихъ дѣлахъ и приводилъ ее въ совершенное отчаяніе, представляя ей картину поносеннаго ею позора, чело его помрачилось и руки затрепетали отъ бѣшенства. Онъ всталъ и тотчасъ же отправился въ комнату Леви. Онъ нашелъ ее пустою, сталъ спрашивать — узналъ, что Леви нѣтъ дома, и что онъ не воротится къ ночи. Къ счастью для Одея, къ счастью для барона, они не встрѣтились въ эту минуту. Мщеніе, несмотря на убѣжденія друга, точно такъ же омадѣло теперь всѣмъ существомъ Эджертона, какъ за нѣсколько часовъ до того бушевало въ сердцѣ Гарлея; но теперь никакая сила не была бы въ состояніи отклонить его.

На слѣдующее утро, когда Гарлей пришелъ въ комнату друга своего, Эджертона спалъ. Но сонъ его казался очень тревожнымъ; дыханье было тяжело и прерывисто; его мускулистыя руки и атлетическая грудь были почти обнажены. Странно, что сильный недугъ, таившійся внутри этого организма, до такой степени мало обнаруживался, что для посторонняго наблюдателя спящій страдалецъ показался бы образцомъ здоровья и силы. Одна рука его лежала подъ подушкой, судорожно сжавъ листки рокового дневника и тамъ, гдѣ буквы рукописи были стерты слезами Норы, были свѣжіе слѣды другихъ слезъ, можетъ быть еще болѣе горькихъ.

Гарлей былъ глубоко пораженъ; пока онъ стоялъ у постели въ молчаніи, Эджертона тяжело вздохнулъ и проснулся. Онъ окинулъ комнату мутнымъ, блуждающимъ взоромъ, потомъ, когда глава его встрѣтилась съ глазами Гарлея, онъ улыбнулся и сказалъ:

— Такъ рано! Ахъ, вспомнилъ: сегодня день, назначенный для гонки. Вѣтеръ какъ видно будетъ противный; но мы съ тобой, кажется, никогда не проигрывали пари?

Разсудокъ Одея помрачился; воображеніе его перенеслось ко времени пребыванія ихъ въ Итонѣ. Но Гарлей помалъ, что Одей метафорически намекаетъ на предстоящій бой на выборахъ.

— Правда, мой милый Одей, мы съ тобой никогда не проигрывали. Но ты намѣренъ встать теперь? Я бы желалъ, чтобы ты теперь же отправился въ залу выборовъ, чтобы успѣть переговорить съ избирателями до начала собранія. Въ четыре часа ты выйдешь отсюда, выигравъ сраженіе.

— Выборы! Какъ! что! вскричалъ Эджертона, приходя изъ себя. — А, теперь помню; да, я принимаю отъ тебя эту послѣднюю милость. Я всегда говорилъ, что мнѣ суждено умереть, нося парламентскую мантию. Общественная жизнь... у меня нѣтъ другой. Ахъ, я все еще говорю подъ вліяніемъ какого-то бреда. О, Гарлей!... сынъ мой! гдѣ мой сынъ!

— Ты увидишь его послѣ четырехъ часовъ. Вы будете гордиться другъ другомъ. Но одѣвайся поскорѣе. Не позволяй ли въ колокольчикъ, чтобы пришелъ твой человѣкъ?

— Позови, сказал Эджерто́н отрывисто и упал на подушки. Гарлей оставил его комнату и присоединился къ Рандалю и нѣкоторымъ другимъ главнѣйшимъ членамъ Снлаго Комитета, которые шумно разговаривали въ это время за завтракомъ.

Всѣ были въ сильномъ безпокойствѣ и волненіи кромѣ Гарлей, который очень хладнокровно обшаривалъ въ свой кофѣй кусокъ обжареннаго хлѣба. Рандаль напрасно старался казаться покойнымъ. Хотя онъ и былъ увѣренъ въ успѣхѣ на выборахъ, но ему предстояло употребить въ дѣло всѣ способности своего необычайнаго лицемѣрія. Ему нужно было казаться глубоко огорченнымъ во время порывовъ самой необузданной радости, нужно было сохранять видъ приличнаго обстоятельствамъ сожалѣнія о томъ, что какими-то странными причудами судьбы, переворотами происшествій, выигрываетъ Рандаля Десли былъ неразлученъ съ потерей Олдея Эджертона. Кромѣ того онъ горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть ссвайра и получить деньги, которыя должны были усвоить ему самый драгоценный предметъ его честолюбія. Завтракъ былъ скоро конченъ; члены Комитета, взявшись за шляпы и посмотрѣвъ на часы, дали знакъ къ отъѣзду; но сквайръ Говельденъ все еще не явился. Гарлей, выйдя на террасу, позвалъ Рандаля, который, надѣвъ шляпу, последовалъ за нимъ.

— Мистеръ Десли, сказалъ Гарлей, прислонившись къ периламъ и глядя большую, неуловкую голову Нерона: — вы помните, что мы разъ вызывались объяснить мнѣ нѣкоторыя обстоятельства, касающіяся графа Пешьера, которыя вы сообщили герцогу Сerrано; я отвѣчалъ вамъ въ то время, что былъ занятъ дѣлами выборовъ, но что по окончаніи ихъ я съ большимъ удовольствіемъ выслушаю все, относящееся къ вамъ и къ моему искреннему другу герцогу.

Эти слова удивили Рандаля и нисколько не содѣйствовали уснокоенію его нервовъ. Впрочемъ, онъ отвѣчалъ поспѣшно.

— Въ отношеніи этихъ обстоятельствъ, равно какъ и въ отношеніи всего, что можетъ условливать ваше мнѣніе обо мнѣ, я поспѣшу устранить великую мысль, которая въ вашихъ глазахъ могла бы бросать тѣнь на мою репутацію.

— Вы говорите прекрасно, мистеръ Десли; никто не въ состояніи поспорить съ вами въ умѣнны выражаться; тѣмъ болѣе я хочу воспользоваться вашимъ предложеніемъ, что герцогъ чрезвычайно огорченъ отказомъ дочери выполнить данное имъ обѣщаніе. Я могу гордиться нѣкотораго рода вліаніемъ на молодую дѣвушку, принявъ дѣлительное участіе въ разстройствѣ замысловъ Пешьера, и герцогъ заставляетъ меня выслушать ваши объясненія, съ тою цѣлю, что если они удовлетворяютъ меня точно такъ же, какъ удовлетворили его, я сталъ бы убѣждать дочь его принять предложенія претендента, который готовъ былъ пожертвовать даже жизнью на поединкѣ съ такимъ страшнымъ дуэлянтомъ, каковъ Пешьера.

— Дордъ д'Эстренджъ, отвѣчалъ Рандаль, съ поклономъ: — я въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно много буду вамъ обязанъ, если вы уничто-

жите въ моей вѣстѣ предубѣжденіе противъ меня, предубѣжденіе, которое одне лишь помрачаетъ мое счастье и которое совершенно невозможно бы предѣлать моему искренности, если бы я не приписывала его слишкомъ далекимъ и принужденнымъ отношеніямъ между мною и вѣстью.

— Никто не сумѣлъ бы выразитья лучше этого, повѣрила Герлей, какъ будто подъ вліяніемъ глубокаго удивленія, а между тѣмъ рассматривая Рандаля, какъ вы рассматриваете якую нибудь рѣдкость. — Я единикъ такъ несчастливъ, что долженъ объявить вамъ, что если вы женитесь на дочери герцога Серамо....

— Что же тогда? спросилъ Рандаля.

— Извините, что я позволю себѣ дѣлать предположеніе, вѣроятность котораго вы можете опредѣлить сами; я выривался неосознанно удачно: — когда вы женитесь на этой молодой дѣвушкѣ, вы неизбежно по крайней мѣрѣ подолыитъ мнѣ, на котораго часто свѣпадала и о котораго разбивались нѣкоторые самые юности на окончаніи бурнаго странствованія по морю жизни. Вашъ бракъ долженъ будетъ назваться благоразумнымъ. Однимъ словомъ, я вчера получилъ изъ Вѣны дѣвешу, которая заключаетъ въ себѣ совершенное процоленіе и полное восстановление правъ Альфонсо герцога Серамо. Я долженъ къ этому присовокупить, что австрийское правительство (котораго дѣйствія здѣсь не всегда поминуются надлежащимъ образомъ) руководствуется всегда существующими законами и не станетъ воспрепятствовать, возстановленному однажды въ правахъ, выбрать себѣ зата не усмотрѣнію или передать вѣнныя свое дочери.

— И герцогу смелъ уже столь въкрачалъ Рандаля, при чемъ щоки его покрывался яркимъ румянцемъ и глаза заблестѣли.

— Нѣтъ. Я берегу эту новость и не съ нѣкоторыми другими до окончанія выборовъ. Справно, что Эдмонтонъ ожидаетъ ждать себя такъ долго. Впрочемъ, вотъ идетъ слуга его.

Человѣкъ Одюа подошелъ.

— Мистеръ Эдмонтонъ очень дурно себя чувствуетъ, извѣстѣ; онъ проситъ извиненія, что не можетъ присутствовать вамъ въ роль. Онъ явится повѣде, если его присутствіе будетъ необходимо.

— Нѣтъ. Передай ему, что онъ можетъ остаться дома и успокоиться. Мнѣ хотѣлось только, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ собственнаго торжества — вотъ и все. Скажи, что я буду представлять его особу на выборахъ. Господа, готовы ли вы? Поидайте.

ГЛАВА СХІХ.

Въ сумерки, когда уже стало значительно темнѣть, Рандаля Леам шелъ черезъ Ленсмеръ-Паркъ къ дому. Онъ удалился съ выборовъ прежде окончанія ихъ, перешелъ дуга и вступилъ на дорогу между ипподромомъ и вѣнными кулуарными нѣстѣми графа. Посреди снѣга

грустных мыслей, тераясь въ доказатъ, какии образомъ постигла его неожиданная неудача, приписывая ее дѣянію Леонарда на Эвелине, но недоарывая Гаррея, даже самаго барона Леди, онъ старался припомнить, какую ошибку онъ сдѣлалъ противъ правилъ благоразумія, какой планъ хитрости поизбылъ привести въ дѣло, какую дѣть своихъ сѣней оставилъ недоделанною. Онъ не могъ придумать ничего подобнаго. Опытность и тактъ его казались ему безукоризненными, въ своихъ собственныхъ глазахъ онъ былъ *totus, teres atque rotundus*. Тогда въ груди его зашевелилась дружба, еще болѣе острое жало— жало чувствительнѣе увлеченнаго самолюбія — сознаніе, что онъ былъ пережитренъ, обманутъ, одураченъ. Ничина до такой степени сродна человеку, до такой степени необходима для него, что самый малкій намѣнякъ наунается, оскорбляется, видитъ расстройство въ порядкѣ вещей, когда извѣсна, предавательство получаютъ далъ имъ переѣсь.

— И вотъ Ричардъ Эвелинъ, которому я такъ алѣлся, могъ обмануть меня! вроверчалъ Рандадь, и губы его дрожали отъ негодованія.

Онъ былъ еще посреди парка, когда человекъ съ желтою кокардою на шляпѣ, бѣжавшій на направленію изъ города, подалъ ему письмо и потому, не дожидаясь отвѣта, пустился опять въ обратный путь.

Рандадь узналъ на адресѣ руку Эвелина, разломалъ печать и прочиталъ слѣдующее :

Конфиденціально.

— Любовный Леди, не унывайте : сегодня вечеромъ или завтра вы узнаете причины, заставившія меня переѣнить мое мнѣніе ; вы убѣлитесь, что, какъ семейный человекъ, я не могъ поступить иначе, какъ поступилъ. Хотя я не нарушилъ слова, даннаго вамъ, потому что вы, конечно, помните, что обѣщанная мною помощь вамъ зависѣла отъ моего собственнаго отъказа и не могла имѣть мѣста при отъказѣ со стороны Леонарда, но все-таки я предполагаю, что вы считаете себя обманутыми. Я принужденъ былъ пожертвовать вами, по чувству долга семьянина, какъ вы въ томъ скоро сами убѣлитесь. Мой племянникъ также пожертвовалъ собою ; я не смотрѣлъ тутъ на свои собственные выгоды. Мы испытываемъ одну общую участь. Я не намѣренъ оставаться въ Парламентѣ. Если вы успѣете поладить съ Синими, я постараюсь дѣйствовать на Желтыхъ такъ, чтобы пустить васъ вмѣсто себя. Я не думаю, чтобы Леонардъ сталъ въ этомъ случаѣ соперничествовать. Такимъ образомъ, повелемъ дѣло умненько, и вы еще можете быть депутатомъ за Лансеръ.

— Р. Э. —

Въ этомъ письмѣ Рандадь, несмотря на всю свою пронцательность, не замѣтилъ откровенныхъ признаковъ писавшаго. Онъ въ первую минуту обратилъ вниманіе только на худшую сторону предмета и воображалъ, что это была жалкая попытка утишить его справедливое негодованіе и заставить его быть скромнымъ. Между тѣмъ все-таки необходимо было сообраанть положеніе дѣла, собрать разсѣяанныя мысли, призвать на помощь мужество, присутствіе духа. Сквайръ Гэвельденъ.

без сомнѣнія, ожидаетъ его, чтобы отдать ему деньги за землю Руде, герцогъ Серрано возстановленъ во всѣхъ правахъ своихъ и снова владѣеть огромнымъ состояніемъ, ему обѣщана рука дѣвушки, богатой наслѣдницы, которая соединяетъ въ себѣ все, что можетъ возвысить бѣднаго джентльмена и поставить его на видное положеніе. Постепенно, съ тою гибкостью разсудка, которая составляетъ принадлежность систематическаго интриганта, Рандадь Если отказался отъ выполненія замысла, который потерпѣлъ неудачу и рѣшился приступить къ изобрѣтенію другихъ плановъ, которые, по его мнѣнію, были очень близки къ успѣху. Наконецъ, если бы ему не удалось снова пріобрѣсти расположеніе Эджертона, то зато и Эджертоны не могъ принести ему теперь существенной пользы. Разсуждая такимъ образомъ съ самимъ собою и придумывая какъ бы устроить дѣла свои къ лучшему, Рандадь Если переступилъ порогъ дома Лэнсмеровъ и въ залѣ увидалъ барона, который дожидался его.

— Я не могу до сихъ поръ понять, что за чепуха происходила на этихъ выборахъ. Меня удивляетъ въ особенности л'Эстренджъ; я знаю, что онъ ненавидитъ Эджертона, и я увѣренъ, что онъ выкажетъ эту ненависть не тѣмъ, такъ другимъ образомъ. Впрочемъ, счастливы вы, Рандадь, что обезпечены деньгами Гвельдена и приданнымъ вашей невѣсты, иначе ...

— Иначе что же?

— Я умываю руки въ отношеніи къ вамъ, *mon cher*, потому что несмотря на вашу провинцальность, несмотря на все то, что я старался сдѣлать для васъ, я начинаю подовѣрять, что одними своими дарованіями вы не доставите себѣ обезпеченное положеніе. Смыслъ плотника побуждаетъ васъ въ публичномъ преніи, а необразованный мельникъ ловить васъ въ свои сѣти въ частной перепискѣ. Говоря вообще, Рандадь, вы вездѣ терпите неудачу. А вы сами же разъ какъ-то прекрасно выразились, что человѣкъ, отъ котораго намъ нечего надѣяться, или котораго нечего бояться, все равно что не существуетъ для насъ.

Отвѣтъ Рандаля былъ прерванъ появленіемъ грума.

— Милордъ теперь въ гостиной и проситъ васъ и мистера Если пожаловать къ нему. Оба джентльмена послѣдовали за слугою изверкъ по широкимъ лѣстницамъ.

Гостиная составляла центральную комнату въ ряду другихъ. По своему убранству и своимъ размѣрамъ она назначалась для пріема только въ чрезвычайныхъ случаяхъ. Она имѣла холодный, строгій характеръ комнаты предназначенной для церемоній.

Рикабокка, Віоланта, Гвельнъ, мистеръ Дэль, сквайръ Гвельденъ и лордъ л'Эстренджъ сидѣли вокругъ мраморнаго флорентинскаго стола, на которомъ не было ни книгъ, ни дамской работы, ни другихъ отрадныхъ признаковъ присутствія и дѣятельности членовъ семьи, всегда сообщающихъ дому жизнь и одушевленіе; на немъ стоялъ только большой серебряный канделябръ, который одна освѣщалъ простран-

ую комнату и какъ будто оводилъ въ одну группу и вѣбшіе на стѣнахъ портреты, которые такъ выразительно смотрѣли на всякаго, кто случайно взглядывалъ на нихъ.

Лишь только Рандаля вошелъ, сквайръ отдѣлился отъ общества и, подойдя къ побѣжденному кандидату, ласково пожалъ ему руку.

— Не унывай, молодой человекъ; быть побѣжденнымъ вовсе нестыдно. Лордъ л'Эстреджъ говорить, что ты сдѣлалъ все, чтобы успѣть въ своемъ предпріятіи, а бѣльшаго нельзя и требовать отъ человека. Я очень доволенъ, Лесли, что мы не приступали къ нашему дѣлу до окончанія выборовъ, потому что послѣ неудачи все, хоть сколько нибудь соотвѣтствующее нашимъ желаніямъ, кажется намъ вдвое пріятнѣе. Деньги, о которыхъ я тебѣ говорилъ, у меня въ карманѣ. Представь себѣ, мой милый другъ, что я рѣшительно не знаю, гдѣ теперь Франкъ; я думаю, что онъ наконецъ развязался съ этой иностранкой? а?

— Я тоже думаю. Я хотѣлъ еще съ вами поговорить объ этомъ насчетѣ. Мнѣ кажется, что намъ можно теперь же отсюда убраться.

— Я открою тебѣ нашъ тайный планъ, который мы устраиваемъ съ Гэрри, сказалъ сквайръ шопотомъ: — мы хотимъ выгнать эту маркву, или кто она такая, у мальчика изъ головы и вѣбсто ея представить ему прекрасную дѣвушку англичанку. Это заставитъ его остепениться. Гэрри нѣсколько круто ведетъ это дѣло и такъ строго обращается съ бѣднымъ мальчикомъ, что я принужденъ былъ принять его сторону; я не привыкъ быть подъ женинымъ башмакомъ — это не въ характерѣ Гезельденовъ. Но обратимся къ главному предмету: кого бы ты думалъ я прочу ему въ невѣсты?

— Миссъ Стикторейтъ!

— О, Боже мой, нѣтъ! твою маленькую сестрицу, Рандаля. Славная рожица. Гэрри всегда особенно ее любила; притомъ же ты сдѣлаешься братомъ Франку, будешь своимъ здравымъ разсудкомъ и добрымъ сердцемъ направлять его на путь истинный. И какъ ты тоже собираешься жениться (ты мнѣ долженъ все рассказать касательно своихъ намѣреній), то у насъ, можетъ быть, будутъ двѣ свадьбы въ одинъ и тотъ же день.

Рандаля схватился за руку сквайра, въ порывѣ чувства благодарности, потому что, холодный и равнодушный ко всему, онъ, какъ мы знаемъ, сохранилъ привязанность къ своей падшей фамилии; его сестра, заброшенная всѣми, была можно сказать единственнымъ существомъ на землѣ, которое онъ хоть сколько нибудь любилъ. Несмотря на все пренебреженіе, которое онъ, по разсудку, питалъ къ простому и честному Франку, онъ все-таки понималъ, что сестра его ни съ кѣмъ не можетъ быть такъ счастлива, какъ съ этимъ человекомъ. Но прежде, нежели онъ успѣлъ отвѣчать, отецъ Виоланты поспѣшилъ присовокупить съ своей стороны одобрительные отзывы о намѣреніи сквайра.

При этих словах вниманія со стороны Гавальдона и герцога, Рандаль ободрился. Нисомнѣнно было, что лордъ г'Докеренджъ не позволитъ въ нихъ неблагопріятнаго для него впечатлѣнія разсказомъ о поступкахъ его въ собраніи комитета. Пока Рандаль былъ занятъ такимъ образомъ, Леви подошелъ къ Гарлею, который подовзалъ его помочь въ амбразуру окна.

— Что вы скажете, милордъ; вы понимаете поступокъ Ричарда Эвенеля? Онъ поддерживаетъ Эджертона! оми....

— Что же можетъ быть натуральнѣе этого, баронъ Леви? поддерживаетъ своего зятя.

Баронъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ.

— Но какъ же онъ узналъ объ этомъ? Я никогда не говорилъ ему. Я хотѣлъ правда....

— Хотѣли, вѣроятно, узавить напоследокъ самолюбіе Эджертона провозглашеніемъ о женитьбѣ его на дочери лавочника, не такъ ли? Прекрасное мщеніе, вполне достойное васъ! Но за что вы стараетесь ему отомстить? Мнѣ нужно еще сказать съ вами, баронъ, два-три слова, потому что знакомство наше скоро совсѣмъ прекратится. Вы знаете причину моего неудовольствія къ Эджертону. Не объясните ли и вы мнѣ, почему вы его ненавидите?

— Милордъ, милордъ, произнесъ баронъ Леви дрожащимъ голосомъ: — я тоже сватался къ Норѣ Эвенель; я тоже встрѣтилъ соперника въ высококрѣпномъ джентльменѣ, который не умѣлъ цѣнить своего собственнаго счастья. Я тоже.... однимъ словомъ.... есть женщины, которыя внушаютъ любовь, наполняющую все существо человека, неравнравную со всѣми дѣйствіями его, со всѣми движеніями души его. Нора Эвенель была для меня подобною женщиною.

Гарлей взумился. Проявленіе чувства въ человѣкѣ столь испорченномъ и склонномъ къ кинному ослабленію презрѣніе, которое былъ питалъ всегда къ ростовщину. Леви скоро пришелъ къ себѣ.

— Но наше мщеніе еще не потеряно, продолжалъ онъ. — Если Эджертонъ теперь не въ моихъ рукахъ, зато совершенно въ вашей власти. Избраніе его въ новую должность, конечно, ограждаетъ его отъ тюремнаго заключенія, но въ законѣ есть другія средства къ различному посрамленію и лишенію правъ.

— И вы, гордясь любовью къ Норѣ Эвенель, зная, что вы были разрушителемъ ея счастья, присутствовать при самой свадьбѣ ея, — вы еще осмѣливались утверждать, что она была обезчещена!

— Милордъ.... я... какъ вы могли узнать.... мнѣ кажется.... какъ вы могли подумать это.... пролетѣлъ Леви едва слышнымъ голосомъ.

— Нора Эвенель вѣчала къ людямъ изъ самой могилы, произнесъ Гарлей торжественно. — Будьте увѣрены, что гдѣ бы человѣкъ ни совершилъ преступленіе, небо посылаетъ всегда свидѣтеля.

— Такъ значитъ вы на меня обращаете теперь свою месть, сказалъ Леви, невольно содрогаясь подъ вліяніемъ суевѣрнаго чувства: —

и доказатель он повернется. Но я исповиалъ свое дѣло. Я полюбилъ себя и признавалъ виновнымъ.... и...

— Я конечно также всё обещалъ и оставляю васъ свободнымъ пользоваться вашими деньгами.

— Я всегда былъ увѣренъ, что могу полагаться на ваше честное слово, и теперь, вскричалъ растерявшись въ порывѣ робкой угодливости.

— И это низкое существо питало одну и ту же страсть со мною; но даже какъ вчера мы были участниками въ одномъ и томъ же дѣлѣ, дѣйствовали подъ вліяніемъ одной общей мысли, и вотъ Гарлей тащому себя. — Да, произнесъ онъ грозно: — я не смѣю, Беронъ деви, быть вашимъ судьей. Идите своею дорогою.... всё дѣло имѣютъ подѣломъ концы одинъ общій исходъ — общее судилище. Но вы еще не совершенно освобождаетесь отъ участія въ вѣдѣхъ нашихъ; вы должны сдѣлать доброе дѣло противъ желаній. Посмотрите туда, гдѣ Реддаль, беззачетно увиливалъ, стоятъ между дулкъ оmissions, которыя самъ выдалъ на себя. Такъ какъ онъ избралъ меня своимъ судьей и назначилъ васъ свидѣтелемъ на завтрашній день, то я наизвѣстъ приношу виновнаго на судъ.... обиженный здѣсь и требуетъ защиты.

Гарлей отвернулся и узналъ прежнее иѣсто у стола.

— Я желаю, сказалъ онъ, возвысь голосъ: — чтобы торжество моего стариннаго и неокрѣпнаго друга было упрочено въ одно время съ счастьемъ людей, въ которыхъ я также принимаю живое участіе. Вамъ, Альфонсъ, герцогъ Сerrано, я передаю эту депешу, полученную вчера вечеромъ отъ нарочнаго курьера отъ принца *** и возвращающую о возобновленіи вашихъ правъ на иѣвня и на почетѣ.

Славиръ вѣстала съ своего мѣста съ разинутымъ ртомъ.

— Рикабонка... герцога? Такъ значитъ, Дженива герцогиня! Вотъ славно: теперь къ ней не подступайся.

Между тѣмъ онъ бросился къ своей кузинѣ и иѣвно облобызала ее.

Виоланта взглянула на Гарлея и потомъ ушла къ отцу на грудь. Реддаль невѣжливо приподнялся со стула и подошелъ къ герцогу.

— Что касается до васъ, мистеръ Реддаль, продолжалъ Гарлей: — то хотя вы и потеряли дѣло на выборахъ, но у васъ въ виду такая блестящая перспектива богатства и счастья, что вы не оставите только принести вамъ мои усердныя поздравленія, жерде которыхъ отзывы, получаемые мистеромъ Оллеомъ Эджертономъ, покажутся блестящими и приторными. Впрочемъ, вы прежде всего должны доказать, что не потеряли право на тѣ преимущества, которымъ герцогъ Сerrано выдалъ мему своей дочери. Такъ какъ я иждѣтъ некоторымъ причиною сомнѣваться въ благонадежности вашихъ дѣйствій, то вы сами должны уже рѣшить мое сомнѣніе. Я получилъ отъ герцога позволеніе предложить вамъ нѣсколько вопросовъ и теперь я бы желалъ воспользоваться вашимъ согласіемъ отвѣчать на нихъ.

— Теперь... а здѣсь, иждѣтъ? проинесъ Реддаль, съ неуспокоеннымъ ожиданіемъ комнату и какъ будто нечувствительный присутствію столь многочисленныхъ свидѣтелей.

— Теперь и здѣсь. Лица, присутствующія здѣсь, не столь чужды объясненіямъ, которыхъ мы ожидаемъ отъ васъ, какъ можно бы заключить, вида ваше удивленіе. Мистеръ Гвельденъ, представьте себѣ, что многое, о чемъ я намѣренъ говорить мистеру Лесли, касается вашего сына.

Увѣренность Равдала въ самомъ себѣ исчезла; невольный трепетъ пробѣжалъ по его тѣлу.

— Моего сына.... Франка? Конечно Равдаль не задумается говорить о немъ. Говори скорѣе, мой милый.

Равдаль молчалъ. Герцогъ посмотрѣлъ на лицо его, носившее слѣды самаго сильнаго волненія и потомъ повернулся въ другую сторону.

— Молодой человекъ, отчего же вы медлите? сомнѣніе, возбужденное нами, касается вашей чести.

— Что за чудо! вскричалъ сквайръ съ удивленіемъ, вглядываясь въ блуждающіе глаза и дрожащія губы Равдала. — Чего ты испугался?

— Я испугался? отвѣчалъ Равдаль, принужденный говорить и стараясь скрыть свое замѣшательство глухими смѣхомъ: — испугался? Чего же? Я только удивляюсь тому, что подозреваетъ лордъ Г'Эстренджъ.

— Я разомъ отстраню всякую причину къ удивленію. Мистеръ Гвельденъ, вашъ сынъ первоначально навлекъ на себя ваше неудовольствіе намѣреніемъ жениться, противъ вашего согласія, на маркизѣ де Негра, потомъ векселемъ, даннымъ имъ барону Деви съ обезпеченіемъ его своимъ будущимъ наслѣдствомъ. Не случилось вамъ слышать отъ мистера Равдала Лесли, одобрялъ или осуждалъ онъ эту женитьбу.... помогалъ или противодействовалъ дачѣ векселя?

— Какже, разумѣется, онъ былъ противъ того и другого, вскричалъ сквайръ съ жаромъ.

— Такъ ли это, мистеръ Лесли?

— Милордъ.... я.... я.... моя привязанность къ Франку и мое уваженіе къ его почтенному родителю ... я.... я.... (онъ принудилъ себя и продолжалъ твердымъ голосомъ). Вообще я дѣлалъ все, что могъ, чтобы отговѣвать Франку жениться; что же касается давнаго имъ посмертнаго обязательства, то объ этомъ я рѣшительно ничего не знаю.

— Объ этомъ пока довольно. Я перехожу къ болѣе важному обстоятельству, касающемуся вашего искательства руки дочери герцога Серрано. Я узналъ отъ васъ, герцогъ, что съ цѣлью спасти дочь вашу отъ преслѣдованій Пешьера и въ убѣжденіи, что мистеръ Лесли раздѣляетъ ваши опасенія насчетъ намѣреній графа, вы, будучи еще въ бѣдности и изгнаніи, обѣщали этому джентльмену руку вашей дочери. Когда вѣроятность возстановленія вашихъ правъ почти уже подтвердилась, вы повторили свое обѣщаніе, такъ какъ мистеръ Лесли, по его собственному отзыву, противодействовалъ, хотя и безуспѣшно, намѣреніямъ Пешьера. Не такъ ли?

— Безъ сомнѣнія; если бы мнѣ суждено было занять тронъ, то я и тогда не намѣнялъ бы своему обѣщанію, данному въ бѣдности и изгнаніи. Я не могъ бы отказать въ рукѣ моей дочери тому, кто готовъ былъ жертвовать всѣми мірскими выгодами и жениться на дѣвушкѣ безъ всякаго состоянія. Дочь моя не противорѣчитъ моимъ видамъ.

Виоланта дрожала; руки ея были крѣпко сжаты и взоры ея постоянно обращались на Гарлея.

Мистеръ Дамъ отеръ слезы, выступившія изъ глазъ его, при мысли о бѣдномъ изгнанникѣ, питавшемся многими и срываавшемся въ тѣни деревьевъ Казино отъ многочисленныхъ кредиторовъ.

— Вашъ отвѣтъ вполне достоинъ васъ, герцогъ, продолжалъ Гарлей: — но если бы было доказано, что мистеръ Десли, вмѣсто того, чтобы свататься за герцогиню для нея самой, только рассчитывалъ на деньги, намѣреваясь предать ее графу Пешьера, что вмѣсто того, чтобы избавить ее отъ опасности, которой вы страшились, онъ теперь снова подвергалъ ее тѣмъ же оскорбленіямъ, отъ которыхъ она разъ уже освободилась; считали ли бы тогда данное вами слово...

— Какое злодѣйство! Нѣтъ, конечно нѣтъ! воскликнулъ герцогъ. — Но это ни на чемъ не основанное предположеніе! Говорите, Рандаль.

— Лордъ г'Эстренджъ не въ состояніи оскорбить меня тѣмъ, что онъ считаетъ это не однимъ лишь бездоказательнымъ предположеніемъ, прошепсѣ Рандаль, отважно поднимая голову.

— Я заключаю изъ вашего отвѣта, мистеръ Десли, что вы съ презрѣніемъ отвергаете подобное предположеніе?

— Съ презрѣніемъ... именно. Но такъ какъ предположеніе это, продолжалъ Рандаль, выступила на шагъ впередъ: — высказано громко, то я прошу у лорда г'Эстренджа, какъ у равнаго себѣ (потому что всѣ джентльмены равны, когда дѣло идетъ о защитѣ ихъ чести) или немедленнаго опроверженія сдѣланныхъ имъ обвиненій или доказательства справедливости его словъ.

— Вотъ, первое слово слышу отъ тебя достойное мужчины, вскричалъ сквайръ. — Я самъ дрался на дуэли и изъ за напикъ еще пустановъ! Въ то время пуля пробила мнѣ правое плечо.

— Ваше требованіе основательно, отвѣчалъ Гарлей спокойнѣе тономъ. — Я не могу опровергать сказаннаго мною, а немедленно представлю требуемыя вами доказательства.

Онъ всталъ и позвонилъ въ колокольчикъ; вошелъ слуга, выслушалъ приказаніе, отданное ему тихо, и опять вышелъ. Настало молчаніе, равно тягостное для всѣхъ. Рандаль между тѣмъ обдумывалъ въ умѣ своемъ, какія доказательства могли быть приведены противъ него, и ни одного не могъ себѣ представить. Между тѣмъ двери въ гостиную открылись и слуга доложилъ:

— Графъ ли Пешьера.

Если бы бомба пробилъ въ это время крышу дома и упала посреди комнаты, то она не произвела бы такого сильнаго впечатлѣнія,

нать пейзажные графы. Гордо поднявъ голову, съ ошпыленным выраженіемъ на лицѣ, со всѣмъ наружнымъ блескомъ манеровъ, графъ вошелъ въ середину кружка и послѣ легкаго взмываема поклона, συνο-сманягося ко всѣмъ присутствующимъ, сталъ обводить взоромъ комнату съ ироническою улыбкою на устахъ, съ полною самоуверенностію и властностію челоуѣка, омытнаго на поприщѣ интриги и притворства.

— Герцогъ, началъ графъ, обратившись къ своему удивленному родственнику и произнеся слова твердою, вѣщимъ голосомъ, который громко раздавался въ комнатѣ: — я возвратился въ Англію вслѣдствіе шноца милорда л'Эстренджа и въ тѣхъ видахъ, чтобы требовать отъ него удовлетворенія, какое люди, подобныя намъ, всегда даютъ другъ другу, съ чьей бы стороны и по какой бы причинѣ ни была нанесена обида. Теперь, прекрасная родственница... и графъ съ легкою, но вѣжливой улыбкою поклонился Віолантѣ, которая при первыхъ словахъ его хотѣла было закричать: — теперь я оставилъ это намѣреніе. Если я елишкомъ поспѣшно принялъ старинное рыцарское правдо, что въ дѣлѣ любви всякая уловка похвальна, то я долженъ согласиться съ лордомъ л'Эстренджемъ, что и противобѣйствіе подобныиъ уловкамъ имѣетъ похвальную сторону. Вообще, мнѣ кажется, болѣе кетати смѣяться надъ моею печальною фигурою побѣжденнаго, чѣмъ признаваться, что я чувствительно оскорбленъ произнеиия, имѣвшими болѣе счастливыиъ повелъ въ сравненіи съ ковар. Графъ останоуился и глава его полернулою обламалъ груди, что очень мало гармонировало съ шуточнымъ тономъ его рѣчи и разширеною дерзостію его манеровъ. — *Ma foi!* продолжалъ онъ: — да-нов-волено будетъ мнѣ говорить такимъ образомъ, потому что я действительно доказалъ свое равнодушіе къ опасностямъ, которымъ когда-либо подвергался. Въ послѣдствіи шесть дѣтъ я имѣлъ честь десять разъ драться на дуэляхъ, имѣлъ несчастіе ранить четвероухъ изъ моего противниковъ и отправить на тотъ свѣтъ четверыхъ, которые были седыми любовными и достойными джентльменами подлѣ дуэлю.

— Чудовище! проворчалъ паскоръ.

Сквайръ вздрогнулъ и механически ощуывала свое плечо, которое было ранено пулею капитана Дашмера. Блѣсное лице Рандала сдѣлалось еще блѣднѣе и глава его, встрѣтившись съ яркими взорами графа, невольно потупились.

— Но, продолжалъ графъ съ жестомъ, выражавшимъ полную неаществе угодливостъ: — я долженъ благодарить мистера л'Эстренджа, который мнѣ напомнилъ, что челоуѣкъ, поставившій собственное имущество въ всякаго омызнія, не только долженъ просить извиненія, если разъ оскорбилъ другого, но долженъ сопровождать свое извиненіе какимъ бы то ни было удовлетвореніемъ. Герцогъ Саррано, я пришею сюда собственно съ этою цѣлію. Милордъ, вы позволите вырвать желаніе сдѣлать мнѣ нѣкоторые важныиъ вопросы, касающіеся герцога и его дочери; я буду отвѣчать съ полною искренностію.

— Monsieur le Comte, сказала Гаррей: — пожалуйста не вашу снисходительность, а прошу васъ, во первыхъ, объяснить мнѣ, что означаетъ зачѣ, что эта дѣвица жила въ домѣ моего отца?

— Открывшій мнѣ это стоитъ передъ вами — мистеръ Рандаля Десли. И я ссылаюсь на барона Леви, который можетъ подтвердить справедливость моихъ словъ.

— Это дѣйствительно правда, сказалъ баронъ едва слышнымъ голосомъ и какъ бы невольно подчинялся повелительному тону графа.

— Блѣдныя губы Рандаля издали въ это время глухой звукъ, похожій на свистъ.

— И мистеръ Десли участвовалъ въ нашихъ планахъ, имѣвшихъ цѣлью похитить вашу родственницу и жениться на ней?

— Безъ сомнѣнія.... и барону Леви это очень хорошо извѣстно. Баронъ наклонилъ голову въ знакъ согласія. — Позвольте мнѣ присовокупить еще, — я обязанъ это сдѣлать въ отношеніи къ дѣду, состоящей въ родствѣ со мною, — что только вѣроломныя убѣжденія со стороны Десли, какъ я увѣрился впоследствии, заставили мою родственницу, когда моя собственная попытка не удалась, принять участіе въ планахъ, которые иначе она съ такою же рѣшимостію отвергла бы, съ какою я въ настоящее время, герцогъ Серрано, отвергаю и презираю ихъ, съ полнымъ сознаніемъ всей низости подобныхъ дѣйствій.

Нока графъ говорилъ такимъ образомъ, въ немъ было столько личнаго достоинства, натурального или искусственнаго, которое сообщалось словамъ его, — достоинства, которому сдѣйствовало его прекраснѣйшій ростъ, изящныя черты лица, манрицианскія манеры, что герцогъ, тронутый до глубины души, протанулъ руку вѣроломному родственнику и забылъ въ эту минуту всю макиавеллескую мудрость, которая могла бы убѣждать его, что человекъ съ такими сомнительными правилами нравственности, какъ графъ, едва ли могъ руководствоваться какими либо благородными побужденіями въ исцѣлѣнн, по видимому, столь чистосердечной и въ раскаяніи столь искренней. Графъ пожалъ руку, протянутую къ нему, и низко поклонилъ голову, можетъ быть, чтобы скрыть улыбку, которая готова была разоблачить темную сторону его сердца. Рандаля все еще стоялъ молча и блѣдный какъ смерть. Языкъ его отназывался временности какою бы то ни было слово. Онъ замѣтилъ, что всѣ присутствующіе готовы были обратиться противъ него. Наконецъ, съ невозможнымъ усиліемъ надъ самимъ собою, онъ произнесъ отрывистыя фразы.

— Клевета столь внезапная, конечно, могла... могла привести меня въ замѣшательство; но кто же.... кто же ей помѣритъ? И законы, и здравый смыслъ всегда предполагаютъ какую нибудь побудительную причину для совершенія преступленія. Что же могло служить мнѣ побужденіемъ въ подобномъ случаѣ? Я самъ, будучи претендентомъ на руку дочери герцога, а вдругъ предаю ее! Неизбѣжно.... неизбѣжно. Герцогъ, герцогъ, я предаю это обстоятельство на судъ вашей снѣд-

ности и знанія людей. Кто идетъ противъ собственныкъ выгодъ и влеченія своего сердца?

Это воззваніе, хотя сдѣланное слабо, съ недостаткомъ энергій, произвело нѣкоторое вліяніе на философа.

— Правда, сказалъ онъ, пожавъ руку своему родственнику: — я не вижу никакой побудительной причины.

— Можетъ быть, отвѣчалъ Гарлей: — баронъ Леви объяснить намъ эту загадку. Не знаете ли, баронъ, какія причины, соединенныя съ собственною выгодною, могли побудить мистера Десли участвовать въ планахъ графа?

Леви медлилъ. Графъ предупредилъ его.

— *Pardieu!* сказалъ онъ внятнымъ, рѣшительнымъ тономъ. — *Pardieu!* я совершенно убѣжденъ въ томъ, что намѣренъ сказать. Прошу васъ, баронъ, подтвердить, что, въ случаѣ брака моего съ дочерью герцога, я общалъ подарить сестрѣ моей сумму, на которую она давно еще простирала претензію, и которая должна была пройти черезъ ваши руки.

— Это правда, отвѣчалъ баронъ.

— Не назначалась ли изъ этой суммы какая либо часть въ пользу мистера Десли?

Леви молчалъ.

— Говорите, сэръ, произнесъ графъ, сердито нахмуривъ брови.

— Дѣло въ томъ, сказалъ баронъ: — что мистеръ Десли чрезвычайно желалъ купить какіе-то участки земли, принадлежавшіе нѣкогда его фамиліи, и что женитьба графа на сибюрѣ и замужство сестры его, къ которой сватался мистеръ Гезельденъ, доставили бы мнѣ возможность ссудить мистера Десли небольшою суммою для предположенной имъ покупки.

— Что, что! вскричалъ сквайръ, съ жаромъ стуча одною рукою по боковому карману сюртука, приходившемуся на груди, и схвативъ другою рукою руку Рандаля.

— Сватовство моего сына! Такъ ты тоже тянулъ въ ту сторону? Не смотри такой мокрой курицей. Говори какъ прилично мужчиги!

— Неужели вы думаете, сэръ, прервалъ графъ съ надменнымъ видомъ: — неужели вы думаете, что маркиза де-Негра удостоила бы выйти замужъ за какого нибудь мистера Гезельдена?...

— Удостоила!... какой нибудь Гезельденъ! вскричалъ сквайръ, обратившись къ нему съ сильнымъ негодованіемъ и едва будучи въ состояніи говорить отъ волненія.

— Если бы, продолжалъ графъ съ совершеннымъ хладнокровіемъ: — если бы обстоятельства не заставили ее войти съ мистеромъ Гезельденомъ въ денежную сдѣлку, къ которой она не имѣла другихъ средствъ? И въ этомъ отношеніи, я обязываюсь присоветовать, сэмилія Гезельденовъ должна считать себя особенно одолженною мистеромъ Десли, потому что онъ первый доказалъ ей совершенную необходимость этой *mission*; онъ же первый внушилъ моему другу, ба-

рону, какими способами заставить мистера Гэзельдена принять предложение, на которое сестра моя удостоила съ своей стороны согласиться.

— Способы! хороши способы! посмертное обязательство! воскликнул сэвайръ, опустивъ руку Рандаля, съ тѣмъ, чтобы налечь всюю тяжестью своей длани на Леви.

Баронъ пожалъ плечами.

— Всѣ друзья мистера Франка Гэзельдена, замѣтилъ онъ: — одобрили бы этотъ способъ, какъ самый дешовый способъ доставать деньги.

Пасторъ Дэль, который сперва болѣе всѣхъ былъ пораженъ этими постепенными открытіями коварства Лесли, теперь, обративъ взоры на молодого человѣка и увидавъ блѣдное лицо его, почувствовалъ такое живое состраданіе, что, положивъ руку на плечо къ Гарлею, прошепталъ:

— Поглядите, поглядите на его лицо! такой еще молодой! Пощадите, пощадите его!

— Мистеръ Лесли, продолжалъ Гарлей болѣе мягкимъ тономъ: — повѣрьте, что ничто другое, какъ желаніе воздать должное герцогу Серрано и моему молодому другу, мистору Гэзельдену, заставило меня принять на себя настоящую тяжелую обязанность. Теперь всякія дальнѣйшія изслѣдованія будутъ прекращены.

— Узнавъ отъ лорда г'Эстренджа, сказалъ графъ съ изысканною вѣжливостію: — что мистеръ Лесли сдѣланный имъ мнѣ вызовъ представлялъ какъ серьезный поступокъ съ своей стороны, а не какъ шуточную и дружелюбную развязку нашего неудавшагося плана, какъ я полагалъ прежде, я считаю долгомъ увѣрить мистера Лесли, что если онъ не удовлетворится сожалѣніемъ, которое я испытываю въ настоящую минуту за значительное участіе, какое я принималъ въ предложенныхъ собранію объясненіяхъ, то я совершенно къ его услугамъ.

— Не воедникомъ съ графомъ де-Пешьера можетъ быть оправдана моя честь; я не хочу даже защищаться противъ обвиненій ростовщика и человѣка, который....

— Государь мой! прервалъ графъ, подступая къ нему.

— Человѣка, продолжалъ Рандаль съ настойчивостію, хотя замѣтно трепеща всѣмъ тѣломъ: — человѣка, который, по собственному признанію, виновенъ во всѣхъ преступныхъ замыслахъ, которыхъ участникомъ онъ старается меня представить и который, не умѣя оправдать себя, хочетъ очернить и другихъ...

— *Cher petit Monsieur!* сказалъ графъ съ презрительнымъ видомъ: — когда люди, подобные мнѣ, употребляютъ людей, подобныхъ вамъ, орудіями своихъ дѣйствій, то они или награждаютъ заслугу, оказанную имъ, или отстраняютъ своихъ кліентовъ, въ случаѣ безуспѣшности попытки; если я былъ столь снисходителенъ, что согласился признаться и оправдываться въ поступкахъ, сдѣланныхъ мною, то, конеч-

но, мистеръ Рандаля Если можетъ послѣдовать моему примѣру, не нарушая слишкомъ много своего достоинства. Впрочемъ, я никогда, сэръ, не далъ бы себѣ труда противодѣйствовать вашимъ интересамъ, если бы вы, какъ я впоследствии узналъ, не вздумали домогаться руки дѣвицы, которую я можетъ быть нѣсколько съ болѣешииъ правомъ надѣялся назвать своею невѣстою. И въ этомъ случаѣ, могу ли я не сознать, что вы обманывали, предавали меня? Могли ли наши прежнія отношенія подать мнѣ мысль, что, вѣсто того, чтобы служить мнѣ, вы только думали о своей собственной выгодѣ? Пусть будетъ такъ, какъ должно быть, во всякомъ случаѣ мнѣ остается еще средство загладить предъ главою моею фамилии всѣ нанесенныя оскорбленія и это средство состоитъ въ томъ, что я спасу дочь его отъ унижительнаго для ней брака съ предателемъ, который помогалъ мнѣ за деньги въ моихъ предпріятіяхъ и который теперь хочетъ воспользоваться плодами ихъ.

— Герцога! вскричалъ Рандаля.

Герцогъ повернулся къ нему спиною. Рандаля простеръ руки къ сквайру.

— Мистеръ Гезельденъ, какъ? и вы осуждаете меня, — осуждаете меня, не выслушавъ моихъ оправданій?

— Не выслушавъ... тысячи смертей, нѣтъ! Если у тебя есть что нибудь сказать, говори, только говори правду и пристыди своего противника.

— Я содѣйствовалъ Франку въ сватовствѣ, я внушилъ ему мысль о посмертномъ обязательствѣ!... О, Боже мой, кричалъ Рандаля, ломая руки: — если бы самъ Франкъ былъ здѣсь!

Сожалѣніе, возбужденное въ душѣ Гарлея, исчезло при видѣ этого упорнаго притворства.

— Вы желаете, чтобы здѣсь присутствовалъ Франкъ Гезельденъ? Требованіе ваше должно быть уважено. Мистеръ Дэлъ, вы можете стоять теперь отъ этого молодого человѣка и поставить на ваше мѣсто самого Франка Гезельдена. Онъ ждетъ въ сосѣдней комнатѣ. Позовите его.

При этихъ словахъ, сквайръ закричалъ громкимъ голосомъ:

— Франкъ, Франкъ! сынъ мой! мой бѣднѣйшій сынъ!

И бросился изъ комнаты въ дверь, на которую указалъ Гарлей.

Этотъ крикъ и это движеніе сообщили внезапную перемену чувствамъ всѣхъ присутствовавшихъ. На нѣсколько минутъ о самомъ Рандалѣ было забыто. Молодой человѣкъ воспользовался этимъ временемъ. Улучивъ мгновеніе, когда полные презрѣнія взоры обвинителей не были устремлены на него, онъ тихонько подкрался къ двери, не производя ни малѣйшаго шума, какъ раненная эхидна, которая, опустивъ голову, ползетъ по мягкой травѣ. Леви слѣдовалъ за нимъ до крыльца и твердилъ ему на ухо:

— Я не могъ рѣшительно помочь вамъ; вы сами бы то же сдѣлали на моемъ мѣстѣ. Вы видите, что вы потерпѣли уронъ во всѣхъ сво-

изъ предпріятіяхъ, а когда человѣкъ совершенно падаетъ, мы оба были того мнѣнія, что въ такомъ случаѣ слѣдуетъ отдать его на произволъ судьбы и самому умыть руки.

Рандаль не отвѣчалъ ни слова, и баронъ смотрѣлъ, какъ гдѣнь, отбрасываемая его тѣломъ, постепенно спускалась по ступенямъ лѣстницы, пока совершенно не исчезла на камняхъ мостовой.

— Впрочемъ, онъ могъ бы принести нѣкоторую пользу, преобрѣтавъ Левя. — Его индустріе и промыслы еще могутъ поимать въ сѣти бездѣльнаго Эдмертона. Еще есть надежда на маленькое ищеніе!

Графъ привнесулся въ это время изъ рукъ замечательнаго ростовщика.

J'ai bien joué mon rôle, n'est-ce pas? (Не правда ли, что я хорошо игралъ свою роль?)

— Вашу роль! Скажу вамъ откровенно, мой любезный графъ, что я не понимаю вашей роли.

— *Ma foi*, вѣрнѣе, мы очень нелогичны. Я только что пріѣхалъ во Францію, когда именно дѣйствіемъ дошло до мнѣ. Оно имѣло видъ вызова на дуэль, по крайней мѣрѣ я такъ поналъ его. Отъ подобныхъ выводовъ я никогда не отрываюсь. Я отвѣчалъ, пріѣхавъ сюда, основываясь на логичности. Милордъ признается во мнѣ вчера ночью. Я начинаю съ нимъ разговоръ въ такомъ тонѣ, который вы можете себѣ представить при подобныхъ обстоятельствахъ. *Pardieu!* онъ действуетъ какъ настоящій мизордъ! Онъ показываетъ мнѣ письмо отъ дряда ***, въ которомъ возмущается о восстановленіи правъ Альфонсо и моемъ изданіи. Онъ съ особеннымъ благодушіемъ предлагаетъ мнѣ съ одной стороны картину нищеты и совершеннаго паденія, съ другой чистосердечіе раскаяніе въ проступкахъ, съ надеждою на милосердіе Альфонсо. Однимъ словомъ, я тотчасъ могъ понять, которая дорога ведетъ ближе къ мѣсту. Я выбралъ такую дорогу. Трудность состояла лишь въ томъ, чтобы выпутаться самому, какъ подобаетъ человѣку съ именемъ и съ достоинствомъ. Если я успѣлъ въ этомъ, подарите мѣня. Альфонсо подаетъ мнѣ руку, и теперь я предлагаю ему — поправить мои денежные дѣла и восстановить мое доброе имя.

— Если вы отправляетесь въ Лондонъ, сказалъ Левя: — то моя карета, которая должна быть уже здѣсь, въ вашихъ услугахъ; съ особеннымъ удовольствіемъ найду мѣсто вовафъ мазъ и поговорю съ вами о вашихъ планахъ въ будущемъ. Но, *reste, mon cher!* ваше надеженіе было такъ стремительно, что всякій другой на вашемъ мѣстѣ переломалъ бы себѣ все кости.

— Настоящая сила, сказалъ графъ съ улыбкою: — легка и властна; она не падаетъ, а омукаетъ и отскакиваетъ отъ земли.

Левя съ особеннымъ уваженіемъ посмотрѣлъ на графа и отдалъ ему преимущество въ сравненіи съ Равдалемъ.

Въ это время въ комнатѣ, которую мы только что оставили, Гардей сидѣлъ вовафъ Вюанты.

— Я съ моей стороны выполнилъ обѣщаніе, данное вамъ, сказалъ онъ съ кротостію и смиреніемъ. — Неужели вы все еще будете со мною строги по прежнему?

— Ахъ! отвѣчала Виоланта, любуясь на благородное чело Гарлей: и гордость женщины за предметъ ея любви краснорѣчиво выражалась въ ея восторженномъ взорѣ: — я узнала отъ мистера Дэля, что вы окончательно одержали надъ собою побѣду, и это заставляетъ меня стыдиться сомнѣній моихъ на счетъ того, что ваше сердце способно было высказать, когда минуты гнѣва, хотя гнѣва справедливаго, уже прошли.

— Нѣтъ, Виоланта, не прощайте еще мнѣ совершенно; будьте свидѣтельницей моего мщенія (я не забылъ о немъ) и тогда позвольте моему сердцу сдѣлать признаніе и произнести горячую мольбу, чтобы голосъ, при звукахъ котораго оно такъ трепещетъ, былъ постояннымъ его руководителемъ.

— Что это значитъ! вскричалъ кто-то съ удивленіемъ; и Гарлей, обернувшись, увидалъ герцога, который стоялъ сзади его, смотря съ изумленіемъ то на Гарлей, то на Виоланту: — смѣю ли думать, что вы?...

— Освободилъ васъ отъ одного претендента на эту прелестную руну, чтобы самому сдѣлаться униженнымъ просителемъ.

— *Corpo di Bacco!* вскричалъ мудрецъ, обнимая Гарлей: — это, по истинѣ, радостная для меня новость. Но я не намѣренъ теперь дѣлать опрометчивыхъ обѣщаній и распорядиться наклонностями моей дочери.

Онъ прижалъ Виоланту къ груди своей и что-то прошепталъ ей на ухо. Виоланта покраснѣла и не отрывалась отъ плеча его. Гарлей ожидалъ развязки съ нетерпѣніемъ. Въ это время Леонардъ вошелъ въ комнату, но Гарлей едва успѣлъ съ нимъ поздороваться, какъ появился и графъ.

— Милордъ, сказалъ Пешьера, отводя его въ сторону: — я исполнилъ свое обѣщаніе и теперь намѣренъ оставить домъ вашъ. Баронъ Леви ѣдетъ въ Лондонъ и предлагаетъ мнѣ мѣсто въ своей каретѣ, которая, кажется, стоитъ уже у подъѣзда. Герцогъ и дочь его, безъ сомнѣнія, извинятъ меня, если я не распрощаюсь съ ними по правиламъ этикета. Въ нашихъ измѣнившихся положеніяхъ мнѣ не ѣдетъ слишкомъ явно домогаться милости и вниманія; должно только устранить, что я уже, кажется, сдѣлалъ, — устранить преграду къ тому и другому; если вы одобряете мое поведеніе, то не оставьте высказать ваше мнѣніе обо мнѣ герцогу.

Съ низкимъ поклономъ графъ пошелъ къ двери; Гарлей не удерживалъ его и проводилъ его до лѣстницы со всею учтивостію свѣтскаго человѣка.

— Не забудьте, милордъ, что я ничего не домогаюсь. Я позволю себѣ только принять то или другое. *Voilà tout!*

Онъ опять поклонился съ неподражаемою граціей кавалеровъ прошлаго столѣтія и сѣлъ въ дорожную карету барона Леви, который ожидался графа. Леви обратился въ это время къ Гарлею.

— Вы позволите, конечно, милордъ, объяснить мистеру Эджертоу, въ какой степени его пріемышъ заслуживаетъ его привязанность и оправдываетъ попеченіе своего благодѣтеля. Впрочемъ, при этомъ не могу не припомнить, что хотя вы и скунили самыя срочныя и вопіющія обязательства мистера Эджертона, но я боюсь, что всего вашего состоянія не было бы довольно, чтобы распутать всѣ его сдѣлки, вслѣдствіе которыхъ онъ можетъ остаться бѣднякомъ.

— Баронъ Леви, отвѣчалъ Гарлей отрывисто: — если я простилъ мистера Эджертона, то развѣ вы не можете простить ему съ своей стороны?

— Нѣтъ, милордъ, я не могу простить ему. Онъ никогда не унижалъ васъ, онъ никогда не употреблялъ васъ орудіемъ для своихъ цѣлей и не стыдился вашего сообщества. Вы скажете, что я ростовщикъ, а онъ государственный человѣкъ. Но какъ знать, чѣмъ бы я былъ, не будь я побочнымъ сыномъ пера? Какъ знать, чѣмъ бы я былъ, если бы я женился на Норѣ Эвенелъ? Мое рожденіе, моя блѣдная, темная молодость, сознаніе, что онъ съ каждымъ годомъ повышается на поприщѣ административномъ, чтобы съ большими правами не допускать меня къ своему столу въ числѣ прочихъ гостей, что онъ, считавшійся образцомъ для джентльменовъ, сдѣлался лжецомъ и обманщикомъ въ отношеніи лучшаго изъ друзей, — удаляя меня отъ Одлея Эджертона, заставляли ненавидѣть его и завидовать ему. Вы, котораго онъ такъ оскорбилъ, протягиваете по прежнему ему руку, какъ великому государственному человѣку; прикосновенія ко мнѣ вы набѣгаете, какъ прикосновенія къ гаднѣ. Милордъ, вы можете простить тому, кого любите и о комъ сожалеете. Я не могу простить тому, кого ненавижу и кому завидую. Извините меня за мое упрямство. Я прощаюсь съ вами, милордъ.

Баронъ сдѣлалъ шагъ впередъ, потомъ воротился и сказалъ съ язвительною усмѣшкою:

— Но вы, безъ сомнѣнія, объясните мистеру Эджертоу, въ какой мѣрѣ я содѣйствовалъ обвиненію его пріемыша. Я думалъ о бездѣльномъ лордѣ въ то время, когда вы, можете быть, считали меня испуганнымъ вашими энергическими изслѣдованіями дѣла. Ха, ха! я увѣренъ, что это задѣнетъ его за живое!

Баронъ стиснулъ зубы въ припадкѣ сосредоточенной злобы, поспѣшно вошелъ въ карету, спустилъ сторы; кучеръ хлопнулъ бичемъ и карета скоро сирыхась изъ виду.

ГЛАВА СХІХ.

Одлей Эджертонъ сидѣлъ одинъ въ своей комнатѣ. Имъ овладѣлъ тяжелый, томительный сонъ вскорѣ послѣ того, какъ Гарлей и Равалль оставили домъ рано поутру, и сонъ этотъ продолжался вплоть до вечера. Одлей проснулся только тогда, когда ему привели записку отъ

Гарлея, возвѣщавшую объ успѣшномъ окончаніи для него выборовъ и заключающуюся словами:

«Прежде наступленія ночи ты обвинишь своего сына. Не сходи къ намъ, когда я возвращусь. Будь спокоенъ, мы сами придемъ къ тебѣ.»

Въ самомъ дѣлѣ, не зная всей важности болѣзни, гнавшейся въ организмъ Одлея и развившейся съ страшною быстротою, лордъ д'Эстренджъ все-таки хотѣлъ избавить своего друга отъ присутствіи при обвиненіи Рамдала.

Получивъ записку, Эджертоны встали. При мысли, что онъ увидитъ своего сына — сына Норы, болѣзнь его какъ будто исчезла. Но измученное раскаяніемъ и сомнѣніемъ сердце его сильно билось съ какими-то судорожными порывами. Онъ не обращалъ на это вниманія. Побѣда, которая возвращала его къ жизни, составлявшей до тѣхъ поръ единственную его заботу, единственную мечту, была забыта. Природа предъявляла свои требованія съ полнымъ презрѣніемъ къ смерти, съ полнымъ забвѣніемъ славы.

Такъ сидѣлъ этотъ человѣкъ, одѣтый съ обычною аккуратностію; черный сюртукъ его былъ застегнутъ до верха; фигура его, выражавшая всегда полное спокойствіе, совершенное самообладаніе, выказывала теперь нѣкоторое волненіе; болѣзненный румянецъ вспыхивалъ на его щекахъ, глаза его слѣдили за стрѣлкою часовъ, онъ слушалъ со вниманіемъ, не идетъ ли кто по корридолу. Наконецъ шумъ шаговъ достигъ его слуха. Онъ привсталъ, остановился на порогѣ. Неужели сердце его въ самомъ дѣлѣ перестанетъ одиночествовать? Гарлей вошелъ первый. Глаза Эджертона бѣгло окинули его и метомъ жадно впились въ отверстіе двери. Леонардъ слѣдовалъ за Гарлеемъ — Леонардъ Ферфильдъ, въ которомъ онъ видѣлъ нѣкогда себѣ соперника. Онъ началъ сомнѣваться, догадываться, припоминать, узнавать нѣжный образъ матери въ мужественномъ лицѣ сына. Онъ неловко приводилъ руки, готовясь обнять молодого человѣка — но Леонардъ медлилъ — глубоко вдохнулъ и думалъ, что онъ ошибся.

— Другъ, сказалъ Гарлей: — я привелъ къ тебѣ сына, испытаннаго судьбою и боровагося со всеми лишеніями, чтобы проложить себѣ дорогу. Леонардъ! въ человѣкѣ, въ пользу котораго я убѣждалъ васъ пожертвовать своимъ собственнымъ честолюбіемъ, о которомъ вы всегда отзывались съ такою восторженностію и уваженіемъ, котораго славное поприще имѣло васъ своимъ дѣятельнымъ сотрудникомъ, и котораго жизнь, не удовлетворявшуюся всеми этими почестями, вы будете услаждать сыновнею любовью — узнайте въ этомъ человѣкѣ супруга Норы Эвенель! Падите на колѣни передъ вашимъ отцомъ:.... Одлей, обними своего сына!

— Сюда, сюда, вскричалъ Одлей, когда Леонардъ упалъ на колѣни: — сюда, къ моему сердцу! Посмотри на меня этими глазами... какъ они кротки, какъ они полны любви и привязанности: это глаза твоей матери! И голова Одлея упала на плечо сына.

— Но это еще не все, продолжалъ Гарлей, подводя Галенъ и поставивъ ее подлѣ Леонарда. — Твоему сердцу предстоитъ еще новая привязанность; прими и полюби мою воспитанницу и дочь. Что пріятнаго въ семействѣ, если оно не украшено улыбкою женщины? Они любили другъ друга съ самаго дѣтства. Олей, пусть рука твоя соединитъ ихъ руки, пусть уста твои пронесутъ благословіе ихъ браку.

Леонардъ прервалъ его тревожнымъ голосомъ.

— О, сэръ... о, батюшка! я не хочу этой великодушной жертвы; онъ... онъ, предоставивъ мнѣ это неизъяснимое блаженство... онъ также любить Галенъ!

— Перестань, Леонардъ, отащай Гарлей съ улыбкою: — я не такъ мало о себѣ думаю, какъ ты полагаешь. Ты будешь, Олей, свидѣлемъ еще другой свадьбы. Человѣкъ, котораго ты такъ долго старался примирить съ жизнью, заставить промѣнять пустыя мечтанія на истинное, вещное благополучіе, и этого человѣкъ представить тебя своей невестѣ. Полюби ее для меня, полюби ее для собственнаго блага. Не я, а она была причиною моего воссоединенія съ дѣйствительнымъ міромъ, съ его радостями и надеждами. Я долго былъ ослѣпленъ, питалъ равнодушіе, злобу, ненависть къ людямъ, мучился раскаяніемъ... и имя Віоланты готово было сорваться съ языка его.

Эджертоузъ сдѣлалъ движеніе головою, какъ будто готовясь отвѣчать; всѣ присутствовавшіе были удивлены и испуганы внезапною переменою, которая произошла въ лицѣ его. Взоръ его подернулся облакомъ, грусть напечатлѣлась на челѣ его, губы его напрасно старались произнести какое-то слово; онъ упалъ на кресло, стоявшее подлѣ. Лѣвая рука его неподвижно лежала на сверткахъ дѣловыхъ бумагъ и официальныхъ документовъ, и пальцы его механически играли ими, какъ играетъ умирающій своимъ оцѣдомъ, готовый промѣнять его на саванъ. Правая рука его, какъ будто во мракѣ ночи, искала прикоснуться къ любимому сыну и, найдя его, старалась привлечь его ближе и ближе. Увы! счастливая семейная жизнь, этотъ запертый центръ человѣческаго существа — эта цѣль, къ которой онъ такъ долго стремился со всякаго рода лишеніями, ускользнула отъ него въ то самое время, какъ онъ считалъ ее достигнутою, исчезла, какъ исчезаютъ на поверхности моря круги отъ брошеннаго камня: не услышишь услѣдить за ихъ измѣнчивыми очертаніями, какъ они уже расплылись въ безконечность.

ГЛАВА СХХ.

Рандакъ Десли поздно вечеромъ въ тотъ день, какъ оставилъ Ленсмеръ-Паркъ, пришелъ пѣшкомъ къ дому своего отца. Онъ сдѣлалъ длинное путешествіе посреди мрака и тишины зимней ночи. Онъ не чувствовалъ усталости, пока неурядный, бѣдный домъ не напомнилъ

ему о его безвыходной бѣдности. Онъ упалъ на постель, сознавая свое ничтожество, сознавая, что онъ самая жалкая развалина среди развалинъ человѣческаго честолюбія. Онъ не разсказалъ своимъ родственникамъ о всемъ происшедшемъ. Несчастный человѣкъ—ему некому было вѣрить свои горести, не отъ кого было выслушать строгую истину, которая могла бы принести ему утѣшеніе и возбудить въ немъ раскаяніе. Проведя нѣсколько недѣль въ совершенномъ уныніи и не произнося почти ни слова, онъ оставилъ отцовскій домъ и возвратился въ Лондонъ. Внезапная смерть такого человѣка, какъ Эджертона, даже въ тѣ безпокойныя времена, произвела сильное, хотя кратковременное впечатлѣніе. Подробности выборовъ, сообщавшіяся въ провинціальныя листкахъ, перепечатывались въ лондонскіе журналы; сюда вошли замѣтки о поступкахъ Рандаля Лесли въ засѣданіи комитета съ колкими обвиненіями его въ эгоизмъ и неблагодарности. Весь политическій кругъ, безъ различія партій, составилъ себѣ о бѣдномъ клиентѣ государственнаго человѣка одно изъ тѣхъ понятій, которыя набрасываютъ тѣнь на весь характеръ и ставятъ неодолимую преграду честолюбивымъ стремленіямъ. Важные люди, которые прежде оказывали, ради Одея, вниманіе Рандалю и которые при малѣйшемъ покровительствѣ со стороны судьбы, могли бы возвысить его карьеру, проходили мимо его по улицамъ, не удостоивая его поклономъ. Онъ не осмѣливался уже напоминать Эвелию объ обѣщаніи его поддержать его при послѣдующихъ выборахъ за Лэнсмеръ, не смѣлъ мечтать о занятіи вакансіи, открывшейся со смертію Эджертона. Онъ былъ слишкомъ смѣтливъ, чтобы не увѣриться, что всѣ надежды его на представительство замѣстечко исчезли. Теряясь въ обширной столицѣ, какъ нѣкогда терялся въ ней Леонардъ, онъ точно также подолгу стоялъ на мосту, глядя съ тупымъ равнодушіемъ на поверхность рѣки, какъ будто манившей его въ свои влажныя нѣдра. У него не было ни денегъ, ни связей — ничего, кромѣ собственныхъ способностей и познаній, чтобы пробивать дорогу къ той высшей сферѣ общества, которая прежде улыбалась ему такъ благосклонно; а способности и познанія, которыя онъ употребилъ на то, чтобы оскорбить своего благодѣтеля, навлекли на него только болѣе явное пренебреженіе. Но и теперь судьба, которая нѣкогда осыпала своими благами бѣднаго наслѣдника Руда, послала ему въ удѣлъ совершенную независимость, пользуясь которой, при неутомимыхъ трудахъ, онъ могъ бы достигнуть если не самыхъ высокихъ мѣстъ, то по крайней мѣрѣ такого общественнаго положенія, которое заставило бы свѣтъ руководствоваться его мнѣніями и, можетъ быть, даже оправдать его прежніе поступки. 5,000 фунтовъ, которые Одей завѣщалъ ему партикулярнымъ актомъ, съ тѣмъ, чтобы поставить эту сумму внѣ законныхъ условій, были выплачены ему адвокатомъ Гэстренджа. Но эта сумма показалась ему столь малою въ сравненіи съ неуторенными надеждами, которыхъ онъ лишился, и дорога къ возвышенію представлялась ему теперь такою длинною и утомительною послѣ того, какъ онъ былъ разъ у ея исхода, что Рандаля

смотрѣлъ на это неожиданно доставшееся ему наслѣдство, какъ на предлогъ не принимать на себя никакой обязанности, не избирать никакой серьезной дѣятельности. Узвляемый постоянно тѣмъ рѣзкимъ контрастомъ, который его прежнее положеніе въ англійскомъ обществѣ составляло съ настоящимъ положеніемъ, онъ поспѣшилъ уѣхать за границу. Тамъ изъ желанія ли развлечься, прогнать томившую его мысль, или по ненасытной жадѣ узнать ближе, извѣдать достоинство незнакомыхъ предметовъ и неиспытанныхъ наслажденій, Рандаля Лесли, бывшій до тѣхъ поръ равнодушнымъ къ обыкновеннымъ удовольствіямъ молодости, вступилъ въ общество игроковъ и пьяницъ. Въ этой компаніи дарованія его постепенно исчезали, а направленіе ихъ къ интригамъ и разнымъ предосудительнымъ предпріятіямъ только унижало его въ общественномъ мнѣніи. Падал такимъ образомъ шагъ за шагомъ, проматывая свое состояніе, онъ совершенно былъ исключенъ изъ того круга, гдѣ самые отвѣренные моты, самые безнравственные картежники все-таки сохраняютъ манеры и тонъ джентльменовъ. Отецъ его умеръ, заброшенное имѣніе Рудъ досталось Рандалю, но кромѣ расходовъ на приведеніе его въ какой бы то ни было порядокъ, онъ долженъ былъ выплатить деньги, причитавшіяся брату, сестрѣ и матери. За тѣмъ едва ли что могло остаться въ его пользу. Надежда возстановить фамилію и состояніе предковъ давно для него миновала. Онъ написалъ въ Англію, поручая продать все свое имущество. Ни одинъ изъ богатыхъ людей не явился, впрочемъ, на аукціонъ, не цѣня высоко продававшася имѣнія. Все оно пошло частями въ разныя руки. Самый домъ былъ купленъ на свозъ.

Вдова, Оливеръ и Джульета поселились въ какомъ-то провинціальномъ городкѣ другого графства. Джульета вышла за мужъ за молодого офицера и вскорѣ умерла отъ родовъ. Мистриссъ Лесли немногимъ пережила ее. Оливеръ поправилъ свое маленькое состояніе женитьбою на дочери какаго-то лавочника, который накопилъ нѣсколько тысячъ фунтовъ капитала. Долго послѣ продажи Руда не было никакихъ слуховъ о Рандалѣ; говорили только, что будто онъ выбралъ себѣ для жительства или Австралію, или Соединенные Штаты. Впрочемъ, Оливеръ сохранялъ такое высокое мнѣніе о дарованіяхъ своего брата, что не терялъ надежды, что Рандаля когда нибудь воротится богатымъ и значительнымъ, какъ какой нибудь дядюшка въ комедіи; что онъ возвыситъ падшую фамилію и преобразитъ въ граціозныхъ леди и ловкихъ джентльменовъ тѣхъ грязныхъ мальчишекъ и оборванныхъ дѣвчонокъ, которые толпились теперь вокругъ обѣденнаго стола Оливера, предъявляя ашпетитъ совершенно несоразмѣрный ихъ росту и дородству.

Въ одинъ зимній день, когда жена и дѣти Оливера вышли изъ за стола и самъ Оливеръ сидѣлъ, попивая изъ кружки плохой шотландскій, и разсматривалъ несовѣстнъ утѣшительные денежныя счета; тощая лягавая собака, лежавшая у огня на дырвоу тюфакѣ, вскочила и залаяла съ остервененіемъ. Оливеръ поднялъ свои мутныя голубыя глаза и увидалъ прямо противъ себя въ оконномъ стеклѣ человеческое

лицо. Лицо это совершенно насапало стена и отъ дыханія смотрѣннаго узору, нарисованныя мороземъ, постепенно исчезали и стекла болѣе и болѣе тускнѣли.

Оливеръ, встревоженный и разсерженный, принявъ этого нещрошеннаго наблюдателя за макого нибудь дерамаго забилку и меншонника, вышелъ изъ комнаты, отворилъ наружную дверь и просилъ незнаменца оставить его домъ въ поможь; между тѣмъ собака еще мѣше учтиво ворчала на незнакомца и даже хватала его за шеры. Тогда хриплый голосъ проманилъ: «Развѣ ты не узнаешь меня, Оливеръ? я братъ твой Рандаль! Умни свою собаку и позволь мнѣ войти къ тебѣ.» Оливеръ отступилъ къ шаумленію: онъ не смѣлъ зѣрнуть глазами, не могъ узнать брата въ мрачномъ, испитомъ шаракѣ, который стоялъ передъ нимъ. Наконецъ онъ приблизился, посмотрѣлъ Рандалью въ лицо и, схвативъ его руку, не произнесъ ни слова, привелъ его въ свою маленькую комнату.

Въ наружности Рандала не осталось и слѣда того изящества и благососитанности, которыя отличали прежде его личность. Одежда его говорила о той крайней ступени нищеты, на которую онъ низощелъ. Лицо его было похоже на лицо бродяги. Когда онъ снялъ съ себя измятую, истертую шляпу, голова его овадалась преждевременно носѣдѣшею. Волосы его, нѣкогда столь прекрасныя цвѣтомъ и шелковистые, отсвѣчивали какии-то желѣзными проблескомъ сѣдины и падали неровными, сбитыми прядями; на челѣ и лицѣ его лежали рады морщинъ; умъ его по прежнему довольно рѣзко вынаывался наружу, но это былъ умъ, который внушалъ только описаніе — это былъ умъ мрачный, умный, угрожающій.

Рандаль не отвѣчалъ ни на какіе вопросы. Онъ схватилъ со стола бутылку, въ поворѣй оставалось еще немного вина и осушилъ ее однимъ глоткомъ.

— Фу, проманилъ онъ, отплеывалась: — неумели у васъ нѣтъ ничего, что бы не больше согрѣвало человека?

Оливеръ, дѣйствовавшій какъ будто подъ вліяніемъ страшнаго сна, водощелъ къ каману и вынулъ оттуда бутылку водки, почти полную. Рандаль жадно ухватился за нее и приложилъ губы къ горлышку.

— А, сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія: — это другое дѣло, это удовлетворяетъ. Теперь дай мнѣ ѣсть.

Оливеръ самъ поснѣшилъ служить брату: дѣло въ томъ, что ему не хотѣлось, чтобы даже его заспанная служанка видѣла его гостя. Когда онъ воротился съ кое-какими объѣдами, которые можно было достать на кухнѣ, Рандаль сидѣлъ у камана, расправивъ надъ потухающимъ пепломъ свои костлявыя пальцы, похожіе на когти коршуна.

Онъ съ необыкновенною прожорливостію съѣлъ все, что было принесено изъ остатковъ объѣда, и почти осушилъ бутылку. Но это нисколько не прогнало его улыніа. Оливеръ стоялъ возлѣ него въ накомъ-то тумомъ удивленія и страхъ; собака отъ времени до времени подовѣрчало скалила зубы.

— Я тебѣ расскажу свою исторію, произошедъ наконецъ Рандаля нѣгода. — Она не длинна. Я думалъ важить состояніе — и разорился, у меня нѣтъ теперь ни пенни и ни малѣйшей надежды на возможность поправиться. Ты, кажется, самъ бѣдешь, следовательно не можешь помогать мнѣ. Позволь, но крайней мѣрѣ, помочь у тебя нѣсколько времени, иначе мнѣ негдѣ будетъ приложить голову и придется умереть съ голоду.

Оливеръ прослезился и просилъ брата поселиться у него.

Рандаль жилъ нѣсколько недѣль въ домѣ Оливера, ни разу не выйдя за порогъ; оиъ, казалось, не замѣчалъ, что Оливеръ снабдилъ его новымъ готовымъ платьемъ, хотя надѣвалъ это платье безъ заарѣвннхъ софистствъ. Но скоро присутствіе его сдѣлалось нестерпимымъ для хозяйки дома и отвѣсительнымъ для самого хозяина. Рандаль, который нѣкогда былъ до того воздержанъ, что самое умѣренное употребленіе вина считалъ вреднымъ для разсудка и воображенія, теперь получилъ привычку пить ярѣнкіе напитки во всякій часъ дня. Но хотя они приводили его иногда въ состояніе оубаненія, никогда, впрочемъ, не расхолаживали его сердца къ откровенности, никогда не прогоняли мрачной души съ чела его. Если оиъ потерялъ теперь премную остроту ума и даръ наблюдательности, зато вполне сохранилъ способность притворяться и лицемерять. Мистриссъ Оливеръ Десли, бывшая съ нимъ сначала осторожною и молчаливою, вскорѣ сдѣлалась суха и холодна, потому стала позволять себѣ непріятныя намеки и насмѣшки, наконецъ стала высказывать грубости. Рандаль немного оскорблялся всѣмъ этимъ и не давалъ себѣ труда возражать; но принужденный смѣхъ, которымъ оиъ заключалъ всякую подобную выходку, такъ нестерпимо звучалъ въ ухахъ мистриссъ Десли, что она разъ прибѣжала къ мужу и объявила, что или она сама или братъ его долженъ оставить ихъ домъ. Оливеръ старался ее усмирить и утѣшить; черезъ нѣсколько дней оиъ пришелъ къ Рандалю и сказалъ ему съ робостію:

— Ты видишь, что все, чѣмъ я владѣю, принадлежитъ собственнотонѣ моему, а ты между тѣмъ не хочешь съ нею поладить. Твое присутствіе дѣлается тебѣ столь же тягостнымъ, сколько и мнѣ. Я бы желала тебѣ помочь какъ нибудь, я думала тебѣ сдѣлать предложеніе.... только съ перваго взгляда это покажется слишкомъ ничтожнымъ и вредъ....

— Передъ чѣмъ? прервалъ Рандаль съ наглостію: — передъ тѣмъ, что я былъ прежде или что я теперь? Ну, говори же!

— Ты человекъ ученый; я слыхала, что ты очень хорошо разсуждаешь о наукахъ; можетъ быть, ты и теперь въ состояніи возгаться съ книгами; ты еще молодъ и негъ бы податься.... и....

— Фу, ты, пропасть! Да говори же скорѣе то или другое! вскричалъ Рандаль грубымъ тономъ.

— Дѣло въ томъ, продолжалъ бѣдный Оливеръ, старался сдѣлать предложеніе свое не столь рѣвкимъ и страннымъ, какими оно представлялось ему первоначально: — что мужъ нашей сестры, какъ ты зна-

енъ, племянникъ доктора Фельпема, который содержитъ очень хорошую школу. Онъ самъ не ученъ и занимается болѣе преподаваніемъ ариѳметики и бухгалтеріи, но ему нужно учителя для классическихкихъ языковъ, потому что нѣкоторые изъ молодыхъ людей идутъ въ коллегіи. Я написалъ къ нему, чтобы разузнать объ условіяхъ; я конечно не называлъ твоего имени, не будучи увѣренъ, согласишься ли ты. Онъ, безъ сомнѣнія, уважитъ мою рекомендацію. Квартира, столъ, пятьдесятъ фунтовъ въ годъ... однимъ словомъ, если ты захочешь, ты можешь получить это мѣсто.

При этихъ словахъ Рандаля затрепеталъ всѣмъ тѣломъ и долго не могъ собраться отвѣчать.

— Хорошо, быть такъ; я принужденъ на это согласиться. Ха, ха! да, знаніе есть сила! Онъ помолчалъ нѣсколько минутъ. — Итакъ, нашъ старый Голль не существуетъ, ты сдѣлался торгашомъ провинціального городка, сестра моя умерла, и я отнынѣ — никто другой, какъ Джонъ Смитъ. Ты говоришь, что не называлъ меня по имени содержателю пансіона, пусть оно и останется для него неизвѣстнымъ; забудь и ты, что я нѣкогда былъ однимъ изъ Лесли. Наши братскія отношенія должны прекратиться, когда я оставлю твой домъ. Наними своему доктору, который смыслитъ одну ариѳметику, и отрекомендуй ему учителя латинскаго и греческаго языковъ. Джона Смита.

Черезъ нѣсколько дней *protégé* Оддея Эджертова вступилъ въ должность преподавателя одной изъ обширныхъ, дешевыхъ школъ, которыя приготавливаютъ дѣтей дворянъ и лицъ духовнаго сословія къ ученому поприщу, съ гораздо значительнѣйшею примѣскою сыновей торговцевъ, предназначающихъ себя для службы въ конторахъ, лавкахъ и на биржахъ. Тамъ Равдатель Лесли, подъ именемъ Джона Смита, живетъ до сихъ поръ.

Между тѣмъ какъ, такъ называемое, повѣтическое правосудіе развивалось изъ плановъ, въ которыхъ Рандаля Лесли истощилъ свой необрѣтательный расудокъ и преградилъ себѣ дорогу къ счастью, никакіе видимые признаки воздаянія не обнаруживались въ отношеніи злѣйшаго изъ интригантовъ, барона Леви. Ни разу паденіе фондовъ не успѣло потратить зданіе, возведенное имъ изъ развалинъ домовъ другихъ людей. Баронъ Леви все тотъ же баронъ Леви, только сдѣлался милліонеромъ; впрочемъ, въ душѣ своей онъ едва ли не сознаетъ себя болѣе несчастнымъ, чѣмъ Рандаля Лесли, школьный учитель. Леви человекъ, внесшій сильныя страсти въ свою житейскую философію; у него не такая холодная кровь, не такое черствое сердце, которыя бы дѣлали его организмъ нечувствительнымъ къ волненіямъ и страданіямъ. Лишь только старость настигла великосвѣтскаго ростовщика, онъ влюбился въ хорошенккую оперную танцовщицу, которой маленькія ножки вскружили вѣтряныя головы почти всей парижской и лондонской молодежи. Довкая танцовщица держала себя очень строго въ отношеніи къ влюбленному старику и, не поддавая его страстнымъ убѣжденіямъ, вставила его жениться на ней. Съ этой минуты домъ

его, *Louis Quinze*, сталъ наполняться болѣе, чѣмъ когда нибудь толпами высокородныхъ дѣнди, которыхъ сообщества онъ прежде такъ жадно добивался. Но это знакомство вскорѣ сдѣлалось для него источникомъ неизъяснимыхъ мученій. Баронесса была кокетка въ полномъ смыслѣ этого слова, и Леви, въ которомъ, какъ намъ уже извѣстно, ревность была господствующею страстью — испытывалъ непрерывную тревогу. Его неуваженіе къ человѣческому достоинству, его невѣріе въ возможность добродѣтели — только содѣйствовали развитію въ немъ подозрѣнія и вызывали, какъ нарочно, опасности, которыхъ онъ наиболѣе боялся. Вдругъ онъ оставилъ свой великолѣпный домъ, уѣхалъ изъ Лондона, отказался отъ общества, въ которомъ могъ блеснуть своимъ богатствомъ, и заперся съ женою въ деревнѣ одной изъ отдаленныхъ провинцій; тамъ онъ живетъ до сихъ поръ. Напрасно старается онъ заняться сельскимъ хозяйствомъ; для него только тревоги жизни въ столицѣ, со всѣми ея пороками и излишествами, представляли нѣкоторую тѣнь отрады, нѣкоторое подобіе того, что онъ называлъ «удовольствіемъ». Но и въ деревнѣ ревность продолжаетъ преслѣдовать его; онъ бродитъ около своего дома съ блуждающимъ взоромъ и осторожностію вора; онъ стережетъ жену точно пльниццу, потому что она ждетъ только удобнаго случая, чтобы убѣжать. Жизнь человѣка, отворившаго тюрьму для столь многихъ людей, есть жизнь тюремнаго сторожа. Жена ненавидитъ его и не скрываетъ этого. Между тѣмъ онъ робко расточаетъ ей подарки. Привыкнувъ къ самой необузданной свободѣ, требуя постоянныхъ рукопожатій и одобреній какъ чего-то должнаго, будучи безъ всякаго образованія, съ умомъ дурно направленнымъ, выражаясь грубо и отличаясь самымъ неукротимымъ характеромъ, прекрасная фуриа, которую онъ привелъ въ свой домъ, презрѣла этотъ домъ въ настоящій адъ. Леви не смѣетъ признаться никому, сколько онъ тратитъ денегъ, онъ жалуется на неудачи и нищету съ тѣмъ, чтобы извинить себя въ глазахъ жены, которую онъ лишилъ всѣхъ удовольствій. Темное сознаніе владычествія пробуждается въ душѣ его и рождаетъ раскаяніе, которое еще болѣе терзаетъ его. Раскаяніе это есть слѣдствіе суевѣрія, а не религіознаго убѣжденія; оно не приноситъ съ собою утѣшенія истиннаго раскаянія. Леви не старается облегчить свои страданія, не думаетъ искупить свои воступки какими нибудь добрымъ дѣломъ. Между тѣмъ богатства его растутъ и принимаютъ такіе размѣры, что онъ не можетъ совладѣть съ ними.

Графъ ди-Пешьера не ошибся въ расчетѣ, показавъ видъ раскаянія и прибѣгнувъ къ великодушію своего родственника. Онъ получилъ отъ щедрнаго герцога Серрано ежегодную пенсію, соответствовавшую его азанію и ему снова дозволенъ былъ вѣздъ въ Вѣну. Но на слѣдующее же лѣто, послѣ пребыванія его въ Лансмерѣ, карьера его внезапно окончилась.

Въ Баденъ-Баденѣ онъ началъ ухаживать за богатой и хорошею собою полькой, вдовой. Репутация, которой она пользовалась, оже-

гнала отъ нея воѣтъ поклонниковъ, исключая молодого француза, но торѣй былъ столь же смѣлъ какъ Пешьера и влюбленъ охотною ею. Сомерники предложили другъ другу дуэль. Пешьера звалъ на шлово поединка съ обычнымъ кладнокровіемъ, наѣзая овернуу арію, и оморѣлъ съ такимъ веселымъ видомъ на дуло пистолета, что нервы француза растроились, несмотря на его храбрость. Спустивъ курокъ прежде, нежели онъ успѣлъ прицѣлиться, французъ, изъ величайшему удивленію, попалъ графу въ сердце и убилъ его наповалъ.

Беатриче ди-Негра, послѣ смерти брата, жила нѣсколько лѣтъ въ совершенномъ уединеніи, переселившись въ монастырь, но, впрочемъ, не постригалась въ монахини, какъ предполагала прежде. Дѣло въ томъ, что припомиравшая къ нравамъ и образу жизни сестеръ, она убѣждалась, что мірскія страсти и озабоченія о прошломъ (исключая самыхъ рѣдкихъ натуръ) прокладываютъ себѣ дорогу нивозъ желѣзныя рѣшетки и черезъ высокія стѣны. Наконецъ она избрала себѣ пребываніе въ Римѣ, гдѣ извѣстна не только очень страданъ образомъ живши, но и дѣятельною благотворительностію. Ее не могли уговорить принять богѣ четвертой части той пенсіи, которая назначена была ей брату; но у нея было и мало потребностей кромѣ потребности благотворенія; а когда благотворительность дѣятельна, то она извлекаетъ много пользы и изъ небольшого количества золота. Маргина не появляется въ блестящихъ, шумныхъ собраніяхъ; ее окружаютъ небогатѣе, но избранное общество художниковъ и ученыхъ. Червынъ наслаженіемъ она составляетъ помогать какому нибудь талантливому юности, особенно если онъ извоветъ своимъ отечествомъ Англію.

Сивайръ и супруга его все еще проживаютъ въ Гезельденѣ, гдѣ капитанъ Бернебестъ Гиддлинботамъ поселился окончательно. Комитанъ сдѣлался страшнымъ инхондарникомъ, но онъ развѣстаетъ оны времена до времени; когда слышитъ, что въ семействѣ мистера Шарпа Бѣрри есть больной, тогда онъ повторяетъ въ поголося: «если бы ян семоро дрянныхъ ребятишекъ отправился на тотъ свѣтъ, у меня были бы большія надежды въ будущемъ». Зи подобныя желанія сивайръ дѣлаетъ ему обыкновенно строгій выговоръ, а пасторъ съ важностию провозноситъ утѣщаніе. Хотя капиталъ и отпачиваетъ за это обещанъ три раза въ недѣлю за вистомъ, но пасторъ уже не бываетъ постояннымъ партнеромъ капитана, такъ какъ нѣтъше садится играть на боной части старинный врагъ и собѣдъ сивайра, мистеръ Стикторейтсъ. Сражалась такимъ образомъ одинъ, безъ помощи капитана, пасторъ съ печальнымъ удивленіемъ замѣчаетъ, что счастье повернулось къ нему опшно, и что онъ выигрываетъ теперь рѣже, чѣмъ прежде выигрывалъ. Къ счастью, это единственная тревога — исключая принадлежнхъ истерики у мистриссъ Дэль, къ которымъ онъ, впрочемъ, совершенно привыкъ — томрачающая асую стѣною жизни пастора. Мы должны теперь объяснить, какимъ образомъ мистеръ Стикторейтсъ занялъ мѣсто за карточнымъ столомъ въ Гезельденѣ. Франкъ поселился въ Кавино съ женою, которая характеромъ совершенно подходитъ къ нему;

жема эта была мысль Стикторейтса. Только два года спустя послѣ потери Беатриче, Франкъ началъ забывать свое горе; умъ его потерялъ прежнюю ширинность и беззаботность, за то онъ сдѣлался умѣреннѣе въ желаніяхъ и разсудительнѣе. Привязанность, хотя бы дурно выбранная и неудачно направленная, все-таки подвигаетъ впередъ воспитаніе человѣка. Франкъ сдѣлался положительнѣе и серьезнѣе; посѣтивъ однажды Гезельденъ, онъ встрѣтилъ мысль Стикторейтса на одномъ изъ деревенскихъ базаровъ. Молодые люди почувствовали симпатію другъ къ другу, можетъ быть, именно вслѣдствіе вражды, которая существовала между ихъ семействами. Свадьба, которая совершенно было устроена, была отложена вслѣдствіе возникшаго между родителями спора о правѣ на дорогу. Но къ счастью преніе это было прекращено замѣчаніемъ мистера Дэля, что когда оба имѣнія, вслѣдствіе предполагаемаго брака дѣтей, составятъ одно цѣлое, то поводъ къ тяжбѣ самъ собою уничтожится, ибо человѣкъ не имѣетъ обыкновенія тягаться съ самимъ собою. Впрочемъ, мистеръ Стикторейтсъ и мистеръ Гезельденъ включили въ контрактъ особую оговорку (котора адвокаты и увѣрали ихъ, что она не можетъ имѣть законной силы), по смыслу которой, въ случаѣ неизмѣнна наследниковъ отъ предполагаемаго брака, участокъ Стикторейтса долженъ будетъ перейти къ такому нибудь члену фамиліи Стикторейтса, и право на дорогу изъ лѣсу черезъ болото будетъ подлежать тяжбному разбирательству на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ какъ и теперь. Впрочемъ, трудно предположить, чтобы подобная тяжба могла возникнуть съ похвальной цѣлью разорить грядущихъ наследниковъ, потому что у Франка два сына и двѣ дочери играютъ уже на террасѣ, на которой Джакотто поливалъ вѣтвѣ померанцовыя деревья, и бѣгаютъ на бельведерѣ, на которомъ Рикабонна изучала вѣтвѣ Джоконды Микеланджели.

Рикабонна долго не могъ привыкнуть къ роскоши, которая снова стала окружать его, и къ титулу герцога. Джемма гораздо скорѣе освоилась съ новымъ положеніемъ, но удержала сердечную протесту, которая отличала ее въ Гезельденѣ. Крестьяне и протестанты любятъ ее безъ ума. Она особенно некровителствуетъ молодымъ, старается устраивать свадьбы и нуждающихся надѣлаетъ приданымъ. Герцогъ, продолжая остеречь насчетъ женщинъ и женитьбы, не менѣе того одинъ изъ очаровательнѣйшихъ мужей на свѣтѣ. Любимое занятіе его составляетъ воспитаніе сына, котораго Джемма подарила ему вскорѣ послѣ возвращенія его на родину.

Герцогъ постоянно желалъ узнать, что сдѣлалось съ Рандалемъ. Однажды — за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, какъ Рандаля опредѣлили школьнымъ учителемъ — герцогъ, осматривая генуэзскій госпиталь, съ собственною ему наблюдательностію въ отношеніи всего, исключая его собственной особы, замѣтилъ въ углу сидящаго человѣка, и такъ какъ лицо Рандаля въ это время еще не очень измѣнилось, то посмотрѣвъ на него пристально, герцогъ тотчасъ узналъ въ немъ несчастнаго ватюшка Итонской школы.

— Это англичанинъ, сказалъ бывший тутъ дежурный чиновникъ. — Его принесли сюда безъ чувствъ. Онъ получилъ, какъ мы узнали, опасную рану въ голову на дуэли съ известнымъ всѣмъ *chevalier d'industrie*, который объявилъ, что противникъ обманывалъ и обиралъ его при всякомъ удобномъ случаѣ. Впрочемъ, это не совсѣмъ правдоподобно, продолжалъ чиновникъ: — потому что мы нашли на больномъ лишь нѣсколько кронъ, и онъ долженъ былъ оставить свою квартиру, не будучи въ состояніи платить за нее. Онъ выздоравливаетъ, но лихорадка все еще продолжается.

Герцогъ молча смотрѣлъ на спящаго, который метался на жесткой кровати и что-то бормоталъ едва внятными голосомъ; потомъ онъ положилъ въ руку дежурному кошелекъ.

— Отдайте это англичанину, но не говорите ему моего имени. Правда, совершенная правда, пословица справедлива! рассуждалъ самъ съ собою герцогъ, сходя съ лѣстницы. *Più pelli di volpi che di asini tanto in Pellicceria* (не ослиныя, а лисья шкуры попадаютъ больше къ скорняку.)

Докторъ Морганъ продолжаетъ прописывать пилюли отъ тоски и капли отъ меланхоліи. Число его пациентовъ значительно увеличилось, и подъ его неутомимымъ надзоромъ больные живутъ столько, сколько угодно Провидѣнію. Ни одинъ изъ аллопатовъ не въ состояніи взять на себя бѣдшаго.

Смерть бѣднаго Джона Борлей не осталась неотмѣченной въ литературныхъ лѣтописяхъ. Похвалы, которыхъ онъ не дождался при жизни, посыпались теперь щедро, и въ Кенсолъ-Гривъ ему воздвигнуть по подпискѣ прекрасный монументъ. Будь у него жена и дѣти, имъ была бы оказана необходимая помощь. Любители литературы цѣлые мѣсяцы рылись въ бібліотекахъ и собирали его юмористическія сочиненія, анекдоты, фантастическіе рассказы и образцы краснорѣчія, которое вѣкогда оглашало дымныя таверны и залы грязныхъ клубовъ. Леонардъ собралъ его сочиненія, разбросанныя по разнымъ повреженнымъ изданіямъ. Они заняли мѣста на полкахъ главнѣйшихъ бібліотекъ, хотя предметы, избранные авторомъ, имѣли слишкомъ мгновенный интересъ и обрабатывались какимъ-то страннымъ, причудливымъ образомъ. Эти образцы литературной дѣятельности не могли сдѣлаться ходячею монетою мышленія; на нихъ любители смотрѣли какъ на своего рода рѣдкость. Бѣдный Борлей!

Дикъ Эвенель не вышелъ изъ Парламента такъ скоро, какъ предполагалъ прежде. Онъ не могъ убѣдить Леонарда, въ которомъ жажда политическаго возвышенія была утолена у источника музъ, занять его мѣсто въ Сенатѣ; а онъ сознавалъ, что семейству Эвенелей необходимо имѣть представителя. Онъ началъ вслѣдствіе того употреблять большую часть своего времени на служеніе интересамъ Серьюстоуна, нежели на дѣла своей родины и успѣлъ уничтожить совѣстничество, которому долженъ былъ подвергнуться, тѣмъ, что сдѣлалъ изъ своего соперника дѣятельнаго участника въ своихъ интересахъ. Приобрѣта та-

нимъ образомъ монополию въ Сараястоушѣ, Дикъ обратился къ своимъ прежнимъ убѣжденіямъ въ пользу свободной торговли. Онъ дѣлается образцомъ для стараго поколѣнія помѣщиковъ и во великомъ случаѣ можетъ быть названъ однимъ изъ тѣхъ просвѣтителей деревень, которыхъ создается тѣсное соединеніе предприимчиваго ума и значительнаго капитала.

Права рожденія Леонарда были безъ труда доказаны и никто не рѣшился ихъ оспаривать. Часть наслѣдства, перешедшая къ нему отъ отца, вмѣстѣ съ суммою, которую Эвелинъ выплатилъ ему за патентъ на сдѣланное имъ изобрѣтеніе, и приданнымъ, которое Гарлей назначилъ Геленъ противъ ея воли, привели молодую чету къ той золотой срединѣ, которая не испытываетъ лишеній бѣдности и не знаетъ тревогъ и обязанностей, сопряженныхъ съ большимъ состояніемъ. Смерть отца сдѣлала глубокое впечатлѣніе на душу Леонарда; но убѣжденіе, что онъ родился отъ человѣка, пользовавшагося такою завидною славой и занимавшаго такое видное мѣсто въ обществѣ, не только не развивало, но уничтожало въ немъ честолюбіе, которое довольно долгое время отвлекало его отъ любимыхъ его стремленій. Ему не нужно было добиваться званія, которое сравнано бы его съ званіемъ Геленъ. У него не было родственника, котораго любовь онъ могъ бы списать своими успѣхами въ свѣтъ. Воспоминаніе о прежней сельской жизни, склонность къ уединенію — при чемъ привычка содѣйствовала естественному влеченію—заставляли его уклоняться отъ того, что человѣкъ, болѣе привязанный къ свѣту, назвалъ бы завидными преимуществами иными, дозволявшаго ему доступъ въ высшія сферы общественной жизни.

Леонардъ видѣлъ прекрасный памятникъ, воздвигнутый на могилѣ Норы, и надпись, сдѣланная на немъ, оправдывала бѣдную женщину во мнѣніи людей. Онъ съ жаромъ обнялъ мать Норы, которая съ удовольствіемъ признала въ немъ внука; даже самъ старый Джонъ особенно разчувствовался, вида, что тяжелая тоска, лежавшая на сердцѣ жены его, теперь расцвѣлась. Опираясь на плечо Леонарда, старикъ уныло глядѣлъ на гробницу Норы и говорилъ въ полголоса:

— Эдмертонъ! Эдмертонъ! Леонора, первая супруга достопочтеннаго Одея Эдмертона! А я подавалъ за него голосъ. Она выбрала себѣ настоящій цѣтъ, какой слѣдовало. Неужели это то самое число? Неужели она умерла такъ давно? Правда! правда! Жаль, что она нѣтъ съ нами. Но жена говоритъ, что мы увидимся скоро съ нею; я всегда те же думалъ самъ, можно ей прежде было опираться. Благодарю васъ, сэръ. Я человѣкъ бѣдный, но слезы эти не тяготятъ меня; напротивъ, не знаю почему, но я чувствую себя особенно счастливымъ. Гдѣ моя старуха? Я думаю она не знаетъ, что я теперь только я толкую, что про Нору. А! вотъ она. Благодарю васъ, сэръ; я лучше возьмусь за руку моей старухи, я больше привыкъ къ ней, и.... жена, скоро ли мы поѣдемъ къ Норѣ?

Леонардъ привелъ мистриссъ Ферфильдъ повидаться съ своими родными и мистриссъ Эвель привѣтствовала ее съ особенною нѣжностію. Имя, начертанное на гробницѣ Норы, расположило сердце матери въ пользу оставшейся дочери. Бѣдный Джонъ повторялъ часто: «Теперь она можетъ говорить о Норѣ» и въ самомъ дѣлѣ при подобныхъ разговорахъ, она сама и дочь ея, которую она оставляла такъ долго въ пренебреженіи, убѣдились, сколько между ними было общаго. Такъ, когда вскорѣ послѣ женитьбы съ Геленъ, Леонардъ уѣхалъ за границу, Джэнь Ферфильдъ осталась жить съ стариками. Послѣ смерти ихъ, которая послѣдовала въ одинъ и тотъ же день, она отказалась, можетъ быть, изъ самолюбія, поселиться съ Леонардомъ, но наняла себѣ квартиру вблизи отъ дома, который онъ впоследствии купилъ себѣ въ Англіи. Леонардъ оставался за границею нѣсколько лѣтъ. Будучи спокойнымъ наблюдателемъ обычаевъ и умственного развитія народовъ, глубоко, внимательно изучая памятники, которые живо говорятъ намъ о прошломъ, онъ собралъ обильные матеріалы для исторіи человѣчества и понятія его о высокомъ и прекрасномъ развились въ немъ, подъ роднымъ небомъ, въ усладительное служеніе искусству.

Леонардъ окончилъ сочиненіе, которое занимало его такъ много лѣтъ, — сочиненіе, на которое онъ смотритъ какъ на верхнее звѣно своего духовнаго развитія и на которомъ онъ основываетъ всѣ надежды, соединяющія человѣка современнаго съ будущими поколѣніями. Сочиненіе его отпечатано; въ боязливомъ ожиданіи онъ ѣдетъ въ Лондонъ. Теряясь въ громадной столицѣ, онъ хочетъ видѣть собственными глазами, какъ приметъ свѣтъ новую связь, которую онъ провелъ между суетливою городскою жизнью и своимъ трудомъ, свершеннымъ въ тиши уединенія. Сочиненіе вышло изъ типографіи въ недобрый часъ. Публика занята была другими предметами; публикѣ нѣкогда было обратить вниманіе на новое твореніе, и книга не проникла въ обширный кругъ читателей. Но свирѣпый критикъ напалъ на нее, истерзалъ, изорвалъ, искажилъ ее, смѣшалъ достоинства и недостатки ея въ одно уродливое цѣлое. Достоинства никто не нашелъ выказать должнымъ образомъ, недостатки не нашли безпристрастнаго защитника. Издатель уныло покачиваетъ головою, указываетъ на полки, которыя гнетутъ подъ тяжестію непроданныхъ экземпляровъ, и замѣчаетъ; что сочиненіе, которое выражало самыя свѣтлыя, утѣшительныя стороны человѣческой жизни, не соответствуетъ современному вкусу. Огорченный, обиженный, хотя и старающій казаться твердымъ, Леонардъ возвращается домой, и тамъ на порогѣ встрѣчаетъ его утѣшительница. Голосъ ея повторяетъ ему любимыя мѣста изъ его сочиненія, говоритъ ему о его будущей славѣ, и все окружающее, подъ вліяніемъ улыбки Геленъ, какъ будто проясняется, облекается въ радужный колоритъ надежды. И глубокое убѣжденіе, что небо ставитъ человѣческое счастье виѣ свѣтскаго одобренія или пререканія, овладѣваетъ существомъ Леонарда и возвращаетъ ему прежнее опокойствіе. На слѣдующій день онъ сидитъ вмѣстѣ съ Геленъ у морскаго берега и смотритъ

такъ же ясно, такъ же спокойно, какъ и прежде, на мѣрное колебаніе волнъ. Рука его лежитъ въ рукѣ Геленъ и движимый чувствомъ благодарности, которая связываетъ тѣснѣе и прочнѣе самой страсти, онъ тихо шепчетъ ей:

• Блаженна женщина, которая утѣшаетъ. •

Гарлей г'Эстренджъ вскорѣ послѣ женитьбы на Виолантѣ, по убѣжденію ли жены или чтобы разсѣять мрачныя думы, навѣяныя на него смертію Эджертона, отправился во временную командировку въ одну изъ колоній. Въ этомъ порученіи, онъ показалъ столько способностей, исполнилъ все такъ успѣшно, что по возвращеніи въ Англію, былъ введенъ въ достоинство пера при жизни отца, который любовался на сына, достигшаго почестей не по праву наследства, а собственными заслугами и дарованіями. Успѣхи въ Парламентѣ заставляли всѣхъ ожидать отъ дѣятельности Гарлея весьма многого. Но онъ убѣждался, что успѣхъ, для того чтобы могъ быть прочнымъ, долженъ быть основанъ на ближайшемъ познаніи всѣхъ многочисленныхъ подробностей дѣловой практики, что вовсе не согласовалось съ его наклонностями, хотя и соответствовало его дарованіямъ. Гарлей много глѣтъ провелъ въ праздности, а праздность имѣетъ въ себѣ много привлекательнаго для человѣка, котораго общественное положеніе обезпечено, который надѣленъ богатствомъ въ излишкѣ и котораго въ домашней жизни не ожидаютъ такія заботы, отъ которыхъ онъ искалъ бы развлеченія. Онъ сталъ смѣяться надъ своими честолюбивыми планами, въ припадкахъ необузданной, беззаботной веселости, и ожиданія, основанныя на успѣхѣ дипломатическаго порученія, постепенно исчезали. Въ это время насталъ одинъ изъ тѣхъ политическихъ кризисовъ, когда люди, обыкновенно равнодушные къ дѣламъ политики, приходятъ къ убѣжденію, что формы администраціи и законодательства основаны не на мертвой теоріи, а на живыхъ началахъ народной дѣятельности. Въ обоихъ Парламентахъ партіи дѣйствовали энергически. Черезъ нѣсколько времени Гарлей говорилъ рѣчь предъ собраніемъ лордовъ и превзошелъ все, чего можно было ожидать отъ его дарованій. Сладость славы и сознаніе пользы, испытанныя имъ вполне, совершенно обозначили его будущую судьбу. Черезъ годъ голосъ его имѣлъ сильное вліяніе въ Англии. Его любовь къ славѣ ожгла — не неопредѣленная и мечтательная, но превратившаяся въ патриотизмъ и усиленная сознаніемъ цѣли, къ которой онъ стремился. Однажды вечеромъ, послѣ подобнаго торжества въ Парламентѣ, Гарлей возвратился домой вмѣстѣ съ отцомъ своимъ. Виоланта выбѣжала къ нимъ на встрѣчу. Старшій сынъ Гарлея — мальчикъ, бывшій еще у кормилицы, не былъ уложенъ, противъ обыкновенія въ свою маленькую кроватку. Можетъ быть, Виоланта предугадывала торжество своего мужа и желала, чтобы сынъ ея раздѣлилъ съ ними общую радость. Старый графъ г'Эстренджъ взялъ его къ себѣ на руки и, положивъ руку на кудрявую головку мальчика, произнесъ съ важнымъ видомъ.

— Дитя, ты увидишь, можетъ быть, смутнымъ временемъ въ Англіи прежде, нежели эти волосы посеребрятся подобно моимъ. Обязанность твоя для возвышенія чести Англіи и сохраненія мира будетъ трудна и многообразна. Послушай совѣта старика, который хотя и не имѣлъ достаточно дарованій, чтобы надѣлать шуму въ свѣтъ, но оказалъ замѣтную пользу не одному поколѣнію. Ни громкія титулы, ни обширныя имѣнія, ни блестящія способности не доставятъ тебѣ истинной радости, если ты не будешь относить всѣ блага жизни къ милосердію Божию и щедрости твоего отечества. Если тебѣ придетъ въ голову, что дарованія твои не налагаютъ на тебя никакихъ обязанностей или что эти обязанности несовсѣмъ согласуются съ твоею привязанностію къ свободѣ и удовольствіямъ, то впрочемъ, какъ я отдалъ тебя на руки къ отцу и промолви эти немногіе слова: «Пусть онъ когда-нибудь такъ же будетъ гордиться тобою, какъ я теперь горжусь имъ.»

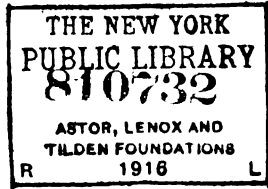
Мальчикъ обнялъ шею отца своего и пролепеталъ съ полнымъ сознаніемъ: «востарюсь». Гарлей наклонилъ голову къ сарафанному личику ребенка и сказалъ съ нѣжностію: «твоя мать говоритъ твоими устами».

Старая графиня встала въ эту минуту съ вольтеровскихъ пресель и подошла къ даровитому неру.

— Наконецъ, сказала она, положивъ руку на плечо къ сыну — наконецъ, мой любезный сынъ, ты оправдалъ всѣ ожиданія своей юности.

— Если это такъ, отвѣчалъ Гарлей: — то это потому, что я вѣшалъ то, чего искалъ прежде напрасно. Онъ обнялъ рукою талью Виоланты и прибавилъ съ нѣжною, но вѣстѣ торжественною, улыбкою: Блаженна женщина, которая возвышаетъ!

КОНЕЦЪ.

БѢДНАЯ ДѢВУШКА.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

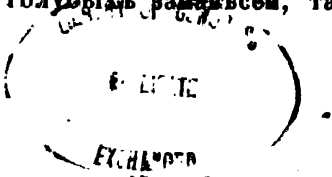
ГЛАВА X.

Комната, въ которую мы просимъ перенестись читателя, гостиная и вѣстѣ спальня молодой дѣвушки — высока и довольно просторна. Стѣны обклеены богатыми обоями. Между двумя большими окнами, драпированными голубыми занавѣсками и уставленными цвѣтами, виситъ въ ширину всего простѣнка огромное зеркало. Предъ нимъ на столѣ разставлено множество мелкихъ туалетныхъ принадлежностей и другихъ дорогихъ игрушекъ. Комната съ большимъ вкусомъ уставлена модными диванчиками, креслами, табуретами, обитыми голубымъ трипомъ. На столикахъ, помѣщенныхъ въ разныхъ мѣстахъ, лежатъ въ безпорядкѣ иллюстрированныя изданія въ богатыхъ переплетахъ и женскія работы. По стѣнамъ на гипсовыхъ, искусно выдѣланныхъ кронштейнахъ стоятъ небольшія золоченныя канделябры. Каминъ уставленъ множествомъ небольшихъ карриатурныхъ статуэтокъ. Въ стѣнѣ, противоположной окнамъ, находится широкое и высокое отверстіе съ полукруглымъ вырѣзомъ сверху, задорнутое голубою занавѣскою. Оно ведетъ

въ темную комнату, расположенную во всю ширину той, которую мы описываемъ. Тутъ стоитъ небольшая кровать съ бѣлыми прозрачными занавѣсками. Предъ нею, въ половину всей высоты комнаты, виситъ красивая алебастровая лампа. Подлѣ кровати помѣщенъ столикъ съ развернутою на немъ книгою и небольшое, но спокойное, кресло. Полъ въ обѣихъ комнатахъ обитъ мягкимъ ковромъ. Все здѣсь дышетъ если не совершенною и утонченною модою и роскошью, то комфортомъ, довольствомъ и вкусомъ. Воздухъ свѣжъ и благоуханенъ. Обитательница этихъ комнатъ, какъ кажется, должна быть молода, здорова и весела.

Полдень. Двѣ горничныя съ трудомъ двигаютъ и ставятъ противъ окна большое кресло съ немного опрокинутою назадъ и высокою спинкой. На немъ въ изнеможеніи сидитъ или, лучше сказать, лежитъ молодая, маленькая и блѣдная женщина. Она завернута въ свободный теплый капотъ изъ чернаго атласа, съ широкими рукавами и съ откидывающимся капюшономъ, стеганнымъ на голубомъ марселинѣ. Маленькія ножки, обутыя въ бархатныя туфли, отороченныя сѣренкимъ мѣхомъ, покоятся на мягкой, бархатной подушкѣ.

Крошечныя, бѣлыя, худыя руки, тонкая кожа которыхъ, кажется, совершенно плотно обтянула миниатюрныя кости, неподвижно лежатъ на колѣняхъ, рѣзко отдѣляются на черномъ атласѣ. Подъ головой небольшая подушка, полузакрытая приподнявшимся капюшономъ. Эта головка, какъ упадающая чашечка цвѣтка на гибкомъ стеблѣ, склоняется на тонкой и худой шейкѣ. Черты лица даже черезчуръ нѣжны и тонки. Въ профиль, на солнцѣ, онѣ сквозятъ розовымъ цвѣтомъ. Все лицо покрыто голубоватою бѣлизною, подобно хорешему китайскому фарфору. Только на небольшихъ выпуклостяхъ щекъ виднѣются маленькія розовыя пятна, признаки губительной болѣзни. Прищуренные отъ свѣта и слабости, большіе голубые глаза, съ длинными рѣсницами, туманны и неподвижны. Они окружены темною тѣнью. Блѣдныя сухія губы порою открываются и показываютъ бѣлые стиснутые зубки. Ненапомаженные, полурастрепанные бѣдокурые волосы, разбиваясь и раздѣлаясь, сквозятъ и блестятъ на солнцѣ золотистымъ отблескомъ. Цвѣтъ лица, частью и отъ вліянія голубыхъ зачатей, такъ сливается съ голубою подкладкою

капюшона, что очеркъ лица почти теряется, не обозначаясь ни одною рѣзкою чертою. Это придаетъ лицу какой-то особенно пѣжный и, если можно сказать, воздушный видъ. Дѣвушка сидитъ неподвижно въ изнеможеніи, но, когда начинается кашлять, всѣ члены ея, всѣ черты приходятъ въ судорожное движеніе, колеблются, дрожатъ и напрягаются; такъ-что невозможно смотрѣть на это слабое, страдающее существо безъ болѣзненнаго замиранія сердца. А потомъ усталая головка ея опрокидывается, глаза закрываются, руки опускаются и падаютъ какъ плети, грудь страшно подымается отъ одышки и изъ нея вырывается продолжительный, болѣзненный вздохъ. Она лежитъ не шевелясь, какъ будто жизнь покинула ее и, глядя на нее, торжествующая смерть пожимаетъ руку болѣзни.

Эта больная, страдающая дѣвушка пансіонская подруга Софьи Николаевны — Наденька Б.

— Подвиньте ближе къ окну! говоритъ она горничнымъ едва слышнымъ голосомъ: — дайте мнѣ больше свѣта, солнца... Пусть оно совѣмъ падаетъ на меня.... Мнѣ холодно: можетъ быть оно меня отогрѣетъ.

— Что прикажете, барышня?

— Вы ничего не слышите!... Откройте побольше занавѣски... еще, еще!... заложите ихъ за эти, какъ ихъ называютъ.... ручки, что ли? вотъ такъ... теперь хорошо.

Солнце ярко освѣтило блѣдную, прекрасную дѣвучку.

— Вынесите отсюда эти цвѣты! Отъ этого запаха у меня голова разболится.

— Наденька, ты сама приказывала столько разъ вчера, чтобъ привести ихъ, несмѣло замѣтила тетка больной — полная, нарядная, пожилая женщина, сидѣвшая за работою у другого окна.

— Такъ чтожь? отвѣчала съ досадою дѣвушка, не поворачивая головы: — вчера мнѣ ихъ непременно видѣть хотѣлось, я по нихъ соскучилась; а сегодня они мнѣ надоѣли и запахъ такой противный сталъ.... да и свѣтъ совѣмъ закрываютъ.

— Прикажете, барышня, волосы причесать?

— Подай мнѣ гребенку!

Она взяла гребень своими слабыми руками и подняла ихъ кверху. Высунувшись и обнажившись изъ широкихъ рукавовъ,

онѣ ужасали своею худобою, были бѣлы, тонки и ровны какъ свѣчи.

Она стала было причесывать волоса на вискахъ, но руки остановились и упали въ изнеможеніи на колѣна; гребенка скатилась на коверъ.

— Не могу! проговорила она, тяжело вздохнувъ.

И двѣ слезы скатилась по ея блѣднымъ щекамъ.

— Причеши мнѣ немного сама. А что папенька? спросила она.

— Они изволили уѣхать гулять.

— Гулять! сказала она грустно: — гулять!... А меня ужь никогда видно не пустять гулять.

— Теперь какъ можно, сказала тетка: — вотъ какъ выздоровѣешь — нагуляешься.

— Когда это? отвѣчала больная съ полуголою, полугрустною усмѣшкою.

Въ это время тетку зачѣмъ-то вызвали изъ комнаты. Минуть чрезъ пять она воротилась и съ улыбающимся лицомъ сказала:

— Наденька, знаешь ли, какую я радость тебѣ скажу?

— Какую еще? лѣниво отвѣчала больная: — ужь не гулять ли мнѣ позволили?

— Нѣтъ, не то. Ты угадай!

— Да говорите же, тетенька! чтѣ тамъ такое? Ужь не куклу ли опять какую принесли? Большая радость!

— Да, куклу, но большую. Я гостью къ тебѣ милую приведу, дурочка.

— Кого это? быстро спросила, приподымаясь, дѣвушка, и щеки ея покрылись легкою тѣнью.

— Ты только будь покойна.... Не тревожься, не волнуйся; докторъ не велѣлъ. Подайте воды! выпей лучше.

— Подите вы!... кто тамъ, тетенька?

— Это твоя подруга.

Въ эту минуту Софья Николаевна показала въ дверяхъ.

— Наденька!

— Сонечка! вскрикнула, приподымаясь, больная раздрающимъ голосомъ.

Въ одно мгновеніе наша героиня подбѣжала къ больной и опустилась на колѣна у кресла.

Наденька судорожно обхватила руками ея шею; но употребивъ послѣднее усиліе, ослабѣла, опрокинулась назадъ и, пригнувъ къ себѣ голову милой гостьи, закрыла глаза и осталась неподвижна.

— Воды! спирту! кричала испуганная тетка: — что я надѣлала!

Всѣ засуетились.

Софья Николаевна освободилась и, блѣдная, со слезами на глазахъ, помогала привести въ чувство свою страдающую подругу.

Наконецъ Наденька очнулась.

— Сонечка!... другъ мой.... Сонечка, говорила она слабымъ, прерывающимся голосомъ, обнимая и жадно цалуя Софью Николаевну.

Она замолчала и залилась слезами. И, обнявшись, долго плакали дѣвушки.

— Успокойся, Наденька, говорила Софья Николаевна, глядя на нее лицомъ, орошеннымъ слезами.

— Дай мнѣ насмотрѣться на тебя.... ты все такая же милая, такая чудная, говорила больная: — а посмотри на меня.... что со мной стало, на кого я похожа?... тебѣ противно будетъ...

— Что это ты, Надя! ты, просто, похудѣла немного.

— Немного! отвѣчала, горько улыбаясь, Наденька: — посмотри!

И она обнажила свои худыя руки.

Софья Николаевна невольно вздрогнула.

— Каковы!... нравятся тебѣ? Нѣтъ, ужь видно мнѣ плохо. Какъ я рада, что ты пріѣхала и я тебя еще увидала. А то тоска.... и больно такъ. Вотъ тетенька думаетъ меня все игрушками и нарядами веселить.... Нарядами, которыхъ никогда не надѣну.

— Полно, Наденька, сказала тетка.

— Ужь я знаю, не говорите лучше неправды. А я думала, что ты меня забыла, разлюбила, Сонечка.

И она опять заплакала.

— Я отъ тебя такъ долго писемъ не получала и ничего о тебѣ не знала, отвѣчала Софья Николаевна: — я и перестала писать, думая, что мои письма не доходятъ или что тебѣ не хочется писать.

— Ахъ, какъ можно! сказала больная: — ты видишь теперь, отъ чего я не могу писать... силъ не хватаетъ: перо падаетъ изъ рукъ.... Тебѣ жалко меня, милая Сонечка? А если диктовать—ты знаешь, что ужь это за манера, чтобы всѣ знали. Я все думала, что выадоровѣю.

— Вотъ я тебѣ здоровье привезла, увидишь.

— Увижу ли!... Ну, нашихъ здѣсь немного: развѣхались, повышли замужъ. Я тебѣ писала о нѣкоторыхъ.... Только Сашенька и помнила меня.... и та уѣхала. А то другимъ скучно съ больною сидѣть.... А знаешь ли?...

— Наденька, ты отдохни.... не говори много: докторъ не велѣлъ, сказала тетка.

— Ахъ, тетенька, оставьте меня въ покоѣ хоть сегодня! На силу дождалась радости, а вы опять, право!... Вамъ нашу болтовню скучно слушать... Подите, прошу васъ, милая, душенька, тетенька, и не сердитесь на меня.... вѣдь мнѣ ужь недолго!...

— Ну хорошо, хорошо, дурочка, только береги себя.

— Чтò это у тебя за мысли мрачныя? сказала, по уходѣ тетки, Софья Николаевна.

— Нѣтъ, это правда, Сонечка: я по всему вижу. Вотъ теперь всѣ стали поблажать моншѣ капризамъ.... не то, что прежде, и благоразумнымъ желаніямъ не хотѣли. Ты думаешь, прежде тетенька послушалась бы меня такъ скоро и ушла? Нѣтъ! А теперь думаютъ: «ужь пусть ее себѣ, послѣднее время.»

— Что это ты какая стала странная?

— Да, странная и страшная, не правда ли? Мнѣ много, много надо переговорить съ тобою, мой другъ.... И ты мнѣ все расскажи, чтò съ тобою было послѣ того, какъ я письма твои перестала получать отъ Волновыхъ. Ты вѣдь у меня останешься.... не отвѣчай, не отговаривайся.

И больная, схвативъ руку Софьи Николаевны, прижала ее къ своимъ губамъ.

— Не плачь, Наденька!... оставь, оставь.

— Я тебѣ расскажу все, Сонечка, что со мной было. Ты одна пожалѣешь меня. Всѣ меня бросили, презираютъ слабую, больную... А отчего я больна, отчего я слабая... и вотъ теперь умираю? Если бы ты знала....

— Ты теперь успокойся. Поговоримъ о вещахъ болѣе веселыхъ. Ты вотъ не спросила меня, зачѣмъ и сюда прѣѣхала... и знаешь ли? одна.

— Одна!

— Одна.

— Вотъ какая ты храбрая.

— Ты отдохни прежде, а потомъ я тебѣ расскажу свои происшествія. Что Женни В., что Лиза, что съ Машенькой П. сдѣлалось?

И онѣ долго болтали о своихъ пансіонскихъ подругахъ.

Прѣѣхалъ отецъ Наденьки — слабый здоровьемъ, но суровый и мрачный старикъ. Онъ обласкалъ подругу своей дочери и оставилъ ихъ на свободѣ, удалившись къ себѣ.

Софья Николаевна обѣдала въ комнатѣ Наденьки.

Послѣ обѣда она рассказала все случившееся съ нею въ домѣ Волновыхъ.

Когда она передавала сцену съ Темниковымъ на берегу рѣки и дошла до встрѣчи съ Красиловымъ, Наденька вздрогнула, приподнялась, хотѣла что-то сказать, но усиленное дыханіе перехватило слова.

— Что съ тобой, Наденька? съ безпокойствомъ спросила рассказщица.

— Какъ звали этого молодого человѣка?... ты сказала....

— Красиловъ.

— Красиловъ! вскрикнула больная: — точно, Красиловъ?

— Да, но чтѣ съ тобой?

— Ничего.... я скажу послѣ. А имя его?

— Имени я не знаю: онъ мнѣ не говорилъ.

— Онъ высокій, брюнетъ, съ густыми волосами?

— Да.

— У него серьезное, благородное, прекрасное лицо, глаза черные съ густыми рѣсницами?

— Да; но цвѣта глазъ, признаться, я не разглядѣла хорошенько.

— Усы большіе черные; манеры, движенія ловкія, свободныя, во всягда рѣзкія... Самъ онъ блѣдный?

— Онъ былъ странно загорѣлый; а все такъ, какъ ты говоришь... Ты это знаешь, Наденька?

— Да; это онъ, онъ.... И ты его знаешь, Сонечка!

И большая закрыла лицо руками.

— Что такое? объясни мнѣ, пожалуйста.

— Послѣ, послѣ.... Продолжай.

Софья Николаевна рассказала, какъ разсталась съ Красловымъ.

— И ты его не видала уже послѣ?

— Нѣтъ.

— И ничего не слыхала о немъ?

— Рѣшительно ничего; онъ былъ заѣзжій.

— Да, это точно онъ: все это такъ походить на него.... Но послѣ поговоримъ. Ты смотришь на меня какъ на сумасшедшую.... да, я точно безумная, Сонечка.

И она опустила на подушки. Софья Николаевна продолжала рассказъ свой.

Когда она кончила, Наденька обняла ее.

— Бѣдная Сонечка!... ты много терпѣла. Какая ужасная женщина эта Волнова! А онъ-то какой несчастный.... онъ на меня похожъ.... Вѣдь онъ умретъ, не правда ли: онъ умретъ, Сонечка!

— Да, я думаю, онъ не долго проживетъ.

— Какъ и я; у него, должно быть, точно такая же болѣзнь, какъ и у меня.

— Что за вадоръ!

— Да, это такъ. Но какая ты прекрасная, благородная, Сонечка: ты рѣшилась, чтобъ онъ о тебѣ такъ думалъ.... Нѣтъ: я не смогла и не сумѣла бы этого сдѣлать.... я такая слабая, жалкая....

— Ты бы лучше сдѣлала.

— Утѣшай меня какъ ребенка!

— Ну теперь ты мнѣ расскажи про себя, Наденька; дескать сканда Софья Николаевна.

— Моя исторія самая простая, самая незамысловатая для постороннихъ; но для меня.... Вотъ гдѣ огромная раздѣла въ моей исторіи съ твоею....

Она на минуту замолчала.

— Я любила, Сонечка... я люблю, прошептала она съ страдальческимъ выраженіемъ лица, крѣпко сжимая руки Софьи Николаевны и склоняя къ нимъ свое горячее лицо.—И люблю напрасно, продолжала она, не подымаясь.

Худая шейка вытянулась изъ полного капютона, пышные волосы опустились впередъ и закрыли руки слушательницы.

— Ты догадываешься ужь, ного, не правда ли?... его, его, этого... Красилова, котораго ты знаешь... Я рада, что ты видѣла его. Не правда ли, что онъ достоинъ любви? онъ прекрасный, благородный, гордый!... Я тебѣ расскажу все какъ было: какъ познакомилась съ нимъ, какъ полюбила и наконецъ какъ лишилась его, а съ нимъ и здоровья, а вѣрно скоро лишуеъ и жизни.... И не странно ли, что я прежде узнала любовь, чѣмъ ты? Ты ужь такъ и создана, чтобы возбуждать ее въ другихъ и самой любить. А то судьба обрушила любовь, со всѣми муками, страданіями, на мою слабую голову, на мое больное сердце... Оно и не могло перенести такого потрясенія... Вотъ какъ это все случилось. Ты сядь ко мнѣ поближе. Да и велѣмъ подать огня.

Подали свѣчи и надѣли на нихъ абажуры.

Большая начала свой разсказъ.

«Это было въ началѣ прошлаго лѣта. Я съ папенькой вѣхала на пароходѣ въ Петергофъ, гдѣ онъ нанялъ дачу. Тетенька съ вещами уѣхала наканунѣ. Прежде я никогда не дѣлывала такого большого пути по водѣ. День былъ теплый, чудесный. Я была очень довольна, что мы вдемъ на дачу, и мнѣ было весело. Все мнѣ нравилось, все занимало. Я надобѣдала непрерывными вопросами папенькѣ и знакомому намъ начальнику парохода, который часто подходилъ къ намъ. На половинѣ дороги папенька оставилъ меня на палубѣ, а самъ сошелъ въ каюту. Я осталась одна между незнакомыми мнѣ пассажирами, которыхъ въ этотъ день было очень довольно. Отъ нечего дѣлать я стала разсматривать ихъ. Одинъ молодой человекъ обратилъ мое вниманіе своею благородною наружностью. Это былъ Красиловъ. Онъ, въ красивой позѣ, стоялъ прислонившись къ рѣшеткѣ у лѣтницы, которая спускалась въ общую каюту. Лицо его было сѣрымъ и даже мрачно; а мнѣ думалось, что оно грустно отъ какой нибудь особенной причины. Казалось, онъ совѣмъ забылъ, что кругомъ его люди, такъ мало онъ обращалъ на нихъ вниманія, и глубочій взоръ его пристально и задумчиво былъ устремленъ въ однообразную даль моря. Я смотрѣла на него долго и съ удовольствіемъ. Признаюсь тебѣ, мнѣ кажется, что съ перваго взгляда на него у меня особенно сильно забилось

сердце. Должно быть мой долгій взоръ обезпечилъ его , потому что онъ вдругъ повернулъ голову и посмотрѣлъ на меня такъ серьезно, такъ сурово, что мнѣ сдѣлалось страшно. Я поблѣднѣла или покраснѣла , право не знаю хорошенько. Онъ слегка улыбнулся. Мнѣ сдѣлалось стыдно и я , отвернувшись , стала пристально смотрѣть на шумящую и блестящую пѣну подъ колесами парохода. Но сердце мое билось и мнѣ все казалось , что онъ смотритъ на меня. Вдругъ голова у меня закружилась и я почувствовала , что мнѣ дѣлается дурно. Я видѣла , что въ такомъ случаѣ дамы сходятъ въ каюты ; поэтому встала и шатаясь пошла къ лѣстницѣ. Папешки на палубѣ не было.

« Но едва лишь только дошла я до лѣстницы и , взявшись рукою за перила , хотѣла спускаться съ нея , какъ у меня въ глазахъ совершенно потемнѣло . руна соскользнула съ перилъ и я упала бы , если бы въ эту минуту меня не поддержали сильныя , крѣпкія руки. Тутъ я ничего не помню. Послѣ онъ рассказывалъ мнѣ самъ , что , держа меня въ своихъ рукахъ , нѣсколько секундъ смотрѣлъ на пассажировъ , думая , не вынется ли кто изъ сопутствующихъ мнѣ. Нѣсколько дамъ тоже окружили меня ; но всѣ смотрѣли другъ на друга вопрошающими глазами. Наконецъ онъ поднялъ меня на руки и , съ помощью какого-то услужливаго старичка , снесъ внизъ по лѣстницѣ и положилъ на диванъ въ каютѣ.

« Здѣсь , съ помощью дамъ , онъ сталъ приводить меня въ чувство. Когда я стала приходить въ себя , то услышала женскій голосъ , который говорилъ :

« — Бѣдная дѣвочка , какъ она блѣдна !

« Я открыла глаза и увидѣла около себя нѣсколько незнакомыхъ лицъ. Чьи-то руки подносили спиртъ къ моему носу. Я вспомнила то , что случилось со мной , и увидѣла передъ собой красиваго молодого человѣка.

« — Это вы меня поддержали ? рѣшилась сказать я , не подымая на него глазъ : — я не знаю , какъ благодарить васъ. Где папешка ? продолжала я , страшно растерявшись и смотря на дамъ , какъ будто вѣща въ вѣхъ полноры.

« Въ эту минуту папешка быстро вошелъ въ каюту. Я бросилась къ нему.

« — Что съ тобой сдѣлалось ? сказалъ онъ съ безпокойствомъ : — стыдно ! какая ты у меня слабенькая !

«Какая-то дама подошла ко мнѣ и ласково сказала :

«— Позвольте, душенька : я застегну вамъ платье.

«И такъ сконфузилась, вспомнивъ, что тутъ былъ мужчина, что чуть не заплакала, склонившись къ груди папеньки. Но, взглянувъ, увидѣла, что мой незнакомецъ исчезъ.

«Я рассказала папенькѣ все какъ было. Когда мы вошли на палубу, Петергофъ былъ уже въ виду. Я указала папенькѣ того, кто услужилъ мнѣ. Онъ пошелъ благодарить Красилова, просилъ его быть знакомымъ и, узнавъ фамилію, припомнилъ его родственниковъ. Потомъ папенька подвелъ его ко мнѣ и я снова благодарила. Выйдя на берегъ, мы растались.

«На другой день онъ пришелъ къ намъ на дачу. Папеньки не было дома и я должна была принять его одна. Первые минуты мнѣ было неловко съ нимъ. Но онъ такъ искусно заговорилъ о вещахъ совершенно постороннихъ, избавляя меня отъ труда начинать разговоръ и нисколько не намекая на причину нашего знакомства, что я скоро оправилась и мнѣ стало легко и пріятно въ его обществѣ. Онъ много видѣлъ, много путешествовалъ ; рассказывалъ мнѣ разныя интересныя вещи такъ хорошо, такимъ свободнымъ языкомъ ! я слушала его съ удовольствіемъ. Пришелъ папенька и пригласилъ его обѣдать. Въ этотъ день обѣдали у насъ еще двое знакомыхъ молодыхъ людей. Онъ былъ со всѣми одинаково учтивъ, со всѣми разговаривалъ ; но имѣлъ видъ человѣка, невольно чувствующаго свое превосходство. И я находила, что это идетъ къ нему. Иногда имъ казалось, что на всѣхъ и особенно на папеньку онъ посматривалъ съ какою-то суровою недовѣрчивостію ; но взоръ его какъ будто умягчался, обращаясь на меня.

«Послѣ обѣда, получивъ настоятельное приглашеніе посѣщать насъ, онъ ушелъ. Но такой онъ былъ серьезный, когда прощался, что я подумала : не захочетъ онъ пользоваться приглашеніемъ и вѣрно мы ему не понравимся. Должно быть отъ этого мнѣ сдѣлалось скучно. Я весь вечеръ думала о немъ и ночью долго не могла заснуть.

«На другой день, хотя очень знала, что онъ не придетъ, но все-таки какъ будто ждала его. Загремитъ ли подлѣ дома экипажъ, пройдетъ ли кто подъ окнами, мнѣ все чудилось : не онъ ли? и сердце мое начинало биться. Мнѣ стало досадно и я спрашивала : по какому праву онъ забрался мнѣ въ голову и даже

снѣтъ беспокоить мое сердце? Я никакъ не хотѣла сознаться, чтобы кто нибудь, въ такое короткое время, могъ произвести на меня впечатлѣніе. Я старалась увѣрить себя, что это происходитъ отъ незанимательности лицъ того кружка знакомыхъ, въ которомъ мы жили, а больше ни отчего. Но онъ не выходилъ у меня изъ головы и въ слѣдующіе дни. Я и ждала его съ нетерпѣніемъ, и сердилась, зачѣмъ онъ неидетъ! Были минуты, когда я называла его невѣжей.

«Наконецъ дня чрезъ четыре, утромъ, я увидѣла его; онъ проходилъ мимо оконъ. Я вскочила въ страшномъ волненіи, сама испугавшись того сильнаго вліянія, которое видъ его производилъ на меня. Я думала, что онъ идетъ къ намъ; но онъ преспокойно прошелъ мимо. Я просто взбѣсилась. Что я за дура! — думала я — помнить о немъ, когда онъ такъ носъ задираетъ. Онъ, пожалуй, думаетъ, что о немъ очень заботятся. Съ этой минуты забуду даже о его существованіи.

«Я сѣла за фортепьяно, стала играть какой-то веселый романсъ и зацѣла такъ громко, какъ никогда не вѣвала. Досада кивѣла въ груди моей. Вдругъ я услышала чьи-то шаги. Я обернулась и, вообразивъ мое удивленіе и испугъ, я увидѣла его! Должно быть я очень покраснѣла, когда встала.

«— Извините.... я не слыхала, какъ вы вошли, сказала я, отвѣчая ему на поклонъ.

«— Вы такъ громко пѣли, отвѣчалъ онъ, улыбаясь: — я никакъ не предполагалъ....

«— Чего вы не предполагали? спросила я съ досадою, думая, что онъ насмѣхается надо мной.

«— Я слышалъ ваше пѣніе на углу улицы и, привняюсь, никакъ не думалъ, чтобы это пѣли вы.

«— Отчего это?

«— Оттого... оттого, что для этого надо имѣть много силы.

«— Вотъ мило! такъ вы думали, что я должна шнукать какъ котенокъ? И почему вы знаете, что у меня нѣтъ силы? Это потому, что я такая маленькая, худая... Нѣтъ, я свѣдла.

«Онъ улыбулся и я сама рассмѣялась.

«Мы сѣли. Миѣ было весело, очень весело; я была такъ довольна, что онъ пришелъ.

«— Нѣтъ, ужъ позволятъ вашей силѣ не довѣрять, говорилъ онъ, смѣясь.

«— Смиѣйтесь, сколько угодно, мнѣ все равно. Вы всё, мужчины, такъ рады, что надѣлены силой и можете властвовать ей. Надъ слабостью смиѣяться грѣхъ! прибавила я, перешивши одно слово въ стихѣ Грибоѣдова.

«— Вы на меня разсердились? спросилъ онъ.

«— Нисколько, повѣрьте, отвѣчала я совершенно искренно.

«— И къ чему она вамъ, эта физическая сила? не завидуйте ей. Вы должны заключать въ себѣ другую, благороднѣйшую силу и гордиться ею.

«— Какую это?

«— Силу любви, сказалъ онъ рѣшительно и пристально смотря на меня.

«Это слово и этотъ серьезный взглядъ подѣйствовали на меня. Я смиѣшалась и, не глядя на него, несмѣло спросила:

«— Къ кому?

«Онъ улыбнулся.

«— Ко всему прекрасному и доброму, ко всему достойному истиннаго сожалѣнія и утѣшенія, отвѣчалъ онъ.

«Мнѣ очень понравились эти слова.

«— Но и въ васъ должна храниться такая же сила, сказала я.

«— Да; но ваша нѣжная, прекрасная оболочка достойнѣе хранить это чувство. И изъ васъ оно исходитъ съ большимъ очарованіемъ, съ большею благодатью. И нейдетъ къ вамъ физическая сила, продолжалъ онъ: — она дается для труда, для тяжелой работы (вы не обречены на такую работу), или для защиты себя и слабѣйшихъ отъ злобы, ненависти окружающихъ людей. Я совершенно увѣренъ, что вы никогда не будете въ состояніи питать къ кому нибудь чувство ненависти и злобы, и вы не созданы и не глядите такъ, чтобы въ комъ нибудь возбудить его.

«— Благодарю за доброе мнѣніе, отвѣчала я: — правда, я никакъ не могу долго злиться и не думаю, что могу кого нибудь ненавидѣть. А создана ли я такъ, чтобы не возбуждать ни въ комъ злого къ себѣ чувства, я не знаю. Если это и можетъ случиться, то я виновата не буду. Да что это какой мы серьезный разговоръ завели! сказала я, сконфузившись.

«Я встала, велѣла дѣвущикѣ позвать тетеньку и, воротившись, перебирала лежавшую передо мной книгу.

«— Что вы читаете? спросилъ онъ.

«— Это повѣсти Альфреда Мюссе.

«— Нравятся онѣ вамъ?

«— Очень, отвѣчала я: — онѣ такъ просты и между тѣмъ такъ мило, такъ естественно рассказаны. Представляя себя на мѣстѣ дѣйствующихъ лицъ, я думаю, что и сама дѣлала бы то же, что они тамъ дѣлають.

«Онъ пресерьёзно, не глядя на меня, кивнулъ головой, какъ бы въ знакъ одобренія.

«Вотъ чудакъ! — думала я — онъ смотритъ и говоритъ со мной какъ профессоръ.

«— Что же вы еще читаете? продолжалъ онъ.

«— Все, что попадетъ въ руки: и Сю, и Дюма, и Мерк...

«— Вѣроятно кто нибудь выбираетъ для васъ книги... Не правда ли?

«Я смѣшалась и покраснѣла.

«— Да, тетенька читаетъ ихъ прежде или даетъ мнѣ ихъ по наслышкѣ.

«Мнѣ досадно было, что онъ задаетъ мнѣ такіе вопросы и такимъ страннымъ тономъ; но я невольно повиновалась его голосу, какъ будто это такъ и должно было быть.

«— Позвольте мнѣ служить вамъ книгами, сказалъ онъ.

«— Я буду вамъ очень благодарна.

«— Вы можете смѣло ихъ читать, не давая предварительно прочесть тетенькѣ, сказалъ онъ мнѣ насмѣшливо: — вы мнѣ повѣрите.

«Я хотѣла разсердиться, но не сѣумѣла и улыбулась.

«Когда онъ ушелъ, я стала вспоминать его разговоры. Они казались мнѣ очень странными для новаго знакома. Онъ говорилъ и глядѣлъ на меня съ такимъ видомъ ласковаго покровительства и нѣжнаго участія, съ какимъ старшіе смотрятъ на дѣтей. Въ другихъ такое обращеніе оскорбляло бы меня; но въ немъ, напротивъ, оно мнѣ нравилось. Мнѣ казалось, что онъ имѣетъ на это право.... какое? я не смѣла отдать себѣ яснаго отчета...

«Онъ сталъ чаще посѣщать насъ. Когда онъ долго не приходилъ, мнѣ было скучно и грустно, я была въ духѣ. Увидѣвъ же его, я не думала скрывать своего удовольствія. И онъ,

и всё, кто бы ни захотѣлъ наблюдать за мной, могли это ясно видѣть. Миѣ все было равно.

«Онъ былъ такъ не похожъ на тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ я до той поры знала. Тѣ были или такіе приторные, сладкіе, или же ужасные фаты. Когда они говорили любезности или комплименты, трудно было отличить: смѣются они, или говорятъ искренно. И потомъ, отпустивъ какую нибудь фразу, они какъ будто съ самодовольствіемъ прислушиваются, какъ звучитъ она, и поглядываютъ кругомъ себя, желая насладиться тѣмъ дѣйствіемъ, которое произвели они на другихъ. Онъ же иногда говорилъ очень хорошія, умныя, высокія вещи, съ какимъ-то даже пренебреженіемъ, не давая никакой особенной цѣны ихъ выраженію, говорилъ часто ни на кого не глядя. Глупыхъ комплиментовъ онъ не любилъ; а иногда говорилъ правду пріятную или непріятную съ такою откровенностью, что не только на него нельзя было злиться, а должно было быть благодарной. Онъ очень рѣдко смѣялся; но когда это случалось, то съ такимъ увлеченіемъ, что, не зная даже причины, неволью, отъ души хотѣлось смѣяться. Его общество было миѣ необходимо. Я уже любила его; но боялась въ этомъ признаться, боялась оттого, что почему-то миѣ думалось, что онъ-то никакъ не можетъ полюбить меня. И когда это забиралось миѣ въ голову, я не осмѣливалась допрашивать свое сердце. Часто мы ходили гулять вмѣстѣ, то есть я, онъ и тетенька (папенька же сопровождалъ насъ рѣдко). Какими дорогами бывало ни пойдешь мы, онъ всегда приведетъ насъ какъ нибудь къ морю. И тамъ остановится, перестанетъ разговаривать, сдѣлается какъ-то особенно серьезенъ и долго пристально глядитъ въ даль, какъ будто забывая, что мы съ нимъ. Миѣ было иногда очень досадно, и я, кажется, ревновала его за вниманіе, которое онъ оказывалъ этому печальному и холодному морю. Я не выдержала и, одинъ разъ, когда онъ особенно долго молчалъ, сказала ему:

«— Кажется, море имѣетъ на васъ сильное вліяніе. Вы его такъ любите, что для него готовы забыть все.

«Проговоривъ эти слова, я тотчасъ же поняла, что сказала глупость.

«— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, не глядя на меня и какъ будто не понимая моего намека: — я не забываю. Смотри на него только, я начинаю цѣнить все настоящимъ цѣною.

« Я не поняла его.

« — Посмотрите : это море такъ равнодушно къ вамъ , сказала я : — оно плещетъ себѣ и волнуется , не думая обращать на васъ вниманія ; а вы такъ обожаете его ! У васъ нѣтъ нисколько гордости и самолюбія Чего вы отъ него ждете ?

« Онъ пристально посмотрѣлъ на меня и едвазамѣтная улыбка пробѣжала по губамъ его.

« Я покраснѣла.

« — Вы правы , сказалъ онъ : — маленькое свѣтлое озеро , въ которомъ бы съ любовью , вѣрно отразился мой образъ , заставило бы меня измѣнить этому гордому и , по вашему , нечувствительному морю.

« Онъ понялъ меня . Я раскаялась въ своихъ словахъ , представляя себѣ , что онъ можетъ подумать , будто я нарочно вызывала его на такой отвѣтъ . Я ему могла показаться просто безстыдною.

« — Не думаю , отвѣчала я ; надувшись на него Богъ знаетъ за что : — если вамъ съ нами скучно , оставайтесь съ вашимъ милымъ другомъ .

« И мы пошли съ тетенькой.

« — Пойдемъ другого , сказалъ онъ съ усмѣшкою и такимъ тономъ , какииъ утѣшаютъ ребенка : — пойдемъ вруда или овера . Пойдемъ къ нему . Вы согласны ?

« — Миѣ все равно , отвѣчала я , рѣшительно разсердившись и на себя , и на него .

« Какъ ни хотѣла я поправиться , но умѣнья не доставало и я , какъ говорится , попадалась изъ огня въ полымя .

« До самаго дома я шла почти молча . На его вопросы отвѣчала коротко и неохотно . Какъ будто онъ , а не я была въ самомъ дѣлѣ виновата . Но чѣмъ болѣе чувствуешь свою неисправимую вину , тѣмъ болѣе стараешься всю горечь ея бросить на когонибудь другого . Но онъ старался заставить меня забыть эти неблагоприятныя слова и черезъ часъ я успокоилась . Я увѣрила себя , что онъ не такъ далекъ , не такъ чуждъ намъ , чтобы съ злобою осудить меня .

« Онъ бывалъ у насъ часто и мы знакомились съ нимъ все ближе и ближе . Сначала я боялась , что онъ будетъ скучать въ моемъ обществѣ , но потомъ съ радостью начинала замѣчать , что онъ находитъ въ немъ удовольствіе . Его присутствіе было миѣ

необходимо: я любила его, любила съ полнымъ сознаниемъ. Я знала, отчего мнѣ было и хорошо, и грустно, когда я его видѣла, отчего у меня билось сердце. Въ мечтахъ моихъ я представляла его своимъ вожделѣемъ, другомъ; вѣритья ему мнѣ казалось такимъ счастьемъ! Только съ неудовольствіемъ замѣчала я, что между имъ и папенькой не существуетъ большой симпатіи. Мнѣнія ихъ были совершенно различны. Они часто и горячо спорили и Красиловъ никогда не уступалъ ни шагу. Я упрекала себя за то, что всегда была на его сторонѣ, и для меня было истинною мукою, когда голоса ихъ возвышались нѣсколькими тонами выше обыкновеннаго. Но папенька принималъ его, однако, довольно радушно. Не думаю, что онъ замѣчалъ мое расположеніе къ Красилову; но мнѣ казалось, что онъ очень былъ доволенъ тѣмъ, что я весела. Тетенька же смотрѣла на Александра Петровича, какъ на жениха.

«Мы переѣхали въ городъ. Недѣли три я провела очень грустно потому, что не видала его. Въ это-то время онъ ѣздилъ въ деревню и тогда ты и встрѣтилась съ нимъ. Богъ знаетъ, что я думала въ его отсутствіе. И казалось мнѣ, что опъ ужъ никогда не воротится, что все между нами кончилось, что онъ ходилъ къ намъ на дачу отъ скуки, но что теперь нѣтъ для него никакого интереса посѣщать насъ. Но когда онъ возвратился и пришелъ къ намъ, ты не можешь представить, какъ я обрадовалась! Едва удержалась и не высказала ему прямо мою радость. Въ городѣ онъ бывалъ у насъ рѣже; но все-таки я видѣла его довольно часто и одинъ разъ въ недѣлю онъ уже непремѣнно обѣдалъ у насъ. Послѣ обѣда папенька обыкновенно отправлялся отдыхать и мы оставались втроемъ. Онъ перенесъ и въ городъ наши милыя послѣобѣденныя занятія: онъ часто читалъ мнѣ, всегда уже по своему выбору, въ то время, какъ я работала. Одинъ разъ мы были въ итальянской оперѣ и Красиловъ пришелъ къ намъ въ ложу. Опера шла моя любимая. Послѣ перваго дѣйствія бросали много цвѣтовъ первой пѣвицѣ; но пѣвца забывали. А онъ между тѣмъ своимъ чуднымъ голосомъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе.

«— Какъ пристрастна публика! сказала я, обращаясь къ Красилову: — всѣ восторги, всѣ почести отдаютъ только одной знаменитой. Достоинства другихъ забываютъ. Если бы у меня былъ букетъ, я непремѣнно бросила бы его тенору.

«Ты повѣривъ мнѣ, Сонечка, что я сказала вовсе не для того, чтобы намекнуть ему о желаніи получить отъ него цвѣты. Такую вещь я бы никогда не сдѣлала. Онъ посидѣлъ немного въ ложѣ, потомъ вышелъ и воротился чрезъ полчаса съ прекраснымъ букетомъ цвѣтовъ. Въ это время я внимательно вслушивалась въ одну прекрасную арію. Слезы дрожали въ глазахъ моихъ, когда я обернулась къ нему. Онъ сѣлъ на стулъ за мною, держа букетъ.

«— Не стыдно ли вамъ, сказала я, глядя на него, съ улыбкою, чрезъ плечо : — неужели вы думаете, что я вамъ для этого говорила о цвѣтахъ ?

«— Неужели вы захотите лишить меня права услужить вамъ хоть этой бездѣлицей? отвѣчалъ онъ.

«Я протянула руку. Передавая букетъ, онъ, незамѣтно для другихъ, крѣпко пожалъ мои пальцы, съ нѣжностью глядя на меня. Я не разсердилась на него, какъ, можетъ быть, слѣдовало бы. Видя пріятливое, почтительное выраженіе его лица, я никакъ не могла представить, что онъ хочетъ оскорбить меня. Этотъ поступокъ скорѣе казался мнѣ чистымъ изъявленіемъ дружбы. Но я вздрогнула отъ его прикосновенія и огонь разлился по всемъ моимъ членамъ. Я посмотрѣла на него съ грустнымъ упрекомъ и отвернулась безъ досады. Сердце мое наполнилось сладкимъ чувствомъ; а на сценѣ я ничего не видѣла сквозь слезы, выступившія на глазахъ моихъ.

«Скорѣ послѣ того настѣлъ часъ нашего рѣшительнаго объясненія. Вотъ какъ это случилось. Въ одинъ день мнѣ было особенно грустно. Послѣ обѣда папенька ушелъ по обыкновенію спать, а Красилонъ взялъ со стола «Вертера» въ французскомъ переводѣ, котораго я прочла уже болѣе половины, и по просьбѣ моей сталъ читать вслухъ. Во время чтенія тетенька ушла и мы остались вдвоемъ, что случалось довольно рѣдко. Я сидѣла на диванѣ и что-то работала (хороша, признаться, была эта работа!). Онъ сидѣлъ напротивъ на креслѣ. Двѣ свѣчи тускло освѣщали большую комнату, въ которой раздавались мѣрные, но гармоническіе звуки его голоса. Предметъ чтенія былъ очель не веселый и мнѣ стало еще грустнѣе. Слезы каждую минуту готовы были выступить на глаза. Когда онъ сталъ читать сцену послѣдняго свиданія Вертера съ Шарлотой, прочелъ вмѣстѣ съ

ишь чудныя пѣсни Оссіана и дошелъ до того мѣста, гдѣ Вертеръ, замышлявшій и рѣшившійся уже на самоубійство...»

— Ты читала «Вертера», Сонечка? спросила большаж разскащица.

— Читала.

— Дай мнѣ книгу: вотъ она на этомъ столикѣ. Я покажу тебѣ это мѣсто, хотя почти помню его навзусь. Видишь: вотъ оно, вотъ этотъ монологъ изъ пѣсни Оссіана. Почти такое же горькое вліяніе имѣетъ онъ и на меня наканунѣ, быть можетъ, моея смерти, въ мою послѣднюю весну, какъ и на несчастнаго Вертера. Могла ли я полагать въ тотъ вечеръ, могла ли я думать, что эти слова такъ скоро и такъ близко будутъ относиться ко мнѣ!

Глаза больной заблестали и она слабымъ и прерывающимся голосомъ прочла по французски слѣдующія строки:

«Для чего будишь ты меня, дыханіе весны? Ты меня ласкаешь и говоришь: «я впитано росею небесною и несу ее съ собою». Но время моего увяданія близко; близка буря, которая оборветъ мои листья. Завтра придетъ путникъ, придетъ тотъ, который видѣлъ меня въ моей красотѣ, будетъ искать меня его взоръ, будетъ искать и не найдетъ.»

Прочитавъ, Наденька опрокинулась головой на подушку и нѣсколько минутъ молчала. Софья Николаевна цаловала ея горячую голову.

«Когда прочитавъ это, продолжала разскащица: Вертеръ бросился къ ногамъ Шарлоты... то есть, когда прочитавъ мнѣ это Александръ Петровичъ, столько мучительной тоски скопилось въ груди моей, что я не могла владѣть собою. Слезы полились изъ глазъ и я сказала умоляющимъ голосомъ:

«— Пожалуйста, перестаньте! довольно, довольно....»

«Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ. Сконфуженная, я склонила голову надъ работой.

«Онъ быстро всталъ съ креселъ и молча сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Это продолжалось нѣсколько минутъ. А между тѣмъ тихія слезы капали со щекъ моихъ на работу. Наконецъ онъ полощелъ, подвинулъ стулъ ближе ко мнѣ и сѣлъ.

«Онъ осторожно взялъ мою руку. Я не сопротивлялась и оставила ему ее.

«— Вы меня любите? спросилъ онъ тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ.

«Я не смѣла поднять головы. Но слезы мои остановились, сердце перестало биться, какъ будто прислушиваясь къ этимъ словамъ; я ничего не могла отвѣтить.

«— Любите ли вы меня, Надежда Александровна? продолжалъ онъ съ нетерпѣніемъ: — отвѣчайте мнѣ.

«Я молчала.

«— Отчего вы молчите? скажите хоть одно слово!

«Онъ съ такою силою сдвинулъ мою руку, что она хрустнула въ его пальцахъ.

«— Къ чему говорить! почти вскрикнула я: — вы давно знаете это, вы давно отгадали.

«И я опять склонила голову.

«— Договоримъ скорѣе, намъ могутъ помѣшать, продолжалъ онъ: — но почему любовь ваша такъ не смѣла, какъ будто вы боитесь или дѣлаете преступленіе? отчего вы не рѣшаетесь выговорить?...

«Оттого, отвѣчала я, глядя на него глазами, полными слезъ: — что я не увѣрена въ любви вашей. Развѣ вы говорили мнѣ когда нибудь о ней и теперь развѣ вы говорите?

«Онъ нахмурился.

«— Не для чего говорить о ней, рѣзко сказалъ онъ, забывая, что недавно требовалъ самъ, чтобы я отвѣчала на его вопросы.

«— Вы могли давно судить о моихъ чувствахъ, сказала я тихо: — вы видѣли, какъ я готова была покоряться каждому вашему взгляду, каждому слову....

«— Пожалуйста, прервалъ онъ меня съ неудовольствіемъ: — не говорите никогда такихъ вещей. Итакъ, продолжалъ онъ ласково: — я могу надѣяться, что вы примете мое предложеніе?

«— Да!... отвѣчала я, чуть не задыхаясь отъ сильнаго волненія: — вы меня дѣлаете счастливою.

«И я заплакала.

«— Милое дитя! сказалъ онъ, съ чувствомъ палуя мои руки.

«— Надо сказать папенькѣ, проговорила я.

«— Надо было сперва спросить васъ, сказалъ онъ серьезно: — а потомъ уже поговорить съ папенькой.

«Онъ сдѣлалъ удареніе на словѣ: «переговорить».

«— Я переговорю съ нимъ завтра, сказалъ онъ, вставая и уступая мѣсто вождедшей тетенькѣ.

«— О чемъ ты это плакала? спросила она съ удивленіемъ.

«— О Вертерѣ, отвѣчала я, наклонившись и внимательно разсматривая работу.

«Она подозрительно взглянула на отдалившагося Красилова и сѣла за работу, а онъ вышелъ въ залу и долго молча ходилъ въ ней одинъ.

«— Что это съ нимъ сдѣлалось? спросила тетенька.

«Я пожала плечами.

«Въ этотъ вечеръ онъ заговорилъ о чемъ-то съ папенькой и скоро они начали спорить очень горячо. Я сидѣла какъ на иглокахъ. Каждый разъ, какъ голоса ихъ возвышались, я дрожала, боясь, чтобы они совсѣмъ не поссорились. Папенька видимо былъ въ большомъ неудовольствіи; а Красиловъ съ страшнымъ упрямствомъ настаивалъ на своемъ и нисколько не старался щадить его самолюбія.

«Я нѣсколько разъ пыталась прервать разговоръ и навести ихъ на новый, но всякій разъ безъ успѣха. Миѣ было и страшно, и досадно на него зато, что онъ не хотѣлъ понять моего безпокойства.

«На другой день онъ явился, но не засталъ папеньку и зашелъ ко мнѣ. Онъ былъ невеселъ и разсѣянъ. Я упрекнула его за вчерашній споръ.

«Онъ пожалъ плечами.

«— Неужели вы хотите, сказалъ онъ: — чтобы я молча соглашался съ миѣніями, которыя совершенно противны моимъ убѣжденіямъ. Признаюсь, я не привыкъ уступать. Можетъ быть, изъ желанія сдѣлать вамъ угодное, я и долженъ былъ бы, но крайней мѣрѣ, молчать, но не казалось ли бы это совершеннымъ презрѣніемъ къ миѣніямъ вашего батюшки и не означало ли бы это того, что я полагаю ихъ нестоющими никакаго оспариванія. Если бы онъ замѣтилъ, это было бы для него величайшей обидой. Все равно, если бы я сталъ, отъ избытка любезности, поддаваться въ картахъ человѣку, который играетъ не для того, чтобы выиграть, а для того только, что игра занимаетъ его...

«На слѣдующій день онъ опять прѣѣхалъ къ паненькѣ; но ушелъ, не зайдя ко мнѣ. Я думала, что все устроилось благополучно, къ моему счастью. Я никакъ не думала, что паненька мнѣль какія нибудь причины отказать. Красиловъ мнѣль состояше, былъ хорошей фамилии, все, кажется, что нужно было для отца. И потому я не сомнѣвалась въ отвѣтѣ. Я думала увидѣть паненьку веселымъ; но онъ вышелъ изъ своей комнаты сердитый, недовольный, сказалъ мнѣ только, что не будетъ обѣдать дома и уѣхалъ.

«Я испугалась, но успокоивала себя тѣмъ, что, вѣроятно, Александръ Петровичъ, найдя его въ такомъ нехорошемъ расположеніи духа, отложилъ свое предложеніе до другого времени.

«Послѣ обѣда Красиловъ пришелъ. Лицо его имѣло злобѣщее и насмѣшливое выраженіе.

«— Я пришелъ къ вамъ на минуту и тайкомъ, сказалъ онъ.

«— Что? спросила я, схвативъ его за руку и глядя безокойнымъ и вопрошающимъ взоромъ.

«— Плохо, отвѣчалъ онъ холодно.

«Я поблѣднѣла какъ смерть.

«— Вы говорили съ нимъ? спросила я.

«— Говорилъ.

«— Ну чтожъ? скажите скорѣе!

«— Онъ отказалъ.

«— Отказалъ! вскрикнула я, задрожавъ: — Отказалъ!... какъ... можетъ ли быть!... вы меня пугаете?

«— Нѣтъ, это правда, отвѣчалъ онъ: — но успокойтесь, пожалуйста.

«— Отказалъ!... но по какой причинѣ?

«— Во первыхъ, нозаведенному глупому порядку, онъ благодарилъ меня за честь; потомъ сказалъ мнѣ, что, къ сожалѣнію, вынужденъ отказать мнѣ потому, что имѣетъ на васъ другіе виды и что вы уже давно обречены кому-то.

«— Я обречена!... кому это еще, Боже мой? Но сказали ли вы ему, что я согласна?

«— Я отвѣчалъ ему, что нѣтъ ваше согласіе. Это, кажется, взбѣсило его. Я вижу, что онъ меня не жадуетъ. «Очень жаль, сказалъ онъ мнѣ сухо: что вы почли нужнымъ говорить объ этомъ моей дочери прежде, нежели мнѣ. Мнѣ очень непріятно,

но вы поймете сами, что послѣ этого я должна просить васъ прекратить ваши посѣщенія. Если бы вы ничего не говорили съ ней, я не былъ бы вынужденъ прибѣгать къ такой непріятной мѣрѣ. Но, надѣюсь, что мы останемся хорошими знакомыми и видѣ этихъ стѣнъ.» — Но если желаніе вашей дочери не противно моему предложенію? замѣтилъ я еще. «Она такъ молода, что не можетъ имѣть желаній, несогласныхъ съ моими» отвѣчалъ онъ сухо.... Затѣмъ мы разстались весьма учтиво, но и весьма холодно. Я хотѣлъ было писать къ вамъ; но, узнавъ, что его нѣтъ дома, рѣшился, несмотря на запрещеніе, переговорить съ вами лично.

«— Чтожъ мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать? говорила я, задыхаясь и ломая себѣ руки.

«Вдругъ свѣтлая мысль блеснула у меня въ головѣ.

«— Но вы не говорили ему, сказала я: — что я васъ люблю.... и онъ не знаетъ, какъ.... я люблю. Когда онъ узнаетъ, не будетъ никакихъ препятствій.

«— Дитя, дитя! сказалъ онъ насмѣшливо: — не думайте, чтобы это помогло нашему дѣлу. Его не возьмешь этимъ. Онъ не повѣритъ вашей любви и будетъ считать ее скоропроходящимъ и дѣтскимъ капризомъ. Не всѣхъ можно склонить такими аргументами. Вы судите по себѣ.

«— Но я скажу ему, что никогда и ни за кого не выйду замужъ, вскричала я съ жаромъ: — что я не могу жить безъ васъ.... Я не стыжусь теперь говорить это.... что я умру.... И это правда, прибавила я, заплакавъ и прижимая руки его къ моему сердцу.

«Онъ склонилъ голову къ моимъ рукамъ, а я крѣпко поцеловала его волосы.»

— Сонечка! это было единственнымъ и послѣднимъ наружнымъ изъявленіемъ любви моей.... Никогда не забуду я этой минуты.

«Онъ быстро вскочилъ и сталъ ходить по комнатѣ.

«— Попробуйте, сказалъ онъ: — но я знаю, что успѣха не будетъ. Надо дѣйствовать иначе.

«— Какъ же? спросила я.

«— Испытайте это средство, сказалъ онъ: — если не удастся, тогда я сдѣлаю вамъ другое предложеніе. Но я долженъ

идти, продолжалъ онъ : — я лишень права быть въ этомъ дѣлѣ, и не хочу, чтобы вы были свидѣтельницей сцены.

«Мы рѣшили, чтобы я уведомила его письмомъ о результатахъ моихъ дѣйствій.

«Нечего было уже скрывать. Я пересказала тетенькѣ все, какъ было, и со слезами просила ее о содѣйствіи. Она также, какъ и я, не понимала притвыи отказа.

«Папенька съ неудовольствіемъ сказалъ ей, что она напрасно мѣшается не въ свое дѣло, что его рѣшеніе неизмѣнно. И когда она спрашивала о причинѣ, онъ отвѣчалъ тоже, что имѣеть свои виды, впрочемъ, не поясняя ихъ; говорилъ, что Красновъ ему не нравится, что онъ имѣеть такіа мнѣнія, которыхъ не желаетъ видѣть въ своемъ зятѣ, что онъ знаетъ его семейство и не расположенъ родниться съ нимъ, однимъ словомъ, что онъ не хочетъ, и этого довольно. Два два я мучилась боланью и нерѣшительностью. Наконецъ, собравшись съ силами, отправилась къ папенькѣ въ кабинетъ.

«— Что тебѣ нужно? спросилъ онъ съ неудовольствіемъ, вставая съ креселъ и бросая перо, которымъ писалъ что-то.

«Я растерялась и не знала, съ чего начать.

«— Садись, сказалъ онъ, вѣроятно догадавшись, въ чемъ дѣло.

«— Папенька! наконецъ проговорила я : — Александръ Петровичъ говорилъ вамъ....

«— О чемъ? спросилъ онъ холодно.

«— О томъ, что онъ хочетъ на мнѣ жениться.

«— Говорилъ. А ты почему это знаешь?

«Я рассказала ему, что слышала отъ самого Краснова.

«— Вотъ вы съ нимъ въ какихъ отношеніяхъ! сказалъ онъ насмѣшливо : — чего смотреть эта дура, твоя тетка! Если онъ говорилъ тебѣ объ этомъ, то вѣроятно ты знаешь мой отвѣтъ. Къ чему же ты пришла ко мнѣ? Я объявилъ и ему и теткѣ мое неизмѣнное рѣшеніе.

«— Но онъ не сказалъ вамъ, папенька, одного обстоятельства очень важнаго, которое должно убѣдить васъ согласиться.

«— Что такое? спросилъ онъ въ испугѣ.

«— Отъ этого обстоятельства, если вы будете продолжать упорствовать, зависить и мое счастье, и моя честь, и самая жизнь.

«— Говори скорѣе, какое это обстоятельство? сказалъ онъ, крѣпко сжимая мои руки и поблѣднѣвъ.

«— Вотъ оно: я люблю его всей душой и вромѣ его ни за кого не выйду замужъ.

«— Только-то! сказалъ онъ, вздохнувъ свободно и насмѣшливо улыбаясь: — что же ты тутъ говорила про честь, глупая? продолжалъ онъ ласково.

«— Моя честь страдала бы, если бы я вышла за другого (чего никогда не будетъ), потому что я любила бы не его. Согласитесь же на мое счастье, папенька! сказала я, обнимая его.

«— Ты знаешь мой отвѣтъ, и не пытайся понапрасну перемѣнить его.

«— Но вѣдъ я люблю его! вскричала я съ жаромъ.

«— Такъ какъ ты не будешь впередъ видѣть его, то твою любовь разсѣтетъ черезъ мѣсяць, повѣрь мнѣ.

«— Никогда! сказала я съ негодованіемъ: — никогда, развѣ только съ жизнью.

«— Ты меня не увѣришь. Не ты первая любишь. Всѣ мы любили и знаемъ, какъ цѣнить такую любовь. Но мнѣ некогда теперь. Иди къ себѣ и старайся забыть твои дѣтскія глупости, какъ забываю ихъ я.

«— Папенька, папенька! вскричала я, упавъ на колѣни и обнимая его ноги: — это убьетъ меня.

«— Встань! сказалъ онъ сердито.

«Но увидавъ, какъ я была блѣдна, онъ поднялъ и посадить меня на кресло. Я едва не амшилась чувствъ. Онъ позвонилъ и велѣлъ позвать тетеньку.

«— Возьми ее, сказалъ онъ ей: — успокой и уговори. Постарайся внушить ей, чтобы она оставила свои пустыя идеи и представила бы мнѣ заботы о ея счастьи, которое мнѣ очень дорого. Вѣрне оно будетъ прочнѣе того, которое она теперь воображаетъ.

«Я упала безъ чувствъ въ своей комнатѣ. Но папенька былъ непреклоненъ. Я написала Красилову, что буду гулять съ тетенькой по Адмиралтейскому бульвару и чтобы онъ пришелъ туда.

«Мы встрѣтились. Я рассказала ему все какъ было. Онъ равнодушно выслушалъ и сказалъ, что и не ждалъ ничего другого. Я саранивала его, что дѣлать:

«— Остается одно средство, сказалъ онъ: — это обойтись безъ его согласія.

«— Ахъ, какъ можно! вскрикнула я.

«— Иначе, ничего не будетъ, продолжалъ онъ: — его ни чѣмъ не возьмешь.

«— Претвѣзь его согласію! повторила я съ ужасомъ.

«— Да; неужели же вы захотите пожертвовать своей любовью?

«Теперь я помню, что онъ говорилъ это тономъ челоуѣка, увѣреннаго въ справедливости того, чему не хотѣлъ вѣрить. Онъ какъ будто хотѣлъ только испытывать меня.

«— Нѣтъ, разумѣется нѣтъ, отвѣчала я: — онъ увидитъ, что и я не измѣнюсь. Я только боюсь этихъ страшныхъ непріятностей съ нимъ, этихъ сновъ.... Если бы можно было обойтись безъ нихъ! И потомъ ссориться съ нимъ, съ отцомъ, не ужасно ли? Этою только цѣною кушать себѣ счастье!... Хотя, правда, одно стоитъ другого.... Онъ вѣдь любитъ меня.... Можетъ быть мнѣ удастся достигнуть мирно. Не правда ли, ссора — злое средство; оно отравитъ наше счастье? Я надѣюсь, что успѣю.... Потерпимъ, будемъ ждать.... не правда ли?

«Онъ посмотрѣлъ на меня съ какимъ-то страшнымъ сожалѣніемъ и пожалъ плечами. Но во взорѣ его не было ни любви, ни отчаянія, ни страсти; онъ былъ холоденъ. Я теперь хорошо помню, что вздрогнула отъ охлаждающаго дѣйствія этого взора.

«— Будемъ ждать, отвѣчалъ онъ такимъ тономъ, какъ будто хотѣлъ сказать: «Я не хочу лишать тебя надежды, слабое и жалкое созданіе. Дѣлай, что хочешь; изъ этого ничего не выйдетъ.... и я отступаю.»

«Не тогда не такъ растолковала я себѣ его слова. Я полагала, что если онъ любитъ такъ же, какъ и я, то можетъ ждать такъ, какъ и я готова была ждать. Я думала, что въ любви его можетъ быть такое же терпѣніе, какъ и въ моей. Я обѣщала увѣдомлять его обо всемъ и просила, чтобы онъ иногда приходилъ встрѣчать меня въ назначенное мѣсто.

«Но прошло уже нѣсколько недѣль, а дѣло мое не улучшалось. Пашенька не хотѣла и слышать. Съ Красилевымъ имъ выдались какъ будто случайно. Потомъ мало по малу онъ сдѣлался не-неправенъ: я стала видѣть его рѣже. Иногда онъ проходилъ, но

забѣченъ меня. Ты понимашь, какъ и должна была страдать! И вдругъ, въ одинъ день, я неожиданно узнаю, что онъ уѣхалъ изъ Петербурга и уѣхалъ очень далеко, не сказавъ и не написать мнѣ ни одного утѣшительнаго слова.

«Я не буду описывать, какое дѣйствіе произвело на меня это вѣстіе; къ какому результату привело оно — ты видишь это....»

«Мало по малу, я стала разсуждать, стала припоминать всѣ обстоятельства, всѣ слова жалкой исторіи моей любви, и съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе должна была убѣждаться въ томъ, что онъ никогда не любилъ меня. Если онъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, то изъ сожалѣнія, видя мою къ нему привязанность. Онъ изъ великодушія и жеманялся бы на мнѣ, пожалуи, и покровительствовалъ бы меня — существо слабее и больное, но никогда бы не любилъ меня. Должна ли была я любить его отъ этого меньше, не знаю; но я не могла и не могу. Не когда я размышляла о томъ: отчего онъ такъ безжалостно и безъ всякаго объясненія оставилъ меня? я заключила, что онъ убѣждалъ себя, что любовь моя безсильна и слаба, потому что меня страшатъ препятствія, которыя онъ бы легко перешагнулъ, и что я никогда не въ состояніи буду идти на перекоръ нѣтъ.»

«Можетъ быть, изъ этого видимаго безсилія, онъ заключилъ и то, что любовь эта не могла пустить глубокіхъ корней и что въ разлукѣ съ нимъ она разсѣется, какъ полагаю это и папенька. Это-то обидное для меня предположеніе всего болѣе огорчаетъ меня. И думалъ онъ, вѣроятно, что я не умѣю любить, что я недостойна этого чувства и, что любовь для меня заключается только въ слезахъ и вздохахъ. Не ужасно ли это? Возможно ли жить, скажи мнѣ, и не сеѣдти съ ума!»

«Нѣтъ, онъ не любилъ меня, не любилъ! И припоминаю всѣ его дѣйствія, всѣ его взгляды, слова, и теперь ясно вижу, что если онъ виталъ ко мнѣ какое нибудь доброе чувство, то оно было не болѣе какъ дружба или сожалѣніе.»

«И если бы онъ любилъ меня, могъ ли бы онъ оставить меня такъ безжалостно, не употребивъ какихъ нибудь усилій, чтобы обладать мною? Правда, онъ и не употреблялъ ихъ никогда, и я удивляюсь, какъ могла такъ долго ошибаться насчетъ его чувствъ ко мнѣ. Несила любви ослабила меня и я такъ охотно

готова была вѣрить возможности осуществленія надеждъ моихъ. И никогда ни одного слова любви не сказалъ онъ мнѣ. Я говорила въ за него.

«И, можетъ быть, уѣхалъ онъ съ презрѣніемъ въ душѣ къ этой, не видимому, слабой и безцѣльной любви. Я знаю, заслуживаетъ ли она такого надобраго суда! Но онъ гордъ, силенъ; онъ судить по себѣ. Слабость другихъ на минуту пробуждаетъ въ немъ участіе, но скоро надоѣдаетъ. Вотъ какъ думаю я.... и ты можешь себѣ представить, легко ли мнѣ!

«Но я, а не любовь моя, слаба, потому что любовь, видишь, сокрушила меня и уложить въ могилу. Значитъ, есть въ ней довольно силы. Если бы онъ зналъ это, то по крайней мѣрѣ не сталъ бы презирать меня. Слѣдовало ли такъ строго и скоро судить за то, что я пѣною раздора съ отцомъ, котораго любила, не хотѣла купить своего счастья!

«Но онъ судилъ по себѣ; я не виню его.

«Но и теперь я люблю его, люблю точно такъ же, какъ и тогда, когда онъ былъ предъ моими глазами, когда съ каждымъ свиданіемъ я замѣчала въ немъ какое нибудь новое достоинство:

«Несмотря на разлуку, несмотря на убѣжденіе въ томъ; что онъ никогда не любилъ меня, я не могу найти столько самолюбія, столько гордости, чтобъ не любить его и.... затушить въ себѣ безразсудное чувство, которое уничтожаетъ меня....»

Утомленная расказница замолчала, опрокинулась на спинку кресла и закрыла глаза. Грудь ея неровно подымалась; изъ полуоткрытаго рта съ усиліемъ вырывалось тяжелое и горячее дыханіе:

Софья Николаевна съ грустью смотрѣла на нее.

— Можетъ быть, ты ошибаешься, Наденька, сказала она:— причину его отъѣзда можно объяснить совершенно другимъ образомъ. Можетъ быть, не недостатокъ, а избытокъ любви заставилъ его рѣшиться на такую мѣру. Онъ не хотѣлъ отдать тебя на жертву усиленной и подстрекаемой его присутствіемъ борьбы; а удалился, чтобъ дать тебѣ время дѣйствовать спокойнѣе.

— Ты говоришь не то, что думаешь, Сонечка, отвѣчала больная: — наврасно, теперь меня трудно обмануть. Нѣтъ, не по одному его внезапному отъѣзду сужу я, а припомню все,

рѣшительно все, и прихожу къ однимъ и тѣмъ же безотраднымъ заключеніямъ. Да ужь теперь мнѣ все равно.... И воротись онъ и полюби меня, это ужь не будетъ въ состояніи воскресить меня.

Напрасно Софья Николаевна старалась утѣшить свою бѣдную подругу. Наденька, утомленная долгимъ разговоромъ, прислонивъ голову къ подушкѣ, лежала неподвижно и молча, съ красными, разгорѣвшимися пятнами на блѣдныхъ щекахъ. Она глядѣла сухими, болѣзненно-блестящими глазами, и отвѣчала только горькими и недоувѣрчивыми улыбками.

Ее уложили въ постель. Софья Николаевна постлала на диванѣ. Но, раздѣвшись и отпустивъ горничную, она долго еще сидѣла у изголовья больной, держала ее худую, горячую руку. Она взяла на себя обязанность присматривать за Наденькой ночью.

Слабый свѣтъ отъ свѣчи, съ надѣтымъ на нее розовымъ абажуромъ, пробивался сквозь голубыя занавѣски и несмѣло падалъ на бѣлую фигуру дѣвушки. Она сидѣла, склонивъ прекрасную голову на обнаженную выше локтя античную руку, упирающуюся въ подушку. Съ молчаливою грустью смотрѣла она на блѣдное, мертвенное лицо Наденьки, которая лежала, не открывая глазъ. Тихія слезы появлялись на ея щекахъ, но она тотчасъ же вытирала ихъ, боясь, чтобы больная не подмѣтила, внезапно открывъ глаза:

Вдругъ Наденька, немного приподымаясь, сказала тихимъ голосомъ:

— Сонечка!... знаешь ли, о чемъ я хочу попросить тебя?

— О чемъ это, Надя?

— Лягь со мной, милая Соня! пожалуйста лягь, если ты только не боишься лежать съ больной. Кровать широкая.... я не буду тебя беспокоить и постараюсь не кашлять, чтобы не разбудить и не испугать тебя.

Софья Николаевна перенесла свои подушки и легла подлѣ Наденьки. Онѣ обнялись. Больная цаловала нашу героиню. Нѣсколько времени еще слышались ихъ тихіе разговоры или, лучше, шопотъ, прерываемый нѣрѣдка болѣзненнымъ кашлемъ. Но наконецъ все смолкло: онѣ уснули. Больная успокоилась, можетъ быть, послѣ многихъ бессонныхъ ночей.

Если бы, пользуясь этимъ сномъ, подкрасться, подобно любовной Психеѣ, къ этому дѣтственному ложу и освѣтить его, какое горькое, обидное чувство возбудила бы въ зрителѣ картина двухъ спящихъ дѣвушекъ, картина прекрасная, но подлая разительныхъ и печальныхъ противоположностей!

Обѣ онѣ хороши; но все-таки какая ужасная разница между ними!

Одна розовая, дышащая здоровьемъ и силой, съ нѣжно закругленными и выпуклыми членами, съ свободно поднимающейся грудью, съ круглыми, какъ будто выточенными плечами. Другая — тоже прекрасна: при взглядѣ на нее тоже шевелится сердце и шевелится болѣзненно и сильно; но въ этой картинѣ она кажется скорѣе правильнымъ очертаніемъ красоты, нежели полнымъ живописнымъ ея изображеніемъ. Она худа и блѣдна; члены ея тонки, лишены тѣла и обтянуты нѣжной кожей по миниатюрнымъ костямъ. Они загибаются и оканчиваются угловато, рѣзко. Грудь ввалилась, плечи остры и жестки. Первая, утомившись отъ дороги, уснула, лѣнливо расправляя и раскинувъ свои роскошные члены. Одной рукой она обвиваетъ свою сестрѣнку. Грудь ея колышется; головка закинута назадъ. Влажный малиновый ротикъ полуоткрытъ: онъ ждетъ поцалуя любви и страсти. Вторая — лежитъ въ изнеможеніи, опустивъ всѣ свои члены. Темныя пятна означаютъ глаза; щеки ввалились; стиснутыя губы сухи и бѣлы; болѣзненный потъ покрываетъ лицо и грудь.

Не поцалуя любви ждетъ тѣло этой бѣдной увядающей дѣвушки, а поцалуя послѣдняго, страшнаго прощанья и горькихъ, падающихъ на него слезъ сожалѣнія.

Наденька подлѣ Софьи Николаевны была какъ будто маленькимъ, увядшимъ, поникнувшимъ на своемъ тоненькомъ стебелѣкъ бутончикомъ подлѣ прекрасной, пышной и распускающейся розы.

Сните, сните, бѣдныя дѣвушки — сладко, долго и спокойно! Жизнь горько растрезожила вашу житейскій сонъ. У одной она отравила надежды на будущее, вѣру въ людей, оскорбила юное и святое чувство истины и довѣрія; другую она разбила, сокрушила, уничтожила и вдавливаетъ въ землю безжалостно и не расквашаясь.

Не весело проснуться замѣ къ этой суровой жизни, которая одной указываетъ блиакую могилу, а въ другой поселяетъ безотраднее и безпокойное чувство сомнѣнія.

Спите, спите сладкимъ сномъ! Можетъ быть, хотя на время благодатный сонъ заставитъ васъ забыть грустную дѣйствительность и возвратитъ къ прежнимъ младенческимъ мечтамъ и вѣрованіямъ въ будущее!

Но не уснуть имъ на этой богатой постели, какъ спали онѣ на своихъ простенькихъ, узенькихъ пансіонскихъ кроватяхъ!

Пять часовъ. Утренній свѣтъ проходитъ уже, въ свою очередь, сквозь занавѣски и падаетъ на спящихъ. Софья Николаевна бѣдна, не спитъ крѣпко и лежитъ неподвижно. Больная же мечется въ безпокойствѣ: глаза ея открываются съ тоскою, на щекахъ ярче заглавсь болѣзненные пятна, кашель разрываетъ грудь. Она просыпается и, приподымаясь на постели, закрываетъ своими руками ротъ, чтобы вырывающіеся звуки не разбудили подругу.

Потомъ она глядитъ на прекрасное лицо сосѣдки — глядитъ внимательно, но съ какимъ-то чувствомъ тоски и страданія. Нечаянно взоръ ея упалъ на трюмо и она увидѣла въ зеркалѣ свою бѣдную фигуру. Крупныя слезы катятся по щекамъ и падаютъ на худую грудь; но врядъ ли забирается въ нее чувство досады и зависти.

Съ судорожнымъ, отчаяннымъ движеніемъ падаетъ она на подушку; руки ея вытягиваются и крѣпко обхватываютъ Софью Николаевну.

— Сонечка, Сонечка! вырывается съ мучительнымъ усиліемъ изъ груди ея.

— Что съ тобою, Надя? спрашиваетъ, проснувшись, испуганная Софья Николаевна.

— Ахъ, Сонечка, что у меня здѣсь, отвѣчаетъ больная, сжимающая свою грудь: — если бы ты только знала!... Я умру, непременно умру... а мнѣ вѣдь хочется жить... хочется любить... я еще такъ молода!

И она глухо плакала, пряча лицо свое въ подушку.

— Надя, не мучь себя! говорила, поднявшись на постели и въ сильномъ волненіи, наша героиня: — ты выдоровѣешь, ты будешь жить, будешь любить.

— Ахъ, нѣтъ! прервала больная: — я умру. Живешь ли? продолжала она: — я сейчасъ видѣла его во снѣ. Этого давно уже со мной не случалось. Онъ стоялъ передо мной на колыняхъ, онъ цаловалъ мои худыя руки и плакалъ, глядя на мое блѣдное лицо. Онъ просилъ у меня прощенія, говорилъ, что онъ всегда любилъ меня... и что я оживу и расцвѣту въ его объятіяхъ... И онъ обнималъ меня, Сонечка, обнималъ! вскричала больная, судорожно и крѣпко обвивая своими руками прекрасную сосѣдку. — Дай мнѣ жизни, Соня! дай мнѣ жизни! Я не хочу умирать... я хочу жить.

И она жадно цаловала Софью Николаевну.

Послѣднимъ, предсмертнымъ огнемъ заняла въ ней чувства любви и страсти. Софья Николаевна не знала, что дѣлать.

Но страшно напряженные, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ, силы вскорѣ рѣшительно оставили больную; сильное волненіе разбило ее. Руки ея прикасались, а не сжимали уже, и она почти безчувственная лежала въ рукахъ своей подруги. Часовъ до восьми только кашель Наденьки нарушалъ тишину грустной спальни.

На другой день Софья Николаевна улучила минуту, чтобы спросить доктора о положеніи Наденьки, и просила его сказать правду, объявивъ, что она только знакома, а не родственница его пациентки.

Докторъ сознался, что у послѣдней чахотка въ сильной степени, и сказалъ, что не надѣется, чтобы больная пережила весну.

Софья Николаевна поблѣднѣла: ей стало и больно, и грустно. Но плакать въ первыя минуты она не могла. Правда, что тотчасъ послѣ разговора ее позвали къ больной и слезы надо было удерживать. Она легко согласилась на просьбы Наденьки и рѣшилась послѣдніе дни ея жизни остаться съ нею.

Надежда Александровна быстро близилась къ могилѣ. Отецъ ея еще разъ собралъ консилиумъ; но изъ совѣщаній докторовъ не упало ни одного слабого луча надежды. Они не могли только совершенно согласиться въ срокъ ея смерти.

Каждый день больная дѣлалась слабѣе и слабѣе; но, по мѣрѣ слабости, надежда на выздоровленіе горѣла въ ней сильнѣе.

Недѣли черезъ полторы послѣ описанной нами ночи, Софья Николаевна легла въ постель опять вмѣстѣ съ Наденькой.

Нельзя сказать, чтобы она дѣлала это съ совершеннымъ удовольствіемъ. Ей говорили и она вѣрила тому, что чахотка можетъ прилетѣть. Грустные, безрокошцы, тоскливые насы аредовидна она, лежа подлѣ бѣдной страдалицы, безпрестанно пробуждающейся, бредящей и кашляющей. Но чтобы угодить ей, утѣшить бѣдную подругу, она забывала неприятности, боролась съ своею натурою, рисковала здоровьемъ.

На подобное самоотверженіе преимущественно способны женщины. Мы не признаемъ его достоинства въ подобныхъ мелочахъ и ищемъ случая пустить его въ ходъ въ обширнѣйшихъ размѣрахъ!

Какъ я уже сказалъ, наша героиня легла спать на одной кровати съ больною. Долго не могла она заснуть; но натура взяла свое и къ утру дѣвушка крѣпко спала.

Было уже свѣтло, когда она проснулась, почувствовавъ неприятное впечатлѣніе сыраго холода на своей груди и вокругъ шеи. Она открыла глаза.

Больная лежала, склонивъ голову къ ея груди. Все лицо Наденьки скрывалось въ этой груди; руки обхватывали шею Софьи Николаевны. Отъ этого-то прикосновенія наша героиня и испытывала ощущеніе холода. Но она далека еще была отъ того, чтобы понять въ чемъ дѣло. Она видѣла только неподвижную и покоящуюся позу своей сосѣдки и осторожно взяла ея руки и освободила свою шею. Больная не шевелилась; руки повиновались совершенно данному имъ движенію. Потомъ Софья Николаевна осторожно приподняла голову и, положивъ ее на подушку, посмотрѣла въ лицо больной, невольно испугавшись такого крѣпкаго ея и такой неподвижности. Лицо было бѣдно и одноцвѣтно; румянецъ пропалъ со щекъ; губы бѣлы, зубы стиснуты. Наша героиня сдѣлалась сама бѣла какъ смѣгъ, страшная тяжесть придавила въ ней сердце.

— Наденька, Наденька! сказала она, не смѣло шевелясь болѣющую.

И она прикоснулась къ ней губами, думая разбудить словомъ подалуемъ.

Но она быстро отбросила свою голову и вздрогнула; губы ея прикоснулись къ холодному, но еще влажному тѣлу. Ей казалось, что больная не дышитъ, и страшная истина въ первый разъ мелькнула въ ея головѣ.

— Наденька, Наденька! вскричала она уже громче, съ силою приподымая свою подругу за плечи и колебля ее.

Но голова послѣдней перегнулась на худой шеѣ и опрокинулась назадъ; руки висѣли какъ плети. Силы оставили Софью Николаевну; она выпустила изъ своихъ рукъ страшное бремя. Голова Наденьки упала на подушку, какъ какая нибудь вещь!

Тогда наша героиня поняла истину. Она быстро соскочила съ постели, дико вскрикнула и лишилась чувствъ.

Нѣсколько часовъ, можетъ быть, она спала въ объятіяхъ трупя!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ГЛАВА I.

Перенесемся въ одну изъ отдаленныхъ улицъ Петербурга, въ которой не видишь ни сплошной массы высокихъ каменныхъ стѣнъ (между которыми весьма трудно замѣтить раздѣленіе), ни великолѣпныхъ подъездовъ и магазиновъ, ни пестрыхъ выѣздовъ; но гдѣ дома, почти все деревянныя, отдѣляясь другъ отъ друга длинными и безобразными заборами, скрываютъ свои фасады за густою и темною зеленью необходимыхъ насажденийъ, постоянно поддерживающихъ влагу и сырость въ комнатахъ.

Перейдемъ въ одну изъ тѣхъ улицъ, гдѣ повже достаѣ часовъ вечера рѣдко увидишь человѣка. И идетъ онъ быстро, не смѣло, по деревяннымъ тротуарамъ, безпрестанно оглядываясь и все-таки ничего не видя въ улицѣ, освѣщаемой слабымъ и печальнымъ свѣтомъ фонарей. Здѣсь въ этихъ домахъ болѣею частью живутъ сами хозяева, и если есть посторонніе, то они уже напичканы цѣлымъ доминомъ. Въ одномъ изъ этихъ скромныхъ обиталищъ, которыя, между прочимъ, сверху все походять другъ на друга, въ довольно большой, но темной и низенькой комнатѣ, у окна, въ которое безпрестанно ударяютъ густыя вѣтви старой березы, сидѣла пожилая дама и молодой красивый офицеръ. Они, сидѣвъ, разговаривали между собой.

Дамъ было, по видимому, лѣтъ сорокъ-пять или пятьдесятъ. Она была высока и черезчуръ полна. Жиръ замѣтнымъ образомъ высился и перевѣширался въ тѣхъ мѣстахъ ея корпуса, гдѣ, по необходимымъ условіямъ одежды, платье застегивалось или завязывалось. Лицо было безцвѣтно, но блестяло какъ нѣчто маслянистымъ лоскомъ и оканчивалось тройнымъ подбородкомъ, закрывающимъ почти совсѣмъ толстую и короткую шею. Выраженіе лица постоянно было самодовольное, спокойное, но какое-то хитрое и льстивое, когда она говорила съ кѣмъ нибудь. Принужденный, насильственный видъ озабоченности искажалъ натуральное выраженіе лица. Глаза какъ будто не смотрѣли ни на что преимущественно, а между тѣмъ слѣдили за каждымъ движеніемъ того, съ кѣмъ она разговаривала. Голосъ былъ непріятенъ, грубъ и отрывистъ; ласковыя выраженія чрезвычайно не шли къ нему. Всѣ движенія были лишены женственности и скорѣе походили на мужскія. Въ ней оцѣ почему-то казались черезчуръ смѣлыми и даже наглыми.

— Вотъ видите ли: я взошелъ на лѣстницу и позвонилъ довольно несмѣло, весело говорилъ офицеръ: — право вѣдь весьма странно и неловко отправляться на такія походы, Наталья Васильевна, что ни говорите! Ну мнѣ и отворила дверь какая-то препротивная дѣвка, которой я объявилъ, что имѣю дѣло къ госпожѣ и что пришелъ отъ васъ. Когда я произнесъ ваше имя, мнѣ показалось, что эта заспанная харя улыбнулась,

— Дура! прервала Наталья Васильевна.

— Я вошелъ въ залу и сталъ отъ нечего дѣлать ее осматривать. Прощо, я думаю, минутъ около десяти; но никто не явился. Я догадался, что вдовушка, вѣроятно, хлопочетъ за туалетомъ. Наконецъ въ сосѣдней комнатѣ послышался шелестъ шелкового платья, и она выступила ужь подлинно по купечески, точно какъ пава. По одной походкѣ узналъ бы, что вдова и купчиха....

— Но вашему, что ли, прыгать какъ стрекозѣ и вертѣться какъ будто комаръ укусилъ? Плавная походка приличествуетъ благородной дамѣ, серьезно замѣтила слушающая.

— Ну я разжидился. «Что вамъ угодно?» спросила она. — Такъ и такъ, говорю, моя добрая старинная знакомая, Наталья Васильевна, зная, что я иду купить мебель, сказала мнѣ, что

она у васъ продается за извѣществомъ. И потому я и осмѣлился....

Интересный разговоръ офицера прерванъ былъ звономъ колокольчика.

— Ну прощайте, благодѣтельница, сказалъ онъ, вставая:— кто это къ вамъ? ужь не ялица ли ваша?... а вѣдь дупка, право!... жаль.

— Прощайте, прощайте, говорила Наталья Власѣевна, провожая его въ переднюю.

— А! это вы, батюшка, Борисъ Петровичъ, сказала она, почтительно кланяясь вошедшему изъ сѣней уже извѣстному намъ Темникову.

Офицеръ вышелъ, а хозяйка въ сопровожденіи новаго гостя отправилась въ гостиную.

Для чего Темниковъ оставилъ деревню и пріѣхалъ въ Петербургъ, мы увидимъ изъ слѣдующаго разговора.

— Ну что новаго? сурово спросилъ онъ, садясь въ кресла.

— Да ничего, батюшка, особеннаго вѣтъ, отвѣчала подобострастно Наталья Власѣевна.

Предъ повымъ своимъ гостемъ она совершенно измѣнилась. Самоувѣренное и какое-то даже покровительное выраженіе лица, которое сохраняла она во все время бесѣды своей съ офицеромъ, исчезло и замѣнилось смиреннымъ и почтительнымъ. Интонація голоса сдѣлалась непріятно сладкою и льстивою.

— Успокоилась она, что ли? утѣшилась ли? говорилъ, не смотря на хозяйку, Темниковъ: — все ли ищеть мѣста?

— Все груститъ, тоскуеть. И говорить-то мало послѣ смерти своей матери и этой подруги, какъ бишь ее?... которыхъ смерть случилась, на грѣхъ, въ одно время. И мѣста все ищеть... Ужъ я такъ и сякъ бралась, и ясно намекала ей, что можетъ пристроиться гораздо выгоднѣе, чѣмъ въ гувернанки, и услуги свои предлагала ей — жениха съискать; такъ вѣтъ! точно къ стѣнѣ горохъ. Какъ будто и не ей говоришь, въ глаза глядишь, а сама ничего не слышитъ и не понимаетъ... Даже досадно, право. Глухая она какая-то или деревянная!

— А насчетъ возможности замужества говорила ты?

— Какъ приказали вы, батюшка. Говорила я ей, что она круглая сирота, безпомощная, что всѣ обижать ее будутъ, что

если мужа найдеть, то онъ покровителемъ и защитникомъ будетъ ей.

— Чтожь она?

— А она едва слушаетъ и спасибо, кажется, не сказала. Я говорю, не хочу замужъ идти для того, чтобы только покровителя найти. Не надо, говорить, мнѣ... Богъ, говорить, не оставить и поможетъ самой себя защищать и кормиться трудами.

— Все также упряма! прошепталъ Темниковъ, стиснувъ зубы: — характерна, нечего сказать! Такъ сдѣлай ты все такъ, какъ я тебѣ говорилъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Натальѣ Власьевнѣ: — и не позже какъ сегодня вечеромъ. Надо порѣшить наконецъ. На, возьми!

И онъ передалъ ей маленькую сложенную бумажку.

Она несмѣло взяла ее.

— Боюсь я, Борисъ Петровичъ, чтобы грѣха не вышло... она вѣдь пребѣдовая!... Какъ послѣ къ отвѣту за нее потянуть?

— Изъ ума ты выжила!... кто ей повѣритъ послѣ? Да вѣдь для добра же ей это... Попугать надо, больше ничего. Да ужъ за все я отвѣчаю, все беру на себя, не бойся же.

— То-то уже вы меня не путайте послѣ, въ отвѣтъ не введите, Борисъ Петровичъ.

— А вотъ на деньги, сказалъ Темниковъ и положилъ ихъ на столъ. — За хлопоты и расходы послѣ еще получишь. А если уластятъ, вѣкъ не забуду, будешь меня благодарить.

— Зачѣмъ деньги, батюшка? сказала она, жадно глядя на ассигнаціи и протягивая къ нимъ руку: — я вамъ всегда служить готова... старые знакомые... Все, что могу, сдѣлаю.

Темниковъ стоялъ къ ней спиной и барабанилъ по стеклу.

— Такъ сегодня часу въ девятомъ. Не забудь всѣхъ людей разослать. А гдѣ она теперь?

— Поѣхала въ контору справочную, да по рекомендаціи еще... говорила я вамъ. Последніе дни безъ усталости мѣста ищетъ. На начальницу пансіона надѣялась, да та уѣхала и пансіона-то уже нѣтъ нынче.

— Такъ прощай же и смотри въ оба!

— Прощайте, батюшка, отвѣчала Наталья Власьевна, провожая его въ переднюю и униженно кланяясь.

— Шопалась красавица! думала она, воротившись въ гостиную и запершись: — спѣсь-то собьютъ лишнюю.

И она принялась считать полученные деньги. Сосчитавъ, бережно завернула она ихъ въ бумажку и заперла въ комодъ, спрятавъ между бѣльемъ.

— Исправно и честно благодарить! сказала она, утѣшившись и принимаясь разкладывать гранпасьянсъ.

Читатель, вѣроятно, уже догадался, что рѣчь шла о Софѣ Николаевнѣ. Герония наша послѣ смерти Наденьки перебралась къ Натальѣ Власьевнѣ, которая такъ обязательно пригласила ее остановиться у себя тогда, когда онѣ еще вмѣстѣ ѣхали въ дилижансъ.

Смерть Наденьки сдѣлала на нашу героиню сильное и болѣзненное впечатлѣніе. И вдругъ она получила извѣстіе о смерти своей матери! Эта новость застигла ее въ самомъ грустномъ настроеніи духа и была вдвойнѣ тяжела ей. Анясья Ивановна умерла одна, лишенная попеченій дочери; умерла въ кругу людей ей чуждыхъ, но которые, на самомъ дѣлѣ, были ближе старухѣ, нежели родная дочь. И въ первыя минуты Софя Николаевна съ неумолимою строгостью осудила себя. Она горько упрекала себя въ холодности, упрекала за то, что покинула мать одну въ послѣдніе годы жизни. Правда, что оставила она мать для ея же пользы — почти все свое жалованье она пересылала ей. Жить съ матерью, конечно, было бы для Софьи Николаевны самоотверженіемъ, но самоотверженіе это было бы тщетно и бесполезно. Такъ ли была развита Анясья Ивановна, чтобы оцѣнить, какъ слѣдуетъ, эти ласки и попеченія, и предпочесть ихъ выгодамъ, и мелкимъ, хотя и необходимымъ, удобствамъ жизни? Нѣтъ: чувство материнской любви не могло имѣть въ ней такой чистоты и пѣжности. Но, кто знаетъ, въ послѣднія минуты жизни не проснулось ли оно со всею силою и пѣжностью?... Злое сомнѣніе о мѣрѣ законности и справедливости своего поведенія относительно матери долго не давало покоя нашей героинѣ.

Наталья Власьева, у которой она остановилась случайно, не правила ей по какому-то инстинктивному чувству. Общество ей было для нея тяжело; разговоры казались страшными и иногда непонятными. Съ многочисленными посѣтителями у

Наталя Власьева была какія-то таинственныя сношенія. Но-выя лица смѣнялись безпрестанно.

Софья Николаевна сильно хотѣлось поскорѣй расстаться съ этой женщиной.

Она думала было обратиться къ начальницѣ того пансіона, въ которомъ воспитывалась; но пансіонъ уже не существовалъ. Начальницы не было въ Петербургѣ, а изъ классныхъ дамъ Софья Николаевна рѣшительно никого не могла найти. Она велѣла напечатать о себѣ въ газетахъ, записалась въ справочной конторѣ; а между тѣмъ рѣшилась обратиться къ нѣкоторымъ изъ своихъ пансіонскихъ подругъ съ просьбою о содѣйствіи въ прискаваніи мѣста. Но ихъ очень мало было въ Петербургѣ. Она узнала о нѣкоторыхъ. Онѣ были замужомъ и жили въ довольствѣ. Она навѣдалась къ одной изъ нихъ, которая въ пансіонѣ была къ ней ближе; но эта подруга приняла ее такъ сухо, такъ холодно, такъ не по товарищески, что справедливо оскорбленная дѣвушка не рѣшилась уже обращаться къ другимъ. Можетъ быть, не во время застала она свою подругу! это всего вѣрнѣе.

И случилось это именно въ тотъ день, въ который происходили уже переданныя нами разговоры въ домѣ Натальи Власьевны. Софья Николаевна, обиженная и грустная, испытывая безпрерывныя неудачи, возвращалась домой на извозчикѣ.

— Вы никакъ, барышня въ полку живете? спросилъ вдругъ извозчикъ.

— Ты почему это знаешь? отвѣчала удивленная дѣвушка.

— Я тамъ недалеко отъ васъ на биржѣ стою: тамъ на углу.... Я кажинный день вижу, какъ вы отъ Натальи Власьевны выходите.

— Ты и ее знаешь? спросила еще болѣе удивленная Софья Николаевна.

— Какъ не знать!... Мы ее довольно знаемъ и давно уже.... Мы много разъ и ее возили.... и отъ нея и къ ней разныхъ господъ... Какъ не знать! Нечего сказать, ловкая барыня.... дѣла хорошо справляетъ.... хе, хе, хе!

Извозчикъ засмѣялся.

— А что? продолжалъ онъ: — Наталья Власьева мѣста-то вамъ еще, видно, не прискала.

— Какой ты страшный! почему ты знаешь, что и куда иду?

— Мы все знаем! Это известно уже дядю, сказалъ извозчикъ, обернувшись и лукаво улыбаясь.

Всѣмъ дѣломъ разсказовъ и улыбокъ извозника, Наталья Власьева и всѣя дѣла показала. Софья Николаевна нѣсколько недобротельны. Она рѣшилась какъ можно скорѣе разстаться съ нею: и досадовала, что до сихъ поръ не могла найти мѣста.

Софья Николаевна, подѣхавъ къ дому, сошла съ дрожжекъ и заплатила извознику больше, чѣмъ ему слѣдовало.

— Ну, на томъ спасибо, барышня, сказалъ онъ, скидая шапку и кланяясь: — найди себѣ хорошаго и богатаго барина.

Но Софья Николаевна не слышала его: она уже была въ домѣ.

ГЛАВА II.

Наталья Власьева при встрѣчѣ расцаловала ее и въ этотъ день въ особенности была внимательна, несмотря на то, что наша героиня холодно отвѣчала на ея ласки.

Вечеромъ, напившись съ Софьей Николаевной чаю, хозяйка объявила, что ей необходимо отлучиться по дѣламъ, и просила извиненія, что оставляетъ ее одну.

— Объ васъ я не забываю, душенька, говорила Наталья Власьева: — ужъ я принужу вамъ жениха, или хорошее мѣстечко.

Софья Николаевна вздрогнула: она вспомнила разговоръ и предположенія извозника. Но она очень была рада остаться одна въ этотъ вечеръ, не тревожимая докучливыми россказнями хозяйки. Она хотѣла читать одну изъ тѣхъ книгъ, которыя тетка Ниденьки отдала ей на память послѣ смерти племянницы.

Софья Николаевна, по уходѣ хозяйки, усѣлась на диванъ предъ стоящей на столѣ одинакой свѣчой, весьма бѣдно освѣщавшей большую и мрачную комнату.

Вѣтви деревъ, растущихъ въ палисадникѣ, хлестали по стекламъ и издавали такіе же дробящіеся звуки, какіе падаютъ

дождь, ударяя въ окна. Шумъ отъ вѣтра; пребирающагося сквозь сосѣдскія дѣлалъ до комнаты и дѣлалъ господствующую въ ней тишину какъ-то особенно грустною и страшною. Чувство болзни неволью поселилось въ Софью Николаевну. Она вздрагивала, и насильно, отгоняя тревожныя и безпокойныя мысли, старалась погружаться въ чтеніе.

Вдругъ она услышала тихіе, осторожныя шаги въ сосѣдней комнатѣ. Ей показалось, что кто-то шелъ и остановился у дверей.

— Настасья! закричала она, немного встревожась и думая, что это кухарка Натальи Власьевны: — это ты?

Отвѣта не было.

— Настасья! а Настасья!

Дверь скрипнула и отворилась. На порогѣ показалась какая-то черная фигура.

Дверь была довольно далеко отъ свѣчи, однако Софья Николаевна могла различить, что вошедшая фигура была не женщина:

— Кто это? спросила Софья Николаевна несмѣло и спуская ноги съ дивана.

Фигура не шевелилась.

— Вамъ вѣрно Наталью Власьевну нужно? ея дома нѣтъ, продолжала она дрожащимъ голосомъ и приподымаясь.

Фигура зашевелилась, стала подвигаться впередъ и кланялась. Софья Николаевна сдѣлала шагъ назадъ.

— Нѣтъ-съ; я къ вамъ, Софья Николаевна, именно къ вамъ, говорила фигура тихимъ и сладкимъ голосомъ.

Вошедшій подвинулся на столько къ дивану, что свѣтъ отъ свѣчи упалъ на его лицо, и Софья Николаевна узнала Темникова.

Она въ испугѣ вскрикнула.

— Не пугайтесь пожалуйста: мы вѣдь старые знакомые, Софья Николаевна, и я, какъ вы изволите знать, не звѣрь.

При этомъ онъ засмѣялся.

— Какимъ образомъ вы здѣсь!... зачѣмъ... что вамъ угодно?

— Я здѣсь, въ Петербургѣ, по своимъ дѣламъ. Имѣлъ случай узнать о мѣстѣ вашего жительства и долгомъ почелъ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе.

— Кажется, это совершенно лишнее, замѣтила наша гореня съ неудовольствіемъ: — судя по нашимъ взаимнымъ отношеніямъ, вы бы могли обойтись безъ этой странной учтивости.... Вы не такой человекъ, чтобы дѣлать что-нибудь безъ цѣли....

— Именно-съ, вы угадали. Миѣ нужно переговорить съ вами о дѣлѣ.

— У меня никакихъ дѣлъ не можетъ быть съ вами. И странное мѣсто и время выбрали вы! Я васъ прошу меня оставить.

— Я воспользовался случаемъ, узнавъ, что вы дома и однѣ.

— Такъ вы это нарочно сдѣлали! я прошу васъ меня оставить. Настасья! закричала Софья Николаевна съ безпокойствомъ.

Никто не откликнулся.

— Настасья!

— Не извольте безпокоиться, сказалъ Темниковъ. — Никого кромѣ васъ нѣтъ дома.

— Можетъ ли быть! съ испугомъ вскричала бѣдная дѣвушка.

И она кинулась въ сосѣдную комнату. Но въ ней, точно также, какъ и въ кухнѣ, было совершенно темно. Боясь, чтобы Темниковъ не послѣдовалъ за нею, она воротилась въ задъ.

— Я прошу васъ меня оставить, говорила она, блѣдная какъ полотно.

— Миѣ нужно переговорить съ вами о дѣлѣ, отвѣчалъ онъ смиренно.

— У меня нѣтъ никакого дѣла.... опять старое! оставьте меня, еще разъ прошу васъ! это ни на что не похоже!

— Миѣ необходимо, Софья Николаевна....

— Если вы не выйдете, я уйду отсюда.

— Такъ какъ я уже рѣшился объясниться, я послѣдую за вами.

— Вы, просто, хотите заставить выслушать себя насильно. Это безсовѣстно. Я принуждена буду сама выбѣжать на улицу.

И она кинулась къ дверямъ, ведущимъ въ переднюю. Но онъ прыгнулъ, какъ кошка, и предупредилъ ея, запереть дверь на ключъ.

— Что это значитъ? вскричала Софья Николаевна, серьёзно испугавшись: — какъ вы смѣете!

И она выбѣжала въ другую комнату, съ намѣреніемъ выйти на дворъ чрезъ кухню.

Темниковъ слѣдовалъ за нею со свѣчей.

— Не извольте беспокоиться, говорилъ онъ все смиреннымъ голосомъ: — я предчувствовалъ ваше упорство выслушать меня, и потому, войдя въ домъ, заперъ всѣ двери. Ключи у меня.

Онъ показавъ ей ключи и продолжалъ:

— Я принялъ надежныя мѣры и вы меня выслушаете. Вы ждете Наталью Васильевну, Настасью, кого нибудь? Напрасно: никто не придетъ, повѣрьте.... Да знаете ли вы, что Наталья Васильевна—моя креатура, что она куплена мною, что я нарочно отправилъ ее въ дилижансѣ съ вами? Ей было поручено не упустить васъ изъ виду. Знаете ли вы, что она, повинуясь моимъ приказаніямъ, доносила мнѣ о каждомъ вашемъ движеніи, что сегодня я приказалъ ей не являться къ ночи сюда, ей и ея людямъ, что мы слѣдовательно здѣсь съ вами вдвоемъ и останемся такъ всю ночь?

Софья Николаевна поняла, что слова его не ложь, и ужасъ придавъ ей силы.

Съ быстротою молніи кинулась она къ двери, ведущей въ переднюю и запертой еще недавно Темниковымъ на ключъ, и съ силою толкнула ее. Совершенно неожиданно для нея самой обѣ половинки двери отворились и дѣвушка выскочила въ переднюю. (Къ счастью Софьи Николаевны, задвижки у дверей были не задвинуты.) Изъ передней кинулась она къ дверямъ, ведущимъ въ сѣни. Онѣ были не затворены: замокъ отъ нихъ уже давно былъ сломанъ. Но чтобы изъ этихъ сѣней, или, лучше сказать, корридора, попасть на улицу или на дворъ, надо было тоже пройти черезъ двери. У Софьи Николаевны достало столько присутствія духа, чтобы запереть наружною желѣзною задвижкой, о которой она вспомнила, дверь въ переднюю. Это было дѣло одной секунды. Потомъ она бросилась къ двери, ведущей на улицу; но эта дверь была заперта; а между тѣмъ Тем-

Темниковъ лопнулъ въ ту, которую она задвинула. Дверь въ корридоръ на дворъ была тоже заперта. Положеніе дѣвушки было ужасное. Темниковъ, оставивъ переднюю, могъ отворить дверь въ кухню и явиться на нею въ корридорѣ. Смѣлая мысль блеснула у ней въ головѣ, и она немедленно привела ее въ исполненіе. Въ корридорѣ было окошко на дворъ. Она съ страшнымъ силою толкнула раму, разрѣзала себѣ руки разбитыми стеклами; но ветхая и жиденькая рама упала и развалилась. Софья Николаевна выскочила на дворъ и побѣжала къ калиткѣ. Нѣсколько секундъ она не могла отъ петербургскаго отворить калитку, хотя знала, какъ она отворяется. Но руки ея были изрѣзаны и дрожали. Наконецъ ей удалось поднять щеколду. Въ то же мгновеніе ей послышалось, что Темниковъ выскочилъ въ корридоръ.

Она выбѣжала на улицу, вздохнула свободнѣе, но не останавливалась и продолжала бѣжать по случайно избранному направленію. Она хотѣла кричать, но голоса у ней не было и она боялась, чтобы, слѣдя за нею, Темниковъ не нагналъ ее въ темной и безлюдной улицѣ. Она не видѣла ничего и бѣжала машинально, движимая инстинктомъ самосохраненія, не отдавая себѣ отчета, куда, въ какую сторону и въ какую улицу бѣжить она. Она помнила только, что Темниковъ преслѣдуетъ ее и что ей надо куда нибудь скрыться, ускользнуть отъ него. Тяжелые и быстрые шаги слышались ей.... Вѣтеръ врывался въ уши, шумѣлъ, свистѣлъ, и эти звуки казались ей зловѣчнымъ шипѣніемъ преслѣдователя. Она съ тоскою мотала головой и бѣжала еще быстрѣе. И повернула она въ другую улицу, за нею — въ третью; но стукъ шаговъ, раздававшихся по тротуару, все не смолкалъ и страшное шипѣніе сопровождало ее. Ирѣдка свѣтъ отъ фонарей падалъ на лицо. Въ темной ночи, при ея быстромъ движеніи, онъ расходился для нея на множество тонкихъ и острыхъ лучей, дробился тысячами искръ и пугалъ дѣвушку. Завернувъ въ третью улицу, она остановилась, чтобы перевести духъ. Голова кружилась, кровь прилила къ ней, стучала въ вискахъ и производила смутный шумъ въ ушахъ. Сердце такъ скоро и громко билось, что его стукъ можно было поупуганному воображенію принять за стукъ отдавленныхъ шаговъ бѣгущаго человѣка. Но по мѣрѣ того, какъ она бѣжала, шумъ преслѣдовація становился все явственнѣе и громче. И казалось

ей, что уже не одинъ Темниковъ гонится за нею, но что цѣлая ватага разъяренныхъ людей преслѣдуетъ, догоняетъ и перегоняетъ ее, что бѣгутъ они и по тротуарамъ и скачутъ верхомъ на лошадяхъ. Глухой и продолжительный громъ идъ несущихся по местовой экипажей раздавался все ближе и ближе. Онъ смѣшивался съ велстовыми криками и она ясно слышала повелительное: «Стой! вадн! пошелъ!» Стукъ и дребезжанье тяжело скачущихъ экипажей, гамъ и крики людей, какое-то страшное и мѣрное гуденье становились громче и громче. Вѣтеръ дулъ съ силою на встрѣчу бѣжавшей дѣвушкѣ. Крупный дождикъ билъ въ лицо. Она бѣжала, прижавъ руки къ сердцу, какъ будто желая удержать его. Мысли стали мутиться, воображеніе болѣзненно и страшно разыгрывалось. Все начало представляться ей какъ бы подъ вліяніемъ давящаго кошмара, какъ будто она очутилась въ новомъ, фантастическомъ и невѣдомомъ ей мірѣ и разыгрывала роль въ богатой привидѣніями и разнаго рода ужасами балладѣ.

И вотъ тяжелые экипажи стали равняться съ нею; вотъ одинъ изъ нихъ перегналъ ее. На немъ какъ-то странно торчали ирраціональныя фигуры одѣтыя въ рыцарскіе доспѣхи. Шлемы ихъ блестяли; воинственные, грозные крики раздавались кругомъ. Имъ предшествовалъ зловѣщій, красный, кровавый свѣтъ, — предшествовалъ, пролетѣлъ и исчезъ. За нимъ съ громомъ, съ быстротою молніи слѣдовалъ другой экипажъ; потомъ третій, четвертый, все съ такими же воинственными пассажирами, съ такими же грозными кликами. Нѣкоторые изъ людей держали факелы, искры летѣли отъ нихъ: какъ будто нарочно хотѣли освѣтить темную улицу, чтобы увидать въ ней испуганную бѣглицу. Пронесся и зеленый, и синій огонь, а за ними все они, безконечные, тяжелые и страшные экипажи. И вдругъ попала она, натолкнулась на густую толпу людей; путь былъ прегражденъ. Она вскрикнула и остановилась. Но люди, въ среду которыхъ попала она, не обращали на нее вниманія. Безъ всякой леной мысли, она стала смотрѣть на все окружающее. Шумъ, громъ, трескъ, крикъ, мѣрное и ирраціональное гуденье раздавались еще съ-большою силой. Прямо противъ нея стояла какъ-то страшная, черная машина: она таинственно шипѣла, трещала и вырвала пламя и искры. Вокругъ нея, въ разныхъ положеніяхъ двигались вооруженные люди. По улицѣ безпрестанно разлѣз-

жали верховые и рѣзкимъ голосомъ отдавали команды. На другой сторонѣ улицы, изъ раскрытой крыши совершенно черного снизу, деревяннаго дома, какъ изъ бездны, рвалося вверхъ огромными и огромными языками синевато-красное пламя. Густой, красновато-бѣлый дымъ, перемѣшанный съ милліонами блестящихъ искръ, висѣлъ и колебался надъ окрестными строениями. Иногда черною, плотною массою вырывался онъ изъ-подъ крыши и на мгновение застилалъ самое пламя. Когда же онъ подымался, подобно занавѣсу на сценѣ театра, пламя дѣлалось кроваво-краснымъ.

И видѣла Софья Николаевна, какъ эти странные люди въ блестящихъ каскахъ, съ удивительною быстротою прыгали по пылающей крышѣ, по обгорѣлымъ, трескающимся и обрушающимся подъ ними балкамъ, поддерживаемые какою-то сверхъестественною силой; какъ бѣгали они по темнымъ еще мѣстамъ строенія съ дымящимися факелами въ рукахъ, точно такъ, какъ демонъ въ «Робертѣ». Видѣла она, какъ отдирали они подъ собою доски, рубили стропилы и сталкивали ихъ внизъ. И всѣ эти люди, двигаясь надъ пламенною бездною, усердно, съ непонятнымъ хладнокровіемъ и не мѣшая другъ другу, дѣлали свое дѣло.

На самомъ возвышенномъ мѣстѣ строенія, въ величественной позѣ, стоялъ человекъ, который, казалось, былъ начальникомъ этихъ людей. Рука его, съ обнаженнымъ мечомъ, была протянута по направленію къ мѣсту дѣйствія, и изъ устъ его громко и звучно раздавалось командованіе.

И иногда самъ онъ хлопоталъ и бѣгалъ по страшному полю упорной борьбы съ гордою и всепожирающею стихіею; бѣгалъ, опираясь кое-гдѣ шпагою.

И не только что для слабой и сильно потрясенной страшными и неожиданными обстоятельствами дѣвушки, но и для зрителя совершенно хладнокровнаго и посторонняго описываемая нами картина имѣетъ нѣчто сверхъестественное, фантастическое и театральное.

Когда первыя минуты усталости прошли, когда Софья Николаевна начала дышать свободнѣе, она поняла, что сидитъ передъ собою нежаръ; но не могла сообразить, какимъ образомъ на него попалъ.

— Посторопись, посторопись! закричалъ той-то голосъ.

Толпа заколыхалась, дакнулась, побѣжала и увлекая съ собою дѣвушку немного далѣе отъ мѣста дѣйствія. Послышались тахание, шуршанье, правильные шаги множества людей, идущихъ по улицѣ.

— Стой! кричалъ повелительный голосъ.

Стройные ряды людей рѣзко остановились и приклады ружей разомъ ударили о тротуаръ.

Софья Николаевна вздрогнула.

Она стояла немного поодаль отъ другихъ. Вдругъ она почувствовала, что кто-то толкнулъ ее и придвинулъ къ толпѣ, начинающей уже рѣдѣть.

— Куда лѣзешь, чего смотришь? проговорилъ голосъ.

— Вы бы берегли ваши вещи, сказалъ какой-то господинъ, осматривая ее съ ногъ до головы: — вы видно изъ того дома, который горитъ.

Софья Николаевна посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ и ничего не отвѣчала.

— Видно страхъ у ней умъ отбилъ, замѣтилъ другой.

— Вы изъ того дома? спрашивалъ опять первый.

— Нѣтъ, я не изъ того дома, отвѣчала наша героиня, машинально повторяя произнесенныя слова.

Сконфуженная и растерянная, она отошла прочь, обогнула толпу и, повернувъ въ темную улицу, тихими шагами пошла по совершенно безлюдному тротуару.

И, прижимая руки къ горящему лбу, она стала понемногу припоминать, что случилось, и наконецъ вспомнила все.

«Слава Богу, я спасена! — думала она — но что я буду дѣлать?»

И въ самомъ дѣлѣ, она была въ затруднительномъ положеніи: усталость, утомленіе овладѣли всѣмъ существомъ ея. Она стала чувствовать неодолимое побужденіе ко сну. На вѣки налегла тяжесть, горло горѣло, губы пересохли.

Она не могла идти далѣе.

Куда дѣваться бѣдной дѣвушкѣ, гдѣ отыскать ей пристанище? Просить пріюта въ такой поздній часъ въ какомъ нибудь незнакомомъ домѣ она не рѣшалась.

Въ изнеможеніи сѣла она на тумбочку у воротъ одного дома, прислонилась спиной къ стѣнѣ и, закрывъ лицо руками, заплакала.

— Вы не погорѣли ль? спросилъ ее съ участіемъ женскій голосъ.

Софья Николаевна поджала голову и увидѣла передъ собою женщину въ сараѣ и шапкѣ.

— Нѣтъ, я не погорѣла! отвѣчала она.

— Такъ позвольте спросить: о чемъ вы такъ плачете? не случилось ли съ вами какого несчастія?

— Я не знаю, что мнѣ дѣлать: у меня нѣтъ никакого пріюта, съ болѣзненной тоскою говорила Софья Николаевна: — тамъ, гдѣ жила я... меня хотѣли погубить... я насилу вырвалась оттуда... Богъ спасъ меня... Но я такъ долго бѣжала... силы оставили меня... мнѣ спать страшно хочется... Они мнѣ, кажется, дали еще сонныхъ порошковъ... Я эту ночь должна провести на улицѣ...

— Сонныхъ порошковъ! вскричала съ удивленіемъ незнакомая женщина, осматривая нашу героиню: — пойдите ко мнѣ. У меня квартира небогатая, но я постараюсь успокоить васъ въ эту ночь.

— О, спасите! помогите мнѣ! сказала съ благодарностью Софья Николаевна, обнимая ее.

Женщина приподняла ее, взяла подъ руки и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, ввела на совершенно темный дворъ большого каменнаго дома. Пройдя дворъ, онѣ стали подыматься по неосвѣщенной, узкой и крутой лѣстницѣ. Онѣ подыались въ четвертый этажъ, и хозяйка квартиры, доставъ ключъ и отворивъ дверь, вошла съ своею гостьей въ темную прихожую. Тутъ она зажгла свѣчу и ввела Софью Николаевну въ небольшую, чистую, просто меблированную комнату, которая раздѣлялась на двѣ части ситцевою занавѣскою.

Хозяйка поставила за занавѣской свѣчу и, наскоро оправивъ стоящую тутъ постель, посадила на нее свою неожиданную посетительницу, которая была рѣшительно не въ состояніи говорить. Глаза Софьи Николаевны невольно закрывались и она употребляла страшныя усилія, чтобы открыть ихъ и погужающимъ взоромъ благодарить хозяйку.

— Я васъ раздѣшу, душенька, сама: у меня вѣтъ прислуги.... а вы ложитесь почивать, говорила добрая жепщица.

И она растегнула платье и осторожно сдернула его. Софья Николаевна повалилась, какъ мертвая, на подушки.

Хозяйка подняла ей ноги и положила ихъ на постель.

— У васъ ноги вѣтъ мокрыя! сказала она.

И она сбросила башмаки и съ усиленіемъ стащила съ ногъ намокшіе чулки.

Софья Николаевна сдѣлала едва замѣтное движеніе. Она начинала ощущать отрадное чувство спокойствія, которое было такъ необходимо для нея.

— Что это: у васъ руки въ крови! что съ вами случилось? вскричала хозяйка съ ужасомъ.

Софья Николаевна на секунду открыла глаза.

— Я выскочила въ окно и разрѣзала ихъ стеклами, проговорила она.

— Ахъ, Боже мой! надо перевязать ихъ.

И доставъ изъ комода какую-то штуку бѣлья, хозяйка начала рвать изъ ней бинты.

Между тѣмъ наша героиня совершенно уснула.

Потомъ хозяйка съ истинно материнскимъ вниманіемъ и осторожностью стала тереть теплымъ виномъ охладѣвшія ноги дѣвушки и наконецъ, закрывъ Софью Николаевну чистымъ одѣяломъ, сѣла у кровати и задумалась. Долго, долго сидѣла она, склонивъ голову на руки, какъ будто не могла она наглядѣться на милую гостью.

И одинъ разъ глубокій вздохъ вырвался изъ груди ея и нарушилъ совершенную тишину комнаты. Горькая улыбка мелькнула на губахъ и слезы показались на глазахъ.

ГЛАВА III.

Было уже около полудня, когда Софья Николаевна открыла свои отяжелѣвшія вѣки. Хозяйка ея поднялась гораздо ранѣе. Она осторожно, не шумя, прибрала комнату, сходила въ лавочку и приготовила для своей гостии чай и кофе. Все это она дѣлала съ какимъ-то особеннымъ удовольствіемъ и вниманіемъ.

Веселые лучи солнца, пробивавшіеся сквозь пестрые ситцевыя занавѣски, встрѣтили пробужденіе отдохнувшей дѣвушки. Съ улицы слышались непрерывный стукъ проезжающихъ экипажей и разнообразныя крики разношниковъ.

Нѣсколько минутъ Софья Николаевна не могла сообразить, гдѣ находится, и припомнить обстоятельства прошедшаго дня. Но когда увидѣла хозяйку, подошедшую къ кровати съ ласковою и пріятливою улыбкою, она вспомнила, въ чемъ дѣло. И, вскочивъ съ постели, она обняла молодую женщину со вѣстмъ увлеченіемъ добраго и благодарнаго сердца.

Одѣвшись, она рассказала Марьѣ Ивановнѣ (такъ звали хозяйку) свои вчерашнія приключенія съ истинно дѣтскою доверчивостію.

Онѣ рѣшили, что Марья Ивановна сходитъ къ Натальѣ Васильевнѣ за вещами Софьи Николаевны.

— Только, ради Бога, не говорите ей, замѣтила Софья Николаевна: — гдѣ остановилась я. Она, пожалуй, еще вздумаетъ объясняться, чего я вовсе не хочу. Да и Темниковъ узнаетъ.... Деньги за квартиру и содержаніе свое я заплатила ей впередъ.

— Будьте спокойны, ничего не скажу.... Еще пострадаю ее. И такими уличами поѣду отъ нея, что она не въ состояніи будетъ слѣдить за мною.

Вещи были добыты. Наталья Васильевна излилась передъ Марьей Ивановной въ многословныхъ протестаціяхъ о своей невинности и неучастіи во всемъ случившемся съ Софьею Николаевной. Она прибавила, что бывшая жванца сама бѣжитъ отъ счастья, которое она для нея приготовила. Но, несмотря на всѣ просьбы, Марья Ивановна рѣшительно отказалась сообщить ей мѣсто настоящаго жительства Софьи Николаевны. Марья Ивановна не знала, чѣмъ бы угодить, какъ бы лучше угостить свою случайную гостью. Странное, неодолимое чувство симпатіи притягивало ее къ милой дѣвушкѣ.

Средства Марьи Ивановны были весьма ограниченны. Въ запасѣ у ней было нѣсколько рублей. То, чѣмъ бы она могла существовать нѣсколько дней, она готова была употребить въ одинъ день для того, чтобы лучше угостить Софью Николаевну. Она приказала принести изъ трактира обѣдъ, купила пирожное въ кондитерской. Но гостя ѣла очень мало. У ней слѣдался жаръ. Послѣ обѣда долго разговаривали онѣ о разныхъ разно-

стязъ ; но къ вечеру жаръ у дѣвушки усилился, и Марья Ивановна рано уложила ее въ постель.

Софья Николаевна вскорѣ уснула, но въ жару металась и порою бредила. Хозяйка, работая за занавѣсью, часто ходила къ больной и прикладывала руку къ ея огненному лбу.

— Надо завтра непременно позвать доктора, думала она въ безпокойствѣ.

Было уже часовъ одиннадцать ночи, когда кто-то сильно сталъ стучаться въ двери.

— Боже мой! прошептала она : — это ктонибудь ко мнѣ.... какое несчастіе!... Постараюсь какънибудь спровадить.

И она потушила свѣчу. Стукъ въ двери повторялся еще громче, настойчивѣе, и сопровождался крикомъ.

Она быстро кинулась къ двери съ намѣреніемъ выпрыгнуть въ стѣни и просить удалиться своихъ позднихъ гостей. Очень много убѣжденій должна была она употребить и много выслушать грубостей, пока достигла своей цѣли. — Но посѣтители наконецъ ушли....

Воротившись, она быстро заперла ключемъ двери и бросилась за занавѣску.

Софья Николаевна сидѣла на постели, спустивъ съ нея ноги и обуваясь. Она вся тряслась : внутренняя дрожь, слѣдствіе сильнаго волненія, овладѣла ею.

Вбѣжавъ, хозяйка опустилась на колѣни передъ кроватью.

— Софья Николаевна, Софья Николаевна! что это вы дѣлаете? сказала она дрожащимъ и робкимъ голосомъ.

Дѣвушка не отвѣчала и не поднимала головы : слезы катились по ея щекамъ.

— Я догадываюсь, что вы хотите дѣлать, вскричала съ отчаяніемъ хозяйка : — вы хотите уйдти отсюда.... Не правда ли?

Софья Николаевна утвердительно кивнула головой.

— Такъ, такъ! я этого ожидала. Но куда вы пойдете.... больная, въ жару?... Нѣтъ, я не пущу васъ. Значить, ужь очень тяжело, противно вамъ здѣсь, когда....

И она схватила себя за голову и рвала волосы.

Софья Николаевна взглянула на нее съ состраданіемъ.

— Если уже я такъ противна вамъ, продолжала хозяйка, протягивая къ ней руки : — что вы не можете видѣть меня, я уйду лучше.... Вы оставайтесь только. Сжальтесь надо мной, не

уходите! я не покажусь вамъ.... Если бы вы все знали, вы не оттолкнули бы меня, не прогнали.... быть можетъ и пожалѣли бы.... Да, я достойна презрѣнія: я это знаю... но и сожалѣнія, повѣрьте мнѣ.

И она закрыла лицо руками.

— Я васъ вовсе не презираю; почему вы такъ думаете? ласково сказала наша героиня.

— Отчего же вы хотите идти отсюда въ такую пору.... больная и въ такомъ положеніи?

— Это вовсе не отъ презрѣнія къ вамъ.

— Отчего же? скажите.

— Это оттого, что я не хочу беспокоить, стѣснять васъ и вволить въ непріятности, какъ сейчасъ.

— Ахъ! еслибъ это было только по этой причинѣ.

— По этой только, право! Я жалѣю васъ.... я вамъ благодарна за все, а не презираю васъ.

— Вы добрая дѣвушка! вскрикнула, очнувшись, бѣдная Марья Ивановна.

И схвативъ руки больной, она съ жаромъ стала целовать ихъ.

— Что это вы, Марья Ивановна! сказала Софья Николаевна, стараясь освободить свои руки.

Но та не выпускала ихъ.

— Богъ да благословитъ васъ, говорила она, плача: — простите же меня.... останьтесь.... Что мнѣ за беспокойство.... васъ-то я только хорошо успокоила, уберегла!... Право: каторжница я!... Если вы уйдете, сколько времени заставите меня мучиться, сколько стыда предъ вами и передъ собой. Не умѣла ничего порядочнаго сдѣлать; сама пригласила, хотѣла успокоить, а вмѣсто того напугала, заставила наслушаться чего!... Простите, простите меня! впередъ этого не будетъ.... Хоть, покаместъ вамъ нужно, останьтесь!

— Я останусь сегодня, отвѣчала тихо Софья Николаевна.

— Благодарю, благодарю васъ....

Марья Ивановна обхватила крѣпко колѣни своей гостью, целовала ихъ и склонила къ нимъ свою голову.

Нѣсколько минутъ, молча и не шевелясь, плакала она.

Склонившись надъ ней Софья Николаевна тоже плакала.

Марья Ивановна поднялась.

— Вы простили меня, сказала она грустно : — теперь ложитесь и успокойтесь. У васъ все еще жаръ... и эта несчастная сцена....

И она съ любовію старалась уложить дѣвушку.

— Мнѣ не хочется спать, сказала Софья Николаевна.

— И мнѣ тоже, сказала хозяйка : — я лягу у вашей кровати и, покамѣстъ вы не уснете... если вы только хотите и вамъ не противно.... я вамъ буду рассказывать о томъ, какимъ образомъ дошла до положенія, въ какомъ вы меня видите.... Когда вы узнаете всѣ обстоятельства, можетъ быть тогда болѣе будете имѣть причинъ не презирать, а жалѣть обо мнѣ.

Марья Ивановна принесла низенькую скамеечку, поставила ее на полу, у изголовья Софьи Николаевны, сѣла и начала рассказъ свой.

Большая часть рассказа Марьи Ивановны не имѣетъ ничего общаго съ нашей исторіей, почему мы считаемъ излишнимъ передавать ее нашимъ читателямъ.

Скажемъ только, что Марья Ивановна была дочь бѣдныхъ мѣщанъ одного изъ уѣздныхъ городовъ нашего отечества. Сирота почти отъ рожденія, дѣтство свое провела она у злой и корыстолюбивой тетки, рано начавшей рассчитывать на выгоды, которыя можно, современемъ, извлечь изъ красоты дѣвочки.

Расчетъ тетки былъ вѣренъ : на дѣвочку было обращено вниманіе. Рано нашелся у ней покровитель, который особеннаго рода воспитаніемъ и обстановкою старался сдѣлать изъ нея совершенно покорную своей волѣ игрушку. Лишенная съ самаго дѣтства любящаго ухода и благонамѣреннаго покровительства, окруженная постоянно людьми себялюбивыми и порочными, обстановка и безпрестанно встрѣчающаяся съ несчастными, нарочно подготовленными для ея гибели обстоятельствами, мудрено ли, что бѣдная дѣвушка, несмотря на самые прекрасные и благородные инстинкты, не могла устоять, упала, или, скорѣе, была столкнута въ безвыходную бездну порочной жизни?

Теперь передадимъ ту часть рассказа Марьи Ивановны, въ которой является одно изъ главныхъ лицъ нашей исторіи.

«... Иногда, испытывая принужденія и униженія, необходимыя неприятели такой жизни, я горько плакала и рассказывалась. Но слезы мои были похожи на слезы ребенка и, къ несчастію, я скоро утѣшалась.

«Но чѣмъ болѣе жила я, тѣмъ положеніе мое показывалось мнѣ въ болѣе ясномъ и настоящемъ видѣ. Когда я была съ другими, я была весела и спокойна; но когда оставалась одна, тогда сомнѣнія пробуждались во мнѣ, будущее страшило, и какое-то невольное мучительное чувство давило и томило. Оно пробуждалось, вѣроятно, для того, чтобы вразумить, остановить меня. Я избѣгала уединенія и искала общества; но каково было это общество!... И все тяжелѣе становилось мнѣ мое положеніе.

«Видно не создана была я для такой жизни!

«Подъ вліяніемъ такихъ чувствъ я разъ рассорилась съ тѣмъ, отъ кого завистла. На небольшую сумму, вырученную отъ продажи нѣкоторыхъ ненужныхъ вещей, я стала жить очень скромно.

«На душѣ моей стало легко, весело, свободно, и злое чувство рѣже закрадывалось въ меня. Я сидѣла дома, пѣла, играла на заброшенной мною арфѣ, и недѣли три или четыре мнѣ было такъ хорошо, какъ уже давно я не чувствовала себя.

«Въ это время я сдѣлала одно знакомство, которое — до сихъ поръ не знаю — принесло ли мнѣ счастье или несчастье...

«Одинъ разъ я поѣхала на балъ, который давала одна изъ моихъ знакомыхъ. Это былъ первый большой балъ, на которомъ я присутствовала. Я поѣхала изъ любопытства. Я не могла участвовать въ немъ сама, потому что не умѣла танцевать. Разряженная, сѣла я въ отдаленіи у одного изъ оконъ залы и оттуда смотрѣла на вертящіяся и кружащіяся въ страшномъ беспорядкѣ нарядныя и веселыя пары. Мнѣ почему-то было грустно; задумчивыми глазами слѣдила я за неправильнымъ и бурнымъ движеніемъ. Горячій воздухъ душилъ меня; яркое освѣщеніе непріятно дѣйствовало на глаза; а веселые, громкіе звуки музыки болѣзненно потрясали меня и скорѣе располагали къ слезамъ, нежели къ веселью.

«Шумъ отъ громкаго смѣха и неумолкаемыхъ разговоровъ былъ ужасный. Я не замѣчала рѣшительно ни одного задумчиваго или озабоченнаго лица, и мнѣ стало досадно.

«Для того, чтобы наблюдать, мѣсто мое было довольно удобно. Никто не обращалъ на меня вниманія, и я безсознательно стала всматриваться въ выраженія лицъ проходящихъ мимо

меня людей. Скоро я замѣтила одного молодого человѣка, который разительнѣе отличался отъ другихъ. Онъ былъ высокъ ростомъ и строенъ; одѣтъ очень красиво, но свободно. Движенія его были лѣнивы и граціозны. Прекрасное мужественное лицо имѣло выраженіе задумчивое, строгое и даже, можно сказать, суровое. Проходя по заламъ, онъ бросалъ на все окружающее бѣглые взгляды; но прищуренные глаза и сжатые губы выражали не то сожалѣніе, не то презрѣніе.

«Когда онъ проходилъ мимо меня, я невольно долго и ввнимательно слѣдила за нимъ. И не знаю почему, съ его приближеніемъ кровь бросалась мнѣ въ лицо, глаза горѣли, и сердце начинало сильно и неправильно биться. Онъ уже нѣсколько разъ проходилъ мимо, производя на меня такое странное дѣйствіе, какъ вдругъ почему-то обратилъ на меня вниманіе. Можетъ быть оттого, что моя невеселая фizioномія отличалась отъ окружающихъ, сіяющихъ и смѣющихся лицъ. Я сидѣла недалеко отъ дверей, ведущихъ въ другую залу. Онъ прислонился спиною къ косяку и сталъ пристально смотрѣть на меня. Сильно сконфуженная, я потупила глаза и отвернулась. Взоры его жгли меня. Я не видѣла его, но чувствовала, что онъ смотритъ на меня и слѣдитъ за всѣми моими движеніями. Мнѣ было неловко: я краснѣла, блѣднѣла, не знала, что дѣлать, и въ нетерпѣніи кусала губы. Но встать съ мѣста я не рѣшалась. Онъ замѣтилъ мое мучительное состояніе и, наконецъ, полошелъ и сбѣлъ подлѣ меня. На минуту у меня перехватило дыханіе.

«— Вы, кажется, здѣсь скучаете? сказалъ онъ такъ небрежно, что я думала даже, что онъ обращается не ко мнѣ.

«Я подняла глаза, робко посмотрѣла ему въ лицо, покраснѣла и наклонила голову, встрѣтя его насмѣшливый взоръ.

«— Да, я скучаю, отвѣчала я.

«— Зачѣмъ же вы сюда пріѣхали?

«— Оттого.... оттого, что мнѣ и дома скучно.

«— Гм, странно!... гдѣ же вамъ весело? Вы должны быть меланхолическаго темперамента.

«Я не поняла и ничего не отвѣчала.

«— Отчего вы не танцуете? спросилъ онъ.

«— Я не люблю танцовать, отвѣчала я, сконфузившись и стыдась сказать, что не умѣю.

«— Не любите? А часто вы бываете на такихъ балахъ?

«— Сегодня... я въ первый разъ.

«Онъ засмѣялся; но, посмотрѣвъ на меня, видно, убѣдился, что я не лгу.

«— Такъ не мудро, сказалъ онъ: — что вы скучаете и не танцуете. Будете бывать чаще, развернетесь, понравится.

«— Нѣтъ, отвѣчала я совершенно отъ души: — я никогда не поѣду болѣе... на эти балы.

«И я взглянула въ эту минуту съ неудовольствіемъ на непріятную сцену недалеко отъ насъ горячо спорящихъ людей.

«— И хорошо сдѣлаете, сказалъ онъ серьезно.

«Но тотчасъ же, принявъ свой прежній шутовской тонъ, сказалъ:

«— Вотъ какъ-съ! Вы представляете особенность.... Вы петербургская ли, давно вы здѣсь?

«— Нѣтъ я пріѣхала изъ В. губерніи.

«— А! это видно по всему, замѣтилъ онъ, глядя на меня.

«Я думала, что мой нарядъ показался ему смѣшнымъ и некрасивымъ. Я была въ простомъ бѣломъ кисейномъ платьѣ; на головѣ у меня ничего не было; на груди всего одинъ маленькій цвѣтокъ. Но большею частью дамы были въ шелковыхъ, атласныхъ платьяхъ, хотя, правда, не совсѣмъ новыхъ.

«Въ это время подошелъ ко мнѣ какой-то очень разгорѣвшійся молодой человекъ и звалъ танцовать. Я отвѣчала, что не танцую.

«— Вздоръ! сказалъ онъ и сильно потянулъ меня за руку.

«— Ей Богу, я не танцую, сказала я несмѣло, стараясь освободиться.

«Въ испугѣ я взглянула на моего сосѣда.

«Онъ отвелъ отъ меня руку молодого человека.

«— Что вамъ угодно? спросилъ онъ его.

«— Я хочу танцовать, отвѣчалъ тотъ.

«— Вѣдь вамъ отвѣчали: что не танцуютъ.

«— Вздоръ: онѣ всѣ говорятъ такъ.

«И онъ опять такъ сильно схватилъ меня за руку, что я слегка вскрикнула. Тогда мой новый знакомецъ съ силою оттолкнулъ привязчиваго кавалера и всталъ. Его поза была такая гордая и красивая, что я смотрѣла на него съ удивленіемъ и уваженіемъ.

«— Идите прочь! сказалъ онъ громко: — стыдитесь!

« Молодой человекъ хотѣлъ разгорячиться ; но, встрѣтивъ холодный, суровый и презрительный взоръ своего противника, нагло захохоталъ и удалился. Онъ приблизился къ группѣ молодыхъ людей и, что-то рассказывая имъ, указывалъ на насъ пальцомъ.

« — Болванъ ! презрительно сказалъ мой сосѣдь.

« — Въ самомъ дѣлѣ здѣсь тоска. Вы далеко живете? спросилъ онъ.

« Я сказала ему свой адресъ.

« — Хотите : я доведу васъ домой?

« Я согласилась, и мы вышли изъ залы, въ которой мнѣ было бы страшно оставаться.

« Когда мы ирѣхали домой, и старушка, которая жила у меня, подала свѣчу, я въ сильномъ смущеніи просила его садиться и сѣла сама по другую сторону стола, стоящаго въ простѣнкѣ между двумя окнами. Онъ внимательно сталъ осматривать комнату, и мнѣ казалось, что онъ очень доволенъ порядкомъ и чистотою, которые я всегда соблюдала.

« — У васъ все порядочно : это хорошо, сказалъ онъ : — вы одни живете?

« — У меня живетъ вотъ эта женщина.

« — А чѣмъ вы занимаетесь? спросилъ онъ меня вдругъ.

« Этотъ вопросъ отозвался въ моемъ сердцѣ ударомъ ножа. Въ первый разъ мнѣ дѣлали его такъ рѣшительно и въ первый разъ стыдилась и боялась я (не только что передъ нимъ, но и передъ собой) сознаться въ своемъ положеніи. Кровь кинулась мнѣ въ лицо ; я чуть не заплакала и ничего не отвѣчала.

« — Чѣмъ же вы занимаетесь? повторилъ онъ настойчиво, какъ будто наслаждаясь моимъ страданіемъ.

« — Я.... я.... отвѣчала я, запинаясь и не зная что сказать: — я играю на арфѣ.

« — На арфѣ! въ самомъ дѣлѣ вы играете на арфѣ? сказалъ онъ, засмѣявшись.

« Я выдвинула арфу и показала ему.

« — Это презабавно, сказалъ онъ : — гдѣ это вы выучились?

« — Меня учили еще маленькую.

« — Что же вы играете? скажите-ка ; это интересно.

« Я назвала ему нѣсколько пьесокъ. Между ними были большею частью романсы и пѣсни.

«— Стало быть вы тоже и поете?

«— Немного, отвѣчала я.

«— Прекрасно; спойте мнѣ что-нибудь.

«— Я не могу теперь, я устала.

«— Ну хоть немного; пожалуйста, прошу васъ.

«Думая отвлечь его отъ тяжелыхъ для меня распросовъ, я скоро согласилась. Мнѣ было грустно, я находилась въ сильномъ волненіи, почему и выбрала невольно самые печальные романсы. Голосъ мой дрожалъ и прерывался. Я пѣла тихо, но довольно хорошо. Нравилось ли ему мое пѣніе? я не знаю, потому что ни разу не взглянула на него. Онъ слушалъ меня въ совершенномъ молчаніи, не прерывая ни похвалами, ни другими какими-нибудь замѣчаніями. Но чѣмъ болѣе пѣла я, тѣмъ болѣе грудь моя наполнялась мучительнымъ чувствомъ, слезы вистѣли на рѣсницахъ; такъ-что я не въ состояніи была окончить, не могла удержаться и горько заплакала, закрывая лицо руками и платкомъ.

«Онъ всталъ, и я слышала, что онъ молча нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, что-то насвистывая сквозь зубы. Потомъ онъ подошелъ ко мнѣ, остановился на минуту и, взявъ въ свои руки мою голову, слегка сжималъ ее.

«— О чемъ вы плачете? спросилъ онъ меня ласковымъ голосомъ.

«Я не отвѣчала и продолжала плакать.

«Онъ вырвалъ платокъ и отнял отъ лица мнѣ руки.

«— Не плачьте! сказалъ онъ повелительно: — взгляните на меня.

«Я взглянула глазами полными слезъ.

«— Не уйти ли мнѣ? спросилъ онъ: — я вамъ мѣшаю.

«— Ахъ, вѣтъ, отвѣчала я въ испугѣ.

«Онъ продолжалъ пристально смотрѣть на меня.

«— Вы, должно быть, очень молоды; сколько вамъ лѣтъ? сказалъ онъ.

«Я отвѣчала — двадцать.

«— Такъ я и думаю, продолжалъ онъ: — есть ли у васъ какіе-нибудь родные?

«— Никого нѣтъ, сказала я.

«Онъ опять въ молчаніи нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. Потомъ спросилъ меня о моемъ имени.

«— Хотите ли быть знакомы со мной? сказалъ онъ наконецъ: — я буду заботиться о васъ и не оставлю, повѣрьте.

«Когда онъ ушелъ, я долго металась и плакала на своей постели. Я любила уже его, любила первый разъ въ жизни; сознавалась въ этомъ и въ томъ, что я и недостойна его, и далеко, далеко стою отъ него. Я полагала, что онъ за что-нибудь разсердился и что уже не придетъ никогда. Эта мысль ужасала меня.

«Однимъ словомъ, съ этой минуты начались для меня совершенно новыя, незнакомыя страданія и радости. До той поры я никогда и ничего не испытывала подобнаго.

«Но я ошибалась: онъ пришелъ и потомъ сталъ часто посѣщать меня. Я любила его всѣми силами души своей. Любовь — новое и дорогое для меня чувство, и его разговоры раскрыли мнѣ глаза, и я со всею ясностью и полнотою стала цѣнить свою прошедшую жизнь, свое унижительное положеніе, и видѣть всю безвыходную глубину той бездны, въ которую упала по неопытности. Я презирала себя и не могла простить своему заблужденію. Я перемѣнила квартиру, чтобы разомъ покончить со всѣми прежними знакомствами; но могла ли я забыть о томъ, чѣмъ была до тѣхъ поръ? Я стала читать книги, которыя онъ давалъ мнѣ.

«Изъ нихъ я выучилась еще вѣрнѣе судить себя, свое прежнее поведеніе, и понимать то, чѣмъ бы я могла быть, если бы во время спохватилась и внимательно слушала предостереженій совѣсти.

«Въ его присутствіи я была счастлива, предавалась отрадному забвенію, наслаждалась тѣмъ чувствомъ, которое онъ возбуждалъ во мнѣ. Но когда онъ уходилъ, тогда начинались для меня страшныя и неумолкаемыя страданія. Я плакала, плакала почти кровавыми слезами о себѣ, какъ о существѣ на вѣки потерянномъ, погибшемъ и отжившемъ. Любя его, я понимала, что не посмѣю никогда сознаться ему въ этомъ, потому что, по моему, это было бы ему оскорбленіемъ, и претензія моя должна была казаться ему и дерзкою и смѣшною. Могла ли я вообразить, что онъ можетъ любить меня на столько, чтобы забыть мое прошедшее? Нѣтъ, этого я не смѣла думать и не думаю. Я хотѣла быть достойною его, хотѣла невозможнаго и видѣла это.

Между мной и имъ лежала страшная, непроходимая бездна прошедшаго. Могла ли я слезами своими смыть несмываемыя пятна?

«И въ добавокъ, какъ бы въ подтвержденіе моихъ безотрадныхъ разсужденій, онъ сталъ очень скоро мучить меня своимъ неровнымъ характеромъ и обращеніемъ. Я это говорю не для того, чтобы упрекнуть его; я благословляю его каждую минуту. Правда, были мгновенія, когда я проклинала день моего знакомства съ нимъ; но тогда я была какъ съумашедшая.

«Странное существо былъ этотъ человекъ! Иногда ласковъ и внимателенъ, иногда холоденъ и безжалостенъ до крайности. Когда онъ приходилъ въ веселомъ расположеніи духа, онъ былъ привѣтливъ, разговорчивъ, утѣшалъ, ободрялъ, выслушивалъ меня снисходительно. Но когда являлся не въ духѣ, то былъ истинно золъ. Онъ видимо насмѣхался надъ моими опасеніями и сомнѣніями, отказывался отъ своихъ же прежде сказанныхъ утѣшительныхъ словъ, подтрунивалъ надъ моими страданіями и говорилъ такія вещи, которыя напоминали мнѣ мое унижительное прошедшее и показывали, что и онъ нисколько не забылъ и не простилъ его. О, какъ ужасно страдала я тогда! жаловаться ему я не смѣла, а говорить о любви своей — еще менѣе.

«Разъ я почувствовала себя нездоровою и прилегла на постель. Были уже позднія сумерки, когда онъ вошелъ въ комнату.

«— Маша, гдѣ ты? спросилъ онъ.

«Я откликнулась.

«— Что съ тобой? сказалъ онъ, подходя къ кровати и протягивая руку.

«— Я немного нездорова, отвѣчала я слабымъ голосомъ.

«И, схвативъ его руку, я покрыла ее горячими поцалуями и обливала слезами.

«— Что съ тобою? о чемъ это еще? спрашивалъ онъ раздосадованнымъ голосомъ.

«Я сказала ему что-то о томъ, что вспоминала прошедшее.

«— Опять то же! сказалъ онъ: — брось навсегда это прошедшее. Право ты меня заставляешь раскаиваться, что я былъ причиною того, что ты поняла и отказалась отъ него. Я начинаю сомнѣваться, не глупо ли я сдѣлалъ, что разъяснилъ его и

не оставилъ тебя въ невѣдѣніи многихъ вещей. Тогда, по крайней мѣрѣ, ты бы не мучилась и была бы счастлива и спокойна по своему. Да, глупо, въ самомъ дѣлѣ глупо сдѣлалъ я!

«И онъ задумался.

«— Но если бы я зналъ, что ты такъ серьезно возьмешься за это, будешь принимать къ сердцу....

«— Какъ можете вы упрекать себя за то, что не повустили погибнуть меня совсѣмъ! сказала я.

«Я не смѣла замѣтить ему, что уже съ той минуты, какъ увидѣла его, должна была потерять спокойствіе и проклясть прошедшее.

«Другой разъ онъ пришелъ не въ духѣ и замѣтилъ, что я безъ него плакала.

«— Что это ты опять насунила! вездѣ кислыя фізіономіи, говорилъ онъ съ досадою: — и о чемъ еще? кажется, у тебя все есть?

«Онъ намекалъ мнѣ на вседневныя нужды, которыхъ, благодаря ему, я не испытывала. Подобный намекъ всего болѣе долженъ былъ терзать меня.

«— Вы меня презираете, вы не чувствуете ко мнѣ ровно никакой привязанности — вотъ о чемъ плачу я, отвѣчала я тихо: — вы не можете забыть и простить мнѣ моего прошедшаго. Разумѣется, я не виню васъ...

«— Скажите пожалуйста, какія онѣ, право, милостивыя! отвѣчалъ онъ, смѣясь со злобою: — точно будто я въ самомъ дѣлѣ виноватъ! Выкинь ты себѣ, пожалуйста, изъ головы, что я такъ внимателенъ, чтобы сколько нибудь заботиться о твоёмъ прошедшемъ. Мнѣ рѣшительно все равно, чѣмъ бы ты ни была.

«— Отчего же вы старались, однако, чтобы я отказалась отъ него?

«— Ужь не для тебя, повѣрь, чисто для своихъ выгодъ. Для меня это нужно было. Я думаю только о настоящемъ. Когда мнѣ въ немъ хорошо, такъ и кончено. Я и о своемъ прошедшемъ не забочусь. Не думай пожалуйста, чтобы я былъ такимъ удивительнымъ и великодушнымъ человѣкомъ, чтобы заботиться о чѣмъ нибудь прошедшемъ и будущемъ. Прошедшее было худо, въ будущемъ ожидается что-нибудь еще хуже: забудемъ о томъ и другомъ, и займемся настоящимъ. И что ты сокру-

знаешься о своемъ прошедшемъ? По крайней мѣрѣ весело отчасти пожито было...

«И онъ усмѣхался.

«Подобныя слова и увѣренія въ полномъ равнодушіи къ моему прошедшему и будущему еще болѣе мучили меня. Онъ заставляли меня думать, что я для него совсѣмъ чуждое по сердцу существо.

«Иногда же онъ, войдя въ комнату и заставая меня въ слезахъ, съ досадою говорилъ :

«— Вездѣ одно и то же, вездѣ ноютъ и хнычутъ! Всѣ онѣ похожи другъ на друга!

«И не сказавъ ничего болѣе, онъ тотчасъ же удалялся.

«Онъ перетѣхалъ на дачу и сталъ рѣже бывать у меня. Какъ проводила я дни въ его отсутствіи, я не буду вамъ описывать. Я только и жила надеждою на его возвращеніе. Я стала приучать себя къ работѣ, понявъ, что жить трудами самое благородное дѣло. Потомъ онъ уѣхалъ куда-то и не былъ въ Петербургѣ около двухъ мѣсяцовъ. Возвратившись, онъ посѣтилъ меня, былъ ласковъ, но какъ-то разсѣянъ. Уже гораздо рѣже прежняго онъ сталъ ходить ко мнѣ. Я узнала, что онъ часто бываетъ въ одномъ домѣ и что тамъ поговариваютъ о женитьбѣ его на дочери хозяйина. Вы поймете, что я вынесла, услышавъ это; но допрашивать его я не смѣла и не виѣла права.

«Во время своихъ рѣдкихъ посѣщеній онъ уже не мучилъ меня своими насмѣшками, но рѣшительно только показывалъ видъ, что слушаетъ меня. Когда я ему что-нибудь рассказывала онъ глядѣлъ на меня такъ, какъ взрослый глядитъ на рассказчика-ребенка, кивалъ головой; но выраженіе лица его какъ будто говорило: «болтай, что хочешь, мнѣ все равно!»

«Женитьба его, однако, вѣроятно разстроилась, потому что онъ недавно уѣхалъ на долго и куда-то очень далеко. Онъ пришелъ ко мнѣ предъ самымъ отъѣздомъ, рѣзко объявилъ, что уѣзжаетъ, оставилъ мнѣ денегъ и выпелъ. Когда я, очнувшись, хотѣла проститься съ нимъ, его уже не было въ комнатѣ, а на квартирѣ его мнѣ сказали, что онъ уже уѣхалъ.

«Такимъ образомъ кончилось для меня все.

«Но какимъ образомъ, думаете вы вѣроятно, эта женщина возвратилась опять къ прежнему положенію? Да, я хотѣла воз-

вернуться назадъ , но не изъ существенныхъ выгодъ , не изъ желанія вести праздную жизнь , а совѣтъ по другой причинѣ .

« Когда онъ уѣхалъ , мной овладѣло страшное отчаяніе . Я несказанно страдала . Какая-то неясная , неопредѣленная надежда не давала мнѣ покоя , осаждала меня сомнѣніями . Я думала , что если раздѣлаюсь съ этой надеждой , тогда хоть сколько нибудь утихнетъ вѣчно бьющаяся во мнѣ тревога . Почти помѣшанная , я пришла къ такому заключенію : что , возвратясь опять къ прежней жизни и такимъ образомъ слѣзавшись вдвойнѣ недостойною его , я по неволѣ должна буду потерять всякую надежду на возможность сближенія съ нимъ въ будущемъ . И такимъ образомъ нечего будетъ надѣяться , желать , а потому и сомнѣваться .

« Въ такомъ-то положеніи была я , когда встрѣтилась съ вами . Вы спасли меня , потому что , познакомившись съ вами , я оставила свое несчастное намѣреніе . Ваша красота и чистота освѣтили мракъ , въ которомъ я жила и отвели меня отъ бездны , въ которую я въ отчаяніи хотѣла броситься , чтобы заглушить страданія . Не понимаю , отчего такъ благотворно подѣйствовало на меня ваше присутствіе .

« Сравнивая васъ съ собою , я увидѣла огромную разницу между нами ; но эта разница не отталкиваетъ меня отъ васъ , а напротивъ притягиваетъ . Какъ будто хочу я попользоваться отъ васъ чистотою и святостью невинности и залечить ими свои давнишнія раны . Я сама не понимаю той силы , которая влечетъ меня къ вамъ ; но вы... вы , выслушавъ разсказъ мой , простили ли мнѣ ?... по крайней мѣрѣ менѣ ли вы презираете меня ? »

И разсказчица вопрошающимъ и умоляющимъ взоромъ смотрѣла на свою слушательницу . Софья Николаевна съ любовью протянула руки къ Марьѣ Ивановнѣ и обняла ее .

— Можетъ быть онъ вернется ! проговорила Софья Николаевна .

Но она не вѣрила сама тому , въ чемъ подавала такую наивную надежду .

И благодѣтельны были эти сердечныя изліянія и ласки двухъ существъ , такъ несходныхъ между собой во многихъ отношеніяхъ , потому что у нихъ на душѣ стало вдругъ такъ весело , такъ легко и спокойно , какъ случается послѣ истинно добраго дѣла .

По просьбѣ Софьи Николаевны арфа была выдвинута изъ угла. Марья Ивановна помѣстилась поодаль отъ своей гостьи и взяла нѣсколько полныхъ, мелодическихъ аккордовъ. Уже немного оставалось до восхода солнца. Бѣлый, матовый свѣтъ врывался въ комнату и пробирался за занавѣску. Тамъ онъ какъ будто спускался съ потолка, но еще не обливалъ собою двухъ женщинъ. Ихъ фигуры были покрыты густою тѣнью, равно какъ и всѣ внизу находящіяся предметы. Огонь отъ свѣчи не освѣщалъ ничего, а горѣлъ самъ по себѣ, какъ бы повявъ свою бесполезность и предчувствуя близкій конецъ. На дворѣ дворникъ уже поднялся, калитка скрипѣла и мѣрно раздавался однообразный шорохъ метлы о мостовую.

Сначала звуки арфы доносились до Софьи Николаевны цѣльными и во всей своей правильности; но мало по малу они стали прерываться, отдѣлялись, дребнелись; потомъ стали сливаться въ непрерывную гармонію; потомъ образовали одну ноту, которая, колеблясь и дрожа, длилась, тянулась, постепенно утихая въ ея ухахъ, и наконецъ совѣмъ утихла. Рука, поддерживающая голову, по немногу склонялась къ подушкѣ и наконецъ подвернулась подъ ея тяжестью. Наша героиня сладко заснула. Марья Ивановна слѣдила за движеніями дѣвушки и нарочно хотѣла усыпить ее подъ звуки музыки, потому что аккорды, которые брала она, были все тише и нѣжнѣе. Когда она замѣтила, что Софья Николаевна уснула, она взяла еще одинъ, послѣдній аккордъ, дала ему время замереть и потеряться въ тишинѣ, и потомъ осторожно встала....

Она скрылась за занавѣской и заснула съ удовольствіемъ въ первый разъ послѣ долгихъ, бессонныхъ и мучительныхъ ночей, заснула такъ спокойно, пріятно и крѣпко, какъ спала еще, можетъ быть, ребенкомъ.

Проснувшись утромъ, Софья Николаевна чувствовала себя совершенно здоровою. Но вмѣстѣ съ пробужденіемъ забота о принсканіи мѣста начала беспокоить ее. Долго не рѣшалась она обратиться къ Власову (сыну бывшей своей благодѣтельницы) и просить его содѣйствія. Она помнила, что прежде между ними не существовало большей симпатіи. Но другіе пути не удавались. Нечего было дѣлать; она наконецъ побѣдила щекотливое и самолюбивое чувство и рѣшилась отправиться къ Власову.

Она знала его квартиру; онъ жилъ на одной изъ главныхъ улицъ Петербурга. Скоро отыскала она домъ, взшла въ бельэтажъ по широкой и свѣтлой лѣстницѣ и, не безъ замиранія сердца, позвонила какъ просительница у дверей того, съ кѣмъ, за нѣсколько лѣтъ, пользовалась совершенно одинаковыми правами.

Двери отворилъ старый слуга фамилии Власовыхъ и бывший дядька молодого барина. Сначала онъ нахмурился, не узнавъ Софью Николаевну, и грубо спросилъ:

— Что угодно?

Но когда она напредила о себѣ, лицо его разъяснилось и выразило удивленіе. Онъ отступилъ шагъ назадъ, остановился, опустилъ руки и закачалъ головой:

— Матушка, Софья Николаевна!... вотъ привелъ Господь на старости лѣтъ еще увидѣть!... И какъ не призналъ-то васъ.... Пожалуйте ручку, сударыня!

И, поцаловавъ ея руку, онъ продолжалъ:

— Глаза-то плохи стали.... Да что это я васъ здѣсь держу, старый дуракъ! Пожалуйте, матушка, въ залу.

И онъ ввелъ Софью Николаевну въ богато убранную комнату.

— Садитесь, милости прошу! Нашъ-то баловень ещенѣживъся, прости Господи... до котораго часа!... И какая, подумаешь, раскрасавица стала! продолжалъ онъ, осматривая Софью Николаевну съ ногъ до головы: — выросли-то какъ, Боже ты мой! А давно ли, кажется, въ карету на рукахъ носилъ?... какъ перышко была легкая. Позвольте, матушка, спросить: гдѣ вы все это время проживали?... ужь не въ нашихъ ли странахъ, у маменьки вашей?

— Нѣтъ; я на мѣстѣ жила, въ гувернанкахъ.

— На мѣстѣ.... въ гувернанкахъ!... Господи ты мой! то ли было, кабы покойница жива была.... Вѣдь худо, барышня, въ мамзеляхъ-то?

— Ничего, отвѣчала, улыбаясь, Софья Николаевна:—только я мѣсто должна была оставить и пріѣхала въ Петербургъ новое некатъ. Да все не удается: никого у меня здѣсь нѣтъ. Я и рѣшилась ужь Ивана Иваныча попросить, не можетъ ли кому рекомендовать меня.

— Ужь не могу сказать: кто его знает! Дома-то онъ не сидѣть, все разбѣжастъ... Только, Господь знаетъ, въпутныхъ ли мѣстахъ бываетъ. Вотъ всегда домой ворочается чуть не утромъ, да поелъ и спитъ до перваго часа.

— А живете вы какъ? все благополучно? спросила Софья Николаевна.

— Да, ничего, Богъ хранить покажется. Только ужъ деньги зря бросать ужъ такіе мы искусники! Коли станешь такъ жить, такъ дѣтъ въ десять все спустимъ... за долги все оберуть... Ужь говорилъ я ему объ этомъ, такъ куда, такъ на тебя и дѣветъ: «Не твое — говорить — дѣло; съ совѣтами убирайся!» Вы вѣдь его изволите знать.... покойница избаловала. Чудной какой, право. Иной разъ говорю: отпусти домой на покой, довольно послужилъ! «Нѣтъ — говорить — послужи еще немножко: я къ тебѣ привыкъ. Ужь не забуду за это, повѣрь.» А другой разъ ни за что накинется какъ на шальчишку, кричать такъ, что Боже упаси.... такъ и мечеть, такъ и мечеть!... Кто его знаетъ!

Въ это время зазвенѣлъ колокольчикъ.

Старикъ затеропился.

— Проснулся, видно, зоветъ, сказалъ онъ: — сейчасъ доложу, матушка, не прогнѣвайтесь.

Софья Николаевна, оставшись одна, стала осматривать комнату. Много, очень много знакомыхъ вещей находила она въ ней, и каждая изъ этихъ вещей напоминала ей что-нибудь изъ времени дѣтства. Грустно было смотрѣть на то, что она съ дѣтства привыкла считать своимъ и роднымъ, какъ на совершенно чуждое и постороннее.

Наконецъ дверь въ сосѣдную комнату отверглась, и ее попросили въ маленькую гостиную, гдѣ на встрѣчу вышелъ Иванъ Ивановичъ. Онъ былъ завитъ, раздуженъ и на немъ было надѣто что-то въ родѣ пестрой блузы или коротенькаго халата. Софья Николаевна не обидѣлась, но это показалось ей страшнымъ и смѣшнымъ. «Вѣдь не встрѣтилъ бы онъ такъ другую даму», подумала она.

Онъ взялъ ее за руки и усадилъ на диванъ; самъ же развалился передъ ней въ креслахъ, съ самодовольствіемъ поправляя свою прическу.

— Какъ вы выросли, какъ похорошѣли! говорилъ онъ, пристально осматривая съ ногъ до головы свою неожиданную гостью.

— И вы тоже, отвѣчала она, покраснѣвъ.

— Какъ вы жили все это время? давно ли здѣсь? съ кѣмъ и съ какимъ намѣреніемъ пріѣхали? спрашивалъ онъ, по видимому, съ участіемъ.

Софья Николаевна вкратцѣ рассказала, гдѣ была и что дѣлала въ тотъ промежутокъ времени, когда съ нимъ не видѣлась.

— Я слышалъ отъ Проскудина, что вы жили у нихъ. Изъ-за васъ еще исторія какая-то у нихъ вышла.... Дочку выдали они за какого-то Боброва: я ее видѣлъ здѣсь зимою. Потомъ вы у какихъ-то.... какъ ихъ?... Волняныхъ.... Волневыхъ жили, говорилъ онъ: — и недавно ихъ оставили.... Вотъ все, что я о васъ зналъ.

И, говоря съ разстановкою послѣднія слова, онъ смотрѣлъ на Софью Николаевну и лукаво улыбался.

Ей и въ голову тогда не приходило, почему онъ такъ странно улыбается.

Когда Софья Николаевна объяснила ему сущность своей просьбы, онъ лѣнливо потянулся и сказалъ:

— Охота вамъ, Софья Николаевна, въ гувернанкахъ жить! Это, должно быть, тоска страшная!

— Отчего же? Въ добромъ и мирномъ семействѣ можетъ быть очень хорошо.

— Ну, я бы на вашемъ мѣстѣ ни за что.

— Что же прикажете дѣлать? шло же какъ шибудь жить.

— Можно найти другія выгоднѣйшія средства.

— Какія это? спросила она серьезно.

Онъ, прищуривъ глаза, глухо засмѣялся.

И, говоря о средствахъ для жизни бѣдной дѣвушки, Власовъ и не думалъ припомнить о томъ, что то, что проживалъ онъ безъ толку и бросалъ на разные пустыки, могло частью принадлежать ей по праву, если бы мать его заблаговременно успѣла распорядиться. Онъ не думалъ вспоминать о томъ, что истинно благородному, деликатному и справедливому человѣку надлежало бы свято исполнить желанія матери, которая считала воспитанницу свою дочерью и хотѣла устроить судьбу ея такъ, чтобы она никогда и ни въ чемъ не могла нуждаться. Нѣтъ; не о такихъ средствахъ

говорилъ онъ дѣвухѣ, когда она, бывшая сестра его, пришла просить о такомъ незначительномъ одолженіи.

Если бы Софья Николаевна поняла то, на что намекалъ онъ, она отвернулась бы съ ужасомъ. Но она была такъ благородна и не корыстолюбива, что въ душѣ не упрекала его за совершенное отчужденіе, за непониманіе своихъ прямыхъ обязанностей въ отношеніи къ ней. Его поступокъ казался ей очень обыкновеннымъ относительно, и въ глазахъ большинства былъ въ самомъ дѣлѣ таковымъ.

— Непремѣнно узнаю сегодня, говорилъ онъ: — у меня есть одинъ такой домъ. Вы приходите.... или, лучше, я самъ прїѣду къ вамъ. Скажите мнѣ вашу квартиру.

Софья Николаевна отвѣчала, что не можетъ принять его потому, что остановилась у одной бѣдной дамы, для которой его визитъ будетъ лишнимъ безпокойствомъ. Она обѣщалась сама придти на слѣдующій день.

На другое утро Власовъ привялъ ее, одѣтый самымъ изящнымъ образомъ.

— Я васъ ждалъ, сказалъ онъ, пожимая ей руку.

— Вы, вѣроятно, куда, нибудь собрались? Я васъ задерживаю?

— Нѣтъ; я еще успѣю. Кстати, прибавилъ онъ, хотя это вовсе было не кстати: — я забылъ вамъ вчера показать свою квартиру. Хотите взглянуть? По нашему старому знакомству, вы, можетъ быть, интересуетесь.

И онъ повелъ ее по комнатамъ, которыя, въ самомъ дѣлѣ, всѣ были очень красиво и богато убраны.

— Что, нравятся вамъ мои комнаты?

— Да, онѣ очень милы, отвѣчала Софья Николаевна совершенно равнодушно.

— Признаюсь, сказалъ онъ, сдѣлавъ какую-то презрительную гримасу: — живя такъ, какъ я живу, я не понимаю, какъ образованные люди могутъ довольствоваться жизнью, находятъ ее сносною, когда лишены многихъ удобствъ, необходимыхъ прихотей и, въ добавокъ, если еще не пользуются независимостью! Напримѣръ, хоть вы: вы рѣшаетесь идти въ гувернанки, жить гдѣ нибудь въ глуши, въ деревенскомъ домѣ, въ которомъ отведутъ вамъ маленькую душную комнату, гдѣ нибудь на

верху... пожалуй еще на антресоляхъ! Просто гадость!... Нѣтъ; я бы ни за что не согласился. По неволѣ перемѣнишься, огрубѣешь въ такой жизни. Вмѣсто того, когда обставленъ изящнымъ, когда окружаешь себя произведеніями искусствъ, пользуешься соответственными удовольствіями, какъ-то самъ возвышаешься въ собственныхъ глазахъ (онъ съ самодовольствіемъ посмотрѣлъ на себя въ зеркало): вкусъ улучшается и утончается, чувства дѣлаются болѣе деликатными. Не правда ли?

— Правда; хорошо жить такъ, если возможно.

— А! вы соглашаетесь, что пріятно такъ жить, если можно, сказалъ онъ, садясь близко къ Софѣ Николаевнѣ: — я вамъ скажу, что если вы только захотите, то можете.

— Какія же у меня средства?

— Ваша красота, отвѣчалъ онъ и взглянулъ на нее такъ, что она покраснѣла. — Ужь сердитесь вы, или нѣтъ, какъ хотите; а я вамъ скажу всю правду. Да; вы можете имѣть почти такую квартиру, свой экипажъ, пользоваться всѣми возможными удовольствіями и въ добавокъ независимостью... Я вамъ за это отвѣчаю и предлагаю.... въ замѣнъ права, которое дадите вы, пользоваться.... вашею благосклонностью.

Это предложеніе было такъ неожиданно; негодованіе, которое оно возбудило, было такъ сильно, что, въ первую минуту, Софья Николаевна не нашлась, что отвѣчать.

— Какъ вы могли рѣшиться сдѣлать мнѣ такое предложеніе? сказала она: — стыдитесь, если вы не уважили меня, такъ хоть бы изъ уваженія къ памяти вашей прекрасной матери, которая считала меня своей дочерью!... вѣдь я вамъ была почти сестра.... вспомните!...

— Такъ я же вамъ добра желалъ. Вѣдь въ нашъ вѣкъ на такія отношенія не такъ строго смотрятъ....

Софья Николаевна встала и вышла въ залу.

— Перестаньте сердиться, сказалъ Власовъ, слѣдуя за нею: — скажите мнѣ хоть вашъ адресъ для того, чтобы я могъ доставить свѣдѣнія, о которыхъ вы просили.

— Не нужно, отвѣчала Софья Николаевна: — ничего не нужно. Я не хочу быть обязана вамъ ничѣмъ!

Надежда отыскать мѣсто снова была потеряна. Софья Николаевна не знала, что дѣлать, какъ вдругъ получила нужныя ей свѣдѣнія оттуда, откуда вовсе не ожидала.

Марья Ивановна узнала черезъ одну свою знакомую, что въ одномъ изъ сосѣднихъ домовъ ищутъ гувернантку, которая бы согласилась въ скоромъ времени на отъѣздъ въ одну изъ отдаленныхъ губерній. Она сообщила объ этомъ своей гостьѣ, предупредивъ, чтобы она не говорила, отъ кого узнала о мѣстѣ. Софья Николаевна отправилась по адресу. Ее встрѣтила пожилая женщина, сестра той дамы, которая искала гувернантку. Условія были очень умѣренны; обѣ дамы скоро столковались и покончили дѣло. Черезъ недѣлю Софья Николаевна должна была ѣхать въ прекрасной новой каретѣ, которую выписывалъ одинъ изъ сосѣдей ея будущихъ хозяевъ. Карету должны были везти для скорости на почтовыхъ, и при ней находился нарочно присланный человекъ, который и долженъ былъ быть единственнымъ провожатымъ дѣвушки.

По просьбѣ госпожи Д. (такъ звали ту, чрезъ которую Софья Николаевна нанималась) наша героиня переѣхала къ ней со всѣми вещами наканунѣ своего отъѣзда, поблагодаривъ отъ души добрую Марью Ивановну, которая обѣщала придти проститься съ нею.

Марья Ивановна пришла проводить ее и, крѣпко обнявъ при прощаньи, горько плакала. Софья Николаевна тоже плакала. По видимому казалось, что эти двѣ женщины давнія пріятельницы. А если бы окружающіе знали все, какое бы заключеніе одѣлали они о Софьѣ Николаевнѣ?

— Вотъ одно существо, которое любить меня и любить безкорыстно, думала она, вся въ слезахъ, когда карета, тронувшись съ мѣста, съ громомъ покатила по мостовой: — любить она безъ всякаго расчета. Если я люблю ее, то это не мудрено. Она готова сдѣлать для меня и дѣлала то, что, можетъ быть, сдѣлали бы только люди самые близкіе. А она едва знаетъ меня.... или, лучше, почти совсѣмъ не знаетъ!... Что съ нею будетъ.... и что наконецъ будетъ со мною?..

И она погрузилась въ грустныя думы, склонившись на подушку, въ углу кареты.

ГЛАВА IV.

Путь Софьи Николаевны лежалъ въ одну изъ отдаленныхъ губерній нашего отечества. И потому много дней и ночей должна была она провести въ дорогѣ. Непривычная къ большому путешествію, она сильно утомлялась. Воспоминанія прошедшаго, сознаніе настоящаго, мечты о сомнительномъ будущемъ, дѣйствительность и сонъ — все это чередѣвалось въ ея головѣ подлѣ однообразный шумъ экипажа и стукъ лошадиныхъ копытъ. Какія-то отдѣльныя слова, даже разговоры, странныя, то прерывистые, то долгіе звуки слышались ей; картины смѣнялись картинами, лица лицами.

Безъ всякаго обычнаго порядка, безъ всякой системы проводились ею эти дни и ночи. Иногда обѣдала она утромъ часовъ въ одиннадцать, а иногда вечеромъ часовъ въ семь. Днемъ спала въ страшномъ жару и изнеможеніи, а ночи проводила не смыкая глазъ.

И высунувъ, бывало, голову изъ окна, она освѣжала горячее лицо холоднымъ и влажнымъ воздухомъ ночи и съ отрадою вдыхала въ себя ароматъ сыраго лѣса, или недавно скошеннаго сѣна. И въ лунныя ночи долго, бывало, слѣдитъ она за тѣнью, падающею отъ экипажа и бѣгущею безостановочно по оврагамъ, лугамъ и пригоркамъ, по пнямъ, по травѣ и по песку. И смотрѣла она, какъ покрывала и опережала эта тѣнь длинныя тѣни, падавшія отъ деревьевъ, столбовъ и мостовыхъ перилъ, какъ бѣжала она впереди, какъ бы указывая дорогу экипажу.

Иди, повернувъ лицо къ небу, она по цѣлымъ часамъ глядѣла въ темную глубокую даль, глядѣла на лузу и звѣзды, свѣтъ которыхъ не ослѣплялъ и не жегъ, какъ лучи солнечные, но какъ-то успокоивалъ и ласкалъ.

А Семень (человѣкъ, провожавшій ее) между тѣмъ спитъ долго, даже, можно сказать, крѣпко, если принять въ соображеніе то, что онъ ничего не слышитъ, хотя спитъ онъ безпокойнымъ спомъ дорожнаго человѣка, которому не къ чему прислонить ослабѣвшую и усталую голову. И качается или болтается эта голова безпрестанно то впередъ, то вправо, то влево. Ска-

чала тихо и плавно склоняется она, потомъ вдругъ рѣзко и неожиданно нырнетъ, какъ будто кто нибудь сильно дернулъ за шею. И кажется, что сидящаго сорвало съ козелъ; но онъ приподнимаетъ голову, потряхиваетъ ею, проворчитъ что-то себѣ подъ носъ, какъ бы оправдываясь и увѣряя, что не спитъ: вздохнетъ, понюхаетъ порою табаку, и опять начинается та же исторія, только качаніе производится въ другую сторону. Ямщикъ, понуривъ голову, тоже спитъ, по привычкѣ не выпуская возжей изъ рукъ. Лошади бѣгутъ тихой и ровной рысцою.

— Что ты дрыхнешь, олухъ! вскрикнетъ порою, встрепенувшись, Семень: — горшки что ли съ молокомъ везешь! Чего сталъ?

И онъ толкаетъ ямщика.

— Ну вы, варвары! уснули, что ли! кричитъ въ свою очередь испуганный неожиданнымъ пробужденіемъ ямщикъ, ударивъ по лошадамъ: — аль оглохли?

И опять все приходитъ въ обычный порядокъ. Спитъ и клюетъ носомъ Семень, засовываетъ въ армякъ бороду ямщикъ, лѣнливо идутъ лошади, безостановочно бѣжитъ тѣнь, и... все глядитъ въ темное небо, задумавшись, Софья Николаевна.

Изрѣдка только зазвучитъ на встрѣчу колокольчикъ, пронесется мимо лихая тройка, или лѣнливо протащатъ сонныя лошади какую нибудь тяжелую колымагу.

Время близится къ разсвѣту: начинаетъ яснѣть темный горизонтъ неба; слабѣе дѣлаются падающія тѣни. Густой туманъ подымается надъ низменными лугами и болотами; сѣрою, дымчатою завѣсою застилаетъ онъ даль и близъ, и непроницаемою стѣною окружаетъ пыльную карету. Потомъ рѣже и прозрачѣе дѣлается онъ; цвѣтъ его изъ молочно-бѣлаго превращается въ матово-розовый; предѣлы дали расширяются. Слышиѣ шумятъ верхушки деревъ; весело начинаютъ пѣть, встряхивая крылышками, проснувшіяся птички. Все живущее пробуждается и обновляется нослѣ сладко и въ покоѣ проведенной ночи. Все отряхивается, освѣжается и начинаетъ дышать отраднымъ утреннимъ воздухомъ. Волосы, брови и рѣсницы Софьи Николаевны сырѣютъ; лицо холодѣетъ. Она ощущаетъ какое-то мучительное и вмѣстѣ сладкое томленіе. Сердце ея то совершенно стихаетъ, то вдругъ начинаетъ биться неровно и съ страшною си-

люю. Томительная и страстная лѣнь овладѣваетъ ею. Она отнимаетъ подушку съ окна, кладетъ ее въ уголь кареты и засыпаетъ на ней со слезами на глазахъ, укачиваемая однообразнымъ колебаніемъ экипажа и убаюкиваемая пѣніемъ птицъ и шумомъ утренняго вѣтерка. А между тѣмъ розовые лучи солнца, прорываясь сквозь туманъ, входятъ въ окно кареты и играютъ на ея красивомъ лицѣ.

Семену очень понравилась Софья Николаевна; онъ чувствовалъ къ ней особенное расположеніе. Ему было слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ. Лицо его, обыкновенно мрачное и недовольное, рѣдко прояснялось улыбкою. Это случилось тогда, когда онъ разговаривалъ съ нашей путешественницей.

Проснувшись утромъ и покуривая трубку тютюна, онъ поворачивался полуоборотомъ къ Софьѣ Николаевнѣ и разговаривалъ съ нею черезъ открытое спереди стекло.

— Какъ изволили опочивать, барышня? спрашивалъ онъ, поглаживая свои щетинистые и запыленные усы. — И слава Богу! продолжалъ онъ, получивъ удовлетворительный отвѣтъ. — Вотъ мы уже довольно проѣхали.... А эти шельмы ни на что не похоже какъ тащатся ночью! Всю ночь вотъ на пролетъ не спалъ. То и дѣло понукай ихъ, а то просто встанутъ на дорогѣ!

Софья Николаевна улыбалась, вспоминая, какъ бодрствовалъ ночью Семень.

Иногда, у станціи, въ то время, какъ мазали оси у кареты, Семень, сойдя съ козелъ, набивалъ трубку и съ наслажденіемъ курилъ, съ важностью стоя между ямщиками и безпрестанно плюя сквозь стиснутые зубы. Потомъ, какъ бы наполнившись вмѣстѣ съ дымомъ хорошимъ расположеніемъ духа, онъ подходилъ къ каретѣ, выколачивалъ трубку о колесо и обращался къ Софьѣ Николаевнѣ.

— Не угодно ли выйти, барышня? говорилъ онъ: — чай вѣдь вы измаялись у меня!

— Миѣ здѣсь очень покойно, отвѣчала она.

— Покойно? оно конечно.... карета важная, отвѣчалъ онъ, попячиваясь назадъ, съ глубокомысленнымъ видомъ и изъ подлѣбья осматривая карету: — богатая карета... колеса крѣпкія... Не обманулъ вѣмецъ: ни какой починки до сихъ поръ.... ни одинъ винтъ.... Осторожнѣе вы тамъ! грошно кривнулъ онъ на подмазывающихъ колеса ямщиковъ.

— Ось-то у васъ совѣтъ горячая, замѣтилъ ямщикъ: — стираться стала сильно. Давно видно не мазали!

— Толкуй тамъ! сердито отвѣчалъ Семень: — давно ли мазали?... Знаю я. Не уберечь никому противъ меня.

Оси не были мазаны всю ночь.

— Да; карета важная, сказалъ онъ, подходя къ дверцамъ: — нечего сказать, съ форсомъ ѣдемъ мы съ вами, барышня ... ѣдемъ во всемъ видѣ, что называется. Вотъ если бы у насъ въ уѣздѣ въ такой каретѣ показаться, сейчасъ сказали бы, что губернаторша, а не то графиня или княгиня какая ѣдетъ... то-то наши форсовать стануть!... Да что, барышня, и этихъ олуховъ провести не трудъ.... Вотъ, постойте-ка, я ихъ озадачу. Чего вы тамъ копаются, болваны! крикнулъ онъ на лѣнливо стоящую группу ямщиковъ: — гдѣ у васъ староста? вотъ я васъ! Ея сіятельство графиня сердиться изволить.

Между ямщиками произошло замѣтное движеніе.

— Ведуть, ведуть! отвѣчали они.

— А нешто это графиня проѣзжаетъ? спросилъ Семена одинъ изъ ямщиковъ, слегка приподнимая шапку.

— Кто же по твоему, фаля? чего зенки-то вытаращилъ, не видишь что ли?

— Такъ; оно извѣстно, отвѣчалъ ямщикъ, искоса глядя на карету и почесывая затылокъ: — а что, одни ѣдете или съяди экипажи ѣсть?

— Въ каретѣ, видишь, что одна сидитъ.... Не любить никого брать, только меня; я у ней дворецкій и казначей. Горничныхъ-то впередъ на ночлегъ отправляемъ.... Да не проѣзжали развѣ?

Ямщикъ задумался.

— Проѣзжала давича коляска, сказалъ онъ: — да тамъ только барыни сидѣли.

— Сколько ихъ тамъ было?

— Двѣ барыни, одна по старше.

— Ну, онѣ и ѣсть! Въ коляскѣ, вѣдь ты говоришь?

— Въ коляскѣ.... только то барыни, а не дѣвки.

Семень заглянулъ весьма близко въ лицо ямщика и разразился смѣхомъ.

— Прямой ты сидоръ! сказалъ онъ, поначивая головою и съ улыбкою презрительнаго сожалѣнiя: — дѣвокъ-то отъ барынь не распозналъ.... Впрочемъ и дѣвки-то у насъ, что ваши барыни! Ты посмотри-ка на графиню.... какова?

Ямщикъ лѣниво подошелъ къ переднимъ колесамъ и, какъ бы нехотя, заглянулъ на улыбающуюся дѣвушку.

— Ну что? видѣлъ, что ли?

— Такъ и есть, Ванюха, то дѣвки ейныя были....

— Слышали? сказалъ съ самодовольствiемъ Семенъ, подходя къ каретѣ.

— Къ чему ты ихъ обманываешь, Семенъ?

— Такъ и нужно.... живѣе поворачиваться станутъ. Да в чѣмъ вы графини-то хуже?... любому, не только ямщику, покажи, безъ всякаго сумлѣнiя повѣрить.... Ей Богу!

— Далъ бы тебѣ цѣлковый на водку, сказалъ Семенъ старому ямщику, уплачивая прогоны: — да плохо ты везъ больно.

— Кажется, вези хорошо, отвѣчалъ ямщикъ, принимая деньги.

— Дурень ты, дурень! такъ ли графиню везать? сказалъ Семенъ, взбираясь на козлы: — экие сидоры!...

И вотъ доѣхала наша путешественница до той станціи, съ которой не задолго отправлялась въ Петербургъ, уѣзжая отъ Волновыхъ.

Уже свѣтало. Погода была ненастная, дождливая, вѣтренная. Софья Николаевнѣ захотѣлось отдохнуть. Она взяла особую комнату, заперла двери, нераздѣваясь бросилась на диванъ и тотчасъ же уснула. Комната была большая, свѣтлая, съ огромными окнами. Грязные чехлы на массивной мебели представляли рѣзкую противоположность съ чистотою половъ. Мебель уже успѣла состариться, а все одинъ и тѣже, никогда не снимаемые чехлы защищали ее отъ порчи.

Сонъ Софьи Николаевны былъ тревожный. Подъ утро отрывистые крики ямщиковъ, стукъ подѣзжающихъ экипажей, безпрерывная бѣготня проѣзжающихъ и служителей по комнатамъ и лѣстницамъ гостиницы беспокоили ее. Въ сосѣднихъ комнатахъ то громко требовали чаю, то отчаянно и со стономъ зѣвали и ехали, то бранились и торговались съ ямщиками, тяжелая походка которыхъ раздавалась въ ушахъ Софьи Николаевны подобно ударамъ молота.

Вдругъ посреди этого обычнаго шума гостиницы послышались какіе-то необыкновенные, глухіе, сдавливаемые и отрывистые стоны или крики. Софья Николаевна очнулась и стала прислушиваться.

Раздался страшный, дикій, отчаянный крикъ. Она въ испугѣ соскочила съ дивана, отворила дверь въ сосѣднюю комнату и заглянула въ корридоръ. Тамъ стоялъ Семенъ и, казалось, чего-то ожидалъ.

— Что это, Семенъ? спросила она, подзывая его къ себѣ.

— Какого-то съумасшедшаго, говорятъ, везутъ въ Петербургъ, отвѣчалъ онъ: — да какой это съумасшедшій, когда такъ оретъ! видно бѣшеный какой нибудь... Экипажъ подали, а онъ изъ комнаты нейдетъ, не могутъ съ нимъ сладить!

Софья Николаевна попросила подать себѣ чаю. Въ отдаленной комнатѣ не прекращалась возня, изрѣдка сопровождаемая отрывистыми криками.

— Вы не знаете, кто этотъ съумасшедшій? спросила она прислуживавшаго ей человѣка.

— Какъ не знать! отвѣчалъ онъ: — это здѣшній помѣщикъ, недалеко отсюда живетъ.

— Какъ фамилія?

— Темниковъ.

— Темниковъ! вскрикнула Софья Николаевна съ ужасомъ и поблѣднѣла.

— Развѣ вы изволите знать его?

— Да, я слыхала о немъ. Но давно ли онъ помѣшался? Онъ въ Петербургѣ былъ...

— Да вотъ какъ изъ Петербурга пріѣхалъ, такъ и стали замѣчать, что взбѣсился...

— Вы не слыхали, какъ... на чемъ онъ помѣшанъ? спрашивала дѣвушка въ болѣзненномъ волненіи.

— Рассказываютъ, что какъ пріѣхалъ изъ Петербурга, то сначала заперся у себя въ комнатѣ и нигде изъ нея не выходилъ. Вдругъ въ одну ночь выбѣжалъ на дворъ, сталъ кричать, всю дворню поднялъ на ноги: пожаръ, говоритъ, у него въ домѣ, комнаты горятъ. Кинулись въ домъ, осмотрѣли всѣ углы, ничего нѣтъ, темнымъ-темнешенько... хоть бы одну искру нашли. Потолковали себѣ люди, да и разошлись. Подъ утро онъ

опять поднялъ суматоху. Сбираетъ всѣхъ , прикащика призываетъ , ругаетъ ; говоритъ , что ему въ своемъ домѣ покоя нѣтъ , что стучать у него изо всей мочи подъ самыми ушами , что все это ему на зло дѣлають. Обѣщался за становымъ послать. Смотрятъ на него люди и подумать не знаютъ что ! Онъ , правда , и прежде , Богъ съ нимъ , такой былъ злой... житья , говорятъ , отъ него не было. Сталъ на дворъ выходить , да забаву какую себѣ выдумалъ ! Курицу ли гдѣ увидить , пѣтуха , вѣдюшку , вѣловить тотчасъ , да головы имъ и оторветъ и ногами топчетъ. Собаку ли гдѣ наймаеть , схватить за горло и задавить. Свою любимую задушилъ. Кошкамъ объ уголь головы разбивалъ. Страхъ , говорятъ , было на него смотрѣть тогда , рычить какъ звѣрь. Думали люди , сдурился баринъ. Да покажѣсть онъ пѣтуховъ да собакъ переводилъ , молчали. Да онъ этимъ-то не кончилъ. На людей сталъ бросаться... Одну дѣвушку дворовую чуть не задушилъ , схватилъ за горло , да такъ пальцами и впился. Насилу отняли. И до сихъ поръ у ней на шеѣ кровавыя пятна. Ночью спать никому не даетъ , кричить. Потолковали люди : видятъ , что дѣло неладно и дали полиціи знать. Приѣхала полиція , освидѣтельствовала , нашла , что онъ взаправду взбѣсившись. Домъ опечатали , а его вотъ въ сумасшедшій домъ и отправляютъ. Да такая съ нимъ возня , что Боже упаси ! Людей много , а справиться не могутъ иногда , какъ найдеть на него. А порою смиренъ , молчитъ , не шевелится , только искоса на всѣхъ поглядываетъ. А богатый баринъ ! скупой' только былъ... Люди-то не нарадуются.

— Скрутили... ведутъ ! сказалъ съ торжествующею миною Семень , входя въ комнату.

Въ корридорѣ послышались тяжелые шаги нѣсколькихъ чловѣкъ. Служитель и Семень посрѣдѣшли имъ навстрѣчу. Софья Николаевна , несмотря на невольное чувство страха , не могла удержаться и подошла къ окну.

Дверь изъ сѣней съ шумомъ отворилась и на улицу вывели Темникова. Онъ былъ и страшень , и жалокъ.

Руки его въ локтяхъ были крѣпко связаны назади ; худые длинные пальцы скорчены , какъ бы судоргою. На головѣ не было фуражки. Рѣдкіе и почти сѣдые волосы развѣвались въ безпорядкѣ отъ вѣтра ; страшно худое , морщинистое лицо тем-

но-желтаго цвѣта, отъ небритой съ густою просѣвлю бороды, имѣло какой-то особенно ужасный характеръ. Маленькіе глаза дико и неподвижно смотрѣли изъ глубокихъ и темныхъ ямъ. Наполненные кровью, окруженные вѣками ярко краснаго цвѣта, они испускали изъ себя кровавые лучи. Тонкія, сухія губы были сжаты и немного покривлены.

Подойдя къ коляскѣ, онъ вдругъ почему-то повернулъ голову къ окнамъ гостиницы и, вѣроятно, увидавъ Софью Николаевну, испустилъ такой дикій, страшный и неожиданный крикъ, что всѣ разомъ вздрогнули и нѣкоторые даже пераекрестились. Вскрикнувъ, онъ рванулся съ такою силою изъ рукъ державшихъ его людей, что тонкая веревка, связывающая руки, лопнула. Темниковъ бросился было къ дверямъ гостиницы; но толпа глазѣющихъ на него ямщиковъ, загородила ему дорогу, и его схватили. Страшно бился и рвался несчастный въ овладѣвшихъ имъ рукахъ.

Софья Николаевна, услышавъ крикъ, догадалась, что онъ узналъ ее, и въ ужасѣ отскочила отъ окна. Съ ней сдѣлалась внутренняя лихорадка. Но любопытство превозмогло, и она опять подошла смотрѣть.

Нѣсколько человекъ употребляли тщетныя усилія, чтобы вышнуть несчастнаго въ коляску. Ноги его упирались въ подможку, руками онъ судорожно уцѣпился за шарниры верха. Двое здоровыхъ людей силились оторвать руки и разогнуть пальцы. Они дѣлали это безъ всякой осторожности и съ видимою досадою на упорное сопротивленіе. Иногда имъ удавалось оторвать одну руку; но когда они хлопотали за другой, онъ успѣвалъ схватиться первой.

Софья Николаевна съ ужасомъ смотрѣла на эту картину. Наконецъ она не выдержала и, не помня себя, отворила окно и умоляющимъ голосомъ закричала:

— Не мучьте, оставьте его!

Услышавъ ея голосъ, онъ опять вскрикнулъ и удвоилъ усилія.

— Пустите меня, пустите меня къ ней! кричалъ онъ.

Софья Николаевна отбѣжала въ уголъ комнаты и закрыла лицо руками. Нѣсколько минутъ слышала она, какъ продолжалась упорная, ужасная борьба. Наконецъ колеса загремѣли по местовой, ямщикъ крикнулъ, и экипажъ быстро покатился.

Она всдохнула свободнѣе.

— Уравай, слава Богу! сказалъ Семенъ, входя въ комнату, и сказалъ такъ торжественно и съ такимъ видомъ побѣды, какъ будто самъ былъ тому главною причиною: — взятыя не умѣли. Надоумилъ ихъ подъ колѣни подкосить. Ну, чудеса! продолжалъ Семенъ: — отродясь, доложу я вамъ, барышня, такой оказіи не видывалъ.

— Лошади готовы, сказалъ вшедшій староста.

И пустилась Софья Николаевна снова въ дорогу.

Опять такой же неумолкаемый шумъ колесъ, порою энергическія, порою лѣнивыя понуканья лошадей, опять такіе же дни и такія же ночи!...

Но чѣмъ болѣе путешественники подвигались внутрь Россіи, тѣмъ характеръ проѣзжаемой мѣстности начиналъ значительнѣе измѣняться.

Проѣхали они ту жалкую и скучную сторону, гдѣ мѣстность неправильно возмолвлена по всѣмъ возможнымъ направленіямъ незначительными и уныло изгибающимися возвышеніями; гдѣ безпрестанно встрѣчаются болота, похожія на озера, и озера, похожія на болота; гдѣ, отъ примѣси песку, сѣро желтаго цвѣта земля, усѣянная безконечнымъ количествомъ булыжныхъ камней разной величины, явно свидѣтельствуетъ о бѣдной растительности; гдѣ нѣтъ ни большихъ рѣкъ съ обрывистыми берегами, ни лѣсовъ, а на мѣсто ихъ жалкіе, полувысохшіе, полусгнившіе кустарники, карявые, болѣзненно желтоватыя, худыя ели, едва живущія въ кочковатыхъ и вязкихъ болотахъ, никогда не очищаемыхъ отъ валежника и покрытыхъ сѣрымъ мохомъ; гдѣ наконецъ и небо постоянно какого-то зеленовато сѣвероточнаго, а земля синевато желтаго цвѣта. Проѣхали они эту обиженную природой сторону, и взорамъ ихъ, на мѣсто некрасивыхъ и обнаженныхъ бугровъ, начали представляться обширныя равнины, покрытыя изумрудною зеленью, темныя, густо-лиственные лѣса, отраднo шумящія и защищающія отъ жара и пыли постоянно сохраняемое въ нихъ сыростью. Начали имъ встрѣчаться широкія рѣки, у которыхъ по одному берегу далеко расиространялись богатые поемныя луга съ сложенными на нихъ огромными стогами скошеннаго сѣна; по другому гордо высились, за пестраной отмелью, скалистыя обрывистыя горы, перестав-

мыя темными оврагами, исчерченныя быстрыми ручьями, похожими на каскады; горы то поросшія густымъ свѣжнмъ кустарникомъ, то смѣло обнажавшія свои известковые, рѣзко загнутые составы.

Переѣзжали они эти рѣки на паромехъ, подымались пѣнкомъ по длинному и крутому подъему въ гору, по которому шестерка лошадей, съ дѣйствительною помощью людей, а не съ однимъ только покрякиваніемъ, съ трудомъ тащила небольшую карету.

А внизу запрягали лошадей въ только что перевезенные воза; бряцали бубенчики, раздавались веселыя пѣсни перевозчиковъ, кое-гдѣ серебрились густые тополи, сверкали на солнцѣ ручьи или съ шумомъ бѣжали подъ ногами. Солнце жжетъ. Едва переводишь духъ отъ усталости, а между тѣмъ весело, легко какъ-то. И вотъ вѣзжаешь въ темный густой лѣсъ: тамъ въ тѣни обдаешь отрадной прохладой, обдуваетъ ароматической сыростью. Весело звучитъ колокольчикъ, вторимый звонкимъ дробящимся эхомъ; колеса неслышно катятся по мягкой землѣ, затягиваетъ пѣсню удалой ямщикъ. Семень съ наслажденіемъ впиваетъ въ себя дымъ тютюна, который такъ пріятно пахнетъ на воздухѣ. Любо!... И ѣдешь десять, двадцать, тридцать верстъ этимъ лѣсомъ, а все, кажется, нѣтъ ему конца, все, шуми и наклоняясь, провожаетъ онъ путешественниковъ. Наступаетъ ночь. Проѣзжая по неширокой дорогѣ, сидящему въ каретѣ трудно увидѣть небо. Кажется, что ѣдешь между двумя черными, но живыми и шевелящимися стѣнами. Какими-то великанами съ множествомъ махающихъ рукъ представляются иногда выдвинувшіяся изъ стѣны деревья; невольный страхъ прокрадывается въ сердце... И всѣ сказки о нескончаемыхъ муромскихъ лѣсахъ, съ живущими въ нихъ шайками разбойниковъ — сказки, которыя такъ внимательно слушались въ дѣтствѣ, непрошенно наполняютъ и пугаютъ воображеніе. И несмѣло глядя въ окно, боишься и ждешь увидѣть кого нибудь. Не раздается ли громкій призывный свистъ? не выскочитъ ли кто изъ лѣса, не бросится ли на лошадей?... Тамъ вдали виднѣется костеръ. Около него какія-то темныя фигуры. И хочется спросить Семена, и стыдно, чтобы онъ не догадался, что барышня труситъ. Все ближе и ближе костеръ, все больше и ярче горитъ пламя. Особенность картины помогаетъ игрѣ воображенія.

Предъ костеромъ сидитъ нѣсколько суровыхъ, красныхъ отъ пламени лицъ въ воинственныхъ костюмахъ; передъ ними наклонно, точно такъ, какъ складываютъ жерди для шалаша, сложено нѣсколько пикъ. Длинные тѣни падаютъ отъ нихъ.... Не права ли, это очень подозрительно?

— Что это, Семень? съ замѣтнымъ дрожаніемъ въ голосѣ спрашиваетъ дѣвушка.

— Это ничего; это казаки сторожевые.

— Сторожевые! думаетъ про себя немного успокоенная Софья Николаевна: — стало быть все-таки здѣсь опасно ѣхать. Скоро ли кончится этотъ лѣсъ?...

Но долго, тянется онъ, далеко между деревьями длится дробящійся звукъ колокольчика.... долго привѣтливо, но гордо киваютъ головами великаны, сопровождая поклоны глухимъ ропотомъ.

А Семень къ тому же рассказываетъ разныя страшныя исторіи.

— Вотъ недалече отъ насъ, говоритъ онъ: — перелѣсокъ есть верстѣ въ десять, между двумя деревнями Сидоровкой и Кузовинымъ. Теперь, признаться, уже немного повырубили, а то тоже такой густой и темный былъ лѣсъ. Въ Сидоровкѣ жилъ кузнецъ* (Петромъ его никакъ звали), кузнецъ хорошій, въ Петербургѣ живалъ. Мужикъ онъ былъ здоровый, въ плечахъ, что говорится, косая сажень, росту вершковъ двѣнадцать. Лицо красное, большое... Какъ примется, бывало, чуть не пудовымъ молотомъ по наковальнѣ стучать, точно какъ перышко у него въ рукахъ летаетъ молотъ, просто страшно смотрѣть на него тогда было.

«Вотъ онъ разъ, верстахъ въ двадцати отъ дому, у помѣщика работалъ и денегъ получилъ довольно. Идетъ онъ домой, да по дорогѣ и зашелъ въ Кузовино къ мужичку одному въ избу.... кваску, что ли, напитокъ... Показывалъ ли онъ тамъ деньги, рассказывалъ ли, сколько получилъ, ужъ за подлинно не знаю. Только у хозяина глаза на деньги разбѣжались, видно попутало... Какъ бы ихъ отъ кузнеца добыть?»

«И какъ сталъ Петръ домой собираться, хозяинъ и говоритъ ему: — а что, Петруха, мнѣ тоже у васъ тамъ за Сидоровкой побывать надо. Продадъ я тамъ ономьясь телушку пономарю.... деньги получить. Пойду ужъ съ тобой?»

«— Ну чтожь? идемъ, говорить Петръ.

«Снарядился мужикъ, и пошли. Время было осеннее; какъ вышли изъ деревни, солнце ужъ давно сѣвши было, а въ лѣсу-то было совсѣмъ уже темно.... Идутъ, уже версть пять, въ самую чащу зашли. Только отстаютъ все нашъ мужикъ и сзади Петра идетъ.

«— Что ты рядомъ нейдешь? спрашиваетъ Петръ.

«— Не могу. Ей Богу.... присталъ совсѣмъ я.... больно прытко идешь ты.... Вишь ноги какія отростилъ! отвѣчаетъ мужикъ.

«Идутъ дальше. Ужь не могу знать, смекалъ ли Петръ, въ чемъ дѣло; только когда мужикъ, выбравъ удобное мѣсто, досталъ изъ сапога топоръ и сталъ подкрадываться сзади, кузнецъ все это на тѣни и увидалъ. А мѣсяць-то тогда изъ-за тумъ на счастье проглянулъ.... И когда, подойдя по ближе, мужикъ замахнулся топоромъ, Петръ вдругъ повернулся, пихнулъ его въ бокъ, такъ-что тотъ съ ногъ свалился, вырвалъ у него топоръ и бросилъ въ сторону.... Да на грудь мужику колѣнкомъ и всталъ.

«— А, душегубецъ! сказалъ онъ, давя его за горло: — попался! Не попустилъ видно Господь.... Выучу я тебя до чужого добираться.... на крещеныхъ съ топоромъ лѣзть.... Вѣкъ не будешь помнить!

«И такъ онъ его скрутилъ, что тотъ ни руками, ни ногами пошевелиться не могъ. Взмолился мой мужикъ, вопить:

«— Отпусти, родимый: вѣкъ за тебя буду Бога молить! закажу и дѣтямъ и внучатамъ.... Въ первой попутало.... отпусти!

«Мотааетъ головой кузнецъ и ухмыляется сурово.

«— Отпущу я тебя, да такъ, что вѣкъ не забудешь.... Памятку оставляю....

«И всталъ онъ ему колѣнами на грудь такъ, что кости затрещали у мужика.... Досталъ изъ сапога клещи кузнечные, распялил разбойнику ротъ, да четыре или пять зубовъ ему и выдеротилъ!... Кричитъ мужикъ; а Петръ ему при каждомъ зубѣ, приговариваетъ: «Помни кузнеца Петра изъ Сидоровки!...» потомъ развязалъ его, велѣлъ домой скорѣе бѣжать. Топоръ взялъ съ собою, а о мошенникѣ ужъ и не доносилъ. И славно же онъ

то обработалъ : и шею , и рожу совсѣмъ скривилъ ! Ужь подлинно , чай , не забудеть его , разбойникъ !...»

— А что : вѣдь скучновато будетъ вамъ , барышня , въ нашей сторонѣ-то ! говорилъ Семень : — глушь-то у насъ презрядная.... Помѣщики дичь !... Ужь не то , что у васъ въ Петербургѣ.... куда ! Живуть какъ скареды.... да и жить-то совсѣмъ не умѣють !... Не то , что прежде было.... Ужь куда я.... холошъ , а просто тамъ хоть съ тоски помирай . Что это за жизнь ? А ужь особливо , когда въ Питерѣ побываешь... вѣкъ бы я съ нимъ не разстался .

Дней черезъ 12 послѣ выѣзда изъ Петербурга , Софья Николаевна наконецъ находилась въ нѣсколькихъ верстахъ отъ цѣли своего путешествія . Завидѣвъ издали деревню и домъ , она остановилась и поправила свой туалетъ . Черезъ полчаса карета вѣтхала на поросшій травою и обсаженный кругомъ березами дворъ и остановилась у некрасиваго подѣзда . Кучи лакеевъ , дѣвокъ и дворовыхъ людей глазѣли на нее со всѣхъ сторонъ .

ГЛАВА V.

Есть жилища , дома со всѣми ихъ принадлежностями , которые носятъ на себѣ характеръ людей , въ нихъ обитающихъ , какъ-то отзываются ихъ взаимными отношеніями . Между жилищами , какъ и между людьми , есть свои Маниловы , свои Собакевичи , свои Плюшкины . Къ несчастію рѣдкія изъ нихъ окружены атмосферою любви , довѣрія ; немногія притягиваютъ усталаго странника отлохнуть подъ ихъ кровомъ , видимо обѣщающа спокойствіе .

Надъ большею частью жилищъ стоитъ спертый удушливый воздухъ , которымъ дышуть живущіе тутъ . Онъ стоитъ столбомъ , едва колеблясь , съ какою-то злою настойчивостью сопротивляясь вторженію свѣжести , упорно отражая благодатный вѣтеръ и препятствуя обновленію атмосферы . И подъ устарѣлымъ , сгнившимъ воздухомъ все дышащее какъ будто не живетъ , а такъ мается , волочится по землѣ вѣстѣ съ колесомъ , къ которому сначала привязано или привязалась .

Есть строенія , глядя на которыя , испытываешь какое-то съезживающее чувство и непріятную дрожь. Погребною сыростью , холодомъ далеко вѣсть отъ нихъ.

Стѣны , крыши , заборъ , стволы деревъ , земля , даже самыя листья , все какъ будто покрыто плѣсенью. Тусклыя окна словно заржавѣли , темный садъ заросъ крапивой ; едва-едва какой нибудь безцвѣтный , чахоточный цвѣточекъ осмѣлится показать свою головку между грубою и колючею зеленью. Столбы забора большею частью подгнили и ждуть только толчка , чтобъ повалиться ; всѣ же они покривились и поросли какими-то наростами въ родѣ грибовъ.

Да и внутри тотъ же холодъ , то же отсутствіе жизни , та же грустная тишина ! Изрѣдка прерывается она разстраивающимъ нервы , принужденнымъ , насильственнымъ разговоромъ.

Для самихъ хозяевъ дома , живущихъ въ немъ , можетъ быть нѣсколько десятковъ лѣтъ , онъ кажется чѣмъ-то чуждымъ , постороннимъ , какимъ-то временнымъ жилищемъ , гостиницей , въ которой они остановились на пути жизни , безпрестанно собираясь ее оставить.

Такъ все не устроено , не приспособлено къ необходимымъ удобствамъ , спокойствію ; такъ все кажется не на мѣстѣ и неловко себя чувствуетъ.... А не оттого ли , что сами хозяева не на мѣстѣ и нехорошо себя чувствуютъ ? Не оттого ли , что они сами , проживъ много лѣтъ , еще не успѣли и не умѣли установить , опредѣлить своихъ взаимныхъ отношеній , принять какія нибудь мѣры къ обоюдному спокойствію ?

Нѣтъ , не манить подъ свою сѣнь подобное жилище ; не обѣщаетъ ни согрѣть , ни успокоить оно ! Не усладить оно взора картиною семейства , въ истинномъ смыслѣ этого слова , картиною согласія , дружбы или хоть наконецъ взаимной терпимости. Не побалууетъ слуха живымъ , исполненнымъ увлекательнаго веселія разговоромъ.... Нѣтъ , нѣтъ !...

Здрожить и съезжится сердце , глядя на холодныя , натапнутыя лица и на машинальныя движенія ; захочется заткнуть уши , чтобы не слышать принужденныхъ , язвительныхъ рѣчей. Все какъ будто тамъ виситъ , держится на тонкомъ волоскѣ и каждую минуту боится оборваться и шалѣть грому. Правда , большею частью царствуетъ наружная терпимость ; но сколько на-

копленной горечи, сколько затаенныхъ упрековъ, перѣдко задушаемыхъ страхомъ истины, таятся подъ нею. Горячая лава кипитъ и кроется подъ тонкой, временно остывшей корою!

Охватило сыростью, обдало холодомъ Софью Николаевну, когда она вѣхала на поросшіи травою дворъ.

Мрачно смотрѣли на нее темныя окна стараго сѣраго дома; мрачны были фізіономіи людей, встрѣтившихъ ее на скрипѣвшемъ подъ ногами крыльцѣ. Съ стѣсненнымъ сердцемъ вошла она въ большую залу и остановилась, не видя въ ней рѣшительно никого. На высокихъ окнахъ стояли большіе горшки съ густо-разросшеюся геранью, которая не давала свободнаго прохода свѣта въ комнату. Къ тому же, съ одного фаса дома заслоняла окна снаружи темная зелень подлѣ растущихъ березъ. Въ углу залы стояла большая неуклюжая изразцовая печь. Соломенные стулья, составлявшіе всю мебель, были выкрашены черною краскою. Жалкое фортепяно стояло у одной изъ стѣнъ, и на немъ лежала куча запыленныхъ нотъ. По стѣнамъ, въ черныхъ, грубо сдѣланныхъ рамахъ висѣли большіе литографированные портреты знаменитыхъ людей минувшаго времени, и всѣ они, казалось, мрачно, недовѣрчиво и непріязненно смотрѣли на Софью Николаевну.

Все было тихо кругомъ, только въ передней шептались между собою люли, заглядывая въ полурастворенную дверь.

Наконецъ послышались отдаленные шаги, они отчетливо разлапались по молчаливымъ комнатамъ, и въ залу вошла хозяйка дома.

Ей было лѣтъ тридцать-пять. Худое, блѣдное, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и очень недурное лицо ея показывало нѣкоторое волненіе отъ случая, нарушившаго обычное однообразіе. Какъ-то съ перваго взгляда было понятно, что грусть, преданность судьбѣ и горькое терпѣніе были постояннымъ выраженіемъ этого лица. Улыбка, которая была теперь на немъ, принадлежала какъ будто не ему, а, казалось, была занята у кого нибудь посторонняго.

Ласково взяла она за руки смущенную дѣвушку и съ видимымъ удовольствіемъ поцаловала. Потомъ повела она ее въ другія, не менѣе мрачныя и не менѣе сырыя комнаты, и посадила на диванъ. По прочтеніи писемъ, привезеннаго Софьей Ни-

колаевнѣй, послѣ обычныхъ распросовъ, хозяйка дома проводила ее въ приготовленную для нея, на верху дома, комнату, которая носила на себѣ тоже общій характеръ дома. Выбравъ наскоро изъ чемодана свое небольшое имущество и перешедъвшись, Софья Николаевна сѣла у окна въ старое кресло, обитое порывъвшешю отъ времени кожей. Передъ окномъ стояло въ одну линію нѣсколько старыхъ, почернѣвшихъ строеній: то были сараи, конюшни, погреба и амбары. Вправо видѣлся край мрачнаго сада съ покривившеюся и полусгнившешю рѣшеткой, нѣкогда выкрашенной бѣлою краской, но которая теперь облупилась и одѣла заборъ въ глубокой траурѣ, въ сѣнь бѣлаго съ чернымъ. Едва замѣтно желтѣлись въ саду заросшія дорожки, желтѣлись и скоро скрывались въ густой, низко нависшей зелени.

За крышами строеній далеко разстилалась совершенно ровная и гладкая мѣстность, безконечное сѣрое, всаханное и взбороненное поле. Далеко, однообразно раскидывалось оно, и постепенно, незамѣтно сливалось съ грустно синѣющимъ горизонтомъ неба. Не видѣлось вдали ни изгородей, ни отдѣльных строеній, ни пріютившихся у ропи сѣрыхъ деревушекъ съ поднимающимися надъ ними тонкими струями дыма. На сѣромъ фонѣ не видно было ни одного деревца, ни одного холмика, ни свѣтлой, блестящей на солнцѣ нити извивающей рѣчки.... Нѣтъ, нѣтъ! Напрасно разбѣгаются по разнымъ направленіямъ глаза, не на чемъ остановиться имъ. Только узкая и голая, одноцвѣтная съ полемъ дорога тянется и незамѣтно теряется вдали.

Склонивъ голову на руку и глядя въ окно, сидѣла Софья Николаевна, и грустно сдѣлалось ей въ сырой комнатѣ. Глаза стали туманиться непрошенными слезами. Ей показалось вдругъ, что она, одинокая, заключена въ мрачную тюрьму, уединена ото всего живущаго, суемящагося и хлопчашаго на свѣтѣ. И раздумалась она о своемъ незавидномъ положеніи, и о томъ, въ какой неизвѣстный, дальній край, въ какой домъ занесла ее прихотливая и недоброжелательная судьба.

Хозяйка пришла сама звать ее обѣдать.

— Вы еще незнакомы съ своими будущими воспитанниками и.... съ моимъ мужемъ, сказала она.

Вошли въ залу. Боровинъ, хозяинъ дома, учтиво раскланялся съ Софьей Николаевной и сказалъ ей нѣсколько привѣтливыхъ фразъ.

Ему было лѣтъ сорокъ. Онъ былъ замѣчательно хорошъ собою, ловокъ, поворотливъ и худъ. Последнее я упоминаю нарочно потому, что у насъ обыкновенно помѣщиковъ представляютъ себѣ если не толстыми, то пухлыми. Одѣтъ онъ былъ съ замѣтнымъ тщаніемъ, напомаженъ и раздушенъ. Тонкія губы были сжаты. Сѣрые, непрерывно, быстро и подозрительно бѣгающіе глаза его изрѣдка, не на долго, но зато глубоко и язвительно, впивались въ прекрасную дѣвушку. Она не видѣла этого, не замѣчала и того, что хозяйка съ безпокойствомъ взглядывала то на нее, то на мужа, и слѣдила за обоими. Казалось, какая-то печальная мысль забралась въ голову Боровинной.

Дѣти (двѣ дѣвочки и мальчикъ) были красивы; но какъ и всѣ дѣти, несмотря на ласки своей гувернанки, недовѣрчиво и несмѣло смотрѣли на нее. Сначала разговоръ не клеился, но наконецъ, мало по малу, завязался распросами о Петербургѣ, о путешествіи и о родственницѣ, которая рекомендовала Софью Николаевну.

Посторонній наблюдатель замѣтилъ бы, что каждый изъ супруговъ былъ у себя на сторожѣ. Глаза ихъ почти никогда не встрѣчались и они видимо старались, чтобы слова ихъ не сталкивались, и вели разговоръ каждый отдѣльно. Столъ, раздѣлявшій ихъ, казалось, былъ между ними непроходимымъ пространствомъ.

Софья Николаевна не могла замѣтить всего этого; но тѣмъ не менѣе холодъ, царствующій вокругъ, началъ уже производить на нее свое непріятное вліяніе.

— Гдѣ ты помѣстила Софью Николаевну? спросилъ Боровинъ жену, вставая пзъ-за стола.

— Наверху подлѣ меня, въ сѣренькой комнатѣ.

Онъ нахмурился.

— Миѣ кажется, Софьѣ Николаевнѣ лучше и удобнѣе было бы поселиться здѣсь, сказалъ онъ.

— Отчего же? тамъ удобно и покойно.... и лучше, все ближе къ рукамъ. Да и миѣ веселѣе..., по крайней мѣрѣ не одна буду, прибавила она несмѣло.

— Что за ребячество! отвѣчалъ онъ съ усмѣшкой. — Ты до старости лѣтъ доживешь и никогда не съумѣешь распорядиться....

— Кажется, я хорошо распорядилась, перебила его Боровина, сдѣлавъ замѣтное удареніе на словѣ «хорошо».

Онъ взглянулъ на нее быстро, пристально и съ подавляемою злобою. Она съ притворнымъ равнодушіемъ отвернулась, а онъ ушелъ въ свои комнаты.

Софья Николаевна поняла изъ этого разговора только то, что супруги несовсѣмъ ладятъ другъ съ другомъ.

Хозяйка предложила ей походить около дома и показать ихъ печальное поселеніе.

Все, что видѣла дѣвушка кругомъ дома, было въ страшномъ запущеніи. Она заключила, что, должно быть, въ этомъ домѣ очень давно никто не жилъ, и что теперешніе хозяева недавно поселились въ немъ. Казалось, Боровина поняла, о чемъ она думаетъ.

— У насъ все еще такъ неустроено, такъ запущено, сказала она, окидывая свои владѣнія холоднымъ взглядомъ.

— А давно ли вы здѣсь живете? спросила Софья Николаевна.

— Да ужъ давно, отвѣчала хозяйка несмѣло и съ видимымъ волненіемъ: — скоро... скоро будетъ пятнадцать лѣтъ.

И она вздрогнула, какъ будто испугавшись своихъ словъ.

— Пятнадцать лѣтъ!

— Да, пятнадцать лѣтъ, сказала Боровина, грустно качая головой: — пятнадцать долгихъ, долгихъ лѣтъ!... Васъ это удивляетъ? вы еще едва прожили столько.

Она замолчала и остановилась предъ сконфуженной дѣвушкой.

— Скучно, скучно здѣсь, продолжала она: — я до сихъ поръ не могу привыкнуть... и ничѣмъ не хочется заниматься. Правда, сначала я принялась было... да потомъ бросила. Да и къ чему?... Все это мнѣ какъ-то кажется постороннимъ, чужимъ, временнымъ... все, все.... Ничто меня не притягиваетъ. Право, если бы не дѣти... я не знаю....

— Но знаете ли, сказала Софья Николаевна, когда онъ вошли въ садъ: — знаете ли, эта запущенность имѣетъ свою хорошую сторону. Эта дикость; полуразрушенность вѣетъ таин-

ственностью, говорить о времени, сближаетъ съ природою. Порядокъ, чистота, правильность также надѣдаютъ и утомляютъ....

— Вы хотите утѣшить меня, милое дитя, сказала Боровина, взявъ свою спутницу за руку и глядя на нее съ нѣжностью: — что-то вы скажете послѣ, когда поживете здѣсь?

Софья Николаевна скоро сошлась съ своей хозяйкой: онѣ поняли и полюбили другъ друга. Дѣти были кротки и любили мать свою до безумія. Софья Николаевна было хорошо и легко съ ними и съ ихъ матерью. Но присутствіе хозяина дома все измѣняло, несмотря на то, что, когда онъ былъ въ духѣ, его разговоры и рассказы были очень занимательны и интересны. Съ его входомъ холодъ врывался въ комнату, пробѣгалъ у всѣхъ присутствующихъ по тѣлу и какъ-то леденилъ языки. Дѣти утихали, переставали играть; разговоры дѣлались отрывистые и принужденные; паузы продолжались долѣе. Ниже наклоняла Софья Николаевна голову надъ пальцами и работала гораздо прилежнѣе. А онъ, сидя за стаканомъ чаю, молча курилъ трубку и быстро, но пронзительно, посматривалъ кругомъ своими прекрасными глазами. Очень рѣдко случалось, чтобы онъ приходилъ веселый. Тогда онъ заигрывалъ съ дѣтьми, ласковѣ говорилъ съ женою. Воздухъ очищался, холодъ спадалъ. Боровинъ начиналъ рассказывать или читать что-нибудь. Стулья сближались, кружокъ дѣлался тѣснѣе, лица прояснялись; Софья Николаевна чаще оставляла работу. У Вѣры Петровны (такъ звали Боровину) улыбка появлялась на губахъ, большіе голубые глаза дѣлались особенно пріятными, обычно-грустное, безпокойное выраженіе пропадало съ лица. Ахъ, если бы не такъ рѣдки были эти отрадныя часы!

И не то, чтобы онъ былъ черезчуръ капризенъ, выскате-ленъ, неуживчивъ по натурѣ — нѣтъ! Но между ними господствовала взаимная недовѣрчивость, которая вела къ тому, что каждый изъ нихъ, по разнымъ причинамъ конечно, запасался при встрѣчѣ порядочною дозою жолчи и холода. Чѣмъ болѣе жила Софья Николаевна въ домѣ Боровиныхъ, тѣмъ яснѣе видѣла ледяныя отношенія супруговъ. Надѣли ли они другъ другу отъ долгой и однообразной жизни вдвоемъ, при отсутствіи всякихъ постороннихъ интересовъ? Было ли это ох-

лажденіемъ взаимнымъ? И не было ли это съ некоторой нибудь стороны наружнымъ проявленіемъ души оскорбленной, но гордой, горечи непризнаваемаго и непонимаемаго чувства? Да, къ несчастію это было такъ. Вѣра Петровна любила еще своего мужа. Софья Николаевна видѣла это по многимъ признакамъ. Она замѣчала напримѣръ, какъ тревожилась Вѣра Петровна въ его отсутствіи, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидала она его возвращенія, хотя отъ одного окна къ другому, какіе мучительные часы проводила она, когда онъ, уѣхавъ куда нибудь и обѣщая скоро возвратиться, долго не ѣдетъ въ темныя ночи. И уѣхавъ-то онъ на горячихъ лошадахъ, и дорога опасна, и кучеръ пьяница! чего, бывало, не придумаетъ она! И когда заслышится стукъ его экипажа, кажется, она готова бѣжать на встрѣчу, броситься въ его объятія... но, подумавъ, сдерживаетъ себя. И когда онъ войдетъ въ комнату, она холодно поздоровается съ нимъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало! А у самой сердце бьется отъ волненія, и блѣдныя щеки разгорѣлись.

Или, когда онъ бываетъ боленъ, она по цѣлымъ ночамъ не смыкала глазъ, сидѣла у его изголовья, или въ страшной тревогѣ бродила взадъ и впередъ по темнымъ комнатамъ. Случалось, что онъ не спалъ ночью. Если она это узнавала, то она тоже лишала себя покоя — и лишала совершенно бесполезно.

Да мало ли еще что? не пересчитаешь всѣхъ этихъ признаковъ. И какъ иногда украдкой взглядывала она на него, какъ взглядывала!... Если бы онъ только могъ видѣть и захотѣлъ понять значеніе такого взгляда! Да, она еще любила его.

И вскорѣ тайна, которую, впрочемъ, и не брали большого труда скрывать, стала извѣстна Софьѣ Николаевнѣ. Изъ многихъ горькихъ словъ, порою невольно вырывающихся у хозяйки, изъ разсказовъ горничныхъ, которыхъ Софья Николаевна, разумѣется, не спрашивала, но которыя не прешли между прочимъ много высказать, наконецъ изо всего, что она имѣла случай видѣть и слышать, при природной наблюдательности, при врожденномъ инстинктѣ пониманія движеній человеческого сердца, дѣвушка вскорѣ узнала, въ чемъ было дѣло. И стало для нея ясно значеніе этихъ недосказанныхъ фразъ, по видимому не значащихъ, но которыя въ сущности заключали цѣлую горькую исторію, цѣлую драму жизни и непризнанныхъ

отроданій Вѣры Петровны. Стала она понимать истинный смыслъ этихъ коротенькихъ, скоро разыгрывающихся сценъ, присутствуя при которыхъ, она такъ неловко и тяжело себя чувствовала. Для поверхностнаго зрителя эти сцены казались ничѣмъ инымъ, какъ всѣдневными стычками, мелочными, вздорными ссорими, отъ которыхъ, къ сожалѣнію, никакъ нельзя отвертѣться въ семейной жизни. Но это были только брызги ада, брызги жолчи, которая переполнила обоихъ супруговъ, и отъ которой они захлебывались и задыхались. Но въ томъ, что было неокончено, недосказано, сколько крылось усиленно сдерживаемой и накопившейся горечи, досады, злобы, ненависти. И какой мелкой, ничтожной причины достаточно было, чтобы возобновить старую, нѣсколько дѣтъ длящуюся исторію; какая крошечная песчинка могла взволновать море кипящей, подъ застывшею, по видимому, поверхностью, жолчи!...

Смѣшно и жалко! Кто не присутствовалъ при подобныхъ сценахъ? Но неужели даромъ проходятъ онѣ у насъ передъ глазами? Не научать ли онѣ наконецъ понять, какъ жадокъ, мелоченъ, вреденъ самому себѣ и другимъ человѣкъ, когда онъ не связанъ съ ними узами любви и довѣрія, когда онъ не помнитъ истиннаго значенія взаимной зависимости — необходимаго условія возможнаго счастья на землѣ; когда, сознавая свое право, онъ забываетъ свои обязанности въ отношеніи къ другимъ, и не хочетъ разобрать того, что законность перваго необходимо сопряжена съ выполненіемъ послѣднихъ!

Одного не могла объяснить себѣ Софья Николаевна: какимъ образомъ Боровинъ, которому нельзя было отказать ни въ умѣ, ни въ пониманіи вещей, былъ способенъ на такіе неадекватные, мелкіе поступки съ женой?

И въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ человѣкъ съ натурою энергичской, страстной, надѣленъ былъ и силами и средствами, которыми, къ несчастію, не умѣлъ распорядиться. Заключение себя добровольно, или заключенный случаемъ въ тѣсный кругъ, въ душную сферу, въ этой узкой, лишенной дѣятельности жизни, онъ сдѣлался эгоистомъ и потому притѣснителемъ.

Мало по малу Софья Николаевна сдѣлалась членомъ небольшого семейства, состоящаго изъ матери и дѣтей; стала она ранней повѣрщицею многихъ печальныхъ тайнъ и выстъ съ

тѣмъ свѣтлою утѣшительницею страдающаго сердца. Рано судьба развивала передъ ней безотрадыя стороны жизни и по неволѣ заставляла и ее играть тутъ свою роль. Но порою душно было ей въ этомъ домѣ. Она часто уходила гулять подальше ей хотѣлось подышать свѣжимъ воздухомъ, обновиться въ прикосновеніи съ благодѣтельной природою. И чѣмъ далѣе уходила она, тѣмъ становилось ей легче и веселѣе....

Въ одну изъ своихъ прогулокъ Софья Николаевна, подходя къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно саживала, увидѣла на самомъ берегу рѣки темную, неподвижно стоящую фигуру человѣка. Издали она не могла различить, мужчина ли это, или женщина. Судя по росту, надо было, однако, предположить, что это былъ мужчина. Она продолжала идти. Но не доходя до него нѣсколько сажень, она остановилась, удивленная странностью, особенностью его фигуры. Прежде всего поразилъ ее костюмъ его. На немъ была длинная, почти до самой земли, рубашка съ широкими рукавами. Онъ стоялъ, сложивъ на груди большія, жилистые, но красивой формы руки, и немного склонивъ ничѣмъ не покрытую голову впередъ. Софья Николаевна заглянула ему въ лицо и еще болѣе удивилась. На видъ ему было лѣтъ сорокъ. Черты лица его были правильны, но рѣзки и выразительны. Нависшій надъ глазами впадинами чистый, открытый лобъ круто отдѣлялся отъ красиваго носа. Густая курчавая, темная съ просѣдью борода не висѣла космами внизъ, но выдавалась впередъ и была, какъ говорится, окладистая. Густые, одного цвѣта съ бородою и тоже курчавые волосы закидывались или, лучше, росли назадъ. Высоко и пышно оканчивались они на затылкѣ, рѣзко загибаясь и совершенно открывая гладкую и толстую шею.

Софья Николаевна видѣла, что этотъ странный человѣкъ выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ людей; но никакъ не могла опредѣлить, къ какому сословію, къ какому классу народа принадлежитъ онъ.

Лицо его не имѣло этого добродушно хитраго, лукаваго выраженія, свойственнаго мужикамъ нашимъ; оно было задумчивое, глубокомысленное, суровое, и имѣло въ себѣ даже нѣчто величавое. Голова его напомнила Софѣ Николаевнѣ головы бюстовъ знаменитыхъ мужей, которыя она разсматривала еще

въ дѣтствѣ въ домѣ Власовой. Неподвижно и внимательно устремленные на воду глаза его были блестящи.

По мѣрѣ того, какъ Софья Николаевна разсматривала его, невольный страхъ закрадывался въ ея сердце.

«Онъ, можетъ быть, съумасшедшій», подумала она и повернулась, чтобы идти домой. Но въ ту минуту сухія, лежація подъ ногами ея вѣтви хруснули, ломаясь. Незнакомецъ очнулся. Увидавъ Софью Николаевну, онъ испустилъ тихій крикъ, и быстрыми шагами пошелъ въ совершенно противоположную сторону. Минуты двѣ шла Софья Николаевна и потомъ остановилась, подумавъ, что смѣшно ей бояться того, который, кажется, самъ ея испугался. Она посмотрѣла назадъ. Онъ, можетъ быть, разсудилъ точно такъ, какъ и она, потому что тоже остановился и смотрѣлъ на нее. Софья Николаевна вздрогнула и пошла далѣе уже не такъ быстро, какъ прежде. Нѣсколько минутъ шла она, все думая о странной встрѣчѣ, когда услышала трескъ ломающихся сухихъ прутьевъ, и длинная огромная тѣнь пошла съ ней рядомъ. Дѣвушка вдругъ остановилась и обернулась. Человѣкъ въ ливниной рубахѣ стоялъ передъ нею и смотрѣлъ на нее изъ подлѣбя подозрительнымъ, но вовсе не тупымъ взглядомъ.

— Что нужно? спросила она несмѣло и ласково.

Онъ молчалъ и продолжалъ внимательно смотрѣть на нее. Она хотѣла идти.

— На, возьми вотъ это, наконецъ сказалъ онъ звучнымъ и полнымъ голосомъ, протягивая къ ней одинъ изъ тѣхъ цвѣт-ковъ, которые она оставила на берегу.

— Спасибо, сказала Софья Николаевна, принимая цвѣтокъ.

— Я люблю это, продолжалъ онъ, поднося къ глазамъ и разсматривая оставшіеся въ его рукахъ цвѣты: — это хорошо.... очень хорошо.... Много чего есть.... Много.... много!

При этомъ онъ взглянулъ на небо и судорожнымъ движеніемъ поднялъ кверху руку съ цвѣтами.

— Возьми еще!... это хорошо.... ты любишь? говорилъ онъ, передавая цвѣты съ любопытствомъ слѣдившей за нимъ дѣвущкѣ.

И въ то время, какъ она прикладывала къ букету получаемые цвѣты, онъ пристально и пронзительно смотрѣлъ ей въ лицо. Суровое выраженіе его лица начинало смягчаться; въ глазахъ засвѣтлѣло удовольствіе.

— Тебѣ хорошо это.... очень! Посмотри! сказалъ онъ вдругъ повелительно, съ какою-то торжественностью протягивая руку съ оставшимся въ ней послѣднимъ цвѣткомъ и глядя то на него, то на дѣвушку: — онъ и ты — все равно.... Да, возьми, возьми.... это хорошо!

И онъ вдругъ наклонился къ землѣ и съ какою-то жадностью и съ судорожною быстротою сталъ рвать попадающіе подъ его руки цвѣты и траву. Вырывая ихъ съ кореньями, онъ передавалъ все это Софѣ Николаевнѣ, не глядя на нее. У ней уже были полны руки.

И мало по малу, иля согнувшись отъ цвѣтка къ цвѣтку, онъ нешного удалился отъ дѣвушки и встрѣтился съ большимъ густо разросшимся деревомъ. Тутъ онъ остановился, прислонился спиною къ стволу и сталъ внимательно разсматривать какую-то травку, какъ будто забывъ о присутствіи дѣвушки.

— Спасибо тебѣ, сказала она, собираясь уйти: — а откуда ты?

Онъ вздрогнулъ и замоталъ сердито головой.

— Ни откуда.... ни откуда.... Отсюду: и изъ лѣса, и изъ водъ, и изъ травы.... травы, травы!... И ты оттуда, заключилъ онъ быстро.

— Можетъ быть, ты хочешь поѣсть?... пойдемъ со мной.

— Куда?

— Въ Боровино.

— Нѣтъ, нѣтъ.... не люблю.... не надо, сказалъ онъ, стескивая зубы.

И онъ опять принялся разсматривать траву.

— Много тутъ есть.... много, говорилъ онъ отрывисто и какъ бы съ самимъ собою: — Богъ не просто... жизнь... видѣли въ Плишій.... Руссо....

Софья Николаевна съ возрастающимъ вниманіемъ слушала его. Но разобрать изъ его рѣчи что-нибудь рѣшительно было невозможно. Слова были безъ всякой связи и, по видимому, говорились безъ мысли. Смыслъ ихъ, можетъ быть, зналъ только одинъ онъ. Софья Николаевна видѣла, что передъ ней сумасшедшій; но кто онъ былъ, откуда и отчего онъ произносилъ такіа имена, она рѣшительно не понимала.

Видя, что онъ, погружаясь въ разсматриваніе и разговаривая съ собою, совсѣмъ забылъ ее, она отправилась по дорогѣ къ де-

ревнѣ, надѣясь узнать дома что-нибудь объ этомъ загадочномъ существѣ.

Немного не доходя до Боровина, она встрѣтила учителя сельской школы тамошняго прихода, котораго видѣла прежде, и съ которымъ уже нѣсколько разъ разговаривала.

Ивану Иванычу (такъ звали учителя) было лѣтъ пятьдесятъ-пять. Онъ былъ маленькаго роста, довольно полонъ, носилъ сѣдую и рѣдкую бороду, которая быстро и странно шевелилась отъ рѣзкаго движенія закрытыхъ волосами губъ, шевелилась въ то время, какъ онъ говорилъ. На немъ постоянно былъ налѣтъ одинъ и тотъ же коричневый длиннополый сюртукъ съ чернымъ плюсовымъ воротникомъ. На груди треугольникомъ, обращеннымъ острымъ угломъ внизъ, видѣлась пестрая ситцевая на ватѣ манишка; на шеѣ — коленкоровая, повязанная подобно перевкѣ, косынка. Вообще нельзя сказать, чтобы костюмъ его отличался вкусомъ и чистотою. Деревенскій педагогъ, безъ всякой, впрочемъ, задней мысли, пренебрегалъ своимъ костюмомъ. Это всего вѣрнѣе происходило отъ недостатка средствъ.

Онъ былъ мѣщанинъ родомъ; школьнымъ учителемъ сдѣлался не для матеріальныхъ выгодъ, а изъ любви къ дѣлу и, какъ говорилъ онъ, «изъ любви къ наукамъ». Онъ былъ страшно любознателенъ. Все замѣчательное ему хотѣлось видѣть; обо всемъ, что удивляло и интересовало его, онъ хотѣлъ имѣть понятіе. Съ этою цѣлю, не имѣя другихъ средствъ, онъ пѣшкомъ посѣтилъ всѣ достопримѣчательные пункты Россіи и не пропускалъ ни одного случая, чтобы не распросить о чемъ-нибудь, его интересующемъ, людей высшаго образованія; особенно же тѣхъ изъ нихъ, которые занимались какою нибудь спеціальною частью. Отказывая себѣ въ болѣе необходимомъ, онъ пріобрѣталъ разными средствами ученія и учебныя книги по всѣмъ отраслямъ наукъ и искусствъ. У него были, правда, болѣею частью разрозненные томы физики, химіи, астрономіи, исторіи, грамматики; были сочиненія и о древностяхъ, и о глестахъ, и о паровыхъ машинахъ. И не то, чтобы эти книги лежали у него безъ пользы; нѣтъ, всѣ онъ читалъ отъ перваго до послѣдняго листа, болѣею частью не понимая, но со всего собирая верхушки, запоминая техническіе термивны, а порою непонятное растолковывая по своему и оставаясь при своемъ убѣ-

жденіи. Такъ съ несвязнымъ сборомъ всего, что вычиталъ, видѣлъ, слышалъ и объяснилъ самъ себѣ, онъ рѣшительно могъ начать говорить обо всемъ и не казаться ни до чего совершенно чуждымъ. Правда, иногда онъ такъ запутывался, что его нельзя было понять и, вѣроятно, онъ и самъ себя не понималъ. Но когда ему давали замѣтить, онъ, не конфузясь, сознавался, что этого дѣла хорошенько себѣ не можетъ разъяснить, и просилъ помочь ему, слушая объясненія съ любопытствомъ и благодарностью, хотя иногда и съ улыбкой недовѣрчивости. Если дѣло было для него интересно, онъ записывалъ то, что слышалъ, въ особенно приготовленную для этого памятную книжку. Но если онъ и ничего не зналъ основательно, кромѣ русской грамоты, то все-таки воздухъ анализа, который онъ вдыхалъ изъ чтенія разныхъ книгъ, разогналъ густой туманъ грубыхъ предразсудковъ, въ которыхъ онъ выросъ и съ которыми не могутъ никакъ разстаться люди его сословія. Мѣщане и купцы того города, гдѣ онъ прежде долго жилъ, считали его ученѣйшимъ мужемъ, хотя не жаловали за лукавыя и недовѣрчивыя улыбки и за холодное съ ними обращеніе. Говорилъ онъ книжнымъ языкомъ, немного свысока; письма же писалъ прекурьбзныя. Узнавъ что-нибудь новое и интересное, онъ горѣлъ желаніемъ сообщить это кому нибудь и, зная, гдѣ находятся его бывшіе любимые ученики, писалъ имъ письма.

Въ школѣ онъ терпѣть не могъ учить азбукѣ, слушать чтеніе по складамъ, вздорить съ учениками; все это дѣлалъ онъ по необходимости. Большею же частью онъ занималъ мальчишекъ разсказами о разныхъ достойныхъ удивленія вещахъ и наслаждался ихъ ребяческимъ изумленіемъ и иногда педовѣрчивостью. Газеты онъ тоже любилъ читать, какъ единственный, по его словамъ, источникъ современной исторіи.

Встрѣтившись съ Софьей Николаевной, онъ снялъ фуражку и низко поклонился.

— Здравствуйте, сударыня! какъ благоденствіе ваше? Гулять, вѣроятно, изволили.... Видно ботаникой заниматься любите? наука интересная, я вамъ скажу. Гдѣ это вы столько цѣтотъ набрали, Софья Николаевна?

— Это мнѣ все какой-то странный человекъ надавалъ... Не знаете ли вы, Иванъ Ивановичъ, кто это былъ тамъ у рѣки? По

лицу онъ такой красивый, а по одеждѣ.... должно быть, какой вибудь.... помѣшанный.

— То есть, дуракъ, хотѣли вы сказать? Не въ синей ли рубашкѣ?... Ну такъ и есть, это Назарь... Какже, знаю... Опять таки появился онъ здѣсь!

— Кто же онъ такой?

— Ну, я вамъ долженъ сказать, барышня, что онъ не со-вѣтъ, что называется, дуракъ. Дуракъ ужъ и отъ роду таковъ есть, а онъ смолоду умнѣе былъ многихъ умниковъ. Вотъ, скажу я вамъ, сударыня, что я, хотя по своему состоянію и довольно знаю (на послѣднемъ словѣ Иванъ Ивановичъ сдѣлалъ удареніе и скромно улыбнулся), но все-таки хотъ онъ и ученикомъ моимъ былъ, а я передъ нимъ просто никуда не годился. Способности ко всему имѣлъ отмишныя; повятливость, соображенія какія, Боже упаси!... то-есть не упаси, а подай Господь!

— Что же съ нимъ сдѣлалось? отчего онъ съ ума сошелъ?

— Господь одинъ знаетъ! Признаться, и обстоятельства по-собили.... Наперекоръ ему все дѣлали, поощренія не видалъ. А гордь-то онъ былъ, сударыня, не по состоянію!... Все въ дѣтъ изъ своего жилья смотрѣлъ.... Дѣломъ-то своимъ не занимался.... отъ одного берега отсталъ, къ другому не присталъ.... Такъ и погибъ человекъ.... видѣли каковъ!... жалко смотрѣть, вѣдь ученикъ мой былъ.

— Раскажите, пожалуйста, о немъ — какъ это случилось?

— Извольте, Софья Николаевна. А вы мнѣ ужъ восьмую часть «Вѣчнаго Жида» одолжите. Читаю, очень хорошо! Не-чего сказать, отмишный писатель этотъ Евгений Сю.... Читалъ я и «Парижскія Тайны», и на «Жида» критику... Ужъ эти крити-ки! ничего не пропускаютъ.... Впрочемъ, какое же хорошее сочиненіе не бываетъ критикуемо?... Да; объ Назарѣ-то вы приказали рассказать.

ГЛАВА VI.

ИСТОРИЯ НАЗАРА.

«Назаръ родился послѣ смерти своего отца. Онъ былъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ, когда мать его вышла замужъ во второй разъ. Вотчимъ его былъ ловкій, смѣтливый мужикъ. Въ той странѣ, гдѣ жила онъ, однимъ хлѣбопашествомъ едва только можно было добывать себѣ пропитаніе. Онъ пустился въ торговлю рыбою, развозя ее по разнымъ мѣстамъ.

«При этой кочевой жизни все, что, бывало, выручалъ онъ, оставалось по харчевнямъ и питейнымъ домамъ. Погулять онъ былъ мастеръ. Переѣзжая съ одного мѣста на другое, гуляя и торгуя, онъ кончилъ тѣмъ, что проторговался. Это отбило у него охоту къ кочевью. Да ужь и лѣта были не такія. Побѣдилъ онъ по городамъ, на многихъ ярмаркахъ бывалъ въ свою жизнь, отъ своей деревни отсталъ, и потому за хлѣбопашество приниматься не хотѣлось. Подумалъ онъ, подумалъ, да и поселился въ одномъ посадѣ на пристани, выстроивъ себѣ преледащій домишко. Хозяйка у него была баба добрая, работающая. Стала она пряники печь. Напечетъ, да потомъ и пойдетъ съ лоткомъ на пристань сидѣть и продавать ихъ. Мужъ-то иногда плотничалъ. Выстроилъ онъ будку небольшую для торговли на берегу. Такъ они и перебивались по маленьку; жили несовсѣмъ чтобы худо, люди были они ловкіе.

«Наконецъ умерла хозяйка, оставивъ послѣ себя старку двухъ сыновей: Назара — лѣтъ одиннадцати, да еще мальчика отъ втораго брака — лѣтъ левяти.

«Сталъ старикъ самъ пряники печь, а дѣтей посылалъ продавать ихъ. Младшій былъ мальчишка работающій, расторопный, плутоватый — весь въ отца; Назаръ же не удался. Въ лѣтъ пользы мало приносилъ, и старикъ говорилъ, что онъ вышелъ ни на что не годенъ.

«И съ виду Назаръ рѣзко отличался отъ мальчишекъ той стороны и не походилъ ни на кого изъ своей семьи. Вотчимъ былъ рыжій, братъ тоже рыжій, бѣлый и жирный, а онъ былъ смуглый, худенькій, но стройный, ловкій и красивый мальчикъ.

Волоса у него были темныя, глаза черные. На пристани всё его звали и дразнили цыганенкомъ. И самъ вотчимъ въ досадѣ, бывало, говаривалъ, махая на него рукой: «ужь видно, что не сынъ мѣ.... да и не въ отца.... зналъ я его!... проку въ немъ не будетъ... и не спроста видно баловала его баба моя».

«Ни дровъ нарубить, ни печку растопить, ни за лошадыю присмотрѣть — ничего, бывало, не умѣетъ бѣдный Назаръ. Посадятъ его въ будку пряники продавать, а онъ вечеромъ домой такую выручку принесетъ, которая в одной работѣ не стоила. А между тѣмъ пряниковъ-то не оставалось.... Что жъ онъ съ ними дѣлалъ? Сидя въ будкѣ, завидитъ ли онъ, бывало, слѣпаго нищаго, калѣку безногаго, или ребятишекъ-вищенокъ съ мѣшечками, позоветъ ихъ къ себѣ да пряники и деньги, что выручить, подастъ имъ. И когда домой придетъ, сначала, бывало, обо всемъ вотчиму и расскажетъ. Изъ себя выходилъ старикъ, больно билъ его за растрату, приговаривая, что самимъ скоро ѣсть будетъ нечего, а онъ бродягъ лакомить!»

«Одинъ разъ, когда на пристани былъ большой праздникъ, старикъ наготовилъ пряниковъ, думая въ этотъ день много продать, потому что стеченіе разнаго народу было не малое. Посадили Назара въ будку и строго наказали не зѣвать. Около лавочки по обыкновенію собралось пропасть мальчишекъ и принаряженныхъ дѣвокъ. Знали они, что Назаръ некупъ на пряники, и стали къ нему ластиться, чтобы выманить.... Ребятишки предлагали ему въ обмѣнъ ягодъ и цвѣтовъ. Они знали, что онъ былъ до нихъ охотникъ. Дѣвушки ласкали его и общали принести картинокъ; всё увѣрили, что для праздника ему слѣдуетъ угостить и что батька ничего не скажетъ. Они видѣли, что Назаръ глушь.... Совѣстливый ребенокъ подался на ихъ уговоры и надѣлилъ всѣхъ. Со страхомъ ожидалъ онъ приближенія вечера. Пришелъ старикъ и потребовалъ выручку. Назаръ подалъ ему что-то весьма незначительное, и на вопросъ: «гдѣ же у него еще?» онъ показалъ на цвѣты и ягоды, и рассказалъ про обѣщанныя картинки. Взбѣшился старикъ, кричить: «изувѣчу, убью я его!» да такъ началъ бить, что проходящіе вмѣшались и просили помиловать ребенка. А старикъ и слышать не хотѣлъ. Назаръ все время молчалъ; потомъ какъ-то ловко вывернулся у него изъ рукъ, побѣжалъ по берегу къ рѣкѣ.... да вдругъ и бросился въ воду. Наслыу его откачали.

Дома старикъ связалъ его, и мальчикъ нѣсколько дней лежалъ больной. Выздоровѣвъ, онъ сталъ дичиться вотчина и брата, или, лучше сказать, бояться ихъ. Утромъ рано, бывало, уйдетъ онъ въ лѣсъ, да цѣлый день и пропадаетъ. Ищутъ его дома: надо послать куданибудь, или что-нибудь подѣлать; нѣтъ нигда! Когда придетъ домой, старикъ побьетъ, бывало, его маленько (крѣпко бить онъ ужь не смѣлъ), а Назаръ все таки на другой день пропадетъ. И иногда не слышатъ его по нѣсколькимъ дней. Въ будку его уже, разумѣется, не сажали; по ихъ мнѣнію, былъ очень глупъ. Вотчимъ не зналъ, что дѣлать съ нимъ, и разъ увидѣвъ меня, рассказалъ мнѣ про свое горе. Я вызвался учить его грамотѣ.

«— Авось, говорилъ я: — къ этому будетъ спосособенъ!

«Старикъ замоталъ головой.

«— Нашему брату, отвѣчалъ онъ: — грамоты знать не къ чему... хлѣба на нее не добудешь...

«Я возразилъ, что если мальчикъ окажется способнымъ, то можетъ современемъ быть писаремъ и получать хорошее жалованье. Мужикъ подался и согласился тѣмъ болѣе, что я предложилъ учить бесплатно. Не знаю почему полюбился мнѣ что-то этотъ мальчикъ. Можетъ быть потому, что всѣ его гнали, бранили безъ пути и считали пропащимъ мальчишкой. Да къ тому же смиренный онъ такой былъ, никого не обижалъ... да и физиономію имѣлъ такую привлекательную; на мужиченка не походилъ и ужь подлинно былъ бѣлоручка.

«Къ моему удовольствію ученикъ мой оказывалъ большіе успѣхи, былъ послушенъ и прилеженъ, и черезъ годъ уже читалъ бѣгло, писалъ четко и красиво, лучше самого меня. Тутъ я его въ таинства другихъ наукъ сталъ посвящать. Не могъ надѣяться я его способностямъ и понятливости!... Учился онъ съ большою охотою, и память имѣлъ рѣдкую. Года черезъ три я передалъ ему все, что могъ, и онъ уже сталъ мнѣ задавать такіе вопросы, на которые я затруднялся отвѣчать. Сначала я кое-какъ увертывался; но когда ему пошелъ семнадцатый годъ, я рѣшился признаться, что и самъ не знаю, какъ ему отвѣчать. Стали мы съ нимъ вмѣстѣ читать книги, какія у меня были, и все перечитали. Много, чего я прежде не дознавалъ, онъ посо-блялъ мнѣ уразумѣть. Объ иныхъ вещахъ мы долго, бывало, съ

нимъ толковали и порѣшали спросить когонибудь при случаѣ, или книгу получше добыть. Признаюсь, пріятно я проводилъ съ нимъ время: умный, острый былъ парень! По приказу вотьчма онъ писалъ въ посадѣ за деньги — прошенія, письма; у купцовъ въ лавчонкахъ счеты повѣрялъ и въ конторы хаживалъ заниматься. Но постоянного мѣста не бралъ. Старикъ наставлялъ на этомъ: «либо — говорилъ онъ — блажь-то пусть бросить и въ дому дѣлаешь то, что я и братъ его; либо пусть куда въ писаря пойдетъ, и за себя да за работника, котораго вмѣсто его нанимаемъ, платить намъ... Что баклуши-то бить!...»

«Опредѣлялъ я его писаремъ въ ратушу за хорошее жалованье, но ему тамъ крѣпко не нравилось.

«— Нѣтъ, говорилъ онъ мнѣ часто, приходя со службы: — воля ваша, а я тамъ не могу оставаться; этимъ чернильнымъ воздухомъ не могу дышать. Да и чему, такъ сидя, я выучусь? Цѣлый вѣкъ недоученымъ останусь, мнѣ покоя отъ этой мысли нѣтъ... Надо мнѣ отсюда подальше... Сидя на мѣстѣ, новаго не узнаешь, въ книгахъ всего не вычитаешь!... Въ Петербургъ надо идти, да батюшка-то мой помѣха!

«Была у меня тетрадка съ оригиналами для обученія рисованію. По нимъ можно было выучиться рисовать: глаза, носы, руки, ноги и прочее. Взялъ онъ ее у меня, держалъ нѣсколько мѣсяцовъ, да наконецъ и принесъ мнѣ фигуру человѣка, имъ самимъ нарисованную. Удивилъ онъ меня. Долго я разсматривалъ, размѣрялъ... вы не повѣрите: пропорціи всѣ соблюдены были какъ слѣдуетъ! Похвалилъ я его. Черезъ нѣсколько дней онъ показалъ мнѣ портретъ ратмана въ карикатурѣ: сходство удивительное, а между тѣмъ отъ смѣху удержаться было нельзя, такъ смѣшно онъ его изобразилъ. И съ тѣхъ поръ пошелъ всѣхъ на смѣхъ картинками подымать... И меня нарисовалъ... только, правда, добрыхъ и тихихъ никогда не затрогивалъ. Одни смѣялись, какъ и я, а другіе злились... кажется, за что было? Предостерегалъ я его, чтобы осторожнѣе былъ, чтобы ратмана и секретаря въ покрѣ оставилъ, что если узнаютъ они, бѣда будетъ, враговъ себѣ наживетъ. Такъ нѣтъ, не слушалъ.

«— Они, говорилъ онъ: — и въ натурѣ-то карикатуры... хуже ихъ не сдѣлаешь...

«Потомъ изъ жирной глины сталъ онъ пробовать человѣческія фигуры лѣпить. Сначала ему не удавалось. Тогда онъ изъ

себя выходилъ, чуть на стѣну не лѣзъ; клялъ свою злосчастную судьбу. — Вотъ кабы меня въ Петербургъ отпустили, кабы я тамъ былъ, все бы увидѣлъ, многому бы научился. Можетъ быть изъ меня что-нибудь бы и вышло. А что я здѣсь? ненужный, пропащій человѣкъ!... И плачеть бывало, плачеть горько, бѣдняга, и послѣ того долго ни за что не принимается.

«Потомъ не выдержитъ, опять примется лѣзть. И наконецъ таки слѣпилъ фигуру. Не знаю, какъ бы она поправилась мастеру, знатоку, а мнѣ, признаться, хороша показалась. Ободрился онъ и сталъ продолжать. И тутъ, какъ и въ рисункахъ, способность схватывать сходство тоже оказалась. Съ перваго взгляда, бывало, узнаешь, кого представляетъ дукломка... только все въ смѣшномъ видѣ.

«Была у насъ тамъ, около посада, роша, въ которой по праздникамъ всегда гулянье производилось... Подмѣчаетъ, бывало, Назаръ тамъ пары посмѣшище; или купца съ купчихой-женой, или парня съ дѣвкой... когда они тамъ любезничаютъ, что ли... да послѣ и вылѣпитъ ихъ въ такомъ положеніи, и такъ похоже, что просто помора!

«Покажемъ, бывало, мы другимъ, сейчасъ узнаютъ, хохочуть: «Хитеръ — говорили они — этотъ Назаръ!» А сами такъ и бѣгутъ отъ него, или ластятся, чтобы съ нихъ онъ тоже не слѣпнулъ. И мало-ли чего онъ еще не придумывалъ? Бывало, сложить бумажку вдвое или вчетверо, да съ изображенія какого нибудь зданія, дворца, или церкви, станетъ ножницами вырѣзать. Потомъ, какъ расправитъ, и выходитъ точно такъ, какъ будто по очерченному вырѣзано и даже въ другихъ съ картинкою размѣрахъ.... Цыркулемъ прикидывалъ: все вѣрно выходило.... Календарь изъ бумаги выдѣлалъ: изъ круговъ, какъ-то... ужъ не помню, какъ составилъ. Повернетъ одинъ кругъ и увидишь: какой день въ какомъ числѣ придется. Только-вали мы съ нимъ часто о *перпетю-молль*.... вѣчномъ движеніи, извольте знать?... Много разныхъ штукъ съ нимъ придумывали.... Сдѣлалъ онъ одну довольно удачную штуку: если пустить по ровному и гладкому полу, такъ долго, долго катится, но все наконецъ остановится.... До настоящаго не дошли.

«Любилъ я его, очень любилъ; утѣхой онъ моею былъ....

«И выросъ онъ, окрѣпъ, похорошѣлъ. Ужъ отлично красивый былъ парень, нечего сказать! Такой худенькій, гибкій,

ловкій; но и сильный къ тому же. Поэтому очень задориться за картинки и куколки на него и не смѣли. Не налюбуются, бывало, на него наши дѣвки; а онъ на нихъ и взглянуть не хотѣлъ, какъ не задирали.

«— Что, говорилъ онъ: — это за женщины! грязнухи! Такихъ я любить не могу.»

«А по воскресеньямъ, бывало, принарядится, да на пристань и поидетъ. И чтожь вы думаете? Съ барышень нашихъ сосѣдскихъ, что тамъ гуляютъ, глазъ не спускаетъ: такъ и блестять они, бывало, какъ каленые угли.»

«— Вотъ, говоритъ, Иванъ Ивановичъ, такъ женщины!... Ихъ бы любить хорошо....»

«Я надъ нимъ подсмѣивался.»

«— Не для тебя, говорю, онъ.... Любить ихъ тебѣ нельзя и глупо.... Для тебя онъ все равно, что картинки.»

«— Знаю, прерывалъ онъ меня съ досадою: — знаю, что не для меня.... А любить никто запретить не воленъ.... Вотъ для чего бы я богатымъ, извѣстнымъ желалъ быть, чтобы съ ними заговорить, чтобы взглянули онъ на меня, какъ на своего брата. Вотъ для чего я въ Питеръ хочу; можетъ, слѣлаюсь живописцемъ, или чѣмъ другимъ.... И тогда, можетъ быть....»

«— Больно смѣлъ ты сталъ, говорилъ я ему: — въ твои годы я малымъ доволенъ былъ, не зазнавался.»

«— Ужь я не знаю, какъ вы, отиѣчалъ онъ: — а я ужь никакъ не могу.... Сами вы виноваты: зачѣмъ книги мнѣ давали читать? Безъ нихъ бы хорошаго, лучшаго я не узналъ.... На горе мнѣ, можетъ быть, далась наука!... Послѣ сахару луку ѣсть не хочется, тошнить что-то!...»

«— Откуда, думалъ я: — набрался онъ всего этого? Ужь видно въ заправду не пряничникова кровь въ немъ течетъ.»

«Только, однако, молодость взяла свое. Въ посадѣ была тогда одна дѣвушка изъ мѣщанокъ, Дуныша. Жила она у своей тетки. Ужь я послѣ узналъ, что прежде жила она въ большой чести у одного богатаго господина.... да умеръ онъ, она тогда къ теткѣ и переѣхала. Я посадскихъ-то тайнъ и исторій никакихъ не зналъ, да и мало ими и занимался.... Назаръ-то въ этомъ случаѣ по мнѣ пошелъ: близко вещи житейскія не умѣлъ

разсматривать. Съ бабами не водился, и не отъ кого было истерій слышать.

«Живя въ хорошемъ домѣ, Дуняша выдѣлалась иначе и на нашихъ дѣвокъ совсѣмъ не походила. Выучилась корсетъ носить, платье стягивать... Темные волосы чесала какъ барышня... Руки свои берегла, ногти чистила... ну, словомъ, славная, опрятная, ловкая была дѣвушка: точно переряженная барышня!

«Когда Назаръ увидалъ ее, крѣпко она ему полюбилась. Онъ тоже, какъ я вамъ уже и докладывалъ, былъ малый красивый и неглупый... Дѣло молодое: сошлись они... И ужъ любилъ же онъ ее!... Въ короткое время совсѣмъ измѣнился и о Петербургѣ пересталъ ужъ поминать. Забѣжить, бывало, ко мнѣ на часочекъ, да какъ на иголкахъ и сидитъ: такъ и рвется вонъ.

«Въ одну минуту лицо у него нѣсколько разъ мѣнялось.

«— Поговоримъ! досаждаю бывало я, удерживая его:— что на мѣстѣ не посидишь? опять къ Дуняшѣ!

«— Не могу, Иванъ Ивановичъ, отвѣчаетъ онъ:— безъ нея... точно поджигаетъ меня, толкаетъ что-то къ ней бѣжать... Духъ захватываетъ!...

«— То-то и есть, говорилъ я:— а кто, бывало, твердилъ: «это не женщины, не могу любить ихъ?» Небось попался теперь. Это вѣдь не барышня...

«— Такъ чтожь, возражалъ онъ, горячась:— я и теперь тоже скажу... Вы взгляните, похожа ли она на нашихъ скольконибудь? Посмотрите, такая ли у ней походка, такое ли обхождение? Послушайте ея рѣчи... А какое лицо, какіе зубы, руки!... Богъ ее отъ природы надѣлялъ тѣмъ, что у барышень отъ примѣра и отъ жизни другой... И вкусъ у ней есть, и понятие... и чистоту какую соблюдаетъ: это ужъ не грязнуха! одѣньте ее по барски, такъ и не различишь отъ барышни... Не учена она только, а зато какое сердце!... Я вѣдь не говорилъ, что мнѣ барышню родомъ нужно любить, а чтобы хоть съ виду такая была, будь она хоть мужичка... Богъ мнѣ ее послалъ въ утѣшеніе. Безъ нея вѣкъ сиротой бы прожилъ!...

«И все, бывало, такое говорилъ онъ мнѣ.

«И только ею и жилъ онъ это время. Что, бывало, зарабатывалъ, все ей на подарки употреблялъ... Ночи для этого просиживалъ. Косились на него за это и вотчимъ, и братъ; меньше на

ихъ часть стало приходиться... До сей поры они его не тревожили. А тутъ, къ тому же на бѣду, ратманъ, который уже давно злился на Назара, другого писаря добылъ и отъ мѣста ему отказалъ.

«Стали тогда вотчимъ и братъ заставлятъ его помогать имъ въ домашней работѣ. Пошли опять прежнія ссоры, начали опять они его тѣснить. Вырѣзалъ онъ имъ изъ дерева дощечки для пряниковъ... и чудныя вышли формы! Самъ старикъ сознавался... Это было бы ничего, когда бы все такая работа была, а то понуждали его и тѣсто мѣсить, и муку сѣять, и избу убирать, и за скотиной присмотрѣть. На это никуда не годенъ былъ мой Назаръ. Да и дома-то онъ посидѣть не могъ: все къ Дуняшѣ, да къ Дуняшѣ бѣгаетъ. Ругалъ его вотчимъ немало; да толку-то не было... все неймется ему... Онъ, я думаю, и не слышалъ ругательства.»

«Разъ, когда старикъ мѣсилъ тѣсто, позвали его куда-то за дѣломъ. Уходя изъ дому, наказалъ старикъ Назару тѣсто домѣсить и пряники сдѣлать.

«— Нетрудное, говорить: — дѣло!

«А Назаръ и не слышалъ наказа... Оставшись одинъ, онъ оторвалъ кусокъ густаго тѣста, сѣлъ къ окну и сталъ лѣпить изъ него свою Дуняшу (онъ и изъ глины все ее старался лѣпить, только ужъ не въ карикатурѣ), точь въ точь въ такомъ положеніи, какъ на картинкахъ идолопоклонническихъ богинь рисуютъ, или, изволите знать, какъ «Душеньку» Богдановича... Сидитъ онъ, весь въ свое дѣло погруженный и ничего не слышитъ. Припелъ вотчимъ; глядитъ: тѣсто нетронутое лежитъ на доскѣ и сохнетъ! Мухи его со всѣхъ сторонъ облѣпили; а Назаръ сидитъ себѣ, и ему горя мало! Подошелъ старикъ посмотрѣть, что дѣлаетъ пасынокъ... да какъ увидѣлъ, такъ изъ рукъ его неоконченную фигуру вырвалъ, шлепнулъ ее о земь, да молодцу въ волоса какъ бѣшеный и вцѣпился.... Таскаетъ, бьетъ его.... Не успѣлъ Назаръ опомниться, такъ это все неожиданно произошло...»

«Случись же на грѣхъ, что Дуняша тогда мимо оконъ проходила: видно за нимъ шла... да все и увидала. Увидалъ ее и Назаръ. Визгнувъ онъ, какъ змѣей ужаленный, оттолкнулъ вотчима, выбѣжалъ на улицу безъ памяти и прибѣжалъ ко мнѣ.

Перепугалъ совѣтъ. Гляжу: лица на немъ нѣтъ!... Бросился на полъ, волосы вьеть, голову объ столъ колотить, плачетъ, кричитъ:

«— Не переживу такого сраму!... Какъ теперь я ей на глаза покажусь?... Погибъ я, пропалъ совѣтъ... Если бы не вотчимъ, тогда бы!...

«Насилу толку отъ него добились; пытался я утѣшать его.

«— Ничего! говорилъ я: — никакого сраму нѣтъ. Вѣдь она видѣла, что вотчимъ... Вотчимъ, знаетъ она, за отца идетъ... Вѣдь не драться тебѣ было съ нимъ.

«Но онъ ничего не слушалъ, плакалъ такъ, что я съ реду такъ не плакивалъ. У самого душа надрывалась, на него глядя. Толкуеть себѣ:

«— Пропашій я человекъ! какъ я ей покажусь?

«Да такъ и заляется!

«Уложилъ я его у себя спать, утѣшалъ какъ умѣлъ.

«На другой день былъ большой праздникъ. Послѣ обѣда вышли мы съ нимъ оба на улицу. Назаръ все какъ будто чего-то боится, ко мнѣ жметса... Идемъ мимо небольшой толпы весело разговаривающихъ молодыхъ парней.

«— А что, Назаръ Сидорычъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, завидя насъ и подсмѣиваясь: — что ты на гуляньи сегодня не былъ? Знатныхъ бы штукъ налѣпилъ!... какъ, примѣрно... Лавотниковъ лясы точить Авдотѣ Николаевнѣ.

«— Опять про Авдотью заговорилъ! сердито сказалъ Назаръ: — мало училъ я васъ?... Вашихъ я не затрогиваю... что врать-то?

«— Да съ чего намъ врать? Наши не такія! Не щеголихи онѣ...

«— Неври, говорятъ! закричалъ Назаръ и чуть было не бросился на парня.

«— Что намъ врать! говорили они: — коли не вѣришь, самъ поди: посмотри, съ кѣмъ Дуняшка вдвоемъ осталась... Что куражишься?

«Назаръ поблѣднѣлъ.

«— Коли ты совралъ, сказалъ онъ, сжимая зубы: — такъ берись!... Лучше мнѣ на глаза не показывайся.

«— Иди-ка лучше посмотри! говорили парни, подсмѣиваясь.

«— Я приду сейчасъ, сказалъ онъ мнѣ, не слушая моихъ угворокъ.

«И онъ почти побѣжалъ къ рощѣ.

«Не знаю, что онъ тамъ увидѣлъ; только черезъ часъ онъ воротился ко мнѣ въ домъ бѣлый какъ полотно. Я его спрашиваю: «что?» Губы у него дрожатъ, а самъ ничего не отвѣчаетъ. Сѣлъ къ окну, положилъ голову въ руки, да такъ до поздней ночи молча и просидѣлъ! Утромъ только встрепенулся, присталъ ко мнѣ:

«— Зачѣмъ, говорить, она меня обманывала? зачѣмъ, Иванъ Ивановичъ?

«— Кто васъ тамъ разберетъ! отвѣчалъ я.

«— Пойду спрошу, пристыжу ее, лгунью злую... змѣю подколенную.

«И побѣжалъ онъ къ ней.

«— Я тебя не морочила, не лгала, отвѣчала ему Дуняша: — а не могу я того человѣка любить, котораго за волоса таскаютъ, бьютъ, ругаютъ за каждую копейку.... И ко мнѣ тебя скоро пускать бы не стали.... Мнѣ такого не надо.

«Потупился мой Назаръ, ничего не отвѣтилъ и пришелъ ко мнѣ съ такимъ лицомъ, что едва узналъ его. Куда противъ вчерашняго: не въ примѣръ страшнѣе.... пожелтѣлъ какъ лимонъ....

«— Правду, говорилъ: — она сказала, сухую правду. Что ей за неволя! Не Богъ вѣсть находка какая.... На ея мѣстѣ и я бы не сталъ любить человѣка, котораго передъ цѣлымъ міромъ срамить. Правда, правда; она не виновата.... Погубилъ меня старекъ, погубилъ совѣтъ!...

«Сталъ я его увѣрять, что Дуняша не изъ этого его оставила, что это только было придиркой; но онъ слушать не хотѣлъ. Твердить себѣ одно:

«— Она не виновата; погубилъ меня онъ!

«Съ этихъ поръ совѣтъ его характеръ перемѣнился. Былъ онъ до тѣхъ поръ веселый, забавный, разговорчивый такой.... а тутъ присмирѣлъ, смѣяться пересталъ. И придетъ бывало ко мнѣ, да все сидитъ, молчитъ и въ окно мрачно поглядываетъ. Сталъ онъ, по моему совѣту, опять рисовать и лѣпить. Да и тутъ свои мѣшали, не давали ему воли! Иной разъ за какой выбудъ

«Фигуркой цѣлую недѣлю просидѣть (все Дуняшу больше рисоваль и лѣпил); а они, какъ подмѣтятъ, изломаютъ все! Книжку ли увидятъ, выбросятъ.... Все на перекоръ ему дѣлали. Терпѣль онъ и молчалъ долго.... Порою и побои принималъ! Потомъ сталъ у вочима въ Петербургъ проситься.

«— Оттуда я тебѣ, говорилъ онъ: — больше денегъ пришло.

«Старикъ и слышать не хотѣлъ.

«— Гроша, говорить:—отъ тебя тамъ не увидишь.. совсѣмъ пропадешь. Паспорта давать ни за что не велю.... Убѣжишь — прокляну какъ собаку, и какъ бродягу на цѣпи приведутъ.

«Долго терпѣль въ своемъ домѣ Назаръ всякія напасти. Заниматься своимъ любимымъ дѣломъ не давали, я говорилъ вамъ. Два раза его пьянымъ видѣлъ. Журилъ я его крѣпко.

«— Все равно, говорилъ онъ: — я уже пропащій человекъ.

«И заносчивый, придирчивый сталъ къ другимъ, особенно къ богатѣйшимъ и счастливѣйшимъ.

«Похудѣлъ онъ страшно. Сюртукъ какъ навѣшалкѣ сидѣлъ. Кашлять начиналъ. Наконецъ не выдержалъ. Разъ осенью, поздней ночью онъ постучался ко мнѣ. Котомка была у него на плечахъ.

«— Прощайте, говоритъ, Иванъ Ивановичъ!... долго не увидимся: далеко иду.

«Говоритъ, а между тѣмъ губы у него дрожатъ и глаза блестятъ.

«— Ужъ не хочешь ли чего надъ собой сдѣлать? спросилъ я.

«— Нѣтъ, въ Питеръ я бѣгу. Ужъ какъ хочетъ старикъ, мочи моей нѣтъ!... Ужъ лучше умереть, только не здѣсь... Прощайте, благословите меня!

«Я благословилъ его со слезами.

«— Коли умру, сказалъ онъ, уходя: — Дуняшѣ мой послѣдній поклонъ отнесите.

«И ушелъ онъ.

«Когда я его увидѣлъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ уже былъ сумасшедшій.

«Вотъ какъ это случилось. Чтобы попасть въ Петербургъ, онъ сѣлъ на одну изъ слѣдующихъ туда барокъ. Тамъ онъ все время себя смирно держалъ. Только такой мрачный былъ, не смѣялся и ни съ кѣмъ не разговаривалъ, точно нѣмой. Сидитъ

бывало по цѣлымъ ночамъ съ своей котомкой гдѣ нибудь у борта, перевѣсится черезъ него, да все на воду смотритъ. Ужь какъ онъ тутъ спалъ и когда, Господь его знаетъ!

«На баркѣ много его земляковъ было. Разъ при немъ нарочно про Дуняшу разговорились: думали, авось разберетъ Назара, очнется онъ. Сталъ прислушиваться Назаръ, побѣлѣло у него лицо.... Думали, вотъ взбѣленился парень! Такъ вѣтъ: о подробностяхъ началъ спрашивать, правды допытываться. И какъ вышло дѣло-то совсѣмъ ясно, онъ засмѣялся себѣ тихонько, пошелъ опять на свое мѣсто къ борту и сталъ опять на воду смотрѣть....

«Только на другой день его на баркѣ уже не нашли. Гдѣ тутъ искать было? Думали, упалъ въ воду и утонулъ, или самъ утопился. Потопковали себѣ и поплыли далѣе, съ намѣреніемъ подать въ ближайшей пристани объявленіе.

«Въ то время барка шла по той части рѣки, гдѣ по обѣимъ сторонамъ ея простираются пустынные, болотистые берега, поросшіе почти непроходимымъ еловымъ лѣсомъ. Сторона, говорятъ, дикости и унынія неописуемаго! Далекое пространство тамъ грязный, некрасивый лѣсъ, заваленный у корней никогда неубираемымъ валежникомъ, который почти не даетъ прохода по мокрому, моховому и зыбкому болоту. Жилья близко нѣтъ. Человѣку не зачѣмъ въ этотъ лѣсъ ходить, а бродить, можетъ статься, тамъ какіе-нибудь тощіе, голодные звѣрюги... Да и то наврядъ! вѣчѣмъ рѣшительно имъ тамъ поживиться, развѣ только другъ друга или кору жалкихъ деревьевъ погрызть. А Назаръ-то, видно уже рехнувшись, на эти берега вышелъ, да въ лѣсахъ все время и пронадалъ. Что онъ дѣлалъ тамъ, какъ жилъ, что ѣлъ — ужь Господь его одинъ знаетъ!... Только мѣсяца черезъ три слишкомъ его съискали вблизи того мѣста, гдѣ онъ пропалъ, да въ посадѣ по пересылкѣ и привели. Горько было мнѣ увидѣть бѣднягу... Грѣшный человѣкъ, думалъ я тогда: ужь лучше бы онъ умеръ!... Не узнать было совсѣмъ... Похудѣлъ онъ страшно: просто какъ скелетъ сдѣлался... Бородою обросъ и тогда уже отчасти посѣдѣлъ. Годамъ десятью, право, не меньше, постарѣлъ! Да къ тому же голова обрита, платье все ободранное, въ лохмотьяхъ! просто, я вамъ скажу, ужасъ!... Эхъ!»

И раскащикъ махнулъ рукой , отвернулся отъ Софьи Николаевны и съ мнунту молчалъ.

— Вѣдь ученикъ онъ мой былъ , сударыня ; такъ сказать , мое любимое дѣтище ! продолжалъ онъ , какъ бы оправдываясь передъ нею въ невольномъ движеніи чувства : — вотъ почему... Всю дорогу былъ онъ смиренъ и послушенъ , какъ овечка. Ни слова не говорилъ. Только изловить его въ лѣсу, говорятъ , не легко было. Видно одичалъ онъ тамъ какъ звѣрь , отъ людей отвыкъ. Но какъ привели его къ вотчину, онъ зарычалъ , кинулся на него и сталъ за горло душить. Глаза у него налились кровью, пѣна била у рта... Насилу отняли старика полуживого, а Назаръ накинулся на брата... Видать , онъ бѣшеный... Не-чего дѣлать : сковали его и свезли въ городъ въ сумасшедшій домъ. Тутъ-то, Софья Николаевна, въ этомъ домѣ, привязанный на цѣпи и провелъ Назаръ двѣнадцать долгихъ лѣтъ.

— Двѣнадцать лѣтъ! можетъ ли быть! воскликнула въ ужасѣ Софья Николаевна.

— Точно такъ, двѣнадцать лѣтъ, я это хорошо помню... И двѣнадцать лѣтъ молодости...

— Что же онъ дѣлалъ все это время ?

— Да что дѣлалъ ? сидѣлъ себѣ на цѣпи. Говорять, что когда онъ думалъ , что никого около нѣтъ , то тогда ходилъ по комнатѣ, сколько позволяла цѣпь, громко разговаривалъ, какъ будто съ кѣмъ нибудь постороннимъ, и иногда хохоталъ. Но связи, смысла въ его разговорахъ никто добиться не могъ. Все, чему учился, что вычиталъ онъ въ книгахъ, подымалось въ его разстроенной памяти, и потому проявлялось и проявляется и до сихъ поръ въ его несвязныхъ рѣчахъ. Немудрено, что многіе господа такъ удивляются, слыша отъ сумасшедшаго мужика такія имена, какъ Сократъ, Платонъ и прочее. Я не ходилъ къ нему въ эти двѣнадцать лѣтъ. Нѣсколько разъ, однако, намѣревался посѣтить его. Приду бывало, постояю около его комнаты, прислушиваюсь къ его рѣчамъ, да такъ и не рѣшусь.... Неприятно, нехорошо какъ-то было! Да и не къ чему, правда. Онъ не только не говорилъ ни съ кѣмъ изъ посѣтителей, но даже никогда и не смотрѣлъ на нихъ. Отъ тѣхъ, кто привнесилъ ему пищу, онъ отворачивался. Насильственно сдерживаемое нетерпѣніе выражалось на лицѣ его; мрачно, отрывисто гремѣла цѣпь, подергиваемая судорожными движеніями.

Наконецъ , послѣ уже смерти вотчина , убѣдились , что Назаръ не бѣшеный , что онъ совершенно безвредное существо ; спустили его съ цѣпи . Ушелъ онъ изъ гостепріимнаго дома и уже никогда не показывался въ немъ . Съ тѣхъ поръ нѣтъ у Назара не только дома , но и крова . Домъ его—вездѣ и нигдѣ , кровъ—Божье небо , а постель , большую часть года , сырая земля .

— Гдѣ же онъ живетъ зимой ? кто его кормитъ ? спросила Софья Николаевна .

— Одинъ день у одного , другой день у другого . Въ свѣтѣ не безъ добрыхъ людей , около нихъ все и кормится .

— Чтожь , онъ милостыню проситъ ?

— Нѣтъ , нѣтъ ! Боже сохрани ! никогда руки не протянетъ... Кабы сами не догадывались накормить , онъ , пожалуй , и съ голода бы померъ . Правда , онъ вотъ какъ иногда въ посадѣ дѣлывалъ : захочется ему поѣсть , онъ войдетъ къ кому нибудь въ домъ , да самъ и распорядится... Вотъ ко мѣ , бывало , придетъ , вынетъ изъ печи горшокъ съ кашей , наѣстся и уйдетъ себѣ , ни слова не говоря . Работница у меня , бывало , старуха , ворчитъ , да я ей поперечить ему не велѣлъ .

— Чтожь , узнавалъ ли онъ васъ когда нибудь ? Поминалъ ли что-нибудь прошлое ?

— Нѣтъ , никогда ; а Богъ его знаетъ , узнаетъ ли : по имени до сихъ поръ называется . Въ посадѣ , бывало , аккуратно каждый день заходить , помянуть съ полчаса , иной разъ нѣмой какъ рыба , а иногда болтаетъ что-то непонятное... да и уйдетъ потомъ . Только чутье у него какое-то странное было къ людямъ . Все въ дома тѣ ходилъ , гдѣ въ самомъ дѣлѣ хорошіе , добрые люди были... У насъ вѣдь невѣждъ тамъ много было... сами изволите знать , что между необразованными людьми много предрасудковъ есть . Смотрѣли на Назара , какъ на юродиваго , какъ на исполненнаго какимъ-то сверхъестественнымъ даромъ . Умнѣйшіе философы полагаютъ , что много есть въ природѣ неравнанаго . Вотъ я самъ не берусь этого объяснить , а удавалось ему нѣсколько разъ что-то въ родѣ предсказаній сдѣлать . Поэтому и стали на него смотрѣть , какъ на предсказателя , на колдуна , что ли . И на этомъ основаніи ласкались и задобривали его . Предпринималъ ли кто дѣло , отъ котораго ждалъ себѣ барышей , идетъ къ Назару и сарашиваетъ его . Украдено

ли у кого что : какъ отъискать ? къ Назару. Иныхъ онъ сараживалъ ни съ чѣмъ , а иныхъ и говорилъ что-нибудь. У насъ съ пристани отправлялись барки и недалеко должны были по опаснымъ порогамъ слѣдовать. Во время судоходства всѣ судохозяева къ Назару навѣдывались : « что ? какъ ? помолись , убогій ! » Вотъ помню , какъ одинъ разъ онъ всѣхъ удивилъ : подошелъ на берегу къ одному прикащику съ барки , нагруженно мясомъ , ударилъ его по плечу и говоритъ : « Быки , коровы , бу дешь беречь ! » и повторилъ одно и то же нѣсколько разъ. Тогда никто не понималъ смысла его словъ , а къ вечеру всѣ уразумѣли. Барка съѣла на порогахъ и прикащикъ принужденъ былъ берег ее , чтобы не растащили грузъ. Въ другой разъ бѣжитъ по берегу и кричитъ что-то Назаръ ; сбѣжались его слушать : « хаосъ хаосъ ! — говоритъ онъ — бѣгите скорѣе ! » Часа черезъ два узнали что много барокъ разбило на порогахъ , что тамъ страшная суматоха : ловятъ и собираютъ растаскиваемые водою кули. Вотъ у меня также былъ случай. Куда-то я отлучился недѣли и три. Работница моя безъ меня схватилась денегъ , и ни гдѣ не могла пайдти ихъ , а знала , что они дома остались. Думала , что украли , пристала къ Назару : « Назарушка , голубчикъ , скажи кто укралъ деньги ? » « Никто не укралъ — отвѣчалъ онъ — ищи себя. » Она ему тогда не повѣрила , потому что вездѣ перешкала. Только черезъ нѣсколько дней , перебирая въ шкапу мои книги , нашла она ихъ между ними и тутъ вспомнила , что сама туда запрятала. Баба не преминула разблаговѣстить вездѣ. Вотъ подобные-то мелочные случаи и приобрѣли ему славу колдуна. Къ нему , разумѣется , уже всегда подѣвжали съ деньгами ; и онъ болѣею частью сердился , не бралъ ихъ и тогда уже ни чего не отвѣчалъ. И тутъ замѣчательно было чутье его : отъ одного онъ не бралъ цѣлковаго и больше , или возьметъ да и броситъ въ лицо ; а отъ другого и грошъ приметъ съ благодарностью , да и носится съ нимъ... Хвалится и любитъся имъ ! Разъ говоритъ мнѣ , показывая на грошъ , полученный отъ какого-то бѣдняка : « Вдовій , вдовій ! » И замѣчали нѣсколько разъ , что отъ дурного , злого человѣка не возьметъ ни за что. Поэтому стали и людей различать у насъ. Помню , что мнѣ одинъ молодой чиновникъ , смѣясь , рассказывалъ , что онъ думаетъ про себя , что онъ несозвѣтъ хорошій человѣкъ , потому что Назаръ взявъ у него деньги , оставилъ ихъ въ прихожей. И когда чи

новникъ воротилъ его, Назаръ взялъ, говоря: «забылъ, забылъ!» и опять оставилъ въ сѣняхъ на окнѣ. Сначала по праздникамъ онъ всегда хаживалъ въ церковь; но послѣ его перестали пускать, потому что онъ началъ дѣлать странныя вещи... Подойдетъ, бывало, къ какому нибудь купцу, возьметъ его за руку и выведетъ вонъ. Тотъ идетъ, думая, что Назаръ что-нибудь хочетъ сказать ему, а этотъ и столкнетъ его съ паперти, ударивъ въ шею. Разъ одного именитаго купца въ лицо треснулъ. Этотъ купецъ во всемъ посадѣ былъ первый, только скаредъ онъ былъ! Бывало, пуда муки безъ залога не отпуститъ; а торговалъ онъ мукой, и много, много имѣлъ мѣльницъ. И какой обидчивый былъ этотъ Назаръ: разбилъ онъ у моей работницы горшокъ, та его и попрекнула. Онъ ушелъ, но черезъ полчаса возвратился, молча положивъ на столъ гривенникъ и ушелъ.

— И послѣ онъ ужъ ничего не читалъ и не писалъ?

— Нѣтъ. Днемъ бродитъ гдѣ нибудь по полямъ или полѣсу, а вечеромъ стоитъ неподвижно, какъ столбъ, и смотритъ на темное небо, на звѣзды, и все говорить что-то величественное, простирая руку въ пространство. И поминаетъ онъ и волхвовъ, и Галилея, и Коперника.... Господь его знаетъ, зачѣмъ. И ни почему ему и холодъ, и дождь, и мятежь, и снѣгъ — все-равно! Всегда онъ въ одной своей длинной рубахѣ, безъ шапки и босой.... Изноили видѣть его одѣяніе? Такъ точно ходитъ и зимой. Какъ ногъ-то онъ не заморозитъ? понять нельзя!... Хранить его Богъ.... Холера у насъ была страшная.... О немъ всѣ и забыли.... Схватило его, ломало, жорчило страшно; а лежалъ онъ не въ теплѣ на постелѣ, а въ сырой канавѣ!... Выздоровѣлъ самъ собой, виномъ вылечился!...

— А пьетъ онъ вино?

— Пьетъ, и иногда много.... къ счастью или къ несчастью, не узнаешь! Веселъ онъ никогда не бываетъ; лицо его имѣетъ постоянно одно и то же мрачное, непріязненное выраженіе. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ помѣшался, его никто не видалъ, не только что смѣющимся, но и улыбающимся. Одинъ разъ только.... это случилось вскорѣ послѣ того, какъ его спустили съ цѣпи... увидалъ онъ недавно пріѣхавшую и уже довольно постарѣвшую Дуняшу. Это было въ праздникъ. Она находилась между другими разряженными женщинами, на улицѣ. Онъ, вѣроятно,

увидать ее, потому что пошелъ прямо, раздвинулъ толпу и оставался передъ нею.... Она поблѣднѣла, старалась спрятаться за другихъ. Онъ долго и пристально смотрѣлъ ей прямо въ лицо, заметалъ головой, засмѣялся тихо и насмѣшливо, и отошелъ прочь... Новогъмы и дощли... Да я вамъ, полагаю, и наскучилъ уже, Софья Николаевна? сказалъ Иванъ Ивановичъ, разкланиваясь съ своей спутницей: — «Вѣснаго-то Жидка» не забудьте!

— Сейчасъ пришло, Иванъ Ивановичъ.... Очень вамъ благодарна.

НИКОЛЕТЬ ПАНАВЪ.

ПОДРАЖАНІЕ ДРЕВНИМЪ.

Что́ это? прямо на насъ и летятъ въ-перегонки,

Прямо съ горы и несутся, шалуньи!

Знаю ихъ: эта, что съ Тирсомъ — Аглая,

Сзѣди — Коринна и Хлоя.

Это идутъ онѣ съ жертвами Вакху!

Розъ, молока, и вина молодого,

Меду несутъ и козленка молочнаго тащатъ.

Такъ ли приходитъ молиться степенная дѣва?

Спрячемся здѣсь за колошной у храма....

Знаю ихъ: рѣзвы онѣ, уже слишкомъ и бойки —

Скромному юношѣ съ ними опасно встрѣчаться.

Ну! такъ и есть! быстроглазья! насъ увидали!

Смотрятъ сюда изъ подлѣбя,

Шепчутъ, другъ друга толкая,

Щеки ихъ сдержаннымъ смѣхомъ такъ и трепещутъ!

Если бы только не храмъ здѣсь, не жрецъ величавый,

Это вино, молоко, и цвѣты, и козленокъ, —

Все бы полетѣло на насъ, и пошли бъ мы какъ жертвы

Вѣчнымъ богамъ на закланье,

Медомъ обмазаны, политы винами Вакха!

Право, уйдемъ-ка: ужь такъ онѣ насъ не отпустятъ!

Видишь, съ жрецомъ въ разговоры вступили —

Старый смѣется и щуритъ глаза на открытыя плечи....

Правду сказать, у нихъ плечи какъ будто изъ воску,

Чудныя, полныя руки и — что́ всего лучше —

Блескъ и движенье, здоровье и нѣга,

Грація съ силой во всѣхъ сочетались формахъ.

АПОЛЛОНЪ МАЙКОВЪ.

Ночь весенней нѣгой дышитъ ,
Вѣтеръ взморья не колышетъ ,
Весь заливъ блеститъ какъ сталь ,
И надъ моремъ облаками ,
Какъ ползущими горами ,
Разукрасилася даль .
Долго будетъ утомленный
Спать съ Фетидой Фебъ влюбленный ,
Но Аврора ужь не спитъ ,
И смутясь блаженствомъ бога ,
Изъ подводнаго чертога
Съ яркимъ факеломъ бѣжитъ .

А. ФЕТЬ.

ХОЛОДНЫЙ ДОМЪ.

РОМАНЪ

ЧАРЛЬЗА ДИВЕНСА.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

ГЛАВА XXIV.

АППЕЛЛЯЦІЯ.

Вскорѣ послѣ нашего разговора съ Ричардомъ, о которомъ я уже сказала выше, Ричардъ откровенно признался во всемъ мистери Джордису. Я не думаю, чтобъ эта откровенность изумила моего опекуна, хотя она и послужила причиной его безпокойства и обманутыхъ ожиданій. Онъ и Ричардъ просиживали по цѣлымъ часамъ въ запертомъ кабинетѣ, проводили по нѣскольку дней сряду въ Лондонѣ, имѣли безчисленныя свиданія съ мистеромъ Кэнджемъ и вообще переносили множество самыхъ неприятныхъ хлопотъ. Между тѣмъ во время этихъ хлопотъ, мой опекунъ, хотя и испытывалъ на себѣ всѣ неудобства отъ вліянія восточнаго вѣтра, и такъ часто потиралъ себѣ голову, что, кажется, ни одинъ волосокъ на его головѣ не остался въ покоѣ, но при всей своей любезности къ Адѣ и мнѣ, онъ соблюдалъ строгое молчаніе, касательно того, что происходило между нимъ и Ричардомъ. Мы вслѣдствіи старались

узнать что-нибудь отъ Ричарда, но всѣ его отвѣты постоянно ограничивались прежними увѣреніями, что «все идетъ превосходно», а потому безпокойство наше нисколько не уменьшалось. Однако, мы вскорѣ узнали сами, въ какомъ положеніи находились его дѣла.

Мы узнали, что къ лорду-канцлеру поступила новая просьба на счетъ поступленія Ричарда въ военную службу, что эта просьба передана въ Верховный Судъ, какъ отъ юноши несовершеннолѣтняго и находившагося подъ опекой суда, и послужила предметомъ многихъ разговоровъ. Мы узнали, что лордъ-канцлеръ называлъ Ричарда, во время засѣданія, несноснымъ и своенравнымъ юношей, что разсмотрѣніе просьбы откладывалось отъ одного засѣданія до другого, наводили справки и дѣлали сношенія, но такъ медленно, что Ричардъ началъ опасаться (такъ, по крайней мѣрѣ, онъ говорилъ намъ), не придется ли ему поступить на службу ветераномъ лѣтъ восьмидесяти. Наконецъ, назначенъ былъ день Ричарду для свиданія съ лордомъ-канцлеромъ въ отдѣльномъ кабинетѣ, гдѣ милордъ весьма строго выговаривалъ Ричарду за его безпечность къ своему времени, за его неосновательность, и въ заключеніе изъявилъ свое согласіе на его поступленіе въ военную службу. Ричардъ былъ записанъ въ гвардейскую кавалерію; деньги на его патентъ вручены были агенту; и Ричардъ, съ своимъ обычнымъ и въ своемъ родѣ замѣчательнымъ рвеніемъ принялся за изученіе военной науки; вставалъ по утрамъ въ пять часовъ и упражнялся въ фехтовальномъ искусствѣ.

Такимъ образомъ, лѣтнія вакаціи смѣнили весеннія засѣданія, и вакаціи въ свою очередь смѣнились засѣданіями осенними. До насъ доходили иногда вѣсти о томъ, въ какомъ положеніи находилась тяжба Джорндисъ и Джорндисъ; мы слышали, что она была въ докладъ или не была, что о ней упоминали въ засѣданіи, или ссылались на нее, что принимались за ея окончательное рѣшеніе и отступали отъ него. Ричардъ, проживая въ домѣ учителя фехтованья, имѣлъ теперь еще меньше свободнаго времени пріѣзжать къ намъ; опекунъ мой по прежнему соблюдалъ строгое молчаніе. Время шло такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока по военному вѣдомству не открылось вакантнаго мѣста, и тогда Ричардъ получилъ приказаніе отправиться въ полкъ, расположенный въ Ирландіи.

Онъ пріѣхалъ къ намъ съ этимъ навѣстіемъ вечеромъ на почтовыхъ и имѣлъ долгое совѣщаніе съ моимъ опекуномъ. Прошло съ часъ времени, прежде чѣмъ голова опекуна моего показалась въ дверяхъ комнаты, въ которой сидѣла Ада и я.

— Войдите къ намъ, мои милыя! сказалъ онъ.

Мы вѣдѣи, Ричардъ, котораго мы вѣдѣи въ послѣдній разъ въ самомъ пріятномъ расположеніи духа, стоялъ, облокотясь на каминную доску, грустный, разстроенный и даже сердитый.

— Вотъ Ада, сказалъ мистеръ Джорндисъ: — я и Рикъ не можемъ согласиться другъ съ другомъ. Перестань, пожалуйста, Рикъ, будь повеселѣе!

— Вы очень строги ко мнѣ, сэръ, сказалъ Ричардъ, — Строгѣе тѣмъ болѣе, что всегда были снисходительны во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ и оказали мнѣ столько милостей, къ которымъ, правда, я не былъ признателенъ. Безъ васъ, сэръ, мнѣ бы никакъ не выпутаться изъ малыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ.

— Полноте, сэръ; къ чему напоминать о прошломъ, сказалъ мистеръ Джорндисъ: — я еще разъ хочу выпутать васъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Впрочемъ, нѣтъ; я хочу на этотъ разъ, чтобъ вы выпутались изъ нихъ сами.

— Надѣюсь, сэръ, возразилъ Ричардъ вспыхнувши, хотя и почитательнымъ тономъ: — вы невините меня, если я скажу, что, по моему мнѣнію, никто, кромѣ меня самого, не можетъ судить о моихъ поступкахъ.

— Надѣюсь, любезный мой Рикъ, замѣтилъ мистеръ Джорндисъ, въ самомъ пріятномъ расположеніи духа и съ плѣнительнымъ чистосердечіемъ: — ты извинишь меня, если я скажу, что ничего не можетъ быть естественнѣе съ твоей стороны, какъ думать по твоему; но я насчетъ этого не такого мнѣнія. Я долженъ исполнять свой долгъ, Рикъ; иначе ты не могъ бы судить обо мнѣ хорошо даже и въ хладнокровномъ размышленіи; а я надѣюсь, что ты въ холодномъ или въ жаркомъ расположеніи духа, но всегда судишь обо мнѣ съ хорошей стороны.

Ада такъ поблѣднѣла, что мистеръ Джорндисъ предложилъ ей свое кресло, и самъ сѣлъ подлѣ нея.

— Милая моя, сказалъ мой опекунъ: — ты напрасно тревожишь себя. Рикъ и я немного поспорили другъ съ другомъ въ дружескомъ разговорѣ, котораго намъ нельзя отъ тебя скрыть, и предметомъ котораго была ты, Ада. Ты, кажется, начинаешь бояться этого происшествія.

— О, нѣтъ, кузень Джонъ, отвѣчала Ада съ нѣжной улыбкой: — я не боюсь, если причиной вашего несогласія были вы сами.

— Благодарю тебя, моя милая. Удѣли мнѣ, пожалуйста, на минуту свое вниманіе и не смотри на Рика. И тебя прошу о томъ же, моя маленькая хозяйка. Моя милая Ада, сказалъ онъ, положи руку на руки Ады, которая покоилась на ручкѣ кресла: —

ты помнишь о чемъ мы говорили въ четвертомъ , когда еще хозяйка рассказала намъ объ одномъ любовномъ приключеніи?

— Разумѣется , ни я , ни Ричардъ не могли забыть о вашемъ великодушіи въ тотъ день , кузень Джонъ .

— Я никогда не забуду этого дня , сказалъ Ричардъ .

— И я никогда не забуду , сказала Ада .

— Тѣмъ легче я могу высказать то , что намѣренъ былъ сказать , и тѣмъ удобнѣе согласиться вамъ съ моими словами , отвѣчалъ мой опекунъ , и на лицѣ его отразилась вся нѣжность , все благородство его души . — Ада , моя птичка , тебѣ должно узнать , что Рикъ набралъ себѣ новую карьеру въ послѣдній разъ . Деньги , которые онъ имѣлъ будутъ истрачены на его эконоровку . Онъ истощилъ всѣ свои источники , и теперь принужденъ собирать плоды съ дерева , которое самъ посадилъ .

— Ваша правда , сэръ , что въ настоящее время я истощилъ всѣ мои источники , и я благодаренъ вамъ , что вы сорбидили мнѣ объ этомъ . Впрочемъ , сказалъ Ричардъ : — позвольте вамъ замѣтить , сэръ , что я основываю виды свои не на томъ , что я имѣю , но на томъ , что ожидаетъ меня впереди .

— Рикъ , Рикъ ! вскричалъ мой опекунъ , обнаруживая внезапный ужасъ и въ то же время поднимая руки , чтобы не слышать словъ его : — умоляю тебя , не основывай своихъ надеждъ и ожиданій на фамильномъ несчастіи ! Все , что ты можешь сдѣлать для себя лучшаго по сю сторону могилы , это никогда не останавливать своего взора на страшномъ призракѣ , который безотвязно преслѣдуетъ насъ въ теченіе столь многихъ лѣтъ ! По моему , лучше быть въ долгу , лучше просить милостыню , лучше умереть !

Мы всѣ въ высшей степени были изумлены этимъ неожиданнымъ предостереженіемъ . Ричардъ кусалъ себѣ губы , удерживалъ свое дыханіе и глядѣлъ на меня , какъ будто онъ чувствовалъ и въ то же время предугадывалъ мои ощущенія , какъ много мы нуждались въ такомъ предостереженіи .

— Моя милая Ада , сказалъ мистеръ Джорндисъ , принимая снова прежнее веселое расположеніе духа : — совѣтъ мой покажется тебѣ жестокимъ , но я живу въ Холодномъ Домѣ и , признаюсь , видѣлъ въ немъ много , много неприятнаго . Но довольно объ этомъ . Все , что Ричардъ предпринималъ для своего вступленія въ свѣтъ , было одинъ только рискъ : онъ дѣлалъ все на авось ! Теперь я предлагаю ему и тебѣ , для его собственнаго счастья и для твоего , слѣдующее : если онъ долженъ удалиться отъ насъ , то не иначе , какъ съ тѣмъ убѣжденіемъ , что между вами нѣтъ никакого обязательства . Я долженъ сказать вамъ болѣе . Я буду откровененъ съ вами обо-

ими. Вы основываете всё свои надежды на мнѣ, а я основываю свои надежды на васъ, и вслѣдствіе этого, прошу васъ не думать о томъ, что, кромѣ родства, васъ соединяютъ еще другіе узлы.

— По моему, лучше сказать съ разу, сэръ, сказалъ Ричардъ: — что вы ни въ чемъ не довѣряете мнѣ и совѣтуете мнѣ поступить такимъ же образомъ.

— Лучше не говорить объ этомъ ни слова, Рикъ, потому что я не понимаю хорошо, что ты хочешь сказать.

— Вы полагаете, сэръ, что начало моего поприща въ жизни было дурно, возразилъ Рикъ: — дѣйствительно не хорошо, я знаю это.

— Какъ я полагалъ о началѣ твоего поприща и о послѣдствіяхъ его, я высказалъ тебѣ за нѣсколько минутъ передъ этимъ, сказалъ мой опекунъ чистосердечнымъ и ободряющимъ тономъ: — ты, Рикъ, не сдѣлалъ еще никакого начала; но всему есть время, и отъ тебя это время еще не ушло, напротивъ того, оно только что наступило для тебя. Вы, мои милыя, очень еще молоды и въ настоящее время ни больше, ни меньше, какъ кузины. Что изъ васъ будетъ впослѣдствіи, этого я не знаю; это зависитъ отъ твоихъ трудовъ, любезный мой Рикъ; раньше этого я не могу и не смѣю назвать васъ какънибудь иначе.

— Вы очень строги и жестоки ко мнѣ, сэръ, сказалъ Ричардъ: — болѣе жестоки, чѣмъ я ожидалъ.

— Милый мой, сказалъ мистеръ Джорндисъ: — я еще болѣе жестокъ къ самому себѣ, когда обстоятельства принуждаютъ меня огорчать тебя. Въ твоихъ рукахъ всё средства избавить себя отъ подобнаго огорченія. Ада, я полагаю, что для него ничего не можетъ быть лучше, кромѣ того, чтобы онъ былъ совершенно свободенъ, чтобы между вами не было никакого обязательства, основаннаго на вашихъ юношескихъ неопытныхъ отношеніяхъ. Рикъ, согласись со мной, это необходимо для нея; ты долженъ сдѣлать это для нея. Словомъ сказать, вы должны дѣлать другъ для друга все лучшее, вы должны упрочить счастье другъ друга.

— Въ чемъ же состоитъ эта прочность, сэръ? спросилъ Ричардъ торопливо: — вы не говорили намъ объ этомъ, когда мы открыли передъ вами наши сердца.

— Съ тѣхъ поръ опытъ открылъ мнѣ многое. Я не знаю тебѣ, Рикъ; но все-таки скажу, что съ тѣхъ поръ опытъ открылъ мнѣ многое.

— Надобно, сэръ, ваши слова не относятся прямо къ мнѣ? спросилъ Рикъ.

— О, вѣтъ! они относятся къ обману вамъ, сказала мистерь Джорндисъ ласково. — Я говорю; что время не ушло еще вполне обязать васъ другъ другу. Ваши обещанія другъ другу не успѣли еще обратиться въ законныя права, и я не признаю ихъ. Не печальтесь, мои милые кузины! Прошедшее не возвратимо! Для васъ открыта новая и чистая страница, на которой вы можете писать съ самаго начала событія вашей только что начинающейся жизни!

Ричардъ бросилъ безжизненный взглядъ на Аду, но не сказалъ ни слова.

— Я со дня на день откладывалъ высказать вамъ обманъ и тебѣ, Эсврь, продолжалъ мистерь Джорндисъ: — я удерживался высказать вамъ до настоящей минуты, съ тѣмъ, чтобъ сердца наши были чисты какъ день, и чтобъ отношенія наши другъ къ другу были одинаковы. Теперь я совѣтую вамъ отъ искренняго сердца, я умоляю отъ всей души тебя, Рикъ, и Аду, проститесь другъ съ другомъ съ тѣми чувствами, съ какими вы вошли впервые въ этотъ домъ. Предоставьте все прочее времени, истинѣ и постоянству. Если вы поступите иначе, то сдѣлаете вредъ себѣ и окажете величайшую несправедливость мнѣ, который сблизилъ васъ.

Наступило продолжительное молчаніе.

— Кузень Ричардъ, сказала Ада, прерывая молчаніе и нѣжно устремляя на его лицо свои голубые глазки: — мнѣ кажется, мы не должны возражать на слова нашего кузена Джона. Ты можешь быть спокоенъ на мой счетъ. Я остаюсь здѣсь, подъ его попеченіемъ и будь увѣренъ, что лучшаго я не могу желать; будь увѣренъ, что я всегда буду руководствоваться его совѣтами. Я не сомнѣваюсь, кузень Ричардъ, говорила Ада съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ: — я не сомнѣваюсь, что ты любишь меня, и я... я не думаю, что ты полюбишь другую. На меня ты смѣло можешь положиться, кузень Ричардъ. Я буду любить тебя по прежнему; я не заставлю тебя краснѣть за свои поступки. Даже какъ кузинамъ намъ грустно разставаться другъ съ другомъ; грустно, Ричардъ, но я знаю, что эта разлука необходима для твоего благополучія. Я всегда съ любовью буду вспоминать и часто, часто буду говорить о тебѣ съ Эсврью.... быть можетъ, Ричардъ.... и ты вспомнишь обо мнѣ. А теперь, сказала Ада, подходя къ Ричарду и подавая ему свою дрожащую руку: — теперь, Ричардъ, мы расстаемся кузинами, быть можетъ, на долгѣ.... и я молю небо, да выпошлетъ оно благословеніе на моего миллаго брата, гдѣ бы онъ ни находился!

Для меня было странно, что Ричардъ не могъ простить моему олекуну мнѣшій расчетъ его поступковъ, жгучій, который онъ самъ высказывалъ мнѣ въ болѣе рѣзкихъ выраженіяхъ. Къ крайнему

сожалѣнію моему я замѣтила, что съ этой минуты Ричардъ никогда не былъ такъ свободенъ и откровененъ передъ мистеромъ Джорджисомъ, какъ прежде. Ему предоставлена была всякая возможность быть такимъ, но онъ не былъ; и вслѣдствіе этого, между ними стала возникать какая-то холодность, отчужденіе.

Въ приготовленіяхъ къ отъѣзду и поступленію въ полкъ Ричардъ скоро разсѣялся и даже позабылъ свою печаль о разлукѣ съ Адой, которая оставалась съ Гертфордшэйрѣ, между тѣмъ какъ онъ, мистеръ Джорджисъ и я отправились въ Лондонъ на цѣлую недѣлю. Онъ вспоминалъ объ Адѣ, такъ сказать, отрывками и съ горькими слезами и въ подобныя минуты, чистосердечно осыпалъ себя жестокими упреками. Но спустя нѣсколько минутъ, онъ беззаботно выставлялъ мнѣ на видъ средства, по которымъ надѣялся быть съ Адой и богатымъ и счастливымъ, и по прежнему становился безпечнымъ и веселымъ.

Хлопотъ было много—и я съ утра и до вечера ходила съ нимъ по магазинамъ, покупая необходимыя для него вещи. О тѣхъ вещахъ, которыя онъ хотѣлъ купить, еслибъ дава ему была полная свобода, я не говорю ни слова. Онъ, какъ нельзя болѣе, былъ откровененъ со мной и часто говорилъ съ такимъ чувствомъ и съ такимъ чистосердечіемъ о своихъ проступкахъ и своей рѣшимости поправиться, такъ искренно сознавалъ пользу, которую извлекалъ изъ этихъ разговоровъ, что мнѣ всегда было пріятно бесѣдовать съ нимъ.

Въ теченіе этой недѣли къ намъ на квартиру очень часто являлся мужчина: онъ училъ Ричарда фехтованію. Это былъ, какъ кажется, отставной кавалеристъ, грубый на взглядъ, но видный мужчина, съ простыми, но непринужденными манерами. Я такъ много слышала о немъ отъ Ричарда, что однажды утромъ, сей часъ носивъ завтрака, я нарочно вышла взглянуть на него съ моимъ рукодѣльемъ.

— Здравствуйте, мистеръ Джорджъ, сказалъ мой опекунъ, котораго въ одно время вошелъ со мной въ комнату. — Мистеръ Карстонъ сію минуту придетъ. Между тѣмъ я знаю, что миссъ Соммерсонъ пріятно будетъ познакомиться съ вами. Прошу садиться.

Онъ сѣлъ, нѣсколько обезпокоенный моимъ присутствіемъ, какъ я думала, и, не глядя на меня, началъ водить широкой загорѣлой рукой по верхней губѣ своей.

— Вы аккуратны, какъ солнце, сказалъ мистеръ Джорджисъ.

— Но военному, сэръ, отвѣчалъ онъ. — Сила привычки. Это ни больше, ни меньше, какъ одна привычка, сэръ. Вообще, я не смѣю назвать себя аккуратнымъ человѣкомъ.

— Однако, мнѣ сказывали, что у васъ большое заведеніе? сказалъ мистеръ Джорндисъ.

— Нѣтъ, сэръ, не очень большое. Я содержу галерею для стрѣльбы въ цѣль, но не очень большую.

— Ну, а какъ вы думаете, хорошо ли мистеръ Карстонъ стрѣляетъ и хорошо ли онъ бьется на рапирахъ? спросилъ мой опекунъ.

— Довольно хорошо, сэръ, отвѣчалъ мистеръ Джорджъ, скрепивъ руки на широкую грудь и принимая видъ великана. — Еслибъ онъ занялся этимъ прилежнѣе, то изъ него вышелъ бы славный стрѣлокъ и славный боецъ.

— Развѣ онъ не прилежно занимается? спросилъ мой опекунъ.

— Сначала, сэръ, онъ принялся весьма усердно, а потомъ и оставилъ. Не совсѣмъ, правда, оставилъ, а такъ себѣ, учился не отъ всей души. Можетъ статься, у него на душѣ есть что нибудь, можетъ статься, какая нибудь молоденькая леди.

И его свѣтлые черные глаза въ первый разъ взглянули на меня.

— Только ужъ не я на душѣ у него, увѣряю васъ, мистеръ Джорджъ, сказала я, смѣясь:— хотя въ этомъ вы, кажется, подозреваете меня.

Загорѣлое лицо его слегка покраснѣло, и онъ отвѣсилъ мнѣ кавалерійскій поклонъ.

— Надѣюсь, миссъ, я не оскорбилъ васъ. Вѣдь я человѣкъ необразованный.

— Вы меня вовсе не оскорбили, сказала я. — Напротивъ, я принимаю это за комплиментъ.

Если онъ набѣгалъ смотрѣть на меня прежде, зато теперь онъ раза четыре сряду весьма внимательно посмотрѣлъ мнѣ прямо въ лицо.

— Прошу извиненія, сэръ, сказалъ онъ, обращаясь къ моему опекуну съ какою-то недовѣрчивостію: — вы, кажется, изволили сказать, что барышню зовутъ...

— Миссъ Коммерсонъ.

— Миссъ Коммерсонъ, повторилъ онъ и еще разъ посмотрѣлъ на меня.

— Вамъ знакомо это имя? спросила я.

— Нѣтъ, миссъ. Сколько извѣстно мнѣ, такъ я слышу его въ первый разъ. Мнѣ кажется, какъ будто я васъ гдѣ-то видѣлъ.

— Не думаю, отвѣчала я, приподнимая голову отъ работы, чтобы взглянуть на него; въ его словахъ и манерѣ столько было

искренности, что я была рада этому случаю. — Я очень хорошо запоминаю лица, съ которыми случалось встрѣчаться, сказала я.

— И я тоже, миссъ! возразилъ онъ, обращая ко мнѣ свое полное лицо и черные глаза. — Гм! Не знаю, право, почему мнѣ знакомо ваше лицо.

На загорѣломъ лицѣ его еще разъ выступилъ яркій румянецъ. Онъ зашѣтно находился въ замѣшательствѣ, стараясь припомнить обстоятельство, при которомъ онъ видѣлъ меня; наконецъ опекунъ мой вывелъ его изъ затруднительнаго положенія.

— Много у васъ учениковъ, мистеръ Джорджъ?

— Число ихъ безпреставно мѣняется, сэръ. Вообще можно сказать, что ремесло мое весьма неприбыльное, сэръ.

— Скажите пожалуйста, какого сословія люди приходятъ практиковаться въ вашей галлерей?

— Всякаго рода, сэръ. Приходятъ наши соотечественники и иностранцы, джентльмены и прикащики. Недавно являлись ко мнѣ французики и показали славную удачу въ стрѣльбѣ изъ пистолетовъ. Разумѣется, приходитъ также множество людей сумасбродныхъ; но вѣдь эти люди идутъ всюду, гдѣ стоятъ двери настежь.

— Надо полагать, однако, что они не приходятъ къ вамъ учиться съ жестокими намѣреніями и замыслами окончить свою практику надъ живыми мишенями? сказалъ мой опекунъ, смѣясь.

— Не думаю, сэръ; впрочемъ, чего не случается. По большей части они приходятъ изъ желанія учиться, или отъ нечего дѣлать. Половина однихъ приходится на половину другихъ. Извините меня, сэръ, сказалъ мистеръ Джорджъ, принимая на стулѣ воинственную осанку и упираясь руками въ колѣни: — но, если я не ошибаюсь, такъ вы имѣете тяжбу въ Верховномъ Судѣ.

— Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что имѣю.

— Я новнакомился въ моей галлерей съ однимъ изъ вашихъ сподвижниковъ, сэръ.

— Вы хотите сказать съ челобитчикомъ Верховнаго Суда? спросилъ мой опекунъ. — Какъ же это случилось?

— Очень просто. Человѣкъ этотъ до такой степени былъ измученъ, истерзанъ, раздраженъ разными судейскими проволочками, что сдѣлался почти съумасшедшимъ, сказалъ мистеръ Джорджъ. — Я не думаю, чтобы онъ имѣлъ намѣреніе пустить въ когонибудь пулю; но все же онъ находился въ такомъ ожесточеніи, что бывало придетъ и начнетъ стрѣлять, сдѣлаетъ выстрѣловъ полсотни одинъ за другимъ да и раскалится, какъ ружейный стволъ. Однажды, когда въ галлерей мой никого не было, кромѣ его, и когда онъ сердито рассказывалъ мнѣ о своихъ несчастіяхъ, я принужденъ былъ

сказать ему: «Еслибъ это занятіе служило для тебя, товарищъ, предохранительнымъ клапаномъ, тогда дѣло хорошее, продолжай себя и только; но мнѣ не нравится такое пристрастіе къ тиру, при твоёмъ расположеніи духа: я бы лучше посоветовалъ тебѣ заняться чѣмънибудь другимъ». Признаюсь, онъ такъ былъ возбужденъ, что вмѣсто отвѣта я ждалъ удара и приготовился отразить его; однако онъ спокойно выслушалъ меня и тотчасъ же пересталъ стрѣлять. Мы пожали руки другъ другу и съ тѣхъ поръ стали друзьями.

— Какой же былъ это человѣкъ? спросилъ мой охотникъ, замѣтно заинтересованный словами мистера Джорджа.

— Прежде чѣмъ обратили его въ бѣшеннаго быка, онъ только что начиналъ свои дѣла въ качествѣ небогатаго Шропшайрскаго фермера, сказалъ мистеръ Джорджъ.

— А какъ его зовутъ? Вѣрно Гридли.

— Точно такъ, сэръ.

И мистеръ Джорджъ еще разъ бросилъ на меня нѣсколько послѣдательныхъ бѣглыхъ взглядовъ, въ то время, какъ я и охотникъ мой обмѣнивались словами, выражавшими наше изумленіе по поводу такого страннаго столкновенія обстоятельствъ. Я сочла необходимымъ объяснить ему, какимъ образомъ нима это стало намъ знакомо. Мистеръ Джорджъ отвѣсилъ мнѣ еще виноватный поклонъ въ знакъ моей, какъ онъ выражался, особенной снисходительности.

— Не знаю, право, сказалъ онъ, взглянувъ на меня: — не могу припомнить.... а гдѣ-то я видѣлъ васъ ниссъ.... впрочемъ, я и самъ не знаю, что хочетъ припомнить моя голова.

Вмѣстѣ съ этимъ онъ провелъ тяжелой рукой своей по кудрявому виску, какъ будто съ тѣмъ, чтобы разсѣять какія-то смутныя воспоминанія. Подбоченясь одной рукой и упираясь другой въ колѣно, онъ нагнулся немного впередъ и задумчиво началъ смотрѣть въ поле.

— Мнѣ непріятно было узнать, что это же самое настроеніе духа вовлекло несчастнаго Гридли въ новыя хлопоты, и что въ настоящее время онъ гдѣ-то скрывается, сказалъ мой охотникъ.

— И я слышалъ то же самое, сэръ, сказалъ мистеръ Джорджъ, продолжая смотрѣть въ поле съ задумчивымъ видомъ. — Я то же самое слышалъ.

— Вы не знаете, гдѣ онъ скрывается?

— Нѣтъ, сэръ, не знаю, отвѣчалъ кавалеристъ, приподнимая пэоры и выходя изъ задумчивости. — Ничего не могу сказать о немъ. Полагаю, что его скоро совсѣмъ доканаютъ. Можно терзать

Человѣческое сердце много и много лѣтъ сряду, оно все будетъ терпѣть да потомъ вдругъ и разорвется.

Приходъ Ричарда положилъ конецъ дальнѣйшему разговору. Мистеръ Джорджъ всталъ, отвѣсилъ мнѣ еще одинъ изъ своихъ воинственныхъ поклоновъ, пожелалъ моему опекуну добраго дня и пошелъ изъ комнаты мѣрной и тяжелой поступью.

Это было утро дня, назначеннаго для отъѣзда Ричарда. Покупки всѣ были сдѣланы; я уложила всѣ его вещи въ чемоданы, такъ-что время оставалось совершенно свободное до поздняго вечера, когда Ричарду должно было отправиться въ Ливерпуль и оттуда въ Глазгоудъ. Въ этотъ вечеръ назначенъ былъ докладъ по дѣлу Джорджидсъ и Джорджидсъ, и Ричардъ предложилъ мнѣ отправиться съ нимъ вмѣстѣ въ Верховный Судъ и послушать, о чемъ тамъ станутъ говорить. Такъ какъ это былъ послѣдній день пребыванія Ричарда въ Лондонѣ, такъ какъ Ричардъ непремѣнно хотѣлъ идти туда, и такъ какъ я сама никогда еще не бывала тамъ, поэтому я охотно согласилась — и мы отправились въ Вестминстеръ, гдѣ проходили въ ту пору засѣданія Верховнаго Суда. Мы провели всю дорогу въ собесѣданіяхъ касательно писемъ, которыя Ричардъ будетъ нести ко мнѣ, и на которыя я общалась отвѣчать ему; мы составили множество плановъ, въ которыхъ проглядывали и мои и Ричарда свѣтлыя надежды. Мистеръ Джорджидсъ зналъ, куда мы отправлялись и потому не хотѣлъ идти съ нами.

По приходѣ нашемъ въ Судъ, лордъ-канцлеръ — тотъ самый, котораго я видѣла въ его отдѣльномъ кабинетѣ въ Линкольнскомъ Судѣ — сидѣлъ уже на своемъ мѣстѣ въ полномъ величіи и со всею важностію своей особы. Передъ нимъ на столѣ, покрытомъ красивымъ сукномъ, лежали булава, печати и огромный букетъ цвѣтовъ, отъ котораго по всему залу разливалось пріятное благоуханіе. Нѣсколькими ступенями ниже его стола тянулася длинный рядъ стрѣлочныхъ, у ногъ которыхъ лежали громадные кучи бумагъ; да-же и еще ниже сидѣли джентльмены-адвокаты въ парикахъ и мантіяхъ, изъ нихъ нѣкоторые бодрствовали, другіе находились въ сладкомъ усыпленіи; одинъ изъ нихъ говорилъ о чемъ-то, но никто не обращалъ вниманія на его слова. Лордъ-канцлеръ величаво сидѣлъ въ своемъ креслѣ, его локоть упирался въ мягкую ручку кресла; между тѣмъ какъ лицо его покоилось на ладони. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ дремали; нѣкоторые протуливались къ залу, или, собравшись въ группы, разсуждали шопотомъ; всѣ, по видимому, нисколько не стѣснялись, никто не суетился, все носило на себѣ отпечатокъ безпечности и невозможнаго спокойствія.

Видѣть, что все это дѣлалось такъ непринужденно и въ то же время представлять себѣ въ какихъ несчастіяхъ проводили и кончали дни свои многіе изъ челобитчиковъ, видѣть во всемъ пышность и церемонію, и въ то же время вспоминать о нуждахъ, раззореніи и нищетѣ, которыхъ эта пышность и эта церемонія были вѣрными представителями, воображать, что въ то время, какъ скорбь и тщетныя ожиданія производили свое пагубное дѣйствіе въ сердцахъ такого множества людей, между тѣмъ какъ этотъ блистательный парадъ собирался въ своемъ мѣстѣ изо дня въ день и изъ года въ годъ, въ такомъ прекрасномъ порядкѣ и съ такимъ удивительнымъ спокойствіемъ, видѣть лорда-канцлера и цѣлый строй адвокатовъ, окружающихъ его, поглядывающихъ другъ на друга такъ безопасно, какъ будто во всей Британіи никто еще не зналъ, что цѣль ихъ собранія въ такомъ священномъ мѣстѣ была ни болѣе, ни менѣе, какъ горькая насмѣшка, какъ будто никто еще не зналъ, что они собирались для внушенія всеобщаго ужаса, презрѣнія и негодованія, какъ будто никто еще не зналъ, что мѣсто собранія ихъ считается мѣстомъ зла, изъ котораго никто еще не извлекалъ ничего добраго, все это казалось имъ, не имѣвшей еще никакого понятія о Верховномъ Судѣ, до такой степени страннымъ, до такой степени здѣсь одно противорѣчило другому, что я не хотѣла вѣрить глазамъ своимъ, я не могла понять, чтó вокругъ меня происходило. Я сѣла, гдѣ указалъ мнѣ Ричардъ, старалась вслушаться, взглянуть кругомъ; но во всей этой сценѣ ничего, по видимому, не было дѣйствительнаго, ничего кромѣ бѣдной маленькой миссъ Флайтъ, полоумной старушки, которая стояла на скамейкѣ и кивала головой.

Миссъ Флайтъ скоро замѣтила насъ и пошла къ тому мѣсту, гдѣ мы сидѣли. Она граціозно поздравляла меня съ прибытіемъ въ ея владѣнія и указала, съ особеннымъ удовольствіемъ и гордостью, на самые главные и привлекательные предметы. Точно также пожелала поговорить съ нами и мистеръ Канджъ и точно также отрекомендовалъ намъ это мѣсто, но ласково и скромно, какъ и слѣдуетъ порядочному владѣтелю. Онъ говорилъ, что мы выбрали для посѣщенія несовсѣмъ хорошій день, что, по его мнѣнію, лучше было бы явиться сюда въ день открытія засѣданій; но въ его словахъ скрывалась ложь, скрывался обманъ.

Спустя полчаса, или около того, дѣло урядно надлежащее движеніе, если только можно допустить подобное выраженіе, потому что оно никогда, кажется, не имѣло никакого движенія, никто не ожидалъ, чтобы оно подвинулось впередъ, оно какъ будто чахло отъ своего собственнаго бездѣйствія. Лордъ-канцлеръ бросилъ се

стола своего тяжелую кипу бумагъ къ джентльменамъ , сидѣвшимъ ниже его , и въ это время кто-то довольно громко сказалъ : *Джорндисъ и Джорндисъ* , и вдругъ начался шумъ и смѣхъ , всеобщее вставанье съ мѣсто и разборъ бумагъ , кипами лежавшихъ подлѣ адвокатовъ или набитыхъ въ огромные мѣшки.

Сколько могла я понимать , впрочемъ , мои понятія находились въ довольно смутномъ состояннн , я догадывалась , что разсмотрѣнне дѣла оставлено «до дальнѣйшихъ приказаннй». Я насчитала двадцать-три джентльмена въ парикахъ , которые занимались этимъ дѣломъ ; но всѣ они , по видимому , столько же смыслили въ немъ , сколько и я. Они поболтали о немъ съ лордомъ-канцлеромъ ; судили и рѣдили между собою , одни изъ нихъ утверждали , что нужно разсматривать его вотъ съ этой точки зрѣннн , другне совѣтовали разсматривать его съ другой , наконецъ кто-то въ шутку предложилъ прочесть огромные томы клятвенныхъ показаннй , при этомъ шумъ и смѣхъ усилились ; каждый , кто принималъ въ немъ участне , извлекалъ изъ него какое-то досужное удовольствне и никто не могъ извлечь изъ него что-нибудь дѣльное. Такимъ образомъ прошелъ еще часъ , въ теченне его многне приступали говорить рѣчи и были прерываемы при самомъ началѣ ; разсмотрѣнне дѣла «отложено до другого засѣданнн» , какъ выразился мистеръ Кендждъ , и бумаги были снова сложены въ кнпы , прежде чѣмъ писцы успѣли разобрать ихъ.

Я взглянула на Ричарда по окончаннн этихъ безнадѣжныхъ приступовъ , и мнѣ стало грустно при видѣ блѣдности и утомленнн , покрывавшихъ его прекрасное юношеское лицо.

— Вѣдь не всегда же это будетъ продолжаться , хозяйшшка Дорденъ. Другой разъ мы будемъ счастливые ! вотъ все , что онъ сказалъ мнѣ.

Я видѣла мистера Гуппи : онъ приносилъ бумаги и раскладывалъ ихъ передъ мистеромъ Кенджемъ ; въ свою очередь и онъ увидѣлъ меня и сдѣлалъ мнѣ отчаянный поклонъ , внушавшнй мнѣ желанне немедленно выйти изъ Суда. Наконецъ Ричардъ подалъ мнѣ руку и хотѣлъ уже выходить со мной , какъ вдругъ мистеръ Гуппи подошелъ къ намъ.

— Извините , мистеръ Карстонъ , сказалъ онъ шепотомъ : — извините и вы , миссъ Коммерсонъ ; но здѣсь есть леди , моя хорошая прнятельница : она знаетъ васъ , миссъ Коммерсонъ , и желаетъ имѣть удовольствне поздороваться съ вами.

Въ то время , какъ онъ говорилъ , я увидѣла передъ собою , какъ внезапное воплощенне моихъ воспомннаннй , мистриссъ Рахель , жившую нѣкогда въ домѣ моей крестной матери.

— Здравствуйте , Эсепрь ! сказала она. — Узнали ли вы меня ?

Я протянула ей руку, сказала ей, что узнала, и что она очень мало изменилась,

— Миѣ удивительно, Эсэирь, что вы еще помните тѣ времена, отвѣчала она съ своей прежней холодностью. — Времена эти очень изменились. Во всякомъ случаѣ, я очень рада видѣть васъ, и рада, что вы не погордились узнать меня.

Въ самомъ дѣлѣ она очень удивлялась, что во миѣ не замѣтно было и тѣни гордости.

— Съ чего вы взяли, что я горда, мистриссъ Рахель? сказала я.

— Я замужомъ, Эсэирь, возразила она, еще холоднѣе поправляла меня: — меня теперь зовутъ мистриссъ Чадбандъ. Затѣмъ прощайте, Эсэирь; желаю вамъ быть здоровыми.

Мистеръ Гуппи, внимательно слушавшій этотъ короткій разговоръ, тяжело вздохнулъ подъ самое миѣ ухо и началъ прокладывать локтемъ и себѣ и мистриссъ Рахель дорогу сквозь смѣшанную толпу людей, которые выходили изъ Суда и входили въ него, среди которыхъ мы сами стояли и которыхъ окончаніе засѣданія ставило въ вѣстѣ. Ричардъ и я пробивались къ выходу, и я не успѣла еще оправиться отъ холодной и неожиданной встрѣчи съ старыми знакомыми, какъ увидѣла, что къ намъ подходилъ, вовсе не замѣчая насъ, мистеръ Джорджъ. Онъ не обращалъ вниманія на людей, и будучи выше всѣхъ ихъ ростомъ, смотрѣлъ въ середину зала.

— Джорджъ! сказалъ Ричардъ, когда я указала на него.

— Приятной встрѣчи, сэръ, сказалъ мистеръ Джорджъ. — Приятной встрѣчи, миссъ. Не можете ли вы указать миѣ особу, которую я ищу? Миѣ совсѣмъ незнакомы здѣшнія мѣста.

Вѣстѣ съ этимъ онъ повернулся бокомъ, далъ намъ дорогу и опять остановился, когда мы были вѣсѣ давки, въ углу, позади большой красной занавѣси.

— Тутъ есть какая-то старушонка, началъ онъ: — которая....

Я сбѣжала знакъ, чтобы онъ замолчалъ, потому что миссъ Фддйтъ стояла рядомъ съ нами. Она во все время держалась подлѣ меня и обращала, къ крайнему моему смущенію, мое вниманіе на многихъ своихъ знакомыхъ изъ прикавнаго сословія, нащупывая имъ: «Те! развѣ вы не видите, что рядомъ со мной сидѣтъ Джорджъ!»

— Гм! произнесъ мистеръ Джорджъ. — Вы помните, миссъ, сегодня утромъ мы говорили объ одномъ человѣкѣ?... Грндли, сказалъ онъ шопотомъ и прикрывая верхнюю губу своей широкой рукой.

— Помню, сказала я.

— Онъ скрывается у меня. Я не смѣлъ давеча сказать вамъ : не имѣлъ на это его разрѣшенія. Онъ отправляется, камется, на тотъ свѣтъ, миссъ, и непремѣнно хочетъ увидѣть ее. Онъ говорилъ, что они жонничаютъ другъ друга, и что она такъ добра была до него, какъ можетъ быть добръ самый искренній другъ. Я пришелъ сюда отъискивать ее, и нарочно отъишлъ, потому что разговаривая съ нимъ нѣсколько часовъ тому назадъ, мнѣ слышались уже отдаленныя звуки погребальнаго марша.

— Не хотите ли и скажу ей? сказала я.

— Будьте такъ добры, миссъ; отъишчалъ онъ, поглядывая на миссъ Фляйтъ съ какою-то болѣзнию. — Слава Богу, что я встрѣтилъ васъ, миссъ; я не зналъ бы безъ васъ, какъ приступиться къ этой леди.

И онъ положилъ одну руку на грудь, и принялъ воинственную осанку въ то время, какъ я сообщала миссъ Фляйтъ, на ухо, цѣль его прихода.

— Сердитый другъ мой изъ Шроншвейра! Почти такой же знаменитый, какъ и я! воскликнула миссъ Фляйтъ. И онъ умираетъ! Любезный мой, я готова немедленно отправиться къ нему.

— Онъ живетъ скрытно у мистера Джорджа, сказала я. — Тс! Вотъ и самъ мистеръ Джорджъ.

— Въ са-момъ дѣ-лѣ? возразила миссъ Фляйтъ. — Считаю за особенную честь познакомиться съ нимъ! Вѣдь онъ военный человѣкъ, моя милая! Настоящій генералъ? шептала она мнѣ.

Бѣдная миссъ Фляйтъ считала долгомъ выразиться учтиво, въ знакъ особеннаго уваженія къ воинственной осанкѣ мистера Джорджа, и такъ часто дѣлала книженны, что намъ стоило большихъ затрудненій вывести ее изъ Суда. Когда наконецъ мы успѣли въ этомъ, и когда она, называя мистера Джорджа генераломъ, дала ему руку, къ величайшему удовольствію звѣзакъ, окружавшихъ насъ, мистеръ Джорджъ былъ такъ разстроены и такъ убѣдительно просилъ меня не оставлять его, что я не могла не согласиться; тѣмъ болѣе, что миссъ Фляйтъ всегда была ласкова ко мнѣ и при этомъ случаѣ сказала: «милая моя Фицъ-Джорджидъ, я увижу и вы войдете съ нами.» Ричардъ былъ не прочь отъ этого, и даже хотѣлъ непремѣнно проводить ихъ до самаго мѣста, поэтому мы согласились идти вмѣстѣ. Мистеръ Джорджъ сообщилъ намъ, что когда Грндли узналъ о его свиданіи съ мистеромъ Джорджидомъ, то все время говорилъ о тѣжѣ Джорджидъ и Джорджидъ. Это обстоятельство заставило меня написать карандашемъ нѣсколько словъ къ моему опекуну, увѣдомить его, куда мы пошли и за чѣмъ. Мистеръ Джорджъ изъ опасенія, чтобъ эта записка не павала къ

открытію убѣжища умирающаго, запечаталъ ее въ первой кофемой и отправилъ по адресу съ разнощикомъ афишъ.

Сдѣлавъ это, мы наняли карету и поѣхали къ Лейстерскому скверу. Миновавъ нѣсколько узкихъ дворовъ, за неопратный виазъ которыхъ мистеръ Джорджъ извинился передъ нами, мы подошли къ галлерей, дверь которой была заперта. Когда мистеръ Джорджъ позвонилъ въ колокольчикъ, къ нему подошелъ старій джентльменъ почтенной наружности, съ сѣдыми волосами, въ очкахъ, въ черномъ платьѣ, въ шляпѣ съ широкими полями, и съ тростью въ рукѣ, съ большимъ золотымъ набадашникомъ.

— Извините, мой добрый другъ, сказалъ онъ: — кажется, вѣдь это и есть галерея мистера Джорджа?

— Эта самая, сэръ, отвѣчалъ мистеръ Джорджъ, взглянувъ на огромныя буквы, изъ которыхъ была составлена его вывѣска на выбѣленной стѣнѣ.

— Да, да! Это она! сказалъ старичекъ, слѣдя за взглядомъ мистера Джорджа. — Благодарю васъ. Вы ужъ позвонили?

— Меня зовутъ Джорджъ, сэръ, и потому я позвонилъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, ваше имя Джорджъ? и вы хозяинъ этой галлерей? сказалъ старикъ. — Значитъ я пришелъ во время. Должно быть, это вы приходили за мной?

— Нѣтъ, сэръ. Вы сами предупредили меня.

— Не можетъ быть, сказалъ старій джентльменъ. — Значитъ вашъ мальчикъ приходилъ за мной. Я докторъ... и минутъ пять тому назадъ меня пригласили навѣстить больного въ галлерей Джорджа.

— Ну такъ и есть! я вѣдь говорилъ вамъ, что мнѣ слышался барабанный бой погребальнаго марша! сказалъ мистеръ Джорджъ, обращаясь ко мнѣ и Ричарду и печально покачавъ головой. — Ваша правда, сэръ. За вами, вѣроятно, приходилъ мой мальчикъ! Не угодно ли войти!

Дверь въ этотъ моментъ отворилась усилиемъ весьма страшнаго на видъ маленькаго человѣчка въ зеленой байковой фуражкѣ и такъ же передникѣ; его лицо, руки и платье были запачканы. Мы прошли по пустому корридору въ огромное зданіе, котораго стѣны не были оштукатурены. Щиты, ружья, пистолеты, рапиры, и другіе подобные предметы служили въ немъ исключительнымъ украшеніемъ.

Когда мы всѣ вошли въ галлерей, докторъ остановился и, снявъ свою шляпу, по видимому, исчезъ передъ нами, дѣйствіемъ какой-то магической силы, и вмѣсто себя оставилъ совсѣмъ другаго человѣка.

— Ну, Джорджъ, взгляни-ка сюда, сказалъ маленький докторъ, быстро повернувшись къ мистеру Джорджу и постукивая по его груди своимъ большимъ указательнымъ пальцемъ. — Ты вѣдь знаешь меня; я знаю тебя. Ты свѣтскій человѣкъ, и я тоже свѣтскій человѣкъ. Меня зовутъ Боккетъ, какъ тебѣ извѣстно; и я имѣю приказаніе водить Гридди подѣ стражу. Ты такъ ловко и довольно долго приталъ его у себя; это дѣлаетъ тебѣ честь.

Мистеръ Джорджъ сурово взглянулъ на него, закурилъ трубку и покачалъ головой.

— Послушай, Джорджъ, сказалъ Боккетъ, держась пальцемъ за петлю куртка его: — ты человѣкъ нерлуный, и вообще можъно сказать, человѣкъ добродѣтельный: вотъ ты какой человѣкъ, а тебѣ окажу, и въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Не думай любезный мой, что я говорю съ тобой какъ съ какими нибудь простомъ филей, потому что я знаю, ты служилъ отечеству; и къ своей очереди знаешь, что когда долгъ повѣдѣваетъ, мы должны повиноваться; следовательно, ты не захочешь вътруждать должностнаго человѣка. Если я попрошу тебя помочь мнѣ, ты мнѣ поможешь, ужъ я знаю, что ты мнѣ поможешь. Эй ты! Филь Свондъ! что ты стѣну-то трешь! и дѣйствительно, въ эту минуту маленький человѣчекъ пробирался плечомъ около стѣны и бросалъ на шришельца взгляды, выражавшіе угрозу: — я знаю тебя, любезный, и большо не люблю твоей походки.

— Филь! воскричалъ мистеръ Джорджъ.

— Что прикажете, хованья?

— Остановись!

И маленький человѣкъ, сказавъ что-то сквозь зубы, остался неподвижнымъ.

— Леги и джентльмены, сказалъ мистеръ Боккетъ: — надѣюсь, вы извините, если поступки мои кажутся вамъ неприятными. Прежде всего вамъ надобно сказать, кто я такой: я агентъ собственной полиціи, Боккетъ, и имѣю приказаніе исполнить здѣсь нѣкоторую обязанность. Джорджъ, теперь я знаю, гдѣ вотъ человѣкъ, котораго ишу. Я видѣлъ его вчера.... вотъ сидитъ гдѣ окошечки, видѣлъ какъ и ты стоялъ подлѣ него. Вотъ онъ тамъ! сказалъ мистеръ Боккетъ, указывая въ отдаленный конецъ галлерей: вотъ онъ гдѣ.... онъ тамъ на софѣ. Я долженъ видѣть этого человѣка и объявить ему, что онъ подѣ арестомъ. Впрочемъ ты знаешь меня, а потому знаешь также, что я не прибѣгну къ насильственнымъ мѣрамъ. Дай мнѣ твое слово, какъ честный человѣкъ и старый солдатъ, и поговри мнѣ, какъ честному человѣку, что я сдѣлаю для тебя все, что отъ меня зависитъ.

— Я даю вамъ мое слово ; сказалъ мистеръ Джорджъ. — Но съ вашей стороны это нехорошо, мистеръ Боккетъ.

— Какой вадоръ , Джорджъ ! Вотъ еще выдумалъ , нехорошо ! сказалъ мистеръ Боккетъ, востунивая его по груди и вежнмаа ему руку. — Въдь я не говорю , что съ твоей стороны нехорошо было прятать его отъ меня. Полно старикъ ! Будь и ко мѣв сираваддливъ , старый Виллгельмъ Тель ! Вотъ , ледя и джентльмены , это настоящій образецъ британскаго солдата. Я готовъ дать ассигнацію въ пятьдесятъ фунтовъ , чтобъ быть похожимъ на него !

Когда дѣло приведено было къ такому заключенію , мистеръ Джорджъ , послѣ нѣкотораго колебанія , попросилъ позволенія по-видать прежде самому своего товарища (такъ онъ называлъ Гридди) и всталъ съ собой миссъ Флайтъ. Мистеръ Боккетъ изъяснилъ на это полное свое согласіе. Они отправились, оставивъ насъ у стола, покрытаго ружьями. Мистеръ Боккетъ, пользуясь случаемъ , вступилъ съ нами въ разговоръ ; онъ спрашивалъ меня, боюсь ли я ружей, какъ ихъ боятся вообще всѣ молодые барышни ; спрашивалъ Ричарда, хорошо ли онъ умѣетъ стрѣлять ; спрашивалъ Фила Сквуда , которое по его мнѣнію лучшее изъ ружей , и чего оно стоитъ ; выражалъ сожалѣніе свое , что иногда предается порывамъ гнѣва, хотя отъ природы онъ такъ кротокъ и милъ, какъ кроткая и милая дѣвица, и вообще былъ очень любезенъ.

Спустя нѣсколько времени онъ вошелъ вмѣстѣ съ нами въ отдаленный конецъ галлерей. Мы уже собирались уййти, когда мистеръ Джорджъ вышелъ къ намъ и объявилъ , что если мы согласимся взглянуть на его товарища , то сдѣлаемъ большую милость. Едва онъ произнесъ эти слова , какъ раздался звонокъ , и въ слѣдъ затѣмъ въ галлерей вошелъ мой опекунъ.

— Я пришелъ сюда , сказалъ онъ вполголоса : — затѣмъ , чтобы оказать хотя малѣйшую услугу бѣдному человѣку, испытывавшему одинаковое со мной несчастіе.

И мы вчетверомъ пошли назадъ , и вошли въ комнату, гдѣ находился Гридди.

Это была совершенно пустая комната, отдѣленная отъ галлерей простой, некрашеной перегородкой. Она скорѣе была похожа на дочатыя ширмы и мы видѣли изъ нея потолочныя балки галлерей, и потолочныя окна, сквозь которыя мистеръ Боккетъ подсматривалъ наивнѣтъ, что дѣлалось внизу. Солнце уже было почти на самомъ горизонтѣ, и розовые лучи его освѣщали вершины зданій, не врывая въ ихъ глубину. На грубой, обтннутой простой парусиной, софѣ лежалъ Шропшайрскій челобитчикъ, одѣтый точно такъ, какъ мы его видѣли въ послѣдній разъ, но онъ до такой степени из-

убиился, что съ перваго раза его блѣдное безжизненное лицо не пробуждало ни малѣйшаго сходства съ лицами, сохранившимися въ моемъ воспоминаніи.

И здѣсь, въ мѣстѣ своего скрытнаго убійства онъ продолжалъ заниматься бумагами и сѣтовать на свою горькую долю. Столъ и нѣсколько полокъ были покрыты письменными документами, изрѣзанными перьями и тому подобными предметами. Полоумная маленькая женщина сидѣла рядомъ съ нимъ и говорила. Грустныя и даже страшныя одинаковыя обстоятельства въ жизни сблизили ихъ другъ съ другомъ. Миссъ Флайтъ сидѣла на стулѣ, держала его за руку, и никто изъ насъ не смѣлъ приближаться къ нимъ.

Лицо Гридли потеряло свое прежнее выраженіе, его голосъ ослабѣлъ, его сила, его гнѣвъ исчезли въ немъ, и его востановившая борьба съ несправедливостью взяла наконецъ совершенный верхъ надъ нимъ. Это была слабая тѣнь человѣка въ полномъ цвѣтѣ его жизни, это былъ живой скелетъ Шрапшайрскаго челоуѣтчика, котораго мы не такъ давно видѣли и говорили съ нимъ.

Онъ слегка поклонился мнѣ и Ричарду и сказалъ моему опеуну.

— Мистеръ Джорджисъ, съ вашей стороны большое великодушіе посѣтить несчастнаго. Мнѣ кажется, я уже больше не жажду на этомъ свѣтѣ. Я съ удовольствіемъ беру вашу руку, сэръ. Вы благородный челоуѣкъ, вы умѣете твердо переносить всякую несправедливость, и Богъ видитъ, какъ я уважаю васъ!

Они крѣпко пожали руки другъ другу, и опеунъ мой сказалъ ему нѣсколько утѣшительныхъ словъ.

— Быть можетъ, вамъ покажется страннымъ, сэръ, сказалъ Гридли: — но признаюсь откровенно, я бы не хотѣлъ васъ видѣть, еслибъ это была первая наша встрѣча. Но вы знаете какъ я боролся за себя, вы знаете какъ я бился со всѣми ими одной рукой моей, вы знаете, что я до послѣдней минуты высказывалъ имъ истину, я высказалъ имъ, кто они такіе и что они сдѣлали со мной; поэтому, сэръ, вы имѣете теперь право смотрѣть на меня, на этотъ остовъ челоуѣческаго образа.

— Вы очень часто дѣйствовали смѣло противъ нихъ, сказалъ мой опеунъ.

— Ваша правда, сэръ, отвѣчалъ Гридли съ едва замѣтной улыбкой. Я вѣдь сказывалъ вамъ, что случилось бы со мной, еслибъ я дѣйствовалъ какъ нибудь иначе. Да вотъ напримѣръ, взгляните сюда! Взгляните на насъ, посмотрите на насъ!

И онъ притянулъ къ себѣ ближе миссъ Флайтъ.

— Вотъ чѣмъ все это доказывается. Изъ всѣхъ моихъ старикъ друзей, изъ всѣхъ моихъ прежнихъ желаній и надеждъ, изъ всего міра живыхъ и мертвыхъ существъ только одно это бывшее соединеніе понимало меня, и я самъ привязался къ ней душой. Настъ соединилась твердыя узы, сдѣланные страданіями многихъ лѣтъ, и Верховный Судъ только одніи эти узы не могъ разорвать.

— Примите мое благословеніе! сказала миссъ Флайтъ со слезами: — примите мое благословеніе!

— Я слѣпцомъ самоудвѣялъ думалъ, что мнѣ не сокрушить моего сердца, мистеръ Джорджъ. Я принялъ всѣ мѣры противъ этого. — Я полагаю, что поражу ихъ насмѣлкой и истиной, прежде чѣмъ физическія силы измѣнятъ мнѣ. Но я ошибся, я сталъ ослабѣвать. — Какъ долго длилось мое ослабленіе, я не знаю; знаю только, что окончательно изнемогъ я въ одинъ часъ. Надѣюсь однако, что они никогда не услышатъ объ этомъ. Надѣюсь, что каждый изъ присутствующихъ здѣсь не старается составить ихъ въ томъ убѣжденіи, что я; умирая; поражаю ихъ такъ же твердо, такъ же настойчиво, какъ и въ длинный рядъ годовъ моей жизни.

При этомъ мистеръ Боккетъ, сидѣвшій въ углу, подлѣ самой двери, весьма добродушно предложилъ такія утѣшенія, какими могъ располагать.

— Полно, полно! говорилъ онъ изъ угла: — къ чему говорить такія вещи, мистеръ Гридли. Вы не въ духѣ сегодня, вотъ и все тутъ. Мы всѣ бываемъ иногда не въ духѣ; Я самъ бываю. Успокойтесь, любезный другъ, успокойтесь! Вамъ еще не разъ, быть можетъ, придется выходить изъ себя съ каждымъ изъ нихъ; а мнѣ если посчастливится, такъ придется, можетъ быть, разъ двадцать взять васъ подъ арестъ.

Мистеръ Гридли только покачалъ головой.

— Къ чему качать такъ головою, сказалъ мистеръ Боккетъ. — Лучше кивните мнѣ въ знакъ согласія! вотъ чего и хочу отъ васъ. Э-эхъ, чего съ нами не случилось! Помните, сколько разъ я видалъ васъ въ тюрьмѣ за то, что въ Судѣ для васъ все было ни почемъ? Помните: сколько разъ приводили меня въ Судъ, собственно за чѣмъ, чтобъ посмотреть, что вы обсились какъ бульдогъ? Помните, когда при началѣ вашихъ нападеній на адвокатовъ, на васъ было не дай, по три жалобы въ неделю? Не помните, такъ спросите вотъ эту маленькую лизу: она все это знаетъ. Успокойтесь же, мистеръ Гридли, успокойтесь, сэръ!

— Что вы намѣрены съ нами дѣлать? спросилъ мистеръ Джорджъ въ полголоса.

«Пока еще и самъ не знаю», сказала Боккетъ тоже въполномъ
ласа и потомъ снова приступила къ своимъ утѣшительнымъ, но уже
громкимъ голосомъ. — Такъ вы, вѣроятно, мистеръ Гридли? А за-
чѣмъ же вы проводили меня въ теченіе всѣхъ этихъ недѣль; зачѣмъ
вы заставляли меня лазить по крышамъ, какъ какую нибудь кошку,
и придти сюда въ качествѣ доктора? Нѣтъ мистеръ Гридли, это не
похоже на изнеможеніе. По крайней мѣрѣ, я такъ думаю! Знаете ли,
что вамъ нужно теперь? Вамъ нужно возбужденіе... знаете, чтобы
приподнять васъ, поставить васъ на ноги... Вы привыкли къ нему,
и вамъ нельзя обойтись безъ него. Я самъ не могу жить безъ него.
Такъ думать долго нечего: вотъ видите ли, эту бумагу? Это пред-
писаніе взятъ васъ подъ арестъ! Предписаніе это получено мисте-
ромъ Толкинхорномъ, и разослано давнымъ давно въ провинціи.
Что вы скажете насчетъ того, если мы по этому предписанію; от-
правимся видѣть въ магистратъ? Я думаю это подѣйствуетъ на
васъ превосходно: это освѣжитъ васъ, придастъ вамъ силы еще
разъ побраниться съ адвокатами. Согласны ли? Удивительно пра-
во, что мнѣ приходится вынуждать согласіе отъ человѣка съ такой
энергіей; этого за вами не бывало прежде. Дай-ка руку, Джорджъ,
мистеру Гридли, и ты увидишь какимъ молодцомъ пойдетъ онъ со-
мною...»

— Онъ очень слабъ, сказалъ кавалеристъ тихимъ голосомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ Боккетъ заботливо. — То-то мнѣ и
хочется немножко подкрѣпить его. Мнѣ непріятно видѣть старика;
знакомаго въ такомъ уныніи. Прогуляться со мною не мѣшаетъ: это
ободритъ его. Пусть онъ облокотится на меня: сирова или слѣва,
какъ онъ захочетъ, для меня это все равно...»

Въ этотъ моментъ вся галерея огласилась пронзительнымъ кри-
комъ миссъ Флайтъ, который до сихъ поръ звенитъ въ моихъ
ушахъ.

«О, нѣтъ Гридли! вскричала она въ то время, какъ Гридли
тяжело и медленно склонился на диванъ. — Нѣтъ Гридли! ты не уй-
дешь безъ моего благословенія. Ты не уйдешь послѣ многихъ лѣтъ
нашей дружбы!...»

Солнце село, розовый свѣтъ исчезъ на крышѣ, и мѣсто его на-
чинала заступать ночная тѣнь. Но мнѣ казалось, что дѣвъ тѣни; одна
жилая, а другая мертвая, падали на отъездъ Ричарда въ мрачной са-
мой мрачной ночи. Въ прощальныхъ словахъ его мнѣ слышался от-
голосомъ словъ Гридли:

«Изъ всѣхъ моихъ старыхъ друзей, изъ всѣхъ моихъ прежнихъ
желаній и надеждъ, изъ всего міра живыхъ и мертвыхъ существъ

только одно это бѣдное созданіе. понимало меня, и я привязался къ ней душой. Намъ соединяють твердыя узы, скрѣпленныя страданіями многихъ лѣтъ, и Верховный Судъ только-однѣ эти узы не могъ разорвать.

ГЛАВА XXV.

МИСТЕРСЪ СНАГЗБИ ВСЕ ВИДИТЬ.

На Подворьѣ Кука, въ улицѣ Курситоръ неспокойно. Черныя подозрѣнія скрываются въ этихъ мирныхъ предѣлахъ города. Большая часть жителей на Подворьѣ Кука находится въ обыкновенномъ настроеніи духа, ни въ лучшемъ, ни въ худшемъ. Одинъ только мастеръ Снагзби измѣнился, и его ховлюшка знаетъ объ этой переизмѣнѣ.

Улица Олинокато Тома и Линкольнскихъ Поля, какъ пара неукротимыхъ скакуновъ, насильно запряглись въ возницу воображенія мистера Снагзби; мистеръ Боккетъ править этой возницей: Джо и мастеръ Толкинхорнъ ездятъ въ ней пассажирами, и мчитъ она во весь опоръ по неровной дорогѣ, проложенной около обязанностей поставщика канцелярскихъ принадлежностей, мчитъ, не зная отдыха. Даже въ маленькой кухнѣ, гдѣ все семейство собирается за мирную трапезу, возница эта съ трескомъ и шумомъ пролетаетъ сквозъ паръ, разстилающійся надъ обѣденнымъ столомъ, — и мистеръ Снагзби вдругъ останавливается, отрѣзая первый кусокъ баранины, зажаренный съ картофелемъ, и съ испугомъ смотритъ на кухонную стѣну.

Мистеръ Снагзби рѣшительно не знаетъ, что ему дѣлать съ этимъ. Онъ понимаетъ, что есть что-то и гдѣ-то неслишкомъ благовидное въ этомъ; но въ чейъ заключается зло, которое тревожитъ его, какія могутъ быть послѣдствія его, кому грозитъ оно, когда, откуда, чѣмъ, это составляетъ неразрѣшимую загадку его жизни. Его неясныя впечатлѣнія о магіяхъ и коронахъ, о звѣздахъ и ордевахъ, сверкающихъ изъ-подъ густыхъ слоевъ пыли, которыми покрыты комнаты мистера Толкинхорна, его почитаніе тайнъ, представителемъ которыхъ служить самый лучший и нравственный изъ его покупателей, на котораго всѣ присутствіемъ мѣста, весь перулокъ Чансри и весь кварталъ, населенный адвокатами, смотритъ съ благоговѣніемъ, его воспоминаніе о слѣдственномъ полицейскомъ агентѣ, мистерѣ Боккетѣ, съ его указательнымъ пальцомъ, съ его таинственнымъ и вѣстѣ съ тѣмъ обязательнымъ обхожденіемъ,

отъ втораго невозможно ни избѣгнуть, ни уклониться, — все это убѣждаетъ мистера Снагзби, что онъ сдѣлался участникомъ какой-то опасной тайны, не зная совершенно какой именно. Страшная особенность этого положенія дѣла такова, что въ каждомъ часу его обыденной жизни, при каждомъ открытіи дверей въ его лавку, при каждомъ звонкѣ колокольчика, при каждомъ входѣ покупателя или при отдачѣ нисѣма, эта тайна, какъ будто отъ прикосновенія къ воздуху или огню, можетъ воспламениться и взорваться на воздухѣ.... но кого? объ этомъ знаетъ одинъ только мистеръ Боккетъ.

По этой причинѣ, при каждомъ разѣ, когда входятъ въ его лавку незнакомый челоѣкъ (куда по большаго части входятъ люди незнакомые) и говорить: дома ли мистеръ Снагзби? или спросить что-нибудь въ этомъ невинномъ родѣ, сердце мистера Снагзби такъ и забьется въ его преступной груди. Онъ переноситъ такую страшную пытку въ душѣ своей отъ молодыхъ вопросовъ, что если ихъ дѣлають мальчишки, то онъ мститъ имъ, хлопая ладонями надъ ихъ ушами и браня ихъ за то, что они съ разу не могутъ высказать зачѣмъ пришли. Болѣе необходимые мужчины и мальчики врываются въ лавку во время сна мистера Снагзби и устрашаютъ его самыми неизяснимыми вопросами; такъ-что часто, когда пѣтухъ, въ маленькомъ итичникѣ на улицѣ Курситоръ, затянеть свою крикливую пѣсню по поводу наступающаго утра, мистеръ Снагзби чувствуетъ, что онъ находится въ припадкѣ кошмара, что его хозяйшка начинаетъ толкать его и говорить: «что это творится съ моимъ мужемъ?»

Хозяйшка мистера Снагзби еще болѣе увеличиваетъ его затруднительное положеніе. Сознаніе, что онъ постоянно тантъ отъ нея секретъ, что онъ скрываетъ отъ нея большой зубъ, который она готова вырвать каждую минуту, придаетъ мистеру Снагзби, въ присутствіи своей хозяйшки, видъ собаки, которая бьется своего хозяина и охотно смотритъ во всѣ стороны, только не ему въ глаза.

Эти разнообразныя знаки и признаки, подмѣченныя хозяйшкою; не лишены для нея весьма важнаго значенія. Они заставляютъ ее безпрестанно говорить, что «у Снагзби есть на умѣ что-нибудь недоброе!» И такимъ образомъ подозрѣніе водворяется на Подворья Кука, въ улицѣ Курситоръ. Отъ подозрѣнія къ ревности мистриссъ Снагзби находить такую простую и кратчайшую дорогу, какая существуетъ для перехода съ Подворья Кука въ переулокъ Чансри. Подозрѣніе, постоянно бродившее по этой дорогѣ, весьма дѣлательно и быстро развивається въ груди мистриссъ Снагзби и побуждаетъ ее дѣлать ночныя изслѣдованія кармановъ мистера Снагзби, тайно разсматривать письма мистера Снагзби, частнымъ образомъ загля-

дывать въ записномъ книжкѣ, въ ящикъ и желѣзный сундукъ, подслушивать въ окно, подслушивать за дверью и выводить изъ всего этого самыя смелыя заключенія.

Мистриссъ Снагзби находится въ такомъ странномъ настроеніи духа, что отъ скрипящаго пологъ и пеллеса падать въ домъ для нея кажется населеннымъ призраками. Приказщики начинаютъ думать, что на мѣстѣ, гдѣ выстроена домъ, совершенно было, во времена давно миновашія, какое-нибудь страшное убійство. Густеръ антаетъ въ душѣ своей нѣкоторыя слабыя атомы идеи (собранныя върогатно въ благотворительномъ заведеніи, гдѣ она выросла, и гдѣ они болѣе или менѣе прививаются къ бѣднымъ сиротамъ), что въ погребѣ дома мистера Снагзби зарытъ богатый кладъ, охраняемый старикомъ съ бѣлой бородой, который не сходитъ съ мѣста семь тысячъ лѣтъ.

— Кто былъ этотъ Нимродъ? безпрестанно спрашиваетъ себя мистеръ Снагзби. — Чѣмъ за созданіе эта ледя? И кто этотъ мальчишкѣ?

Нимродъ давно уже въ могилѣ, какъ и тотъ могучій охотникъ, имя котораго мистриссъ Снагзби передала адвокатскому писцу, а леди никто не знаетъ, ни гдѣ ея не отыщутъ, потому мистриссъ Снагзби, за отсутствіемъ этихъ двухъ лицъ, устремляетъ свой умственный взглядъ, съ удвоенною бдительностію, на мальчишка.

— Да кто же этотъ мальчишкѣ? спрашиваетъ себя мистриссъ Снагзби въ тысячу первый разъ. — А, а! позвольте!...

И при этомъ въ душѣ ея пробуждается вдохновеніе.

Это тотъ самый мальчишкѣ, который не питаетъ уваженія къ мистеру Чадбанду. Да не питаетъ, и нѣтъ сомнѣнія, что не будетъ шипать. Тѣмъ болѣе не оставятъ онъ питать его при такихъ смутныхъ обстоятельствахъ. Мистеръ Чадбандъ самъ приглашалъ его къ себѣ, назначилъ ему время; да, приглашалъ, мистриссъ Снагзби слышала это своими ушами! мистеръ Чадбандъ говорилъ нѣ кому обратиться, чтобы отъискать его; а онъ и не подумалъ придти! А почему онъ не подумалъ придти? Потому что ему было указано не приходиться. И въ было сказано не приходиться? Кѣмъ? Ха, ха, ха! О, мистриссъ Снагзби все видитъ!

Но къ счастью (и мистриссъ Снагзби ежесанно киваетъ головой и ежесанно улыбаются) мистеръ Чадбандъ встрѣтилъ вчера мальчишка на улицѣ, схватилъ его; какъ интересный субъектъ для поученія избраннаго общества, и прозвалъ отдать его въ полицію; если онъ не покажетъ достопочтенному джентльмену своего жилища и не дастъ обѣщанія явиться въ собраніе, назначенное на Подворья Кука завтра вечеромъ. Завтра же вечеромъ! повторяетъ мистриссъ Снагзби,

ды большой выразительности, и еще раз жеманно улыбается и жеманно кивает головой: Завтра вечером мальчикъ будетъ здѣсь; завтра вечеромъ мистриссъ Снагзби обратитъ вниманіе на него и еще кой на кого. «О, ты можешь скрывать свои тайны, сколько тебѣ угодно! — вослищаетъ мистриссъ Снагзби съ гордостію и презрѣніемъ — но отъ меня ты ничего не скроешь!»

Мистриссъ Снагзби не звонитъ въ бубны подъ ушами людей постороннихъ, она спокойно обдумываетъ свой планъ и тавтъ его въ душѣ. Наступаетъ завтра, начинаются вкудныя приговоренія къ производству масла, наступаетъ вечеръ. Въ гостиную входитъ мистеръ Снагзби въ черномъ сюртукѣ, приходятъ Чадбанды, являются для иочуенія (когда корабль совсѣщъ уже нагружился) прикащики и Густеръ, является наконецъ Джо съ понуренною головою, переваливаясь со стороны на сторону: въ грязной рукѣ своей онъ держитъ мѣховую шапку, которую щиплетъ, какъ нашивую птицу, и потрошитъ ее; какъ будто намѣренъ ѣсть ее сырую, — Джо, тотъ самый интересный закрубѣлый субъектъ, котораго мистеръ Чадбандъ намѣренъ прощѣщать.

Мистриссъ Снагзби бросаетъ внимательный взглядъ на Джо, въ то время, какъ Густеръ вводитъ его въ гостиную. Джо смотритъ на мистера Снагзби въ моментъ своего прихода. А-а! Зачѣмъ онъ смотритъ на мистера Снагзби? Мистеръ Снагзби смотритъ на Джо. Зачѣмъ это? О, мистриссъ Снагзби все видитъ, все! Зачѣмъ они пересматриваются, зачѣмъ мистеръ Снагзби смущенъ и въ видѣ какого-то предостереженія кашляетъ въ кулакъ? Мистриссъ Снагзби все видитъ! для нея теперь ясно какъ кристаллъ, что мистеръ Снагзби незаконный отецъ этого мальчика.

— Спокойствіе, мои друзья, говоритъ Чадбандъ, вставая и отирая маслянистый потъ съ своего почтеннаго лица. — Миръ и спокойствіе съ нами! Почему же, друзья мои, миръ съ нами? Потому, сказалъ онъ: — что онъ не можетъ быть противъ насъ, потому что онъ долженъ быть за насъ, потому что онъ не окаменяетъ нашихъ сердець; но смягчаетъ ихъ, потому что онъ не налетаетъ на насъ враждебно, какъ ястребъ, но опускается тихо, какъ голубица! Поэтому, друзья мои, да будетъ миръ съ нами! Любезный юноша, выступи вперед!

Протянувъ свою руку, мистеръ Чадбандъ кладетъ ее на руку Джо и размышляетъ, куда бы его поставить. Джо, сильно сомнѣваясь въ намѣреніяхъ своего достопочтеннаго друга, неясно полагаетъ, что надъ нимъ хотятъ произвести какія-то мучительныя обыты, бормочетъ: — оставте меня. Я ничего вамъ не сдѣлалъ: оставте меня.

— Нѣтъ, мой юный другъ, говоритъ Чадбандъ плавающимъ голосомъ. — Я не оставляю тебя. Почему я не оставляю тебя? Потому что я усердный собиратель жатвы, потому что я труженникъ, потому что ты переданъ мнѣ въ мое распоряженіе, и ты дѣлаешься въ рукахъ моихъ драгоценнымъ орудіемъ. Друзья мои, могу ли я употребить это орудіе въ вашу пользу, къ вашимъ выгодамъ, къ вашему благосостоянію, къ вашему обогащенію? Юный другъ мой, садись на этотъ стулъ!

Джо, по видимому, полагаетъ, что достопочтенный джентльменъ намѣренъ выстричь ему волосы, защищаетъ свою голову обѣими руками и приводится въ требуемое положеніе съ величайшимъ трудомъ; при этомъ случаѣ на лицахъ присутствующихъ выражается къ нему величайшее отвращеніе.

Наконецъ, когда его усадили въ видѣ монкена, мистеръ Чадбандъ удаляется за столъ, поднимаетъ свою медвѣжью лапу и говоритъ: «Друзья мои!» Это служитъ сигналомъ къ приведенію въ порядокъ всей аудиторіи. Прикащики внутренно хохочутъ и подталкиваютъ другъ друга. Густеръ впадаетъ въ какое-то несопредѣленное состояніе, выражавшее высочайшее удивленіе къ мистеру Чадбанду и сожалѣніе къ несчастному Джо, положеніе котораго она вполне понимаетъ. Мистриссъ Свагэби молча подводитъ мины. Мистриссъ Чадбандъ угрюмо располагается подлѣ каминна и грѣетъ себѣ колѣни: она сознаетъ, что ощущеніе тепла дѣйствуетъ благотворно на краснорѣчіе ея супруга.

Случается, что мистеръ Чадбандъ употребляетъ ораторскую привычку останавливать свой взоръ на которомъ нибудь изъ членовъ собранія и жарко сосредоточивать на немъ свои ораторскіе доводы. Въ этомъ случаѣ предполагается, что доводы будутъ приняты избраннымъ слушателемъ вздохами, рыданіями, аханьемъ и другими довольно внятными выраженіями внутренняго волненія; эти выраженія подхватываются какой нибудь почтенной леди въ ближайшихъ рядахъ стульевъ, передаются другимъ болѣе воспримчивымъ лицамъ, какъ молнія, и служатъ сигналомъ къ всеобщему началу рукоплесканій. Въ эту критическую минуту мистеръ Чадбандъ бываетъ окруженъ клубами густого пара. Въ силу такой привычки, мистеръ Чадбандъ, сказавъ: «друзья мои!» устремляетъ свой взоръ на мистера Свагэби и обращаетъ несчастнаго поставщика канцелярскихъ принадлежностей, и безъ того уже значительно смущеннаго, въ непосредственнаго проводника своей ораторской рѣчи къ прочимъ слушателямъ.

— Между нами, друзья мои, находится язычникъ, говоритъ Чадбандъ: — язычникъ, обитатель жалкихъ лачугъ въ улицѣ Одино-

каго Тома , бродяга по поверхности нашей планеты. Между нами, друзья мои... и мистеръ Чадбандъ, вытянувъ указательный палецъ, окаймленный грязнымъ ногтемъ, направляетъ его вмѣстѣ съ жгучей улыбкой на мистера Снагзби , въ знакъ того, что краснорѣчивыми доводами своими онъ намѣренъ совершенно низпровергнуть его : — между нами, друзья мои, находится братъ по человѣчеству и мальчикъ. Братъ и мальчикъ , лишенный родителей и родныхъ, безъ стада и пастбищъ, скиталецъ міра сего, лишенный золота и серебра и драгоценныхъ камней. Теперь , друзья мои, почему онъ лишень этихъ обладаній ? Скажите почему ? Почему онъ лишень ?

Мистеръ Чадбандъ предлагаетъ этотъ вопросъ мистеру Снагзби, какъ какую нибудь шараду въ совершенно новомъ родѣ, величественную остроумія и своихъ достоинствъ, и взглядомъ умоляетъ разрѣшить ее.

Мистеръ Снагзби, поставленный въ крайнее замѣшательство таинственнымъ взоромъ, устремленнымъ на него въ этотъ же самый моментъ со стороны своей хозяйки, съ тѣхъ поръ какъ мистеръ Чадбандъ произнесъ слово «родители», рѣшается сдѣлать слѣдующій весьма скромный отвѣтъ.

— Не знаю, сэръ ; право не знаю.

При такомъ прерваніи потоковъ краснорѣчія мистера Чадбанда, мистриссъ Чадбандъ строго взираетъ на него, а мистриссъ Снагзби восклицаетъ : «Стыдитесь, сэръ !»

— Я слышу голосъ, говоритъ Чадбандъ : — не правда ли, друзья мои, что это очень слабый голосъ ? Я слышу, что этотъ голосъ....

(— Ахъ, Боже мой ! восклицаетъ мистриссъ Снагзби :—что онъ надѣлалъ !)

— Этотъ голосъ отвѣчаетъ на вопросъ мой отрицательно. Въ такомъ случаѣ я самъ скажу вамъ почему. Я говорю, что этотъ мальчикъ, который участвуетъ въ нашемъ собраніи, лишенный родителей и родныхъ, лишенный стада и пастбищъ, скиталецъ міра, лишенный золота, серебра и драгоценныхъ камней, потому что онъ лишень того свѣта, который озаряетъ нѣкоторыхъ изъ насъ. Какой же это свѣтъ ? Что онъ такое ? Я спрашиваю васъ, какой это свѣтъ ?

Мистеръ Чадбандъ откидываетъ назадъ голову и замолкаетъ, но мистеръ Снагзби видитъ въ этой предѣлкѣ другую западню и бьется еще разъ попытаться въ нее. Мистеръ Чадбандъ оклохнется надъ столомъ и, приступая снова къ предмету своего краснорѣчія, пренебрежительно устремляетъ свой палецъ на мистера Снагзби и говорить :

— Это лучъ отъ лучей, солнце отъ солнца, луна отъ лунъ, звезда отъ звездъ.

Мистеръ Чадбандъ выпрямляется и торжественно смотритъ на мистера Снагзби, какъ будто ему приятно было бы узнать, какъ чувствуетъ себя мистеръ Снагзби послѣ такихъ убѣдительныхъ словъ.

— Да, говоритъ мистеръ Чадбандъ, снова устремляя палецъ на выбранную жертву. — Не говорите мнѣ, что это не правда. Я говорю вамъ, что правда, я повторю вамъ миллионъ разъ, что это правда. Правда, правда! Я всегда стану утверждать, что это правда, несмотря что нравится ли вамъ это, или нѣтъ, и чѣмъ меньше вамъ нравится это, тѣмъ сильнѣе я буду утверждать. Я буду кричать вамъ въ рупоръ! Увѣряю васъ, если вы станете противорѣчить мнѣ, вы падете ницъ передо мной, вы треснете, вы разобьетесь, вы раздробитесь на мелкіе куски.

Дѣйствіе и сила этого потока краснорѣчія такова, что онъ не только производитъ всеобщій восторгъ въ послѣдователяхъ мистера Чадбанда, не только производитъ приятную теплоту во всей его организации, но служитъ еще и къ тому, чтобы выставить невинность мистера Снагзби, какъ законнаго врага добродѣтели, съ мѣдьюмъ лбомъ и каменнымъ сердцемъ и привести несчастнаго поставщика канцелярскихъ принадлежностей еще въ большее замѣшательство. Мистеръ Снагзби совершенно упадетъ духомъ, чувствуетъ себя въ ложномъ положеніи; какъ вдругъ мистеръ Чадбандъ окончательно поражаетъ его.

— Друзья мои, снова начинаетъ онъ послѣ многократнаго отиранія своей головы, до такой степени разгоряченной, что вотъ такъ кажется и загорится носовой его платокъ, отъ котораго отдѣляются клубы пара при каждомъ отираньи: — друзья мои, чтобы привести къ сознанію субъектъ, который мы по мѣрѣ силъ своихъ и способностей стараемся просвѣтити, да позволено намъ будетъ, въ духѣ любви и спокойствія, спросить, что значитъ правда, на которую я съмался за нѣсколько минутъ передъ этимъ. Потому что, юные друзья мои (обращаясь къ прикащикамъ и Густеръ, къ крайнему ихъ изумленію), если бы докторъ сказалъ мнѣ, что каломель и касторовое масло полезны для меня, я вѣднѣ естественно спросилъ бы его, что такое каломель, и что такое касторовое масло? Кажется, мнѣ можно освѣдомиться прежде, чѣмъ я рѣшусь принять одно изъ этихъ двухъ средствъ, или то и другое вѣснѣ. Итакъ, мои друзья, въ чемъ состоитъ настоящее дѣло? Прежде всего мы спросимъ васъ, въ духѣ любви къ ближнему, что такое обыкновен-

дней роки правды — рабочею: и это платье, обиденная ли это наша одежда, мои юные друзья? Обмаришь что ли? ..

(— Ах! — произносит мистриссъ Снагзби)

— Утайка что ли? ..

(Мистриссъ Снагзби отрицательно содрогается.)

— Скрытность, что ли? ..

(Мистриссъ Снагзби продолжительно и жеманно кивает головой.)

— Нѣтъ, друзья мои, это совсемъ не то! Ни одно изъ этихъ названій не принадлежитъ къ ней! Когда этотъ юный язычникъ... теперь онъ спитъ, мой друзья; печать равнодушія ко всякому просвѣщенію, печать погибели ясно обнаруживается на его рѣсницахъ, но не будите его, ибо, по всей справедливости, я долженъ бороться, сражаться и убѣждать для его же пользы... когда этотъ закоренѣлый язычникъ рассказывалъ имъ какую-то чепуху о леди и совершеніи, была ли это истина? Нѣтъ, не была. А если это и была отчасти истина, то можно ли ее назвать полною, совершенной истиною? Нѣтъ, мои друзья, нельзя!

Еслибы мистеръ Снагзби могъ противостоять взору своей хозяйки, который входитъ чрезъ его глаза — чрезъ эти открытыя окна — въ его душу и разыскиваетъ тамъ самыя сокровенныя тайны, онъ былъ бы совсемъ другимъ человекомъ. Теперь сидитъ онъ понура голову и согнувшись, какъ будто подъ какой нибудь тяжестью.

— Или, мои юные друзья, говоритъ Чадбанъ, нисходя до самаго уровня ихъ пониманій и въ то же время доказывая имъ своей жирной кроткой улыбкой, что онъ долго спускался внизъ для этой цѣли: — еслибы хозяинъ этого дома пошелъ бы въ Сити и увидѣлъ бы тамъ угря и потомъ, возвратясь домой, позвалъ бы къ себѣ хозяйку этого дома и сказалъ бы ей: Сара, радуйся со мною, я видѣлъ слона! была ли бы это правда?

Мистриссъ Снагзби въ слезахъ.

— Или, подожми, мои юные друзья, что онъ увидѣлъ бы слона и, возвратясь домой, сказалъ бы: Сара, горю совершенно опустѣлъ, я видѣлъ одного только угря! была ли бы это правда?

Мистриссъ Снагзби громко рыдаетъ.

— Или, мои юные друзья, говоритъ Чадбанъ, поощряемый рыданіями мистриссъ Снагзби: — что жестоководью ррнтееи этого сванаге лемциии. — нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ имѣлъ родителей — бросивъ его волкамъ, коршунамъ, дикимъ собакамъ, газелямъ и зѣбамъ, возвратился бы въ свой жилища и

стали бы наслаждаться трубами и кострюлами, музыкой и танцами, винами, говядиной и дичью, была ли бы это истина?

Мистриссъ Снагзби отвѣчаетъ на это припадкомъ истерички; не то, чтобы однимъ припадкомъ, но продолжительнымъ и раздрающимъ сердце крикомъ, такъ-что все Подворье Кука оглашается ея визгами. Наконецъ, когда она сбѣлалась совершенно безъ чувствъ, ее несутъ наверхъ по узкой лѣстницѣ, какъ огромное фортепьяно. Послѣ невыразимыхъ страданій, содрогавшася сердца окружающихъ, она посылаетъ изъ своей спальни увѣщаніе, что совершенно поправилась, хотя и чувствуетъ сильное расслабленіе. Въ такомъ положеніи дѣлъ, мистеръ Снагзби, измятый и скомканный при переноскѣ фортепьянъ, чрезвычайно слабый и напуганный, осмѣливается тихохонько войти въ гостиную.

Во все это время Джо стоялъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ проснулся; онъ по прежнему щиплетъ свою мѣховую шапку, клочки волосъ кладетъ себѣ въ ротъ и выплювываетъ ихъ съ отращеніемъ. Онъ чувствуетъ, что ему суждено оставаться неисправимымъ созданіемъ, и что тщетно стараются пробудить въ немъ сознаніе своего достоинства, потому что онъ ничего не знаетъ. Хотя быть можетъ, Джо, существуетъ книга столь интересная, трогательная и доступная для твоихъ понятій, которая ничѣмъ не отличается отъ инстинкта животныхъ, книга такъ вѣрно описывающая о дѣяніяхъ обыкновенныхъ людей, что если бы Чадбанды раскрыли ее передъ тобой, просто, не прибѣгая къ своему краснорѣчію, быть можетъ ты проснулся бы тогда, быть можетъ ты почерпнулъ бы изъ нея что-нибудь!

Джо никогда не слышалъ о такой книгѣ. Для него ея содержаніе и достопоченный Чадбандъ одно и то же; онъ знаетъ лично достопочтеннаго Чадбанду и готовъ скорѣе бѣжать отъ него цѣлый часъ, нежели слушать его пустословіе въ теченіе пяти минутъ.

— Мнѣ нечего здѣсь больше ждать, думаетъ Джо. — Мистеръ Снагзби ничего не скажетъ мнѣ сегодня и, покачиваясь со стороны на сторону, онъ спускается внизъ.

Но внизу стоитъ сострадательная Густеръ; она держится за перила лѣстницы, ведущей въ кухню, превозмогая приближающійся обморокъ, къ которому она подготовлена воплями мистриссъ Снагзби. Она предлагаетъ Джо кусокъ хлѣба и сыру — это ея собственнѣйшій ужинъ; она рѣшается въ первый разъ въ жизни перемолвить съ нимъ слово.

— Вотъ тебѣ, бѣдный мальчикъ, закуси немножко, говоритъ Густеръ.

— Спасибо, говоритъ Джо.

— Ты голоденъ?

— Порядочно.

— Куда же ушелъ твой отецъ и мать.

Джо останавливается при самомъ началѣ дѣйствія зубами надъ кускомъ хлѣба и кажется окаменѣлымъ. Добрая Густеръ глядела его, а это былъ первый разъ въ его жизни, что къ нему такъ ласково и вѣжно прикасается чужая рука.

— Я ничего не знаю о нихъ, отвѣчаетъ Джо.

— И я тоже ничего не знаю о своихъ, говоритъ Густеръ со слезами. — Она снова старается подавить признаки приближающагося обморока, какъ вдругъ ее внезапно устрашаетъ что-то, и она исчезаетъ внизъ лѣстницы.

— Джо, шепчетъ тихо поставщикъ канделярскихъ принадлежностей въ то время, какъ Джо стоитъ еще на лѣстницѣ.

— Я здѣсь, мистеръ Свагзби.

— Я думалъ, что ты ушелъ; вотъ тебѣ еще полкроны, Джо. Ты хорошо сдѣлалъ, что не сказалъ ни слова насчетъ той леди, которую мы видѣли недавно. Это бы надѣлало тебѣ хлопотъ; а ты и безъ того уже, я думаю, нануганъ, Джо.

— Я убѣгу отсюда.

— Итакъ, спокойной ночи.

Таинственная тѣнь, въ ночномъ чепцѣ, слѣдитъ за поставщикомъ канделярскихъ принадлежностей отъ комнаты, изъ которой онъ вышелъ, и провожаетъ его наверхъ. Съ этой минуты, куда бы онъ ни пошелъ, за нимъ всегда слѣдуетъ другая тѣнь, кромѣ его собственной, но она не такъ правильно падаетъ отъ него, не такъ спокойна какъ его тѣнь. И какой бы тайной не окружила себя тѣнь мистера Свагзби въ эту тайну проникаетъ и другая тѣнь! Мистриссъ Свагзби видитъ все! ея-то тѣнь и слѣдитъ за мистеромъ Свагзби.

ГЛАВА XXVI.

СТРАЖКИ.

Зимнее утро мрачно и угромо смотреть на сосѣднія улицы Дейстерскаго сквера и видать, что жители ихъ неохотно покидаютъ свои постели. Многие изъ нихъ не привыкли вставать рано даже въ самые всныя и теплыя времена года: это ночныя птицы; они спятъ и дремлютъ на своихъ насѣтахъ, когда солнышко всасомо; безрествуютъ и гоняются за добычей, когда на небѣ мерцаютъ

звѣзды. За грязными сторами и занавѣсами, въ верхнихъ этажахъ и въ чердакахъ, скрываясь болѣе или менѣе подъ ложными именами, ложными волосами, ложными титулами, ложными бриллиантами и ложными расказами, покоятся первымъ сномъ шайка цеголововъ. Дженгльмены, которые могли бы, по личному опыту, рассказать всѣ подробности объ иностранныхъ галереяхъ и отечественныхъ мельницахъ, приводимыхъ въ дѣйствіе чароувѣскими чароумами; лазутчики, которые постоянно находятся въ страхѣ; мошенники, игроки; шуллеры, плауны и лжевидѣтели; и въ некоторые не безъ клеймъ каменнымъ желѣзомъ, подъ ихъ грязными ломотьями; всѣ съ болѣею жестокостію въ нихъ чѣмъ въ Неронѣ и съ болѣеими преступленіями, чѣмъ въ Ньюгетской тюрьмѣ. Какъ бы ни были страшенъ демонъ въ бумагойной блузѣ или истасканнымъ фракѣ, страшенъ онъ въ томъ и другомъ; но онъ еще страшнѣе, нечувствительнѣе, неумолимѣе, когда зашипитъ шейный платокъ своею бриллиантовой булавкой, когда называетъ себя дженгльмономъ, сидеть за картучный столъ, ставеть играть на бильярдѣ, знаетъ кое-что о векселяхъ и другихъ письменныхъ обязательствахъ, — тогда онъ въ тысячу разъ страшнѣе, чѣмъ во всякой другой формѣ. Но и въ такой формѣ мистеръ Боккетъ отыщеть его, если захочеть, стоить ему только заглянуть во всѣ закоулки, окружающія Лейстерскій скверъ.

Но зимнее утро не нуждается въ немъ и не будить его. Оно будить мистера Джорджа, въ галереѣ для стрельбы въ цѣль, и преданнаго ему епѣдвинщика. Они встають, свертываютъ свои матрацы и убирають ихъ. Мистеръ Джорджъ, выбривъ свою бороду передъ зеркальцомъ миниатюрныхъ развѣтровъ, выходитъ, съ открытой головою и обващенной грудью, къ помпѣ на маленькомъ дворѣ и тотчасъ возвращается съ бѣстязимъ лицомъ отъ желтаго мыла, усиленнаго тренія, искусственнаго дожда и чрезвычайно холодной воды. Въ то время, какъ онъ утирается огромнымъ полотенцомъ и пыхтитъ какъ родъ военного водолаза, который только что вынырнулъ изъ воды, и чѣмъ болѣе трется, тѣмъ плотнѣе и плотнѣе становятся его кудрявые волосы на загорѣлыхъ вискахъ, такъ-что, по видимому, ихъ невозможно расчесать никакимъ инструментомъ, кромѣ какъ желѣзными граблями или скребницей, въ то время, какъ онъ утирается, пыхтитъ, отдаваясь и поларуется, поворачивая голову съ одной стороны на другую, чтобъ удобнѣе осушить кожу, и наклоняетъ всѣмъ тѣломъ впередъ, чтобъ капли воды не падали на его величественныя ноги; Филъ, стоя на колѣняхъ, расдуваетъ огонь, озирается кругомъ, какъ будто вѣдетъ того, чтобъ идти умирать, ему стоить только взглянуть, что дѣлаетъ

его хозяинъ и тогда онъ запасается достаточнымъ освѣженіемъ на цѣлый день отъ избыточнаго здоровья, которое сбрасываетъ съ себя мистеръ Джорджъ.

Вытершись до суха, мистеръ Джорджъ начинаетъ чесать свою голову двумя жесткими щетками и дѣйствуетъ съ такимъ немилосердіемъ, что Филь, потирая плечомъ стѣны, въ то время, какъ мететъ галлерсю, смотритъ на эту операцію съ состраданіемъ. Съ окончаніемъ прически быстро оканчивается и орнаментальная часть туалета мистера Джорджа. Онъ набиваетъ себѣ трубку, закуриваетъ ее и, по принятому обыкновению, начинаетъ ходить взадъ и впередъ по галлерей, между тѣмъ, какъ Филь, наполняя воздухъ запахомъ горячихъ тостовъ, приготовляетъ завтракъ. Мистеръ Джорджъ куритъ серьёзно и тихимъ шагомъ маршируетъ по своей галлерей. Быть можетъ утрення трубка табаку посвящена имъ памяти покойнаго товарища Гридли.

— Итакъ, Филь, говоритъ Джорджъ, хозяинъ галлерей для стрѣльбы въ цѣль и проч. : — сегодня тебѣ снилась деревня ?

Филь, дѣйствительно, вставая съ постели, рассказывалъ ему свой сонъ.

— Точно такъ, хозяинъ.

— На что же похожа эта деревня ?

— Не умѣю вамъ сказать, хозяинъ, на что она похожа, отвѣчаетъ Филь, съ задумчивымъ видомъ.

— Да почему же ты знаешь, что это была деревня ?

— Я думаю, что по травѣ, да еще по лебедямъ, которые были на травѣ, говорятъ Филь, послѣ нѣкотораго размышленія.

— Что же лебеди дѣлали на травѣ ?

— Да что ? я полагаю, щипали и ѣли ее, отвѣчаетъ Филь.

Хозяинъ принимается снова ходить по галлерей, а Филь продолжаетъ заниматься приготовленіемъ завтрака. Длинныхъ приготовленій для завтрака не требуется; они весьма просты: нужно только поставить на столъ два прибора и разогрѣть передъ огнемъ на ржавой рѣшеткѣ нѣсколько кусочковъ провѣсной ветчины; но такъ какъ Филь долженъ пройти и обтерѣть своимъ плечомъ значительную часть галлерей, отправляясь за каждымъ предметомъ, въ которомъ нуждается, и никогда не захватывая за разъ двухъ предметовъ, то при такихъ обстоятельствахъ приготовленія занимаютъ весьма значительный промежутокъ времени. Наконецъ завтракъ готовъ. Филь докладываетъ объ этомъ; мистеръ Джорджъ выколачиваетъ трубку о заслонку, ставитъ ее въ уголокъ подлѣ каминна и садится за столъ. Когда Джорджъ удовлетворилъ первыя требованія аппетита, Филь слѣдуетъ его примѣру: онъ садится у

проживодежиаго конца продолговатаго стола и беретъ тарелку иъ себѣ на краѣви. Дѣлаетъ ли это онъ дѣлъ покорности или дѣлъ желанія скрыть свои грязныя руки или собственно изъ одной мальчишки — мы не знаемъ.

— Гм! деревни! говоритъ мистера Джорджъ, дивля ножомъ своимъ и вилкой: — я думаю, Филь, ты никогда не видывалъ деревни?

— Я видѣлъ однажды болота, говоритъ Филь, продолжая разтракать съ самодовольнымъ видомъ.

— Какія болота?

— Такія командиръ, какъ и всѣ болота, отвѣчаетъ Филь.

— Гдѣ же ты ихъ видѣлъ?

— Я и самъ не знаю, говоритъ Филь: — но я видѣлъ ихъ. Плоскія такія и туманныя.

Хозяинъ и командиръ — это два слова, которыя Филь съ одинаковымъ уваженіемъ и одинакою преданностью употребляетъ, обращаясь къ одному только мистеру Джорджу.

— Я самъ родился въ деревнѣ, Филь.

— Въ самомъ дѣлѣ, командиръ?

— Да; и выросъ тамъ.

Филь приподнимаетъ одну бровь, и почтительно взглянувъ на мистера Джорджа, чтобъ выразить свое участіе, и не отпуская глазъ съ него, пропускаетъ въ горло огромный глотокъ кофею.

— Тамъ нѣтъ ни одной стѣнки, которой бы голосъ я не зналъ, говоритъ мистеръ Джорджъ. — Нѣтъ ни листка, ни дерева, которыхъ бы я и не умѣлъ назвать. Нѣтъ ни одного дерева, на которое бы я и теперь не могъ влѣзть, разумѣется, когда мѣся подсажать. Добрая мазушка моя жила въ деревнѣ.

— Должно быть она была у васъ славная старушка, замѣчаетъ Филь.

— Лѣтъ тридцать-пять тому назадъ она не была еще старушкой, говоритъ мистеръ Джорджъ. — Но я покуда держалъ пари, что и въ девяносто лѣтъ она была бы такъ же стройная и такъ же широка въ плечахъ, какъ я.

— А развѣ она умерла на девятомъ десятѣ? спрашиваетъ Филь.

— О, нѣтъ. Оставимъ это! Знаешь ли, что меня доставило известіе рѣчь о деревенскихъ мальчишкахъ, обѣ стѣны моего дома слухахъ? Это ты, любезный мой! Я знаю, что ты никогда не видывалъ деревни; ты видѣлъ болота, видѣлъ широкия и деревни, да только во снѣ. Не правда ли?

Филь мотаетъ головой.

— А коняшъ ли ты видѣлъ деревню?

— Ч-и-н-и-т-ь; особеннаго желанія не имѣю, говоритъ Филь.

— Тебѣ, я думаю, хорошо и въ городѣ?

— Дѣло въ томъ, командиръ, говоритъ Филь: — я привыкъ здѣсь и полагаю, что уже слишкомъ старъ для развлеченій.

— А сколько тебѣ дѣтъ, Филь? спрашиваетъ кавалеристъ, поднося къ губамъ дымящееся блюдечко.

— Право не знаю; знаю только, что съ чѣмъ-то восемь, говоритъ Филь. — Не можетъ быть, чтобъ это было восемьдесятъ, да и не восемнадцать, а такъ, что-то между этимъ.

Мистеръ Джорджъ медленно опускаетъ блюдечко, не прихлебнувъ изъ него, и начинаетъ, смѣясь:

— Кой чортъ, Филь, какже узнать....

И вдругъ останавливается, замѣтивъ, что Филь производитъ вычисленіе по грязнымъ своимъ пальцамъ.

— Мнѣ было ровно восемь, говоритъ Джорджъ: — когда я встрѣтился съ странствующимъ мѣдникомъ. Не помню, меня за чѣмъ-то послали изъ дому, а я и увидалъ этого мѣдника, сидитъ себѣ преспокойно подлѣ огонька у стараго строения. «Хочешь — говоритъ онъ — шататься со мной?» — «Хочу», говорю я. Вотъ мы и отправились вмѣстѣ, онъ, я да огонь, въ Клеркенвелль. Это было перваго апрѣля. Я могъ тогда считать до десяти. Вотъ наступило въ другой разъ первое апрѣля, я и говорю себѣ: тебѣ теперь, старый негодяй, одинъ съ восемью. Послѣ того опять пришло первое апрѣля, и я опять говорю себѣ: тебѣ теперь два съ восемью. Такимъ образомъ я дошелъ до десяти съ восемью и до двухъ десятковъ съ восемью, а ужъ потомъ и сбился со счету; знаю только, что мнѣ всегда было сколько-то съ восемью.

— Вотъ оно что! говоритъ мистеръ Джорджъ, принявшись за завтракъ. — А гдѣ же странствующій мѣдникъ?

— Цѣлство посадило его въ госпиталь, хозяинъ; а госпиталь посадилъ его подъ стеклянный колпакъ, такъ мнѣ говорили, отвѣчаетъ Филь таинственно.

— Значитъ черезъ это ты повисидся? Взядся за его ремесло?

— Да, командиръ, взялся. Только не слишкомъ оно прибыльно. Около Саффонъ Гилля, Хаттонскаго Сада, Клеркенвеля, Смитфелда, жидетъ бѣдный народъ: держать котлы свои до тѣхъ поръ, пока и чинить нечего. Бывало къ нему приходили другіе мѣдники, чтобы жить въ нашемъ мѣстѣ и занимали у него квартиру: вотъ въ этомъ-то и состояли его доходы; но ко мнѣ они не приходили. Они не подлюбили меня. Онъ умѣлъ бывало пѣть для денегъ и пѣсни, а я не умѣлъ. Онъ умѣлъ выискивать разные штуки на какомъ уголку годикѣ, на мѣдномъ да или на желѣзномъ, а я только и умѣлъ лу-

дети ихъ да паять : не далась мнѣ эта музыка, хозяинъ. Да и къ тому же я былъ слишкомъ некрасивъ собой и жены ихъ то и дѣло , что жаловались на меня своимъ мужьямъ.

— Вѣрно они были больно разборчивы. Въ толпѣ; Филь, ты бы такъ себя.... туда и сюда, говорить кавалеристъ съ пріятной улыбкой.

— Нѣтъ, хозяинъ; отвѣчаетъ Филь, мотая головой : — я бы и въ толпѣ немного выигралъ. Когда я встрѣтился съ мѣдникомъ, такъ былъ еще сносенъ , хотя и тогда не чѣмъ было похвастаться. Но послѣ того мнѣ пришлось и раздувать огонь губами , и контить лицо передъ огнемъ , и палить свои волосы , и глотать дымъ ; это все еще не бѣда : я былъ тогда молодъ. А вотъ какъ выросъ по старше, да нѣсколько разъ обварилъ себя оловомъ , да сталъ получать колотушки отъ мѣдника , когда онъ былъ пьянъ , а это случилось почти каждый день, ну такъ ужъ тогда куда какъ не красиво, больно не красиво я сдѣлался. Потому я прожилъ лѣтъ двѣнадцать въ темной кузницѣ, гдѣ народъ былъ негодяй на негодяѣ , и въ добавокъ опалило въ газовомъ заведеніи , да спасибо еще , что при взрывѣ выбросило изъ окна на мостовую , а то бы сгорѣлъ, какъ курица. Я думаю отъ этого не похорошѣешь. Я такъ безобразенъ, такъ безобразенъ, что меня можно показывать какъ диковинку !

Обрекая себя такому положенію съ полнымъ самодовольствіемъ, Филь проситъ позволенія выпить еще чашку кофею.

— Вотъ послѣ этого-то взрыва , хозяинъ , я и встрѣтился съ вами въ первый разъ. Помните, командиръ ? говоритъ Филь , приступая къ другой чашкѣ кофею.

— Помню, Филь. Ты еще шелъ по солнечной сторонѣ.

— Я ползъ, командиръ, а не шелъ; ползъ около стѣнъ.

— Правда, Филь, ты плечомъ прокладывалъ на нихъ свой путь.

— Да еще какъ ! въ колпакѣ ! воскликнулъ Филь, приходя въ восторгъ.

— Да, въ колпакѣ....

— И на костыляхъ ! продолжаетъ Филь съ большимъ одушевленіемъ.

— На костыляхъ. И когда....

— И когда вы остановились противъ меня , восклицаетъ Филь, поставивъ чашку и блюдечко на столъ и торопливо снявъ съ колѣнъ тарелку : — остановились да и сказали мнѣ : «э-э, товарищъ ! вѣрно ты былъ на войнѣ ?» Я не сказалъ вамъ на это ни слова, хозяинъ ; меня больно удивило, что такой сильный , здоровый и сильный мужчина вздумалъ говорить съ такимъ мѣшкомъ ломаныхъ костей , какимъ я былъ тогда. Вотъ вы и сказали мнѣ , да сказали

такъ ласково , какъ будто поднесли мнѣ стаканъ чего-то горячаго : «Что за несчастіе случилось съ тобой ? эхъ тебѣ , голубчикъ , изуродило ! Расскажи же , старикъ , отчего это съ тобой ? Рассказывай веселѣе !» Веселѣе ! Я ужъ такъ былъ веселъ , какъ нельзя больше ! Я и рассказалъ вамъ , вы еще что-то сказали , и я еще что-то сказалъ , вы опять сказали что-то , вотъ я и очутился здѣсь , командиръ , у васъ ! У васъ , мой командиръ , у васъ ! восклицаетъ Филь , вскакивая со стула и начинаетъ невыразимо странно ковылять съ боку на бокъ . — И если понадобится мишень , для лучшаго успѣха въ нашемъ дѣлѣ , пусть стрѣляютъ въ меня . Моей красоты не испортятъ ! Пускай ихъ стрѣляютъ . Если не съ кѣмъ будетъ боксироваться , пусть боксируютъ меня , пускай себѣ колотятъ меня въ голову , мнѣ это ни въ чемъ ! Если нечего будетъ подбрасывать какому нибудь силачу , пусть подбрасываетъ меня . Мнѣ отъ этого не будетъ хуже ! Меня подбрасывали въ теченіе всей моей жизни на разные лады !

Окончивъ эту энергическую , неожиданную рѣчь , сопровождаемую тѣлодвиженіями , въ поясненіе гимнастическихъ упражненій , о которыхъ онъ упоминалъ , Филь прокладываетъ путь плечомъ около трехъ стѣвъ галлерей , круто останавливается передъ своимъ командиромъ , тычетъ въ него головой въ знакъ своей преданности и затѣмъ начинаетъ прибирать завтракъ .

Мистеръ Джорджъ похочетавъ отъ чистаго сердца и потрепавъ Филью по плечу , помогаетъ ему и вмѣстѣ съ нимъ приводитъ въ надлежащій порядокъ галерею . Окончивъ это , онъ беретъ гимнастическіе шары , нѣсколько равъ подбрасываетъ ихъ , потомъ садится на вѣсы и замѣтивъ , что дѣлается «слишкомъ мясистъ» , начинаетъ съ величайшей важною биться на сабляхъ съ воображаемымъ противникомъ . Между тѣмъ Филь становится къ столу съ тисками , гдѣ онъ привинчиваетъ и отвинчиваетъ , чиститъ и пидитъ , посвистываетъ въ скважины , пачкается болѣе и болѣе , придѣлываетъ и раздѣлываетъ все , что можно въ ружьѣ придѣлать и раздѣлать .

Завтаніе хозяина и слуги прерваны наконецъ необыкновеннымъ шумомъ въ корридорѣ , возвѣщающемъ о прибытіи необыкновенной компаніи . Шумъ этотъ приближается ближе и ближе , и въ галлерей входитъ группа людей . Она состоитъ изъ увѣчной и отвратительной фигуры изъ двухъ носильщиковъ , которые несли эту фигуру на стулѣ и худощавой женщины , съ лицомъ очень похожимъ на сплюснутую маску , которая , такъ и думаешь , начесть читать народную пѣсню , въ воспоминаніе тѣхъ дней , когда старуху Англію хотѣли взорвать на воздухъ , но ожидація не сбы-

ваются, потому что губы у этой маски такъ крѣпко сжаты и такъ неподвижны, какъ ступа, который носильщики ставятъ на полъ. При этомъ случаѣ отвратительная фигура произноситъ: «О, Боже мой! О, какъ меня растрясли! Какъ вы поживаете, мистеръ Джорджъ? Какъ ваше здоровье?»

И мистеръ Джорджъ только теперь узнаетъ въ этой процессіи достопочтеннаго мистера Смолвида, вынесеннаго для прогулки, и его внучку Юлию, которая провожаетъ своего дѣдушку, какъ самый вѣрный тѣлохранитель.

— Мистеръ Джорджъ, любезный другъ мой, говоритъ дѣдушка Смолвидъ, сходя свою правую руку съ шеи носильщика, котораго чуть-чуть не удушилъ во время дороги: — какъ ваше здоровье? Вы, я думаю, дивитесь всему происшедшему, любезный другъ?

— Я бы не столько удивился происшествію вашего прѣтеля мисъ Сити, сколько удивляюсь я вашему, отвѣчаетъ мистеръ Джорджъ.

— Я очень рѣдко выхожу изъ дому; съ трудомъ перевожу духъ, произноситъ мистеръ Смолвидъ. — Я не выходилъ въ течение многихъ мѣсяцевъ. Знаете, прогулки мои сопряжены съ большими неудобствами... и требуютъ большихъ издержекъ. Но, если бы вы знали, съ какими нетерпѣливостями я хотѣлъ увидѣть васъ. Какъ ваше здоровье, сэръ?

— Я здоровъ, говоритъ мистеръ Джорджъ. — Надѣюсь и вы тоже здоровы.

— Ну и слава Богу, если вы здоровы, мой неоцѣненный другъ! и мистеръ Смолвидъ беретъ его за обѣ руки. — Вы видите, я привезъ съ собой и мою внучку Юлию. Я не могъ оставить ее дома: она такъ нетерпѣливо хотѣла васъ видѣть.

— Гм! Что-то не вѣрится! бормочетъ мистеръ Джорджъ.

— Вотъ, знаете, мы и взяли карету, поставили въ нее кресло и вѣсѣвъ какъ разъ на углу она подняла меня изъ кареты, посадила въ кресло да и принесла сюда и принесла собственно затѣвъ, чтобъ увидать мнѣ моего неоцѣннаго друга въ его собственномъ заведеніи. Это вотъ, говоритъ дѣдушка Смолвидъ, указывая на носильщика, который, избѣгая опасности быть задвѣленнымъ, уходитъ, разправляя дыхательное горло: — извозчикъ. Ему платить не надо. Это по условію включено въ плату за карету. Этого человѣка... указывая на другого носильщика: — мы назвали на улицѣ за кружку пива. А кружка пива стоитъ два пенса, такъ отдаю ему Юлию два пенса. Я право не зналъ, любезный мой другъ, что у насъ здѣсь есть работники, а то какъ бы и не нужно было платить.

Дѣдушка Смолвидъ осмѣется на Фила и, смотря на него съ некоторымъ ужасомъ, произведетъ одинъ внятный голосомъ: «О, Боже мой! О, Господи!» Испугъ его имѣетъ, впрочемъ, некоторое основаніе, потому что Филъ, никогда не видавшій этого привидѣнія въ черной бархатной ермолкѣ, вдругъ остановился на своей работѣ и съ ружьемъ въ рукѣ принялъ такую позу, какъ будто хотѣлъ въ одинъ моментъ подстрѣлить мистера Смолвида, какъ накую нибудь чудовищно безобразную птицу изъ породы воронъ.

— Юдѣнь, дитя мое, говоритъ дѣдушка Смолвидъ: — отдай этому человѣку два пенса; ахъ, какъ это много за его труды!

Человѣкъ этотъ одинъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ грибовъ, мгновенно вырастающихъ на западныхъ улицахъ Лондона, которые всегда одѣты въ старую красную куртку, всегда готовы поддержать лошадей или сбѣгать за наемной каретой, получаетъ два пенса, безъ особеннаго удовольствія, подбрасываетъ ихъ вверхъ, ловить рукой и удаляется.

— Любезный мистеръ Джорджъ, говоритъ дѣдушка Смолвидъ: — будьте такъ добры, перевесите меня къ камнику. Вы знаете, я привыкъ къ огоньку.... я старъ и скоро забну.... О, Боже мой!

Послѣднее восклицаніе вылетаетъ изъ груди достопочтеннаго джентльмена по поводу внезапной быстроты, съ которой мистеръ Сиволь, какъ какой нибудь силачъ, хватается за кресло, поднимаетъ его и перетаскиваетъ къ самому камнику.

— О, Господи! говоритъ мистеръ Смолвидъ, едва переводя духъ. — О, Боже мой! О, звѣзды мои! Любезный другъ мой, вашъ работникъ страшно силенъ и проворенъ. О, Боже мой! какъ онъ проворенъ! Юдѣнь, отодвинь меня немного назадъ, у меня ноги начинаютъ горѣть.

И въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ удостовѣряются носы присутствующихъ смрадомъ отъ затлѣвшихся шерстяныхъ чулковъ дѣдушки Смолвида.

Нѣжная Юдѣнь отодвинула дѣдушку немного назадъ, потрясла его по обыкновенію, и освободила его глазъ отъ нависшей ермолки.

— О, Господи! о, Боже мой! повторяетъ мистеръ Смолвидъ, озирается вокругъ, встрѣчаетъ взоръ мистера Джорджа и снова протягиваетъ къ нему обѣ руки. — Любезный другъ мой! какое счастье, что я вижу васъ! И это ваше заведеніе? Какое очаровательное мѣсто! Да это просто картинка! Однако у васъ здѣсь ничего опаснаго не случается? прибавилъ дѣдушка Смолвидъ съ зачѣпнымъ безпокойствомъ.

— Ничего рѣшительно. Пожалуйста не бойтесь ничего.

— А вашъ работникъ. Онъ.... о, Господи!... онъ.... этакъ.... ничего.... Никому не причинить вреда? скажите, любезный другъ мой, никому?

— Кромѣ себя, онъ никому на свѣтѣ не причинялъ вреда, говоритъ мистеръ Джорджъ, улыбаясь.

— Однако онъ могъ бы. Онъ кажется черезчуръ изуродовалъ себя, такъ пожалуй, чего добраго, изуродуетъ точно также и другихъ, возражаетъ старый джентльменъ. — Онъ можетъ сдѣлать это неумышленно, а можетъ сдѣлать и умышленно. Мистеръ Джорджъ, пожалуйста, прикажите ему оставить эти адскія ружья и выйти вонъ.

Повинуясь одному движенію головы со стороны кавалериста, Филь съ пустыми руками удаляется на другой конецъ галлерей. Увѣренный въ своей безопасности, мистеръ Смолвидъ начинаетъ потирать себѣ ноги.

— Такъ ваши дѣла идутъ хорошо, мистеръ Джорджъ? говоритъ онъ кавалеристу, который стоитъ противъ него съ саблей въ рукѣ. — Вы начинаете благоденствовать, и слава Богу, слава Богу!

Мистеръ Джорджъ отвѣчаетъ холоднымъ киваньемъ головы и говорить:

— Приступайте къ дѣлу, мистеръ Смолвидъ. Я знаю, вы вѣдь не затѣмъ пришли сюда, чтобъ говорить мнѣ это.

— Вы такой весельчакъ, мистеръ Джорджъ, отвѣчаетъ почтеннѣйшій дѣдушка. — Вы такой славный человекъ!

— Ха, ха! Приступайте же къ дѣлу, мистеръ Смолвидъ! говоритъ мистеръ Джорджъ.

— Любезнѣйшій другъ мой! Но эта сабля такъ страшно смотритъ на меня — такая свѣтлая и острая. Пожалуй, случайно, зарѣжетъ когонибудь! Меня такъ и бросаетъ въ дрожь, мистеръ Джорджъ.... Чортъ бы его побралъ! говоритъ этотъ превосходный джентльменъ, обращаясь къ Юдионъ въ то время, какъ кавалеристъ отходитъ на нѣсколько шаговъ и кладетъ свою саблю. — Онъ долженъ мнѣ и пожалуй еще вздумаетъ покончить всѣ расчеты въ этомъ разбойничьемъ мѣстѣ.

Мистеръ Джорджъ, возвратясь на прежнее мѣсто, складываетъ руки на грудь и, наблюдая, какъ старикъ все ниже и ниже опускался въ своемъ креслѣ, спокойно говоритъ:

— Ну, что же вы скажете мнѣ? Зачѣмъ вы пріѣхали сюда.

— Гм! произноситъ мистеръ Смолвидъ, потирая себѣ руки, съ какимъ-то особеннымъ клокотаньемъ въ груди. — Да, правда. Зачѣмъ я пріѣхалъ сюда?

— Вѣрно за трубкой табаку, говорить мистеръ Джорджъ и вмѣстѣ съ тѣмъ преспокойно ставитъ себѣ стулъ къ углу каминна, беретъ трубку, набиваетъ ее, закуриваетъ и начинаетъ нускать клубы дыму.

Этотъ вопросъ сильно беспокоитъ мистера Смолвида, и онъ такъ затрудняется начать приступъ къ объясненію, какого бы рода оно ни было, что тайкомъ царапаетъ воздухъ съ бессильной злобою, выражая этимъ желаніе испарпать и если можно разорвать на клочки лицо мистера Джорджа. Ногти джентльмена длинны и свеваты, его руки костлявы и жилсты, его глаза зелены и покрыты влагой. Продолжая царапать воздухъ и вмѣстѣ съ тѣмъ скользить со стула и превращаться въ какую-то неопредѣленную массу грязнаго платья, онъ принимаетъ такой страшный, даже для привычныхъ глазъ Юдиенъ, видъ, что эта дѣва бросается къ нему болѣе чѣмъ съ чувствомъ дочерней любви и такъ сильно потрясаетъ его, такъ быстро выравниваетъ и обминаетъ различныя части его тѣла, особливо тѣ, которыя болѣе всего защищаются во время кулачнаго боя, что дѣдушка, въ жалкомъ безсиліи своемъ, производитъ усиленные звуки, имѣющіе сходство со звуками колоутушки, которую каменщикъ опускаетъ на булыжникъ, приправляя его въ мостовой.

Выпрямивъ этими средствами старика въ стулъ, лицо котораго поблѣднѣло, а носъ посинѣлъ (однако онъ все еще продолжаетъ царапать воздухъ), Юдиенъ выправляетъ сморщенный свой палець и тычетъ имъ въ спину мистера Джорджа. Кавалеристъ приподнимаетъ голову, а Юдиенъ между тѣмъ даетъ толчокъ своему почтенному дѣдушкѣ, и такимъ образомъ, пробудивъ ихъ, устремляетъ свой оледѣвляющій взоръ въ пылающій огонь.

— Ой, ой! у-у-ухъ! произноситъ дѣдушка Смолвидъ, глотая свое бѣшенство. — Что же вы скажете, любезный другъ мой, говорить онъ, продолжая царапать ногтями по воздуху.

— Я вамъ вотъ что скажу, отвѣчаетъ мистеръ Джорджъ: — если вы хотите говорить со мной, такъ говорите. Я человекъ простой и не жалую околичностей. Я не умѣю и не привыкъ къ этому. Я не смѣю назвать себя умницей: это названіе мнѣ не къ лицу. По моему, коли хотите говорить дѣло, такъ говорите! и кавалеристъ, снова принялся пускать клубы дыму: — а нѣтъ, такъ чортъ возьми! убирайтесь вонъ отсюда.

И мистеръ Джорджъ надуваетъ свою грудь до послѣднихъ предѣловъ, какъ будто хочетъ доказать этимъ, что присутствіе такихъ гостей для него несносно.

— Если вы пришли сюда, чтобъ сдѣлать мнѣ дружескій визитъ, продолжаетъ мистеръ Джорджъ : — я крайне обязанъ вамъ за это и готовъ освѣдомиться о вашемъ здоровьѣ. Если вы пришли сюда съ тѣмъ, чтобы высмотрѣть есть ли у меня какая нибудь движимость, такъ смотрите. Если вы хотите что-нибудь мнѣ высказать, такъ говорите.

Цвѣтушая Юдишь, не отводя глазъ отъ камня, даетъ другой толчокъ своему дѣдушкѣ.

— Вотъ видите! и она со мной одного мнѣнія. И что же она не хочетъ присѣсть, говоритъ Джорджъ, устремивъ задумчивый взоръ на Юдишь : — въ этого я, право, ничего не могу попятить.

— Она стоитъ подлѣ меня и смотритъ за мной, свръ, говоритъ дѣдушка Смолвидъ. — Любезный мистеръ Джорджъ, вѣдь я старикъ и имѣю нѣкоторое право на ея вниманіе. Впрочемъ, я еще не такъ старъ на самомъ дѣлѣ, какъ этотъ адоній попугай (и при этомъ мистеръ Смолвидъ оскаливается зубами и бессознательно щипетъ подушку); но все же, любезный другъ мой, я имѣю нѣкоторое право на вниманіе моей дочери.

— Хорошо! отвѣчаетъ кавалеристъ, придвигая свой стулъ къ старику : — что же дальше?

— Мой пріятель въ Сети, мистеръ Джорджъ, имѣлъ небольшую сдѣлку съ вашимъ ученикомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ имѣлъ? говоритъ мистеръ Джорджъ : — очень жаль, очень жаль!

— Да, онъ имѣлъ, говоритъ дѣдушка Смолвидъ, потирая свои ноги. — Вашъ ученикъ сдѣлался славнымъ воиномъ, мистеръ Джорджъ, и его зовутъ Карстонъ. Принимъ, знаете, друзья его и заплатили за него все : это, по моему, благородно.

— Въ самомъ дѣлѣ заплатили? говоритъ мистеръ Джорджъ. — Что же? не хочетъ ли пріятель вашъ выслушать добрый совѣтъ?

— Да, ему бы хотѣлось, мой добрый другъ, и особенно отъ васъ.

— Ну такъ я ему совѣтую не имѣть больше подобныхъ сдѣлокъ. Выгоды отъ нихъ ему не будетъ. Молодой джентльменъ, сколько мнѣ извѣстно, ничего не имѣетъ за душой.

— Нѣтъ, любезный другъ мой, не правда. Нѣтъ, мистеръ Джорджъ, не правда. Не правда, свръ; не правда, возражаетъ дѣдушка Смолвидъ, лукаво потирая свои тощія ноги : — этого нельзя сказать. У него есть добрые друзья, онъ получаетъ жалованье, онъ можетъ передать свое мѣсто, у него есть въ виду счастливое окончаніе тяжбы, у него есть въ виду богатая невѣста, — словомъ сн-

зять, мистеръ Джорджъ, этотъ молодой человекъ чтонибудь да стоитъ, говорить дѣдушка Смолвидъ, сдвинувъ на бокъ бархатную ермолку и почесывая за ухомъ, какъ обезьяна.

Мистеръ Джорджъ ставитъ трубку въ уголь, закидываетъ руки на спинку своего стула и выбиваетъ тактъ ногой, какъ будто ему очень не нравится направленіе разговора.

— Но перейдемте лучше отъ одного предмета къ другому, продолжаетъ мистеръ Смолвидъ. — Перейдемте для того, чтобъ поддержать разговоръ, какъ сказалъ бы какойнибудь путешникъ. Перейдемте мистеръ Джорджъ отъ прапорщика къ капитану.

— Что вы еще хотите сказать? спрашиваетъ мистеръ Джорджъ, нахмуривъ брови и, вѣроятно въ знакъ воспоминанія о своихъ усахъ, проводитъ рукой по верхней губѣ. — Къ какому капитану?

— Къ нашему капитану. Къ капитану, котораго мы знаемъ. Къ капитану Гаудону.

— О! вотъ оно что! говоритъ мистеръ Джорджъ, свиснувъ тихонько, между тѣмъ какъ дѣдушка и внучка внимательно смотрятъ на него. — Вотъ оно куда пошло! Прекрасно! Я не въ силахъ больше терпѣть вашихъ околичностей. Говорите же, говорите скорѣй!

— Любезный другъ мой, отвѣчаетъ старикъ. — Вчера... Юдишь, потряс меня немного... вчера у насъ была рѣчь объ этомъ капитанѣ, вслѣдствіе которой я остаюсь при своемъ мнѣніи, что капитанъ еще не умеръ.

— Вадоръ! замѣчаетъ мистеръ Джорджъ.

— Вы что-то говорите, любезный другъ? спрашиваетъ дѣдушка, приложивъ руку къ уху.

— Вадоръ!

— Го! произноситъ дѣдушка Смолвидъ. — Мистеръ Джорджъ, вы сами можете судить о моемъ мнѣніи, если примете въ соображеніе вопросы, которые мнѣ были предложены; можете судить и о причинахъ, возбудившихъ эти вопросы. Какъ вы думаете, чего хочеть отъ меня адвокатъ, предлагавшій мнѣ эти вопросы?

— Хочеть, чтобъ вы начали какойнибудь процессъ, отвѣчаетъ мистеръ Джорджъ.

— Ничего подобнаго не было.

— Поэтому онъ не адвокатъ, говоритъ мистеръ Джорджъ, складывая руки на грудь съ твердой рѣшимостью.

— Нѣтъ, любезный мой другъ, онъ адвокатъ, да еще весьма знаменитый адвокатъ. Онъ хочеть видѣть почеркъ руки капитана Гаудона. Онъ не возьметъ его себѣ, а только хочеть видѣть и слычать его съ почеркомъ, который находится въ его рукахъ.

— Что же изъ этого слѣдуетъ?

— А вот что, мистеръ Джорджъ. Адвокатъ случайно вспомнилъ объявленіе, касательно капитана Гаудона, и надѣясь собрать какія нибудь другія свѣдѣнія относительно его, пришелъ ко мнѣ, точь-въ-точь какъ сдѣлали вы, неоцѣненный мой другъ. Позвольте пожать мнѣ ваши руки.... какъ я радъ былъ въ тотъ день. Не придите вы, и я не имѣлъ бы удовольствія пользоваться вашимъ дружескимъ расположеніемъ.

— Что же слѣдуетъ дальше, мистеръ Смолвидъ? говоритъ мистеръ Джорджъ, протягивая свою руку съ нѣкоторою сухостью.

— У меня не было ничего подобнаго. У меня ничего нѣтъ, кромѣ его подписей. Чтобы ему умереть отъ чумы и отъ голода, говоритъ старикъ, сжимая отъ злости бархатную ермолку костлявыми руками. — Мнѣ кажется, у меня хранится полмилліона его подписей! Но у васъ, говоритъ мистеръ Смолвидъ, съ трудомъ возвращая прежнее спокойствіе, между тѣмъ какъ Юдней снова поправляетъ ермолку на лысой головѣ своего дѣдушки: — у васъ, любезный мой мистеръ Джорджъ, вѣроятно, есть письма капитана или бумаги, которыя какъ нельзя бы лучше шли къ дѣду. Всякая рукопись капитана пошла бы къ дѣду.

— Рукопись капитана! говоритъ кавалеристъ съ грустнымъ и задумчивымъ видомъ: — быть можетъ у меня и есть она.

— Неоцѣненный другъ мой!

— А можетъ быть и нѣтъ.

— Ну вотъ еще! говоритъ дѣдушка Смолвидъ съ нѣкоторымъ испугомъ.

— Но еслибъ у меня и были цѣлыя кипы рукописей капитана, я бы не показалъ вамъ лоскутка, не зная зачѣмъ.

— Сэръ, вѣдь я вамъ сказалъ зачѣмъ. Любезный мистеръ Джорджъ, я вамъ сказалъ зачѣмъ.

— Мнѣ мало этого, говоритъ кавалеристъ, мотая головой. — Я долженъ знать болѣе, чтобы согласиться на ваше желаніе.

— Въ такомъ случаѣ, не угодно ли вамъ съѣздить со мной къ адвокату? Не угодно ли вамъ, любезный другъ мой, повидаться самимъ съ этимъ джентльменомъ? говоритъ дѣдушка Смолвидъ, вынимая старинныя серебряныя часы, у которыхъ стрѣлки были похожи на кости скелета. — Я сказалъ ему, что, вѣроятно, заѣду къ нему между десятью и одиннадцатью, а теперь половина одиннадцатаго. Не угодно ли, мистеръ Джорджъ, вамъ самимъ повидаться съ этимъ джентльменомъ?

— Гм! говоритъ мистеръ Джорджъ весьма серьезно. — Мнѣ очень не угодно. И право я не знаю, почему вы такъ хлопчете объ этомъ.

— Я хлопочу обо всемъ , что бросаетъ хотя слабый свѣтъ на слѣды капитана. Развѣ онъ не поддѣлъ насъ на удочку? Развѣ онъ не долженъ намъ несмѣтныя суммы? Почему я хлопочу? Кто же станетъ больше хлопотать о немъ, какъ не я? Я не хочу, любезный другъ мой, говорить дѣдушка Смолвидъ, понизивъ голосъ : — я не хочу, чтобъ вы измѣнили ему въ чемъ нибудь — у меня и на умѣ нѣтъ этого. Ну что же готовы ли вы, неоцѣненный другъ мой?

— Да! я буду готовъ сію минуту. Но вы знаете, я ничего не общаю вамъ.

— Нѣтъ, любезный мистеръ Джорджъ, ничего, ничего!

— Вы знаете также, что, отправляясь къ адвокату, гдѣ бы онъ ни жилъ, я не плачу за карету? спрашиваетъ мистеръ Джорджъ, надѣвая шляпу и бѣлыя толстыя замшевыя перчатки.

Этотъ вопросъ приходится такъ по сердцу мистеру Смолвиду, что онъ хохочетъ передъ каминомъ на разные лады, на разные манеры, и между тѣмъ поглядываетъ черезъ свое немощное плечо на мистера Джорджа, внимательно наблюдаетъ какъ мистеръ Джорджъ отпираетъ грубой работы шкафъ въ отдаленномъ концѣ галлерей, видитъ какъ онъ осматриваетъ полки, и наконецъ беретъ съ одной изъ нихъ какія-то бумаги, складываетъ ихъ и кладетъ себѣ въ карманъ. Послѣ этого Юдиель даетъ толчокъ дѣдушкѣ, и дѣдушка отвѣчаетъ ей тѣмъ же.

— Я готовъ, говоритъ кавалеристъ, вернувшись назадъ. — Филь, вынеси этого джентльмена въ карету, да смотри не просить съ него на водку.

— О Боже мой! о Господи! Пойдите на минутку! говоритъ мистеръ Смолвидъ. — Вашъ Филь такой проворный! Не потрудитесь ли вы, неоцѣненный мой другъ, вынести меня.

Филь, не говоря ни слова, хватается за стулъ съ его грузомъ и, крѣпко обнятый теперь безмолвнымъ мистеромъ Смолвидомъ, быстро ковыляетъ со стороны на сторону по корридору, какъ будто на немъ лежало порученіе доставить стараго джентльмена въ ближайшій вулканъ. Ковылянье его прекращается у самой кареты, куда онъ сажаетъ свою ношу. Прекрасная Юдиель садится рядомъ съ дѣдушкой, кресло служитъ украшеніемъ верхушки кареты и мистеръ Джорджъ занимаетъ порожнее мѣсто на козлахъ.

Мистера Джорджа крайне изумляетъ зрѣлище, которое представляется ему внутри кареты, куда онъ отъ времени до времени заглядываетъ черезъ окно позади его. Угрюмая Юдиель сидитъ неподвижно, между тѣмъ какъ дѣдушка, съ ермолкой на боку, ниже и ниже скользитъ съ своего мѣста, и въ то же время поглядываетъ на мистера Джорджа и безмолвнымъ взглядомъ изъ незакрытаго глаза даетъ ему знать, что его сильно поколачиваетъ въ спину.

ГЛАВА XXVII.

ИЩЕ СТАРЫЕ СЛУЖИВЫЕ.

Мистеру Джорджу не далеко приходится ехать, сложа руки на возлежъ, потому что цѣль его путешествія составляютъ Динкольнскія Поля. Когда кучеръ остановилъ лошадей, мистеръ Джорджъ спускается внизъ, и смотря въ окно кареты, говоритъ:

— Господишь, къ которому вы меня везете, абы мистеръ Толкинхорнъ, не такъ ли?

— Да, любезный другъ мой. А вы знаете его, мистеръ Джорджъ?

— Какже, я слышалъ о немъ, даже видѣлъ его, сколько помнится. Впрочемъ, я его не знаю, да и онъ меня не знаетъ.

Затѣмъ слѣдуетъ втаскиваніе мистера Смолвида на лѣстницу и, съ помощію кавалериста, мистеръ Смолвидъ заносится въ обширную комнату мистера Толкинхорна, и кресло его ставится на туреткомъ ковръ передъ каминномъ. Мистера Толкинхорна въ настоящую минуту нѣтъ дома, но онъ не замедлитъ прийти. Швейцаръ, объяснивъ это гостямъ въ самыхъ короткихъ словахъ, мѣшаетъ огонь въ каминѣ и оставляетъ весь триумвиратъ грѣться передъ огнемъ, съ полнымъ комфортомъ.

Мистеръ Джорджъ крайне интересуется комнатою. Онъ осматриваетъ расписанный потолокъ, разсматриваетъ старинныя юридическія книги, разсматриваетъ портреты знаменитыхъ кліентовъ, читаетъ вслухъ надписи на полкахъ.

«Сэръ Лейстеръ Дэдлокъ, баронетъ, ага! произноситъ мистеръ Джорджъ глубокомысленно: — владѣлецъ помѣстья Чески-Воудъ, гм!»

Мистеръ Джорджъ стоитъ и долго разсматриваетъ эти надписи, какъ будто какія нибудь картины; потомъ возвращается къ огню, и говоритъ:

— Сэръ Лейстеръ Дэдлокъ, баронетъ, и помѣстье Чески-Воудъ, гм!...

— Пахнетъ цѣлою кучей денегъ, мистеръ Джорджъ, говоритъ неслотомъ айдунка Смолвида, потирая себѣ ноги. — Охъ чрезвычайно богаты!

— О комъ вы говорите? Объ этомъ нежномъ джентльменѣ или о баронетѣ?

— Объ этомъ джентльменѣ, объ этомъ джентльменѣ.

— Я слышалъ самъ и бьюсь объ закладъ, что онъ смыслить кое-что. Квартирка недурна, продолжаетъ мистеръ Джорджъ, осматриваясь кругомъ. — Посмотрите, какіе тамъ огромные ящики!

Отвѣтъ прерванъ приходомъ мистера Толкинхорна. Онъ все такой же, какимъ былъ прежде. Одѣтъ въ ржавое платье, носить очки и самый футляръ отъ очковъ истертъ до нельзя. Въ обхожденіи видна скрытность и сухость. Въ голосѣ сипловатость. Во взглядѣ пронизательность. Въ разговорѣ злословіе и ѣдкость. Вообще, англійская аристократія имѣла бы болѣе горячаго поклонника и безотвѣтнаго ходатая, еслибъ ей все на свѣтѣ было извѣстно.

— Съ добрымъ утромъ, мистеръ Смолвидъ, съ добрымъ утромъ! говоритъ онъ, входя въ комнату. — Вы, какъ я вижу, привезли сержанта. Садитесь, сержантъ.

Пока мистеръ Толкинхорнъ снимаетъ съ себя перчатки и кладетъ ихъ въ шляпу, онъ смотритъ прищуря глаза въ глубину комнаты, гдѣ стоитъ кавалеристъ и произноситъ про себя:

— Что-то ты намъ скажешь, голубчикъ!

— Садитесь, служивый, повторяетъ онъ, подходя къ столу, который стоитъ сбоку отъ камина, и затѣмъ беретъ для себя мягкое кресло. — Сегодня холодно и сыро, холодно и сыро!

Мистеръ Толкинхорнъ грѣетъ передъ рѣшеткою камина то ладони, то суставы своихъ костлявыхъ рукъ и смотритъ, погупивъ глаза и притворяясь совершенно разсѣяннымъ, на трехъ особъ, сидящихъ передъ нимъ полукругомъ.

— Теперь я начинаю постепенно соображать обстоятельства, мистеръ Смолвидъ, говоритъ адвокатъ.

Старый джентльменъ получаетъ толчокъ отъ Юдиона, которая хочетъ заставить его принять участіе въ разговорѣ.

— Вы, какъ я вижу, привезли нашего добраго друга, сержанта.

— Да, сэръ, отвѣчалъ мистеръ Смолвидъ униженно, подчиняясь мысли о богатствѣ и вліяніи адвоката.

— А что же сержантъ говоритъ насчетъ этого дѣла?

— Мистеръ Джорджъ, произноситъ дѣдушка Смолвидъ, дѣлая робкій жестъ бессильною рукою: — это тотъ самый джентльменъ, сэръ.

Мистеръ Джорджъ кланяется джентльмену. Но онъ продолжаетъ сидѣть до врѣзному, выгнувшись и храня глубокое молчаніе — на самомъ краю стула, какъ будто онъ чувствуетъ себя совершенно готовымъ всякую минуту вступить въ бой.

Мистеръ Толкинхорнъ продолжаетъ:

— Итакъ, Джорджъ?... Кажется, что ваше имя Джорджъ?

— Точно такъ, сэръ.

— Что же вы скажете, Джордж?

— Извините меня, сэръ, отвѣчаетъ кавалеристъ: — но я бы желалъ знать, что вы изволите сказать?

— То есть вы говорите насчетъ вознагражденія?

— Я говорю насчетъ всего, сэръ.

Этотъ отвѣтъ такъ неприятно подѣйствовалъ на мистера Смолвида, что онъ внезапно вскричалъ:

— Ахъ, ты негодная скотина!

Вслѣдъ затѣмъ онъ столь же поспѣшно сталъ просить прощенія у мистера Толкинхорна и оправдываться передъ Юлвюю въ томъ, что у него сорвалось съ языка.

— Я предполагалъ, сержантъ, произносить мистеръ Толкинхорнъ, облокачиваясь на одну сторону кресла и положивъ ногу на ногу: — я предполагалъ, что мистеръ Смолвидъ достаточно объяснилъ вамъ сущность дѣла. Объяснить ее не составляетъ особенной трудности. Вы когда-то служили подъ начальствомъ капитана Гаудона. Вы ухаживали за нимъ во время его болѣзни, оказали ему много маленькихъ услугъ и пользовались, какъ я слышалъ, полною его довѣренностію. Такъ или не такъ?

— Да, сэръ, это такъ, отвѣчаетъ мистеръ Джордж съ волею краткостью.

— Слѣдовательно, могло случиться, что у васъ осталось что-нибудь, все равно чтобы ни было, счета, записки, приказы, письма, однимъ словомъ, что-нибудь написанное рукою капитана Гаудона. Я бы желалъ сличить его почеркъ съ кое-чѣмъ, у меня находящимся. Если вы мнѣ доставите къ тому возможность, вы будете вознаграждены за этотъ трудъ. Вы можете рассчитывать на три, четыре, даже до пяти гиней.

— Благородный и милый сердцу другъ! восклицаетъ дѣдушка Смолвидъ, поднимая глаза къ потолку.

— Если этого мало, то скажите, по чистой совѣсти, какъ солдать, сколько вамъ нужно за эту услугу; вамъ не предстоитъ необходимости совершенно разстаться съ подобнымъ документомъ, если вы не захотите этого, хотя для меня это было бы еще полезнѣе.

Мистеръ Джордж сидитъ, вытянувшись все въ той же самой позѣ; онъ смотритъ на полъ, смотритъ на расписанный потолокъ и не произноситъ ни слова. Раздражительный мистеръ Смолвидъ царапаетъ воздухъ.

— Вопросъ состоитъ въ томъ, говорятъ мистеръ Толкинхорнъ своимъ методическимъ, равнодушнымъ голосомъ: — въ томъ, во первыхъ, есть ли у васъ что либо, написанное рукою капитана Гаудона.

— Во первыхъ, есть ли у меня что либо, написанное рукою капитана Гаудона, сэръ; повторяетъ мистеръ Джорджъ.

— Во вторыхъ, сколько потребуете вы за трудъ передать это въ мои руки?

— Во вторыхъ, сколько потребую я за трудъ передать это въ ваши руки, сэръ; повторяетъ мистеръ Джорджъ.

— Въ третьихъ, вы можете сами судить, похоже ли то, что у васъ есть, на это; говоритъ мистеръ Толкинхорнъ, поспѣшно вынимая нѣсколько связанныхъ вмѣстѣ листовъ исписанной бумаги.

— Похоже ли то на это, сэръ; повторяетъ мистеръ Джорджъ.

— Совершенно такъ.

Всѣ эти слова мистеръ Джорджъ произноситъ механически, смотря прямо въ лицо мистеру Толкинхорну. Онъ не обращаетъ особеннаго вниманія на клятвенное показаніе, взятое изъ дѣла Джордидисъ и Джоридисъ, показаніе, которое теперь представляется ему на разсмотрѣніе, хотя и держитъ его въ рукѣ; онъ продолжаетъ глядѣть на адвоката съ видомъ безпокойнаго размышленія.

— Итакъ, говоритъ мистеръ Толкинхорнъ. — Что вы скажете на это?

— Вотъ что, сэръ, отвѣчаетъ мистеръ Джорджъ, поднявшись со стула и смотря въ пространство: — я бы предпочелъ, если бы вы позволили мнѣ ничего не сказать на это.

Мистеръ Толкинхорнъ, по видимому, нисколько не удивленный, спрашиваетъ:

— Почему же нѣтъ?

— Да такъ, сэръ, отвѣчаетъ кавалеристъ. — Кромѣ военнаго дѣла, я вовсе не дѣловой человѣкъ. Посреди гражданскихъ людей я, что называется, рохля. Голова моя не ладитъ съ бумагами, сэръ. Я готовъ выдерживать скорѣе какой угодно батальный огонь, чѣмъ судебный допросъ. Я объяснялъ мистеру Смолвиду, всего съ часъ тому назадъ, что когда доходитъ дѣло до бумагъ и переписка, я начинаю чувствовать сильное удущье. Вотъ уже и теперь меня начинаетъ душить, вотъ такъ и есть, произноситъ мистеръ Джорджъ, осматривая присутствующихъ.

Съ этими словами, онъ дѣлаетъ три шага впередъ, чтобъ положить бумаги на столъ къ адвокату, и три шага назадъ, чтобы занять свое прежнее мѣсто: тутъ онъ стоитъ, совершенно вытянувшись, поглядывая то на полъ, то на потолокъ и заложивъ руки на спину, какъ будто изъ боязни, чтобы ему не втерли еще какого нибудь документа.

Во все это время любимое крѣпкое выраженіе мистра Смолвида ~~слова~~ сорвется у него съ языка. Онъ пытается говорить, нача-

наетъ то фразой «мой милый другъ», то, не окончивъ ея, хочеть произнести свое прежнее бранное слово, выговариваетъ уже первый слогъ «ско», потомъ прижимаетъ руку къ груди, сознаваясь, что онъ совершенно лишился голоса. Избавившись, впрочемъ, отъ этого непріятнаго припадка вспыльчивости, онъ убѣждаетъ своего друга, въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ, не быть слишкомъ упрямымъ, но исполнить то, чего требуетъ такой почтенный джентльменъ, и исполнить съ приличною вѣжливостію, тѣмъ болѣе, что это нисколько не трудно, а между тѣмъ соединено съ выгодой. Мистеръ Толкинхорнъ произноситъ только фразы: «Вы скорѣе всякаго другого, сержантъ, можете обсудить свои собственные выгоды». «Смотрите, чтобы послѣ не раскаиваться въ этомъ упрямствѣ.» «Подумайте, подумайте хорошенько.» «Если вы выжнете въ существо дѣла, этого уже довольно.» Онъ повторяетъ это изрѣченіе съ видомъ совершеннаго равнодушія, смотря на бумаги, лежащія на столѣ, и приготовляясь писать письмо.

Мистеръ Джорджъ недовѣрчиво переноситъ взоры съ расписаннаго потолка на полъ, съ пола на мистера Смолвида, съ мистера Смолвида на мистера Толкинхорна, а съ мистера Толкинхорна опять на расписанный потолокъ; при этомъ въ замѣшательствѣ и волненіи онъ мѣняетъ ноги, на которыя опирается.

— Увѣрю васъ, сэръ, говоритъ мистеръ Джорджъ: — не въ обиду вамъ будь сказано, что, стоя здѣсь, между вами и мистеромъ Смолвидомъ, я разъ пять уже чувствовалъ сильнѣйшее удушье. Въ самомъ дѣлѣ я задыхаюсь, сэръ. Я не подъ стать вамъ, джентльменамъ. Позвольте мнѣ спросить, для чего вы желаете увидѣть по черкѣ капитана? Можетъ быть, у меня дѣйствительно есть что-нибудь, написанное его рукою.

Мистеръ Толкинхорнъ хладнокровно покачиваетъ головою.

— Если бы вы были человѣкомъ дѣловымъ, сержантъ, то мнѣ нечего было бы объяснять вамъ, что есть причина, составляющая тайну, саму по себѣ очень невинную, которая заставляетъ людей моего званія искать подобныхъ письменныхъ документовъ. Но если васъ останавливаетъ мысль сдѣлать какой нибудь вредъ капитану Гаудону, то на этотъ счетъ совѣсть ваша можетъ быть спокойна.

— Ахъ! онъ скончался, сэръ!

— Уже?

Мистеръ Толкинхорнъ спокойно принимается писать.

— Да, сэръ, продолжаетъ давалеристъ, глядя въ свою шляпу и выдержавъ довольно продолжительную паузу: — мнѣ очень жаль, что я не могу теперь вполне удовлетворить васъ. Если дѣло...

тельно будетъ въ которое нѣжагражденіе, то и лучше посоветуюсь съ однимъ моимъ пріателемъ, старымъ солдатомъ, у котораго голова болѣе способна къ дѣламъ, чѣмъ моя. Я... я въ самомъ дѣлѣ чувствую сильнѣйшее удущье, говорить мистеръ Джорджъ, съ отчаяніемъ проводи себѣ по лицу рукою.

Мистеръ Смолвидъ, услышавъ, что авторитетъ, избранный сержантомъ, есть старый солдатъ, съ такимъ настояніемъ поддерживаетъ въ кавалеристѣ мысли посоветоваться съ нимъ и въ особенности сообщить ему, что тутъ дѣло идетъ о пяти гинеяхъ или и болѣе, что мистеръ Джорджъ выказывается идти къ нему. Мистеръ Толкинхорнъ не говоритъ ни въ пользу, ни противъ этого намѣренія.

— Съ вашего позволенія, сэръ, я посоветуюсь съ моимъ пріателемъ, говоритъ кавалеристъ: — и нынѣшнимъ же днемъ постараюсь забѣжать къ вамъ съ окончательнымъ отвѣтомъ. Мистеръ Смолвидъ, угодно вамъ снести васъ съ лѣстницы.

— Сію минуту, любезный мой другъ, сію минуту. Вы позволите мнѣ только сказать сперва полслова этому джентльмену наединѣ?

— Безъ сомнѣнія, сэръ. Не стѣсняйтесь, пожалуйста, для меня.

Сержантъ отходитъ въ дальній конецъ комнаты и продолжаетъ осматривать полки шкафовъ и ящики.

— Если бы я не былъ болѣзненъ и слабъ какъ старая баба, сэръ, шепчетъ дѣдушка Смолвидъ, взявъ адвоката за петлю сюртука, притянувъ его къ себѣ и показывая въ это время зеленыя искры въ своихъ разгнѣванныхъ взорахъ: — я бы вырвалъ у него эти рукописанія. Онъ только что положилъ ихъ къ себѣ за пазуху. Я видѣлъ, какъ онъ ихъ клалъ туда. Юдишь тоже видѣла. Да говори жедты, балаганное чучело, цырульная вывѣска, говори, что ты видѣла, какъ онъ клалъ за пазуху.

Это сильное убѣжденіе старый джентльменъ, сопровождаетъ такимъ сильнымъ толчкомъ въ бокъ своей внуки, что самъ падаетъ со стула и увлекаетъ за собою мистера Толкинхорна. Юдишь поднимаетъ его и сильно потрясаетъ.

— Я не люблю употреблять насилія, мой другъ, замѣчаетъ мистеръ Толкинхорнъ хладнокровно.

— Я знаю, знаю, сэръ. Но это хоть кого взорветъ, взбѣситъ... это... это хуже чѣмъ выходы твоей упрямой, сварливой бабки, продолжаетъ онъ, обращаясь къ хладнокровной Юдиш, которая все смотритъ на огонь: — знать, что нужная вещь при немъ и что онъ не хочетъ отдать ее. Онъ не хочетъ отдать... онъ, бродяга! Но не беспокойтесь, сэръ, не беспокойтесь. Во всякомъ случаѣ недолго

ему дурачиться. Я зашушу въ него свои когти. Я скручу его, сэръ, раздавлю его, выжму изъ него весь сокъ, сэръ. Если онъ не согласится на ваше предложеніе добровольно, я заставлю его согласиться противъ воли, сэръ. Ну, теперь, мой милый мистеръ Джорджъ, говоритъ дѣдушка Смолвидъ, дѣлая адвокату на прощанье отвратительную гримасу: — теперь я совершенно къ вашимъ услугамъ, мой безцѣнный другъ!

Мистеръ Толкинхорнъ, съ нѣкоторымъ, едва замѣтнымъ признакомъ удовольствія, проявлявшагося, несмотря на его совершенное самообладаніе, стоитъ у рѣшетки камина, оборотившись спиною къ огню, ожидая ухода мистера Смолвида и отвѣчая на прощальный поклонъ сержанта легкимъ наклоненіемъ головы.

Мистеръ Джорджъ убѣждается, что гораздо легче снести старого джентльмена на рукахъ съ лѣстницы, чѣмъ отвязаться отъ него; потому что лишь только Смолвидъ остался вдвоемъ съ сержантомъ, какъ сбѣгавъ такимъ словоохотливымъ въ отношеніи гиней и такъ крѣпко ухватился за пуговицу солдата, питая тайное желаніе растегнуть у него сюртукъ и обобрать его, что кавалеристу приходится употребить силу, чтобы разстаться съ своимъ пріателемъ. Наконецъ ему удается этого достигнуть, и онъ идетъ уже одинъ отыскивать своего руководителя въ дѣлѣ о руконисяхъ капитана Гаудона.

Мимо храма, обнесеннаго высокою оградою, мимо монастыря кормелитовъ, не утерпѣвъ бросить украдкою взглядъ въ переулокъ Висящаго Меча, который приходится ему почти по дорогѣ, по Блэк-Фрайрскому мосту мистеръ Джорджъ медленно шествуетъ къ улицѣ, которая наполнена маленькими лавочками, разбѣянными на этомъ перекресткѣ дорогъ изъ Кента и Соррея и лондонскихъ мостовъ, имѣющихъ центромъ знаменитую гостиницу «Слона», который хотя и лишился своихъ орнаментовъ, состоящихъ изъ тысячи четверокопныхъ колесницъ, но уступилъ мѣсто еще болѣе громадному колоссу, готовому изкрошить своего предшественника въ мелкіе куски (*). Въ одной изъ маленькихъ лавочекъ этой улицы, съ выставленными въ окна старыми скрипками, нѣсколькими дудочками, тамбуриномъ, треугольникомъ и продолговатыми листами нотной бумаги, мистеръ Джорджъ направляетъ свои скорые шаги. Остановившись въ нѣсколькихъ шагахъ отъ этой лавки, при видѣ похожей на солдата-женщины, которая подобрала передъ у своего платья, выходитъ съ небольшимъ деревяннымъ корытомъ и начи-

(*). Этотъ пунктъ служилъ нѣкогда сборнымъ мѣстомъ восточныхъ экспедицій, а теперь стоитъ на мѣстѣ станціи желѣзной дороги. *Прим. пер.*

ищетъ плескаться и брызгаться на тротуары, мистеръ Джорджъ говоритъ самому себѣ :

— Она, по обыкновенію, моетъ зелень. Мнѣ еще ни разу не удавалось ее видѣть, кромѣ какъ на багажномъ вагонѣ, иначе какъ моеюю зеленью.

Особа, служившая предметомъ для этихъ размышленій до такой степени занята въ настоящую минуту промывкою зелени, что не замѣчаетъ приближенія мистера Джорджа. Наконецъ разпрямившись и поднявъ корыто для того, чтобы слить воду въ канаву, она видитъ кавалериста, стоящаго возлѣ нея. Пріемъ, сдѣланный ею старому солдату, не очень льститъ его самолюбію.

— Джорджъ, я почти никогда не вижу васъ; но я бы желала, чтобы и теперь вы были милыхъ во ста отъ меня.

Кавалеристъ, не обращая вниманія на это привѣтствіе, идетъ въ лавку музыкальныхъ инструментовъ, гдѣ женщина эта ставитъ корыто съ зеленью на прилавокъ и, пожавъ руку старому солдату, опирается на плечо его.

— Я никогда не считаю Матеев Бэгнета въ безопасности, когда онъ стоитъ возлѣ васъ, Джорджъ. Вы все тотъ безпокойный, вѣчно бродящій.

— Да! я знаю, что я таковъ, мистриссъ Бэгнетъ. Я знаю, что я таковъ.

— Вы знаете; что вы таковы! говоритъ мистриссъ Бэгнетъ. — А что же въ этомъ пользы? Для чего вы такой, скажите-ка лучше?

— Ужь такова животинка, должно полагать, отвѣчаетъ кавалеристъ съ добродушіемъ.

— Вотъ славно! восклицаетъ мистриссъ Бэгнетъ съ нѣкоторою запальчивостію: — да что мнѣ за дѣло до вашей животины, когда животное эта готова отвлечь моего Мата отъ музыкальныхъ занятій и прогнать его въ Новую Зеландію или Австралію!

Мисстриссъ Бэгнетъ нельзя вообще назвать безобразною женщиною. Она широка костью, отличается довольно грубою кожей, загорѣвшею на солнцѣ и обвѣтренною. Волосы напередѣ головы у нея выцѣвли отъ дѣйствія воздуха. Она здорова, весела на видъ и отличается блестящими глазами. Это сильная, дѣятельная, проворная, порялочная на видъ женщина, лѣтъ сорока-пяти или пятидесяти. Она одѣта строго, опрятно и почти бѣдно (хотя съ расчетомъ на существенное), такъ что единственнымъ украшеніемъ ея туалета оказывается обручальное кольцо. Вокругъ этого кольца палецъ ея до того поноилѣлъ съ тѣхъ поръ какъ оно надѣто, что кольцо не снимается, пока развѣ не истлѣетъ виѣстѣ съ прахомъ мистриссъ Бэгнетъ.

— Мистриссъ Бэгнетъ, отвѣчаетъ кавалеристъ: — утѣрю васъ честію ; я нисколько не виноватъ въ поступкахъ Мата. Вы должны мнѣ повѣрить на этотъ разъ.

— Хорошо , хорошо , я вѣрю. Но у васъ какіе-то блуждающіе глаза , продолжаетъ мистриссъ Бэгнетъ. — Ахъ , Джорджъ , Джорджъ , если бы вы остепеннлись и женились на вдовѣ Джо Пюча , когда онъ умеръ въ Сѣверной Америкѣ , она стала бы чесать вамъ волосы по крайней мѣрѣ.

— Это , конечно , было бы недурно для меня , отвѣчаетъ кавалеристъ полусушутливымъ , полусерььзнымъ тономъ : — но я никогда не остепенюсь и не слѣлаюсь порядочнымъ человѣкомъ. Вдова Джо Пюча , конечно , принесла бы мнѣ пользу : въ ней и заіею было кое-что хорошаго , а не могъ принудить себя подумать объ этомъ какъ должно. Вотъ , если бы мнѣ удалось подцѣпать такую женушку , какую нашель Матъ ; тогда дѣло другое !

Мистриссъ Бэгнетъ , не отличаясь особенною щепетильностью въ понятіяхъ о морали , но и не желая уступить кому бы то ни было , когда дѣло доходитъ до любезностей , отвѣчаетъ на этотъ комплиментъ тѣмъ , что ударяетъ мистера Джорджа по лицу цѣлымъ пучкомъ зелени и потомъ уноситъ корыто въ маленькую комнату , бывшую сзади лавки.

— А ! Квебекъ , куколка моя ! говоритъ Джорджъ , слѣдуя по приглашенію въ эту комнату. — И маленькая Мальта , тоже ! Подите , поцалуйте меня , толстяка !

Эти маленькія дѣвочки — да не подумаетъ читатель , что онѣ въ самомъ дѣлѣ носили имена , которыми ихъ называлъ кавалеристъ , ихъ прозвали такъ въ семействѣ по мѣстамъ ихъ рожденія , въ солдатскихъ палаткахъ — заняты каждая своимъ дѣломъ : сидя на треногихъ стульяхъ : младшая (пяти или шести лѣтъ) учится читать по грошевому букварю , старшая (восьми или девяти лѣтъ) поправляетъ ее и между тѣмъ шьетъ съ чрезвычайнымъ прилежаніемъ. Обѣ встрѣчаютъ мистера Джорджа съ восклицаніями , какъ стараго друга и , послѣ цѣсколькихъ поцалуевъ и прыжковъ , придвигаютъ свои стулья вправо къ его стулу.

— А , что подцѣпываетъ молодой Вуличъ ? спрашиваетъ мистеръ Джорджъ.

— Ахъ , онъ теперь тамъ ! восклицаетъ мистриссъ Бэгнетъ , повернувъ разгорѣвшееся лицо свое отъ костюмъ и сковородъ (она готовитъ обѣдъ). — Можете себѣ представить ? Онъ наваялся въ театрѣ съ отцомъ играть на сдѣйтѣ въ какой-то пьесѣ воинственнаго содержанія.

— Молодецъ мой крестничекъ, одобрительно говорятъ мистеръ Джорджъ, ударивъ себя по колѣнку.

— Да, вы правду сказали, присовокупляетъ мистриссъ Бэгнетъ. — Онъ у насъ настоящій британецъ. Вотъ кто такой нашъ Вуличъ.... настоящій британецъ!

— А самъ Мать дуетъ себѣ въ бассонъ и знать никого не хочетъ. Вы достойные уваженія граждане, люди созданные для семьи. Дѣти подрастаютъ. Старушка-мать Мата живетъ въ Шотландіи, вашъ батюшка гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Всѣ вы переписываетесь другъ съ другомъ, помогаете другъ другу по немного, и хорошо, хорошо! Въ самомъ дѣлѣ, отчего мнѣ и не бѣжать отъ васъ миль за сто, потому что здѣсь, кажется, мнѣ ничего не остается дѣлать.

Мистеръ Джорджъ дѣлается задумчивымъ. Сидя передъ огнемъ въ чисто-выбѣленной комнатѣ, въ которой полъ усыпанъ пескомъ, которая напоминаетъ своимъ запахомъ казарму, въ которой нѣтъ ничего лишняго и ни малѣйшихъ признаковъ грязи или пыли, начиная отъ рожицъ Квебена и Мальты до жестяныхъ блюдъ и косячковъ на полкахъ, онъ погружается въ нескончаемыя размышленія. Мистриссъ Бэгнетъ по прежнему занята, когда мистеръ Бэгнетъ и молодой Вуличъ возвращаются домой. Мистеръ Бэгнетъ отставной артиллеристъ, высокій ростомъ и прямой, съ мохнатыми жесткими бровями, бакенбардами, напоминающими волокна кокоса, съ головою, лишенною малѣйшихъ признаковъ волосъ, и сухимъ тѣлосложеніемъ. Голосъ его отрывистый, густой и громкій, имѣетъ нѣкоторое сходство съ тонами инструмента, которому онъ себя посвятилъ. Вообще въ немъ можно замѣтить непреклонный, неукротимый, упругій какъ мѣдь духъ, какъ будто онъ самъ составляетъ бассонъ въ человѣческомъ оркестрѣ. Молодой Вуличъ совершенный типъ свѣжаго, неразбитаго еще и незаглушаго барабана.

Отецъ и сынъ радушно привѣтствуютъ кавалериста. Когда послѣдній объясняетъ, какъ прилично благовоспитанному и искусившемуся въ дѣлахъ человѣку, что онъ пришелъ къ мистеру Бэгнету за совѣтомъ, мистеръ Бэгнетъ гостепріимно объявляетъ, что онъ не намѣренъ говорить о дѣлахъ прежде обѣда, и что пріатель его не воспользуется его совѣтомъ прежде чѣмъ не откушаетъ варенаго поросенка съ салатомъ. Кавалеристъ одобряетъ подобное предложеніе, и мистеръ Бэгнетъ, чтобы не помѣшать хозяйственнымъ приготовленіямъ, уводитъ гостя прогуляться взадъ и впередъ по проулку, который они проходятъ мѣрными шагами, скрестивъ на груди руки, точно будто разгуливая по крѣпостному валу.

— Джорджъ, говоритъ мистеръ Бэгнетъ. — Ты знаешь меня. Моя баба настоящая у меня совѣтница. У нея есть на это смѣлка. Я же прежде нея не принимаюсь ни за какое дѣло. Должно поддерживать дисциплину. Погоди пока салатъ и корниа выйдуть у нея изъ головы; тогда мы спросимъ у нея совѣта. Что моя баба скажетъ, такъ тому и быть!

— Я совершенно согласенъ съ тобою, Мать, отвѣчаетъ тотъ. — Я скорѣе готовъ держаться ея мнѣнiя, чѣмъ мнѣнiя какой нибудь коллегiи.

— Коллегiя, отвѣчаетъ мистеръ Бэгнетъ отрывистыми фразами, которыя произноситъ голосомъ звучнымъ какъ бассонъ. — Какая коллегiя научить тебя переѣхать изъ другой части свѣта.... когда за душой ничего кромѣ зеленого сертучишка да зонтика... какая коллегiя научить тебя добратся домой въ Европу? А моя баба сдѣлаетъ это хоть завтра. Доказала вѣдь ужъ?

— Правда, правда! говоритъ мистеръ Джорджъ. — Приятно слышать это, Мать.

— Моя баба, продолжаетъ мистеръ Бэгнетъ съ увлеченiемъ: — кромѣ того умѣетъ откладывать запасы. У нея гдѣ-то есть копилка. Никогда не видалъ, а знаю, что есть. Дай только зелени выйдти у нея изъ головы; тогда она поставитъ тебя на ноги.

— Она настоящее сокровище! восклицаетъ мистеръ Джорджъ.

— Больше чѣмъ сокровище. Но я никуда не суюсь прежде ея. Должно соблюдать дисциплину. Моя же баба открыла во мнѣ и музыкальныя способности. Я бы и теперь былъ въ артиллерiи, если бы не она. Шестъ лѣтъ я игралъ на скрипкѣ. Десять лѣтъ дулъ во флейту. Баба моя сказала, что это не дѣло, что тонъ есть да мало бѣглости; попробуй дескать на бассонѣ. Вотъ она достала бассонъ у капельмейстера карабинернаго полка. Надувалъ, надувалъ, звикъ во немногу, и теперь, какъ видишь, тутъ мой хлѣбъ настоящий.

Джорджъ замѣчаетъ, что она свѣжа какъ роза и сочна какъ яблоко.

— Баба моя, говоритъ мистеръ Бэгнетъ въ отвѣтъ: — весьма миловидная женщина. Потому она похожа на красный день: чѣмъ дальше тѣмъ лучше. Я никогда еще не видалъ бабы, которая была бы ей подъ стать. Но я никогда не суюсь въ дѣла прежде ея. Должно соблюдать дисциплину.

Разговаривая такимъ образомъ о разныхъ предметахъ, они ходятъ взадъ и впередъ по проулку, пока наконецъ Квасбекъ и Мальта не зовутъ ихъ отдать справедливость поросенку и зелени. Надъ этими лствами мистриссъ Бэгнетъ, какъ полковой капелланъ, про-

вносить короткую молитву. Въ распредѣленіи кушанья, какъ и во всѣхъ другихъ дѣлахъ домашняго хозяйства, мистриссъ Бэгнетъ руководствуется строгою системою. Она ставитъ каждую тарелку перель собою; прибавляетъ къ каждой порціи поросенка необходимую дозу сова, зелени, картофелю и даже горчицы, затѣмъ полагаетъ все это уже въ полномъ изыщномъ составѣ. Разнеся такимъ же образомъ и пиво въ кружки и снабдивъ обѣденный столъ всѣми необходимыми принадлежностями, мистриссъ Бэгнетъ принимается утолять свой собственный голодъ, который свидѣтельствуетъ о здоровомъ состояніи ея желудка. Столовый сервизъ, если только можно назвать такъ посуду, составлявшую принадлежность обѣда, главнымъ образомъ сдѣланъ изъ жести и рога и служилъ уже хозяевамъ въ разныхъ частяхъ свѣта. Въ особенности ножикъ Молодого Вулича, принадлежащій по черенку къ устричному разряду и одаренный особенною склонностью чрезвычайно скоро закрываться, склонностію, которая нерѣдко раздражаетъ аппетитъ юнаго музыканта, замѣчательнъ тѣмъ, что прошелъ нѣсколько рукъ и совершилъ полную карьеру заграничной службы.

По окончаніи обѣда, мистриссъ Бэгнетъ, вспоможествуемая младшими членами своего семейства (которые сами моютъ и чистятъ свои кружки, тарелки, ножи, и вилки), доводитъ весь столовый сервизъ до того же блестящаго положенія, въ какомъ онъ былъ прежде, и убираетъ его. При этомъ она обметааетъ очагъ, чтобы мистеръ Бэгнетъ и гость его безъ замедленія и съ полнымъ комфортомъ могли закурить свои трубки. Эти домашнія занятія сопровождаются безпрестанными переходами по заднему двору и употребленіемъ въ дѣло ведра, которое наконецъ имѣетъ удовольствіе служить къ омовенію самой мистриссъ Бэгнетъ. Когда хозяйка дома является такимъ образомъ въ освѣженномъ и украшенномъ видѣ, принимается за иголку, тогда, только тогда — ибо ранѣе нельзя было считать голову ея освобожденною отъ мысли о зелени — мистеръ Бэгнетъ приглашаетъ кавалериста приступить къ исполненію дѣла.

Мистеръ Джорджъ принимается за это съ чрезвычайною умѣренностію. Онъ, по видимому, обращается къ мистеру Бэгнету и только однимъ глазкомъ смотритъ все время на бабенку; точно также поступаетъ и мистеръ Бэгнетъ въ отношеніи къ мистеру Джорджу. Мистриссъ Бэгнетъ, скромная подобно имъ, внимательно занимается шитьемъ. Когда дѣло было доложено и разъяснено, мистеръ Бэгнетъ прибѣгнувъ къ своей любимой уловкѣ соблюденія дисциплины.

— И это все, не правда ли, Джорджъ? вопрошаетъ онъ.

— Это все.

— И ты намъренъ дѣйствовать согласно моему мнѣнію?

— Я совершенно буду имъ руководствоваться, отвѣчаетъ Джорджъ.

— Старуха, говоритъ мистеръ Бегнетъ: — скажи ему мое мнѣніе. Ты знаешь его. Скажи ему какъ быть дѣлу.

Не должно связываться съ людьми, которые для насъ самымъ глубокимъ образомъ; въ дѣлахъ, которыхъ мы не ведемъ совершенно, слѣдуетъ обходиться весьма осторожно. Необходимо поставить себя главнымъ правиломъ ничего не дѣлать въ потемкахъ и ощупью, не принимать участія ни въ какомъ скрытномъ или таинственномъ предпріятіи и не соваться туда, гдѣ не видно броду. Вотъ въ сущности мнѣніе мистера Бегнетъ, высказанное устами его старухи. Мнѣніе это до такой степени просвѣтляетъ умъ Джорджа, поддерживая его личный взглядъ на вещи и прогоняя его сомнѣнія, что онъ рѣшается, противъ обыкновенія, выкурить еще трубочку и принимается толковать о добромъ старомъ времени со всѣми членами семьи Бегнетъ, на основаніи добытыхъ ими опытовъ и наблюденій.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, въ совокупности взятыхъ, мистеръ Джорджъ поднимается со стула и вытягивается во всю длину своего роста уже тогда, когда бассону и флейтѣ настаетъ время идти въ театръ, гдѣ ихъ ожидаетъ британская публика; но и теперь мистеръ Джорджъ, по свойственному ему характеру доминантно баловника и баловника, не скоро успѣваетъ разпрощаться съ Клебекомъ и Мальтой. Онъ опускаетъ въ карманъ къ своему крестному шиллингу, поздравляетъ его съ успѣхами въ жизни и возвращается въ Линкольнскія Поля уже тогда, когда на дворѣ сдѣлалось совершенно темно.

— Семейный домъ, бормочетъ онъ самъ съ собою, идя вдоль по улицѣ: — какъ бы ни былъ онъ упрямъ, заставляетъ человѣка, подобнаго мнѣ, считать себя одинокимъ. Но хорошо, что я никогда не рѣшился на брачную эволюцію. Я не годился бы для нея. Я такой бродяга отъ природы, даже въ теперешніе мои годы, что я не усидѣлъ бы дома и съ мѣсяцъ, особенно если бы приходилось имѣть постоянную квартиру, а не кочевать по цыгански. Что же въ самомъ дѣлѣ! Я никого не обижая, никому не въ тягость: это уже что нибудь да значить. Такъ размышляетъ онъ, продолжая свой путь.

Идя къ дому, гдѣ проживалъ мистеръ Токкинхорнъ, и подвѣсившись на лѣстницу, онъ находитъ наружную дверь запертою и комнаты неосвѣщенными. Но кавалеристъ, не слишкомъ глубоко

посвященный въ дѣлѣ наружныхъ дверей, при томъ иррабѣ, который облакалъ лѣстницу, начинаетъ возиться и шарить въ надеждѣ отыскать ручку отъ звонка или отворить себѣ дверь. Въ это время мистеръ Толкинхорнъ съ обычнымъ хладнокровіемъ появляется наверху лѣстницы и спрашиваетъ съ неудовольствіемъ.

— Кто тутъ? Чтѣ вы тутъ дѣлаете?

— Простите, сэръ. Это Джорджъ.... это сержантъ.

— А развѣ Джорджъ, сержантъ, не могъ разглядѣть, что дверь моя заперта?

— Именно, сэръ, я не могъ. Въ всякомъ случаѣ, я не разглядѣлъ, говоритъ кавалеристъ, нѣсколько разгорячившись.

— Ну, что, перемѣнили вы свое мнѣніе, или остаетесь при прежнемъ? спрашиваетъ мистеръ Толкинхорнъ. Между тѣмъ онъ съ перваго взгляда угадалъ уже отвѣтъ кавалериста.

— При томъ же мнѣніи, сэръ.

— Я такъ и думалъ. Этого довольно. Вы можете отправляться. Въѣдъ вы тотъ человѣкъ, продолжаетъ мистеръ Толкинхорнъ, отирая ключомъ дверь, тотъ самый человѣкъ, въ квартирѣ котораго найденъ былъ мистеръ Гридли?

— Да, я тотъ человѣкъ, отвѣчаетъ кавалеристъ, опустившись на двѣ или три ступеньки. — А что же, сэръ?

— Что же? Я не очень-то одобряю ваше сообщество. Вы не преступили бы за порогъ моей комнаты сегодня утромъ, если бы я зналъ, что вы тотъ человѣкъ. Гридли? Да это страшный, опасный злодѣй, готовый на всякое убійство.

Съ этими словами, произнесенными съ необычайнымъ возвышеніемъ голоса, что съ нимъ случилось очень рѣдко, адвокатъ идетъ въ свои комнаты и захлопываетъ дверь съ оглушающимъ громомъ.

Мистеръ Джорджъ ирринадъ эту манеру прощаться съ весьма неблагоприятной стороны, тѣмъ болѣе, что писецъ входящій въ это время на лѣстницу, безъ сомнѣнія, слышалъ послѣднія слова адвоката и конечно примѣнилъ ихъ къ нему, Джорджу: «много нужно извести, чтобы перевести это», ворчитъ кавалеристъ, произнося наскоро кой-какую брань и спускался по лѣстницѣ. «Страшный, опасный злодѣй!» и валянувшись въ это время вверхъ, онъ видитъ лица, который смотритъ на него и слѣдитъ за нимъ, какъ онъ пройдетъ мимо фонаря. Это такъ усиливаетъ его досаду, что онъ еще остается мнугъ на пять, какъ призракъ. Не онъ прогоняетъ свои раздумья, постигаетъ, удаляетъ отъ себя иррачныя мысли и идетъ въ свою галерею для стрѣльбы въ цѣль и другихъ гимнастическихъ упражненій.

ГЛАВА XXVIII.

ЖЕЛѢЗНЫЙ ЗАВОДЧИКЪ.

Сэръ Лэйстеръ Дэдлокъ приобрѣлъ себѣ въ самомъ высшемъ градусѣ фамильную подагру. Онъ живетъ съ полнымъ удобствомъ въ Линкольншэирѣ; но воды выступили изъ рѣкъ и потопили низменные земли, холодъ и туманъ собираются въ Чесни-Воулдъ, несмотря на его укрѣпленія, и проникаютъ въ кости сэра Лэйстера. Пылающіе огни отъ дровъ и каменнаго угля — дэдлокскіе брусья и допотопные дѣса, которые тлѣютъ на обширныхъ очагахъ и мерцаютъ въ сумракѣ нахмуреннаго бора, съ уныніемъ взирающаго, какъ исчезаютъ деревья, не могутъ прогнать непріятеля. Трубы съ горячею водою, которыя протягиваются по всему дому, обитыя войлоками и подушками двери и оконныя рамы, ширмы и гардины не могутъ однако достаточно помочь дѣйствіямъ и удовлетворить вполнѣ требованіямъ сэра Лэйстера. Вслѣдствіе сего въ фешенебельныхъ кругахъ околотка разносится въ одно прекрасное утро слухъ, что леди Дэдлокъ вскорѣ отправляется на нѣсколько недѣль въ городъ.

Печальная, но не менѣе того неподлежащая сомнѣнію, та истина, что даже важные люди имѣютъ у себя бѣдныхъ родственниковъ. Такимъ образомъ у сэра Лэйстера есть двоюродные братья, которые до того бѣдны, что можно съ вѣроятностію допустить, что для нихъ лучше бы было не красоваться на золотомъ древѣ фамиліи Дэдлоковъ.

Между тѣмъ теперь они не могутъ (за весьма малыми исключеніями тѣхъ изъ нихъ, которые очерта голову, ищутъ почета, не гоняясь за выгодами) служить, ибо тому препятствуетъ семейное достоинство Дэдлоковъ. Потому они ѣздятъ къ своимъ богатымъ кузенамъ и кузинамъ, дѣлаютъ долги, когда имъ это удастся, и живутъ по нищенски, когда не находятъ кредита; женская половина ихъ не находятъ себѣ шужей, мужская не находитъ женъ, они ѣздятъ въ наемныхъ каретахъ, сидятъ на пирахъ, которыхъ никогда не даютъ на свой счетъ, и такимъ образомъ кое-какъ тлвутся за большимъ свѣтомъ.

Такимъ же образомъ всякій, кто являлся въ домъ къ сэру Лэйстеру Дэдлоку, желалъ казаться болѣе или менѣе его кузеномъ или кузиной. Отъ милорда Будля, Герцога Фудля и такъ далѣе до Нудля, сэръ Лэйстеръ, подобно громадному пауку, распространяетъ ни-

ти своего родства. Но несмотря на подобное шествіе дальнихъ родственниковъ, онъ съ ними ласковъ и даже довольно щедръ и въ настоящую минуту, несмотря на туманъ и сырость, онъ выдерживаетъ посѣщеніе нѣсколькихъ кузеновъ и кузинъ, вріѣхавшихъ въ Чесна-Воулдъ, выдерживаетъ съ самоотверженіемъ привычнаго страдальца.

Изъ числа ихъ первое мѣсто занимаетъ Волюнія Дэдлокъ, молодая леди (шестидесяти лѣтъ), пользующаяся большимъ уваженіемъ потому что, съ материнской стороны, она имѣетъ несть быть бѣдной родственницей другой знаменитой фамиліи. Миссъ Волюнія, показавъ въ самыхъ юныхъ лѣтахъ необыкновенный талантъ вырѣзывать фигурки изъ цвѣтной бумаги и пѣть подъ звуки гитары испанскія пѣсни, рассказывая въ промежуткахъ французскіе анекдоты, провела двадцать лѣтъ жизни, между двадцатью и сорока годами, довольно пріятно. Потомъ, забывъ счетъ пережитыхъ зимъ и убѣдившись, что ея испанскія пѣсни считаются вообще ничомъ для человѣчества, она удалилась въ Батъ; тамъ она перебивается кое-какъ на ежегодные денежныя подарки, которые дѣлаетъ ей сэръ Лейстеръ и оттуда является отъ времени до времени навѣщать по деревнямъ своихъ кузеновъ и кузинъ. У нея обширное знакомство въ Батѣ въ кругу разбитныхъ старыхъ джентльменовъ съ тонкими ногами, одѣтыми въ нанковыя брюки, и вообще она высоко стоитъ въ общественномъ мнѣніи этого скучнаго города. Но во всѣхъ другихъ домахъ ея немного боятся при взглядѣ на огромное количество румянъ, покрывающихъ ея щеки и на старое жемчужное ожерелье, которое украшаетъ ея набѣленную шею. Во всякомъ изобильномъ мнѣніи Волюнія непремѣнно попадала бы въ списокъ особъ, пользующихся пещіей. Были люди, которые и старались включить ее въ это число, и когда пріѣхалъ Вильямъ Буффи, всѣ ожидали, что имя ея будетъ отмѣчено противу суммы двухъ сотъ фунтовъ ежегодно. Но Вильямъ Буффи открылъ какимъ-то образомъ противъ всеобщаго ожиданія, что теперешнія времена для этого неудобны; и это было первое ясное указаніе, которымъ сэръ Лейстеръ обязанъ ему, въ подкрѣпленіе своего убѣжденія, что общественный организмъ постепенно разпадается. Тутъ же и достопочтенный Бобъ Стэблзъ, который умѣетъ готовить конскую примочку съ искусствомъ ветеринарнаго врача и который стрѣляетъ лучше всякаго записнаго егеря. Онъ нѣкоторое время изъявлялъ довольно горячее желаніе служить своему отечеству и получать за то хорошее жалованье, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы должность его не была сопряжена съ безпокойствомъ и отвѣтственностью. При благоприятныхъ обстоятель-

ствахъ, это естественное желаніе со стороны умнаго молодого джентльмена, имѣющаго знатное родство, было бы тотчасъ удовлетворено; но какими-то судьбами Вильямъ Буэни нашелъ, по припадѣ своему, что теперь не время заниматься такими мелочами; и это послужило поводомъ къ вторичному замѣчанію со стороны сэра Лейстера Дэдлока, о томъ что общественный организмъ постепенно разпадается.

Остальные изъ кузновъ и кузеновъ были люди и джентльмены различныхъ лѣтъ и разнообразныхъ талантовъ; большая часть изъ нихъ любезны и чувствительны. Они, кажется, считаютъ, что совершили слишкомъ много хорошаго для жизни, родившись на свѣтъ, на которомъ у нихъ такъ много кузеновъ и кузинъ. Но это избытокъ родни отчасти и стѣсняетъ, и затрудняетъ ихъ: бездѣйствуя, они не рѣшаются избрать для себя дорогу къ милосердію того или другого родственника и, по видимому, точно также терпятъ, не зная, что съ собою дѣлать, какъ другіе терпятъ, не зная куда съ ними дѣваться.

Въ этомъ обществѣ — да и гдѣ бы то ни было — миледи Дэдлокъ владычествуетъ съ неоспоримымъ правомъ. Будучи прекрасной наружности, одѣваясь изящно, достигнувъ возможнаго возвышенія и могущества въ своемъ маленькомъ мірѣ (потому что модный міръ не занимаетъ всего пространства между обоими земными полюсами) она, несмотря на нѣкоторое высокомеріе и равнодушіе, которыя протѣкаютъ въ ея обхожденіи, все-таки содѣйствуетъ просвѣщенію и утонченію своего избраннаго круга. Двоюродные братья и сестры, даже старшіе изъ числа ихъ, которые лежали уже въ параличѣ въ то время, какъ сэръ Лейстеръ женился на ней, питаютъ къ ней чисто феодалное уваженіе, и достопочтенный Бобъ Стаблзъ ежедневно повторяетъ нѣкоторымъ довѣреннымъ лицамъ, между завтракомъ и обѣденною закускою, свою оригинальную замѣтку, что «въ цѣломъ заводѣ ни за одной маткой нѣтъ таково ухаду, какъ за миледи Дэдлокъ».

Таково общество, собравшееся въ длинной гостиной въ Честин-Воулдъ. Скоро настанетъ пора ложиться спать. Каминны въ спальняхъ по всему дому пылаютъ ярко, какъ будто вызывая призраковъ изъ-подъ старинныхъ комнатныхъ орнаментовъ и съ расписанныхъ потолковъ. Ночники стоятъ приготовленные на отдаленномъ столѣ и кузены и кузины позывываютъ, разлегшись на оттоманахъ. Кузены и кузины сидятъ за фортепьяно, кузины и кузены пьютъ соловую воду, кузины и кузены встаютъ изъ-за карточныхъ столовъ, кузины и кузены толпятся около каминна. У своего привычнаго каминна (потому что ихъ два въ комнатѣ) стоитъ

сэръ Лэйстеръ. Съ противоположной стороны сидитъ миледи за столомъ. Волюмнiя, какъ одна изъ приближенныхъ кузней, расположилась между ними на великолѣпномъ креслѣ. Сэръ Лэйстеръ съ худо скрываемымъ неудовольствiемъ смотритъ на ея наруганные щеки и ея жемчужное ожерелье.

— Я печально встрѣтила здѣсь на крыльцѣ, говоритъ Волюмнiя, которой мысли давно уже блуждаютъ около постели, послѣ длиннаго вечера, проведеннаго въ скучной, утомительной бесѣдѣ : — одну изъ прекраснѣйшихъ дѣвушекъ, какихъ мнѣ когда либо удавалось видѣть.

— Это *protégé* миледи, замѣчаетъ Лэйстеръ.

— Я такъ и думала. Нужно имѣть образованный взглядъ, чтобы отыскать такую дѣвушку. Она въ самомъ дѣлѣ чудо. Можетъ быть нѣкоторые станутъ сравнивать ее съ куклой, но въ своемъ родѣ она совершенство; такого розанчика я еще не видывала!

Сэръ Лэйстеръ, бросивъ высокомерно недовольный взглядъ на наруганные щеки Волюмнiя, кажется, соглашается съ ея мнѣнiемъ.

— Впрочемъ, замѣчаетъ миледи дѣшнымъ, изнѣженнымъ голосомъ : — впрочемъ, если въ выборѣ дѣйствовалъ тутъ образованный глазъ, то никакъ не мой, а мистриссъ Ронсвелъ. Роза ея находка.

— Она ваша горячая, не правда ли?

— Нѣтъ. Такъ что-то такое, родъ секретаря-компаньонки, сама не знаю что именно.

— Вамъ прiятно имѣть ее возлѣ себя, какъ прiятно имѣть цвѣтокъ, птичку, картинку или напрумѣръ пуделя, впрочемъ, пудель нейдетъ сюда, — однимъ словомъ, все миловидное имѣетъ съ ней сходство, говоритъ Волюмнiя вкрадчивымъ голосомъ. — Ахъ, какъ она мила! И какою доброю смотритъ эта мистриссъ Ронсвелъ. Она должна быть уже очень и очень зрѣлыхъ лѣтъ, а между тѣмъ какъ до сихъ поръ дѣятельна и свѣжа! Она у меня рѣшительно самая дорогая и самая близкая изъ подругъ!

Сэръ Лэйстеръ находитъ весьма справедливымъ и приличнымъ, чтобы домоправительница Чесви-Воулдъ была такою замѣчательною особой. Независимо отъ сего, онъ особенно уважаетъ мистриссъ Ронсвелъ и любитъ, когда ее хвалятъ. Потому онъ говоритъ :

— Вы правы, Волюмнiя.

И Волюмнiя слышитъ этотъ отвѣтъ съ чрезвычайнымъ удовольствiемъ.

— У нея видъ нѣтъ своихъ дочерей, не правда ли?

— У мистриссъ Ронсвелъ? Нѣтъ, Волюмніа. У нея есть сынъ, да еще два сына.

Миледи, которой хроническая тоска была усилена въ этотъ вечеръ Волюмніей, съ нетерпѣніемъ поглядываетъ на ночникъ и выпускаетъ едва слышный вздохъ.

— И вотъ еще замѣчательный примѣръ того замѣчательства, въ которое впалъ нынѣшній вѣкъ, наравнѣ съ уничтоженіемъ медовыхъ признаковъ, съ открытіемъ шлюзовъ, потопленіемъ луговъ и проч., говоритъ сэръ Лэйстеръ съ мрачнымъ видомъ: — мистеръ Толкинхорнъ недавно говорилъ мнѣ, что сына мистриссъ Ронсвелъ приглашали въ Парламентъ.

Миссъ Волюмніа издаетъ слабый, но довольно рѣзкій крикъ.

— Да, дѣйствительно, повторяетъ сэръ Лэйстеръ: — въ Парламентъ.

— Я никогда не слыхивала ничего подобнаго! Ахъ, Боже мой, да кто же этотъ человѣкъ, какъ зовутъ его? восклицаетъ Волюмніа.

— Его зовутъ.... онъ извѣстенъ подъ именемъ, если не ошибаюсь, подъ именемъ Желѣзнаго Заводчика.

Сэръ Лэйстеръ произноситъ эти слова протяжно, нехотя, тономъ сомнѣнія. Онъ увѣренъ только, что человѣкъ, о которомъ идетъ рѣчь, не называется Свинцовой Заводчицей, но въ то же время сознаетъ, что истинное названіе имѣетъ какую-то связь съ названіемъ одного изъ металловъ.

Волюмніа вторично издаетъ слабый визгъ.

— Онъ отклонилъ эту предложеніе, если только свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ мистеромъ Толкинхорномъ, вѣрны, въ чемъ я не имѣю причинъ сомнѣваться, потому что мистеръ Толкинхорнъ всегда особенно правдивъ и точенъ; но, продолжаетъ сэръ Лэйстеръ: — это не ослабляетъ аномаліи, свидѣтельствующей объ особенной, непостижимой внимательности и неповатномъ для меня уваженіи къ этому человѣку.

Такъ какъ миссъ Волюмніа бросаетъ въ это время нетерпѣливый взглядъ на подсвѣчникъ, то сэръ Лэйстеръ, со всѣми пріемами учтиваго человѣка, обходитъ комнату, приноситъ свѣчку и зажигаетъ ее у угасающей лампы миледи.

— Прошу васъ, миледи, говоритъ онъ въ это время: — оставайтесь здѣсь на нѣсколько минутъ, потому что человѣкъ, о которомъ я говорилъ, пріѣхалъ сюда сегодня вечеромъ, незадолго до обѣда, и изъявляетъ желаніе, въ очень приличномъ письмѣ... (сэръ Лэйстеръ, съ свойственнымъ ему уваженіемъ къ справедливости, останавливается здѣсь и повторяетъ) да, я обязанъ это сказать... въ очень

приличномъ и хорошо изложенномъ письмѣ, изъявлялъ желаніе переговорить съ вами и со мною относительно этой дѣвушки. Такъ какъ онъ хотѣлъ отправиться навадъ въ ночь, то я и отвѣчалъ ему, что мы попросимъ его передъ нашимъ уходомъ въ спальню.

Миссъ Волюмпія, все съ прежнимъ визгомъ, обращается въ бѣгство, желая своимъ хозяевамъ счастливіе отдѣлаться отъ этого — кто его знаетъ, что онъ за человѣкъ? — отъ этого Желѣзнаго Заводчика.

Остальные кузены и кузины также разсѣиваются всѣ до послѣдняго.

Сэръ Лейстеръ звонитъ въ колокольчикъ.

— Кланяйся мистеру Ронсвелу, который теперь въ комнатѣ домоправительницы, и скажи ему, что я могу теперь принять его.

Миледи, которая слушала все это, по видимому, довольно разсѣянно, смотритъ на мистера Ронсвела, вошедшаго въ комнату. Ему, можетъ быть, немного болѣе пятидесяти лѣтъ; онъ недурень собою, похожъ на свою мать, у него внятнѣйшій голосъ, широкое чело, на которомъ осталось мало его темныхъ волосъ, и хитрое, хотя и открытое, лицо. Онъ смотритъ человѣкомъ состоятельнымъ, одѣтъ въ черное, довольно тучень, но крѣпокъ и дѣятеленъ на видъ. У него очень непринужденныя, естественныя манеры, и онъ, какъ кажется, нисколько не смущается при видѣ тѣхъ особъ, съ которыми ему приходится говорить.

— Сэръ Лейстеръ и леди Дэдлокъ, прося у васъ позволенія переговорить съ вами, я не могу предпринять ничего лучшаго какъ быть, по возможности, краткимъ. Очень вамъ благодаренъ, сэръ Лейстеръ.

Головы Дэдлоковъ наклоняются по направленію къ софѣ, стоящей между сѣромъ Лейстеромъ и миледи. Мистеръ Ронсвелъ спокойно занимаетъ тамъ мѣсто.

— Въ нынѣшнее практическое время, когда столько великихъ предпріятій въ ходу, у людей подобныхъ мнѣ такъ много рабочихъ въ разныхъ мѣстахъ, что приходится быть въ постоянныхъ разъѣздахъ.

Сэръ Лейстеръ доволенъ, что Желѣзный Заводчикъ не увидитъ по крайней мѣрѣ здѣсь суматохи и хлопотъ — здѣсь, въ этомъ старинномъ домѣ, стоящемъ посреди безмолвнаго парка, гдѣ плющъ и мхи развиваются на свободѣ, гдѣ сучковатыя и шероховатыя вяза и тѣнистыя дубы густо одѣлись лопушникомъ и своей собственной столѣтней корой и гдѣ солнечныя часы, поставленные на террасѣ, безмолвно въ продолженіе вѣсколькихъ столѣтій, показывали время, составлявшее неотъемлемую собственность каждаго изъ Дэдло-

ность. Сэръ Лейстеръ сидитъ на мягкомъ креслѣ и невольно сравниваетъ собственное ономощствіе и величину Чесни-Воудда вообще съ безпрестанными хлопотами желѣзныхъ заводчиковъ.

— Леди Дэдлокъ была тая милоштира, продолжаетъ мастеръ Ропвелъ съ почитательнымъ поклономъ по направленію къ миледи: — что помѣстила при себѣ молодую и прекрасную собою дѣвушку, по имени Розу. Тенерь сынъ мой влюбился въ эту Розу и просилъ у меня позволенія сдѣлать ей предложеніе. Я никогда не видалъ Розы до нынѣшняго дня, но я слишкомъ увѣренъ въ благоразуміи моего сына даже въ дѣлѣ любви. Я нашелъ ее именно такою, какою онъ мнѣ ее представлялъ, а матушка моя отвѣщается о ней съ самой выгодной стороны.

— И она заслуживаетъ этого во всѣхъ отношеніяхъ, замѣчаетъ миледи.

— Я очень счастливъ, леди Дэдлокъ, что вы изволите это говорить; я не считаю нужнымъ объяснять, въ какой мѣрѣ ваше снисходительное мнѣніе о ней важно для меня.

— Я тоже, замѣчаетъ сэръ Лейстеръ съ невыразимымъ величіемъ, потому что онъ считаетъ, что желѣзный заводчикъ слишкомъ уже развязанъ на языкъ: — я тоже думаю, что это совершенно излишне.

— Совершенно излишне, сэръ Лейстеръ. Но видите ли, сынъ мой очень молодой человекъ, а Роза очень молодая дѣвушка. Точно такъ же, какъ я сдѣлалъ свою карьеру, сынъ мой долженъ будетъ дѣлать свою, и потому о женитьбѣ его въ настоящее время не можетъ быть и рѣчи. Но предположивъ, что я дамъ ему согласіе жениться на этой миленькой дѣвушкѣ, если она съ своей стороны будетъ на то согласна, я считаю долгомъ заранѣе высказать, а увѣренъ, что вы, сэръ Лейстеръ и леди Дэдлокъ, поймете и извините меня, что это можетъ быть съ тѣмъ лишь условіемъ, что она не останется въ Чесни-Воуддѣ. Потому, прежде нежели я войду съ сыномъ въ рѣшительные переговоры объ этомъ предметѣ, осмѣливаюсь предупредить васъ, что если вамъ будетъ неприятно или неудобно отпустить эту дѣвушку, то я постараюсь удовлетворить это дѣло на нѣкоторое время и оставить его въ томъ же положеніи, въ какомъ оно теперь.

Не оставлять въ Чесни-Воуддѣ, предлагать условіе! Вотъ премія предубѣжденія противу Ватта Тэйлера и всѣхъ желѣзныхъ заводчиковъ, которые только и показываются на улицахъ, какъ при свѣтѣ факеловъ, дѣлымъ роємъ низкоидать на голову сэра Лейстера, на которой прекрасныя сидятъ, точно такъ же, какъ и те-

досы его бакенбарды, поднимаются теперь дыбомъ отъ негодованія.

— Долженъ ли я, говоритъ саръ Лэйстеръ : — и должна ли миледи понять... онъ привлекаетъ жену свою къ отвѣту, во первыхъ, изъ вѣжливости, во вторыхъ, въ видахъ осторожности, такъ какъ онъ чрезвычайно уважаетъ ея мнѣніе : — долженъ ли я, мистеръ Ронсвелъ, и должна ли миледи понять, сэръ, что вы считаете эту молодую дѣвушку слишкомъ достойною для Чесни-Воулда, или вы, быть можетъ, полагаете для нея унизительно оставаться здѣсь ?

— Конечно, нѣтъ, сэръ Лэйстеръ.

— Съ удовольствіемъ слышу это.

Саръ Лэйстеръ произноситъ эти слова, возмевъ голову.

— Позвольте, мистеръ Ронсвелъ, говоритъ миледи, отстраняя сара Лэйстера легкимъ движеніемъ своей прекрасной руки, какъ будто бы она прогнала муху : — потрудитесь мнѣ объяснить, что вы хотите этимъ сказать.

— Съ удовольвіемъ, леди Дэдлокъ. Я ничего бы не желалъ лучшаго.

Обращая свое лицо, котораго умное выраженіе слишкомъ живо и дѣятельно, чтобы его можно было скрыть подъ заученнымъ, обычнымъ равнодушіемъ, къ рѣзкому саксонскому лицу гостя, котораго можно назвать типомъ рѣшительности и твердости, миледи внимательно слушаетъ его, изрѣдка наклоняя немного голову.

— Я сынъ вашей домоправительницы, леди Дэдлокъ, и провелъ дѣтство около этого дома. Моя мать жила здѣсь полстолаѣтія и, безъ сомнѣнія, здѣсь же положить свои кости. Она одинъ изъ тѣхъ примѣровъ любви, привязанности и вѣрности въ своемъ званіи, которыми Англія можетъ гордиться. Извините меня, что я удаляюсь такимъ образомъ отъ главнаго предмета. Я боялся, чтобы вы не подумали, продолжалъ онъ, обращаясь къ сэру Лэйстеру : — что я стыжусь положенія моей матери здѣсь, или что я не чувствую должнаго уваженія къ Чесни-Воулду и всему вашему семейству. Я, конечно, могъ бы пожелать, я даже и желалъ этого, леди Дэдлокъ, чтобы матушка моя оставила васъ, прослуживъ вамъ такъ много лѣтъ, и окончила дни свои при мнѣ. Но когда я увидалъ, что расторгать эти крѣпкія узы значило бы разтерзать ея сердце, я тотчасъ же отказался отъ этой мысли.

Саръ Лэйстеръ опять принялъ очень величественную позу, услышавъ, что мистриссъ Ронсвелъ такъ мужественно противопоставляла убѣжденіямъ провести остатокъ жизни съ Желѣзнымъ Заводчикомъ.

— Я былъ , продолжалъ гость скромнымъ , но прямодушнымъ тономъ : — нѣкоторое время ученикомъ , рабочимъ . Я жилъ долго и долго поденщикомъ и долженъ былъ самъ образоваться , по мѣрѣ возможности . Жена моя была дочерью подмастерья и прекрасно воспитана . У насъ было три дочери и сынъ , о которомъ я уже вамъ говорилъ . Къ счастью мы могли дать имъ большія средства къ образованію , чѣмъ какія сами имѣли въ молодости ; мы воспитывали ихъ хорошо . Главнѣйшею заботою и первымъ удовольствіемъ нашимъ было сдѣлать ихъ достойными какого нибудь общественнаго положенія . Все это такъ обыкновенно , леди Дэдлокъ , въ той сферѣ , въ которой я живу , и въ томъ сословіи , къ которому я принадлежу , что такъ называемые неравные браки встрѣчаются у насъ точно такъ же часто , какъ и въ другихъ слояхъ общества . Иногда сынъ открываетъ отцу своему , что онъ влюбленъ , и что предметъ его любви фабричная дѣвушка . Отецъ , который прежде самъ работалъ на фабрикѣ , сначала , можетъ быть , бываетъ недоволенъ выборомъ сына . Можетъ быть , у него есть въ отношеніи сына уже другіе виды . Между тѣмъ дѣло оканчивается тѣмъ , что , разузнавши , что дѣвушка хорошаго поведенія и кроткаго характера , онъ говоритъ сыну : «Я увѣренъ , что ты поступаешь въ этомъ дѣлѣ съ должною обдуманностью . Для васъ обоихъ это важный шагъ . Потому я полагаю отдать дѣвушку года на два поучиться» , или , можетъ быть , скажетъ такимъ образомъ : «Я помѣщу эту дѣвушку въ одно заведеніе съ твоими сестрами на такое-то время , въ продолженіе котораго ты долженъ дать мнѣ честное слово видѣться съ нею такъ-то часто . Если предъ истеченіемъ этого срока , когда она въ той мѣрѣ воспользуется преимуществами образованія , что вы оба будете мочь стать на одинъ уровень , если предъ истеченіемъ этого срока вы не переѣдете намѣреній своихъ , то я съ своей стороны сдѣлаю все , чтобы устроить ваше счастье .» Я много знаю случаевъ , подобныхъ описаннымъ мною , миледи , и мнѣ кажется , они должны руководить мною въ теперешнихъ обстоятельствахъ .

Величіе сѣра Лэйстера напрягается до того , что дѣлаетъ взрывъ . Приготовленія къ этому взрыву незамѣтны , но послѣдствія его ужасны .

— Мистеръ Ронсвелъ , говоритъ сэръ Лэйстеръ , заложивъ правую руку за бортъ своего синяго сюртука , официальная поза , въ которой онъ представленъ на портретѣ , висащемъ въ его галлерей : — неужели вы проводите параллель между Чесни-Воулдомъ и.... (здѣсь онъ останавливается , боясь захохотаться) и фабрикой ?

— Нечего и говорить , сэръ Лэйстеръ , что два эти мѣста совершенно различны между собою ; но по существу дѣла мнѣ кажется ,

что они могут быть поставлены въ паралель другъ съ другомъ.

Сэръ Лэйстеръ направляетъ свой величественный взглядъ сначала въ одну сторону длинной гостиной, потомъ въ другую, прежде нежели можетъ убѣдиться, что онъ слышитъ это на яву.

— Да знаете ли вы, сэръ, что эта молодая дѣвушка, которую миледи... миледи взяла состоять при своей особѣ, воспитывалась въ деревенской школѣ, что по ту сторону околлицы?

— Сэръ Лэйстеръ, это мнѣ очень хорошо извѣстно. Школа дѣйствительно прекрасная и поддерживается въ отличномъ порядкѣ стараніями вашей фамилии.

— Затѣмъ, мистеръ Ронсвелъ, возражаетъ сэръ Лэйстеръ: — затѣмъ я не понимаю примѣненія, которое вы сейчасъ сдѣлали.

— Понятіе ли будетъ для васъ, сэръ Лэйстеръ, если я скажу... желѣзный заводчикъ, говоря это, нѣсколько покраснѣлъ: — если я скажу, что деревенская школа не въ состояніи образовывать дѣвушку такъ, какъ я бы желалъ, чтобы была образована жена моего сына?

Отъ деревенской школы Чесни-Воулдъ, невредимой и спокойной въ эту минуту, блестящій умъ Дэллока стремительно переходитъ къ общему государственному организму, отъ общаго государственнаго организма въ его цѣлостномъ, здоровомъ состояніи къ тому же самому организму, получающему разрушительные удары отъ заблужденій людей (желѣзныхъ, оловянныхъ и стальныхъ заводчиковъ и заводчицъ и т. д.) и желанія ихъ выйти изъ того состоянія, въ которомъ родились, при чемъ — согласно быстрому логическому соображенію сэра Лэйстера — они по необходимости хватаются за первое общественное положеніе, которое попадетъ имъ на пути. Съ этимъ неразлучно желаніе воспитывать и другихъ людей выше ихъ состоянія.

— Миледи, прошу у васъ прощенія. Позвольте сказать мнѣ нѣсколько словъ. Она показала намѣреніе начать говорить. — Мистеръ Ронсвелъ, наши взгляды на долгъ гражданина, наши взгляды на общественное положеніе, наши взгляды на воспитаніе, наши взгляды на... однимъ словомъ, всѣ наши взгляды до того диаметрально противоположны, что продолжать подобное преніе было бы вредно и для вашихъ нервовъ, вредно и для моихъ. Эта молодая дѣвушка пользуется особеннымъ вниманіемъ и милостями миледи. Если она пожелаетъ избавиться отъ этого вниманія и этихъ милостей, или если она захочетъ подчиниться вліянію человѣка, который по своимъ исключительнымъ убѣжденіямъ... вы позволите мнѣ назвать это исключительными убѣжденіями, хотя я, разумеется,

сознаю, что никто не обязанъ давать мнѣ въ нихъ отчетъ... который по своимъ исключительнымъ убѣжденіямъ вадумаетъ устроить ее отъ этого вниманія и этихъ милостей, то конечно рѣшда можетъ это сдѣлать. Мы очень благодарны за прядодушіе, съ которымъ вы говорите. Во всякомъ случаѣ этотъ разговоръ не долженъ имѣть вліянія на положеніе молодой особы здѣсь. Кроме этого мы не налагаемъ никакихъ ограниченій; но, въ заключеніе, просимъ, если вы будете такъ снисходительны, прекратить разговоръ объ этомъ предметѣ.

Гость оставаляется на минуту, чтобы дать миледи случай сказать что-нибудь. Но миледи не произноситъ ни слова. Тогда онъ встаетъ и отвѣчаетъ.

— Сэръ Лейстеръ и ледь Дэдлокъ, позвольте мнѣ благодарить васъ за ваше вниманіе и вмѣстѣ замѣтить, что я очень серьезно буду совѣтовать сыну моему преодолѣть его настоящую страсть. Добрай ночи!

— Мистеръ Ронсвелъ, говоритъ сэръ Лейстеръ, выказывая всѣ признаки джентльменской натуры: — теперь поведено, а по дорогамъ темно. Я надѣюсь, что вы какъ ни скупитесь на время, но вѣрно позволите миледи и мнѣ предложить вамъ комнату въ Чесни-Вудлѣ, по крайней мѣрѣ хотъ на нынѣшнюю ночь.

— Я надѣюсь, присовокупляетъ миледи.

— Очень вамъ благодаренъ, но мнѣ должно провести всю ночь въ дорогѣ, чтобъ прійхать въ отдаленный пунктъ провинціи именно въ назначенный часъ завтра утромъ.

Железный Заводчикъ прощается; сэръ Лейстеръ зоветъ въ колоньчикъ, и миледи встаетъ, когда гость оставляетъ комнату.

Придя въ свой будуаръ, миледи садится въ раздумьи передъ каминномъ и смотритъ на Розу, которая пишетъ во внутренней комнатѣ. Миледи зоветъ ее.

— Поди сюда, дитя мое. Скажи мнѣ всю правду. Ты влюблена?

— О! миледи!

Миледи, взглянувъ на ея потупленное и вспыхнувшее личико, говоритъ, улыбаясь:

— Кто онъ такой? Не внукъ ли мистриссъ Ронсвелъ?

— Точно такъ, миледи. Но я еще хорошенько не знаю, точно ли я влюблена въ него.

— Ахъ ты, дурочка! А знаешь ли ты, что онъ тебя любитъ?

— Я думаю, что онъ любитъ меня хотъ немножко, миледи.

И Роза начинаетъ плакать.

Неужели это леди Дэдлокъ стоитъ возлѣ деревенской красавицы, лаская ея волосы съ материнской нѣжностью и смотря на нее глазами полными задумчиваго участія? Да это она!

— Послушай, дитя мое. Ты молода, простодушна, и я думаю, что ты предана мнѣ.

— Безъ сомнѣнія, миледи. Зато нѣтъ, кажется, ничего на свѣтѣ, чѣмъ бы я не пожертвовала, чтобы доказать вамъ это.

— И я не думаю, чтобы ты захотѣла меня теперь оставить, даже для избранника своего сердца.

— Нѣтъ, миледи; о, нѣтъ! Роза въ первый разъ поднимаетъ свой взоръ, содрогаясь при надежной мысли.

— Будь со мною откровенна, дитя мое. Не бойся меня. Я бы желала, чтобы ты была счастлива, и постараюсь это сдѣлать, если только я могу сдѣлать когонибудь на семь свѣтѣ счастливымъ.

Роза, проливая слезы, надаётъ на колѣни и цалуетъ ея руку.

Миледи беретъ руку дѣвушки и, смотря пристально на огонь, то жметъ эту руку своими руками, то выпускаетъ ее. Видя ея задумчивость, Роза потихоньку уходитъ. Глаза миледи все еще устремлены на огонь. Чего она ищетъ! Неужели руки, которой уже нѣтъ, которой, можетъ быть, никогда и не было, но одно приносновеніе къ которой могло бы какъ волшебствомъ преобразить всю ея жизнь? Слышаетъ ли она шаги Замогильнаго Призрака въ часъ полуночи, думаетъ ли она о томъ, ва что эти шаги могутъ быть похожи? На шаги ли мужчины или женщины? Вотъ долетаетъ до ея слуха легкій шорохъ, точно отъ неровной поступи маленькаго ребенка — ближе, ближе. Она подчиняется грустному расположенію духа и лии чего, кажется, таковой высокородной леди затворять двери и сидѣть одной у потухающаго камина?

Волюмнія на слѣдующій день уѣзжаетъ и всѣ кузены и кузны расхвываются до обѣда. Но за завтракомъ имъ приходится еще выслушать отъ сэра Лейстера отзывы объ уничтоженіи межевыхъ признаковъ, о потемненіи луговъ и проч. Не одинъ изъ кузеновъ чувствуетъ при этомъ довольно живое негодованіе, относя всѣ беспорядки къ слабому управленію Вильяма Буэни, и чувствуетъ себя, въ дѣлѣ ствѣ обмановъ и притисновъ, поставленныхъ не на должномъ мѣстѣ въ обществѣ, или національномъ спискѣ. Что касается до Волюмніи, то сэръ Лейстеръ сводитъ ее подъ руку на парадной лѣтницѣ, разуждая съ нею такъ горячо, какъ будто вся сѣверная Англія востала, чтобы завладѣть ея банкою съ румянами и жемчужнымъ ожерельемъ. И такимъ образомъ, въ сопровожденіи слугъ и дѣвушекъ, потому что отличительный признакъ дворянскихъ братьевъ

и сестеръ состоятъ въ томъ, что, перебиваясь сами кое-какъ, они должны непремѣнно содержать лакеевъ и горничныхъ, кузены и кузины разсѣиваются на всѣ четыре стороны, и зимній вѣтеръ, дующій въ эту минуту, сбрасываетъ поблекшія листья съ деревьевъ, растущихъ возлѣ опустѣвшаго дома, какъ будто всѣ кузены и кузины превратились въ древесную листву.

ГЛАВА XXIX.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Чесни-Воулдъ на запорѣ; ковры, свернутые въ большіе тюки, лежатъ по угламъ непріютныхъ комнатъ; роскошная штофная мебель тоскуетъ подъ холщевыми чехлами; рѣзба и позолота покрываются слоемъ пыли, и предки Дэдлоковъ прячутся отъ дневного свѣта. Вокругъ дома обильно падаютъ листья; но не вверху достигаютъ они земли, а кружатся въ воздухѣ съ какою-то мертвенною легкостію, которая наводитъ тоску и уныніе. Пусть саванникъ мететъ лужайки сколько душѣ его угодно, пусть собираетъ онъ сухія листья, наполняетъ ими до верху своею тележку и увозитъ ее, листья все-таки лежатъ вокругъ толстымъ слоемъ. Рѣзкій вѣтеръ обуреваетъ Чесни-Воулдъ; ненастный дождь бьетъ въ стекла оконъ, рамы скрипятъ, трубы каминовъ воютъ. Туманъ застилаетъ аллеи, закрываетъ проспекты и движется по землѣ съ какою-то могильною медленностію. Надъ всѣмъ домомъ носится сырой, бѣловатый паръ, точно надъ обширнымъ кладбищемъ: онъ напоминаетъ, по видимому, что давно умершіе и похороненные Дэдлоки странствуютъ здѣсь въ длинныя ночи и оставляютъ послѣ себя запахъ своихъ гробницъ.

За то городской домъ, который рѣдко раздѣляетъ общее настроеніе духа съ Чесни-Воулдомъ въ одно и то же время, который рѣдко веселится, когда веселится деревенскій собратъ, рѣдко печалится, когда тотъ въ уныніи, исключая случаевъ смерти кого либо изъ Дэдлоковъ, городской домъ какъ будто проснулся отъ продолжительной летаргіи. Теплый и свѣтлый на столько, сколько возможно въ настоящее время года, напичканный умоплетельнымъ омажомъ рѣдкихъ цвѣтовъ, какіе только въ состояніи переносить комнатную атмосферу, и заставляя такимъ образомъ забывать, что теперь зима, мирный и молчаливый, такъ-что только бой часовъ и трескъ углей въ каминѣхъ нарушаетъ тишину комматъ, онъ кажется обертыиваетъ оледенѣлыя кости сэра Лэйстера шерстянымъ одеяломъ

редужныхъ цвѣтовъ. И сэръ Лэйстеръ, по видимому, съ подлиннѣйшима величія самодовольствіемъ отдыхаетъ передъ большимъ каминомъ своей бібліотека, снисходительно осматривая переплеты и корешки книгъ или бросая одобрительные взгляды на красующіяся передъ нимъ произведенія изящныхъ искусствъ. У него есть древнія и новыя картины. Нѣкоторыя изъ нихъ принадлежать къ той легкой фантастической школѣ, въ которой искусство какъ будто забывало о своемъ высокомъ значеніи, и произведенія которой можно бы пустить въ продажу подъ самыми разнообразными именами. Таковы «Три стула съ высокими спинками, столъ, накрытый скатертью, бутылка съ длиннымъ горлышкомъ, наполненная виномъ, фляга, испанскій женскій костюмъ, трехъ-четвертной оригинальный портретъ миссъ Джоггъ *en face*, и кираса Донъ-Кихота». Или «Каменная, полуразвалившаяся терраса, гондола въ отдаленіи, полное облаченіе венеціанскаго сенатора, богато вышитый золотомъ бѣлый атласный костюмъ съ портретомъ миссъ Джоггъ въ профиль, кинжалъ, великолѣпно обдѣланный въ золото, съ ручкою изъ дорогихъ камней, изящная мавританская одежда (очень рѣдка), и Огелло.»

Мистеръ Толкинхорнъ приходитъ и уходитъ довольно часто; есть много капитальныхъ дѣлъ, которыя онъ долженъ обдѣлать, много контрактовъ, которые долженъ возобновить. Онъ довольно часто видится и съ миледи и онъ и она постоянно кажутся натянутыми, равнодушными и не обращаютъ другъ на друга ни малѣйшаго вниманія, какъ и прежде. Можетъ быть, что миледи боится этого мистера Толкинхорна, и что мистеръ Толкинхорнъ знаетъ это. Можетъ быть, что онъ преслѣдуетъ ее неутомимо, съ ужасающимъ постоянствомъ, безъ малѣйшаго признака состраданія, сожалѣнія или раскаянія. Можетъ быть, что ея красота и блестящее положеніе, занимаемое ею, только развиваютъ въ немъ стремленіе къ цѣли, которой онъ задался, и дѣлаютъ его болѣе непоколебимымъ. Дѣйствительно ли онъ холоденъ и жестокъ, дѣйствительно ли онъ безчувственъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ объ исполненіи имъ своей обязанности, погруженъ ли онъ въ сильнѣйшее властолюбіе, рѣшился ли онъ изслѣдовать все даже скрывающееся подъ землею, гдѣ онъ схоронилъ многія тайны своей жизни, презираетъ ли онъ въ сущности тотъ блескъ и то величіе, которыхъ отдаленную пружину онъ самъ составляетъ нѣкоторымъ образомъ, терпитъ ли онъ обиды и оскорбленія отъ своихъ высокопоставленныхъ кліентовъ, вслѣдствіе ли нѣкоторыхъ изъ этихъ причинъ или всѣхъ ихъ вмѣстѣ взятыхъ, но только миледи предпочла бы, чтобы пять тысячъ паръ еженебелныхъ глазъ устремлены были на нее съ недовѣрчивою

бдительностию, немело выноситъ взглядъ этого черстватаго адвоката съ галстукомъ, съѣхавшимъ на сторону, и съ брюками, замасанными на колѣняхъ ленточками.

Сэръ Лейстеръ сидитъ въ комнатѣ миледи — той самой, въ которой мистеръ Толкинхорнъ читалъ присяжный допросъ по дѣлу Джорджисъ и Дмерджисъ — и кажется особенно въ духѣ. Миледи, какъ и въ тотъ день, сидитъ передъ каминомъ, держа въ руцѣ вѣеръ. Сэръ Лейстеръ въ особенно пріятномъ расположеніи духа, потому что онъ только что прочиталъ въ газетѣ нѣкоторыя замѣчанія, направленные противъ рѣчныхъ шлюзовъ и разрушительныхъ началъ современнаго общества, — замѣчанія совершенно согласныя съ его убѣжденіями. Это такъ приходилось кстати къ положенію его собственныхъ дѣлъ, что сэръ Лейстеръ пришелъ изъ библіотеки въ комнату миледи именно затѣмъ, чтобы прочитать ей статью эту вслухъ.

— Человѣкъ, который написалъ эту статью, замѣчаетъ сэръ Лейстеръ въ видѣ предисловія, наклоня голову, какъ будто бы онъ кланялся, стоя на горѣ, кому нибудь, находящемуся подъ горою: — человѣкъ, который написалъ эту статью, долженъ имѣть свѣтлый, благоустроенный умъ.

Впрочемъ это произведеніе благоустроеннаго ума навело сильную скуку на миледи, которая послѣ неоднократныхъ попытокъ заставить себя слушать, или скорѣе послѣ подвига самоотверженія стараться казаться внимательною, дѣлается разсѣянною и въ раздумьи смотритъ на огонь, какъ будто бы это былъ ея любимый каминъ Чесни-Воудда, какъ будто бы она не разставалась съ нимъ. Сэръ Лейстеръ, вовсе не подозрѣвая ощущеній своей супруги, продолжаетъ читать, смотря въ двойные очки, по временамъ останавливается, чтобы поправить эти очки, выражаетъ свое согласіе съ мнѣніемъ автора фразами: «Въ самомъ дѣлѣ, это очень справедливо», «Какъ мѣтко сказано!», «Я самъ не разъ дѣлалъ подобныя замѣчанія». Послѣ каждой изъ этихъ фразъ онъ теряетъ мѣсто, на которомъ остановился, и потомъ отыскиваетъ его глазами, ходя вверхъ и внизъ по страницѣ.

Сэръ Лейстеръ читаетъ съ необыкновенною важностию и самосознаніемъ, когда дверь отворится и Меркурій къ пудрѣ дѣлаетъ слѣдующій странный докладъ:

— Молодой человѣкъ, по имени Гуппи, миледи.

Сэръ Лейстеръ умолкаетъ, смотритъ пристально на вѣстника и изторопѣть оглушительнымъ голосомъ:

— Молодой человѣкъ, по имени Гуппи?

Обернувшись, онъ видитъ молодого человѣка, по имени Гуппи, который стоитъ въ замѣшательствѣ и по своей наружности и манерѣ не располагаетъ много въ свою пользу.

— Скажи, пожалуйста, говоритъ сэръ Лейстеръ Меркурію: — что это значитъ, что ты такъ настоятельно возвыстился о молодомъ человѣкѣ, по имени Гуппи?

— Извините меня, сэръ Лейстеръ: — по миледи приказала просить этого молодого человѣка, когда онъ придетъ. Я не зналъ, что вы были здѣсь, сэръ Лейстеръ.

Произошло это оправданіе, Меркурій бросаетъ презрительный и свирѣпый взглядъ на молодого человѣка, по имени Гуппи, взглядъ, которымъ говоритъ:

— Кто васъ просилъ прийти сюда и подвести меня подъ брань?

— Онъ говоритъ правду. Я отдалъ ему это приказаніе, отвѣчаетъ миледи. — Пусть молодой человѣкъ подождетъ немного.

— Зачѣмъ же, миледи? Какъ скоро вы приказали просить его, я вовсе не хочу мѣшать вамъ.

Сэръ Лейстеръ, какъ снисходительный мужъ и вѣжливый кавалеръ, удаляется и даже удостоиваетъ, при выходѣ изъ комнаты, отвѣтить на поклонъ молодого человѣка, котораго онъ съ высоты своего величія принимаетъ за какого нибудь сапожника-попрошайку.

Леди Дэдлокъ бросаетъ повелительный взглядъ на гостя, когда слуга уходитъ изъ комнаты. Она осматриваетъ его съ ногъ до головы. Она заставляетъ его ждать у двери и спрашиваетъ, что ему нужно.

— Вы были такъ милостивы, миледи, что хотѣли удостоять меня переговорить съ вами, отвѣчаетъ мистеръ Гуппи въ замѣшательствѣ.

— Значитъ, вы тотъ человѣкъ, который писалъ ко мнѣ столько писемъ?

— Нѣсколько писемъ, миледи, много писемъ, прежде нежели вы удостоили меня отвѣтомъ.

— А развѣ вы не могли употребить то же самое средство, чтобы сдѣлать разговоръ не нужнымъ? Не можете ли вы и теперь избѣжить объясненія?

Мистеръ Гуппи ежитъ губы, произноситъ едва слышимое «нѣтъ!» и качаетъ головою.

— Вы были чрезвычайно неотвѣтчивы. Впрочемъ, и теперь, если я увижу, что то, что вы хотите мнѣ сказать, не касается меня, да я и не знаю, какимъ образомъ это можетъ касаться меня, вы не

эролите мнѣ прервать васъ безъ излишнихъ церемоній. Говорите, что у васъ есть.

Миледи небрежно покачивая вѣтеръ, обращается къ огню, повернувшись почти спиною къ молодому человѣку, но имени Гуппи.

— Съ вашего позволенія, миледи, начинается молодой человѣкъ: — я приступлю къ своему дѣлу. Гм! я, какъ вы изволите уже знать изъ моего перваго письма, служу во адвокатской части. Занимаясь изученіемъ казуистики, я усвоилъ себѣ привычку не давать въ извѣстныхъ случаяхъ о себѣ знать письменно, потому я не могъ назвать вамъ, миледи, фирмы, въ которой я состою въ связяхъ, и въ которой положеніе мое, я могу прибавить даже, и доходы довольно удовлетворительны. Я могу теперь сказать вамъ, миледи, конфиденціально, что имя этой фирмы — Кэнджъ и Карбой, имя это, я думаю, несовершенно безъизвѣстно вамъ, миледи, такъ какъ оно связано съ производствомъ по процессу Джорндисъ и Джорндисъ.

Лицо миледи начинаетъ выказывать нѣкоторые признаки вниманія. Она перестаетъ обмахиваться вѣеромъ, держитъ его въ спокойномъ состояніи, какъ будто прислушиваясь къ словамъ посѣтителя.

— Теперь я долженъ прежде всего сказать вамъ, миледи, продолжаетъ мистеръ Гуппи, нѣсколько ободрившись: — что не обстоятельство какое либо изъ дѣла Джорндисъ и Джорндисъ заставило меня домогаться разговора съ вами, миледи, хотя, можетъ быть, поведеніе мое показалось и кажется вамъ съ перваго взгляда несовсѣмъ понятнымъ и приличнымъ.

Подождавъ нѣсколько минутъ, какъ бы желая выслушать увѣренія въ противномъ и не получая ихъ, мистеръ Гуппи продолжаетъ:

— Если бы дѣло это было въ прямой связи съ дѣломъ Джорндисъ и Джорндисъ, то я пошелъ бы, конечно, къ вашему стряпчему, миледи, мистеру Толкинхорну. Я имѣю удовольствіе быть знакомымъ съ мистеромъ Толкинхорномъ, по крайней мѣрѣ мы кладемся при встрѣчахъ, и если бы это былъ какой нибудь тяжёбный вопросъ, я обратился бы къ нему.

Миледи нѣсколько повертывается къ говорящему и произноситъ:

— Что вы не сядете?

— Благодарю васъ, миледи.

Мистеръ Гуппи садится.

— Итакъ, миледи... мистеръ Гуппи бросаетъ украдкой взглядъ на маленькій клочокъ бумаги, на которомъ онъ сдѣлалъ кое-какія бѣспыльные замѣтки съ цѣлію услѣдить нить своей рѣчи, и который

погружаетъ лицо его въ густую тѣнь всякій разъ, когда онъ принимается читать его. — Я.... ахъ, да!.... Я совершенно предаю себя въ ваши руки, миледи. Если бы вы, миледи, захотѣли принести какую либо жалобу Кэнджу и Карбою, или мистеру Толкинхорну на мое настоящее посѣщеніе, я былъ бы поставленъ въ очень непріятное положеніе. Я откровенно сознаюсь въ этомъ. Слѣдовательно, я рассчитываю на ваше благородство, миледи.

Миледи небрежнымъ движеніемъ руки, которая держитъ въ-верхъ, даетъ ему понять, что онъ недостойнъ какой бы то ни было жалобы съ ея стороны.

— Очень вамъ благодаренъ, миледи, отвѣчаетъ мистеръ Гуппи: —я совершенно этимъ удовлетворяюсь. Теперь... я... экая досада!... Дѣло въ томъ, что я наставлялъ тутъ нѣсколько начальныхъ буквъ и знаковъ; все это такъ дурно и слѣпо написано, что я не вдругъ могу догадаться, что они значать. Если вы позволите мнѣ, миледи, отойти къ окошку на полминуты, я....

Мистеръ Гуппи, иди къ окошку, задѣваетъ за стулъ и говоритъ, растерявшись:

— Извините, пожалуйста.

Все это не помогаетъ ему разобрать написанныя имъ каракули. Онъ бормочетъ что-то про себя, краснѣетъ, блѣднѣетъ, чувствуетъ сильнѣйшій внутренній жаръ и держитъ клочокъ бумаги то влооть перелъ глазами, то отдаляетъ его на значительное разстояніе.

— Ч. С. Что это за Ч. С.? А! Э. С., да, знаю! Именно, такъ и есть!

И просвѣтивъ душою, онъ возвращается къ миледи.

— Я не знаю хорошенько, начинаетъ мистеръ Гуппи, остановившись между миледи и стуломъ, который онъ до того занималъ: — я не знаю, миледи, слыхали ли вы когда нибудь, или видали ли вы когда нибудь молоденькую леди этого имени не очень давно, прошлую осенью?

Глаза миледи устремляются теперь на него прямо.

— Я видѣла молоденькую леди этого имени не очень давно, прошлую осенью.

— Не поразило ли васъ, миледи, сходство ея съ кѣмъ либо? спрашиваетъ мистеръ Гуппи, скрестивъ руки, наклонивъ голову на сторону и чеша себѣ уголокъ рта своею памятною запиской.

Миледи уже не спускаетъ съ него глазъ.

— Нѣтъ.

— Ни съ кѣмъ изъ вашей фамиліи, миледи?

— Ни съ кѣмъ.

— Я думаю, что вы, миледи, не можете хорошо припомнить черты лица миссъ Коммерсонъ?

— Напротивъ, я помню молоденькую леди очень хорошо. Но какое же это имѣетъ отношеніе ко мнѣ?

— Могу zase утвердить, миледи, что, запоминая очень хорошо черты лица миссъ Коммерсонъ и имѣя подъ рукою ея портретъ, я нашелъ.... я говорю вамъ объ этомъ конфиденціально.... я нашелъ, удостоившись быть въ нашемъ домѣ, миледи, въ Чесни-Вондлѣ, въ одну изъ поѣздокъ моихъ съ пріятелемъ въ Линкольншайръ, такое сходство между миссъ Эссерию Коммерсонъ и вашимъ собственнымъ портретомъ, что это меня совершенно изумило, точно обухомъ по лбу ударило, до того, что я даже не зналъ хорошишко къ чему отнести такое изумленіе. И теперь, когда я имѣю честь глядѣть на васъ, миледи, вблизи (съ того времени я часто позволялъ себѣ вольность смотрѣть на васъ, когда вы прогуливались въ каретѣ по парку, чего вы, конечно, не замѣчали), теперь я еще болѣе удивляюсь этому сходству, — удивляюсь сверхъ моего ожиданія.

Молодой человекъ, по имени Гуппи! Было время, когда леди жили въ замкахъ и имѣли въ своемъ распоряженіи безответныхъ прислужниковъ; тогда такая ничтожная жизнь какъ вещь имѣла бы на маленькомъ волосѣ, если бы эти прекрасные глаза смотрѣли на васъ такъ, какъ они теперь смотрятъ.

Миледи, лѣниво обмахиваясь вѣеромъ, снова спрашиваетъ его, почему онъ думаетъ, что это досадное сходство должно непременно касаться ея?

— Миледи, отвѣчаетъ мистеръ Гуппи, снова прибѣгая къ своему листку: — я сейчасъ дойду до этого. Проклятыя каракули! Ахъ, мистриссъ Чадбадъ.... именно!

Мистеръ Гуппи подвигаетъ свой стулъ нѣсколько впередъ и садится на него. Миледи полужемитъ въ своемъ креслѣ, въ нѣсколько расчитанной позѣ, хотя, можетъ быть, съ меньшимъ противъ обыкновенія граціей и не спускаетъ глазъ съ говорящаго.

— А!... позвольте одну минуту.

Мистеръ Гуппи снова смотритъ на бумажку.

— Э. С. повторенные дважды? Ахъ, да! теперь я попалъ на прямую дорогу!

Свернувъ бумажку въ видѣ инструмента, которымъ бы можно было объяснять пунктуацию въ теченіе своей рѣчи, мистеръ Гуппи продолжаетъ:

— Въ рожденіи и воспитаніи миссъ Эссери Коммерсонъ есть тайна. Я знаю этотъ фактъ, потому что.... я говорю это конфиден-

цѣлѣно.... занятія мои у Конди и Карбои доставили мнѣ изъ тому случай. Кроме того, какъ я уже имѣлъ честь замѣтить, у меня есть подъ рукою портретъ миссъ Коммерсонъ. Если бы я могъ разъяснить въ пользу ея эту тайну, доказать, что она имѣетъ завидное родство, разъяснить, что, принадлежа къ отдаленной отрасли вашей фамилии, милая, она имѣетъ право на участіе въ дѣлѣ Джордизы и Джордизы, то почему бы, напримеръ, не надѣяться мнѣ получить отъ нея болѣе рѣшительное согласіе на предложенія, которыя я ей дѣлалъ, и за которыя она въ противномъ случаѣ отвѣчала бы рѣшительнымъ отказомъ. Вообще, она не попустила моему самолюбію.

Что-то въ родѣ горькой улыбки пробѣгаетъ въ это время по лицу миледи.

— Теперь, извольте видѣть, какое странное обстоятельство, миледи; говорите мистеръ Гунни: — положимъ, что это одно изъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя часто встрѣчаются должностнымъ людямъ подобно мнѣ, хотя я и не признаю еще совершенно въ штатѣ докторы, именно, я встрѣтилъ особу, которая служила у леди, воспитывавшей миссъ Коммерсонъ, прежде чѣмъ мистеръ Джордизъ взялъ ее на свое попеченіе. Эта леди была миссъ Барбари, миледи.

Неужели эта мертвенная блѣдность, которая подернула лицо миледи, отражается отъ вѣера, имѣющаго зеленое шелковое поле, отъ вѣера, который она держитъ, поднимая руку, точно въ какомъ-то раздумьи; или въ самомъ дѣлѣ это — дѣйствіе полневія, овладѣвшаго высочеродною леди?

— Случалось ли вамъ слышать что-нибудь о миссъ Барбари, миледи?

— Не знаю, право. Кажется, что слышала. Именно.

— Миссъ Барбари имѣла вообще какія нибудь сношенія съ вашей фамиліей?

Губы миледи движутся, но не произносятъ ничего. Она качаетъ головою.

— Не имѣла сношеній? говоритъ мистеръ Гунни. — О, можетъ быть только вы не изволите знать, миледи? Не правда ли? Видѣть такъ?

Послѣ каждаго изъ этихъ вопросовъ миледи наклоняетъ голову.

— Очень хорошо! Итакъ, эта миссъ Барбари была чрезвычайно скрытна, даже необыкновенно скрытна для женщины, потому что женщины вообще (по крайней мѣрѣ въ нашемъ быту) скорѣе созданы для разговора и болтовни, и особа, отъ которой я получилъ всѣ эти свѣдѣнія, не знала даже, есть ли у леди хоть кто-нибудь изъ родствен-

никогь. Только однажды, въ одномъ только случаѣ, она какъ будто довѣрилась той особѣ, и сказала ей, что настоящее имя маленькой дѣвочки не Эсепрь Сомерсонъ, а Эсепрь Гаудонъ.

— Боже мой!

Мистеръ Гуппи останавливается. Леди Дэллокъ свдитъ перелъ нимъ, смотритъ на него приетально, съ тою же мрачною душою на лицѣ, въ той же самой позѣ, держа въ рукѣ вѣеръ; губы ея полуоткрыты, лицо нѣсколько нахмурено и неподвижно какъ у мертвой. Онъ видитъ пробужденіе въ ней совѣсти, видитъ какъ трепетъ пробѣгаетъ по ея тѣлу, точно рябь по поверхности воды, видитъ какъ губы ея дрожать, какъ она усиливается побѣдить свое замѣшательство, обдумать свое настоящее положеніе и слова, произнесенныя посѣтителемъ. Все это совершается такъ быстро, что ея восклицаніе и оцѣпенѣніе ея организма исчезаютъ такъ же скоро, какъ черты лица на тѣхъ тѣлахъ усопшихъ, которыя, бывъ вынуты изъ гробницъ, при первомъ соприсносновеніи съ воздухомъ, разлагаются въ тѣніи.

— Вамъ извѣстно имя Гаудона, миледи?

— Я когда-то слышала о немъ.

— Это, вѣроятно, дальній, по боковой линіи, родственникъ вашей фамиліи, миледи?

— Нѣтъ.

— Итакъ, миледи, говоритъ мистеръ Гуппи: — я перехожу къ послѣднему пункту дѣла въ той мѣрѣ, въ какой оно мнѣ извѣстно. Оно все еще разыгрывается и я буду обнимать его съ теченіемъ времени все яснѣе и яснѣе. Вы должны узнать, миледи, если, по какому либо случаю, вы до сихъ поръ еще этого не дѣлали, вы должны узнать, что въ домѣ нѣкоего Круна, близъ переулка Чансри, нѣсколько времени тому назадъ найденъ былъ мертвымъ адвокатскій писецъ, въ самомъ жалкомъ положеніи. Объ этомъ писцѣ произведено было слѣдствіе. Имя его и равно обстоятельствъ жизни, впрочемъ, остались неизвѣстными. Но представьте себѣ, миледи, въ очень недавнее время я узналъ, что имя этого адвокатскаго писца было Гаудонъ.

— Да что же мнѣ до этого за дѣло?

— Ахъ, миледи, въ тебѣ-то и вопросъ! Теперь, послушайте, какая странность случилась послѣ смерти этого человѣка. Явилась какая-то леди, переодѣтая леди, которая приходила послѣ производства слѣдствія на могилу умершаго. Она занимала мальчика, чтобы показать его могилу. Если вамъ угодно будетъ, миледи, чтобы мальчикъ этотъ явился для подтвержденія моихъ предположеній, то я могу привести его во всякое время.

Какойнибудь мальчишка не может составлять никакого авторитета для миледи, и она вовсе не желает, чтобы онъ былъ ей представленъ.

— Ахъ, повѣрьте мнѣ, миледи, что это въ самомъ дѣлѣ чрезвычайно странное обстоятельство, говоритъ мистеръ Гуппи. — Если бы вы только послушали его рассказы о кольцахъ, когда она сняла перчатки, вы бы сознались, что это совершенно романтическая исторія.

На рукѣ, держащей вѣеръ, и теперь блестятъ бриллынты. Миледи играетъ вѣеромъ и заставляетъ ихъ сіять еще ярче. Лицо ея сохраняетъ все то же выраженіе, которое при другихъ обстоятельствахъ было бы весьма опасно для молодого человѣка, по имени Гуппи.

— Сначала всѣ предполагали, что Гаудонъ не оставилъ послѣ себя никакой тряпки, никакого лоскута, по которымъ бы можно было узнать его. Между тѣмъ и послѣ него осталось наследство. Онъ оставилъ цѣлый пукъ писемъ.

Вѣеръ продолжаетъ дѣйствовать по прежнему. Все это время миледи не спускаетъ глазъ съ рассказчика.

— Письма эти взяты и спрятаны. Завтра къ ночи они будутъ у меня, миледи.

— Я все-таки опять спрашиваю, что мнѣ до этого за дѣло?

— Я сейчасъ окончу, миледи.

Мистеръ Гуппи встаетъ.

— Если, по мнѣнію вашему, миледи, совокупности всѣхъ этихъ обстоятельствъ, вмѣстѣ взятыхъ, этого неопровержимаго сходства молодой дѣвушки съ вами, миледи, что составляетъ положительный фактъ для судебного разбирательства, воспитанія ея у миссъ Барбери, показанія миссъ Барбери, что настоящее имя миссъ Сомерсонъ есть Гаудонъ, ваши убѣжденія, миледи, что оба эти имени вамъ *очень хорошо* знакомы, наконецъ странной смерти Гаудона — если всего этого достаточно, чтобы внушить вамъ, миледи, фамильное участіе въ дальнѣйшемъ разясненіи этого дѣла, я принесу вамъ тѣ письма сюда. Я не знаю, что они въ себѣ заключаютъ; я знаю только, что это старыя письма; они еще никогда не бывали у меня въ рукахъ. Я принесу эти письма сюда, лишь только достану ихъ; потомъ мы можемъ прочесть ихъ вмѣстѣ, миледи. Я объяснилъ вамъ, миледи, сущность всего дѣла. Я уже сказалъ вамъ, миледи, что я былъ бы поставленъ въ весьма непріятное положеніе, если бы вы захотѣли принести на меня жалобу. Все между нами должно быть основано на строжайшемъ довѣріи.

Конечъ ли это объясненію молодого человѣка, по имени Гуппи, или у него есть еще что сказать? Разоблачаютъ ли слова его, измѣряютъ ли они длину, ширину, глубину предмета, устрашаютъ ли подозрѣніе, которое можетъ сюда вкратиться, или же они только гуще, сложнѣе засломяютъ истину?

— Вы можете принести письма, если хотите, говорить миледи.

— Ваши слова, миледи, не очень утѣшительны, кланусь честию, говорить мистеръ Гуппи, нѣсколько обидѣвшись.

— Вы можете принести письма, повторяетъ она тѣмъ же тономъ: — можете принести, если вамъ будетъ угодно.

— Это будетъ сдѣлано. Желаю вамъ добраго дня, миледи.

На столѣ возлѣ нея стоитъ богатая миньютюрная шкатулка, обитая желѣзомъ и гвоздями на подобіе древняго сундука. Миледи, смотря на своего гостя, беретъ шкатулку и отпираетъ ее.

— Ахъ! увѣряю васъ, миледи, что я не дѣйствовалъ подъ вліяніемъ подобныхъ побужденій, говоритъ мистеръ Гуппи: — и я не могу принять ничего въ этомъ родѣ. Я желаю вамъ, миледи, добраго дня и смѣю васъ увѣрить, что я и безъ того много благодаренъ.

Съ этими словами молодой человѣкъ кланяется и сходитъ съ лѣстницы, при чемъ надменный Меркурій не считаетъ себя обязаннымъ сойти съ Олимпа, который замѣняетъ ему каминъ въ прихожей, и отворить молодому человѣку дверь.

Пока сэръ Лэйстеръ грѣбется въ своей библіотекѣ и восхищается газетными новостями, неужели ничто, происходящее въ домѣ, не пугаетъ его, ничто не заставляетъ его задуматься; неужели деревья въ Чесни-Воулдѣ не будутъ размахивать своими сучковатыми вѣтвями, портреты не будутъ хмуриться, вѣдунженія не будутъ издавать звуковъ?

Нѣтъ. Слова, вздохъ и рыданія летучи, неуловимы какъ воздухъ, а даже воздуху столько преграды въ городскомъ домѣ Даллоковъ, что въ комнатѣ миледи нужно бы было гремѣть въ трубы, чтобы прозвезсти хотя малѣйшее впечатлѣніе на слуховые органы сэра Лэйстера; а между тѣмъ въ домѣ раздаются стenanія; кто-то рыдаетъ, стоя на колѣняхъ.

— О, дитя мое, дитя мое! Ты не умерла въ первыя минуты твоей жизни, какъ сказала мнѣ жестокая сестра. Она воспитала тебя, отрехшись отъ меня и моего имени. О, дочь моя! дочь моя!

ГЛАВА XXX.

РАЗСКАЗЪ ЭСОМРИ.

Ричардъ былъ въ некоторое время въ отсутствіи, когда прѣхала къ намъ гостья, чтобы провести съ нами нѣсколько дней. Это была знакомая намъ пожилая леди во ввѣнн мистриссъ Вудкортъ и при-была изъ Валиса, чтобы повидаться съ мистриссъ Бейгамъ Баджеръ. Она оставалась у насъ около трехъ недѣль. Она обращалась со мною очень ласково и была чрезвычайно откровенна, до того что иногда это было мнѣ въ тягость. Я очень хорошо понимала, что я была не права, тяготаясь ея довѣрчивостію и откровенностію въ отношеніи ко мнѣ, я сознавала, что это неблагоразумно; но въ то же время, несмотря на всѣ усилія мои, я не могла преодолѣть себя.

Это была смѣтливая, провицательная леди. Сидя обыкновенно, сложивъ руки, и разговаривая, она смотрѣла на меня такими подозрительными глазами, что мнѣ становилось досадно. Надоѣдала ли мнѣ ея вѣчно одинаковая, заученная поза, ея чопорный нарядъ, хотя, впрочемъ, я этого не думаю, потому что я находила скорѣе и то и другое смѣшнымъ и забавнымъ. Вообще же о наружности ея нельзя было не сказать, что она довольно красива и привлекательна. Я не могла дать себѣ отчета въ своихъ ощущеніяхъ, и если теперь могла бы опредѣлить ихъ, то по крайней мѣрѣ тогда они были для меня непонятны. Можетъ быть.... впрочемъ, что до этого за дѣло!

Ночью, когда я шла бывало по лѣстницѣ наверхъ въ свою спальню, она зазывала меня къ себѣ въ комнату, садилась тамъ передъ каминномъ въ большое кресло и пускалась въ разговоры о Морганъ-ап-Керригъ до тѣхъ поръ, что мною овладѣвала тоска. Иногда она читала по нѣсколько стиховъ изъ Крумлиноволлинвера и Мьюливиллиновода (не знаю въ какой степени искажаю я эти имена) и очень вдохновлялась тѣми чувствами, которыя эти стихи выражали. Впрочемъ, я до конца не могла понять, что собственно значили произносимыя ею строфы (такъ какъ она говорила по валлійски), кромѣ того, что онѣ прославляли родъ Морганъ-ап-Керрига.

— Такъ-то, миссъ Сомерсонъ, говорила она мнѣ бывало съ торжествующимъ видомъ: — вотъ какая судьба выпала на долю моему сыну. Куда бы сынъ мой ни попалъ, онъ вездѣ можетъ считаться роднымъ ап-Керригу. Онъ можетъ не имѣть гроша денегъ,

но у него всегда есть то, что соединяетъ въ себѣ несравненно болѣе преимуществъ, происхожденіе, моя милая.

Я сомнѣвалась всегда въ ея близкихъ отношеніяхъ къ Моргану-ап-Керригу и конечно не высказывала вслухъ моихъ сомнѣній. Я обыкновенно замѣчала при этомъ, что пріятно имѣть такую высокую родню.

— Конечно пріятно, конечно это важное преимущество, отвѣчала мистриссъ Вудкортъ, но тутъ есть и свои невыгоды: — мой сынъ ограниченъ нѣкоторымъ образомъ въ выборѣ себѣ жены, хотя нельзя не согласиться при этомъ, что члены знатнѣйшихъ семей точно также ограничены въ подобномъ случаѣ.

Потомъ она трепала меня по плечу и гладила мое платье какъ будто для того, чтобы показать мнѣ, что она обо мнѣ хорошаго мнѣнія, несмотря на разстояніе, отдѣляющее насъ другъ отъ друга.

— Бѣдный мистеръ Вудкортъ, моя милая, повторяла она при всякомъ удобномъ случаѣ съ нѣкоторымъ увлеченіемъ, потому что, несмотря на ея высокое происхожденіе, у нея было нѣжное сердце: — бѣдный мистеръ Вудкортъ происходилъ отъ знатной шотландской фамиліи, и именно отъ Макъ-Куртовъ Макъ-Курта. Онъ служилъ королю и отечеству офицеромъ въ рядахъ королевскихъ горцевъ и умеръ на полѣ сраженія. Мой сынъ одинъ изъ послѣднихъ представителей двухъ древнихъ фамилій. Съ Божіею помощію онъ возстановитъ ихъ и соединитъ ихъ еще съ какою нибудь древнею фамиліею.

Напрасно вздумала бы я перемѣнить предметъ разговора, что я и пробовала дѣлать, лишь бы услышать что-нибудь новенькое, или можетъ быть для того.... впрочемъ, къ чему такіа мелочи? Мистриссъ Вудкортъ ни за что не согласилась бы отступить отъ своего любимаго предмета.

— Милая моя, сказала она мнѣ однажды ночью: — вы такъ умны и вы смотрите на свѣтъ и людей такъ серьезно, такъ разсудительно не по лѣтамъ, что я нахожу особенное удовольствіе говорить съ вами о моихъ семейныхъ дѣлахъ. Вы не знаете коротко моего сына, моя милая; но вы знаете его довольно, смѣю сказать, довольно, чтобы иногда о немъ вспомнить.

— Да, Ма'ам, я буду вспоминать о немъ.

— Именно, моя милая. Я думаю также, что вы въ состояніи опредѣлить характеръ его, и я бы желала знать ваше мнѣніе о немъ.

— О мистерѣ Вудкортѣ, отвѣчала я: — это такъ трудно.

— Почему же такъ трудно, моя милая? возразила она. — Я не вижу причины.

— Сказать мнѣніе....

— Имѣя такое поверхностное знакомство, моя милая: это правда.

Я не совѣмъ то хотѣла сказать, потому что мистеръ Вудкортъ былъ довольно долго въ нашемъ домѣ и очень сошелся съ моимъ опекуномъ. Я объяснила это и прибавила, что онъ мнѣ казался человѣкомъ весьма свѣдущимъ и что его расположеніе и доброта къ миссъ Флэйтъ выше всякихъ похвалъ.

— Вы отдаете ему справедливость! сказала мистриссъ Вудкортъ, пожимая мнѣ руку. — Вы прекрасно его опредѣляете. Алланъ славный мальчикъ и человѣкъ безукоризненный въ исполненіи своихъ обязанностей. Я говорю это несмотря на то, что я его мать. Впрочемъ, я должна признаться, что онъ не безъ недостатковъ, душа моя.

— Какъ и всѣ мы, отвѣчала я.

— Ахъ, да! Но главные его недостатки таковы, что онъ можетъ, даже долженъ избѣгать ихъ, возразила неугомонная леди, покачивая головою. — Я такъ привязана къ вамъ, что могу вамъ признаться, моя милая, какъ особѣ посторонней въ этомъ дѣлѣ: — онъ олицетворенное непостоянство.

— Я сказала, что этому трудно повѣрить, зная какъ неутомимо онъ исполняетъ свою обязанность, съ какимъ рвеніемъ принимается за работу и какую завидную репутацію онъ приобрѣлъ себѣ.

— Вы, можетъ быть, совершенно правы, отвѣчала старая леди: — но, видите ли, я не говорю о его служебной обязанности.

— А! сказала я.

— Нѣтъ, продолжала она. — Я разумно, моя милая, его поведеніе въ обществѣ. Онъ всегда чрезвычайно учтивъ и внимателенъ къ молодымъ леди; онъ такимъ же былъ и въ восемнадцать лѣтъ. Между тѣмъ, моя милая, ни одною изъ этихъ леди онъ никогда не занимался исключительно, не дорожилъ особенно ихъ знакомствомъ и доказывалъ при этомъ только вѣжливость и доброту сердечную. Не правда ли, что это такъ, а?

— Правда, отвѣчала я, потому что она какъ будто выжидала моего отвѣта.

— Между тѣмъ это можетъ вести къ ошибкамъ и заблужденіямъ, моя милая, не правда ли?

— Я думаю, что можетъ.

— Потому, я часто говорила ему, что должно быть болѣе осторожнымъ изъ желанія отдать справедливость самому себѣ и другимъ. Онъ всегда отвѣчалъ мнѣ: «Маменька; буду стараться слѣдо-

вать вашими совѣтамъ , но вы знаете меня лучше чѣмъ кто либо другой ; вы знаете , что у меня нѣтъ никакихъ предосудительныхъ расчетовъ , даже вовсе нѣтъ расчетовъ въ головѣ . Все это совершенная правда , моя милая ; но это не защищаетъ его . Впрочемъ , какъ онъ теперь далеко уѣхалъ и уѣхалъ на неопредѣленное время , какъ у него могутъ родиться теперь новыя знакомства , новыя отношенія , то мы можемъ считать это дѣло миновавшимъ и рѣшеннымъ . А вы , моя милая , продолжала старая леди , которая въ эту минуту расплывалась въ улыбки и неутомимо качала головою : — что вы думаете о своей прелестной особѣ ?

— О себѣ , мистриссъ Вудкортъ ?

— Не должно же мнѣ быть до того самолюбивой , чтобы только и говорить , что о сынѣ , который отправился искать счастья и избрать себѣ жену . Когда вы намѣрены позаботиться о судьбѣ своей и искать себѣ суженаго , миссъ Соммерсонъ ? А ? взгляните-ка на меня . Вотъ вы и покраснѣли !

Я не думаю , чтобы я покраснѣла въ эту минуту ; во всякомъ случаѣ тутъ не было ничего важнаго , и я сказала , что совершенно довольна своею настоящею судьбою и не намѣрена мѣнять ее .

— Сказать ли вамъ , что я всегда думаю о васъ и о судьбѣ , которая васъ ожидаетъ , моя милая ? спросила мистриссъ Вудкортъ .

— Если вы думаете , что у васъ есть даръ предвѣдѣнія , отвѣчала я .

— Именно то , что вы выйдете замужъ за человека очень богатаго , очень достойнаго , который будетъ гораздо старѣе васъ , можетъ быть годами двадцатью-пятью , и вы будете прекрасною женою , будете очень любимы мужемъ и вообще очень счастливы .

— Это счастливая судьба , сказала я . Но почему же вы думаете , что она выпадетъ мнѣ на долю ?

— Милая моя , отвѣчала она : — это такъ должно быть ; вы такъ трудолюбивы , дѣльны , вы такъ удачно , своеобразно поставлены въ обществѣ , что это непременно должно послѣдовать . Зато никто , моя милая , не будетъ такъ искренно поздравлять васъ съ подобнымъ бракомъ какъ я .

Странно , что мнѣ было тягостно слушать все это , между тѣмъ это дѣйствительно было такъ . Я убѣждена въ этомъ . Всю эту ночь я провела очень безмятежно . Я стыдилась своего безразсудства , не хотѣла признаться въ томъ Адѣ , и это еще болѣе стѣсняло меня . Я дорого бы дала въ ту минуту , чтобы не пользоваться такою безграничною довѣренностью старой леди и готова была на пожертвованія , чтобы отклонить эту довѣренность . Я составила себѣ о старой леди самое странное понятіе . То казалась она

мигъ простой лишь сказочницей, то я видѣла въ ней зеркало истины. То подозрѣвала я, что она большая плутовка и обманщица, затѣмъ черезъ минуту представлялось мнѣ, что ея валлійская душа совершенно невинна и естественна. Да наконецъ, что мнѣ было задѣло до всего этого, почему мнѣ нужно было отдавать себѣ въ этомъ отчетъ? Почему, отправляясь спать со связкою ключей, я не могла бы сѣсть у огня, какъ мнѣ было ловче, и не безпокоиться тѣмъ очень простыми вещами, о которыхъ она говорила. Чувствуя къ ней какое-то странное влеченіе, стараюсь, чтобы она любила меня и съ удовольствіемъ замѣчая, что она дѣйствительно расположена ко мнѣ, почему я съ какими-то безпокойствомъ, съ какими-то болѣзненнымъ ощущеніемъ уцѣплялась за каждое слово, которое она произнесла и вѣдливала его по нѣскольку разъ всевозможными намерами? Почему меня такъ мучило то, что она у насъ въ домѣ, что она всякую ночь пускается со мною въ откровенности, тогда какъ я сознавала, что это было нѣкоторымъ образомъ надежнее и безопаснее, нежели еслибъ она находилась въ другомъ мѣстѣ? Все это были такія несообразности, такія противорѣчія, въ которыхъ я не могу дать себѣ отчета. Наконецъ, если бы я и могла... но я буду рассказывать по порядку, не заходя впередъ. Такимъ образомъ, когда мистриссъ Вудкортъ уѣхала, мнѣ было грустно съ нею расстаться, но вмѣстѣ у меня какъ-то стало легче на сердцѣ. Тогда Каади Джеллиби пріѣхала къ намъ и привезла такой коробъ семейныхъ новостей, что онѣ долго занимали насъ всѣхъ.

Во первый Каади призналась (и въ началѣ только въ этомъ и призналась) что я лучшая совѣтница, какая когда либо существовала. Это, впрочемъ, замѣтила моя любимица, не новость, на что я отвѣчала ей, что она говоритъ глупости. Потомъ Каади объявила намъ, что черезъ мѣсяцъ она выходитъ замужъ и что если Ада и я согласимся одѣвать ее къ вѣнцу, то она будетъ считать себя счастливѣйшею дѣвушкою въ свѣтѣ. Это конечно была новость и мы вѣрно не разговорились бы о ней, если бы намъ не пришлось рассказывать очень многое Каади, и Каади не пришлось рассказывать столь же многое намъ.

Бѣдный отецъ Каади, по видимому, окончательно обанкротился, «прошелъ черезъ газету», какъ выразилась Каади, какъ будто газета есть что-нибудь похожее на топсель, къ общему сожалѣнію своихъ синископительныхъ кредиторовъ; онъ развязался съ своими дѣлами самымъ пріятнымъ образомъ, именно не успѣвъ еще хорошенько понять ихъ, онъ отдалъ все, что имѣлъ (чего, по всей вѣроятности, оказалось не весьма большое количество), онъ одинаково удовлетворилъ всѣхъ заимодавцевъ въ томъ смыслѣ, что почти во-

все не удовлетворилъ ихъ, бѣдный. Онъ былъ съ должнымъ почтеніемъ выпущенъ «на службу», чтобы опять начинать свою карьеру. Что онъ дѣлалъ на этой службѣ, я не могла узнать хорошенько. Я слыхала отъ Кадди, что онъ служилъ при таможенѣ, и одно, что я воняла изъ ея словъ, было то, что когда ему болѣе обыкновеннаго предстояла нужда въ деньгахъ, онъ шелъ къ докамъ съ цѣлью искать денегъ, но едва ли когда находилъ ихъ. Когда ея отецъ освободился совершенно съ своимъ положеніемъ общипаннаго ягненка, и семья его переѣхала на квартиру въ Гаттонъ-Гарденъ (гдѣ я потомъ видѣла дѣтей, какъ они бывало выдергивали изъ стульевъ конскіе волосы и пробовали душить ими другъ друга), Кадди присутствовала при одномъ изъ совѣщаній его съ мистеромъ Торвидропомъ. Бѣдный мистеръ Джеллиби, будучи характера скромнаго и мягкаго, до такой степени подчинился вліянію мистера Торвидрона, что они тотчасъ же сдѣлались друзьями. Мистеръ Торвидронъ, свикшись постепенно съ мыслью о женитьбѣ своего сына, до того разработалъ въ себѣ отеческія чувства, что сталъ смотрѣть на свое предположеніе какъ на что-то окончательно опредѣленное и должствующее случиться немедленно. Онъ далъ молодой четѣ милостивое дозволеніе заводить хозяйство въ Академіи въ Ньюманъ-Стритѣ, когда имъ заблагоразсудится.

— А твой папа, Кадди. Что онъ говорилъ на это?

— О, бѣдный папа только плакалъ и повторялъ, что онъ надѣется, что мы поведемъ дѣла лучше, чѣмъ онъ съ мама. Впрочемъ, онъ не говорилъ этого при Принцѣ; онъ сказалъ это только мнѣ. Онъ прибавилъ еще тогда: «бѣдное дитя мое, ты кажется не успѣла приобрѣсти опытности, какъ вести хозяйство твоего мужа; но если ты не намѣрена употребить все свое стараніе чтобы обезвечить и успокоить своего мужа, то, при всей твоей любви къ нему, лучше не выходи за него.

— Что же ты, Кадди, отвѣчала ему на это?

— Куда, можете себѣ, представить, какъ больно было видѣть папа такимъ униженнымъ и слушать отъ него такія ужасныя вещи, я не могла не заплакать тоже. Но я кое-какъ собралась съ силами и отвѣчала ему, что я *желаю* отъ всего сердца составить счастье моего мужа, что я надѣюсь, что нашъ домъ будетъ пріютомъ и мѣстомъ отдохновенія для моего отца, когда онъ вздумаетъ зайти къ намъ вечеркомъ, что я надѣюсь и почти увѣрена, что буду лучшею дочерью для него тамъ, чѣмъ у него въ домѣ. Потомъ я упомянула, что Пини хотѣлъ переѣхать ко мнѣ. Тутъ папа началъ опять плакать и повторять, что дѣти его ивдѣйцы.

— Ивдѣйцы, Кадди?

— Да, дивніе шидівці. И нана сказала (тутъ она, бѣдная, вздохнула вовсе не такъ, какъ бы должно вздохнуть счастливѣйшей дѣвушкѣ въ свѣтъ), что считаетъ ихъ очень несчастными, потому что они дѣти мама и что самъ онъ очень несчастливъ тѣмъ, что онъ мужъ ея. Я убѣждена также, что это правда, хотя можетъ быть странно говорить такимъ образомъ.

Я спросила Кадди, знаетъ ли мистриссъ Джеллиби, что ея свадьба назначена.

— О, вы знаете, Эссиръ, какова мама; отвѣчала она. — Нельзя даже сказать, знаетъ она или нѣтъ. Объ этомъ довольно часто ей говорили; но въ ту минуту, когда ей начинаютъ говорить, она только бросаетъ на меня какой-то равнодушный, спокойный взглядъ, какъ будто я... не знаю, что такое: — какъ будто я какая нибудь отдаленная колокольня, прибавила Кадди, напавъ на мысль: — потомъ покачаетъ головою, скажетъ: ахъ Кадди, Кадди, какая еще ты неопытная! и потомъ продолжаетъ заниматься борриобульскими письмами.

— Ну, а что же о твоємъ гардеробѣ, Кадди? спросила я. Она была съ нами совершенно откровенна.

— Не знаю, милая Эссиръ, отвѣчала она, отирая слезы: — не знаю, что и дѣлать, должна какъ нибудь сама управлаться и просить моего Принца, чтобы онъ постарался забыть, въ какихъ лахмотьяхъ я явлюсь къ нему. Если бы дѣло шло о какомъ нибудь снарядѣ для Боррибула-Ха, мама, конечно, все бы знала о немъ и горячо бы хлопотала. Но какъ тутъ рѣчь о другомъ, то она ничего не знаетъ и не хочетъ знать.

Кадди не была лишена вовсе естественной любви къ матери, но говорила объ этомъ со слезами на глазахъ, какъ о несомнѣнномъ фактѣ; я тоже думаю, что это правда. Намъ было такъ жаль бѣдную дѣвушку, мы такъ удивлялись, что при такихъ безотраднѣхъ обстоятельствахъ, она умѣла сохранять добрымъ душевнымъ качествомъ, что мы обѣ (Ада и я) предложили ей маленькій планъ, который чрезвычайно обрадовалъ ее. Планъ этотъ состоялъ въ томъ, чтобы она прогостила у насъ три недѣли, потомъ, чтобы я прогостила у нея недѣлю и чтобы мы всѣ три собрали, перечинили, перешили, передѣлали все, что можно было придумать для составления ея приданого. Опекунъ мой обрадовался этой мысли не менѣе самой Кадди, и мы отправились къ ней на другой же день, чтобы устроить это дѣло. Мы привели ее въ восторгъ ящиками, коробочками и другими покупками, которыя можно было выжать изъ десяти фунтоваго билета, найденнаго мистеромъ Джеллиби, вѣроятно, у доковъ и подареннаго имъ дочери. Трудно сказать, что бы

мои онекуть не отдасть ей въ эту минуту, если бы только подстро-
кнуть его; но мы признали необходимымъ ограничиться только
подвѣсочнымъ платьемъ и чепцомъ. Она приняла наше предложе-
ніе, и если Каади была когда нибудь счастлива въ своей жизни, то
именно въ ту минуту, когда мы съѣли и взошли за работу. Она,
бѣдняжка, вовсе не умѣла управляться съ иглой и колола себя
пальцы точно такъ же, какъ начала ихъ чернилами, когда ей при-
ходилось писать. Она красѣла отъ времени до времени частью отъ
боли, частью по чувству стыда за свою мелочность; но она скоро
преодолѣвала свое замѣшательство и начинала дѣлать усилія. Та-
кимъ образомъ, день за днемъ, она, моя милая подруга, моя ма-
ленькая служанка Чарли, модистка, взятая изъ города, и я предше-
же занимались работой и были все это время въ самомъ веселомъ
расположеніи духа.

Но кромѣ того Каади чрезвычайно заботила мысль, что ей ну-
жно «научиться хозяйству», какъ она выражалась. Боже мой! Одна
идея ея, что она хочетъ научиться хозяйству у особы такой опыт-
ной какъ я, показалась мнѣ до того смѣшною, что я разохоталась,
покрасѣла и пришла въ странное замѣшательство отъ ея предло-
женія. Впрочемъ, я отвѣчала ей: «Каади ты удѣрена, конечно,
что я очень рада научить тебя всему, чему только ты можешь отъ
меня научиться, моя милая», и я показала ей всѣ свои книги, сче-
ты и главные хозяйственныя приемы. Смотря на ея глубокомыслие
и вниманіе, можно было подумать, что я отрываю ей какія нибудь
удивительныя изобрѣтенія, которыя ей приходится изучать, и если
бы вы увидали какъ она вставала и дожидалась меня, лишь только
я начинала звенѣть ключами, вы, конечно, подумали бы, что не
было еще на свѣтѣ такого дерзкаго обманщика какъ я и такого слѣ-
дующаго послѣдователя какъ Каади.

Такимъ образомъ, за работою, за занятіями по хозяйству, за
уроками Чарли, за игрою въ триктракъ по вечерамъ съ моимъ
одевуномъ и за дустами съ Адой, три недѣли прошли незамѣтно.
Тогда я отправилась съ Каади въ ея домъ, чтобы посмотреть, что
тамъ нужно дѣлать. Ада же и Чарли остались услуживать моему
одекуну.

Говоря, что я отправилась съ Каади домой, я разумѣла нѣкъ
квартиру въ Гаттонъ-Гарденъ. Два или три раза мы ѣздили въ
Ньюманъ-Стритъ, гдѣ приготовленія также шла впередъ. Многія
изъ нихъ, сколько можно было замѣтить, клонились къ доставле-
нію нѣкоторыхъ удобствъ старому мистеру Торвардону; а нѣкто-
рыя предназначались къ тому, чтобы какъ можно съ меньшими из-
держками устроить молодую чету наверху дома. Одною изъ глав-

ныхъ нашихъ работъ было слѣзать квартиру отца Каади приличною для свадебнаго завтрака и предварительно внушить мистриссъ Джеллиби хотя какія нибудь чувства, соответствующія обстоятельству.

Последнее было особенно трудно, потому что мистриссъ Джеллиби и больной мальчикъ занимали переднюю изъ внутреннихъ комнатъ (задняя была похожа скорѣе на шкалъ, чѣмъ на комнату); вся эта комната была завалена черновыми бумагами и документами по дѣлу Боррибула-Ха, какъ иной неопрятный хаѣвъ бываетъ заваленъ соломой. Мистриссъ Джеллиби сидѣла тутъ по цѣлымъ днямъ, была крѣпкой кофеей, диктовала и собирала въ назначенные дни засѣданія по боррибульскому проекту. Больной мальчикъ, который, казалось, все болѣе и болѣе ослабѣвалъ, обѣдалъ обыкновенно не дома. Когда мистеръ Джеллиби возвращался, онъ восторженно ворчалъ и отправлялся въ кухню. Тамъ онъ доставалъ себѣ что-нибудь поѣсть, если только служанка не уничтожила все еще до его прихода, и потомъ, чувствуя себя совершенно свободнымъ, отправлялся бродить по сырýmъ окрестностямъ Гаттонъ-Гардена. Бѣдные дѣти карабкались и скакали по лѣстницамъ какъ и прежде. Когда препринятые нами работы приходили уже къ концу, я предложила Каади, чтобы гостей принимать въ день ихъ свадьбы на антресоляхъ, гдѣ они всѣ спали и что главное вниманіе наше должно быть теперь обращено на ея маменьку, маменькину комнату и на приготовленіе порядочнаго завтрака. Дѣйствительно, мистриссъ Джеллиби требовала большого вниманія; прорѣха у ея платья назади съ тѣхъ поръ, какъ я ее видѣла, замѣтно увеличилась, и волосы ея похожи были на гриву у лошади мусорщика.

Полагая, что лучшимъ средствомъ приступить къ разговору было показать ей гардеробъ Каади. Вечеромъ, когда больной мальчикъ ушелъ, я позвала мистриссъ Джеллиби посмотреть на подивнечное платье, которое лежало на постели Каади.

— Милая миссъ Сомерсонъ, сказала она, отойдя отъ своего няюпитра и прошепсавъ слова эти съ свойственною ей кротостію: — все это рѣшительно смѣшныя приготовленія, хотя ваше содѣйствіе нѣтъ доказываетъ вашу доброту. Для меня есть что-то невыразимо желанное въ самой идее, что Каади выйдетъ замужъ. Ахъ, Каади, эхъ глухой, глухой, котенокъ!

За всѣмъ тѣмъ она поднялась съ нами на лѣстницу и посмотрѣла на платье съ своимъ обычнымъ равнодушіемъ. Впрочемъ видъ этихъ платьевъ возбуждѣлъ въ ней одну опредѣлительную идею; потому что съ тѣмъ же проткнувъ видомъ и качая головою она произнесла:

— Добрая мысль. Сомерсонъ, на полешиву суммы, которая употреблена на эти тряпки, это слабое дитя могло бы быть снаряжено въ поѣздку въ Африку!

Когда мы спускались съ лѣстницы, мистриссъ Джеллиби спросила меня, въ самомъ ли дѣлѣ это хлопотливое бракосочетаніе назначено въ слѣдующую среду? и когда я отвѣчала утвердительно, она сказала: «не будетъ ли нужна моя комната, милая миссъ Сомерсонъ? Дѣло въ томъ, что мнѣ рѣшительно невозможно вынести оттуда мои бумаги».

Я позволила себѣ замѣтить, что комната, конечно, будетъ нужна, и что намъ безъ сомнѣнія придется переложить куданибудь бумаги.

— Хорошо, сказала она: — вы, милая миссъ Сомерсонъ, конечно знаете, какъ устроить дѣло. Но заставивъ меня послѣднее время пользоваться помощью мальчика, Кадди до такой степени затруднила меня, и безъ того заваленную общественными дѣлами, что я рѣшительно не знаю какъ ступить. Въ среду послѣ полудня у насъ назначено частное засѣданіе, и потому я рѣшительно не могу придумать какъ согласить все это.

— Зато въ другой разъ ничего подобнаго не случится, сказала я, улыбаясь: — я думаю, что Кадди только одинъ разъ выйдетъ замужъ.

— Это правда, отвѣчала мистриссъ Джеллиби: — это правда, моя милая. Я думаю, что мы какънибудь управимся.

Слѣдующій затѣмъ вопросъ состоялъ въ томъ, какъ будетъ одѣта мистриссъ Джеллиби при этомъ торжественномъ случаѣ. Любопытно было смотрѣть на нее, какъ она, сидя за письменнымъ столомъ, бросала на насъ тѣ же ясные, спокойные взгляды, пока Кадди и я разсуждали объ этомъ предметѣ; по временамъ она качала головою съ улыбкою, выражавшею почти упрекъ, подобно какому-то высшему существу, которое снисходительно взираетъ на нашу суету и заблужденія.

Состояніе, въ которомъ находились ея платья, и необыкновенный безпорядокъ, господствовавшій въ ея гардеробѣ, не мало усиливали предстоявшія намъ затрудненія; но наконецъ мы отобрали кое-что такое, что показалось бы не совершенно страннымъ видѣть на матери въ день свадьбы дочери. Отрѣшенное отъ земли, заоблачное раздумье, съ которымъ мистриссъ Джеллиби выслушивала наши увѣщанія и смотрѣла на труды портнихи, приводившей въ порядокъ ея платье, какое-то наивное, неподдѣльное добродушіе, съ которымъ она замѣтила мнѣ при этомъ, что ей очень жаль, что я не посвятила всѣхъ своихъ способностей на пользу Африки, вполне соответствовали ея поступкамъ вообще.

Я думаю, что все, принадлежавшее семейству мистрисъ Джеллиби, что только можно было разбить, во время этихъ приготовленій къ свадьбѣ Кадди было разбито, что все, что можно было исковеркать, было исковеркано, что всякій предметъ домашней жизни, способный покрыться грязью, начиная отъ колѣнъ милого дитяти до двернаго порога, покрылся грязью на столько, сколько могъ удержатъ ея.

Бѣдный мистеръ Джеллиби, который говорилъ очень рѣдко и который, бывая дома, сидѣлъ обыкновенно, прислонивъ голову къ стѣнѣ, былъ нѣсколько заинтересованъ, замѣтивъ, что Кадди и я пытались возстановить нѣкоторый порядокъ посреди запустѣнія и разрушенія, и скинулъ съ себя скюртукъ, чтобы помочь намъ. Но когда мы стали отворять и отодвигать ящики, то изъ нихъ посыпались такія удивительныя вещи — куски заплѣсневѣлаго пирога, пустыя бутылки, шляпки мистрисъ Джеллиби, письма, чай, вилки, грязныя дѣтскіе сапоги и башмаки, сѣрыя спички, облатки, соусники, сигарочныя окурки и искрошившіяся сигары въ пачкахъ и лоскуткахъ бумаги, скамейки, засаленныя щетки, хлѣбъ, чепцы мистрисъ Джеллиби, книги съ листьями, склеенными саломъ, оплывшіе и поломанные огарки, вмѣстѣ съ ржавыми подсвѣчниками, орѣховая скорлупа, рачьи клещи и шейки, столовыя поддонники, перчатки, кофейная гуща, зонтики — что мистеръ Джеллиби пришелъ въ ужасъ и оставилъ насъ. Впрочемъ онъ являлся аккуратно каждый вечеръ и, снявъ съ себя скюртукъ, садился обыкновенно, прислонивъ голову къ стѣнѣ, по видимому, съ полнымъ желаніемъ помочь намъ и вмѣстѣ съ совершеннымъ недоумѣніемъ, какъ приступить къ этому.

— Бѣдная папа, сказала мнѣ Кадди въ ночь, наканунѣ великаго дня, когда мы дѣйствительно успѣли привести вещи въ нѣкоторый порядокъ. — Мнѣ кажется предосудительно покинуть его, Эсэиръ. Но что я бы стала здѣсь дѣлать, если бы осталась. Съ тѣхъ поръ какъ я узнала тебя, Эсэиръ, я полюбила занятія хозяйствомъ, я пробовала входить во все; но это совершенно бесполезно. Мама и Африка, общими силами, завладѣли всѣмъ домомъ. У насъ еще не было служанки, которая бы не пила. Мама настоящая разрушительница порядка.

Мистеръ Джеллиби не слыкалъ, что она говорила, но, по видимому, догадывался и, кажется, украдкою утиралъ слезы.

— Сердце мое разрывается, глядя на него, сказала Кадди со слезою. — Ночью мнѣ приходитъ иногда въ голову, что точно такъ же, какъ я теперь надѣюсь быть счастливою съ Приццемъ,

и папа надеялся быть счастливымъ съ мама. А между тѣмъ, ка-
кая безотрадная ихъ жизнь!

— Милая Каади, сказала мистеръ Джеллиби, уныло смотря
вокругъ.

Мнѣ кажется, что я въ первый разъ еще услышала отъ него
сряду два слова.

— Что папа? вскричала Каади, идя къ нему и обнявъ его
съ нѣжностію.

— Милая Каади, сказалъ мистеръ Джеллиби. — Не занимайся
никогда....

— Кѣмъ, Принцемъ, папа? Не заниматься Принцемъ?

— Э, нѣтъ моя милая, отвѣчалъ мистеръ Джеллиби. — Имъ,
разумѣется, можешь заниматься. Но никогда не занимайся....

Я упомянула уже при первомъ нашемъ посѣщеніи Товійскаго
подворья, что Ричардъ говорилъ о мистеръ Джеллиби какъ о та-
комъ господинѣ, который часто послѣ обѣда открывалъ ротъ и
между тѣмъ не произносилъ ни слова. Это обратилось у него въ
привычку. Такъ и теперь онъ открывалъ ротъ по нѣскольку разъ
сряду и потомъ опускалъ голову въ меланхолическомъ расположе-
ніи духа.

— Чѣмъ, вы хотите, чтобы я не занималась? Чѣмъ не занимать-
ся, милый папа? спрашивала Каади, ласкалась къ отцу и обнявъ ру-
кою его шею.

— Никогда не занимайся миссіями, милое дитя мое.

Мистеръ Джеллиби вздохнулъ и прислонился головою къ стѣнѣ;
тутъ я въ первый разъ увидала попытку съ его стороны выразить
свое мнѣніе на счетъ борріобульскаго вопроса. Я думаю, что нѣ-
когда онъ былъ живѣе и говорливѣе; но онъ, по видимому, былъ
забитъ, загнанъ, запуганъ прежде, нежели я его узнала.

Я думала, что мистриссъ Джеллиби никогда не перестанетъ по-
коить свой ясный взоръ на бумагахъ и пить крѣпкій кофею. Было
уже двѣнадцать часовъ ночи, когда мы завладѣли комнатою; для
очищенія и приведенія ея въ порядокъ предстояло столько трудовъ,
трудоу ужасныхъ, безотрадныхъ, что Каади, которая и безъ того
была измучена, сѣла посреди сору и пыли и начала плакать отъ
отчаянія. Впрочемъ, она скоро утѣшилась и мы, прежде чѣмъ улег-
лись въ постели, преобразили комнату какъ будто волшебствомъ.

На другой день по утру, при помощи нѣсколькихъ горшковъ съ
цвѣтами и огромнаго количества мыла в воды, комната получила
болѣе опрятный, порядочный и даже отчасти веселый видъ.

Завтракъ красовался приближенъ, и Каади была въ совершенномъ
восторгѣ. Но когда пришла моя милая Ади, мнѣ пришлось, и я

убѣждена въ этомъ до сихъ поръ, что я никогда еще не видывала такого привлекательнаго личика какъ у моей любимицы.

Мы устроили для дѣтей наверху маленькую квартиру и посадили Пини на концы стола; мы показали дѣтямъ Кадди въ ея подвѣшечномъ платьѣ; они захохотали рученками, заиричали. Кадди стала увѣрять ихъ, что она уйдетъ если они не уймутся, и потомъ принялась ихъ целовать и обнимать, такъ-что мы принуждены были послать туда Принца, чтобы ее выручить. При этомъ я должна, къ сожалѣнію, сказать, что Пини укусили его. Ввиду въ это время расхаживавъ уже съ невыразимымъ величіемъ мистеръ Торвидропъ. Онъ съ любовью благословлялъ Кадди и давалъ опекуну моему понять, что счастіе сына онъ считаетъ главною цѣлью своихъ стремленій, что для достиженія этой цѣли онъ жертвуетъ своими личными интересами.

— Мой милый сэръ, сказалъ мистеръ Торвидропъ: — эти молодые люди будутъ жить со мною; мой домъ довольно великъ для помѣщенія ихъ и они не будутъ стѣснены подъ родительскимъ кровомъ.

Тутъ же были мистеръ и мистриссъ Пардингтъ, мистеръ Пардингтъ, упрямый на видъ господинъ съ прилизанными волосами и въ широкомъ жилетѣ, постоянно разсуждающій густымъ басомъ о насѣкомыхъ, которыя беспокоятъ его самого, о насѣкомыхъ, которыя беспокоятъ мистриссъ Пардингтъ, и наконецъ о насѣкомыхъ, которыя беспокоятъ ихъ пятерыхъ дѣтокъ. Мистеръ Гушеръ, съ волосами, по обыкновенію, зачесанными назадъ и съ нисками лоснящимися отъ помады, былъ тутъ же, и не въ качествѣ презрѣннаго любовника, а въ качествѣ признаннаго жениха молодой, или если не молодой, то незамужней леди, миссъ Вискъ, которая присутствовала вмѣстѣ съ прочими на этомъ собраніи. Присваніе миссъ Вискъ, какъ объяснилъ мнѣ мой опекунъ, состояло въ томъ, чтобы доказать свѣту, что назначеніе женщны одиноково съ назначеніемъ мужины; что истинное назначеніе того и другой состоитъ въ постоянномъ обсужденіи общественныхъ дѣлъ и возбужденіи административныхъ вопросовъ. Гостей было мало; но всѣ изъ нихъ, какъ и должно было ожидать отъ гостей мистриссъ Джеллиби, посвятили себя исключительно общественнымъ дѣламъ. Кромѣ тѣхъ, о которыхъ я уже упоминала, тутъ была еще чрезвычайно грязная леди, съ чепцомъ, надѣтымъ на бокъ, и съ ярлыкомъ, означающимъ его цѣну, который забыла съ него снять, леди, у которой домъ, по словамъ Кадди, похожъ былъ на заброшенный хлѣвъ; очень довольный собою джентльменъ, который увѣрвалъ, что его призваніе быть великому братомъ, но который въ то же время былъ

весьма холоденъ ко всемъ членамъ своей многочисленной семьи завершалъ собравшееся общество.

Трудно было бы составить общество, которое такъ мало какъ настоящее принимало бы участія въ томъ, для чего оно было создано. Такое мелочное призваніе, какъ домашняя жизнь, было въ глазахъ гостей мистриссъ Джеллиби самою ничтожною, едва лишь приличною вещью. Зато миссъ Вискъ, прежде чѣмъ сѣла за завтракъ, объявила съ величайшимъ негодованіемъ, что мысль о томъ, будто призваніе женщины заключено въ тѣсныя предѣлы домашней жизни, есть настоящее насиліе со стороны тираннической воли мужчины. Другою особенностью всѣхъ этихъ господъ было то, что вслѣдствіе изъ нихъ, избравъ для себя извѣстное призваніе, исключили мистера Гюшера, котораго призваніе, какъ я уже упомянула, состояло въ томъ, чтобы восторгаться призваніемъ другихъ людей, вовсе не заботился о чѣмъ бы то ни было призваніи кромѣ своего. Мистриссъ Пардингтъ доказывала, что единственная похвальная дѣятельность есть ея дѣятельность вспомошествованія бѣднымъ и расточенія благодѣній, которыя льнутъ къ несчастнымъ подобно узко спитому жмлету; миссъ Вискъ же утверждала съ своей стороны, что единственная практическая цѣль въ жизни есть освобожденіе женщины отъ вліянія ея тирана, мужчины. Миссъ Джеллиби все это время сидѣла, улыбаясь тому ограниченному взгляду на вещи, который могъ обращать вниманіе на что бы то ни было, кромѣ Боррибула-Ха.

Но я начинаю заходить впередъ и хочу рассказывать о томъ, что случилось послѣ свадебной церемоніи, не успѣвъ еще обѣщать Кадди. Мы всѣ отправились въ церковь и мистеръ Джеллиби протиснулся съ дочерью. У меня не достало бы словъ, чтобы достойно описать, какъ старый мистеръ Торвидропъ, взявъ шляпу надъ мышку, такъ что внутренность ея представлялась дуломъ пушки, и воздвѣвъ глаза до самой опушки своего парика, стоялъ позади насъ, выгнувшись и высоко поднимая плечи, во все продолженіе церемоніи и потомъ сталъ намъ кланяться и говорить привѣтствія. Миссъ Вискъ, которая казалась очень задумчивою и была какъ видно не въ духѣ, смотрѣла на все съ какимъ-то пренебреженіемъ.

Мистриссъ Джеллиби, съ своею спокойною улыбкою и яснымъ взоромъ, казалась, наименѣ заинтересованною настоящею церемоніею изъ всѣхъ тутъ бывшихъ.

Мы, какъ водится, возвратились къ завтраку, и мистриссъ Джеллиби заняла мѣсто на переднемъ концѣ, а мистеръ Джеллиби на заднемъ концѣ стола. Кадди опять тихонько убѣжала наверхъ, чтобы обнять дѣтей и сказать имъ, что теперь имя ея — Торвидропъ.

Но эта новость, вмѣсто того, чтобы пріятно удивить Пипи, заставила его повалиться на спину въ порывѣ такого отчаяннаго рева, что я, прибѣжавъ въ дѣтскую, не могла увяль его иначе, какъ предложивъ посадить его за большимъ столомъ. Онъ сошелъ внизъ и расположился у меня на колѣняхъ, и мистриссъ Джеллиби, посмотрѣвъ на его фартукъ и сказавъ:

— Ахъ, негодный Пипи, какой ты еще дрянной поросенокъ! осталась, впрочемъ, кажется, довольною.

Пипи былъ очень уменъ, только принесъ съ собою вырѣзаннаго изъ бумаги кита, онъ хотѣлъ окунуть его голову сначала въ рюмку, потомъ положить эту голову къ себѣ въ ротъ.

Мой опекунъ, по свойственной ему добротѣ и находчивости, старался развеселить эту безжизненную компанію. Никто изъ гостей не могъ, кажется, говорить ни о чемъ, кромѣ одного извѣстнаго избраннаго предмета, и даже объ этомъ предметѣ каждый изъ нихъ могъ разсуждать только въ извѣстномъ кругу и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, считая все, что внѣ этого предмета, этого круга и этихъ обстоятельствъ, нелѣпостью, вздоромъ, ничтожествомъ. Мой опекунъ старался ободрить и развлечь Кадди, старался поддержать ея достоинство и умѣлъ занять всѣхъ довольно приличнымъ образомъ. Что было бы съ нами безъ него, я боюсь подумать, потому что все общество чувствовало презрѣніе къ молодому и молодой, и старому мистеру Торвидропу; старый же мистеръ Торвидропъ, считая себя далеко выше всѣхъ присутствующихъ, немного помогалъ оживленію общества. Наконецъ настало время, когда бѣдная Кадди должна была отправиться, и когда все ея имущество было уложено въ наемную карету, долженствовавшую отвезти ее вмѣстѣ съ супругомъ въ Грэвзандъ. Трогательно было видѣть, какъ Кадди уцѣпилась въ эту минуту за безотрадный родительскій домъ и съ какою горячею нѣжностью она повисла на шеѣ у своей матери.

— Мнѣ очень жаль, что я теперь не буду писать подъ диктовку, мама, сказала со вздохомъ Кадди. — Я надѣюсь, что вы меня простите за это?

— Ахъ, Кадди, Кадди, сказала мистриссъ Джеллиби: — я тебѣ говорила уже тысячу разъ, что я наняла себѣ мальчика, слѣдовательно, объ этомъ нечего и толковать.

— Не права ли, что вы на меня не сердитесь, мама? Скажите, что не сердитесь, прежде, чѣмъ я уйду, мама.

— Глупенькая Кадди, отвѣчала мистриссъ Джеллиби: — развѣ я кажусь сердитою, развѣ я люблю сердиться, развѣ у меня достаётъ времени на то, чтобы сердиться? Какъ ты могла это подумать!

— Будьте поласковѣе съ папа, когда меня здѣсь не будетъ, мама!

При этихъ словахъ мистриссъ Джеллиби замѣтила положительнымъ образомъ:

— Ахъ ты, мечтательница, сказала она, слегка трепля Каади по плечу. — Ступай себѣ съ Богомъ. Мы съ тобой расстаемся друзьями. Прощай, Каади; будь счастлива.

Тогда Каади повисла на своемъ отцѣ и прикладывала его губы къ своимъ, управляя имъ какъ какимъ нибудь большимъ ребенкомъ. Все это происходило въ залѣ. Наконецъ отецъ освободился отъ ея объятій, вынулъ изъ кармана платокъ и сѣлъ на ступеняхъ лѣстницы, облокотившись головою на стѣну. Должно быть, что онъ получалъ вообще отъ стѣнъ какое нибудь утѣшеніе. Я по крайней мѣрѣ постоянно была этого мнѣнія.

Тутъ Принцъ взялъ жену свою подъ руку и съ волненіемъ на лицѣ и чрезвычайнымъ уваженіемъ обратился къ отцу, который въ настоящую минуту понималъ все величіе своей роли.

— Благодарю, благодарю васъ, тысячу разъ благодарю, батюшка! произнесъ Принцъ, цалуя его руку. — Я очень признателенъ вамъ за вашу доброту и вниманіе, которое вы обратили на мою жизнь, и я могу васъ увѣрить, что Каади вполне разделяетъ мои чувства.

— Вполнѣ, проговорила Каади со вздохомъ: — вполне!

— Мой милый сынъ, сказалъ мистеръ Торвидропъ: — и милая дочь, я исполнялъ свой долгъ. Если душа одной незабвенной для меня женщины витаетъ теперь надъ нами и любитъ на настоящій союзъ вашъ, то это уже, а равно постоянство вашей привязанности будутъ служить мнѣ наградою. Вы вѣрно не пренебрежете исполненіемъ своего долга, сынъ мой и дочь моя?

— Никогда, милый батюшка! прокричалъ Принцъ.

— Никогда, никогда, милый мистеръ Торвидропъ! проговорила Каади.

— Такъ и должно быть, отвѣчалъ мистеръ Торвидропъ. — Дѣти мои, мой домъ вашъ, мое сердце ваше, мое все ваше. Я никогда не разстанусь съ вами; только одна смерть можетъ разлучить насъ. Милый сынъ мой, ты кажется хочешь отлучиться на недѣлю?

— На недѣлю, милый батюшка. Ровно черезъ недѣлю мы воротимся.

— Любезное дитя мое, произнесъ мистеръ Торвидропъ: — позволь мнѣ, даже при настоящихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, напомнить тебѣ о необходимости быть точнымъ и исполнительнымъ. Это чрезвычайно важно при поддержкѣ всякаго рода от-

ношеній и школы; какъ бы онѣ ни были заброшены, все-таки требуютъ исполненія обязанности.

— Ровно черезъ недѣлю, батюшка, мы будемъ дома къ обѣду.

— Хорошо, сказалъ мистеръ Торвидропъ. — Вы найдете въ моей комнатѣ, милая Каролина, растопленный каминъ и накрытый столъ въ моемъ апартаментѣ. Да, да, Принцъ! продолжалъ онъ, предвидя со стороны сына какое-то великодушное возраженіе и принимая снова важный видъ. — Ты и наша Каролина будете еще въ этотъ день у себя гостями и потому отобѣдаете въ моихъ покояхъ. Ну, прощайте, Богъ да благословитъ васъ!

Они отправились. Я не могла отдать себѣ отчета, кому я больше удивлялась — мистриссъ Джеллиби или мистеру Торвидропу. Ада и опекунъ мой испытывали то же самое недоумѣніе, когда намъ пришлось говорить объ этомъ. Но прежде, нежели мы также успѣли ухъять, я выслушала совершенно неожиданное и чрезвычайно краснорѣчивое привѣтствіе отъ мистера Джеллиби. Онъ пришелъ ко мнѣ въ залу, взялъ меня за обѣ руки, пожалъ ихъ съ важнымъ видомъ и два раза открылъ ротъ. Я до такой степени предъугадывала, что онъ намѣренъ былъ сказать, что произнесла, совершенно растерявшись.

— Очень рада, сэръ, очень рада. Полноте говорить объ этомъ!

— Мнѣ кажется, что эта свадьба къ лучшему? спросила я моего опекуна, когда мы всѣ трое были на пути къ нашему дому.

— Я думаю, моя разумница, терпѣніе.... Мы увидимъ впоследствии.

— Сегодня не восточный вѣтеръ? рѣшила я спросить его.

Онъ простодушно засмѣялся и отвѣчалъ:

— Нѣтъ.

— Но мнѣ кажется, онъ дулъ сегодня утромъ, продолжала я.

Онъ опять отвѣтилъ:

— Нѣтъ.

Моя прелестная спутница тоже отвѣчала въ эту минуту съ полнымъ убѣжденіемъ: «Нѣтъ» и покачала своею маленькою головкою, на которой цвѣты были заплетены въ золотистыя кудри и представляла такимъ образомъ живое изображеніе весны.

— Много ты знаешь, мой милый баловень, сказала я, цалуя ее въ припадкѣ восторженной нѣжности; я не могла удержаться въ ту минуту отъ подобнаго увлеченія.

Все это давно уже миновало, но я считаю долгомъ описывать подобныя сцены, потому что онѣ приводятъ мнѣ на память слова людей близкихъ моему сердцу и доставляютъ мнѣ искреннее удовольствіе.

ГЛАВА XXXI.

БОЛЬНАЯ И СИДѢЛКА.

Меня какъ-то разъ опять не было дома вѣсколько дней. По возвращеніи, вечеромъ я отправилась на верхъ къ себѣ въ комнату, чтобы посмотрѣть, какъ Чарли успѣваетъ въ чистописаніи. Письмо казалось мудренымъ занятіемъ для Чарли, которая, по видимому, не надѣлена была отъ природы достаточными силами, чтобы совладѣть съ перомъ. Въ ея рукѣ всякое перо казалось упрямымъ, скрипѣло, сгибалось, останавливалось, брызгало, прыгало и валилось на бокъ, точно вьючный лошакъ. Странно было видѣть, какія дряхлыя буквы выводитъ молодая рука Чарли. Буквы такія сгорбленныя, сморщенные, колеблющіяся; рука ея полная, пухлая. Зато Чарли была необыкновенно способна ко всѣмъ прочимъ дѣламъ и обладала такими проворными пальчиками, какіе мнѣ едва ли случалось видать.

— Хорошо, Чарли, сказала я, смотря на написанные образцы буквы *O*, которое имѣло то четырехугольную форму, то форму треугольника, груши и расходилось концами своими въ разныя стороны: — хорошо, мы начинаемъ успѣвать. Если мы станемъ выводить *O* покруглѣе, то рѣшительно отличимся, Чарли.

Тутъ я написала *O*, потомъ Чарли тоже написала *O*; но перо не послушалось ея, брызнуло и слѣдало вмѣсто буквы большое черное пятно.

— Ничего, Чарли. Современемъ мы выучимся.

Чарли положила перо, докончивъ страницу; разогнула усталые пальчики, помахала рукою, посмотрѣла на страницу съ важностью, самодовольствіемъ, но и съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, потомъ встала со стула и съ ласковымъ видомъ подошла ко мнѣ.

— Благодарю васъ, миссъ. Позвольте васъ спросить, миссъ, знаете ли вы одну бѣдную особу, по имени Джени?

— Жену кирпичника, Чарли? Знаю.

— Она приходила сюда и говорила мнѣ, въ то время, какъ я пошла прогуляться, что вы знаете ее, миссъ. Она спросила меня, не я ли маленькая служанка молодой леди... она приняла васъ за молодую леди, миссъ.... и я отвѣчала, миссъ, что точно такъ.

— Я думала, что она уже уѣхала изъ нашего околка, Чарли.

— Она и уѣзжала, миссъ, но потомъ воротилась туда же, гдѣ жила и прежде... она и Лиза. Вы знаете вѣдь другую бѣдную особу, которую зовутъ Лизой, миссъ?

— Кажется, что знаю, Чарли, хотя объ имени ея въ первый разъ слышу.

— Она именно такъ и говорила, отвѣчала Чарли. — Онъ объ воротился, миссъ, и долго бродили взадъ и впередъ, миссъ.

— Бродили взадъ и впередъ, Чарли, за чѣмъ же это?

— Да, миссъ.

Если бы Чарли выучилась выводить въ своей тетрадкѣ такія же круглыя буквы, какъ круглы были въ эту минуту глаза ея, смотрѣвшіе на меня, то она прекрасно бы писала.

— И эта бѣдная особа приходила три или четыре дня сряду, чтобы повидаться съ вами.... ей только это и нужно было, какъ она сказала... но васъ не было дома. Она увидала меня, какъ я выходила, миссъ, сказала Чарли съ улыбкою, исполненною величайшаго удовольствія и нѣкоторой гордости: — и по виду приняла меня за вашу служанку!

— Въ самомъ дѣлѣ, Чарли, это правда?

— Да, миссъ! отвѣчала Чарли: — совершенная правда.

И Чарли, засмѣявшись въ порывѣ самой простодушной радости, снова округлила глаза свои и смотрѣла такъ серьезно, какъ слѣдовало смотрѣть моею субреткѣ. Я бы никогда не устала смотрѣть на Чарли, какъ она, съ полнымъ сознаниемъ собственного достоинства, стояла передо мною съ своимъ юнымъ личикомъ, своею легкою фигурою, манерами, обнаруживавшими твердость характера и дѣтскою восторженностью, которая проявлялась отъ времени до времени самымъ забавнымъ образомъ.

— Гдѣ же ты ее видѣла, Чарли? спросила я.

Наружность моею маленькой субретки приняла нѣсколько печальный видъ, когда она отвѣчала «У аптеки, миссъ.» На Чарли было еще ея черное мапто. Я спросила, не больна ли жена кирвичника, но Чарли отвѣчала, что нѣтъ. Тутъ была какая-то другая причина. Какой-то мальчикъ изъ ея хижины уходилъ будто бы къ Сентъ-Альбансу и потомъ отиравился самъ не зная куда.

— Бѣдный мальчикъ! сказала Чарли. — Нѣтъ ни отца, ни матери, нѣтъ никого. Такой же видно, какимъ былъ бы и Томъ, миссъ, если бы Эмма и я умерли послѣ кончины батюшки, сказала Чарли, и ея круглыя глаза наполнились слезами.

— И она ходила для него за лекарствомъ, Чарли?

— Точно такъ, миссъ, отвѣчала Чарли: — она говорила, что она прежде дѣлывала то же самое для нея.

Личико моею маленькой служанки было такъ печально, и ея ручки были такъ крѣпко сложены на груди, пока она стояла передо

мною и смотрѣла на меня, что мнѣ не трудно было угадать ея мысли.

— Хорошо, Чарли, сказала я: — кажется, что мы съ тобой не можемъ лучше поступить, какъ идти къ Джени и узнать, въ чемъ дѣло.

Поспѣшность, съ которою Чарли принесла мнѣ мою шляпку и фуаля и, одѣвъ меня совсѣмъ, закуталась въ темную шаль, въ которой вхожа была на маленькую старушку, достаточно доказывала ея готовность. Такимъ образомъ Чарли и я, не сказавъ уже другъ другу болѣе ни слова, вышли изъ дому.

Тогда была холодная, ненастная ночь, и деревья сильно качались отъ вѣтра. Дождь падалъ крупными, тяжелыми каплями въ продолженіе предыдущаго дня и даже съ небольшими промежутками шелъ нѣсколько дней. Впрочемъ, въ то время, какъ мы отправились странствовать, дождя не было. Небо нѣсколько прояснилось, хотя все еще было покрыто облаками и только немногія звѣзды блистали на немъ. На сѣверѣ и на сѣверо-западѣ, гдѣ солнце закатилось назадъ тому часа три, видѣлся блѣдный, исчезающій отсвѣтъ, отрадный для глаза, но вмѣстѣ и наводящій страхъ. По поверхности этого блѣднѣвшаго горизонта тянулись и колыхались длинныя полосы густого мрака, подобно поверхности моря, внезапно остывшаго въ ту минуту, когда оно только что взволновалось. По направленію къ Лондону, красноватый цвѣтъ носился надъ сумрачнымъ пространствомъ, и эта противоположность двухъ отсвѣтовъ, вереницы таинственныхъ мыслей, которыя рождались при видѣ багроваго зарева, отражавшагося на отдаленныя городскія строенія и на лица многихъ тысячъ обитателей столицы, была особенно поразительна, отличалась особеннымъ торжественнымъ характеромъ.

Въ эту ночь мнѣ рѣшительно не приходило въ голову — я увѣрена въ томъ — не приходило въ голову, что должно было скоро со мною случиться. Но впоследствии времени я постоянно вспоминала, что когда мы остановились у садовой калитки посмотреть на небо, и когда мы продолжали затѣмъ дорогу, то я мгновенно испытала какое-то неопредѣленное впечатлѣніе, какъ будто я становилась чѣмъ-то отличнымъ отъ того, что я была прежде. Я знаю, что это произошло именно въ то время и въ томъ мѣстѣ. Я всегда соединяла это чувство даже въ позднѣйшую пору моей жизни съ этимъ мѣстомъ и временемъ и со всѣмъ даже нестороннимъ, что напоминало объ этомъ мѣстѣ и времени, начиная съ отдаленнаго гула голосовъ городскихъ жителей до лая собаки и стука колесъ, бѣгущихъ внизъ по грязной горѣ.

Это было въ субботу ночью, и большая часть людей той деревни, въ которую мы шли теперь, непремѣнно гдѣ нибудь жили. Мы на-шли деревню болѣе спокойною, чѣмъ мнѣ прежде случалось видать ее, хотя столь же жалкою на видѣ. Печи топились, и удивительный паръ несся къ намъ на встрѣчу кашинь-то блѣдно-голубымъ облакомъ.

Мы подошли къ хижинѣ, въ которой видѣлась тусклая свѣча, стоявшая протѣвъ разбитого и кое-какъ залѣпленного окна. Мы ступнули въ дверь и вошли. Мать маленькаго ребенка, который умеръ, сидѣла на стулѣ по одну сторону небольшого очага; съ противоположной стороны какой-то оборванный мальчикъ, прислонясь къ камину, валялся на полу. Онъ держалъ подъ мышкою, въ видѣ небольшого свертка, отрывокъ какой-то мѣховой шапки и въ то время, какъ онъ старался отогрѣться, онъ вздрагивалъ всякій разъ, когда вздрагивала ветхая дверь или окончина. Помѣщеніе казалось еще тѣснѣе прежняго и отличалось какими-то нездоровымъ, страннымъ запахомъ.

Я сначала не подняла своего вуала, заговоривъ съ женщиною при входѣ нашемъ въ комнату. Мальчикъ тотчасъ же вскочилъ и сталъ смотрѣть на меня съ выраженіемъ замѣтнаго удивленія и ужаса. Движеніе его было такъ быстро и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ было очевидно, что я была причиною его замѣшательства, что я остановилась и не пошла далѣе.

— Я не хочу больше идти на кладбище, бормоталъ мальчикъ: — я не хочу туда идти, говорю я вамъ!

Я подняла свой вуаль и начала говорить съ женщиною. Она сказала мнѣ тихимъ голосомъ:

— Не обращайтесь на него вниманія, ма'мъ. Онъ скоро придетъ въ свой разумъ; и обратясь къ нему произнесла: — Джо, Джо, скажи хорошенько, въ чемъ дѣло?

— Я знаю, зачѣмъ она пришла! кричалъ мальчикъ.

— Кто?

— Эта леди. Она пришла, чтобы взять меня и идти съ нею на кладбище. Я не могу слышать о немъ.

Онъ снова задрожалъ и прислонился къ стѣнѣ съ такою силою, что, казалось, вся избушка закачалась.

— Онъ только и дѣло, что толковалъ объ этомъ цѣлый день, ма'мъ, сказала Дженинн вротко. — Чего ты испугался! Это м-леди, Джо, наша леди.

— Ой ли? возразилъ мальчикъ съ сомнѣніемъ и провоя рукою по моему платью, въ то время, какъ пылающіе глаза его были под-

наты вверхъ. — Миѣ кажется, что это другая. На ней есть и шалика, есть на ней и барское платье, но миѣ кажется, что это другая.

Маленькая Чарли съ свойственною ей опытностью, когда дѣло касается чловѣка больного или смущеннаго, сняла съ себя шляпку и шаль, тихо подошла къ мальчику со стуломъ и посадила его на этотъ стулъ, какъ старушка нянька сажаетъ своего питомца. Юное личико Чарли одно только не согласовалось съ обязанностью няни, но зато тѣмъ живѣе вызывало мальчика на откровенность.

— Я говорю вотъ что! произнесъ мальчикъ. — Скажите хоть вы миѣ. Не правда ли, что та леди другая леди?

Чарли покачала головкой и въ то же время систематически обертывала мальчика въ его лохмотья, стараясь его согрѣть, сколько было возможно.

— О! пробормоталъ мальчикъ. — Я полагаю, что это не она.

— Посмотрю, не успѣю ли я привести его на путь истинный, сказала я. — Какъ ты себя чувствуешь?

— Я сначала замерзалъ, отвѣчалъ мальчикъ хриплымъ голосомъ, но вода вокругъ себя блуждающими глазами: — потомъ горѣлъ, потомъ опять замерзалъ и это повторалось по нѣскольку разъ каждый часъ. Меня клонить ко сну, я готовъ помѣшаться, я умираю отъ жажды, въ тѣлѣ моемъ каждая кость ноетъ, мучительно ноетъ.

— Когда онъ пришелъ сюда? спросила я женщину.

— Сегодня утромъ, ма'амъ, я нашла его на одномъ изъ перекрестковъ въ концѣ города. Я знавала его еще прежде въ Лондонѣ. Не такъ ли, Джо?

Если мальчикъ обращалъ на что-нибудь свое вниманіе или новорачивалъ глаза, то это продолжалось одно мгновеніе. Онъ скоро снова началъ качать головою, тяжело потряхивать ею и говорить какъ будто въ какомъ-то томительномъ снѣ.

— Когда онъ пришелъ изъ Лондона? спросила я.

— Я пришелъ изъ Лондона вчера, отвѣчалъ мальчикъ на этотъ разъ самъ за себя, и сильная краска выступила при этомъ у него на лицѣ. — Я отправляюсь теперь кое-куда.

— Куда онъ идетъ? спросила я.

— Кое-куда, повторилъ мальчикъ болѣе кроткимъ голосомъ. — Я шелъ впередъ, долго шелъ впередъ, много подвинулся съ тѣхъ поръ, какъ миѣ дали суверенъ. Мистриссъ Снагэби, она всегда подсматриваетъ, попрекаетъ меня... что я ей сдѣлалъ? всѣ они подсматриваютъ, попрекаютъ. Всякій изъ нихъ только и знаетъ, что это, лишь только я покажусь на дворѣ, до той самой минуты, какъ дагу. А теперь я уже собрался кой-куда. Вотъ я куда иду. Она сказала миѣ

въ улицѣ Одинокато Тома: ступай туда, внизъ, и какъ она сама маъ Столбенза, то я и выбралъ столбензскую дорогу. Это такая же приличная дорога, какъ и всякая другая.

Оканчивая каждую фразу, онъ обращался къ Чарли.

— Что намъ съ нимъ дѣлать? сказала я, отведя женщину въ сторону. — Онъ не можетъ пуститься въ дорогу въ такомъ положеніи, если бы у него даже и было какое нибудь опредѣленное намѣреніе и если бы онъ зналъ, куда онъ идетъ.

— Я не знаю, ма'амъ, немного больше знаю чѣмъ мертвый, отвѣчала бѣдная женщина, смотря на мальчика съ состраданіемъ. — Еще, можетъ быть, мертвые люди лучше нашего все знаютъ, только не хотятъ говорить. Я ухаживала здѣсь за нимъ цѣлый день изъ жалости, давала ему хлѣба и кой-какихъ снадобій, а Лиза между тѣмъ спрашивала, не приметъ ли кто его къ себѣ (вотъ здѣсь моя малютка въ кровати, дитя ея, но я зову ее своей); я не могу держать его долго, потому что если мужъ мой воротится и найдетъ его здѣсь, онъ пожалуй выгонитъ и даже прибьетъ его. Чу! Вотъ Лиза идетъ назадъ.

При этихъ словахъ другая женщина поспѣшно вошла въ комнату; мальчикъ тотчасъ приподнялся какъ бы въ темномъ предчувствіи того, что ему должно уйти. Какъ маленькій ребенокъ между тѣмъ проснулся, какъ Чарли занялась имъ, вынула его изъ кровати и стала убаюкивать его — я этого не замѣтила. Все это она дѣлала съ пріемами опытной и нѣжной матери, какъ будто она снова жила въ антресоляхъ мистриссъ Блайндеръ съ Томомъ и Эммой. Услужливая подруга хозяйки побывала и тамъ и сямъ, переговорила много чувствительныхъ фразъ, затрогивала состраданіе и снисходительность всякаго встрѣчнаго; но, кажется, воротилась съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пошла.

Сначала говорили ей, что слишкомъ рано еще приотить такого мальчика на общественный счетъ, а потомъ сказали, что слишкомъ поздно. Одна изъ мѣстныхъ властей послала ее къ другой власти, та отправляла ее къ первой, и такъ далѣе въ томъ же порядкѣ. Обѣ власти казались весьма опытными и искусными, когда приходилось избѣгать своей обязанности, а не исполнять ее.

— Теперь, сказала пришедшая женщина, тяжело дыша, потому что она бѣжала, и обнаруживая сильный страхъ: — теперь, Джени, твой хозяинъ на дорогѣ къ дому и мой недалеко отсталъ отъ него. Господь да поможетъ бѣдному мальчику! мы уже ничего не можемъ сдѣлать для него.

Онѣ собрали нѣсколько полупенсовъ и сунули ихъ въ руку мальчику, и такимъ образомъ, въ какомъ-то забвеніи всего окружа-

ющаго, частью съ признаками благодарности на лицѣ, частью съ видомъ равнодушія и безчувственности, онъ выбрался изъ дому.

— Дай-ка мнѣ ребенка-то, миленькая, говоритъ мать, обращаясь къ Чарли: — большое спасибо тебѣ за твои ласки. Джени, любезная моя подруга, доброй ночи! Молодая леди, если хозяинъ мой не очень раскричится на меня, то я завтра пораспрошу и посмотрю, нельзя ли какъ пристроить мальчика.

Она поспѣшно вышла вонъ, пока мы пѣли для ребенка и старались его убаюкать, и стала съ безпокойствомъ смотрѣть на дорогу, по которой долженъ былъ прійти ея пьяный мужъ.

Я боялась оставаться тутъ долѣе; при томъ, если бы я стала говорить съ которою либо изъ женщинъ, то только привела бы ихъ въ большее замѣшательство. Но я сказала въ то же время Чарли, что мы не должны оставить мальчика, которому угрожаетъ смерть. Чарли, которая знала гораздо лучше меня, что нужно дѣлать, и которой проворство равнялось быстротѣ ея воображенія, пустилась впередъ меня, и мы скоро догнали Джо близъ кирпичнаго сараа.

Я думаю, что онъ началъ свое странствованіе съ какою нибудь узелкомъ или сверткомъ, и что потомъ это у него было украдено или потеряно имъ самимъ. Онъ все продолжалъ вести обрывокъ мѣховой шапки подъ мѣшкой, свернувъ ее въ трубку, хотя самъ шелъ съ открытою головою по дождю, который шелъ постоянно. Джо остановился, когда мы его окликнули, и опять какъ будто испугался, когда я подошла къ нему. Онъ стоялъ, устремивъ на меня блестящіе глаза свои, и дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Я сказала ему, чтобы онъ пошелъ съ нами, и что мы постараемся приготовить ему ночлеги.

— Мнѣ не нужно ночлега, отвѣчалъ онъ. — Я могу лечь промежъ горячихъ кирпичей.

— Да развѣ ты не знаешь, что тамъ люди умираютъ? возразила Чарли.

— Они умираютъ вездѣ, гдѣ угодно, сказалъ мальчикъ. — Они умираютъ въ своихъ квартирахъ; она знаетъ гдѣ; я ей показывалъ; они умираютъ и въ толпѣ, на глазахъ у народа. Вообще имъ, кажется, проще умереть, чѣмъ прожить долго.

Потомъ онъ съ усиленіемъ прошепталъ, обращаясь къ Чарли:

«Неужели это не та самая? Развѣ ихъ есть не одна?»

Чарли взглянула на меня съ нѣкоторымъ испугомъ. Я тоже почувствовала боязнь, когда мальчикъ сталъ смотрѣть на меня такимъ образомъ.

Онъ отворотился и пошелъ прочь, когда я сдѣлала ему утвердительный знакъ головою. Видя, что я произвожу на него сильное

вліяніє, я направила путь свой прямо къ дому. Онъ былъ недалеко; нужно было только подняться на вершину небольшого холма. Однако я сомнѣваюсь, чтобы мы могли дойти безъ посторонней помощи, потому что ноги мальчика ступали невѣрно и дрожали. Впрочемъ, онъ не жаловался и, кажется, вообще чрезвычайно мало думалъ о самомъ себѣ.

Оставивъ его на минуту въ залѣ, гдѣ онъ пріютился въ углу у окна, обнаруживая совершенное равнодушіе, очень непомятое, впрочемъ, въ подобную минуту—равнодушіе къ комфорту и блеску, которые его окружали, я вошла въ гостиную, чтобы переговорить съ моимъ опекуномъ. Тамъ я нашла мистера Скимполя, который пріѣхалъ въ наемной каретѣ совершенно неожиданно, какъ это часто случалось ему дѣлать, не взявъ съ собой никакого платья и заимствуя обыкновенно все необходимое у другихъ.

Они тотчасъ вышли со мною, чтобы посмотрѣть на мальчика. Слуги тоже собрались въ залѣ; а онъ между тѣмъ стоялъ у окна возлѣ Чарли и дрожалъ всѣмъ тѣломъ подобно какому нибудь раненому животному, найденному во рвѣ.

— Это печальное обстоятельство; сказалъ мой опекунъ, сдѣлавъ ему два-три вопроса, погладивъ его рукою и посмотрѣвъ ему въ глаза. — Что ты скажешь, Леонардъ?

— Вы бы лучше сдѣлали, если бы отослали его, сказалъ мистеръ Скимполь.

— Что ты хочешь этимъ сказать? спросилъ мой опекунъ съ строгимъ видомъ.

— Мой милый Джордидъ, сказалъ мистеръ Скимполь: — вы знаете, что я такое; я дитя. Побраните меня, если я заслуживаю этого. Но у меня есть врожденное нерасположеніе къ подобнымъ вещамъ. Оно было всегда во мнѣ, когда я еще занимался медицинскою практикою. Надо вамъ сказать, что онъ очень ненадеженъ. Съ нимъ довольно опасный припадокъ лихорадки.

Мистеръ Скимполь снова вышелъ изъ залы въ гостиную, сказалъ это какъ будто вскользь и потомъ сѣлъ на табуретъ перелѣ фортепяно, возлѣ котораго мы стояли.

— Вы скажете, что это ребяческій капризъ, замѣтилъ мистеръ Скимполь, весело глядя на насъ. — Пожалуй, я съ вами согласенъ; но зато вѣдь я дитя, и я не имѣю претензій быть чѣмъ либо другимъ. Если вы опять вышлете его шати на всѣ четыре стороны, то вы только поставите его въ то же самое положеніе, въ которомъ онъ уже былъ. Онъ не будетъ выпровоженъ хуже, чѣмъ былъ выпровоженъ. Вы можете даже чѣмъ-нибудь вознаградить его. Дайте ему

шесть пенсаовъ , или пять шиллинговъ , или пять фунтовъ — вы ариеметки, а я вовсе нѣтъ.... и развяжетесь съ нимъ совсѣмъ.

— Что же онъ будетъ дѣлать тогда? спросилъ мой опекунъ.

— Готовъ прозакладывать свою жизнь , сказалъ мистеръ Скимполь, пожимая плечами, съ своею добродушною улыбкою : — что я не имѣю и малѣйшаго понятія о томъ , что мальчикъ будетъ дѣлать въ такомъ случаѣ. Но я не сомнѣваюсь также, что онъ хоть что-нибудь да будетъ дѣлать.

— Не ужасна ли только эта мысль , сказалъ мой опекунъ , которому я наскоро объяснила, какъ бесполезны были усилія двухъ женщинъ : — не ужасна ли эта мысль, продолжалъ онъ, ходя взадъ и впередъ и перебирая себѣ волосы : — что будь это несчастное созданіе какимъ нибудь пойманнымъ преступникомъ , и ему отворились бы двери любого госпиталя , и о немъ стали бы заботиться , какъ о какомъ угодно больномъ мальчикѣ въ госуларствѣ.

— Мой милый Джорджисъ , замѣтилъ мистеръ Скимполь : — вы извините неосновательность вопроса, который вамъ сдѣлаетъ чловѣкъ совершенно неопытный въ практическихъ дѣлахъ; почему бы и ему не быть пойманнымъ и посаженнымъ подлѣ стражу?

Опекунъ мой остановился и взглянулъ на него съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ веселости и гнѣва на лицѣ.

— Нашъ молодой другъ не лишенъ , какъ кажется , нѣкоторой нѣжности организма, продолжалъ мистеръ Скимполь , не смущаясь и съ совершеннымъ хладнокровіемъ. — По моему, было бы благо-разумнѣе и въ нѣкоторой степени похвалить съ его стороны, если бы онъ выказалъ хотя худо направленную энергію , которая бы заставила посадить его въ тюрьму. Тогда дѣло получило бы печать предприимчивости и, слѣдовательно, почти повѣстическій характеръ.

— Я увѣренъ , возразилъ мой опекунъ , продолжая ходить въ раздумьи по комнатѣ : — я увѣренъ , что въ цѣломъ свѣтѣ не найдется еще ребенка, подобнаго тебѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ мистеръ Скимполь. — Очень можетъ быть , что вы и правы! Но , признаюсь вамъ , я рѣшительно не вижу причины , почему бы нашему молодому другу, въ его положеніи, не постараться усвоить себѣ тотъ повѣстическій характеръ, который , кажется , самъ навязывается ему. Онъ , безъ сомнѣнія, рожденъ съ извѣстнымъ аппетитомъ, вѣроятно, что, когда онъ въ болѣе удовлетворительномъ состояніи здоровья , у него даже прекрасный аппетитъ. Все это очень хорошо. Въ обыкновенный свой обѣденный часъ , который , вѣроятно, приходится около полудня,

нашъ молодой другъ говорить , обращаясь къ обществу : «Я голоденъ , не будете ли вы столько добры , чтобы вынуть вашу ложку и накормить меня?» Общество , которое приняло на себя главные распоряженія по снабженію человечества ложками и которое увѣряетъ , что у него есть ложка и для нашего молодого друга , сверхъ чаянія не показываетъ , не даетъ этой ложки . Тогда нашъ молодой другъ говорить : «Въ такомъ случаѣ вы должны извинить меня , если я самъ возьму эту ложку». Вотъ что казалось бы мнѣ подвигомъ худо направленной энергіи , въ которой была извѣстная частица благоразумія и извѣстная частица поэзіи . Такимъ образомъ я не знаю теперъ , почему бы мнѣ принять менѣе участія въ нашемъ молодомъ другѣ при подобномъ поведеніи съ его стороны , нежели когда онъ является простымъ лишь бродягою , которымъ всякій сьумѣетъ быть .

— Между тѣмъ , рѣшилась я замѣтить : — ему становится все хуже и хуже .

— Между тѣмъ , сказалъ мистеръ Скимполь съ свойственною ему кротостью и спокойствіемъ : — между тѣмъ , какъ замѣчаетъ миссъ Коммерсонъ , по внушенію своего практическаго благоразумія , ему становится все хуже и хуже . Потому я тѣмъ болѣе совѣтую вамъ развязаться съ нимъ , пока съ нимъ не сдѣлалось еще хуже .

Добродушное выраженіе , съ которымъ онъ произнесъ эти слова , я думаю , никогда не изгладится изъ моей памяти .

— Какъ же быть , моя маленькая женщина , замѣтилъ опекунъ мой , обращаясь ко мнѣ : — конечно , я могу такъ сдѣлать , чтобы его помѣстили въ какое нибудь надежное мѣсто , могу настоять на этомъ , хотя очень непріятно , что при его положеніи должно прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ . Но теперь уже очень поздно , почъ ненастная , а мальчикъ и безъ того чрезвычайно утомился . Въ сараѣ надъ конюшными есть , кажется , кровать , лучше бы уложить его тамъ до утра , когда можно будетъ приодѣть и отпустить его . Мы сдѣлаемъ это .

— О! сказалъ мистеръ Скимполь , держа руки на клавишахъ фортепьяно , пока мы выходили изъ комнаты : — вы намѣрены отправиться теперъ къ нашему молодому другу ?

— Да , сказалъ мой опекунъ .

— Какъ я завидую вашей комплекціи , Джордись ! воскликнулъ мистеръ Скимполь съ шуточною восторженностью . — Васъ не останавливаютъ никакія затрудненія , точно такъ же , какъ и миссъ Коммерсонъ . Вы во всякое время готовы что-нибудь дѣлать и идти куда бы то ни было . Вотъ что значитъ воля ! У меня вообще нѣтъ

волж , я не желаю , впрочемъ , имѣть ее , или просто на просто не могу имѣть воды .

— Ты , я думаю , ничего не можешь присоветовать въ пользу мальчика ? спросилъ мой опекунъ , обернувшись вполонину и смотря себя черезъ плечо съ полунедовольнымъ выраженіемъ , только съ полунедовольнымъ выраженіемъ , потому что онъ всегда разумѣлъ мистера Скимполя человѣкомъ , которому нельзя виѣнять въ вину его слова и поступки .

— Мой милый Джорндисъ , я замѣтилъ у него въ карманѣ бабочку успокоительнаго и прохлаждающаго лекарства , и лучше ничего нельзя для него придумать какъ заставить его принять это лекарство . Вы можете также приказать людямъ , чтобы постель его спрыснули немного уксуомъ , воздухъ въ комнатѣ сдѣлали въ мѣру холоднымъ и самого больного одѣли потеплѣе . Впрочемъ , очень невѣжливо съ моей стороны давать какія бы то ни было наставленія . Миссъ Сомерсонъ такъ знаетъ всѣ подробности дѣла , она до такой степени способна къ самымъ мельчайшимъ распоряженіямъ , что нечего ее учить въ подобномъ случаѣ .

Мы воротились въ залу и объяснили Джо , что мы намѣрены съ нимъ сдѣлать . Чарли повторяла ему наши слова ; но онъ притжималъ ихъ по прежнему съ какимъ-то лѣнивымъ равнодушіемъ , съ усердіемъ заставляя себя смотрѣть на то , что происходило вокругъ него , какъ будто помеченія наши касались не его , а кого нибудь другого . Слуги наши принимали полное участіе въ страданьѣхъ , старались всѣми мѣрами помочь ему , такъ-что комната была очень скоро приготовлена . Черезъ дворъ , который былъ сыръ , перенесли его тепло закутаннымъ . Чарли управляла всѣми распоряженіями , ходила взадъ и впередъ изъ сарая въ домъ , стараясь доставить ему желаемый комфортъ . Мой опекунъ тоже сходилъ посмотреть на мальчика передъ тѣмъ , какъ его уложили въ постель , и отдалъ мнѣ обо всемъ отчетъ по возвращеніи въ Ворчальную , гдѣ онъ собирался писать письмо касательно участи мальчика ; письмо это посланный долженъ былъ отнести на другой день рано утромъ . По словамъ моего опекуна , мальчикъ чувствовалъ себя лучше и готовъ былъ заснуть . Онъ сказалъ мнѣ , чтобъ дверь въ его комнату заперли снаружи на случай , если онъ будетъ въ безпамятствѣ ; но вмѣстѣ съ тѣмъ устроили все такъ , что при малѣйшемъ шумѣ , который бы онъ произвелъ , его можно было услышать .

Ада сидѣла все это время въ нашей комнатѣ , чувствуя сильный насморкъ ; потому мистеръ Скимполь оставался одинъ и развлекалъ себя тѣмъ , что игралъ отрывки патетическихкихъ арій и шардака даже

наи́валъ ихъ, сколько можно было разслушать издали, съ большимъ чувствомъ и выраженіемъ. Когда мы пришли къ нему въ гостиную, онъ сказалъ, что намърѣнь спѣтъ намъ маленькую балладу, которая пришла ему въ голову «по поводу нашего молодого друга», и онъ запѣлъ слѣдующіе стихи о крестьянскомъ мальчикѣ :

Вытолкнуть на бѣлый свѣтъ, чтобъ скитаться весь свой вѣкъ,
Не имѣть родного крова, въ жизни ласковаго слова
Отъ отца не услыхать.

Мистеръ Скимпволь пѣлъ съ большимъ искусствомъ и въ заключеніе сказалъ намъ, что эта пьеса всегда производила на него сильное впечатлѣніе.

Онъ былъ очень веселъ во все продолженіе вечера ; «онъ рѣшительно распѣвалъ», говоря его собственными словами, вида, какіе «даровитые и дѣльные люди его окружаютъ». Наливъ себѣ рюмку бисшофу, онъ провозгласилъ тостъ «за здоровье нашего молодого друга !», потомъ съ веселымъ видомъ сталъ дѣлать предположенія, нельзя ли ему понасть современемъ въ лорды-мэры Лондона. Тогда онъ не преминулъ бы основать Джорджесовскій Институтъ, Сошнерсоновекую Богатѣльню и малешкую корпорацію странниковъ къ Сентъ-Альбансу. Онъ нисколько не сомнѣвается, говорилъ онъ, что это прекрасный и достойный мальчикъ въ своемъ родѣ, не чте путь избранный жите не приходится подѣлать пути, избранному Леонардомъ Скимпвольемъ ; то, чѣмъ сдѣлался Леонардъ Скимпволь, онъ самъ достигъ этого къ своему невыразимому удивленію, когда онъ впервые далъ себѣ въ томъ отчетъ. Онъ принялъ себя въ свое знакомство со всѣми своими ощущеніями и считалъ дѣломъ здравой философіи разработывать данный матеріалъ, какого бы качества онъ ни былъ. Мы, по его мнѣнію, поступили бы точно также.

Последнее донесеніе, сдѣланное намъ Чарли, состояло въ томъ, что мальчикъ успокоился. Изъ окна моей комнаты можно было видѣть свѣтъ фонаря, который оставили у него зажженнымъ, и я легла въ постель съ пріятнымъ убѣжденіемъ, что мальчикъ не лишентъ на нынѣшнюю ночь крова.

Утромъ, на разсвѣтѣ, на дворѣ было сильное движеніе, раздавались громкіе разговоры, которые и разбудили меня. Нока я одѣвалась, я выглянула изъ окна и спросила одного изъ людей, который показался мнѣ особенно сострадательнымъ накануне, не случилось ли какого нибудь несчастія въ домѣ. Фонарь все еще горѣлъ въ слуховомъ окнѣ сарая.

— Да, все объ мальчикѣ толкуемъ, миссъ, отвѣчалъ онъ.

— А развѣ ему хуже? спросила я.

— Совсѣмъ пропалъ, миссъ.

— Умеръ!

— Что вы, миссъ! нѣтъ. Ушелъ самымъ мудренымъ образомъ.

Въ какое время ночи онъ ушелъ и какимъ способомъ, это казалось навсегда неразрѣшимымъ. Такъ какъ дверь была въ томъ же положеніи какъ и наканунѣ, и какъ фонарь по прежнему свѣтился на окнѣ, то оставалось предположить, что большой выльзъ чрезъ подъ-емную дверь въ полу, которая соединяла комнату его съ пустымъ амбаромъ, бывшимъ внизу. Но видно, что онъ опять заперъ эту дверь, если дѣйствительно онъ чрезъ нее прользъ, потому что даже нельзя было замѣтить, что кто либо поднималъ ее. Догадкамъ не было конца. Наконецъ мы рѣшили, что вѣроятно, когда съ большимъ сдѣлалось ночью безпамятство, то преслѣдуя какой нибудь воображаемый предметъ, или подчиняясь какому нибудь безотчетному страху, онъ тѣмъ или другимъ способомъ выскочилъ въ этомъ, болѣе чѣмъ безнадежномъ, положеніи. Всѣ мы раздѣляли это грустное убѣжденіе, кромѣ мастера Скнишоля, который повторялъ, съ свойственною ему легкостью выраженія, что вѣроятно нашему молодому другу пришло въ голову, что онъ не очень пріятный гость, подвергаясь сильнымъ припадкамъ лихорадки, и что онъ безъ сомнѣнія, по чувству врожденной вѣжливости, забавлялъ хозяевъ своихъ отъ затруднительнаго положенія, въ которое поставилъ ихъ своимъ присутствіемъ.

Всевозможныя розысканія были сдѣланы и всѣ норки и уголки обшарены. Кирпичныя печи также осмотрѣны. Люди обошли всѣ хивины, распрашивали въ особенности двухъ женщинъ, которыя на канунѣ пріютили мальчика; но онѣ рѣшительно ничего не знали о немъ, и удивленіе, выраженное ими при этомъ, было совершенно естественно. Погода все это время была слишкомъ дождлива, а предъидущая ночь въ особенности слишкомъ сыра, чтобы можно было надѣяться на отысканіе слѣдовъ по землѣ. Заборы, ямы, стѣны, колодцы, стоги сѣна, хлѣбныя скирды были осмотрѣны людьми на значительное разстояніе, въ надеждѣ отыскать гдѣ нибудь мальчика, лишившагося чувствъ или даже умершаго; но ничто не указывало ни малѣйшихъ признаковъ того, чтобы онъ находился тутъ по близости. Съ того самаго времени, какъ онъ былъ оставленъ на чердакѣ, онъ рѣшительно исчезъ.

Поиски продолжались цѣлые пять дней. Нельзя сказать, чтобы они и впоследствии прекратились, но по крайней мѣрѣ вниманіе

ниде было привлечено тогда совершенно другими предметами. Когда Чарли снова занималась письмомъ въ моей комнатѣ вечеромъ, и я сидѣла противъ ея столика, я почувствовала, что столъ дрожитъ. Взглянувъ на дѣвочку, я увидала, что она трясется всѣмъ тѣломъ.

— Чарли, сказала я : — тебѣ вѣрно холодно ?

— Должно быть такъ, миссъ, отвѣчала она. — Я сама не знаю хорошенько, что это такое. Я не могу быть совершенно спокойною. Я это же самое чувствовала и вчера и въ это же самое время, миссъ. Не беспокойтесь пожалуйста, вѣрно я больна.

Я услышала голосъ Ады сваружи и поспѣшила тотчасъ къ двери, которая соединяла мою комнату и нашу маленькую гостиную; я заперла эту дверь. Я едва успѣла это сдѣлать, потому что Ада стучала въ дверь въ то самое время, какъ рука моя держалась еще за ключъ.

Ада говорила мнѣ, чтобы я впустила ее; но я отвѣчала: «Не теперь, моя милая. Подожди. Поди пока къ себѣ. Нѣтъ ничего особенно интереснаго; я сейчасъ сама къ тебѣ приду.» Ахъ! много, много времени прошло до тѣхъ поръ, пока моя милая подруга и я снова сдѣлались неразлучными.

Чарли сдѣлалась больна. Въ теченіе двѣнадцати часовъ ей становилось все хуже и хуже. Я перевела ее къ себѣ въ комнату, положила ее на мою постель и сѣла возлѣ нея, чтобы ухаживать за нею. Я все рассказала моему опекуну, объяснила ему причину, почему я считаю необходимымъ отдѣлаться отъ всѣхъ живущихъ въ домѣ, и почему въ особенности я избѣгаю сходиться съ моею милою подругою. Въ первое время она очень часто подходила къ двери, звала меня и даже упрекала со вздохами и слезами; но я написала къ ней длинное письмо, говоря, что она заставляетъ меня беспокоиться и дѣлаетъ меня несчастною, и умоляла ее, если она меня, любить и желаетъ меня совершенно успокоить, не подходить ко мнѣ ближе чѣмъ садовое окошко. Послѣ этого она приходила подъ окно, даже чаще чѣмъ подходила къ двери; и если я любила слушать ея милый для меня голосъ прежде, нежели мы были разлучены обстоятельствами, то какъ полюбила я его, когда стояла передъ окномъ, спрятавшись за драпир, слушая и отвѣчая ей, но не смѣя взглянуть на нее! Какъ полюбила я ея голосъ впоследствии, когда настали еще болѣе тяжкія времена!

Въ нашу маленькую гостиную принесли для меня кровать; а я, оставивъ дверь отворенною, соединила такимъ образомъ двѣ комнаты въ одну, тѣмъ болѣе, что Ада совершенно оставила эту часть

дома. Въ домѣ нашемъ и даже въ близости дома не было, можетъ быть, ни одного слуги, который бы не согласился съ полною готовностью приходить ко мнѣ во всякій часъ дня и ночи, безъ малѣйшаго опасенія или неудовольствія; но я признала за лучшее выбрать одну пожилую женщину, которая никогда не приходила къ Адѣ, и которую я просила являться ко мнѣ со всѣми возможными предосторожностями. При помощи ея, я находила случай прогуливаться на воздухѣ съ моимъ опекуномъ, когда мы были увѣрены, что не встрѣтимъ Аду. Даже и въ этомъ положеніи я видѣла отовсюду самое искреннее вниманіе во всѣхъ случаяхъ.

Такимъ образомъ бѣдная Чарли разнемогалась, болѣе и болѣе подчинялась недугу и была очень близка къ смерти; въ этомъ состояніи она проводила дни и ночи на пролетъ безъ всякаго сна. Она была такъ терпѣлива, такъ далека отъ малѣйшей жалобы, отличалась такою привлекательною твердостью духа, что часто, сидя возлѣ моей маленькой субретки и держа ея голову на рукахъ моихъ — въ этомъ положеніи, и исключительно въ этомъ, она чувствовала себя покойною и изрѣдка забывалась — я молча молила нашего Небеснаго Отца не допустить меня оставить втунѣ урокъ, даваемый мнѣ моею младшею сестрою.

Мнѣ было очень грустно думать, что привлекательное личико Чарли должно сильно измѣниться и быть обезображеннымъ, если бы даже она и выздоровѣла — она была еще совершенное дитя по своимъ пухлымъ щечкамъ съ ямками — но эта мысль по большей части оставляла меня при видѣ сильной опасности, въ которой находилась больная. Когда она была уже очень ненадежна и когда ея разстроенное воображеніе напоминало ей страданіе ея престарѣлаго отца и горькую участь его маленькихъ дѣтей, она все-таки находила единственное успокоеніе, отдыхая на рукахъ моихъ и менѣе жаловалась тогда на мучительный бредъ, который почти не покидалъ ея. Въ подобныя минуты мнѣ постоянно приходило въ голову, какъ скажу я двумъ оставшимся малюткамъ, что юная сестра ихъ, которая умѣла, по движенію своего ибжиаго сердца, служить имъ матерью въ годину испытанія, что эта малютка умерла!

Было время, когда Чарли, привязавшись ко мнѣ всею душою, болтала со мною, увѣряла меня въ своей любви къ Тому и Эмиѣ, и повторяла всегда свое убѣжденіе, что Томъ выйдетъ прекраснымъ человекомъ. Въ это бывшее время Чарли рассказывала мнѣ, какъ она для утѣшенія отца своего читала ему книги, но крайнему разумѣнію, читала про юношу, единственнаго сына бѣдной вдовы, котораго увезли изъ дому для погребенія, читала про дочь ведьмы, чудеснымъ образомъ исцѣленную на смертномъ оарѣ. И Чарли

говаривала мнѣ, что когда отецъ ея умретъ, она часто молилась на колѣняхъ и, въ припадкѣ сильнаго прилива горести, являла у Бога, чтобы и ея покойный родитель точно также былъ изведенъ изъ гроба и возвращенъ несчастнымъ дѣтямъ, и что если ей самой не суждено оправиться и слѣдуетъ также умереть, то можетъ быть и Тому придетъ въ голову возносить за нее тѣ же самыя молитвы къ престолу Всевышняго.

Но, при всѣхъ различныхъ переходахъ болѣзни, Чарли, ни разу не теряла тѣхъ привлекательныхъ качествъ, о которыхъ я упоминала. И многія, многія изъ этихъ качествъ, какъ я болѣе, и болѣе, и болѣе убѣждалась, должно было отнести къ ея надеждѣ на благодѣтельность Ангела хранителя и къ твердой вѣрѣ въ Бога, которую всегда сохранялъ ея несчастный родитель.

Однако Чарли не умерла. Медленно и шатко перешла она опасный кризисъ, оставаясь долго между жизнью и смертью, и наконецъ начала поправляться. Надежда, которой, впрочемъ, я и въ началѣ не оставляла совершенно, что Чарли опять придетъ въ прежнее положеніе, скоро начала получать большую и большую поддержку. Съ удовольствіемъ замѣчала я, что она по прежнему становилась ребенкомъ, и что къ ней возвращалась ея живость и веселость.

Незабвенно было для меня то утро, когда я могла передать все это Адѣ, стоявшей въ саду; никогда не забуду я и того вечера, когда Чарли и я пили наконецъ чай по прежнему вмѣстѣ въ сосѣдней комнатѣ. Но въ тотъ же самый вечеръ я почувствовала сильный ознобъ. Къ счастью для насъ обѣихъ, только по совершенномъ выздоровленіи Чарли, когда она могла уже спокойно васыпать, я начала убѣждаться, что болѣзнь ея перешла ко мнѣ. Я была еще, впрочемъ, въ состояніи скрыть то, что я почувствовала за чаемъ, но въ скоромъ времени я увидала, что мнѣ придется идти по слѣдамъ Чарли.

Рано утромъ я могла еще привѣтствовать любимицу мою, стоящую въ саду, и говорить съ нею долго по обыкновенію. Но во мнѣ оставалось какое-то странное впечатлѣніе, какъ будто я ходила ночью по комнатамъ; я чувствовала что-то въ родѣ безпамятства, хотя и сохраняла сознаніе о томъ, гдѣ я была. Мысли мои мѣшались и мною овладѣвало непонятное чувство, какъ будто я полнѣю и разрастаюсь до чудовищныхъ размѣровъ. Вечеромъ мнѣ сдѣлалось такъ дурно, что я рѣшилась предупредить Чарли; съ этою цѣлью я спросила:

— Ты совершенно оправилась, Чарли, не правда ли?

— О, да, совершенно! сказала Чарли.

— Довольно оправилась для того, чтобы тебѣ можно было открыть секретъ, Чарли?

— Совершенно можно, миссъ! вскричала Чарли.

Но расцвѣтшее личико Чарли совершенно потеряло свое оживленное выраженіе, когда она прочитала мою тайну у нея на лицѣ; она встала съ кресла, упала ко мнѣ на грудь и сказала.

— О, миссъ, я въ этомъ виновата, я въ этомъ виновата! и много говорила она въ эту минуту отъ полноты благодарнаго сердца.

— Теперь, Чарли, сказала я, давъ ей нѣсколько успокоиться, если я сдѣлаюсь больна, моя главная надежда, говоря по человѣчески, будетъ на тебя. И если ты не будешь также спокойна и тверда, какъ была ты во время своей собственной болѣзни, то надежда эта никогда не оправдается, Чарли.

— Если вы мнѣ позволите только, миссъ, немножко плакать, когда мнѣ будетъ слишкомъ тяжело, сказала Чарли: — о! моя милая, безцѣнная! если вы мнѣ позволите плакать хоть изрѣдка, моя милая миссъ, (съ какою нѣжностью и самоотверженіемъ произносила она эти слова, обнимая меня въ то же время, я не могу вспомнить безъ слезъ) тогда я буду вполне довольна!

Я позволила Чарли плакать, когда ей вздумается, и мы были обѣ очень успокоены одна насчетъ другой.

— Теперь вы можете на меня положиться, миссъ, сколько вамъ будетъ угодно, сказала Чарли спокойно. Я буду исполнять все, что вы мнѣ прикажете.

— На первый разъ я распоряжусь обѣ очень немногомъ, Чарли. Я скажу твоему доктору, что я себя несомнѣнно хорошо чувствую и что ты будешь ухаживать за мною.

За это бѣдный ребенокъ благодарилъ меня отъ всего сердца.

— А утромъ, когда ты услышишь, что миссъ Ада въ саду, и я не буду въ состояніи подойти къ окну, по обыкновенію, ты скажешь ей, что я сплю, что я сама очень утомилась и заснула. Затѣмъ, держи комнату, какъ я держала ее, Чарли, и не выпускай сюда никого.

Чарли обѣщала все исполнить, и я тотчасъ же прилегла, потому что чувствовала уже большую тягость. Ночью я видѣлась съ докторомъ и просила у него одной милости, чтобы онъ не говорилъ пока никому въ домѣ о моей болѣзни. У меня осталось очень смутное воспоминаніе обѣ этой ночи, расплывавшейся въ день, обѣ этомъ днѣ, превращавшемся для меня въ ночь; но на слѣдующее утро я могла еще подойти къ окну и говорить съ любимицей души моей.

На другое утро я услышала ея милый голосъ — Боже, какъ онъ отраденъ для меня даже по воспоминанію — услышала изъ сада. Я

попросила Чарли, не безъ труда, потому что я могла говорить только съ усмѣшкою, вѣдти и сказать, что я сплю. Я услышала затѣмъ отвѣтъ Ады, произнесенный шепотомъ : «Ради самаго Бога, не безпечной ея, Чарли».

— Ну, что, какъ смотреть теперь единственный предметъ моей гордости, Чарли? спросила я.

— Огорчена, мнесь, отвѣчала Чарли, взглянувъ черезъ драпировку.

— Но я увѣрена, что она прелестна сегодня.

— Въ самомъ дѣлѣ такъ, миссъ, отвѣчала Чарли, заглянувъ снова въ окно : — она все посматриваетъ сюда.

Я представила себѣ въ эту минуту ея очаровательные голубые глаза, всегда полные искренней привязанности, когда она смотрѣла на меня.

Я подозвала Чарли къ себѣ и передала ей послѣднее приказаніе.

— Послушай, Чарли, когда она узнаетъ, что я больна, она будетъ стараться придти въ эту комнату; не впускай ее, Чарли, если ты меня истинно любишь, не впускай ни за что въ свѣтѣ! Чарли, если только ты еепустишь, хотя бы для того, чтобы разъ взглянуть на меня, какъ я здѣсь лежу, я тотчасъ же умру, Чарли.

— Ни за что! ни за что! проговорила Чарли съ твердостью.

— Я вѣрю этому, моя милая Чарли. Теперь поди сюда, посиди со мною и дотрись до меня своею ручкою. Я не могу видѣть тебя, Чарли : я ослѣпла.

ГЛАВА XXXII.

НАЗНАЧЕННОЕ ВРЕМЯ.

Въ Линкольннѣ ночь; впрочемъ въ этой мрачной, плачевной юдоли казуистическихъ тѣней тажущіеся всегда ходятъ не иначе какъ ощупью; оплывшія свѣчи загашены и дымятся въ канцеляріяхъ; писцы сбѣжали уже по обитымъ деревяннымъ лѣстницамъ и разсѣялись. Часовой колоколь, который пробилъ девять, прекратилъ свои болѣзненные вопли, издаваемые имъ совершенно по пустому, ворота заперты, и ночной сторожъ, одаренный чрезвычайно мощною сонливостью, стережетъ домъ, сидя въ своей каморкѣ. Изъ ряда оконъ, выходящихъ на лѣстницу, и отъ тусклыхъ лампъ едва брезжетъ блѣдный, унылый свѣтъ.

На Подворьѣ Кука, гдѣ живетъ лордъ Пайперъ въ лавкѣ разнаго грана и локмотьевъ, замѣчается общее стремленіе къ пиву и живну. Мистриссъ Пайперъ и мистриссъ Перкинсъ, которыхъ съновья увлекались въ это время съ нѣкоторыми изъ своихъ избранныхъ знакомыхъ игрою въ кулички, и которыя нѣсколько часовъ сидятъ уже точно въ засадѣ въ одноиъ изъ закулокъ персулка Чансри, иди прииваются нести проужокъ къ великому неудовольствію прохожихъ, мистриссъ Пайперъ и мистриссъ Перкинсъ прозносятъ своимъ дѣтямъ напутствія ко сну, и теперь останавливаются только на крыльцѣ, чтобы обмѣняться нѣсколькими словами. Мистеръ Крукъ ѣ его жилецъ, фактъ, что мистеръ Крукъ постоянно «не въ своемъ видѣ», дальновидные планы молодого человека на наслѣдство составляютъ, по обыкновенію, главный предметъ ихъ разговора. Но имъ необходимо кромѣ того сообщить другъ другу свои мысли и о гармоническомъ митингѣ въ гостиницѣ Солнца; оттуда звуки фортепяно несутся на дворъ сквозь полукоткрытыя ставни; маленькій Свилльзъ, привелъ любителей гармоніи въ сильный восторгъ, выражаемый ими оглушительнымъ ревомъ, разыгрываетъ избранную имъ для себя роль въ импровизированной пьесѣ и сентиментально убѣждаетъ своихъ друзей и патроновъ слушать, слушать и слушать. Мистриссъ Перкинсъ и мистриссъ Пайперъ сравниваютъ мнѣнія, выражаемыя свѣдущими людьми насчетъ молодой леди, пользующейся заслуженною славою, леди, которая присутствуетъ на гармоническихъ митингахъ и которой имя помѣщено въ рукописномъ объявленіи, вывѣшенномъ въ окнѣ. Мистриссъ Перкинсъ очень хорошо извѣстно, что эта леди уже полтора года какъ замужемъ, несмотря на то, что всѣ зовутъ ее миссъ Мельвилсонъ. «Ну, ужъ, что касается до меня — говорить мистриссъ Перкинсъ — я бы лучше согласилась не знаю на что». Мистриссъ Пайперъ относительно сомнительнаго положенія этой леди держится того же мнѣнія; она убѣждена, что частная, одинокая дѣятельность лучше торжественныхъ рукоплесканій, и она не перестаетъ благодарить небо за свое собственное безукоризненное поведеніе, равно какъ, само собою разумѣется, и за безукоризненное поведеніе мистриссъ Перкинсъ. Въ это время мальчишъ изъ гостиницы появляется съ кружкою пѣяннаго пива, заготовленнаго для живна: мистриссъ Пайперъ принимаетъ эту полачку и удаляется къ дверямъ, пожелавъ, впрочемъ, доброй ночи мистриссъ Перкинсъ, у которой въ рукѣ давно уже есть подобная же кружка, стянутая въ той же востиницѣ молодымъ Перкинсомъ передъ его отшествіемъ ко сну. Теперь начинаютъ закираться двери лавокъ на дворъ и распространяется запахъ точно отъ табачнаго дыма; мор-

цмощіа на небѣ звѣзды, смотря въ окна домовъ, видѣть людей, предающихся усомоенію. Теперь же полицмѣны начинаютъ стучать въ двери, пребовать, заперты ли онѣ; теперь они полозри-тельными окомя смотрятъ на каждую кучку людей и приводятъ въ движеніе свои жезлы въ томъ предположеніи, что въ настоящій часъ ночи волякіи или самъ воръ, или имѣеть быть обворованъ.

Наступаетъ темная ночь, хотя холодныя испаренія все-таки еще поднимаются отъ земли; въ воздухѣ носится какой-то тягучій туманъ. Теперь самое удобное время для дѣятельности на бойняхъ, для устраниенія нечистотъ съ дворовъ, для поправленія водосточныхъ трубъ, помойныхъ ямъ и рытья могилъ. И теперь у многихъ изъ смертныхъ есть свои экстренныя, самыя бойкія дѣла. Въ воздухѣ разлито что-то непонятное, какая-то густота, уаушливость, впрочемъ; можетъ быть, это происходитъ и отъ субъективныхъ причинъ, только мистеръ Вивль, иначе Джоблингъ, чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо. Онъ проходитъ взадъ и впередъ отъ своей комнаты до двери, отворенной на улицу до двѣнадцати разъ въ продолженіе часа. Онъ этииъ занимается съ тѣхъ поръ, какъ стемнѣло, съ тѣхъ поръ, какъ Канцлеръ заперъ свою лавку, что онъ исполнялъ всегда довольно рано. Мистеръ Вивль ходитъ взады и впередъ, впередъ и взадъ въ помошенной бархатной ермолякѣ на головѣ, заставляющей его бакенбарды принимать чудовищныя размѣры, ходитъ чаще, скорѣе и прерывистѣе противъ обыкновеннаго.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что и мистеръ Снагзби несовсѣмъ хорошо себя чувствуетъ, онъ почти всегда въ такомъ состояніи, почти всегда, болѣе или менѣе, подъ тягостнымъ вліяніемъ тайны, которая лежитъ на немъ. Подвигаемый этою тайною, въ которой онъ сдѣлался участникомъ, но отъ которой барыни еще не поступили къ нему, мистеръ Снагзби невольно увлекается къ тому, что кажется для него источникомъ всѣхъ благъ — къ лавкѣ тряпья и лохмотьевъ, находящейся на Подворьѣ. Эта лавка представляетъ ему всевозможныя приманки. Даже и теперь, идя вокругъ гостиницы Солнца, съ намѣреніемъ перейти дворъ къ концу переулка Чансри и заключить такимъ образомъ свою неожиданную вечернюю прогулку, отъ двери своей квартиры и назадъ, мистеръ Снагзби невольно поглядываетъ на лавку.

— Какъ, мистеръ Вивль? говоритъ гуляющій, остановившись. — Вы здѣсь?

— Ахъ! отвѣчаетъ Вивль. — Здѣсь, мистеръ Снагзби, я здѣсь.

— Вы освѣжаетесь, какъ и я, передъ тѣмъ какъ ложиться въ постель, не такъ ли? спрашиваетъ мистеръ Снагзби.

— Да; но только здѣсь не много свѣжаго воздуха; а какой вѣсть, то не очень цѣлительнъ, отвѣчаетъ Вивль, измѣрля глазами всю длину двора.

— Совершенно справедливо, сэръ. Не замѣчаете ли вы, говорить мистеръ Снагзби, остановившись съ тѣмъ, чтобы вдохнуть въ себя воздухъ и если можно, то попробовать его на языкъ: — не замѣчаете ли вы, мистеръ Вивль, что здѣсь — не придавая, впрочемъ, этому слову слишкомъ важнаго значенія — что здѣсь становись какими-то закаленнымъ, прокопченнымъ, сэръ?

— Именно, я самъ замѣчалъ, что здѣсь какой-то странный чадъ по ночамъ, отвѣчаетъ мистеръ Вивль. — Я думаю, что это отъ котлетъ въ гостинницѣ Солнца.

— Вы думаете, отъ котлетъ? О, отъ котлетъ, а?

Мистеръ Снагзби снова нюхаетъ и смакуетъ языкомъ.

— Да, сэръ, я самъ думаю, что это отъ котлетъ. Надо будетъ сказать тамошней кухаркѣ, чтобы она была нѣсколько осмотрительнѣе. Она просто жжетъ ихъ, сэръ! и я не думаю, сэръ... (тутъ мистеръ Снагзби опять нюхаетъ, шевелитъ языкомъ, смлевываетъ и облизывается) и я не думаю — не придавая, впрочемъ, этому слишкомъ большой важности — я не думаю, чтобы котлеты были особенно свѣжи, когда она клала ихъ на сковороду.

— Это очень можетъ быть. Впрочемъ, воздухъ вообще очень заразителенъ.

— Очень заразителенъ, вы правы, замѣтилъ мистеръ Снагзби: — и я нахожу даже, что въ немъ есть что-то отъзывающагося привидѣнiami.

— Святой Георгій! я рѣшительно чувствую, что онъ наводитъ на меня страхъ, отвѣчаетъ мистеръ Вивль.

— Вы живете, извольте видѣть, очень уединенно, въ самой уединенной комнатѣ, которая, кромѣ того, видѣла весьма мрачныя событiя, говоритъ мистеръ Снагзби, смотря черезъ плечо своего собесѣдника на темный корридоръ и потомъ отступивъ на шагъ, чтобы оглядѣть домъ. — Я бы не могъ жить въ этой комнатѣ одинъ, какъ вы, сэръ. Я бы измучился, изматался въ первый же вечеръ и согласился бы лучше простоять всю ночь на крыльцѣ, нежели лечь въ той комнатѣ. Впрочемъ и то надо сказать, что вы не выдали тамъ того, чему я былъ свидѣтелемъ. Это маленькая разнища.

— Я очень хорошо знаю, о чемъ вы говорите, отвѣчаетъ Тони.

— Во всякомъ случаѣ это нецрѣятно, не правда ли? продолжаетъ мистеръ Снагзби, кашлянувъ въ руку, съ какою-то неотразимою убѣдительною. — Мистеръ Крукъ долженъ класть это въ расчетъ. Я думаю, что онъ рассчитываетъ это.

— Надѣюсь, что будетъ рассчитывать, говорить Тони. — Впрочемъ, съ другой стороны сомнѣваюсь въ томъ!

— Вы находите плату высокою, не такъ ли, сэръ? спрашиваетъ мистеръ Снагзби. — Квартиры здѣсь вообще дороги. Не знаю чему это приписать, но, кажется, правительство точно впрочемъ возвышаетъ всему цѣну. Впрочемъ, присовокупляетъ мистеръ Снагзби, съ ограниченнѣмъ кашлемъ: — я не смѣю сказать въ этомъ случаѣ ничего противъ промысла, которымъ самъ существую.

Мистеръ Вивль опять измѣряетъ глазами всю длину двора, и потомъ останавливаетъ ихъ на своемъ собесѣдникѣ. Мистеръ Снагзби, умилно прищуривъ свой взоръ, смотритъ на что-то вверхъ, можетъ быть на звѣзды, и кашляетъ такимъ кашлемъ, который выражаетъ его недоумѣніе какъ продолжать начатый разговоръ.

— Странная вещь, сэръ, замѣчаетъ онъ, медленно протирая руку: — странная вещь, что онъ... что...

— Кто? прерываетъ мистеръ Вивль.

— А покойникъ-то, говоритъ мистеръ Снагзби, указавъ головою и правою бровью на лѣстницу и взявъ своего собесѣдника за пуговицу.

— Ахъ, полноте, пожалуйста! отвѣчаетъ собесѣдникъ, какъ будто въ знакъ того, что онъ вовсе не предпочитаетъ подобный предметъ разговора другимъ. — Что за радость говорить о немъ!

— Я только хотѣлъ сказать, что странная вещь это, сэръ, что онъ пришелъ сюда, поселился здѣсь и былъ однимъ изъ моихъ писцовъ, и что вамъ надо было тоже придти сюда, поселиться здѣсь и быть тоже однимъ изъ моихъ писцовъ. Впрочемъ, тутъ нѣтъ ничего унижительнаго... я только такъ упомянулъ для сравненія, говоритъ мистеръ Снагзби, боясь, что онъ поступилъ невѣжливо, выражая нѣкоторое право собственности надъ мистеромъ Вивлемъ: — я зналъ многихъ писцовъ, которые составляли себѣ капиталы и заводили цѣлыя пивоварни, ведя дѣла самымъ честнымъ образомъ... самымъ честнымъ образомъ, сэръ, прибавилъ мистеръ Снагзби, стараясь какъ нибудь вознаграждать сдѣланную имъ неловкость.

— Это странное совпаденіе обстоятельствъ, о которомъ вы изволите говорить, отвѣчаетъ мистеръ Вивль, еще разъ взглянувъ во всю длину двора.

— Не правда ли, что тутъ замѣтно вліаніе судьбы, а? продолжаетъ мистеръ Снагзби.

— Замѣтно.

— Именно, заключаетъ поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей съ утвердительнымъ кашлемъ. — Вліаніе судьбы. Какъ есть — судьба. Ну, впрочемъ, мистеръ Вивль, я долженъ вамъ сказать, что намъ пора распрощаться. Мистеръ Снагзби говоритъ такимъ тономъ, какъ будто ему чрезвычайно неприятно уйти, тогда какъ онъ уже нѣсколько разъ вытаскался, чтобы обратиться подлѣ благотворительнаго предлога съ тѣхъ поръ, какъ остановился разговаривать: — моя хозяйшка ужъ развѣщается меня. Доброй ночи, сэръ!

Если мистеръ Снагзби спѣшитъ домой, чтобы не доставить своей хозяйшкѣ труда искать его, то онъ безпокоится совершенно напрасно. Его жена все это время не опускала съ него глазъ и теперь идетъ за нимъ, съ названнымъ на головѣ носовымъ платкомъ; она удостоиваетъ мистера Вивля и дверь его квартиры самымъ испытующимъ взглядомъ и прокрадывается мимо.

— Погоди, узнаешь ты еще меня, сударыня, говоритъ мистеръ Вивль съ самимъ собою: — не могу поздравить тебя, кто бы ты ни была, съ твоею выходкою повязать голову платкомъ. Однако, неужели этотъ негодяй *никогда* не придетъ.

Въ то время, какъ онъ произносить эти слова въ глубинѣ души своей, названный имъ негодяй подходитъ. Мистеръ Вивль остереженно воднимаетъ палецъ, увлекаетъ прошедшаго въ корридоръ и запираетъ уличную дверь. Потомъ они поднимаются на лѣстницу; мистеръ Вивль очень тяжело, Гуппи — ибо это онъ — напротивъ, очень легко. Когда они затворились во внутренней комнатѣ, они начинаютъ говорить шопотомъ.

— Я ужъ думалъ, что ты отправился въ Иерихонъ, вмѣсто того, чтобы прийти сюда, говоритъ Тони.

— Что такъ? я вѣдь сказалъ, что въ десять.

— Ты сказалъ, что въ десять, повторяетъ Тони. — Да, ты сказалъ: въ десять. Но, по моему счету, теперь уже десятью десятъ — какъ разъ сотый часъ. Въ жизнь мою не проводилъ такой канальеской ночи!

— Въ чемъ же дѣло?

— Въ чемъ дѣло! говоритъ Тони. — Дѣла собственно ни въ чемъ нѣтъ. Сѣлъ было покурить въ этой проклятой лачугѣ, но меня обуялъ такой страхъ, что не могу и выразить. Посмотри, какая благодатная свѣчка! говоритъ Тони, указывая на едва теплѣющій свѣточъ, поставленный на столѣ и одаренный большимъ аб-

журонъ и камышъ-то замърловатымъ механизмомъ для щипцовъ.

— Это очень хорошо придумано, замѣчаетъ мистеръ Гуппи, взявъ щипцы въ руку.

— Въ самомъ дѣлѣ? возражаетъ пріятель. — Не такъ хорошо, какъ ты полагаешь. Когда я сталъ зажигать, то нашелъ такой чадъ, что хоть брось.

— Что это, что съ тобою, Тони? спрашиваетъ мистеръ Гуппи, смотря, съ лицами въ рукѣ, на своего пріятеля, который опускается на стулъ и подпираетъ себя голову, положивъ на столъ руку.

— Вильямъ Гуппи, отвѣчаетъ тотъ. — Я просто сижу на мели. Это невыносимая, убійственная комната, это какой-то разбойничій вертепъ, преддверіе ада.

Мистеръ Вивль угрюмо толкаетъ отъ себя локтемъ локоть изъ-подъ щипцовъ, опираетъ голову на руку еще съ болѣе отчаяннымъ видомъ, кладетъ ноги на каминную рѣшетку и смотритъ на огонь. Мистеръ Гуппи, наблюдая за нимъ, тихонько качаетъ головою и непринужденно садится по другую сторону стола.

— Съ тобою говорилъ Снагэби, Тони, не такъ ли?

— Да, а хоть бы... да, это былъ Снагэби, отвѣчалъ мистеръ Вивль, измѣняя оборотъ своей фразы.

— О дѣлахъ?

— Нѣтъ. Дѣлъ нѣтъ никакихъ. Онъ шлялся тутъ мимо и остановился, чтобы побаясничать.

— Я такъ и думалъ, что это Снагэби, говоритъ мистеръ Гуппи: — и мнѣ не хотѣлось, чтобы онъ меня увидалъ, потому я и выжидалъ, когда онъ уйдетъ.

— Опять туда же, Вильямъ Гуппи! восклицаетъ Тони, приподнявъ на минуту голову. — Къ чему такая тинтственность. Илаусъ св. Георгіемъ, если бы мы сбравался совершить убійство, то не слѣдовало бы дѣлать изъ того такую тайну.

Мистеръ Гуппи старается улыбнуться съ цѣлью переимѣнить оборотъ разговора, онъ съ истиннымъ или мнимымъ удивленіемъ смотритъ по стѣнамъ на галерею британскихъ красавицъ и оканчиваетъ свой обзоръ портретомъ леди Дэллокъ. Леди Дэллокъ изображена стоящею на террасѣ, съ пьедесталомъ на этой террасѣ, съ вѣрой на пьедесталѣ, съ шалью на вазѣ, съ великолѣпнымъ мѣховымъ налетникомъ на шали, съ рукою, положенною на великолѣпный мѣховой палативъ и съ браслетомъ на этой рукѣ.

— Это въ самомъ дѣлѣ настоящая леди Доллэксъ, произноситъ мистеръ Гуппи : — поразительное сходство, только что не говорить.

— Мало чего нѣтъ, замѣчаетъ Тони съ угрюмымъ видомъ, не измѣняя своей позы. — Говори она, такъ мы могли бы вступить въ какую нибудь фешенебельную бесѣду.

Убѣждаясь при этомъ, что пріятеля трудно навести на общительность, мистеръ Гуппи принимается за щекотливое средство утѣшковъ.

— Тони, говоритъ онъ : — я допускаю, что можно быть унылымъ, можно грустить, потому что я лучше всякаго друга знаю, что тоска неожиданно приходитъ къ человѣку и овладѣваетъ имъ, я лучше знаю потому, что одинъ очаровательный образъ постоянно напечатлѣнъ въ душѣ моей. Но все-таки есть условія, которыя должны быть соблюдаемы во всѣхъ обстоятельствахъ жизни, особенно когда нѣтъ достаточной причины нарушить ихъ, а я не могу не признаться тебѣ, Тони, что твое поведеніе въ настоящую минуту не показываетъ въ тебѣ ни радушнаго хозяина, ни благовоспитаннаго джентльмена.

— Это, кажется, выговоръ, Вильямъ Гуппи, замѣчаетъ мистеръ Вивль.

— Можетъ быть, сэръ, отвѣчаетъ Вильямъ Гуппи : — но это доказываетъ только, что я сильно чувствую, рѣшаясь на подобную мѣру.

Мистеръ Вивль допускаетъ мысль, что онъ не правъ и проситъ мистера Вильяма Гуппи не думать болѣе объ этомъ. Мистеръ Вильямъ Гуппи, получивъ нѣкоторый перевѣсъ въ преніи, не можетъ отказать себѣ, впрочемъ, въ удовольствіи произнести маленькое поученіе.

— Эхъ ! стыдись, Тони ; говоритъ этотъ джентльменъ : — тебѣ надо бы подумать, что ты оскорбляешь чувствительность человѣка, въ душѣ котораго напечатлѣнъ образъ любимой женщины, и который не можетъ быть счастливъ, потому что сердечныя струны, созданныя для самыхъ нѣжныхъ ощущеній, потрясены у него болѣзненно. Ты, Тони, обладаешь всѣмъ, что можетъ очаровать глазъ, все, чего можетъ требовать утонченный вкусъ. Не въ твоемъ характерѣ — къ твоему счастью, можетъ быть, чего, впрочемъ, я не могу сказать о себѣ — не въ твоемъ характерѣ порхать около одного цвѣтка. Весь садъ стоитъ передъ тобою открытымъ и твои легкія крылья переносятъ тебя по всему его пространству. Однако, Тони, не дай Богъ, чтобы я осмѣлился оскорбить и твои чувства безъ причины.

Тони опять замѣчаетъ , что пора бы прекратить разговоръ объ этомъ , сказавъ съ нѣкоторыми пасосемъ :

— Вильямъ Гуппи , плюнь на это !

Мистеръ Гуппи успокаивается , присевокупивъ :

— Я бы никогда самъ не началъ , Тони .

— А теперь , говоритъ Тони , иѣшая угли въ каминѣ : — хоть бы касательно этой связки писемъ . Не странная ли вещь , что Круизъ избралъ время въ двѣнадцать часовъ ночи для того , чтобы передать мнѣ эти письма ?

— Въ самомъ дѣлѣ . Для чего же онъ это сдѣлалъ ?

— Да для чего онъ дѣлаетъ все , что случается ему дѣлать ? Я думаю , онъ самъ не знаетъ . Сказалъ , что сегодня его рожденіе , и что потому онъ передаетъ мнѣ письма въ двѣнадцать часовъ . Самъ между тѣмъ сталъ пьянствовать и былъ пьянъ весь день .

— Не забылъ , впрочемъ , назначеннаго времени ?

— Забылъ ! Нѣтъ , въ этомъ отношеніи ему можно вѣрить . Онъ никогда ничего не забываетъ . Я видѣлъ его вечеромъ часовъ въ восемь , помогъ ему запереть лавку , тутъ онъ взялъ письма и положилъ ихъ въ свою мохнатую шапку . Потомъ онъ снялъ шапку и показывалъ мнѣ письма . Когда лавка была заперта , онъ вынулъ письма изъ шапки , повѣсилъ шапку на спинку стула и стоялъ повернувшись къ окну , какъ будто стараясь разобрать написанное . Черезъ нѣсколько времени я слышалъ уже отсюда , какъ онъ завывалъ точно осенній вѣтеръ , напѣвая единственную пѣсню , которую онъ знаетъ — о Бибонѣ и старомъ Харонѣ , о томъ какъ Бибонъ умеръ пьяный , или что-то въ этомъ родѣ . Онъ былъ покоенъ все время , какъ старая крыса , уснувшая въ своей норѣ .

— И ты долженъ идти къ нему въ двѣнадцать часовъ ?

— Въ двѣнадцать . Я уже сказалъ тебѣ , что когда ты пришелъ , то мнѣ казалось , что наступилъ сотый часъ .

— Тони , произнесъ Гуппи , послѣ нѣ котораго размышленія и сложивъ ногу на ногу : — онъ уже можетъ читать или нѣтъ еще ?

— Читать ! Онъ никогда не будетъ читать . Онъ умѣетъ выводить всѣ буквы отдѣльно , онъ знаетъ каждую изъ нихъ порознь , когда глядитъ на нихъ ; на столько-то онъ успѣлъ со мною ; но онъ не умѣетъ соединять , складывать буквы . Онъ уже слишкомъ старъ , чтобы усвоить себѣ этотъ фортель , къ тому же слишкомъ много вынстауетъ .

— Тони , говоритъ мистеръ Гуппи , складывая и опять раскладывая ноги : — какъ полагаешь ты , онъ разобралъ нмѣ этого Гаудона ?

— Онъ собственно не разобралъ его. Ты знаешь, какою у него уточненное зрѣніе и какъ часто онъ усложняетъ себѣ понятіе о формѣ предмета на глазомѣр. Онъ повторилъ передо мною начертаніе этого имени, запомнивъ порядокъ и направленіе буквъ, и спросилъ меня, что это значитъ.

— Тони, говоритъ мистеръ Гуппи, опять сложивъ и расправивъ ноги: — какъ скажешь ты... подавивши написанъ мужскою или женскою рукою?

— Женскою. Пятьдесятъ противъ одного, что женскою: чрезвычайно наклонный почеркъ и длинный, невѣрный конецъ буквы П.

Въ продолженіи этого разговора мистеръ Гуппи кусалъ ногти большого пальца то на той, то на другой рукѣ, перемѣняя руки подобно тому, какъ онъ перемѣнялъ ноги, кладя ихъ одну на другую. Когда онъ собирается сдѣлать еще подобную перемѣну, ему случайно приходится взглянуть на рукавъ своего сюртука. Рукавъ этотъ привлекаетъ его вниманіе. Онъ смотритъ на него съ изумленіемъ и ужасомъ.

— Что это, Тони, что это дѣлается у васъ въ домѣ по ночамъ? Выкинуло изъ трубы, что ли?

— Выкинуло изъ трубы?

— Ахъ! посмотри, продолжаетъ мистеръ Гуппи: — посмотри, какъ сажа летитъ сверху. Посмотри сюда ко мнѣ на руку! Проклятая, ее и не сдунешь, пристаесть точно сало какое нибудь.

Они смотрятъ другъ на друга, и Тони идетъ къ двери, чтобы прислушаться, выступаетъ на лѣстницу и спускается съ нѣсколькихъ ступенекъ. Наконецъ онъ возвращается и объявляетъ, что все благополучно и въ порядкѣ; онъ повторяетъ при этомъ замѣчаніе, сдѣланное имъ недавно мистеру Снагзби, относительно жареныхъ котлетъ въ гостинницѣ Солнца.

— И тогда-то именно, повторяетъ мистеръ Гуппи, продолжая смотрѣть съ замѣтнымъ отвращеніемъ на рукавъ своего сюртука (они ведутъ разговоръ передъ каминномъ, опершись на противоположныя стороны стола и придвинувъ головы очень близко одна къ другой): — и тогда-то именно онъ сказалъ тебѣ, что вынулъ связку писемъ изъ чемодана своего жильца?

— Именно въ то время, сэръ, отвѣчаетъ Тони, небрежно пригладивъ свои бакенбарды. — Вслѣдствіе чего я и написалъ цидулку моему искреннему пріятелю, достопочтенному Вильяму Гуппи, извѣщая его объ условномъ времени для прихода.

Детский, оживленный тонъ фешенебельной жизни, который обыкновенно мастеръ Вивль принималъ на себя, что-то такъ худо дадутъ съ нимъ въ эту ночь, что онъ оставляетъ его, а равно предастъ любовно и свои бабенбарды и, поглядывая себѣ те чрезъ одно, то чрезъ другое плечо, опять подчиняется какому-то суевѣроному страху.

— Ты долженъ привести письма въ свою комнату, съ тѣмъ чтобы прочесть, оличить ихъ и быть въ состояніи отдать полный отчетъ о ихъ содержаніи. Распоряженіе состоитъ въ этомъ, не такъ ли, Тони? спрашиваетъ мастеръ Гуппи, съ безпокойствомъ кусая ноготь большого пальца.

— Ты можешь говорить и потише. Да. Онъ и я, мы условились уже въ этомъ.

— Я только вотъ что скажу тебѣ, Тони.

— Ты можешь говорить и потише, повторяетъ еще разъ Тони.

Мистеръ Гуппи киваетъ своею догадливою головою, приноситъ ее еще ближе къ своему собесѣднику и переходитъ въ едва слышимый шепотъ.

— Я вотъ что скажу тебѣ, Тони. Первое, что должно сдѣлать, это приготовить другой пакетъ, точь въ точь какъ подаженный, такъ-что если онъ спроситъ его, пока пакетъ будетъ въ моихъ рукахъ, ты можешь показать ему подложный.

— Однако предположимъ, что онъ тотчасъ замѣтитъ подлогъ, лишь только взглянетъ на пакетъ, что при его дьявольски проницательныхъ глазахъ гораздо вѣроятнѣе, держу пятьсотъ противъ одного, замѣтилъ Тони.

— Тогда мы отнимемъ у него письма. Они не принадлежатъ ему и никогда не принадлежали. Ты изслѣдовалъ это и помѣстилъ письма, для вѣщей безопасности, въ мои руки, въ руки своего искренняго пріятеля. Если онъ насъ принудитъ, мы поведемъ дѣло формальнымъ порядкомъ, не такъ ли?

— Да-а, нерѣшительно отвѣчаетъ мистеръ Вивль.

— Что это, Тони? произноситъ съ упрекомъ его другъ: — что это ты какъ смотришь! Ужъ не сомнѣваешься ли ты въ Вильямѣ Гуппи, не боишься ли какойнибудь бѣды отъ этого?

— Я не сомнѣваюсь и не боюсь ничего, кромѣ того, въ чемъ твердо увѣренъ, что это предосудительно, отвѣчаетъ тотъ съ серьезнымъ видомъ.

— А въ чемъ же ты увѣренъ? пристаётъ Гуппи, возвысившись неслыханно голосъ, но, при замѣчаніи со стороны пріятеля: «Я сказалъ тебѣ, что не мѣшаетъ говорить потише», онъ повторяетъ тотъ же

вопросъ уже вовсе беззвучно; онъ только шевелитъ губами какъ бы слѣдовало, произнося слова: «Въ чемъ же ты увѣренъ?»

— Я увѣренъ въ трехъ вещахъ. Во первыхъ, и знаю, что мы здѣсь шепчемся, замышляемъ заговоръ, что мы настоящіе заговорщики.

— Хорошо! говорить мистеръ Гуппи: — но лучше быть заговорщиками, чѣмъ олухами, какими бы мы были, если бы поступили иначе, потому что единственный путь благоразумно дѣйствовать есть путь, избранный нами. Что же дальше?

— Во вторыхъ, я все-таки рѣшительно не понимаю, къ чему поведетъ насъ это предпріятіе, какихъ выгодъ надѣемся мы отъ него?

Мистеръ Гуппи бросаетъ взглядъ на портретъ леди Доллокъ и отвѣчаетъ:

— Тони, прошу тебя положиться въ этомъ отношеніи на честь твоего друга. Если уже ты рѣшился оказать услугу этому другу, то не задѣвай тѣхъ струнъ человѣческой души, которыхъ.... которыхъ не должно приводить въ болѣзненное колебаніе въ настоящемъ случаѣ; помни, что другъ твой вѣд не сумасшедшій, не дуракъ. Что это?

— Колокольъ Св. Павла бьетъ одиннадцать часовъ. Прислушайся, какъ зазвенятъ всѣ колокола и колокольчики Сити.

Оба сидятъ молча, внимая металлическимъ голосамъ, близкимъ и отдаленнымъ, раздающимся съ башенъ различной высоты и производящимъ тоны еще болѣе разнообразныя, чѣмъ точки ихъ исхода. Когда бой наконецъ умолкаетъ, все кажется еще болѣе молчаливымъ и таинственнымъ чѣмъ прежде. Однимъ изъ неурядныхъ послѣдствій шептанья бываетъ то, что шопотъ вызываетъ будто бы какую-то безмолвствующую атмосферу, наполненую призраками звука, — какой-то странный трескъ, топотъ, шорохъ платья, ненадѣтаго ни на что живое, шумъ гигантскихъ шаговъ, которые не оставили бы ни малѣйшаго слѣда на морскомъ пескѣ или зимою на поверхности снѣга. Оба друга становятся столь воспримчивыми, что для нихъ воздухъ наполняется привидѣніями; они оба, какъ будто по взаимному соглашенію, оглядываются назадъ, чтобы убѣдиться, заперта ли дверь.

— Итакъ, Тони? говоритъ мистеръ Гуппи, подвигаясь ближе къ огню и кусая свой несчастный ноготь большого пальца. — Что же въ третьихъ?

— Въ третьихъ то, что вовсе не забавно составлять заговоръ противъ покойника и притомъ въ комнатѣ, въ которой онъ умеръ, особенно когда приходится жить въ этой комнатѣ.

— Не мы вовсе не составляемъ противъ него заговора, Тони:

— Можеть быть, но все-таки это мнѣ не по-путру. Попробуй, нежини здѣсь самъ, да и посмотри, полюбятъ ли тебѣ такая прощанья.

— Что касается покойниковъ, Тони, замѣчаетъ мистеръ Гуппи, избѣгая прямого отвѣта: — то въ болышей части комнаты безъ сомнѣнія бывали когда нибудь покойники.

— Я самъ это знаю, но зато въ болышей части комнаты ихъ не трогаютъ, зато и они никого не трогаютъ, отвѣчаетъ Тони.

Оба опять посматриваютъ другъ на друга. Мистеръ Гуппи замѣчаетъ вскользь, что они, можеть быть, окажутъ чрезъ то услугу покойнику, что онъ почти увѣренъ въ томъ. Настаетъ тагостное молчаніе; наконецъ мистеръ Вивль, мѣшая въ каминѣ угли, заставляетъ мистера Гуппи ониутся и вздрогнуть, точно будто что-нибудь кельнуло его въ сердце.

— Фу! Да здѣсь пропастъ этой проклятой сажки — вездѣ, куда ни оглянешь, говоритъ онъ. — Отворимъ окно хоть немногo и впу-стимъ сюда воздуха. Что-то слишкомъ ужъ душно.

Онъ поднимаетъ раму, и оба пріятеля ложатся на подоконникъ, такъ-что одна половина ихъ тѣла выхолить на дворъ, а другая остается въ комнатѣ. Сосѣдніе дома стоятъ слишкомъ близко, для того чтобы показать имъ хотя клочекъ неба; чтобы насладиться, этимъ зрѣлищемъ, пріятелямъ нашимъ пришлось бы загибать вверхъ головы съ опасностью переломить себѣ шею; но свѣтъ, который мелькаетъ въ тусклыхъ окнахъ, отдаленный стукъ каретъ и другія доказательства присутствія людей, кажется, вполне усмиряютъ ихъ. Мистеръ Гуппи, тихонько ударя рукою по подоконнику, продолжаетъ говорить шепотомъ, но уже въ болѣе веселомъ тонѣ.

— Да, кстати, Тони, не забудь про стараго Смолвида; замѣчаетъ мистеръ Гуппи, разумѣя подъ этимъ названіемъ молодого человека изъ фамиліи Смолвидовъ. — Ты, знаешь, что я ему ни разу объ этомъ. Дѣлушка его и такъ слишкомъ назойливъ. Это, кажется, у насъ, впрочемъ, оригинальное свойство.

— Я помню, говоритъ Тони. — Я все это вполне обдумалъ.

— Что касается до Крука, продолжаетъ мистеръ Гуппи: — какъ ты полагаешь, дѣйствительно ли у него есть еще важныя бумаги, какъ онъ хвалится тебѣ послѣ того, какъ вы сошлись съ нимъ.

Тони качаетъ головою.

— Я не знаю, говоритъ онъ: — не могу даже представить себѣ. Если мы окончимъ это дѣло, не возбудишь его подозрѣнія, то я,

комедию, осведомлюсь объ этомъ основательнѣе. Могу ли я знать что-нибудь объ этихъ бумагахъ, не выдавъ ихъ, когда онъ самъ не имѣетъ о нихъ никакого понятія? Онъ постоянно беретъ изъ нихъ нѣкоторыя слова, пишетъ ихъ то на столѣ, то на отъѣвѣ лавки и потомъ спрашиваетъ, что то значить, что это значить; по всей его запискѣ, отъ начала до конца, можетъ быть, ничто иное, какъ макулатура, которую онъ, Богъ вѣсть, для чего приобрѣлъ. У него обратилось въ новоманію думать, что онъ обладаетъ драгоценными документами. И сколько можно было понять изъ его словъ, онъ все собирался разобрать ихъ, стараясь выучиться читать, хотя бы это стоило ему вѣковыхъ усилій.

— Однако, какъ подобная мысль въ первый разъ попала ему въ голову? вотъ вопросъ, говоритъ мистеръ Гуни, моргнувъ однимъ глазомъ, послѣ нѣкотораго пріуготовительнаго размышленія. — Можетъ быть онъ нашелъ эти бумаги въ чемъ-нибудь, что случилось ему купить и гдѣ онъ вовсе не предполагалъ, чтобы были бумаги; а можетъ быть и то, что въ его подозрительную голову забралась идея о ихъ важности, суда потому, какъ и гдѣ онъ были спрятаны.

— Или можетъ быть онъ былъ кѣмъ-нибудь обманутъ насчетъ цѣнности этихъ бумагъ. Можетъ быть онъ одурѣлъ отъ постоянного напряженія вниманія къ своей находкѣ и отъ вѣнства, или сбился съ толку, возясь постоянно съ писчимъ хламомъ подчиненныхъ лорда канцлера и слушая вѣкъ свой непрерывными пренія о документахъ, замѣчаетъ мистеръ Виваль.

Мистеръ Гуни, сидя на подоконникѣ, полагивъ головою и выжиливая всѣ эти убѣжденія въ умѣ своемъ, продолжаетъ въ раздумьи бить, барабанить по окну пальцами и измѣрять его рукою; но вотъ онъ поспѣшно отнимаетъ руку.

— Что это, что за чортъ? говоритъ онъ. — Посмотри, пожалуйста, на мои пальцы!

Тягучая, бурая жидкость покрываетъ его пальцы и липнетъ къ нимъ, жидкость, оскорбляющая чувства осязанія, зрѣнія и еще болѣе чувство обонянія. Это сгустившееся, испортившееся масло, до того отвратительное, что оба пріятеля содрогаются.

— Что это ты здѣсь дѣлалъ? что это ты выливалъ тутъ за окно?

— Я выливалъ за окно! Ничего! Клянусь тебѣ, что ничего. Ничего не выливалъ съ тѣхъ поръ, какъ живу здѣсь, кривить встревоженный постолбецъ.

— Да посмотри сдѣлай милость, взгляни сюда, взгляни сюда!

Когда онъ подноситъ свѣчку къ углу подоковника, онъ видитъ, какъ жидкость эта тянется и каплетъ съ кирпича на кирпичъ вплоть до полу, гдѣ она образуетъ возмочую застывшую сверху лужу.

— Это ужасный дождь, говоритъ мистеръ Гуппи, заклопывая окно. — Дай мнѣ, пожалуйста, воды, иначе я обрублю себѣ руку.

Онъ начинаетъ мыть, тереть, снобавтъ себѣ руку; моется и нюхаетъ, нюхаетъ и опять принимается мыть. Когда онъ поуспокоился, подкрѣпился рюмкою водки и стоялъ потомъ въ молчаніи передъ каминомъ, колоколъ св. Павла пробилъ двѣнадцать, и всѣ другіе колокола пробилъ двѣнадцать на вершинахъ башенъ различной высоты, подернутыхъ ночнымъ сумракомъ, пробилъ на множество разнообразныхъ тоновъ. Когда все стихло, жилецъ квартиры говорить :

— Вотъ и назначенное время наконецъ. Что же, мати?

Мистеръ Гуппи киваетъ головой въ знакъ согласія и даетъ ему «руку на счастье»; впрочемъ, невымытую руку подаетъ онъ ему при семь случаѣ, хотя это и была правая рука.

Онъ сходитъ внизъ по лѣстницѣ, а мистеръ Гуппи старается приободриться, сидя у огня, и приготовиться для продолжительнаго ожиданія. Но не болѣе, какъ черезъ минуту или двѣ, лѣстница скрипитъ, и Тони быстро возвращается.

— Что, досталъ бумаги?

— Какой досталъ — нѣтъ! Старика нѣтъ тамъ.

Въ этотъ короткій промежутокъ времени Тони успѣлъ испытать страхъ въ такой сильной степени, что при видѣ его испугъ оладѣлъ и его пріятелемъ, который бросается къ нему и громко спрашиваетъ :

— Въ чемъ дѣло?

— Я не могъ достучаться; потому тихонько отворилъ дверь и посмотрѣлъ къ нему. Но тамъ чадъ, запахъ гарью, тамъ сажа, масло, а старика нѣтъ!

Тони оканчиваетъ эти слова стenanіемъ.

Мистеръ Гуппи беретъ свѣчку. Они сходятъ внизъ ни живы, ни мертвы и, придерживаясь другъ за друга, толкаютъ дверь въ заднюю комнату лавки. Кошка пріютилась у самой двери и стоитъ съ отчаяннымъ шипѣньемъ; она шипитъ, впрочемъ, не на нихъ, а на что-то лежащее на полу, передъ огнемъ. За рѣшеткой камина огонь едва тлеетъ, но по комнатѣ ходитъ знойный, удушмный чадъ, а стѣны и потолокъ покрыты темною, сальной жидкостью. Стулья и столъ, и бутылка, рѣдко покидающая столъ, стоятъ на

прежнихъ мѣстахъ. На спинкѣ стула висѣть мохнатая шапка старика и сюртукъ его.

— Посмотри! шепчетъ жалецъ, привлекая вниманіе своего друга на эти предметы и указывая на нихъ дрожащимъ пальцемъ. — Не правду ли я говорилъ тебѣ? Когда я видѣлъ его въ послѣдній разъ, онъ снялъ съ себя шапку, вынулъ маленькую связку старыхъ писемъ, повѣсилъ шапку на спинку стула; сюртукъ его уже висѣлъ тамъ, потому что онъ снялъ его прежде, чѣмъ пошелъ заперать ставни, и я оставилъ его въ ту минуту, какъ онъ поворачивалъ нисѣма къ рукъ, стоя именно на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь лежитъ на полу эта черная груда зольи или пеплу. Ужъ не повѣсилась ли онъ?

Они смотрятъ на верхъ.

— Нѣтъ.

— Посмотри! шепчетъ Тони. — У стула на полу лежитъ обрывокъ красной веревочки, которою обыкновенно связываютъ пучки чернень. Этою веревочкою былъ перевязанъ пучъ писемъ. Старикъ медленно развернулъ эти письма, какъ теперь помню, покосился на меня, захохоталъ, сталъ поворачивать письма, а веревку вотъ сюда именно и бросилъ. Я видѣлъ, какъ она падала.

— Что случилось съ кошкой? говоритъ мистеръ Гунн. — Посмотри на нее!

— Я думаю взбѣсилась. Впрочемъ и не мудрено въ такомъ проклятомъ домѣ.

Они тихонько подвигаются, разсматривая всѣ окружающіе предметы. Кошка остается на прежнемъ мѣстѣ, продолжая шипѣть на что-то лежащее на полу передъ огнемъ и между двумя стульями.

— Что же это такое? Поднимите-на свѣчъ.

Здѣсь черное выжженное пятно на полу; здѣсь небольшой щитъ изъ свертка обожженной бумаги, но бумаги не простой, а какъ будто обмоченной въ какой-то остатокъ; а адъсь? что это, остатки ли обугливагого и разбитого на части полѣна, посыпаннаго сверху бѣловатымъ пепломъ, груда ли это угля? О ужасъ! это онъ! и вотъ все, что представляетъ намъ человѣка, отъ котораго мы бѣжали, задувая свѣчи и пряча другъ друга на улицѣ, — вотъ все, что отъ него осталось.

— Помогите, помогите, помогите! войдите въ этотъ домъ, ради самого Бога!

Многіе сбѣгаютъ туда, но никто не можетъ пособить. Дорлъ Канцлеръ этого Суда, вѣрный своему званію и своимъ поступкамъ, умеръ смертью лордовъ канцлеровъ всевозможныхъ судовъ, смертью всевозможныхъ властей подъ самыми разнообразными именами,

въ самыхъ отдаленныхъ одно отъ другого мѣстахъ, гдѣ только обнаруживаются безумныя притязанія, и гдѣ владычествуетъ несправедливость. Назовите эту смерть, какъ хотите; принишите ее, чему вамъ угодно; найдите какое угодно средство, которымъ бы можно было отвратить ее — это всегда одна и та же смерть, врожденная, приуроченная, всосанная въ испорченные соки зараженнаго тѣла — это все одно и то же самосгараніе, и нѣтъ другой смерти, какъ вы ни называйте ее по внушеніямъ празднаго самолюбія.

ГЛАВА XXXIII.

НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ.

Два джентльмена съ весьма обтертыми обшлагами и пуговицами, джентльмены, которые присутствовали при послѣднемъ слѣдствіи въ гостинницѣ Солнца, снова появляются въ этой части города съ изумительной быстротой (впрочемъ быстротѣ этой много способствуетъ дѣятельный и умный приходскій староста) и по всѣмъ правиламъ снимаютъ допросы, спуютъ взадъ и впередъ изъ отдаленной комнаты гостинницы Солнца и пишутъ ненасытными своими маленькими перьями на глянцовитой бумагѣ. Они заносятъ въ свои протоколы волненіе и возбужденіе, въ которомъ находился весь кварталъ переулка Чансри въ прошедшую полночь, и въ которое онъ поставленъ былъ самымъ тревожнымъ и ужаснымъ событіемъ. Они выставляютъ на видъ то обстоятельство, неподверженное никакому сомнѣнію, стоитъ только вспомнить о немъ, какимъ образомъ нѣсколько времени тому назадъ въ народѣ произведена было грустное впечатлѣніе загадочнымъ смертнымъ случаемъ отъ изашняго приѣма опиума въ первомъ этажѣ магазина морскихъ принадлежностей, тряпья, бутылокъ и прочаго хлама, принадлежащаго весьма эксцентричному, невоздержному и престарѣлому человѣку, по имени Круку; какимъ образомъ, по весьма замѣчательному стеченію обстоятельствъ, этого Крука приводили къ допросу, производимому, стоитъ только припомнить, въ той же самой гостинницѣ Солнца, весьма добропорядочной гостинницѣ, непосредственно прилегающей къ тому дому, по которому производится настоящее слѣдствіе и принадлежащей высокопочитаемому мистеру Джемсу Джорджу Богзби. Они описываютъ съ величайшими подробностями, какимъ образомъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ вчерашняго вечера жителями Подворья замѣченъ былъ весьма необыкновенный запахъ, —

Подворья, въ которомъ случилось трагическое происшествіе, составляющее предметъ ихъ описанія, и что этотъ запахъ одно время былъ такъ силенъ, что мистеръ Свилъзъ, комическій пѣвецъ, ангажированный мистеромъ Д. Д. Богзби, лично доложилъ нашему дѣтотисцу, что онъ сообщилъ миссъ Мелвилсонъ, дѣвицѣ съ нѣкоторыми претензіями на музыкальные таланты, также ангажированной мистеромъ Богзби на концерты гармоническихъ собраній или митинговъ въ гостинницѣ Солнца, подъ управленіемъ самого мистера Богзби, онъ (мистеръ Свилъзъ) лично докладывалъ, что смрадное состояніе атмосферы произвело весьма неблагоприятное вліяніе на его голосъ; при этомъ онъ употреблялъ шуточное выраженіе, «что онъ похожъ былъ на восковую куклу съ разинутымъ ртомъ, изъ котораго не вылетало ни одной музыкальной ноты». Какимъ образомъ рассказъ мистера Свилъза вполне былъ подтвержденъ двумя почтенными замужними дамами, живущими на томъ же Подворьѣ и извѣстными съ прекрасной стороны подъ именами мистриссъ Пайперъ и мистриссъ Перкинсъ; обѣ онѣ замѣтили смрадныя испаренія и полагали, что эти испаренія выходили изъ дома, занимаемаго Крукомъ, несчастнымъ покойникомъ. Все это и многое другое два джентльмена, связанные въ этой печальной катастрофѣ необыкновеннымъ согласіемъ и дружелюбіемъ, записываютъ на мѣстѣ; между тѣмъ какъ ребяташки со всего Подворья (въ эту минуту только что выскочившіе изъ своихъ постелей) цѣлымъ роємъ собрались подъ окномъ отдѣльной комнаты въ гостинницѣ Солнца и любятъ маковками джентльменовъ, занимающихся проповедствомъ слѣдствія.

Все населеніе Подворья, отъ стараго до малаго, не спитъ въ эту ночь и ничего не дѣлаетъ какъ только кутаешь голову себѣ, говорить о домѣ, котораго вторично постигло такое страшное несчастіе, и поглядываетъ на него съ суевѣрнымъ страхомъ. Миссъ Флайтъ была вынесена изъ ея комнаты съ большимъ рискомъ, какъ будто домъ объятъ былъ пламенемъ, и получила на ночь помещеніе въ гостинницѣ Солнца. Въ гостинницѣ Солнца не гасятъ огней, не запираютъ дверей въ теченіе всей ночи, потому что всякаго рода общественное возбужденіе служить источникомъ выгодъ для нея и заставляетъ всѣхъ жителей Подворья ежеминутно искать въ ней мирнаго убѣжища. Блжайшій погребъ потерялъ свое значеніе, лишь только началось судебное слѣдствіе. Едва только разнощикъ пива и другихъ подобныхъ жидкостей услышалъ о происшествіи, какъ засучилъ рукава по самыя плечи и сказалъ: «нашему брату будетъ славная работа!» Въ первыя минуты всеобщей суеты, молодой Пайперъ бросился къ пожарнымъ инструментамъ и съ триум-

Фомъ возвратился во весь галопъ на шорный Фенкса, удерживая это баснословное животное изъ всѣхъ силъ, среди шлемовъ и пылающихъ факеловъ. Одинъ шлемъ остается назади для предупрежденія всякаго рода безпорядковъ, онъ медленно прохаживается взадъ и впередъ около дома, вмѣстѣ съ однимъ изъ двухъ полноменовъ, назначенныхъ для той же цѣли. Этому тріо каждый житель Подворья, имѣющій въ карманѣ лишнихъ шесть пенсовъ, выказываетъ гостепріимство въ видѣ какой нибудь согрѣвающей жидкости.

Мистеръ Вивль и его другъ мистеръ Гуппи находятся въ гостинницѣ Солнца и имѣютъ полное право распоряжаться всѣмъ, что заключаетъ въ себѣ гостинница, если только они будутъ оставаться въ ней.

— Теперь не время разсуждать о деньгахъ, говоритъ мистеръ Богзби, хотя онъ и поглядываетъ на нихъ довольно алчно за своей конторкой: — сдѣлайте одолженіе, приказывайте, джентльмены, подписывайте ваши имена на что вамъ угодно, все будетъ подано.

Послѣ такого предложенія два джентльмена, въ особенности мистеръ Вивль, подписываютъ имена свои на такое множество предметовъ, что въ теченіе времени они находятся въ затрудненіи подписать свое имя съ достаточною ясностью, хотя все еще продолжаютъ разсказывать новымъ посѣтителемъ отрывки изъ страшной катастрофы, которой были очевидцами, продолжаютъ сообщать о томъ, что они говорили, что они думали, и что они видѣли. Между тѣмъ тотъ или другой изъ полисменовъ частенько подходитъ къ двери и, распахнувъ ее во всю длину руки, смотритъ изъ глубины ночнаго мрака. Не потому, что онъ имѣетъ какія нибудь подозрѣнія, но потому, чтобы узнать, что подѣлывается внутри гостинницы.

Ночь продолжаетъ совершать свое тяжелое теченіе; она видитъ, что все Подворье бодрствуетъ въ необыкновенные часы, видитъ какъ оно угощается или угощаетъ и вообще ведетъ себя подобно подворью, неожиданно получившему богатое наслѣдство. Ночь наконецъ отступаетъ медленными шагами, и фонарщикъ ходитъ съ своей лѣсенкой по окраинѣ тротуара и, какъ какой нибудь палачъ, срубаетъ маленькія головки газоваго свѣта, употреблявшія усилія уменьшить мракъ ночи. Наконецъ, такъ или иначе, наступаетъ и день.

И наступившій день усматриваетъ, даже своимъ тусклымъ лондонскимъ окомъ, что Подворье не смыкало глазъ во всю ночь. Оно усматриваетъ это обстоятельство по соннымъ лицамъ, повисшимъ надъ столами, по ногамъ, растянутымъ по полу вмѣсто постелей;

даже кирпичная и известковая физиономія самаго подворья кажется блѣвною и утомленною. И вотъ просыпаются сосѣднія улицы, слухъ о происшествіи долетаетъ до нихъ, полуодѣтые жители толпами спѣшать навѣсти надлежащія справки; двумъ полицменамъ и помощнику ихъ въ шлемъ (на наружности которыхъ ночь не оставила, впрочемъ, такого впечатлѣнія, какое замѣтно на наружности Подворья) предстоитъ употребить много усилій, чтобы удержать дверь на заперти.

— Боже мой, джентльмены! говоритъ мистеръ Снагзби, подходя къ дому Крука. — Правду ли я слышу?

— Конечно правду, отвѣчаетъ полицменъ. — Правду, вотъ ж все тутъ. Проходите дальше, отправляйтесь.

— Да помилуйте, джентльмены, говоритъ мистеръ Снагзби, довольно положительно оттѣсняемый назадъ: — не дальше какъ вчера вечеромъ, около одиннадцати, я стоялъ у этихъ дверей и разговаривалъ съ молодымъ человѣкомъ, который квартируетъ здѣсь.

— Въ самомъ дѣлѣ? возражаетъ полицменъ: — ну такъ этого молодого человѣка вы можете найти вонъ за тѣми дверями. Я вамъ говорю, разойдитесь, чего вы тутъ не видали.

— Надѣюсь, съ нимъ ничего не сдѣлалось худого? спрашиваетъ мистеръ Снагзби.

— Худого? Нѣтъ. Что ему сдѣлается худого.

Мистеръ Снагзби, не имѣя никакой возможности отвѣчать на это, и вообще на что бы то ни было, въ сильномъ волненіи отправляется въ гостиницу Солнца и находитъ тамъ мистера Вивля за чаемъ и тостомъ, съ выраженіемъ на лицѣ потухавшаго возбужденія и съ потухавшей трубкой.

— И мистеръ Гуппи здѣсь! замѣчаетъ мистеръ Снагзби. — О Боже мой, Боже мой! Какое во всемъ этомъ проглядываетъ страшное стеченіе обстоятельствъ! И моя, моя....

Сила рѣчи мистера Снагзби покидаетъ его при составѣ словъ «моя маленькая хозяйшка», потому что въ этотъ моментъ онъ видитъ, что эта оскорбленная женщина входитъ въ гостиницу Солнца и становится передъ пивнымъ боченкомъ, устремивъ на мужа своего пытливые взоры, какъ призракъ обвинитель; мистеръ Снагзби видитъ это и становится нѣмъ.

— Милая моя, говоритъ мистеръ Снагзби, когда языкъ его нѣсколько поразвязался: — не хочешь ли ты чего-нибудь? Неможко... не придавая этому слишкомъ важнаго значенія.... невозможно съ апельсиннымъ сокомъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ мистриссъ Снагзби.

— Душа моя, ты знаешь этихъ двухъ джентльменовъ?

— Знаю! отвѣчаетъ мистриссъ Снагзби, и суровымъ взглядомъ признавая присутствіе ихъ, продолжаетъ пристально смотрѣть на мистера Снагзби.

Преданный мистеръ Снагзби не въ силахъ вынести ея взора и холоднаго обхожденія. Онъ беретъ мистриссъ Снагзби за руку и отводитъ ее къ ближайшему боченку.

— Душа моя, зачѣмъ ты такъ сурово смотришь на меня! Ради Бога не смотри.

— Я не могу располагать моими взорами, говорить мистриссъ Снагзби: — да если бы и могла, то не хочу.

Мистеръ Снагзби, прокашлянувъ въ руку въ знакъ покорности, присединаетъ:

— Въ самомъ дѣлѣ вы не хотите, душа моя? и углубляетъ въ раздумьи.

Послѣ того, онъ еще разъ кашляетъ, въ знакъ того, что онъ находится въ затруднительномъ положеніи.

— Это ужасная тайна, душа моя! говоритъ онъ, все еще обнаруживая душевное безпокойство подѣ влияніемъ пристальнаго взора мистриссъ Снагзби.

— Вотъ какъ! возражаетъ мистриссъ Снагзби, качая головой: — это ужасная тайна!

— Милый другъ мой! говоритъ мистеръ Снагзби плачевнымъ тономъ: — ради Бога не говори со мной съ такимъ жестокимъ выраженіемъ, не гляди на меня такъ пристально! Я прошу, я умоляю тебя не дѣлать этого. Боже мой! ты какъ будто полагаешь, другъ мой, что я намѣренъ произвести въ комъ нибудь самовозгарапіе?

— Не знаю, что тебѣ сказать на это, отвѣчаетъ мистриссъ Снагзби.

И въ самомъ дѣлѣ, при бѣгломъ взглядѣ на несчастное положеніе своего супруга, мистриссъ Снагзби совершенно «не знаетъ, что ему сказать на это.»

Онъ не приготовился положительно отвергать, что вовсе не участвовалъ въ ночномъ происшествіи. А между тѣмъ ему извѣстно, что онъ запутанъ въ какую-то тайну, и что его, весьма вѣроятно, запутаютъ, совершенно безъ его вѣдома, въ это происшествіе. Дрожащей рукой онъ отираетъ лицо носовымъ платкомъ и едва переводитъ духъ.

— Жизнь моя, говоритъ несчастный поставщикъ канцелярскихъ принадлежностей: — еслибъ ты имѣла какія нибудь положительныя причины не говорить со мной, зачѣмъ же; принявъ въ соображе-

не всю предусмотрительность во всѣхъ твоихъ поступкахъ, начни же ты пришла въ эти адские погреба до завтрака?

— А зачѣмъ ты пришелъ сюда? спрашиваетъ мистриссъ Снагзби.

— Душа моя, собственное зачѣмъ, чтобы узнать всю истину несчастнаго случая, жертвою котораго сдѣлался почтенный человѣкъ... онъ погибъ отъ самоубиства.

Мистеръ Снагзби дѣлаетъ паузу, чтобъ заглушить тяжелый стонъ.

— Узнать это, я рассказалъ бы тебѣ все, душа моя, за нашимъ скромнымъ завтракомъ.

— Ужь я думаю, рассказалъ бы! Скажите, мистеръ Снагзби, вы отъ меня ничего не скрываете?

— Ни-че-го, моя мал....

— Мнѣ было бы пріятно, говорить мистриссъ Снагзби, продолжая наблюдать возраставшее въ немъ смущеніе, съ жестокой и злобной улыбкой: — мнѣ было бы пріятно, еслибъ вы проводили меня домой. Я полагаю, мистеръ Снагзби, вы будете тамъ безопаснѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ мѣстѣ.

— Душа моя, я не знаю, право, почему это такъ; но во всякомъ случаѣ я готовъ идти.

Мистеръ Снагзби, окинувъ буфетъ отчаяннымъ взоромъ, желаетъ мистеру Вивлю и мистеру Гуппи добраго утра, проситъ принять увѣреніе, что видитъ ихъ въ добромъ здоровьѣ, и провожаетъ мистриссъ Снагзби изъ гостиницы Солнца.

Передъ вечеромъ его сомнѣвіе на счетъ того, не будетъ ли онъ подлежать отвѣтственности за воображаемое участіе въ катастрофѣ, о которой говорить весь кварталъ, обратилось въ увѣренность, благодаря упорству мистриссъ Снагзби въ сохраненіи пристальнаго взгляда. Душевныя страданія его такъ велики, что онъ начинаетъ предаваться неяснымъ, неопредѣленнымъ идеямъ, касательство преданія себя въ руки правосудія: пусть оно оправдаетъ и успокоитъ его, если онъ невиненъ, пусть накажетъ со всею строгостью закона, если онъ виновенъ.

Мистеръ Вивль и мистеръ Гуппи, окончивъ свой завтракъ, идутъ прогуляться въ липколышскомъ скверѣ и выпускаютъ столбе черной паутины изъ своихъ головъ, сколько позволяютъ непродолжительная прогулка.

— Послушай, Тони, лучше теперешняго случая не можетъ представиться, говоритъ мистеръ Гуппи, обошедъ въ мрачномъ расположеніи духа четыре стороны сквера: — лучше этого случая не можетъ представиться, чтобъ обидѣться марой, словъ насчетъ того

обстоятельства, которое мы должны, насколько не медля, окончательно уразумѣть.

— Я тебѣ вотъ что скажу, Вильямъ Гуппи! отвѣчаетъ мистеръ Вивль, осматривая своего пріятеля съ негъ до головы глазами, залитыми провюю: — если это обстоятельство касается заговора, то, пожалуйста, не трудись упоминать о немъ. Съ меня ужъ и того довольно, что было; больше этого я не желаю. Пожалуй, чего добраго, этакъ ты и самъ загорышься, или взлетишь на воздухъ съ трескомъ.

Этотъ гадательный феноменъ до такой степени не нравится мистеру Гуппи, что онъ отвѣчаетъ на него убѣждающимъ тономъ и дрожащимъ голосомъ:

— Тони, я полагаю, что происшествіа вчерашней ночи послужатъ для тебя урокомъ, чтобъ ты на всю свою жизнь не былъ пристрастнымъ къ самому себѣ.

На это мистеръ Вивль возражаетъ:

— Вильямъ, я полагаю, что они послужатъ для тебя урокомъ не дѣлать заговоры во всю свою жизнь.

— Кто дѣлаетъ заговоры? спрашиваетъ мистеръ Гуппи.

— Кто? ты!

— Нѣтъ, не я!

— Нѣтъ, ты!

— Кто тебѣ сказалъ?

— Я тебѣ говорю.

— О, въ самомъ дѣлѣ?

— Да, въ самомъ дѣлѣ.

И оба пріятеля, приведенные въ разгоряченное состояніе, снова начинаютъ молча прегуливаться по скверу, чтобъ поостынуть.

— Тони, говоритъ наконецъ мистеръ Гуппи: — еслибъ ты выслушивалъ своего пріятеля, вмѣсто того, чтобъ нападать на него; ты бы никогда не дѣлалъ промаховъ. Но характеръ у тебя чересчуръ вспыльчивый, и ты весьма не разсудителенъ. Владѣя собою, Тони, все, что только можешь очаровать взоръ....

— О! къ чорту твои очарованія! восклицаетъ мистеръ Вивль; весьма рѣзко прерывая своего пріятеля: — говори мнѣ дѣло, вотъ и все тутъ!

Замѣчая, что его пріятель находится въ такомъ угрюмомъ и матеріальномъ настроеніи духа, мистеръ Гуппи хотѣлъ только выразить болѣе прекрасныя чувства души своей тономъ оскорбленнаго человѣка, и въ этомъ тономъ онъ продолжаетъ:

— Тони, когда я говорю, что есть одно обстоятельство, по которому мы должны согласиться другъ съ другомъ, то я говорю, во

нѣтъ ни малѣйшаго намышленія на заговоръ, какъ бы онъ ни былъ невиненъ. Ты знаешь нѣсколько съ законами, следовательно, знаешь, что для всякаго слѣдствія предварительно назначаются вопросныя пункты, на которые должны отвѣчать свидѣтели. Скажи теперь, желательно или нѣтъ; чтобы мы условились другъ съ другомъ, касательно отвѣтовъ на вопросныя пункты, по поводу смерти этого несчастнаго стараго Мо.... стараго джентльмена.

Мистеръ Гуппи нахвренъ былъ сказать стараго Могола, но полагаетъ, что слово джентльменъ лучше идетъ къ дѣлу.

— Какіе тутъ отвѣты? Вотъ еще вздоръ.

— Отвѣты, которые мы должны будемъ представить слѣдственной комиссіи. Вотъ они, и мистеръ Гуппи начинаетъ откладывать ихъ на палачи: — что мы знаемъ о его привычкахъ, когда мы его видели въ послѣдній разъ, въ какомъ онъ положеніи находился тогда, открытіе, которое мы сдѣлали, и какъ мы его сдѣлали.

— Да, говоритъ мистеръ Вивль. — Какіе же отвѣты-то будутъ?

— Мы сдѣлали открытіе, вслѣдствіе его, этого въ своемъ родѣ эксцентричнаго человѣка, вслѣдствіе его приглашенія прийти къ нему въ полночь, чтобы поучить его чтенію и письму, что дѣлалъ ты неоднократно, потому что старикъ не умѣлъ ни читать, ни писать. Я проводилъ вечеръ у тебя, былъ позванъ визъ.... и такъ далѣе. Вѣроятно, судьи будутъ вникать только въ обстоятельства, касающіяся смерти покойнаго, поэтому нѣтъ никакой необходимости распространяться въ отвѣтахъ; я полагаю, ты согласишься со мной?

— Нѣтъ никакой необходимости, отвѣчаетъ мистеръ Вивль: — полагаю, что нѣтъ.

— Теперь ты согласишься, что въ этомъ нѣтъ и тѣни заговора! говоритъ мистеръ Гуппи.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ его другъ: — если есть что-нибудь въ родѣ того, я беру назадъ свое замѣчаніе.

— Теперь вотъ что, Томи, говоритъ мистеръ Гуппи, снова взявъ его за руку и продолжая гулять по северу медленнѣйшъ шагомъ: — мнѣ бы хотѣлось знать, не пріятельски, обдумалъ ли ты о тѣхъ выгодахъ, которыя представляются тебѣ, если ты останешься жить въ этомъ мѣстѣ?

— Что ты хочешь сказать этимъ? говоритъ Томи, остановясь.

— Обдумалъ ли ты о множествѣ выголъ, которыя представляются тебѣ, если ты останешься жить въ этомъ мѣстѣ? повторяетъ мистеръ Гуппи, продолжая прогулку.

— Въ какомъ мѣстѣ? Въ тамъ? указывая на направленію къ магазину стараго тряпья и всякаго хламу.

Мистеръ Гуппи киваетъ головой.

— Да я не соглашусь и ночи провести тамъ, какія бы ты не сдѣлалъ мнѣ предложенія, говоритъ мистеръ Вивль, дико озирался кругомъ.

— Ты такъ думаешь, Тони?

— Чего тутъ думать! Я тебѣ говорю это утвердительно; отказываетъ мистеръ Вивль.

— Значитъ возможность, или вѣроятность, а не иначе считаю это, какъ вѣроятность, не имѣть ни малѣйшаго препятствія къ овладѣнію имуществомъ, не такъ давно принадлежавшимъ одинокому старику, который, во видимому, въ цѣломъ мірѣ не имѣеть ни одного родственника, и увѣренность разувать, кѣмъ сокровища накопила этотъ старикъ, значитъ онъ вовсе не прельщаетъ тебя? говоритъ мистеръ Гуппи, кусая себѣ ногти съ аппетитомъ, возбуждаемымъ чувствомъ досады.

— Разумѣется, нѣтъ. Ну, возможно ли говорить съ такимъ хладнокровіемъ о томъ, чтобы я жилъ тамъ? восклицаетъ мистеръ Вивль съ негодованіемъ. — Отправляйся самъ и живи въ томъ домѣ, если хочешь!

— О! Я, Тони! говоритъ мистеръ Гуппи ласковымъ тономъ.

— Я никогда не жилъ тамъ, да мнѣ и не достать квартиры въ томъ домѣ, между тѣмъ какъ ты уже имѣешь ее.

— Не угодно ли, я съ удовольствіемъ уступлю тебѣ ее, возражаетъ его другъ: — и.... уфъ!... ты можешь расположиться въ ней совершенно какъ дома.

— Значитъ, если я понимаю тебя, Тони, говоритъ мистеръ Гуппи: — ты рѣшительно отказываешься отъ всего?

— Ты во всю свою жизнь не сказалъ справедливѣе этихъ словъ, говоритъ мистеръ Вивль: — рѣшительно отказываюсь отъ всего.

Въ то время, какъ они разговариваютъ, къ скверу приближается наемная карета, на козлахъ которой высокая шлана становится видною для всего народа. Внутри кареты и, следовательно, совершенно закрыто отъ толпы, хотя весьма видно для двухъ пріятелей, потому что карета останавливается почти у самыхъ ногъ ихъ, сидятъ достоинствѣннѣе мистеръ и мистриссъ Смоландъ, ж прѣстала видѣла ихъ Юдиесъ. Въ прѣзжавшей партіи замѣтна какая-то копейшность и болелье; и въ то время, какъ высокая шлана (украшающая голову мистера Смоланда-младшаго) спускается съ

козелъ, мистеръ Смолвильдъ-старшій высовываетъ голову изъ окна и кричитъ мистеру Гунни :

— Здравствуйте, сэръ ! Какъ вы поживаете !

— Удивительно , что могло привлечь сюда Чика и его фамилию въ такую раннюю пору ! говоритъ мистеръ Гунни , кивая головой своему знакомцу .

— Милостивый государь , кричитъ дѣдушка Смолвильдъ : — сдѣлайте мнѣ одолженіе ! Будьте такъ добры съ вашимъ пріятелемъ , перенесите меня въ здѣшнюю гостиницу , между тѣмъ какъ Бартъ съ сестрой перетащатъ свою бабушку ! Пожалуйста , не откажите старику !

Мистеръ Гунни смотритъ на своего пріятеля и неторопясь въ видѣ вопроса : « въ ближайшую гостиницу ? » И они приготовляются нести почтенный грузъ въ гостиницу Солнца .

— Вотъ тебѣ плата ! говоритъ драхльскій старикъ , обращаясь къ извознику съ отвратительной гримасой и грозя ему своимъ костлявымъ , безсильнымъ кулакомъ : — да смотри ! если ты попросишь у меня хоть одну пенни на водку , я отправлю тебя въ полицію . Любезные молодые люди , ради Бога , несите меня полегче . Позвольте мнѣ обнять васъ : я не сдамлю ваши шеи болѣе того , сколько позволяютъ мои силы . О , Боже мой !... о Господи !... о мои кости !

Слава Богу , что гостиница Солнца недалеко , потому что мистеръ Вивль представляетъ изъ себя олицетворенную апоплексію , не совершивъ еще и половины дороги . Какъ бы то ни было , безъ дальнѣйшаго преувеличенія признаковъ апоплексіи , кромѣ развѣ звуковъ , выражаемыхъ при поднятій несоразмѣрной съ силами тяжести и необыкновенной испарины , онъ исполняетъ обязанность носильщика , и благосклонный престарѣлый джентльменъ благополучно доставляется , по его собственному желанію , въ отдѣльную комнату гостиницы Солнца .

— О Господи ! произноситъ мистеръ Смолвильдъ , съ трудомъ переводя духъ и озираясь кругомъ изъ своего кресла : — о кости мои , о моя спина ! уфъ ! какъ тяжело и больно ! Садись ты , старая вѣдьма , отвратительный негодный понугай . Садись !

Этотъ легонькій привѣтъ , назначенный для мистриссъ Смолвильдъ , былъ высказанъ вслѣдствіе какой-то странной способности со стороны той несчастной старой леди — способности , по которой каждый разъ когда она становилась на ноги , то начинала перобирать ими и сообщать движеніе неодушевленнымъ предметамъ ; такъ что подобное положеніе старушки всегда сопровождается такимъ стукомъ , бряканьемъ и звяканьемъ , какое только и можно услышать на публичнѣ старухъ вѣдьмъ . Впрочемо , ослабленіе нервовъ

стоило не способствовать къ такому предѣлку, какъ и всякое другое безвѣрное наирѣние въ бѣдной старухѣ. Въ настоящемъ же случаѣ эти двѣ причины находятся въ такой близкой связи съ шницдорскимъ кресломъ, вѣрнымъ товарищемъ кресла, въ которое помещенъ мистеръ Смолвндъ, что она только тогда и забывается отъ нихъ, когда внукъ и внучка усадятъ ее на мѣсто, между тѣмъ какъ дражайшій супругъ расточаетъ на нее, съ необычайной бѣгlostью, любимый эпитетъ «вороны съ свиной головою», и повторяетъ его безчисленное множество разъ.

— Милостивый государь, говоритъ дѣдушка Смолвндъ, обращаясь къ мистеру Гулли: — говорить, здѣсь случилось несчастье. Слышали ли вы, или вашъ пріятель, о немъ?

— Слышали ли вы о немъ! Да вы сами открыли его!

— Вы открыли его! Вы вдвоемъ открыли его! Слышите, Бартъ, они открыли его!

Два открытеля, вышуча глаза, смотрятъ на Смолвндовъ, которые отвѣчаютъ имъ тѣмъ же.

— Друзья мои, вышуча мистеръ Смолвндъ, вытаскивая впередъ обѣ руки: — я обязанъ вамъ тысячами благодарностей за то, что вы приняли на себя грустную обязанность открытія непа отъ брата мистриссъ Смолвндъ.

— Кого, кого? говоритъ мистеръ Гулли.

— Роднаго брата мистриссъ Смолвндъ, ея единственнаго родственника. Мы не были съ нимъ въ такихъ отношеніяхъ, чтобы стоило теперь оплакивать его потерю; да, впрочемъ, съ нимъ и во было возможности быть въ хорошихъ отношеніяхъ. Онъ, правду сказать, не жаловалъ насъ. Это былъ человѣкъ эксцентричный, весьма эксцентричный. Если онъ оставилъ духовное завѣщаніе (въ чемъ я крайне сомнѣваюсь), такъ дѣлать нечего, но необходимости надо сблизиться съ нимъ. Я пріѣхалъ сюда взглянуть на его пожитки: ихъ нужно опечатать, нужно перелать въ руки правосудія. Я пріѣхалъ сюда, повторять дѣдушка Смолвндъ, загребая къ себѣ воздухъ веѣми десятью пальцами: — взглянуть на его имущество.

— Я думаю, Смелъ, говоритъ безутѣшный мистеръ Гулли: — ты бы могъ сказать мнѣ, что покойный старикъ былъ тебѣ дядя.

— Вы вели себя такъ скрытно около его, что, я думаю, вамъ правилось, если я велъ себя точно такъ же, отвѣчаетъ эта старая птица съ скрытно засверкавшими глазами. — Кроме того, я не очень гордился такимъ дядей.

— Кроме того вамъ нѣтъ никакого дѣла, гордился ли онъ или нѣтъ, говоритъ Юдишъ также съ скрытно засверкавшими глазами.

— Онъ въ жизни своей ни разу не вѣдѣлъ мена и потому не зналъ мена, замѣняетъ Смоль : — и право, я не знаю, къ чему бы я сталъ рекомендовать его вамъ.

— Онъ не имѣлъ съ нами никакихъ сношеній, что очень, очень прискорбно, говоритъ старикъ:—но во всякомъ случаѣ, я пріѣхалъ сюда посмотреть на его имущество. Мы будемъ имѣть полное право на него. Право это въ рукахъ моего странчаго. Мистеръ Толкинхортъ изъ Линкольнскихъ Полей... отсюда сейчасъ черезъ дорогу... такъ добръ, что согласился быть менимъ ходатаемъ; а вамъ скажу это такой человекъ, что и трава-то не растетъ у него подъ ногами. Крукъ былъ единственнымъ братомъ мистриссъ Смолвидъ : у нея не было родственниковъ кромѣ Крука и у Крука не было родственниковъ кромѣ мистриссъ Смолвидъ. Я говорю о томъ братъ... адская ты этакая трешотка!... которому было семьдесятъ-шесть лѣтъ.

Мистриссъ Смолвидъ немедленно начинаетъ трясти головой и писать :

— Семьдесятъ-шесть фунтовъ стерлинговъ, семь шиллинговъ и шесть пенсовъ ! Семьдесятъ-шесть тысячъ мѣшковъ съ деньгами ! Семьдесятъ-шесть тысячъ милліоновъ натежъ ассигнацій.

— Дайте мнѣ, пожалуйста, оловянную кружку ! восклицаетъ изступленный супругъ, озяравъ кругомъ и не находя вблизи себя ничего метательнаго. — Ради Бога, подайте кѣнибудь плевальницу, дайте мнѣ что-нибудь твердое и разрушительное, нивырнуть въ эту вѣдьму. Ахъ ты яга-баба, адская фурия, кошма, собака, вѣдьма !

При этомъ мистеръ Смолвидъ, доведенный до крайнихъ предѣловъ собственнаго своего краснорѣчія, бросаетъ, за неимѣніемъ другого орудія, Юдиною въ ея бабушку, толкнувъ эту юную дѣву въ престарѣлую леди съ такой силой, какою могъ вооружиться, и потомъ безжалостный падаетъ въ креслѣ и превращается въ груду платя.

— Потрясите мена, кто нибудь, будьте такъ добры, потрясите мена, говоритъ вѣсклиивый гомосъ навъ едва замѣтно шевелившася узла платя, въ который превратился мистеръ Смолвидъ. — Я пріѣхалъ сюда посмотреть имущество. Потрясите мена и позовите полицменовъ, которымъ стоять у дверей сосѣднаго дома, пусть они дадутъ мнѣ объясненіе объ имуществѣ. Мой странчій будетъ здѣсь сію минуту, чтобъ взять это имущество подъ свое покровительство. Ссылка или газеры ожидаютъ того, кто осмѣлится прикоснуться къ имуществу !

Въ то время какъ его почтительные внуки вынуждаютъ его и обсервировать надъ нимъ обидрошенный подерывающій процессъ,

посредствомъ избалтыванья и обманья, онъ продолжаетъ повторять послѣднее слово, какъ отдаленное эхо: «къ имуществу! имуществу! къ имуществу!»

Мистеръ Вивль и мистеръ Гуппъ смотрятъ другъ на друга, первый какъ челоѣкъ совершенно отказавшійся отъ какого-то важнаго предпріятія, послѣдній съ улыльмъ лицомъ, какъ челоѣкъ, въ душѣ котораго все еще кроются какія-то неопредѣленныя ожданія. Но видно по всему, что интересамъ мистера Смолвида нѣтъ возможности сопротивляться. Приходить писецъ мистера Толкинхорна изъ его оффиціальной канторы и объявляетъ полиціи, что мистеръ Толкинхорнъ отвѣчаетъ за законныя притязанія ближайшихъ родственниковъ покойнаго и что въ свое время будутъ составлены и представлены формальныя акты и документы на право наслѣдства. Мистеръ Смолвидъ, въ подтвержденіе своего первенства, немедленно получаетъ позволеніе совершить сантиментальное путешествіе въ ближайшій домъ и въ опустѣлую комнату миссъ Флайтъ, гдѣ онъ кажется отвратительной хищной птицей, вновь прибавленной къ собранію птицъ миссъ Флайтъ.

Вѣсть о прибытіи нежданнаго наслѣдника быстро разносится по всему Подворью, приноситъ существенную пользу гостинницѣ Солнца и поддерживаетъ въ жителяхъ бодрость духа. Мистриссъ Пайперъ и мистриссъ Перкинсъ считаютъ несчастіемъ для молодого челоѣка, если Крукъ и въ самомъ дѣлѣ не оставилъ духовнаго завѣщанія, и полагаютъ, что ему непремѣнно слѣдуетъ сдѣлать хорошенькій подарокъ изъ имущества покойнаго. Молодой Пайперъ и молодой Перкинсъ, какъ члены того юношескаго кружка, который служитъ ужасомъ для проходящихъ по переулку Чансри, лазаютъ на помну, заглядываютъ въ окна, и дикій визгъ и крикъ не прерывается въ теченіе цѣлаго дня надъ бранными останками покойника. Маленькій Свилльзъ и миссъ Мелвилсонъ вступаютъ въ пріятный разговоръ съ своими патронами, вопль сознавая, что эти необыкновенныя происшествія уничтожаютъ всякую преграду между людьми посвященными въ таинства пѣнія и непосвященными. Мистеръ Богзби выставляетъ объявленіе, что «по случаю печальнаго событія на Подворьѣ Кука, въ Гармоническомъ Обществѣ буду пѣть въ теченіе недѣли національную арію «Царь Смерти» съ полнымъ хоромъ, и присовокупляетъ, что «Джемсъ Джорджъ Богзби принужденъ сдѣлать это удовольствіе публикѣ, несмотря, что оно сопряжено будетъ съ излишними издержками. по поводу желанія, единодушно выраженнаго въ гостинницѣ значительнымъ числомъ почтенныхъ особъ и въ воспоминаніе грустнаго событія, возбудившаго всеобщее сожалѣніе». Объ одномъ толькѣ

обстоятельствѣ , имѣющемъ связь съ покойникомъ , сильно беспокоится Подворье Кука, и именно, что неужели выдумка насчетъ гроба въ полный ростъ человѣка должна обратиться въ дѣйствительность, хотя въ гробъ придется положить весьма немного. Но когда гробовщикъ объявлялъ въ гостинницѣ Солнца , что ему приказано соорудить гробъ ровно въ шесть футовъ, всеобщее безпокойство совершенно прекращается и жители Подворья единогласно объявляютъ, что поведеніе мистера Смолвида дѣлаетъ ему величайшую честь.

Событіе , возбуждающее такое сильное любопытство , проникло даже за предѣлы Подворья и очень далеко. Ученые люди и философы пріѣзжаютъ взглянуть на сгорѣвшій трупъ, доктора выходятъ изъ каретъ на ближайшемъ перекресткѣ съ тою же цѣлью, и между ними завязывается такой удивительный диспутъ касательно воспламеняющихся газовъ и фосфорического водорода, какого Подворье Кука никогда не воображало услышать. Нѣкоторые изъ этихъ авторитетовъ (безъ сомнѣнія заслуживающихъ полное довѣріе) утверждаютъ съ негодованіемъ, что покойному не слѣдовало бы умирать такъ, какъ имъ объяснено; они ссылаются на другихъ авторитетовъ и на изслѣдованія подобныхъ смертныхъ случаевъ, перепечатанныхъ въ шестомъ томѣ «Философическихкихъ трудовъ», а также на довольно извѣстную всѣмъ книгу о судебной медицинѣ въ Англіи, и кромѣ того на случай въ Италиі съ синьорой Корнеліей Бауди, описанный со всѣми подробностями нѣкимъ Біяччини, Веронскимъ врачомъ, который написалъ нѣсколько ученыхъ сочиненій, и о которомъ упоминается въ современныхъ ему сочиненіяхъ какъ о человѣкѣ, имѣющемъ проблески здраваго смысла; ссылаются на показанія гг. Фодере и Мере, двухъ несноснѣйшихъ французовъ, которые *хотѣли* изслѣдовать этотъ предметъ, и наконецъ, на неоспоримое показаніе *monsieur* Леката, знаменитаго въ свое время хирурга, который имѣлъ не деликатность жить въ домѣ, гдѣ произошелъ подобный случай, и даже представить описаніе объ этомъ: но все же они считаютъ поступокъ мистера Крука; при его переселеніи изъ этого міра такой неслыханной дорогой, не допускающимъ никакого оправданія и лично оскорбительнымъ. Чѣмъ меньше Подворье понимаетъ эти рѣчи, тѣмъ болѣе она враждуетъ ему; самое же высшее удовольствіе оно извлекаетъ изъ запасовъ гостинницы Солнца. Но вотъ является художникъ по порученію какой нибудь политипажной газеты съ подготовленнымъ первымъ плавомъ и фигурами, годными для какой угодно картины, начиная отъ кораблекрушенія у Корнвалісскихъ береговъ до военного смотра въ Гайдъ Паркъ и до манчестерскаго митинга; онъ входитъ въ собственную комнату мистрисъ Перкинсъ, вѣчно забывен-

ную комнату, набрасывает на подмалевок домъ мистера Кржка, въ размѣрахъ, чуть-чуть не подходящихъ къ натуральной величинѣ; и въ самомъ дѣлѣ, величина его такъ громадна, какъ будто онъ хотѣлъ представить на своей картинѣ «Храмъ Смерти». Точно также, когда ему позволили взглянуть въ дверь заповѣдной комнаты, онъ изображаетъ этотъ апартаментъ, соразмѣрно съ картиной, въ три-четверти мили въ длину и пятьдесятъ ярдовъ въ вышину. Подворье очаровано такимъ провазеденіемъ. Во все это время два выше упомянутые джентльмена заглядываютъ въ двери каждаго дома, участвуютъ въ философскихъ диспутахъ, являются всюду, прислушиваются къ каждому и кончаютъ обыкновенно тѣмъ, что собираются въ отдѣльную комнату гостиницы Солнца, принимаются за свои ненасытные перья и пишутъ на лощеной бумагѣ.

Наконецъ приходитъ слѣдственный судья съ своими приказными, совершенно какъ и въ предшествовавшемъ случаѣ съ тою только разницею, что, судья считаетъ это дѣло, выходящимъ изъ обыкновеннаго порядка вещей и частнымъ образомъ говоритъ своей собратин, что «Соединенный домъ должно быть обреченъ несчастіямъ, должно быть ужъ ему судьбою такъ назначено; впрочемъ, мало ли бываетъ тайнъ на свѣтѣ, которыхъ мы не въ состояніи объяснить.» Послѣ этого на сцену дѣйствія является гробъ ровно въ шесть футовъ и приводитъ всѣхъ въ восхищеніе.

Во всѣхъ этихъ происшествіяхъ мистеръ Гуппи принимаетъ такое слабое участіе, что онъ движется какъ и всякое другое частное лицо; онъ можетъ поглядывать на таинственный домъ только снаружи, и гдѣ онъ вливъ, къ крайнему своему прискорбію, какъ мистеръ Смолвиль запираетъ двери на тяжелые замки, и вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно убѣждается, что въ этомъ домѣ для него теперь все заперто. Но прежде чѣмъ всѣ эти дѣйствія приходятъ къ концу, и именно, не раньше слѣдующаго вечера послѣ катастрофы, мистеръ Гуппи считаетъ необходимымъ сообщить кое-что миледи Даллокъ.

Вслѣдствіе этого, съ унылымъ духомъ и съ тѣмъ сознаниемъ своей вины, которое страхъ и безсонница породили въ немъ, а гостиница Солнца увеличила, молодой человекъ, по имени Гуппи, является въ столичный домъ миледи около семи часовъ вечера и проситъ аудіенціи. Меркурій отвѣчаетъ, что она отъѣзжаетъ на обѣдъ. Развѣ мистеръ Гуппи не видитъ, что ее ждетъ карета? Да, онъ видитъ это, но все же непремѣнно хочетъ видѣть миледи.

Меркурій имѣетъ сильное желаніе, какъ онъ объяснилъ въ то же время своему товарищу джентльмену, «дать пивка молодому чело-

вѣку», по касательной его приема отъ получилъ положительныя представленія. Поэтому онъ угрюмо сообщаетъ молодому человѣку, что ему должно войти въ библіотеку, и отправилась доложить о немъ, оставляетъ его въ обширной комнатѣ, не слишкомъ ярко освѣщенной.

Мистеръ Гуппи поспрашиваетъ вглубь по всѣмъ направленіямъ и вездѣ видитъ что-то въ родѣ обугленного и покрытаго мепомъ поляна. Но вотъ онъ слышитъ шелестъ платья. Не ужели это...? Нѣтъ, это не призракъ, но прекраснѣйшая женщина въ великолѣпномъ нарядѣ.

— Простите меня великодушно, миледи, говоритъ мистеръ Гуппи, запинаясь и въ величайшемъ уныніи: — я выбралъ весьма неудобное время....

— Я вамъ сказала, что вы можете приходить сюда во всякое время.

Миледи беретъ стулъ и такъ же пристально смотритъ на мистера Гуппи, какъ и въ первый разъ.

— Благодарю васъ, миледи, вы очень снисходительны.

— Садитесь.

Въ ея голосѣ однако же не замѣтно особенной снисходительности.

— Я не знаю, миледи.... цѣль моего прихода такъ незначительна, что я не смѣю садиться и удерживать васъ; я.... я не досталъ тѣхъ писемъ, о которыхъ имѣлъ честь недавно говорить вамъ.

— Неужели вы затѣвѣ только и пришли, чтобы сказать мнѣ это.

— Собственно затѣвѣ, миледи.

Мистеръ Гуппи, кромѣ унынія, неудачи въ ожиданіяхъ и безпокойства, поставленъ еще болѣе въ затруднительное положеніе роскошью и красотой ея наружности. Миледи вполне знаетъ какое вліяніе производитъ ея наружность; она слишкомъ долго научала ее, чтобъ не умѣть воспользоваться всѣми ея выгодами. Въ то время, какъ она спокойно и холодно смотритъ на мистера Гуппи, онъ не только сознается внутренне, что ему нѣтъ никакой возможности проникнуть въ ея мысли, но что онъ съ каждой минутой болѣе и болѣе отдаляется отъ нея.

Она не станетъ говорить, это ясно; поэтому онъ долженъ говорить.

— Короче сказать, миледи, говоритъ мистеръ Гуппи, какъ воръ, медленно сознающійся въ своемъ преступленіи: — человѣкъ, отъ котораго я надѣялся получить эти письма, внезапно кончилъ свою жизнь, и.... и....

Онъ останавливается. Леви Дэдлокъ спокойно досказываетъ его мысль :

— И письма уничтожились вмѣстѣ съ этимъ человѣкомъ , не такъ ли ?

Мистеръ Гуппи не сказалъ бы на это — нѣтъ , хотя бы и могъ , точно такъ , какъ онъ не можетъ скрыть дѣйствительности .

— Я думаю такъ , миледи .

Неужели онъ не замѣчаетъ въ ея лицѣ и искры душевнаго облегченія ? Нѣтъ ему не замѣтить этого даже и тогда , если бы наружное спокойствіе миледи не приводило его въ крайнее замѣшательство , да впрочемъ онъ и не старался отыскивать этого .

Онъ произноситъ нѣсколько несвязныхъ словъ въ знакъ извиненія за свою неудачу .

— Больше вы ничего не имѣете сказать ? спрашиваетъ леви Дэдлокъ , выслушавъ его , или почти выслушавъ , потому что онъ говорилъ весьма несвязно .

Мистеръ Гуппи думаетъ , что ему больше нечего сказать .

— Увѣрены ли вы , что вамъ больше нечего сказать ? я васъ предупреждаю , это послѣдній случай говорить со мною .

Мистеръ Гуппи совершенно увѣренъ . И дѣйствительно въ настоящее время онъ ничего не имѣетъ и не желаетъ сказать ни подъ какимъ видомъ .

— Довольно . Я не требую вашихъ извиненій . Добраго вечера желаю вамъ !

И миледи звонитъ за Меркуриемъ проводить молодого человѣка , по имени Гуппи .

Но въ этомъ же домѣ и въ то же самое время случайно присутствуетъ старый человѣкъ , по имени Толкинхорнъ . Этотъ старый человѣкъ спокойнымъ шагомъ подходитъ къ библіотекѣ , кладетъ руку на замочную рукоятку , входитъ и останавливается лицомъ къ лицу съ молодымъ человѣкомъ , который только что выходилъ изъ комнаты .

Одинъ взглядъ между старымъ человѣкомъ и миледи , и опущенный до этого вѣеръ поднимается . Въ одинъ моментъ проявляется подозрѣніе сильное и рѣзкое . Еще моментъ , и все закрыто .

— Извините леви Дэдлокъ . Тысячу рязъ извините меня . Меня удивляетъ , что я застаю васъ здѣсь въ такое время . Я думалъ , что здѣсь нѣтъ ни души . Извините , извините !

— Позвольте ! говорить миледи , небрежно ворочая его назадъ . — Оставайтесь здѣсь , прошу васъ . Я ѣду на обѣдъ . Мнѣ больше нечего говорить съ этимъ молодымъ человѣкомъ .

Совершенно разстроенный молодой человекъ является у самыхъ дверей и раболѣпно выражаетъ надежды свои на благополучное здоровье мистера Толкинхорна.

— Ничего, я здоровъ, говоритъ адвокатъ, смотря на него изподъ нахмуренныхъ бровей, и онъ смотритъ такъ, чтобы не дѣлать повтореніе, это не такой человекъ. — Вы вѣрно изъ конторы Кэнджа и Карбоа.

— Изъ конторы Кэнджа и Карбоа, мистеръ Толкинхорнъ. Меня зовутъ Гуппи, сэръ.

— Да, да. Благодарю васъ, мистеръ Гуппи, я слава Богу, здоровъ, благодарю васъ.

— Пріятно это слышать, сэръ. Но нельзя допустить, чтобы вы были совершенно здоровы, вслѣдствіе вашихъ многотрудныхъ занятій.

— Благодарю васъ, мистеръ Гуппи.

Мистеръ Гуппи съ тѣмъ же раболѣніемъ выходитъ изъ дверей. Мистеръ Толкинхорнъ, такая мишура въ своей старинной, ржавой, черной одеждѣ въ сравненіи съ пышнымъ нарядомъ леди Дэдлокъ, провожаетъ ее съ лѣстницы въ карету. Онъ возвращается, потирая себѣ подбородокъ, и потираетъ его часто и сильно въ теченіе вечера.

ГЛАВА XXXIV.

ТИСКИ.

— Чтобы это значило? говоритъ мистеръ Джорджъ. — Холостой ли это зарядъ, или пуля? Вспышка на полкѣ или выстрѣлъ?

Открытое письмо составляетъ предметъ размышленій кавалериста и сильно беспокоитъ его. То отодвинетъ онъ его отъ себя на длину руки и потомъ снова приблизитъ почти къ самымъ глазамъ, то возьметъ его въ правую руку, то въ лѣвую, то начнетъ читать его, согнувъ голову на одинъ бокъ, то на другой, то нахмуритъ свои брови, то подниметъ ихъ, и все не можетъ угодить себѣ, то онъ разглядитъ его на столѣ своей тяжелой рукой и, задумчиво сдѣлавъ по галлерей нѣсколько оборотовъ, остановится передъ нимъ и начнетъ пробѣгать его свѣжимъ взоромъ, но даже и это не помогаетъ.

— Холостой зарядъ это, повторяетъ мистеръ Джорджъ задумчиво: — или пуля?

Филь Сквотъ, съ помощью кисти и горшка бѣлой краски, мажетъ въ отдаленіи щиты, слегка насвистываетъ скорый маршъ,

поддѣлываясь подъ флейту и воображая, что онъ и въ самомъ дѣлѣ, какъ поется въ этомъ маршѣ, дожженъ, воротиться и воротится къ любимой дѣвѣ, которую оставилъ за собой....

— Филь ! говоритъ кавалеристъ.

Филь подходитъ къ нему обычнымъ путемъ, ковыляетъ съ боку на бокъ около стѣны, какъ будто онъ шель куда нибудь въ стору, и потомъ бросается на своего командира, какъ будто хочетъ принять его на штыкъ. На грязномъ лицѣ его рельефно красуются брызги бѣлой краски, и рукояткой кисти онъ потираетъ себѣ бровь.

— Вниманіе, Филь ! Слушай меня.

— Слушаю, командиръ.

— «Милостивый государь ! Позвольте мнѣ напомнить вамъ (хотя я не имѣю уважительной причины дѣлать подобное напоминаніе), что двухмѣсячному векселю, подписанному на ваше имя мистеромъ Матью Богнетомъ и вами акцептованному, на сумму девятисто-семь фунтовъ четыре шиллинга и девять пенсовъ, завтрашняго числа срокъ, а потому не угодно ли вамъ приготовить очистить его по предъявленіи. Вашъ *Джошуа Смолвидъ*.»

— Что ты скажешь на это ?

— Нехорошо, командиръ..

— Почему ?

— Я думаю, отвѣчаетъ Филь, разгладивъ сначала нѣсколько морщинъ на лбу рукояткой кисти : — я думаю, что когда начнутъ требовать деньги, то непременно надо ждать худыхъ послѣдствій.

— Послушай, Филь, говоритъ кавалеристъ, сѣвъ на столъ : — одинъ процентъ да разныхъ разностей я переплатилъ уже по крайней мѣрѣ половину того, что здѣсь написано.

Филь соглашается съ этимъ и намекаетъ, сдѣлавъ тага два назадъ съ невыразимо кислой физиономіей, что по его мнѣнію дѣлу все-таки не будетъ легче чрезъ это обстоятельство.

— И вотъ еще что, Филь, говоритъ кавалеристъ, останавливая преждевременныя заключенія размахомъ руки. Между нами было условіе, что вексель этотъ по истеченіи срока будетъ, какъ они выражаются, возобновляться. И онъ возобновлялся безчисленное множество разъ. Что ты скажешь на это ?

— Я скажу, что вѣрно возобновленія-то эти кончились.

— Ты такъ думаешь ? См ! Я и самъ то же думаю.

— Это тотъ и есть *Джошуа Смолвидъ*, котораго приносили сюда въ креслѣ.

— Тотъ самый.

— Командиръ, говоритъ Филь необыкновенно серьезно : — по праву этотъ человекъ настоящая пивка, по поступкамъ это тиска,

по ужимкамъ и крикливямъ это змѣя и по когтямъ это ракъ съ огромными клешнями.

Высказавъ такъ выразительно свое мнѣніе и постоявъ немногу, чтобы удостовѣриться, не ожидаютъ ли отъ него какихъ нибудь дальнѣйшихъ замѣчаній, мистеръ Сквотъ отправляется назадъ по своей дорогѣ, переваливаясь съ боку на бокъ, и музыкальными нотами снова начинаетъ увѣрять, что онъ долженъ воротиться и непременно воротитсѣ къ своей идеальной дѣвѣ. Джорджъ, сложивъ письмо идетъ по тому же направленію.

— А вѣдь есть средство, командиръ, уладить это дѣло, говорить Филь, бросивъ на него лукавый взглядъ.

— Заплатить деньги, я думаю? Я бы желалъ.

Филь мотаетъ головой.

— Нѣтъ, командиръ, совсѣмъ нѣтъ; средство это гораздо проще. Стоитъ только сдѣлать то, что я дѣлаю теперь, говорить Филь, въ высшей степени артистически мазнувъ своей кистью.

— Забѣлать черныя пятна? Отказаться отъ долгу?

Филь киваетъ головой.

— Славное средство, нечего сказать! Знаешь ли ты, что тогда будетъ съ Бэгнетами? Знаешь ли, что они въ конецъ раззоратся, если имъ придется выплачивать мои долги? Куда какой ты нравственный человѣкъ, Филь, говоритъ кавалеристъ, осматривая его съ ногъ до головы съ замѣтымъ негодованіемъ: — удивительно нравственный!

Филь, стоя на козлянкахъ у щита, дѣлая аллегорическіе размахи своей кистью и выравнивая пальцомъ круги тира, горячо начинаетъ приводить въ свое оправданіе, что онъ совсѣмъ забылъ объ отвѣтственности Бэгнета, что онъ не хотѣлъ бы повредить и волоска на головѣ каждаго изъ членовъ этого семейства, какъ вдругъ въ корридорѣ слышатся чьи-то шаги и вслѣдъ затѣмъ раздается веселый голосъ:

— Неужели нѣтъ дома мистера Джорджа?

Филь бросаетъ взглядъ на своего господина, вскакиваетъ на ноги и говорить:

— Дома, мистриссъ Бэгнетъ! Дома!

И вслѣдъ затѣмъ въ галлерейю является мистриссъ Бэгнетъ въ своимъ супругомъ.

Старая бабенка, какъ называетъ ее мистеръ Бэгнетъ, ни въ какое время года и никуда не является иначе, какъ въ стѣромъ шерстяномъ салопѣ, грубомъ и довольно поношеномъ, но очень чистомъ, который нероспоримо составляетъ безсмѣнный ея нарядъ, сдѣлавшійся весьма интереснымъ въ глазахъ мистера Бэгнета, по-

тому что онъ прибылъ въ Европу изъ другой части свѣта вмѣстѣ съ мистриссъ Бэгнетъ в ея зонтикомъ, который точно также появляется въ дверяхъ галлерей, какъ и прочіе наряды мистриссъ Бэгнетъ. Въ настоящее время нѣтъ никакой возможности узнать его первоначальный цвѣтъ; на концѣ палки онъ имѣетъ сучковатый крючокъ съ металлическимъ наконечникомъ, представляющимъ модель овальнаго окна, или просто стекла изъ очковъ: — этотъ орнаментъ не имѣетъ, впрочемъ, той замѣчательной способности быть вѣрнымъ своему назначенію, какое можно было бы требовать отъ предметовъ, долго находившихся въ короткихъ отношеніяхъ съ британской арміей. Зонтикъ мистриссъ Бэгнетъ замѣчательенъ по своей гибкости, мягкости и недостатку китораго уса — обстоятельство, которое только тѣмъ и объясняется, что въ теченіе многихъ лѣтъ онъ служилъ на постоянныхъ квартирахъ посуднымъ шкапомъ, а на походахъ платьенымъ мѣшкомъ. Она никогда его не распускаетъ, надѣясь, что отъ всякой непогоды защититъ ее салонъ съ весьма объемистымъ воротникомъ; но по обыкновенію употребляетъ его вмѣсто трости, которою при покупкѣ мяса или зелени указываетъ на куски или связки этихъ продуктовъ, или толкаетъ по дружески торговцевъ, чтобъ обратить вниманіе ихъ на свою особу. Безъ рыночной корзины, съ двумя откидными крышками, она не дѣлаетъ шагу изъ дому. Сопровождаемая этими вѣрными спутниками, мистриссъ Бэгнетъ съ загорѣлымъ лицомъ, весело выглядывающимъ изъ-подъ грубой соломенной шляпки, является въ эту минуту румяная и свѣжая въ галлерей Джорджа для стрѣльбы въ цѣль и пр.

— Ну здравствуй, Джорджъ, старый товарищъ, говоритъ она: — какъ ты поживаешь въ такое чудное утро?

Пожавъ руки другъ другу, какъ старые пріатели, мистриссъ Бэгнетъ втягиваетъ въ себя длинный глотокъ воздуха послѣ прогулки и садится отдохнуть. Обладая способностью, усвоенною на вершинахъ походныхъ телѣгъ и въ другихъ подобныхъ положеніяхъ, способностью удобно и спокойно помѣщаться гдѣ бы то ни было, она садится на простую деревянную скамейку, развязываетъ шляпку, скидываетъ ее назадъ, складываетъ руки на грудь и чувствуетъ себя совершенно довольной.

Мистеръ Бэгнетъ между тѣмъ пожимаетъ руки своему старому сослуживцу и Филю, котораго мистриссъ Бэгнетъ въ свою очередь привѣтствуетъ ласковымъ поклономъ и улыбкой.

— Ну, Джорджъ, говоритъ мистриссъ Бэгнетъ торопливо: вотъ и мы къ тебѣ въ гости, я и мой Бакаутъ (она часто отзывается о мужѣ своимъ подъ этимъ названіемъ по тому случаю, какъ пола-

гаютъ и некоторые, что Бакаутъ было его стариннымъ полковнымъ прозваніемъ, когда они впервые познакомились, и что прозвание это дано ему было по случаю его твердыхъ качествъ и шероховатой наружности) пришли нарочно затѣмъ, чтобъ привести въ порядокъ... знаешь вотъ то-то обязательство. Давай-ка ему новый вексель, Джорджъ, и онъ подпишетъ его духомъ.

— А я собирался къ вамъ сегодня утромъ, замѣчаетъ кавалеристъ, уклоняясь отъ предложенія.

— Мы такъ и думали, что ты придешь къ намъ сегодня поутру, но вышли изъ дому рано и оставили Вулича, отличнаго мальчишку, смотрѣть за сестрами, а вмѣсто того, чтобы ждать тебя съ собою, пришли сюда, какъ видишь, сами. Бакаутъ мой сдѣлался теперь такимъ домосѣдомъ, что прогуляться ему очень не мѣшаетъ. Но что съ тобой, Джорджъ? спрашиваетъ мистриссъ Бэгнетъ, прекращая свой бойкій и веселый разговоръ.—Сегодня ты самъ не свой.

— Да, я несомнѣнно спокоенъ сегодня, отвѣчаетъ кавалеристъ: — меня немного разсердили, мистриссъ Бэгнетъ.

Ея бѣглые, блестящіе глаза немедленно открываютъ истину.

— Джорджъ! восклицаетъ она, грозя ему пальцомъ. — Ради Бога! неужели сдѣлалось что-нибудь недоброе для Бакаута! Не говори мнѣ этого, Джорджъ, ради дѣтей моихъ.

Кавалеристъ бросаетъ на нее тревожный взглядъ.

— Джорджъ, говоритъ мистриссъ Бэгнетъ, то поднимая для болѣе выразительности обѣ руки кверху, то опуская ихъ на колѣни: — если ты допустилъ сдѣлаться чему-нибудь дурному въ поручительство моего Бакаута, если ты запуталъ его въ этомъ дѣлѣ, если ты продалъ насъ и поставилъ черезъ это въ опасное положеніе, а я вижу это по твоему лицу, Джорджъ, я читаю на немъ какъ по печатному, то ты поступилъ съ нами безсовѣстно, ты обманулъ насъ жестокимъ образомъ. Я тебѣ говорю, Джорджъ, что ты обманулъ насъ жестокимъ образомъ. Вотъ и все тутъ!

Мистеръ Бэгнетъ, неподвижный до этого какъ помпа или какъ фонарный столбъ, кладетъ на макушку своей лысой головы правую руку, какъ будто съ тѣмъ, чтобы защитить ее отъ сильнаго паденія искусственнаго дождя, и съ величайшимъ безпокойствомъ смотритъ на мистриссъ Бэгнетъ.

— Джорджъ! продолжаетъ старуха: — я удивляюсь тебѣ! Джорджъ, мнѣ стыдно за тебя! Джорджъ я не хочу вѣрить, чтобы ты рѣшился на такой поступокъ! Я всегда считала тебя за катающійся камень, который никогда не обрастаетъ мохомъ; но не думала, чтобы ты когда нибудь отнял ту маленькую частичку моху, которая принадлежала Бэгнету и его ребятишкамъ. Ты знаешь, ка-

кой онъ трудолюбивый и заботливый отецъ. Ты знаешь, кто такіе у меня Квебекъ и Мальта и Вуличъ, ты все это знаешь, и я, право, некогда бы не подумала, что ты рѣшишься отилатить намъ подобнымъ образомъ! О, Джорджъ! (я мистриссъ Бэгнетъ подбираетъ полы своего салона и безъ всякаго притворства отвращаетъ ими глаза свои) неужели ты могъ такъ поступить съ нами?

Съ окончаніемъ этихъ словъ, мистеръ Бэгнетъ снимаетъ руку съ головы, какъ будто дождь совершенно прекратился и съ уныніемъ смотритъ на мистера Джорджа, который поблѣднѣлъ какъ полотно и въ свою очередь плачевно посматриваетъ на сѣрый сапогъ и соломенную шляпку.

— Мать, говоритъ кавалеристъ голосомъ, выражающимъ покорность, и хотя назначаетъ слова свои мистеру Бэгнету, но не спускаетъ глазъ съ его жены: — мнѣ очень жаль, что ты такъ близко принимаешь это къ сердцу; мнѣ кажется, что дѣло еще не въ такомъ дурномъ положеніи, какъ ты думаешь. Дѣйствительно, сегодня утромъ я получилъ письмо (и онъ читаетъ это письмо въ слухъ), но я думаю, все это еще можно поправить. Что касается до катающагося камня, пожалуй я согласенъ, что ты говоришь правду. Я въ самомъ дѣлѣ катающійся камень, но хотя я до сихъ поръ еще ничего не накатилъ себѣ путнаго, да зато я, вполнѣ увѣренъ, до сихъ поръ никому не заслонялъ собой дороги. Ни одинъ еще старій бродяга и товарищъ не любилъ такъ твою жену, Мать, и твое семейство, какъ я ихъ люблю, и потому надѣюсь, вы перестанете смотрѣть на меня такъ сердито. Не думайте, чтобы я таилъ отъ васъ что-нибудь. Я получилъ это письмо съ четверть часа тому назадъ.

— Старуха! произноситъ мистеръ Бэгнетъ послѣ минутнаго молчанія: — скажи ему мое мнѣніе.

— А зачѣмъ онъ не женился? отвѣчаетъ мистриссъ Бэгнетъ полшутливо, полусерьезно: — зачѣмъ онъ не женился въ сѣверной Америкѣ на вдовѣ Джо Поуча? Тогда бы онъ не попадалъ въ такіа хлопоты.

— Старуха говоритъ правду, замѣчаетъ мистеръ Бэгнетъ: — и въ самомъ дѣлѣ, зачѣмъ ты не женился?

— Чтожъ за бѣда? Я надѣюсь, что въ настоящее время она имѣетъ лучшаго мужа, отвѣчаетъ кавалеристъ. — Какъ бы то ни было, я не женился на вдовѣ Поуча — и дѣлу конецъ, прошедшаго не передѣлаешь. Но что я стану дѣлать теперь? Вы видите все мое достояніе: оно не мое, но ваше. Скажите слово, и я продамъ все до послѣдней нитки. Еслибъ только знать, что можно выручить черезъ продажу требуемую сумму, а бы давнымъ давно все

продать. Не думай, Мать, что я рѣшусь когда нибудь пустить тебя и твоихъ дѣтей въ трубу. Прежде всего я продамъ самого себя. Миѣ одного только и хочется теперь, говорить кавалеристъ, сильно ударяя себя въ грудь : — сыскать человѣка, который бы согласился купить такой изношенный, никуда негодный хламъ.

— Старуха ! бормочетъ мистеръ Бэгнетъ : — передай ему еще одинъ клочекъ моего миѣнія.

— Джорджъ, говоритъ старуха : — поразмысливъ хорошенько, вѣдь тебя винить-то не за что , развѣ за то только , что ты занялся этимъ ремесломъ безъ всякихъ средствъ.

— Вотъ это по моему ! замѣчаетъ кающійся кавалеристъ, качая головой : — вотъ ужъ такъ по моему !

— Смирно ! Старуха моя весьма вѣрно передаетъ мои миѣнія, говоритъ мистеръ Бэгнетъ : — слушай же меня ! говори , старуха !

— Тогда бы тебѣ не привелось просить ручательства, Джорджъ, да и не къ чему было бы просить его. Но что развѣ сдѣлано , такъ того не передѣлаешь. Ты всегда былъ честнымъ и прямодушнымъ товарищемъ , по крайней мѣрѣ на сколько это отъ тебя зависѣло, хотя немного и безразсуднымъ. Съ другой стороны, ты согласишься съ нами, что мы весьма естественно должны беспокоиться, когда надъ головами нашими виситъ бѣда. Поэтому, прости намъ, Джорджъ, и забудь, что было сказано сгоряча. Полно , перестань ! прости и позабудь, что было сказано !

Вмѣстѣ съ этимъ мистриссъ Бэгнетъ протягиваетъ одну руку ему, а другую мужу ; мистеръ Джорджъ беретъ руки обоихъ и, крѣпко сжимая ихъ, говоритъ :

— Увѣрю васъ , нѣтъ на свѣтѣ, чего бы я не сдѣлалъ , чтобъ только избавить васъ отъ этого обязательства. Но все, что я успѣвалъ прикопить въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, ушло на одни проценты. Филь и я живемъ очень скромно ; но, несмотря на то, галерея не приноситъ тѣхъ выгодъ, какихъ мы ожидали, короче сказать, она вѣдь не золотой рудникъ. Я сдѣлалъ большую ошибку, что снялъ ее на себя, большую ошибку. Впрочемъ, я нѣкоторымъ образомъ вовлеченъ былъ въ это предпріятіе, я думалъ, что авось либо я остепенюсь, сдѣлаюсь человѣкомъ самостоятельнымъ, а вы старались поддержать во мнѣ такія ожиданія и, клянусь честью, я весьма много обязанъ вамъ за это и всю вину принимаю на себя.

Окончивъ эти слова , мистеръ Джорджъ еще разъ крѣпко сжимаетъ руки, которыя держитъ въ своихъ рукахъ, и, одувивъ ихъ, отступаетъ на нѣсколько шаговъ назадъ, съ прямой воинственной осанкой, какъ будто онъ окончательно высказалъ свое признаніе

и готовъ немедленно принять въ свою грудь цѣлый залпъ ружейныхъ выстрѣловъ со всеми воинскими почестями.

— Джорджъ, выслушай меня! говоритъ мистеръ Бэгнетъ, взглянувъ на жену: — старуха, говори!

Мистеръ Бэгнетъ, котораго приходится выслушивать такимъ страннымъ образомъ, замѣчаетъ, что на письмо должно отвѣчать безъ дальнѣйшаго отлагательства, что было бы весьма не дурно, еслибъ онъ и Джорджъ лично отъявились къ мистеру Смолвиду, и что первымъ дѣломъ слѣдуетъ спасти и отстранить отъ участія въ этомъ дѣлѣ невиннаго мистера Бэгнета, у котораго нѣтъ пенни за душой. Мистеръ Джорджъ вполне соглашается съ этимъ мнѣніемъ, надѣваетъ шляпу и готовится вступить съ мистеромъ Бэгнетомъ церемоніальнымъ маршемъ въ непріятельскій лагерь.

— Пожалуйста, Джорджъ, ты не сердись на пустыя слова женщины, говоритъ мистриссъ Бэгнетъ, похлопывая его по плечу: — я поручаю тебѣ моего Бакаута и увѣрена, что ты его выведешь изъ бѣды.

Кавалеристъ отвѣчаетъ, что подобныя слова ему по сердцу, и что онъ такъ или иначе, но непременно выведетъ Бакаута изъ бѣды. Послѣ этого мистриссъ Бэгнетъ, сѣрый плащъ, ввовая корзинка и зонтикъ отправляются домой; а два товарища, старые служивые выступаютъ въ походъ съ надеждами на миролюбивую слѣлку съ мистеромъ Смолвидомъ.

Найдется ли во всей Британіи два такихъ человѣка, какъ мистеръ Джорджъ и мистеръ Матью Бэгнетъ, которые могли бы удовлетворительно кончить свои переговоры съ такимъ человѣкомъ, какъ мистеръ Смолвидъ? можно спросить объ этомъ не безъ нѣкотораго основанія. Несмотря на ихъ воинственную осанку, на ихъ широкія, сильныя плечи, на ихъ тяжелую поступь, найдутся ли гдѣ нибудь два такихъ простодушныхъ и неопытныхъ въ смолвидовскихъ дѣлахъ ребенка. Въ то время, какъ они медленно и въ серьезномъ расположеніи духа приближаются къ кварталу, гдѣ обрѣтается Пріятная Горка, мистеръ Бэгнетъ, замѣчая уныніе въ своемъ товарищѣ, считаетъ пріятельскимъ долгомъ завести разговоръ о мистриссъ Бэгнетъ.

— Джорджъ! ты вѣдь знаешь мою старуху: нѣжна и мягка, какъ молоко. Но попробуй-ка коснуться до дѣтей ея.... или до меня.... ну такъ ужь она-тутъ.... что твой порохъ.

— Это дѣлаетъ ей честь, Матъ.

— Джорджъ, говоритъ мистеръ Бэгнетъ, смотря прямо впередъ: — согласись, вѣдь моя старуха что-нибудь да смыслитъ; по

моему, одно это дѣлаетъ ей честь. Болѣе или менѣе, въ этомъ я не спорю. Знаешь мое правило : должно соблюдать дисциплину.

— Ее можно цѣнить на вѣсъ золота, замѣчаетъ кавалеристъ.

— На вѣсъ золота? говорятъ мистеръ Бэгнетъ : — я тебѣ вотъ что скажу: въ моей старухѣ сто-двадцать фунтовъ вѣсу. Но какъ ты думаешь, согласился ли бы я взять этотъ вѣсъ какого бы то ни было металла за мою старуху? Нѣтъ. Почему нѣтъ? Потому что металлъ, изъ котораго вылита моя старуха драгоцѣннѣе самаго драгоцѣннѣйшаго металла. А она вся вылита изъ металла!

— Ты говоришь правду, Мать.

— Когда она врѣзалась въ меня и надѣла обручальное кольцо, такъ съ тѣхъ поръ на всю свою жизнь завербовала себя на службу мнѣ и дѣтямъ, говоритъ мистеръ Бэгнетъ : — и она такъ вѣрно защищаетъ свое знамя, что дотронуясь до насъ пальцемъ, и она въ одинъ моментъ ударить тревогу и тотчасъ вступить въ бой. Если старуха моя и откроетъ батальный огонь, такъ знаешь, при случаѣ, по долгу присяги, сердиться на это не слѣдуетъ, Джорджъ. Она дѣлаетъ это потому, что она наша вѣрнопопавшая!

— Дай Богъ ей здоровья, Мать, за это я ее еще больше уважаю; въ моихъ глазахъ она становится выше за это!

— Правда, правда! говоритъ мистеръ Бэгнетъ съ пылкимъ восторгомъ, хотя на суровомъ лицѣ его не показывается и тѣни улыбки : — какъ бы высока она не казалась тебѣ, хоть бы во всю вышину гибралтарской скалы, и все еще это будетъ низко, судя по ея достоинствамъ. Впрочемъ, я никогда не говорю ей объ этомъ. Должно соблюдать дисциплину.

Съ этими похвалами они приближаются къ Пріятной Горкѣ, и вслѣдъ за тѣмъ къ дому дѣдушки Смолвида. Многолѣтняя Юдмъ отворяетъ имъ дверь, и осмотрѣвъ ихъ съ головы до ногъ весьма негостепріимнымъ окомъ, съ злобной улыбкой оставляетъ ихъ у дверей и убѣгаетъ на совѣщаніе съ оракуломъ касательно того, выпустить ихъ или нѣтъ. Надобно полагать, что оракулъ изъявилъ свое согласіе, потому что она вскорѣ вернулась назадъ съ словами на медовыхъ устахъ : «можно войти, если хотите». Мистеръ Джорджъ и мистеръ Бэгнетъ спѣшатъ воспользоваться такимъ позволеніемъ, входятъ въ комнату, кланяются мистеру Смолvidу и видятъ, что ноги его поставлены въ желѣзный сундукъ изъ-подъ кресла, какъ будто онъ принималъ ножную ванну изъ векселей и ассигнацій, между тѣмъ какъ мистриссъ Смолвидъ заслонена подушкой какъ птица особенной породы, которой запрещаютъ ѣсть.

— Любезный другъ мой! говоритъ дѣдушка Смолвидъ, ласково вытянувъ впередъ свои костлявыя руки : — какъ вы поживаете? здоровы ли? А это кто съ вами, любезный другъ мой?

— Это, отвѣчаетъ Джорджъ, стараясь преодолѣть враждебное чувство:— это Матью Бэгнетъ, который обязалъ меня добрымъ со-вѣтомъ по одному нашему дѣлу, вы знаете по какому.

— О! мистеръ Бэгнетъ? Вотъ это кто! (и старикъ смотритъ на него изъ-подъ руки) Надѣюсь, что вы здоровы, мистеръ Бэгнетъ? Какой онъ славный мужчина, мистеръ Джорджъ! Съ разу видно, что изъ военныхъ!

Стульевъ никто не предлагаетъ имъ, поэтому мистеръ Джорджъ беретъ одинъ стулъ для себя, а другой подаетъ мистеру Бэгнету. Они садятся; мистеръ Бэгнетъ такъ принужденно и вытянуто, какъ будто онъ не имѣетъ возможности и силы согнуться, какъ будто у него только и гнутся одни колѣни да бедра.

— Юдишь, говоритъ мистеръ Смолвидъ: — подай трубку.

— Я не знаю, возражаетъ мистеръ Джорджъ: — зачѣмъ молодая миссъ будетъ беспокоиться; надо правду вамъ сказать, сегодня я не имѣю расположенія курить.

— Въ самомъ дѣлѣ? отвѣчаетъ старикъ: — все равно, Юдишь, подай трубку.

— Дѣло въ томъ, мистеръ Смолвидъ, продолжаетъ Джорджъ:— я чувствую себя въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Миѣ кажется, сэръ, что вашъ пріятель въ Сити начинаетъ разыгрывать штуки.

— О, нѣтъ! мой другъ, говоритъ дѣдушка Смолвидъ:—онъ и въ помышленіи не имѣетъ этого.

— Не имѣетъ? Ну, такъ я очень радъ; а я полагалъ, что это его продѣлки. Я говорю вотъ объ этомъ.... вотъ объ этомъ письмѣ.

Дѣдушка Смолвидъ отвратительно улыбается въ знакъ того, что онъ узнаетъ это письмо.

— Что это значитъ? спрашиваетъ мистеръ Джорджъ.

— Юдишь, говоритъ старикъ:—что же ты трубку? Подай се миѣ. Такъ вы спрашиваете, любезный мой другъ, что это значитъ?

— Да! полноте, мистеръ Смолвидъ, отвѣчаетъ кавалеристъ, стараясь по возможности говорить просто и откровенно, и въ то же время въ одной рукѣ держать письмо, а широкіе суставы другой руки на колѣнѣ старика: — между нашими руками прошла порядочная сумма денегъ; теперь мы говоримъ съ вами глазъ на глазъ, и оба знаемъ какого рода было между нами условіе. Я приготовился выполнять обычный долгъ аккуратно и вести это дѣло по прежнему, но прежде я никогда не получалъ отъ васъ подобнаго письма, и признаюсь, оно меня сегодня крайне огорчило; вотъ поэтому-то здѣсь и мой другъ, Матью Бэгнетъ, который, какъ вы знаете, не имѣлъ денегъ и....

— Я не знаю этого, говоритъ старикъ спокойно.

— О, чортъ тебя возьми.... то есть.... то есть, вѣдь я вамъ говорю, что у него не было и нѣтъ денегъ, развѣ я не говорю вамъ это?

— О, да, вы мнѣ говорите это, отвѣчаетъ дѣдушка Смолвидъ:— но я ничего не знаю.

— Прекрасно! говоритъ кавалеристъ, глотая пламя:—такъ я же знаю это!

Мистеръ Смолвидъ отвѣчаетъ на это съ неподражаемымъ спокойствіемъ:

— А! это совсѣмъ другое дѣло! но только оно не касается нашего дѣла. Имѣеть ли мистеръ Бэгнетъ деньги или нѣтъ, положеніе его отъ этого не измѣнится.

Несчастный Джорджъ употребляетъ всевозможныя усилія устроить дѣло безъ всякихъ хлопотъ и, чтобы смягчить мистера Смолвида, рѣшается во всемъ соглашаться съ нимъ.

— Я самъ то же думаю. Я совершенно согласенъ, мистеръ Смолвидъ, что Матью Бэгнетъ во всякомъ случаѣ подлежитъ отвѣтственности, имѣеть ли онъ деньги или нѣтъ. Но я вотъ что скажу вамъ, что это обстоятельство крайне тревожитъ и его добрую жену, и меня; скажите сами, на кого это должно сильнѣе подѣйствовать, на меня ли, никуда негоднаго человѣка, или на него, степеннаго отца семейства? Такъ вотъ что, говоритъ кавалеристъ, достигая наконецъ той степени расположенія въ свою пользу, на какую онъ рассчитывалъ, дѣйствуя по своей воинственной манерѣ:— такъ вотъ что, мистеръ Смолвидъ, хотя мы съ вами въ нѣкоторомъ родѣ и въ хорошихъ отношеніяхъ, но все же я не смѣю просить васъ освободить навсегда моего пріятеля Бэгнета отъ обязательства.

— О, Боже мой, вы слишкомъ скромны. Вы можете, мистеръ Джорджъ, просить отъ меня, что вамъ угодно.

Дѣдушка Смолвидъ сегодня въ такомъ пріятномъ расположеніи духа, въ какомъ бываетъ иногда самый кровожадный людоедъ.

— То есть я могу, съ тѣмъ, чтобы предоставить вамъ случай отказать въ моей просьбѣ, не такъ ли? То есть, можетъ быть, и не вамъ предоставить этотъ случай, но вашему пріятелю въ Сити? Ха, ха, ха!

— Ха, ха, ха! вторитъ дѣдушка Смолвидъ; но вторитъ съ такимъ ожесточеннымъ видомъ и такими зелеными глазами, что врожденная серьезность мистера Бэгнета увеличивается отъ созерцанія этого достопочтеннаго человѣка.

— Итакъ, къ дѣлу! говоритъ вспылчивый Джорджъ:— я очень радъ, что мы находимся въ такомъ хорошемъ расположеніи духа:

миѣ хочется поклонить это дѣло пріятнымъ обрезаемъ. Передъ нами теперь пріятель мой Бэгнетъ и я. Мы рѣшимъ дѣло на мѣстѣ, если вамъ угодно, мистеръ Смолвиль, рѣшимъ его по принятому обыкновенію. Вы прѣстнго облегчите душу моего пріятеля Бэгнета и его семейства, если только объявите ему наши условія.

При этомъ раздается пылкое восклицаніе, какъ будто въ насмѣшку на слова мистера Джорджа. Нельзя полагать, чтобы это было сдѣлано со стороны шутивой Юдней, которая оказывается безмолвною, когда испуганные гости озираются кругомъ, хотя подбородокъ и сохраняетъ еще нѣкоторое движеніе, выражающее и насмѣшку, и презрѣніе. Угроза мистера Бэгнета увеличивается все больше и больше.

— Но миѣ кажется, вы спрашивали меня, мистеръ Джорджъ, говоритъ старикъ Смолвиль, во все это время державшій въ рукахъ трубку: — миѣ кажется, вы спрашивали меня, что означало это письмо?

— Да, да, я спрашивалъ, отвѣчаетъ кавалеристъ простосердечно: — но теперь, когда мы ведемъ другъ друга, я не вижу необходимости входить во всѣ подробности по этому письму.

Мистеръ Смолвиль, показывая видъ, что онъ хотѣлъ попасть прямо въ голову кавалеристу, бросаетъ трубку на полъ и разбиваетъ ее на медіе куски.

— Вотъ что это значитъ, любезный мой другъ! Я хочу раздробить тебя, я хочу искрошить тебя въ куски, я хочу разтереть тебя въ порошокъ! Убирайся къ чорту отъ меня!

Пріятель встаетъ и смотритъ другъ на друга. Угроза мистера Бэгнета достигаетъ высшей степени.

— Убирайся къ чорту отъ меня! повторяетъ старикъ. — Я не хочу больше видѣть твоихъ трубокъ и слышать твоего бахвальства. Что? иди-ка скажешь, я независимый драгунъ! Отправляйся, любезный, къ моему адвокату (ты помнишь, гдѣ онъ живетъ; ты ужъ былъ у него) и покажи-ка ему свою независимость! Ступай, ступай, любезный, тебѣ еще предстоитъ случай выпутаться изъ бѣды. Отвори двери, Юдней, и выпусти этихъ самохваловъ! Клякни полицмена, если не пойдутъ. Вытолкай ихъ вонъ отсюда!

Онъ такъ громко реветъ, что мистеръ Бэгнетъ, положивъ свои руки на плечи товарища, прежде, чѣмъ тотъ успѣлъ оправиться отъ изумленія, выводитъ его въ уличную дверь, которая въ тотъ же моментъ захлопывается за ними торжествующей Юдней. Крайне смущенный, мистеръ Джорджъ стоитъ нѣсколько секундъ, не спуская глазъ съ дверной скобы. Мистеръ Бэгнетъ, утопающій въ пропасти унынія, ходитъ взадъ и впередъ передъ маленькимъ окномъ,

какъ часовой, и заглядываетъ въ него каждый разъ, когда проходить; по всему видно, что онъ замышляетъ что-то недоброе.

— Пойдемъ, Мать! говоритъ мистеръ Джорджъ, нѣсколько успокоенный: — надобно попытаться у адвоката. Ну, что ты думаешь объ этомъ бездѣльничѣ?

Мистеръ Бэгнетъ, бросивъ прощальный взглядъ на окно, отвѣчаетъ, и въ то же время киваетъ головой, какъ будто отвѣтъ его предназначается во внутренность покоя мистера Смолвида:

— Еслибъ моя старуха была здѣсь, я бы сказалъ ему, что я думаю о немъ.

Разрядивъ себя такимъ образомъ отъ предмета своихъ размышленій, онъ выступаетъ въ походъ и маршируетъ съ кавалеристомъ плечо къ плечу.

По прибытіи въ Линкольнскія Поля, они узнаютъ, что мистеръ Толкинхорнъ занятъ и что его нельзя видѣть. Да, впрочемъ, онъ и не имѣетъ расположенія ихъ видѣть, потому что когда они прождали цѣлый часъ, писецъ, котораго позвали въ кабинетъ, пользуется случаемъ напомнить о нихъ и возвращается съ весьма неутѣшительнымъ извѣстіемъ, что мистеръ Толкинхорнъ ничего не имѣетъ сказать имъ и что лучше, если они перестанутъ ждать. Однако, они ждутъ по всѣмъ правиламъ военной тактики. Наконецъ раздается звонокъ и изъ комнатъ мистера Толкинхорна выходитъ кліентъ, съ которымъ онъ занимался.

Кліентъ этотъ недурная собою статная пожилая леди, никто другая, какъ мистриссъ Ронсвелъ, домоправительница Чесни-Воулдъ. Она выходитъ изъ святилища съ прекраснымъ стариннымъ книсеномъ и тихо затворяетъ за собою дверь. Ей оказываютъ здѣсь особенное уваженіе, потому что писецъ выступаетъ изъ-за своей конторки, чтобъ проводить ее до уличныхъ дверей и отворяетъ эти двери. Пожилая леди благодаритъ писца за его вниманіе и въ то же время замѣчаетъ двухъ пріятелей.

— Извините, сэръ; но мнѣ кажется эти два джентльмена изъ военныхъ?

Писецъ взглядомъ передаетъ этотъ вопросъ двумъ джентльменамъ, о которыхъ идетъ рѣчь, и такъ какъ мистеръ Джорджъ не хочетъ отвернуться отъ стѣннаго календаря надъ каминомъ, поэтому мистеръ Бэгнетъ принимаетъ на себя трудъ отвѣчать:

— Точно такъ, ма'мъ. Мы были въ военной службѣ.

— Я такъ и думала. Я была увѣрена въ этомъ. Сердцу моему становится отрадно, джентльмены, когда я вижу военныхъ. Да благословить васъ Богъ, джентльмены! Вы извините старуху; она говоритъ это потому, что у нея сынъ былъ солдатомъ. Славный во-

лодецъ былъ онъ, и такой добрый при всей своей пылкости, хотя злые люди и старались всячески унижить его передъ его бѣдной матерью. Извините, сэръ, что я беспокою васъ. Да благословить васъ небо, джентльмены.

— И васъ равнымъ образомъ, ма'мъ! отвѣчаетъ мистеръ Бэгнетъ добродушно.

Въ манерѣ, въ словахъ, въ голосѣ и въ трепетѣ, пробѣгавшемъ по всему ея тѣлу, было что-то трогательное. Но мистеръ Джорджъ такъ занятъ стѣннымъ календаремъ надъ каминомъ (быть можетъ онъ рассчитывалъ дни, въ которые придется годовые праздники), что не оглядывается назадъ прежде ея ухода и прежде, чѣмъ не заворилась за ней дверь.

— Джорджъ, сердито шепчетъ мистеръ Бэгнетъ, когда Джорджъ оставилъ разсматривать календарь: — перестань печалиться! Вспомни солдатскую пѣсенку:

« Не печальтесь, солдатки,
Не кручиньтесь, друзья мои.»

Не печалься, мой сердечный!

Писецъ снова вошелъ въ кабинетъ съ докладомъ, что они все еще ждутъ, и въ кабинетѣ слышно, какъ мистеръ Толкинхорнъ отвѣчаетъ съ нѣкоторою раздражительностью:

— Пусть ихъ войдутъ!

И они входятъ въ большую комнату съ расписнымъ потолкомъ и застаютъ его передъ каминомъ.

— Послушайте вы, чего вы отъ меня хотите? Сержантъ, вѣдь я уже сказалъ тебѣ, что твое присутствіе здѣсь мнѣ неприятно.

Сержантъ, потерявшій въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ минутъ и способность правильно владѣть языкомъ, и свою обычную воинственную осанку, отвѣчаетъ, что онъ получилъ вотъ это письмо и что былъ по этому письму у мистера Смолвида, который приказалъ ему явиться сюда.

— Я ничего не имѣю сказать тебѣ, говоритъ мистеръ Толкинхорнъ. — Если ты задолжалъ, такъ ты долженъ расплатиться, или принять на себя всѣ послѣдствія. Я полагаю, что тебѣ не зачѣмъ было приходить сюда.

Сержантъ, къ сожалѣнію, долженъ сказать, что онъ не приготовилъ денегъ.

— Очень хорошо! Въ такомъ случаѣ другой человѣкъ, то есть вотъ этотъ человѣкъ, если это тотъ самый, долженъ заплатить за тебя.

Сержантъ, къ сожалѣнію, долженъ присовокупить, что и другой человѣкъ не имѣетъ вовсе денегъ.

— Очень хорошо! Въ такомъ случаѣ вы должны раздѣлить этотъ долгъ между собою, иначе съ васъ стануть взыскивать законнымъ порядкомъ и тогда вы оба пострадаете. Вы взяли деньги и должны возвратить ихъ. Нельзя же безнаказанно брать изъ чужого кармана фунты стерлинговъ, шиллинги и пенсы.

Адвокатъ садится въ кресло и мѣшаетъ огонь въ каминѣ. Мистеръ Джорджъ выражаетъ надежду, что онъ «будетъ такъ добръ...»

— Я тебѣ говорю, сержантъ, что мнѣ нечего сказать тебѣ, мнѣ не нравится твое общество, и я не хочу, чтобы ты былъ здѣсь. Это дѣло до меня не касается и вовсе не подлежитъ моему разбирательству. Мистеру Смолвиду угодно было поручить мнѣ дѣла свои, но они вовсе не подлежатъ моему вѣдѣнію. Вамъ нужно идти къ Мельхиседеку въ Клиффординнъ; это по его части.

— Я долженъ просить у васъ извиненія, сэръ, говорятъ мистеръ Джорджъ: — зато, что я утруждалъ васъ безъ всякой пользы, а это также неприятно для меня, какъ, можетъ быть, и для васъ; но позволено ли мнѣ будетъ сказать вамъ нѣсколько словъ наединѣ?

Мистеръ Толкинхорнъ встаетъ, засунувъ руки въ карманы, и отходитъ въ углубленіе окна.

— Говори же, что ты хочешь сказать; я не имѣю времени.

Несмотря на совершенное свое хладнокровіе, онъ устремляетъ пронизательный взглядъ на Джорджа и при этомъ принимаетъ такое положеніе, чтобы свѣтъ всѣмъ лучшимъ падалъ на лицо кавалериста и оставлялъ его собственное лицо въ совершенной тѣни.

— Я вамъ долженъ сказать, сэръ, говоритъ мистеръ Джорджъ: — что человекъ, который пришелъ со мной, другое лицо, замѣшанное въ это несчастное дѣло.... его имя замѣшано, только одно имя, и главная цѣль моя состоитъ въ томъ, чтобы устранить его отъ всякихъ хлопотъ на мой счетъ. Это очень честный и почтенный человекъ, имѣетъ жену и дѣтей; онъ служилъ прежде въ артиллеріи....

— Любезный мой, я не забочусь, да и слышать не хочу ни о твоей артиллеріи, ни объ артиллеристахъ, ни о вашихъ фурахъ, ни о лафетахъ, ни о пушкахъ, ни о боевыхъ снарядахъ.

— Это весьма быть можетъ, сэръ. Но я-то сильно забочусь насчетъ того, что Багнетъ и его жена и его семейство должны страдать изъ-за меня. И чтобы вывести ихъ изъ этого затруднительнаго положенія, мнѣ остается одно только средство: очертя голову, передать вамъ то, что вы требовали отъ меня нѣсколько дней тому назадъ.

— А это у тебя съ собой?

— Съ собой, сэръ.

— Сержантъ, продолжаетъ адвокатъ сухимъ, безжалостнымъ тономъ и еще болѣе недоступнымъ для всякой выгодной сдѣлки: — рѣшайся, пода я говорю съ тобой, потому что это послѣдній разъ. Послѣ того, какъ я кончилъ говорить, я совершенно забылъ объ этомъ предметѣ и больше не хочу вспоминать о немъ. Ты пойми это. Пожалуй, если хочешь, такъ оставь здѣсь на нѣсколько дней то, что ты принесть сюда, пожалуй можешь и взять это съ собой, если хочешь. Въ случаѣ если, ты можешь оставить это здѣсь, я сдѣлаю для тебя, чего просишь, я могу поставить это дѣло на старую ногу, мало того, я могу выдать форменное предписаніе, чтобы этого человѣка.... какъ бишь его? Бэгнета, что ли?... чтобы его не беспокоили до послѣдней крайности, то есть до тѣхъ поръ, пока твои средства не будутъ истощены, или кредиторъ не подумаетъ о своихъ средствахъ. Вотъ все, что можно сдѣлать въ его пользу. Согласенъ ли ты?

Кавалеристъ запускаетъ руку въ боковой карманъ своего сюртука и отвѣчаетъ съ тяжелымъ вздохомъ:

— Я долженъ согласиться, сэръ.

Вслѣдствіе этого, мистеръ Толкинхорнъ надѣваетъ очки, садится за столъ, пишетъ предписаніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ читаетъ его и объясняетъ Бэгнету, который во все это время, выпуча глаза, смотрѣлъ въ потолокъ, положивъ обѣ руки на лысину, защищая ее отъ этого новаго словеснаго потока, и, по видимому, сильно желаетъ, чтобы въ это время его старуха была съ нимъ и высказала его мнѣніе. Послѣ того кавалеристъ вынимаетъ изъ кармана сложенную бумагу и весьма принужденно кладетъ ее къ локтю адвоката.

— Вотъ это его приказаніе. Самое послѣднее, которое я имѣлъ отъ него.

Взгляните въ эту минуту, мистеръ Джорджъ, на поверстный столбъ, поищите въ немъ какого нибудь выраженія, и вы увидите, что наружность его столько же измѣняется отъ вашего взгляда, сколько измѣняется выраженіе въ лицѣ мистера Толкинхорна, когда онъ раскрываетъ и читаетъ рукопись! Онъ снова складываетъ ее, кладетъ на конторку, и въ лицѣ его, какъ у смерти, не замѣтно ни малѣйшей перемѣны.

Нечего ему больше и говорить и дѣлать, какъ только кивнуть головой съ той же холодной, нисколько не ободряющей манерой и сказать отрывисто:

— Вы можете идти. Эй! выведи ихъ отсюда!

Выведенные отсюда, они отправляются въ резиденцію мистера Бэгнета обѣдать.

Вареная говядина и зелень служатъ разнообразіемъ въ обѣдѣ и замѣняютъ сегодня варенаго поросенка и зелень. Мистриссъ Бэгнетъ съ прежнимъ радушіемъ угощаетъ всѣхъ и распоряжается столомъ въ самомъ пріятномъ расположеніи духа. Это такая женщина, которая считаетъ всякое давленіе за благо, не думая о томъ, что оно могло бы быть и лучше, и бросаетъ свѣтъ на всякое темное пятно вблизи ея. При этомъ случаѣ темнымъ пятномъ служатъ нахмуренныя брови мистера Джорджа: онъ необыкновенно задумчивъ и печаленъ. Сначала мистриссъ Бэгнетъ надѣется разсѣять его уныніе соединенными ласками Квебеки и Мальты; но, замѣтивъ, что эти молодыя барышни не узнаютъ въ мистерѣ Джорджѣ стараго знакомаго веселаго толстяка, она отзываетъ прочь свою легкую инфантерію и предоставляетъ ему полную свободу развѣять мрачныя мысли на открытомъ полѣ у домашняго очага.

Однако онъ не можетъ развѣять ихъ. Онъ по прежнему остается въ сомкнутой колоннѣ мрачнымъ и унылымъ. Въ теченіе продолжительнаго промежутка времени, посвящаемаго по принятому обыновенію на мытье посуды и приведеніе въ порядокъ маленькой квартиры, и когда мистеру Джорджу и хозяйину поданы трубки, онъ остается совершенно тѣмъ же, какимъ былъ во время обѣда. Онъ забываетъ курить, смотритъ въ каминъ и задумывается, роняетъ трубку изъ рукъ; наводитъ тоску и безпокойство на мистера Бэгнета, и наводитъ болѣе тѣмъ, что не показываетъ ни малѣйшаго расположенія къ трубкѣ табаку.

Вслѣдствіе этого, когда мистриссъ Бэгнетъ является въ комнату, пылая яркимъ румянцомъ, заимствованнымъ изъ ведра съ холодной водой, и садится за работу, мистеръ Бэгнетъ сердито говорить: «Старуха!» и убѣдительно подмигиваетъ ей, чтобъ она разувала, въ чемъ тутъ дѣло.

— Что это значитъ, Джорджъ, говоритъ мистриссъ Бэгнетъ, спокойно вдѣвая нитку въ иглу: — какой ты печальный сегодня!

— Въ самомъ дѣлѣ? Вы замѣчаете, что я дурной товарищъ въ кругу людей веселыхъ? Да, я самъ то же думаю, что я дурной товарищъ.

— Онъ вовсе не похожъ на нашего толстяка, мама! восклицаетъ маленькая Мальта.

— Потому, что онъ нездоровъ, мама! прибавляетъ Квебека.

— Правда, мои милыя, это очень дурной знакъ не имѣть сходства съ толстякомъ! отвѣчаетъ кавалеристъ, цалуя маленькихъ рѣзвухекъ. Правда, прибавляетъ онъ съ тяжелымъ вздохомъ: — совершенная правда! Эти малютки всегда высказываютъ истину!

— Джорджъ , говоритъ мистриссъ Бэгнетъ , дѣятельно занима-
ясь шитьемъ : — еслибъ я была увѣрена , что ты сердиться на то ,
что сказала тебѣ сегодня по утру сварливая солдатская жена , кото-
рая прикусила языкъ себѣ послѣ и по настоящему должна бы со-
всѣмъ откусить его , такъ я не знаю , чего бы я тебѣ не наговорила
теперь .

— Добрая , душа моя , отвѣчаетъ кавалеристъ : — я не думаю сер-
диться .

— По дѣлу говоря , Джорджъ , и по истинѣ , то , что я сказала
тебѣ , или думала сказать , это потому , что я увѣрила тебѣ моего
Бакаута и была сама увѣрена , что ты выпутаешь его изъ этого
дѣла . И ты выпуталъ его благородно !

— Благодарю васъ , отвѣчаетъ Джорджъ : — приятно слышать о
себѣ такое доброе мнѣніе .

Послѣ дружескаго пожатія руки мистриссъ Бэгнетъ — она сидѣла
рядомъ съ нимъ — вниманіе кавалериста останавливается на ея лицѣ .
Посмотрѣвъ на нее нѣсколько секундъ , на ея пальцы , которые , бѣг-
ло работали иглой , онъ обращается къ Вуличу , сидѣвшему на
своей табуреткѣ въ углу , и манить къ себѣ этого молодого музы-
канта .

— Смотри сюда , мой другъ , говоритъ Джорджъ , очень нѣжно
глядя рукой ея волосы : — вотъ это чадолюбивая голова ! Полна
любви къ тебѣ , мой другъ . Немного полиняла отъ солнца и непо-
годъ , слѣдуя повсюду за отцомъ твоимъ и заботясь о тебѣ , но
несмотря на то она такъ свѣжа и сочна какъ зрѣлое яблоко на
яблонн .

Лицо мистера Бэгнета выражаетъ , сколько позволяютъ тому
жесткіе матеріалы , изъ которыхъ оно составлено , въ высшей сте-
пени удовольствіе и совершенное согласіе .

— Наставетъ время , мой другъ , продолжаетъ кавалеристъ : —
когда волосы твоей матери посѣдѣютъ , и это лицо покроется и пе-
рекроется морщинами , и тогда она все-таки останется прекрасной
матерью . Старайся , пока еще молодъ , чтобы тебѣ въ тѣ дни
не пришлось оказать самому себѣ : « я никогда не увеличивалъ
сѣдины ея волосъ , никогда не прибавлялъ морщины на ея лицо ! »
Изъ множества вещей , о которыхъ ты будешь вспоминать въ взрос-
лыхъ лѣтахъ , вспоминай чаще всего объ этомъ , Вуличъ !

Мистеръ Джорджъ заключаетъ слова свои тѣмъ , что встаетъ со
стула , сажаетъ на него мальчика и говоритъ какъ-то особенно то-
ропливо , что онъ войдетъ покурить на улицѣ .

ГЛАВА XXXV.

РАЗСКАЗЪ ВСЕНЯИ.

Вотъ уже нѣсколько недѣль, какъ я больная лежу въ постели, и обыкновенное теченіе моей жизни сдѣлалось очень похожимъ на образъ жизни, сохранившійся въ моемъ воспоминаніи. Впрочемъ, не столько вліяло на меня, обреченную слабости и бездѣйствію, время, сколько перемены во всѣхъ моихъ привычкахъ. Прошло нѣсколько дней отъ начала болѣзни моей, какъ каждый предметъ, по видимому, все болѣе и болѣе начиналъ отдаляться отъ меня туда, гдѣ жизнь моя имѣла мало, или лучше сказать, вовсе не имѣла никакихъ видоизмѣненій, гдѣ перемены въ ней состояли только въ томъ, что отдѣлялись одна отъ другой годами. Захворавъ, я, казалось, вдругъ перешла черезъ какое-то мрачное озеро и оставила всѣ мои страданія, перемѣшанные въ хаосъ длиннымъ разстояніемъ, на свѣтломъ, цвѣтушемъ берегу.

Мои обязанности по хозяйству хотя сначала и сильно беспокоили меня, при одной мысли, что остаются неисполненными, но вскорѣ и онѣ утонули въ прошедшемъ также глубоко, какъ самыя старинныя изъ моихъ обязанностей въ зеленолиственномъ; или обязанности, которыя лежали на мнѣ, когда я въ лѣтнія вечера, любила своей тѣнью, возвращалась изъ школы, съ портфельемъ подъ мышкой, въ домъ моей крестной матери. Я никогда не знала прежде, какъ коротка человеческая жизньъ, и въ какіе тѣсные предѣлы могъ заключать ее нашъ умъ.

Когда болѣзнь моя достигла высшей степени, эти раздѣленія времени, смѣшиваясь одно съ другимъ, были для меня невыносимо тигостны. Въ одно и то же время и дѣти, и вырослая дѣвица, и маленькая женщина; меня не только беспокоили и заботы, и трудности, принадлежащія къ каждому изъ этихъ возрастовъ, но и сильное замѣшательство и безконечное усиліе согласовать ихъ вѣсѣтъ. Я полагаю, что тѣ, которые не находились въ подобномъ положеніи, съ трудомъ поймутъ, что я именно хочу сказать; они не поймутъ того болѣзненнаго волненія души моей и безпокойства, которое происходило изъ этого источника.

Но той же самой причинѣ, я почти страшусь упоминать о томъ періодѣ моего недуга — періодѣ, который казался мнѣ одной нескончаемой ночью, хотя я и вѣрю, что въ немъ были и свои дни, и свои ночи — я страшусь упоминать о томъ періодѣ, когда я всѣми

ондани старалась подняться на какую-то колоссальную лестницу, карабкалась на нее и падала: точно такъ булавки, которыхъ я видела въ саду, встрѣчая на своихъ путяхъ непроходимую преграду, падали и снова начинали подниматься. Отъ времени до времени, я была убѣждена иногда вполне, а иногда весьма, неопредѣленно, что я лежала въ постели, разговаривала съ Чарли, чувствовала ее прикосновенія и совершенно узнавала ее, но и тогда я знала, что находилась въ бреду и безпрестанно твердила: «О, Чарли! опять эти несчастныя лѣстницы! — еще, и еще, посмотри Чарли, ей доходить кажется до самаго неба!» и я снова начинала карабкаться на нихъ.

Мнѣ страшно упоминать о томъ ужасномъ періодѣ, когда мнѣ представлялись, въ какомъ-то мрачномъ, ослепляющемъ пространствѣ, или пламенное ожерелье, или кольцо, или цѣпь ослѣпительнаго блеска, въ которой я была однимъ изъ звеньевъ! Когда моя единственная молитва заключалась только въ томъ, чтобъ меня оторвали отъ этой цѣпи, и когда мысль, что я составляю часть этой ужасной вещи, служила для меня источникомъ невыразимыхъ страданій!

Но, я думаю, что чѣмъ меньше будетъ сказано объ этихъ болѣзненныхъ выткахъ, тѣмъ буду я менѣе скучною, и болѣе понятною. Я привожу ихъ на память не для того, чтобъ огорчить другихъ, и не потому, чтобъ я сама сокрушалась, вспоминая ихъ. Быть можетъ, если бы мы болѣе были знакомы съ страданіями подобнаго рода, мы болѣе имѣли бы возможности переносить всю силу ихъ.

Наступившее потомъ спокойствіе, продолжительный и сладкій сонъ, какое-то неземное отрадное чувство, овладѣвшее мною, когда меня, въ минуту моего послѣдняго изнеможенія, окружала такая тишина, что, мнѣ кажется, я могла бы слышать приближеніе самой смерти, и слышать, благословляя съ грустью и любовью тѣхъ, кого оставляла за собой, — вотъ это положеніе быть можетъ легче вообразить. Я находилась въ такомъ положеніи, когда дневной свѣтъ еще разъ мелькнулъ передо мной, и когда я узнала съ безпредѣльнымъ восторгомъ, котораго не выразить никакими словами, что я не лишилась еще зрѣнія.

Я слышала, какъ Ада плакала у моихъ дверей день и ночь, слышала, какъ она называла меня жестокой и говорила, что я ее разлюбилъ; слышала, какъ она упрашивала и умоляла, чтобы ее пустили ко мнѣ и позволили ей удаивать за мной, утѣшать меня и не отходить отъ моей постели; но на все это я отвѣчала ей, и то не раньше, какъ способность говорить возвратилась ко мнѣ: «иди»,

душа моя, Ада, моя милочка, нельзя, нельзя!» и безпрестанно напоминала Чарли, чтобъ она не впускала Аду въ мою комнату, буду ли я жить или умру. Чарли во время моего недуга была права на мнѣ и держала дверь на заперти.

И вотъ теперь, когда зрѣніе мое все болѣе и болѣе укрѣплялось, и лучезарный свѣтъ съ каждымъ днемъ ярче и ярче озарялъ передо мною всѣ предметы, я могла читать письма, которыя моя милочка писала ко мнѣ каждое утро и каждый вечеръ, и могла целовать ихъ и класть на нихъ мои щеки. Я могла видѣть, какъ, моя маленькая горничная, такая нѣжная и такая заботливая, ходила изъ одной комнаты въ другую, прибирала и приводила все въ порядокъ, и снова говорила съ Адой изъ открытаго окна. Я могла представлять себѣ тишину во всемъ домѣ и улыбки на лицахъ тѣхъ людей, которые постоянно любили меня. Я могла плакать отъ избытка радости, и быть точно также счастливой при моемъ изнеможеніи, какъ я была счастлива въ цвѣтущемъ здоровьѣ.

Между тѣмъ силы мои постепенно восстанавлились. вмѣсто того, чтобы лежать среди такой странной тишины и смотрѣть, что дѣлалъ для меня, какъ будто это дѣлалось для другого, о которомъ я очень сожалѣла, вмѣсто этого я стала помогать сначала немного, потомъ больше, и больше, и наконецъ сдѣлалась полезною самой себѣ, и снова жизнь интересовала меня, и снова я была привязана къ ней.

Какъ хорошо я помню пріятный вечеръ, когда меня въ первый разъ подняли въ постели, обложивъ подушками, чтобъ насладиться банкетомъ, который давала мнѣ Чарли за чайнымъ столомъ! Маленькое созданіе, посланное въ этотъ міръ на помощь и утѣшеніе немощнымъ и слабымъ, было такъ счастливо, такъ дѣятельно, такъ часто останавливалось въ своихъ приготовленіяхъ, чтобъ положить ко мнѣ на грудь свою голову, ласкать меня и плакать слезами радости, что я принуждена была сказать: «Чарли, если ты станешь такъ вести себя, то я снова должна лечь въ постель, я чувствую себя гораздо слабѣе, чѣмъ думала!» И Чарли становилась тиха, какъ мышка, переносила свое личико съ одного мѣста на другое, изъ одной комнаты въ другую, изъ тѣни на яркія волны солнечнаго свѣта, изъ свѣта въ тѣнь, между тѣмъ, какъ я спокойно слѣдила за ней. Когда всѣ приготовленія кончились, и чайный столикъ со всѣми его принадлежностями, съ бѣлой скатертью, съ цвѣтами и вообще со всѣмъ, такъ мило и съ такою любовью приготовленнымъ для меня Адой внизу, когда столъ былъ поставленъ къ постели, я чувствовала себя достаточно твердою, чтобъ поговорить немного съ Чарли о томъ, что было ново для меня.

Во первыхъ я похвалила Чарли за комнату, и въ самомъ дѣлѣ она была такъ свѣжа и вывѣтрена, такъ опрятна и чиста, что мнѣ даже не вѣрилось, что я такъ долго лежала въ постели. Это восхищало Чарли, и лицо ея сдѣлалось свѣтлѣе прежняго.

— Но вотъ что, сказала я, оглядываясь кругомъ : — какъ будто здѣсь недостаетъ чего-то, къ чему я привыкла.

Бѣдная маленькая Чарли тоже оглянулась кругомъ и притворно покачала головой, какъ будто въ комнатѣ все оставалось попрежнему.

— Всѣ ли картины на прежнихъ мѣстахъ ? спросила я.

— Всѣ до одной, миссъ, отвѣчала Чарли.

— И вся мебель здѣсь, Чарли ?

— Вся ; я только переставила ее для бѣльшаго простора.

— Но все же, чего-то недостаетъ , сказала я. — А ! теперь я знаю, Чарли, чего здѣсь нѣтъ ! Это — зеркала !

Чарли встала изъ-за стола и, показывая видъ, какъ будто она забыла что-то, вышла въ другую комнату, и я слышала потомъ, какъ горько она плакала.

Я думала объ этомъ очень часто. Теперь я была увѣрена въ этомъ. Я благодарила Бога, что въ настоящую минуту это не сдѣлалось для меня ударомъ. Я позвала Чарли назадъ, и когда она вошла, сначала съ принужденной улыбкой, но, по мѣрѣ приближенія ко мнѣ, лицо ея принимало самое печальное выраженіе, я обняла ее и сказала :

— Ничего, Чарли, не печалься ! Я надѣюсь быть счастливой безъ моего прежняго хорошенькаго личика.

Выздоровленіе мое такъ быстро подвигалось впередъ, что я уже могла сидѣть въ креслѣ и даже ходить, хотя и очень слабо и съ помощью Чарли, въ другую комнату. Зеркало исчезло съ своего прежняго мѣста и въ той комнатѣ, но испытаніе, которое предстояло мнѣ перенести, не становилось тяжелѣе безъ этого предмета.

Во все это время опекунъ мой съ нетерпѣніемъ хотѣлъ навѣстить меня, и въ настоящее время у меня не было основательной причины лишить себя этого удовольствія. Онъ пришелъ ко мнѣ однажды утромъ, обнялъ меня и только могъ сказать : «милая моя Эсмиръ !» Я давно знала, да и кто другой могъ знать лучше ! какимъ нещсчерпаемымъ источникомъ любви и благородства было его сердце, и неужели мнѣ слѣдовало обращать вниманіе на мои ничтожныя страданія и перемѣну въ лицѣ, занимая мѣсто въ такомъ сердцѣ ? Конечно нѣтъ. Онъ увидѣлъ меня и продолжаетъ любить по прежнему, даже сильнѣе прежняго ; на что же стану я сѣтовать !

Онъ сѣлъ подлѣ меня на диванъ, поддерживая меня одной рукой, а другой нѣсколько времени закрывалъ лицо свое, потомъ от-

идать ее, и принялъ свою прежнюю манеру. Мнѣ кажется, нѣтъ, не было и не можетъ быть болѣе пріятной манеры.

— Моя хозяйюшка, сказалъ онъ : — какое скучное время наступило для насъ : такая твердая, непоколебимая хозяйюшка во всемя !

— Все къ лучшему, мой добрый онекунъ, сказала я.

— Къ лучшему? повторилъ онъ нѣжно. — Безъ сомнѣнія къ лучшему. Однако Ада и я въ теченіе этого времени не знали, куда дѣваться отъ тоски и одиночества; въ теченіе этого времени подруга твоя Каади не разъ пріѣзжала сюда утромъ рано и уѣзжала вечеромъ поздно; во всемя домъ было какое-то уныніе; даже бѣднѣйшій Рикъ писалъ *ко мнѣ* подѣ влияніемъ сльзнаго безпокойства за тебя !

Я читала о Каади въ письмахъ Ады, но ничего не читала о Ричардѣ, и я сказала объ этомъ.

— Я знаю, милая моя, отвѣчалъ онъ. — Я считалъ за лучшее не говорить Ады объ этомъ письмѣ.

— Вы говорите, что онъ писалъ *къ вамъ*, сказала я, нарочно сдѣлавъ удареніе на словѣ «къ вамъ». — Развѣ вы находите въ этомъ что-нибудь необыкновенное; развѣ онъ имѣетъ, кромѣ васъ, лучшаго друга, къ которому бы могъ писать?

— Вѣроятно онъ такъ полагаетъ, отвѣчалъ мой онекунъ : — вѣроятно у него есть много лучшихъ друзей. Дѣло въ томъ, что письмо его похоже на что-то въ родѣ протеста; не имѣя возможности писать къ тебѣ и безъ всякой надежды получить отъ тебя отвѣтъ, онъ написалъ холодно, надменно, принужденно, злобно. Но ничего, моя милая хозяйюшка, мы можемъ говорить объ этомъ хладнокровно, мы можемъ простить его. Его нельзя винить въ этомъ. Тяжба Джорджисъ и Джорджисъ совершенно измѣнила его и показываетъ меня въ его глазахъ совершенно въ превращенномъ видѣ. Я зналъ и знаю, что эта тяжба была для многихъ источникомъ несправедливаго зла. Забудьте въ нее двухъ ангеловъ, и я увѣренъ, что она измѣнитъ ихъ натуры.

— Однако она не перемѣнила вашей натуры, мой онекунъ.

— О нѣтъ; перемѣнила, сказалъ онъ, смѣясь : — я ужъ и не знаю сколько разъ изъ-за нея южный вѣтеръ перемѣнился на восточный. Рикъ не довѣряетъ мнѣ, подозреваетъ меня, совѣтуется съ адвокатами и учится отъ нихъ не довѣрять, подозревать. Вѣрить мнѣ, что я оспариваю его интересы, что я имѣю претензіи, несогласныя съ его претензіями и Богъ знаетъ что такое. Между тѣмъ какъ, Богу одному извѣстно! еслибъ я могъ выпутаться изъ лѣсу этой путаницы, которая такъ безсовѣстно пользуется моимъ несчастнымъ именемъ (но я не могу), еслибъ я могъ уничтожить

этотъ лѣсъ, отказавшись отъ своего первоначальнаго права (но я не могу да и не знаю, какая человѣческая сила могла бы уничтожить его), я сдѣлалъ бы это сейчасъ. Скорѣе я хотѣлъ бы возстановить въ Ричардѣ его надлежащій характеръ, нежели воспользоваться всѣми капиталами, которые покойные истцы, растерзанныя сердцемъ и душой на колесѣ Верховнаго Суда, оставили въ спорное наслѣдство, а этихъ капиталовъ, моя милая, весьма достаточно, чтобъ соорудить на нихъ пирамиду въ память невыразимаго зла, совершаемаго этимъ Судомъ.

— Возможно ли, сказала я съ удивленіемъ: — возможно ли, чтобъ Ричардъ подозрѣвалъ васъ, мой опекунъ?

— Ахъ, милая Эсмеръ, ты ничего еще не знаешь, сказалъ онъ: — только одинъ самый утонченный ядъ, извлекаемый изъ злоупотребленій и безпорядковъ Верховнаго Суда, въ состояніи воспроизвести подобныя болѣзни. Его кровь заражена этимъ ядомъ, и потому, въ глазахъ его, всѣ предметы теряютъ натуральный свой видъ. Я не виню его въ этомъ: это не его ошибка.

— Но вѣдь это ужасное несчастье.

— Ужасное несчастье, моя хозяйшкa, постоянно находится подъ вліяніемъ тяжбы Джорндисъ и Джорндисъ. Больше этого несчастья я и не знавала. Мало по малу онъ приучилъ себя опираться на эту гнилую тростинку, которая сообщаетъ часть своей гнилости всему, что окружаетъ Ричарда. Но я еще разъ говорю, и говорю отъ чистаго сердца, что мы должны быть терпѣливы съ бѣднымъ Рикомъ и не винить его. О, какое множество прекрасныхъ свѣжихъ сердецъ, подобныхъ сердцу Рика, я видѣлъ на своемъ вѣку измѣнившимися отъ этихъ же самыхъ причинъ.

Я не могла не выразить моего удивленія и сожалѣнія, что его великодушныя и безкорыстныя намѣренія такъ трудно исполнялись.

— Нѣтъ, моя бабушка Джорденъ, этого нельзя сказать, отвѣчалъ онъ въ веселомъ расположеніи духа. — Ада счастлива, а этого уже довольно, даже много. Я думалъ, что я и оба эти молодья созданія останемся друзьями, вмѣсто недобѣрчивыхъ враговъ, что мы будемъ бороться со всѣми неудачами этой тяжбы и окажемся довольно сильными для этой борьбы. Но ожиданія мои были слишкомъ велики. Тяжба Джорндисъ и Джорндисъ служила занавѣской колыбели Рика.

— Но скажите, опекунъ мой, можно ли надѣяться, что небольшою опытъ научить его, какой обманчивый и несчастный предметъ эта тяжба?

— Мы будемъ надѣяться, душа моя, сказалъ мистеръ Джорндисъ: — будемъ надѣяться, что опытъ научить его, когда уже бу-

доть слишкомъ поздно. Во всякомъ случаѣ мы должны быть снисходительны къ нему. Мало найдется въ настоящую минуту взрослыхъ и зрѣлыхъ молодыхъ людей, добрыхъ молодыхъ людей, которые бы, будучи заброшены судьбою въ этотъ же самый Судъ, въ качествѣ истцовъ, не перемѣнились бы въ физическомъ и моральномъ организмѣ въ теченіе трехъ-двухъ лѣтъ, въ теченіе одного года. Можно ли послѣ этого удивляться поступкамъ бѣднаго Рика? Молодой человекъ и притомъ же столь несчастный (при этомъ опекунъ мой понизилъ голосъ, какъ будто онъ вслухъ о чемъ-то размышлялъ) не повѣритъ съ перваго раза... да и кто бы могъ повѣрить?... что такое въ сущности Верховный Судъ. Онъ смотритъ на него съ какимъ-то подобострастіемъ, съ надеждою сдѣлать что-нибудь съ своими интересами и привести ихъ къ какому нибудь концу. Судъ между тѣмъ медлитъ, обманываетъ его ожиданія, пытаетъ его, мучитъ, изнашиваетъ, нитка по ниткѣ, его пылія надежды и терпѣніе; но онъ продолжаетъ смотрѣть на него съ тѣмъ же подобострастіемъ, онъ привязывается къ нему всѣмъ своимъ бытіемъ, и весь міръ становится въ его глазахъ вѣроломнымъ и фальшивымъ. Но, довольно объ этомъ, душа моя!

Во все это время онъ поддерживалъ меня одной рукой, и его нѣжность была такъ драгоценна для меня, что я склонила голову къ нему на плечо, съ такою любовью, какъ будто онъ былъ мой отецъ. Въ этой маленькой паузѣ, я въ душѣ моей рѣшила какими бы то ни было средствами повидаться съ Ричардомъ, когда силы мои совершенно возстановятся, и обратить его на путь истинный.

— Для такого радостнаго случая, какъ день выздоровленія нашей дорогой хозяйюшки, сказала мой опекунъ: — есть предметы лучше этого, о которыхъ можно поговорить съ удовольствіемъ. И мнѣ поручено спросить объ одномъ изъ нихъ. Когда Адъ можно будетъ увидѣться съ тобой, душа моя?

Я и сама думала объ этомъ и въ то же время вспомнила объ отсутствующемъ зеркалѣ, я знала, что это свиданіе непріятно бы подѣйствовало на мою милочку, даже и въ такомъ случаѣ, если бы надужность моя нисколько не измѣнилась.

— Дорогой опекунъ мой, сказала я: — такъ какъ я долго удалась отъ нея, хотя она для меня то же самое, что свѣтъ солнца...

— Я знаю это очень хорошо, бабушка Дорденъ.

Онъ былъ такъ добръ, его прикосновеніе выражало столько трогательнаго состраданія и любви, и тонъ его голоса сообщалъ моему сердцу столько отраднаго утѣшенія, что я остановилась на нѣсколько секундъ, не имѣя возможности продолжать.

— Я вижу, душа моя, ты утомилась, сказалъ онъ. — Отдохни немного.

— Такъ какъ я долго удалила Аду отъ себя, снова начала я, послѣ непродолжительнаго молчанія: — то, мнѣ кажется, я имѣю право отстранить наше свиданіе еще на нѣсколько времени. Я думаю, было бы превосходно, еслибъ до этого свиданія я уѣхала куда-нибудь. Еслибъ Чарли и я могли уѣхать куда-нибудь въ провинцію, еслибъ я могла провести тамъ недѣлю, укрѣпить на чистомъ воздухѣ свои силы и имѣть въ виду счастье снова находиться неразлучно съ Адой; мнѣ кажется, это было бы лучше для всѣхъ насъ.

Я думаю, ничего не было дурного въ моемъ желаніи привыкнуть немного къ своей измѣнившейся наружности прежде, чѣмъ я встрѣчу взоры моей неоцѣненной подруги, которую я такъ нетерпѣливо хотѣла увидать; но это была истина, я желала этого. Я увѣрена, что опекунъ мой понялъ меня, и это меня не страшило. Если бы мое желаніе было смѣшное, онъ не обратилъ бы на него ни малѣйшаго вниманія.

— Наша избалованная хозяйшка, сказалъ онъ: — хочеть поставить на своемъ даже при своей непоколебимости, хотя я знаю, это будетъ стоить многихъ и многихъ слезъ внизу. И вотъ, взгляни сюда, душа моя! Это письмо отъ Бойторна, отъ этой рыцарской души, — онъ произноситъ такіа страшныя клятвы, какія никогда еще не изливались на бумагу: если ты не пріѣдешь и не займешь его весь домъ, который онъ уже перевернулъ вверхъ дномъ собственно для этой дѣли, то онъ клянется небомъ и землей срыть его до основанія и не оставить камня на камнѣ!

И мой опекунъ передалъ мнѣ письмо. Мистеръ Бойторнъ началъ обыкновенными словами: «любезный Джордансъ», и потомъ вдругъ переходилъ въ слова: «клянусь, если миссъ Коммерсовъ не пріѣдетъ сюда и не займетъ мой домъ, который я очищаю для нея сегодня въ часъ по полудни», потомъ весьма серьезно и въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ продолжалъ изливать самыя необыкновенныя клятвы въ случаѣ несогласія на его предложеніе. Мы нисколько не оскорбили пишущаго, если отъ чистаго сердца посмѣялись надъ его посланіемъ и рѣшили тѣмъ, что на другое же утро я пошлю къ нему благодарственное письмо съ полнымъ согласіемъ на его предложеніе. Это было самое пріятное для меня предложеніе, потому что изъ всѣхъ мѣстъ, о которыхъ я думала; на одно мнѣ такъ не нравилось, какъ Чесни-Воудъ.

— Теперь, моя маленькая хозяйшка, сказалъ мой опекунъ, взглянувъ на часы:—мнѣ назначенъ внизу самый опредѣлительный срокъ

для нашего свиданія, чтобъ не утомить тебя на первый разъ, и срокъ этотъ вышелъ до послѣдней минуты. Но у меня есть еще одна маленькая просьба. Миссъ Флайтъ, услышавъ о твоей болѣзни, рѣшилась придти сюда пѣшкомъ, рѣшилась пройти двадцать миль въ бальныхъ башмачкахъ, чтобъ только узнать о твоёмъ положеніи. Слава Богу, что она застала насъ дома, а то бы пришлось бѣдняжкѣ уйти обратно тоже пѣшкомъ.

Опять старый заговоръ, чтобъ осчастливить меня! Но видимо, всё и все участвовало въ этомъ заговорѣ.

— Итакъ, моя милая баловница, сказалъ мой опекунъ: — если тебѣ не скучно удѣлать нѣсколько часовъ этому безвредному созданію, прежде чѣмъ ты спасешь домъ Бейторна отъ разрушенія, и увѣренъ, это возвысило бы ее въ ея собственныхъ глазахъ, и она осталась бы какъ нельзя болѣе довольна собою, короче: ты бы сдѣлала для нея то, чего я, несмотря на громкій свой титулъ Джардиса, не могъ сдѣлать въ теченіе всей моей жизни.

Я нисколько не сомнѣвалась, что онъ знаетъ, что въ этомъ простомъ изображеніи бѣднаго несчастнаго созданія было что-то особенное, что могло тогда послужить мнѣ легкимъ урокомъ. Я чувствовала это, когда онъ говорилъ мнѣ. Я не могла исполнѣ высказать ему, какъ пріятно мнѣ принять ее во всякое время. Я всегда жалѣла ее и никогда такъ сильно, какъ теперь. Я всегда была рада тому, что имѣла нѣкоторую возможность утѣшать ее въ ея несчастіи; но никогда я вполнину не радовалась, какъ въ этотъ день.

Мы условились во времени, когда миссъ Флайтъ должна прійти къ намъ въ дворянскіе и раздѣлить со мной мой ранній обѣдъ. Когда опекунъ мой ушелъ отъ меня, я склонилась лицомъ на подушку и молвила о прощеніи, если я, окруженная такими благодѣяніями, увеличивала въ глазахъ своихъ то маленькое испытаніе, которое предстояло мнѣ перенести. Дѣтская молитва, сохранившаяся въ памяти моей съ того дня, въ который я впервые праздновала свое рожденіе, когда я дала обѣщаніе быть трудолюбивою, добвольной, чистосердечною, дѣлать добро ближнему и, по возможности, пріобрѣтать любовь окружающихъ меня, пришла мнѣ на умъ съ нѣкоторымъ упрекомъ за все счастье, которымъ я наслаждалась, за всю любовь, которую оказывали мнѣ. Если я была еще и теперь такъ малодушна, то какую же пользу извлекла я изъ этихъ благодѣяній? Я повторила прежнюю дѣтскую молитву, повторила ее дѣтскими словами и убѣдилась, что спокойствіе, пробужденное послѣ нея въ душѣ моей, не покинуло еще ее.

Мой опекунъ приходилъ теперь ко мнѣ каждый день. Слуша еще недѣлю, я уже могла ходить по комнатамъ и держать дьявеле

разговоры съ Адою въ окно, изъ-за занавѣсей. Но я никогда не видѣла ее, я не имѣла еще столько твердости, чтобы взглянуть на ее престелство лично, хотя я и могла сдѣлать это, не бывъ увидѣна.

Въ назначенный день прѣѣхала миссъ Фляйтъ. Бѣдное созданіе! она вбѣжала въ мою комнату, совершенно забывъ о соблюденіи своего достоинства и важности, и восклицая отъ самаго чистаго сердца: «Моя милая, неопѣвнная Фицъ-Джорндисъ!» упала мнѣ на шею и цаловала меня разъ двадцать.

— Ахъ, Боже мой! сказала она, засунувъ руку въ свой ридикюль: — милая Фицъ-Джорндисъ, у меня здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ документовъ, мнѣ придется занять у васъ носовой платокъ.

Чарли подала ей платокъ, и доброе созданіе не оставило его безъ употребленія, потому что она прикладывала его къ глазамъ обѣими руками и сидѣла, проливая слезы по крайней мѣрѣ въ теченіе десяти минутъ.

— Это отъ удовольствія, моя милая Фицъ-Джорндисъ, говорила она, стараясь быть, какъ можно, болѣе опредѣлительною: — это все не отъ огорченія. Отъ удовольствія, что я вижу васъ. Отъ удовольствія, что я получила позволеніе повидаться съ вами. Я такъ люблю васъ, моя милая, такъ люблю, ну, право, больше, чѣмъ самага лорда навндера, хотя я аккуратно каждый день присутствую съ нимъ вмѣстѣ. Да кстати, моя милая, упомянувъ о носовомъ платкѣ...

Миссъ Фляйтъ взглянула при этомъ на Чарли, которая встрѣчала ее изъ дилжанса. Чарли взглянула на меня и показала видъ, что ей не хотѣлось, чтобы миссъ Фляйтъ объяснила этотъ взглядъ.

— Весьма спра-ве-дливо! сказала миссъ Фляйтъ: — весь-ма пра-виль-но. Правда! Въ высшей степени неблагоуразумно съ моей стороны упоминать объ этомъ; но моя милая Фицъ-Джорндисъ, я боюсь по временамъ (между нами будь сказано, вы бы и не подумали объ этомъ) бываю немного того... то есть удаляюсь иногда отъ предмета, сказала миссъ Фляйтъ, дотрогиваясь до лба. — Заговариваюсь. Никакъ ни больше!

— Что же вы хотѣли сказать мнѣ? улыбаясь, сказала я; мнѣ казалось, что она нимѣревалась продолжать свой разговоръ.

Миссъ Фляйтъ взглянула на Чарли, какъ будто спрашивая совѣта, что ей дѣлать въ такомъ важномъ случаѣ.

— Сдѣлайте одолженіе, Ма'мъ, сказала Чарли: — не затрудняйтесь, скажите.

И миссъ Фляйтъ осталась довольна въ высшей степени.

— Наша молодая подруга такая смышленная, сказала она мнѣ своимъ таинственнымъ образомъ: — маленькая, но о-чень смыш-

ленькая! И такъ, душа моя, это премиленькій анекдотъ. Никакъ ни больше; но все же я думаю, что это очаровательный анекдотъ. Какъ бы вы думали, моя милая, кто провожалъ насъ по дорогѣ отъ diligence? Кто, какъ не очень бѣдная особа въ весьма неблаговидной шляпкѣ...

— Это была, Дженни, миссъ, сказала Чарли.

— Точно такъ! необыкновенно пріятно выразила свое согласіе миссъ Фляйтъ. — Дженни. Да-а! И что она говорила нашей юной подругѣ? говорила, что въ хижинѣ ея была какаля-то леди подъ вуалью, спрашивала о здоровьѣ моей неощененной Фицъ-Джорндисъ и взяла себѣ на память носовой платокъ, собственно потому, что это былъ платокъ моей милой Фицъ-Джорндисъ! Какъ вы хотите, а въ этомъ поступкѣ леди подъ вуалью есть что-то привлекательное!

— Извините, миссъ, говоритъ Чарли, на которую я посмотрѣла съ нѣкоторымъ удивленіемъ: — Дженни говоритъ, что когда умеръ ея ребенокъ, такъ вы оставили этотъ платокъ у нея и что она отложила его и берегла вмѣстѣ съ другими вещами ребенка. Я полагаю, миссъ, это было сдѣлано частью потому, что онъ вашъ, а частью потому, что онъ покрывалъ ребенка.

— Маленькая, прошептала миссъ Фляйтъ, проводя пальцомъ по своему лбу множество кривыхъ линій, чтобъ выразить свое понятіе о состояніи умственныхъ способностей Чарли: — маленькая, но чрез-вы-чай-но смышленная! И такъ опредѣлительна! Душа моя, она говоритъ опредѣлительнѣе всякаго совѣтника, которыхъ мнѣ приводилось слушать!

— Да, Чарли, отвѣчала я: — я помню это. Что же дальше?

— Этотъ самый платокъ и взяла леди, сказала Чарли. — Дженни просила сказать вамъ, что она не разсталась бы съ этимъ платкомъ ни за какія сокровища, но что леди просто отняла его и взяла себѣ, оставивъ ей немного денегъ. Дженни вовсе не знаетъ этой леди, миссъ.

— Кто же она? сказала я.

— Душа моя, отвѣчала миссъ Фляйтъ съ таинственнымъ взглядомъ и приложивъ губы къ моему уху: — по моему мнѣнію, не говорите только нашей маленькой подругѣ, это жена лорда канцлера. И я знаю, что она заставляетъ его вести ужасную жизнь, такъ вотъ и швыряетъ въ каминъ всѣ бумаги милорда, если онъ не захочетъ заплатить деньги ея ювелиру!

Я не слишкомъ любопытствовала тогда узнать, кто такая была эта леди, потому что съ перваго раза начала подозрѣвать въ ней Каади. Кромѣ того почти все мое вниманіе сосредоточивалось на

моей гостье, которая озябла въ дорогѣ и казалась голодною. Когда поданъ былъ обѣдъ, она потребовала моей помощи къ приведенію въ порядокъ своего туалета. Съ величайшимъ самодовольствіемъ она надѣла самый жалкій старый шарфъ и до нельзя изношенные и часто штопанныя перчатки, которыя привезла съ собою въ бумажномъ сверткѣ. Мнѣ предстояло распорядиться обѣдомъ, состоявшимъ изъ холодной рыбы, жареной дичи, сочнаго мяса, зелени, пуддинга и мадеры. Видѣть, какъ миссъ Фляйтъ наслаждалась этимъ обѣдомъ, съ какимъ величіемъ и церемоніей она ему оказывала честь, составляло для меня такое удовольствіе, что въ скоромъ времени я больше ни о чемъ и не думала.

Обѣдъ кончился, и когда передъ нами десертъ, прикрашенный руками моей миловки, которая, кромѣ себя, никому не довѣряла приглядѣть за всѣмъ, что приготавливалось для меня, миссъ Фляйтъ была такъ словоохотлива и счастлива, что мнѣ вздумалось навести разговоръ на ея исторію, тѣмъ болѣе, что она всегда съ особеннымъ удовольствіемъ говорила о своей особѣ. Я начала тѣмъ, что сказала :

— Вы, я думаю, миссъ Фляйтъ, ужь много лѣтъ присутствуете въ засѣданіяхъ лорда канцлера ?

— О, много, много, много лѣтъ, моя милая. Но я ожидаю рѣшенія Суда въ непродолжительномъ времени.

Въ ея надеждѣ обнаруживалось какое-то душевное безпокойство, такъ-что я усумнилась, справедливо ли я поступила, коснувшись этого предмета. Я дала себѣ слово не возобновлять его.

— Мой отецъ ждалъ, сказала миссъ Фляйтъ : — мой братъ... моя сестра... всѣ они ждали рѣшенія Суда. Теперь моя очередь ждать того же самаго.

— И всѣ они...

— Да-а. Умерли, безъ сомнѣнія, душа моя, сказала она.

Такъ какъ я замѣтила, что она хотѣла продолжать этотъ разговоръ, то я старалась скорѣе развить его, нежели прекратить.

— Не благоразумнѣе ли было бы, сказала я : — не ждать болѣе этого рѣшенія ?

— А какже, моя милая, отвѣчала она проворно : — разумнѣе-ся, было бы благоразумнѣе !

— И не присутствовать больше въ Судѣ ?

— Разумнѣе-ся, сказала она. — Весьма утомительно, постоянно находиться въ ожиданіи того, что никогда не сбудется, моя милая Фицъ-Джорндисъ ! Увѣряю васъ, это утомляетъ, изнашиваетъ человека до костей !

Она потихоньку показала мнѣ свою руку, и, дѣйствительно, эта рука была страшно тонка.

— Но, моя милая, продолжала она, устремивъ на меня свой таинственный взглядъ. — Это мѣсто одарено какой-то ужасной притягательной силой. Тс! Пожалуйста не говорите нашей маленькой подругѣ, когда она войдетъ. Это можетъ испугать ее, несмотря на ее прекрасный умъ. Въ этомъ мѣстѣ есть какая-то жестокая притягательная сила. Вы не можете оставить его, и поэтому должны ждать.

Я пробовала увѣрить ее, что это не правда. Она слушала меня терпѣливо и улыбалась, но уже заранѣе была готова съ отвѣтомъ.

— Да, да, да! Вы думаете такъ, потому что я начинаю немного заговариваться. Очень глупо немного заговариваться, не правда ли? Въ головѣ дѣлается какое-то расстройство. Я это чувствую. Но, моя милая, я была тамъ въ теченіе многихъ лѣтъ и все замѣтила. Я полагаю, что всему причиной булавка и печать на красномъ столѣ.

Что же они могутъ дѣлать по ея мнѣнію? спросила я кротко и ласково.

— Притягивать, отвѣчала миссъ Фляйтъ. — Притягивать къ себѣ людей, моя милая. Вытягивать даръ имъ душевное спокойствіе, разсудокъ, пріятную наружность, прекрасныя качества. Я узнала, что они вытягиваютъ отъ меня ночной отдыхъ. Это какіе-то холодныя и блестящія демоны!

Она вѣсколько разъ подхлупала по моей рукѣ, ласково кивая головой, какъ будто хотѣла убѣдить меня, что нѣтъ никакой причины бояться ее, хотя она, довѣряя мнѣ страшныя тайны свои, говорила съ такимъ мрачнымъ и угрюмымъ видомъ.

— Позвольте, сказала она: — я вамъ расскажу мое положеніе. Прежде чѣмъ они вытянули изъ меня все, прежде чѣмъ я увидѣла ихъ, какъ вы думаете, чѣмъ я занималась? Играла на тамбуринѣ? Нѣтъ. Я занималась тамбурнымъ рукодѣльемъ. Я и моя сестра занимались тамбурнымъ рукодѣльемъ. Нашъ отецъ и братъ занимались строительнымъ искусствомъ. Мы всѣ жили вмѣстѣ, и жили, моя милая, весьма порядочно. Прежде всего начали тянуть моего отца — медленно. Вмѣстѣ съ нимъ оттянули отъ насъ домъ. Черезъ вѣсколько лѣтъ — это былъ бѣшеный угрюмый, сердитый банкротъ; никто не слышалъ отъ него ласковаго слова, никто не видѣлъ ласковаго взгляда. Онъ былъ ко всему равнодушенъ, Фицъ-Джорндисъ. Его втянули наконецъ въ долговую тюрьму. Тамъ онъ умеръ. Потомъ потянули нашего брата, очень быстро, и втянули въ царство.... въ лохмотья.... въ могилу. Потомъ потянули сестру

мощь. Та! не спрашивайте, куда! Я была тогда болшна въ самомъ жестокомъ положеніи, однако я слышала, какъ и часто слышала до этого, что всѣ эти несчастія были твореніемъ Верховнаго Суда. Съ выздоровленіемъ, я отправилась взглянуть на это чудовище. И тогда я узнала, отчего это все происходило; я сама была притянута, должна была остаться въ немъ.

Окончивъ свою коротенькую исторію, которую передавала она тихимъ, прерывающимся голосомъ, какъ будто несчастія ея жизни только теперь совершались передъ ней, она постепенно принимала на себя свой обычный важный и въ то же время пріятный видъ.

— Я вижу, моя милая, вы не вѣрите мнѣ! Хорошо, хорошо! Когда нибудь повѣрите. Я немного заговариваюсь. Но я все замѣтила. Въ теченіе многихъ лѣтъ, я видѣла множество лицъ, вовсе не подозрѣвавшихъ, какое вліяніе производитъ Верховный Судъ. Они входили туда, какъ входилъ мой отецъ, какъ входилъ мой братъ, какъ входила сестра моя, какъ входила сама я. Я слышала, какъ сладкорѣчивый Кэнджъ и другіе изъ его собратіи говорили новымъ лицамъ: «Вотъ эта маленькая миссъ Фляйтъ! О, вы еще новичекъ здѣсь: васъ непременно нужно отрекомендовать маленькой миссъ Фляйтъ!» Прекрасно. Я гордилась тѣмъ, что мнѣ оказывали такую честь! И мы всѣ смѣялись. Но, Фицъ-Джорндисъ, я знала, какія будутъ послѣдствія. Я знала это лучше всѣхъ ихъ, когда сила притяженія только что начинала дѣйствовать. Мнѣ извѣстны нѣкоторые признаки, моя милая. Я видѣла начало ихъ на Грилли, видѣла и конецъ. Фицъ-Джорндисъ, душа моя, говорила миссъ Фляйтъ, снова понизивъ голосъ: — я видѣла начало ихъ на нашемъ другѣ, воспитанникѣ Джорндиса. О, если бы кто могъ удержать его! иначе онъ неминуемо погибнетъ.

Она молча смотрѣла на меня нѣсколько секундъ, и лицо ея постепенно оживлялось улыбкой. Полагая, быть можетъ, что наводитъ страхъ своимъ угрюмымъ расположеніемъ духа и, по видимому, потерявъ связь этого разговора, она ласково сказала, хлебнувъ вина изъ рюмки:

— Да, моя милая, я жду рѣшенія Суда.... въ непродолжительномъ времени. Тогда я выпущу на волю всѣхъ моихъ птичекъ и сдѣлаю распределеніе моимъ имѣніемъ.

Глубокое произведи на меня впечатлѣніе намекъ миссъ Фляйтъ на Ричарда и грустное значеніе ея, до такой степени печально продолжаемое ея жалкой, обидливой наружностью, что оно протлѣвалось даже во всемъ ея разговорѣ. Но къ ея счастью, она снова развеселилась, безпрестанно улыбалась и кивала головой.

— Однако, моя милая, сказала она весело, наклонясь ко мнѣ, чтобы взять меня за руку: — вы еще не поздравили меня отъ устъхами моего доктора; прраво, вы еще ни разу не поздравили меня!

Я принуждена была отвѣтить, что совсѣмъ не понимаю, что она хочетъ сказать.

— Моего доктора, мистера Вудкорта, моя милая, который былъ такъ чрезвычайно внимателенъ ко мнѣ и оказывалъ мнѣ помощь безъ всякаго возмездія, ... впрочемъ, только до дня рѣшенія Суда.... то есть, до того рѣшенія, которое освободитъ меня отъ магической силы булавы и печати.

— Мистеръ Вудкортъ теперь такъ далеко отсюда, сказала я: — что, мнѣ кажется, миссъ Флайтъ, время для такого поздравленія давно миновало.

— Но, дитя мое, отвѣчала она: — неужели вы не знаете, что случилось?

— Нѣтъ, сказала я.

— И никто не говорилъ вамъ, неоцѣненная моя Фицъ-Джорндисъ?

— Нѣтъ, отвѣчала я. — Вы забыли, какъ давно я никого не видѣла.

— Правда! Дайте мнѣ минутку подумать.... правда. Я сама виновата. Но вы знаете, вѣдь изъ меня вытянули всю память, какъ и все другое. Весьма сильное вліяніе, не правда ли? Такъ вотъ что, моя милая, гдѣ-то въ остъ-индскихъ моряхъ произошло страшное кораблекрушеніе.

— Мистеръ Вудкортъ утонулъ?

— Не пугайтесь, моя милая. Онъ не утонулъ. Ужасная сцена. Смерть во всѣхъ ея видахъ. Сотни мертвыхъ и умирающихъ. Громъ, молнія, буря и мракъ. Множество утонувшихъ выброшено на скалу. Вотъ тамъ-то, и среди этой сцены, дорогой мой докторъ показалъ себя истиннымъ героемъ. Спокойный и непоколебимый рѣшительно вездѣ и во всемъ, спасъ многимъ жизнь, не зналъ ни голоду, ни жажды, одѣвалъ нагихъ въ свое лишнее платье, взял на себя начальство надъ ними, училъ ихъ, что нужно дѣлать, управлялъ ими, лечилъ больныхъ, хоронилъ мертвыхъ и, наконецъ, благополучно привезъ ихъ въ безопасное мѣсто. Душа моя Фицъ-Джорндисъ, несчастные страдальцы только что не боготворили его. Когда онъ высадилъ ихъ на берегъ, они пали передъ нимъ на колѣни и благословляли его. Вся Британія говоритъ объ этомъ. Позвольте, позвольте! Гдѣ мой ридикюль съ документами? Вотъ у меня здѣсь описаніе, вы должны прочесть его, непременно должны!

И я прочитала до послѣдняго слова описаніе этого благороднаго подвига; хотя очень медленно и несвязно, потому что глаза мои были еще такъ слабы, что я съ трудомъ разбирала слова, и я такъ много плакала, что нѣсколько разъ принуждена была отрывать отъ длиннаго описанія, которое миссъ Фляйтъ нарочно вырѣзала изъ газеты. Я до такой степени радовалась, что лично знала человека, совершившаго такой великодушный и доблестный подвигъ; и была въ такомъ восторгѣ отъ его славы; я такъ восхищалась и такъ плакала всѣмъ, что онъ сдѣлалъ, что я завидовала избитымъ бурей страдальцамъ, которые падали передъ нимъ на колѣни и благословляли его, какъ своего спасителя. Восхищаясь его мужествомъ и благородствомъ, я мысленно переносилась въ тѣ отдаленныя страны, падала ницъ передъ нимъ и благословляла его. Я чувствовала, что никто — ни мать, ни сестра, ни жена не могли бы уважать его болѣе, чѣмъ я. Да, дѣйствительно, я уважала его, я восхищалась имъ!

Моя бѣдная маленькая гостыя подарила мнѣ это описаніе, и когда, съ наступленіемъ вечера, она встала проститься со мною, опасаясь опоздать къ дилижансу, на которомъ предстояло ей совершить обратный путь, мысли ея все еще были заняты кораблекрушеніемъ, но я была такъ взволнована, что, при всемъ желаніи, не могла выкинуть во всѣ его подробности.

— Душа моя, сказала она, тщательно завертывая въ бумажку шарфъ и перчатки: — мой храбрый докторъ непременно долженъ получить дворянскій титулъ. И, безъ сомнѣнія, онъ получитъ. Въдъ вы того же мнѣнія?

Что онъ вполне заслуживалъ титулъ — это правда. Что онъ бы получилъ его — это нѣтъ.

— Почему же нѣтъ, Фицъ-Джорджисъ? спросила она довольно рѣзко.

Я отвѣчала, что въ Англіи не принято награждать титулами людей, отличившихъ себя мирными заслугами, какъ бы ни были велики и полезны эти заслуги, развѣ только, когда они заключаются въ накопленіи огромныхъ капиталовъ.

— Ахъ, Боже мой, сказала миссъ Фляйтъ: — возможно ли такъ говорить? Вѣроятно, вамъ извѣстно, моя милая, что всѣ замѣчательные люди, украшающіе Англію по части наукъ, искусствъ, человеколюбія и всякаго рода усовершенствованій, причисляются къ ея дворянству! Оглянитесь кругомъ, моя милая, и подумайте! Вы должно быть того, моя милая... немножко заговариваетесь, если не знаете, что это есть самая главная причина, почему дворянское достоинство всегда поддерживается въ государствѣ!

Я боялась, что она не была унесена въ своихъ словахъ; потому что выпадали минуты, когда она казалась вполне сумасшедшей.

Наполеонъ я должна разстаться съ маленькой тайной, которую такъ долго старалась сохранить. Иногда я думала, что мистеръ Буджортъ любилъ меня; и что если бы онъ былъ богаче, то, быть можетъ, признался бы мнѣ въ любви до своего отъѣзда. Иногда я думала, что если бы онъ сдѣлалъ это, я была бы рада. Но нынѣ безпредѣльно радовалась я теперь, что этого не случилось! Какія бы страданія перенесла я, если бы мнѣ пришлось вступить къ нему, и объявить, что бѣдное личико, которое нравилось ему, навсегда покинуло меня, и что я вполне освобождала его отъ священнаго обязательства, которую онъ никогда не видывалъ!

О, какъ хорошо, что отношенія наши другъ къ другу не измѣнились сколько! Безъ угрызенія совѣсти, безъ душевныхъ страданій я смѣло могла хранить въ сердцѣ своемъ мою дѣтскую молитву, быть тѣмъ, чѣмъ онъ оказалъ себя, и сказать себѣ такимъ блестящимъ образомъ; мнѣ ничего не предстояло переслывать; мнѣ никакой дѣлѣ не предстояло разрывать, а ему вѣнчать; я, благодаря Бога, могла идти по своей охромной тростѣ, а онъ по своей бѣлѣ благородной и большой дорогѣ; и хотя мы пошли бы совершенно разными путями, но я могла надѣяться встрѣтиться съ нимъ повидно, безъ самолюбія, словомъ сказать, лучше, чѣмъ онъ предполагалъ бы встрѣтить меня при концѣ нашей дороги.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ПОСЛѢДНЯГО ВЛАДЫКИ ЧЕРНОГОРИИ

И ПОСЛѢДОВАВШИЯ ЗА ТѢМЪ СОБЫТІЯ.

Мы взошли на Ловчинъ. Громкій говоръ и безпрестанные выстрѣлы смолкли. Всѣ обратились къ Цѣтинскому монастырю, который лежалъ впереди насъ, глубоко въ долину, и перекрестились.... Такъ было и прежде, пятнадцать лѣтъ тому назадъ! Отчего же не тѣ чувства волновали меня, не тѣ мысли тѣснились въ головѣ моей, не такъ билось сердце? А Черногорія все та же лежала передо мной, какъ остывшее въ минуту гнѣва, взволнованное море; только видъ ея на этотъ разъ былъ особенно суровъ, угрожающій; занесенная снѣгомъ, она была безмолвна, какъ будто смерть пронеслась по ней и прикрыла ее своимъ саваномъ. Вершина Ловчина висѣла мрачною, недоступною надъ этою громадою разбитыхъ, разбросанныхъ, наваленныхъ въ безпорядкѣ одна на другую горъ, а самое Скутарское озеро, такое живописное, такъ привѣтно улыбавшееся прежде среди зеленыхъ береговъ и въ семьѣ своихъ цвѣтущихъ острововъ, теперь вырѣзывалось на горизонтѣ холодною сабельной полосой, нѣсколько приподнятой къ сторонѣ Черногоріи. Вдали подымалось изъ массы снѣговъ какое-то черное пятно, словно воронье гнѣздо на голой скалѣ — то Жаблякъ!...

Та ли эта Черногорія, которую я видѣлъ прежде! А между тѣмъ сколько дикой прелести, сколько величія въ этомъ быстромъ переходѣ отъ цвѣтущаго зеленѣющаго поморья, отъ атмосферы, наитанной благоуханіемъ, отъ шума и движенія къ этой мрачной природѣ, къ этой неподвижности, тишинѣ, суровости, грозѣ... Отчего же эта картина тяготитъ мою душу? Отчего изнеможенное тѣло проситъ покоя? Бывало прежде карабкались мы на Довчинъ пѣшкомъ по камнямъ и утесамъ, на которыхъ только время, да *оланокъ* черногорца проложили слѣдъ, — и ничего! Шумно и весело шли мы впередъ, а теперь ѣхали верхомъ по прекрасной дорогѣ, устроенной австрійцами до новой своей границы, а потомъ по весьма порядочной тропѣ, проложенной покойнымъ владыкой. Что же причиною такого настроенія духа? Кто, въ самомъ дѣлѣ, такъ измѣнился — Черногорія или я?

Довчинъ, Довчинъ! Давно ли ты блеснулъ для меня такъ привѣтливо своєю снѣжною, поднимающеюся изъ яркой зелени вершиной? давно ли я называлъ тебя своею путеводною звѣздою, расточалъ передъ тобою самыя шѣжные эпитеты, лелѣлъ въ своемъ воображеніи? а теперь! теперь съ тобою соединена для меня одна мысль, мысль скорбная о томъ, который заранѣе приготовилъ для себя могилу на твоей недоступной вершинѣ. О, такъ высоко, какъ гордо стремится къ небу эта вершина, такъ стремилась туда же *его* могучая, жаждавшая воли и простора душа. Теперь, прежде всего, искалъ я взоромъ небольшой часовни, которую едва можно было отличить изъ-за сугробовъ снѣговъ, и которая предназначалась для того, чтобы осѣнить прахъ ея строителя — владыки.

По прежнему мы позавтракали на полудорогѣ. Было холодно. Дорога становилась хуже и хуже. Мы шли по колѣно въ рыхломъ снѣгу, по узкой тропѣ, съ которой то и дѣло сбивались въ заметы снѣгу; пытались было перетянуть лошадей до Цѣтлева, но не было никакой возможности и мы разбросали ихъ на пути, поручивъ черногорцамъ увести назадъ. По обыкновенію, зашли мы къ Томѣ Петровичу Нѣгочу, отцу покойнаго владыки и дѣду нынѣшняго князя. Старикъ не измѣнился. Ему было около ста лѣтъ, но также прямо, бодро держался онъ, также привѣтливо, ласково встрѣтилъ насъ, но не веселъ былъ старикъ и слезы не разъ навертывались на глаза его, когда вспоминалъ онъ о покойномъ владыкѣ, а вспоминалъ о немъ часто, зная, что я любилъ его искренно, или когда говорилъ о настоящей войнѣ съ Турціей, а черногорцу нельзя было не говорить о ней, потому что ранѣе, нанесенныя ею, были слишкомъ чувствительны для каждаго. Ея жена тоже часто плакала, и

все кругомъ было печалью, пусто, какъ будто кто-то не дождался. Владыка Томъ потерялъ въ прошломъ году еще одного сына, отца князя Даміана, и ему остается только сынъ Перо, президентъ сената. А сколько внуковъ, братьевъ, племянниковъ потерялъ онъ! этого я думаю ни Томъ, ни жена его не помнятъ. Подъ однимъ Граховымъ едва ли не шесть человѣкъ погибло изъ семьи его.

Послѣ восьми часовъ пути, мы наконецъ достигли цѣтинской долины; изъ-за горъ показалась сторожевая башенка, униженная, какъ бисеромъ, турецкими головами, — значить все по старому; но на этотъ разъ турецкія головы, торчація не тамъ, гдѣ бы имъ должно было торчать, т. е. не на человѣческихъ плечахъ, произвели на меня тяжелое впечатлѣніе. Какъ хороша была цѣтинская долина нѣкогда, въ лунную, благоуханную ночь, когда, бродя по ней и увлекаясь разговоромъ, мы забывали поздній часъ ночи; теперь она безжизненна, холодна. Монастырское зданіе почернѣло; новый домъ, гдѣ помѣщался сначала владыка, а потомъ князь и сенатъ, этотъ домъ, начатый при мнѣ, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, возвышался на равнинѣ, заслоняя дальній горизонтъ; прибавилось еще нѣсколько зданій; вообще равнина утратила свой прежній удивительный, монастырскій видъ. Какъ бывало и прежде, мы отъ правились прямо въ церковь: также сыра и ветха была она и илѣсенъ и паутина застилали рамы, приготовленные издавна для образовъ; во въ маленькой церкви негдѣ было повернуться за гробами. Прежде покоились здѣсь только мощи святопочившаго Петра, теперь, по вѣзтін турками Острога, перенесли сюда же мощи св. Василія, а въ углу, у входа, все еще стоялъ гробъ покойнаго владыки, какъ бы ожидая, чтобы его переместили на высоты Ловчина, какъ завѣщала умершій.

Изъ церкви отъ правились мы въ монастырь: двѣ комнаты; гдѣ помѣщался нѣкогда покойный владыка, почти не потерпѣли никакого измѣненія: въ нихъ жилъ двоюродный братъ его Егоръ Савичъ; только лверь, которая вела въ мою комнату, была задѣлана: тамъ живетъ теперь монахъ. Усталый, изнеможенный, взволнованный различными ощущеніями, которыя окружали, тѣснили меня отовсюду, я отправился въ новый домъ, въ свое новое жилище.

Когда посѣтилъ я Цѣтний въ прошломъ году, вскорѣ послѣ смерти покойнаго владыки, я собралъ было матеріалы для описанія его жизни, но впечатлѣніе, произведенное его смертью, было слишкомъ живо, и не во мнѣ одномъ, въ каждомъ черногорцѣ, который рассказывалъ о немъ. Последующія событія потрясли всю Черногорию, отчасти помѣщая въ ней прежній порядокъ вещей, хотя

источникъ ихъ остался тотъ же, и потому, принявшійся описывать настоящія дѣла Черногоріи, я необходимо долженъ былъ обратиться къ нему и изложить исторію предшествовавшаго правленія, жизнь покойнаго владыки. Постараюсь быть искреннимъ и не поддаваться личному увлеченію.

Владыка Петръ II родился 1813 года ноября 1 дня, «въ день св. цѣлителей», какъ будто сама судьба опредѣляла его быть цѣлителемъ Черногоріи», какъ выразился краснорѣчивый проповѣдникъ, провзнесшій въ Вѣнѣ слово въ память покойнаго. Предшественникъ, и дядя его, столь славный въ исторіи войнъ съ Франціей и Турціей, святопочившій Петръ имѣлъ трехъ братьевъ — старшаго Стефана, и младшихъ Савву и Тому; каждый изъ нихъ имѣлъ сыновей и святопочившій сначала назначилъ было преемникомъ послѣ себя Дмитрія, сына Стефана, послѣ его смерти Георгія, сына Саввы, и наконецъ, когда тотъ остался въ военной службѣ въ Россіи, Радо, сына Томи, который, при постриженіи въ монашескій санъ, названъ Петромъ.

Странное, достойное изученія положеніе Черногоріи было въ послѣдніе годы жизни святопочившаго владыки. Продолжительное его правленіе ознаменовано битвами, составляющими цѣлую эпоху подвиговъ геройскихъ, почти баснословныхъ. Съ горстью людей (Бердь уже въ послѣдствіи его правленія была присоединена къ Черногоріи) онъ одержалъ побѣды надъ Бушатліемъ, начальствовавшимъ 30,000 турецкаго войска, надъ Кекал-Визиремъ, у котораго было 40,000, надъ 60,000 подъ начальствомъ Арсланъ-пашы, надъ Ахметъ-пашей, у котораго также было 60,000, и, наконецъ, неслыханную до того побѣду въ 1768 году надъ великимъ визиремъ, утвердившую независимость Черногоріи. Эта послѣдняя война, въ которой, какъ говорятъ, было слишкомъ 100,000 турокъ, между тѣмъ какъ вся сражавшаяся противъ нихъ Черногорія и Бердь едва могла выставить 12,000 войска, доказала, какихъ чудесъ можно достигнуть съ людьми, спасающими свою независимость и религію. Замѣчательно, что святопочившій владыка, несмотря на непрерывныя войны съ турками, на всѣ битвы съ французами на берегахъ Катарскаго поморья и Рагузы, не проигралъ ни одного сраженія, гдѣ участвовалъ самъ лично. Но постоянныя битвы отучили черногорцевъ отъ жизни мирной, уничтожили всякую гражданственность въ краѣ, а рядъ побѣдъ сдѣлалъ ихъ самонадѣянными и гордыми; малѣйшее оскорбленіе требовало мести; трудъ сдѣлался для нихъ невыносимъ; работали одѣ женщины; мужчины четой добывали себѣ необходимое. Кровопролитіе достигло крайнихъ предѣловъ, ина

семья черногорца считала до шести-семи головъ долгу на другой и только думала о томъ , какъ бы выручить свой долгъ , иначе насмѣшки и оскорбленія преслѣдовали ее повсюду. Черногорія постоянно представляла изъ себя зрѣлище военного лагеря. Кровь лилась не только на границахъ , но и внутри ея.

Святопочившій видѣлъ это положеніе дѣлъ , но тщетно силится измѣнить его ; проклятіе его было страшно для виновныхъ : это былъ для нихъ приговоръ самой судьбы ; но добрый владыка прибѣгалъ къ нему только въ крайнихъ случаяхъ. Онъ тяжело скорбѣлъ о своемъ народѣ и не удовольствовался тѣмъ , что оставилъ завѣщаніе , въ которомъ умолялъ черногорцевъ поклясться у его гроба не мстить другъ другу по крайней мѣрѣ до Юрьева дня , но , чувствуя приближеніе смертнаго часа , позвалъ тѣхъ , которые были въ монастырѣ , и молилъ ихъ , увѣщевалъ , страдалъ страшнымъ судомъ исполнить послѣднюю волю его. Старшины общали ему. Въ это время , конечно , они не думали о томъ , будутъ ли въ состояніи исполнить свое обѣщаніе , но только желали успокоить послѣднія минуты отходящаго въ другую жизнь. Рыданія заглушали ихъ слова. Святопочившій померъ , наставляя и поучая народъ свой и утѣшаясь мыслью , что кровь черногорцевъ , которыхъ такъ горячо любилъ онъ , не будетъ проливаться по крайней мѣрѣ у его свѣжей могилы.

На другой день собрался весь народъ. Черногорцы сильно возстали противъ тяжелаго для нихъ запрета кровомщенія ; но старшинамъ удалось наконецъ убѣдить ихъ покориться послѣдней волѣ того , котораго память не далѣе какъ черезъ годъ они такъ высоко почтили.

При такихъ обстоятельствахъ семнадцати-лѣтній юноша , Радо Петровичъ Нѣгошъ , былъ постриженъ подъ именемъ Петра въ монахи , потомъ въ архимандриты и принялъ бразды правленія народомъ черногорскимъ. Самое постриженіе его сопровождалось таинственностью , столь соотвѣтствовавшей постоянно повтическому настроенію духа его. У Скардскаго озера на высококомъ утесѣ , называемомъ Комъ , окруженномъ водою , на границѣ турецкихъ владѣній стоитъ въ чащѣ лѣса древняя церковь ; тутъ нѣтъ ни священника , ни даже сторожа ; одна одиноконька возвышается она изъ-за деревьевъ , далеко отъ жилья , но тѣмъ не менѣе не только христіане , турки чтутъ ея святыню ; никто не смѣетъ сломать прутика съ дерева , растущаго возлѣ нея ; никто не можетъ унести съ собою яблока , которыхъ тутъ бываетъ очень много , иначе ему не выйдти изъ чащи. Сюда , ночью , рѣшился пріѣхать епископъ призрянскій и тайкомъ посвятить владыку.

Чтобы овладеть съ такимъ народомъ, какъ черногорцы, и при подобныхъ условіяхъ, ему необходимо нужно было сосредоточить всю власть въ своихъ рукахъ и подчинить народъ законамъ, которые изданы были еще въ 1796 году (6 августа) святопочившимъ Петромъ, но оставались въ бездѣйствіи. Онъ уничтожилъ званіе губернатора и самое лицо, облеченное этою властью (радошича) и иротиводѣйствовавшее его рѣшительнымъ мѣрамъ, удалилъ со всѣмъ семействомъ изъ Черногоріи; основалъ сенатъ для приведенія въ исполненіе законовъ, избравъ сенаторовъ изъ всѣхъ нахій, какъ представителей интересовъ каждой изъ нихъ, и учредилъ небольшой, постоянный отрядъ *перениковъ* изъ 40 человекъ, приводившихъ въ исполненіе рѣшеніе сената и волю владыки. Переники и сенаторы получали отъ него содержаніе. Кроме того, онъ поставилъ въ каждой нахій по нѣскольку человекъ, въ родѣ мѣстной полиціи, подъ названіемъ *шардіи*, которая содержалась на счетъ нахій и была подчинена старшинамъ или каштанамъ нахій. Званіе бердарей и воеводъ нахій было оставлено по прежнему, но люди, носившіе это званіе, были въ Цѣтвнѣ, въ сенатѣ, а если и оставались на мѣстѣ, то уже не пользовались тою неограниченною властью въ нахій, какой пользовались прежде: они должны были повиноваться рѣшенію сената и закону, который каралъ кровомщеніе наравнѣ съ убійствомъ, а чету въ границахъ Черногоріи какъ обыкновенное воровство.

Изъ предшествовавшаго краткаго очерка событій легко себѣ представить, какъ трудно было владыкѣ Петру II достигнуть своей цѣли. Многие упрекаютъ его въ средствахъ, несоотвѣтъ законныхъ, которыя употреблялъ онъ для того, чтобы отыскать и наказать нарушителей общественнаго порядка, но не должно забывать, какъ легко въ Черногоріи преступнику избѣжать преслѣдованія закона: ему стоитъ только перейти границу турецкую, и онъ свободенъ; турки съ радостью принимаютъ всякаго бѣглеца; но владыка силою подкуповъ и обѣщаній всюду преслѣдовалъ его, и часто въ домѣ самаго пашы каралъ извѣстнаго ножемъ или ядомъ подкупленнаго бандита — средство, конечно, нечистое, но оно внушало суевѣрный страхъ въ черногорцахъ, которые, наконецъ, убѣдились, что приговоръ владыки повсюду наступаетъ виновнаго, такъ же точно, какъ въ прежнес время, всякій черногорецъ былъ убѣжденъ, что проклятiе святопочившаго Петра непременно разразится надъ нимъ гибелью, и вѣрдно; чтобы избавиться отъ тяжкаго ожиданія или терзаній неизвѣстной смерти, черногорецъ пускалъ себѣ пулю въ лобъ и тѣмъ усноралъ приговоръ самой судьбы. Владыка Петръ II, какъ могъ, расчелъ долги крови, которые возросли до огромнаго

числа головъ ; иная признавала удовлетворить деньгами , другіе покончили зачетомъ и т. д. При немъ, хотя не безъ нѣкотораго страха, однако довольно безопасно могли ходить самые воеводы, обремененные долгами головъ, въ другія деревни, и женщины однѣ, съ пошею драгоцѣнностей, если бы таковыя водились въ Черногоріи, безопасно могли пройти по всей Черногоріи.

Можетъ быть, спросить, отчего святоточившій Петръ, любившій Черногорію конечно не меньше своего преемника, обладавшій обширнымъ умомъ, твердостью воли несокрушимую, храбростью, прославившею имя его въ Европѣ, отчего онъ не могъ добиться до подобнаго положенія Черногоріи, къ чему такъ пламенно стремился въ теченіе всей жизни ? Во первыхъ, дѣла въ Черногоріи и во всей Европѣ не давали никому покоя ; не было мѣста , не было времени думать о порядкѣ, о гражданственности ; все, что онъ могъ сдѣлать, образовать и глубоко развить воинственный духъ своего народа ; онъ это сдѣлалъ. Во вторыхъ, святоточившій не имѣлъ тѣхъ денежныхъ средствъ, которыя дали его преемнику возможность учредить судъ и постоянную стражу. Сенаторы и переники, получая отъ него плату, отъ него и зависѣли и находились внѣ всякихъ нуждъ, внѣ требованій и условій народа, точные и вѣрные исполнители своего владыки и повелителя, который глубоко сознавалъ важность этихъ средствъ и былъ всю жизнь свою, при всѣхъ условіяхъ ея, благодаренъ тому, кто даровалъ эти средства, кто былъ вторымъ провидѣніемъ для Черногоріи и ревностно помогалъ къ развитію гражданственности, мало по малу проникнувшей наконецъ въ недоступныя и дикія горы. Покойный владыка могъ вполне примѣнить слова, которыя онъ вложилъ въ уста Стефана-малаго.

•Ніе стыдво похвалит'се право,
Я учинихъ, што нико не мога.
Одъ надъ ове горе поникоме. • (стр. 26)

Личность владыки, въ какую бы среду ни была поставлена она, въ какомъ бы обществѣ ни находилась, вездѣ была бы замѣчена, всегда оставила бы по себѣ слѣдъ ; но въ Черногоріи она рѣзко выдавалась изъ-за дикихъ сыновъ ея. Прекрасной наружности, роста очень высокаго даже между черногорцами, съ выраженіемъ умнымъ, глазами болѣе задумчивыми, чѣмъ блестящими, онъ имѣлъ манеры чрезвычайно пріятныя, ничего неровнаго, рѣзкаго, угловатаго въ обращеніи. Владыка привизывалъ къ себѣ съ перваго знакомства; но кто зналъ его ближе, тотъ не могъ не привизваться къ нему всею душою. Святоточившій определялъ къ нему вставщиковъ чествоваки ученаго, философа Милогачевича, но неупа-

не легко дается натурамъ свободнымъ , развернувшимся въ Черногоріи , на волнномъ воздухѣ , при звукѣ оружія , при громѣ выстрѣловъ , при чудесныхъ подвигахъ ; физика развивается на счетъ нравственныхъ силъ . Владыка родился поэтомъ ; изученіе своего родного языка и народныхъ преданій подготовило у него заранѣе богатые средства къ занятіямъ литературнымъ . Всѣ прочія познанія приобрѣлъ онъ тогда , когда уже былъ правителемъ , когда былъ обремененъ дѣлами въ теченіе дня и только у ночи заимствовалъ время для ученія .

Владыка былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ людей нашего времени . Кромѣ своего родного языка , онъ прекрасно говорилъ и писалъ по французски и по русски , говорилъ по италіански и нѣсколько по нѣмецки . Онъ много читалъ , особенно изучалъ исторію . Стремясь возродить порядокъ и гражданственность въ своей странѣ , онъ необходимо долженъ былъ заботиться и объ образованіи ея , — онъ , который столько трудился надъ собственнымъ образованіемъ ! Владыка учредилъ въ Цѣтинѣ школу и типографію , выписавъ изъ Россіи типографскій станокъ и мастера , который могъ управлять имъ . Увы ! этимъ благимъ предпріятіямъ не суждено было созрѣть , и тѣмъ грустнѣе вспомнить объ этомъ , что самъ онъ разрушилъ свои начинанія .

Въ первый разъ я пріѣхалъ въ Черногорію въ самую пору дѣятельности покойнаго владыки , когда Черногорія начала уже признавать всю пользу преобразованій и постигла наконецъ , хотя темно , что самый миръ , тишина и благоразумный трудъ имѣютъ своего рода прелести . Матери семейства не оплакивали безпрестанно погибшихъ въ бою сыновей своихъ ; черногорцы свободно проходили для занятій по всей землѣ , необязанные стоять , съ заряженнымъ ружьемъ , на сторожѣ своихъ домовъ . Правда , грустно имъ было умирать не такъ , какъ умирали ихъ отцы и дѣды — въ кровавомъ бою , минутной смертью , но на постелѣ , въ борьбѣ со страданіями болѣзни , иногда продолжительной , для перенесенія которой у нихъ не хватало твердости , терпѣнія ; но жизнь всегда имѣетъ какую нибудь цѣну и разставаться съ нею жалко , а потому все-таки лучше страдать , чѣмъ умереть , думаютъ нѣкоторые и подчиняются ударамъ судьбы .

Никогда не забуду я радости владыки , когда онъ увидѣлъ впервые напечатанными свои стихотворенія , въ своей цѣтинской типографіи ! Онъ мечталъ о временахъ Ивана Бегова Червоевичъ ! Секретарь его Милаковичъ , образованный сербъ , трудился надъ составленіемъ обширной сравнительной грамматики славянскихъ язы-

ковъ, въ примѣненіи къ сербскому языку, а владыка дѣятельно помогалъ ему своимъ совѣтомъ; между тѣмъ печатались приготовительные курсы для школы.

Владыка, предаваясь наукамъ, съ тѣмъ вмѣстѣ употреблялъ всѣ усилія устроить въ самой Черногоріи выдѣлку пороха, отъ недостатка въ которомъ она такъ часто страдала, и наконецъ таки достигъ этого. Онъ строилъ кулы, небольшія укрѣпленія на границахъ; заботился о водохранилищахъ, потому что нѣкоторыя мѣста чрезвычайно нуждались въ водѣ и обладаніе ею нерѣдко составляло предметъ ссоръ и битвъ въ Черногоріи. Счастлирое то было время!

Черногорія отдыхала при немъ. Конечно, и въ его время было не безъ битвъ, но что онѣ значатъ въ сравненіи съ прежними. Главнѣйшія военныя дѣйствія владыки относятся къ первымъ годамъ его правленія, когда духъ дѣятельности и славы кипѣлъ въ немъ, когда жажда мятежной жизни еще не оставила черногорцевъ. Такимъ образомъ, на другой годъ послѣ смерти святопочившаго владыки, въ 1831 году, когда пріѣхалъ изъ Россіи Вукотичъ, родомъ черногорецъ, и привезъ деньги, на которыя можно было заготовить порохомъ, черногорцы встрепенулись; Вукотичъ, сдѣланный предсѣдателемъ въ новоучрежденномъ сенатѣ, повелъ ихъ къ Подгорицѣ и завладѣлъ Зетою, которая во времена Черноевичъ составляла часть Черногоріи и теперь служитъ предметомъ пламенныхъ желаній черногорцевъ; но въ 1832 году турки съ большими силами напали на черногорцевъ и самъ Вукотичъ погибъ бы или попалъ въ плѣнъ, если бы покойный владыка, бывшій въ то время еще архимандритомъ, не поспѣлъ во время на помощь и не спасъ его. Черногорцы принуждены были оставить Зету.

Въ слѣдующемъ году турки ударили на Мартыничѣ: ошибка эта замѣчательна тѣмъ, что въ ней въ первый разъ участвовалъ турецкій низамъ въ Черногоріи; тутъ было до трехъ тысячъ чедовѣкъ, которые наголову были разбиты храбрыми мартыничанами. Но черногорцы увидѣли, однако, что въ низамѣ возстаетъ для нихъ новый врагъ! Правда, вновь образованное войско дерется гораздо хуже, нежели нерегулярныя войска, Готи, Мартиди и др., но зато оно стоитъ крѣпче, упорнѣе, разбитое на одномъ мѣстѣ, соединяется по волѣ своихъ начальниковъ въ другомъ, и война не перестаетъ, истощая скудный запасъ пороха у черногорцевъ и удерживая ихъ самихъ въ полѣ, вѣя своего дома, между тѣмъ какъ поля ихъ остаются необработанными, и другой врагъ, сильнѣе турокъ, голодъ, въ свою очередь готовъ ударить на нихъ.

Всёбде 1832 годъ грозилъ войною для Черногоріи и войной отчаянной : на границахъ ея явился Магометъ-Решидъ-паша , который, побѣдивъ Мустафу-пашу скутарскаго, возмущавшагося противъ своего законнаго иравительства, рѣшился со всѣми своими силами вступить въ борьбу съ Черногоріей. Постигая всю невѣрность подобной битвы, онъ попытался вступить въ переговоры и послалъ къ владыкѣ своего бимъ-башу. Владыка выѣхалъ къ нему въ Салковину, которая лежитъ почти у стѣнъ Жабляка. Предложеніе паши состояло въ томъ, чтобы Черногорія поддалась Турціи на тѣхъ правахъ, на какихъ ей подчинена Сербія, въ замѣнъ чего Турція съ своей стороны обязывалась признать владыку княземъ и иравителемъ Черногоріи, и въ случаѣ нужды помогать ему войскомъ и пушками. Владыка отвѣчалъ положительно:

— Черногорія, говорилъ онъ: — страна независимая, никогда туркамъ не подчинялась и, пока будетъ существовать хотя горсть народа, она останется независимой. Черногорцы дерутся около четырехъ вѣковъ съ турками, и вражда эта такъ далеко зашла, что имъ трудно будетъ ужиться между собою.

Бимъ-баша, оскорбленный отвѣтомъ, спросилъ владыку, далеко ли отсюда до Цѣтима? Владыка, ностоянно хладнокровный, отвѣчалъ:

— Какъ для кого? Пріятель дойдетъ въ шесть часовъ, а неаріятель, можетъ быть, и никогда не дойдетъ.

Послѣ этого объясненія, Решидъ-паша сталъ было готовиться къ вторженію въ Черногорію, но былъ отозванъ къ другой болѣе важной войнѣ противъ Магометъ-Али, и исполненіе замысловъ на Черногорію было отложено до болѣе удобнаго времени.

Разумѣется, черногорцамъ не легко было разстаться съ своею, исполненною страстей и опасностей, жизнью, и время отъ времени они принимались таки за оружіе, но это было, какъ я уже замѣтилъ, мѣстныя стычки, а не поголовный бой. Такимъ образомъ, однажды, въ осеннюю ночь, въ 1833 году, они забрались въ турецкую крѣпость Служъ и стащили оттуда огромную пушку. Это было дѣло Вида Бошковича и Мирчети Меленковича, съ нѣсколькими черногорцами, воспѣтое въ прекрасныхъ стихахъ покойнымъ владыкой. Въ 1835 году въ мартѣ мѣсяцѣ горсть черногорцевъ овладѣла Жаблякомъ и потомъ въ теченіи нѣсколькихъ дней отстаивала его противъ трехъ тысячъ турокъ и отдала его потомъ добровольно, какъ «царскую собственность», забравъ, однако, пушки и овладѣвъ салковинскими полями, которыя черногорцы считали давнею своею собственностью.

Граховское племя, находящееся на границах Черногоріи, Турціи и Австріи, состояло всегда под покровительствомъ Черногоріи. Первоначально населено оно было черногорцами и даже предками владыки Нjegoша. Вѣстѣ съ нимъ оно дралось противъ турокъ и французовъ, под начальствомъ храбраго адмирала Сенявина. Воеводы Грахова состояли въ ближайшихъ родственныхъ связяхъ съ черногорцами. Грахово чаще Черногоріи было подвержено наѣздамъ турокъ, потому что послѣдніе не переставали изъяснять на нее свои права. Такимъ образомъ, въ 1636 году вѣнгеръ герцеговинскій Али-паша отправилъ сильный отрядъ, подъ предводительствомъ Аги-Чангича, чтобы совершенно покорить Грахово; Чангичъ напалъ врасплохъ и, завладѣвъ большою частью Грахова, предалъ его огню; оставался одинъ домъ воеводы Якова Дасовича, извѣстнаго отчаянною храбростію въ Босніи, Герцеговинѣ и Черногоріи; воевода заперся въ немъ съ горстью людей и въ теченіи нѣсколькихъ дней отстрѣливался отъ всей турецкой силы; его братъ и нѣсколько храбрыхъ сподвижниковъ были убиты, но, несмотря на всѣ угрозы турокъ, онъ не сдался, пока, наконецъ, не подошли къ нему на помощь черногорцы и не прогнали турокъ. Нѣсколько молодыхъ чело-вѣкъ, увлеченныхъ жаромъ битвы, преслѣдовали бѣглецовъ даже въ границахъ турецкихъ; Чангичъ замѣтилъ, что черногорцевъ не было и пятидесяти чело-вѣкъ, остановился и окружилъ ихъ; черногорцы принуждены были прокладывать себѣ путь черезъ всѣ его силы. Тутъ погибъ родной братъ владыки, прекрасный четырнадцати-лѣтній мальчикъ, и племянникъ.

Битвы граховяны съ турками не прекращались. Граховяне, за-сѣвая поля свои, никогда не были увѣрены, что имъ придется собирать жатву, и потому большая часть земель оставалась невоздѣланною. Нѣсколько разъ турки жгли дома ихъ; граховяне оплачивали въ свою очередь туркамъ тѣмъ же; число воиновъ уменьшалось съ каждымъ годомъ; наконецъ, въ 1843 году въ сентябрѣ мѣсяцѣ, Али-паша собралъ войска около 10,000 и ударилъ на Грахово. Владыка прибылъ во время на мѣсто битвы. Войско его немногимъ уступало турецкому и имѣло прекрасную позицію, но владыка предпочелъ выгодный миръ невѣрностямъ войны, тѣмъ болѣе, что даже и въ случаѣ побѣды судьба Грахова не рѣшалась и турки могли придти съ новыми силами. Войска простояли нѣсколько недѣль въ бездѣйствіи, между тѣмъ повѣренные обѣихъ сторонъ заключили трактатъ, въ силу котораго Грахово должно оставаться навсегда подъ властію черногорцевъ, съ тѣмъ, однако, чтобы жители его платили небольшую сумму турецкому правительству за его земли.

Въ то время, когда владыка выигрывалъ на одномъ концѣ Черногоріи, онъ понесъ чувствительную потерю на другомъ: Османъ-паша скутарскій, съ которымъ онъ былъ въ мирѣ, предательски напалъ на два острова, Вранину и Лисендру, лежащіе въ сѣверной части Скутарскаго озера, примыкающей къ Черногоріи, малонаселенные и никѣмъ не защищаемые, но важные для рыбной ловли черногорцевъ. Онъ безъ труда овладѣлъ островами и укрѣпилъ ихъ. Черногорцы, не имѣющіе ни порядочныхъ лодокъ, ни пушекъ, не могли возвратитъ ихъ, несмотря на всѣ свои усилія.

Жупляне, дробняки и пивяне весьма неохотно и не всегда платили гарачъ туркамъ, подобно граховянамъ, крѣпко стоя за свою независимость и вѣру. Мѣстность не благопріятствовала имъ такъ, какъ, напримѣръ, васовичамъ, журжевымъ ступамъ и другимъ племенамъ, составляющимъ совершенно независимые округа, въ которые не смѣютъ показаться турки, а потому пивяне, дробляне и жупляне постоянно клонились на сторону Черногоріи, съ которой нѣкогда состояли въ связи и которая часто посылала имъ помощь, но не могла ихъ совершенно освободитъ отъ турокъ. Много крови пролилось на ихъ плодородныхъ поляхъ, которыя сторицею бы воздали человѣку за трудъ, но люди здѣсь совсѣмъ отучились отъ труда и земледѣлія, много кургановъ и могилъ выросло на мѣстѣ прежнихъ деревень и много еще бѣдствій предстоитъ этой прекрасной странѣ. Въ этихъ кровавыхъ сшибкахъ прославилъ себя и своихъ ускоковъ воевода Новица Церовичъ; особенно въ битвѣ 1841 года, во время которой погибъ и самъ ненавистный для христіанъ Чангичъ. Но черногорцы и въ свою очередь терпѣли пораженія. Въ 1840 году 3 ноября турки спустились въ дробняцкую долину въ числѣ 20,000 человѣкъ: огнемъ и опустошеніемъ ознаменовали они свою побѣду надъ восемью стами!

Черногорія оставалась въ мирѣ и тишинѣ въ продолженіе всего правленія покойнаго владыки. Пользуясь общею тишиною, онъ имѣлъ даже возможность наложить небольшую подать на народъ, который не зналъ никогда никакой подати, и именно, по два гульдена (1 р. 20 коп. сер.) на семейство. Турки воспользовались этимъ случаемъ, чтобы поднять черногорцевъ противъ законной власти, но владыка вскорѣ усмирилъ ихъ, равно какъ и возмущеніе, вспыхнувшее подъ влияніемъ же турокъ въ Церемничской нахи.

Но и покойный владыка имѣлъ своего рода испытаніе. Насталъ несчастный для черногорцевъ 1840 годъ. Неурожай былъ повсемѣстный, бѣдствіе страшное. Владыка уже и не думалъ о подати; съ тѣхъ поръ онъ и не возобновлялъ ея. Онъ заложилъ жалованъ-

ный ему и преемникамъ его драгоценности и роздалъ деньги народу. Въ это время, словно испосланная благимъ Провидѣніемъ, явилась ему опять помощь извнѣ, и онъ былъ въ состояніи отгнать голодъ и удовлетворить по возможности нужды народа.

Мы рассмотрѣли жизнь владыки, какъ правителя народа: гораздо поучительнѣе, разнообразнѣе, полнѣе представляется она намъ какъ жизнь поэта. Сердце его — неисчерпаемая сокровищница, изъ которой онъ могъ черпать обильно богатства поэзіи. Къ несчастію, онъ не всегда довѣрялъ своимъ средствамъ и часто прибѣгалъ къ подражаніямъ; но тамъ, гдѣ освобождался отъ вліянія посторонняго, онъ являлся истиннымъ поэтомъ, но всѣмъ правамъ, стоящимъ въ главѣ сербскихъ поэтовъ, и, конечно, имя его, было бы славно въ европейской литературѣ, если бы сербскій языкъ былъ болѣе доступенъ образованному классу читателей.

Луча Микрокозма (Бѣлградъ 1846 года) посвящены памяти Пушкина, его любимаго поэта. Въ этомъ сочиненіи владыка, кажется, хотѣлъ изобразить собственную жизнь — бореніе добраго начала съ противодѣйствіемъ, закона съ самоволіемъ, мудрости съ легкомысліемъ, бореніе свѣта съ тьмою. Но его аллегорія часто темна; онъ какъ будто искалъ образовъ и нерѣдко формъ у творца «Потеряннаго Райа» и мѣстами становился выспреннимъ и неестественнымъ въ своихъ изображеніяхъ. Вообще, первыя его стихотворенія, изданныя въ Цѣтинѣ въ 1834 году — «Пустынякъ цѣтинскій», «Ликъ противъ ярости турски» и нѣкоторыя оды, отзываются подражаніемъ русскимъ поэтамъ и особенно Пушкину и Державину, сочиненія которыхъ образовали и развили его поэтическое настроеніе. Драма его «Стефанъ малый, ложный царь», изданная въ 1850 году въ Триестѣ, замѣчательна по силѣ стиха; въ ней авторъ является замѣчательнымъ поэтомъ и художникомъ. Содержаніе драмы было близко его сердцу: оно заимствовано изъ исторіи Черногоріи. Преданіе о лже-царѣ еще живо въ народѣ; оно сохранилось также въ архивахъ Венеціи. Стефанъ-малый явился въ Черногоріи подъ ложнымъ именемъ государя императора Петра III; обманувшій черногорцевъ, принятый ими какъ правитель народа, онъ подалъ поводъ къ неприятымъ сношеніямъ съ Россією, слѣдствіемъ которыхъ было посольство извѣстнаго Долгорукаго.

Вообще въ тѣхъ стихотвореніяхъ, гдѣ преобладаетъ народный элементъ, гдѣ воспѣваются подвиги, геройскія дѣла черногорцевъ, онъ становится истинно великимъ поэтомъ. Его «Горскій Вѣнаць» (Вѣна 1847 года), «Кула Журачича», и «Чардакъ Алексича» (Вѣна

1850) сдѣлались достояніемъ цѣлаго народа, повторяя по сербски, инакѣстью почти каждому, разспѣваются или разсказываются на сходкахъ, подобно распеціямъ Гомера. Отдѣльные нѣтъ стихки перешли въ присловія или въ вѣнцы битвъ при вступленіи на врага. Кромѣ всѣхъ этихъ стихотвореній, владыка издалъ подъ извѣстіемъ «Огледало (зеркало) Сербско» (Бѣлградъ 1846) собраніе сербскихъ и черногорскихъ героическихъ пѣсень, изъ которыхъ каждая составляетъ цѣлую повѣсть о какомъ нибудь героѣ или славномъ подвигѣ.

Поэтическое чувство было сильно развито въ немъ и является во всѣхъ значительныхъ дѣлахъ его жизни. Жилая наградами геройскія дѣла своихъ черногорцевъ, онъ учредилъ медаль съ изображеніемъ Милоша Обилча, героя Сербіи, любимаго героя покойнаго владыки. Въ Цѣткѣ и теперь еще хранится прекрасное миниатюрное изображеніе памятника, который владыка хотѣлъ соорудить этому герою въ Черногоріи; но денежные средства его не дозволили ему этой значительной издержки. Онъ давно носилъ въ душѣ своей мысль большой поэмы «Царь Лазарь и паденіе Сербскаго царства», въ которой хотѣлъ описать смерть двухъ царей и погибель Обилча; нѣсколько отдѣльныхъ строфъ ея были написаны имъ въ Италіи и, къ сожалѣнію, не издааны, какъ и многія другія стихотворенія, оставшіяся послѣ смерти его.

Великимъ поэтическимъ моментомъ заключилась исполненная поэзія жизнь этого необыкновеннаго человѣка. Чувствуя приближеніе смерти, онъ подобно святовочныму предмѣстнику своему созвалъ народъ. Перейдя съ постели въ пресла, онъ приобщился Святыхъ Тайнъ, потомъ наставлялъ и поучалъ тѣснившихся вокругъ него черногорцевъ и простился со всѣмъ; рыданіе этихъ людей, которыхъ не трогали никакія опасности, ни смерть въ битвахъ, исторгло слезы у владыки, но онъ скоро оправился, просилъ не плакать, а молиться, потому что таинственная минута для него настала.... Онъ завѣщалъ похоронить себя на вершинѣ Ломчина, откуда видна вся милая для него Черногорія, видно море, подобное ему, волное поэзія, тревоги и тайны, и видна въ ясные дни Италія, гдѣ онъ провелъ много отраднхъ дней. Послѣ этого онъ приказалъ поправить постель, самъ поднялся съ кресла и склонился на постель внезапно, какъ подкошенный колосъ.....

Владыка умеръ 19 октября въ 10 часовъ утра, въ 1851 году, на 38 году жизни.

Непостижима эта ранняя кончина человѣка, исполненнаго силы и жизни, не знавшаго болѣзней, сложеннаго атлетически! Нѣкоторые придавали ей тайныя причины, медленное отравленіе: по обви-

кнѣзю, обвиняють въ всей турокѣ, которые подсылали и прежде къ владыкѣ подкупленныхъ убійцъ. Естественноѣе приписать ее слѣдующему обстоятельству: однажды, года за два до своей смерти, владыка узналъ что есть овлъ верхокъ, онъ былъ отличный вѣдчикъ испрѣлкъ, и вдругъ на всемъ скаку съ размаху упалъ вместе съ лошадыю. Онъ тогда же почувствовалъ боль въ груди, которая, впрочемъ, послѣ нѣкотораго леченія прошла. Другіе говорятъ, что онъ простудился. Два года его сильная натура боролась съ чахоткою, которая съ каждымъ днемъ надламывала и сокрушала его молодость. Мнѣ не суждено было видѣть его въ послѣднее время жизни, но свидѣтели рассказывали, что страданія его были невыносимы; онъ не могъ ни лечь, ни встать, сидѣлъ постоянно съ повисшею головою, которую надо было поминутно поддерживать, потому что она склонялась долу, какъ отяжелѣвшій, созрѣвшій для смерти плодъ, но сидѣлъ спокойный, непоколебимый страданіями и еще порою умѣлъ вынудить со своего лица улыбку для тѣхъ, кто мучился его страданіями. Онъ лечился въ Вѣнѣ, въ Италиі, въ Венеціи и, увидя, что ничто не помогаетъ, съ самоотверженіемъ отказался отъ жизни и ухвалъ умирать въ любимую имъ Черногорію, что, можетъ быть, ускорило его смерть. Незадолго до болѣзни, онъ потерялъ племянника, сына Пера, мальчика шести или семи лѣтъ, котораго постоянно держалъ при себѣ и любилъ, какъ только можно любить сына; и дѣйствительно, это былъ необыкновенный мальчикъ: прекрасная наружность, раннее развитіе способностей и находчивость ума поражали владыку, который съ гордостью видѣлъ въ немъ достойнаго себѣ преемника. Владыка былъ неутѣшенъ по смерти племянника. Онъ писалъ, что для него уже не будетъ радости въ мірѣ, и что онъ оставитъ Черногорію совсѣмъ осиротѣлою....

Гробъ владыки стоитъ еще въ цѣтпнской церкви. Нѣсколько дней послѣ смерти-его не знали, что дѣлать съ его тѣломъ. Провлинные дожди лишали всякой возможности достигнуть вершины Ловчина, гдѣ покойный Петръ заранѣе приготовилъ себѣ посмертное жилище въ небольшой часовнѣ, которую съ чрезвычайнымъ трудомъ выстроилъ на этой недоступной высотѣ. Къ тому же, исполнители не безъ основанія боялись, что турки легко могутъ туда прокрасться ночью, потому что кругомъ не было никакого жилья, отрубить голову покойнаго, за которую такъ дорого общали заплачать при жизни, и съ торжествомъ выставить ее на позоръ на площади Скутари. Вскорѣ наступила зима; Ловчинъ завалило снѣгомъ, такъ-что къ нему не было никакого доступа; потомъ князь ухвалъ въ Черногоріи и наконецъ настала для нея таія времена,

что надо было думать только о спасеніи ея собственнаго существованія. По окончаніи военныхъ дѣйствій, мы было думали приступить къ исполненію воли покойнаго, но Ловчинъ опять былъ погребенъ полъ сугробами снѣгу. Впрочемъ, я надѣюсь, что воля покойнаго владыки приведется въ исполненіе. Часовня сдѣлана для двухъ гробовъ.

Конечно, имена Ивана-Бегова-Черноевича, Данила, святопочившаго владыки Петра I останутся долѣе въ памяти народа, чѣмъ имя покойнаго Петра II: они ближе къ сердцу, съ ними соединено воспоминаніе о подвигахъ изумительнаго геройства; эти имена — его гордость, его слава; они превратились въ народныя клики при нападеніи на непріятеля и заставляютъ трепетать всякое славянское сердце. Но на долю покойнаго владыки выпала участь если не столь блестящая, то не менѣе трудная. Онъ укротилъ, усмирилъ свою землю, далъ ей порядокъ, гражданственность, оставилъ въ ней послѣ себя хотя признакъ благосостоянія и довольства, и борьба его при достиженіи этихъ цѣлей требовала не меньше усилій и едва ли не столько же геройства, какъ выказали и его славные предшественники. Владыка былъ лично храбръ: это доказалъ онъ еще въ первой молодости своей, когда прискакалъ на выручку Вукотича, котораго турки чуть не взяли въ плѣнъ. Въ 1844 году, во время битвы черногорцевъ за островъ Лесандру, владыка стоялъ противъ непріятельскихъ выстрѣловъ; какой-то черногорецъ подошелъ къ нему, по обыкновенію, поцаловать руку. Владыка обернулся. Въ это время ядро пролетѣло мимо его и убило черногорца, цаловавшаго руку. Всѣ кинулись въ испугъ къ владыкѣ, но онъ былъ холоденъ и покоенъ, ни малѣйшаго измѣненія въ лицѣ, ни движенія въ тѣлѣ. Обыкновеннымъ, кроткимъ голосомъ, къ которому такъ привыкли черногорцы, приказалъ онъ имъ возвратиться на свои мѣста. Тѣмъ не менѣе, однако, владыка не любилъ вдаваться въ невѣрности битвы и, какъ мы видѣли, старался всегда кончать ссоры съ турками переговорами и трактатами.

Если была хорошая сторона въ томъ порядкѣ вещей, который оставилъ послѣ себя покойный владыка, — и это неоспоримо — то, разбирая ее относительно къ положенію Черногоріи, была и дурная. Черногорцы въ его время отвыкли драться; у нѣкоторыхъ была собственность, которая привязывала къ родному крову, между тѣмъ какъ прежде черногорцу нечего было терять: все богатство было на немъ; ему нечего было спѣшить домой: отъ семьи онъ давно отвыкъ, а достоянія не было. Черногорецъ узналъ цѣну денегамъ, онъ говорилъ: пускай идутъ впередъ тѣ, которые получаютъ

плѣту, т. е. перемани; прежде не разсуждали объ этомъ, на неприя-
теля шелъ первый тотъ , кто прежде поспѣвалъ на мѣсто битвы , а
на это мѣсто бѣжалъ всякій.

Святопочившій владыка Петръ I всю жизнь свою стремился воз-
вратить Черногоріи земли, которыя владѣла она во времена Ивана
Черноевича, и отчасти достигъ этого, присоединивъ къ своимъ вла-
дѣніямъ большую область Брда (Бѣлопавличи, Пипера и проч.).
Было время, что онъ замышлялъ о границахъ, которыя бы дали ей
жизнь и существованіе прочнаго государства ; и эти мечты были
близки къ осуществленію , когда онъ остался властелиномъ Катта-
ро, но судьбѣ угодно было устроить иначе. Покойный владыка
Петръ II оставилъ Черногорію скрѣпленную внутри, обезопасен-
ную, по возможности, извнѣ , сколько трактатами съ сосѣдствен-
ными пашами , столько устройствомъ небольшихъ пограничныхъ
укрѣпленій, а главное заготовленіями боевыхъ снарядовъ и устрой-
ствомъ пороховыхъ заводовъ ; въ порохѣ , который такъ часто за-
прещали отпускать имъ изъ пограничныхъ земель, постоянно нуж-
дались черногорцы. Конечно, не могъ онъ , любившій искренно
Черногорію , онъ , поэтъ въ душѣ ; не мечтать о воинской славѣ
своего народа, но, осторожный по преимуществу и разсудительный,
не кидался въ случайности и выжидалъ благоприятныхъ обстоя-
тельствъ. Въ году 1848 года , постигая духовное вліяніе свое на
славянскіе православные народы, особенно поморцевъ Боко-ди-Кат-
таро , онъ издалъ прокламацію , въ которой убѣждалъ подданныхъ
Австріи не слушать хитрыхъ рѣчей возмутителей порядка и крѣпко
держаться законной власти.

Говорять , владыка въ послѣдніе годы измѣнился къ худшему;
говорять, онъ сталъ скупъ — и мало ли еще чего не говорятъ , но
надобно знать, кто это говоритъ ? Я слишкомъ далекъ отъ безуслов-
ной хвалы покойному: довольно прошло времени, чтобы дать уле-
чься страстямъ ; я не видѣлъ владыку въ послѣдніе его годы , но хо-
рошо зналъ прежде и могу повторить здѣсь то , о чемъ говорилъ
уже нѣкогда , а именно , что владыка нерѣдко отдавалъ послѣднюю
рубаху нищему : въ натурѣ ли человѣческой измѣниться до такой
степени и превратиться , еще въ молодые лѣта , въ скупца. Если
же онъ оставилъ нѣкоторыя прежнія благія начинанія , требовав-
шія издержекъ , то причиною тому были во первыхъ встрѣченныя
имъ препятствія и неудачи; во вторыхъ болѣзнь, продолжительная
и тяжкая , которая , конечно , не могла не имѣть вліянія на его ха-
рактеръ, хотя не въ такой степени, какъ объ этомъ говорятъ. Вол-
кой, кто зналъ его, былъ очарованъ имъ. Съ одинаковымъ увлече-

нѣмъ описываетъ его и хладнокровный англичанинъ Вилькенсонъ и нѣмецъ Коэль, не говорю уже о русскихъ путешественникахъ.

У владыки, кромѣ нѣсколькихъ двоюродныхъ братьевъ, оставалось только двое неженатыхъ племянниковъ : Данилъ, сынъ Станка, внукъ Стефана, старшаго брата святопочившаго, и Крсто, сынъ Машана, внукъ Савы. Послѣдній, какъ единственный во всемъ семействѣ, по желанію родныхъ, долженъ былъ жениться. Владыка избралъ преемникомъ своей митрополіи и власти надъ народомъ Данила. Съ нимъ Черногорія вступила въ новый путь правленія. По желанію сената и народа, Данилъ утвержденъ княземъ и правителемъ.

Вступленіе его въ правленіе сопровождалось нѣкоторыми мелкими интригами, которыя безъ трудовъ были разсѣяны, и по возвращеніи его изъ Петербурга въ Черногорію все пошло обыкновеннымъ порядкомъ внутри ея; но извнѣ, со стороны Турціи, готовилась страшная гроза!

Данилу было около 23 лѣтъ, когда его признали княземъ. Онъ невысокаго роста, блондинъ, что рѣдко встрѣчается между черногорцами. Я вообще неохотно говорю о людяхъ еще живыхъ и находящихся на полѣ дѣйствія: свѣтъ такъ созданъ, что всегда готовъ заподозрѣть человѣка въ пристрастіи; притомъ же факты говорятъ иногда убѣдительнѣе всякаго описанія, итакъ я изложу самыя факты.

Турецкое правительство, какъ мы видѣли, смотрѣло всегда неблагопріятно на самостоятельность Черногоріи. Время отъ времени оно снаряжало противъ нея цѣлыя арміи и большій или меньшій промежутокъ покоя зависѣлъ болѣею частью отъ личныхъ свойствъ пашей, командующихъ на границахъ, и владыки, управлявшаго Черногоріей, а наконецъ отъ положенія дѣлъ въ самой Турціи. При покойномъ владыкѣ не бывало сильнаго ополченія, и мы уже показали тому причины; но смерть его и послѣдовавшее затѣмъ колебаніе Черногоріи въ выборѣ князя показали слишкомъ благопріятными Турціи, чтобы привести въ исполненіе давнишніе планы. Къ тому же явились люди предпримчивые и честолюбивые, умѣвшіе подвинуть свое правительство на совершенное завоеваніе Черногоріи и слишкомъ самонадѣянныя, чтобы не обѣщать заранѣе исполненіе этого.

Въ то время Омеръ-паша уже порѣшилъ съ Виссисо и Герцеговиною. Извѣстася, какииъ образомъ онъ ввелъ тактику и обезоружилъ христіанъ въ этихъ странахъ, усмиривъ сначала турецкое

наславленіе посредствомъ христіанъ и возбуждѣвъ потомъ фанатизмъ и мщюіе мусульманъ противъ послѣднихъ. Ему хотѣлось достигнуть тѣхъ же цѣлей и тѣми же путями и въ Албаніи, но для этого необходимо было сначала раздѣлаться съ Черногоріею. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ отобрать оружіе отъ албанцевъ, когда они каждый день могутъ ожидать нападенія черногорцевъ, а пока албанцы будутъ носить оружіе, до тѣхъ поръ не подчинятся насилію пашей и гавзимату правительства.

Но мы прежде должны познакомить читателя съ занимательною личностію Омеръ-паша, который считается едва ли не первымъ военнымъ генераломъ въ Турціи. Омеръ паша, муншрь, сераскиръ румелійской арміи родился въ 1806 г. 24 ноября въ Оголинѣ, въ пограничной Краціи. Первоначальное его имя Михаилъ, по фамиліи Латосъ; семейство его принадлежитъ къ православному исповѣданію, отецъ былъ подполковникомъ въ пограничныхъ войскахъ. Михаилъ Латосъ учился сначала въ Оголинѣ и потомъ въ военной школѣ въ Гостиницѣ. Выпущенный оттуда унтеръ-офицеромъ, онъ былъ прикомандированъ къ капитану Корнуса Инженеровъ Кувидку, который завѣдывалъ работами при устройствѣ дороги въ горахъ Велебича, и потомъ перешолъ унтеръ-офицеромъ же въ Зару для занятій по инженерной части. Здѣсь принялъ онъ рѣшеніе оставить свое отечество. Что было причиною такого рѣшенія? Самъ онъ говоритъ, будто бы въ это время съ отцомъ его случилось несчастье: онъ проигралъ казенныя деньги, былъ судимъ и осужденъ, и что для сына уже не оставалось видовъ на дальнѣйшія повышенія. Въ Зарѣ же говорятъ, будто, при повѣркѣ счетовъ Михаила Латоса, у него самого не оказалось части казенныхъ денегъ. Какъ бы то ни было, но въ 1828 г. онъ безъ позволенія, безъ паспорта ушелъ черезъ Книнъ въ Боснію, гдѣ въ Баня-лукѣ нашелъ себѣ друзей и покровителей, которые рекомендовали его визирю, въ Травникѣ. Счастье, однако, не везло ему, а потому въ слѣдующемъ году онъ отправился искать его къ визирю Гуссейнъ-пашѣ Видинскому. Въ теченіе пяти лѣтъ онъ обучалъ дѣтей паша, умѣлъ найдтись въ домѣ и повратиться самому визирю. Съ рекомендаціей его онъ отправился въ Константинополь и поступилъ въ военное министерство. Тутъ-то умѣнье хорошо чертить планы и карты послужило ему особенно въ пользу. Оно сблизило его съ особою самого министра, а этого достаточно было для ловкаго молодого человѣка. Михаилъ Латосъ, или, правильнѣе, Омеръ умѣлъ воспользоваться случаемъ и чрезъ четыре года службы въ военномъ министерствѣ былъ произведенъ въ подполковника, а въ слѣдующемъ году мы его уже видимъ дѣйствующимъ лицомъ въ

войнѣ Сирии противъ войскъ Ибрагима-паши, гдѣ и произведенъ въ генералъ-маіоры. Впослѣдствіи мы находимъ его въ войнѣ противъ друзовъ и курдовъ и потомъ въ Бухарестѣ, гдѣ поведение его хорошо извѣстно. Въ 1851 г. онъ является въ Босніи и въ Герцеговинѣ. Здѣсь онъ ознаменовалъ себя такимъ гоненіемъ на христіанъ, какого никто не запомнитъ. Имя его останется надолго страшилищемъ народа, и не разъ боснякъ и герцеговинецъ перекрестится, вспоминая или слушая о его страшныхъ дѣяніяхъ. Омеръ-паша, конечно, образованнѣе другихъ турецкихъ генераловъ. Сербскій языкъ — его природный языкъ, но онъ не пишетъ на немъ. Обучавшійся въ вѣнецкой школѣ, онъ усвоилъ себѣ этотъ языкъ и пишетъ на немъ порядочно. Кромѣ того онъ говорить по турецки и нѣсколько по итальянски. Въ его манерахъ ясно отражается то общество, въ которомъ онъ живетъ, какъ ни старается прикинуться европейскимъ человѣкомъ, напротивъ, это дѣлаетъ обращеніе его ислովкимъ, угловатымъ и вовсе не похожимъ на обращеніе турка стараго закала, турка аристократа, которое при всей своей важности очень пріятно и, несмотря на вѣжливость, излишено достоинства. Въ наружности Омера-паши много недобраго. Говорать, можетъ быть, это говорятъ его завистники, что ему не стыдно обмануть турка, потому что онъ плохой мусульманинъ и не грѣхъ обмануть христіанина, потому что турокъ не ставитъ это себѣ въ грѣхъ. Надо правду сказать, что, отрекшись отъ христіанства, онъ здѣсь, вдали отъ Константинополя, весьма мало заботится о своей новой вѣрѣ.

Омеръ-паша женатъ былъ на дѣвушкѣ изъ порядочнаго семейства въ Кронштадтѣ (въ Трансильваніи), которую выписалъ къ себѣ вмѣстѣ съ сестрою. Впослѣдствіи ему поправилась сестра. Слухи носятя, что онъ избавился отъ жены слишкомъ по турецки и женился на ея сестрѣ. У него есть молоденькая дѣвочка; не знаю, право, дочь ли его? Онъ готовитъ ее замужъ за своего племянника, котораго также выписалъ изъ Кроаціи и обратилъ въ магометанство. Этотъ молодой человѣкъ, извѣстный подъ именемъ Тефикъ-бея, быстро подвигается по службѣ: ему еще не болѣе 21 года, а онъ уже маіоръ къ общей зависти турокъ.

Въ Подгорицѣ Муширу понравилась какая-то мусульманка, и онъ взялъ ее себѣ въ жены, но при выходѣ изъ Подгорицы отдался отъ своей новой жены.

Таковъ былъ человѣкъ, который, вступая въ борьбу съ Черногоріей, объявлялъ при самомъ вступленіи, что онъ черезъ недѣлю будетъ въ Цѣтинѣ!

Полезно не забывать, что Черногорія сама усмотрѣла это нападеніе Омера-паши, но то несомнѣнно, что это нападеніе было неизбежно: приготовленія дѣлались со всѣхъ сторонъ, войска стягивались, положительно было извѣстно, что нѣсколько баталіоновъ отирались изъ Константинополя къ границамъ Черногоріи. Впрочемъ, для черногорцевъ было даже лучше, что Омеръ-паша ускорилъ свое нападеніе.

Черногорцы въ послѣднее время чаще прежняго вступали въ сношенія съ турками, особенно на сѣверныхъ своихъ границахъ. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ (1852 года), они узнали, что Жюлекъ-бей находился въ Гаско, турецкомъ селеніи, отстоявшемъ на день пути отъ Черногоріи, и рѣшились предпринять противъ него чету, чтобы отомстить за двухъ пѣшивцевъ, которыми онъ отрубилъ головы. Жюлекъ былъ храбрѣйшимъ сподвижникомъ Омера-паши во время дѣйствій его въ Босніи и Герцеговинѣ; сражавшійся сначала противъ правительства, онъ впоследствии соединился съ нимъ. Омеръ-паша постигъ, какую пользу можно извлечь изъ этого человѣка и пощадилъ его жизнь. Жюлекъ сдѣлался ревнителемъ ислама и, конечно, этому человѣку Омеръ-паша обязанъ большою частью успѣховъ своихъ. Пока черногорцы достигли Гаско, Жюлекъ оставилъ уже это селеніе и ѣхалъ въ Никшичъ съ отрядомъ человѣкъ въ 300. Ничего не подозревая, внутри собственныхъ владѣній, среди бѣла дня, онъ отдѣлился отъ отряда, который замедлялъ его ходъ, и съ 20 человѣками отправился впередъ. Черногорцы въ числѣ 200 человѣкъ, по преимуществу катунякъ, узнали о его приближеніи и засѣли на пути. Когда Жюлекъ-бей поравнялся съ ними, они выскочили изъ засады и окружили весь его небольшой отрядъ. Жюлекъ и его люди сражались до послѣдней крайности, стараясь пробиться сквозь толпу или по крайней мѣрѣ выждать приближеніе своего отряда. Отрядъ, въ которомъ находилось и все семейство его, заслышавъ выстрѣлы и никакъ не полагая, чтобы простая чета могла проникнуть такъ далеко внутрь границъ и рѣшиться на явное нападеніе, въ испугѣ обратился въ Гаско. Жюлекъ и всѣ 20 человѣкъ были умерщвлены. Черногорцы въ торжествѣ привесли ихъ головы въ Цѣтинъ. Тогда Османъ-паша, сынъ извѣстнаго своею неумолимую жестокостью Солимана-паши Бѣлградскаго, такъ же жестокой, но гораздо скрытнѣе и лукавѣе своего отца, Османъ-паша, знавшій хорошо страну, въ содѣйствіе съ которою жилъ столько лѣтъ, попалъ въ Черногоріи на слѣдъ измѣнны. У покойнаго владыки жилъ очень долго любимый имъ слуга и вѣто Радовашъ, изъ нахія Питери, который остался въ этой же должности и при князѣ Давидѣ; но не столько недовольный имъ, сколько

соблазняемъ надеждами и богатыми подарками Османъ-паша, онъ рѣшился отправиться къ нему и увлечь за собою нѣсколько старшинъ изъ фамиліи Божовичей, изъ той же нахій. Оширѣвъ на эту измѣну и расточая подарки, деньги и обѣщанія, Османъ-паша успѣлъ отдѣлать пиперявъ, негодование которыхъ еще прежде было возбуждено тѣмъ, что Данилъ хотѣлъ обложить ихъ небольшою податью подобно остальной части Черногоріи. Конечно, въ случаѣ дальнѣйшаго успѣха турокъ, они сдѣлались бы опасными врагами черногорцевъ, но и въ настоящее время эта неожиданная измѣна одной изъ храбрѣйшихъ нахій, которая могла выставить до трехъ тысячъ оруженосцевъ, была главнѣйшею причиною нѣкотораго успѣха турокъ. Намастъ явно на нахію и силою оружія наказать ее за измѣну и привести къ покорности было дѣломъ довольно сомнительнымъ для князя, сколько потому, что пиперяне во всякое время могли получить помощь отъ турокъ, столько и потому, что въ случаѣ самаго успѣха, черногорцы не могли бы слишкомъ рассчитывать на ихъ содѣйствіе противъ турокъ; напротивъ, они возбуждали бы только еще сильнѣе взаимное кровомщеніе, которое дѣйствительнѣе самаго золота. Вслѣдствіе чего, Данилъ рѣшился взять турецкую крѣпость Жаблякъ и держать ее до тѣхъ поръ, пока турки не выдадутъ измѣнниковъ Радована и другихъ и не откажутся отъ покровительства надъ нахіей Пипери и всякаго содѣйствія въ случаѣ движенія на нее черногорцевъ.

Жаблякъ, какъ большая часть турецкихъ крѣпостей въ здѣшнемъ краю, построена на высокой, довольно неприступной горѣ и, обстрѣливая самый городъ или форштатъ, расположенный у подошвы, защищаетъ его отъ непріятели. Жаблякъ находится почти на самой границѣ черногорской, у Скутарскаго озера, по которому легко и скоро можетъ получить пособіе изъ Скутари, главнаго города сѣверной Албаніи и мѣстопробыванія наши. А потому взятіе Жабляка требовало быстраго и тайнаго исполненія.

22 ноября 1852 года въ темную ночь собралось двадцать-пять человекъ храбрѣйшихъ черногорцевъ, въ числѣ которыхъ были участвовавшіе во взятіи Жабляка въ 1835 году и теперь служившіе проводниками. Они подошли къ крѣпости съ той стороны, гдѣ гора оканчивается отвѣсомъ и кидаетъ далеко тѣнь, заслоня собою нѣкоторые ближайшіе предметы. Турки считали эту часть неприступною и оставили ее безъ вниманія. Главное дѣло было приблизиться къ стѣнамъ: перебраться черезъ нихъ, при пособіи однихъ веревекъ и собственныхъ плечъ и рукъ, было дѣломъ легкимъ. Достигши укрѣпленія, черногорцы кинулись прямо къ казармѣ, гдѣ перерѣзали

каменеровъ , въ числѣ какихъ нибудь десяти человекъ , составлявшихъ почти весь гарнизонъ крѣпости , въ которой было четыре орудія и значительный запасъ пороха , и взяли въ плѣнъ коменданта , но потомъ отпустили его на слово въ Скутарп. На утро они впустили до трехъ-сотъ человекъ , подосиѣвшихъ къ нимъ на подмогу , катунянъ , а на другой день , когда пришли турки , они нашли уже около 2,500 человекъ въ сборѣ.

Черногорцы направляли найденныя въ Жаблякѣ орудія на форштатъ или селеніе , находящееся у подошвы горы ; впоследствии привезли еще одно орудіе изъ Цѣтина и почти каждый день дѣлали вылазки , превратила селеніе въ груду камней , но жители его сражались за этими горами и , конечно , обязаны болѣе себѣ , чѣмъ турецкимъ войскамъ , что черногорцы не взяли его . Это было лучшее дѣло со стороны непріятеля втеченіи всей войны , хотя оно было мѣстное и прошло почти незамѣченнымъ . Черногорцы потеряли здѣсь въ разныхъ дѣлахъ около двухъ-сотъ человекъ убитыхъ и раненыхъ . Въ числѣ послѣднихъ находился храбрый начальникъ Машанъ Нѣгошъ , дядя князя Данила ; онъ былъ очень тяжело раненъ осколками бомбы , вырвавшей часть мяса изъ ноги и раздробившей кость , но искусство доморощенныхъ операторовъ и врачей , которое рѣшительно дѣлаетъ чудеса при леченіи ранъ , спасло жизнь Машана . Кидзь Даниилъ участвовалъ также въ дѣлахъ въ Жаблякѣ .

Машанъ , пользуясь сборомъ черногорцевъ , тысячи въ двѣ слишкомъ человекъ , ходилъ къ Подгорицѣ ; эта неосторожная экспедиція безъ артиллеріи и кавалеріи въ равнины , противъ войска сильнѣйшаго , экспедиція , которая , впрочемъ , не въ первый разъ повторяется и , конечно , всегда безуспѣшно , извиняется только пламеннымъ желаніемъ черногорцевъ освободить христіанъ Зетской долины , чрезвычайно угнетаемыхъ турками и возвратить ихъ прежнему отечеству , Черногоріи , которой они такъ сильно сочувствуютъ . Нельзя не упомянуть здѣсь о благородномъ поступкѣ пастровичанъ : движимые чувствомъ единовѣрія , они перѣдко помогали черногорцамъ и даже многіе юнаки ходили съ ними драться противъ турокъ , невѣдомо отъ своего правительства . Узнавши , что въ Жаблякѣ разстрѣляны весь свинецъ и что черногорцы расплющили одно орудіе , чтобы металломъ его заряжать другія , пастровичане , по завѣтнѣю рыболовы какъ все жители прибрежья , сняли весь свинецъ , которымъ обыкновенно оторачиваютъ сѣти , и отнесли его на подмогу въ Жаблякѣ .

Въ началѣ января 1853 г. князь Данилъ, покорный воля востой, оставилъ Жаблякъ, какъ собственность султана, взявъ съ собою однако орудія и разрушивъ большую часть укрѣпленій.

Между тѣмъ Омеръ-паша приводилъ въ исполненіе свой планъ нападенія на Черногорію. Мы увидимъ изъ описанія похода его, въ какой степени планъ этотъ былъ удобенъ, особенно въ наступившее время года: нельзя было не предвидѣть ни проливныхъ дождей, ни всякаго зимняго невзгодья и не принять нужныхъ мѣръ, особенно при опредѣленіи операціонной линіи.

По словамъ самого Омера-паши, составъ войскъ его былъ слѣдующій: двадцать-два батальона пѣхоты, низама, изъ которыхъ три отборныхъ гвардейскихъ, прибывшихъ моремъ изъ Константинополя. Полагая, что батальоны были некомплектные, хотя, какъ извѣстно, ихъ пополняли передъ походомъ, все-таки можно считать каждый батальонъ въ семь-сотъ человекъ, вмѣсто восьми-сотъ; слѣдовательно, всего пѣхоты было 15,400. Три эскадрона кавалеріи и двадцать-восемь орудій, изъ числа которыхъ восемнадцать горныхъ, переносныхъ; при нихъ и въ эскадронахъ людей всего болѣе тысячи человекъ. Тѣснѣе и нерегулярныхъ войскъ, преимущественно изъ Албаніи, около восемнадцати тысячъ. А все вмѣстѣ составитъ около 33,400 человекъ. Войска эти были раздѣлены на четыре отряда и двинулись на Черногорію съ разныхъ сторонъ одновременно. Дервишъ-паша съ четырьмя-тысячами войска напалъ совершенно неожиданно на Грахово. Измаиль-паша съ шестью-тысячами подступилъ къ Острогу, Селимъ-бей Антиварскій и Мустафа-паша съ семью-тысячами вторгнулись въ Церничку-нахию и наконецъ самъ Омеръ-паша съ Османомъ-пашей и съ 17,400 войска двинулся на Мартыничу. Главная цѣль его была овладѣть внезапно Мартыничу, воспользоваться паническимъ страхомъ черногорцевъ и, соединившись съ Измаиломъ-пашей, что ему не трудно было исполнить по случаю измѣны имперіи, двинуться прямо на Цѣтинъ, между тѣмъ какъ Селимъ-бей подойдетъ туда же изъ Цернички-нахию, а Дервишъ-бей, стоя на границахъ цуцкаго племени, одного изъ храбрѣйшихъ, удержитъ его отъ всякихъ дѣйствій противъ главныхъ силъ турокъ.

Черногорцы провѣдали, что турки собираются ударить на нихъ, но предполагая, что они по примѣру прежнихъ лѣтъ вторгнутся въ Черногорію со стороны Лѣшанской-нахию, послали туда небольшой отрядъ; но вдругъ узнали, что непріятель напалъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ именно той, гдѣ была хотя небольшая защита. Нападшіе это, сдѣланное не безъ расчета, именно на праздникахъ Рождества

Христовъ, было такъ внезапно и въ такомъ числѣ войскъ, что черногорцы нисколько оторопѣли и не знали, куда кинуться для защиты всей страны.

Конечно, черногорцевъ можно отчасти упрекнуть въ безпечности, потому, что они допустили напасть на себя враслохъ и не знали о движеніи турецкихъ войскъ, но съ другой стороны нельзя не принять въ соображеніе того, что средства Черногоріи слишкомъ ограничены; она не имѣетъ регулярныхъ войскъ, кромѣ какихъ нибудь пятидесяти перениковъ неправильной пограничной стражи; война производится безъ предварительнаго о ней объявленія и непріятель слишкомъ навѣкъ къ внезапному и тайному нападенію.

Нападеніе Дервиша-паши было усиленно для турокъ. Воевода Граховскій, несмотря на нечаянность нападенія имѣлъ неосторожность защищаться съ силами въ десять разъ слабѣйшими, между тѣмъ какъ онъ легко могъ отступить въ австрійскія границы или въ горы къ сосѣдственному черногорскому племени Цуць: онъ наскоро собралъ скоть и припасы въ огромную пещеру, которая нѣсколько разъ служила ему убѣжищемъ, гдѣ было достаточно воды, и надѣялся выдержать тутъ продолжительную осаду, пока не подосиѣютъ черногорцы; вообще онъ не надѣялся на помощь Цуць, и потому не должно слишкомъ обвинять его въ неблагоразуміи. Это одинъ изъ храбрѣйшихъ людей во всемъ здѣшнемъ краю и онъ скорѣе рѣшился погибнуть на развалинахъ Грахова, которое пять разъ завоевывали турки во время его воеводства, и пять разъ онъ отнималъ у нихъ, Грахова, въ битвахъ за которое погибъ почти весь родъ его. Но несчастному Якову Даковичу не удалось пасть смертью храбрыхъ, которой охотно предаетъ себя черногорець. Застигнутый отрядомъ турокъ у самой пещеры, онъ былъ взятъ въ плѣнъ съ единственнымъ своимъ сыномъ и человѣками тридцатью граховянь; нѣсколько человѣкъ было убито; остальное народонаселеніе съ семействами и частью имущества убѣжало — женщины большею частью въ австрійскія, а мужчины въ черногорскія владѣнія, гдѣ стали въ ряды сражавшихся черногорцевъ. Плѣнные претерпѣли отъ турокъ неслыханныя мученія; воевода Яковъ, семидесяти-лѣтній старикъ, герой своей страны, умеръ въ тяжкихъ мукахъ; двѣ-трети не перенесли пытокъ и скончались въ турецкихъ владѣніяхъ; остальные, по долгому и настоятельному требованію русскаго и австрійскаго комиссаровъ, были наконецъ возвращены въ Черногорію, но они были въ такомъ плачевномъ состояніи, что вездѣ, гдѣ проходили, или правильнѣе, гдѣ ихъ проносили, возбуждали ужасъ и

отвращеніе къ своимъ гонителямъ. Въ числѣ спасшихся отъ смерти былъ и Антонъ, сынъ воеводы Якова, одинъ оставшійся отъ славнаго рода Даковича (Вучича).

Измаилъ-паша, напавшій на Острогъ, сначала имѣлъ нѣкоторый успѣхъ, но подоспѣвшій на помощь Марко, братъ князя, съ сотнею черногорцевъ проникъ въ монастырь и, засѣвъ въ немъ, два раза отбивалъ турокъ. Рѣзня была страшная; дрались въ монастырскомъ дворѣ; на самой паперти церкви лилася кровь. Наконецъ черногорцы, узнавъ о движеніи Омера-паши, думали уже только о защитѣ собственныхъ семействъ и домовъ. Взявши мощи св. Василія изъ монастырской церкви и нѣкоторыя болѣе цѣнныя украшенія ея, они ночью прошли мимо турецкаго отряда, съ трехъ сторонъ облежавшаго монастырь, и подъ защитой святыни, которую спасали, благополучно достигли главныхъ силъ своихъ, собиравшихся уже противъ войскъ Омера-паши.

Нельзя не упомянуть здѣсь о трагической смерти героя Черногоріи, страшилища турокъ, попѣ Иванѣ Княжевичѣ, воеводѣ Мартыничскомъ, сенаторѣ Черногоріи. Я много писалъ о немъ и, конечно, никогда бы не истощилъ богатаго запаса его геройскихъ подвиговъ. Достигши восьмидесяти лѣтъ, онъ отказался уже отъ бранныхъ подвиговъ и, поселившись въ монастырь Острогскомъ, посвятилъ себя Богу. Изрѣдка выходилъ онъ оттуда въ Цѣтвигъ къ покойному владыкѣ, который любилъ его искренно. Любила его, моего друга-побратима, и вся Черногорія, которая чтитъ въ немъ свою славу, свою независимость, свои народныя преданія, въ немъ, сподвижникѣ святопочившаго Петра I и другѣ покойнаго владыки. Во время осады Острога, Княжевичъ въ свою очередь выдерживалъ послѣднюю осаду въ жизни: онъ боролся съ смертью. Ему не хотѣлось сдаться, ему надо было увидѣть черногорцевъ побѣдителями, Острогъ освобожденнымъ и тогда, пожалуй, хоть умереть. «За Бога, бейте турокъ!» кричалъ онъ, метаясь на постелѣ и кидаясь къ стѣнѣ, думая, что тамъ еще виситъ его ружье; и черногорцы побили и прогнали турокъ: это было въ первую осаду. Княжевичу объявили о побѣдѣ. «Хвала Богу», произнесъ онъ и умеръ спокойно. Между тѣмъ, какъ я уже сказалъ, турки опять подступили къ Острогу. Черногорцы тайно погребли Княжевича и оставили Острогъ. Не знаю, какъ узнали турки о томъ, что Княжевичъ былъ схороненъ у монастыря, только они отыскали его могилу, отрубили его, отрубили голову и какъ самый торжественный трофей отослали въ Полгорицу. Но голова героя все-таки досталась въ руки православныхъ и погребена съ честью. Провидѣніе вступилось за него.

Омерь-паша шелъ отъ Спужа. Онъ ударилъ всѣми силами на село Мартыниччи, храбрѣйшее во всей Черногоріи, но которое не могло выставить болѣе 500 оруженосцевъ, считая и черногорцевъ изъ другихъ племенъ, подоспѣвшихъ вовремя на помощь; рѣзня была страшная. Омерь-паша принужденъ былъ отступить. Мартыниччане, пользуясь смятеніемъ, въ свою очередь ударили на отрядъ Османа-паши, въ которомъ было до 8,000 иррегулярнаго войска, разбили его и обратили въ совершенное бѣгство, но принуждены были вернуться въ деревню: къ ней опять подступилъ Омерь-паша. По словамъ Омера-паши, здѣсь у него было, кромѣ иррегулярныхъ войскъ Османа-паши, 12,000 пѣхоты и 18 орудій, какъ мы сказали, болѣею частью переносныхъ. Черногорцы дѣйствовали одними ружьями и пистолетами да еще ятаганами. Если бы отрядъ черногорцевъ, въ числѣ 1,500 человекъ, собранный на границахъ Бѣлопавличи, подоспѣлъ къ Мартыниччамъ, а тѣ говорятъ въ свое оправданіе, если бы пиперяне не измѣнили имъ и не угрожали противустать этому содѣйствію черногорцевъ, можно бы положительнѣе сказать, что войско Омера-паши съ перваго раза разбилось бы о преграды, которыя представляли ему Мартыниччи, гдѣ каждый домъ — отдѣльное укрѣпленіе, и успѣхъ непріятеля былъ бы очень сомнителенъ, но случилось иначе. Омерь-паша послѣ троекратнаго вступленія и страшной рѣзни овладѣлъ Мартыниччами, предоставленными собственной защитѣ. Жители зажгли, кто успѣлъ, свои дома, хлѣбъ, сѣно, все, что имѣли, и удалились внутрь Черногоріи; Омерь-паша не смѣлъ преслѣдовать ихъ.

Защита Мартыниччей была однимъ изъ славнѣйшихъ дѣлъ этой войны для черногорцевъ. Эти храбрые защитники своего роднаго крова показали вполне, что они достойны старинной славы и не посрамили имени храбраго своего воеводы Княжевича, который умиралъ въ то время въ Острогѣ, и его молодаго преемника и племянника, который руководилъ ихъ въ этомъ дѣлѣ.

Послѣ долгихъ колебаній, приготовленій и многихъ прокламацій къ жителямъ Черногоріи, которыхъ онъ убѣждалъ покориться власти султана, обѣщая различныя милости и привилегіи, Омерь-паша, наконецъ, рѣшился подвинуться впередъ часа на три пути, сжегъ еще двѣ-три небольшія деревеньки и даже рѣшился было перекинуть свой авангардъ черезъ Зету; но этотъ отрядъ, едва не отрѣзанный черногорцами, принужденъ былъ переправиться назадъ.

Если мы упомянемъ здѣсь о дѣйствіяхъ Измаила-паши на югѣ Черногоріи, въ Цермничкѣ нахін, который безъ боя занялъ по-

традиционное селеніе Димляне, потому что жители его заранее ушли въ горы, то тѣмъ и заключаемъ описаніе успѣховъ войскъ Омера-пашы. Самъ онъ остановился въ нерѣшительности; обещавъ черногорцевъ, которые неподдавались силѣ его краснорѣчивыхъ прокламацій, и дурную погоду, какъ будто нельзя было предвидѣть того и другого, дѣйствуя противъ народа, защищающаго не только свою независимость, свою жизнь, потому что покориться Омеру-пашѣ, значило быть истреблену имъ, и выступивъ въ походъ среди зимы, которая, надо сказать правду, въ этотъ годъ была чрезвычайно дожидлива и причинила сильное опустошеніе въ лагерѣ Омера-пашы, оставившемся въ бездѣйствіи, подверженномъ всевозможнымъ лишеніямъ и сильно унывающимъ.

Я пріѣхалъ къ Омеру-пашѣ уже въ половинѣ февраля мѣсяца и засталъ войска его въ весьма плохомъ состояніи, такъ-что хотя Омеръ-паша, по видимому, былъ недоволенъ тѣмъ, что принужденъ очистить Черногорію отъ войскъ своихъ, но не думаю, чтобы онъ до того ослѣпѣлъ, что не видѣлъ самъ весьма жалкаго состоянія своихъ войскъ и того, что битва съ черногорцами становилась для него весьма сомнительною. Нельзя не сознаться, что самъ Омеръ-паша былъ тому причиною. Начавши военныя дѣйствія въ такое неудобное для похода время (въ декабрѣ мѣсяцѣ), онъ долженъ былъ рассчитывать на дурную погоду и не останавливаться за нею. Чего ожидалъ онъ, расположивши свой лагерь въ окрестностяхъ Златицы или лагерь Дервиша-паши въ Граховской долины, оба по колѣно въ водѣ? Надѣюсь, не хорошей погоды, которая могла вступить только мѣсяца черезъ три — въ мартѣ или апрѣлѣ мѣсяцѣ. Не долой ли помощи войскамъ? но и то дѣсколько батальоновъ было доставлено изъ Константинополя и окрестныя страны встрѣлись совсѣмъ безъ охраны на случай какого нибудь неурядицаго движенія христіанъ. Если бы Омеръ-паша воспользовался первымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ появленіемъ такого огромнаго числа войскъ на черногорцевъ, и пошелъ, не останавливаясь, въ Цѣтину, то весьма вѣроятно, что успѣлъ бы овладѣть имъ. Кончилась ли бы этимъ война? Это другой вопросъ. Бойна черногорцевъ съ Кира-Махмутомъ служитъ явнымъ свидѣтельствомъ противнаго. Весьма вѣроятно, что Омеръ-паша, наученный его примѣромъ, боялся вторгнуться далеко въ горы и надѣялся силою прокламацій, обѣщаній и денегъ окончить войну, начатую оружіемъ.

Очень важная ошибка Омера-пашы состояла въ выборѣ операціонной линіи. Сообщенія отъ Скутари, гдѣ хранились всѣ запасы

для дѣйствовавшей противъ Черногоріи арміи, до лагеря Омера-паши подвергались тысячѣ случайностей. Надо было переправляться черезъ все озеро, на которомъ не было другихъ судовъ, кромѣ такъ называемыхъ лондрѣ, управляемыхъ однимъ весломъ и до того мелко сидѣвшихъ въ водѣ, что при сильномъ вѣтрѣ, какой обыкновенно господствуетъ здѣсь зимой, нѣтъ никакой возможности пускаться на нихъ въ дальній путь. Этого мало: дорога отъ озера до Подгорицы была совершенно залита водою и едва проходимы для вьючныхъ лошадей, а отъ Подгорицы до Спужа, разстояніе верстѣ въ двадцать, съ трудомъ можно было дотащиться въ одинъ день. Имѣй черногорцы хоть немного кавалеріи, они совершенно пресѣкли бы сообщенія Омера-паши съ Скутари, и то они, мало по малу ободряемые успѣхомъ, нападали на отдѣльные транспорты и даже пускались на своихъ утлыхъ лодченкахъ на Скутари; однажды, недалеко отъ самаго города, напавъ на спящій экипажъ двухъ купеческихъ судовъ, вырѣзали его и, торжествующіе, привели суда по рѣкѣ въ Цермничку нахію.

Вообще, если планъ соединенія войскъ Омера-паши съ отрядомъ Изманла-паши былъ задуманъ удачно, то выборъ операционной линіи и медленность Омера-паши были главнѣйшею причиною неуспѣха дѣйствій его. Омеръ-паша могъ самъ вполне убѣдиться въ томъ, потерявъ въ два мѣсяца военныхъ дѣйствій всѣхъ вьючныхъ, транспортныхъ и значительную часть кавалерійскихъ лошадей. Правда, первые принадлежали раямъ, христіанамъ Босніи и Герцеговины, за которыхъ турецкое правительство ничего не заплатило; но бѣдные раи этихъ провинцій были окончательно разорены и отрядъ Омера-паши часто терпѣлъ отъ несвоевременной доставки провіанта.

Между тѣмъ, какъ турецкія войска стояли въ бездѣйствіи и уныніи, черногорцы вдругъ подвинуты были къ страшной энергіи. Отряды ихъ снабжены были порохомъ и свинцомъ и даже провіантомъ; село Нѣгуши укрѣпилось орудіемъ; въ отрядѣ, гдѣ находился князь, явились переносныя орудія. Слѣдствіемъ такого внезапнаго измѣненія порядка вещей было то, что когда Мастуфа-бей, стоявшій противъ Цермнички-нахи, наскучивъ бездѣйствіемъ, рѣшился наконецъ двинуться впередъ и съ 5,000 пѣхоты и иррегулярнаго войска напалъ на Годиње, — цермничане, въ числѣ 1,500 человекъ, подъ предводительствомъ храбраго Егора Петровича Нѣгоша, нѣкогда служившаго въ русской службѣ, разбили турокъ, прогнали ихъ назадъ и взяли одно орудіе. Самъ начальникъ низама, одинъ изъ храбрѣйшихъ турецкихъ офицеровъ, былъ убитъ.

Между тѣмъ, удачное авангарное дѣло въ отрядѣ князя правителя, подъ Главичей, принудило турокъ переправиться обратно черезъ Зету. Эти успѣхи и невѣрительность Омера-паши сильно поколебали и безъ того сомнительную къ нему привязанность шипарянъ, а неприличное обращеніе съ женщинами и жестокость съ нѣкоторыми изъ нихъ самихъ турецкихъ офицеровъ произвели ропотъ, который готовъ былъ превратиться во всеобщее возстаніе.

Всѣмъ читающимъ русскія или иностранныя газеты извѣстенъ исходъ этой войны, стоившей Турціи около 3,000 человекъ убитыхъ, раненыхъ и погибшихъ отъ войны и около двухъ милліоновъ руб. сер., не считая всѣхъ насильныхъ поборовъ съ Босніи и Герцеговины, войны, не принесшей никакой пользы и только разжигшей еще болѣе взаимную ненависть сосѣднихъ двухъ народовъ.

Е. КОВАЛЕВСКІЙ.

МАГАЗИНЪ ЗЕМЛЕВѢДѢНІЯ И ПУТЕШЕСТВІЙ. *Географическій Сборникъ, издаваемый Николаемъ Фроловымъ. Томъ II. «Воззрѣніе на Природу» Александра Гумбольдта и «Идеи о Сравнительномъ Землеводѣніи» Карла Риттера. Съ семнадцатью рисунками. Москва. 1853.*

Окончаніе.

Мы не можемъ оцѣнить, какое вліяніе оказало направленіе, такъ давно проводимое А. Гумбольдтомъ (и его сподвижниками по предмету и направленію), на естественныя науки; но для наукъ географическихъ это вліяніе неопредѣлительно важно и въ высшей степени плодотворно. Вотъ что говоритъ Риттеръ объ этомъ вліяніи: обозначивши въ общихъ выраженіяхъ источники, которыми онъ пользуется въ своемъ сочиненіи, и предоставивши себѣ заняться ими подробнѣе впоследствии, Риттеръ продолжаетъ:

«Мы сдѣлаемъ здѣсь исключеніе для одного, единственнаго въ своемъ родѣ, всемірнаго путешественника и приведемъ еще разъ имя А. Гумбольдта, потому что безъ этого ученаго, соединившаго въ себѣ знанія цѣлой Академіи съ такою глубиною мысли, для которой открыты основы всѣхъ явленій, это сочиненіе («Сравнительное Землеводѣніе») никогда не получило бы необходимаго единства и не достигло бы своего выполненія.

«Собственные труды А. Гумбольдта и тѣ идеи, которыя онъ возбудилъ и распространилъ во всей образованной Европѣ, дали необыкновенное развитіе системѣ всеобщаго сравнительнаго землеводѣнія. Причина такого вліянія, какъ кажется, заключается вообще въ томъ, что Гумбольдтъ, проникнутый духомъ древности и обладая математическою методою, провелъ эту методу черезъ всѣ области естествознанія — отъ физики до астрономіи и отъ геологіи до физиологіи, и внесъ ее сознательно въ созерцаніе міра въ его цѣлости. Его увлекала не одна матеріальная, но также и другая, неподверженная измѣренію, сторона природы въ ея еще скрытой для насъ органической жизни и даже въ ея всемірно-исторической связи: онъ стремился прослѣдить повсюду явленія этой таинственной жизни и проникнуть въ ея законы.

«Такая связь и такое дружелюбное сближение всѣхъ отраслей науки съ живою природою, по двумъ ея великимъ путямъ, вдвое расширили предѣлы знанія и придали ему новую красоту.

«Но это вліяніе одного человѣка, который, по его собственному сознанию, дѣйствуетъ не одинъ, но въ кругу современниковъ, принимается здѣсь какъ вліяніе представителя того состоянія науки, котораго достигла она въ послѣднее время и которое подготавливаетъ великія средства грядущимъ столѣтіямъ.

«Въ прежнее время занимались болѣе отдѣльными явленіями — отдѣльными формами и фактами, оставляя каждое въ его средѣ въ его царствѣ, въ его отдѣлѣ; характеристика современной науки заключается въ томъ, что она, стремясь ко всеобщему, изучаетъ самыя крайніе предѣлы различныхъ областей явленій, ихъ соприкосновеніе и взаимное проникновеніе однихъ другими, ихъ взаимную связь въ отношеніяхъ пространственныхъ, геометрическихъ, физическихъ, органическихъ и духовныхъ и ищетъ средства слать всѣ эти явленія въ одно живое, органическое цѣлое.» (*)

Такое общее направленіе настоящаго столѣтія выразилось еще съ болѣею силою въ историческихъ наукахъ, въ ихъ стремленіи представить все человѣчество, всѣхъ странъ и вѣковъ, какъ одно разумное органическое созданіе, развивающееся въ плодотворной борьбѣ духа и природы. Здѣсь не мѣсто разбирать, на сколько успѣхи собранія историческихъ матеріаловъ, филологій, археологій и этнографій сдѣлали возможнымъ появленіе такой всемірной исторіи въ настоящее время, а также и исчислять тѣ многія историческія сочиненія, которыя, несмотря на спеціальность своего предмета, проникнуты мыслью о единствѣ развивающагося организма человѣчества; но мы не можемъ указать ни на одно общее сочиненіе по всемірной исторіи, которое рѣшало бы этотъ вопросъ сколько нибудь удовлетворительно. Самое поверхностное знакомство съ попытками философской исторіи, появившимися изрѣдка отъ *новой науки* Вико до философій исторіи Гегеля, можетъ убѣдить всякаго, какъ далеки еще эти попытки отъ той цѣли, къ которой стремятся. Небольшое количество собранныхъ въ нихъ фактовъ связывается новыми, но болѣе остроумными, нежели глубокими, мыслями. Философія исторіи Гегеля вмѣстѣ съ его философій права могутъ быть названы самыми слабыми его произведеніями: въ нихъ эмпирическій анализъ общественнаго организма касается только одной поверхности предмета, не внося въ глубины его, и работаетъ не надъ фактами, но надъ тѣми представленіями, которыя создалъ самъ писатель; фактическая же сторона этихъ сочиненій совершенно

(*) Einleitung zur allgemeinen vergleichenden Geographie. S. 66—67.

но ничтожна. Задача «Всесвѣтной Географіи» въ этомъ отношеніи — на сколько это можетъ быть определено впередъ — состоитъ въ томъ, чтобы представить весь земной шаръ и обитающее на немъ человѣчество какъ цѣлостный живой организмъ и плодъ жизни этого организма, всесвѣтную цивилизацію, въ настоящемъ ихъ состояніи. Такая «Всесвѣтная Географія», во всей полнотѣ своей, можетъ явиться только какъ результатъ всесвѣтной исторіи и будетъ, по выраженію нѣмецкихъ статистиковъ, остановившеюся исторіею. Но мы знаемъ, что изученіе настоящаго часто не только предшествовало изученію прошлаго, но и стирывало въ нему дорогу, и увѣрены, что будущій историкъ Востока нигдѣ не найдетъ такого богатаго источника къ раскрытію прошедшей жизни Азии, какъ въ книгѣ Риттера. Въ приложеніи къ Азии это замѣчаніе особенно справедливо: она давно уже остановилась въ своемъ развитіи и живетъ по неизмѣняющимся законамъ; такъ-что настоящій бытъ ея народовъ можетъ служить лучшимъ объясненіемъ и прошедшей, часто темной и загадочной, ихъ исторіи.

Само собою разумѣется, что такое изученіе земного шара возможно только для того, кто видитъ въ немъ не одно созданіе случая или произвола, а ищетъ разумныхъ законовъ въ его организмѣ. Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ привести слова самого Риттера, выражающаго свои убѣжденія въ этомъ отношеніи:

«При взглядѣ на земной глобусъ, какъ не ничтожно и, следовательно, несовершенно это изображеніе нашей планеты, видъ его, соединяющій въ своей шарообразной формѣ безконечное разнообразіе, поражаетъ воображеніе и пробуждаетъ въ немъ множество идей. Прежде всего намъ кидается въ глаза величайшій беспорядокъ, въ которомъ перемѣшаны между собою разорванные куски земныхъ и водныхъ пространствъ, — беспорядокъ, не имѣющій ни малѣйшаго слѣда симметріи. Мы не видимъ въ этомъ изображеніи, ни математическихъ прямолинейныхъ фигуръ, ни геометрически построенныхъ пространствъ, ни рядовъ прямыхъ линий, ни точекъ. Одна математическая сѣтъ, перенесенная наукою съ неба и брошенная ею на землю, даетъ намъ на первый разъ искусственное мѣрило для этого смѣшенія, не имѣющаго ни мѣры, ни порядка: даже оба полюса суть только математическія точки, заимствованныя изъ круговращенія земли, мѣсто которыхъ по нынѣ остается неизвѣстнымъ въ дѣйствительности. Въ формахъ земной поверхности мы не находимъ той симметріи зодчества, которую глазъ нашъ такъ привыкъ встрѣчать въ созданіяхъ человѣка, ни даже той симметріи, которая существуетъ въ организмахъ растительнаго и животнаго царствъ, въ противоположности, между верхомъ и низомъ, между основою

и верхушкою растенія, между лѣвою и правою стороною головы и туловища въ животныхъ и людяхъ.

«Такое явленіе, лишенное совершенно всякой симметріи и неизмѣняющее, во видимому, никакихъ законовъ, трудно начертывается въ памяти; и наблюдатель скоро бы отвернулся отъ такого хаотическаго и, по видимому, бессмысленнаго зрѣлища, если бы приуроченные каждой части названія и другія условныя средства не помогали его памяти. Вотъ причина, почему до сихъ поръ наука преимущественно занималась частностями этого хаотическаго цѣлаго, а не общимъ его обзоромъ, почему главное содержаніе географіи составилось изъ описанія частей и почему, наконецъ, она остановилась на перечисленіи и переименованіи подробностей, а не возвысилась до тѣхъ общихъ отношеній и законовъ, которые одни даютъ наукѣ единство и цѣлость.

«Но — говоритъ Риттеръ далѣе — какъ бы ни было совершенно и оконченно созданіе человѣческаго искусства, сколько бы ни было въ немъ красоты, симметріи и гармоніи, какъ въ цѣломъ, такъ и въ самыхъ мельчайшихъ частяхъ, ближайшее наблюденіе всегда откроетъ въ немъ отсутствіе внутренней органической связи и обнаружить всю грубость его состава. Такое несовершенство, такую неоконченность созданія замѣчаемъ мы и въ тончайшихъ тканяхъ, и въ превосходнѣйшихъ часахъ, и въ самыхъ лучшихъ картинахъ, и въ гладчайшей поверхности полированнаго мрамора и мала.

«Не то, мы видимъ въ твореніяхъ природы. Чѣмъ глубже проникаетъ въ нихъ наблюденіе, опытъ и микроскопическій анализъ, тѣмъ скорѣе видимый хаосъ, царствующій въ ихъ внѣшнемъ образѣ, разрѣшается или въ тончайшія нити паутины, въ дѣвную ткань растительной кѣлѣчатки, въ жилы и нервы животнаго организма, или въ правильныя кристаллическія формы неорганическихъ существъ, почти незамѣтныя для невооруженнаго глаза. Такая противоположность твореній искусства и твореній природы провъяется не только въ одной матеріальной тонкости частицъ, но и въ самомъ величіи и глубинѣ той мысли, которая развивается природою въ организаціи частей и въ распредѣленіи между ними общей дѣятельности. Физиологическій анализъ открываетъ въ природѣ взаимныя отношенія силъ, систему и разумные законы, которые и положили разумное основаніе отдѣльнымъ наукамъ: химіи, физикѣ, оптикѣ, механикѣ и т. д....»

«Неужели же внѣшній видъ самаго величайшаго изъ всѣхъ блужде намъ извѣстныхъ созданій природы не подчиняется общему ея закону? Неужели мы не можемъ отыскать той же правильности въ

вышнемъ видѣ нашей планеты, хотя покуда знакомы только съ самою вышнею ея оболочкой, да и то довольно поверхностно? Неужели настоящій видъ этого громаднаго тѣла, части котораго представляются съ перваго взгляда разорванными и перемѣшанными какою-то слѣпою, дикою силою, есть произведеніе случайной, хаотической борьбы плутологическихъ и нептуническихъ силъ, — борьбы, лишенной всякой системы и не имѣвшей никакой цѣли, изъ которой возникло это беспорядочное цѣлое, смущающее нашъ духъ при первомъ взглядѣ на него? Возможно ли соединить такое происхожденіе земного шара съ появленіемъ на немъ органической жизни, съ его постепеннымъ населеніемъ, съ судьбами человѣческаго рода и его развитіемъ въ исторіи? и какъ могло бы такое хаотическое созданіе случая стать земнымъ поприщемъ и орудіемъ историческаго развитія человѣка?

«Если каждое растеніе развивается, цвѣтетъ и приноситъ плоды только въ свойственной ему почвѣ, если каждое животное рождается и живетъ только въ родной стихіи, и выѣ ея погибаетъ: то какже человѣкъ и развитіе человѣчества, совершающееся тысячелѣтіями и въ миліонахъ индивидовъ, могло бы быть замкнуто въ сферу, созданную безсмысленнымъ произволомъ, возникшую изъ борьбы враждебныхъ антипатій слѣпыхъ силъ природы? можешь ли мы думать, чтобы человѣчеству назначена была въ удѣлъ родина, не находящаяся, несмотря на свое неисчерпаемое богатство, ни въ какой связи съ потребностями его вѣчнаго развитія — случайный слѣпокъ неорганическихъ тѣлъ, брошенный въ вихрь мірового круговращенія, предоставленный случаю и лишенный всякой живой способности организовать? Неужели одному земному шару отказано въ той образующей силѣ внутренняго организма, которымъ одарено все существующее на немъ?»

А немного далѣе Риттеръ говоритъ:

«Чѣмъ болѣе мы изучаемъ поверхность нашей планеты и внутреннюю связь ея частей, кажущихся разбросанными произвольно, чѣмъ глубже вникаемъ въ ихъ природу, тѣмъ яснѣе становятся для насъ высшая гармонія и симметрія, и прогрессивное, разумное развитіе этихъ пространственныхъ отношеній развертывается передъ нами естественными науками и исторіею. Для этой цѣли многое уже сдѣлано астрономическимъ опредѣленіемъ мѣстностей, геодезіей, гипсометріей, геогнозіей, метеорологіей и физикой (*); но если въ рѣшеніе этого вопроса войдутъ также естественныя произведенія странъ и исторія ихъ обитателей, то онъ будетъ рѣшенъ еще основательнѣе.»

(*) Ibid. S. 206—211.

Вліяніе формъ земной поверхности на развитіе человѣчества давно принято въ науку какъ фактъ неподверженный сомнѣнію ; даже разумность этого вліянія была доказываема многими историками и философами : Гегель посвящаетъ на эти доказательства нѣсколько страницъ своей философій исторіи и антропологіи, послѣдователи Шеллинга стараются объяснить ея таинственное вліяніе ; но вездѣ оно раскрывается только въ самыхъ общихъ, самыхъ крупныхъ чертахъ. Такія соображенія , выводимыя изъ формы материковъ, величины береговыхъ линій, протяженія горныхъ цѣпей, отношенія континентовъ къ полуостровамъ и островамъ и т. под. давно уже вошли въ науку, и Риттеръ самъ , въ одной изъ своихъ монографій, посвящаетъ имъ нѣсколько страницъ. Но такихъ умозаключеній слишкомъ мало ; они слишкомъ общи и касаются только самой поверхности историческихъ происшествій, не проникая въ ихъ внутренне содержаніе ; они слишкомъ грубы, чтобы изъ нихъ могла раскрыться та связь, свитая изъ безчисленнаго числа нитей, которая соединяетъ природу земли съ исторіей человѣка. Большая часть географическихъ учебниковъ, какъ бы ни были они многотомны и какъ бы не было полно ихъ содержаніе (Беркгауза , Рона и др.), заключаютъ эти выводы только въ общей своей части : авторы ихъ , упомянувъ о разумномъ вліяніи природы на человѣка, считаютъ себя въ правѣ не заниматься болѣе этимъ вліяніемъ и начинаютъ , по произвольно принятой системѣ, излагать отдѣльныя страны, не заботясь ни о томъ, чтобы изъ отношеній этихъ странъ вывести разумные законы, ни о томъ, чтобы въ природѣ ихъ раскрыть ихъ внутренній историческій смыслъ. Напротивъ , другіе писатели (статистики) вдаются въ противоположную крайность : избирая какой нибудь спеціальный предметъ, какую нибудь отдѣльную страну Европы и , зная , конечно, напередъ ея исторію, находятъ глубокой историческій смыслъ въ каждомъ ничтожномъ, пересылающемъ ручейкѣ, въ каждомъ горномъ проходѣ, доступномъ только для охотниковъ и пастуховъ ; такъ-что природа является у нихъ царицею, а человѣкъ только исполняетъ ея велѣнія. Вотъ этотъ-то недостатокъ географическихъ сочиненій, который съ одной стороны дѣлаетъ ихъ сборниками фактовъ, не имѣющихъ внутренней связи, а съ другой лишаетъ ихъ выводы всякаго кредита , старается исправить Риттеръ въ своемъ сочиненіи. Его идея о вліяніи природы на исторію гораздо глубже : онъ видитъ въ этомъ вліяніи не приказъ и подчиненіе, но соединеніе разумныхъ силъ духа и природы, направленныхъ къ одной цѣли, начертанной Провидѣніемъ. Вотъ что говоритъ онъ , по этому случаю , въ одномъ изъ томовъ своего «Сравнительнаго Землеводѣнія», поражен-

ный различіемъ климатовъ , произведеній и рассъ , возникающихъ на границахъ Индіи и Ирана :

«Природа земли и природа человѣка соединяются между собою и переходятъ одна въ другую въ тысячахъ созвучныхъ тоновъ и красокъ, но подчиняются *третьему, высшему*, котораго мы не понимаемъ вполне, а только предчувствуемъ въ гармоніи цѣлаго и въ индивидуальности особеннаго. Это третье выступаетъ иногда съ величайшею ясностью въ измѣненіи явленій и показываетъ намъ, что за этимъ міромъ скрывается еще *другой*» (*).

Самое сильное вліяніе на человѣка оказываетъ природа земного шара не крупными своими формами (очертаніями частей свѣта, направленіемъ рѣкъ, горъ и т. п.) и не одиночными произведеніями своими (какъ бы важны они ни были въ жизни и промышленности народа), но тою идеею, по которой эти одиночныя явленія, сохраняя свои индивидуальныя особенности, строятся въ одно гармоничное, художественное созданіе — типическую страну земного шара. Эта — основная идея, которую данная страна развиваетъ въ безчисленныя подробности; составляетъ истинную ея характеристику и въ ней то скрывается задача, выполняемая этою страной и ея народомъ въ общей жизни организма земного шара и въ исторіи человѣчества.

Вотъ почему Риттеръ въ своемъ «Землеуѣдѣніи» не занимается общностями и не выводитъ изъ формъ страны рѣшительныхъ приговоровъ судьбѣ ея обитателей, но также и не терется въ изложеніи частныхъ : онъ старается, независимо отъ всякой теоріи, угадать естественную гармонію частей и объяснить ее всѣми извѣстными ему данными, находитъ ли онъ эти данныя въ природѣ страны, или въ природѣ ея жителей, или въ ихъ исторіи. Онъ старается, излагая части, группировать ихъ такъ, чтобы изъ нихъ возникало одно цѣлое, полное географическаго и историческаго смысла. Мы будемъ еще, при удобномъ случаѣ, говорить о методѣ, употребляемой Риттеромъ въ его «Землеуѣдѣніи», а теперь предварительно постараемся рѣшить вопросъ : возможно ли, при настоящемъ состояніи наукъ естественныхъ, географическихъ и историческихъ, полное рѣшеніе задачи, начертанной имъ въ «Введеніи», и преимущественно въ отношеніи къ Азіи; потому что этой части свѣта одной посвящены всѣ до нынѣ вышедшіе томы сочиненій Риттера, исключая перваго, въ которомъ излагается Африка.

Само собою ясно, что главная основная мысль, вокругъ которой постоянно должны обращаться всѣ положенія такой «Всемирной

(*) Die Erdkunde von Ritter. 1838. 8. Theil. S. 310.

Географію», лежитъ въ отношеніяхъ различныхъ, послѣдовательныхъ (по развитію) явленій природы между собою и въ отношеніи всей сферы этихъ явленій къ природѣ человѣка. Здѣсь одно явленіе должно быть разумнымъ слѣдствіемъ другого, вытекать изъ него, какъ необходимый математическій результатъ; здѣсь недостаточно однихъ заключеній (хотя бы даже они были изложены съ остроуміемъ Монтеस्कье), основанныхъ на нѣсколькихъ примѣрахъ, а не на законахъ природы, раскрытыхъ опытомъ и анализомъ, и не на законахъ духа человѣческаго, выведенныхъ философіею и исторіею. Но мы должны сознаться, что результаты, добытые естественными науками по настоящее время, далеко недостаточны для объясненія всѣхъ отношеній, которыя должны войти во «Всемирную Географію».

Покуда для насъ ясно только то, что между положеніемъ на земномъ шарѣ данной страны подъ извѣстною широтою и долгоотою и ея пластической формою, созданіемъ ея геологической исторіи, *дѣйствительно существуетъ* необходимая, разумная связь. Для насъ ясно также, что изъ этихъ двухъ данныхъ, условливающихъ другъ друга, — положенія страны подъ извѣстной широтою и долгоотою, между извѣстными водными и земными пространствами, и ея пластической формою — выводится вѣрно, какъ математическій выводъ, минералогическое, растительное и животное богатство страны, и что изъ взаимнаго проникновенія всѣхъ этихъ отношеній возникаетъ общій характеръ страны: небо, воздухъ, климатъ, ландшафты. Для насъ ясно также, что человѣкъ, погруженный въ эту магическую сферу, полную гармоніи, тѣмъ изъ тысячи разнообразнѣйшихъ формъ дышетъ на него одна и та же мысль, не можетъ не отразить ее въ своемъ характерѣ, который, будучи общъ всѣмъ обстоятельствамъ этой страны, дѣлается характеромъ народа. Для насъ ясно, что народъ еще болѣе и вѣрнѣе, чѣмъ индивидуальный человѣкъ выражаетъ въ себѣ мысль, скрытую въ гармонію природныхъ явленій его страны: онъ впитываетъ эту мысль столѣтіями, передаетъ ее, въ вѣчномъ развитіи, изъ поколѣнія въ поколѣніе и выражаетъ въ своихъ историческихъ дѣяніяхъ; потому что дѣйствія народа, проистекая изъ его внутреннихъ, вѣчныхъ законовъ, менѣе, чѣмъ дѣйствія одного человѣка, зависятъ отъ произвола и случая. Для насъ ясно, что народъ въ своей особенноти есть не болѣе, какъ полнѣйшее, духовнѣйшее выраженіе мысли, развитой въ природѣ его страны. Для насъ ясно все это; но наши средства далеко еще не достаточны для того, чтобы провести всѣ эти безчисленныя нити, не разрывая ихъ, провести отъ периферіи видимыхъ явленій къ центру невидимаго начала, отдѣленного отъ насъ и цѣлою

вѣдностью событій, и всей неисчерпаемой глубиной каждаго явленія природы и духа.

Геологія добыла уже нѣсколько твердыхъ законовъ, провела нѣсколько чертъ, обозначающихъ главныя направленія постройки земного шара, показала взаимную зависимость главныхъ горныхъ хребтовъ, наслѣдовала въ подробности геологическую исторію нѣкоторыхъ (весьма немногихъ) странъ; но еще далеко то время, когда каждая страна, каждая горная цѣпь, — каждая самостоятельная форма земной поверхности найдетъ въ наукѣ объясненіе своего вѣшняго вида и внутреннего состава, когда каждая изъ нихъ прикинеть къ цѣлому, созданному по одной мысли. Успѣхи метеорологіи значительнѣе: главные законы жизни атмосферы, зависящіе отъ положенія страны и ея пластическаго вида, уяснены достаточно; но зависимость растительнаго и животнаго царства отъ атмосферы и почвы, несмотря на огромные успѣхи, сдѣланные въ этомъ отношеніи органической химіей, далеко еще не раскрыты вполне и далеко еще то время, когда ботаническая географія найдетъ въ ней объясненіе всѣхъ собранныхъ ею явленій; да и самая эта географія только начинаетъ создаваться. Вліяніе же природы на образованіе животныхъ организмовъ и человѣческихъ расъ и племенъ и вовсе не раскрыто.

Но не только одно несовершенство естественныхъ наукъ, но и недостаточность самыхъ географическихъ свѣдѣній составляетъ непреодолимое препятствіе для полнаго рѣшенія задачи, избранной Риттеромъ. Правда, никогда еще знаніе поверхности земного шара не обнимало такого огромнаго пространства, никогда еще не было расслѣдано на немъ такого количества наблюдателей, способныхъ передать наукѣ результаты своихъ наблюденій, никогда еще самыя отдаленныя страны не сближались до такой степени, какъ въ настоящее время; но многія, чрезвычайно важныя по своему положенію, мѣстности, остаются и по нынѣ совершенными terra incognita. Для доказательства этого возьмемъ нѣсколько примѣровъ изъ самаго сочиненія Риттера.

Какъ слабы, поверхностны и почти ничтожны наши свѣдѣнія о срединѣ Стараго Свѣта, срединѣ, столь важной не только по своимъ геологическимъ, но и по своимъ историческимъ явленіямъ: много ли знаемъ мы о Восточномъ Туркестанѣ, Тибетѣ, Тіаншанѣ, Куенлунѣ и наконецъ о самомъ Гималаѣ. Нѣсколько дневниковъ путешествій прокладываютъ узенькія тропинки черезъ эти огромныя пространства; нѣсколько сухихъ и безцвѣтныхъ китайскихъ описаній даютъ самое скудное понятіе объ отдѣльныхъ частяхъ внутренней Азіи; а между тѣмъ въ ней заключаются величественныя

явленія природы, остатки безчисленныхъ племенъ и, можетъ быть, остатки древней жизни человѣчества; по крайней мѣрѣ туда ведутъ насъ священныя преданія Китая, Индіи и Ирака. Эта огромная страна занимаетъ средину азіатскаго континента и связывается въ одно цѣлое всѣ его отдѣльныя части, которыя такъ далеко отстоятъ другъ отъ друга и такъ поражаютъ своею противоположностью.

Наконецъ и историческія науки не могутъ отвѣчать на всѣ вопросы, рождающіеся при такомъ изложеніи географіи; и въ особенности это замѣчаніе относится къ Азіи. Исторія Азій и этнографія ея неполны, отрывочны и лишены всякой связи; тогда какъ всѣ новыя открытія наводятъ на какую-то связь преданій и цивилизацій, по крайней мѣрѣ, главнѣйшихъ азіатскихъ народовъ. Возьмемъ для примѣра одну изъ самыхъ важныхъ сферъ азіатской жизни — сферу религіозную, въ которой отдѣльныя государства и племена Азій, отдѣленные другъ отъ друга и необозримымъ пространствомъ и неодолимыми преградами горъ и пустынь, часто соединялись въ одно цѣлое и подчинялись одной идее, одному событію, совершившемуся въ какой нибудь точкѣ этого неизмѣримаго тѣла. Слѣды таинственнаго Шаманизма, философскія и историческія основы котораго до сихъ поръ остаются тайною, встрѣчаются еще и теперь на неизмѣримомъ пространствѣ: на берегахъ Охотскаго и Ледовитаго моря, въ степяхъ Средней Азій, на берегахъ Вайгача, Каспія и Волги, въ гѣсахъ Урала и въ ущельяхъ Гималаевъ, въ Индіи, Манчуріи, Китаѣ и на японскихъ островахъ, и вездѣ въ такихъ сходныхъ и притомъ условныхъ формахъ, что не можетъ быть никакого сомнѣнія въ ихъ историческомъ родствѣ и распространеніи изъ одного центра. Идея буддизма, родившаяся въ головѣ одного человѣка, проникла на югъ до Цейлона и на острова Индійскаго Архипелага, на сѣверъ за Балканъ, на востокъ до Японии и на западъ до Волги и, разламывая по центральной стени, успѣла навсегда разрушительную энергію ея дикихъ обитателей. Нельзя не согласиться, что, оказывая такое сильное вліяніе на различные народы, различныя племена, даже различныя рассы, буддизмъ долженъ заключать въ себѣ нѣчто обязательное вообще для азіатскаго человѣка; тѣмъ болѣе что мы рѣшительно не знаемъ пристра, гдѣ бы буддизмъ распространялся оружіемъ: а между тѣмъ не только философскія основа буддизма и его отношеніе къ религіи Брами не раскрыты вполнѣ; но и различныя догматы его, въ которые развился онъ, несмотря на отреченіе, по началу своему, всякихъ опредѣленныхъ догматовъ, не приведены въ извѣстность, даже самое историческое появленіе буддизма и распространеніе его открыты глубокимъ иракомъ и составляютъ предметъ самыхъ

противуположныхъ гипотезъ. Еще въ большей степени остаются неизвестными исторія религіи Зороастра и тѣхъ религіозныхъ преданій, которыя, кажется, уже утратили своихъ представителей, но остались въ религіи евреевъ, магометанъ, въ религіи Ирана, Индіи и даже Китая, и въ которыхъ послѣдователи Шеллинга думаютъ видѣть остатки какого-то первобытнаго сомнамбулистическаго совершенства азіатскаго человѣка.

Вліяніе исторіи Азій на исторію Европы высказывается въ такомъ множествѣ явленій, что невозможно сомнѣваться въ действительномъ существованіи такого вліянія; но далеко еще то время, когда вполне раскроется путь этого вліянія, которое сдѣлало жѣ Европы вторую ступень въ развитіи человѣчества и дало исторіи Азій смыслъ одного великаго историческаго періода, выполнившаго свое назначеніе.

Даже взаимное вліяніе сосѣднихъ азіатскихъ народовъ, каковы, наприимѣръ, жители Ирана и Индіи, только въ настоящее время, благодаря неутомимымъ трудамъ филологовъ, начинаетъ раскрываться; а связь, необходимо существовавшая между двумя великими цивилизаціями востока, Индіи и Китая, скрыта еще совершенно въ недоступныхъ долинахъ восточнаго Гималая и Хухунера.

Мы съ намѣреніемъ выставили всѣ эти препятствія, стоящіе на пути къ разрѣшенію задачи, избранной Риттеромъ, чтобы легкомысленно не требовать отъ добросовѣстнаго труда германскаго географа того единства мыслей, доведенной до ясности сознательной идеи, котораго она не можетъ представить въ настоящемъ состояніи наукъ. Риттеръ не хотѣлъ подводить сродныя явленія подъ одну теорію, которая не могла бы быть вполне доказана фактами; но въ то же время онъ не могъ не указать читателю на значительное сродство многихъ явленій — сродство, невольно поражающее воображеніе и уносящее наши мысли гораздо далѣе того горизонта, который по нынѣ освѣщенъ солнцемъ науки.

Риттеръ самъ вполне сознавалъ невозможность совершеннаго достиженія избранной имъ цѣли.

«Если бы — говорятъ онъ — землѣдѣніе хотѣло возвыситься до степени философіи природы и, начиная съ основной идеи организма земнаго шара (сомнѣваться въ которомъ, впрочемъ, нѣтъ никакой достаточной причины), пыталось систематически развитъ проявленіе всѣхъ ея частей, то оно, при своемъ слишкомъ неполномъ и отрывочномъ состояніи, заблудилось бы въ безконечности, какъ заблудились въ ней многія геологическія системы; потому что землѣдѣніе, какъ наука историческая, должно преодолѣть много препятствій, пока будетъ въ состояніи промѣрять то тво-

реніе, обладаніе которымъ должно быть предоставлено будущимъ поколѣніямъ. Но еще менѣе полезно будетъ для науки землевѣдѣнія остановиться на томъ наследственномъ способѣ, усвоенномъ географическими сборщиками, по которому принято исчислять въ общей суммѣ и въ совершенно произвольномъ порядкѣ произведенія всѣхъ царствъ природы каждой страны, каждой произвольно ограниченной области, ихъ употребленіе и приложеніе: такое перечисленіе и скучно, и бесполезно» (*).

«Если первая метода и не можетъ исчерпать всей полноты содержанія природы и, начиная съ слишкомъ общихъ и несовершенныхъ предположеній, ведетъ къ ошибочнымъ и неудовлетворительнымъ результатамъ, такъ-что для соблюденія послѣдовательности должна иногда извращать факты, — то вторая метода есть одинъ агрегатъ фактовъ (Aggregat-Lhere), дѣло одной памяти. Въ ней истинное содержаніе явленій природы остается неизвѣстнымъ, несвязаннымъ и истинныя причины и условія ихъ нигдѣ не выходятъ наружу. При такой методѣ невозможно никакое сравненіе явленій поверхности земного шара, никакое постепенное разоблаченіе ихъ внутренняго содержанія, никакое открытіе плодovitoe для будущаго изслѣдованія. Она не знакомитъ даже съ сущностью своего предмета и съ его отношеніемъ къ странѣ, къ человѣку и его потребностямъ и къ цѣлому земному шару. Слѣдя первому пути, смѣлому, но исполненному мысли, мало по малу, послѣ многихъ заблужденій, посредствомъ критики истина откроется; слѣдя второму, наука землевѣдѣнія будетъ оставаться на одной и той же точкѣ матерьяльной ограниченности и, какъ это было и до сихъ поръ, ни на шагъ не подвинется впередъ, а будетъ довольствоваться наружнымъ удовлетвореніемъ самыхъ близкихъ, ничтожнѣйшихъ потребностей эвенія.» (*).

Такимъ образомъ полное рѣшеніе задачи, которую Риттеръ даетъ землевѣдѣнію, невозможно при нынѣшнемъ состояніи наукъ, результатами коихъ должна пользоваться географія при разсмотрѣваніи своего предмета; но стремленіе къ рѣшенію ея, какъ показалъ Риттеръ, не только возможно, но и въ высшей степени плодovitoe.

Многимъ, можетъ быть, покажется слишкомъ смѣлымъ наше мнѣніе; но мы не затрудняемся сказать, что Риттеръ первый внесъ въ науку идею азіатскаго континента какъ одного цѣлаго тѣла при

(*) Здѣсь Риттеръ развиваетъ эту мысль только въ отношеніи изложенія произведеній природы; но, конечно, она еще по большому праву можетъ быть приложена къ этнографической и исторической части географіи.

(*) Einleitung zur allg. vergl. Geographie. S. 190 и 191.

роды, созданнаго по одной мысли, для одного назначенія и систематически развитаго въ свои части.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробный разборъ, на сколько эта великая цѣль, достиженіе которой выбрано авторомъ единственныиъ предметомъ занятія всей его долгой и трудолюбивой жизни, достигнута имъ въ его безсмертвомъ твореніи. Скажемъ только, что эта цѣль достигнута имъ достаточно для того, чтобы наука, возникшая изъ незыблемой и плодотворной почвы, данной ей Риттеромъ въ своемъ «Землеуѣденіи», могла твердою ступою идти по проложенной дорогѣ. Скажемъ еще, что Риттеръ въ своемъ «Землеуѣденіи» даетъ гораздо болѣе, нежели обѣщаетъ его «Введеніе». Правда, которая онъ чертитъ самъ себѣ въ этомъ «Введеніи», какъ ни глубоки мысли, на которыхъ они основываются, далеко не исчерпываютъ всѣхъ трудностей, побуждаемыхъ географомъ въ каждой строчкѣ, всѣхъ безчисленныхъ страницъ шестнадцати томовъ его географіи. Эти трудности могли уступить только тому, на минуту не ослабѣвающему географическому такту, источникомъ котораго можетъ быть только одинъ гений, не знающій узкихъ рамокъ и безпрестанно извлекающій изъ самаго себя новые законы для своихъ дѣйствій. Вотъ почему читатель не найдетъ въ «Введеніи», несмотря на нѣсколько прекрасныхъ и одушевленныхъ страницъ его, и тысячной доли той глубокой и увлекательной мысли, которая пошинуто будетъ возбуждать энергію его души въ бесконечной вереницѣ безчисленныхъ фактовъ, развивающейся передъ его глазами на страницахъ безсмертнаго творенія. Гений нѣмецкаго географа, несмотря на всю свою смысловую глубину, а можетъ быть именно по причинѣ самой этой глубины, имѣетъ неодолимое фактическое направленіе. Риттеръ не умѣетъ иначе говорить, какъ фактами, именно потому, что всякая абстрактная концепція кажется ему слишкомъ узкою для того, чтобы въ ней могъ вмѣститься тотъ безконечный смыслъ, который чувствуетъ душа его въ явленіяхъ природы и исторіи. Вотъ почему Риттеръ всегда удерживается отъ узкихъ логическихъ опредѣленій, вотъ почему и всѣ идеи его, высказанныя отвлеченно, скорѣе уносятъ насъ въ какой-то безконечный міръ разумныхъ соотношеній, нежели передаютъ намъ какое нибудь строго опредѣленное понятіе. Вотъ почему мы предостерегаемъ читателей «Введенія», чтобы они по этимъ немногимъ отрывочнымъ, а иногда слишкомъ темнымъ и неопредѣленнымъ, фразамъ не заключали о томъ глубокомъ наслажденіи, которое ждетъ ихъ при чтеніи «Географіи» Риттера, и о той душевной теплотѣ, которая вѣетъ съ каждой страницы ея. Если бы мы смотрѣли на это собраніе небольшихъ, рассужденій о разныхъ геогра-

этических предметов, как на отдельное сочинение, то и был бы полное право назвать его самым неудачным из произведений Риттера. Не мы высказали уже выше настоящее значение этих отдельных монографий как необходимых, хотя не вполне удовлетворительных, приготовлений къ чтению «Сравнительный Географіи». Съ этой точки зрѣнія «Введеніе» имѣетъ несомнѣнную важность, и г. Фроловъ прекрасно поступилъ, давъ имъ мѣсто въ своей «Сборникѣ». Они облегчатъ нѣсколько чтеніе «Географіи» Риттера, когда она появится на русскомъ языкѣ.

Теперь намъ остается сказать нѣсколько словъ о переводѣ сочиненій Риттера и Гумбольдта.

Мы вполне понимаемъ трудность перевода ученыхъ нѣмецкихъ сочиненій на русскій языкъ, а тѣмъ болѣе такихъ сочиненій, которыя, прокладывая себѣ новую дорогу къ наукѣ, принуждены создавать и новыя формы въ языкѣ. Риттеръ не только положилъ основаніе географіи, но и основаніе географическому языку. Новые термины, къ составленію которыхъ такъ способенъ нѣмецкій языкъ, повсюду въ сочиненіи Риттера на каждой страницѣ и обмечаютъ въ авторѣ какъ глубокія филологическія познанія, такъ и громадную философскую подготовку. Такие термины трудно передавать на нашъ языкъ съкатыми, подстрочными фразами, не объяснивши предварительно ихъ значенія, коренящагося въ характерѣ нѣмецкаго языка и въ томъ общо-философскомъ языкѣ, который выработала себѣ Германія столѣтними усиліями. Такие термины или надо переводить перифразами или соответствующими терминами, если они могутъ быть такъ составлены, чтобы ни не оскорблялся русскій слухъ и чтобы они не противорѣчили духу нашего языка. Къ такимъ терминамъ мы не можемъ причислить многихъ словъ, вновь изобрѣтенныхъ переводчиками, помѣтившими свои, впрочемъ чрезвычайно добросовѣтные, труды въ «Сборникѣ» г. Фролова.

Таковы напримѣръ:

«Пищевия средства» (стр. 17); «посело-дремлющіе ивства» (стр. 18); «красно-пльинистый ягуаръ»; «когда разражаются свои, богатые нервами, органы съ разъ» (стр. 20); или, напримѣръ, славянское выраженіе — «Рѣка Амазонскъ длиннѣйшая всѣхъ рѣкъ» (стр. 27); «большая прохладность» (стр. 29); «служившая основой такъ многимъ дружинамъ» (стр. 42) и тому подобныя выраженія; тѣмъ болѣе, что такое нововведеніе въ приведенныхъ случаяхъ совершенно бесполезно.

Что же касается до новыхъ словъ, созданныхъ, илихъ будто, по необходимости, то мы можемъ сказать, что на такое созданіе дол-

не рѣшались весьма осторожно, чтобы не создать слова, раздражающаго слухъ или не имѣющаго никакого народно-философскаго смысла, каковы, напримеръ, употреблены въ «Сборникѣ» слова: «дефраментація» (Vogzeit), «излученіе» (Ausstrahlung) тепла, «молчаливое сладеніе», и т. п.

Но вотъ еще замѣтка, касающаяся болѣе одного перевода второй статьи «Сборника». Этотъ переводъ сдѣланъ съ чрезвычайною добросовѣстностью и почти буквально; но эта-то буквальность и повредила ему: въ ней совершенно потерялась та красота риттеровскаго языка, которая проистекаетъ единственно изъ красоты его мыслей. Намъ кажется, что переводчики «Введенія» поступили бы гораздо лучше, перевода не такъ буквально, даже пропуская нѣкоторые эпитеты и вводныя предложения, но стараясь произвести на душу и умъ читателя то же самое впечатлѣніе, которое производится чтеніемъ оригинала. Этого бы мы имъ не посоветовали при переводѣ какова нибудь сочиненія Канта; но смѣло советуемъ при переводѣ Риттера. Переводчикъ, познакомившійся хорошо со словомъ сочиненіями Риттера, а не съ тѣмъ только, которое онъ переводитъ, проникнутый вполнѣ тѣмъ географическимъ талантомъ, который съ силой дышетъ на него изъ каждой страницы «Географіи» Риттера, — можетъ свободно распорядиться съ его фразами и вѣрно найдетъ въ области русскаго слова приличную форму для всякаго и точнаго выраженія риттеровской мысли, хотя эта форма будетъ совершенно не похожа на ту, которая употреблена въ оригиналѣ.

Не нужно доказывать, что каждый языкъ имѣетъ свой особенный характеръ, сообразный характеру и исторіи того народа, который создалъ и развилъ его, и характеру той особенной природы, для объясненія которой онъ созданъ. Каждый языкъ имѣетъ свою самостоятельную идею и красоту рѣчи, въ которой выражается душевная красота народа. Это различіе языковъ не дѣлаетъ, впрочемъ, невозможнымъ совершенную передачу созданій науки, общаго достоянія человѣчества; но дѣло въ томъ, что если наука достигла высшей своей ступени, той, которая граничитъ уже съ поэзіей и вдохновеніемъ, — той, съ которою познакомили насъ Риттеръ и Гумбольдтъ, эти два окончательные результата германской науки, достигшей въ нихъ всемірныхъ общенствескихъ формъ, — то на переводчикѣ такихъ созданій, кромѣ обязанности передать вѣрно и вполнѣ мысли оригиналовъ, лежитъ и другая не менѣе, а можетъ быть и болѣе важная обязанность. Онъ долженъ придать этимъ мыслямъ ту силу, которую придали имъ авторы, потерпевшій се изъ общаго источника восторга, порожденнаго въ нихъ созерца-

нѣмъ стройности и красоты мысли, высказывающейся въ его явленіяхъ. Эта сила не переводится, но должна быть вычерпнута переводчикомъ въ томъ восторгѣ, который ощущается имъ при чтеніи такихъ твореній, и передана имъ не въ чуждыхъ формахъ, заимствованныхъ изъ чуждаго языка, но въ тѣхъ редкихъ намъ образахъ, которые рождаются невольно сами собою, когда душа наша потрясена глубоко. Чуждые выраженія, чуждая намъ постройка рѣчи не только не передаетъ поэтической силы переводимаго произведенія, но ослабляетъ и убиваетъ ее окончательно. А эта сила составляетъ главную часть такихъ произведеній, каковы произведенія Риттера и Гумбольдта, и переводчикъ менѣе повредитъ имъ, опустивши какой нибудь эпитетъ или даже цѣлое вводное предложеніе, нежели обезсилитъ ихъ какими нибудь чисто нѣмецкими періодами.

Въ отношеніи нѣмецкаго языка, составляющаго съ русскимъ совершенную противоположность, высказанное нами замѣчаніе сохраняетъ всю свою силу. *Осторожность, расчетливость, особеннаго рода терпѣніе* составляютъ отличительную характеристику нѣмецкаго языка, совершенно невозможную для передачи на русскій. Можетъ ли, напримѣръ, русскій человекъ, сказавши половину глагола, лишенную смысла, говорить въ продолженіи пяти минутъ, терпѣливо дожидая конца рѣчи, гдѣ должна быть поставлена вторая половина того же глагола, которая только и можетъ объяснить весь смыслъ цѣлаго періода? Такая расчетливость, такое терпѣніе не свойственны ни русскому характеру, ни русскому языку. Другая особенная черта нѣмецкихъ періодовъ точно такъ же, какъ нѣмецкаго остроумія, состоитъ въ томъ, что они любятъ, чтобы въ нихъ вдумывались — любятъ, такъ сказать, не быть понятыми съ перваго раза и испытывать терпѣніе читателя или слушателя. Вотъ почему нѣмецкіе періоды наполнены придаточными, вводными и вставочными предложеніями, которыя, такъ сказать, оттягиваютъ окончательно разрѣшеніе смысла. Нѣмецкій періодъ, подобно расчетливому богачу, любитъ пошемному высказывать свое содержаніе, такъ, чтобы человекъ, прочитавши его, задумался и потому уже медленно и важно произнесъ свое одобрительное «*хорошо!*» Русскій языкъ, напротивъ, сообразно размашистому характеру народа, сообразно размашистому разбѣгу русскихъ полей, любитъ разливаться свободно, подобно сильному источнику, выбирающемуся широкою волною изъ недосягаемой глубины. Вотъ почему русскій періодъ допускаетъ скорѣе множество прибавленій къ главному предложенію, нежели одно вводное, для котораго мысль должна остановиться. Русское *авось* имѣетъ глубокое значеніе не

только въ характерѣ русскаго человѣка, но и въ характерѣ русскаго языка. Русскій періодъ точно такъ же выѣзжаетъ на *авось*, какъ русскій ямщикъ, пробирающійся по окраинѣ горы, висящей надъ бездною, отъ которой у иностранца бы закружилась голова. И не должно думать, чтобы это *авось* было такъ перасчитанно, а потому и вредно: оно, правда, не основывается на мелочномъ соображеніи виѣшнихъ возможностей и средствъ, но выходитъ изъ того могучаго, хотя неяснаго сознанія своей внутренней силы, которая невозможное дѣлаетъ возможнымъ и отыскиваетъ средства тамъ, гдѣ ихъ не могъ отыскать самый расчетливый разумокъ. Вотъ на это-то *авось* и надо было положиться и переводчикамъ Риттера: постигнувъ вполне мысль оригинала, они бы выбросили изъ памяти нѣмецкія фразы и постарались найти въ русскомъ языкѣ приличныя выраженія для возвышенныхъ идей нѣмецкаго географа — *авось* бы и нашли.

Впрочемъ, мы должны отдать полную справедливость строгой добросовѣстности переводчиковъ, помѣстившихъ свои труды въ «Сборникъ» г. Фролова. Если ихъ переводы читаются не легко, то зато, кто прочтетъ ихъ и вдумается въ нихъ хорошо, тотъ прекрасно познакомится съ самыми высокими и съ самыми поэтическими созданіями современной науки.

Желая предварительно познакомить читателей какъ съ переводомъ, такъ и самымъ содержаніемъ переведенныхъ въ «Сборникъ» сочиненій, мы считаемъ необходимымъ привести здѣсь одну страницу изъ «Введенія» Риттера, такъ какъ съ «Воззрѣніями на Природу» Гумбольдта читатель уже познакомился въ «Современникѣ».

Вотъ наприимѣръ, что говоритъ Риттеръ о поэтическомъ вліяніи родной природы на человѣка:

• Вообще вся земля, въ цѣлости и въ отдѣльныхъ частяхъ своихъ, покрытыхъ сушею и водами, въ особыхъ странахъ и мѣстностяхъ, гдѣ-только искусство не сообщило ей совершенно новаго вида, вездѣ является собраніемъ разнообразнѣйшихъ естественныхъ произведеній. Мы по-большей-части представляемъ себѣ ихъ безознательно, въ ихъ естественныхъ сочетаніяхъ и связи, или замѣчаемъ въ нихъ отдѣльныя группы и обособленныя формы, которыя должны вездѣ прикидыватъ какъ образцы.

• Въ своей связи, въ мѣстной своей группировкѣ, въ особенномъ своемъ распредѣленіи они для созерцанія непосредственно представляютъ характеристику земныхъ пространствъ, или особую природу каждой страны. Цѣлостное инстинктивное представленіе этой особой природы оказываетъ сильное вліяніе на развитіе и на виѣшнюю и внутреннюю жизнь даже самаго грубаго естественнаго человѣка. Это вліяніе дотога могущественно, что именно отсутствіе этой совокупности

естественныхъ отношеній известнаго рода, со всѣмъ къ ней принадлежачимъ, на-примѣръ природы горной, или равнинъ, лѣсной почвы, степей, острововъ, морского побережья, воздуха и т. п., какъ въ теплыхъ такъ и въ холодныхъ полосахъ, отсутствіе этихъ отношеній, съ которыми свыклась чувственно-духовная жизнь человѣка, какъ съ настоящей своей стихіей, можетъ отъ ощущенія непріятнаго и безпокойнаго довести до мучительной тоски по родинѣ, въ которой даже все существо человѣческое разрѣшается въ порывъ и стремленіе. Таинственное очарованіе этого стремленія оказывается обновленнымъ въ каждомъ ребенкѣ; его не можетъ разрѣшить ни какое искусство, ни наука. И еще не рѣшенъ психологически вопросъ: не должно-ли это стремленіе постоянно оставаться во всей культурной жизни, отрешившись отъ природы, страшнымъ ея спутникомъ, даже и при высшемъ ея развитіи. о-крайней-мѣрѣ, на это, кажется, указываютъ многія явленія въ-средѣ образованныхъ народовъ.

• Напротивъ неограниченное пользование всею совокупностію естественныхъ условій родины часто доводитъ энергію народовъ, которымъ оно безпрепятственно и вполне досталось на долю, до удивительной степени высоты; такъ-что въ другихъ народахъ, вполнину или совсѣмъ отрѣшившихся и удалившихся отъ природы, окруженныхъ рукотвореннымъ новымъ міромъ искусства, едва-едва замѣтны слѣды подобной энергіи, — что они едва могутъ достигать ее чувствомъ. Такъ образованному Европейцу не дано подобно Индусу вѣрять въ венарушимую чистоту пламени или рѣчной волны; такъ ему-же, послѣ столь долговременнаго предавія математическихъ истинъ назъ первобытныхъ временъ, уже невозможно раздѣлять восторгъ первыхъ мыслителей, открывшихъ ариметическія численные отношенія.

• Вліяніе системы планетной природы въ ея мѣстномъ устройствѣ оказываетъ сильное вліяніе какъ на юношеское развитіе каждаго отдѣльнаго человѣка, такъ еще гораздо болѣе на развитіе цѣлыхъ племенъ. Не подлежитъ ни какому сомнѣнію, что это вліяніе природы, даже неговоря о всѣхъ другихъ сопровождающихъ его дѣйствіяхъ, необходимо имѣло важнѣйшія послѣдствія для душевнаго и умственнаго преобразованія внутренняго человѣка, равно-какъ и для особаго его проявленія во внѣшности, въ различныхъ странахъ земнаго шара, черезъ всѣ столѣтія человѣческой исторіи. Итакъ въ этомъ, кроитъ племеннаго происхожденія, заключается содѣйствующее условіе для развитія народной индивидуальности вслѣдствіе вліянія окружающей природы, которая въ-видѣ непроизвольныхъ жизненныхъ привычекъ явственно отпечатлѣвается на душѣ человѣческой, и вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждаетъ въ ней постоянно сообразную съ мѣстностью умственную дѣятельность.

• Кочевой Арабъ, съ бродячею фантазіей, наполняетъ пустыннымъ необозримымъ пространства своей земли, равно-какъ и своего лѣчнояснаго, безоблачнаго неба свободнымъ, несвязнымъ, безформеннымъ міромъ своихъ мыслей и вымысловъ. Этимъ фантастическимъ міромъ

онъ обязанъ своимъ свойству своей родины, въ которой его властно-дѣятельная умъ и тѣло должны все добывать неутомимою борьбою. Съ другой стороны обращенный въ свой внутренній міръ, ослѣдлый, но какъ-будто-бы вросшій въ роскошную природу Индіецъ по-сю и по-ту-сторону Гангеса имѣетъ свой міръ вымысловъ: его боги фантастически-теософически изничаютъ изъ цвѣтовъ, деревьевъ; по его понятіямъ души человѣчскія переселяются въ животныхъ. И онъ этимъ міромъ вымысловъ также обязанъ своей природѣ, извѣстному все-подавляющему изобилію удивительныхъ и колоссальныхъ формъ растеній и животныхъ, — обязанъ каждому мѣсту своей родины, во всѣхъ родахъ самыхъ пылнѣйшихъ и самыхъ страшныхъ образовъ. Это-самое и дало цѣлому поколѣнію племень, живущихъ въ этой средѣ, безъ всякой возможности надъ нею возвыситься, неизбѣжный отпечатокъ покорности человѣка силамъ природы, — какъ могуществу горъ, растеній, животныхъ, такъ и могуществу божественныхъ, демоническихъ, а потому и человѣческихъ властителей.

• Оба эти главные направленія, одно — духовно-свободнаго и странническаго, другое — внутренне-оозерцательнаго и строго-скованнаго развитія жителей тропическихъ странъ Стараго-свѣта, во многихъ ступеняхъ и переходахъ, составляютъ господствующія противоположности, — съ одной стороны отъ Аравіи на западъ, черезъ всю сухую безплодную Азію, до Атласа, — съ другой на востокъ отъ многоводнаго Ивда, черезъ Гангъ и обильную растительностію Западную Индію, до неисчисленныхъ скопищъ острововъ міра Зондскаго. Изъ этого уже видно, что не въ климатѣ, не въ свѣтѣ и тропическомъ жарѣ, свойственныхъ какъ той такъ и другой почвѣ, можетъ заключаться условливающая причина идеальнаго ихъ образованія; что напротивъ къ тропической природѣ, зависящей отъ астрономическаго положенія, должно было присоединиться еще чисто-теллурическое отношеніе, именно пространственная совокупность системы природы въ мѣстномъ общемъ ея проявленіи, чтобы сообщить цѣлымъ группамъ Восточныхъ народовъ такіа характеристически-различныа направленія на цѣлыа тысячелѣтія въ ихъ теософическихъ, философскихъ и поэтическихъ произведеніяхъ, и вообще такіе особые отпечатки.

• Подобные отпечатки могутъ принимать столько различныхъ формъ, сколько разнообразенъ существенный характеръ природы въ мѣстностяхъ земнаго шара и сколь различно онъ вліяетъ на земледѣліе и водяные промыслы, на жизнь охотниковъ и горскихъ племенъ, на паству, ослѣдность, скитальчество, на войну и миръ, на отдѣльность и общеніе, на грубость и образованность и т. д. А по ихъ положенію относительно свѣта и теплоты, какъ въ полярной такъ и въ тропической области земли, или въ среднихъ широтахъ, они уже и вслѣдствіе свойства окружающей ихъ природы, даже неговоря о всѣхъ другихъ вліяніяхъ, получаютъ особенный цвѣтъ, колоритъ и видоизмѣненія.

• Освѣтованная поэзія, родившаяся на обнаженныхъ полянахъ суроваго, отуманеннаго облаками Шотландскаго высокаго побережя, соот-

вѣтствуетъ совѣтъ-другому естественному характеру своей родины, чѣмъ лѣсная пѣсня Канадца, или пѣсня Негра на рисовомъ полѣ; Джолибы, пѣсня Камчадала про медвѣдя, рыбацкія пѣсни островитянина. Всѣ же онѣ суть только отдѣльные звуки того господствующаго душевно-умственного настроенія и развитія, которое отъ совокупнаго дѣйствія окружающей естественной системы въ цѣлостномъ впечатлѣніи ихъ естественнаго элемента сообщилось этимъ поющимъ сынамъ природы и заставляетъ ихъ выражать это въ звукахъ.

Подобное впечатлѣніе изъ природнаго быта чрезъ высшее духовное посредство можетъ передаваться и въ бытъ образованности отдѣльнаго существа или цѣлага народа. Въ какой мѣрѣ возможна эта передача, то оказывается на почвѣ Іонія въ Гомеровскомъ пѣснопѣніи. Вызванное впервые подъ самыми благодатными небомъ средѣ роскошнѣйшихъ формъ береговъ Греческаго Архипелага, еще и теперь живо представляющее ихъ воображенію, — оно дало для всѣхъ грядущихъ временъ въ этомъ отпечаткѣ образецъ классической формы.

Вліяніе этой общности естественныхъ произведеній, по формѣ и содержанію, въ ихъ совокупности, въ ихъ цѣлостномъ воздѣйствіи, во всѣхъ теллурійскихъ явленіяхъ, на родъ человѣчскій въ различныхъ его обществахъ, вѣроятно принимало меньшее участіе и въ исторіи его воспитанія и развитія. Но разсмотрѣніе этого предмета, общаго впечатлѣнія природы на человѣка, должны мы отнести къ особому отдѣлу этнографіи.

Что касается до самаго изданія «Воззрѣній на Природу» Гумбольдта, то, по нашему мнѣнію, издатель поступилъ бы гораздо лучше, если бы, вмѣсто картинъ различныхъ видовъ растений, слишкомъ немногочисленныхъ для того, чтобы черезъ нихъ можно было познакомиться съ самыми видами, приложилъ карты, приложенныя къ Французскому переводу того же сочиненія, сдѣланному по порученію Гумбольдта («Tableaux de la Nature, traduit par Ch. Galusky». Paris 1851). Это замѣчаніе особенно относится къ картѣ Средней Азій, взятой изъ другого сочиненія Гумбольдта (L'Asie Centrale).

Безъ этой карты, *легшей въ основу всей азіатской географіи Риттера* и въ которой въ первый разъ открытъ гениальнымъ естествоиспытателемъ *вѣрный островъ* этой части свѣта, многое останется непоявнымъ и въ самыхъ «Воззрѣніяхъ на Природу».

Г. Фроловъ будетъ имѣть случай исправить этотъ пропускъ въ третьемъ томѣ своего «Сборника», появленіе котораго мы будемъ привѣтствовать съ тою же радостью, съ которою встрѣтили первые два тома этого добросовѣстнаго и полезнаго изданія.

и. ушницкій.

НОВЫЯ КНИГИ.

МАЙ 1854.

Полное собрание сочинений русских авторовъ. Сочинения Антона Погорѣльскаго. *Издание А. Смирдина. Два тома. Спб. 1853.*

Вся современная критическая литература исполнена сожалѣній о томъ, что «критика нынѣ слаба», что «критики нынѣ рѣшительно нѣтъ». Въ самомъ дѣлѣ, упадокъ критики — фактъ несомнѣнный и очень прискорбный; но сознать недостатокъ — значитъ наполовину уже восполнить его. И безъ всякаго сомнѣнія люди, такъ сильно поражающіеся несостоятельностью современной критики, пишутъ свои статьи съ цѣлью дать намъ истинную критику. А между тѣмъ критики все нѣтъ и нѣтъ, и по напечатаніи, какъ до напечатанія статей, тоскующихъ о пропажѣ критики, старающихся отыскать и возратить русской литературѣ погибшую критику. Отчего же такъ бесполезны оказываются эти старанія, такъ безплодны остаются сожалѣнія? Причинъ этому конечно много: глубокомысленный анализъ для каждаго явленія открываетъ множество причинъ; такъ одинъ мыслитель, тревожимый въ своихъ созерцаніяхъ скрипомъ дверей въ его квартирѣ, нашелъ, что двери могутъ скрипѣть отъ семнадцати различныхъ причинъ. Почти столько же причинъ можно найти и для упадка русской критики въ послѣдніе годы. Изъ нихъ первая.... но зачѣмъ говорить о первой? Лучше скажемъ о второй. Вторая причина безсилія современной критики — то, что она стала слишкомъ уступчива, неразборчива,

Т. XLV. Отд. IV.

4

малотребовательна, удовлетворяется такими произведениями, которых решительно жалки, восхищается такими произведениями, которых едва сносно. Современная критика слаба, — этимъ сказано все: какой силы хотите вы отъ слабости? Г. А. начинаетъ писать плохія, лживыя фарсы; читатели грустятъ о паденіи прекраснаго таланта; критика находитъ лживыя фарсы замѣчательными, высокими, правдивыми драмами; г. Б. начинаетъ писать изъ рукъ вопъ плохія стихи; читатели съ неудовольствіемъ пожимаютъ плечами; критика находитъ стихи пластичными, художественно прекрасными; гг. В. и С., г-жи Д. и Е. пишутъ пустые, вялые, приторные романы и повѣсти; читатели не могутъ дочитывать романовъ до второй части, повѣстей до второй главы — критика находитъ эти повѣсти и романы полными содержанія, чувства, ума, наблюдательности. Какже вы хотите, чтобы критика имѣла вліяніе на литературу? она стоитъ въ уровень съ тѣми жалкими произведениями, которыми удовлетворяется; какже вы хотите, чтобы она имѣла живое значеніе для публики? она ниже публики; такую критику могутъ быть довольны писатели, плохія произведенія которыхъ она восхваляетъ; публика остается ею столько же довольна, сколько тѣми стихами, драмами и романами, которыя рекомендуются вниманію читателей въ ея нѣжныхъ разборахъ.

Такова ли была критика тогда, когда имѣла огромное, живое и прекрасное значеніе въ литературѣ, вліяніе на публику? Нѣтъ, она была тогда требовательна, разборчива, смѣла, строга. Не говоримъ о недавнихъ временахъ ея, которыя еще въ свѣжей памяти у нынѣшнихъ читателей; нѣтъ, мы хотимъ воспользоваться выходомъ въ свѣтъ смирдинскаго изданія «Сочиненій Погорѣльскаго» для того, чтобы напомнить о критикѣ тридцатыхъ годовъ, которая, со словъ послѣдующей, гораздо болѣе проникательной и строгой критики, считается нынѣ (и совершенно справедливо) довольно простодушною, поверхностною, восторженною, и которая все-таки была несравненно серьезнѣе и глубже нынѣшней нашей критики: пусть хоть устарѣлая и склонная къ восторгамъ критика «Телеграфа» и современныхъ ему журналовъ будетъ для нынѣшней примѣромъ серьезности и современности. Кромѣ этого, какое живое содержаніе можетъ имѣть нынѣ статья о «Сочиненіяхъ Погорѣльскаго»? Дать ихъ оцѣнку? Но они, какъ увидимъ, были удовлетворительно оцѣнены уже двадцать лѣтъ назадъ; пуститься въ біографическія и біографическія подробности? Но ихъ заслуживаютъ только писатели, имѣющіе какое нибудь положительное значеніе въ исторіи литературы, а Погорѣльскій теперь имѣетъ его не больше, какъ черезъ двадцать лѣтъ будутъ имѣть гг. и г-жи Б., В., Г., и проч.

Намъ остается поэтому только показать, что онъ для своего времени былъ тѣмъ же, что они для нашего, то есть лучшимъ изъ худшихъ, то есть, если угодно, очень хорошимъ писателемъ, что его сочиненія столько же, сколько теперь ихъ стихотворенія и романы, или гораздо болѣе, были въ свое время достойны вниманія публики (за недостаткомъ предметовъ, болѣе достойныхъ вниманія) и наконецъ показать, въ примѣръ современной критикѣ, до какой степени за двадцать лѣтъ до нашего времени серьезная критика была чужда подобострастной восторженности въ отношеніи къ подобнымъ ему писателямъ.

Литературная дѣятельность Погорѣльскаго относится къ 1828—1833 годамъ: «Двойникъ» его вышелъ въ 1828; первая часть «Монастырки», романа, на которомъ основана его извѣстность, въ 1830 году; вторая часть «Монастырки» въ 1833 году. Припомнимъ состояніе русской беллетристики въ то время, и мы убѣдимся, что «Молва» имѣла полное право назваться «Монастырку» *приличнымъ явленіемъ* въ тогдашней литературѣ; скажемъ болѣе: «Монастырка» могла назваться очень замѣчательнымъ явленіемъ, едва ли не лучшимъ изъ всѣхъ одинаковыхъ съ нею по содержанію романовъ, пользовавшихся тогда успѣхомъ. Въ самомъ дѣлѣ, что было тогда, кромѣ историческихъ романовъ Загоскина и его послѣдователей? Но мы давно уже поняли, что русскую исторію историческіе романы 1830 годовъ рисуютъ такъ же точно, какъ «Людмила» или «Свѣтлана», переведенныя или передѣланныя изъ пѣвицкой «Леноры», рисуютъ русскіе нравы. Кромѣ того, эти историческіе романы не имѣютъ ничего общаго съ описаніемъ современной жизни, и какъ бы велики ни были ихъ достоинства, ихъ нельзя было принимать, да никто и не принималъ въ соображеніе при оцѣнкѣ такъ называвшихся тогда «правоописательныхъ романовъ». А между этими романами напрасно мы будемъ искать такихъ, которые могли бы затмить «Монастырку». Припомнимъ замѣчательнѣйшіе изъ нихъ. Самый большой успѣхъ имѣлъ «Иванъ Выжигинъ» (1829—1830 г.), о чемъ свидѣлствуютъ три изданія въ два года. Почти такой же успѣхъ имѣлъ романъ г. Калашникова «Дочь купца Жолобова» (1832), выдержавшій въ одинъ годъ два изданія; «заимствованный изъ иркутскихъ преданій», онъ имѣетъ нѣкоторое значеніе только какъ произведеніе челоуѣка, хорошо знающаго Сибирь; что авторъ былъ лишень всякихъ слѣдовъ беллетристическаго дарованія, можно доказать уже софтами, которые давала ему критика: «излагать свои слѣдствія о Сибири въ формѣ нутovýchъ замѣтокъ, статистическихъ очерковъ, но никакъ не романовъ». «Киргизъ-Кайсакъ»

В. Ушакова (1830) ниже всякой посредственности; герой романа, блестящій юноша, краса общества, счастливъ неземною любовью, какъ вдругъ открывается, что онъ Киргизъ-Кайсакъ, и новый Эдишъ несетъ въ пустыню свое разбитое роковою тайною сердце (!); «Киргизъ-Кайсакъ» соединяетъ въ себѣ красоты повѣстей Марлинскаго и Полевого съ красотами «Семейства Холмскихъ» (1832), говорить о которомъ имѣли мы случай и чтеніе котораго старинные рецензенты уподобляли «путешествію отъ Тобольска до Бѣлостока». Замѣтимъ, что «Киргизъ-Кайсакъ» имѣлъ два изданія, а «Семейство Холмскихъ» три. Около этого же времени начали писать повѣсти Н. Полевой и Марлинскій; но они описывали «страсти», а не «игры», или писали историческіе романы, и потому ихъ успѣхъ, точно такъ же какъ успѣхъ Загоскина, не могъ вредить «Двойнику» и «Монастыркѣ», единственными соперниками которыхъ могли быть «Киргизъ-Кайсакъ», «Выжигины», «Семейство Холмскихъ» и «Дочь купца Жолобова»; а произведенія Погорѣльскаго, владѣвшаго замѣчательнымъ талантомъ рассказчика, стоятъ въ беллетристическомъ отношеніи несравненно выше всѣхъ этихъ романовъ. Правда, и у Погорѣльскаго содержаніе, какъ у его соперниковъ, изысканно; правда, что и у него довольно мало страницъ, проникнутыхъ неподдѣльной народностью; но какъ мало понимали ее около 1830 года, лучше всего показываютъ «Повѣсти Бѣлкина» (1831), изъ которыхъ первая «Выстрѣлъ» описываетъ страшную мечь и унизительное для врага великодушіе какого-то мрачнаго, но благороднаго, Сильвіо (надѣмся, не Пеллико): если Пушкинъ могъ тогда выбрать своимъ героемъ «Сильвіо», а героиней чувствительную «Барышню-Крестьянку», которой могли бы позавидовать героини Жанлисъ, то можно ли было слишкомъ строго требовать безъискусственной, неприкрашенной народности отъ второстепенныхъ писателей? Правда, въ 1831—1832 годахъ вышли «Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки»; но они рѣшительно не могли быть одѣнены тогдашнимъ критикомъ, и съ появленіемъ Гоголя долженъ былъ начаться (только уже послѣ «Ревизора», съ конца тридцатыхъ годовъ) новый періодъ русской литературы, непонятный для читателей и критиковъ 1828—1830 года; а Погорѣльскій принадлежалъ этому времени, предшествовавшему гоголевской эпохѣ. Однимъ словомъ, едва ли мы найдемъ около 1830 года прозаическую повѣсть или романъ, которые были бы безукоризненнѣе «Монастырки» въ отношеніи къ народности, и рѣшительно не найдемъ изъ тогдашнихъ «правоописательныхъ романовъ» ни одного, который бы равнялся «Монастыркѣ» въ художественномъ отношеніи. Напомнимъ читателямъ нѣкоторыя

мѣста этого романа. «Монастырка», воспитанница Смольнаго Монастыря, по окончаніи курса ѣдетъ къ теткѣ, небогатой малороссійской помѣщицѣ; вотъ какъ рассказываетъ она въ письмѣ къ подругѣ и свои первыя впечатлѣнія въ деревнѣ, и свиданіе съ теткою и кузинами, простыми деревенскими барышнями:

«Ахъ, Маша, милая Маша! Вотъ уже цѣлую недѣлю прожила я у тетушки въ Малороссіи, а все еще не привыкла! Что будетъ со мною впередъ — не знаю, а теперь мнѣ кажется, что никогда не привыкну ни къ жизни этой, ни къ этимъ людямъ.... Я воображала, что тетенька будетъ похожа на А***, а кузнь я представляла себѣ, старшую, какъ Н***, меньшую, какъ тебѣ, моя Маша, или по крайней мѣрѣ, какъ Р***. Какъ же я ошиблась въ моихъ расчетахъ! Мы прибыли въ Барвеново довольно рано утромъ. Я поспѣшно высунула голову изъ кареты, чтобы скорѣе увидѣть это хваленое Барвеново.... Ахъ, Маша, мнѣ стыдно тебѣ признаться! Я думала, что Барвеново хоть немного похоже на Каменный Островъ.... А вмѣсто того — повѣришь ли? я увидала множество домиковъ маленькихъ, низенькихъ; вмѣсто кровель, на нихъ кое-какъ набросана была почернѣвшая солома... Всѣ безъ трубъ, Маша, а иные такъ перевисли на одинъ бокъ, что страшно было смотрѣть... Улицы узкія, кривыя, грязныя! Такъ это Барвеново! подумала я.... Изъ домиковъ выбѣжали дѣти и женщины; первыя въ изорванныхъ рубашкахъ, а послѣднія почти тоже въ однихъ рубашкахъ, только носятъ онѣ здѣсь родъ передниковъ, кадриль красныя съ синимъ и зеленымъ. Онѣ низко поклонились — мнѣ или каретѣ, не знаю.... Мы перѣехали черезъ узкую плотину и черезъ мостъ, который былъ безъ перилъ, повернули влѣво, и встѣхали на дворъ, прямо къ крыльцу. Дворъ былъ половъ людей; они кричали: «се наша панночка, се наша панночка!» Женщины и дѣти, слѣдовавшія за нами съ самага вѣзда въ село, остановились на улицѣ и смотрѣли на насъ въ ворота. На крыльцѣ стояла дама высокая, толстая, въ большой мужскомъ колпакѣ и въ красной стамедровой юбкѣ; на шеѣ у нея былъ накинутъ ситцевый платокъ, едва прикрывавшій плечи. Она подала мнѣ руку, подаловала меня въ губы и сказала: «Здорово, Галечка! Якъ же ты подросла!» Маша, не показывая никому моего письма, эта дама была — моя тетенька! Мы вошли въ комнату, небольшую, но довольно чисто прибранную; она бы мнѣ нравилась, еслибъ не была такъ низка, а то мнѣ бываетъ въ ней душно. Вслѣдъ за нами вбѣжали мои кузины. «Отъ се дочка моя», сказала мнѣ тетенька «се Праскута, а се Гапочка!» Онѣ были въ утреннемъ нарядѣ, то есть волоса связаны широкою черною лентою, въ черныхъ салопахъ, безъ корсетовъ — и въ большихъ кожаныхъ сапогахъ! Впрочемъ, онѣ такія добрыя! Онѣ не дурны собою, но только слишкомъ толсты и краснощеки. Во всемъ монастырѣ у насъ нѣтъ такой толстой, краснощеккой, какъ мои кузины. Мы скоро познакомились; онѣ разспрашивали про Петербургъ, про монастырь, про балы...

Я забыла тебѣ сказать, что кузины надѣваютъ сапоги только на утрахъ, особливо, когда на дворѣ грязно; изъ обѣду онѣ одѣваются довольно порядочно: тетенька носить на головѣ шелковый темный платокъ, почти какъ у насъ купчихи, только дружитъ манеромъ, а у кузинъ платьевъ довольно, и все почти новыя, только таин слишкомъ коротки, и всегда онѣ ходятъ безъ корсета. Я предлагала имъ свои, да имъ они не въ пору, слишкомъ узки....

•Скоро вслѣдъ за этими, безспорно, недурными, описаніями, начинается романъ: Анята влюбляется въ Блистовскаго, съ которымъ знакомится на деревенскихъ балахъ; Блистовскій (не смущайтесь этою фамиліею, другихъ тогда не бывало въ романахъ; что касается до его безцвѣтной личности, то припомните Гринева въ «Капитанской дочкѣ», онѣ оправдываетъ Блистовскаго) влюбляется въ Аняту, проситъ ея руки; потомъ увѣжливъ въ Петербургъ получить позволеніе на женитьбу. Въ это время поѣхавъ и негодяй Прыжковъ — нѣкоторыя проказы его списаны съ натуры, наиримѣръ, прожиганіе селитряною кислотою платьевъ у дамъ — узнаетъ, что у Аняты довольно большое имѣніе, начинается ухаживать за нею; не успѣвши въ любезностяхъ своихъ, онѣ рѣшается похитить богатую красавицу; и это почти удается ему при помощи дяди, опекуна Аняты, глупаго и ничтожнаго Дюдакова, составившаго подложное завѣщаніе, которымъ отецъ Аняты предоставляетъ ему полную власть выбрать Анятѣ жениха... но обыкновенно въ рѣшительную минуту для романическихъ героинь находились (и до сихъ поръ продолжаютъ находиться) избавители. Возвращающійся какъ разъ во время Блистовскій, черезъ преданнаго ему цыгана Василья, узнаетъ всѣ продѣлки, разоблачаетъ всѣ хитрости, разстроиваетъ всѣ интриги и спасаетъ свою невѣсту отъ похитителей и злодѣевъ. Не будемъ слишкомъ осуждать ухищренности и романтичности этихъ приключеній, вспомнимъ гениальнаго пушкинскаго «Дубровскаго» (написаннаго нѣсколькими годами позже), въ которомъ есть и пожары, и поджоги, и похищенія, и истреленныя выстрѣлы, и переодѣванья, и таинственныя свиданія, и таинственная переписка черезъ душло стараго дуба, и таинственные соглядатаи, недремлющимъ окомъ стрегущіе возлюбленную своего атамана, безъ вѣдома котораго не прольется ни одна ея слеза — безъ всѣхъ этихъ препаратовъ не могла двигаться хитрая интрига русскихъ романовъ двадцать лѣтъ тому назадъ; мы подсмѣиваемся надъ всѣми ихъ хитросплетеніями, но и надъ нами должно было бы подсмѣиваться, еслибъ изъ-за этихъ наивныхъ вычурностей мы стали забывать о томъ, что вмѣстѣ съ ними «Дубровскій» даетъ намъ удивительно вѣрную и живую картину жизни

ни характера стариннаго русскаго богача-помѣщика, гремящаго на всю губернію, а въ «Монастырѣ» все-таки найдется нѣсколько недурно подмѣченныхъ чертъ малороссійскаго помѣщичьяго быта лѣтъ тридцать-пять тому назадъ — достоинство очень немаловажное въ романѣ 1830 годовъ; разсказъ также недурень, чего нельзя сказать о другихъ тогдашнихъ «нравоописательныхъ» романахъ. Потому и надобно сказать, что «Монастырка» въ свое время очень заслуживала благосклоннаго вниманія читателей и справедливо была однимъ изъ любимѣйшихъ тогдашнихъ романовъ. Она даже породила подражанія или поддѣлки (Монастырка, 3 части, безъ имени автора, Москва 1833), наравнѣ съ «Рославлевымъ» (Графиня Рославлева, безъ имени автора, Москва 1832) или повѣстями прославившагося черезъ три-четыре года барона Брамбеуса (Баронъ Брамбеусъ; повѣсть, соч. Павла Павленки, Москва 1834). Однимъ словомъ, «Монастырка» была однимъ изъ значительнѣйшихъ явленій того времени, подобно романамъ и стихотвореніямъ гг. Б., В., Г., въ наше время, или даже гораздо болѣе. Посмотрите же, какъ мало восторгается и ослѣпляется этимъ замѣчательнымъ въ свое время произведеніемъ тогдашняя критика, какъ безпристрастно и смѣло говорятъ о его недостаткахъ, какъ далека она отъ всякихъ блестящихъ похвалъ и восклицательныхъ знаковъ, на которые такъ расточительна стала нынѣшняя критика. Вотъ разборъ первой части «Монастырки», помѣщенный въ № 5 «Московского Телеграфа» за 1830 годъ:

• Мы прочитали первую часть «Монастырки» съ такимъ же удовольствіемъ, съ какииъ читывали романы Августа Лафонтена. Тутъ не ищите ни-страстей, ни мыслей, ни глубокаго значенія. Читайте «Монастырку» какъ пріятное описаніе семейныхъ картинъ, какъ разсказъ добраго пріятели о добрыхъ людяхъ, которымъ встрѣчались иногда непріятности. Если г. Погорѣльскій и не сравняется съ Августомъ Лафонтеномъ въ разнообразіи описаній и въ какой-то милой простотѣ души, то станетъ отъ него недалеко. Сочиненіе нашего соотечественника должно быть для насъ пріятно еще потому, что въ немъ описываются знакомые намъ нравы и обычаи. Впрочемъ мы не ругаемся, оригинально ли созданіе «Монастырки», потому что нельзя знать всѣхъ иностраннхъ сказокъ и романовъ, а г. Погорѣльскій своимъ «Двойникомъ» показалъ, что онъ любитъ заимствовать содержаніе для своихъ повѣстей у чужеземцевъ и не сказывать объ этомъ. За всѣмъ тѣмъ искренно говоримъ, что первая часть «Монастырки» во многихъ мѣстахъ написана съ лафонтеновскимъ искусствомъ. Замѣчательно, что объ этомъ произведеніи издатели «Литературной Газеты» (Дельвинъ) возглашали нѣсколько разъ какъ о чемъ-то необыкновенномъ, и помѣстили въ своихъ листахъ два отрывка изъ онаго. Авторъ

такъ хоторохнлся пожать лавры и насладиться славомъ, что пустилъ въ свѣтъ одну первую часть своего романа, о которой не могутъ говорить благосклонные журналисты. А когда выйдетъ вторая часть, то опять разумѣется начнется говоръ и увѣренія о достоинствахъ «Монастырки». Но чѣмъ хуже ея «Федора», повѣсть П. Сумарокова (вышедшая около того же времени)? Занимательности въ ней еще болѣе. Слогъ ея не современный? Но неужели за то прославляютъ «Монастырку», что она гладенько написана? Нѣтъ! Еслибъ у сочинителя «Федоры» были пріятельскія сношенія съ «Феокритами» подъ душегубкой новѣйшаго унынія (прозваніе, которое давалъ Дельвигу Московскій Телеграфъ, пародировавъ его идилліи, русскія пѣсни и антологическія стихотворенія), то давно бы гремѣла молва о «Федорѣ» между десятками читателей какой нибудь «Газеты». Но видно эта участь досталась «Монастыркѣ» — счастье ея! Безпристрастные читатели скажутъ о ней только то, что мы сказали въ началѣ: хорошо для послѣдователя Лафонтена.»

Можно было бы сухость отзыва «Телеграфа» приписать его нерасположенію къ Дельвигу и «Литературной Газетѣ»; но вотъ что сказала, по выходѣ второй части «Монастырки», враждебная «Телеграфу» «Молва», которая, конечно, не преминула бы выставить достоинства романа, осмѣяннаго ненавистнымъ «Телеграфомъ», сравнивавшимъ его съ «Федорою» П. Сумарокова, если бы видѣла въ «Монастыркѣ» какія нибудь особенныя достоинства («Молва», 1833 г. № 65, мая 27):

«Первая часть этой книги явилась назавтра тому года три, при громкомъ плескѣ пріятельской «Газеты», которая сама давно уже прекратила существованіе.... Натурально, съ противной стороны не обошлось безъ репрессалій (намекъ на вышеприведенный отзывъ «Телеграфа»). Но вторая часть не выходила, дѣло пошло въ затяжку, ревность охладѣла, волны забвенія мало по малу прибывали; и теперь «Монастырка» вся вполне является уже скромно, тихо, безоружно, предоставленная гладнокровному испытанію sine ira et studio. Итакъ sine ira et studio «Монастырку» можно назвать пріятнымъ литературнымъ явленіемъ. Она легко дочитывается въ часы досуга. Разумѣется, много можно выставить требованій, которымъ неудовлетворяетъ она. Мысль представить воспитанницу Смольнаго монастыря, это нѣжное оранжерейное растеніе, въ дикомъ захолустьѣ провинціальной жизни, мысль затѣливая и богатая, развита очень недостаточно. Вообще лицо Анюты, героини повѣсти, слишкомъ обще и безцвѣтно; оно не отмѣчено ни одною изъ тѣхъ характеристическихъ особенностей, неразлучныхъ съ идеальнымъ монастырскимъ воспитаніемъ, которыхъ столкновеніе съ грубой прозой дѣйствительной жизни могло бы доставить кисти болѣе широкой занимательныя и оригинальныя картины. Ходъ повѣсти, хотя не скученъ, но мало или вовсе не имѣетъ той новости, которая

одна можетъ иногда выкупить скудость содержанія: онъ вытканъ на старинное бердо Дюкредоменилевской и Коттеновской фабрики. Злой опекутъ, подложное завѣщаніе, ночныя явленія, хуторъ въ дякомъ лѣсу, похищеніе — это узлы слишкомъ тѣртыя, основа давно избитая. Есть даже мѣста, не совсѣмъ удовлетворяющія первымъ условіямъ романческаго правдоподобія... какъ могло случаться, что цыганскій атаманъ Василій всегда поспѣвалъ и являлся тамъ, гдѣ настала крайняя нужда? Впрочемъ, описаніе Малорускаго быта, составляющее раму повѣсти, очень занимательно.... Итакъ вотъ почему, повторяемъ, «Монастырку» можно назвать пріятнымъ литературнымъ явленіемъ..

Два враждебные журнала одинаковымъ тономъ говорятъ о «Монастыркѣ» — явно, что въ приговорѣ могли они сойтись только потому, что не было возможности не сойтись, только потому, что приговоръ былъ дѣйствительно безпристрастенъ и справедливъ. Какимъ спокойнымъ, разсудительнымъ тономъ говорятъ они о достоинствахъ разбираемаго романа, какіе существенные недостатки находятъ въ немъ они! Здѣсь нѣтъ рѣчи объ отдѣльныхъ, удачныхъ или неудачныхъ сценахъ и фразахъ, о мелкихъ промахахъ, о «красотѣ» или по нынѣшней фразеологіи, «прелести» языка и т. д. Сравнивая критику «Телеграфа» или «Телескопа» съ нынѣшними восторженными и вмѣстѣ мелочными разборами, иногда бываешь готовъ видѣть въ ней какой-то идеаль. «Монастырка — порядочный романъ въ лафонтеновскомъ или дюкредоменилевскомъ родѣ», — вотъ холодное сужденіе «Телеграфа» и «Телескопа», остающееся справедливымъ и нынѣ; а между тѣмъ публика восхищалась «Монастыркою»: въ какихъ же выраженіяхъ отзывались бы о ней современные критики, восхищающіеся и тѣми проявленіями, которыя не замѣчаются или осуждаются публикою? Мы сказали: критика, имѣвшая вліяніе на публику и на литературу, стояла выше посредственныхъ произведеній, была строже, нежели публика; теперь критика рѣшительно ниже публики — какое же значеніе можетъ она имѣть съ своими наивными замѣчаніями о мелочахъ и простодушными восторгами отъ всего, что только подписано скольконибудь извѣстнымъ именемъ? Нѣтъ, критика должна стать гораздо строже, серьезнѣе, если хочетъ быть достойною имени критики. Правда и то, что для строгости необходима разборчивость, и что, кто лишенъ разборчивости, тому уже лучше остаться неразборчиво восторженнымъ, нежели стать неразборчиво суровымъ.

СБОРНИКЪ СТАТИСТИЧЕСКИХЪ СВѢДѢНІЙ О РОССИИ, издаваемый Статистическимъ Отдѣленіемъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Книжка II, изданная подъ редакцію Е. Н. Ламанскаго, Д. Чл. Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Спб. 1854.

КАРТА ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ. Изданіе второе, исправленное и дополненное по послѣднимъ свѣдѣніямъ Пав. Крюковымъ въ 1853 году.

Очеркъ мануфактурно-промышленныхъ силъ Европейской Россіи, служащій текстомъ промышленной карты, въ двухъ частяхъ, составленный Пав. Крюковымъ. Спб. 1853.

Сочиненія, которыхъ заглавія мы выписали, въ высшей степени любопытны и важны для отечественной статистики.

Согласно программѣ, объявленной въ предисловіи къ первой книжкѣ «Сборника статистическихъ свѣдѣній о Россіи», изданной въ 1851 году, вторая книжка этого «Сборника» состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: въ первомъ помѣщены статьи, заключающія въ себѣ общія о Россіи свѣдѣнія, во второмъ — свѣдѣнія, относящіяся къ отдѣльнымъ частямъ Россіи.

Въ первомъ отдѣлѣ нынѣшней книжки находятся четыре статьи, изъ которыхъ особенно любопытны и хороши три первыя, а именно: «О почтахъ въ Россіи» Д. Чл. И. А. Гана, и двѣ статьи Д. Чл. Е. И. Ламанскаго: «Историческій очеркъ денежнаго обращенія въ Россіи съ 1650 по 1817 годъ» и «Статистическій обзоръ операцій Государственныхъ Кредитныхъ Установленій съ 1817 года до настоящаго времени».

Изъ статьи г. Гана мы узнаемъ, что въ Россіи почты существуютъ съ XV столѣтія, то есть почти съ того же времени, когда эти установленія появились въ Западной Европѣ. Изъ Судебника Царя Іоанна Васильевича III видно, что въ его время существовали почты, или ямы по главнымъ трактамъ изъ Москвы въ Калугу, Вязму, Ростовъ, Ярославль, Вологду, Холмогоры, Кострому, Новгородъ Великій, Нижній Новгородъ и другіе важнѣйшіе города тогдашней Россіи. Въ Судебникѣ есть росписаніе прогонныхъ денегъ, которыя нужно было тогда платить за проѣздъ по этимъ трактамъ.

Почты или ямы были умножены и улучшены въ царствованіе Михаила Феодоровича, и особенно въ царствованіе Алексѣя Михайловича, при которомъ учреждена была и Виленская почта, такъ что Россія тогда имѣла уже постоянныя почтовые сношенія съ иностранными государствами, откуда, между прочимъ, постоянно

получались и нѣмецкія газеты (куранты). Почтъ позволѣно было возитъ «всякіе листы и отвѣты, какъ государскіе, буде будутъ, такъ и *торговые*». Такимъ образомъ и частные люди допущены были пользоваться почтою для своей корреспонденціи.

Петръ Великій, преобразовывая и совершенствуя всѣ отрасли государственнаго управленія, не оставилъ безъ вниманія и почтъ; Онъ учредилъ много новыхъ почтовыхъ сношеній, улучшивъ ямы, и особенно старался привести въ лучшее состояніе ямы отъ Москвы до созданнаго Имъ Петербурга. Весьма любопытно извѣстіе объ учрежденіи С. Петербургскаго почтамта :

• Для ббльшей правильности и точности въ сношеніяхъ новой столицы, куда болѣе и болѣе направлялись силы государственныхъ, Петръ I въ 1717 году приказалъ учредить въ *С. Петербургѣ Почтамтъ*: Онъ былъ долгое время извѣстенъ въ простонародіи подъ именемъ нѣмецкой почты.

• Упомянувъ объ учрежденіи въ С. Петербургѣ Почтамта, скажемъ, гдѣ онъ находился. Въ 1714 году послѣдовало Царское повелѣніе выстроить на Адмиралтейской Сторонѣ большой почтовой дворъ съ большимъ числомъ покоевъ, гдѣ бы пріѣзжіе иностранцы могли имѣть покойныя квартиры. Почтовый дворъ былъ вблизи Зимняго Дворца, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Мраморный. Съ самаго начала Государь, кромѣ почтмейстера, опредѣлилъ въ почтовомъ дворѣ трактирщика, родомъ изъ Данцига; здѣсь же, по тѣснотѣ Зимняго и Лѣтняго Дворцовъ, Петръ Великій нерѣдко давалъ ассамблеи, обѣды и балы, по случаю какихъ либо торжествъ. Впослѣдствіи почтовый дворъ былъ переведенъ въ домъ, находившійся на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Экзерцигаузъ на Дворцовой площади. Оттуда въ 1782 году переведенъ онъ въ домъ Ягужинскаго, гдѣ почтамтъ находится по нынѣ.

• Почтъ директоръ, по утвержденной Петромъ I табели, имѣлъ чинъ прапорщика, и, такъ какъ доходы его были весьма незначительны, то ему дано было право содержать отъ себя трактиръ.

Премиики Петра Великаго продолжали умножать и улучшать почтовые сообщения. При Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, по ходатайству управлявшаго тогда Сибирскими рудокопнями Татищева, учреждены были почтовые сообщения съ Сибирью. Объ управленіи почтамта въ царствованіе Императрицы Екатерины II у г. Гава много любопытныхъ свѣдѣній; приведемъ изъ нихъ слѣдующее :

• Какое недостаточное понятіе имѣли многіе о почтахъ въ началѣ царствованія Екатерины II, свидѣтельствуетъ слѣдующее Ямскою канцелярію представленіе, по случаю учрежденія въ 1766 году почты отъ С. Петербурга до Смоленска и Торонца чрезъ Новгородъ, Порховъ и Великіе Луки. Канцелярія сія ходатайствовала о позволеніи вимать за письма и посылки купеческія вдвое, а за принимаемыя отъ дворянъ

по обыкновенной таксѣ. На такое странное представленіе послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ Сената: «различіе между купецкими и дворянскими письмами такого состоянія, что, если такое различіе между корреспондентами поставлено было бѣ, то не иное, какъ великое замѣшательство и конфузій оттого ожидать должно; ибо во всѣхъ европейскихъ государствахъ на почтовыхъ дворахъ имѣется для всѣхъ корреспондентовъ только одна такса безъ разбору, кто дворянинъ или кто купецъ, а съ обоихъ равныя вѣсовыя деньги берутся и самый послѣдній человѣкъ имѣеть то же право требовать скорого и вѣрнаго отправления его письма, какъ чиновный, когда только вѣсовыя деньги съ оваго заплачены».

Но самыя важныя усовершенствованія по этой части были сдѣланы въ нынѣшнемъ столѣтіи. Въ 1811 году, при общемъ учрежденіи Министерствъ, учрежденъ былъ Почтовый Департаментъ, поступившій тогда въ составъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, отъ котораго былъ отдѣленъ въ 1819 году, и съ тѣхъ поръ составляетъ отдѣльное Управление, на общихъ правахъ Министерствъ. Со времени учрежденія Почтоваго Департамента Правительство постоянно уменьшало сборъ за пересылку капиталовъ и писемъ. Важнѣйшая въ этомъ отношеніи мѣра относится къ 1843 году, когда уставленъ былъ нынѣшній однообразный сборъ страховыхъ денегъ за пересылку капиталовъ, и однообразная, по 10 коп. сер. съ лота, плата за пересылку писемъ во всѣ мѣста Россійской Имперіи.

Сдѣлавъ этотъ любопытный очеркъ исторіи почтъ въ Россіи, г. Ганъ излагаетъ статистическіе факты, относящіеся до нынѣшняго состоянія внутреннихъ почтовыхъ сношеній Россіи, сравнивая это состояніе съ состояніемъ почтовыхъ сношеній въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы. Факты эти весьма многозначительны:

Въ Европейской Россіи считается въ настоящее время до 64,000 верстъ почтовыхъ дорогъ; во всей же Россіи устроено ихъ на 85,000 верстъ. Почтовыхъ конторъ и другихъ почтовыхъ мѣстъ считается 738; почтовыхъ станцій 3,950 съ 16,510 почтарями; на этихъ станціяхъ содержится 50,534 лошади, 432 оленя, до 1,800 собакъ и 582 лодки и карабазы.

Частныхъ и казенныхъ писемъ и пакетовъ отправлено было въ 1845 году около 23 милліоновъ, а въ 1850 году 26,858,000. Этотъ фактъ служитъ лучшимъ доказательствомъ необыкновеннаго распространенія грамотности и расширенія коммерческихъ оборотовъ въ нашемъ отечествѣ. Наибольшее количество частныхъ писемъ отправляется изъ С. Петербурга и Москвы и изъ ихъ губерній; количество отправленій этихъ двухъ губерній постоянно составляетъ

около четвертой части всѣхъ частныхъ отправленій. За ними слѣдуютъ губерніи : Люблинская , Кіевская , Ярославская , Тверская , Новгородская и городъ Одесса ; количество отправляемыхъ изъ этихъ мѣстъ писемъ превышаетъ въ каждомъ 250,000.

Во всѣхъ почтовыхъ мѣстахъ государства въ 1850 году подано было къ отправленію казенныхъ и частныхъ капиталовъ 424,517,869 рублей.

Вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа отправленій, несмотря на уменьшеніе платы за пересылку писемъ и капиталовъ, почтовый доходъ постоянно увеличивался и составлялъ въ 1850 году 4,401,521 руб. Изъ этой суммы расходъ составляетъ 67%, а чистый доходъ 33%.

Эта статья , вмѣстѣ съ статьею «О письменныхъ сношеніяхъ Россіи», сообщенною г. Прянишниковымъ и помѣщенной въ первой книжкѣ «Сборника», даетъ самое полное и точное понятіе о прежнемъ и нынѣшнемъ состояніи почтъ въ Россіи и объ огромныхъ успѣхахъ , которые эта важная отрасль государственнаго управленія сдѣлала подъ вліяніемъ заботливыхъ мѣръ Правительства.

За тѣмъ слѣдуютъ двѣ статьи г. Ламанскаго, которыхъ заглавія мы выше привели. Обѣ статьи находятся между собою въ тѣсной связи и представляютъ полную и живую картину денежнаго обращенія и развитія государственнаго кредита въ Россіи, съ 1650 года до настоящаго времени. Читатель найдетъ въ нихъ множество драгоценныхъ историческихъ и статистическихъ свѣдѣній о нашей древней и новой монетной системѣ, о цѣнѣ нашихъ денегъ въ разныя эпохи сравнительно съ иностранными деньгами и съ главными жизненными припасами, о значеніи нашихъ прежнихъ мѣдныхъ денегъ, о вышукѣ и уничтоженіи бумажныхъ денегъ и о вліяніи, какое имѣли мѣдные и бумажные деньги на государственные финансы и на народное хозяйство , объ исторіи нашего государственнаго кредита и Кредитныхъ Установленій , о разныхъ операціяхъ этихъ Установленій и проч. Всѣ эти свѣдѣнія основаны на официальныхъ данныхъ , и авторъ не ограничивается однимъ изложеніемъ историческихъ и статистическихъ фактовъ ; онъ ихъ объясняетъ и дѣлаетъ изъ нихъ весьма любопытные и вѣрные выводы.

Всякому, сколько нибудь знакомому съ финансовыми и хозяйственными науками, извѣстно, какъ важны и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ трудны подобнаго рода изслѣдованія. Въ нашемъ краткомъ библиографическомъ отчетѣ, мы должны ограничиться единственно указаніемъ содержанія этого полезнаго труда и отослать къ «Сборнику» всѣхъ тѣхъ, кому интересно знать исторію финансовой жизни Россіи. Скажемъ въ заключеніе, что эти двѣ статьи, по своей новост

безспорно суть важнѣйшія изъ всѣхъ превосходныхъ статистическихъ очерковъ, которыми обогатило нашу науку Русское Географическое Общество.

Далѣе слѣдуетъ статья Д. Чл. М. Θ. Спасскаго «О вліяніи внѣшнихъ условій на долголѣтіе», въ которой авторъ опредѣляетъ среднюю жизнь, или, вѣроятнѣе, долголѣтіе новорожденного и пятилѣтняго и рѣшаетъ другіе вопросы, относящіеся до движенія народонаселенія. По недостатку источниковъ, г. Спасскій основывалъ свои вычисленія на свѣдѣніяхъ за шесть только лѣтъ съ 1843 по 1848 годъ, изъ которыхъ два года, 1847 и 1848, холерные, слѣдовательно, ненормальные. Мы надѣемся, что Русское Географическое Общество, которое уже помѣстило въ первой книгѣ своего «Сборника» свѣдѣнія о родившихся, умершихъ и бракосочетавшихся въ Россіи съ 1838 по 1848 годъ, со временемъ обнародуетъ болѣе подробныя свѣдѣнія о умершихъ по возрастамъ и состояніямъ. Тогда можно будетъ рѣшать вопросы о движеніи народонаселенія съ большою точностью.

Во второмъ отдѣлѣ «Сборника» важнѣйшая статья Д. Чл. Л. М. Самойлова «О кяхтинской торговлѣ». Авторъ, на основаніи официальныхъ данныхъ, излагаетъ исторію нашей торговли съ Китаемъ съ самаго ея начала, то есть съ конца XVII столѣтія, когда еще русскіе ѣздили торговать въ Пекинъ, до 1848 года. Изъ этой статьи и изъ вышедшаго въ прошедшемъ году «Путешествія въ Китай» г. Ковалевскаго читатель можетъ получить полное и точное понятіе о ходѣ нашей китайской чайной торговли.

Изъ другихъ статей второго Отдѣла укажемъ еще на статью г. Ревельскаго-Петровскаго «О торговлѣ на харьковскихъ ярмаркахъ съ 1842 по 1846 годъ». Жаль, что авторъ обратилъ мало вниманія на одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ торговли на Троицкой ярмаркѣ, на шерсть, о которой онъ сказалъ только два слова. Известно, что торговля шерстью у насъ до сихъ поръ находится въ неудовлетворительномъ состояніи, и что ожидаютъ улучшенія этой отрасли торговли отъ шерстяныхъ ярмарокъ. По этому было бы очень любопытно узнать о вліяніи Троицкой ярмарки и харьковской шерстяной компаніи на эту торговлю.

Изъ этого краткаго отчета читатель можетъ видѣть, какъ разнообразно и богато содержаніе второй книжки «Сборника статистическихъ свѣдѣній».

Извѣстная «карта промышленности Европейской Россіи», составленная подъ руководствомъ барона Мейендорфа въ 1842 году, явилась нынѣ во второмъ изданіи, дополненномъ по новѣйшимъ свѣдѣніямъ. Карта вообще превосходна и издана очень хорошо. На

ней обозначено множество правительственных мѣстъ, фабрикъ, заводовъ, таможенъ, путей сообщенія, снотопрогонныхъ трактовъ, климатическихъ линій и крайнихъ предѣловъ разныхъ растений.

Къ этой картѣ приложенъ довольно объемистый текстъ, подъ заглавіемъ: «Очеркъ мануфактурно-промышленныхъ силъ Россіи», состоящій изъ двухъ частей. Первая часть текста содержитъ въ себѣ общій очеркъ промышленности Россіи. Эта часть, какъ сказано въ предисловіи, составлена г. Крюковымъ по запискамъ барона Мейендорфа. Основная мысль ея — хозяйственное раздѣленіе Европейской Россіи на четыре большія полосы или страны: страну лѣсную, страну промышленности мануфактурной, страну черноземную земледѣльческую и страну черноземную пастбищную; при этомъ раздѣленіи авторъ указываетъ на зависимость, въ которой находится промышленность каждой полосы отъ ея естественныхъ условій. Основная мысль очень вѣрная, и общая картина нашей промышленности представлена весьма удачно и живо.

Однакожь мы не можемъ согласиться съ нѣкоторыми мнѣніями автора. Такъ, напримѣръ: желая показать важность хлопчато-бумажной промышленности въ Россіи, авторъ, на стр. 29, говоритъ:

«Ежегодное производство хлопчато-бумажной промышленности можно оцѣнить въ 40 милліон. руб. сер. Такимъ образомъ цѣнность ея равняется съ цѣнностью *хлѣбной промышленности*, не превосходящей 20 милліоновъ четвертей, идущихъ на продажу: полагая по 2 руб. сер. за четверть, стоимость сей послѣдней будетъ также 40 милліон. руб. сер.»

Такое сравненіе нашей хлопчато-бумажной промышленности съ хлѣбною не вѣрно. Г. Протопоповъ и другіе писатели, занимавшіеся изслѣдованіемъ нашей хлѣбной торговли, опредѣляютъ количество обращающагося въ торговлѣ хлѣба не менѣе какъ въ 50 милліоновъ четвертей (*). Если сообразить, что большая часть жителей сѣверной Россіи и болѣе 4 милл. городскихъ жителей получаютъ хлѣбъ путемъ торговли, что огромное количество хлѣба продается на винокуреніи и идетъ на продовольствіе арміи и ежели къ тому прибавить ввозъ заграничный (который, напримѣръ: въ 1847 году представилъ цѣнность въ 70 милл. руб. сер.), то это вычисленіе не покажется преувеличеннымъ. По этому, ежели даже, вѣству съ г. Крюковымъ, опредѣлить цѣну хлѣба въ 2 руб. сер. за четверть, то цѣнность хлѣба, идущаго для продажи, будетъ въ 2½

(*) См. «Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ» за 1843 годъ. Статья г. Протопопова.

Г. Небольсин «Обозрѣніе внешней торговли Россіи». Т. 1, стр. 181.

Тегоборски «Etude sur les forces prod. de la Russie». Т. 1, p. 286.

раза болѣе цѣнности всей бумажной фабрикаціи Россіи. А сколько тысячъ судорбочихъ, извозчиковъ купцевъ и проч. свискиваютъ пропитаніе отъ хлѣбной торговли! Намъ кажется, что въ Россіи не только хлопчато-бумажная, но и никакая промышленность не можетъ сравниться въ цѣнности съ хлѣбною промышленностью.

Вторая часть «Очерка» содержитъ въ себѣ описаніе примѣчательныхъ промышленныхъ мѣстностей по губерніямъ; статистическія данныя, по словамъ автора, почерпнуты изъ официальныхъ свѣдѣній, имѣющихся въ Департаментѣ Мануфактуръ и Внутренней Торговли, а также изъ журналовъ и газетъ, издаваемыхъ по распоряженію правительства. Объ этой части мы, къ сожалѣнію, должны сказать, что она составлена крайне небрежно. Губерніи въ ней расположены въ алфавитномъ порядкѣ; промышленныя и мануфактурныя мѣстности, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ также описаны въ алфавитномъ порядкѣ, въ другихъ по уѣздамъ, въ иныхъ — безъ всякаго порядка.

Авторъ помѣстилъ нѣсколько сотъ названій промышленныхъ мѣстъ, а пропустилъ большую часть казенныхъ фабрикъ и заводовъ. Такимъ образомъ читатель находитъ въ «Очеркѣ» свѣдѣнія о какихъ нибудь большихъ Менгерахъ, въ которыхъ выдѣлываютъ кожъ на 400 руб. въ годъ, а не находитъ ни *Александровской Мануфактуры*, ни *Златоустовскаго завода*, ни *Тульскаго оружейнаго завода*, — однимъ словомъ, не находитъ даже названій важнѣйшихъ въ Россіи казенныхъ фабрикъ и заводовъ.

Въ общихъ видахъ промышленности губерній, которые помѣщены въ концѣ описаній каждой губерніи, по нѣкоторымъ губерніямъ пропущены *тѣ именно* отрасли промышленности, которыя ихъ характеризуютъ, и которыя составляютъ одно изъ главныхъ средствъ существованія жителей. Такимъ образомъ въ общемъ видѣ промышленности Минской губерніи авторъ говоритъ о шпаленныхъ фабрикахъ, на которыхъ работаютъ 3 человека, и не упоминаетъ даже о дѣсной промышленности, которая тамъ такъ важна. Говоря о Могилевской губерніи, авторъ совершенно упускаетъ изъ виду столь значительную пеньковую промышленность этой губерніи. Если бы авторъ дѣйствительно пользовался официальными журналами и изданіями, то онъ нашелъ бы въ нихъ, по этимъ предметамъ, превосходныя указанія (*).

(*). См. Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ 1861 года, статья г. Бабицкаго «О дѣсной промышленности Минской губерніи».

• Исслѣдованіе о состояніи пеньковой промышленности эти въ Россіи, изданное Департаментомъ Сельскаго Хозяйства 1862.

Цѣнность продуктовъ всѣхъ фабрикъ и заводовъ Пермской губерніи авторъ опредѣлилъ въ 2 милліона руб. сер., между тѣмъ, какъ извѣстно, что одни частныя желѣзные заводы производятъ издѣлій на гораздо большую сумму. Въ этой же губерніи пропущены *все казенныя и частныя соляныя промыслы.*

Желѣзное производство Нижегородской губерніи опредѣлено у г. Крюкова въ 520,000 руб. сер. — сумма гораздо ниже дѣйствительной цѣнности этого производства. Извѣстный торговый городъ Ковенской губерніи Юрбургъ показанъ авторомъ въ губерніи Виленской.

Къ очерку приложена статистическая таблица, которой заглавія мы рѣшительно не понимаемъ. Вотъ это заглавіе: *Таблица замѣчательныхъ по количеству фабрикъ и заводовъ, съ показаніемъ цѣнности производства на всѣхъ вообще въ губерніи, ихъ числа и на оныхъ рабочихъ, и другихъ статистическихъ данныхъ.* (!)

Мы уже не говоримъ о такихъ промахахъ, какъ, напримѣръ: бѣлшья въ Виленской губерніи, на которой выдѣлываются *сукна*, или извѣстное село Костромской губерніи Вычуга, передѣланное въ Вичесу, и тому подобное, потому что причисляемъ ихъ къ опечаткамъ.

О землѣ, какъ элементъ богатства. А. Львова. Москва. 1853.

Г. Львова чрезвычайно интересуетъ вопросъ: «Что такое мѣшаетъ успѣхамъ политической экономіи?» Никакъ не могли мы объяснить себѣ, зачѣмъ понадобилось разсматривать его г. Львову; но мы его должны разсмотрѣть, потому что отвѣтомъ на него объясняется существенное содержаніе и направленіе изслѣдованія г. Львова.

Почему, въ самомъ дѣлѣ, политическая экономія далеко еще не достигла той высокой степени непреложности въ своихъ основныхъ положеніяхъ, на какой стоятъ естественныя и, особенно, математическія науки? Почему, напримѣръ, между тѣмъ какъ астрономія уже не обращаетъ и вниманія на толки людей, утверждающихъ, что солнце вертится околю земліи, политическая экономія не только должна заниматься серьезнымъ опроверженіемъ подобныхъ же, рѣшительно съ вѣтру взятыхъ, толковъ, но и не избавилась еще отъ опасности впасть въ руки лждей, доказывающихъ, напримѣръ, что въ промышленномъ мірѣ все наилучшимъ образомъ устроивается само собою. Отчего политическая экономія до сихъ поръ не освободилась отъ необходимости спорить противъ этихъ убійственныхъ нелѣпостей?

Многіе приписываютъ такое жалкое положеніе — молодости политической экономіи: «еще не успѣла она развиться до свѣтлой, благодѣтельной безспорности истинныхъ своихъ принциповъ потому, что всего еще только восемьдесятъ лѣтъ существуетъ, какъ наука». Но мало этого объясненія. Отчего же она такъ медленно развивается? Въдѣ химія еще моложе политической экономіи, сравнительная анатомія, возникшая почти на нашихъ глазахъ, еще моложе; а между тѣмъ по степени полнаго, незыблемаго, общепризнаннаго утвержденія своихъ началъ эти науки далеко оставили за собою не только политическую экономію, но и старуху по лѣтамъ, дитя по неосновательности сужденій — исторію. Что-нибудь не такъ. Молодость не оправданіе, даже не объясненіе.

И дѣйствительно, есть много причинъ медленности развитія политической экономіи. Укажемъ на нѣкоторыя, могущія служить объясненіемъ и для положенія вопроса, которымъ занимается изслѣдованіе г. Львова. Отвѣтственность за умолчаніе объ остальныхъ устранимъ отъ себя ссылкой на извѣстную французскую поговорку, которую представляемъ въ слѣдующемъ видѣ: *Qui veut dire tout, ne dira rien.*

Первая изъ этихъ причинъ медленности развитія политической экономіи — многосложность и неудобораздѣлимая перепутанность фактовъ, которые анализировать должна она. Факты, анализируемые астрономіею и другими близкими къ совершенству науками, очень прѣсты, мало запутанны, слишкомъ удобоотдѣлимы другъ отъ друга во всей своей чистотѣ и полнотѣ, сравнительно съ фактами нашей науки, которые зависятъ отъ множества причинъ, находятся подъ вліяніемъ множества обстоятельствъ, перепутываются своими послѣдствіями. Объяснимся примѣромъ. Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ политической экономіи, который, по строгой научной необходимости, разсматривается и г. Львовымъ, есть вопросъ: улучшается или ухудшается (въ Западной Европѣ) положеніе рабочаго класса при томъ ходѣ развитія промышленныхъ отношеній, который господствуетъ въ Западной Европѣ? Вотъ какъ тѣсно связаны между собою вопросы политической экономіи: говоря о причинахъ, изъ которыхъ возникаетъ поземельная рента, или доходъ за отдачу земли въ наемъ, понадобилось говорить о благосостояніи рабочаго класса. Въ астрономіи не такъ: рѣшая свой вопросъ, астрономъ не запутанъ въ разсмотрѣніе совершенно другихъ вопросовъ; они для него «посторонніе вопросы», и, говоря о времени и причинахъ годичнаго обращенія земли, онъ не хочетъ и не *долженъ* обращать въ то же время вниманія на вопросъ о лунныхъ фазахъ или о колебаніи земной оси. Въ политической

экономіи, напротивъ, при изслѣдованіи отдѣльнаго вопроса есть только главный вопросъ и второстепенные, но нѣтъ постороннихъ вопросовъ: они всѣ связаны съ главнымъ. А конечно, скорѣе можно дойти до полного и точнаго рѣшенія, рѣшая одну задачу, нежели рѣшая въ одно время пять, десять, двадцать задачъ. Это еще не все. Мало того, что всѣ факты политической экономіи перепутаны между собою: каждый изъ нихъ въ отдѣльности чрезвычайно много сложенъ. Продолжимъ крикѣть. Мы хотимъ знать, возвышается или упадетъ благосостояніе рабочаго класса, или, чтобы *упростить* вопросъ, одного только разряда рабочаго класса — фабричныхъ рабочихъ (*les ouvriers*) во Франціи и Англии. Посмотрите, какъ многочисленны причины, отъ которыхъ зависятъ это явленіе; плата (*le salaire*) имъ зависитъ:

1) отъ запроса на фабричныя издѣлія; 2) отъ степени соперничества между фабриками, заставляющаго понижать эту плату; 3) отъ соперничества между нанимающимися рабочими, зависящаго также, 4), отъ состоянія другихъ отраслей промышленной дѣятельности; 5) эта плата зависитъ отъ привычекъ народа (англичанинъ не согласится на плату, которая не дастъ возможности имѣть мясную пищу и чай); 6) отъ трудности фабричной работы и т. д.; то, какъ нелѣзуются рабочіе этому платою, зависитъ, 7), отъ степени прочности ихъ положенія и 8) отъ возможности вслѣдствіе того вести регулярныя расходы, и 9) пріобрѣтать или сохранять привычку къ регулярной жизни, и 10) развивать или поддерживать сознаніе нравственнаго своего достоинства и т. д.; благосостояніе ихъ въ такой же степени зависитъ, 11), отъ цѣны хлѣба, квартиръ и т. д., 12) устройства, частоты и т. д. ихъ квартиръ; 13) и 14)... Но и этого списка, далеко не полнаго, уже достаточно, чтобы влѣтъ, какъ трудно разрѣшить уравненіе (говоря математическими терминами), въ которое входятъ столько факторовъ. А это одинокъ изъ простѣйшихъ вопросовъ, и въ *упрощенномъ* видѣ. Беремъ, напротивъ, основной вопросъ астрономіи: «по какому закону дѣйствуетъ тяготѣніе?» Чтобы рѣшить его, надобно принять въ соображеніе только два фактора: 1) разстояніе и 2) массы тяготеющихъ одно къ другому тѣлъ. Ясно, что опредѣлить этотъ законъ точнымъ образомъ гораздо проще, нежели рѣшить вопросъ, на примѣръ, о благосостояніи рабочаго класса. Первое условіе быстраго хода науки къ рѣшенію своихъ вопросовъ — простота ея фактовъ. Поэтому даже различныя части одной науки стоятъ очень часто на далеко неравной степени развитія. Такъ (въ физикѣ), оптика гораздо выше по законченности рѣшенія своихъ немногосложныхъ вопросовъ, нежели метеорологія, рассматриваемые которую факты довольно мно-

госложны; такъ, неорганическая химія, анализирующая тѣла менѣе сложнаго состава, нежели каковы составъ органическихъ тѣлъ, обработана гораздо лучше органической химіи.

Эта причина трудности точнымъ образомъ рѣшать вопросы политической экономіи — причина, независящая отъ изслѣдователя, холодная, безстрастная. Но есть другія препятствія къ усилѣнному рѣшенію ея задачъ — препятствія, поставляемые любовью и пристрастіемъ, благосклонностью и недоброжелательствомъ.

Извѣстно, что доктора никогда не лечатъ близкихъ родныхъ; самый искуснѣйшій и самонадѣяннѣйшій врачъ, когда у него серьезно заболѣетъ жена или дитя, приглашаетъ другого, по собственному его и своему убѣжденію, можетъ быть, менѣе искуснаго. Почему это? Слишкомъ сильное участіе, принимаемое докторомъ въ больномъ, мѣшаетъ свѣтлой пронизательности взгляда его на положеніе больного: достанетъ ли у него твердости духа вовремя убѣдиться въ опасности болѣзни, достанетъ ли хладнокровія, чтобы не увлечься неосновательными опасеніями за послѣдствія рѣшительнаго леченія, рѣшится ли онъ на приговоръ: *medicamenta non valent, ferrum valabit*? Нѣтъ, онъ будетъ стараться не замѣчать худыхъ признаковъ, ослѣпляться хорошими, искать паллиативныхъ средствъ, когда они ни къ чему уже не годны. Всякій докторъ — плохой врачъ для милыхъ ему. Таково почти всегда положеніе политико-экономическаго, если онъ не бездушная писальная машина. Вопросъ идетъ объ участіи людей: кто можетъ не сочувствовать, не желать благоприятнаго отвѣта? А существенное условіе для вѣрнаго рѣшенія научныхъ вопросовъ — безстрастіе и безпристрастіе къ тому, *каковъ* будетъ отвѣтъ. Изслѣдователь истины долженъ искать только истину, а не того, чтобы истина была такова, а не инакова; онъ не долженъ содрогаться отъ мыслей о томъ, *что* получится въ отвѣтъ. Математику все равно, положительное или отрицательное количество получится въ результатъ; ему всякій выводъ хорошъ и милъ, лишь бы только былъ истиненъ. Положеніе того, кто изслѣдуетъ историческіе и, тѣмъ болѣе, политико-экономическіе вопросы, совершенно не таково. Онъ не можетъ не желать *благоприятнаго* отвѣта. Желаніе не можетъ не имѣть вліянія на выводъ. Куда хочется прийти, туда таятъ идти.

Если мы не имѣемъ возможности, то не имѣемъ и права не желать благого для человѣка. Пусть эта любовь замедляетъ путь къ строгой истинѣ; безъ нея мы и не пошли бы къ истинѣ: кто не любитъ человѣка, тотъ не будетъ и думать о человѣкѣ. Но есть другого рода привязанность, мелочная, жалкая въ дѣлѣ науки: это — привязанность къ своимъ личнымъ выгодамъ и къ выгодамъ сно-

ихъ одноклассниковъ, хотя бы онъ находился въ противоположности съ благомъ народа и государства. А этимъ пристрастіемъ большая часть людей скованы въ своихъ сужденіяхъ и послѣдованіяхъ.

Вотъ три изъ главнѣйшихъ препятствій быстрому развитію политической экономіи. Есть и другія, не менѣе важныя. Но — дальше въ лѣсъ, больше дровъ, а мы уже и такъ слишкомъ заговорились. Ни объ одномъ изъ этихъ препятствій г. Львовъ и не упоминаетъ, разсуждая о «шаткости политической экономіи», а главною помѣхою кажется ему вотъ что: «отсутствіе точнаго разграниченія между наукою и искусствомъ мѣшало успѣхамъ политической экономіи.» Видите ли, Дестю (Детю? Destutt) де-Трасп сказалъ: «искусство есть собраніе правилъ, наставленій, соблюденіе которыхъ необходимо для полученія желаемого результата; наука же состоитъ въ открытіи истинъ, посредствомъ изслѣдованія какого нибудь предмета», и политико-экономы не обращаютъ надлежащаго вниманія на эти слова: оттого я вся бѣда! Но различіе между наукою и искусствомъ извѣстно по крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ, какъ извѣстно различіе между инструкціями (которыя еще Карлъ Великій давалъ своему управляющему) и учеными трактатами; и еслибы экономисты не знали этого различія, то незнаніе было бы слѣдствіемъ, а не причиною шаткаго состоянія науки ихъ: пока будутъ шатки рѣшенія основныхъ вопросовъ науки, шатки будутъ и предѣлы ея; а когда уяснятся основные вопросы науки, то само собою уяснится и различіе ея отъ всевозможныхъ искусствъ, даже отъ искусства прирапывать факты, даже отъ искусства двумя-тремя пустыми фразами о неприкосновенности индивидуальной свободы, отдѣляясь отъ серьезныхъ преній о введеніи правительственными мѣрами порядка въ убійственную для народа безпорядицу промышленности, переливать изъ пустого въ порожнее, — искусствъ, которыми отличаются авторитеты г. Львова и во главѣ ихъ мнимо-глубокомысленный Бастиа. Но напрасно г. Львовъ думаетъ, что эти господа смѣшиваютъ науку съ искусствомъ: отъ Жана-Батиста Сэ, рѣзко сказавшаго, что «наука политической экономіи только описываетъ, а не хочетъ давать совѣтовъ», насильно прониклись этою основною мыслью люди, выучившіе науку съ его творенія, и съ этого основнаго пункта начавшіе свои труды подвиганія науки назадъ. Знаютъ и соблюдаютъ они это различіе, но не уяснили, а только загрязнили науку всѣ эти Бастиа, Росси, Миссели Шевалье. Отчего же это глупъ?

Оттого, что еще лучше, нежели различіе между наукою и искусствомъ, знаютъ они науку о томъ, что вредно и что полезно — для нихъ самихъ, и искусство говорить только о томъ, и только то, что

полезно для нихъ самихъ и для ихъ однокашниковъ, искусство, состоящее, между прочимъ, въ томъ, чтобы, для отвлеченія умовъ отъ другихъ вопросовъ, переисследовать уже давно рѣшенное, по мѣрѣ возможности сглаживать въ рѣшеніи то, отъ чего еще могутъ поперхнуться ихъ однокашники, и, по мѣрѣ способностей, доказывать, что фабричному рабочему жить лучше, нежели фабриканту. Прекрасный примѣръ этой стороны искусства представляетъ ученіе о поземельной рентѣ, излагаемое съ ихъ словъ г. Львовымъ. Это ученіе, эти опроверженія Рикардо — пренитересная вещь.

Плата, которую землевладелецъ получаетъ за отдачу въ наемъ своей земли, называется поземельною рентою. Какъ велика бываетъ она? Она бываетъ сообразна тому, сколько дохода приноситъ отдаваемая въ наемъ земля; доходъ зависитъ прежде всего отъ плодородія земли. Потому плодородіемъ земли опредѣляется величина платы за нее. Это было всегда всѣмъ извѣстно.

Но Рикардо, не довольствуясь этимъ неопредѣленнымъ отвѣтомъ, захотѣлъ въ точности опредѣнить, сколько же именно отдастъ арендаторъ за наемъ земли, и отъ какихъ причинъ произошло, что за землю платятъ ренту. И, надобно отдать ему справедливость, онъ анализировалъ вопросъ чрезвычайно глубокомысленно и вѣрно. Вотъ сущность его «Теоріи ренты».

Малочисленный народъ приходитъ въ необитаемую землю и начинаетъ воздѣлывать ее. Каждый обрабатываетъ земли, сколько можетъ и какую хочетъ (почти такъ теперь дѣлается въ западныхъ штатахъ Сѣверной Америки, и совершенно такъ было лѣтъ за семьдесятъ въ юго-восточной Россіи). Само собою разумѣется, что обрабатываются только лучшія земли: кому будетъ охота нахать не самую лучшую землю, когда ея въ волю для всякаго? Положимъ, что этого сорта земля даетъ по десяти четвертей съ десятины. Народонаселеніе размножается; хлѣба, получаемого съ этихъ плодороднѣйшихъ земель, становится недостаточно для его продовольствія. Надобно приступить къ разработкѣ и тѣхъ земель, которыя даютъ только по девяти четвертей съ десятины. Представимъ себѣ, что я хочу заняться въ это время земледѣліемъ. Я могу даромъ взять землю второго сорта, ея еще много не занятой; а земли перваго сорта уже всѣ заняты. Но, можетъ быть, кто нибудь изъ владѣющихъ землями перваго сорта не хочетъ заниматься земледѣліемъ: не дастъ ли онъ мнѣ пользоваться своею землею? вѣдь, необрабатываемая, все равно, она ничего ему не принесетъ? Нѣтъ, онъ рассуждаетъ иначе: «если ты будешь даромъ обрабатывать еще незанятую землю, ты получишь съ десятины по девяти четвертей; а моя дастъ тебѣ по десяти четвертей: какъ же ты будешь получать чет-

верть десятины? земля моя; я и буду получать выгоду отъ того, что она лучше другихъ; и если хочешь обрабатывать ее, давай мнѣ по четверти съ десятины.» И я согласюсь давать, потому что выгоды для меня тѣ же. И вотъ начало платы за пользованіе землею, — начало ренты. А согласился ли бѣ я на это условіе, когда были еще незанятые земли перваго сорта? Нѣтъ, я сказалъ бы землевладѣльцу: «да съ чего же ты взялъ, что я тебѣ стану давать по гурсти съ десятины? не дашь ты своей земля даромъ, я возьму даромъ еще незанятую.» И теперь я сказалъ бы это владѣльцу земли втораго сорта, потому что есть еще порожнія земли этого сорта, которыми можно пользоваться даромъ; второй сортъ еще не даетъ ренты. Но вотъ народонаселеніе до того размножилось, что обработаны всѣ земли втораго сорта (дающія давать четверть) и надобно обратиться къ землямъ третьяго класса, дающимъ только восемь четвертей съ десятины. Если тогда вы захотите взять на обработку землю втораго сорта, владѣлецъ уже потребуетъ отъ васъ одной четверти съ десятины, потому что даромъ вы не можете обрабатывать земли, дающей болѣе осьми четвертей; а владѣлецъ земли перваго сорта поэтому же самому потребуетъ по двѣ четверти съ десятины. Итакъ, рента измѣняется разницею между доходомъ отъ наилучшихъ изъ обрабатываемыхъ земель и доходомъ отъ земель, отдаваемой въ оброкъ. Чѣмъ болѣе худшіе сорта земли обрабатываются, тѣмъ болѣе возвышается рента съ лучшихъ земель. Ясно, что возможность ея основана на томъ, что не всѣ земли одного качества, что земель лучшихъ сортовъ находится въ странѣ только определенное, далеко не безграничное количество, и что всѣ онѣ обращены уже въ частную собственность.

Но мы говоримъ о платѣ за нашу натурою, хлѣбомъ; а съ развитіемъ промышленности всѣ платежи начинаютъ производиться деньгами, а не натурою. Посмотримъ же, какую сумму денегъ составляетъ рента въ разные періоды, нами опредѣляемые по сортамъ владѣливаемой земли. Извѣстно, что нельзя долго заниматься работою, которая не даетъ возможности жить: работникъ разорится и погибнетъ или оставитъ свое убыточное занятіе. Итакъ, цѣна хлѣба устанавливается такая, чтобы земледѣлецъ могъ существовать; иначе онъ оставитъ земледѣліе. Предположимъ, что земледѣлецъ можетъ обрабатывать пять десятинъ земли, и что ему на годовые расходы нужно сто рублей серебромъ. Если по количеству народонаселенія необходимо, чтобы обрабатывались земли не только четвертаго сорта (дающаго семь четвертей съ десятины), но и пятаго (дающаго шесть), то и цѣна хлѣба должна установиться такая, чтобы земледѣлецъ пятаго разряда могъ получить свои сто рублей за

свой хлѣбъ (съ пяти десятиныхъ по шести четвертей, тринадцать четвертей), иначе онъ покинетъ земледѣліе, земли нятаго сорта перестанутъ обрабатываться, хлѣба будетъ не достаточно для народонаселенія, и онъ еще болѣе возвысится въ цѣнѣ. Итакъ, цѣна хлѣба устанавливается тою цѣною, ниже которой не можетъ безъ разоренія взять человекъ, обрабатывающій самый низкій сортъ изъ обрабатываемыхъ земель. Посмотримъ же, какъ велика будетъ денежная рента при постоянной разработкѣ все худшихъ сортовъ земли.

Первый періодъ. Обрабатываются только земли, дающія 10 четвертей съ десятины. Хлѣба получается земледѣльцемъ съ пяти десятиныхъ (5×10) 50 четвертей. Цѣна хлѣба (за 50 четвертей надобно получить 100 рублей) 2 рубля. Ренты нѣтъ.

Второй періодъ. Обработка земли второго сорта (9 четвертей съ десятины). Количество хлѣба 45 четвертей. Цѣна ($100 : 45$) 2 рубля 22 копейки; рента за пять десятиныхъ нрваго сорта (по 1 четверти съ десятины) $2 \text{ рубля } 22 \times 5 = 11$ рублей. Второй сортъ не даетъ рента.

Третій періодъ. Обработка земли и третьяго сорта (8 четвертей). Количество хлѣба 40 четвертей. Цѣна ($100 : 40$) 2 рубля 50 копеекъ. Рента за пять десятиныхъ перваго сорта (по 2 четверти) 25 рублей; второго сорта (по 1 четверти) 12 рублей 25 копеекъ.

Четвертый періодъ. Обработка земли и четвертаго сорта (7 четвертей). Количество хлѣба 35 четвертей. Цѣна ($100 : 35$) 2 рубля 83 копейки. Рента за пять десятиныхъ земли:

Перваго сорта (по 3 четверти) 42 рубля 45 копеекъ; второго сорта (по 2 четверти) 28 рублей 30 копеекъ; третьяго сорта (по 1 четверти) 14 рублей 15 копеекъ.

Пятый періодъ. Обработка земли и нятаго сорта (6 четвертей). Количество хлѣба 30 четвертей. Цѣна ($100 : 30$) 3 рубля 33 копейки. Рента за пять десятиныхъ земли:

Перваго сорта (по 4 четверти) 66 рублей 66 копеекъ; второго сорта (по 3 четверти) 50 рублей; третьяго сорта (по 2 четверти) 33 рубля 33 копейки; четвертаго сорта (по 1 четверти) 16 рублей 66 копеекъ.

Итакъ, рента прогрессивно возвышается и отъ увеличенія разницы между количествомъ хлѣба, получаемаго съ земель разныхъ сортовъ, и отъ возвышенія цѣны хлѣба. Чѣмъ болѣе народонаселеніе, чѣмъ худшія земли обрабатываются (менѣе получаетъ земледѣлецъ за свой трудъ), чѣмъ выше цѣны хлѣба, чѣмъ болѣе обиваетъ отъ этого народъ, тѣмъ болѣе становится рента.

Все это справедливо, все это глубокомысленно и просто вѣсть.

Сказать противъ выводовъ Рикардо ничего нельзя; но — и вотъ доказательство, какъ многосложны вопросы политической экономіи — но это вполне справедливое рѣшеніе вопроса не есть его окончательное рѣшеніе, потому что Рикардо говоритъ объ одной спеціальной сторонѣ вопроса и не переноситъ своихъ заключеній изъ области умозрительныхъ соображеній въ область дѣйствительныхъ, современныхъ отношеній; въ этомъ состоитъ справедливая сторона возраженій Мальтуса противъ его теоріи. При опредѣленіи цѣны хлѣба, Рикардо принимаетъ въ соображеніе только потребности земледѣльца и всегда предполагаетъ существованіе земель еще незанятыхъ, которыми можно пользоваться задаромъ; и потому рента составляетъ у него только излишекъ цѣнностей, доставляемыхъ обработываніемъ однихъ земель, надъ количествомъ цѣнностей, доставляемыхъ обработкою другихъ. Но цѣна хлѣба, если не можетъ спускаться ниже поставленной Рикардо границы, то можетъ подниматься выше ея, когда народонаселеніе слишкомъ велико сравнительно съ количествомъ земли, могущей быть обработанною, и хлѣба, ею доставляемаго: тогда хлѣбъ, вслѣдствіе того, что его больше требуется покупателями, нежели предлагается продавцами, дорожаетъ; и въ пятомъ, напримѣръ, періодѣ (предполагая, что земли пятого сорта худшія изъ удобныхъ для земледѣлія) цѣна хлѣба, вмѣсто выведенной по Рикардо для случаевъ, когда хлѣба достаточно, 3 р. 33 коп., можетъ возвыситься до 3 р. 50 коп., 4 р., 5 р. Такъ и бываетъ постоянно въ большей части Западной Европы. Тогда земледѣлецъ получаетъ съ пяти обрабатываемыхъ имъ десятинъ:

Земля	1 сорта (10 четв.)	2 сорта (9 четв.)	3 сорта (8 четв.)	4 сорта (7 четв.)	5 сорта 16 четв.
Количество хлѣба	50	45	40	35	30
На сумму (полагая 4 р. четв.)	200	180	160	140	120 р.
Рента, какъ различіе между доходами	80	60	40	20	» »

Но земледѣльцу оставалось бы въ этомъ случаѣ 120 р.; а для возможности существовать необходимо только 100 р. Оставить ли землевладѣлецъ земледѣльцу лишніе 20 рублей? Нѣтъ, онъ скажетъ ему: «При избыткѣ народонаселенія, когда всякій хлопочетъ только о насущномъ хлѣбѣ, я всегда найду арендаторовъ, которые удовольствуются 100 рублями дохода и дадутъ мнѣ 20 рублей болѣе, нежели дашь ты; потому или прибавь мнѣ 20 рублей ренты и довольствуйся 100 рублями, или я найду на этихъ условіяхъ другихъ арендаторовъ.» Итакъ, выводъ Рикардо надобно дополнить такимъ образомъ: разница между низшею и вышею рентою дѣйствительно опредѣляется разницею доходовъ отъ земли; но низшая рента опре-

дѣляется излишкомъ дохода съ наилучшихъ земель передъ суммою, необходимою для покрытія издержекъ земледѣльца, и земли самаго низшаго сорта изъ удобныхъ къ воздѣлыванію приносятъ ренту (Рикардо опустилъ это изъ виду) тамъ, гдѣ цѣна хлѣба опредѣляется не издержками производства, а стоятъ (по излишку населенія или другимъ причинамъ) выше ихъ; и суммою этой ренты увеличивается и рента со всѣхъ другихъ земель. Таково положеніе Англіи, Франціи и проч.

Есть еще неполнота въ теоріи Рикардо; изъ общаго закона: «рента опредѣляется количествомъ и цѣною получаемаго хлѣба», вывелъ онъ заключеніе, что рента не имѣетъ уже сама вліянія на цѣну хлѣбу, что поэтому даже если бы рента была понижена или уничтожена, то выигралъ бы только классъ фермеровъ, а не весь народъ; потому что цѣна хлѣба не понизилась бы. Ошибочность этого мнѣнія замѣчена еще Сисмонди. Было бы слишкомъ долго разяснить воѣ отношенія, которыя позиціи бы цѣну съ пониженіемъ ренты, и потому замѣтимъ только одно то, что если бы у фермера вмѣсто 100 рублей оставалось 120, то 20 рублей, которые остаются у него за расходами, онъ употребилъ бы на улучшеніе земли, своихъ орудій и т. д. (сталъ бы обрабатывать землю при помощи бѣльшаго капитала), и тогда получилъ бы больше хлѣба, вмѣсто 50 четвертей (на землѣ 1 сорта) 60, а вмѣсто 30 (на землѣ 5 сорта) 36; и если бы, съ увеличеніемъ количества хлѣба, цѣна его понизилась отъ 4 руб. до 3 руб. 50 коп., то онъ все остался бы еще съ бѣльшимъ прежняго барышомъ (50 четв. по 4 р. дадутъ 200 р., а 60, по 3 р. 50 к., 210 р., изъ которыхъ за вычетомъ 80 р. ренты осталось бы у него 130 р. вмѣсто прошлогоднихъ 120 р.; такъ точно 30 четв. по 4 р. дадутъ 120 р., а 36 по 3 р. 50 коп. 126 р.) и могъ бы продолжать идти путемъ увеличенія своего производства, пониженія цѣны и т. д. А это еще самая ничтожная изъ причинъ, по которымъ пониженіе ренты имѣло бы вліяніе на пониженіе цѣны, и мы говорили о ней потому только, что доказать ее проще, нежели другія.

Итакъ, теорія Рикардо совершенно основательна, но не совершенно полна; она объясняетъ только причину различія въ рентѣ различныхъ земель, не принимая, что и самая плохая изъ обрабатываемыхъ земель приноситъ ренту, и не объясняетъ этого; она выводитъ ренту выше дѣйствительной величины ея, потому что беретъ ренту только при достаточности, а не при недостаточности производства.

Но многимъ теорія Рикардо не нравится; почему, это не наше дѣло, хотя намъ ихъ возраженій мало, потому именно намъ рента

она имѣ. И эти возраженія — превосходный образецъ толковъ о политической экономіи мнимо-ученыкъ, постигшихъ различіе между наукою, ищущею истины, и искусствомъ «смѣшать пріятное съ полезнымъ» для направленія нарушаемой наукою доброй славы мильихъ и полезныхъ намъ людей. Всѣ эти возраженія — или приадрки къ словамъ, или нападеніе на справедливыя, но неудобоваримыя стороны теоріи. Просмотримъ ихъ по изложенію г. Львова.

Рикардо, по ихъ мнѣнію, этихъ господъ (Bastiat, Carey и т. д.), ошибается, говоря, что воздѣлываніе начинается съ лучшихъ земель, а потомъ, по мѣрѣ надобности, народъ переходитъ къ воздѣлыванію низшихъ сортовъ земель. Видите ли, бѣдная Атика обрабатывается прежде плодородной Беотіи (откуда это извѣстно?), сухая почва Верхняго Египта прежде плодородной Дельты и т. д. и Московская, или Тверская губернія прежде Сибирской и Саратовской. — Да никто и не думаетъ утверждать, что люди поселялись первоначально именно въ наилучшія страны земного шара (хотя вообще это справедливо: южная Европа заселена и воздѣлана раньше сѣверной; Малая Азія, долины Тигра и Эвфрата и Инда раньше южной Европы), до этого и дѣла нѣтъ: цѣны на хлѣбъ въ Тверской губерніи очень мало зависятъ отъ цѣны хлѣба въ Бессарабіи, цѣны хлѣба въ Германіи отъ цѣны хлѣба въ Сициліи или Малой Азіи; Рикардо говоритъ объ округахъ земли, составляющихъ одно экономическое цѣлое, которые народъ воздѣлываетъ, не зная, что за тысячу верстъ есть округа болѣе плодородныя, или не имѣя возможности переселиться туда; онъ говоритъ о колѣ цѣны и ренты въ каждой отдѣльно округѣ, въ которыхъ цѣны на хлѣбъ однѣ и тѣ же; а такіе округа и теперь еще не велики, а прежде, при худшемъ положеніи путей сообщенія, при меньшемъ развитіи торговли, они были еще меньше. Такъ, у насъ въ каждомъ уѣздѣ свои цѣны на хлѣбъ; такъ, изъ земель французскихъ, въ Эльзасѣ свои цѣны, въ Нормандіи свои, въ Берри свои и т. д. Только съ этими округами и имѣетъ дѣло теорія Рикардо: что за дѣло мовгородцу, что саратовецъ продаетъ свой хлѣбъ по 20 копеекъ за четверикъ? онъ все-таки будетъ продавать свой хлѣбъ по 2 рубля; что за дѣло ему, что въ «долинѣ Амазонской рѣки» лежатъ плодородныя неводдѣланныя земли — онъ будетъ обрабатывать свою глинистую землю, стараясь въ ней только отыскать по возможности лучшіе участки: не бѣжать же ему въ самомъ дѣлѣ воддѣлывать плодородную «долину рѣки Амазонки.» Превосходно понимаютъ авторитеты г. Львова, въ чемъ дѣло; Рикардо говоритъ и долженъ говорить объ округѣ земель, имѣющемъ однѣ цѣны, составляющемъ одно цѣлое, по недалести разстояній; они толкуютъ о томъ, что Мо-

сква основана прежде Тамбова! Мы въ правѣ ожидать, что явятся еще глубоко-ученѣйшіе противники Рикардо, которые скажутъ: «неправда, что плодороднѣйшая почва воздѣлывается прежде; на Юпитерѣ и Уранѣ богатѣйшій чернозѣмъ, а англичане еще не воздѣлываютъ его»: да имѣетъ ли средства англичанинъ воздѣлывать плодородную почву Юпитера? Почти столько же средствъ имѣетъ псковичъ воздѣлывать мало-азійскую почву.

Далѣе начинаются толки о томъ, что плодороднѣйшая земля иногда бываетъ недоступна для обработки, потому что ее надобно еще очистить и удобрить и т. д. — Удивительно, какъ эти господа не скажутъ опять: «хлѣбъ родился бы лучше всего въ центральной Африкѣ, еслибъ навезти туда воронежскаго чернозема и устроить ломбардское орошеніе, а люди еще не воздѣлываютъ этихъ плодороднѣйшихъ земель; изъ этого слѣдуетъ, что люди и не хотятъ обрабатывать плодороднѣйшихъ земель.»

Нельзя спорить противъ подобныхъ возраженій, потому что они нисколько нейдутъ къ дѣлу. Но изъ нихъ выводится, что «сначала люди обрабатываютъ менѣе плодородныя земли, а потомъ переходятъ къ болѣе плодороднымъ (!!!)», что, конечно, противорѣчитъ здравому смыслу и всѣмъ фактамъ, но имѣетъ видъ глубокомыслія. А изъ этого прекраснаго начала слѣдуетъ, что рента съ теченіемъ времени понижается въ цѣнѣ, хлѣбъ тоже, и т. д., что наконецъ въ наше время землевладѣтель, отдавая землю въ наймы, получаетъ наемную плату не за землю, а за свои труды (которые ограничиваются трудомъ подписать свое имя на контрактъ и сосчитать принесенныя деньги), и что поэтому, собственно говоря, поземельной ренты и не существуетъ, а существуетъ только доходъ съ земли, какъ существуетъ доходъ съ домовъ (NB. домъ выстроилъ хозяинъ дома, а землю.... «а землю создалъ своими трудами ея владѣтель». См. изслѣдованіе г. Львова, стр. 121 — 131). А изъ этого слѣдуетъ, что англійскій лордъ, живущій въ Римѣ или Парижѣ, своими трудами обрабатываетъ свою землю, а его фермеры — просто дармоеды, которые пожинаютъ плоды его трудовъ, и даже нешлѣстно за что предоставляютъ себѣ право отдавать лорду только часть, а не всю цѣлость произведеній съ земель, которыя не приносили бы ни колоса, еслибы не было по счастью лорда, живущаго въ Римѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что завидна участь нахарей, получающихъ страшные доходы, и достойна состраданія участь бѣднаго лорда, едва имѣющаго нѣнѣ насыщавшій хлѣбъ.

Обозрѣніе Оттоманской Имперіи, Молдавіи, Валахіи и Сербіи. Е. Сергеевскаго. Спб. 1854.

Плохая компиляція, написанная дурнымъ языкомъ. Большую половину книги занимаетъ географическій обзоръ турецкихъ владѣній; какъ мало приспособлена книга къ требованіямъ русской публики, можно видѣть уже изъ того, что Анатолія описана вдвое подробнѣе, нежели Европейская Турція; и между тѣмъ какъ о какомъ-то Антивари, «на берегу Адриатическаго моря, имѣющемъ помѣстительную гавань», толкуется на полустраницѣ, о городѣ Ванѣ (въ Азіатской Турціи) на двухъ съ половиною страницахъ и т. д., все описаніе областей, которыя теперь составляютъ театръ войны, уиѣствилось менѣе, нежели на двухъ страницахъ (28—29), а всѣ свѣдѣнія о Силистріи, Рушукѣ и Шумлѣ ограничиваются слѣдующими словами: «Силистрія, большой городъ, съ укрѣпленіями на Дунаѣ, дважды взятый русскими войсками и возвращенный туркамъ по адрианопольскому трактату. Рушукъ, укрѣпленный городъ на правомъ берегу Дуная. Шумла, укрѣпленный городъ у подошвы Балканскихъ горъ.» За этимъ географическимъ обзоромъ слѣдуютъ столь же сухія, неполныя и невѣрно переданныя замѣчанія о турецкихъ законахъ, промышленности, войскѣ и флотѣ.

О производительныхъ силахъ Россіи. Сочиненіе Тайнаго Святника, Члена Государственнаго Совѣта Л. В. Тенгеборскаго. Часть первая. Переводъ съ французскаго, съ дополненіями и измѣненіями втораго изданія. Москва. 1854.

Въ «Современникѣ» 1851 года была помѣщена подробная рецензія на первый томъ замѣчательнаго, издаваемаго г. Тенгеборскимъ, сочиненія. Нынѣ профессоръ Московскаго Университета И. В. Вернадскій даритъ намъ русскимъ переводомъ этого сочиненія и, прибавивъ, переводомъ весьма удовлетворительно сдѣланнымъ. Вышедшая теперь первая часть содержитъ въ себѣ, кромѣ общихъ соображеній о климатѣ Россіи, пространствѣ ея, качествахъ почвы и народонаселеніи, подробныя данныя о произведеніяхъ почвы и самой ихъ цѣнности. Въ концѣ, въ видѣ особаго приложенія, помѣщаются дополнительныя свѣдѣнія обо всѣхъ этихъ предметахъ, основанныя на результатахъ новой народной переписи и заимствованныя изъ втораго изданія французскаго подлинника. Не считая нужнымъ повторять въ подробности отзывъ, уже прежде сдѣланный нами о книгѣ г. Тенгеборскаго, замѣтимъ только, что переводчикъ совершенно справедливо называетъ эту книгу «однимъ изъ лучшихъ систематическихъ трудовъ въ области хозяйственной статистики». Нельзя не согласиться съ нимъ также, что, при недостаткѣ хорошихъ

руководствѣ по этому предмету на отечественномъ языкѣ, изданіе въ свѣтъ его перевода должно принести несомнѣнную пользу и пополнить собою одну изъ важнѣйшихъ проблѣвъ въ русской ученой литературѣ.

Проектъ Ломоносова и экспедиція Чичагова. *Изданіе Гидрографическаго Департамента. Спб. 1854.*

Извѣстно, что въ царствованіе Императрицы Елизаветы II, въ 1764 году, снаряжена была, подъ начальствомъ капитана Чичагова, обширная экспедиція для открытія сѣверо-восточнаго пути изъ Европы въ Америку или, другими словами, для прохода сѣвернымъ океаномъ въ Камчатку. Писатели, излагавшіе исторію этой экспедиціи, не могли объяснить удовлетворительнымъ образомъ обстоятельства, подавшихъ поводъ къ ея снаряженію. Они не знали, что это замѣчательное предпріятіе совершено было по предложенію и проекту знаменитаго Ломоносова. Только въ 1828 году указалъ на это трудолюбивый Берхъ, въ статьѣ своей: «Дополненіе къ жизнеописанію М. В. Ломоносова», помѣщенной въ «Московскій Телеграфъ». Основываясь на положительныхъ свидѣтельствахъ, Берхъ доказалъ, что Ломоносовымъ было написано особое сочиненіе «О возможности достигнуть отъ Шницбергена, черезъ Сѣверный полюсъ, въ Восточное море», послужившее главнымъ поводомъ къ снаряженію экспедиціи Чичагова. Но сочиненіе это долгое время считалось потеряннымъ и только въ 1847 году было отыскано А. П. Соколовымъ въ Главномъ Морскомъ Архивѣ. Г. Соколовъ напечаталъ его въ томъ же году, но такъ какъ оно прошло совершенно почти незамѣченнымъ, то нынѣ онъ перепечаталъ его вновь, съ нѣкоторыми дополненіями и поправками. Въ началѣ книги изложены довольно подробныя свѣдѣнія о самой экспедиціи Чичагова и доказано близкое участіе, которое принималъ въ снаряженіи ея Ломоносовъ. Затѣмъ слѣдуетъ самое сочиненіе послѣдняго, подъ названіемъ: «Краткое описаніе разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго прохода Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію», съ двумя прибавленіями, въ которыхъ Ломоносовъ старался изъяснить точнѣе основную мысль своего проекта и средства къ ея осуществленію. О важности и значительности всѣхъ этихъ документовъ нѣтъ надобности распространяться. Дѣло говоритъ само за себя. Дѣло редакторовъ состоитъ только въ томъ, чтобы поблагодарить издателя отъ имени всей читающей публики за вѣрный его трудъ и позволить возможно-большей гласности любопытнымъ, обнаруженнымъ имъ, свѣдѣніямъ.

ИСТОРИЯ МОЕЙ МОЛОДОСТИ.

(ПОСМЕРТНОЕ СОЧИНЕНІЕ АРАГО).

I. — Я не думаю, чтобъ даже вскорѣ послѣ моей смерти нашлись люди, которые пожелаали бы узнать, какое я получалъ воспитаніе и какимъ образомъ совершенствовались мои способности; но слишкомъ услужливые біографы успѣли сообщить своимъ читателямъ совершенно невѣрныя о томъ свѣдѣнія; поэтому я считаю обязанностью исправить ихъ ошибки, въ которыхъ стали бы обвинять моихъ родственниковъ.

II. — Я родился 26 февраля 1786 г., въ Эстажельской общинѣ, принадлежавшей въ старину Руссальону (департаментъ Восточныхъ Пиреней). Отецъ мой, лиценціатъ правъ, владѣлъ небольшою пахатною землею, виноградникомъ и оливковою плантаціею и доходами съ нихъ содержалъ свое большое семейство.

Итакъ, мнѣ было три года въ 1789, четыре въ 1790, пять въ 1791, шесть въ 1792 и семь въ 1793 году, и проч.

Читатель можетъ теперь судить, справедливо ли было напечатано, что я *сильно* участвовалъ въ нашей первой революціи.

III. — Мои родители посылали меня въ Эстажельскую школу, гдѣ я скоро выучился читать и писать. Дома меня учили пѣнью. Я ничѣмъ не отличался отъ моихъ сверстниковъ. Упоминаю объ этихъ мелочахъ для того, чтобъ вывести изъ заблужденія тѣхъ, которые утверждали, что я четырнадцати лѣтъ не умѣлъ еще читать.

Въ Эстажелѣ былъ этапъ для войскъ, посылаемыхъ въ Перпеньянъ или прямо въ пиренейскую армію; поэтому домъ моихъ родителей почти всегда былъ наполненъ офицерами и солдатами. Я сердился на испанцевъ за ихъ нападеніе на мое отечество и такъ рѣшительно желалъ вступить въ военную службу, что домашніе

строго смотрѣли, чтобъ я не ушелъ съ солдатами. Часто догоняли меня за милою отъ деревни.

Одинъ разъ за этотъ воинственный духъ я заплатилъ было очень дорого. Ночью, послѣ сраженія при Пейреэзъ—Тортезъ, разбитые испанцы потеряли дорогу; я вышелъ на деревенскую площадь до солнечнаго восхода и увидалъ сержанта съ пятью кавалеристами, которые, подѣхавъ къ дереву свободы, закричали: «Somos perdidos!» Я тотчасъ побѣжалъ домой, вооружился копьемъ, оставленнымъ однимъ изъ нашихъ солдатъ, и спрятавшись за уголъ, ударилъ имъ сержанта; рана была не опасна; сержантъ хотѣлъ заплатить за нее собственнымъ ударомъ, какъ сбѣжались крестьяне съ вилами, сбили кавалеристовъ и взяли ихъ въ плѣнъ. Тогда мнѣ было семь лѣтъ.

IV. — Отецъ мой долженъ былъ переѣхать въ Перпиньянъ и занять должность казначея; за нимъ послѣдовало все наше семейство. Тогда меня помѣстили въ городскую коллегію, гдѣ я исключительно занимался словесными науками. Наши классическіе писатели составляли мое любимое чтеніе. Но направленіе моихъ идей вдругъ переизмѣнилось слѣдующимъ неожиданнымъ случаемъ.

Прогуливаясь на городскомъ валу, я увидалъ нижесержнаго офицера, который занимался починками укрѣпленій. Этотъ офицеръ, Крессакъ, былъ очень молодъ; я осмѣлился подойти къ нему и спросилъ, какимъ образомъ онъ такъ рано получилъ званіе.

— Я вышелъ изъ Политехнической школы, отвѣчалъ офицеръ.

— А что это за школа?

— Въ эту школу вступаютъ по экзамену.

— А много требуютъ отъ кандидатовъ?

— Вы можете узнать о томъ изъ программы, которую правительство каждый годъ разсыластъ по департаментамъ; вы можете ее найти въ журналѣ школы, находящемся въ библіотекѣ здѣшняго центрального училища.

Я тотчасъ побѣжалъ въ библіотеку и здѣсь въ первый разъ прочиталъ программу знаній, которыхъ требовали отъ поступающихъ въ Политехническую школу.

Съ этой минуты, я оставилъ тѣ классы, въ которыхъ учили насъ удивляться Корнелю, Расину, Ла-Фонтеню и Мольеру, и началъ посѣщать курсъ математики, порученный старому аббату Вердье, человѣку весьма почтенному, но его знанія не переходили за элементарныя сочиненія Лакаля. Я тотчасъ понялъ, что уроки Вердье не могли обеспечить мое вступленіе въ Политехническую школу, и рѣшился учиться самъ собою по новымъ сочиненіямъ, которыя выписали для меня изъ Парижа. Эти сочиненія принадлежали

Лежандру, Лагранжу и Гарнье. Читая ихъ, я встрѣчалъ затрудненія, истощавшія мои силы. Къ счастью — что очень странно и можетъ быть нѣтъ другого примѣра въ цѣлой Франціи — въ Эстажелѣ былъ землевладѣлецъ, Рейналь, любившій заниматься высшей математикою. Отдавая въ своей кухнѣ приказанія о работахъ на слѣдующій день, Рейналь читалъ «Гидравлическую архитектуру» Прони, «Аналитическую механику» Лагранжа и «Небесную механику» Лапласа. Этотъ превосходный человѣкъ часто давалъ мнѣ полезные совѣты; но должно сказать, что истиннаго учителя я нашелъ на оберткѣ «алгебры» Гарнье. Эта обертка была сдѣлана изъ печатнаго листа, наклееннаго синею бумагою. Прочитавъ незаклеившую его сторону, я захотѣлъ узнать, что находится подъ синею бумагою. Намочивъ, я снялъ ее осторожно и прочиталъ совѣтъ, данный Делаம்பеромъ молодому читателю, встрѣтившему затрудненіе въ математикѣ: «идите, идите далѣе; вѣра придетъ сама собою.»

Этотъ совѣтъ былъ для меня солнечнымъ лучемъ; я не останавливался на предложеніяхъ, которыхъ доказательства казались мнѣ непонятными; я допускалъ ихъ справедливость, переходилъ къ другимъ и, къ моему удивленію, находилъ понятнымъ то, что накануне считалъ совершенно темнымъ.

Такимъ образомъ, въ полтора года, я овладѣлъ всѣми предметами, которые содержались въ программѣ Политехнической школы и поѣхалъ въ Монпелье для экзамена. Мнѣ тогда было шестнадцать лѣтъ. Мовжъ, младшій, экзаменаторъ, задержанный въ Тулузѣ болѣзнію, написалъ въ Монпелье, что собравшихся тамъ кандидатовъ онъ будетъ экзаменовать въ Парижѣ. Я не могъ ѣхать такъ далеко и возвратился въ Перпиньянь.

Здѣсь я едва не послушался моихъ родныхъ, которые желали, чтобы я отказался отъ Политехнической школы. Но моя склонность къ наукамъ математическимъ взяла верхъ надъ ихъ совѣтами. Я увеличилъ мою бібліотеку «Введеніемъ въ анализъ безконечныхъ» Эйлера, «Рѣшеніемъ числовыхъ уравненій», «Теорією аналитическихъ функций» и «Аналитическою механикою» Лагранжа, и также «Небесною механикою» Лапласа. Я изучалъ эти творенія съ необыкновеннымъ прилежаніемъ. Прочитавъ въ «Журналѣ Политехнической школы» сочиненія, подобныя запискѣ Пуассона «Объ исключеніяхъ», я подумалъ, что всѣ ея воспитанники неходятъ за этого геометра, и что для моей цѣли надобно достигнуть ихъ высоты.

Я началъ приготовляться для артиллеріи, которую считалъ единственною цѣлю моего честолюбія. Услыхавъ, что офицеръ да-

женъ знать музыку, владѣть шпагою и умѣть танцовать, утро каждаго дня я посвящалъ этимъ тремъ искусствамъ.

Въ другіе часы дня, я прогуливался во рвахъ перпиньянской цитадели и задавалъ себѣ различные вопросы; я желалъ увѣрится въ обширности моихъ знаній, которыми хотѣлъ блеснуть предъ экзаменаторомъ.

Мешень, членъ Академіи Наукъ и Института, въ 1792 г. получилъ порученіе продолжать измѣреніе меридіана до Барцелоны. Въ 1794 г. онъ познакомился съ моимъ отцомъ, который принадлежалъ къ чиновникамъ департамента Восточныхъ Пиреней. Потомъ, въ 1803 г., онъ долженъ былъ довести свои измѣренія до Балеарскихъ острововъ, и проѣзжая черезъ Перпиньянъ, опять посѣтилъ моего отца. Въ это время я собирался въ Тулузу для экзамена и отецъ мой рѣшился просить его о рекомендаціи Монжу.

— Охотно, отвѣчалъ Мешень: — но я долженъ сказать вамъ чистосердечно, что я не увѣренъ въ успѣхѣ, потому что вашъ сынъ самоучка. Притомъ, если его и примутъ, науки артиллерійскія или инженерныя такъ трудны, что онъ обманется въ своихъ надеждахъ.

Нарушивъ порядокъ происшествій, я скажу о томъ, что случилось послѣ этого совѣта: я уѣхалъ въ Тулузу, выдержалъ экзаменъ, былъ принятъ въ школу, и черезъ полтора года занялъ мѣсто секретаря въ обсерваторіи, по увольненіи сына Мешеня; потомъ, еще черезъ полтора года, т. е. черезъ четыре года послѣ предсказанія въ Перпиньянѣ, я замѣнилъ въ Испаніи самого Мишеня, умершаго отъ трудовъ, несоразмѣрныхъ съ его истощенными силами.

V. — Наконецъ наступило время экзамена; я поѣхалъ въ Тулузу съ товарищемъ, учившимся въ общинной школѣ. Мы были нервые перпиньянцы, явившіеся на конкурсъ. Мой оробѣвшій товарищъ рѣшительно не имѣлъ успѣха. Когда я подошелъ къ доскѣ, тогда между мною и экзаменаторомъ Монжемъ начался такой разговоръ:

— Если вы будете такъ же отвѣчать, какъ вашъ товарищъ, то не надобно васъ и спрашивать.

— Мой товарищъ оробѣлъ; онъ знаетъ больше того, что отвѣчалъ; можетъ быть, я буду счастливѣе; но ваши слова и меня приводятъ въ робость и замѣшательство.

— Незнающіе всегда извиняются робостью; я сдѣлалъ вамъ мое предложеніе для того, чтобъ избавить васъ отъ стыда.

— Миѣ всего обиднѣе слушать то, что вы говорите. Спрашивайте; это ваша должность.

— О! вы поднимаетесь высоко. Мы сейчас увидимъ, справедлива ли ваша заносчивость.

— Начивайте; я ожидаю вопроса.

Тогда Монжъ предложилъ вопросъ изъ геометріи, и отвѣтъ мой уменьшилъ его предубѣжденіе. Онъ перешелъ къ алгебрѣ, къ разрѣшенію числовыхъ уравненій. Я зналъ сочиненіе Лагранжа, какъ монъ пять пальцевъ. Я разобралъ всѣ извѣстные способы рѣшеній и показалъ ихъ достоинства и недостатки; я пересмотрѣлъ способъ Ньютона, способъ обратныхъ рядовъ, способъ каскадовъ и непрерывныхъ дробей. Отвѣтъ мой продолжался цѣлый часъ. Монжъ сдѣлался снисходительнымъ и сказалъ:

— Теперь я долженъ считать, что вашъ экзаменъ кончился; но для собственнаго моего удовольствія я хочу предложить еще два вопроса: какія существуютъ отношенія между кривою линіею и ея касательною?

Я отвѣчалъ, что этотъ вопросъ есть частный случай теоріи соприкосновеній Лагранжа.

— Но какъ вы опредѣлите напряженіе различныхъ веревокъ въ вервочной машинѣ?

Я разрѣшилъ эту задачу также по способу Лагранжа. Такимъ образомъ во весь экзаменъ за меня отвѣчалъ Лагранжъ.

Я простоялъ у доски два часа съ четвертью. Монжъ, перейдя изъ одной крайности въ другую, всталъ, обнялъ меня и объявилъ торжественно, что я первый ученикъ въ его спискѣ. Надобно ли говорить, что при экзаменѣ моего товарища тулузскіе кандидаты отпускали сарказмы насчетъ перпиньянцевъ? Объявленіе Монжа восстановило честь моей родины, и я радовался тому отъ всей души.

VI. — Въ Политехнической школѣ, въ концѣ 1803 г., помѣстили меня въ буйную бригаду Гасконцевъ и Бретонцевъ. Я хотѣлъ изучить основательно физику и химію, о которыхъ не имѣлъ никакого понятія; но поведеніе моихъ товарищей много къ тому препятствовало. Чтожь касается до математики, то при поступленіи въ школу я зналъ болѣе, нежели сколько требовалось при выходѣ изъ нея.

Я рассказалъ о странномъ поступкѣ Монжа, младшаго, при началѣ моего экзамена въ Тулузѣ; нѣчто подобное случилось на моемъ математическомъ экзаменѣ при переходѣ изъ одного отдѣленія школы въ другое.

Экзаменаторомъ былъ знаменитый геометръ Лежандръ, который чрезъ нѣсколько лѣтъ сдѣлался моимъ товарищемъ и другомъ.

Я вошелъ въ его кабинетъ въ ту минуту, когда Г...., экзаменованный прежде меня, былъ вынесенъ въ обморокъ двумя слушателями. Я думалъ, что это обстоятельство смягчитъ Лежандра; но оказалось противное.

— Какъ васъ зовутъ? сказалъ онъ съ грубостью.

— Араго.

— Итакъ, вы не французъ?

— Если бы я не былъ французъ, то не стоялъ бы предъ вами; я думаю, что не принимаютъ въ школу безъ доказательства французскаго происхожденія.

— Я утверждаю, что тотъ не французъ, кого зовутъ Араго.

— А я говорю, что я французъ, настоящій французъ, какъ и страна моя фамиля.

— Хорошо; перестанешъ о томъ спорить; ступайте къ доскѣ.

Лишь только я взялся за мѣлъ, какъ Лежандръ опять возвратился къ своему сомнѣнiю и сказалъ:

— Вы родились въ одномъ изъ вновь присоединеннымъ департаментовъ?

— Нѣтъ, сударь, я родился въ департаментѣ Восточныхъ Пиреней, при подошвѣ его горъ.

— Для чего же вы не сказали мнѣ этого съ самаго начала; тогда бы все объяснилось. Не правда ли, вы испанецъ?

— Можеть быть; но въ моемъ скромномъ семействѣ нѣтъ никакого документа о гражданскомъ состоянiи моихъ предковъ. Каждый есть сынъ своего отца. Я повторяю вамъ, что я французъ, и этого довольно.

Такой отвѣтъ не могъ расположить Лежандра въ мою пользу. Это тотчасъ обнаружилось. Предложивъ вопросъ, требованнiй употребленія двойныхъ интеграловъ, онъ остановилъ меня по срединѣ отвѣта и сказалъ:

— Вы не могли узнать вашего способа отъ вашего профессора. Откуда вы его взяли?

— Изъ одной вашей записки.

— Для чего вы ее выбрали? Чтобъ угодить мнѣ?

— Нѣтъ; я и не думалъ о томъ. Я выбралъ этотъ способъ потому, что онъ мнѣ кажется лучшимъ.

— Если вы не объясните мнѣ причинъ вашего предпочтенія, то я отищу васъ худо, по крайней мѣрѣ относительно вашего характера.

Тогда я долженъ былъ доказывать, что способъ двойныхъ интеграловъ Лежандра во многихъ отношенiяхъ яснѣе и основательнѣе

того, который мы слышали на лекціях Лавруа. Мои доказательства удовлетворили Лежандра; онъ сдѣлался ласковѣе.

Потомъ онъ потребовалъ, чтобъ я опредѣлялъ контръ тяжести сферическаго отрубка.

— Вопросъ очень легокъ, отвѣчалъ я.

— Хорошо; я сдѣлаю его сложнѣе: вмѣсто постоянной плотности, я предполагаю, что она перемѣняется отъ центра къ поверхности пропорціонально какой нибудь данной функціи.

Я кончалъ вычисленіе весьма удачно и тѣмъ приобрѣлъ полное благоволеніе экзаменатора. Когда я уходилъ, тогда онъ сказалъ:

— Я вижу, что вы хорошо употребили ваше время; продолжайте также и во второмъ году; тогда мы разстанемся добрыми друзьями.

Товарищи мои приняли эти слова за вѣрное предвѣщаніе будущихъ успѣховъ.

Въ 1804 г., въ Политехнической школѣ экзамены производились съ неизъяснимыми странностями. Повѣрять ли, что старикъ Баррюель экзаменовалъ изъ физики всегда двоякъ и каждому изъ нихъ ставилъ среднее число балловъ? Если, напримѣръ, одинъ заслуживалъ 5, а другой 7, то каждый получалъ 6. Я экзаменовался у него съ весьма умнымъ товарищемъ, но который совсѣмъ не занимался физикой: согласившись, чтобъ онъ не отвѣчалъ ни слова, мы оба остались весьма довольными.

Я началъ говорить о Политехнической школѣ 1804 г., и потому считаю обязанностью упомянуть, что ея недостатки принадлежали не ея устройству, но лично преподавателямъ, изъ которыхъ многіе были недостойны своихъ мѣстъ, и отъ того происходили забавныя сцены. Напримѣръ, воспитанники поняли слабыя знанія Гассенфраца и, вычисляя размѣры радуги, съ намѣреніемъ дѣлали такія ошибки, которыя къ концу вычисленія взаимно уничтожались, такъ что выходилъ вѣрный результатъ. Профессоръ, увидавъ его на доскѣ, всегда восклицалъ:

— Хорошо! прекрасно!

На всѣхъ скамьяхъ амфитеатра раздавался громкій хохотъ.

Когда профессоръ теряетъ уваженіе учениковъ, тогда онъ не можетъ исполнять хорошо своихъ обязанностей и долженъ терпѣть неприятыя оскорбленія. Я расскажу одинъ примѣръ.

Одинъ воспитанникъ, Лебуланжеръ, встрѣтился въ гостяхъ съ тѣмъ же Гассенфрацомъ и поспорилъ съ нимъ. Пришедши на другой день въ школу, онъ рассказалъ о томъ своимъ товарищамъ.

— Берегись, сказалъ одинъ изъ нихъ : — тебя вечеромъ непременно спросятъ. Приготовься ; Гассенфрацъ , чтобъ посмѣяться надъ тобой, непременно предложитъ трудный вопросъ.

Наши предсказанія сбылись. Какъ скоро мы собрались въ амфитеатръ , Гассенфрацъ вызвалъ Лебуллянжера къ доскѣ и спросилъ его :

— Видали ль вы луну ?

— Нѣтъ, не видалъ.

— Какъ, сударь ? вы говорите, что никогда не видали луны ?

— Повторяю мой отвѣтъ : я не видалъ луны.

Понявъ , что добыча ускользаетъ изъ рукъ , разсерженный Гассенфрацъ обратился къ дежурному инспектору и сказалъ :

— Посмотрите , Лебуллянжеръ утверждаетъ , что онъ никогда не видалъ луны.

— Чтожь мнѣ съ нимъ дѣлать , хладнокровно отвѣчалъ Лебрюнъ.

Гассенфрацъ , не получивъ удовлетворенія отъ инспектора, опять обратился къ Лебуллянжеру, который стоялъ спокойно и безмолвно , несмотря на смѣхъ всего амфитеатра , и вскричалъ съ гнѣвомъ :

— Итакъ, вы упорно утверждаете, что никогда не видали луны?

— Я не хочу васъ обманывать , отвѣчалъ Лебуллянжеръ : — я слыхалъ о лунѣ, но никогда не видалъ ея.

— Ступайте на ваше мѣсто.

Послѣ этой сцены , Гассенфрацъ оставался профессоромъ только по имени; его преподаваніе было бесполезно.

VII. — Въ началѣ втораго года , меня сдѣлали начальникомъ бригады. Гашеттъ былъ прежде профессоромъ гидрографіи въ Калліурѣ, и мои руссильонскіе друзья рекомендовали меня его вниманью; онъ принялъ меня ласково и далъ мнѣ комнату въ своей квартирѣ. Здѣсь-то я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ моимъ сосѣдомъ Нуссаономъ. Великій геометръ каждый вечеръ приходилъ ко мнѣ, и мы по цѣлымъ часамъ разговаривали о политикѣ и математикѣ, т. е. о двухъ совершенно противоположныхъ предметахъ.

Въ 1804 г., Политехническая школа была заражена политикою. Тому причиною были ошибки правительства.

Сперва хотѣли заставить воспитанниковъ подписать поздравительный адресъ по случаю открытія заговора , въ которомъ былъ замѣшанъ Моро. Они отказались, отзываясь, что имъ несправедливо вѣшиваться въ дѣла правительства и правосудія.

Потомъ приглашали воспитанниковъ изъавить ихъ удовольствіе при учрежденіи ордена Почетнаго легіона ; они опять отказались :

по мнѣнью, высшія награды должны быть назначаемы балетмейстеромъ въ думѣ ордена.

Преобразование консульскаго правленія въ императорское возбудило въ школѣ горячіе споры. Генераль Лакюе (Lacoue), назначенный начальникомъ школы, донесъ о томъ императору.

— Господишь Лакюе, сказалъ Наполеонъ: — вы не можете терпѣть воспитанниковъ, зараженныхъ республиканизмомъ; исключите ихъ. Впрочемъ, я сперва хочу знать ихъ имена и усилія въ наукахъ.

На другой день онъ взглянулъ на списокъ и увидавъ имя перваго артиллериста (Араго), сказалъ:

— Я не могу выгнать перваго изъ воспитанниковъ. Жаль, что онъ не послѣдній. Г. Лакюе, оставьте его.

Во время присяги воспитанниковъ на вѣрность Наполеону, одинъ изъ нихъ, сынъ Бриссо, бывшаго членомъ конвента, закричалъ голосомъ стентора:

— Я не хочу присягать Наполеону.

Бриссо былъ исключенъ изъ школы.

VIII. — Около этого времени, Мешень, продолжавшій меридіанъ въ Испаніи до Форментеры, умеръ въ Каstellонѣ де-Пальма. Сынъ его, секретарь обсерваторіи, тотчасъ вышелъ въ отставку. Пуассонъ предложилъ мнѣ занять его мѣсто; я отказался, не желая оставить военной службы и надѣясь на покровительство маршала Ланна, друга моего отца. Но меня навѣстилъ Лапласъ и вѣсть съ Пуассономъ и уговорилъ принять предлагаемое мѣсто на время, съ условіемъ, что я всегда могу вступить въ артиллерію. По этой причинѣ мое имя осталось въ спискахъ Политехнической школы; мою службу въ обсерваторіи сочли за временную откомандировку.

Итакъ, я вступилъ въ обсерваторію по назначенію друга моего Пуассона, при содѣйствіи Лапласа, который былъ ко мнѣ весьма благосклоненъ. Я считалъ себя счастливымъ и гордился, когда объѣзжалъ у великаго геометра, въ улицѣ Турнонъ. Умомъ и сердцемъ я уважалъ открывшаго вѣковое уравненіе луны, показавшаго, что ея среднее движеніе опредѣляетъ сжатіе земли, объясниваго изъ законовъ тяготѣнія большія неравенства Юпитера и Сатурна, и пр. и пр. Но въ одинъ день я былъ разочарованъ: г-жа Лапласъ подошла къ своему мужу и попросила ключа отъ сахара.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, мое разочарованіе еще увеличилось. Сынъ Лапласа приготовлялся къ экзамену въ Политехнической школѣ и бывалъ у меня въ обсерваторіи. Въ одно изъ его посѣщеній, я объяснилъ ему непрерывныя дроби, посредствомъ которыхъ Лагранжъ опредѣлялъ корни числовыхъ уравненій. Молодой

человѣкъ рассказывалъ о томъ своему отцу и выражалъ свое удивленіе къ способу Лагранжа. Я никогда не забуду гнѣва Лапласа и его упрековъ за то, что я одобрилъ такой способъ, который хотя требовалъ продолжительныхъ вычисленій, но который отличался теоретическимъ изяществомъ и строгостью. Я никогда не видалъ подобной зависти, выраженной самыми оскорбительными словами.

— Ахъ! сказалъ я самому себѣ:—справедливы древніе, которые приписывали слабости тому, кто движеніемъ бровей заставлялъ трепетать весь Олимпъ.

IX.—Поступивъ въ обсерваторію, я сдѣлался сотрудникомъ Біо въ его изслѣдованіяхъ о преломленіи свѣта въ газахъ, начатыхъ Бордою.

Во время этой работы, мы часто разговаривали объ измѣреніи меридіана въ Испаніи, прерванномъ смертію Мешеня. Мы представили нашъ планъ Лапласу, который усердно принялся за него и выхлопоталъ нужныя издержки; а правительство назначило насъ для его исполненія.

Біо, я и испанскій комиссаръ Родригесъ выѣхали изъ Парижа въ началѣ 1806 года. Мы осмотрѣли сперва станціи, назначенныя Мешенемъ и, сдѣлавъ нѣкоторыя значительныя перемѣны въ триангуляціи, принялись за работу.

Невѣрное направленіе реверберовъ, уставленное въ Ивицѣ, на горѣ Кампвей, затрудняло наши наблюденія съ твердой землѣ. Цѣлые шесть мѣсяцевъ я прожилъ въ «Пустынѣ Пальмъ», не выдавъ сигнала. Нетрудно представить тоску молодого астронома, жившаго безъ дѣла на площадкѣ въ двадцать квадратныхъ метровъ, и къ которому приходили только два картезианца изъ монастыря, находящагося при подошвѣ горы. Они посѣщали меня тайно, потому что правила ордена запрещали имъ отлучаться изъ монастыря:

Теперь, когда я пишу эти строки, отъ старости и дряхлости едва держусь на ногахъ; теперь невольно вспоминаю о томъ времени моей жизни, когда молодость и сила позволяли мнѣ выносить великіе труды, ходить днемъ и ночью по горамъ, отдѣляющимъ Валенцію и Каталонію отъ королевства Арагонскаго, и строить сигналы, безпрестанно уничтожаемые ураганами.

X.—Около середины октября 1806 года, я былъ въ Валенціи. Въ одно утро входитъ ко мнѣ встревоженный французскій консулъ Даниусъ.

— Вотъ печальная новость, сказалъ онъ:—приготовляйтесь къ отъѣзду; городъ въ волненіи; объявлена война Франціи; кажется, мы потерпѣли большое несчастіе въ Пруссіи. Говорятъ, что сама королева приняла начальство надъ кавалеріею и гвардіею; француз-

ская армія побита; остатки ея въ полномъ отступленіи. Наши жизнь здѣсь въ опасности; французскій посланникъ въ Мадридѣ уведомилъ меня, когда американскій корабль, стоящій на якорѣ въ Грао-де-Валенца, можетъ принять насъ; я предупреджу васъ о времени отъѣзда.

Но это время не наступило, надобно полагать, потому, что ложное извѣстіе, заставившее князя Мира издать воинственную прокламацію, было уничтожено бюллетенемъ о іенскомъ сраженіи; люди, грозившіе намъ, присмирѣли до шизости; мы гордо гуляли по городу и никто не смѣлъ оскорбить насъ.

Прокламація князя Мира извѣщала о критическихъ обстоятельствахъ Испаніи, о ея опасностяхъ, о благоденствіи и славѣ народа, о побѣдѣ надъ врагами; но кто были эти враги? О нихъ не упоминалось въ прокламаціи. Можно ли повѣрить? Послѣ іенскаго сраженія утверждали, что подъ ними разумѣлись португальцы.

Наполеонъ притворился, что вѣритъ этой выдумкѣ; но тогда уже можно было предвидѣть, что рано или поздно Испанія дорого заплатится за свои воинственныя намѣренія въ 1806 году. Этимъ объясняются байонскія происшествія, хотя никто не можетъ оправдать ихъ.

XI. — Въ Валенціи я ожидалъ Біо, который долженъ былъ привезти изъ Парижа новые снаряды для опредѣленія широты Форментеры. Въ этотъ краткій отдыхъ я наблюдалъ нравы жителей; вотъ нѣсколько описаній, которыя, можетъ быть, покажутся любопытными.

Я расскажу сперва странное происшествіе, въ которомъ я едва не лишился жизни.

Въ одинъ день, для развлечения, я и одинъ изъ моихъ соотечественниковъ отправились на ярмарку въ Мурвідро, древній Сагунтъ. Въ городѣ мы встрѣтились съ дочерью француза, жившаго въ Валенціи, дѣвицею Б.... Всѣ гостиницы были полны; дѣвица Б.... пригласила насъ отдохнуть у ея бабушки; мы приняли ласковое предложеніе; но при выходѣ изъ дома, она сказала, что нашъ визитъ не поправился ея жениху, и что должно остерегаться тайнаго нападенія. Мы тотчасъ купили пистолеты и поѣхали обратно въ Валенцію.

Дорогою я сказалъ *калезеро*, давно служившему у меня и весьма мнѣ преданному:

— Изидоро, по нѣкоторымъ причинамъ я думаю, что насъ оставятъ.

Изидоро, сидѣвшій на оглоблѣ, отвѣчалъ:

— Ваши пистолеты совершенно бесполезны; дайте мнѣ волю; одного моего крика достаточно для того, чтобъ мой мулъ избавилъ насъ отъ двухъ, трехъ и даже четырехъ человѣкъ.

Едва калезеро кончилъ свой монологъ, какъ два человѣка схватили мула подъ уздцы. Въ это мгновеніе раздался страшный крикъ, который никогда не выйдетъ изъ моего слуха: «саритана!» Мулъ всталъ на заднія ноги и поднялъ одного изъ нападавшихъ, потому онустился и побѣжалъ галопомъ. Скачекъ, который сдѣлала наша повозка, ясно показалъ, что случилось. За тѣмъ все утихло, и калезеро сказалъ:

— Не правда ли, господа, что мой мулъ лучше пистолетовъ?

На другой день я услышалъ отъ генералъ-капитана дона Доминго Изквьердо, что на дорогѣ изъ Мурвиедро подняли раздавленного человѣка. Я рассказалъ ему о храбрости мула Иандоро, и тѣмъ кончилось все дѣло.

XII. — Изъ многихъ анекдотовъ одинъ покажетъ, какую жизнь велъ астрономъ *Коммисіи долготъ*.

Когда я жилъ на горѣ, близъ Куллера, къ сѣверу отъ устья рѣки Хукоръ, и къ югу отъ Альбуферы, мнѣ вздумалось устроить станцію на высокихъ горахъ, находившихся противъ моего жилища. Я рѣшился осмотрѣть ихъ. Алькалъ одного изъ ближайшихъ селеній предупредилъ меня объ опасности моего намѣренія.

— Эти горы, сказалъ онъ: — служатъ убѣжищемъ для шайки разбойниковъ.

Я вытребовалъ національную стражу. Разбойники подумали, что хочу переловить ихъ, и немедленно разсѣялись по богатой долинѣ Хукара. По возвращеніи моемъ, я встрѣтилъ сраженіе между нами и властями Куллера. Съ обѣихъ сторонъ было много раненыхъ и одинъ альгвазилъ остался на мѣстѣ.

На другое утро, я возвратился на мою новую станцію. Слѣдующая ночь была ужасна; дождь лилъ какъ изъ ведра. Въ полночь постучались въ мою хижину. На вопросъ: кто тамъ? мнѣ отвѣчали: «таможенный служителъ просить убѣжища на нѣсколько часовъ». Слуга мой отворилъ, и я увидалъ красиваго мужчину, вооруженнаго съ головы до ногъ. Онъ легъ на землю и уснулъ. Утромъ, когда я разговаривалъ съ нимъ на порогѣ моего бѣднаго жилища, онъ увидалъ двухъ человѣкъ на скатѣ горы, алькада Куллеры и главнаго его альгвазила; глаза его заблестали и онъ сказалъ:

— Изъ одной только благодарности за ваше одолженіе, я не воспользуюсь случаемъ избавиться отъ злѣйшаго моего врага. Прощайте, сударь!

Съ этими словами гость мой побѣжалъ и какъ газель прыгалъ съ камня на камень.

Алькадъ и альгвазилъ пришли ко мнѣ и въ бѣглецѣ узнали атамана разбойниковъ, грабившихъ въ окрестностяхъ Куллеры.

Черезъ нѣсколько дней, когда погода сдѣлалась несносной, меня опять посѣтилъ таможенный служитель и также уснулъ глубокимъ сномъ. Я увидалъ, что мой слуга, старый солдатъ, намѣревался убить его. Я соскочилъ съ моей походной кровати, схватилъ слугу за горло и сказалъ:

— Что ты? съума сошелъ! Развѣ мы обязаны исполнять полицейскую должность? Да развѣ ты не понимаешь, что намъ отомстить его товарищи? Тогда развѣ я могу кончить мои измѣренія?

Вотъ точный разговоръ, который я имѣлъ съ моимъ гостемъ на другое утро.

— Я совершенно знаю твое ремесло; ты не таможенный служитель; я узналъ по своей наукѣ, что ты атаманъ здѣшнихъ разбойниковъ. Скажи мнѣ, долженъ ли я бояться твоихъ товарищей.

— Иногда намъ приходило на мысль ограбить васъ; но мы узнали, что ваши деньги хранятся въ ближайшемъ городѣ, и наше нападеніе на васъ было бы бесполезно. Притомъ мы не такъ сильны. Теперь войска оставляютъ насъ въ покоѣ; но какъ скоро вступится за васъ французскій императоръ, то противъ насъ вышлютъ цѣлые полки, и тогда мы не устоимъ. Къ этому позвольте прибавить, что моя благодарность за ваше одолженіе есть лучшая порука за вашу безопасность.

— Хорошо, я вѣрю тебѣ и буду сообразоваться съ твоимъ отвѣтомъ. Могу ли я путешествовать ночью? Подъ жгучимъ солнцемъ мнѣ очень трудно ѣздить по моимъ станціямъ.

— Можете, сударь; я уже отдалъ приказанія; они будутъ исполнены въ точности.

Черезъ нѣсколько дней, въ полночь, я отправился въ Денія; ко мнѣ подъѣхало нѣсколько человѣкъ верхомъ и сказали:

— Остановитесь, сеньоръ; нынче время трудное; богатый долженъ помогать бѣдному. Дайте намъ ключи отъ вашего чемодана; мы возьмемъ только лишнее.

Я хотѣлъ уже повиноваться, какъ мнѣ пришло на умъ закрыть:

— Я думалъ, что мнѣ можно ѣздить безопасно.

— Какъ васъ зовутъ, сударь?

— Донъ Франциско Араго.

— Nombre! voga usted con Dios! Поѣзжайте съ Богомъ!

XII.— Хотя куллерскій мой *пріятель* увѣрялъ меня, что я не долженъ бояться его товарищей, однако, онъ же предупредилъ, что его власть не простирается къ сѣверу отъ Валендіи. Рыцари большихъ дорогъ въ сѣверной части королевства повиновались другимъ начальникамъ и между ними одному, который былъ пойманъ, осужденъ и повѣшенъ; потомъ его разрубилъ на четыре части и развѣшали на четырехъ королевскихъ дорогахъ, вываривъ прежде въ маслѣ для большей прочности.

Это варварство не произвело желаемого дѣйствія; на мѣсто повѣшеннаго явился новый атаманъ.

Изъ всѣхъ разбойниковъ, самую худую репутацію имѣли промышлявшіе въ окрестностяхъ Оропеца. Хозяева трехъ муловъ, на которыхъ мы ѣхали, вечеромъ около этихъ мѣстъ, рассказывали о такихъ *подвигахъ* этихъ молодцовъ, что днемъ встали бы волосы дыбомъ; а мы ѣхали при лунномъ свѣтѣ и увидали челоуѣка, скрывшагося за деревомъ; насъ было шестеро; но онъ не побоялся потребовать кошелька или жизни; слуга мой отвѣчалъ:

— Ты считаешь насъ трусами; пошелъ прочь, или вотъ узнаешь прикладъ моего карабина.

— Хорошо, сказалъ разбойникъ: — я уйду, но ты скоро услышишь обо мнѣ.

Испугавшіеся *арьеросы* просили насъ своротить съ большой дороги и скрыться въ лѣсъ. Мы согласились на ихъ просьбу и потеряли дорогу.

— Сойдите съ муловъ, сказали погонщики:—вы худо ими правите; воротитесь назадъ; мулы сами найдутъ дорогу.

Когда этотъ маневръ удался намъ вполне, тогда мы уехали спорить: одни говорили, что надобно искать насъ на большой дорогѣ, а другіе утверждали, что мы поворотили въ лѣсъ. Лай собакъ увеличивалъ шумъ, и мы могли тихо пробираться по нашей тропинкѣ; но отъ страха мы едва были живы. Въ два часа утра мы увидали слабый свѣтъ въ удлиненномъ домикѣ; мореплаватель въ бурю не радуется такъ маяку, какъ мы обрадовались этому свѣту. Подѣхавъ къ фермѣ, мы попросили гостепріимства. Хозяева сочли насъ за разбойниковъ и не спѣшили отворить двери.

Вышедшій изъ терпѣнія, я закричалъ:

— Именемъ короля приказываю отворить!

Это подѣйствовало, дверь отворилась, и мы, вмѣстѣ съ мулами, вошли въ кухню и тотчасъ погасили огонь, чтобъ не возбудить подозрѣнія искавшихъ насъ разбойниковъ. И действительно, мы слышали, какъ они ходили около дома и во все горло проклинали свою

неудачу. Мы оставили ферму уже днемъ, наградили ее хозяевъ; и отправляясь по дорогѣ въ Тортозу, я спросилъ, почему горѣла такая большая лампа.

— Мы, отвѣчали они: — убили свинью и занимались приготовленіемъ кровяныхъ колбасъ.

Живи эта свинья или же приготовляй хозяева колбасъ, меня вѣрно не было бы уже на свѣтѣ, и я не могъ бы рассказывать о разбойникахъ оропезскихъ.

XIII. — Жители трехъ провинцій, Каталоніи, Валенціи и Арагона, не терпѣли другъ друга; только временная ненависть удерживала ихъ отъ общаго нападенія на французовъ, и въ 1807 году ихъ междоусобная вражда доходила до того, что для переноски моихъ снарядовъ со станціи на станцію я не могъ употреблять вдругъ каталонцевъ, арагонцевъ и валенційцевъ. Этыхъ послѣднихъ считали людьми слабыми и непостоянными. Каталонцы говорили о нихъ: «En el reino de Valencia la carne es verdura, la verdura agua, los hombres mugeres, las mugeres nada» (т. е. въ королевствѣ Валенціи мясо походитъ на зелень, зелень на воду, мужчины на женщинъ, а женщины ничего не значать).

Съ другой стороны, валенційцы называли арагонцевъ *schigos*.

Я спросилъ арагонскаго пастуха, отчего его земляки обижаются названіемъ *schigos*.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ, улыбаясь: — можно ли мнѣ говорить.

— Говори, я не осержусь.

— Слово *schigos* напоминаетъ, что къ стыду нашему, мы были подъ властью королей французскихъ. Одинъ изъ нихъ обѣщался оставить наши вольности и хотѣлъ сказать *lo juro!* но какъ онъ не умѣлъ произносить буквы *j*, то вмѣсто *juro* выговорилъ *schuro*. Довольны ли вы, сеньоръ?

— Очень доволенъ; вижу, что гордость и тщеславіе еще не умерли въ вашей землѣ.

Кстати скажу нѣсколько словъ объ испанскихъ пастухахъ. Этотъ классъ мужчинъ и женщинъ не походитъ на французскихъ пастуховъ. Въ Испаніи онъ приближается къ пастухамъ идилическимъ, и его пѣсни, которыми онъ прогоняетъ скуку своей однообразной жизни, отличаются отъ народныхъ пѣсней другихъ европейскихъ и формою, и содержаніемъ. Когда на одной горѣ я соединялъ геодезически Валенцію, Арагонъ и Каталонію, поднялась жестокая гроза, заставившая меня укрыться подъ мою палатку; по окончаніи бури, я съ удивленіемъ услышалъ голосъ, раздававшійся

со скалы, которая возвышалась надъ станціею; я поднялъ голову и увидалъ пастушку; вотъ восемь стиховъ изъ ея пѣсни:

.
 A los que amor no Sabin
 Ofreces las dulzuras
 Y a mi las amargas
 Que sé lo que es amor.
 Las gracias al me certé
 Eran cuadro de flores
 Te cantaban amores
 Por hacerte callar.

О! сколько внутренней силы въ этомъ испанскомъ народѣ, которую, къ сожалѣнію, не умѣютъ пользоваться!

XIV. — Въ 1807 году, въ Валенціи еще существовало инквизиціонное судилище и по временамъ занималось дѣлами. Правда, тогда никого не жгли; но приговоры были чрезвычайно странны. Въ бытность мою въ этомъ городѣ судили одну колдунью и опредѣлили провезти ее на ослѣ по всѣмъ кварталамъ и перекресткамъ; обнаживъ верхнюю часть ея тѣла, посадили ее лицомъ къ хвосту; а чтобъ соблюсти благопристойность, намазали ее медомъ и осыпали перьями; бѣдная женщина превратилась въ курицу съ человѣческой головою. Процессія, сопровождаемая большой толпой, останавливалась на соборной площади, противъ моей квартиры, и осужденной дали нѣсколько ударовъ лопатою. Я не былъ свидѣтелемъ этой сцены и не могу ручаться за истину; въ это время я находился въ другой части города.

XV. — Я упоминалъ, что два картезіанца навѣщали меня въ «Цустыніи палмъ». Вотъ нѣкоторыя черты изъ ихъ жизни.

Одинъ изъ нихъ, отецъ Тривульсъ, былъ старикъ, родомъ французъ, и въ первую нашу революцію игралъ не послѣднюю роль въ Марселѣ, въ чемъ свидѣтельствовали рубцы на его груди отъ сабельныхъ ударовъ. Онъ пришелъ ко мнѣ первый, и увидавъ своего молодого товарища, тотчасъ скрылся; но когда я разговаривалъ съ молодымъ моимъ гостемъ, старикъ опять явился и, какъ голова Медузы, привелъ бѣднаго юношу въ оцѣпененіе.

— Успокойся, сказалъ отецъ Тривульсъ: — мы другъ друга не выдадимъ; нашъ пріоръ не проститъ насъ за отлучку изъ монастыря; онъ придумаешь такое наказаніе, которое мы долго будемъ помнить.

Миръ былъ заключенъ, и съ того дня оба картезіанца часто навѣщали меня.

Молодой монахъ, родомъ арагонецъ, постриженъ былъ неволєю. Въ одинъ день, когда выздоровѣвшій Біо возвратился изъ Таррагоны, онъ разсказывалъ многіе случаи, доказывавшіе, что въ Испаніи остался только одинъ призракъ религіи, и эти случаи онъ замѣствовалъ изъ тайнъ исповѣди. Біо не выдержалъ и выразилъ свое неудовольствіе въ такихъ словахъ, которыя заставили картезіанца думать, что академикъ — шпіонъ. Онъ оставилъ насъ, не сказавъ ни слова, а на другой день я увидалъ его съ ружьемъ; онъ всходилъ уже на нашу гору, какъ монахъ-французъ опередилъ его и шепнулъ мнѣ, что моему товарищу грозитъ опасность.

— Помогите мнѣ, прибавилъ старикъ: — удержать арагонца отъ убійства.

Не имѣю надобности увѣрять, что я горячо принялся за дѣло и къ счастью успѣлъ успокоить молодого сумасброда. Понятно, что въ такомъ народѣ могли образоваться гверильясы, и удивляюсь, что мой знакомецъ не игралъ роли въ войнѣ за независимость.

XVI. — Сцена съ ружьемъ не выходила изъ моего ума, и я былъ увѣренъ, что молодой арагонецъ способенъ на всякое преступленіе. Въ одно воскресенье я сошелъ съ горы къ обѣднѣ; въ монастырѣ я встрѣтился съ этимъ монахомъ, который, не сказавъ ни слова, повелъ меня по темнымъ корридорамъ въ часовню, куда также едва проникалъ свѣтъ. Тутъ я нашелъ отца Тривульса; онъ тотчасъ началъ обѣдню для одного меня. Молодой монахъ прислуживалъ. Предъ освященіемъ даровъ, Тривульсъ обратился ко мнѣ и сказалъ:

— Намъ позволено служить обѣдню на бѣломъ винѣ, которое получаемъ изъ собственныхъ нашихъ виноградниковъ; вино очень хорошо; когда будете обѣдать у пріора, то спросите этого вина; впрочемъ, и теперь можете его попробовать.

Съ этими словами, онъ подалъ мнѣ кувшинъ съ виномъ. Я съ негодованіемъ отказался, потому что такое неприличіе изумило меня, и потому я вообразилъ, что монахи хотятъ отравить меня за оскорбленіе, которое нанесъ имъ Біо. Но мое подозрѣніе было несправедливо: отецъ Тривульсъ выпилъ почти весь кувшинъ. Несмотря на то, я вышелъ изъ монастыря съ большимъ удовольствіемъ.

XVII. — Въ 1807 году, въ Испаніи еще всѣ соборныя церкви пользовались *правомъ убѣжища*. Бывши въ Барселонѣ, я узналъ, что въ одномъ изъ придѣловъ ея собора укрывался разбойникъ, виновный во многихъ убійствахъ; онъ жилъ тутъ весьма спокойно,

подъ покровомъ сятаго мѣста; я хотѣлъ увѣриться въ томъ собственными глазами и пошелъ туда съ другомъ и товарищемъ номъ Родригесомъ. Разбойникъ сидѣлъ за обѣдомъ, принесенный женщиною. Онъ тотчасъ угадалъ причину нашего посѣщенія, и тотчасъ принялъ такое положеніе, которое доказывало, что *убытокъ* было безопасно для грабителей большихъ дорогъ, но не для насъ. Мы тотчасъ удалились, сожалея, что государство, слывущее просвѣщеннымъ, терпитъ подобныя злоупотребленія.

XVIII. — Для успѣховъ нашихъ геодезическихъ работъ требовалось содѣйствіе сельскихъ жителей, потому мы имѣли рекомендаціи къ ихъ священникамъ. Мы, вице-консулъ Ляюссъ, Біо и я, почли приличнымъ засвидѣтельствовать наше почтеніе архіепископу Валенціи и препоручить себя его покровительству. Архіепископъ и вмѣстѣ генераль францисканцевъ былъ высокаго росту, одѣвался неопратно; сѣрая ряса его, засыпанная табакомъ, противорѣчила его великолѣпному дворцу. Онъ принялъ насъ благосклонно и обѣщаль полное покровительство; но при нашемъ уходѣ дѣло чуть было не испортилось. Ляюссъ и Біо вышли изъ залы, не поцаловавъ его руки, которую онъ протягивалъ къ намъ весьма дружески. Это неуваженіе архіепископъ отиетилъ на мнѣ. Онъ сукулъ къ моимъ губамъ свой кулакъ такъ сильно, что едва не выбилъ зубовъ. Я хотѣлъ было выразить мое неудовольствіе, но воздержался, чтобъ не повредить тригонометрическихъ работамъ. Притомъ, когда кулакъ архіепископа былъ у моихъ губъ, я думалъ объ оптическихъ опытахъ, которые можно бы сдѣлать надъ его прекраснымъ брилліантовымъ перстнемъ. Во все наше посѣщеніе эта мысль не выходила изъ моей головы.

XIX. — Біо пріѣхалъ ко мнѣ въ Валенцію, гдѣ я ожидалъ его съ новыми снарядами, для опредѣленія широты на крайней точкѣ нашего меридіана въ Форментерѣ. Окончивъ эту работу, Біо возвратился въ Парижъ, а я началъ соединять геодезически островъ Маіорку съ Ивицой и Форментерой, чтобъ однимъ треугольникомъ вымѣрить дугу параллели въ полтора градуса. Потомъ я переправился въ Маіорку, для наблюденій надъ широтой и азимутомъ.

Въ это время народное волненіе, возбужденное вступленіемъ французовъ въ Испанію, распространилось по всему полуострову и зависящимъ отъ него островамъ. Впрочемъ, на Маіоркѣ волненіе касалось только министровъ, приверженцевъ и родныхъ князя Мира. На площади Пальмы, главнаго города острова, я каждый вечеръ видѣлъ горящія кареты те министра Соллера, то архіепископа и даже частныхъ лицъ, подозреваемыхъ въ приверженности къ Годену. Я не думалъ тогда, что дѣло скоро дойдетъ и до меня.

Моя станція, Клопъ-де-Газало, находилась на горѣ, прямо надъ портомъ, изъ котораго причаивалъ Хаимъ-эль-Ковинистаторъ, когда онъ хотѣлъ отнять Балеарскіе острова отъ Мавровъ. Въ народѣ ходила молва, что я каждую ночь зажигаю сигналы, для показанія дороги французамъ; но она сдѣлалась опасной для меня только съ того времени, какъ въ Пальму пріѣхалъ 27 мая 1808 года наполеоновъ ординарецъ, Бертеми: онъ привезъ испанской магонской эскадрѣ приказаніе немедленно отправиться въ Тулонъ. Тутъ вспыхнулъ бунтъ, и генераль-капитанъ Вивесъ, для спасенія жизни Бертеми, принужденъ былъ посадить его въ крѣпость Бельверъ. Тогда вспомнили о французѣ на Клопъ-де-Газало, и народная толпа отправилась за мной.

Даміанъ, шкиверъ мистина, которую испанское правительство отдало въ мое распоряженіе, опередилъ толпу и притесъ ко мнѣ крестьянское платье. На дорогѣ въ Пальму, мы встрѣтили бунтующихъ; они не узнали меня, потому что я прокрасно говорилъ нарѣчіемъ острова и совѣтовалъ имъ скорѣе идти на гору. Ночью, я посвѣщилъ на мистивку, состоявшую подъ командой Мануэля-де-Вакаро. Я потребовалъ, чтобъ онъ тотчасъ перевезъ меня въ Барселону, занятую французами, иначе, я отдамъ начальству, какъ пѣвнѣй.

Донъ Мануэль, прежде всегда ласковый, заговорилъ другимъ языкомъ. На молѣ, къ которой была привязана мистина, сдѣлался шумъ, и Вакаро сказалъ мнѣ, что толпа ищетъ меня. Потомъ прибавилъ: «Но не беспокойтесь, когда народъ войдетъ къ намъ, вы можете спрятаться въ этотъ сундукъ». Я попробывалъ сѣсть въ него, но мои ноги остались наружи и крышка не могла закрыть ихъ. Я позвалъ шкивера Вакаро и просилъ его отвести меня въ Бельверъ. Въ это время пришло приказаніе отъ генераль-капитана арестовать меня, матросы тотчасъ спустили шлюпку. Проѣзжая въ ней по рейду, я видѣлъ, что толпа гналась за мной, и мы съ трудомъ достигли до Бельвера. Многие старались убѣжать изъ тюрьмы, а я свѣщилъ укрѣпиться въ ней. Это происходило 1 или 2 июля 1808 года.

Губернаторъ Бельвера былъ человѣкъ необыкновенный. Его должно считать первымъ гидропатомъ. Онъ утверждалъ, что холодная вода можетъ излечивать всѣ болѣзни, даже ампутаціи. Выслушавъ съ терпѣніемъ его теорію, я пріобрѣлъ его благосклонность. По его требованію и для нашей безопасности, испанскій гарнизонъ Бельвера перемѣнили на швейцарцевъ; также отъ него я услышалъ, что одинъ монахъ предлагалъ для солдату, который покупалъ для меня пищу.

Всѣ мои маіоркскіе друзья совершенно меня забыли. Съ донъ Мануелемъ-де-Вакаро я велъ горячую переписку объ англійскомъ охранномъ листѣ. Одинъ Родригецъ осмѣливался навѣщать меня и утѣшать по возможности.

XX. — Благородный Родригецъ, чтобъ разсѣять скуку моего заключенія, приносилъ иногда журналы, издаваемые въ разныхъ частяхъ полуострова; онъ также присылалъ ихъ, не читая. Въ одномъ изъ нихъ я нашелъ рязказъ объ убійствѣ, бывшемъ въ Валенціи, на *площади быковъ*, гдѣ отъ копья тореадора погибли почти всѣ жившіе тамъ французы (болѣе 350). Въ другомъ журналѣ была помѣщена статья подъ названіемъ: «*Relacion de la ahorcadure del senor Arago e del senor Berthemie*», т. е. извѣстіе о казни сеньора Араго и сеньора Бертеми. Въ этомъ извѣстіи о двухъ казняхъ были разныя подробности: Бертеми, какъ гугенотъ, не слушалъ утѣщаній священника и даже плюнулъ на него и на крестъ; но я велъ себя благопристойно и позволилъ себя повѣсить безъ всякаго соблазна. Тутъ же авторъ извѣстія очень сожалѣлъ, что молодой астрономъ, подъ прикрытіемъ науки, пріѣхалъ въ Испанію шпиономъ и показывалъ дорогу французской арміи.

Прочитавъ эту статью, я тотчасъ рѣшился бѣжать. Я сказалъ моему другу Родригецу: «въ статьѣ говорится о моей казни, слѣдственно она возможна, и я лучше хочу утонуть, нежели быть повѣшену. Я хочу бѣжать, ты долженъ пособить мнѣ».

Родригецъ хорошо зналъ справедливость моихъ подозрѣній и немедленно принялся за дѣло. Онъ объяснилъ генералъ-капитану всю опасность его положенія, если я буду убитъ въ народномъ бунтѣ, или если заставятъ его избавиться отъ меня насильственно. Генералъ-капитанъ понялъ эти представленія, потому что не зналъ, чѣмъ кончатся народные волненія. Онъ сказалъ Родригецу: «Я прикажу коменданту выпустить г. Араго и двухъ или трехъ французовъ, содержащихся въ Бельверѣ, когда наступитъ удобное для того время; они не имѣютъ надобности бѣжать безъ вѣдома коменданта; но я не могу способствовать ихъ побѣгу съ острова: это я возлагаю на вашу отвѣтственность».

Родригецъ тотчасъ обратился къ шкиперу Даміану и условился въ томъ, чтобъ онъ принялъ подъ свое начальство подупалубную барку и приготовилъ бы ее какъ бы для рыбной ловаи и отвезъ бы насъ въ Алжиръ, откуда онъ можетъ возвратиться безъ всякаго подозрѣнія съ рыбой или безъ рыбы.

Все было устроено по этому условію, несмотря на бдительность донъ Мануеля-де-Вакаро.

26 июля 1808 года мы тихо сошли съ пригорка, на которомъ стоялъ замокъ Бельверъ, и притомъ въ то время, какъ въ него укрывлось семейство министра Соллера, преслѣдуемое народною яростью. На берегу мы нашли Даміана, барку и трехъ матросовъ и немедленно водняли парусъ. Даміанъ даже перенесъ въ барку мои дорогіе снаряды со станціи Клошъ-де-Газало. Море волновалось, и Даміанъ счелъ необходимымъ остановиться у островка Кабреры, на которомъ такъ много потерпѣли солдаты арміи Дюпона, послѣ капитуляціи Байленской. Здѣсь случай едва не уничтожилъ нашего намѣренія. Кабрера находится недалеко отъ южной оконечности Маіорки, и на него часто пріѣзжаютъ рыбаки. Бертеми боялся, чтобъ не распространился слухъ о нашемъ бѣгствѣ, и чтобъ за нами не было погони. Я сказалъ ему, что надобно положиться на вѣрность и благоразуміе Даміана. Бертеми началъ спорить, и какъ я выдавалъ его за моего слугу, то матросы удивились, что слуга спорить съ господиномъ и сказали шкиперу: «мы согласились ѣхать съ тѣмъ, чтобъ адъютантъ императора оставался въ Бельверѣ. Итакъ ты долженъ высадить офицера на островъ или мы его бросимъ въ море»,

Даміанъ увѣдомилъ меня объ угрозахъ матросовъ; Бертеми позволилъ мнѣ обращаться съ нимъ, какъ со слугой, и тѣмъ подозрѣніе матросовъ было уничтожено.

Даміанъ самъ опасался пріѣзда рыбаковъ и при первой удобной минутѣ поднималъ парусъ и привезъ насъ въ Алжиръ 3 августа.

XXI. — Не зная, какъ насъ примутъ, мы съ безпокойствомъ смотрѣли на портъ; но увидавъ трехцвѣтннй флагъ на двухъ или трехъ судахъ, начали надѣяться и не обманулись. По входѣ нашемъ въ портъ, одинъ испанецъ, котораго мы приняли за высшаго чиновника деа, подошелъ къ Даміану и спросилъ его:

— Что ты привезъ?

— Я привезъ четырехъ французовъ.

— Отвези ихъ назадъ, я запрещаю ихъ высаживать.

Мы показали видъ, что не хотимъ повиноваться приказанію. Испанецъ, строитель деевыхъ кораблей, схватилъ заступъ и замахнулся, но въ то же мгновеніе одинъ генуевскій морякъ вооружился весломъ и отвѣсилъ порядочный ударъ по спинѣ испанца. Во время драки мы сошли на берегъ безпрепятственно, удаваясь алжирской полиціи.

Мы отправились къ французскому консулу Дюбуа-Тенвиллю, но его не было въ городѣ. Въ сопровожденіи консульскаго явѣчара,

мы пошли въ деревню, въ одну изъ вѣтвиныхъ раздѣлѣній дѣл, находящуюся недалеко отъ порта Бабъ-Авуиъ. Консуль и его семейство приняли насъ дружески.

На новомъ материкѣ, я съ нетерпѣньемъ ожидалъ утра, чтобы познакомиться съ тѣмъ, что Африка представляетъ любопытнаго для евронеица. При свѣтѣ сумерокъ, я увидалъ животное, шевелившееся у моихъ ногъ, я толкнулъ его ногою; животное притихло; но чрезъ нѣсколько минутъ, оно поползло по моимъ ногамъ, я опять сдѣлалъ сильное движеніе, и въ это время раздася хохотъ лычара, лежавшаго на софѣ въ одной со мной комнатѣ, и который сказаль, что онъ для шутки пустиль на мою постель большого ѣжа.

Утромъ консуль хлопоталь о нашемъ отъѣздѣ на алжирскомъ кораблѣ, отправлявшемся въ Марсель. Г. Феррье, секретарь французскаго консульства, былъ также консуломъ австрійскимъ. Онъ далъ намъ ложные паспорта, которые Бертеми и меня превратили въ странствующихъ купцовъ, одного изъ Швеката, изъ Венгрии, а другаго изъ Лаобена.

ХХІІ. — Наступило время отъѣзда; 13 августа 1808 года мы были уже на кораблѣ, когда экипажъ еще не собрался. Занимавшій мѣсто капитана, Рой Брахамъ Уледъ Мустафа Гойя, увидаль дѣл на террасѣ, и боясь наказанія за медленность, поподилъ свой экипажъ на счетъ любопытныхъ, стоявшихъ на молѣ, и изъ которыхъ многіе не бывали на морѣ. Бѣдняки изъ милости просили позволенія увѣдомить ихъ семейства о неожиданномъ отъѣздѣ и взять кой-какое платье; но капитанъ не хотѣлъ ничего слушать и подилъ якорь.

Корабль принадлежалъ Эмиру Сека, начальнику монетнаго двора, и настоящій его капитанъ былъ грекъ, Спиро Галлигеро. Грузъ состоялъ изъ большаго числа тюковъ. Между пассажирами находилсь пятеро изъ того семейства, послѣ котораго Бакири наследовали титуль царей іудейскихъ, два марокскихъ купца, торгующіе страусовыми перьями, капитанъ Крогъ изъ Бергена, два льва, которыхъ дѣй посылали въ подарокъ Наполеону и множество обезьянъ. Первые дни нашего плаванія были весьма счастливы. Противъ Сардиніи мы встрѣтили американскій корабль, вышедшій изъ Калъяри. Пушечный выстрѣль (у насъ было четырнадцать пушекъ малаго калибра) далъ знать капитану, что хотять освидѣтельствовать его грузъ. Онъ принесть намъ кучу паспортовъ, изъ которыхъ одинъ совершенно походилъ на нашъ видъ, слѣдственно все было въ порядкѣ, и потому американецъ весьма удивился, что я отъ имени Брахама потребоваль чаю, кофею и сахару. Онъ началъ спорить,

называлъ насъ морскими разбойниками, брагагами и пр. Браганъ слушалъ равнодушно и не переставалъ требовать чаю, кофеею и сахару.

Американецъ, выведенный изъ терѣна, обратился ко мнѣ, какъ къ толмачу и сказалъ :

— О! мошенникъ ренеготъ! если я когда нибудь встрѣчу тебя на землѣ, то разможжу твою голову.

— А ты думаешь, что я здѣсь изъ доброй воли; несмотря на твои угрозы, я бы уѣхалъ съ тобою, если бы могъ.

Эти слова успокоили его; онъ принесъ, что отъ него требовали, и мы подвинули парусъ.

XXIII. — Мы уже входили въ Лионскій заливъ и приближались къ Марселю, какъ 16 августа 1808 года встрѣтились съ испанскимъ корсаромъ, изъ Паламоса, вооруженнымъ двумя 24-хъ-фунтовыми пушками. Желая уйти отъ него, мы усилили паруса, но ядро, пролетѣвшее чрезъ нихъ, доказало, что корсаръ лучшей холокъ.

Мы повиновались его сигналу и ожидали шлюпку. Корсаръ объявилъ, что беретъ насъ въ плѣнъ, хотя варварійцы не воюютъ съ Испаніею, но беретъ за то, что мы нарушили блокаду французскихъ береговъ, и къ этому прибавилъ, что отвезетъ насъ въ Розасъ, гдѣ начальство рѣшить нашу участь.

Я былъ въ каютѣ и захотѣлъ посмотрѣть на экипажъ шлюпки; къ великому неудовольствію, я увидалъ въ ней одного изъ матросовъ мистика донъ Мануеля-де-Вакаро, паламосца Пабло, бывшаго у меня слугою. Если бы Пабло узналъ меня, то мой ложный паспортъ остался бы бесполезнымъ; поэтому я тотчасъ легъ, закутался въ одеяло и не шевелился.

Въ два дня, которые прошли между нашимъ плѣномъ и входомъ въ рейдъ Розаса, Пабло часто бывалъ въ каютѣ, и одинъ разъ сказалъ съ нетерпѣніемъ: «звотъ пассажиръ, котораго лица я никакъ не могу увидать».

По прибытіи въ Розасъ, насъ отправили въ карантинъ, въ вѣтрениую мельницу, находившуюся на дорогѣ въ Фигуерасъ, я старался съѣсть на шлюпку, на которой не было Пабло. Корсаръ, высадивъ насъ, тотчасъ уплылъ на новое крейсерство, и я освободился отъ моего старого слуги.

XXIV. — Нашъ корабль имѣлъ богатый грузъ; испанскимъ властямъ весьма хотѣлось объявить его законнымъ призомъ; они притворались, что меня считаютъ хозяиномъ груза, и потребовали къ допросу даже прежде карантиннаго срока. Около мельницы про-

ткнули веревку, и судья началъ разговаривать со мною издали, при многочисленномъ собраніи свидѣтелей.

— Кто вы ?

— Бѣдный странствующій купецъ.

— Откуда вы ?

— Изъ страны, въ которой, вѣроятно, вы никогда не бывали.

— Какая жь эта страна ?

Я боялся отвѣчать, потому что паспорта, вымоченные въ уксусъ, были въ рукахъ судьи, а я забылъ, откуда я — изъ Швеката, или Лаобона. Наконецъ, я сказалъ на-угадъ : Швекать, и къ счастью, не ошибся.

— Вы также изъ Швеката, какъ и я ! Вы испанецъ , испанецъ изъ Валенціи ; это слышно по выговору.

— Вы, сударь, наказываете меня за то , что я имѣю способность къ языкамъ. Я выучиваюсь языкамъ вездѣ, гдѣ торгую ; я знаю, на примѣръ, нарѣчіе Ивицы.

— А ! я васъ поймалъ.... Я вижу здѣсь солдата изъ Ивицы ; поговорите съ нимъ.

— Согласенъ ; я даже спою козлиную пѣсню.

Стихи (если можно назвать ихъ стихами) этой пѣсни раздѣлялись козлинымъ блянемъ.

Я тотчасъ запѣлъ съ необыкновенною смѣлостью , которой теперь самъ удивляюсь, и мой Ивицанеро, на котораго козлиная пѣсня подѣйствовала, какъ коровья пѣсня на швейцарца, заплакалъ и объявилъ, что я дѣйствительно изъ Ивицы.

Тогда я сказалъ судѣ, что если онъ заставитъ меня говорить съ француземъ, то еще больше удивится. Тутъ случился одинокій эмигрантъ, и послѣ немногихъ словъ онъ сказалъ, что я настоящій французъ.

Судья, вышедшій изъ терпѣнья, закричалъ :

— Оставимъ эти опыты, которые ни къ чему не приведутъ. Я, сударь, спрашиваю васъ : кто вы ?

— Миѣ весьма хочется удовлетворить васъ , и вотъ я попробую ; но предупреждаю, что я не скажу истины. Я сынъ трактирщика изъ Матаро.

— Я знаю этого трактирщика : вы не сынъ его.

— Вы правы. Я сказалъ уже вамъ, что я буду перемѣнять отвѣты до тѣхъ поръ, пока не попаду на такой, который вамъ понравится, и потому говорю, что я *матриаро* (маріонетчикъ) изъ Лериды.

Громкій смѣхъ раздался въ толпѣ свидѣтелей и положилъ конецъ допросу.

— Клянусь вамъ дьяволомъ, закричалъ судья: — рано или поздно, я у знаю, кто вы!

Судья ушелъ.

XXV. — Мои товарищи, арабы, марокцы и евреи, свидѣтели допроса, ничего не понимали; но видѣли что я не оробѣлъ. Послѣ судьи, они бросились цаловать мои руки, и съ этой минуты я пользовался полной ихъ довѣренностью.

Я сдѣлался ихъ секретаремъ и писалъ для нихъ просьбы къ испанскимъ властямъ и доказывалъ, что ихъ задержали несправедливо, особенно одного изъ торговцовъ страусовыми перьями, который называлъ себя близкимъ родственникомъ мароккаго императора. Они удивлялись моему быстрому письму, были увѣрены, что я также быстро переписывалъ бы стихи изъ корана, нажилъ бы чрезъ то большое богатство, и потому они, сложивъ руки, упрощали меня сдѣлаться магометаниномъ.

Послѣднія слова судьи показали мнѣ, что я не долженъ ждать отъ него ничего добраго; я началъ искать другихъ средствъ къ моему освобожденію.

Надѣясь на англійскій охранный листъ, я написалъ письмо къ англійскому капитану корабля «Орелъ», остановившагося на рейдѣ Розаса. Я объяснилъ мое положеніе и прибавилъ: «Вы можете меня вытребовать, потому что у меня есть охранный листъ вашего адмиралтейства. Но если это затруднитъ васъ, то прошу взять мои рукописи и отослать ихъ въ Лондонское Королевское Общество Наукъ.»

Одинъ изъ оберегавшихъ меня солдатъ взялся доставить мое письмо къ капитану, котораго, если не ошибаюсь, звали Джоржъ Эйре (Eyre). Капитанъ пришелъ ко мнѣ, и мы разговаривали чрезъ веревку. Онъ думалъ, что мои бумаги, мои наблюденія были переплетены въ сафьянъ съ золотымъ обрѣзомъ; но когда увидалъ лоскутки, исписанные цифрами, и которые я вынулъ изъ-подъ рубашки, тогда побоялся замарать объ нихъ свои руки и оставилъ меня съ негодованьемъ. Возвратившись на свой корабль, онъ написалъ ко мнѣ:

«Я не могу вмѣшиваться въ ваше дѣло; отнеситесь къ испанскому правительству; я увѣренъ, что оно окажетъ вниманіе къ вашему требованію и не притѣснитъ васъ.»

Но я не былъ согласенъ съ г. Джоржемъ и не воспользовался его совѣтомъ.

Через нѣсколько лѣтъ, я разсказалъ это происшествіе Джозефу Бенксу, который не похвалилъ поведеніе капитана; но обѣдая и ужиная, подъ гармоническіе тоны музыки, никто не подумаетъ о бѣднякѣ, лежавшемъ на соломѣ и оберегавшемъ свои бумаги подъ рубашкой. Притомъ мой капитанъ имѣлъ особенный характеръ. Черезъ нѣсколько дней послѣ пришелъ другой корабль «Колоссъ», котораго командиръ немедленно освободилъ норвежскаго капитана Крога; хотя у него и не было англійскаго охраннаго листа.

XXVI. — Когда заговорили и начали вѣрять, что я бѣглый испанецъ и владѣлецъ корабля, тогда мое положеніе сдѣлалось опаснымъ, и я рѣшился выйти изъ него. Я просилъ, чтобы начальникъ города, Аллуа, принялъ мое объясненіе. Я открылъ ему настоящее свое имя и происхожденіе и въ доказательство истинности моихъ словъ я потребовалъ въ свидѣтели Пабло, который возвратился съ своимъ корсаромъ. Лишь только онъ подошелъ къ мельницѣ, какъ закричалъ:

— Какъ! это вы, донъ Франциско, вы съ этими басурманами!

Матросъ объявилъ губернатору, за чѣмъ я былъ въ Испаніи съ двумя комиссарами. Такимъ образомъ мое происхожденіе и званіе были доказаны.

Но въ тотъ же день Аллуа былъ замѣненъ ирландскимъ полковникомъ; Пабло опять уѣхалъ съ корсаромъ, и я опять сдѣлался купцомъ изъ Швеката.

Изъ вѣтряной мельницы я видѣлъ трехцвѣтный флагъ, развѣвавшійся на крѣпости Фигуерасъ, и кавалерійскій дозоръ часто подходилъ къ намъ метровъ на шестьсотъ; мнѣ нетрудно было убѣжать; но какъ нарушеніе карантинныхъ правилъ наказывается въ Испаніи смертью; то я отложилъ свое намѣреніе до окончанія карантиннаго срока.

На канунъ этого срока, ночью, я поползъ около кустарника и успѣлъ бы перейти черезъ цѣнь часовыхъ; но, услыжавъ за собой шумъ моихъ товарищей мавровъ, я воротился и нашелъ ихъ въ страшномъ безпокойствѣ: они думали, что пропадутъ безъ меня. Я остался.

На другой день сильный отрядъ войска явился предъ мельницею; его маневры заставили насъ безпокоиться, особенно капитана Крога, который вскричалъ:

— Что хотять съ нами дѣлать?

— Увы! вы это увидите скоро, отвѣчалъ испанскій офицеръ.

По этому отвѣту мы заключаемъ, что насъ хотятъ разстрѣлять. Капитанъ Крагъ и еще два нашихъ товарища жидкого роста спрятались за меня. Мы думали, что намъ недолго остается жить.

Разбирая свои чувства въ эту торжественную минуту, я не находилъ себя столько несчастливимъ, какъ можно было думать. Множество мыслей толпилось въ моей головѣ, и я остановился только на двухъ, которыя до сихъ поръ помню: обративъ глаза на право, я увидалъ французскій флагъ на бастіонѣ Фигуераса и сказалъ самому себѣ: «Если бы можно было пройти нѣсколько шаговъ, то меня окружили бы друзья и соотечественники, они пожали бы мнѣ руку; а теперь, не сдѣлавъ никакого преступленія, я долженъ умереть на двадцать-второмъ году жизни». А болѣе всего я сокрушался о томъ, что тамъ, за Пиренеями, моя мать смотритъ за нихъ спокойно.

XXVII. — Испанскія власти были увѣрены, что я для спасенія моей жизни не объявляю себя хозяиномъ корабля, и потому велѣли перевести насъ въ крѣпость Розаса, куда надобно было проходить сивозъ толпу любопытныхъ: изъ ложнаго стыда, я хотѣлъ оставить въ мельницѣ нашъ семидневный запасъ; но предусмотрительный Бертеми перекинулъ чрезъ плечо множество ломтей хлѣба, наизнанныхъ на веревкѣ; я рѣшился слѣдовать его примѣру и потащилъ съ собою нашъ старый котелъ.

Насъ помѣстили въ казематѣ, въ которомъ едва могли лежать. Въ мельницу намъ приносили провизію съ корабля; а здѣсь наше содержанье приняло на себя испанское правительство и выдавало хлѣбъ и рисъ; но какъ рисъ мы не могли варить, то и принуждены были питаться однимъ сухимъ хлѣбомъ.

Сухой хлѣбъ очень не понравится тому, кто при дверяхъ каземата видѣлъ торговку, продававшую фунтъ винограда по два лярда, и также смичее сало и саладин; ко у насъ не было денегъ; тогда, хотя и съ бодливимъ сомнѣньемъ, я рѣшился промать часы, подаренныя мнѣ отцомъ моимъ; за нихъ не давали и четверти цѣны; но крайность заставила разстаться съ ними.

Получивъ шестьдесятъ франковъ, Бертеми в я уголилъ томившій насъ голодъ; но мы не хотѣли одни пользоваться своимъ богатствомъ: мы раздѣляли его съ товарищами нашего плѣна. Часы, облегчавшіе на время мои страданья, сдѣлались послѣ причиной великой горести моего семейства.

Послѣ храбраго сопротивленія, городъ Розасъ перешелъ въ руки французовъ; плѣнный гарнизонъ былъ отправленъ во Францію и проходилъ чрезъ Периньянъ; отецъ мой собиралъ обо мнѣ свѣ-

дѣнія отъ всѣхъ испанцевъ; въ одной кофеевнѣ онъ увидалъ мои часы въ рукахъ одного офицера и пересталъ сомнѣваться въ моей смерти, а болѣе потому, что офицеръ, приобретши часы изъ третьихъ рукъ, не могъ дать ему никакого объясненія объ участи первого ихъ владѣльца.

XXVIII. — Когда казаятъ понадобился защитникамъ Розаса, тогда насъ перевели въ маленькую часовню, въ которую ставили трупы умершихъ въ госпиталѣ. Тутъ караулили насъ крестьяне, сбѣжавшіеся изъ разныхъ селъ, особенно изъ Кадаквеса. Они съ любопытствомъ спрашивали меня о товарищахъ моего плѣна и подробно и откровенно рассказывали о своей деревенской жизни, особенно о контрабандѣ, какъ единственномъ своемъ промыслѣ. На другой день сторожами нашими сдѣлались другіе крестьяне изъ того же села. Какъ странствующій купецъ, я сказалъ имъ, что я бывалъ въ Кадаквесѣ и познакомился съ однимъ изъ его жителей, разбогатѣвшимъ контрабандою; я даже описалъ его домъ, недалеко отъ села. Моя шутка имѣла неожиданное слѣдствіе. Крестьяне рѣшили, что я не странствующій купецъ, но житель Кадаквеса, сынъ ихъ аптекаря, который возвратился изъ Америки съ своимъ богатствомъ; не открываюсь же потому, что хотѣлъ взойти во французскій портъ. Это *основательное* заключеніе распространилось по городу и дошло до сестры аптекаря. Она является ко мнѣ, признаетъ меня за своего племянника, и на мое возраженіе отвѣчаетъ:

— Хорошо, продолжай скрывать свое имя; дѣло важное, потому что ты съ кораблемъ своимъ хотѣлъ отдаться французамъ; но обстоятельства переменяются; я постараюсь освободить тебя; а до тѣхъ поръ ты ни въ чемъ не будешь нуждаться.»

И дѣйствительно, Бертеми и я каждый день получали хорошія объѣды.

XXIX. — Часовня понадобилась гарнизону для магазина, и 25 сентября 1808 г. насъ перевели въ фортъ «Тронцу», называемый *розовой почкой* и находящійся на пригоркѣ, надъ самымъ рейдомъ. Здѣсь помѣстили насъ въ глубокое подземелье, куда не проходилъ ни одинъ лучъ свѣта; но въ этомъ сыромъ мѣстѣ мы оставались не долго, потому что въ него укрывалась часть гарнизона отъ нападенія французовъ. 17 октября насъ опять перевели въ портъ Паламоса и посадили на понтонъ, позволивъ иногда выходить на берегъ и прогуливаться по городу, несмотря на наше рубище. Здѣсь-то я познакомился съ вдовствующей принцессой Орлеанской, матерью Людовика-Филиппа. Она оставила Фигуерасъ, потому что въ ея домъ попало изъ крѣпости тридцать-двѣ бомбы. Въ это время она

хотѣла удалиться въ Алжиръ и просила привести къ ней капитана, который бы принималъ ее подъ свое покровительство. Я разсказалъ моему Брахаму несчастія принцессы; онъ почувствовалъ къ ней жалость и согласился ее видѣть. Возшедши, изъ уваженія къ высокой особѣ онъ скинулъ свои бабуши (туфли) и, держа ихъ въ рукѣ, поцаловалъ полу-платье принцессы, которая испугалась дикой фигуры съ длинной бородой; но когда пришла въ себя, то разговоръ сдѣлался интереснымъ: французская вѣжливость спорила съ восточнымъ подобострастіемъ.

Шестидесять франковъ были издержаны. Принцесса Орлеанская желала помочь намъ, но сама не имѣла денегъ, и подарила намъ только голову сахару. Вечеромъ того дня, въ который мы посѣщали принцессу, я сдѣлался богаче ея. Испанское правительство для спасенія французевъ, оставшихся живыми отъ первыхъ убійствъ, отправляю ихъ во Францію на худыхъ судахъ; одно изъ нихъ остановилось подлѣ нашего понтона. Одинъ изъ его пассажировъ узналъ меня и поподчивалъ табакомъ. Открывъ табакерку, я нашелъ въ немъ унцъ золота. Я возвратилъ табакерку, положивъ въ нее записку: «Соотечественникъ, объявитель этой записки, оказалъ мнѣ большую услугу; примите его какъ сына.» Моя просьба была исполнена; лоскутокъ бумаги увѣдомилъ моихъ родныхъ о моемъ существованіи и набожная моя мать перестала молиться за упокой моей души.

Одинъ изъ смѣлыхъ моихъ соотечественниковъ пробрался въ Паламосъ сквозь линіи французевъ и испанцевъ, и одному негоціанту, имѣвшему друзей въ Перпиньянѣ, сообщилъ просьбу моего отца снабжать меня необходимымъ. Негоціантъ готовъ былъ оказать услугу моему отцу, но я не могъ воспользоваться его добрымъ расположеніемъ по обстоятельствамъ, о которыхъ сейчасъ разскажу.

Парижская обсерваторія находится близъ заставы, и я, желая изучить нравы народа, часто прогуливался около тѣхъ кабаковъ, которые окружаютъ Парижъ, чтобъ не платить пошлины за ввозъ вина. Во время прогулокъ, мнѣ случалось видѣть, что люди, какъ собаки, дерутся за кусокъ хлѣба. Такія сцены возбуждали во мнѣ презрѣніе къ унижавшимся до скотскаго состоянія; но мои мысли переменялись, когда я самъ испыталъ голодъ. Я увѣрился, что въ человѣкѣ, несмотря на его происхожденіе, воспитаніе и образованность, желудокъ беретъ верхъ надъ умомъ и сердцемъ. Вотъ почему я такъ думалъ.

Получивъ унцъ золота, я и Бертеми захотѣли сдѣлать для себя праздникъ, и приготоили для обѣда большое блюдо картофелю;

ордвирецъ императора уже пожиралъ его глазами, какъ двое изъ нашихъ мусульманъ вздумали сдѣлать свое омовеніе и картофели нашъ зашли нечистою водою. Бертеми не воздержался отъ гнѣва и бросился на одного изъ нихъ; началась драка.

Я оставался равнодушнымъ зрителемъ до тѣхъ поръ, пока не началъ помогать своему товарищу другой мусульманинъ; бой сдѣлался неравнымъ; я вступился и схватилъ нападающаго за бороду. Тогда драка кончилась, потому что марокцы не хотѣли поднять рукъ на человѣка, который быстро писалъ для нихъ просьбы. Вотъ и эта ссора, какъ при парижской заставѣ, произошла за блюдо картофели.

XXX. — Испанцы не оставляли надежды завладѣть нашими кораблями и грузомъ; изъ Жироны прибыла коммиссія для допроса; она состояла изъ двухъ гражданскихъ судей и одного инквизитора. Я отправлялъ должность переводчика. Когда очередь пришла до Бертеми, я сказалъ ему:

— Притворитесь, что говорите по штириански; я не введу васъ въ хлопоты, переводя ваши отвѣты.

Онъ согласился; но я очень боялся его штирианство, потому что онъ умѣлъ выговаривать только одно нѣмецкое слово: *der Teufel*, которому выучился въ Германіи, бывши адъютантомъ Гопуля. Къ счастью, судьи даже не слышали нѣмецкихъ звуковъ и остались очень довольны отвѣтами Бертеми, найдя ихъ согласными съ моими собственными объясненіями. Притомъ они поспѣшили кончить засѣданіе, когда начали допрашивать одного матроса, по имени Мехмета. Въместо присяги на коранѣ, одинъ изъ судей потребовалъ, чтобъ онъ сложилъ указательные пальцы крестообразно; я замѣтилъ судѣ, что магометанинъ возбѣситя, и дѣйствительно, когда я объяснилъ ему требованье, онъ началъ плевать во всѣ стороны. Судьи ушли.

На другой день обстоятельства совсѣмъ перемѣнились. Одинъ изъ жиронокскихъ судей объявилъ намъ, что мы свободны и можемъ вѣзти на нашемъ кораблѣ, куда хотимъ. Кака была причина такой перемѣны?

Находясь въ карантинѣ, я написалъ къ амжирекому дѣю письмо отъ имени Врахама. Я объяснилъ ему незаконность нашего задержанья, отъ котораго умеръ одинъ изъ львовъ, посланныхъ къ Наполеону. Последнее обстоятельство привело въ ярость африканскаго царька; онъ тотчасъ призвалъ испанскаго консула, Описа, потребовалъ за льва денежное вознагражденіе и призвалъ войско,

если корабль не будет освобожденъ немедленно. Въ то время Испанія не хотѣла навязать на себя другого непріятеля и не могла болѣе удерживать алжирскій корабль.

XXXI. — Приказаніе испанскаго правительства пришло къ намъ въ то время, когда мы совсѣмъ его не ожидали. Мы тотчасъ приготовились къ отъѣзду, и 28 ноября 1808 года подняли парусъ и отправились въ Марсель. Но, какъ говорили мусульмане, судьбой не было опредѣлено, чтобъ нашъ корабль достигъ этого порта. Передъ нами показались уже бѣлыя строения, расположенныя по холмамъ, окружающимъ Марсель, какъ вдругъ жестокой сѣверо-западный вѣтеръ понесъ насъ къ югу.

Я не зналъ, куда мы плывемъ, потому что морская болѣзнь удерживала меня въ каютѣ; и такъ, хотя и астрономъ, могу безъ стыда признаться, что думая плыть около Балсарскихъ острововъ, я очутился, перваго декабря, въ Бужіи.

Тутъ увѣрили насъ, что въ продолженіе трехъ зимнихъ мѣсяцевъ сообщеніе съ Алжиромъ невозможно посредствомъ маленькихъ судовъ, называемыхъ *сандалами*, и я долженъ былъ осудить себя на продолжительную жизнь почти въ пустынѣ. Въ одинъ вечеръ, когда съ грустью прохаживался я по палубѣ, пуля ударила въ снасть, подлѣ которой я остановился. Это заставило меня подумать о сухопутномъ путешествіи въ Алжиръ.

На другой день, Бертеми, я и капитанъ Спиро Каллигеро отправились къ городскому канду. Я сказалъ, что хочу ѣхать въ Алжиръ сухимъ путемъ. Кандъ ужаснулся и вскричалъ:

— Я не могу вамъ того позволить; васъ непременно убьютъ на дорогѣ; вашъ консулъ пожалуется дею, и шнѣ отрубятъ голову.

— Когда такъ, я дамъ тебѣ росписку.

Въ ту же минуту мы составили слѣдующее объявленіе:

«Мы, нижеподписавшіеся, свидѣтельствуемъ, что кандъ Бужіи «уговаривалъ насъ не ѣздить въ Алжиръ сухимъ путемъ и увѣрялъ насъ, что мы будемъ убиты. Несмотря на его многократныя «возраженія, мы настояли въ нашемъ намѣреніи. Итакъ просимъ, «чтобъ алжирскія власти, особенно французскій консулъ, не поставили ему въ вину нашу смерть, если она случится. Повторяемъ, «что мы пріѣхали противъ воли канда.

«Подписано: Араго и Бертеми.»

Я думалъ, что этимъ объявленіемъ мы расплатились съ робкимъ кандомъ; но онъ подошелъ ко мнѣ, развязалъ мой галстукъ и положилъ его въ свой карманъ такъ скоро, что я не успѣлъ удержать его, а послѣ уже не захотѣлъ требовать.

Послѣ такой странной аудіенціи, мы оторговались съ однимъ марабутомъ, который, за двадцать полновѣсныхъ пиастровъ и красный плащъ, согласился проводить насъ въ Алжиръ. Цѣлый день мы употребили на переодѣванье, и на другое утро, вмѣстѣ съ многими матросами корабля, пустились въ путь, объяснивъ марабуту, что у насъ нѣтъ денегъ, и потому, если насъ убьютъ, онъ лишится условенной платы.

Передъ отъѣздомъ, я простился съ живымъ львомъ (*), съ которымъ я жилъ очень дружно, и съ обезьянами, развлекавшими меня въ продолженіе пяти мѣсяцевъ и оказывавшими намъ услуги, которымъ не повѣряютъ роскошные жители столицы: онѣ избавляли насъ отъ тѣхъ отвратительныхъ насѣкомыхъ, которыя заведутся отъ нечистоты въ нашихъ волосахъ. Бѣдныя обезьяны, по видимому, очень тосковали, слышавъ голоса своихъ собратій, весело прыгавшихъ по деревьямъ.

Въ началѣ дня мы встрѣтились съ двумя кабилами, похожими на воиновъ Югурты, и которыхъ видѣть не предвѣщало ничего добраго. Вечеромъ мы были свидѣтелями ссоры между другими кабилами и нашимъ марабутомъ за то, что онъ отнялъ у нихъ оружіе, когда они были въ Бужіи. Полагая, что подобное происшествіе можетъ возобновиться, мы хотѣли оставить наше дерзкое предпріятіе; но матросы воспротивились и мы принуждены были продолжать нашъ путь.

Дорогою число нашихъ спутниковъ увеличивалось кабилами, желавшими также быть въ Алжирѣ, и которыя охотно присоединялись къ нашему обществу.

На третій день, мы ночевали въ полѣ; передъ лѣсомъ. Арабы окружили себя зажженными кострами. Въ одиннадцать часовъ, наши мулы начали рваться отъ привязей. Я спросилъ о причинѣ; мнѣ отвѣчали, что около насъ бродитъ *себаа*. Я не зналъ тогда, что *себаа* есть левъ, и опять заснулъ спокойно. Вступивъ въ лѣсъ на утро, перемѣнили порядокъ нашего каравана: его стѣснили, и впереди и назадъ ѣхали кабилы съ ружьями. Я освѣдомился о такомъ распоряженіи у хозяина моего мула, и онъ объяснилъ, что боится нападенія *себаа*, и что онъ можетъ выхватить одного изъ нихъ прежде, нежели успѣютъ приготовиться къ оборонѣ.

(*) Возвратясь въ Парижъ, я посѣщивъ въ Ботанической саль къ бывшему моему розарищу; но онъ растворилъ пастъ и зацѣпалъ зубами. Вѣрте послѣ этого чудесной истеріи в едорантискомъ лѣгѣ, изображенномъ на эстампѣ у всѣхъ торговцевъ картинами.

— Я хочу быть зрителемъ , а не актеромъ въ этой сценѣ ; прибавлю еще тебѣ два піастра , если ты будешь держать моего мула въ среднѣй каравана.

Предложеніе было принято , и мой проводникъ во всю дорогу чрезъ гѣсъ кололъ своего мула ятаганомъ . Но къ счастью предосторожности были лишними : *себаа* не показывался .

Каждая деревня была особенная республика , на землю которой не позволялось вступать безъ согласія старшины ; марабутъ , предводитель нашего каравана , оставлялъ насъ на полѣ и уходилъ въ деревню для переговоровъ . Ожидая его по цѣлымъ часамъ , мы часто разсуждали о нашемъ неблагоразуміи . Мы почевали всегда въ деревняхъ . Однажды мы встрѣтили на улицѣ баррикады , потому что деревня ожидала нападенія своихъ сосѣдей . Нашъ авангардъ очищалъ дорогу , какъ женщина выбѣжала изъ своего дома съ палкой и напала на насъ . Она имѣла совершенно бѣлую кожу , бѣлые волосы и была прекрасна .

Въ другой разъ мы ночевали въ хлѣвѣ , который величался названіемъ каравансерая . При восходѣ солнца , крики «Руми ! Руми !» показали , что насъ узнали . Матросъ Мехметъ , сыгравшій сцену присяги въ Паламосѣ , взошедши къ намъ , объяснилъ , что эти крики осуждаютъ насъ на смерть .

— Но подождите , я спасу васъ .

Чрезъ нѣсколько минутъ Махметъ возвратился и велѣлъ намъ присоединиться къ кабиламъ , которые собирались на молитву .

Я вышелъ , обратился къ востоку , подражалъ тѣлодвиженіямъ моихъ спутниковъ и бормоталъ :

— Ла элахъ иль Аллахъ ! уа Мохамедъ расуль Аллахъ !

Эта сцена весьма походила на Мамуши въ «Мѣщанинѣ во дворянствѣ» , съ тою только разностью , что я теперь не смѣлся , и что она могла имѣть весьма непріятное слѣдствіе : если бы , по приѣздѣ въ Алжиръ , на меня донесли , что предъ магометанами я читалъ ихъ молитву : «Нѣтъ Бога , кромѣ Бога , и Магомедъ — его пророкъ» , то муфти непременно бы принудилъ меня принять его вѣру , и тогда я навсегда бы остался въ Алжирѣ .

Я долженъ объяснить поступокъ Мехмета .

— Вы угадали , сказалъ онъ кабиламъ : — въ каравансераѣ точно ночевали два христіанина , но они по сердцу настоящіе магометане , и идутъ въ Алжиръ просить нашего муфтіа о присоединеніи ихъ къ нашей святой вѣрѣ . Я самъ былъ рабомъ у христіанъ и они меня выкупили .

— Итъ ха Аллахъ ! закричали всѣ хоромъ, и послѣ того я долженъ былъ играть комедію.

Мы подѣхали къ Алжиру 25 декабря 1808 года, отпустили козвезъ нашихъ муловъ и спѣшили въ городъ, боясь, чтобъ не заперли его воротъ. Въѣхавъ въ него, мы узнали, что дей обезглавленъ. Дворцовая стража остановила насъ и спросила, откуда мы пріѣхали. Мы отвѣчали, что изъ Бужія, сухимъ путемъ.

— Невозможно ! закричали янычары въ одинъ голосъ : — самъ дей не осмѣлится предпринять такое путешествіе.

Мы признавались, что сдѣлали большую глупость, и что не повторимъ ее за миллионъ ; но что правда, то правда.

Въ консульскомъ домѣ насъ приняла опять радушно. Насъ посѣтилъ драгоманъ деа, чтобъ увѣриться, точно ли мы пріѣхали изъ Бужія, а не изъ Матафу, или изъ какого нибудь другого мѣста. Мы снова рассказали наше путешествіе, и на другой день козвеза муловъ подтверждали слова наши.

XXXII. — Въ Паламосѣ, разговоривая съ принцессою Орлеанскою, я съ необыкновенною горестью выслушивалъ ея желаніе видѣться съ однимъ изъ ея сыновей, о которомъ одна особа ея дома сказала мнѣ, что онъ уже умеръ. Итакъ я желалъ бы сдѣлать для нея все, что могло бы уменьшить чувство несчастія, которое надобно было открыть ей. Когда я оставалъ Испанію, она дала мнѣ два письма для доставленія по адресамъ : одно къ Императрицѣ, матери Русскаго Императора, другое же къ императрицѣ австрійской. Пріѣхавъ въ Алжиръ, я говорилъ объ этихъ письмахъ нашему консулу и просилъ его переслать ихъ во Францію при первомъ удобномъ случаѣ.

— Я не могу ничего сдѣлать, отвѣчалъ Дюбуа-Тенвиль. — Неужели вы не понимаете, что вы поступили весьма необдуманно, легкомысленно ? Развѣ вы не понимаете, что императоръ сочтетъ васъ участникомъ въ томъ дѣлѣ, о которомъ принцесса пишетъ въ своихъ письмахъ — участникомъ роялистовъ ?

Такіе совѣты научили меня, что въ политикѣ нельзя слѣдовать внушеніямъ сердца. Я запечаталъ оба письма въ одинъ пакетъ, адресовалъ его къ одному изъ моихъ знакомыхъ и отдалъ ихъ корсару, возвращавшемуся во Францію. Послѣ я не могъ узнать, дошли ли по своему назначенію.

XXXIII. — Новый дей, сремянникъ обезглавленнаго, отправлявшій въ мечетахъ очень скромную должность обмывальщика труновъ, управляетъ Алжиромъ весьма кротко и занимается только своимъ гаремомъ. Поэтому онъ не понравился возведеннымъ его на

степень самовластителя, и они захотѣли избавиться отъ него. Мы узнали о грозившей ему опасности отъ жидовъ, которые съ своими драгоценностями толпились въ сѣняхъ и переднихъ комнатахъ консульскаго дома. Въ Алжирѣ принято за правило, что всякое преступленіе, сдѣланное между смертью одного дея и постановленіемъ его преемника, не подлежитъ суду и остается безъ наказанія. Итакъ не удивительно, что израильяне искали безопасности въ консульскихъ домахъ, которыхъ европейскіе жители всегда были готовы сплу отразить силою, и которые сверхъ того оберегались янычарами.

Когда несчастнаго дея-обмывальщика привели на мѣсто, гдѣ хотѣли его удавить, тогда раздался пушечный выстрѣлъ, возвѣстившій его смерть и избраніе ему преемника.

— Зачѣмъ, сказалъ бѣднякъ: — вы хотите умертвить меня? Отослите меня въ Левантъ; даю слово никогда не возвращаться. Въ чемъ вы можете упрекнуть меня?

— Ни въ чемъ, отвѣчали ему: — кромѣ твоей ничтожности. Кто былъ деємъ, тотъ не можетъ уже быть частнымъ человѣкомъ.

И петля тотчасъ была накинута на его шею.

XXXIV. — Водяное сообщеніе между Бужіею и Алжиромъ, даже на *сандалахъ*, было не такъ затруднительно, какъ утверждалъ кайдъ перваго изъ этихъ городовъ. Капитанъ Спиро велѣлъ выгрузить принадлежавшіе мнѣ ящики; кайдъ захотѣлъ узнать, что въ нихъ содержится и, увидавъ сквозь трещины что-то желтое, увѣдомилъ новаго дея, что въ багажѣ французовъ, пріѣхавшихъ въ Алжиръ сухимъ путемъ изъ Бужіи, находятся ящики, наполненные секинами для возмущенія Кабилии. Ящики немедленно потребовали въ Алжиръ, открыли ихъ при морскомъ министрѣ и воображаемые секины, заговоръ и бунтъ кабиловъ исчезли предъ мѣдными повторительными кругами.

XXXV. — Мы долго жили въ Алжирѣ, и я воспользовался свободнымъ временемъ для собиранія слѣдствій о нравахъ жителей, любопытныхъ въ томъ отношеніи, что они даютъ понятіе о состояніи этой страны до занятія ее французами. Послѣ занятія, Алжиръ много перемѣнилась.

Я упомяну о происшествіи, которое доказываетъ, что политика, разрушающая согласіе даже между семействами, проникла въ общества галерныхъ алжирскихъ невольниковъ. Въ 1809 году эти невольники принадлежали къ тремъ народамъ, къ португальцамъ, неаполитанцамъ и сицилійцамъ. Между двумя послѣдними, одни были на сторонѣ Мюрата, другіе же — на сторонѣ Фердинанда. Въ

одинъ день, въ началѣ года, драгоманъ деа пригласилъ Дюбуа-Тенвиля на галеры, гдѣ приверженцы французовъ поссорились и подрались съ своими противниками. Консулъ нашелъ уже много убитыхъ. Каторжники поражали другъ друга долгими и толстыми своими цѣпями

XXXVI. — Я уже сказалъ, что каждый консулъ имѣлъ въ своей стражѣ янычара. При французскомъ консулѣ былъ кандіотъ и прозывался *ужасомъ*. Какъ скоро въ кофейнахъ расходился какойнибудь слухъ, неприятный для французовъ, *ужасъ* справлялся объ его справедливости въ консульствѣ, и если онъ оказывался ложнымъ, янычаръ нашъ немедленно являлся къ своимъ товарищамъ, распространявшимъ молву, и вызывалъ ихъ на поединокъ. Такія угрозы могли сдѣлаться опасными для *ужаса*, потому что онъ былъ храбръ, но худо владелъ оружіемъ; мы предложили ему учиться фехтованью; но онъ не хотѣлъ, чтобъ къ нему прикасалась рапира христіанъ, и вмѣсто фехтованья соглашался лучше драться на яганахъ.

Слѣдующій случай всего лучше высказываетъ грубую натуру нашего янычара: однажды мы услышали выстрѣлъ въ его комнатѣ; вошедши туда, мы увидѣли его въ крови: онъ выстрѣлилъ изъ пистолета въ свое плечо, чтобъ избавиться отъ ревматической боли.

Видя, что деи безпрестанно перемѣняются, я сказалъ *ужасу*:

— Неужели онъ захочетъ быть деемъ?

— Для чего же не быть? отвѣчалъ онъ. — Развѣ вы за ничто считаете удовольствіе дѣлать все, что хочешь, хотя бы это удовольствіе продолжалось одинъ день?

Кто хочетъ прогуливаться по Алжиру, тотъ непременно долженъ брать въ проводники консульскаго янычара; иначе нельзя избѣжать оскорбленій, обидъ и даже опасности. Но есть и другое средство: можно безопасно ходить съ однимъ семидесятилѣтнимъ французскимъ лазаристомъ, котораго, если не ошибаюсь, звали отцомъ Іосифомъ, прожившимъ въ Алжирѣ лѣтъ пятьдесятъ. Этотъ добродѣтельный старецъ совершенно посвятилъ себя на услуги невольниковъ изъ всѣхъ странъ: португальцевъ, неаполитанцевъ и сицилійцевъ онъ считалъ своими братьями.

Во время заразы, онъ день и ночь помогалъ мусульманамъ и добродѣтель его побѣдила фанатизмъ. Гдѣ ни ходилъ онъ, какъ ему, такъ и его спутнику, вездѣ и всѣ, даже служители мечетей, изъясляли полное и глубокое уваженіе.

XXXVII. — Въ продолженіе нашего плаванія на алжирскомъ кораблѣ, во время нашего заключенія въ тюрьмахъ Розаса и на понтонѣ Паламоса, я сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній о домашней жизни мавровъ или кулуглу, которые и нынѣ, при владѣніи Алжиромъ французами, можетъ быть, заслуживаютъ нѣкотораго вниманія. Но я приведу здѣсь только одинъ разговоръ съ Брахамомъ, котораго отецъ родился въ Левантѣ.

— Какимъ образомъ, спросилъ я: — женитесь вы на дѣвицахъ, которыхъ никогда не видали? Можетъ быть, избранная окажется дурною?

— Мы никогда не женимся, не посовѣтовавшись съ женщинами, которыя прислуживаютъ въ баняхъ. Сверхъ того, въ этомъ дѣлѣ намъ много помогаютъ жидовки.

— Сколько у тебя законныхъ женъ?

— Четыре, какъ предписано кораномъ.

— Живутъ ли онѣ въ согласіи?

— Ахъ, сударь, мой домъ — адъ. Возвращаясь домой, я всегда нахожу ихъ или у дверей, или на лѣстницѣ; тутъ онѣ ждутъ меня съ своими жалобами. Я боюсь показаться неправовѣрнымъ, но скажу, что корану надобно бы запретить имѣть много женъ тому, кто не можетъ содержать ихъ въ разныхъ отдѣленіяхъ дома.

— Но коранъ позволяетъ вамъ оставлять даже законныхъ женъ: почему же ты не отошлешь трехъ къ ихъ родственникамъ?

— Почему? потому что это раззорило бы меня. Одну половину условенной цѣны за жену мы выплачиваемъ при свадьбѣ, а другую при ея отпускѣ къ родственникамъ. Итакъ, мнѣ пришлось бы заплатить три половины. Впрочемъ, мои жены бываютъ и согласны. Однажды я купилъ негрятянку. Вечеромъ, когда я уходилъ въ мою спальню, я увидалъ, что жены не дали ей постели и несчастная легла на голый полъ. Я свернулъ мои шаравары и подложилъ ей полъ голову. Утромъ дошли до меня страшныя крики невольницы; я прибѣжалъ и увидалъ, что всѣ четыре жены били ее немилосердно. Вотъ тутъ онѣ были согласны между собою.

XXXVIII. — Въ февралѣ 1809 г., новый дей, преемникъ обывателя мертвыхъ, объявилъ, что Франція должна ему двѣсти или триста тысячъ франковъ. Дюбуа-Тенвиль отвѣчалъ, что императоръ не приказалъ платить ни одного сантима.

Разъяренный дей рѣшился объявить намъ войну. Въ Алжирѣ, съ объявленіемъ войны, всѣ иностранцы, принадлежащіе къ враждебному государству, отсылаются на галеры. Но въ этотъ разъ дѣло не дошло до такой крайности. Мнѣ не хотѣлось сидѣть на галерѣ

ныхъ скамьяхъ , и по поручительству шведскаго консула , Корделинга , я остался свободнымъ , мнѣ даже позволили жить въ деревнѣ , близъ самой крѣпости дѣя .

XXXIX. — Самое незначительное обстоятельство переиживаетъ расположеніе алжирцевъ . Однажды я пришелъ въ городъ и объѣдалъ у Дюбуа-Тенвиля . Мы сидѣли за столомъ , какъ англійскій консулъ , Блянкей , пришелъ встревоженный и сказалъ , что въ портъ вошелъ французскій привѣзъ .

— Я не хочу , продолжалъ онъ : — увеличивать зло войны и объявляю вамъ , любезный товарищъ , что освобожу вашихъ соотечественниковъ , если за нихъ выкупать изъ Франціи столько же плѣнныхъ англичанъ .

— Благодарю васъ , отвѣчалъ Дюбуа-Тенвиль : — но я сожалею объ этомъ происшествіи потому , что оно затянетъ мой счетъ съ деємъ .

Во время этого разговора я смотрѣлъ въ зрительную трубу и мнѣ хотѣлось увѣриться , что взятый корабль принадлежалъ къ низшему разряду ; но число его отверстій для пушекъ свидѣтельствовало противное . Вдругъ вѣтеръ развилъ флаги , и я съ удивленіемъ увидѣлъ французскій флагъ надъ англійскимъ . Я сказалъ о томъ Блянкею , который возразилъ :

— Вы , безъ сомнѣнія , не можете такъ хорошо видѣть въ дрянную трубу , какъ я видѣлъ въ моего *делонда* .

— Но вы не можете такъ хорошо видѣть , какъ астрономъ : я увѣренъ , что не ошибаюсь .

Я тотчасъ попросилъ позволенія осмотрѣть таинственный привѣзъ .

Я испѣивилъ въ портъ и вотъ что узналъ : генералъ Дюгеми , губернаторъ Барцелоны , хотѣлъ избавить свой гарнизонъ отъ буйныхъ солдатъ , сформировалъ изъ нихъ экипажъ и отдалъ его въ команду лейтенанта Бабастро , знаменитаго корсара въ Средиземномъ морѣ .

Въ числѣ этихъ новыхъ моряковъ были одинъ гусарь , одинъ драгуль , два ветерана , длиннѣебородый саперъ , и проч. и проч. Корабль вышелъ изъ Барцелоны ночью , ускользнулъ отъ англійскаго крейсера и удалился къ Матюку . Одно англійское судно выходило изъ порта ; часть французскаго сборнаго экипажа бросилась на бордажъ ; завязался отчаянный бой и французы остались побѣдителями . Это-то судно было приведено въ Алжиръ .

Имѣя непомощіе отъ Дюбуа-Тенвиля , я объявилъ плѣнникамъ , что они будутъ немедленно отданы ихъ консулу . Я уважилъ также

хитрость капитана, который, получивъ много ранъ, лежалъ, обернувъ голову главнымъ своимъ флагомъ ; я успокоилъ его жену ; но болѣе всего я старался объ одномъ пассажирѣ, у котораго была отрѣзана рука.

— Гдѣ хирургъ, который сдѣлалъ вамъ операцію ? спросилъ я страдальца.

— Ее дѣлалъ не хирургъ ; онъ подло убѣжалъ съ частью экипажа и спасся на берегъ.

— Ктожь вамъ отрѣзалъ руку ?

— Гусарь, котораго вы видите.

— Несчастный ! зачѣмъ ты взялся не за свое дѣло ?

— По неотступной просьбѣ раненаго. Его рука ужасно распухла ; онъ хотѣлъ, чтобъ отрубили ее топоромъ. Я сказалъ ему, что въ Египтѣ часто видалъ ампутаціи, и если онъ согласится, я сдѣлаю то, что видѣлъ. Во всякомъ случаѣ моя операція будетъ лучше топора. Онъ согласился. Я взялъ плотничную пилу и отнялъ руку.

Я тотчасъ ушелъ и попросилъ американскаго консула послать на корабль лучшаго хирурга въ Алжирѣ. Триплетъ— кажется, такъ звали хирурга— осмотрѣлъ перевязку и, къ великому моему удовольствію, объявилъ, что все въ порядкѣ и что англичанинъ перенесетъ страшную свою рану.

Въ тотъ же день мы перенесли раненыхъ въ домъ Блякля.

Этотъ поступокъ смягчилъ немного гнѣвъ дея, который сдѣлался еще снисходительнѣе отъ другого незначительнаго морскаго происшествія.

Въ одинъ день показалась на горизонтѣ корвета, вооруженная большимъ числомъ пушекъ и которая шла прямо въ алжирскій портъ. За нею гнался военный англійскій бригъ ; ожидали сраженія и всѣ городскія террасы покрылись любопытными. Бригъ казался намъ хорошимъ ходокомъ и мы были увѣрены, что онъ догонитъ корвету ; но она перемѣнила направленіе и приготовлялась къ бою ; бригъ побѣжалъ отъ нея. Корвета опять поворотилась и поплыла къ Алжиру. То же сдѣлалъ и бригъ, но постоянно держался далѣе пушечнаго выстрѣла отъ корветы. Наконецъ оба судна, одно за другимъ, вошли въ портъ и бросили якоря, къ неудовольствію алжирцевъ, которые надѣялись быть свидѣтелями боя между собаками христіанами ; но они не могли удержаться отъ смѣха, когда увидали, что корвета была простое купеческое судно, вооруженное деревянными пушками. Въ городѣ говорили, что англійскіе матросы хотѣли взбунтоваться противъ своего слишкомъ осторожнаго капитана.

Я не очень полюбилъ алжирцевъ , но справедливость требуетъ сказать , что когда корвета ушла по своему назначенію къ Антильскимъ островамъ , тогда они задержали бригъ на цѣлыя сутки .

XI. — Бакри часто приходилъ во Французское консульство толковать о своихъ дѣлахъ съ Дюбуа-Тенвилемъ .

— Что ты хочешь ? говорилъ консуль . — Ты алжирецъ ; ты будешь первый жертвою упрямства дея . Я уже писалъ въ Ливорно , чтобъ схватили твое семейство и твое имущество . Когда твои корабли , нагруженные хлопчатую бумагою , придутъ въ Марсель ; тогда ихъ конфискуютъ . Теперь самъ суди , не лучше ли тебѣ заплатить сумму , которую требуетъ дея , нежели потерять десятеро больше .

Доказательство было убѣдительно , и хотя оно очень не нравилось Бакри , однако онъ рѣшился заплатить то , что требовалъ дея отъ Франціи .

Послѣ того мы получили позволеніе выѣхать изъ Алжира . 21 іюня 1809 г . я сѣлъ на корабль вмѣстѣ съ Дюбуа-Тенвилемъ и съ его семействомъ .

XII. — Наканунѣ нашего отъѣзда , одинъ крейсеръ отдалъ нашему консулу сундукъ изъ Маіорки , который онъ нашелъ на захваченномъ имъ кораблѣ . Въ сундукѣ было множество писемъ отъ маіоркцевъ къ ихъ друзьямъ на твердой землѣ .

— Вотъ , сказалъ мнѣ Дюбуа-Тенвиль : — вотъ вамъ развлеченье на дорогу ; вы почти не выходите изъ каюты , по причинѣ морской болѣзни ; распечатайте и читайте , да носите , нѣльзя ли извлечь изъ писемъ чего-нибудь полезнаго для нашихъ солдатъ , которые умираютъ отъ нужды и отчаянія на островкѣ Каббрерѣ .

Я принялся за письма и безъ зазрѣнія совѣсти началъ исполнять должность одного изъ членовъ *чернаго кабинета* , съ тою только разностью , что я распечатывалъ письма безъ всякихъ предосторожностей . Я нашелъ многія депеши , въ которыхъ адмиралъ Коллингвудъ давалъ совѣты испанскому правительству , какъ избавиться отъ плѣнныхъ . По пріѣздѣ нашемъ въ Марсель , письма были отправлены къ морскому министру , который , кажется , не обратилъ на нихъ большого вниманья .

Въ Пальмѣ , столицѣ Маіорки , я зналъ почти весь *большой свѣтъ* . Можно вообразить , съ какимъ любопытствомъ я читалъ посланія городскихъ красавицъ , въ которыхъ онѣ выражали свой гнѣвъ на *los malditos savachios* , на проклятыхъ французовъ , заставившихъ удалиться на твердую землю великолѣпный гусарскій полкъ . Если

бы мнѣ случилось быть въ оперномъ маскарадѣ съ этими красавицами, то онѣ убѣжали бы отъ моихъ интригъ.

Но болѣе всего меня интересовали тѣ письма, въ которыхъ упоминалось обо мнѣ съ необыкновенною откровенностью. Немногіе могутъ похвалиться такимъ счастливымъ случаемъ.

Хотя корабль, на которомъ я находился, былъ также нагруженъ хлопчатую бумагою, однако, капитанъ его имѣлъ бумаги на права алжирскаго корсара, сопровождавшаго три купеческихъ корабля во Францію.

1 іюля мы были предъ Марселемъ, какъ англійскій фрегатъ загородилъ намъ дорогу.

— Я васъ не возьму, сказалъ капитанъ фрегата: — но вы должны идти къ Гіерскимъ островамъ, гдѣ адмиралъ Коллингвудъ рѣшитъ вашу участь.

— Я, отвѣчалъ варварійскій капитанъ: — долженъ проводить суда въ Марсель и непремѣнно исполню мою обязанность.

— Что до васъ касается лично, то вы можете дѣлать, что хотите, но ваши купеческія суда я отправлю къ Коллингвуду.

Съ этими словами англичанинъ отдалъ приказаніе повернуть суда къ востоку.

Англійскій фрегатъ былъ уже въ нѣкоторомъ отъ насъ разстояніи, и капитанъ его смотрѣлъ, какъ мы повернули къ Марселю. Но, узнавъ отъ купеческихъ экипажей, что и нашъ корабль нагруженъ хлопчатую бумагой, онъ воротился, чтобъ завладѣть имъ.

Онъ уже догонялъ насъ, когда мы вошли въ портъ маленькаго островка Помега. Ночью онъ хотѣлъ спустить шлюбки и взять насъ въ плѣнъ; но предпріятіе оказалось опаснымъ и было оставлено.

На другое утро, 2 іюля 1809 года, я переѣхалъ въ госпиталь.

XLII. — Нынѣ изъ Алжира въ Марсель пріѣзжаютъ въ четыре дня; я употребилъ одиннадцать мѣсяцевъ, но съ невольными остановками въ разныхъ мѣстахъ.

Мои письма изъ марсельскаго госпиталя увѣрили моихъ друзей и родныхъ, что я живъ; они считали меня воскресшимъ. Великій геометръ даже предложилъ Коммисіи долготъ не платить моего жалованья моему отцу, имѣвшему отъ меня довѣренность.

Первое письмо, полученное мною изъ Парижа, было наполнено дружескими поздравленіями съ избавленіемъ отъ опасностей; оно было отъ человека, который уже пользовался европейскою славой, но котораго я никогда не видалъ. Гумбольдтъ, услыхавъ о моихъ несчастіяхъ, предложилъ мнѣ свою дружбу. Вотъ начало нашей

связи, продолжающейся сорокъ-два года; ни одно облако не омрачало ее.

Дюбуа-Теньвиль имѣлъ въ Марселѣ много знакомыхъ; его жена родилась въ этомъ городѣ, и въ немъ жили всѣ ея родственники. Поэтому гостеприимная комната для свиданій была всегда наполнена многими посѣтителемъ, но не для меня, который въ многолюдномъ городѣ оставался какъ въ африканской пустынѣ. Но въ одинъ день колокольчикъ прозвенѣлъ три раза, что значило, что желаютъ видѣться съ жильцомъ третьяго номера; я почелъ это ошибкою; однакожь, не заставилъ себя дожидаться, въ сопровожденіи сторожа поспѣшилъ пройти корридоръ, отдѣлявшій мой номеръ отъ комнаты свиданій и съ удовольствіемъ увидѣлъ Понса, смотрителя марсельской обсерваторіи, прославившагося открытіемъ многихъ кометъ.

Во всякомъ случаѣ я обрадовался бы посѣщенію Понса, который потомъ былъ директоромъ обсерваторіи во Флоренціи; но въ карантинѣ оно было для меня неопѣнено. Оно доказало мнѣ, что я уже на родной землѣ.

За два или за три дня до окончанія карантина, мы сдѣлали потерю, которая всѣхъ насъ огорчила. Наши товарищи алжирцы отъ скуки собирались въ загородкѣ, въ которой помѣщалась прекрасная газель, принадлежавшая Дюбуа-Теньвилю; она прыгала свободно и прельщала насъ своею красотою. Одинъ изъ алжирцевъ хотѣлъ остановить ее, схватилъ за ногу и переломилъ ее. Мы всѣ сбѣжались и были свидѣтелями самого грустнаго зрѣлища. Упавшая газель печально поднимала голову и изъ чудныхъ глазъ ея текли слезы, но она была безмолвна и походила на человѣка, съ покорностью переносившаго постигшее его несчастье.

XLIII. — По окончаніи карантина, я прежде всего отправился въ Перпиньянъ, къ моему семейству, къ моей нѣжной и благочестивой матери, которая отслужила обѣдню въ благодарность за мое возвращеніе. Но я поспѣшилъ въ Парижъ и представлялъ Комиссіи долготы и Академіи мои наблюденія, сохраненныя мною, несмотря на опасность продолжительнаго странствованія. Черезъ нѣсколько дней по моемъ приѣздѣ, 18 сентября 1809 года, меня выбрали въ члены Академіи, на мѣсто Даламбера. Изъ пятидесяти-двухъ голосовъ, я получалъ сорокъ-семь, Пуассонъ четыре, а Нуве одинъ. Тогда мнѣ было двадцать-три года.

XLIV. — Такое большинство голосовъ, казалось, немогло встрѣтить препятствій; но въ день выбора Даламберъ сильно противился и требовалъ, чтобъ отложили баллотировку до новой ваканціи, и тогда выбрали бы и меня и Пуассона. Авторъ «Небесной механики» былъ

безгранично привязанъ къ молодому геометру, доказавшему свои дарованія прекрасными трудами, и не могъ равнодушно смотрѣть на предпочтеніе, которое его товарищи оказывали молодому астроному предъ старшимъ лѣтами Пуассономъ, бывшимъ моимъ профессоромъ. По этому онъ предложилъ мнѣ, чтобъ я изъявилъ желаніе быть избраннымъ вмѣстѣ съ Пуассономъ. Я не согласился на его предложеніе и отвѣчалъ:

— Я не требую, чтобъ меня выбрали безъ отлагательства, потому что собираюсь въ Тибетъ вмѣстѣ съ Гумбольдтомъ; въ этой дикой странѣ званіе академика не поможетъ мнѣ побѣждать препятствія; но я боюсь неприличнаго поступка: получивъ мой отзывъ, ученые члены Академіи могутъ спросить меня: да кто объ васъ думалъ? Вы отказываетесь оттого, чего вамъ не предлагали.

Твердая моя рѣшимость воздержаться отъ непрочнаго поступка заставила Лапласа дѣйствовать другимъ образомъ: онъ началъ утверждать, что я не имѣю правъ на званіе академика. Я не спорю, что въ двадцать-три года я не могъ имѣть большаго запаса учености; но сравнивъ себя съ другими, я ободрился, особенно подумалъ, что послѣдніе три года трудился надъ измѣреніемъ меридіана въ чужой странѣ, среди военныхъ бурь, нѣсколько времени сидѣлъ въ тюрьмѣ, и, что еще хуже, былъ въ Кабилии и Алжирѣ. Впрочемъ, вотъ что я тогда сдѣлалъ.

Вышедъ изъ Политехнической школы, я трудился вмѣстѣ съ Біо надъ продолжительными и весьма трудными опытами для опредѣленія числа, на которомъ основываются таблицы преломленія.

Я и Біо измѣрили также преломленіе въ разныхъ газахъ, о чемъ тогда никто не думалъ.

Изъ точнѣйшаго опредѣленія отношенія между вѣсомъ воздуха и ртути полученъ коэффициентъ барометрической формулы для измѣренія высотъ.

Въ продолженіе почти двухъ лѣтъ, день и ночь я занимался наблюденіями поуденною трубою в стѣнномъ квадрантѣ въ парижской обсерваторіи.

Вмѣстѣ съ Буваромъ я началъ наблюденія для проверки законовъ качанія луны; оставалось только ввести числа въ формулы, какъ по желанію Коммиссіи долготъ я долженъ былъ отправиться въ Испанію.

Я наблюдалъ многія кометы и вычислялъ ихъ орбиты.

По формулѣ Лапласа я вычислялъ, вмѣстѣ съ Буваромъ, таблицу преломленія, издаваемую въ «Собраніи таблицъ Коммиссіи долготъ» и въ «*Connaissance des temps*».

Наблюдения надъ скоростью свѣта посредствомъ призмы, поставленной предъ предметнымъ стекломъ стѣннаго круга, доказали, что таблица преломленія солнечнаго свѣта можетъ быть употреблена и для преломленія свѣта всѣхъ звѣздъ.

Наконецъ, среди опасностей я кончилъ огромную триангуляцію, продолжившую французскій меридіанъ до острова Форментеры.

Лапласъ не отрицалъ важности и пользы моихъ изслѣдованій, но видѣлъ въ нихъ только залогъ будущихъ надеждъ. Тогда Лагранжъ сказалъ ему :

— Вы сами, г. Лапласъ, вступили въ Академію, не сдѣлавъ ничего блестящаго ; вы подавали только надежды. Ваши великія открытія были сдѣланы уже въ званіи академика.

Кромѣ Лагранжа, никто въ Европѣ не имѣлъ права сдѣлать такое справедливое замѣчаніе.

Лапласъ не возражалъ на строгую истину Лагранжа и только замѣтилъ, что «мѣсто въ Институтѣ должно быть наградою за труды и усердіе молодыхъ людей».

— Вы, сказалъ Галле: — походите на того кучера, который поощряетъ своихъ лошадей пучкомъ сѣна, привязаннаго къ дышлу кареты. Бѣдныя лошади бѣгутъ, бѣгутъ за неуловимой наградою и наконецъ издыхаютъ.

Деламбръ, Біо и Лежандръ обратили вниманіе Академіи на мою неутомимость, на мою смѣлость, съ которыми я кончилъ измѣренія среди безчисленныхъ препятствій и сохранилъ какъ снаряды, такъ и самыя наблюденія. Лапласъ, видя, что всѣ знаменитости Академіи приняли меня подъ свое покровительство, не могъ болѣе противиться, и въ день избранія подалъ голосъ въ мою пользу. Признаюсь, что я всегда бы сожалѣлъ, еслибъ меня выбрали членомъ Института безъ голоса автора «Небесной механики».

XLV. — По утвержденіи, новые члены Института должны представляться императору. Въ назначенный день, президенты и секретари всѣхъ четырехъ отдѣленій, и тѣ академики, которые желали поднести главѣ государства особенные труды свои, собирались въ одномъ изъ залъ Тюльери. Такія аудіенціи ученымъ, художникамъ и литераторамъ Наполеонъ давалъ обыкновенно послѣ обѣды.

Признаюсь, что зрѣлище, котораго я былъ свидѣтелемъ въ мое представленіе, мнѣ не понравилось.

— Вы очень молоды, сказалъ Наполеонъ, подошедъ ко мнѣ и не дождавшись отъ меня отвѣта, прибавилъ : — какъ васъ зовутъ?

Мой сосѣдъ съ правой стороны не позволилъ мнѣ говорить и отвѣчалъ :

— Его зовуть Араго.

— Какую наукою вы занимаетесь?

Сосѣдъ съ лѣвой стороны :

— Онъ занимается астрономіею.

— Что вы сдѣлали?

Мой сосѣдъ съ правой стороны предупредилъ сосѣда съ лѣвой стороны и поспѣшилъ отвѣчать :

— Онъ измѣрялъ меридіанъ въ Испаніи.

Императоръ, безъ сомнѣнія, подумалъ, что передъ нимъ стоитъ или вѣмой, или дуракъ, и перешелъ къ другому члену Института. Этотъ членъ былъ не новичокъ, но Ламаркъ, натуралистъ, извѣстный своими прекрасными и важными открытіями. Старецъ представилъ Наполеону свою книгу.

— Что это такое? Это ваша нелѣпая «Метеорологія», сочиненіе, въ которомъ вы соперничаете съ Матвѣемъ Ленсбергомъ; альманахъ, который безчеститъ вашу старость; занимайтесь естественною исторіею, и я съ удовольствіемъ буду принимать ваши сочиненія. Эту книгу я принимаю изъ уваженія къ вашимъ сѣдымъ волосамъ. Возьмите!

И книга перешла въ руки адъютанта.

Вѣднѣй Ламаркъ, не успѣвшій отвѣчать на оскорбительныя слова Наполеона, заплакалъ. Новое сочиненіе его относилось къ естественной исторіи.

Послѣ того императоръ встрѣтилъ побольше силы въ Ланжуинѣ. Когда онъ подошелъ также съ книгою, тогда Наполеонъ сказалъ :

— И Сенатъ соединился съ Институтомъ?

— Государь, отвѣчалъ Ланжуинѣ : — Сенатъ имѣетъ много времени заниматься литературою.

XLVI. — Непосредственно за моимъ поступленіемъ въ Институтъ, я долженъ былъ защищаться отъ военныхъ властей. Я уѣхалъ въ Испанію, а имя мое осталось въ спискѣ воспитанниковъ Политехнической школы; но потомъ смерть Лаланда отворила мнѣ двери въ Академію и въ Коммиссію долготы, которая предоставила мнѣ мѣсто адъютанта, и оба званія были утверждены императоромъ; по этимъ причинамъ Лакюе, директоръ конскрипціи, думалъ, что я освободился отъ нея. Но преемникъ его Матьё Дюма смотрѣлъ на вопросъ иначе: онъ потребовалъ, чтобъ я или представилъ бы за себя конскрипта, или отправился бы самъ съ участкомъ двѣнадцатаго парижскаго округа.

Всѣ мои возраженія и ходатайство моихъ друзей остались безполезными. Тогда я увѣдомилъ генерала, что на площадь Эстрададъ, откуда должны отправиться конскрипты въ походъ, являюсь въ мундирѣ Института и въ томъ же костюмѣ пройду черезъ весь Парижъ. Дюма испугался соблазна, который произведеть мундиръ, потому что самъ Наполеонъ носилъ его, какъ членъ Института, и утвердилъ рѣшеніе Лакюе.

XLVII. — *Совѣтъ для усовершенствованія Политехнической школы*, въ 1809 году, избралъ меня на мѣсто Монжа преподавателемъ приложенія анализа къ геометріи. Причины этого избранія до сихъ поръ оставались тайною, теперь пользуюсь случаемъ открыть ихъ.

Самъ Монжъ приходилъ ко мнѣ въ обсерваторію и предложилъ мнѣ это мѣсто. Я отклонилъ отъ себя почетное предложеніе, потому что собирался съ Гумбольдтомъ въ центральную Азію.

— Но вы, возразилъ знаменитый геометръ: — побѣдете, безъ сомнѣнія, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ; втакъ, хотя на время можете занять мое мѣсто.

— Ваше предложеніе для меня лестно: но я едва ли могу принять его: я никогда не читалъ вашего сочиненія объ уравненіяхъ съ частными разностями, и потому мое преподаваніе не можетъ быть удовлетворительно.

— Попробуйте и вы увидите, что эта теорія не такъ трудна, какъ обыкновенно думаютъ.

Я попробовалъ, и мнѣніе Монжа показалось мнѣ основательнымъ.

Тогда никто не зналъ причины, по которой Монжъ не хотѣлъ предоставить своего мѣста репетитору своему Бине, которато прилежаніе и знанія были всѣмъ извѣстны.

Въ то время въ Булонскомъ лѣсу былъ домъ, называвшійся *сармъ*; въ немъ собирались адепты новаго религіознаго ученія, которое проповѣдывалъ Кексенъ; къ числу ихъ принадлежали музыкантъ Лезюеръ, Колень, репетиторъ химіи въ Политехнической школѣ, Бине и пр. Префектъ полиціи донесъ императору, что въ *сармъ домъ* собираются приверженцы іезуитовъ. Наполеонъ разсердился и сказалъ Монжу:

— Твои любезные воспитанники сдѣлались учениками Лойолы!

Монжъ возразилъ, что это неправда.

— Неправда! да твой собственный репетиторъ въ этомъ обществѣ.

Всякій пойметъ, что Монжъ не могъ уже отдать свою кафедру Бине.

XLVIII. — Будучи молодой, горячъ и любя науки, я выѣзжалъ въ академическіе выборы болѣе, нежели сколько было прилично моимъ лѣтамъ и моему ученому авторитету. Но пересматривая прошедшее спокойно и безпристрастно, я нахожу оправданіе въ томъ, что мой голосъ, кромѣ трехъ или четырехъ случаевъ, всегда былъ за достойнѣйшихъ кандидатовъ, и не разъ я спасалъ Академію отъ недостойныхъ искателей. Кто меня осудитъ за то, что я горячо поддерживалъ Малиюса, когда его соперникъ Жираръ, совѣмъ невѣстный, какъ фианкъ, изъ 53 голосовъ получилъ 22, и съ соединеніемъ пяти голосовъ одержалъ бы побѣду надъ ученымъ, открывшимъ поляризацію посредствомъ отраженія, надъ ученымъ, котораго уважаетъ цѣлая Европа? То же самое могло случиться съ Пуассономъ и противъ того же Жирара, который опять бы остался побѣдителемъ съ четырьмя голосами, направленными въ его пользу. Наконецъ и въ третій разъ я противился выбору этого инженера и защищалъ противъ него Дюмона. Кто осудитъ меня за то, что я содѣйствовалъ выбору Лиувилля, котораго соперникъ былъ Понтекуланъ?

XLIX. — Я сказалъ уже, что я спасъ Академію отъ недостойныхъ выборовъ: привожу одинъ случай, весьма для меня неприятный, потому что онъ заставилъ меня противорѣчить Лапласу. Знаменитый геометръ хотѣлъ, чтобъ на вакантное мѣсто въ астрономическомъ отдѣленіи выбрали Николе, человѣка безъ дарованій и подозрѣяемаго въ безчестныхъ продѣлкахъ. Послѣ споровъ, въ которыхъ я принималъ живое участіе, несмотря на силу покровителя Николе, Академія приступила къ выбору, на которомъ почтенный Дамуазо получилъ 45 голосовъ изъ 48, а Николе только три.

— Я вижу, сказалъ мнѣ Лапласъ, что не должно бороться съ молодыми людьми; сознаюсь, что человѣкъ, котораго называютъ *великимъ избирателемъ* Академіи, сильнѣе меня.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я: — Араго только тогда можетъ побѣдить Лапласа, когда неоспоримая истина на его сторонѣ.

Черезъ нѣсколько времени, Николе убѣжалъ въ Америку, и Комиссія долготъ принуждена была просить правительство о безчестномъ исключеніи его имени изъ списка своихъ членовъ.

L. — Деламбръ умеръ 19 августа 1822 г. Послѣ законной отсрочки приступили къ выбору на его мѣсто, т. е. на мѣсто непрѣмѣннаго секретаря Академіи, которое не можетъ оставаться долго праздымъ. Академія составила комитетъ для назначенія кандидатовъ; членами комитета были Лапласъ, Араго, Лежандръ, Россель, Прони, Лакруа; списокъ представленныхъ имъ кандидатовъ содержалъ имена Біо, Фурье и Араго. Не имѣю надобности увѣрять,

что я упорно противился помѣщенію меня въ этотъ списокъ , но, уступивъ волѣ моихъ товарищей , я при первомъ случаѣ объявилъ , что не желаю получить ни одного голоса въ мою пользу, потому что я обремененъ дѣлами ; въ томъ же положеніи былъ Біо, и я всячески хлопоталъ о назначеніи Фурье.

Я думаю , и кажется не обманываюсь , что мое желаніе имѣло вліяніе на выборъ : Фурье получилъ 38 голосовъ , а Біо 10. Въ подобныхъ случаяхъ , всякой скрываетъ свое мнѣніе , боясь заслужить неудовольствіе отъ будущаго секретаря , которому Академія предоставляетъ большую власть. Не знаю , простятъ ли мнѣ за то, что я хочу рассказать о выборѣ Фурье.

Лапласъ взялъ два бѣлыхъ билета ; нескромный его сосѣдъ наблюдалъ за нимъ и видѣлъ , что онъ на обоихъ написалъ имя Фурье ; потомъ свернулъ ихъ , положилъ въ свою шляпу , потрясъ ее и сказалъ любопытному сосѣду :

— Вотъ я написалъ два имени ; не посмотрѣвъ билетовъ , я разорву одинъ изъ нихъ , а другой положу въ урну ; такимъ образомъ я самъ не буду знать , въ чью пользу подаю голосъ.

Лапласъ сдѣлалъ такъ , какъ сказалъ ; но безъ вычисленій вѣроятностей всѣ знали , что онъ былъ на сторонѣ Фурье.

LI. — Фурье исполнялъ должность секретаря Академіи съ достоинствомъ , но иногда небрежно , по причинѣ слабаго здоровья , и умеръ 16 мая 1830 г. Я нѣсколько разъ отклонялъ Академію отъ намѣренія выбрать меня на его мѣсто ; безъ ложной скромности , я думалъ , что не имѣю способностей для этой важной должности. Когда я получилъ 39 голосовъ изъ 44 , тогда я былъ принужденъ покориться лестной для меня довѣренности знаменитаго общества. Такимъ образомъ я сдѣлался секретаремъ Академіи 7 іюня 1830 г. ; но какъ при выборѣ Фурье я говорилъ , что обремененъ дѣлами , то я немедленно взялъ увольненіе изъ Политехнической школы. Меня не поколебали ни просьбы военнаго министра , Маршала Сульта , ни просьбы знаменитѣйшихъ членовъ Академіи.

Перев. Д. П.—ВЪ.

ДЯДЯ ВАСИЛІЙ И ЯМЩИКЪ СТЕПАНЪ.

ДОРОЖНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Лѣтомъ 1850 года я долженъ былъ отправиться къ Москвѣ. Сборы мои, какъ человѣка, привыкшаго къ путешествіямъ, были не долги: чемоданъ, мѣшокъ, сумка для денегъ, и чрезъ полчаса я въ Ямской слободѣ, чрезъ часъ за Московской заставой. Вижу по глазамъ вашимъ, любезные читатели, что вы боитесь услышать описаніе природы, путевыя впечатлѣнія, испытанныя мною отъ Петербурга до Москвы; но, къ счастью вашему, мѣстность четырехъ губерній до самой бѣлокаменной такъ однообразна, такъ извѣстна, что надобно быть или человѣкомъ безъ вкуса, или отчаяннымъ романтикомъ-нѣицемъ, чтобы рѣшиться восхищаться этими мѣстами: поля и болота, болота и поля — вотъ все, что встрѣчается на пути, если исключить Валдайскія горы, памятыя мнѣ потому, что на всемъ пространствѣ ихъ, вслѣдствіе тихой вѣды, я скучалъ какъ нельзя болѣе, и вполне созналъ тоску одинокаго путешествія. Кони еле передвигаютъ ноги; колокольчикъ, вопреки славы Валдая, брещитъ медленно; ямщикъ, для облегченія своихъ животновъ, идетъ около тарантаса, время отъ времени награждая разными эпитетами и чубарого, и засѣдателя; а солнце палитъ и жаритъ нестерпимо. Про города я также не скажу ни слова: про нихъ писано и переписано двадцать разъ, и лучше и дѣльнѣе меня. Новгородъ съ развалившеюся Вѣчевой башней, Софійскимъ соборомъ, Торжокъ съ котлетами Пожарскаго, Валдай съ колокольчиками и баранками — все это извѣстно каждому изъ васъ. Забѣчу одно: такъ какъ дѣло идетъ о мѣстахъ историческихъ, въ которыхъ заключена вся слава Россіи, то вы можете подумать, что котлеты Пожарскаго въ Торжкѣ имѣютъ какое нибудь отношеніе къ спасителю отечества, князю Пожарскому. Ничуть не бывало: производствомъ этихъ котлетъ занимается торжковскій мѣщанинъ, случайно носящій фамилію великаго человѣка.

Не думайте, однакожъ, чтобы дорога не представляла мнѣ рѣшительно никакого разнообразія: нѣтъ, станціонные смотрители были постояннымъ предметомъ моихъ наблюденій. Я до такой степени познакомился съ общимъ ихъ характеромъ, что составилъ отличительные признаки, по которымъ, даже при входѣ въ комнату, могъ

узнавать, къ какому классу людей принадлежит мой новый знакомецъ, какъ по своей натурѣ, такъ и по внѣшнимъ обстоятельствамъ. Каждый классъ общества у насъ на Руси заключаетъ въ себѣ множество отдѣловъ и подраздѣлений, изъ которыхъ въ каждомъ свой языкъ, нравы и обычаи. Въ каждомъ слоѣ общества есть аристократы и плебей, есть образованные, есть невѣжды въ полномъ смыслѣ слова; все рѣзко, все выдается углами. То же самое можно сказать и о станціонныхъ смотрителяхъ. Во время частыхъ своихъ путешествій, я встрѣчалъ смотрителей ученыхъ, которые кончили курсъ даже въ гимназій, слѣдовательно знаютъ, что была Римская имперія, что математика самая вышняя и самая трудная наука; какъ выражался одинъ изъ нихъ, и наконецъ, что съ образованнымъ человѣкомъ очень пріятно поговорить; встрѣчалъ смотрителей консерваторовъ и прогрессистовъ, относилъ эти слова къ тому міру, въ которомъ они враждуютъ. Такъ, наирямѣрь, одинъ изъ консерваторовъ съ необыкновеннымъ ожесточеніемъ говорилъ мнѣ противъ всѣхъ нововведеній, объясняя, что отъ этого ямщики только бѣдуются, а для проѣзжихъ нѣтъ никакой пользы; прогрессистъ, напротивъ, признавалъ даже пользу желѣзной дороги, но преимуществу для ямщиковъ, которые до сихъ поръ живя живя въ деревняхъ. Есть смотрители аристократы — это коллежскіе регистраторы и даже губернскіе секретари, прослужившіе полжизни въ разныхъ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ и наконецъ, вслѣдствіе различныхъ причинъ, переведенные въ станціонные смотрители. Жизнь аристократовъ-смотрителей рѣзко отягчается отъ жизни меньшихъ ихъ собратій: во первыхъ, у аристократовъ-смотрителей есть сидѣльщикъ, болѣею частію изъ отставныхъ солдатъ, который занимается пропискою подорожныхъ; вслѣдствіе чего самъ смотритель является персонально только тогда, когда проѣзжій важная личность. Разумѣется, случается, что самолюбію такихъ смотрителей наносится иногда сильное оскорбленіе: подвернись горяченькій проѣзжій, какъ выражаются сами господа станціонные смотрители, тогда какъ разъ явится въ жалобной книгѣ слѣдующее: «На такой-то станціи, такого-то числа, для прописки подорожной ко мнѣ явился не г. смотритель, а какой-то человѣкъ въ нагбомъ тулупѣ и нетрезвомъ видѣ, и на мой вопросъ: отчего нѣтъ смотрителя? отвѣчалъ, что онъ ушелъ къ дякону на именины. Считаю обязательнымъ доставить это на видъ почтоваго начальства,» и прочее, что пишется по формѣ. У смотрителя этого разряда всегда есть въ домѣ кухарка, которой вы не найдете у плебеевъ; у этихъ послѣднихъ дражайшая половина несетъ на себѣ всевозможныя обязанности, и даже при случаѣ прописываетъ подорожныя и бранитъ ли-

никовъ. Въдѣствіе-то всей этой обстановки нищии зовутъ смотрителя бариниою, а смотрительшу барыней. Если вы остановитесь пить чай у смотрителя-аристократа, то всѣ переговоры о цѣлѣ и о прочемъ ведете съ кухаркой, какъ съ домоправительницей, которая объявляетъ вамъ рѣх-фике; баринъ и барыня, въ то время, какъ вы пьете чай, въ другой комнатѣ занимаются тѣмъ же самымъ, потому что у такого смотрителя два самовара и два чайника. Напротивъ того, плебей смотритель даже самъ прислуживаетъ вамъ и, при случаѣ, съ удовольствіемъ сбѣгаетъ за сливочками, рачительная болучить, при расчетѣ, лишній гривенникъ. Есть смотрители романтики, есть люди положительные. Это не трудно отгадать при входѣ въ комнату. У романтика, вмѣстѣ обычныхъ распорядковъ Почтового департамента, вы найдете въ комнатѣ картины въ духѣ вѣмецко-романтической школы, какъ-то: сцена изъ «Морной палачи» Пушкина: представляеть отчаянный господинъ въ шапкѣ-то нешестипятинои костюмѣ, съ огромной чалмой на головѣ, съ мечемъ болѣе себя; этотъ господинъ вѣражаетъ въ грудь распростертую предъ нимъ красавицу, каждая нога которой не менѣе добраго бревна; при этомъ случаѣ приличные стихи, вполнѣ объясняющіе вамъ сюжетъ картины; или разсказъ о томъ, какъ одинъ юноша перенесъ черезъ рѣчку свою красавицу: картина представляеть направо бабушу съ двумя сѣками, направо другую; между ними вѣтеся ручеекъ; истоки и устье котораго сокрыты, въ буквальномъ смыслѣ слова, въ невоиѣстности — не ищите ихъ! Дѣло только въ томъ, что ручеекъ есть и чрезъ него шагаетъ господинъ въ казацкомъ шюлуе-ташѣ, держа на рукахъ красавицу въ сарафанѣ и кокошникѣ, съ шюги которой упалъ въ ручей башмакъ. Внизу написаны слѣдующіе стихи:

• Я свою любезную черезъ рѣчку перенесъ, перенесъ;
Ничего не замочилъ, ничего не замочилъ;
Только башмачокъ съ ножки соскочилъ. •

Въ этомъ кусѣ всѣ остальные картины: Петрарка на гробѣ своей возлюбленной; казакъ, отправляющійся за Дунай; гусаръ, оштрафованный на саблю. Если случится кому нѣбудь изъ васъ, любезные читатели, быть въ дорогѣ, то повѣрьте мои слова, и вы увидите, что личность каждаго станціоннаго смотрителя много выражается въ этой вѣишней обстановкѣ. Но совершенно другое явленіе представляютъ смотрители положительные, которые болѣею частію спекуляторы. Въ комнатахъ у нихъ вы не найдете подобныхъ картинъ, этой нищи романтическихъ душъ; кромѣ ничтожныхъ объявленій, на отѣнахъ здѣсь рѣшительно нѣтъ ничего, не

зато не безъ цѣли разставлены по угламъ и разложены по столамъ ружья, пистолеты, разные принадлежности дороги и замѣчательныя мѣстные произведенія; такъ, напримѣръ, если станція въ Валдайскомъ уѣздѣ, то непременно вы увидите коломольчичи всѣхъ сортовъ. Даже гдѣ нибудь на заднемъ дворѣ слышится нарный тарантасикъ, кушанный смотрителемъ, дешевле паровой рѣпы, у колостяка проѣзжаго, который долженъ былъ бросить свой экипажъ по той простой причинѣ, что его застала зима тамъ, гдѣ онъ думалъ найти осень. Спекуляторъ-смотритель, нѣтъ-подъ руки, расскажетъ вамъ про достоинства ружья, изъ котораго онъ сдѣлалъ тогда-то столько-то счастливыхъ выстрѣловъ, и даже, если угодно вамъ выслушать, и цѣлую исторію о томъ, какъ и какинъ образомъ оно досталось ему въ руки. Эти же господа растутъ и откармливаютъ щенковъ разныхъ породъ, рассчитывая на вѣрный сбытъ; и, дѣйствительно, не ошибаются. Спекуляторъ-смотритель, какъ человѣкъ положительный, не прежде приступитъ къ вамъ съ предложеніями, какъ узнавъ обстоятельно вашъ чинъ, средства; онъ даже осмотритъ тарантасъ и спроситъ у ямщика: много ли баринъ далъ на водку? У него всегда найдутся хорошія щи, каша и, даже, при случаѣ, бутылка рому, не спрашивайте какого, довольно того, что на бутылкѣ вы увидите ярлыкъ, съ надписью: Ромъ лучшій. Наконецъ, послѣдній родъ смотрителей, это мрачные смотрители, которые на проѣзжаго смотрятъ какъ на злѣйшаго своего врага, которые наговариваютъ вамъ не очень любезныхъ вещей только для того, чтобы отвести свою душу. У ямщиковъ для подобныхъ господъ одинъ эпитетъ: собака. Безъ сомнѣнія, жалобныя книги исписаны вдоль и поперекъ. Но должна же быть какая нибудь психологическая причина, заставляющая ихъ дѣйствовать вопреки логикѣ, во вредъ себѣ? Причина есть. Сколько мнѣ случалось замѣчать, подобная жесточенность характера происходитъ отъ невыгоднаго положенія почтовой станціи, на которой огромный проѣздъ. Для спекулятивныхъ предпріятій средствъ нѣтъ никакихъ, а семья большая, а неприятности каждый день и каждый часъ. Много также значитъ характеръ жителей деревни, въ которой находится почтовая станція. Посмотрите, что выйдетъ изъ человѣка, даже довольно порядочнаго, если судьба броситъ его къ чувашамъ или мордвѣ, среди которыхъ придется ему прожить пять или шесть лѣтъ! Повеяло одиночествомъ. Мнѣ самому случилось, на вопросъ о лошадяхъ, слышать слѣдующій отвѣтъ: «Некуда торопиться, еще усидете». Разумѣется, все это смотритель провозносилъ въ полголоса, но надобно было слышать, сколько мрачности заключалось въ тонѣ его голоса. Благодаря судьбу, что въ настоящемъ моемъ путешествіи, по одному не-

счастному случаю, о которомъ сейчасъ расскажу, она кинула меня не къ мрачному зрителю, а къ спекулятору, слѣдовательно, человеку, который старается жить въ ладу со всѣми, его окружающими. На одной изъ станцій Новгородской губерціи, ямщики третью лошадь заложили, какъ они выражались, теленка. По вѣроятности, основываясь на подобномъ названіи, надобно было предполагать въ этомъ конѣ самыя мирныя качества, но вышло напротивъ: теленокъ имѣлъ милую привычку кусать коренную лошадь и, по временамъ, кидаться направо и налево, смотря по тому, какъ ему вздумается. На всѣ мои замѣчанія ямщику быть къ своему дѣлу внимательнѣе, я получалъ одинъ отвѣтъ:

— Да вишь ты всякаго куста боится; теленокъ и есть.

Кое-какъ дотатился я до станціи и съ радостью выглянулъ изъ тарантаса, когда услышалъ восклицаніе ямщика:

— А вотъ и остатняя верста.

По извѣстнымъ уже вамъ признакамъ, при входѣ въ комнату станціоннаго зрителя, я сразу догадался, что попалъ къ спекулятору.

— Прикажете чаю? былъ первый вопросъ положительнаго человека, послѣ того, какъ онъ уже успѣлъ заглянуть въ подорожную.

— А угодно, такъ есть и ромокъ; изъ города получаю. Я благодарилъ за ромъ и просилъ подать чай. Только что я успѣлъ сѣсть за столъ, какъ въ комнату явился одинъ изъ ямщиковъ.

— Чтó тебѣ надобно? былъ вопросъ мой.

— Дѣло-то неладно, ваше благородіе.

— Какъ такъ?

— Да у тарантаса-то сердечникъ сильно погнуло; подушку почитай на двое расколело.

— Какъ же, братъ? это надо исправить!

— А вотъ пойдемъ, баринъ, взглянемъ.

Я отправился на улицу.

При нашемъ выходѣ изъ комнаты, ямщикъ былъ остановленъ слѣдующимъ вопросомъ зрителя:

— А чтó, Михай привезъ?

— Михай. Въ пристажкѣ-то вѣрно теленокъ.

— Теленокъ, отвѣчалъ ямщикъ.

«Ну — подумалъ я, сходя съ лѣстницы — вѣрно, со мной не съ первымъ, да и не съ послѣднимъ, этотъ милый теленокъ играеть подобныя штуки. Дѣло-то должно быть обыкновенное.»

Кругомъ моего тарантаса стояли ямщики; я прислушался къ разговорамъ. Такъ и есть: дѣло шло о теленкѣ; сколько могъ понять,

тема, о которой разсуждали православные, была слѣдующая: что вотъ, дескать, не въ первый разъ теленокъ бѣжитъ тамъ, что расколетъ подушку и своротитъ сердечникъ.

— Вотъ и намеднись пробѣжалъ чиновникъ, да побилъ Михайку за теленка.

Оглядываюсь направо, возлѣ меня стоитъ мой старшій ямщикъ, также въ числѣ совѣтниковъ.

— Все это по твоей милости, сказалъ я, обращаясь къ нему. — На кой чортъ запрягаешь своего теленка?

— Да вишь ты, баринъ, лошадь-то молодая.... вотъ дѣто побѣгаетъ, такъ пообыкнетъ.

Напрасно было увѣрять моего ямщика, что пока конь его будетъ привыкать къ хорошему бѣгу, до тѣхъ поръ онъ сломаетъ десятокъ таранасовъ, а хозяинъ его, безъ сомнѣнiя, получитъ десятокъ подзатыльниковъ. Зная натуру русскаго человѣка, его необыкновенную смѣтку и сваровку, я былъ убѣжденъ, что такъ ли, иначе ли, но таранасъ будетъ починенъ, и я, вѣроятно, пробѣду полдороги безъ особенныхъ приключенiй. Въ это время меня занимала другая сцена: ямщики послѣ моего обѣщанiя подучить на водку принялись за дѣло; но что они дѣлали и какъ дѣлали, этого невозможно передать. Казалось, что они и сами не понимаютъ другъ друга: одинъ тянетъ веревку направо, другой налево, третiй колотитъ во что-то, шумъ, крикъ, по временамъ раздаются фразы, неудобныя къ повторенiю, по видимому во всемъ такая разладаца, что, какъ говорится, святыхъ вонъ унеси. Но будьте спокойны, положитесь на русскаго человѣка, конецъ будетъ благополучный. Вдругъ сзади меня раздался голосъ:

— Эй, вы, гущѣды, долбежники! что копаются? а то вѣдь *любимцей!*

Слова эти произнесъ небольшой, приземистый мужикъ; въ рукахъ его была палка. Быстрые и маленькiе глаза ясно говорили о хитрости. Видно было, что онъ, какъ говорится, былъ на веселѣ.

— Ваше благородiе! произнесъ мой новый знакомецъ, обращаясь ко мнѣ: — безъ меня-то дѣло идетъ плохо, вотъ я покажу ребятамъ-то, какъ обращаться съ господскимъ экипажемъ.

— Да ты кузнецъ, что ли?

— Что намъ кузнецъ! безъ него дѣло сладитъ; я староста, ваше благородiе, надъ ребятами-то начальникъ; а вотъ это, отвѣчалъ онъ, показывая на палку: — моя любимца. Эй вы, чего орете-то безъ толку, заирчалъ онъ, обращаясь къ ямщикамъ: — тебѣ говорить, Миша, погни сердешникъ-то направо.

— Погнуть-то погнемъ и безъ тебя, дядя Василій, отвѣчала Мишка: — да статься не выдержитъ.

— Не выдержитъ? эхъ ты, даютникъ! давай сюда топорище, глядитко, какъ не выдержитъ!

И съ этимъ словомъ дядя Василій принялся колотить по сердешнику съ такою силою, что в расчитывалъ навѣрно, по его милости, остаться въ селѣ на ночь, даже и болѣе.

— Стой, дядя Василій, стой! кричали ему ямщики.

— Чего стоять, отвѣчалъ онъ: — сила вышла!

И онъ продолжалъ попрежнему выпрямлять сердешникъ на правую сторону.

— Староста! сказалъ я: — тебѣ говорить, оставь, слушайся артели.

— Да ребята-то дѣла не разумѣютъ, ваше благородіе! Глядитко, сердешникъ-то почитай ровень съ дырой; нутка, ребята, двишемъ артелью, статься подушка-то сидеть на мѣсто. Мишка, положи-ка любимицу въ сторонку, да не замай ее!

— Чего надрываешься, дядя Василій? сказалъ одинъ изъ ямщиковъ: — свадъ-то надо жердью полнереть, а безъ веревокъ жердито не приладишь, а веревки-то пойдеть, почитай, аршина съ три.

— Вѣстимо, вѣстимо, возразили другіе ямщики: — безъ веревокъ-то дѣло драць, а на увязку-то пойдеть, почитай, и пять аршинъ.

Я прекрасно понялъ, куда мѣтили мои молодцы; дескать мотай на усь, баришь: на водку-то дадь, то за работу; а веревка-то стоять денегъ.

— Что же, ребята, тащите веревокъ, плачу за все, что потратите, а водка водкой, сказалъ я имъ.

— Эхъ, ты, Софронъ! возразилъ дядя Василій, обратившись къ ямщику, заговорившему о веревкахъ: — у меня любимица разумнѣе тебя скажетъ; торговаться, что ли, вздумалъ съ бариномъ; вѣдь не купецъ ѣдетъ; чего глаза-то выпучилъ? тащи веревку, вишь изъ нея дѣло стоитъ.

Наконецъ, послѣ многихъ хлопотъ, завязываній и увязываній веревки, сердешникъ былъ поставленъ на свое мѣсто.

— Ну, баришь, сказалъ дядя Василій, обращаясь ко мнѣ: — катъ теперь хоть до Москвы, сердешникъ не погнется, на славу приладилъ. Прикажешь, ваше благородіе, лошадей закладывать?

— Да, закладывай, только пожалуйста не теленка.

— Такихъ заложимъ, ваше благородіе, что до Москвы вспоминать станешь дядю Василя. Эй, чья очередь? живо закладывать, да у меня, смотрите, безъ жеребьевъ, барину-то ждать некогда! А ты чего запрагасъ теленка-то? сказалъ мой дядя Василій, обращаясь

къ старому ямщику. — Аль не слыкалъ , что начальство приказывало? видно тебя мало въ шею-то золотили; кааняйся барину въ ноги, иной бы те зубы-то почистилъ.

Наконецъ надобно было расплатиться за хлопоты ямщиковъ. Я достаточно вознаградилъ ихъ за трудъ и, разумеется, кромѣ того заплатилъ за веревки, получивъ относительно ихъ, со стороны ямщиковъ, замѣчаніе, что веревки здоровыя, до Москвы не протрутся.

— Что же, ваше благородіе, старестъ-то за труды что пожадете?

Я далъ двугривенный.

— Эхъ, баринъ, маловато, вѣдь дѣла-то было полны руки.

— Бери, что даютъ, отвѣчалъ я: — по дѣлу и плата.

— Благодаримъ и на этомъ вашу милость, отвѣчалъ дядя Василій.

Я отправился къ смотрителю взять подорожную и отдать прогоны.

— Исправили тарантасикъ-то? вопросъ, который онъ встрѣтилъ меня.

— Исправили.

— Не угодно ли вамъ будетъ взять про запасъ ремешковъ? Они такъ у меня для тарантасиковъ и подготовлены, веревки-то скоро протрутся, а ремешки сыромятные, всего четвертачокъ стоятъ. Недѣля съ три проѣзжалъ генералъ, такая же оказія, какъ и съ вами случилась, взялъ у меня ремни, а потомъ, какъ ворочался изъ Москвы, то изволилъ сказать: «Кажись, братецъ, у тебя я бралъ ремни?» — «У меня, ваше превосходительство.» — «Ну, вотъ спасибо за нихъ, кабы не они, такъ пришлось бы на дорогѣ волкомъ выть.»

Послѣ этихъ доводовъ я долженъ былъ взять ремешки и заплатить четвертачокъ. Время было отправиться въ дорогу. Я вышелъ на улицу. Староста встрѣтилъ меня съ фонаремъ.

— Вотъ, я посвячу вашей милости; перильца-то шатки, не оступитесь.

Я уже съѣлъ въ тарантасъ, какъ остановленъ былъ вопросомъ стараго ямщика:

— Не будетъ чего, ваша милость, на водку старому ямщику?

— Не за то ли, что сломалъ тарантасъ?

— Ъхалъ-то больно хорошо, ваше благородіе, кони всѣ въ поту, а тарантасикъ-то ладно издаженъ, съ Богомъ доѣдете.

— Да теленокъ-то у тебя, Мишка, каждый разъ потѣеть, подхватилъ староста: — еще бъ его черти кидали изъ стороны въ сторону.

— Тутъ, братъ, и бажъ всотѣеть, подхватилъ другой.

Общій хохоть.

Но Мишка сохранилъ ту же серьезность въ лицѣ и все еще стоялъ съ открытой головою, ожидая получить на водку. Разумѣется, я исполнилъ его желаніе.

— Вотъ баринъ, такъ баринъ, возразилъ староста, подсаживая меня въ тарантасъ. — Эй! Степка, бѣги, застегни съ той стороны тарантасъ-то, вишь барина вѣтромъ хватаетъ.

Но какъ дядя Василій ни старался меня укладывать и усаживать, вопреки своихъ ожиданій не получалъ отъ меня ни гроша.

— Ванька! кричали моему ямщику православные, когда уже лошади двинулись желкою рысью: — Ванька! у правой пристяжной возжи окорачивай, а то сердешникъ-то погнется.

И дѣйствительно вплоть до Тулы я ѣхалъ безъ всякихъ поправокъ, съ тою только разницею отъ прежняго пути, что каждый ямщикъ окорачивалъ возжи у правой пристяжной, въ слѣдствіе чего она постоянно, вплоть до Тулы, бѣжала немного наискось, а тарантасъ шелъ бокомъ. На одной изъ станцій, ямщики, собравшись вокругъ тарантаса, замѣтили, что веревки-то больно протерлись, а если вбить клинъ, то тарантасъ, почитай, добѣжить и до Москвы, однако клина не вбили.

Полгода спусти, я ѣхалъ назадъ, то есть возвращался въ Петербургъ. Тарантасъ я продалъ въ Тулѣ, и потому изъ Москвы долженъ былъ отправиться въ почтовомъ брикѣ. Единственное развлеченіе, во время путешествія въ подобномъ экипажѣ, это — пассажиры. Одинъ изъ нихъ, по преимуществу, занималъ меня: онъ былъ тамбовскій помѣщикъ, человекъ пожилыхъ лѣтъ, заложившій въ Москвѣ имѣніе и отправлявшійся въ Петербургъ пожуировать, какъ онъ выражался. Всегда веселый, онъ составлялъ предметъ всеобщаго вниманія. Лакей его, съ которымъ я перекинулся нѣсколькими словами, охарактеризовалъ своего барина такъ: «какъ ни бьетъ, а къ вечеру вѣрно напьется.» Съ нами въ брикѣ ѣхала французенка, содержательница моднаго магазина въ Петербургѣ, не знавшая ни слова по-русски. На половинѣ дороги отъ Москвы, мой помѣщикъ, войдя въ комнату и успѣвъ уже выпить двѣ рюмки водки, безъ всякихъ околичностей обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— А вѣдь французенка-то хорошенькая?

Я отвѣчалъ, что дѣйствительно не дурна.

— После, когда будем садиться, возразил помѣщикъ: — я предлому свои услуги провести ее до экипажа. Какъ вы думаете, не дурно бы воспользоваться? .

Въ это время въ комнату вошелъ ямщикъ и обратился ко всѣмъ присутствующимъ съ просьбою пожаловать ему на водку.

— А ты, братецъ, плохо везъ, сказалъ ему Василій Павловичъ, (такъ звали помѣщика): — не за что давать тебѣ.

— Эхъ, баринъ! отвѣчалъ ямщикъ: — по пучинкавъ-то не покачешь, по этой дорогѣ не одну лошадь заморилъ.

— Вотъ тебѣ двугривенный, сказалъ Василій Павловичъ: — только съ условіемъ, сейчасъ весь пропей здѣсь.

— Нашему брату, баринъ, сподручѣе выпить въ кабацѣ, а здѣсь заведеніе для вашей милости.

— Что правда, то правда; ну такъ, человѣкъ! подай ямщику стаканъ водки! А это что? сказалъ онъ, обращаясь къ другому лакею, который въ это время, на тарелкѣ несъ разрыванную колбасу: — кому эта колбаса?

— Барыня спрашивала, отвѣчалъ лакей, указывая на французженку.

Мой сопутникъ, не говоря лишняго слова, вырвалъ изъ рукъ лакея тарелку, и, разшаркавшись, какъ только могъ благоприличіе, подошелъ къ французженкѣ, поставилъ предъ ней тарелку и сказалъ:

— Колбаса чудесная! кушайте на здоровье, мадамъ!

А потомъ, потомъ начались фразы такъ далеко не двусмысленныя, что я, краснѣя за бѣдную женщину, долженъ былъ вытаскивать Василія Павловича изъ комнаты, объявивъ ему, что въ буфетѣ нашлась померанцовая водка, которую онъ неслаъ отъ самой Москвы и на каждой станціи бранилъ трактирщикомъ за то, что они не держатъ водки, къ которой привыкъ человѣкъ, употребляя ее десять лѣтъ. Въ такомъ вкусѣ продолжалась дорога вплоть до Петербурга, съ тою только разницею, что, открывъ слѣды померанцовой, онъ былъ, какъ говорится, безъ пробыпу пьянъ! Ямщики выигрывали отъ подобнаго пассажира всего болѣе: онъ давалъ имъ на водку по полтиннику и по цѣлковому, въ то же время пеняюсердно брани за тихую ѣзду. Дальнѣйшихъ хожденій моего попутника съ французженкой не объясняю. Каждый день разыгрывалась одна и та же тема. Но къ дѣлу. Черезъ полсутки ѣзды, я былъ на той же станціи, на которой починавали мой тарантасъ. День былъ праздничный; ямщикъ, запрягавшій новыхъ лошадей, молодой парень, небольшого роста, худой, но мускулистый, былъ сильно навеселѣ: румянецъ игралъ, какъ говорится,

во всю щеку. Ямщицкая пояривая шляпа съ павильными перомъ едва торчала на головѣ его.

— Эй, Степа! кондукторъ-то велѣлъ посадить старосту — довести до Краснаго; вишь бантъ, что къ дядѣ ѣдетъ.

— Старосту! возразилъ мой ямщикъ: — разбойника-то. Скажи, молъ, что для его милости мѣста не припасли. Много ихъ шляется, міроѣдовъ.

— Да, ты хоша до завтрева толкуй! кондукторъ велѣлъ, такъ посадишь, отвѣчалъ другой ямщикъ, затягивая подпругу у пристяжной. — Знаемъ-ста, что ты больно зубастъ.

Въ это время кто-то кинулъ на козлы новый синій армякъ. Оглядываюсь, старый знакомый — дядя Василій. Онъ осмотрѣлъ меня быстрымъ, пронизательнымъ взглядомъ, но призналъ ли онъ меня, или нѣтъ, я не могъ угадать. Въ ту же минуту онъ сѣлъ на козла и болѣе на мою сторону не оборачивался. Въ теченіи времени, какъ я съ нимъ не видался, онъ мало перемѣнился, хотя пополнилъ замѣтно; въ движеніяхъ выражалась какая-то медленность, какое-то сознание своего достоинства.

«Вотъ — подумалъ я — злой врагъ моего Степки; посмотримъ, за что-то онъ его не любитъ!»

— Міроѣдъ проклятый! сказалъ Степанъ, сядясь на козла и забирая возжи: — ишь, бариномъ разсѣлся, душегубъ этакой!

— Эхъ! Степа, отвѣчалъ дядя Василій: — охочь ты праздновать; ишь напраздновался: возжи-то изъ рукъ ползуть.

Но раздался звукъ кондукторской трубы. Степа привсталъ, гаркнулъ и отпустилъ каждому изъ своихъ животныхъ по два улара кнутомъ; приговаривая:

— Эхъ вы, соколки, двигайтесь, старосту веземъ, что поѣдомъ міръ ѣсть! Чего коришь меня, что у праздника былъ? возразилъ Степа, сядясь опять на козлы и время отъ времени похлывывая то ту, то другую лошадь: — аль зло взяло, что на свое добро выпилъ, не пришелъ, дескать, къ старостѣ да въ ноги не поклонился, какъ Мишка кривой, что выклянчивалъ четверикъ овса; нѣтъ, братъ, не на того наѣхалъ: у Мишки-то семья, ребятишки малъ мала меньше, а у меня на плечахъ одна голова, хошь и бѣдна да одна.

— Много васъ на деревнѣ-то, возразилъ дядя Василій: — такъ я и сталъ про всякаго запасать овесъ да сѣно!

— Глядитко, кто ѣдетъ! сказалъ Степа, обращаясь къ дядѣ Василью.

Я оглянулся по направлению руки Стены и увидѣлъ проезжающаго мимо насъ , въ хорошей телѣгѣ , на здоровой и крѣпкой лошади , мужика , котораго , поравнявшись съ брикомъ , медленно снялъ шляпу , отвѣчая на поклонъ дяди Василя.

— Чтѣ , раскланялся съ родней-то ! возразилъ Степанъ . — Узналъ дядюшку !

— Людей бы ты постыдился , Степка , отвѣчалъ дядя Василь : — ни конному , ни пѣшему отъ тебя проходу нѣтъ ; всякаго облаешь .

— Честнымъ людямъ вездѣ дорога ; нашему брату гулякѣ никто не помѣха . Мы никого не замаемъ и насъ не тронь , а о твоёмъ-то дядюшкѣ мы не безъизвѣстны . Эхъ вы , соколики ! примолвилъ Степка , награждая кнутомъ лошадей то одну , то другую , и вытягиваясь на козлахъ во весь ростъ : — эхъ вы , соколики , съ горки на горку ; какъ бы былъ баринъ , такъ далъ бы на водку !

— Кажись баринъ сидитъ , сказалъ дядя Василь , указывая на меня и толкая Степку .

— Извини , баринъ , сказалъ Степка , обращаясь ко мнѣ : — за глупыя слова мои ; сегодня для праздника вышилъ.... Да чего толковать ? замѣтилъ онъ , подымаясь на козлахъ и поводя кнутомъ : — спую я , баринъ , твоей милости пѣсенку .

Ахъ ты степь моя кавказская....

Дядя Василь оборотился ко мнѣ и подмигнулъ , какъ бы желая сказать : — лихо паренъ этотъ Степка .

Долго , долго послѣ этого пѣсня Степки раздавалась въ воздухѣ .

ИВ. БЪЛОВЪ.

Декабрь 1851.

СОВРЕМЕННЫЯ ЗАМѢТКИ.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Поѣздка на Дунай: Землянъ, Орсова, Бѣлградъ, сербская деревня, Саваня недалеко на Дунай. — Берега Фессалии: величье и крѣпость Воле; египетскія войска и греческія нагорныя деревни. — Кара-Фатима: ея вѣздъ въ Константинополь. — Трапезунтъ и его паша. — Эрзерумъ. — Парижскій мей, концерты, опера и проч.

Съ чего бы намъ начать обзорѣніе новостей этого мѣсяца? Въ Парижѣ, въ Лондонѣ намъ не хочется вести нашихъ читателей, да мы и надѣемся, что они охотнѣе послѣдуютъ за тѣми изъ туристовъ, которые поведутъ ихъ воображеніе и сердце на берега Дуная, на поля Греціи, въ Малую Азію. Послѣдуемъ же за однимъ нѣмецкимъ врачомъ, совершившій поѣздку въ половинѣ апрѣля этого года въ Орсову, Землянъ, Бѣлградъ и Виддинъ.

• Кто — пишетъ этотъ туристъ — хочетъ при настоящихъ обстоятельствахъ совершить путешествіе въ Турцію и выбираетъ для этого не удобный путь черезъ Персію въ Константинополь, а думаетъ пробраться сухимъ путемъ, тотъ долженъ зацѣпиться прежде всего терпѣніемъ, а потомъ уже возможно легкимъ багажемъ, снѣжностью и значительнымъ количествомъ звонкой монеты; достигнувъ же южной границы Сербіи, не должно позабыть и нѣкотораго вооруженія.

• Прежде чѣмъ покинуть Орсову, я сдѣлаю нѣсколько замѣтокъ о моемъ долгомъ пребываніи въ *Землянъ*, которое, по случаю праздниковъ, наступившихъ въ это время и замедлившихъ мое путешествіе, скорѣе можетъ быть названо принужденнымъ, нежели добровольнымъ. *Землянъ* есть послѣдній пограничный пунктъ цивилизаціи, или, лучше сказать, самое глухое мѣсто, какое только когда нибудь мнѣ приводилось видѣть. Я не могу припомнить, чтобы какой нибудь европейскій путешественникъ описалъ Землянъ, да и нечего тамъ описывать. Землянъ можетъ быть названъ предмѣстіемъ полутурецкаго Бѣлграда — это мѣстечко со всею грязью турецкаго городка и безъ малѣйшихъ признаковъ чего-нибудь чуждаго, восточнаго и потому привлекательнаго. Тѣ же самыя мертвыя собаки валяются по улицамъ Земляна, которыя мѣшаютъ ходить на улицахъ Бѣлграда; то же самое равнодушіе жителей къ нечистотѣ и безпорядку, но землянскіе дома лучше бѣлградскихъ; по крайней мѣрѣ, если они и бѣдны, то бѣдны не европейски. Гостиницы Земляна грязны, комнаты въ нихъ не лучше тѣхъ, которыя попадаются въ германскихъ шинкахъ; но найдти и та-

кую комнату — большое счастье, потому что всё онъ занятъ пограничными австрійскими войсками. Торговая площадь Землина населена свиньями: въ торговые дни продавцы луку и чесноку царствуютъ здѣсь совершенно по восточному; но славянскіе одежды и лица придаютъ этой картинѣ болѣе занимательный характеръ. На площади стоитъ шинокъ, на дверяхъ котораго изображенъ рыцарь, заливающий пожаръ кружкою пива: аллегорическое представленіе жадности, томившей землинцевъ. Все полицейское управленіе на военной ногѣ: паспорта визируются военными полицейскими комиссарами и комендантомъ города.

•Такъ какъ я не хотѣлъ ѣхать на пароходѣ, а напята наводнило, то и долженъ былъ ожидать омончанія правдивцовъ. Изъ Землина въ Бѣлградъ, послѣ безомошныхъ полицейскихъ продѣлокъ, перевезъ меня австрійскій военный пароходъ весьма, впрочемъ, незначительный.

•Прежде еще, чѣмъ доѣдешь до Землина по Дунаю, Бѣлградъ начинается уже рисоваться вдали, и именно крѣпость, расположенная чрезвычайно живописно. Я знаю мало мѣстностей, которыя бы могли сравниться съ мѣстоположеніемъ Бѣлграда, лежащаго при слияніи Сомы съ Дунаемъ, и когда солнце освѣтитъ это собраніе церквей, минаретовъ, крѣпостныхъ стѣнъ и бѣлыхъ мавановъ, то путешественникъ не можетъ себя представить, какая проза омываетъ его, особенно въ дурную погоду, внутри этого города, окруженнаго навѣтъ блескомъ восточной позвни. Когда европеецъ выходитъ на берегъ у Бѣлграда, то ему кажется, что онъ развернулъ первую страницу «Тысячи и Одной Ночи»: тамалы (пестышки), которыхъ онъ знаетъ изъ разказовъ Шехеразеды, окружаютъ его немедленно; но они ведутъ его не къ суровому Шагриару, а въ нижній этажъ зданія австрійскаго консульства, гдѣ находится таможня. Тамалъ ввелъ меня въ довольно мрачную комнату, въ которой сидѣли два старыя турка. Одинъ изъ нихъ медленно приподнялся съ своего мѣста, движеніемъ руки велѣлъ мнѣ раскрыть мой дорожный мѣшокъ, и тотчасъ же погрузился въ разсматриваніе содержащихся въ немъ вещей. Подъ руку турку попалась двѣ книги: онъ отложилъ ихъ въ сторону и продолжалъ разсматривать далѣе. Бѣлье мое его не интересовало, и онъ обратилъ все свое вниманіе на книги, которыя и положилъ на столъ передъ своимъ товарищемъ. Случаю угодно было, чтобы первая изъ этихъ книгъ была нѣмецкій переводъ корана. Я ожидалъ, что турки будутъ поражены удивленіемъ и по крайней мѣрѣ воскликнутъ *маши-аллаха!* увидѣвши въ рукахъ гура книгу, унавшую съ неба ихъ пророку, и вознѣбуютъ обо мнѣ самое выгодное понятіе. Но ни чуть не бывало: турки не разумѣли ни слова по нѣмецки, и да отпустить ихъ пророкъ то совершеннѣйшее равнодушіе, съ которымъ они, перебравъ нѣсколько страницъ книги своими грубыми пальцами, сумели ее обратно въ мѣшокъ.

•Изъ таможни меня повели для прениска паспорта, и послѣ вѣдъ этихъ продѣлокъ, наконецъ, я могъ арбариться по лѣстницѣ, ведущей

прямо къ породамъ къ прекрасной царки греческой архитектуры; но, Боже великій, но какой лѣстницѣ!

• Небольшое пространство отъ дома австрійскаго консульства до стараго *Зданія*, въ которое я попалъ, не можетъ еще дать путешественнику понятія о внутренности города. Но съ угла *Зданія* можно уже бросить взоръ въ главную улицу, съ ея восьмью турецкими лавками и съ тою беззащитною и ничѣмъ не защищаемою отаривностью, которая характеризуетъ уличную жизнь восточныхъ городовъ. *Зданіе*, въ которомъ я помѣщался, выстроено княземъ Михаиломъ собственно для себя; но послѣ пожара уступлено подлѣ гостиницу.

• Множество иѣмцевъ живутъ въ этомъ домѣ и между прочимъ докторъ *d'Альмонкуртъ*, который прожилъ прежде шесть лѣтъ въ званіи турецкаго военнаго врача. Онъ и его милая супруга повели меня по городу и показывали мнѣ тѣ мѣста крѣпости, которыя, въ случаѣ нападенія на Бѣлградъ, *могутъ оказаться слабѣе другихъ*. Но я очень удивился (напрасно!), что на другой день часовые не пустили уже меня къ стѣнамъ, когда я хотѣлъ еще на нихъ взглянуть. Можетъ быть это была не болѣе какъ прихоть часовыхъ, которые *стояли* на часахъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа и явно были недовольны тѣмъ, что имъ не позволили усесться на пятки и поджать ноги.

• Что касается до самой крѣпости Бѣлграда, то она, кажется, неспособна къ продолжительной оборонѣ. Хотя на валахъ и продолжаются работы, но на нихъ нельзя смотрѣть серьезно (недаромъ же турки не пускали иѣмецкаго туриста). Стѣны города стары и со стороны рѣки очень ненадежны: кромѣ того самое стратегическое основаніе укрѣпленія ни съ чѣмъ не сообразно, не имѣетъ никакой мысли, и осматривъ его, я понялъ историческую судьбу Бѣлграда. Внутренность крѣпости очень просторна, на платформѣ стоитъ церковь и минареть, коровы и собаки бродятъ по валамъ, кладбище въ крѣпости въ развалинахъ. Я напрасно искалъ могилъ обоихъ пашей, погибнувшихъ отъ зеленаго шнура и похороненныхъ здѣсь. Здѣсь не видѣлъ я ни малѣйшихъ слѣдовъ *восточной роскоши* и не могу понять, какъ можетъ какой нибудь паша жить въ такомъ грязномъ притонѣ, какъ то зданіе, въ которое меня ввели. Оно похоже нѣсколько на сельскій домъ нашего фермера, съ тою только разницею, что фермеръ послалъ бы за стекольщикомъ и велѣлъ бы ему вставить разбитыя окна. Прежде это жилище паши имѣло только окна изъ бумаги: честь Ицетпашѣ, что онъ замѣнилъ ихъ стеклами! Онъ, должно быть, ведетъ самую простую жизнь: ни тѣни восточной пышности и многочисленной прислуги, хотя молодой турокъ показалъ намъ весьма въжливую все, что мы хотѣли видѣть въ этомъ *конакѣ*.

• Дурная деревянная лѣстница ведетъ въ домъ и тотчасъ же въ залу, четырехугольную комнату, съ стѣнами, разрисованными весьма порадочно, съ длиннымъ, широкимъ диваномъ на одной стѣнѣ и съ двумя софами на другой. Одна изъ этихъ софъ совершенно современ-

ная, и обѣ назначены для глауровъ. Впрочемъ, зала была такъ пуста, какъ иная танцевальная зала второго разряда въ Берлинѣ. Какъ жиауть здѣсь турки, я не понимаю, но меня морозило въ этихъ пустыхъ стѣнахъ.

Тайную, привлекательную силу имѣютъ для насъ всегда рѣшетчатые окна гарема. Съ любопытствомъ поглядывалъ я при выходѣ на рѣшетки оконъ, обращенныхъ къ рѣкѣ, хотя и слышалъ уже прежде, что гаремъ совершенно пустъ. Вообще я очень недоволенъ Бѣградомъ: кон тихіе маневры передъ всѣми окнами совершенно провали даромъ. Гдѣ же дѣлся романтизмъ востока? Толстыя бабы, турчанки съ ихъ слововой походкой, попадаютъ на ушицахъ; но даже и ихъ восточный мамакъ (покрывало) не возбуждаетъ любопытства. Впрочемъ, и эти простые турчанки очень пугливы и нѣмецкая шуточка должна быть ужъ слишкомъ невнятна, чтобы они не обратились въ бѣгство.

Изъ *верхней* крѣпости черезъ ворота и по дурной лѣстницѣ проходишь въ *нижнюю*. къ водѣ: здѣсь лежатъ казармы, миниатюрный базаръ и минареть. Почти всѣ зданія нижней крѣпости выстроены австрійцами. Казармы очень красивы; на порталѣ ихъ, на синемъ фонѣ, написаны разныя изрѣченія изъ корана и имя султана. Синій цвѣтъ играетъ важную роль въ крѣпости. Восточные жители, если я не ошибаюсь, видятъ въ немъ цвѣтъ неба и считаютъ его за дѣйствительное средство противъ злыхъ духовъ. Казармы чисты и просторны, оружіе въ порядкѣ, и музыка, снабженная австрійскими инструментами, недурна. Изъ различныхъ комнатъ до насъ долетали меланхолическіе звуки флейты. Такъ какъ это было время обѣда, то солдаты проходили мимо меня съ мѣдными котлами, въ которыхъ находилась рисовой супъ. Мундиры и вооруженіе солдатъ совершенно европейскіе.

Ицета-пашу, коменданта крѣпости, встрѣтили мы у главныхъ воротъ, онъ сидѣлъ въ закрытой каретѣ, которая стучала тяжело по крѣпостнымъ мостамъ. За каретой шли четверо слугъ, вѣроятно, носители чубуковъ, а за ними еще цѣлая свита. Экипажъ ѣхалъ такъ медленно, что слуги потихоньку шли за нимъ, напоминая скорѣе похоронное шествіе, чѣмъ поѣздъ живого человѣка. Ицетъ-паша старикъ и глядитъ угрюмо. Я не получилъ еще изъ Вѣны рекомендательнаго письма къ нему, да, взглянувши на его фивіономію, и не жалѣлъ объ этомъ; тѣмъ болѣе, что сынъ его, молодой человѣкъ, путешествовавшій долго по Европѣ, съ которымъ я хотѣлъ добраться до Константинополя, уже уѣхалъ. Весьма вѣроятно, что депеша, полученная вчера пашою изъ Константинополя, содѣйствовала много угрюмому выраженію его лица.

Когда мы воротились въ верхнее укрѣпленіе, деришъ (?) вышелъ на маленькую галерею минарета и протяжными, глухими звуками призывалъ правоѣрныхъ къ исполненію ихъ религіозныхъ обязанностей. Множество турокъ тотчасъ же начали свои омовенія и потому

присутствовали въ молитвамъ. Странно, что турки такъ часто молятся и остаются такими грязными.

• Въ Бѣлградѣ находится монастырь *Бедаси*, такъ называемыхъ воющихъ дервишей, въ противоположность танцующимъ дервишамъ Константинополя, *Меслеми*. Я не имѣлъ случая видѣть ихъ религиозныхъ обрядовъ, которые каждую недѣлю совершаются публично; но слышалъ ихъ описаніе. Эти обряды состоятъ въ томъ, что глава секты выкрикиваетъ слово *Аллахъ* сначала потихоньку, потомъ все громче и громче и наконецъ во все горло, доходя до совершеннаго наступленія; прочіе сектанты вторятъ ему хоромъ. Секта дервишей *меслемитовъ* находится въ особенномъ уваженіи въ Константинополѣ и состоитъ изъ покровительствомъ султана. Весьма значительныя лица принадлежатъ къ ней. *Бедаси* извѣстны въ Бѣлградѣ подъ именемъ *засемлемей*.

• Въ Бѣлградѣ много порядочныхъ домовъ; а именно, отели различныхъ консульствъ, небольшое число домовъ богатыхъ сербовъ и оба зданія: остальные — огромные баракки. Конечно, въ послѣднихъ скрывается много историческихъ воспоминаній; но они покрыты такимъ толстымъ слоемъ грязи, что нѣтъ охоты до нихъ добираться. Передняя стѣна прежняго *Лондонскаго* дворца возвышается изъ средины обширной турецкой завки; но и въ развалинахъ она смотритъ надменно, гордо посреди этого турецкаго микрокосма, прильпешеннаго къ нему, какъ ласточкиныя гнѣзда. Одни птицы заботятся объ украшеніи обрушившагося зданія, заноса семена деревьевъ и травъ на его старыя стѣны.

• Д'Альионкуртъ хотѣлъ дать мнѣ понятіе о домашней жизни турокъ и завелъ меня въ домъ богатаго турка, имя котораго я позабылъ. Эфенди (господина) не было дома. Я рассмотрѣлъ его садъ, заглохшій и романтический. На улицѣ насъ окружили мальчишки-нищие, всѣ въ лохмотьяхъ, но съ раскрашенными красной краскою ногтями. Прежде этотъ обычай употреблялся знатными людьми, а теперь остался только въ низшемъ классѣ. Впрочемъ, здѣсь все поддразнивается весьма охотно, и даже въ Земляніи розовыя щеки и черныя волосы дамъ смотрятъ весьма подозрительно. Можетъ быть, это и есть то *восточное замкательіе*, котораго я напрасно ищу: впрочемъ, я не понимаю пышности безъ вкуса, а турки оканчуются рѣшительнымъ отсутствіемъ всякаго вкуса.

• Улицы Бѣлграда въ ужасномъ положеніи: къ счастью, была сухая погода. Если все, что теперь засушено солнцемъ, распухнетъ отъ дождя, то можно себѣ представить, чѣмъ сдѣлаются эти улицы. Въ Бѣлградѣ, такъ какъ и въ другихъ городахъ, гдѣ живутъ турки, уличная чистота исключительно предоставлена собакамъ, и они честно исполняютъ свою обязанность; но такъ какъ они чувствуютъ уваженіе къ трунамъ индивидовъ своей рассы, то мертвыя собаки продаются

на каждомъ шагѣ. Рогатый скотъ также преспокойно расхаживаетъ по улицамъ, отыскивая себѣ пищу, гдѣ можетъ, и, вѣроятно, по цѣлымъ недѣлямъ не возвращается домой.

Особенно занимательными мнѣ казались *пандуры*, отправляющіе на улицахъ полицейскія обязанности. Ихъ сербскіе костюмы, пистолеты за поясомъ составляютъ типъ сербскаго романтизма. Пандуровъ много въ службѣ у австрійскаго консула: прекрасныя, воинственные лица, на которыя смотришь съ удовольствіемъ!

Мечети Бѣлграда далеко не въ блестящемъ положеніи; во внутренности ихъ я не былъ. О какихъ нибудь литературныхъ учрежденіяхъ вѣдѣть, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Впрочемъ, въ Бѣлградѣ есть книжная лавка, находящаяся въ сношеніи съ Лейпцигомъ и въ которой есть нѣсколько нѣмецкихъ книгъ для турецкаго употребленія; но въ ней нѣмецъ найдетъ именно то, чего ему не нужно. Я спросилъ какого нибудь сочиненія о Сербіи. Хозяинъ лавки, старый брюзга, не понялъ меня и отвѣчалъ мнѣ единственною ему извѣстною нѣмецкою фразою: «Der Gesell ist nicht zu Hause.» Я дождался конторщика, но онъ также мало удовлетворилъ моему требованію.

Я предполагалъ многое осмотрѣть въ Бѣлградѣ, но долженъ былъ уѣхать днемъ ранѣе, нежели ожидалъ. Я узналъ въ субботу вечеромъ, что мѣстное судно не поѣдетъ въ Землинъ на первый день Святой недѣли, и потому, чтобы не прозвѣвать орсовскаго парохода, долженъ былъ отправиться въ субботу. Такимъ образомъ, я не видѣлъ богослуженія въ прекрасной греческой церкви и не могъ посѣтить Бѣлградской библиотекы для чтенія, которая, какъ я слышалъ, снабжена и нѣмецкими газетами.

Возвратившись въ Орсову, нѣмецкій туристъ долженъ былъ остаться тамъ нѣсколько дней, потому что Святая недѣля, такъ уважаемая славянами, наступила.

Я напрасно предлагалъ—платить онъ—10 дукатовъ, чтобы меня только довели до Виддина. Послѣ праздника сербы охотно соглашались взять мои дукаты; но ни чѣмъ нельзя было соблазнить ихъ въ праздники. Я не могъ не опѣнить достоинства этого поступка, жѣта долженъ былъ проработать нѣсколько дней. Правда, я нашелъ на сербскомъ берегу челобѣтца, который соглашался доставить меня въ лодкѣ, внизъ по Дунаю, до *Глагова*, но черезъ это я бы выигралъ немного: въ Глаговъ также праздновали. Такимъ образомъ, поневолѣ я долженъ былъ воротиться въ Орсову и провести тамъ два дня.

Какъ ни безплодны были эти попытки, но они шли свою интересную сторону. Въ четвергъ передъ *илирійскою* Святою недѣлею, я нашелъ въ Орсовѣ сербскаго купца, съ которымъ мы положили ѣхать вмѣстѣ въ *Неготинъ*. Вечеромъ мы отправились на *Скеллу*, орсовскій базаръ, на которомъ турки изъ *Новой Орсовы* и сербы раскладываютъ свои товары, не смѣя доставить ничего изъ нихъ на австрійскую зем-

лю прежде законнаго позволенія. Черезъ эту Скеллу идетъ дорога, ведущая черезъ Дунай на сербскій берегъ; а недалеко отсюда валахская граница у самой Черны отдѣляется строго охраняемымъ мостомъ.

• Когда въ темнотѣ ночи, на легонькой лодочкѣ, я приставалъ къ сербскому берегу, то видѣлъ, что въ деревнѣ сѣни домовъ и хижинъ, настоящія жилья комнаты сербовъ, были освѣщены дрожащимъ свѣтомъ лампъ: это былъ канунъ праздника, и пастушьи рога звучали въ горахъ и долинахъ. Спутникъ мой повелъ меня въ *метане* (?) или гостиницу, въ которой мы должны были провести ночь, и гдѣ онъ былъ человѣкомъ знакомымъ. Я долженъ сознаться, что комната, которую намъ отвели, далеко превзошла мои ожиданія. Вмѣсто грязной постели, которой я ожидалъ, мнѣ представились огромныя нары, на которыхъ могло умѣститься множество спящихъ, и которыя оставляли весьма немаловажнаго свободнаго мѣста въ комнатѣ. На нарахъ была чистая постель и роскошное одѣяло. Оружіе и чепраки, украшенные серебромъ, висѣли на стѣнахъ и показывали, что мы были въ домѣ зажиточнаго человѣка. Хозяинъ нашъ, сильный сербъ, съ воинственной фізіономіей и въ роскошной мѣховой шапкѣ, посматривалъ сначала на меня довольно недоумчиво. Сербы не любятъ нѣмцевъ и въ каждомъ путешествующемъ нѣмцѣ видятъ шпиона. Но скоро мы сблизились, какъ ни недостаточна была наша бесѣда. Я отдалъ мой паспортъ, и мы успѣли за ужинъ, который намъ подавала шестилѣтняя дѣвочка; но прежде она подала намъ воду обмыть руки и чистое полотенце. Ужинъ нашъ состоялъ изъ холодныхъ капустныхъ клѣцекъ (?), начиненныхъ кукурузой, которыя были страшно кислы, также кислаго гороховаго супа, который мы ѣли втроемъ, изъ одного котла; затѣмъ явилось кислое вино и наконецъ дунайская икра, которой не доставало только быть хорошо приготовленною. Мой желудокъ рѣшительно возмутился противъ такого угощенія. Улегшись на ковръ, я закрылся плащомъ и старался согрѣться. Мой товарищъ спалъ очень безпокойно, и какъ доски наръ были некрѣпко приколочены, то я безпрестанно подпрыгивалъ, наконецъ я привыкъ и къ этому и уснулъ. »

Нѣмецкому туристу не посчастливилось. Чиновникъ, взявшій его паспортъ, уѣхалъ; и онъ долженъ былъ остаться одинъ, потому что спутникъ его уже сидѣлъ въ сѣдлѣ и торопился въ Неготинъ. Нѣмецъ напрасно искалъ себѣ проводника: все праздновало и никто не хотѣлъ нарушить святости дня. Прохлопотавши напрасно, онъ хотѣлъ продолжать путь; но въ то время разнесся слухъ, что казаки показались на сербскомъ берегу Дуная. Испуганный этимъ ложнымъ извѣстіемъ, нѣмецкій врачъ счелъ лучшимъ воротиться въ Оргову. Мы оставимъ его здѣсь и перенесемся, пожалуй, хотя на берега Фессалии вмѣстѣ съ другими туристами, благодаря которому мы можемъ поближе

взглянуть на этотъ театръ благородныхъ подвиговъ грековъ и варварства турокъ и ихъ союзниковъ.

•Прежде чѣмъ колеса Ллойдскаго парохода «Феррианда» придуть въ движеніе, затѣмъ, чтобъ отвезти свою кладь изъ *Воло* въ *Константинополь*, я успѣю набросать богатые впечатлѣнія послѣднихъ дней (19 апрѣля 1854 года).

•Заливъ *Воло* образуетъ морскую часть длинной долины, которая идетъ далеко въ глубь *Фессалии*. Южная сторона этого залива очерчена горными хребтомъ, возвышающимся на нѣсколко футовъ; да и весь заливъ *Воло* замкнутъ горами, которые на востокѣ, въ *Неолюскіихъ* горахъ, достигаютъ высоты двухъ тысячъ футовъ. Склоны этихъ горъ по большей части каменисты и обрывисты, лишены деревьевъ; а вершины *Пелліона* еще и до сихъ поръ покрыты снѣгомъ. Долина, напротивъ, болѣе или менѣе обработана, и та часть ея, которая лежитъ у подошвы *Пелліона*, обработана хорошо и раздѣлена на маленькія поля, обнесенныя валами изъ камней и оградами изъ терна и посаженныя оливковыми и фиговыми деревьями. Эти поля называются *садами Воло*.

•Владѣтели этихъ полей и садовъ, вслѣдствіе притѣсненій мѣстныхъ турецкихъ властей, живутъ не въ своихъ владѣніяхъ, но ищутъ убіжища въ деревняхъ, разбросанныхъ по неприступнымъ склонамъ горъ, на склонахъ *Пелліона* Большого и Малаго *Калиги* и другихъ значительнѣйшихъ горъ. Такъ расположены: *Воло*, *Мавреница*, *Пертарія*, *Горница* и др. Всѣ *фессалійскія* деревни исключительно населены греками, и только въ нижней части деревни *Воло* можно найти нѣсколькихъ турокъ. Жители деревень очень бѣдны, и долины кажутся бѣдными; по крайней мѣрѣ тѣ, которыхъ я видѣлъ, были очень дурно одѣты; дома ихъ ограничиваются возможно меньшимъ количествомъ хозяйственныхъ предметовъ. Но такъ какъ большая часть этихъ грековъ ведутъ торговлю, то весьма вероятно, что только боязнь турокъ заставляеть ихъ вести такой бѣдный образъ жизни; турецкіе властители готовы каждую минуту лишить ихъ отъ излишнихъ удобствахъ. По недостатку лѣса, дома выстроены здѣсь изъ камня; отъ одного дома къ другому идутъ узенькія тропинки, тоже изъ камня: все такъ нарочно сдѣлано для защиты. Въ нижнихъ этажахъ домовъ видны только небольшія отверстія, узкой входъ запирается желѣзною дверью. Жилыя комнаты, состоящія почти всегда изъ четырехъ голыхъ стѣнъ, находятся во второмъ этажѣ.

•Оружіе есть въ каждомъ домѣ; по крайней мѣрѣ и вездѣ видѣлъ пищаля, ружья и пистолеты. Долгое угнетеніе, суровый промывалъ, съ которыми турецкія власти или вообще турки обращаются съ греками, сломили силу этого народонаселенія. Хотя они и думаютъ только о томъ, какъ бы сбросить съ себя турецкое иго, но для этого нужна сильная поддержка. На предгорьяхъ и холмахъ, на лучшихъ местахъ

т. е. тѣхъ, въ которыхъ есть окошки изъ стеколъ, нарисованы красные кресты, свидѣтельствующіе, что обитатели этихъ домовъ не принадлежатъ къ врагамъ турокъ. Деревни, расположенныя вблизи, почти совершенно пусты: нѣтъ сказани, что жители ихъ присоединились къ партіи инсургентовъ, а семейства ихъ удалились въ высшія нагорныя деревни. Въ деревнѣ Воло я нашелъ церковь и 27 домовъ, совершенно разрушенныхъ и выжженныхъ.

• Въ долинѣ, на самомъ берегу моря, лежитъ турецкая крѣпость *Воло*: старый генуэзскій замокъ, обнесенный высокими стѣнами и обитаемый только турками. Внутренность крѣпости страшно бѣдна и гораздо глянѣе греческихъ нагорныхъ деревень. Число жителей въ ней до 500 человекъ. Гарнизонъ ея составляютъ 200 человекъ оборванныхъ албанцевъ, вооруженныхъ ятаганами и пистолетами, и небольшое число египетской пѣхоты, расположившейся лагеремъ между моремъ и крѣпостью. Этого войска человекъ 800, но половина его ушла къ Лорассѣ. Солдаты въ обноскаѣ, измучены голодомъ и смотрятъ тоскливо: мундиръ и брюки часто всѣ въ лоскуткахъ, но на каждомъ по плащу. Они вооружены только дрянными ружьями съ курками и штыками. Состояніе здоровья египетскаго войска въ Фессалии весьма плохо.

• *Воло* вооружено двумя дюжинами тяжелыхъ бронзовыхъ орудій, между которыми есть одна австрійская гаубица: это мѣсто можно взять сильнѣмъ нападеніемъ и безъ артилеріи. Подъ выстрѣлами крѣпости, на берегу моря, лежитъ маленкій базаръ, на которомъ жили прежде райи. Всѣ магазины безъ исключенія разграблены и разворены, жители убѣжали, и египетскіе солдаты занимаютъ пустырь. То же самое случилось съ мѣстечкомъ *Новое Воло*, состоявшимъ изъ шестидесяти каменныхъ домовъ, лежащихъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Здѣсь нѣтъ жителей, а только магазины, и здѣсь же живутъ австрійскій и греческій консулы и французскій агентъ. Въ настоящее время здѣсь живетъ и агентъ Ллойда; всѣ остальные жители разбѣжались. Въ нѣсколькихъ магазинахъ и маленкихъ казармахъ живетъ гарнизонъ, состоящій изъ 200 египтянъ и 50 албанцевъ. Египтяне еще разставляютъ часовыхъ, но албанцы только валяются по улицамъ. Солдаты должны бы получать, кромѣ пайка, по піастру въ день, но они уже давно не видятъ денегъ. Обѣдъ состоитъ изъ хлѣба, луку и чесноку: этимъ, кажется, ограничивается и пища самыхъ жителей. Потребности доведены до невозможно малаго количества. Недостатокъ дровъ чувствуется вездѣ.

• Нагорныя деревни своимъ пропитаніемъ находятся въ совершенной зависимости отъ *Воло*, составляющей главное торговое мѣсто и гавань Фессалии. Скотоводство долины ограничивается небольшимъ числомъ буйволонъ.

• Всѣ эти обстоятельства важны особенно въ томъ отношеніи, что изъ нихъ видно, до какой степени невозможно дѣйствовать здѣсь евро-

пейскимъ войскамъ, а особенно англичанамъ, привыкшимъ къ обильной и хорошей пищѣ.

• При моемъ прибытіи въ гавани Воло находилось, кромѣ одного торговаго судна, только одни военные, которые ведутъ, впрочемъ, весьма значительную торговлю. Таковы, англійскій 54-хъ-пушечный фрегатъ, турецкій пароходъ съ контръ-адмиральскимъ флагомъ, турецкій 12-ти пушечный бригъ и 6-ти пушечный катеръ. Скоро пришелъ и французскій контръ-адмиральскій фрегатъ *Гомеръ*, и австрійская военная 24-хъ-пушечная корвета *Каролина*.

• 15 февраля въ первый разъ достигло до Воло извѣстіе о греческомъ возстаніи за вѣру и свободу. Турки приняли это извѣстіе угрюмо; греки съ явнымъ участіемъ. Съ 1828 года ближайшія греческія пограничныя горы служатъ убѣжищемъ *клефтамъ*, которые никогда не утрачивали совершенно политическаго характера и служили живымъ выраженіемъ постоянной протестаціи гелленовъ противъ турецкаго ига и какъ доказательство, что власть полумѣсяца никогда не признавалась ими за право, а только за насиліе.

• Постоянно существующая вражда между греками и турками не доходила до явной войны потому только, что греки выносили оскорбленія, не смѣя защищаться. Но 31 марта толпа инсургентовъ, подъ начальствомъ Гризано, появилась на окрестныхъ высотахъ, извѣщая о своемъ прибытіи ружейными выстрѣлами.

Здѣсь мы останавливаемся, потому что здѣсь оканчивается рассказъ туриста и начинаются политическія происшествія, знакомыя каждому русскому, слѣдящему по газетамъ за всѣми случайностями войны.

Теперь намъ хотѣлось бы пробраться за однимъ англійскимъ туристомъ на берега Леванта, но мы не можемъ не завернуть по дорогѣ въ Константинополь и не описать одной необыкновенной сцены, которая кажется англичанамъ величественною, а намъ показалась дикою, странною и даже нѣсколько забавною.

Читателямъ нашимъ вѣроятно уже извѣстно изъ другихъ источниковъ, кто такая *Черная Фатима* или *Кара Фатима*, и ея прибытіе съ своими воинами на помощь султану; но мы думаемъ, что нѣсколько подробностей объ этомъ странномъ и новомъ для насъ врагѣ не будетъ лишено интереса.

Въ восточной и западной части Малой Азіи скитаются кочующія племена, всегда плохо признававшія власть султана. Линія, протянутая отъ Синопа до Смирны, отдѣлитъ приблизительно земли, признающія авторитетъ пашей и дающія правильную милицію изъ *башь-бузуковъ*. Къ юго-востоку отъ этой линіи полуостровъ не даетъ уже милиціи; полудикіе жители его нисходятъ въ равнины только тогда, когда фанатизмъ или жажда съ грабежу вызоветъ ихъ изъ горныхъ ихъ убѣжищъ. Одно изъ такихъ полудикихъ племенъ, которое, по словамъ

приверженцевъ султанскаго величія, можетъ выставить до 4,000 всадниковъ, управляется женщиною, званіе которой выражается словомъ *Фатима*. Это племя живетъ въ горахъ Киликіи, и сродни оно или нѣтъ прежнимъ разбойничьимъ племенамъ этихъ горъ, но оно похоже на нихъ своими дикими нравами. Появленіе трехъ-сотъ изъ этихъ всадниковъ въ Скутари вызвало всеобщее любопытство и энтузіазмъ турокъ и англичанъ, не знающихъ какъ возвеличить полулицую старуху, пришедшую къ нимъ на помощь.

• Королева или пророчица (говорить «*The Illustrated News*»), потому что она обладаетъ сверхъестественными силами, есть небольшая, смуглая старуха, лѣтъ шестидесяти, которая по наружности своей нисколько не похожа на амазонку, хотя носить оружіе и ѣздить верхомъ, какъ мужчина. Ее сопровождаютъ двѣ наперстницы, одѣтыя, какъ и сама Фатима, въ мужскіе костюмы.

Ваши-бузуки, въ сравненіи съ этими командами Карамани, о которыхъ и само турецкое правительство ничего не знаетъ, могутъ быть названы народомъ цивилизованнымъ и развитымъ. Оружіе у каждаго различно, и по всей вѣроятности добыто гдѣ попало. У однихъ албанскіе пистолеты и ятаганы; въ рукахъ другихъ ружейные стволы, вышедшіе, по всей вѣроятности, изъ Бирмингама; у третьихъ кривыя сабли, выкованныя въ Сиріи. Нѣкоторые изъ нихъ держатъ деревянныя палицы, которыми неистово машутъ надъ головами, скрежеща зубами и дѣлая невѣроятныя гримасы, въ надеждѣ выказать тѣмъ свое мужество и энергію. Авганскія длинныя пищали видѣются у многихъ.

Говорятъ, что супружеская любовь вызвала Кара-Фатиму на опасное предпріятіе. Муж ея сидитъ за какое-то преступленіе въ тюрьмѣ въ Кандіи, и Фатима привела триста лучшихъ своихъ воиновъ, въ надеждѣ достать свободу своему супругу. Каждому изъ ея воиновъ обѣщано по восьмидесяти піастровъ въ мѣсяцъ жалованья и дано право собирать контрибуцію съ деревень.

Англіискій художникъ, срисовавшій въѣздъ Фатимы въ Константинополь, такъ описываетъ ея одежду: «очень грязная шуба, съ широкими рукавами, грязные бѣлые шаровары и желтые сапоги. Оружіе ея состоитъ изъ пистолета и ятагана, а въ рукахъ длинное копье; на головѣ ея длинный кусокъ холста, обернутаго вокругъ щекъ, но оставляющаго лицо открытымъ. Подъ ней огненный, косматый курдистанскій скакунъ, съ длинною гривой и хвостомъ. Возлѣ Фатимы ѣдетъ ея братъ съ огромною фескою, надѣтою на турбанъ. На всѣхъ плащи. Впереди ихъ, открывая шествіе, ѣдетъ на лошади небольшой смѣшной человекъ, любимый шутъ Фатимы, бьющій въ бубны и испускающій съ гримасами какіе-то носовые звуки. Такова Кара-Фатима и ея свита, прибывшія на помощь султану и англичанамъ».

Теперь перейдемъ за Восфоръ и приблизимся къ тѣмъ мѣстамъ, которыя напоминаютъ намъ прежніе подвиги нашихъ героевъ и каждую минуту могутъ занять новую славную страницу въ нашей исторіи.

Приближаясь къ берегамъ Арменіи съ моря, вы видите рядъ холмовъ, за которыми слѣдуетъ другой по выше; а тамъ выглядываетъ третій и четвертый. Холмы эти часто покрыты прекрасными лѣсами высокими деревьями. На всякой точкѣ внутри землѣ, какъ далеко только беретъ зрѣніе, холмы поднимаются все выше и выше, переходя потомъ въ живописные ряды горъ, вершины которыхъ увѣчаны снѣгами, а у подошвы ихъ расположены плодородныя поля и лимонныя деревья.

За этими холмами гнѣздится въ цѣнтрѣ богатой и плодородной провинціи древній городъ *Эрзерумъ*, нынѣ главная квартира мало-азіатской арміи турокъ. Въ этомъ городѣ мистеръ Кюранъ провелъ цѣлый годъ, и нѣкоторыя страницы изъ его книги, приведенныя въ англійскомъ журналѣ *Атенеумъ*, не лишены интереса для русскихъ читателей. Вотъ какъ, напримеръ, описываетъ онъ Требизондъ, этотъ всемірный торговый пунктъ, и его управленіе.

Требизондъ не можетъ быть защищаемъ ни съ моря, ни съ сухого пути, и паша его очень смиренный человекъ. Къ немалому моему удивленію я нашелъ, что онъ знаетъ не только мое имя, но и всю мою исторію точно также какъ и я самъ. Паша человекъ почтенный и чрезвычайно богатый, владѣетъ безчисленными деревнями и необозримымъ числомъ акровъ землѣ; но большой философъ, и если самъ не пишетъ книгъ, то любитъ читать ихъ и въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя говорятъ о разныхъ медицинскихъ снадобіяхъ. Это его конекъ. Въ управленіи онъ самый патриархальнѣйшій изъ правителей; у него нѣтъ ни арміи, ни солдатъ: пятьдесятъ или шестьдесятъ человекъ *кавассовъ* составляютъ всю его гвардію. Онъ куритъ трубку спокойствія на коврѣ благоразумія, и требизондскій пашалыкъ сладко дремлетъ на солнышкѣ. Секретарь паша два или три раза въ году пишетъ въ *Порту*, съ тѣмъ, чтобы увѣдомить ее, что ничего особеннаго не случилось. Одного только я никакъ не могъ понять: какимъ образомъ разыскивается здѣсь подать, которая должна быть аккуратно отправляема въ Константинополь. Вѣроятно, принимаются за райевъ: они, какъ и апельсиновые деревья, созданы за тѣмъ, чтобы ихъ обципывать. Но какъ бы то ни было, а *Абдаллахъ-паша* исполняетъ этотъ процессъ весьма покойно. Но ближняя свита паша часто страдаетъ отъ его любознательности. Онъ только и думаетъ, что о медикахъ; и если ему удастся какъ нибудь поймать *нѣмонтскую* доктора, то онъ непременно купить у него разныхъ снадобій и будетъ бесѣдовать съ нимъ до тѣхъ поръ, пока онъ не уйдетъ. Но какъ ни одинъ изъ этихъ докторовъ не говоритъ правды, то паша и не вѣритъ ни одному изъ нихъ на слово; а удовлетворять своей любознательности, про-

иногда испаряются in concreto vili, иль своимъ способомъ. Разсказъ о некоторыхъ изъ этихъ опытовъ заставлялъ меня громко смѣяться.»

Теперь перейдемъ въ Эрзерумъ, гдѣ англичанскій генералъ Гуйонъ (Guyon) бьется изъ всѣхъ силъ, чтобы составить что-нибудь, похожее на армію.

• Богъ знаетъ, что это за мѣсто Эрзерумъ! Я въ жизнь свою не видѣлъ ничего подобнаго. Такъ какъ весь Эрзерумъ и его окрестности зарыты были въ безконечные снѣга, то мы и не могли сначала составить себѣ яснаго понятія о свойствахъ земли, находившейся подъ нами; крыши домовъ плоскія, а потому этотъ городъ, покрытый снѣгомъ, не походилъ ни на одинъ городъ въ мірѣ, а скорѣе на собраніе кротовыхъ норъ; многіе дома совершенно подъ землею, и двери ихъ выглядываютъ очень странно. Въ сосѣдствѣ консулата (очень удобнаго зданія, благодаря заботливости мистера Бранта) видно нѣсколько большихъ холмовъ и насыпей, и непосвященному въ тайны здѣшняго города весьма трудно различить, которая изъ этихъ насыпей — домъ, и которая — груда камней или куча земли. Улицы, стекольные окна, двери съ мѣдными молотками, каменные трубы, — все это такія вещи, о которыхъ жители Эрзерума слышали только отъ путешественниковъ, прѣхавшихъ изъ далекихъ странъ.

• Немногіе эрзерумцы выходятъ наружу, а главная масса жителей кроется въ это время года въ своихъ стравныхъ норахъ. Яркія цвѣта восточной одежды показались мнѣ совершенно неумѣстными на холодномъ, грязномъ снѣгѣ: красныя платья, куртки, обшитыя золотомъ, блѣстящія, бѣлые и зеленые костюмы какъ-то соединяются въ моемъ умѣ съ горячими лучами солнца, сухимъ климатомъ и прекрасной погодой. По свѣтлому небу, какъ слѣдуетъ, катилось свѣтлое солнце, но лучи его не имѣли тепла и только неприятно дѣйствовали на глаза, отражаясь отъ снѣга. Это отраженіе имѣетъ страшное дѣйствіе, — не только производитъ слѣпоту, но иногда оставляетъ на тѣлѣ точно такія же поврежденія, какія происходятъ отъ жара. Другая неприятность здѣшняго климата очень велика: какъ только выйдешь за двери, паръ тотчасъ замерзаетъ на усахъ и бородѣ, отъ чего скоро происходятъ иглы, не позволяющія открыть рта. Мои усы каждый день превращались въ двѣ ледяныя сосульки, до которыхъ больно было дотрогиваться; а люди, носившіе большую бороду, должны были сбрить ее. Любопытный феноменъ тоже можно видѣть у двери каждой норы, когда ее откроютъ поутру: паръ, выходящій оттуда, немедленно превращается въ снѣгъ, хотя небо свѣтло и безоблачно.»

Но не ужели же мы окончили наши иностранныя извѣстія, не сказавъ ни слова о Парижѣ и Лондонѣ, этихъ обычныхъ центрахъ новостей?

Календари говорятъ, что наступилъ май мѣсяцъ, прекраснѣйшій мѣсяцъ въ году, царство розъ и проч. проч.; но сильныя холода, рѣз-

и въ вѣтеръ заставляютъ парижанъ плотнѣе укутываться въ свои зимнія одежды и тянуть концертный сезонъ въ безконечность: «Я — говорятъ парижскій корреспондентъ Аугбургской газеты — буду близокъ къ истинѣ, если скажу, что сто великихъ артистовъ и артистокъ дали въ этотъ сезонъ свои *большіе концерты*, которые стоили самимъ концертанстамъ большихъ денегъ, но зато доставили имъ удовольствіе играть публично въ Парижѣ, и слѣдовательно прославиться. На самыя лучшіе концерты можно достать всегда сколько хочешь даровыхъ билетовъ. По причинѣ такого множества артистовъ, немногимъ изъ нихъ удалось обратить на себя вниманіе, и *пиринейскій полуостровъ* долженъ былъ высылать четырехлѣтнихъ музыкантовъ, чтобы занять Парижъ.» Концерты Шульгофа посѣщались наиболѣе. Въ этотъ сезонъ появился на сцену и новый инструментъ, *матобонъ*: это столъ съ 54-мя дырками, и въ каждой по стакану; стаканы эти издають тоны, когда артистъ водить по нимъ мокрыми пальцами. Это изобрѣтеніе бельгіяца, который далъ ему свое имя *Мато*, откуда и *матобонъ*. Сколько мы помнимъ, впрочемъ, эта выдумка не можетъ имѣть претензій на новостъ.

Большая опера въ модѣ. На сценѣ опять появилась «Кипрская Царица» (la Reine de Chypres) Галеви, для дебюта г-жи Тедеско, брюссельской пѣвицы. Фельетонистъ бельгіянской газеты говорить съ восторгомъ объ ея *могучемъ* контральто.

Въ Лондонѣ начались безконечныя художественныя выставки, и если на нихъ появится что-нибудь замѣчательное, то мы постѣшимъ уведомить нашихъ читателей.

Сейденемскій Кристалльный Дворецъ быстро подвигается къ окончанію, и мы воспользуемся первымъ подробнымъ описаніемъ этого новаго чуда, чтобы познакомиться съ нимъ поближе. (*)

(*) Взято изъ Allgemeine Zeitung. L'Indép. Belg. L'Illustration. The Athenæum, The Illustrated London News и проч.

ПЕТЕРБУРГСКІЯ НОВОСТИ.

Часовня на Благовѣщенскомъ мосту. — Новый мостъ. — Побѣдка въ Кронштадтѣ. — Загородняя гулянья. — Новое пріобрѣтеніе Императорской Публичной Библіотеки. — Замѣтка.

— Петербургъ украшается чуть не съ каждымъ днемъ. 9-го мая происходило открытіе часовни на великолѣпномъ Благовѣщенскомъ мосту. Какъ въ общемъ видѣ, такъ и въ деталяхъ, часовня эта истинно-изящное зданіе. На основаніи изъ краснаго гранита рапакви, она выстроена изъ такого же сѣраго камня, очень красиваго, изъ какого высѣчены величественныя каріатиды, подде рживающія фронтоны подъѣзда къ Эрмитажу. Куполь, внутри гранитный, сверху покрытъ вызолоченой чешуей. Красивая золотая рѣшетка служитъ дверью въ часовню; двѣ такія же рѣшетки ограждаютъ съ двухъ сторонъ окна часовни, блестящія цѣльными зеркальными стеклами. Въ часовнѣ находятся превосходно-исполненныя русскими художниками въ Римѣ, мозаическій образъ св. Николая Чудотворца. Во вѣнчавшей стѣнѣ, обращенной къ Васильевскому острову, вѣлана икона св. Благотѣрнаго Князя Александра Невскаго, написанная по золотому фону академикомъ Завьяловымъ. Надъ входомъ часовни, представляющей новый образецъ изящества русско-византійскаго вкуса, красуется надпись: «Благословенъ грядый во имя Господне». При открытіи и освященіи, происходившемъ съ большою торжественностью, было огромное стеченіе народа.

— Изъ числа другихъ новыхъ построекъ Петербурга, нельзя не сказать нѣсколькихъ словъ о мостѣ, замѣнявшемъ Исакиевскій и соединяющемъ теперь биржу съ оконечностью Адмиралтейскаго бульвара, которая параллельна Зимнему дворцу. Многіе считаютъ этотъ мостъ тѣмъ самымъ, который еще не такъ давно пересѣлъ калъ Неву съ другой стороны Адмиралтейства, и думаютъ, что онъ только возобновленъ: считаемъ нелишнимъ замѣтить, что въ немъ нѣтъ ни одного стараго плашкоута, ни одной старой балки. Весь онъ совершенно новый. Мало-оживленная сторона Васильевскаго острова, гдѣ находится биржа, совсѣмъ преобразилась: вмѣсто прежней пустоты и безлюдья, вы видите тамъ множество пѣшеходовъ; слышите громъ экипажей. Мостъ освѣщенъ очень красивыми спиртовыми фонарями.

— Много можно было бы натолковать, как это обыкновенно водится, о переѣздахъ на дачу, о пустотѣ и духотѣ города въ настоящую минуту, о томъ, какъ вездѣ къ стѣнамъ домовъ приткнуты лѣса и лѣстницы, и мотаются на веревкахъ неустрашимые мужики съ вердомъ и мазилкой, какъ дома изъ пѣгихъ превращаются въ желтые или бѣлые... но это было бы до крайности старо и тупо. Скажемъ лучше о такой новости, которая не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ лѣтнихъ новостей, какъ, напримеръ, гулянье въ Екатерингофѣ перваго мая, гулянье въ Лѣтнемъ саду въ духовъ день, поѣздка по желѣзной дорогѣ на храмовой праздннкъ въ Колпино, и проч.

Въ то время, какъ листки газетъ захѣли всякое чтеніе, когда политическій вопросъ составляетъ почти единственный предметъ разговоровъ, когда все касающееся войны такъ интересуется, конечно, каждому любопытно будетъ взглянуть на одиъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ, обращающихъ на себя вниманіе нашихъ неприятелей. Говоримъ о Кронштадтѣ. Трудно описать впечатлѣніе, производимое поѣздкою въ восточному кронштадскому рейду. Совѣтуемъ каждому посмотреть на нашу грозную твердыню. Флотъ, стоящій на якорѣ, встрѣтившій криками «ура!» парходъ нашъ, на которомъ раздавались звуки русскаго народнаго гимна; громоносныя орудія, глядящія въ море жерлами своихъ многочисленныхъ орудій... Впечатлѣніе торжественное.

— Несмотря на военное положеніе Петербурга, затворенныя увеселенія наши идутъ старымъ порядкомъ. Въ Павловскѣ слушаютъ Іосифа Гунгла, и вѣять и вѣють у Борели. Въ заведеніи Искусственныхъ минеральныхъ водъ, гдѣ продолжаетъ распоряджаться Измеръ, разные искусныя джентльмены показываютъ невѣроятную силу и гибкость членовъ, летаютъ въ зобличивыя пространства на воздушныхъ шарахъ и проч... Все, какъ слѣдуетъ; только вѣсто Ивана Гунгла отличается тамъ съ своимъ оркестромъ Дуэль. Другія гульбища стремятся тоже по мѣрѣ возможности равнообразить удовольствія, предлагаемыя ими за умѣренную плату невзыскательнымъ посѣтителямъ. Есть, какъ извѣстно, скромныя Марьины рощи, Монплезиръ, Дарданы. Въ однои мѣстѣ смѣлые наѣзники и предствыя наѣзницы скачутъ по тѣсной арши; въ другомъ какой нибудь безбоязненный Генрихъ бросается съ неизмѣримой высоты въ мутныя волны пруда съ неугасимыми факлами....

— Въ апрѣльской книжкѣ нашего журнала, по поводу годичнаго отчета, изданнаго Императорскою Публичною Библиотекой, мы имѣли случай говорить о высокой степени развитія, которой достигло въ послѣдніе три-четыре года это общепользное учрежденіе. По Высочайшему повелѣнію, Библиотека обязана о приношеніяхъ, дѣлаемыхъ ей, кромѣ помѣщенія о томъ въ ежегодныхъ ея отчетахъ, объявлять и въ газетахъ, своевременно или по третямъ года, — разумѣется о

болѣе важныхъ. Думаемъ, что читатели «Современника» не безъ интереса узнаютъ о новомъ приобрѣтеніи Публичной Библиотеки, о которомъ извѣщали наши газеты. Это греческая рукопись, постаринная гайнльмъ совѣтникомъ В. П. Титовымъ, посѣдившимъ, до разрыва съ Турціей, послѣжившимъ нашимъ въ Константинополь.

Приношеніе это особенно драгоцѣнно тѣмъ, что рукописи на греческомъ языкѣ сдѣлались нынѣ вообще явленіемъ рѣдкимъ, не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ, особенно съ того времени, какъ главный источникъ — монастыри св. горы Аѳонской, откуда онѣ преимущественно переходили въ европейскія книгохранилища — значительно оскудѣли; а монастыри Анатоліи, Сиріи и Палестины, вслѣдствіе частыхъ путешествій туда европейцевъ, также обѣднѣли сокровищами этого рода.

Принесенная г. Титовымъ въ даръ Библиотеку рукопись прибрѣтена имъ была въ Константинополь. Это — Евангеліе, въ 4-ю долю л., на 225 пергаментныхъ листахъ, расчлененное на евангелистами. Время написанія его не означено; но цареградоиѣ знатоки относятъ эту рукопись, судя по многимъ признакамъ, къ XII вѣку, мнѣніе; съ которымъ, по сличенію содержащагося въ ней текста, а равно и ея почерка, съ другими, хранящимися въ Библиотеку рукописями, соглашаются и наши ученые библиотекари. Роскошь поволоты, красокъ и узоровъ заставляеть думать, что она была не только собственностью, но, можетъ быть, даже и плодомъ труда котораго нибудь изъ членовъ господствовавшаго тогда въ Византіи дома Комниновъ — династіи, въ которой, какъ извѣстно, соединилась набожность съ любовью къ искусствамъ. Въ началѣ и концѣ, а частью и въ серединѣ древняго текста, пергаментъ исписанъ множествомъ гораздо позднѣйшихъ надписей богословцевъ, на новогреческомъ языкѣ, и частью, какъ видно, потертъ даже прикосновеніемъ ихъ устъ. Эти подписи, изъ которыхъ самая древняя относится къ 1665, а позднѣйшая къ 1839 году, свидѣлствуютъ, что это Евангеліе хранилось въ православной церкви анатолійскаго города Кара-Гиссаръ (Aramea Cibatos), основаннаго Антиохомъ Сотеромъ, и составляло предметъ набожнаго почитанія для христоробивыхъ посѣтителей храма, нерѣдко приходившихъ туда издалека для поклоненія этой святынѣ. Она украшена живописными изображеніями четырехъ евангелистовъ и четырьмя заставками, находящимися передъ каждымъ изъ четырехъ Евангелій. Въ срединѣ каждой заставки помѣщено полное изображеніе лика Спасителя въ юношескомъ возрастѣ, что въ рукописяхъ встрѣчается очень рѣдко. Наконецъ, въ самомъ текстѣ размѣщено 57 живописныхъ изображеній, которыхъ содержаніе заимствовано изъ исторіи Новаго Завета. Живопись, какъ по всему замѣтно, не одной, а многихъ рукъ, и даже разныхъ эпохъ. Одни изъ изображеній, пощаженыя временемъ, напоминаютъ собою школу Панселина и прочихъ мастеровъ цвѣтущаго вѣка византійскаго

иконописанія ; другія же безобразны, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ наложенныя густо краски, къ сожалѣнiю, совершенно отстали отъ пергамента, такъ-что сохранился только первоначальный очеркъ рисунка, и это даетъ имъ видъ, будто бы они не были кончены. Замѣтимъ еще, что между упомянутыми 57 изображенiями есть такія, какъ, напримѣръ: поклоненiя волхвовъ, Благовѣщенiя, Преображенiя Спасителя на горѣ Фаворѣ, несенiя креста, Вознесенiя, которыя отличаются отъ обыкновенныхъ образцовъ, а нѣкоторыя другія изображенiя, какъ-то: проклятiя смоковницы, исцѣленiя прокаженнаго, рыбной ловли и др., рѣдко встрѣчаемыя въ рукописяхъ, особенно замѣчательны по способу выраженiя событiя.

— Рѣдкiй номеръ русскихъ газетъ выходитъ теперь безъ стихотворенiй, внушенныхъ современными событiями. Въ Рижскихъ нѣмецкихъ вѣдомостяхъ былъ напечатанъ переводъ стихотворенiя «Вотъ въ воинственномъ азартѣ», съ именемъ И. С. Тургенева. Это ошибка. Стихотворенiе, какъ намъ достоверно извѣстно, написано не имъ. Оно принадлежитъ молодому морскому офицеру, котораго имени мы не уполномочены объявить.

МОДЫ.

Въ сію минуту всѣ запаслись уже дачнымъ лѣтнимъ туалетомъ. Вотъ что мы замѣтили въ немъ особенно изящнаго : очень милы и удобны платья изъ бѣлаго брильянтина съ отрѣзной юбкой, обшитой напередѣ фуляровой лентой въ палецъ или въ два ширины, съ воланомъ, слегка собраннымъ, изъ англійскаго шитья ; у такого платья лифъ гладкій на пуговицахъ съ отрѣзной баскѣ, рукава *пагоды* — и все это обшито такой же лентой какъ на юбкѣ и англійскимъ шитьемъ. Мантилья прямая на кокеткѣ изъ бѣлой вышитой кисеи, убранныя синими лентами. Шляпка соломенная à jour на бѣлой тафтѣ съ васильками ; перчатки шведскія ; ботинки свѣтло-сѣренькія съ маленькимъ каблучкомъ ; зонтикъ бѣлый. Такой же туалетъ очень хорошъ, особенно для жаркихъ дней, изъ кисеи и батисту.

Лифы кружевные, черныя съ бархатными, а бѣлыя съ цвѣтными лентами, смотря по платью, въ такомъ употребленіи, что эти лифы надѣваютъ на всѣ шелковыя свѣтлыя юбки, а бѣлыя лифы съ лентами надѣваютъ и на кисейныя платья.

Необходимыя платья въ дамскомъ туалетѣ : для далекихъ прогулокъ, для путешествій и проч. изъ чернаго барежа, обшитыя шотландской гроденаплевой лентой ; лифъ у такихъ платьевъ высокій съ баскѣ, а рукава съ тремя воланами, первый воланъ начинается почти у плеча — и все это обшито такой же лентой. Для уборки бальныхъ платьевъ изобрѣтены газовыя ленты, которыя не нужно собирать иголкой ; они сохраняютъ отъ этого свою пышность и свѣжесть. Шелковыя тафтяныя платья, преимущественно сѣренькихъ

цвѣтовъ , убирають бѣлыми блондами и черными кружевами. Въ Парижѣ теперь всѣ узоры для дамскихъ туалетовъ совершенно въ восточномъ вкусѣ... Ленты , большіе платки , кисей , матеріи для пеньюаровъ и проч. , а туфли облиты золотомъ.

Дѣтскія моды. Для дѣтей отъ 4 до 5 лѣтъ нарядъ мало измѣнился : юбка изъ клѣтчатаго паплина , лифякъ изъ пике высокій и обширный англійскимъ шитьемъ. Мантилья-талма изъ синяго плюша , шляпка тафтяная , бѣлая , на кулисахъ. Въ жаркіе дни туалетъ тотъ же , только изъ болѣе легкой матеріи. Для мальчиковъ (до 5 же лѣтъ) дѣлають очень миленькія платья изъ желтой нанки. Коротенькая юбочка спереди застегнута бѣлыми пуговками и обшита въ нѣсколько рядовъ тесемочкой ; сверху надѣвается небольшая курточка , застегивающаяся двумя клапанами , а внизу бѣлая рубашка очень пышная съ отложнымъ воротничкомъ ; ботинки изъ кожи того же цвѣта ; носки клѣтчатыя ; панталоны съ широкой обшивкой изъ англійскаго шитья ; ченчикъ съ густой рюшью и голубыми лентами ; круглая соломенная шляпка съ загнутыми полями , у которыхъ на каждой сторонѣ по банту изъ бѣлыхъ лентъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВРАЛАНЪ. — IV.

Въ нынѣшней своей тетради «Ералашъ», пользующійся, по своему названію, преимуществомъ помѣщать всевозможнаго рода литературныя произведенія, намѣренъ представить читателямъ нѣсколько начинающихъ дарованій, другими словами: мы будемъ говорить о рукописяхъ, присылаемыхъ въ редакцію «Современника», и приведемъ нѣкоторые изъ нихъ здѣсь.

Нѣкто г. К—изъ прислалъ намъ нѣсколько своихъ стихотвореній и переводъ перваго дѣйствія «Мизантропа». Съ «Мизантропомъ» въ переводѣ г. К—на читатели познакомятся современемъ, а теперь мы приведемъ нѣкоторые изъ созданій его собственной музы.

1.

Цѣлый день дождь барабанитъ въ узкія стекла избушки,
Вѣтеръ, какъ нищій голодный, назойливо просится въ хату,
Старую пѣсню заводитъ борьбы и безсильной, и глупой,
Вѣчной бесплодной борьбы... Солнце, какъ скряга богатый,
Скрылось за пологомъ-тучъ, чтобъ не слышать докучливый ропоть....
Такъ и въ природѣ какъ въ жизни! Дрожитъ полумертвая травка,
Гнутса цвѣты полевые и гордо зеленой главою
Будто съ укоромъ зловѣщимъ качаетъ берега....

2.

Мы рано стали жить, игривыми мечтами
Дѣйствительную жизнь наивно замѣнивъ;
Нашъ вкусъ, взлетѣнный волшебными плодами,
Отбросилъ зрѣлые плоды, едва вкусивъ.
Мы въ ранней юности взлетѣли опасный
Людей и общества тщеславный идеалъ;
Мы сжались сердцемъ съ нимъ, какъ съ женщиной прекрасной;
Онъ жажду подвиговъ и славы въ насъ вселяя.
Онъ выкинулъ вдали обманчивое знамя,
Онъ ложнымъ свѣтомъ намъ сулилъ счастливый день:

Какъ мошки мелкія мы бросились на пламя,
Какъ дѣти глупые свою ловили тѣнь....
Слезамъ и тоской мы жизни заплатили
За свѣтлыя мечты, за вдохновенный взглядъ,
За все, въ чемъ прежде мы смыслъ жизни находили,
Въ чемъ видимъ нынче мы сомнѣній грустный рядъ....
Жизнь сбросила для насъ воскресные наряды,
Мечты о счастьи заботами смѣня....
Такъ блескъ задумчивый и трепетный лампы
Блѣднѣетъ передъ свѣтомъ дня.

3.

Хвалили мнѣ возрастъ ребенка, какъ возрастъ счастливейшій въ
жизни —

Не хотѣлъ бы я этого счастья!
Еще помню я это блаженное, мирное время,
Когда рвалъ и ломалъ я лошадокъ картонныхъ и куколъ,
Какъ будто бы зная, что многія дѣтскія игры
Придется и въ жизни мнѣ видѣть и быть ихъ безсиленною жертвою!...

И вправду блаженное время: подрался я съ братомъ за куклу
И, весь обливаясь слезами, былъ куклою новой утѣшень....
Наскучили скоро игрушки; за книги я жадно принялся,
Едва лишь умѣя читать, при помощи глупой указки.
Недѣльныя книжки попались: какъ Вася на льду поскользнулся,
Какъ Митя повисъ на осинѣ.... И много подобнаго сброду
Назначено было развить мою дѣтскую слабую душу,
Къ ученью меня заохотить пріятнымъ и вмѣстѣ полезнымъ.
Пріятно ль мнѣ было — не помню, а пользы до сихъ поръ не вижу....

Потомъ нагружать свою память, какъ водится, сталъ я
Безчисленнымъ рядомъ земель, государствъ, городовъ и столѣтій,
Потомъ.... Но я многое вспомню, о чемъ бы не долженъ и помнить....
Но развѣ мы можемъ забыть про болѣзнь, полученную въ дѣтствѣ
Отъ глупости няньки старухи?...

Потомъ стали разнымъ наукамъ,
Я и другіе учиться. Учились мы, долго учились....
Чему? про то знаетъ нашъ менторъ.... Но мало по малу дошли мы
До цѣли желанной.... Теперь мнѣ извѣстно навѣрно,
Что черное бѣлымъ зовется, и я не скажу, какъ ребенокъ,
Что черное — черно.... Не даромъ же я обучался!...

Случалось мнѣ, правда, порою (наивность присуща ребенку)
Пытаннымъ ребяческимъ окомъ, какъ будто прозрѣвшимъ спросонья,
Свѣтиломъ инымъ любоваться, высокимъ такимъ и блестящимъ,
И что-то манило меня.... но путь былъ далекъ и не гладокъ,
Руки же никто мнѣ не подаль.... блуждалъ я въ потьмахъ и въ ту-
манѣ....

И страшно, и дико мнѣ стало — и солнце на вѣки исчезло....

Я сталъ и задумчивъ, и грустенъ....
И къ жизни совсѣмъ неспособный,
Живу на помѣху другимъ, себѣ будто на смѣхъ и горе,
Да, время отъ времени, вспомню съ душевнымъ такимъ умилениемъ
Счастливыя ребяческой возрастъ....

Разумная жизнь, если возрастъ,
Безмысленный возрастъ ребенка, періодъ растительной жизни
Зовется счастливое время!...

К.

Едва ли что-нибудь нужно говорить въ похвалу приведеннымъ стихотвореніямъ, особенно послѣднему. Г. К—ну двадцать-два года. Мы совѣтовали и совѣтуемъ ему продолжать свои опыты, не спѣшить писать и печатать, и стараться развить свой литературный вкусъ, несовершенство котораго много повредило нѣкоторымъ его стихотвореніямъ, здѣсь непомѣщеннымъ.

Другой поэтъ, также молодой и начинающій, предлагаетъ вотъ какого рода стихотворенія.

РѢКА.

Какъ спокойна рѣка,
Какъ течетъ она ровно, хоть быстро, —
Въ ней милѣй облака
И луна съ ея грустной улыбкой....
Всколыхнулась она,
Покатилась волна за волною —
И всплываютъ со дна
Грязь и тина съ болотной травой.
Такъ хорошъ всякій другъ
Въ часъ блаженный нелѣпныхъ мечтаній;
А затронь его вдругъ —
Такъ какой не поднимешь въ немъ дряни!....

ПОСЛѢДНЯЯ ПРОСЬБА.

Въ моей жизни недолгой, миледи,
Я игралъ уже столько комедій,
Что сбиваюсь въ чувствахъ моихъ,
И не знаю, гдѣ точно страдаю,
Гдѣ страдальца лишь только играю,
Забавляя или муча другихъ.

Такъ по прихоти вольной желаній,
Я являлся вамъ, полонъ страданій,
 Полонъ ревностью, полонъ тоской....
И какъ я отъ-души лицемѣрилъ,
Вы такъ вѣрили мнѣ, что повѣрили
 Я и самъ, увлекаюсь игрой.
Но теперь, какъ другъ другу мы оба
Надоѣли, я съ вами до гроба
 Безъ тоски распрощаться готовъ.
Только все же нельзя ль безъ прощанья! —
Я боюсь, что при новомъ свиданьи
 Я спасничать вадумаю вновь....
Да покажуй себя и увѣрю,
Что я сдѣлалъ большую потерю,
 Потерялъ вашу, *леди*, любовь.

Къ чему пошла *леди* въ русское стихотвореніе, спросить, вѣроятно, читатель. Этотъ вопросъ задавали себѣ и мы вѣстѣ съ другимъ: можно ли ожидать чего-нибудь отъ этого начинающаго автора? Кто знаетъ? Но въ обоихъ приведенныхъ стихотвореніяхъ есть нѣчто оригинальное, дѣлающее ихъ стоищими прочтенія.

Наконецъ вотъ и еще стихотвореніе, обязанное своимъ существованіемъ особенному случаю. Замѣчательное стихотвореніе г. Майкова «Весенній Бредъ» («Совр.» № 4) породило въ литературныхъ кругахъ, въ журналахъ, въ самой публикѣ разнорѣчивые и жаркіе толки; и, наконецъ, нѣкто г. Н. С. написалъ въ отвѣтъ г. Майкову стихотвореніе, которое хотя и опровергаетъ мысль поэта, но, въ своемъ родѣ, можетъ назваться торжествомъ г. Майкова, какъ доказательство, что поэтъ тронулъ живую мысль. Вотъ стихотвореніе г. Н. С.

НОЧНАЯ ЗАМѢТКА.

Какъ нынче славно я, какъ сладко нагулялся!
Сквозь волны сумрака вернулся я домой;
Вотъ спичка треснула; топырясь, заметаюсь
Огонь и запылалъ, — и разомъ предо мной
Въ янтарной полутьмѣ вся комната сіяетъ —
И столъ мой, и вдали — толпа нѣмая книгъ,
Стоящихъ тяжело на полочкахъ простыхъ.
И радъ я, видя ихъ! Все кажется, витать

Надъ ними вѣчный духъ избраннѣйшій умовъ ;
Великой мыслию, трудомъ ума высокоимъ
Мнѣ вѣсть подлѣ нихъ. Живутъ и дышатъ строки
Подъ переплетами стѣснѣвшихся томовъ , —
И каждый корешокъ глядитъ лицомъ знакомымъ,
Тѣнь величавая встаетъ предъ каждымъ томомъ.

А, книга новая ! И въ ней «Весенній Бредъ» .
Прелестно ! Вредитъ такъ лишь истинный повѣ.
Я восхищенъ твоимъ весельемъ и здоровьемъ,
Любуюсь чухнами и чавканьемъ коровьимъ ;
Особенное мнѣ доставилъ торжество
Пузатый мальчуганъ съ просонья своего.
Какъ полно радости рѣчей твоихъ теченье !
И чистъ и громокъ стихъ, картинно выраженъе.
Но — будь же поскромнѣй ! — къ чему такой задоръ ?
Вѣдь самъ же говоришь, *вы съ кѣмъ-то толковали,*
Искали истины и безпощадно ввали ;
Какъ не подумалъ ты : чай нынче тоже вздоръ
Мнѣ лѣзетъ въ голову ? и какъ рѣшилъ все разомъ ?
Бѣда не въ томъ, что слабъ у человѣка разумъ,
Что заблуждений въ немъ и недосмотръ тьма ;
Бѣда — заносчивость кичливая ума ,
Бѣда — къ умамъ другихъ неправое презрѣнье.
Не понимаешь ты ? скажи : не понималъ я ,
А не кричи тотчасъ : безумье, заблужденье !
Вся крохотная мысль искажена твоя
Ругательствомъ пустымъ, безчиннымъ и неновымъ ;
И вѣрь, *безсмысленнымъ, надменно важнымъ совамъ,*
Когда бы вздумали, не трудно бъ отвѣчать.
Односторонностью насъ вздумалъ удивлять ?
Мысль нездорѣлая, не стоитъ и ребенка,
Въ ней такъ и рвется все, хотя куда не тонко !
Я книгоѣдъ (боюсь, тебя чай разсмѣшилъ !)
Я книгоѣдъ ; меня давно ужъ поглотилъ
Безжѣрный мысли мѣръ, вселенная познаній.
Чающая глубь влечетъ меня къ себѣ ;
Достигнуть до границъ, не ослабѣвъ въ борьбѣ,
Взойти на высоту возможныхъ созерпаній,
Постигнуть въ полнотѣ все то, что понималъ вѣкъ ,
И видѣть, гдѣ впередъ все бьется человѣкъ —
Вотъ цѣль высокая ! Ты истины желаешь ?
Ты, кажется, ее взять приступомъ мечтаешь ?
Приди ! Я укажу ея недвижный путь,
Я проведу тебя до самаго предѣла,
Я научу тебя не прыгать слишкомъ смѣло,

Чуть повольнѣи дохнетъ весной поутру грудь.
 За то, что ты найдешь! то камень драгоценный,
 То золота кусокъ, навѣки неизмѣнный!
 О, весело узнать, какъ убѣждалъ Сократъ,
 Что знаешь ты и все, чего не знаешь!
 О, весело, когда владыкой ощущаешь
 Себя среди идей — безчисленныхъ стократъ!
 И видишь цѣну ихъ и связь между собою,
 И цыфрѣ мертвой смыслъ и жизнь умѣешь дать,
 И можешь медленной, но твердою стопою
 Чего никто не зналъ — въ первые достигать!
 Поклонникъ и пѣвецъ Сенеки и Сократа,
 Ты позабылъ, поэтъ, высокій свой удѣлъ,
 Ты позабылъ, что жизнь безмѣрна и богата.
 И намъ сочувствовать, гордецъ, не захотѣлъ,
 И ты воспѣлъ свою отраду вдохновеній,
 Похвастался судьбой и властію своею,
 Но скромно признаемъ мы силу пѣснопѣній,
 Какъ прежде, мы рабы возвышенныхъ рѣчей.

Н. С.

Заговоривъ о новыхъ поэтахъ, не можемъ умолчать о поэтѣ, кото-
 раго рекомендуетъ публикѣ 8 книжка «Москвитянина». Въ письмѣ г.
 Второва къ гр. Д. Н. Т—му, помѣщенномъ въ «Москвитянинѣ», ска-
 зано между прочимъ: «У насъ, въ Воронежѣ, недавно обнаружилось
 еще одно замѣчательное дарованіе и въ томъ же сословіи, къ кото-
 рому принадлежалъ незабвенный Кольцовъ.» И затѣмъ г. Второвъ
 разсказываетъ исторію знакомства своего съ г-мъ Никитинымъ, воро-
 нежскимъ мѣщаниномъ, и его стихами. Нѣсколько стихотвореній г. Ни-
 китина приведено въ «Москвитянинѣ». Мы ихъ прочли внимательно и
 находимъ, что г. Второвъ, очевидно желавшій выставить своего поэта
 съ выгодной стороны передъ публикой, напрасно повелъ рѣчь о Коль-
 цовѣ и о сословіи, къ которому принадлежить его поэтъ. Это вступле-
 ніе неволью заставило насъ ожидать отъ музы г. Никитина чего-то
 родственнаго если не Кольцову, то быту, къ которому принадлежать
 оба поэта, короче: чего-то *своеобразнаго*, а своеобразности-то именно
 и вѣтъ у г. Никитина. Въ этомъ отношеніи его стихи очень похожи
 на стихи *крестьянина Алексѣя Мартылова*, помѣщенные въ 36 №
 «Московскихъ Вѣдомостей». Эти послѣдніе прекрасны по благородному
 чувству патриотизма, но въ нихъ отнюдь вѣтъ ничего крестьянскаго,
 и они замѣчательны какъ фактъ, что крестьянинъ могъ дойти до того,
 что писать какъ пишутъ господа, то есть поэты, принадлежащіе къ
 образованному классу. То же самое можно сказать и о стихахъ мѣ-
 щанина Никитина, и въ подтвержденіе нашихъ словъ мы приводимъ
 здѣсь лучшее изъ напечатанныхъ стихотвореній г. Никитина.

ПѢВЦУ.

Не пой о счастья, пѣвецъ, не утѣшай
Себя надеждой невозможной:
Она невидимый и недоступный рай,
Воображенья призракъ ложный.
Пусть пѣснь твоя звучна, — она одинъ обманъ
И обольстительныя грѣаы;
Она не изцѣлитъ души глубокихъ ранъ
И не осушитъ сердца слезы.

Всмотрися пристально въ печальные плоды
Людскихъ заботъ и заблуждений,
Разнообразныя тревоги и труды
Ума и сердца убѣждений,
Въ противорѣчїе разсудка и страстей,
Святаго долга и желаній,
Въ картины свѣтлыя давно-минувшихъ дней
И въ годы горькихъ испытаній; —

Вездѣ откроешь ты неясныя слѣды
Ничтожества и ослѣпленья,
Причины темныя безсмысленной борьбы, —
Нетвердой вѣры и сомнѣнья,
Замѣтишь жалкаго невѣжества печать,
Или безсиліе свободы,
Постыднымъ торжествомъ увѣчанный развратъ
И оскорбленіе природы....

И многое прочтешь внимательный твой взоръ
Въ страницахъ жизни ежедневной,
Гдѣ робко, въ темнотѣ, скрывается позоръ
И зло цвѣтеть уединенно;
Гдѣ безнаказанно надъ алтаремъ святымъ
Невѣрье дерзкое глумится
И гдѣ, подъ бархатомъ и рубищемъ простышь,
Корысть глубокая таится.

Не пой же намъ, пѣвецъ, о счастья пустомъ
Въ годину нашего позора;
Пусть пѣснь твоя межъ насъ, какъ правосудный громъ,
Раздастся голосомъ укора!
Пусть умъ пробудитъ нашъ и сердце потрясетъ
Твое пророческое слово
И душу холодомъ и страхомъ обольетъ
И воскреситъ для жизни новой.

Стихотвореніе это , какъ легко увидить каждый читатель , навѣяно стихотвореніемъ Лермонтова

«Невѣрь, невѣрь себѣ, мечтатель молодой» . . .

Но мы готовы согласиться , что въ г. Никитинѣ есть признаки дарованія ; онъ владѣеть стихомъ прекрасно и пишетъ лучше многихъ поэтовъ, принадлежащихъ къ образованнымъ сословіямъ. Но вотъ покуда и все, что можно сказать о немъ.

Простясь съ новыми , начинающими поэтами и пожелавъ имъ успѣховъ и блестящей литературной карьеры въ будущемъ , — обращаемся къ нашему старому другу Пруткову, который прислалъ намъ нѣсколько новыхъ своихъ афоризмовъ, дышащихъ той же глубокой житейской мудростью, какъ и напечатанные нами прежде.

НОВЫЕ АФОРИЗМЫ.

1.

Магнитъ показываетъ на сѣверъ и на югъ ; отъ человѣка зависитъ избрать хорошій или дурной путь.

2.

На чужія ноги лошади не натягивай!

3.

Добродѣтель служить сама себѣ наградою ; человѣкъ превосходить добродѣтель, когда служитъ и не получаетъ награды.

4.

Бди!

5.

Назначеніе всякой вещи многообразно : такъ , снѣгъ служить ораномъ омертвѣвшей природѣ и первымъ шагомъ для живыхъ существъ.

6.

Собака , сидящая на снѣгѣ , вредна ; курица , сидящая на льдахъ ползна ; отъ сидячей жизни тучѣютъ : такъ всякій мѣшалъ жиренъ.

7.

Глупѣйшій человѣкъ бытъ тотъ , кто изобрѣлъ кисточки для украшенія и золотые гвоздики на мебели!

8.

Барометръ съ удобствомъ можетъ быть замѣненъ шарочитымъ ревматизмомъ.

9.

Вредъ или польза дѣйствія обуславливается совокупностью обстоятельствъ.

10.

Что имѣемъ — не хранимъ; потерявши, плачемъ.

11.

Спеціальность подобенъ слепцу: полнота его односторонняя.

12.

Чувствительный человекъ подобенъ сосулькѣ: пригрѣй его, онъ растаетъ.

13.

Плюнь тому въ глаза, кто скажетъ, что можно объять необъятное!

14.

Не будь цвѣтовъ, всѣ ходили бы въ одиночныхъ одѣжкахъ!

15.

Вѣтеръ есть дыханіе природы.

16.

Если на клѣткѣ слона прочтешь надпись: «Буйволъ», не вѣрь глазамъ своимъ.

17.

Человекъ! отвори взоръ отъ самаго себя и посмотри на муравьиныя яйца: они больше породившей ихъ твари; такая картина послужитъ тебѣ знатнымъ урокомъ.

18.

Всякая вещь есть форма проявленія безпредѣльнаго разнообразія.

19.

На безпристрастномъ безмѣннѣ исторіи кисть Рафаэля имѣеть одинакій вѣсъ съ мечемъ Александра Македонскаго.

20.

Глядя на міръ, нельзя не удивляться.

21.

Не покупай каштановъ, но бери ихъ на пробу.

22.

Философъ легко торжествуетъ надъ скорбью будущей и минувшей, и онъ же легко возбужденъ скорбью настоящей.

23.

Смерть и солнце не могутъ пристально взирать другъ на друга.

24.

Самый отдаленный пунктъ земного шара къ чему-нибудь да близокъ и самый близкій отъ чего-нибудь да отдаленъ.

25.

Сократъ справедливо называетъ бѣгущаго воина трусомъ.

26.

Весьма остроумно замѣчаетъ Фейербахъ, что взоры безпутнаго сапожника слѣдятъ за штопоромъ, а не за шиломъ, отъ чего и происходятъ мозоли.

27.

Доблїй мужъ подобенъ мавволею.

28.

Друзья мои! идите твердыми шагами по стезѣ, ведущей въ храмъ согласія, а встрѣчаемыя на пути препоны преодолевайте съ мужественною кротостью льва.

29.

Вакса чернить съ пользой, а злой человекъ съ удовольствіемъ.

30.

Стремись уплатить свой долгъ, и ты достигнешь двойкой цѣли, ибо тѣмъ самымъ его исполнишь.

31.

Правда не вышла бы изъ колодезя, если бы сырость не испортила ея зеркала.

32.

Глупецъ гадаетъ; напротивъ того, мудрецъ проходитъ жизнь какъ огорода, напередъ зная, что кой-гдѣ выдернется ему рѣпа, а кой-гдѣ и рѣдьма.

33.

Иногда достаточно обругать человека, чтобы не быть имъ обманутымъ.

34.

Пороки входятъ въ составъ добродѣтели, какъ ядовитыя снадобья въ составъ врачебнаго средства.

35.

Вѣкъ живи — вѣкъ учись! и ты, наконецъ, достигнешь того, что, подобно мудрецу, будешь имѣть право сказать, что ничего не знаешь.

36.

Любовь, подобно огню, поддерживаясь непрестаннымъ движеніемъ, исчезаетъ кушно съ надеждою и страхомъ.

37.

Яблонь приноситъ яблоки; орѣшникъ — орѣхи; но самые лучшіе плоды приноситъ хорошее воспитаніе.

38.

Человѣку даны двѣ руки на тотъ конецъ, дабы, принявъ одною, ою другою раздавать.

39.

Разсчитано, что петербуржецъ, проживающій на солонекъ, выигрываетъ 15% здоровья.

40.

Сребролюбцы! сколь ничтожны ваши стяжанія, коли всѣ ваши сокровища не стоятъ одного листка изъ лафроваго вѣнка поэта!

Кузьма Прутковъ.

ОТЪ ИЗВѢСТНАГО КУЗЬМЫ ПРУТКОВА

къ неизвѣстному г. фельетонисту «Санктпетербургскихъ Вѣдомостей», по поводу статьи сего послѣдняго.

Я пробѣжалъ статейку въ 80 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», писанную г. неизвѣстнымъ фельетонистомъ: въ ней упоминается обо мнѣ, это ничего; но въ ней неосновательно меня хулить, за это я не похваляю, хотя г. фельетонистъ очевидно домогается моей похвалы.

Здѣсь увѣряютъ, что я пишу пародіи; отнюдь! Я совсѣмъ не пишу пародій! Я никогда не писалъ пародій! Откуда взялъ г. фельетонистъ, что я пишу пародіи? Я просто анализировалъ въ умѣ своею большинство поэтовъ, имѣвшихъ успѣхъ; этотъ анализъ привелъ меня къ синтезису: ибо дарованія, разсыпанныя между другими поэтами порознь, оказались соединенными всѣ во мнѣ единомъ! Прийдя къ такому сознанію, я рѣшился писать; рѣшившись писать, я пожелалъ славы; пожелавъ славы, я избралъ вѣрнѣйшій къ ней путь: *подражаніе* именно тѣмъ поэтамъ, которые уже приобрѣли ее въ нѣкоторой степени. Слышите ли: *подражаніе*, а не пародію! Откуда взято, что я пишу пародіи?!

Въ этомъ-то направленіи написанною и «Споръ древнихъ греческихъ философовъ объ изящномъ»; какъ же г. фельетонистъ увѣряетъ, что для него нѣтъ образца въ современной литературѣ? Я, твердый въ своемъ направленіи, какъ камень, не могъ бы и написать этотъ «Споръ», если бы не видѣлъ образца для него въ современной литературѣ! Г. фельетонисту показалась устарѣлою форма этого «Спора»? И тутъ не такъ: форма его самая обыкновенная — разговорная, драматическая, вполнѣ соответствующая этому, истинно-драматическому моему созданію! Да и гдѣ видано, чтобы драматическія произведенія писались не въ разговорной формѣ?!

Затѣмъ, г. фельетонистъ, подобно другимъ, кажется, приписываетъ моему же перу и «гномовъ» и прочія «спены изъ обыденной жизни»? О, это жестокая ошибка! Надобно вчитаться въ оглавленіе, выикнуть въ мои произведенія, и тогда, какъ дважды два, можно понять: что въ «Ералашѣ» мое, и что не мое.

Я вижу по слогу г. фельетониста, что онъ еще новичекъ въ литературѣ, но уже успѣлъ набить себѣ руку; теперь ему надо добиваться славы; слава тѣшитъ человѣка; слава, говорятъ, дымятъ; но это не правда; этому не вѣрьте, г. фельетонистъ! Итакъ, во имя литературной вашей славы, прошу васъ: не называть впередъ моихъ произведеній пародіями! Иначе, я тоже стану увѣ-

рять, что всё ваши фельетоны ни что иное, какъ пародіи: ибо они, какъ двѣ капли воды, похожи на всё прочіе газетные фельетоны! Между моими произведеніями не только нѣтъ пародій, но даже и не все подражаніе, а есть настоящіе, неподдѣльные самородки! Вотъ вы, такъ пародируете меня и очень неудачно; напр., вы говорите: «пародія должна быть направлена противъ чего нибудь, имѣющаго болѣе или менѣе серьёзный смыслъ, — иначе она будетъ пустою забавою»; это прямо изъ моего афоризма: «бросая въ воду камушки, смотри на круги ими образуемыя; иначе такое бросаніе будетъ пустою забавою!» Въ написанномъ небрежно всегда будетъ много недосказаннаго, неконченнаго (*d'inachevé*).

Вашъ доброжелатель

Кузьма Прутковъ.

11 апрѣля
1864 года (апрѣль, 1).

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОРОКЪ-ПЯТАГО ТОМА.

	Стран.
<i>Опять народные вѣтѣи</i> , и проч. Стихотв. <i>М. Ю. Лермонтова</i> . . .	5
<i>Еще весны душистой нѣга</i> , и проч. Стихотв. <i>А. А. Фета</i> . . .	6
<i>Бѣдная дѣвушка</i> . Романъ <i>Ипполита Панаева</i> .	
Часть первая	7
Часть вторая	138
Стихотворенія <i>Θ. И. Тютчева</i> (девятнадцать пьесъ, служащихъ до- полненіемъ къ напечатаннымъ въ 3 № «Современника»). Са- контала. Изъ Гёте (1). — Изъ Фауста (2). — Привѣтствіе духа. Изъ Гёте (3). — Изъ Шекспира (3). — Пѣсна. Изъ Шекспира (4). — Изъ Гейне (4). — <i>Cache-cache</i> (5). — Мо- гила Наполеона (6). — Въ альбомѣ друзьямъ. Изъ Байрона (6). — Съ чужой стороны. Изъ Гейне (7). — Слезы (7). — Весеннее успокоеніе (8). — Къ Нисѣ (8). — Пѣснь сканди- навскихъ воиновъ (9). — Проблескъ (10). — Успокоеніе (11). — Изъ Вильгельма-Мейстера (12). — На Невѣ (13). — <i>День</i> <i>вечернетъ</i> , <i>ночь близка</i> , и проч.	13
Подражаніе древнимъ. Стих. <i>А. Н. Майкова</i>	221
<i>Ночь весенней нѣгой дышетъ</i> . Стих. <i>А. А. Фета</i>	222
<i>Холодный Домъ</i> . Романъ <i>Чарльза Диккенса</i> . Части пятая и ше- стая.	
Мой романъ или разнообразіе англійской жизни. <i>Э. Л. Бульвера</i> . Часть тринадцатая и послѣдняя.	

✓ Свѣдѣнія о современномъ состояніи Европейской Турціи. Статья вторая.	1
✓ Жизнь и смерть послѣдняго владыки Черногоріи и послѣдовавшія за тѣмъ событія. <i>Е. П. Ковалевскаго</i>	55
Магазинъ землевѣдѣнія и путешествій. Географическій Сборникъ, издаваемый Николаемъ Фроловымъ. Томъ II. «Возвръненія на Природу» Александра Гумбольдта и «Идеи о Сравнительномъ Землевѣдѣніи» Карла Риттера. <i>К. Д. Ушинскаго</i>	
	1
Три поры жизни, романъ Евгени Туръ.	1
О поэзии, сочиненіе Аристотеля. Переводъ Б. Ордынскаго	12
✓ Бѣдность не порокъ, комедія А. Островскаго	14
Библиотека Путешествій, изданіе А. Шюшара	24
Кавказскій календарь на 1854 годъ	28
Отчетъ Императорской Публичной Библиотеки за 1853 годъ.	36
Робертина, романъ	45
Къ ружью! Стихотворенія князя В. П. Вяземскаго	47
✓ Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. Сочиненія Антона Погорѣльскаго. Изданіе А. Смирдина. Два тома	49
Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи, издаваемый Статистическимъ Отдѣленіемъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Книжка II, изданная подъ редакцію Е. Н. Ламанскаго, Д. Чл. Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. — Карта промышленности Европейской Россіи. Изданіе второе, исправленное и дополненное по послѣднимъ свѣдѣніямъ Пав. Крюковымъ въ 1853 году. — Очеркъ мануфактурно-промышленныхъ силъ Европейской Россіи, служащій текстомъ промышленной карты, въ двухъ частяхъ, составленный Пав. Крюковымъ.	58
О землѣ, какъ элементѣ богатства. А. Львова.	65
Обозрѣніе Оттоманской Имперіи, Молдавіи, Валахіи и Сербіи. Е. Серчевскаго.	77
О производительныхъ силахъ Россіи. Сочиненіе Тайнаго Совѣтника, Члена Государственнаго Совѣта Л. В. Тенгоборскаго. Часть первая. Переводъ съ французскаго, съ дополненіями и измѣненіями втораго изданія	—
Проектъ Ломоносова и экспедиція Чичагова. Изданіе Географическаго Департамента	78
Литературная старина. Л*.	1
✓ Шерумаль, вожатый слова. Малабарскій разсказъ <i>Теодора Пави</i>	6
Замѣтки <i>Новаго Поэта</i> по поводу русской журналистики. Апрельъ 1854 года	37

Петербургскія новости.

(Нѣсколько словъ по поводу толковъ иностранныхъ журналовъ о паническомъ страхѣ Петербурга. — Концертъ г-жи де-ла-Гранжъ. — Вербы и балаганы. — Микроскопъ, увеличивающій въ миллионъ разъ. — «Русскій Солдатъ», изданіе художника Васильева. — Статуэтки и бюсты г. Степанова) 49

Иностранныя извѣстія.

(Письма вѣмецкаго туриста изъ Стамбула. — Два лучшіе ландшафта на земномъ шарѣ. — Старый и Новый свѣтъ. — Характеръ константинопольскихъ здавій. — Населеніе константинопольскихъ улицъ. — Турецкія женщины. — Ученая экспедиція англичанъ на востокъ. — Книга Бруна: «Исторія греческихъ художниковъ». — Пропажа берлинскаго профессора Фридриха Бенке. — Римскій университетъ и лекціи римскихъ профессоровъ. — Сочиненіе г. Эмпи. — Новые рассказы Эмилля Сувестра и по поводу ихъ нѣсколько словъ о французской критикѣ. — Путешествіе американца мистера Вандербильта на яхтъ-пароходѣ «Съверная Звѣзда». — Его описаніе Петергофа. — Почему эта книга не понравилась англичанамъ) 53

Моды (съ парижскою картинкою) 67

Исторія моеі молодости. (Посмертное сочиненіе Араго). Переводъ

Д. М. П—ва 69 ✓

Дядя Василій и ящичикъ Степанъ. Дорожныя замѣтки. Изв. Бялова 117

Иностранныя извѣстія.

Поездка на Дунай: Земливъ, Орсова, Бѣградъ, сербская деревня, Святая недѣля на Дунаѣ. — Берега Фессалии: заливъ и крѣпость Воло; египетскія войска и греческія нагорныя деревни. — Кара-Фатима: ея въѣздъ въ Константинополь. — Транезунтъ и его паша. — Эраерунтъ. — Парижскій май, концерты, опера и проч. 129

Петербургскія новости.

(Часовня на Благовѣщенскомъ мосту. — Новый мостъ. — Поездка въ Кронштадтъ. — Загородныя гулянья. — Новое пріобрѣтеніе Императорской Публичной Библіотеки. — Замѣтка. 143

Моды (съ парижскою картинкою) 147

Литературный Ералашъ. Тетрадь четвертая :

Новые, начинающіе поэты и ихъ стихотворенія. — Новые афоризмы Кузьмы Прукова. — Письмо извѣстнаго Прукова къ неизвѣстному г. фельетонисту 57

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, июня 8 дня 1834 года

Цензоръ В. Бекетовъ.
Цензоръ А. Фрейманъ.

28